

ИСТОРИЯ СТРАНЫ

*в документах архивов
ФСБ России*

В.С. Христофоров

В.С. ХРИСТОФОРОВ

ИСТОРИЯ СТРАНЫ
в документах архивов
ФСБ России

Издательство
Главного архивного управления города Москвы
Москва
2013

ББК 63.3 (2) 6

X 93

Утверждено Редакционным советом
Главного архивного управления города Москвы
Председатель В.А. Манькин

X 93 **Христофоров В.С.** История страны в документах архивов
ФСБ России: Сборник статей и материалов. / В.С. Христофоров. – М.:
Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2013 – 960 с.

ISBN 978-5-7228-0226-2

В книге собраны статьи, выступления и интервью доктора юридиче-
ских наук генерал-лейтенанта Христофорова В.С., который более десяти
лет руководит Управлением регистрации и архивных фондов ФСБ России.
В основу публикуемых материалов положены документы из архивов органов
безопасности, затрагивающие широкий круг проблем отечественной исто-
рии. Книга предназначена читателям, интересующимся историей Отечества
и советских спецслужб.

ISBN 978-5-7228-0226-2

ББК 63.3 (2) 6

© Главное архивное управление города Москвы, 2013
© В.С. Христофоров, 2013
© Центральный архив ФСБ России, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I. <i>Из истории первых лет советской власти</i>	7
II. <i>Вопросы предвоенной истории</i>	153
III. <i>О Великой Отечественной войне</i>	303
IV. <i>О некоторых событиях 1950-1980 гг.</i>	595
V. <i>Проблемы реабилитации и рассекречивания</i>	813

Работа выполнена в Центре публикации источников
по истории России XX века Института российской истории
Российской академии наук

Рецензенты

член-корреспондент РАН Е.И. Пивоваров
доктор исторических наук А.А. Зданович

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга – это попытка рассмотреть некоторые вопросы российской истории XX века через призму документов архивов ФСБ России. Архивные материалы ФСБ России отличает безусловная ценность, потому что порой только в документах контрразведки, подготовленных для информирования руководства страны, содержится жесткая и объективная правда о произошедших событиях. Причем это касается самых разных аспектов политического, экономического и социального положения в стране.

Отбор материалов для книги проходил с учётом нескольких критериев. В первую очередь включались те материалы, которые могут представлять интерес для исследователей, поскольку и в докладах на конференциях, и в статьях вводились в научный оборот новые источники, рассекреченные архивные документы, до сего времени недоступные широкому кругу историков. Это обусловлено тем, что многие материалы не прошли процедуру рассекречивания и по-прежнему находятся на секретном хранении. Но даже будучи рассекреченными, они опубликованы в сборниках, которые вышли в свет очень малым тиражом, как правило, не более тысячи экземпляров. Чтобы войти в научный оборот в качестве полноценного исторического источника, для архивного документа этого, конечно, мало. Затрудняет исследование материалов спецслужб как закрытость самих ведомств, так и недостаточная разработанность научно-справочного аппарата их архивов.

Ещё одним критерием при отборе материалов для книги был общественный интерес к тем или иным проблемам истории. Такие ранее «закрытые» темы, как преследование инакомыслящих, «шпионские» скандалы, неоднозначные вопросы военной и дипломатической истории, политические репрессии, судьбы людей, следы которых теряются на Лубянке, всегда интересуют специалистов и читателей. В научной работе архива история политических репрессий занимает существенное место. Практически ежедневно приходится исследовать документы по этим проблемам, исполнять запросы социально-правового характера, изучать архивные

следственные дела, общаться с родственниками. Эта работа рассматривается архивистами ФСБ России как исполнение гражданского долга.

К числу проблем, которые неоднозначно интерпретируются исследователями, относится история Второй мировой и Великой Отечественной войн. Много сил и времени было затрачено мною на анализ чрезвычайных мер принудительного и мобилизационного характера, предпринимавшихся в первые месяцы 1941 г. Существенное место в исследованиях занимает деятельность органов военной контрразведки, разведывательно-диверсионных резидентур, заградительных отрядов, работа с военнопленными. Итогом изучения этих проблем стало издание монографий, сборников документов и научно-популярных книг. Закономерно, что теме войны в этой книге отведено особое место.

По личным мотивам в книгу включены материалы, связанные с другой войной – в Афганистане (1979–1989). Здесь был важен не только собственный военный опыт, но и многолетний интерес к этой удивительной стране, её языку, истории и культуре. Сегодня судьба Афганистана волнует политологов, историков, социологов и всех, кому не безразлично будущее этой страны, состояние её безопасности, межгосударственные отношения в центрально-азиатском регионе, особенно в связи с предстоящим выводом американских воинских контингентов.

В заключительном разделе книги публикуются интервью, в которых я старался отвечать журналистам подробно и совершенно искренне на вопросы, вызывающие общественный интерес. Порой журналисты обращаются по конкретному поводу, чаще всего в связи с юбилейной датой или появлением очередной «сенсации», и ставят наивные вопросы. Порой они же выступают не просто в качестве интервьюеров, а как коллеги, полноправные собеседники и аналитики. Каждый раз подготовка к интервью требует тщательного изучения большого массива архивных документов, но зачастую задают одни и те же вопросы, поэтому неизбежно приходится повторяться. Многое из сказанного и написанного, конечно же, не вошло в эту книгу. Остались за её рамками материалы, связанные с циклом «Документальная история» на телеканале «Культура» и сериалом «Тайны разведки», вышедшем на канале «Звезда», а также ряд публикаций в научных сборниках, журналах и др.

Научно-исследовательская работа архивистов ФСБ России продолжается. Готовятся к изданию новые монографии, сборники документов и материалов по самому широкому кругу вопросов истории нашей страны в содружестве с Центром публикации источников по истории России XX века Института российской истории Российской академии наук.

В заключение выражаю признательность сотрудникам ЦА ФСБ России и Института российской истории РАН, принимавшим участие в подборе источников и процессе подготовки публикаций. Искренняя благодарность рецензентам, высказавшим ценные советы и замечания.

РАЗДЕЛ I

*ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ЛЕТ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЧК–ГПУ

*Тезисы выступления на ежегодных исторических чтениях
в Государственном музее политической истории России:
Филиал «Гороховая-2»
г. Санкт-Петербург, 27 апреля 2009 г.*

После Октябрьской революции 1917 г. проведение радикальных политических и социально-экономических реформ, связанных с переделом собственности (национализация промышленности и банков, установление рабочего контроля на крупных промышленных предприятиях, передача земли крестьянам и т.п.) усилило политическую борьбу и сопротивление свергнутых классов. К декабрю 1917 г. обострение политического противостояния в России привело к массовому саботажу фабрикантов, заводчиков, старого чиновничества, банковских служащих, инженерно-технического персонала, открытым антисоветским выступлениям. В этих условиях для борьбы с саботажем и контрреволюционными проявлениями 7 (20) декабря 1917 г. постановлением Совнаркома РСФСР была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем (с августа 1918 г. – ВЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности). На Всероссийскую чрезвычайную комиссию, председателем которой стал Ф.Э. Дзержинский, возлагались задачи по пресечению и ликвидации контрреволюции и саботажа, предварительное расследование по этим делам и предание виновных суду Военно-революционного трибунала. В составе ВЧК было 3 отдела: информационный, организационный и борьбы с контрреволюцией и саботажем. Постепенно функции ВЧК расширялись: она стала вести борьбу со спекуляцией, злоупотреблениями по должности, а в январе 1918 г. СНК возложил на нее борьбу со всеми уголовными преступлениями.

Права, обязанности и задачи органов безопасности определились не сразу. Формирование компетенции ВЧК проходило постепенно и обуславливалось политической и военной обстановки, становлением и развитием советского государственного аппарата, формами классовой борьбы и соотношением классовых сил, деятельностью иностранных спецслужб и организаций. Правовую основу организации и деятельности ВЧК составляли законодательные акты высших органов государственной

власти и управления РСФСР – Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), Совета народных комиссаров (СНК) и Совета рабочих и крестьянской обороны (Совет обороны). Ряд нормативных актов, относящихся к деятельности ВЧК, принимались совместно ВЦИК и СНК.

ВЧК издавала ведомственные нормативные правовые акты: приказы, директивы, положения и инструкции. Они носили подзаконный характер, т.е. должны были соответствовать декретам и постановлениям ВЦИК, СНК и Совета обороны, и являлись обязательными для исполнения подчиненными органами и их сотрудниками. Положения и инструкции, как правило, вводились в действие приказами ВЧК. Посредством приказов председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии уведомлял сотрудников о нормативных актах других государственных органов, в частности о декретах ВЦИК и СНК, приказах Реввоенсовета Республики.

Формирование правовой базы деятельности ВЧК можно условно разделить на два этапа: первый – с декабря 1917 г. по октябрь 1918 г.; второй с октября 1918 г. по февраль 1922 г. На первом этап основными правовыми актами, регламентировавшими деятельность ВЧК, являлись постановления: СНК РСФСР: от 7(20) декабря 1917 г. об образовании ВЧК¹ и от 31 января (13 февраля) 1918 г. о точном разграничении функций существующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда².

Ввиду того, что Советская власть еще не упрочилась, положение о ВЧК не было детализировано и в нем давалось лишь общее указание о необходимости беспощадной борьбы. В постановлении о разграничении функций соответствующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда СНК уточнил полномочия ВЧК: работа по розыску, предупреждению и пресечению преступлений в сфере борьбы с контрреволюцией и саботажем. Ведение предварительного расследования и постановка дел на суд закреплялись за следственными комиссиями при революционных трибуналах.

Важной шагом в правовом регулировании деятельности ВЧК стали «Основные положения об организации чрезвычайных комиссий», принятые в июне 1918 г. 1-й Всероссийской конференцией чрезвычайных комиссий. Положения предусматривали образование органов борьбы с контрреволюцией в каждом областном и губернском центре, в уездных городах, на узловых железнодорожных станциях, в портах и в приграничных районах. Во главе комиссий стояли председатели, назначавшиеся местными советами. Чекисты обязаны были отчетываться перед исполкомами о проделанной работе. Главным руководящим органом для чрезвычайных комиссий на местах служила ВЧК. Устанавливался принцип строгой централизации и безусловного подчинения низших инстанций высшим.

На втором этапе (с октября 1918 г. по февраль 1922 г.) основным правовым актом стало положение о Всероссийской и местных чрезвычайных комиссиях, утвержденное ВЦИК 28 октября 1918 г.³.

Согласно положению, Всероссийская чрезвычайная комиссия являлась «центральной органом, объединяющим деятельность местных чрезвычайных комиссий и планомерно проводящим в жизнь непосредственную борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности на всей территории Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». В положении подтверждалось право ВЧК на применение внесудебных полномочий, в том числе и высшей меры наказания⁴.

Говоря о правовом регулировании деятельности ВЧК, следует отметить особую роль Коммунистической партии. Под непосредственным руководством ЦК РКП(б) велась подготовка и принятие декретов и постановлений, касавшихся деятельности ВЧК. С первых же месяцев существования ВЧК большевики беспрепятственно добивались принятия предлагаемых решений благодаря тому, что имели решающий перевес голосов во ВЦИК и СНК⁵. Необходимо отметить, что партийное руководство деятельностью ВЧК в первые полгода ее существования не было столь значительным. В то время ЦК РКП(б) и местные комитеты партии большевиков редко принимали решения, в которых были бы определены задачи ВЧК и местных ЧК, давались бы рекомендации об усовершенствовании организационной структуры, изменении полномочий. Почти все решения в отношении органов безопасности принимались СНК и местными Советами. Лишь после разгрома левозероковского мятежа 6–7 июля 1918 г. РКП(б) стала фактически руководящим органом для ВЧК. На местах деятельностью чрезвычайных комиссий руководили губернские, городские, уездные комитеты партии. В то же время партийные комитеты обязывали членов РКП(б) оказывать всемерную помощь ЧК и особым отделам, своевременно сообщать им обо всех контрреволюционных проявлениях⁶.

Партийное руководство советскими органами государственной безопасности осуществлялось через постановления, циркулярные письма и другие документы ЦК РКП(б), доводившиеся до личного состава комиссий приказами председателя ВЧК⁷. Для сотрудников ВЧК они становились предписаниями, обязательными для безусловного исполнения.

Разработка и принятие советского законодательства свидетельствовали о стремлении утвердить принцип законности в борьбе с классовыми врагами в деятельности ВЧК и ее органов. 27 октября (9 ноября) 1917 г. СНК принял декрет о печати⁸, предусматривавший запретительные меры для контрреволюционной прессы различных оттенков. Закрытию подлежали газеты, призывавшие к открытому сопротивлению или неповиновению Советскому правительству, сеявшие «смуту путем явно клеветнического извращения фактов», подстрекавшие к деяниям уголовного характера.

Несмотря на то, что главным назначением ВЧК являлась борьба с контрреволюцией, в нормативных правовых актах, принятых в 1917–1918 гг. содержание понятия «контрреволюция» не раскрывалось.

28 ноября (11 декабря) 1917 г. Совнарком объявил «партией врагов народа» конституционных демократов⁹. 3 декабря «Известия ЦИК» опубликовали резолюцию ВЦИК, в которой говорилось о необходимости «самой решительной борьбы с буржуазной контрреволюцией, возглавляемой кадетской партией»¹⁰.

В декабре 1917 г., после поражения большевиков на выборах в Учредительное собрание, возглавлявшийся ими ВЦИК причислил к лагерю замаскированной контрреволюции социалистические партии – меньшевиков и правых эсеров¹¹.

18 (31) января 1918 г. в связи с созывом Учредительного собрания и попытками антибольшевистских сил использовать его в целях свержения советской власти ВЦИК издал постановление «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти». Организация заговора и участие в организациях, ставящих своей целью свержение Советской власти, признавались тяжелым преступлением против революции. Политические деятели, партии, организации и движения, в тех или иных формах выступавшие против диктатуры пролетариата были причислены к стану контрреволюции, социальную базу которой составляли буржуазия, буржуазная интеллигенция, бывшие офицеры царской армии, часть духовенства, промышленники, помещики, кулаки, зажиточное крестьянство и т.д. Несмотря на многочисленные антибольшевистские заговоры и выступления, к их участникам применялись достаточно гуманные меры пресечения и наказания. Такое положение сложилось вследствие дооктябрьских представлений большевиков о кратковременном сопротивлении буржуазии, для подавления которого нет необходимости в суровых методах наказания: смертной казни и длительных тюремных сроках¹².

Однако вскоре все изменилось. Начавшееся в середине февраля 1918 г. германское наступление на Петроград создало чрезвычайную ситуацию. В связи с этим 21 февраля 1918 г. СНК утвердил декрет «Социалистическое Отечество в опасности!». На его основании ВЧК впервые получила право внесудебной расправы¹³.

Анализ нормативных правовых актов, регламентировавших деятельность ВЧК за 1918–1922 гг. показывает, что на отечественные органы безопасности возлагались задачи борьбы заговорами и мятежами, антисоветскими политическими партиями¹⁴, антисоветской и клеветнической агитацией и пропагандой¹⁵, предупреждение и подавление крестьянских волнений и бунтов¹⁶, забастовок на промышленных предприятиях, железнодорожном и водном транспорте¹⁷, т.е. с действиями, представлявшими наибольшую опасность для установленного в стране большевистского режима.

С февраля 1920 г. на первое место в деятельности ВЧК выдвинулась борьба с антисоветскими политическими партиями (кадетами, меньшевиками, правыми и левыми эсерами). Надзор за оппозиционными партиями

и влияние на них в направлении раскола были закреплены в ведомственных нормативных актах как основная задача органов борьбы с контрреволюцией¹⁸. В августе ВЧК приступила к точному учету всех членов антисоветских партий: эсеров (правых, левых и центра), меньшевиков, народных социалистов, объединенной еврейской социалистической партии, мелкобуржуазных народнических партий, евангелическо-христианских и толстовских обществ, анархисты всех направлений.

Особенностью работы советских правоохранительных органов в первые годы советской власти являлось отсутствие Уголовного и Уголовно-процессуального законов. Старый, дореволюционный Уголовный кодекс был отменен как «буржуазный». Декретами ВЦИК и СНК, постановлениями Совета обороны вводились новые правовые нормы, не всегда отвечавшие строгим юридическим канонам. Декреты и постановления ВЦИК и СНК часто содержали лишь перечень деяний, признаваемых преступными. Описание состава преступления во многих случаях отсутствовало. Уголовные нормы либо не имели четко сформулированных диспозиций, либо включали только диспозиции, но не содержали санкций, либо ограничивались указанием на ответственность по всей строгости революционных законов.

В связи с окончанием Гражданской войны пересмотру подверглись формы и методы деятельности советских органов безопасности, прежде всего, под сомнение было поставлено применение репрессий по классовому принципу. Это положение нашло отражение в приказе ВЧК «О карательной политике органов ЧК», подписанного Ф. Дзержинским 8 января 1921 г. «Старыми методами, массовыми арестами и репрессиями, вполне понятными в боевой обстановке, при изменившемся положении Чека будет только лить воду на контрреволюционную мельницу, увеличивая массу недовольных»¹⁹.

19 декабря 1921 г. принято согласованное с РКП(б), постановление Президиума ВЧК об административной высылке в отдаленные губернии членов ЦК РСДРП (меньшевиков) и других активных участников этой партии. Большевики в ответ начали борьбу с решениями о высылке. Арестованные лидеры меньшевиков объявили голодовку и выдвинули требования о своем освобождении или предании народному суду. 5 января 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) специальным решением потребовало от зампреда ВЧК И.С. Уншлихта срочно решить вопрос о высылке содержащихся в Бутырской тюрьме меньшевиков.

По решению 9-го съезда Советов декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Одним из положительных аспектов реформы органов безопасности являлась отмена внесудебных полномочий ВЧК.

9 марта 1922 г. постановлением Политбюро ЦК РКП(б) утверждено «Положение о Государственном Политическом Управлении». Основными задачами ГПУ являлись: предупреждение и подавление открытых контрре-

волюционных выступлений, как политических, так и экономических; борьба со всякого рода бандитскими и вооруженными восстаниями; раскрытие контрреволюционных организаций и лиц, деятельность которых направлена к подрыву хозяйственных органов Республики; выполнение специальных заданий ВЦИК и СНК по охране революционного порядка²⁰.

24 мая 1922 г. был принят первый Уголовный кодекс РСФСР. Его структура и основные положения спецификации преступлений были в основном заимствованы из уголовного права дореволюционной России. В то же время в него вошли три новых вида преступлений: контрреволюционные, хозяйственные и должностные. Это был шаг вперед на пути к ликвидации «правового вакуума», который образовался после отмены советской властью правовой системы, действовавшей в дореволюционной России. Как писал нарком юстиции Д.И. Курский «на месте сметенного в мусорную корзину истории буржуазного права, пролетариат стал строить новое здание революционного права и в первые же дни Советской власти заложил прочные и незыблемые основы, крепкий железобетонный фундамент для новой юридической науки»²¹.

Уголовный кодекс РСФСР, принятый в мае 1922 г., стал заметным событием в жизни страны. После пяти лет чрезвычайщины было положено начало формированию, пусть и основанному на классовых постулатах, правового пространства в стране, уголовные дела, связанные с контрреволюционными преступлениями, стали рассматриваться только в судах.

В целях осуществления надзора за законностью деятельности всех государственных органов, включая и ГПУ, на III сессии ВЦИК 28 мая 1922 г. было принято «Положение о прокурорском надзоре». В нем отмечалось, что «органы ГПУ, признавшие то или иное дело имеющим особо секретный характер, вправе требовать, чтобы ознакомление с делом проводилось непосредственно с прокурором»²². В том же году были созданы прокуратуры в РСФСР и других республиках²³.

В 1922 г. был принят и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, который в законодательном порядке установил общий процессуальный порядок. Так, в ст. 5 УПК РСФСР было записано, что «никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе, как в случаях, указанных в законе, и в порядке, законом определенном»²⁴.

Зимой 1921-1922 гг. стало заметным оживление общественных движений, прошли забастовки профессорско-преподавательского состава вузов. Ощущая угрозу, лидеры партии большевиков пришли к решению провести операцию по высылке интеллигенции.

10 мая 1922 г. И.С. Уншлихт направил в Секретариат ЦК РКП(б) записку, в которой предложил предоставить ГПУ права административной ссылки в определенные губернии сроком до 2-х лет за антисоветскую деятельность, причастность к шпионажу, бандитизм и контрреволюцию,

а также административной высылки из пределов РСФСР на срок до 2-х лет неблагонамеренных русских и иностранных граждан²⁵.

22 июня 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было одобрено решение о ссылке группы арестованных врачей в отдаленные голодающие губернии. Тогда же в превентивных целях в связи с процессом правых эсеров²⁶ решили ускорить работу по высылке меньшевиков и эсеров²⁷.

Ссылка в пределах территории РСФСР в основном ограничивалась высылкой «в административном порядке сроком на два года», «в провинцию» или «под гласный надзор ГПУ». После отбытия наказания ссыльному разрешалось самостоятельно выбрать место дальнейшего проживания, за исключением крупных городов и приграничных районов²⁸.

К лету 1922 г. внутривластная ситуация обострилась до предела. В стране свирепствовал голод, усилились антиправительственные выступления недовольного аграрной политикой крестьянства, прошел целый ряд забастовок профессуры и студенчества, требовавших автономии высших учебных заведений. Усилилась и борьба против бывших союзников по Октябрьской революции: процессы делам правых эсеров, меньшевиков, борьба с церковниками, связанная с подготовкой Поместного собора Русской Православной Церкви и т. п.

ЦК РКП(б) и СНК стали выражать обеспокоенность открытыми критическими высказываниями. В июне 1922 г. были закрыты многие некоммунистические журналы. Особый гнев Ленина вызвал «Экономист». В письме Дзержинскому от 19 мая 1922 года он назвал издание явным центром белогвардейцев, где почти все сотрудники «законнейшие кандидаты на высылку за границу»²⁹. Общим направлением политики правящей партии большевиков стало ужесточение отношения к критикам РКП(б) и советского правительства, высылка за границу наиболее видных идейных противников.

Намеченный курс был одобрен на XII партийной конференции, проходившей с 4 по 7 августа 1922 г. В резолюции конференции о политических партиях и течениях указывалось на необходимость использования в борьбе с антисоветской идеологией наряду с агитационно-пропагандистскими мерами надежного, проверенного военным коммунизмом способа: «Нельзя отказаться и от репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которой подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т.д. являются только пустым словом, политическим прикрытием»³⁰.

10 августа 1922 г. уже после окончания конференции (а одновременно с ней закончился и процесс над правыми эсерами) ВЦИК утвердил постановление «Об административной высылке». Рассмотрение вопросов

о высылке отдельных лиц было возложено на особую Комиссию при НКВД, действующую под председательством наркома внутренних дел и представителей от НКВД и НКЮ, утверждаемых Президиумом ВЦИК.

18 августа 1922 г. был издан приказ ГПУ, введивший в действие постановление ВЦИК о порядке административной высылки. В приказе отмечалось, что ВЦИК постановил «когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные местности РСФСР в административном порядке».

16 октября 1922 г. ВЦИК принял дополнение к постановлению об административной высылке, в п. 2, которого отмечалось, что особая комиссия при наркоме внутренних дел обладала правом высылать и заключать в лагеря принудительных работ на месте высылке на срок не свыше трех лет. Под действие этого пункта декрета подпадали: а) деятели антисоветских политических партий (ст. ст. 60, 61, 62 Уголовного Кодекса); б) лица, дважды судившихся за преступления, предусмотренные ст. ст. 76, 85, 93, 140, 170, 171, 176, 180, 182, 184, 189, 190, 191 и 220 Уголовного Кодекса»³¹.

17 октября 1922 г. был издан ГПУ о применении административной высылки к лицам «пробывание коих в данной местности (в пределах РСФСР) представляется по их деятельности, прошлому, связи с преступной средой с точки зрения охраны революционного порядка опасным». Приказ определял виды административной высылки: высылка из данной местности с воспрещением проживания в ней и других определенных пунктах РСФСР; высылка из данной местности в определенный район РСФСР; высылка за пределы РСФСР, т. е. за границу³².

В приказе ГПУ от 8 декабря 1922 г. о порядке административной высылки, разъяснялось, что высылке и заключению в лагерь могут подвергаться не только члены антисоветских организаций, но и другие лица, подозреваемые в совершении контрреволюционных деяний, предусмотренных ст. 57–63 УК РСФСР (государственные преступления) и ст. 213 УК РСФСР³³.

Правовое регулирование деятельности органов безопасности необходимо рассматривать в сочетании с их правоприменительной практикой. Своеобразной иллюстрацией правоприменительной практики органов ВЧК-ГПУ и ценным историческим источником могут служить архивное следственное дело по процессу «Всероссийского национального центра»³⁴ и архивное следственное дело в отношении известного историка и политического деятеля Сергея Мельгунова³⁵.

В первую русскую революцию С. Мельгунов вступил в партию кадетов. После февральской революции Временное правительство назначило Мельгунова ответственным за обследование и прием государственных архивов Министерства внутренних дел, Московской духовной консистории и Миссионерского совета. Это дало ему возможность начать издание серии «Материалы по истории общественного и революционного движения

в России». В 1918 году ему удалось выпустить первый и единственный сборник документов – «Большевики».

Октябрьская революция вызвала у Мельгунова протест. Поддержав образование Добровольческой армии, он стал одним из руководителей Союза возрождения России и, позднее, Тактического центра.

Первый раз ВЧК арестовала С. Мельгунова в ночь с 31 августа на 1 сентября 1918 г. Как отмечал в своих дневниках сам С. Мельгунов, в 1918 г. власть и интеллигенция еще не чувствовали того психологического водораздела, который появился позднее. Ф.Э. Дзержинский не забыл еще своего интеллигентского прошлого, а Мельгунов не видел в нем жандарма, который воспринял всю психологию полицейского сыска, пропитанного атмосферой, навыками и идеологией охранных отделений. Дзержинский лично встречался с арестованным Мельгуновым. После их длительной беседы Мельгунов был освобожден. После длительной беседы с председателем ВЧК Мельгунов был освобожден. Для этого потребовались поручительства представителей общественности, а, кроме того, двух коммунистов. В таком качестве выступили известный партийный деятель и врач Павел Дауге и ... сам Дзержинский. Об этом эпизоде в своих воспоминаниях Мельгунов писал: «Провожая меня в коридор, Дзержинский спросил: не поинтересуюсь ли я узнать, кто второй из коммунистов поручился за меня (полагалось два поручительства), и сказал: «я»! Последовала молчаливая сцена, так как я решительно не знал, что следовало сказать по этому поводу». Однако на свободе Мельгунов пробыл недолго.

5 октября 1918 г. последовал второй арест. С ходатайствами об освобождении С. Мельгунова сразу же выступили известные общественные и политические деятели: член редколлегии «Известий ЦИК» Платон Керженцев, нарком просвещения Анатолий Луначарский. 9 ноября 1918 г. по решению председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, Мельгунова освободили из-под стражи³⁶. 7 апреля 1919 г. его арестовали в очередной раз. Скорому освобождению С. Мельгунова (13 апреля) под подписку «об извещении ВЧК о каждом изменении своего жительства», способствовали ходатайства руководителя правительства Украины Христиана Раковского и управляющего делами СНК РСФСР Владимира Бонч-Бруевича.

Следующий арест последовал 10 февраля 1920 года, когда велось массовые задержания по делу Тактического центра. Мельгунова обвинили в участии и руководстве московской группой Союза возрождения. На этот раз с просьбой об его освобождении лично к Ленину обратилась младшая дочь Толстого Александра Львовна, но вскоре она сама была арестована. Ее обвинили в участии в организации заговорщиков, хотя известно, что она лишь предоставляла квартиру для совещаний тактического центра, в них не участвуя. К следствию подключился особоуполномоченный ВЧК Яков Агранов, имевший репутацию «специалиста по работе с интеллигенцией».

Агранов убеждал Мельгунова помочь «восстановить историческую правду», дать признательные показания, чтобы «придать этому делу правильное историческое освещение». Содержание Мельгунова под стражей растянулось на многие месяцы. Он был лишен книг и газет, карандашей и бумаги, что вызывало его резкий протест³⁷.

Добившись разрешения делать записи, Мельгунов начал вести тюремный дневник, который назвал «Последний год», в нем он фиксировал личные впечатления о положении российской интеллигенции, преследовавшейся ВЧК-ГПУ по политическим мотивам. В дневнике С. Мельгунов постоянно проводит параллели между новым, послереволюционным, и старым, царским, режимами. Он сравнивает Шлиссельбургскую крепость с Внутренней тюрьмой ВЧК, прежних тюремных надзирателей с латышскими стрелками, политических заключенных до революции и при большевиках. (Этот уникальный документ, сохранившийся в его следственном деле, ныне – при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) готовится к печати в Центральном архиве ФСБ России)³⁸.

3 июня 1922 г. во время процесса над правыми эсерами С. Мельгунова арестовали по обвинению «в сношениях с подпольными работниками – членами партии социал-революционеров». В защиту Мельгунова выступили историк и общественный деятель Емельян Ярославский и нарком внешней торговли Леонид Красин. Через два месяца Мельгунов был освобожден³⁹.

Постоянные аресты и содержание под стражей, регулярные обыски на квартире и изъятие исторических документов, начавшаяся кампания по высылке интеллигенции за пределы России подтолкнули Мельгунова к решению о выезде за границу. Осенью 1922 года ГПУ разрешило Мельгуновым выехать за пределы РСФСР. За 5 лет, проведенных в России при советской власти, Мельгунов пережил 23 обыска, пять арестов, полтора года тюрьмы, приговор к высшей мере наказания.

Принятием Декрета ВЦИК от 10 августа 1922 г. и других нормативных актов были нарушены важнейшие принципы уголовного и уголовно-процессуального права. ВЧК-ГПУ были наделены необычайно широкими полномочиями по осуществлению внесудебных действий: от взятия граждан в заложники, изолирования их в лагеря, административной высылки, а впоследствии принятия решений о расстрелах.

Право в данном случае служило средством узаконения внесудебного преследования политических противников, выступавших против советского государственного и общественного строя.

Формирование правовых основ деятельности ВЧК-ГПУ (права, обязанности, задачи и компетенция) происходили в условиях сложной политической и военной обстановки, становления и развития советского государственного аппарата, обострения классовой борьбы и передела собственности. Утверждения о всемогуществе ВЧК-ГПУ, стоявших якобы над

законом, не соответствует действительности. Являясь частью государственного аппарата, ВЧК-ГПУ выполняли возложенные на них задачи в соответствии с принятыми в 1917-1922 гг. нормативными правовыми актами.

¹ В постановлении СНК от 7(20) декабря 1917 г. говорилось: «Назвать комиссию – Всероссийской чрезвычайной комиссией при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем – и утвердить ее». См.: В.И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917–1922 гг.). – М., 1987. – С. 23–24.

² Там же. – С. 40.

³ Там же. – С. 87–88.

⁴ См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. – М., 1958. – С. 203.

⁵ См.: *Черемных В.М.* На защите завоеваний революции. Военно-организаторская деятельность ВЦИК в первые годы Советской власти. – М., 1988. – С. 44–45, 48–49.

⁶ См.: *Велидов А.С.* Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК (1917–1920). – М., 1967. – С. 90, 94–96.

⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 32. Л. 329–330, 354.

⁸ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. – С. 24–25.

⁹ Там же. С. 165–166.

¹⁰ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – М., 1974. Т. 35. – С. 138.

¹¹ См.: Декреты Советской власти. – М., 1957. Т. 1. – С. 276–278.

¹² См.: *Ратковский И.С.* Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. – СПб., 2006. – С. 11.

¹³ См.: Архив ВЧК: Сборник документов. – М.: Кучково поле, 2007. – С. 56.

¹⁴ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 2. Л. 42, 62, 74, 118; Д. 6. Л. 109, 187–190, 279, 333–336, 371; Д. 32. Л. 35, 119–120.

¹⁵ Там же. Д. 6. Л. 109.

¹⁶ Там же. Д. 2. Л. 79; Д. 6. Л. 114; Д. 32. Л. 73–77.

¹⁷ Там же. Д. 6. Л. 332.

¹⁸ Там же. Д. 6. Л. 331–333.

¹⁹ См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии (1917–1921 гг.): Сборник документов. – М., 1958. – С. 417–421.

²⁰ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1 т. Д. 2. Л. 86–88.

²¹ См.: *Курский Д.И.* Избранные речи и статьи. – М., 1958. – С. 83.

²² См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922 г. № 36. Ст. 424.

²³ Согласно ст. 63 Конституции СССР 1924 г. обязанность осуществления прокурорского надзора за законностью действий ОГПУ была возложена на прокурора Верховного суда Союза ССР.

²⁴ См.: Сборник законов СССР. 1926. № 32. Ст. 213.

²⁵ Цит. по «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1930 г.: Документы. – М., 2008. – С. 7.

²⁶ Процесс над правыми эсерами проходил в Москве 8 июня – 7 августа 1922 г. В качестве обвиняемых по делу были привлечены 34 человека. Верховный трибунал приговорил 12 человек к высшей мере наказания. Президиум ВЦИК, утвердив приговор, постановил привести его в исполнение в том случае, если партия правых эсеров не откажется от методов вооруженной борьбы против Советской власти.

²⁷ См.: «Очистим Россию надолго...»... – С. 8.

²⁸ См.: там же. – С. 10.

²⁹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. – М., 1974. Т. 54. – С. 266.

³⁰ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1983. Т. 2. – С. 593.

³¹ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922 г. № 65. Ст. 844.

³² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 49. Л. 272–275.

³³ Там же. Д. 49. Л. 370.

³⁴ Архивное следственное дело № Н-206 (в 34 тт.) включает в себя материалы, посвященные ликвидации чекистами в 1920 г. «Всероссийского национального центра». В деле содержатся следственные материалы, изъятая личная переписка обвиняемых и т.п. Кроме того, в деле отложились некоторые документы по административной высылке интеллигенции. В частности, имеются материалы о высылке из России в 1922 г. проходивших по делу «Национального центра» Н.А. Бердяева, С.П. Мельгунова, Н.Д. Кондратьева, В.А. Мякотина и др.

³⁵ Мельгунов Сергей Петрович (1879-1956), историк, публицист. Редактор журнала «Голос минувшего» (1913-23). В 1917 член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, редактор газеты «Народный социалист», участник антибольшевистских нелегальных организаций. С 1922 г. в эмиграции. В 1923-28 издавал журнал «На чужой стороне» («Голос минувшего на чужой стороне»). Труды по истории церкви, русской общественной мысли и революционного движения, русского студенчества; «Воспоминания и дневники» (вып. 1–2, Париж, 1964). Реабилитирован Генеральной прокуратурой Российской Федерации 18 ноября 1992 г.

³⁶ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-206. Л. 254, 264.

³⁷ Там же. Л. 179–190.

³⁸ Христофоров В.С. Из тюремного дневника С.П. Мельгунова. 1920 г. // Новая и новейшая история. 2007. № 4. –С. 106–117; Во имя «правильного исторического освещения». Из тюремных записок С. Мельгунова // Звезда. 2008. № 6. – С. 135–151.

³⁹ Об аресте С.П. Мельгунова в 1922 г. см: С.П. Мельгунов – пассажир «философского парохода». Предисл. В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. 2003. № 2. – С. 119–140.

СУДЬБЫ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЕВРОПЕ

*Тезисы выступления на Хансеновских чтениях
г. Санкт-Петербург, 2007 г.*

В конце 90-х гг. прошлого столетия Управление регистрации и архивных фондов (УРАФ) ФСБ России приступило к работе по выявлению и отбору документов, связанных с русской военной эмиграцией, которая оказалась на чужбине после поражения белогвардейских армий на полях гражданской войны в России. В дальнейшем привлечение специалистов из Службы внешней разведки Российской Федерации, где имеется самостоятельный архив, а также научных сотрудников Института военной истории Министерства обороны России позволило расширить работу, а для полноты исследований организовать дополнительные поиски исторических источников в Архиве внешней политики МИД России, Государственном архиве Российской Федерации и Российском государственном военном архиве, где, в частности, имеются коллекции документов по российской эмиграции, вывезенные в свое время при помощи советских спецслужб в ходе и после Великой Отечественной войны.

В условиях новой, демократической России стало возможным шире и глубже посмотреть на проблемы, связанные с отечественной историей XX в., в том числе на судьбы и роль наших соотечественников, которые волею обстоятельств Гражданской войны и последовавшего противостояния различных общественных систем мирового сообщества, оказались заложниками борьбы политических режимов. Вопрос о том, поддерживать белых или красных, всегда был одним из главных в думах и поступках наших соотечественников за рубежом. Эти процессы с самого исхода граждан бывшей Российской империи удалось проследить и по содержанию тех документов, которые вошли в сборник «Русская военная эмиграция»¹ в 4-х томах, охвативший события 1919–1924 гг. В планах творческого коллектива намечено провести выявление документов, их научное опубликование и комментирование до 1940-х гг.

Все вышесказанное свидетельствует об актуальности избранной темы и в рамках моего доклада позволяет еще раз подчеркнуть очевидный факт, что введение в научный оборот такого документального пласта из закры-

тых ранее архивных фондов позволяет по-новому взглянуть на исторические события прошлого века и вообще на историю нашего отечества. Новизна подобных исследований очевидна, и мы вместе со своими коллегами намерены их продолжать.

О характере использованных документов о судьбах русской военной эмиграции можно судить по информации, которую они содержат, исходя из специфики деятельности спецслужб советской России, в результате которой для истории были сохранены конкретные документы и факты, проливающие свет по теме нашего исследования. В своем докладе я ограничусь событиями за 1919–1924 гг., так как обобщение материалов последующих лет в рамках подготовки указанного выше сборника продолжается. При участии специалистов ФСБ о российской эмиграции до этого было немало публикаций, в частности, о Б.В. Савинкове², В.В. Шульгине³, А.П. Кутепове и других (операции «Синдикат» и «Трест»), о высылке интеллигенции из советской России в 1920-х гг.⁴ и других, но предметом моего исследования и исследования моих коллег в настоящее время выделяется проблема именно военной эмиграции как силы, вокруг которой велись политические игры и практические действия Германии, Японии и других держав по использованию ее в противоборстве с советской Россией.

В научный оборот вводятся документы Особого отдела (военной контрразведки), Иностранного (ИНО) и контрразведывательного (КРО) отделов ВЧК-ОГПУ. Уже в декабре 1919 г. на I съезде особых отделов было принято решение «обратить внимание Управления особых отделов на необходимость организации заграничной агентуры, как в местностях, занятых Белыми армиями, так и в некоторых центрах Западной Европы, ибо руководство всей внутренней контрреволюции идет из-за границы, где белогвардейские центры, не подвергаясь никаким опасностям, ведут свою работу непрерывно и систематически»⁵. Этим направлением занималось Иностранное отделение, которое через год стало самостоятельным отделом ВЧК-ОГПУ. ИНО совместно с КРО стали проводить операции по внедрению своих сотрудников в иностранные разведки и зарубежные антисоветские центры, в том числе и военной эмиграции, выявлять планы и замыслы противника, пресекать подрывные, террористические и иные акции на советской территории.

Выявленные в ходе исследований документы указанных подразделений ВЧК-ОГПУ свидетельствуют, что информация в центр поступала своевременно и о всех процессах, происходящих в эмиграции и вокруг неё, органы госбезопасности знали практически всё. В самом начале исследований коллектив сборника опубликовал документы о положении белогвардейских сил, еще находившихся на территории России, а также и за рубежом, до наступления советских войск на Крым, которые охватывают период января-сентября 1920 г. Следует отметить, что русскую военную эмиграцию вначале составляли бывшие военнослужащие Императорской старой русской армии, которые оказались за рубежом в период 1917–1919 гг.

после двух революций в России. В их числе личный состав русского оккупационного корпуса и русской военной миссии во Франции, офицеры и солдаты переставших существовать Северного и Северо-западного фронтов, осевшие в приграничных с Россией западных странах, другие ушли на Дальний Восток, в Среднюю Азию, на Кавказ и в Крым. Наиболее мощный исход военной эмиграции состоялся после разгрома армий Юденича, Колчака и Деникина. На крымском направлении положение Белой армии пришлось спасать генералу Врангелю. В конце июля и начале августа 1920 г. из Особого отдела ВЧК Кавказского фронта была получена информация из Севастополя и Крыма о тактике генерала Врангеля и его политике на Украине, об организации врангелевской разведки и разведывательно-диверсионной деятельности его контрразведки, о положении в этих регионах, а также о состоянии русской армии⁶.

Следующая группа документов отражает события, связанные с «крымской трагедией» армии Врангеля осенью 1920 г. Из Крыма шла информация в Особый отдел ВЧК из фронтовых подразделений о противнике. В конце октября в Москве в Особый отдел уже поступали сведения об организации и работе врангелевских спецслужб на территории полуострова Крым, Украины и на Дону⁷. Выявленные документы этого времени свидетельствуют об эвакуации врангелевских войск и некоторой части гражданского населения на кораблях в Константинополь. В этом отношении интересны документы Особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов об обстановке в Северной Таврии и отступлении белогвардейской русской армии в Крым от 19 ноября 1920 г.⁸; о положении в Симферополе после занятия города Красной армией от 12 ноября 1920 г.⁹. Дополняет картину событий разведывательная сводка полевого штаба Красной армии об отступлении армии Врангеля и результатах её эвакуации, выявленная в Госархиве Российской Федерации, составленная не ранее 15 ноября 1920 г.¹⁰.

Отдельную группу составляют документы, освещающие деятельность чрезвычайных комиссий в Севастополе, Крыму и Северной Таврии в ноябре–декабре 1920 г.; о мероприятиях по выявлению контрреволюционеров и белых офицеров, о розыске врангелевских офицеров и солдат, покинувших свои части в ходе боев, оставшихся в Крыму и разбегавшихся через перешейки вглубь Украины, России и на Кавказ, военнопленных и задержанных врангелевцев, проходивших проверку («филтрацию») в указанное выше время при 1-м крымском особом пункте Особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов¹¹.

Следует отметить документы, отложившиеся в фондах Российского государственного военного архива, о попытках командования 6-й армии Южного фронта А.И. Корка и Г.Л. Пятакова ходатайствовать перед Реввоенсоветом Республики «о помиловании всего командного состава» остатков армии Врангеля и ответ председателя РВСР Л.Д. Троцкого от 22 ноября 1920 г. командующему Южного фронта М.В. Фрунзе, что следует опера-

тивным путем распространять слухи, что «ликвидация отменена или перенесена на другой срок»². В результате таких указаний, как видно из доклада начальника особотделения 9-й стрелковой дивизии П. Зотова в Особый отдел Южного и Юго-Западного фронта В.Н. Манцева от 8 декабря 1920 г., из 1 тысячи 100 задержанных в Феодосии белогвардейцев 1 тысяча 6 человек были расстреляны¹³.

Как известно, основную помощь личному составу врангелевской армии и беженцам оказывали представители Франции, как при эвакуации, так и размещении их в Турции в военных и беженских лагерях. Части разбитой армии были переформированы и разбиты на 3 корпуса на Галлипольском полуострове, на острове Лемносе и в районе Чатаджи в 50 км от Константинополя, а корабли русского Черноморского флота отправлены к берегам Туниса на французскую военно-морскую базу в Бизерту. Группа документов о судьбе русского флота из коллекции Российского Государственного военного архива опубликована в 1 томе упомянутого сборника «Русская военная эмиграция»⁴.

Тяжелые условия существования, тоска по Родине, призрачность перспектив относительно будущего порождали среди военной эмиграции и других беженцев мысли и практические шаги к возвращению. К весне 1921 г. эти настроения наших соотечественников послужили поводом для турецких властей отправить в советскую Россию судно «Рашид-паша», которое имело на борту более 3-х тысяч бывших военнослужащих врангелевской армии. Затем такие факты реэвакуации повторились, но советские власти оказались к этому не готовы. На телеграмме из Новороссийска об отправке судна «Рашид-паша» в Севастополь завуправделами ОО ВЧК Г.Г. Ягода написал: «Срочно запросить – выгрузились ли, если нет – то куда отправлены»⁵. Как выяснилось, пароход прибыл в Одессу. По получении сообщения по радио о высадке в этом порту второго парохода «Кизил-Ермак» 5 апреля 1921 г. командующий войсками Украины и Крыма М.В. Фрунзе сообщил в РВСР и НКВД РСФСР, что принятие очередной партии в количестве 2700 человек нецелесообразно по политическим и техническим причинам. Он просил направить этот пароход в Новороссийск и «в случае продолжения наплыва их» выработать план приема резмигрантов⁶.

В связи с этими фактами 5 апреля 1921 г. ЦК РКП(б) принимает постановление о недопущении в РСФСР врангелевцев, и эта задача была поручена Ф.Э. Дзержинскому¹⁷. Уже 13 апреля от председателя Всеукраинской ЧК В.Н. Манцева поступила телеграмма, что в ходе фильтрации были задержаны 40 человек, среди которых оказалось несколько агентов белогвардейской контрразведки, обнаружены шифры, явки и пироксилиновые шашки¹⁸. Несмотря на непоследовательные и строгие меры советских властей в отношении русских военных эмигрантов процесс их возвращения не прекратился. В ряде стран, где размещались русские эмигранты в конце 1921 г., стали создаваться «Союзы возвращения на родину» («Совнарод»), которые вели агитацию среди казаков, солдат и офицеров врангелевской армии.

Выдающимся достижением ВЧК, руководители которой уловили благоприятную ситуацию для проникновения в эмигрантские центры и осуществления мероприятий по разложению и снижению антисоветской активности военной эмиграции, стала операция по возвращению в РСФСР легендарного генерала А.Я. Слещова и разделявших его взгляды генералов и офицеров из Константинополя. Было известно, что некоторые представители иностранных держав, в отличие от Врангеля, делали на него ставку как на возможного организатора вторжения белогвардейских сил во главе десанта на Кавказе или в Крыму против советской России. Будучи патриотом России, генерал не посчитал возможным взять на себя такую роль в интересах иностранных государств, заинтересованных в расчленении страны и завладении её национальными богатствами.

21 ноября 1921 г. А.Я. Слещов с женой, генерал-майором А.С. Мильковским, полковником Э.П. Гильбахом и М.В. Мезерничким, капитаном В.Н. Войнаховским и прислугой на итальянском пароходе прибыли в Севастополь, а затем и в Москву. Интерес для историков представляют ответы генерала и его спутников из числа военных на заданные 10–13 ноября 1921 г. в ВЧК вопросы¹⁹. Они подробно рассказали о положении врангелевских войск, намерении иностранных держав в использовании их против России, дали правдивые оценки способностей и меткие характеристики личных качеств Врангеля, Шкуро, Краснова и других военных. В качестве причины своего возвращения А.Я. Слещов назвал желание работать на свой народ. Одновременно он заявил: «Не будучи сам не только коммунистом, но даже не социалистом, отношусь к соввласти, как к лицам, представляющим мою Родину, как к лицам, представляющим интересы народа, потому что побеждают все нарождающиеся против них движения и, следовательно, удовлетворяют идеям большинства. Как военный ни в одной партии не состою, но служу своему народу и с чистым сердцем подчиняюсь выдвинутому им правительству»²⁰. В таком же духе служения Отечеству сделали свои заявления соратники генерала.

Советское правительство, реагируя на настроения этих и других наших соотечественников, в соответствии с Постановлением Президиума ВЦИК РСФСР от 3 ноября 1921 г. к 4-й годовщине Октябрьской революции отдельным категориям военнотружущих Белых Армий, национальных и других формирований (Савинков, Петлюра, Бей-Булак-Балахович и др.) из числа казаков и рядовых солдат, втянутых обманом в борьбу против Советов, была предоставлена амнистия и право возвращаться в качестве военнопленных. Во исполнение постановления ВЦИК в ВЧК были подготовлены почтотелеграммы местным ЧК 10 февраля 1922 г. и приказ от того же числа с разъяснениями о порядке применения амнистии, распространив законодательный акт на бывших белых офицеров и военных чиновников, которые были осуждены и находились в заключении. На сотрудников белогвардейских карательных органов, следственных комиссий и карательных отрядов амнистия

не распространялась, а в отношении остальных предусматривалось сокращение сроков заключения осужденных, прекращение дел и освобождение под подписку. С особого учета эти граждане не снимались²¹.

Нахождение в Турции русской армии, имевшей значительные вооружения, все больше становилось предметом интересов некоторых европейских столиц, а у политической эмиграции возникли намерения по созданию в эмиграции «законной» российской власти, строились планы по будущему переустройству России. Между тем, к декабрю 1921 г. из Галлиполи и с острова Лемнос многие русские военные, казаки и беженцы перемещались в Болгарию, Сербию, Югославию, Польшу и прибалтийские страны. Штаб Врангеля и его западные покровители считали, что разведывательно-диверсионные акции и интервенцию легче будет осуществить с территории европейских стран.

ВЧК-ОГПУ через возможности Иностранного отдела тщательно отслеживало все действия врангелевского штаба, об этом свидетельствуют сводки: о разведывательной деятельности руководителя особого отдела штаба Врангеля В.Г. Орлова от 1 февраля 1922 г.; о численности русской армии в Болгарии, Сербии, Галлиполи и Константинополе от 12 февраля 1922 г.; о вооружении этой армии от 12 февраля 1922 г.; о состоянии русского военного флота и мерах по его реорганизации от 11 февраля 1922 г.; о снабжении армии вооружением, военной техникой, медимуществом и подготовке кадров из числа специалистов и инструкторов от 12 февраля 1922 г.; о настроениях в среде русских беженцев и офицерских союзах от 5 марта 1922 г.; о докладе в штаб Главнокомандующего Русской армией об организации разведки в Крыму и на Кавказе от 14 марта 1922 г.; о проверке состояния русской эскадры в Бизерте и перспективах ее использования для десантных операций в районах Одессы и Новороссийска от 24 марта 1922 г. и др.²²

Из берлинской почты ИНО, полученной 3 апреля 1922 г., на стол руководителей КРО была доставлена обширная сводка с подробной информацией о кадровых переменах в армии Врангеля, о настроениях барона относительно ускорения военных действий в России, которые, по его мнению, будут неосуществимы из-за «все больше и больше возрастающего желания среди беженцев возвратиться обратно в Россию», о брожениях в его армии, о попытках переброски казаков на Дальний Восток, о переговорах с Петлюрой, о русских белогвардейцах в Латвии, об эмигрантах на Балканах, о соглашении промышленника Путилова с германскими предпринимателями о совместной эксплуатации его заводов в России и другим вопросам²³. Такого рода подробные сводки о военной эмиграции и других русских эмигрантских кругах поступали в Москву регулярно, что свидетельствовало о наличии сильных позиций советской разведки в разрабатываемой среде на данном направлении оперативной работы.

Документы ВЧК-ОГПУ, выявленные в Центральном архиве ФСБ России, содержат данные о результатах деятельности выдающегося норвежско-

го ученого и общественного деятеля Фритьофа Нансена, который, будучи Верховным комиссаром Лиги Наций по делам военнопленных, приложил немало усилий по улучшению жизни наших соотечественников, в том числе и из числа русской военной эмиграции, содействию их возвращению на Родину. По его инициативе беженцы получали временные паспорта, что облегчало их существование и выбор своей судьбы.

Анализ документов позволяет выделить среди них наиболее интересные и важные по освещению обстановки в военной эмиграции. Например, Инструкция ГПУ полномочному представителю по Юго-Востоку России «о порядке репатриации казаков и бывших врангелевцев», которая 2 октября 1922 г. была утверждена Президиумом ВЦИК²⁴; телеграммы уполномоченного НКВД РСФСР в Новороссийске в НКВД от 12, 26 и 27 октября 1922 г.²⁵ с просьбой сообщить содержание соглашения с Ф. Нансеном, о выдаче его представителям удостоверений на право сопровождения транспортов с репатрируемыми, а также относительно отзыва в Москву начальника отделения Центроэвака; сопроводительное письмо Г.В. Чичерина И.С. Уншлихту от 21 июля 1923 г.²⁶; об изложении беседы с заместителем Верховного Комиссара Лиги Наций Фриком по вопросам репатриации; сообщение от 25 июня 1923 г. о репатриации Миссией Российского Красного Креста из Марселя в Советскую Россию первой партии русских военнопленных и эмигрантов²⁷; текст временного устава «Союза за возвращение на Родину» (июнь 1922 г.)²⁸; письмо представителя Ф. Нансена А. Симонетта в Черноморское ОКРО ГПУ от 16 января 1923 г.; а также документы о прибытии врангелевцев из Болгарии на пароходе «Варна» в Новороссийск и другие документы за январь–март 1923 г.; по отправке и сопровождению реэмигрантов из этой страны, включая обращение группы генералов и офицеров с призывом возвращаться в РСФСР²⁹; обмен письмами Г.В. Чичерина и И.С. Уншлихта от 2 и 6 июня 1923 г. о положении с репатриацией казаков из Болгарии³⁰.

В Центральном архиве ФСБ России хранится телеграмма Ф. Нансена в НКВД от 11 сентября 1923 г. о согласии болгарского правительства принять представителей Советского Красного Креста для урегулирования репатриации после арестов болгарской полицией членов «Союза возвращения на Родину». Несмотря на договоренности, полицейские погромы и аресты в Болгарии продолжались и в конце 1923 г.³¹ В архиве имеются также документы 1924 г. о фильтрации репатриантов, прибывших из Турции на пароходах «Эттеhad» и «Албано»³².

Следует отметить, что выявление документов, которые раскрывают положение эмигрантов за рубежом, их возвращение на Родину, проведение их фильтрации в СССР, препятствия, с которыми они столкнулись в процессе реэмиграции, позволяет историкам по-новому взглянуть на переломные годы в истории нашего Отечества.

¹ См.: Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Документы и материалы: В 3 т. – М., 1998–2002.

² Борис Савинков на Лубянке : Документы. – М., 2001. 576 с.

³ В.В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия: Новые документы из архива ФСБ / Предисл., вступ. ст., коммент. А.В. Репникова, В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. 2003. № 4. – С. 64–111; *Репников В., Христофоров В.С.* Неизвестный Шульгин // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. – Воронеж, 2004. Ч. 1. – С. 218–237; Из архивного следственного дела № Р-48956 в отношении Шульгина Василия Витальевича / Публ. и коммент. А.В. Репникова, В.С. Христофорова // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. – Воронеж, 2004. Ч. 3. – С. 162–182; *Репников А.В., Христофоров С.* «Октябрьскую революцию я встретил враждебно...» : Документы из следственного дела В.В. Шульгина // Постигая историю...: Сборник научных статей – Пенза, 2006. – С. 159–171.

⁴ Высылка вместо расстрела : Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. – М., 2005. 544 с.

⁵ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 1 ос. Оп. 3. Д. 12. Л. 214.

⁶ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 643. Л. 6–7, 12–21, 69, 809 об.

⁷ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 283. Л. 216–217 об.

⁸ См.: Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1627. Л. 13–13 об.

⁹ См.: Там же. Л. 6–7 об.

¹⁰ См.: Русская военная эмиграция... Т. 1. С. 222–224. Датируется по тексту документа.

¹¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1624. Л. 12; Д. 1626. Л. 3–3 об, 4, 7; Д. 1627. Л. 3–5 об, 9, 11–12; Д. 1628, Л. 5–5 об; Д. 1630. Л. 1; Д. 1631. Л. 3.

¹² См.: Русская военная эмиграция ... Т. 1. С. 202, 203, 217.

¹³ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1626. Л. 1–2.

¹⁴ См.: Русская военная эмиграция ... Т. 1. С. 261, 263–265, 267–300, 303–316.

¹⁵ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 454. Л. 11–13.

¹⁶ См.: Там же. Л. 15.

¹⁷ См.: Там же. Л. 14.

¹⁸ См.: Там же. Д. 122. Л. 33.

¹⁹ См.: Там же. Д. 144. Л. 95–98, 104, 124, 133–138.

²⁰ См.: Там же. Л. 95.

²¹ См.: Там же. Д. 454. Л. 39. Ф. 2. Оп. 3.; Д. 673. Л. 10.

²² См.: Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 578. Л. 7; Д. 583. Л. 22, 23, 27, 30–33, 166–172.

²³ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 3. Д. 436. Л. 32–41 об.

²⁴ См.: Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 161. Л. 14.

²⁵ См.: Там же. Д. 202. Л. 12, 15, 18.

²⁶ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 209. Л. 28–31.

²⁷ См.: Там же. Л. 14–15.

²⁸ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 582. Л. 1–8.

²⁹ См.: Там же. Д. 563. Л. 126–130, 247–248; Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 5, 8; Ф. 2. Оп. 2. Д. 582. Л. 17–18 об, 24.

³⁰ См.: Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 209. Л. 8, 9.

³¹ См.: Там же. Л. 54, 62–64; Ф. 2. Оп. 1. Д. 312. Л. 279–279 об.

³² См.: Там же. Фонд ЛД. Арх. № 214. Л. 123–130, 418–421.

БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЛАТВИИ

*Тезисы выступления на научном colloquium
«Отношения Советского Союза и Латвии в межвоенный период.
1918–1939 гг.» в рамках заседания
Российско-латвийской комиссии историков
г. Рига, 25–27 ноября 2012 г.*

Революция 1917-го года, последовавшая за ней Гражданская война, непримиримое отношение власти большевиков к инакомыслию вынудили сотни тысяч наших соотечественников искать пристанище за границей. Многочисленные диаспоры русских эмигрантов в 1920-е годы сложились в Латвии, Литве, Эстонии, Польше, Германии, Турции, Чехословакии, Болгарии, Королевстве Сербов и Хорватов, Финляндии и др.

В Центральном архиве ФСБ хранятся документы, содержащие информацию о белой эмиграции в Латвии в 1920-е годы. Такие документы готовились в основном в Иностранном отделе ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР (сообщения, обзоры, докладные записки, справки). В них содержатся обобщенные сведения ее целях и задачах белой эмиграции, основных направлениях ее деятельности, количественном и качественном составе, связях ее представителей с центрами русской эмиграции в Париже, Берлине и других городах Европы, сведения биографического характера на руководителей и членов эмигрантских организаций и групп, а также оценочные суждения состояния белой эмиграции, высказанные правительственными учреждениями Латвии, различными слоями эмигрантов. Кроме того, информация о белой эмиграции в Латвии содержится и в документах контрразведывательных подразделений ОГПУ, полномочных представительств ОГПУ в Ленинградском военном округе и Западной Белоруссии.

По содержанию архивные документы можно условно разделить на несколько групп: документы, содержавшие общие сведения о белой эмиграции в Латвии; об организациях монархических; бывших белых офицеров; эсеров и последователей Б. Савинкова («савинковцев»).

Причинами эмиграции, как известно, было принятие революции, гражданская война, преследование инакомыслящих и др. Осенью 1922 года по решению руководителей РКП(б) и советского правительства проведена крупная и политически рискованная акция – из страны была депортирована большая группа известных деятелей русской науки и культуры, получив-

шая в публицистике постсоветского периода не совсем точное название «философский пароход».

7 сентября 1922 года в ГПУ была подготовлена докладная записка о высылаемой из республики за границу интеллигенции. В документе сообщалось о количестве лиц, которых предполагалось выслать за границу (228 человек, из них 32 студента), а также о предполагаемых маршрутах высылки. Первым пунктом, который должна проследовать первая партия высылаемых по т.н. «Московскому списку» на пути в Германию, была Рига. «Интеллигенция, высылаемая из Москвы, разделена на 2 партии: в 1-ю партию отправляется 23 семьи, около 70 человек. На них представлены в НКВД все соответствующие документы, как-то: анкеты, удостоверения и фотографические карточки. 1-ю партию полагал бы направить через Ригу (Москва–Рига), так как Латвийская и Эстонская миссии транзитную визу дают с удовольствием, после того, как будет конечная германская виза на паспорте». Так Рига стала первой географической точкой, куда прибыла в конце сентября 1922 года первая партия высланных из советской России.

Через столицу Латвии проследовали многие известные русские общественных и политические деятели, такие, например, как член партии народных социалистов, публицист В.А. Мякотин; член партии народных социалистов, бывший министр продовольствия Временного правительства А.В. Пешехонов; видный член партии социалистов-революционеров И.Ю. Бакал, член партии меньшевиков М.Д. Шишкин; член партии социалистов-революционеров, бывший секретарь А.Ф. Керенского, социолог П.А. Сорокин и начальник Политуправления при Военной комиссии Временного правительства, философ Ф.А. Степун. Миновали Ригу видные кооператоры: комиссар Временного правительства по Новгородской губернии А.А. Булатов; член Всероссийского закупочного союза сельскохозяйственной кооперации Н.И. Любимов; председатель Центрального товарищества пловодов и огородников И.П. Матвеев; член правления Всероссийского сельскохозяйственного союза, активист кооперативного движения А.И. Сигирский. Некоторые из высланных остались на жительство в Прибалтике.

Первой газетой русского зарубежья, сообщившей о прибытии из советской России «эмигрантов поневоле», была рижская газета «Сегодня». 26 сентября 1922 года в заметке «Высланные большевиками Пешехонов, Мякотин и др. в Риге» говорилось: «Вчера в Ригу прибыла из Сов[етской] России первая партия высылаемых большевиками интеллигентов – в составе 10 человек (с семьями – 25). В числе прибывших находятся бывший министр земледелия Временного правительства – Пешехонов, Мякотин, Питирим Сорокин и кооператоры – Булатов, Любимов, Матвеев, Сигирский, Бакал и Шишкин. Часть высылаемых уже сегодня направляется дальше в Берлин. Высланные кооператоры были подвергнуты аресту непосредственно перед высылкой».

Этой же тематике значительное внимание уделяла другая газета – «Рижский курьер», которая на следующий день поместила две заметки. В первой – «Ложь как средство», газета осудила политику большевиков: «В стране оппозиция растет, ибо в ней все еще имеются сознательные и смелые люди, которые осмеливаются разоблачать ложь и напоминая о фактах. И вот, Зиновьевым объявлена борьба этим людям. Интеллигенцию бросают в тюрьмы, ссылают на север, куда царские министры не додумались ссылать, наконец, изгоняют из пределов России. Пешехонов, Мякотин и др. изгнанники, опасные советскому правительству только образом своих мыслей, уже в Риге и следуют далее на Запад. Это небывалое даже в истории страданий русской интеллигенции явление красноречиво доказывает, что на внутреннем фронте большевиков далеко не спокойно. Там великодержавие красных сатрапов находится на краю гибели и никакой террор и задушение свободной мысли не может остановить роста здоровых начал новой русской жизни».

Во второй заметке было подробно рассказано о количестве выслаемых помещено интервью с Питиримом Сорокиным, который проанализировал существующее внутривластное положение в России и высказал свое мнение о причинах высылки Советской властью инакомыслящей интеллигенции: «Вчера гостиница “Парк” сделалась местом паломничества рижских и заграничных корреспондентов. В этой гостинице остановилась группа ученых и кооператоров, высланных административным порядком из России. В числе прибывших находятся: Пешехонов, бывш[ий] министр земледелия при Временном правительстве, Питирим Сорокин, Мякотин и кооператоры Булатов, Любимов, Матвеев, Сигирский, Бакал и Шишкин. Из бесед с некоторыми из указанных лиц выяснилось, что советское прав[ительств]о предполагает выслать около 300 человек. В настоящее время из Москвы высылается приблизительно 80 человек, а из Петрограда – 40. Выслаемые, главным образом, профессора.

О причинах высылки профессор Сорокин говорил: “Мы не совершили никакого преступления и не нарушили ни одного закона. Мы излагали в своих лекциях истины и касались вопросов, которые считали научными; они, конечно, расходились со взглядами власти. Мы печатали статьи и книги, разрешенные цензурой (много книг осталось в наборе и не допущено к печатанию), но опять-таки радикально расходившиеся с идеологией власть имущих. Административное выселение применяется к видным ученым, к общественным деятелям и кооператорам, т.е. ко всем тем, которые, по мнению большевиков, способствуют развитию и укреплению буржуазной идеологии у нэпманов, прочую братию высылают кого в Нарым, кого в Сибирь или другие пустынные края. Меньшевиков и эсеров, большею частью, высылают внутрь страны. Часть прибывших уезжает в Германию и Чехо-Словакию; кооператоры останутся временно в Латвии

или в Эстонии. В России уезжающих провожали цветами и подношениями. Очень отзывчиво отнеслись к ним и в Латвии»».

Говоря о материалах ЦА ФСБ России о деятельности эмигрантских организаций на территории Латвии, следует отметить, что в них содержатся сведения о том, что «объединение русских в Латвии восходит еще к заключительному этапу существования Российского государства. 9 апреля 1917 г. в Риге был создан Национально-демократический союз русских граждан, возглавляемый присяжным поверенным А.С. Бочаговым. Пройдя период митингов и деклараций, пережив приход в Ригу немцев, а потом большевиков, союз возобновил свою деятельность в июне 1919 г. Он объединял все существовавшие тогда русские организации, от религиозных до спортивных. Первое время союз занимался улаживанием местных проблем, вызванных оккупацией и большевистским правлением. По духу и направлению – это шовинистический союз с налетом демократичности, но с большой долей черносотенства и антисемитизма»¹. В 1920 г. летом при нем был образован Особый комитет по делам русских эмигрантов, имевший своей целью оказание юридической и материальной помощи приезжим эмигрантам и представительство последних перед властями. При комитете существовало Бюро труда для поиска работы безработным эмигрантам и переписочное бюро. При Национальном демократическом союзе функционировал благотворительный Дамский комитет, а с 1921 г. – Комитет помощи голодающим во главе с архиепископом Иоанном. Национальный демократический союз был переименован в «Русский национальный союз», образовался центр примкнувших к нему организаций под общим названием «Русское национальное объединение». В это объединение кроме Союза вошли все православные приходы, Союз русских учителей, общество русских врачей, Русский клуб, Благотворительное общество, кредитные товарищества и студенческие русские организации.

7 декабря 1920 г. в ИНО ВЧК поступило сообщение, что «последние вести с фронта создали паническое состояние в белых кругах. Многие ищут предусмотрительно латышского, польского и других подданств. Предусматривается возможность полной ликвидации белых представительств, ввиду полного отсутствия средств. Решено заблаговременно создать русский «общественный комитет», который в случае необходимости будет являться организацией защиты русских, не признающих советскую власть»².

26 сентября 1923 г. из Риги сообщили: «В Париже в августе состоялось совещание русских общественных и политических деятелей совместно с советом послов и военными кругами. На совещании решено созвать съезд уполномоченных эмиграции для выбора Русского центрального комитета, который должен координировать все действия эмиграции. Главная задача РЦК доказать В[еликому] К[нязю] Николаю Николаевичу, что вся объединенная русская эмиграция, совместно с русским народом, желает видеть

его вождем нового движения. Все участники совещания признали диктатуру Николая Николаевича, не предвещая вопроса о дальнейшем образе правления. Русскому центральному комитету подчиняется военцентр, находящийся в Париже, в помещении посольства. Руководители военной работы: в Польше – Перемыкин, в Латвии – Макаров. При военцентре имеется террористическая боевая дружина, активный руководитель которой – капитан Глухарев. В Латвию от этой дружины должен быть послан некий Арсеньев, но латыши не дают визы»³.

12 июля 1924 г. источник из Риги проинформировал: «Говоря о жизни русской эмиграции в Латвии, следует отметить следующее: 1) отсутствие массовых политических или культурных организаций, 2) личные дрязги и раздоры весьма грязного пошиба, наполняющие деятельность общества, 3) отсутствие русских честных общественных деятелей»⁴. По сообщению ИНО ОГПУ, в конце января и первой половине февраля 1924 г. «велись и были закончены переговоры между Б. Савинковым и штабом Николая Николаевича относительно координации деятельности и об использовании связи Савинкова и Советской России. Савинков от признания какой-либо программы уклонился, а также отказался от подчинения Николаю Николаевичу, но дал обещание, что в деле борьбы с большевиками будет работать в контакте со всеми организациями, объединившимися вокруг Николая Николаевича. [...] В настоящее время происходит вербовка людей, исключительно бывших военных и студентов, желающих отправиться на ту сторону небольшими отрядами от 5 до 20 чел. Этими же лицами в Латвии закупается оружие, револьверы системы Браунинг и Маузер. Зарегистрировано 73 человека, желающих отправиться на ту сторону»⁵.

В докладе ИНО ОГПУ от 2 апреля 1929 г. указано: «Русская эмиграция в Латвии состоит преимущественно из бывших офицеров белых армий и сконцентрирована, главным образом, в городах Риге, Двинске и Режице, где официально существует целый ряд эмигрантских организаций, которые по своему положению созданы для обслуживания нужд эмигрантов и их защиты, на самом деле служат прикрытием и используются политическими партиями и группировками, ведущими активную работу против советского правительства. Таких организаций и объединений или их представителей на территории Латвии имеется значительное количество. Причем, деятельность некоторых из них простирается вплоть до организации террористических и диверсионных актов на территории Союза путем нелегальной переброски через границу своих членов с соответствующими заданиями»⁶.

13 июня 1929 г. в ИНО ОГПУ поступают сведения, что в течение последних месяцев в Латвии проявляют оживленную деятельность т.н. «латвийские роялисты». Работа этой организации пока выражается лишь в пропаганде идей монархизма, выдвигаемого как наиболее подходящего строя для Латвии. В этой организации работают некоторые бывшие члены наци-

онального клуба, а в частности, А. Либерт, Б. Подиный и др. Организация устраивает собрания, издает брошюры и завязывает связи с родственными ей организациями за границей. Наиболее серьезными в ОГПУ считали то обстоятельство, что «роялисты» пытаются установить связь с местными русскими монархистами – эмигрантами. В первых числах апреля 1937 г. бывший активный член «Братства русской правды» в Латвии барон Клейст предложил известному в Риге белогвардейскому деятелю Столыгво создать антисоветскую организацию. «Клейст заявил Столыгво, что если организация будет работоспособной, в средствах недостатка не будет, т.к. руководителем этой организации является аккредитованный в Риге японский военный атташе – майор Макото Онодера, а он, Клейст, является только посредником». В ОГПУ полагали, что «в связи с раскрытием шпионских организаций на Дальнем Востоке, японцы намерены перенести центр шпионажа против СССР с Востока на запад. Предполагается усилить шпионскую деятельность с территорий балтийских государств – Латвии, Эстонии, Финляндии, причем центром должна стать Рига»⁷.

Деятельность монархических организаций в Латвии наиболее ярко представлена в сообщении от 8 января 1923 г., в котором говорится: «Главой конституционно-монархической группы, с резиденцией в Париже, является Кирилл Владимирович. С ним согласны работать правые кадеты, средствами снабжает Америка, содействие оказывает Франция – взорвать советскую Россию изнутри и в нужный момент призвать на помощь русскую рать, которая группируется под руководством Врангеля и Бермондта-Авалова при иностранной поддержке. Бермонт-Авалов тоже временно занял выжидательное положение, и его агенты в последнее время разъезжают по Латвии, обращая внимание на настроение эмиграции. По поведению Бермондта можно понять, что в случае выступления монархистов, они сметут прибалтийские государства для завоевания военной базы. В связи с создавшимся политическим положением в Латвии, возможно формирование русских отрядов под видом особых рот»⁸.

Также сообщалось, что в Либаве имеется монархическая организация «Черный орел», во главе – генерал Гонфер. «Организация состоит из 120 членов, бывших кадров офицеров. Цель организации такова: объединившись с Германией, Польшей, Литвой и Финляндией, при поддержке Америки, Франции и Англии – свергнуть свою власть, произвести поголовное избиение евреев, и с этой целью направить удар на Россию. Отделение организации имеется в Риге. Работа проводится преимущественно подпольная. Организация обладает большими денежными средствами. "Чёрный орёл" в войсках свил себе прочное гнездо. В войсках ведется усиленная пропаганда (подпольная) против коммунистов и имеет большие успехи. По имеющимся сведениям, предполагается объединить все русское офицерство в латвийской армии в тесную организацию, возможно, что даже под

легальным именем. Монархическая организация "Черный орёл" находится в Либаве и Риге»⁹.

11 января 1924 г. в ИНО ОГПУ получено новое сообщение: «В связи с возникшими за последнее время предложениями о признании советской России Англией и Италией Великий князь Николай Николаевич готовит меморандум. Для этой цели везде на местах, особенно в Прибалтике и Польше, производятся приготовления нужных материалов. [...] В целях дискредитации Советской власти штаб Николая Николаевича во главе с генералом Волошиным занят сейчас организацией актов и выступлений внутри СССР. Создав какие-нибудь беспорядки, или хотя бы мелкие недоразумения, они надеются подорвать у иностранцев доверие к силе Советской власти. С этой целью в прибалтийские государства и Польшу дана директива о подготовке крушений советских поездов прямого следования. С этой целью находящемуся в Режице известному полковнику Данилову прислано 250 английских фунтов для организации нападения»¹⁰.

15 сентября 1924 г. в ИНО ОГПУ поступили сведения о деятельности монархической организации Кирилла Владимировича: «Организация, по проверяющимся сведениям, насчитывает в Риге 752 члена. Организация построена по системе пятерок. Каждая пятерка получает номер, соответствующий номеру серии денег, выпущенных правительством Юденича. Во главе организации – председателем ее стоит Фехнер Ф.Ю.»¹¹.

11 марта 1925 г. в сводке ИНО отмечалось, что «по словам полковника Данилова, все монархические организации совместно с другими государствами к весне с.г. готовятся к выступлению. Как только начнется выступление, так все русские, находящиеся в настоящее время на военной службе в Латвии и подлежащие мобилизации, будут выделены в особые полки и отряды под командованием русских командиров, которые займут отдельный боевой участок. Снабжение, обмундирование и боевые припасы получают от Латвии. Инициатива командования указанными выше силами будет возложена на Главнокомандующего Латвией и при возникновении военных действий все эмигранты, находящиеся в Эстонии или Литве, должны немедленно прибыть в Латвию и поступить в ряды Русской армии. К этим сведениям Псковгуботдел ОГПУ относится с недоверием: или дезинформация, или измышление сотрудника»¹².

30 мая 1925 г. в ОГПУ зафиксировали, что «по имеющимся сведениям, почти вся русская эмиграция примкнула к монархической партии и разбилась на две ветви: первая, более многочисленная – сторонники Николая Николаевича во главе с генералом Кутеповым, советом послов в Париже и Высшим Монархическим советом в Берлине, а вторая, меньшая – сторонники Кирилла Владимировича, состоит, главным образом, из молодежи во главе с бывшим полковником конногвардейского полка Бискупским. В настоящее время идет организационная работа по слиянию обеих

партий в одну, под главенством Николая Николаевича. Мотив к этому не идейный, а материальный: целый ряд лиц жертвуют монархической организации огромные суммы денег, но с условием объединения партий под верховным главенством Николая Николаевича [...]. Число монархистов активных и сочувствующих в Риге достигает до 12 тысяч 777 человек. Судя по обстановке, в которой находятся эмигранты, и проводимым по заданиям Покровского с Даниловым, ясно отмечается контактность их работы с разведывательными органами Латвии»¹³. А 2 апреля 1929 г. в сводке ИНО говорилось, что «в г. Режице существует довольно значительная монархическая группировка, связанная с аналогичными организациями в Риге и Двинске, в частности, с бывшим князем Ливеном и другими. Руководителями являются бывший полковник М.А. Афанасьев и бывший полковник А. Данилов. Они еще раньше подготавливали террористические выступления против советских представителей, за что были одно время арестованы латвийскими властями. В настоящее время ведут организационную работу среди местных русских монархистов для целей борьбы с советским правительством. Данилов ранее был непосредственно связан с весьма активным монархическим деятелем в Латвии И.Д. Покровским, высланным из пределов Латвии»¹⁴.

Еще одна группа документов ЦА ФСБ России свидетельствует о деятельности в Риге савинковцев. В материалах 1923 г. отмечалось, что «в субботу, 24 марта, при соблюдении строгой конспирации, состоялось в Риге собрание делегатов савинковской офицерской организации. Явились представители от всех районов: Красная Двина, Торенсберг, московская часть, Гагенсбург, Шрейнебуш и четыре внутренних района. Присутствовало всего 27 активных членов и 3 сочувствующих. На собрании обсуждались вопросы о состоянии латвийской армии, как возможной опоры в случае восстания, вопросы финансирования, положения в организации. Вообще же из дебатов видно было, что положение в организации неважное и что нет никакого успеха. Было якобы обусловлено, что организация будет пользоваться золотом, вывезенным из России и находящемся в Англии, но пока из этого ничего не выходит. Было принято решение, в случае войны отправиться всем в Польшу. Было указано, что в Латвии формироваться невозможно ввиду недоверчивого отношения населения»¹⁵.

В сообщении из Риги от 29 марта 1923 г. отмечалось, что «савинковцы считают, что в их вселатвийской организации вместе с сочувствовавшими находится около 15 тысяч членов. Главное руководство находится в руках Михаила Смирнова, капитана артиллерийской бригады, служившего у Деникина, Врангеля, в армии Балашова»¹⁶.

28 июня 1923 г. поступили сведения, что в Риге состоялся съезд савинковской организации от прибалтийских республик и Польши, который продолжался 12 дней. «Насколько в настоящее время стало известно, в порядке дня съезда находились следующие пункты: 1) отчет парижского

центра организации, 2) отчеты местных организаций, 3) подготовка вооруженного выступления в России, 4) организационный вопрос, 5) разные текущие вопросы и прочее. По пункту докладов с мест, между прочим, постановлено произвести чистку организаций, т.к. наблюдается неправильный прием в члены организаций, что повлекло за собой провокацию и аресты. По вопросу о вооруженном выступлении в России решено организовать такое восстание в апреле 1924 г. По этому вопросу делал доклад приехавший из России уполномоченный организации бывший генерал Александров. Александров будто бы вообще выражал неудовольствие состоянием дел в организации, находя, что организация вообще проявила мало инициативы и деятельности, что много истрачено денег и т.д.»¹⁷.

12 июля 1923 г. от источника в Риге пришло сообщение, что «1 июля состоялось большое собрание членов рижской савинковской организации в местечке Огер. «На собрании присутствовало всего около 28 человек. Порядок дня собрания состоял из одного главного пункта – доклада о положении в России в связи с вопросом о возможном перевороте. Докладчик сообщил, что от великого князя Николая Николаевича получена телеграмма о подготовке к выступлению уже осенью текущего года, но петроградская организация высказалась за более поздний срок выступления, а потому придется этот вопрос еще перерешать на другом дальнейшем собрании. Во время прений большинство ораторов высказалось против выступления текущей осенью, находя, что будет преждевременно. Особенно один латвийский военный, одетый в штатском, подчеркнул, что не надо торопиться, а лучше выступить тогда, когда все подготовлено. Он подчеркнул, что на латвийскую армию нельзя положиться. Латышский солдат несет службу молча, но он недоволен и в случае войны при удобной обстановке будет переходить на сторону красных. Статистика показала, что только 20% латвийской армии является вполне надежной»¹⁸.

В белоэмигрантском движении в Латвии были представлены и бывшие офицеры белой армии, сведения о деятельности которых также имеются в ЦА ФСБ России. Однако если сравнивать с той активной деятельностью, которую белые офицеры вели во Франции, Болгарии, Турции, то можно сказать, что в Латвии они были менее заметны. В частности, об этом убедительно свидетельствуют документы, опубликованные в сборнике «Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX века»¹⁹.

Тем не менее, нужно сказать, например, о сообщении от 24 октября 1923 года, в котором говорится: «В Риге существует организация бывших русских офицеров, которая ставит своей целью сгруппировать вокруг себя всех бывших офицеров белых армий, согласных подчиниться Врангелю. Председатель этой организации демобилизован-

ный полковник латвийской армии Шредер. Пока организация находится в организационной стадии и существует на частные пожертвования... Из Ставки Врангеля получают директивы организационного характера. Приблизительно месяц тому назад была получена инструкция от моботдела штаба Врангеля, из которой требуется составить списки всех бывших офицеров, согласных подчиниться Врангелю. Составленные списки предложено отправить в моботдел штаба Врангеля через полковника Калино (Ковно). ...Получен приказ Великого князя Александра Михайловича, который просит верных ему воинов потерпеть еще немного, т.к. недалек тот день, когда русская армия войдет в Москву под старыми знаменами. Между прочим, в этом приказе говорится, что в Красной коннице сейчас ведется усиленная агитация со стороны монархистов. В первых числах октября рижская организация собрала 50 000 лат. руб. и выхлопотала документы в Париж для крестьянской делегации.

Кроме рижской организации бывших русских офицеров, на территории Латвии существует такого же типа организация бывших офицеров Юденича в Двинске. Часть из них находится в рядах латвийской армии. Двинская организация возглавляется подпоручиком Хребтовым, секретарь – Фролов. Группа Двинской организации более левого толка возглавляется полковником Кауитиным – находится в Люцине. По инициативе руководства рижской организации ведутся переговоры с двинской и люцинской организациями относительно объединения этих организаций в одно целое. Предварительные переговоры привели к положительным результатам, и 23 октября на квартире Лохвинга состоится первое общее собрание»²⁰.

И наконец, несколько слов о документах, содержащих сведения о деятельности в Латвии эсеров. В конце 1921 г. источник в Латвии информировал Иностраннный отдел ВЧК, что «Партия русских социалистов-революционеров в Латвии существует. Группа включает в себя всего лишь несколько человек. Политического значения группа эта не имеет, и иметь не может, так как члены ее – рядовые работники. Местная эсеровская организация не является ни многолюдной, ни мощной. Она – передаточная инстанция, задача местных эсеров сводится к информированию заграничной группы о положении движения в Совроссии, положении коммунистов и т.д., с одной стороны, а с другой, к пересылке информационного и агитационного материала в Россию»²¹.

Подводя итог, следует отметить, что документы ЦА ФСБ России являются ранее неизвестными или недоступными историческими источниками. Их изучение и введение в научный оборот позволит лучше понять проблемы белой эмиграции в Латвии, ее цели, задачи, основные

направления деятельности, социальный и национальный состав, а также взаимоотношения с общественными и государственными организациями как в Латвии, так и в других странах.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 317. Л. 251.

² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 323. Л. 82.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 362. Л. 35 об.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 317. Л. 251.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 318. Л. 131–134.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 296. Л. 64–65 об.

⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1141. Л. 61.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 362. Л. 66–67.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. оп. 1. д. 457. л. 11–11 об.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 318. Л. 6.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 324. Л. 20.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 261. Л. 285.

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 261. Л. 366–367

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2, оп. 7. Д. 296. Л. 64–65

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 362. Л. 15–16 об.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 362. Л. 17.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. д. 457. Л. 39.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 457. Л. 70–70 об.

¹⁹ «Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века». : Документы и материалы – Т. 1–5. – М., 2000–2010.

²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Оп. 1. Д. 362. Л. 41–42.

²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 275. Л. 6.

«ОЧИСТИМ РОССИЮ НАДОЛГО...» РЕПРЕССИИ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ В 1922–1923 ГГ.

*Вступительная статья
к сборнику документов¹*

Операция по насильственной высылке за рубеж и ссылке в отдаленные районы страны инакомыслящих деятелей науки и культуры – одно из знаковых событий, предопределивших советскую историю. Исследования и публикации последнего пятнадцатилетия внесли заметный вклад в раскрытие правды о том, что в действительности произошло в 1922 – начале 1923 гг.² Предлагаемый сборник документов – итог многолетней работы по изучению этих трагических событий. Впервые в одном томе собраны основные источники по теме (в том числе все сохранившиеся списки подлежащих депортации), впервые опубликован полный список репрессированных в ходе операции по высылке. Более 270 представителей интеллектуальной элиты страны стали в это время жертвами репрессивной политики большевиков, причём 81 из них навсегда покинули родину.

До 1922 г. отечественная история не знала примеров массовой насильственной высылки интеллигентов за рубеж. В самом деле, трудно представить, чтобы власть – даже власть деспотичная – не нуждалась в интеллектуалах, знания и опыт которых обыкновенно представляют для нее большую ценность, нежели их скрытое несогласие с господствующей политикой. К несчастью, воззрения Ленина и других руководителей большевиков на НЭП и будущий облик страны Советов подразумевали тотальный контроль со стороны коммунистической партии и её вождей за всеми сферами общественно-политической и духовной жизни страны, и новое государство «всеобщего равенства» отторгало не только публичную, но и внутреннюю свободу личности. Гражданская война, военный коммунизм поставили экономику страны на грань краха. Начались массовые выступления крестьян (антоновщина), под антикоммунистическими лозунгами восстал прежде твердый оплот большевиков Кронштадт. Разрешив рыночные отношения и капиталистическую собственность, большевистские руководители прекрасно понимали, что оживление частной инициативы неминуемо вызовет

всплеск политических требований свободы. А это прямая угроза их власти. Поэтому вынужденное временное отступление в экономике Ленин и поддержавшие его вожди большевиков сопроводили политикой «закручивания гаек», беспощадным подавлением любых оппозиционных выступлений. Яркое выражение такой политики – показательный судебный процесс большевиков над вчерашней союзницей – партией социалистов-революционеров, наступление на противостоявшую доктрине коммунизма Церковь, серия мероприятий по искоренению общественного движения и инакомыслия в стране, составной частью которой стала операция по высылке интеллигенции.

Идея проведения этой акции начала вызревать у лидеров большевиков еще зимой 1921–1922 г.г., когда они столкнулись с забастовками профессорско-преподавательского состава вузов и оживлением общественного движения в интеллигентской среде. В статье «О значении воинствующего материализма», законченной 12 марта 1922 г., Ленин открыто поставил задачу высылки представителей интеллектуальной элиты страны.

19 мая того же года вождь большевиков направил секретное письмо Ф.Э. Держинскому с изложением инструкции по подготовке к высылке «контрреволюционных» писателей и профессоров. Он предложил собрать по этому поводу совещание руководящих работников и чекистов, обязать всех членов Политбюро ЦК РКП(б) по 2–3 часа в день уделять просмотру книг и периодики с выступлениями инакомыслящих авторов, собирать сведения об их «политической физиономии».

21 мая Ленин получил письмо от наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, жаловавшегося на итоги 2-го Всероссийского съезда врачебных секций Всероссийского медико-санитарного общества и предлагавшего с помощью ГПУ «изъять» руководителей оппозиционного съезда и некоторых местных врачебных обществ. На этом письме Ленин наложил следующую резолюцию: «Товарищу Сталину. Я думаю, надо строго секретно (не размножая) показать это и Держинскому, и всем членам политбюро и вынести директиву: «Поручается Держинскому (ГПУ) при помощи Семашко выработать план мер и доложить политбюро».

Политбюро 24 мая и 8 июня поддержало предложения Ленина: ГПУ было поручено составить список подлежащих «изъятию» врачей, ВЦИК предлагалось издать постановление об образовании при НКВД особого совещания для рассмотрения вопросов административной высылки; при Политбюро создана комиссия в составе Л.Б. Каменева, Д.И. Курского и И.С. Уншлихта для «окончательного рассмотрения списка подлежащих высылке верхушек враждебных интеллигентских группировок». Одновременно в целях «фильтрации студенчества» и «ограничения приема студентов непролетарского происхождения» образовали специальную комиссию по обеспечению порядка в вузах, наметили меры по запрету съездов общественных организаций, закрытию неудобных средств массовой информации и укреплению органов политической цензуры (вскоре сформировали Главлит и Главрепертком).

Основную работу по подготовке к высылке возложили на ГПУ. Как справедливо пишет А.А. Литвин, «аппарат ГПУ, как и ВЧК, в 1922 г. обладал массовой осведомительной сетью, секретной агентурой и штатными агентами. Осведомители формировались из патриотов по месту их работы; сексоты из членов антибольшевистских партий, бывших офицеров, специалистов и использовались при разработке лиц, групп, организаций, подозреваемых в «антисоветской» деятельности; штатная агентура выполняла функции филеров»³.

Еще в мае 1921 г. в целях выявления инакомыслящих в важнейших государственных учреждениях страны, в том числе в наркоматах и университетах, были созданы «Бюро содействия» работе ВЧК. Поступавшие из «Бюро» информационные материалы концентрировались в Секретном отделе ВЧК-ГПУ, на который и была возложена непосредственная подготовка мероприятий по высылке интеллигенции (несколько позднее на базе 4-го отделения Секретного отдела в центральном аппарате ГПУ создали специальное «Особое бюро по административной высылке антисоветской интеллигенции», аналогичные бюро появились в аппаратах полномочных представительств и губотделов ГПУ).

В первых числах февраля 1922 г. в 25 губернских городах на имя начальников губЧК поступила телеграмма, в которой сообщалось о назначении в Москве на 1 марта конференции представителей губЧК. На конференцию приглашались начальники секретно-оперативных частей губЧК «при условии, ежели они состоят на этих должностях не менее трех месяцев». В повестку дня был включен широкий круг вопросов борьбы с политическими и идейными противниками советской власти⁴. 10 мая 1922 г. Уншлихт направил в секретариат ЦК РКП(б) записку, в которой предложил дополнить недавно утвержденное Положение о ГПУ, предоставив ему права: «а) административной ссылки в определенные губернии сроком до 2-х лет за антисоветскую деятельность, причастность к шпионажу, бандитизм и контрреволюцию; б) административной высылки из пределов РСФСР на срок до 2-х лет неблагонамеренных русских и иностранных граждан». Предлагалось также, чтобы эти дополнения были опубликованы от имени Президиума ВЦИК, «дабы высылка за границу гарантировала бы нас от самовольного возвращения высласемого. НКЮ должен одновременно с постановлением ВЦИК внести в уголовное уложение статьи о наказаниях за самовольный въезд в Россию. Полагаю до 2-х лет тюрьмы за нелегальный въезд, а если он имел целью явно контрреволюционные цели – вплоть до высшей меры наказания»⁵.

С целью составления и уточнения списков инакомыслящих чекисты начали опрашивать руководителей наркоматов, секретарей партийных ячеек вузов и других научных учреждений, партийных литераторов об известных им представителях «антисоветской интеллигенции».

По совету Ленина к работе по составлению характеристик на высылаемых привлекли «партийных интеллектуалов» М.Н. Покровского, Н.А. Семашко, П.А. Богданова, Ю.М. Стеклова, И.И. Ионова, П.И. Лебедева-Полянского, В.Н. Яковлеву, Л.М. Хинчука, С.П. Середу, А.И. Муралова и др.

Первыми за границу в начале июня 1922 г. с разрешения советского руководства выпустили находившихся до того в ссылке известных общественных деятелей, бывших активных членов Всероссийского комитета помощи голодающим С.Н. Прокоповича и Е.Д. Кускову. 22 июня на Политбюро была одобрена ссылка группы арестованных врачей в отдаленные голодающие губернии. Тогда же в превентивных целях в связи с процессом правых эсеров решили ускорить подготовительную работу по организации высылки меньшевиков и эсеров. Выполняя это постановление Политбюро, ГПУ с 27 июня по 5 июля произвело массовые аресты среди меньшевиков. В ходе операции планировалось задержать 72 человек, арестовали – 35, всех арестованных этапировали в Ярославский политизолятор⁶. 3 июня арестовали (в пятый раз при Советской власти!) одного из руководителей партии народных социалистов С.П. Мельгунова. 13 июля был выписан ордер на арест и обыск члена ЦК партии левых эсеров И.Ю. Баккала, но его в этот момент не оказалось дома. 28 июля, прямо на улице, задержали бывшего лидера Трудовой народно-социалистической партии А.В. Пешехонова.

В конце июля, вслед за продолжавшимися «изъятиями» оппозиционных врачей, начались аресты ученых Московского археологического института (профессора Н.А. Цветков, Н.М. Коробков и В.М. Бардыгин).

16 июля Ленин из подмосковных Горок в специальном письме Сталину выразил обеспокоенность затяжкой высылки инакомыслящих интеллигентов, т.к. «эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас». «Комиссия ... должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно, – требовал Ленин. – Очистим Россию надолго». К подлежащим обязательной высылке известным меньшевикам, эсерам и энесам Ленин причислил видного меньшевика, историка Н.А. Рожкова: «надо его выслать, не исправим».

20 июля Политбюро заслушало доклад Уншлихта «О ходе подготовки к высылке интеллигенции» и рассмотрело первый список высылаемых. Работу комиссии по высылке партийные вожди оценили как неудовлетворительную, обязав ее в недельный срок подготовить «новый, строго обоснованный список». Через день, 22 июля, Уншлихт проинформировал Политбюро о том, что «... заинтересованным кругам белой эмиграции стало известно о предполагающихся в Советской России репрессиях против анти-советской интеллигенции». В этой связи чекистский руководитель предлагал поспешить с намеченной операцией.

27 июля Политбюро вернулось к вопросу о высылке деятелей интеллигенции, поручив комиссии Каменева, Курского и Уншлихта продумать «техническое осуществление предписанных Политбюро мер». Это было важное

поручение, поскольку срок проведения операции увязывался с результатами предстоящей XII Всероссийской конференции РКП(б) и итогами процесса над правыми эсерами. Списки антисоветской интеллигенции Москвы и Петрограда и освящавший их протокол заседания Комиссии Политбюро Сталин и Зиновьев получили из ГПУ буквально накануне открытия партийной конференции. На следующий день, 4 августа Зиновьев выступил на высшем партийном форуме с докладом о внутривнутриполитической ситуации и задачах коммунистической партии, в котором громко заявил об особой опасности в условиях НЭПа враждебных идеологических течений и праве большевиков применять репрессии к внутренним оппонентам инакомыслящим.

Символичное совпадение: обсуждение членами Политбюро приговора по делу правых эсеров (состоялось 8 августа) фактически сопровождалось рассмотрением Комиссией Украинского списка (9 августа), утверждением Московского и Петроградского списков высылаемых, решениями о высылке «контрреволюционного студенчества» и высылке за границу грузинских меньшевиков (10 августа). Направляя Сталину украинский список, Уншлихт информировал, что «операции начнутся с 16 августа». Но еще до назначенного срока арестовали заместителя декана историко-филологического факультета Казанского университета И.А. Стратонова, защитника на процессе правых эсеров Н.К. Муравьева. В случае с последним не обошлось без курьеза. Предупрежденный кем-то из знакомых о том, что на его квартире засада, он сам пришел на Лубянку. О неожиданном визитере доложили Дзержинскому, и тот написал в Контрразведывательный отдел следующую записку: «...Н.К. Муравьев пришел сам справиться. У него на кв[артире], как говорит, засада. Надо или задержать его, если есть на то основания достаточно веские, или освободить. Пожалуйста, наведите справку возможно быстрее...».

Основную операцию ГПУ провело в ночные часы с 16 по 18 августа, когда в Москве, Петрограде и некоторых других крупных городах России и Украины (операция на Украине прошла в ночь с 17 на 18 августа) были арестованы более ста известных представителей русской науки и культуры.

Среди заключенных в тюрьму или оставленных под домашним арестом оказались философы Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, Н.А. Бердяев, С.Е. Трубецкой, С.Л. Франк, И.И. Лапшин; историки и правоведы А.А. Кизеветтер, В.А. Мякотин; писатели и литераторы Ю.И. Айхенвальд, Е.И. Замятин, А.С. Изгоев-Ланде, Н.М. Волковыцкий, Б.И. Харитонов, А.Б. Петрищев; экономисты и финансисты Н.Д. Кондратьев, Д.А. Лутохин, И.Х. Озеров, С.Л. Зубашев, Л.М. Пумпянский; математики, инженеры и естествоиспытатели В.В. Стратонов, В.Е. Фомин, И.А. Артоболевский, М.М. Новиков, И.И. Ушаков, А.И. Угримов, Н.Р. Бриллинг, В.В. Зворыкин; В.И. Ясинский, И.И. Куколевский, А.Л. Бойков; деятели кооперативного движения А.А. Булатов, В.М. Кудрявцев, А.Ф. Изюмов, Б.Д. Бруцкус, А.И. Сигирский, И.Ю. Баккал, И.П. Матвеев, врачи Г.Я. Трошин, Ю.Н. Садыкова,

Е.С. Канцель, А.Я. Гудкин, И.Е. Бронштейн, многие другие. Позднее разыскали (некоторые пришли сами), взяли в заключение или под домашний арест философов и социологов П.А. Сорокина, Ф.А. Степуна, И.А. Ильина, писателя М.А. Ильина (М.А. Осоргина), врача Н.Н. Розанова, кооператоров Н.И. Любимова и Н.П. Ромодановского, экономиста Л.Н. Юровского, инженера П.А. Пальчинского и др.

Все арестованные были допрошены и дали письменные ответы на заранее подготовленные стандартные вопросы об отношении к Советской власти, проводимой большевиками политике, ситуации в вузах и роли эмиграции. Кроме того, с них были взяты две подписки – обязательство не возвращаться в Советскую Россию и обязательство выехать за границу за свой (если имелись средства) или казенный счет. Исключение сделали только для врачей: согласно принятому ранее постановлению Политбюро их решили использовать для спасения голодающего населения и борьбы с эпидемиями, поэтому они подлежали не высылке за границу, а ссылке во внутренние голодающие губернии.

В условиях внесудебного следствия важную роль в судьбе репрессированных играли заключения 4-го отделения Секретного отдела, представившиеся на утверждение руководству ГПУ. Эти документы, как правило, содержали следующие формулировки: а) высылка без права возвращения на родину, т.е. экспатриация: «выслать из пределов РСФСР бессрочно» (И.Ю. Баккал, А.Э. Дюбуа, П.А. Сорокин, А.И. Угримов, С.Л. Франк и др.), «навсегда выслать из пределов РСФСР» (В.В. Зворыкин), «выслать бессрочно за границу, без права поступления на работу в заграничные организации РСФСР» или «выслать за границу, лишив права возвращаться в РСФСР» (А.А. Югов-Фрумсон); б) высылка за границу на определенный срок (эмиграция): «выслать за границу на 3 года» (без указания места высылки), «выслать за границу, не освобождая» (А.В. Пешехонов), «выслать в административном порядке из пределов РСФСР – в Германию» (В.Ф. Булгаков, В.Г. Чертков и некоторые другие) и даже – «выслать за границу на оставшийся срок» (меньшевик С.Ю. Волин). Поэтому часть высланных за границу можно считать эмигрантами, другую часть – экспатриантами. Это деление, конечно, условно, и сами высланные в своих воспоминаниях не придерживаются его. Кстати, несмотря на суровый приговор, именно экспатрианту А.И. Угримову, одному из немногих, удалось вернуться на родину.

Ссылка в пределах территории РСФСР в основном ограничивалась мерами: «выслать в административном порядке сроком на два года» (без указания места отбытия ссылки), «выслать в провинцию» или «выслать под гласный надзор ГПУ». В документах сохранилась и курьезная формулировка административного наказания без указания срока и места его отбывания – «выслать к черту на рога» (по отношению к защитникам на процессе правых эсеров В.А. Жданову, Н.К. Муравьеву и А.С. Тагеру, сосланным в Рыбинск и Казань).

Срок административной ссылки, как правило, ограничивался двумя годами. После отбытия наказания ссыльному разрешалось самостоятельно выбирать место дальнейшего проживания, за исключением крупных городов и приграничных районов. Параллельно с проведением арестов ГПУ составило смету на высылку, которую 22 августа направили Сталину.

По подсчетам чекистов, высылка в Германию одного человека стоила около 212 млн рублей (советскими денежными знаками образца 1922 г.). По смете можно оценить предполагаемый масштаб депортации: планировалось выслать 200 человек, что обошлось бы в 4 240 000 рублей. Таких денег у власти не было. Поэтому арестованным стали усиленно предлагать выехать «за собственный счет». Многие, конечно, соглашались. Оправдываясь перед международной общественностью, Л.Д. Троцкий в опубликованном 30 августа 1922 г. в газете «Правда» интервью американской журналистке Луизе Брайант пытался представить предпринятые репрессии своеобразным «гуманизмом по-большевистски»: «Те элементы, которые мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений ... все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политическими агентами врага. Мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность...».

В защиту арестованных поступили ходатайства от государственных и общественных организаций, некоторых большевистских руководителей, лично знавших заключенных по совместной учебе или работе (А.К. Воронский вступился за писателя Е.И. Замятина; А.В. Луначарский – профессора Петроградского университета И.И. Лапшина; В.В. Оболенский (Осинский) – экономиста-аграрника Н.Д. Кондратьева; В.Н. Яковлева – профессора Московского университета В.Е. Фомина; М.Ф. Владимирский – экономиста Л.Н. Юровского; Г.М. Кржижановский и Ю.Л. Пятаков – инженера П.А. Пальчинского). Поэтому была образована и в ночь с 31 августа на 1 сентября провела заседание Комиссия по пересмотру списков высылаемых интеллигентов в составе Дзержинского, Уншлихта, Ягоды и двух сотрудников 4-го отделения Секретного отдела ГПУ. Комиссия частично пошла навстречу просьбам «ответственных товарищей», освободив от высылки опытных специалистов народного хозяйства И.И. Куколевского и Л.Н. Юровского. Была отложена высылка Е.И. Замятину, Н.Д. Кондратьеву, И.А. Артоболевскому, некоторым другим. В отношении Н.А. Рожкова, несмотря на требование Ленина, после продолжительных споров Политбюро постановило заменить ему высылку за рубеж на ссылку в Псков⁷. Позднее от высылки освободили профессоров Н.П. Огановского, В.И. Чарнолуцкого, В.А. Десницкого-Строева и др.

Общеизвестно, что большевики планировали депортировать большинство инакомыслящих граждан с советскими паспортами в Германию. В этой связи правомерен вопрос: была ли между Москвой и немецким правительством какая-то договоренность о высылке? Документы Архива внешней политики МИД России свидетельствуют, что никаких предварительных переговоров на сей счет. Более того, когда ГПУ и НКВД обратились в германское посольство за визами, они получили отказ. В отличие от большевиков немцы блюли демократические правила и потребовали, чтобы визы предоставлялись только тем высылаемым, кто лично попросит о них.

Находясь на излечении в Горках, Ленин живо интересовался ходом высылки. 4 сентября он беседовал с Дзержинским, который после встречи конспективно записал основные ленинские тезисы: «Продолжить неуклонно высылку активной антисоветской интеллигенции (и меньшевиков, в первую очередь) за границу. Тщательно составлять списки, проверяя их и обязуя наших литераторов давать отзывы. Распределить между ними всю литературу. Составлять списки враждебных нам кооператоров. Подвергнуть проверке всех участников сборника “Мысль” и “Задруга”».

По итогам встречи Дзержинский направил Уншлихту план реализации ленинских директив: «У нас в этой области большое рвачество и кустарничество. У нас нет с отъездом Агранова лица достаточно компетентного, который этим делом занимался бы сейчас. Зарайский слишком мал для руководителя. Это подручный. Мне кажется, что дело не двинется, если не возьмет этого на себя сам т. Менжинский. Переговорите с ним, дав ему эту мою записку. Необходимо выработать план, постоянно корректируя его и дополняя. Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) беллетристы; 2) публицисты и политики; 3) экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т.д.); 4) техники (здесь тоже необходимы группы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т.д.); 5) профессора и преподаватели и т.д. и т.д. Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещаемая всесторонне компетентными товарищами, между которыми эти группы должны распределяться нашим отделом. Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно, чего до сих пор не было из-за спешности и односторонности освещения... Надо помнить, что задачей нашего отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов без оговорок поддерживать Совет[скую] власть».

7 сентября 1922 г. Уншлихт получил очередной рапорт о ходе операции, включая данные по Украине. В нем сообщались следующие сведения:

Москва (подлежало аресту 100 человек, из них 33 – студенты; арестовано 75 человек), Петроград (подлежало аресту и высылке 51 человек, арестовано 35 человек), Харьков (подлежало аресту 12 человек, арестовано 10), Екатеринослав (арестовано 9 человек), Одесса (подлежало аресту 18 человек, арестовано 17) и Киев (подлежало аресту 29 человек, арестовано 20). Одновременно уточнялись условия высылки: под конвоем или без, каким количеством партий высылать, предполагаемые маршруты отправки и их обоснование (высказывается соображение об отправке через Ригу, чтобы «в Питере не блудили» в ожидании парохода).

Спустя полторы недели, 17 сентября Ленин обратился к Уншлихту с просьбой сообщить результаты операции по высылке и сделать пометки на прилагаемых списках (кто не выслан и почему). Уже на следующий день списки возвратили с объяснениями мер, предпринятых ГПУ. Сопроводительную записку вождю подписал Ягода.

23 сентября из Москвы за границу поездом в Ригу выехала первые высланные с семьями (А.В. Пешехонов, П.А. Сорокин, И.П. Матвеев, А.И. Сигирский и др.). Позднее железнодорожным транспортом, но уже в Берлин отправились Ф.А. Степун, Н.И. Любимов, И.А. Стратонов, С.П. Мельгунов и др. Две партии выслали на зафрахтованных у немцев пароходах «Обербургомистр Хакен» (первый рейс из Петрограда в Штеттин 29–30 сентября) и «Пруссия» (второй рейс 16–17 ноября).

На первом пароходе из страны выехали около 30 (с семьями около 70 человек) московских интеллигентов, в том числе Ю.И. Айхенвальд, А.Л. Байков, И.Ю. Баккал, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зворыкин, А.Ф. Изюмов, И.А. Ильин, М.А. Ильин (Осоргин), А.А. Кизеветтер, М.М. Новиков, В.А. Розенберг, В.В. Стратонов, С.Е. Трубецкой, А.И. Угримов, С.Л. Франк, Н.А. Цветков, В.И. Ясинский и др.

На втором – 16 (с семьями 44 человека) петроградских профессоров и деятелей науки и культуры: А.А. Боголепов, Б.Д. Бруцкус, Н.М. Волковысский, С.Л. Зубашев, А.С. Каган, Л.П. Карсавин, Н.П. Козлов, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Б.Н. Одинцов, С.И. Полнер, А.Б. Петрицев, Л.М. Пумпянский, Д.Ф. Селиванов, Б.И. Харитонов и И.И. Юштин.

Как вспоминал Н.О. Лосский, «на пароходе ехал с нами сначала отряд чекистов. Поэтому мы были осторожны и не выражали своих чувств и мыслей. Только после Кронштадта пароход остановился, чекисты сели в лодку и уехали. Тогда мы почувствовали себя более свободными. Однако угнетение от пятилетней жизни под бесчеловечным режимом большевиков было так велико, что месяца два, живя за границей, мы еще рассказывали об этом режиме и выражали свои чувства, оглядываясь по сторонам, как будто чего-то опасаясь»⁸. Поскольку пароходами выслали многих выдающихся отечественных философов, пароходы в литературе стали образно называть философскими. По воспоминаниям Ф.А. Степуна, выслаемым «разрешалось взять: одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм по две

штуки всякого белья, две денные рубашки, две ночные, две пары кальсон, две пары чулок. Золотые вещи, драгоценные камни, за исключением венчальных колец, были к вывозу запрещены; даже и нательные кресты надо было снимать с шеи. Кроме вещей разрешалось, впрочем, взять небольшое количество валюты, если не ошибаюсь, по 20 долларов на человека; но откуда ее взять, когда за хранение ее полагалась тюрьма, а в отдельных случаях даже и смертная казнь»⁹. Иными словами, коммунистическая власть выдворяла из страны людей, составлявших цвет нации, не только насильно, но и без всяких материальных средств.

Параллельно с арестами и депортацией российской интеллигенции аналогичная операция прошла на Украине. Некоторые украинские интеллигенты (из Одессы) были высланы за границу, в отношении большинства других решение вопроса о высылке затянулось. После долгих неоднократных обсуждений в январе 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) согласилось с предложением руководителей коммунистической партии Украины заменить оставшимся высылку за границу на ссылку в отдаленные губернии РСФСР. Определяющим мотивом такой замены послужила политическая выгода – нежелание укреплять за счет эмигрантов украинское националистическое движение.

Высылка инакомыслящей интеллигенции в качестве репрессивной меры использовалась властью и в дальнейшем. Так, в конце 1922 – начале 1923 гг. за рубеж были высланы бывший ректор Казанского университета А.А. Овчинников, ученый-философ и религиозный деятель С.Н. Булгаков, редактор журнала «Экономист» Д.А. Лутохин. Но это уже были отголоски масштабной операции ушедших лета и осени. К удивлению Политбюро, некоторые правительственные учреждения обеспечили административно-высылаемых мандатами на представительство за границей, т. е. предоставили им работу. О «порочной практике» донесли Ленину, и по его предложению Политбюро в декабре 1922 г. приняло постановление, категорически запрещающее это делать. Спустя четыре месяца запрет был подтвержден, а виновные в его нарушении понесли наказание.

Справедливости ради отметим, что некоторым изгнанникам все же удалось вернуться. Так, в конце 1923 г. на Политбюро ЦК РКП (б) было принято решение о возвращении на родину студенту А.В. Анисимову, кооператорам Н.И. Любимову и И.П. Матвееву, а во второй половине 1920-х годов – Д.А. Лутохину и А.В. Пешехонову.

Анализируя причины операции по депортации инакомыслящих, Ф.А. Степун в 1923 г. писал, что российская интеллигенция после Гражданской войны в массе своей признала власть и была готова сотрудничать с ней во имя процветания Отечества.

Однако большевикам, по мнению Степуна, «очевидно, мало одной только лояльности, т.е. мало признания советской власти как факта и силы; они требуют еще и внутреннего приятия себя, т.е. признания

себя и своей власти за истину и добро»¹⁰, на что старые русские интеллигенты согласиться не могли. Поэтому часть их и оказалась за границей. Для оставшихся всё только начиналось.

¹ «Очистим Россию надолго...»: Репрессии инакомыслящих в 1921 – конце 1923 г.: Документы / Под ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова; вступ. ст. А.Н. Артизова, В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; археограф. предисл. З.К. Водопьянова; сост. и ком. А.Н. Артизова, З.К. Водопьяновой, Т.В. Домрачевой, В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. – М.: МФД: Материк, 2008. – 848 с.

² См., напр.: *Хоружий С.С.* Философский пароход // Литературная газета. 1990. № 19, 23; *Геллер М.С.* «Первое предупреждение» – удар хлыстом (к истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // *Вопр. философии.* 1990. № 9; *Рецикова В.А.* Высылка из РСФСР // *Минувшее. Истор. альманах.* 1992. СПб. № 11; *Гак А.М., Масальская А.С., Селезнева И.Н.* Депортация инакомыслящих в 1922 г. (позиция В.И. Ленина) // *Кентавр.* 1993. № 5; *Козан Л.А.* «Выслать за границу безжалостно» (Новое об изгнании духовной элиты) // *Вопр. философии.* 1993. № 9; *Артизов А.Н.* Тот самый Семашко // *Медицинская газета.* 2001. № 99–100; *Христофоров В.С.* «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. // *Новая и новейшая история.* 2002 № 5; *Макаров В.Г.* «Власть ваша, а правда наша» (к 80-летию высылки интеллигенции из Советской России в 1922 г.) // *Вопр. философии.* 2002. № 10; *Главацкий М.Е.* «Философский пароход»: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург, 2002; *Артизов А.Н.* «Очистим Россию надолго». К истории высылки интеллигенции в 1922 г. // *Отечественные архивы.* 2003. № 1; *Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова.* – М., 2005 и др.

³ *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 г.г. Казань. 1995. С. 300.

⁴ ЦА ФСБ России. Фонд ВРМ. Д. 338.

⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 2. Л. 92. Опуubl.: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Янв. 1922 – дек. 1936. М., 2003. С. 28.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 7. Л. 235–236об, 242.

⁷ Подробнее см.: *Артизов А.Н.* В.И. Ленин и Н.А. Рожков (из истории высылки деятелей интеллигенции в 1922 году) // *Задавая вопросы прошлому... К 75-летию профессора О.В. Волобуева. Сборник статей.* – М., 2006. – С. 311–320.

⁸ *Вопросы философии.* 1991. № 11. С. 186.

⁹ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. – СПб., 2000. – С. 621–622.

¹⁰ *Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк II. // *Соч.* – М., 2000. – С. 224.

«ДЕЛО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИСТОРИЧЕСКОЕ»

*Статья в газете «Время новостей»
27апреля 2009 г. № 72*

90 лет назад, в апреле 1919 года, в России был создан коалиционный антибольшевистский орган – «Тактический центр». В его руководство вошли виднейшие представители интеллектуальной и политической элиты страны, принадлежавшие к различным политическим партиям и организациям. Среди них – философ Николай Бердяев, историк Сергей Мельгунов, философ Василий Розанов, историк Сергей Трубецкой, экономист Сергей Маслов. Это была в буквальном смысле идейная оппозиция, в деятельности которой новое государство небезосновательно видело не меньшую угрозу своему становлению, чем в существовании белых армий.

Закономерно, что буквально сразу после октября 1917 года объектом пристального внимания советской власти стали структуры, имевшие своей целью борьбу с партией большевиков и установленным ею режимом. Среди них – Комитет спасения родины и революции, Союз защиты Учредительного собрания, Торгово-промышленный комитет, Военная лига, Всероссийский монархический союз. «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться», – это ленинское высказывание стало девизом внутренней политики Советской России.

Новая власть использовала против оппонентов свой «карающий меч» – ВЧК. Однако, несмотря на его активную репрессивную деятельность, остановить создание антисоветских организаций не удалось. «Дело Тактического центра» было совершенно не известным в советской историографии и мифологизированным – из-за ограниченного доступа к документам – в постсоветской. Между тем именно оно стало для большевиков принципиальным шагом в укреплении собственных социально-политических позиций после революции и знаковым событием для формирования отношения к идеологическим оппонентам, на многие годы предопределившим их непримиримое преследование.

«В августе 1917 года в Москве состоялось совещание, на котором присутствовали бывшие члены Государственной думы, кадеты, представители торгово-промышленной Москвы, кооперативов, высшей школы, интеллигенции, союза инженеров, казачества, союза офицеров. Всех их объединяло стремление «выявить истинное лицо России, оздоровить народную душу, укрепить армию, восстановить полностью власть командного состава, упразднить в армии комитеты». (После Февральской революции в вооруженных силах были созданы солдатские комитеты, выбиравшие командиров. – В.Х.). Участники московского совещания создали Совет общественных деятелей. Его председателем был избран Михаил Родзянко, председатель Временного комитета Государственной думы. Когда после Октябрьской революции он уехал за границу, совет возглавил Дмитрий Щепкин, бывший товарищ (в современной терминологии – заместитель. – В.Х.) министра внутренних дел. Главной задачей новой организации стал обмен информацией и выработка консолидированного мнения по вопросам внутренней и внешней политики. Не располагая реальными средствами политической борьбы, совет лишь проводил заседания, на которых обсуждались и составлялись различные записки и меморандумы по вопросам законодательства и государственного управления в случае падения советской власти.

В мае 1918 года был образован Союз возрождения России, учредителями которого стали кадеты (Николай Щепкин, Николай Кишкин, Дмитрий Шаховской), народные социалисты (Сергей Мельгунов, Николай Чайковский, Вячеслав Мякотин, Алексей Пешехонов), эсеры (Николай Авксентьев, Илья Бунаков-Фондаминский). Позднее в него вошли меньшевики (Владимир Левицкий, Александр Потресов, Василий Розанов). Союз ставил перед собой цели «объединения представителей политических партий на платформе непризнания Брестского мира; восстановления России в границах 1914 года (за исключением Польши и Финляндии); возрождения русской государственности; свержения советской власти и установления диктатуры с последующим созывом Учредительного собрания».

Одновременно с Союзом возрождения образовалась еще одна оппозиционная структура – Национальный центр. В него вошли представители практически всех несоциалистических партий и групп (кроме крайне правых), старообрядческих общин, Торгово-промышленного комитета, земских и кооперативных учреждений. Национальный центр возглавил пользовавшийся большим авторитетом в общественных кругах землец Дмитрий Шипов (после его ареста в начале 1919 года – кадет Николай Щепкин). Центр ставил целью восстановить единоличную диктатуру во главе с генералом Михаилом Алексеевым (с августа 1915 года по март 1917 года – начальник штаба Ставки. После Октябрьской революции участвовал в создании Добровольческой армии, весной 1918 года стал ее верховным руководителем. – В.Х.) и продолжить войну с Германией. Он поддерживал постоянную связь с Деникиным и Колчаком, дипломатическими представителями стран

Антанты. Для того чтобы столь разнородные организации стали действовать согласованно, потребовалось много времени и усилий. Первые контакты и переговоры о взаимодействии между руководителями Совета общественных деятелей и Национального центра начались в ноябре 1918 года, однако не привели к желаемым результатам. В феврале-марте 1919 года в Москве члены Национального центра, Совета возрождения России и Совета общественных деятелей неоднократно обсуждали вопрос выработки общего плана действий и объединения всех трех организаций в тактике. В результате в апреле 1919 года был образован «Тактический центр». Каждая из вошедших в него организаций сохранила автономию, обособленность и финансовую самостоятельность. Платформой центра стало: «восстановление государственного единства России; Национальное собрание, долженствующее разрешить вопрос о форме правления в России; единоличная, диктаториального характера, военная власть, восстанавливающая в стране порядок и разрешающая на основе признаваемого права личной собственности ряд неотложных мероприятий экономического и социального характера». Центр также высказался за признание Колчака «верховным правителем России».

В руководство «Тактического центра» вошли по два представителя от каждого объединения: от Национального центра – Николай Щепкин (после его расстрела – Сергей Трубецкой) и Осип Герасимов; Союза возрождения – тот же Щепкин и Сергей Мельгунов; Союза общественных деятелей – Дмитрий Щепкин и Сергей Леонтьев.

Участие в организациях, ставящих своей целью свержение Советской власти, являлось в Советской России тяжким преступлением. Политические деятели, партии, организации и движения, в тех или иных формах выступавшие против власти большевиков, были отнесены к «буржуазной и мелкобуржуазной» и «внутренней контрреволюции». Буржуазия, буржуазная интеллигенция, зажиточное крестьянство и другие группы населения объявлялись «социальной базой контрреволюции». ВЧК практически с первых дней своего существования приступила к борьбе с контрреволюционерами, преследуя руководителей и активистов недавних политических союзников большевиков по борьбе с самодержавием, ставших вскоре политическими противниками: кадетов, меньшевиков, правых и левых эсеров.

В июле 1919 года ВЧК получила информацию о существовании в Москве «контрреволюционного центра». 22 августа 1919 года заместитель начальника Особого отдела ВЧК Иван Павлуновский сообщил Ленину о раскрытии «Национального центра» и готовящейся ВЧК операции по аресту его участников. 23 августа Ленин написал письмо председателю ВЧК Феликсу Дзержинскому: «На прилагаемую бумажку, т.е. на эту операцию, надо обратить сугубое внимание. Быстро и энергично и пошире надо захватить». Операция по ликвидации «Национального центра» началась 28 августа. ВЧК произвела обыски на квартирах его руководителей Александра Алферова и Николая Щепкина, в ходе которых были изъяты

списки членов и документы о деятельности «Национального центра». Затем последовали аресты активных участников этой организации, всего около 700 человек.

23 сентября 1919 года ВЧК опубликовала обращение «Ко всем гражданам Советской России!», в котором сообщалось о раскрытии контрреволюционной организации «Национальный центр» и о расстреле Щепкина, Алферова и других ее лидеров. Следствие по делу «Национального центра» показало, что в Москве имеется политическое объединение, которое направляет деятельность различных антисоветских организаций – «Тактический центр». В феврале-марте 1920 года ВЧК арестовала большинство его членов и в течение нескольких месяцев проводила следственные действия. Еще до суда были по амнистии прекращены дела в отношении некоторых обвиняемых: философа Николая Бердяева, экономистов Сергея Маслова и Льва Кафенгауза, князя Дмитрия Шаховского, историка Александра Кизеветтера и др.

В числе политических и общественных деятелей, арестованных по делу «Тактического центра», был историк, публицист, член ЦК партии народных социалистов Сергей Мельгунов, чье имя было широко известно в интеллектуальных кругах России. В первую русскую революцию Мельгунов вступил в партию кадетов, поскольку считал, что она «среди других партий... наиболее близка по духу старообрядцам». Он мечтал о революции, которая принесет свободу личности.

Плененный романтическими идеями, Мельгунов принял Февраль 1917 года. Временное правительство назначило его ответственным за обследование и прием государственных архивов Министерства внутренних дел, Московской духовной консистории и Миссионерского совета. Это дало ему возможность начать издание серии «Материалы по истории общественного и революционного движения в России». В 1918 году ему удалось выпустить первый и единственный сборник документов – «Большевики».

Октябрьская революция вызвала у Мельгунова протест. Поддержав образование Добровольческой армии, он стал одним из руководителей Союза возрождения России и позднее «Тактического центра». В сентябре 1918 года ВЧК в первый раз арестовала Мельгунова. Как он сам впоследствии писал, это произошло «на другой день после покушения на Ленина, в ночь на 1 сентября 1918 года. Из памяти изгладились подробности условий, при которых проходил обыск и самый арест. И понятно – 23 обыска я пережил в течение советского пятилетия...».

Дзержинский лично встречался с арестованным Мельгуновым. Мельгунов отмечал, что в 1918 году власть и интеллигенция еще не чувствовали того психологического водораздела, который проявился позднее. Дзержинский не забыл еще своего интеллигентского прошлого, а Мельгунов не видел в нем жандарма, который воспринял всю психологию полицейского сыска, пропитанного атмосферой, навыками и идеологией охранных отделений. После длительной беседы с председателем ВЧК

Мельгунов был освобожден. Для этого потребовались поручительства представителей общественности, а кроме того, двух коммунистов. В таком качестве выступили известный партийный деятель и врач Павел Дауге и... сам Дзержинский. Об этом эпизоде в своих воспоминаниях Мельгунов писал: «Провожая меня в коридор, Дзержинский спросил: не поинтересуюсь ли я узнать, кто второй из коммунистов поручился за меня (полагалось два поручительства), и сказал: «я»! Последовала молчаливая сцена, так как я решительно не знал, что следовало сказать по этому поводу». Однако на свободе Мельгунов пробыл недолго.

5 октября 1918 года последовал его второй арест. С ходатайствами об освобождении Мельгунова сразу же выступили известные общественные и политические деятели: член редколлегии «Известий ЦИК» Платон Керженцев, нарком просвещения Анатолий Луначарский. Уже 9 ноября по решению Дзержинского Мельгунова освободили из-под стражи.

7 апреля 1919 года его арестовали снова. В эти дни шло завершение формирования «Тактического центра». Скорому освобождению Мельгунова (13 апреля) под подписку «об извещении ВЧК о каждом изменении своего жительства» способствовали ходатайства руководителя правительства Украины Христиана Раковского и управляющего делами СНК РСФСР Владимира Бонч-Бруевича.

Следующий арест последовал 10 февраля 1920 года, когда уже велись массовые задержания по делу «Тактического центра». Мельгунова обвинили в участии и руководстве московской группой Союза возрождения. На этот раз с просьбой о его освобождении лично к Ленину обратилась младшая дочь Толстого Александра Львовна, но вскоре она сама была арестована. Ее обвинили в участии в организации заговорщиков, хотя известно, что она лишь предоставляла квартиру для совещаний «Тактического центра», в них не участвуя. К следствию подключился особоуполномоченный ВЧК Яков Агранов, имевший репутацию «специалиста по работе с интеллигенцией». Агранов убеждал Мельгунова помочь «восстановить историческую правду», дать признательные показания, чтобы «придать этому делу правильное историческое освещение».

Содержание Мельгунова под стражей растянулось на многие месяцы. Он был лишен книг и газет, карандашей и бумаги, что вызывало его резкий протест. Добившись разрешения делать записи, Мельгунов начал вести тюремный дневник, который назвал «Последний год». Этот уникальный документ, сохранившийся в его следственном деле, ныне готовится к печати.

Из дневников Сергея Мельгунова: «Допрос велся приблизительно в таких тонах и выражениях. «Я не скрою от Вас, Сергей Петрович, – говорил А[гранов], – что дело было бы очень серьезно, если бы Вы были арестованы в августе, и могло бы кончиться для Вас плохо (многозначительный взор в мою сторону). Но теперь мы на это дело смотрим, как на прошлое. Как на дело, исключительно историческое. Мы повсюду победили, и, следова-

тельно, те меры, к которым мы вынуждены были прибегать в тревожное время в целях самозащиты, когда Деникин был под Тулой, когда, казалось, будет взят Петроград, теперь не имеют смысла. Вы историк, и во имя истории должны помочь нам придать этому делу правильное историческое освещение. Мы вынуждены были арестовать за последние дни массу лиц. Могу сказать, здесь находится цвет московской интеллигенции и московской профессуры. Держать нам вас в тюрьме не имеет никакого смысла. И как только будет окончено следствие, все будут, вероятно, подведены под какую-нибудь общую амнистию. Тем более, что относительно Вас, в частности, мы знаем, что вы решили заняться исключительно научной работой... В ваших, следовательно, интересах не задерживать следствие своими ответами и ускорить возможность вернуться к научным занятиям.

Вы, конечно, можете мне не верить и видеть просто следователя. Вы всем известный крупный общественный деятель, я мало кому известен, меня знают только в партийных кругах, но, поверьте, что я очень хорошо к Вам отношусь и очень ценю Вашу деятельность... Я знаю эту обычную юридическую уклончивость при ответах. Нет нашей марксистской определенности! Я сам был социалистом-революционером. Но Вам нет никакого смысла от нас скрывать. Повторяю, мы рассматриваем дело исключительно как историческое».

Мельгунов считал Агранова «типичным русским Фуше» (Жозеф Фуше – член французской конгрегации ораторианцев, несмотря на принадлежность к этому духовному ордену, глумился над религией, особенно, когда началась Великая французская революция. В августе 1799 года был назначен министром полиции и сумел организовать мощную сеть осведомителей и провокаторов. – В.Х.). И с этой позиции анализировал его поведение: «Я не мог рассматривать следователя, как исповедника, которому каются на духу с откровенностью раскаивавшегося грешника. Именно этого и хотелось Агранову, он всеми моими показаниями явно всегда был недоволен. Его мелко интересовала не сущность, а имя; прищипить еще одного, особенно меньшевика. «Почему Вы о них ничего не говорите», – с откровенной разочарованностью заявил он однажды... Раз сказавши неправду, приходится наворачивать клубок полусознательной лжи. Может быть, все эти приемы показывают талант следователя. Я стою на иной позиции – и приемы старого следствия всегда меня возмущали; воспроизведение их в практике нового режима для меня подчас только отвратительно. Хорошо еще, если идет речь о чем-нибудь существенном. Для меня прием обмана является прямым издевательством над личностью, ибо показывает отсутствие уважения ко мне... Разве этот обман не воспроизводит перед нами самую отвратительную практику старой жандармерии, разве не позорит социалистов?»

В июне 1920 года он начал голодовку: «Раз я решил, что должен прибегнуть к крайнему средству протеста, я должен записать то, что привело меня к этому решению. Мне еще хочется верить, что социалисты, хоть

и тюремщики, найдут в себе достаточно чести, чтобы передать рукопись моей жене. Если и этого не будет, пусть прочитают хотя бы они. Может быть, это заставит некоторых из тех призадуматься над своей практикой. Пощады от них я не жду. Мое решение твердо... я объявляю голодовку, как протест против всего того беспорядка, которое царит здесь и которое я переносить просто больше не в состоянии. Мой протест – протест против всех методов следствия, против того недостойного и систематического обмана, которому подвергался. Я себе ясно отдаю отчет, что моя голодовка должна кончиться смертью при том самочувствии и физическом, и моральном, в котором я нахожусь. Умирать все-таки не хочется, как ни мерзко себя я чувствую».

В конце июня 1920 года Мельгунов подал несколько заявлений в Президиум Особого отдела ВЧК, в которых выразил протест против содержания под стражей: «Пытаюсь обратиться непосредственно в Президиум в надежде выяснить хоть свою судьбу, на что, мне кажется, у меня в силу прошлого есть некоторое нравственное право. Я сижу уже пятый месяц. Во время следствия мне неоднократно было говорено, что дело имеет только историческое значение, что закончится, вероятно, общей амнистией и закончится скоро, что не имеет смысла держать нас в тюрьме... Таким образом, я имел все основания думать, что, в конце концов, и на меня распространится освобождение, так как едва ли я могу считаться более виновным кого-либо из моих политических товарищей». Часть своих записей Мельгунову удалось передать из тюрьмы жене. Он просил ее сохранить их «как страницу былых переживаний». (В 1964 году они были опубликованы в Париже под названием «Воспоминания и дневники», а затем, в 2003 году, с дополнениями, – в Москве).

С 16 по 20 августа 1920 года дело «Тактического центра» рассматривал Верховный ревтрибунал под председательством заместителя председателя ВЧК Ивана Ксенофонтова. Трибунал признал двадцать руководителей и наиболее активных членов «Тактического центра» виновными «в участии в сотрудничестве в контрреволюционных организациях, поставивших себе целью ниспровержение диктатуры пролетариата, уничтожение завоеваний Октябрьской революции и восстановление диктатуры буржуазии путем вооруженного восстания и оказания всемерной помощи Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте» и приговорил их к расстрелу. Но, «принимая во внимание чистосердечное раскаяние их, более или менее полное, искреннее желание работать с Советской властью и принять участие в восстановлении разрушенного хозяйства, а также решительное осуждение ими вооруженных белогвардейских выступлений и иностранной интервенции», трибунал постановил заменить им расстрел иными мерами наказания.

Всего по делу были осуждены 45 человек: четыре приговорены к десяти годам тюремного заключения, шесть – заключены в лагерь до конца Гражданской войны, семь – к условному тюремному заключению на пять лет, два – к трем годам тюремного заключения с освобождением

по амнистии, три – к трем годам заключения в концлагерь, три – к трем годам условного тюремного заключения, два – за чистосердечное раскаяние освобождены по амнистии, один – признан невиновным и оправдан по суду. 17 человек, находившихся за границей, признаны виновными, объявлены врагами народа и лишены права въезда в РСФСР.

Мельгунов был признан виновным «в сотрудничестве с контрреволюционной организацией в целях свержения советской власти путем вооруженного восстания» и приговорен к расстрелу. Однако высшая мера наказания была заменена тюремным заключением сроком на десять лет. На этот раз за него хлопотали известные писатели и политические деятели: Петр Кропоткин, Вера Фигнер, Владимир Короленко.

24 августа 1920 года Мельгунова поместили в Бутырскую тюрьму. Примерно через три месяца по амнистии срок заключения был сокращен до пяти лет. В феврале 1921 года Президиум ВЦИК на основании ходатайства Российской Академии наук принял постановление об освобождении Мельгунова и откомандировании его «для научных занятий». Однако 3 июня 1922 года во время процесса над «правыми» эсерами его арестовали опять, по обвинению «в сношениях с подпольными работниками – членами партии социал-революционеров». В его защиту выступили историк и общественный деятель Емельян Ярославский и нарком внешней торговли Лев Красин.

Через два месяца Мельгунов был освобожден. Постоянные аресты и содержание под стражей, регулярные обыски на квартире и изъятие исторических документов, начавшаяся кампания по высылке интеллигенции из России подтолкнули Мельгунова к решению о выезде за границу. Осенью 1922 года ГПУ разрешило ему с женой выехать за пределы РСФСР.

За пять лет, проведенных в России при советской власти, Мельгунов пережил 23 обыска, пять арестов, полтора года тюрьмы, приговор к высшей мере наказания.

Находясь за границей, он по-прежнему оставался в партии народных социалистов, вел публичную политическую деятельность. Мельгунов стал одним из первых русских эмигрантов, кто попытался исследовать и осмыслить события 1917 года и Гражданской войны. Он написал более десятка книг, наиболее значительными из которых стали: «Красный террор в России: 1918–1923 гг.», «Трагедия адмирала Колчака», «Судьба Николая II после отречения», «На путях к дворцовому перевороту», «Легенда о сепаратном мире», «Мартовские дни 17-го года». В еженедельнике «Борьба за Россию» была опубликована основанная на личных впечатлениях работа Мельгунова «Чекистский Олимп». Сергей Мельгунов, умерший в Париже в 1956 году, реабилитирован в 1992-м. В России его историко-публицистическое наследие, за редким исключением, не известно до сих пор.

ВЕЧНЫЙ СТРАННИК ВАСИЛИЙ ШУЛЬГИН

*Вступительная статья
к сборнику документов¹*

Нельзя сказать, что имя Василия Витальевича Шульгина в настоящее время предано забвению, но, в то же время многие факты его биографии остаются неизвестными не только для широкой общественности, но и для специалистов. Между тем, обращение к столь значимой персоне в русской истории, на наш взгляд представляется уместным и полезным для анализа политических процессов в современной России, поскольку знакомство с одним из представителей русских консерваторов может позитивно повлиять на формирование политического плюрализма в России.

Судьба отмерила Василию Витальевичу Шульгину долгий срок жизни – 98 лет! К счастью для историков, Шульгин обладал литературным талантом и хорошей памятью, оставив в наследство потомкам свои художественные произведения, воспоминания, яркие публицистические статьи, которые еще предстоит прочесть и изучить, а в ряде случаев и исправить некоторые неточности, вольно, или невольно допущенные автором.

Историография, посвященная Шульгину не слишком обширна, и научные работы о нем можно пересчитать по пальцам. В 1920 г. была весьма популярна работа Д.О. Заславского². Хотя автор и не избежал характерных для той эпохи односторонних оценок, он, тем не менее, отмечал, что в галерее политических деятелей царской России Шульгин «выделяется как человек яркий, интересный, талантливый и в некоторых отношениях привлекательный»³. Политическая деятельность Шульгина затрагивалась в монографиях и статьях В.И. Старцева⁴, С.А. Степанова⁵, Д.А. Коцюбинского⁶, А.Б. Николаева⁷, Г.З. Иоффе⁸, А.В. Репникова⁹, О.В. Будницкого¹⁰ и др.

В 2003–2005 гг. в Санкт-Петербурге вышли издания¹¹, в которые вошли статьи Р.Ш. Ганелина и П.Н. Базанова, в которых уделено внимание эволюции взглядов В.В. Шульгина и Н.Е. Маркова¹². Материал, связанный с деятельностью Шульгина в эмиграции, можно найти в монографии А.И. Доронченкова¹³ и сборнике «Русская эмиграция в борьбе с большевиз-

мом»¹⁴. В 2003 г. на русском языке была издана книга западного историка Л. Флейшмана, в которой рассматривается операция «Трест» и затрагивается роль Шульгина в этих событиях¹⁵.

В 2004 г. вышел в свет «роман-размышление» писателя В.П. Ерашова¹⁶, вскоре переизданный. В недавнем историографическом обзоре, посвященном исследованиям по русскому консерватизму, современный историк А.Ю. Минаков подчеркивает, что среди этих работ, «преобладают труды, посвященные конкретным персоналиям»¹⁷. Отчасти так оно и есть и изучение консерватизма все больше сводится к изучению жизни отдельных его представителей.

Воспоминания и статьи о Шульгине присутствуют во многих книгах и сборниках, а также в различных периодических изданиях: «Русская мысль», «Часовой», «Новое русское слово», «Родина», «Огонек», «Сегодня», «Край родной», «Завтра», «Московский строитель», «Посев», «Независимая газета» и др. Представляют интерес воспоминания академика РАН, бывшего редактора журнала «История СССР» Ю.А. Полякова, в которых рассказывается о сложностях, возникших в связи с публикацией в журнале¹⁸ глав из книги В.В. Шульгина «Годы» в конце 1966 – начале 1967 гг.¹⁹ Предисловие к главам из книги тогда написал В.П. Владимиров, а послесловие было написано А.Я. Аврехом²⁰. Страсти вокруг этой публикации разыгрались не шуточные, хотя книга «Годы» была с рядом пропусков и поправок выпущена ограниченным тиражом в издательстве АПН в 1979 г. Сделанные цензурой купюры были замечены зарубежными исследователями²¹.

Консервативные мыслители и лидеры правых организаций заняли место на страницах энциклопедических изданий, справочников²² и словарей, из которых особо нужно выделить Биографический словарь «Политические деятели России 1917» и энциклопедию «Политические партии России. XIX–первая треть XX века». В энциклопедии «Государственная Дума России»²³, вышедшей в 2006 г., представлены биографии думских депутатов, бывших идеологами и практиками монархических организаций. К столетнему юбилею Государственной Думы были выпущены и другие издания, в которых содержатся материалы, посвященные видным правым деятелям²⁴. Нет специальной статьи про Шульгина и в энциклопедии «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции»²⁵.

Большой научно-исследовательский интерес представляет обширное эпистолярное наследие Шульгина, которое, еще ждет своих исследователей и публикаторов²⁶. Следует упомянуть недавние публикации переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина о роли «еврейского фактора» в русской революции²⁷ и о самой революционной специфике²⁸.

В ГА РФ находится личный фонд В.В. и Е.Г. Шульгиных²⁹, в котором отложились материалы, большей частью еще не введенные в научный оборот. Неопубликованные рукописи статей, очерков и рассказов Шульгина,

а так же очерки и заметки его супруги представляют большой интерес для историков.

Особым архивным источником являются следственные дела. Современные историки высказывают две точки зрения на возможность публикации и привлечения в качестве источника материалов следственных дел. Согласно первой, это в большинстве своем сфабрикованные документы, которые нельзя публиковать. Согласно второй, эти документы можно и нужно публиковать с обстоятельным комментарием и используя их в качестве источника нужно относиться к ним критически. Следственные дела видных монархистов начала XX в. только недавно были введены в научный оборот. Это, в частности, касается следственного дела Дубровина, хранящегося в ЦА ФСБ России³⁰. В 2004 г. ряд материалов из этого дела был впервые опубликован¹. В ЦА ФСБ России находится следственное дело Шульгина. Опись архивного следственного дела Р-48956 (в 1 т.; годы производства 1945–1947) в отношении Шульгина опубликована³². В материалах следственного дела содержится информация о дореволюционной деятельности Шульгина; эволюции его взглядов. В 2003–2009 гг в журналах «Новая и новейшая история», «Россия XXI», «Родина» и в ряде сборников осуществлена публикация отдельных материалов из следственного дела Шульгина и опубликованы его биографии, написанные с привлечением различных источников³³. Эти публикации получили отклик в научных кругах³⁴ и использованы при написании статей, диссертаций и монографий³⁵.

Публикаторы документов следственного дела и дела заключенного Шульгина считают главной целью этого издания введение в научный оборот уникальных документов, которые, несомненно, будут востребованы историками при реконструкции жизненного пути Василия Витальевича. Многие сведения о жизни Шульгина нуждаются в дополнительной скрупулезной проверке. В его собственных воспоминаниях, а также в воспоминаниях людей, общавшихся с ним, встречаются противоречия, вольные или невольные ошибки. Некоторые из них удалось устранить благодаря публикуемым документам. В 1999 г. О.В. Будницкий отмечал, что «пересказать во вступительной статье подробно весь его жизненный путь невозможно, для этого нужно писать отдельную большую книгу», а «научная биография Шульгина до сих пор не написана»³⁶. Многие сведения о жизни Шульгина нуждаются в проверке. В его собственных воспоминаниях, а также в воспоминаниях людей, общавшихся с ним, встречаются противоречия, вольные или невольные ошибки. Некоторые из них удалось устранить, благодаря публикуемым документам. За прошедшее десятилетие научной биографии Шульгина так и не появилось, но есть надежда, что это будет сделано в перспективе. Пока же, ограничимся только штрихами к портрету этого необычного человека, родившегося в период правления Александра II и скончавшегося, когда во главе нашей страны стоял Л.И. Брежнев.

Осенью 1944 г. на территорию Югославии вошли части 3-го Украинского фронта (командующий – генерал армии Ф.И. Толбухин), соединения Народно-освободительной армии Югославии и Войско Отечественного фронта Болгарии (Белградская наступательная операция; 28 сентября – 20 октября 1944 г.). В первых рядах наступавших войск Красной армии находились оперативные группы военной контрразведки «Смерш». В их задачу входил розыск и задержание активных участников антисоветских организаций, сотрудничавших с гитлеровцами или в разные годы боровшихся против Советского Союза. В числе задержанных сотрудниками отдела УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта оказался житель югославского города Нови-Сад, активный участник РОВСа и НТСНП В.В. Шульгин.

В октябре 1944 г. Сремские Карловцы, где жил Шульгин, были освобождены Советской Армией. 24 декабря 1944 года Шульгин был доставлен в югославский город Нови-Сад. Шульгин был задержан в городе Нови-Сад оперуполномоченным 3-го отделения 1-го отдела Управления контрразведки «Смерш» 3-го Украинского фронта лейтенантом Ведерниковым. Это было сделано по указанию начальника 3-го отделения А.И. Чубарова (Начальником 1 отдела Управления в то время был подполковник Неживов, а начальником Управления фронта П.И. Ивашутин. 31 января 1945 г. уже в Москве арест Шульгина был оформлен процессуально.

Сравнивая воспоминания и протоколы допросов можно выявить и некоторые существенные разночтения, сделанные Шульгиным. В воспоминаниях он писал, что Герасимов пугал его очной ставкой: «Крупной фигурой в эмиграции был Михаил Александрович Троицкий, глава новопоколенцев. Однажды он сказал мне, что поедет к Гитлеру, чтобы у него чего-то добиться, и спрашивал меня, о чем и как следовало бы говорить с “фюрером”. Я ответил ему, что о Брестском мире не может быть и речи, мы его никогда не признаем. Троицкий поехал, однако до “фюрера” не дошел, но говорил с его матерью, и ничего из этого предприятия не вышло. Герасимов угрожал мне очной ставкой с Михаилом Александровичем. Но и она не состоялась».

В показаниях Шульгина никакого Михаила Александровича Троицкого мы не обнаруживаем, зато есть известный деятель НТСНП Михаил Александрович Георгиевский, имя которого несколько раз звучит во время допросов. Есть и копия протокола допроса М.А. Георгиевского от 1 сентября 1945 г., в котором тот упоминает про рукопись Шульгина «Пояс Ориона», в которой шла речь о создании единого целого из трех «звезд» пояса Ориона: Германии, Японии и России, причем России «освобожденной» от советской власти с помощью Германии и Японии. По выражению Шульгина, этот пояс мог бы опоясать весь мир и проводить свою независимую политику. Прозвучавшая Шульгина, ссылаясь на показания Георгиевского, спрашивали во время допроса 14 сентября 1945 г. В последующих воспоминаниях Шульгин опустил упоминания об этой повести и ее содержании.

Про Георгиевского – «Троицкого» он писал: «Все же Троицкий что-то на этой игре для себя выиграл. Если мне дали двадцать пять лет, то ему надо было дать сорок, а он получил двадцать. Но он умер раньше срока». В действительности, судьба Георгиевского была совсем иной, чем писал Шульгин.

Теперь, впервые, благодаря публикуемым нами документам, можно точно проследить путь Шульгина, а его воспоминания «Пятна» позволяют посмотреть на этот путь глазами арестованного, подследственного и заключенного. В материалах следствия обозначено, что Шульгин был «арестован 31 января 1945 года Главным Управлением контрразведки “Смерш” как активный член белоэмигрантской организации “Русский Общевоинский Союз”». 31 января 1945 г. по ордеру № 613, подписанного заместителем начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-лейтенантом И.Я. Бабичем, он был передан во Внутреннюю тюрьму НКГБ СССР и помещен в камеру № 94 V корпуса. 17 раз его вызывал на допрос следователь ГУКР А.А. Герасимов. Первый допрос состоялся 7 февраля 1945 г. в комнате № 666 и проходил с 22:25 до 4:00 следующего дня. Последний – 15 сентября того же года, и в том же кабинете – с 10-35 до 13-50.

За время пребывания во Внутренней тюрьме Шульгина побывал в шести камерах, которые периодически меняли (№№ 94, 47, 96, 100, 56 и 28). 30 ноября 1945 г. служебной запиской за номером № 2414 Шульгин был переведен в Лефортовскую тюрьму, где помещен в камеру № 87 II корпуса и продолжал числиться за ГУКР «Смерш». Однако в Лефортово Шульгин «гостил» недолго. Согласно служебной записки № 2488 от 12 декабря 1945 г. его вновь вернули во Внутреннюю тюрьму и поместили в уже знакомую 28-ю камеру. Через три дня Шульгина вызвали на допрос в комнату № 588 к следователю Ивлеву (Герасимову – 7 и 27 февраля, 7 мая). После предъявления обвинения и проведения следствия, которое продолжалось более двух лет, Шульгин, по решению Особого совещания при МГБ СССР, был приговорен к тюремному заключению сроком на 25 лет. В вину ему вменялся стандартный набор различных частей ст. 58. УК РСФСР.

До 21 мая 1946 г. Шульгин числился за ГУКР «Смерш» – Главным управлением контрразведки МГБ СССР. 25 мая 1946 г. перешел в ведение Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, где находился до вынесения решения Особого совещания при МГБ СССР от 12 июля 1947 г. Спустя две недели, 25 июля того же года Шульгин был доставлен во Владимир. Решением Центральной комиссии по отбору заключенных, подлежащих переводу в особые лагеря и особые тюрьмы МВД от 10 июля 1948 г., в соответствии с приказом МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР от 16 марта 1948 г. было принято решение о его переводе в Особую тюрьму МВД СССР (г. Владимир).

«В 40-е годы Владимирская тюрьма называлась особой тюрьмой Министерства госбезопасности. В ней сидело около двух тысяч человек.

Среди них были и железные маски. Точнее – номерные заключенные. Это, как правило, были *vip*-узники, чьи имена некто не должен был знать. ... Среди депутатов Госдумы было немало таких, по ком плакала тюрьма. Естественно, речь идет о дореволюционных созывах. Но руки правосудия, если, конечно, “тройки” можно так назвать, дотянулись до бывших депутатов спустя много лет. Некоторых пришлось доставать из-за границы. Например, Василий Шульгин был крупным политическим деятелем в предреволюционной России, депутатом трех Госдум. 2 марта 1917 года он принимал отречение Николая II от престола. Потом не сошелся с большевиками, но зато сошелся с белогвардейцами. Не будем пересказывать весь краткий курс ВКП(б), но, в общем, белогвардейцы проиграли. Шульгин долго мыкался по заграницам, пока в декабре 1944 года его не достала в Югославии контрразведка «Смерш». Бывшему депутату дали 25 лет тюрьмы и отправили во Владимирский централ. В это время здесь сидело много интеллигентных и ярких людей»³⁷.

Срок Шульгин отбывал во Владимирской тюрьме (1947–1956). В 1995 г. в ЦА ФСБ России обращался Биографический институт «Студия биографика» (Санкт-Петербург) с просьбой сообщить сведения о лицах, отбывавших наказание во Владимирской и Лубянской тюрьмах, вместе с В.В. Шульгиным (Д. 4. Т. 40-1995. Л. 1–8). В числе этих лиц были названы: сын А.П. Кутепова, прибывший во Владимирскую тюрьму вместе с В.В. Шульгиным в 1947 г., а также: фон Штейн – генерал Белой армии; фон Панвиц; Эрик Ханзен – немецкий генерал, командовавший артиллерией в армии фон Манштейна; Дмитрий Дмитриевич Кузьмин-Караваев; Алла Александровна Андреева, жена Д.Л. Андреева; Петр Дмитриевич Долгоруков, и князь Ухтомский («харбинец»).

Материалы дела заключенного Шульгина, хранящегося в архиве ИЦ УМВД Владимирской области, раскрыли «загадку» исчезновения дневников и рукописей Шульгина, написанных им в годы заключения. К сожалению, эти записи были уничтожены. В наше время во Владимирском центре появился небольшой музей³⁸. Есть там и стенд, посвященный Шульгину, на котором «представлен любопытный документ: опись посылки, что прислал Шульгину сидевший с ним пленный немец. Посылки убежденному монархисту приходили крайне редко, но, тем не менее, и в этой была не еда, а... два килограмма бумаги – Шульгин много писал».

15 февраля 1976 г. (в день Сретения Господня) в 11-м часу утра Василий Витальевич Шульгин скончался. Владимирский краеведческий сайт дает следующую справку: «Кладбище “Байгуши” расположено в нескольких километрах от Владимира рядом с пересечением трасс Москва–Уфа и Владимир–Муром. Найти могилу Василия Витальевича Шульгина и его жены Марии Дмитриевны можно следующим образом. По главной дороге кладбища доехать до могилы заслуженного работника культуры

России Инессы Синявиной, перед которой свернуть направо. Проехав квартал по грунтовке, выйти из машины, посмотреть на склон. Новый каменный крест на могиле Шульгиных заметен на фоне старых памятников»³⁹. Обе могилы сохранились.

До недавнего времени на могиле Шульгина стоял простой высокий деревянный крест, без таблички. На могиле его супруги был установлен стандартный металлический крест поменьше, прикреплена фотография, практически полностью выцветшая, и табличка с надписью: «Шульгина Мария Дмитриевна 3/VIII 1900 Киев – 27/VII – 68. Многострадальную душу ее, Господи, успокой». Недавно стараниями жертвователей могила была облагорожена и теперь над захоронениями возвышается строгий черный крест, установленный на небольшом постаменте, на котором выбиты имена и даты жизни.

По заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 12 ноября 2001 г. Шульгин реабилитирован⁴⁰.

¹ Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; Комментар. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. – М.: Книжница; Русский путь, 2010. – 480 с.

² *Заславский Д.О.* Рыцарь черной сотни Шульгин. – Л., 1925; *Он же.* Рыцарь монархии Шульгин. – Л., 1927.

³ *Заславский Д.О.* Рыцарь монархии Шульгин. – С. 4.

⁴ *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.: Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия». – Л., 1977.

⁵ *Степанов С.А.* Черная сотня. – М., 2-е изд., доп. и перераб., 2005.

⁶ *Коцюбинский Д.А.* Национал-либеральная традиция в эмигрантской политологии. Василий Шульгин и Александр Солженицын // Из истории российской эмиграции: Сб. научных статей. – СПб., 1992. – С. 13–17; *Он же.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М., 2001.

⁷ *Николаев А.Б.* «Парламентский» проект В.В.Шульгина // Россия в 1917 году: Новые подходы и взгляды. – СПб., 1994. Вып. 2. – С. 36–42.

⁸ *Иоффе Г.* «Белое дело» и его эпилог // Наука и жизнь. 2005. № 4. – С. 78–84.

⁹ *Репников А.В.* «Опыт Ленина» глазами В. Шульгина // Край родной. 1998. № 26. – С. 2; *Он же.* Судьба монархиста в России (страницы политической биографии В.В. Шульгина) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2002. № 3. – С. 76–86; *Он же.* Василий Шульгин: «...Моя судьба – это ничтожная песчинка в грандиозном “Опыте Ленина”» // Духовность. – Сергиев Посад. 2004. Кн. 6 (январь–май). – С. 92–112; *Он же.* В.В. Шульгин – политик, мемуарист, писатель // IV Сургучевские чтения: «Локальная литература и мировой литературный процесс»: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2007. – С. 255–262; *Он же.* Консервативные концепции переустройства России. – М., 2007; *Он же.* «От Дон Жуана и от Дон Кихота в нем что-то есть...» (Очерк жизни и деятельности В.В. Шульгина) // Гуманитарные науки в творческом вузе.: Сборник статей. – М., 2008. Вып. 2. – С. 140–157.

¹⁰ *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). – М., 2005.

¹¹ Власть и наука, ученые и власть: 1880-е–начало 1920-х годов: Материалы междунар. научного коллоквиума; Власть, общество и реформы в России (XVI–начало XX в.): Материалы научно-теоретической конф. 8–10 декабря 2003 г. – СПб., 2004; Политические партии России: прошлое и настоящее: Сб. статей. – СПб., 2005.

- ¹² Ганелин Р.Ш. Правое крыло первой волны российской эмиграции о политической роли либерализма в начале XX века // Власть, общество и реформы в России (XVI–начало XX века) – С. 354–363; Базанов П.Н. Монархические организации в эмиграции (1918–1920 е годы): Движение за реставрацию в отражении их издательской деятельности // Там же. С. 450–461 и др.
- ¹³ Доронченков А.И. Эмиграция «Первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб., 2001.
- ¹⁴ Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / Сост. науч. ред., пред. и коммент. С.В. Волкова. – М., 2005.
- ¹⁵ Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. – М., 2003.
- ¹⁶ Ерашов В.П. Парадоксы В.В. Шульгина. – М., 2004.
- ¹⁷ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в современной российской историографии: новые подходы и тенденции изучения // Отечественная история. 2005. № 6. – С. 134.
- ¹⁸ Шульгин В.В. Главы из книг «Годы» // История СССР. 1966. № 6. 1967. № 1. «...Я, будучи главным редактором журнала “История СССР”, выбрал несколько глав и опубликовал их в последнем номере за 1966 г. и в первом номере за 1967 г.» // Поляков Ю.А. Апрель шестьдесят седьмого: страсти по Шульгину // Вопросы истории. 1994. № 3. – С. 119.
- ¹⁹ Поляков Ю.А. Апрель шестьдесят седьмого: страсти по Шульгину. – С. 118–125.
- ²⁰ Владимиров В.П. О воспоминаниях В.В. Шульгина // История СССР. 1966. № 6; Аврех А.Я. «Дни» и «Годы» В.В. Шульгина // История СССР. 1967. № 1. – С. 145–159.
- ²¹ Шульгин В.В. Бейлисиада / Пред. и прим. М. Григорьева // Память. Ист. сборник. 1981. – М., 1979–Париж. 1981. Вып. 4. С. 7–54.
- ²² См.: Шульгин В.В. // Государственные деятели России XIX – начала XX в.: Биографический справочник / Сост. И.И. Линьков, В.А. Никитин, О.А. Ходенков. – М., 1995. С. 207. Газета «Киевлянин» в статье ошибочно названа журналом.
- ²³ Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Шульгин В.В. // Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Государственная дума Российской империи (1906–1917 годы) / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 2006. Т. 1. – С. 737–738.
- ²⁴ Лукьянов И.В. У истоков российского парламентаризма: Историко-документальное издание. СПб., 2003; Алешкин А.М., Калмыков А.Г. Думы Таврического дворца: Государственная Дума России. 1906–2006. – М., 2006. – С. 229–232, 272–280, 314–321, 382–386; Государственная Дума Российской империи: портреты политических лидеров (1906–1917): Научно-популярные био-библиографические очерки: к столетию парламентаризма в России [авт. очерков Е.В. Ярошенко; сост. библиограф. Н.С. Антонова, А.А. Ермак]. – М., 2006. С. 261–292 и т.д.
- ²⁵ Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 1996.
- ²⁶ «Давайте искать то, что нас объединяет...» [Письмо Ф. Эрмлеру] // Звезда. 1996. № 1; «Первое, что исчезнет, будет Ложь»: Письма публициста и общественного деятеля В.В. Шульгина / Публ. В.П. Ярошецкой // Люди и судьбы на рубеже веков: Воспоминания. Дневники. Письма. 1895–1925. – СПб., 2000.
- ²⁷ «Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу» (Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина) / Публ., вступ. ст. и прим. О.В. Будницкого // Евреи и русская революция. Материалы и исследования. – М., Иерусалим, 1999. – С. 374–442.
- ²⁸ Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина / Подг. О.В. Будницкий // История и историки: историографический вестник. – М., 2007. – С. 363–394.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5974, 4 оп., 583 ед. хр., 1918–1926. См.: Путеводитель. Т. 5. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000). – М., 2001. – С. 498–500. К сожалению, в биографии Шульгина в данном издании вкралось несколько ошибок. Ошибочно сообщается, что Шульгин был «приговорен к 10 годам заключения» // Там же. – С. 499; в то время, как он был приговорен к 25 годам.
- ³⁰ ЦА ФСБ России. Р-46850.
- ³¹ Макаров В.Г., Репников А.В. Русские монархисты после октября 1917. Новые документы // Ф.И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма / Южнороссийское

обозрение ЦСРПИП РГУ и ИСПИ РАН. Приложение. Сборник статей. – Ростов-на-Дону, 2004. Т. 1. – С. 47–65; *Они же*. Дубровин А.И. // Санкт-Петербург: Энциклопедия. – СПб.–М., 2004. – С. 261; *Они же*. Александр Дубровин и Лев Тихомиров: судьба после крушения самодержавия // Историк и время: Сборник научных статей. – Пенза, 2004. – С. 131–144; Следственное дело доктора Дубровина / Вступ. ст., публ. и прим. В.Г. Макарова // Архив еврейской истории. Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. – М., 2004. Т. 1.

³² *Репников А.В., Христофоров В.С.* В.В. Шульгин: обзор документов личного фонда // Вестник архивиста. 2003. № 3–4. – С. 176–186.

³³ В.В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия. Новые документы из архива ФСБ / Пред., вступ. ст., комм. А.В. Репникова, В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. 2003. № 4. – С. 64–111; *Репников А.В., Христофоров В.С.* Неизвестный Шульгин // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. – Воронеж, 2004. Ч. 1. – С. 218–237; Из архивного следственного дела № Р–48956 в отношении Шульгина Василия Витальевича / Публ. и комм. А.В. Репникова, В.С. Христофорова // Консерватизм в России и мире: В 3 ч. – Воронеж. 2004. Ч. 3. – С. 162–182; *Репников А.В., Христофоров В.С.* «Октябрьскую революцию я встретил враждебно...» (документы из следственного дела В.В. Шульгина) // Постигая историю...: сборник научных статей. – Пенза, 2006. – С. 159–171; *Они же*. «...Как ярый враг большевиков» (из следственного дела В.В. Шульгина) // Россия XXI. 2007. № 5. – С. 144–177; *Они же*. Вечный странник // Родина. 2007. № 12. – С. 99–106.

³⁴ См.: *Бутаков Я.А.* Консерватизм в России и мире // Вопросы истории. 2006. № 5. – С. 165–168.

³⁵ *Санькова С.М.* П.Б. Струве – политическая биография консервативного либерала. // Российские либералы: люди, события, эпоха. Сборник научных статей. – Орел, 2004; *Лыкова Л.А.* Следственные документы по делу об убийстве российской императорской семьи как исторический источник. Автореф. дисс. ... док. ист. наук. – М., 2007; *Омельяничук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914 гг.). Автореф. дисс. док. ист. наук. – Воронеж, 2006; *Он же*. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914): – Киев, 2006; *Санькова С.М.* Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). – Орел, 2006; Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина / Подг. О.В. Будницкий. и др.

³⁶ *Будницкий О.В.* «Оставим святочные темы и перейдем к еврейскому вопросу»... – С. 381.

³⁷ *Куликов В., Черняк И.* Путеводитель по Владимирскому централу. Тюремное ведомство выпустило первый выпуск рассказов о своих владениях // Российская газета. 2007. 23 марта.

³⁸ *Филиппова Т.* «Железные маски» Владимирского централа // Комсомольская правда. 1997. 18 июля. – С. 7.

³⁹ *Борисов Ю.* Могилы знаменитостей. Шульгин Василий Витальевич (1878–1976). Как найти могилу <http://m-necropol.narod.ru/shulgin1.html>

⁴⁰ Были юридически реабилитированы и некоторые соратники Шульгина по монархическому лагерю. По заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 сентября 1998 года был реабилитирован А.И. Дубровин // Следственное дело доктора Дубровина. – С. 271. «В 1993 году Меньшикова реабилитировали. Новгородская прокуратура удовлетворила долгие хлопоты потомка Меньшикова и согласилась с тем, что обвинения определенных революционных групп в 1918 году против знаменитого русского журналиста были сфабрикованы из ничего» // *Поселов М.Б.* О Меньшикове и веке двадцатом // *Меньшиков М.О.* Кончина века. – М., 2000. – С. 4.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИМОРЬЯ В 1924–1929 ГГ.

*Тезисы выступления на научно-теоретической конференции
к 80-летию органов безопасности Приморья
г. Владивосток, 12 октября 2003 г.*

Научно-практическая конференция, посвященная 80-летию органов госбезопасности Приморья, объединила историков, ветеранов госбезопасности, молодых представителей науки и архивистов. Именно эту славную и трудолюбивую группу сотрудников ФСБ мне доверено представлять на сегодняшней конференции.

В архивных фондах органов безопасности хранятся документы, которые привлекают пристальное внимание современных исследователей тем, что в них не только отражены людские судьбы, но и скрытые механизмы принятия и реализации политических и социальных решений. Современная историография оценивает информационные материалы органов безопасности как уникальный исторический источник по своей научной значимости, содержанию и масштабам.

Заявленная тема доклада дает возможность кратко рассказать об информационно-аналитической работе органов безопасности Приморья в 1924–1929 гг. Не скрою, что основным побудительным мотивом к выбору темы послужил наш опыт работы по публикации многотомного сборника документов «Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг.». Думаю, что об этой книге вы слышали, поскольку презентация сборника документов Центрального архива ФСБ на заседании Президиума Российской Академии наук была представлена очень широко и подробно в средствах массовой информации. Другое дело – сама книга, вернее, уже семь томов из тех, что вышли в свет к сегодняшнему дню. К сожалению, тираж этого издания очень мал – всего одна тысяча экземпляров, и хотя Дальний Восток, как известно, «край нашенький», сомневаюсь, что с этим изданием многие уже смогли познакомиться.

Поэтому в моем сообщении на основе накопленного в Центральном архиве ФСБ опыта исследования документов такого рода пойдет речь о том,

как налаживалась и совершенствовалась деятельность информационных подразделений органов безопасности Приморья в 1920-е гг. прошлого века, какие требования к постановке этой работы предъявляли центральные органы ОГПУ. Основным источником изучения темы стали документы из фондов Центрального архива ФСБ России.

К сожалению, значительная часть документов этого периода сохранилась не в полном объеме. Так, в ЦА ФСБ не удалось выявить госинфсводки Приморского губотдела ОГПУ, а госинфсводки Владивостокского окротдела имеются лишь с декабря 1927 г., доклады и спецсводки – с 1928 г.

Но определенные выводы о работе информационного подразделения можно сделать и на основе анализа архивных документов курирующего подразделения – Информационного отдела Полномочного представительства ОГПУ по Дальнему Востоку. В частности, сохранились отчеты о работе информационных подразделений, направлявшиеся в центр.

В ВЧК-ГПУ-ОГПУ изначально придавалось большое значение службе информации как важнейшему направлению оперативно-аналитической работы. Руководители станы постоянно нуждались в информации с мест и именно от чекистских органов.

В структуре Секретно-оперативного управления ОГПУ Информационный отдел осуществлял подготовку государственных информационных сводок, специальных тематических сводок, обзоров, докладов, бюллетеней, которые направлялись руководителям партии и правительства, наркоматов, ведомств, а также рассылались в местные органы ОГПУ. Этот отдел руководил работой информационных подразделений местных органов ГПУ¹.

В Приморском губотделе (с 1926 г. – Владивостокском окротделе) ОГПУ функционировало информационное отделение, которое курировалось информационным отделом Полномочного представительства ОГПУ по Дальнему Востоку, находившимся в Чите, а затем передислоцированным в Хабаровск. В 1925-1926 гг. оно называлось «Инфарсо». Эта аббревиатура может быть расшифрована так: информационно-агентурное и регистрационно-справочное отделение. Сделать такой вывод дает основание анализ штатного расписания отделения. По штату на ноябрь 1925 г. в Инфарсо значилось 25 человек: начальник, уполномоченные, помощники уполномоченных, сводчики (так называли тех, кто готовил сводки), политконтролеры, заведующий столом по учету, регистраторы, архивариус, фотограф и даже дактилоскопист.

На Инфарсо кроме подготовки аналитических документов возлагалась работа по осуществлению «политконтроля», руководство городской информсетью, ведение сторожевой картотеки, учет оперативных дел и т.д. Позднее, функции регистрации и информационного обеспечения были

разделены и в 1929 г. в отделении ИНФО по штатам положено уже только 14 единиц. О качестве кадрового состава информационных подразделений ОГПУ, в том числе и в Дальневосточном крае, достаточно убедительно говорят подготовленные ими материалы.

Как видно из архивных документов, в Полномочном представительстве ОГПУ по ДВК высоко оценивали работу информационного подразделения Приморского губотдела. И здесь нужно сказать о тех чекистах, кто возглавлял информационно-аналитическую работу в Приморье в 1920-е гг.

Давыдов-Катючий Григорий Александрович – выходец из батраков Херсонской губернии. Учиться ему практически не довелось: в автобиографии он пишет, что окончил 2 класса сельской школы, а в дальнейшем занимался самообразованием. В органах ВЧК с 1920 г., активный участник партизанского движения на Дальнем Востоке, был ранен. С 1923 г. член ВКП(б). В 1924–1930 гг. – начальник ИНФО окротдела, а потом и ПП ОГПУ по ДВК, В 1934 г. назначен начальником УНКВД по Амурского области. 16 августа 1937 г. арестован за «участие в контрреволюционной шпионско-диверсионной организации» и 4 февраля 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1958 г.

Шилов Петр Иванович – из неимущих мещан Костромской губернии. Ему удалось закончить 6 классов реального училища. В 1918 г. находился в продотряде в Казанской губернии, участвовал в подавлении кулацких восстаний, затем направлен на Восточный фронт, был ранен, после выздоровления воевал против Юденича. В ВКП(б) с 1919 г. С сентября 1920 г. на оперативной работе в ВЧК-ОГПУ Белоруссии. В 1928–1937 гг. – на различных должностях в органах ОГПУ-НКВД на Дальнем Востоке. В июле 1937 г. откомандирован в распоряжение НКВД СССР, но через три месяца арестован по необоснованному обвинению и расстрелян 10 мая 1939 г. Реабилитирован в 1958 г.

Голянов Петр Николаевич родился во Владимирской губернии в семье мелкого торговца. С 1917 г. проживал во Владивостоке, где окончил коммерческое училище, затем занимался репетиторством, был сторожем, счетоводом, статистиком, одновременно учился на факультете общественных наук в Дальневосточном университете. Весной 1922 г. ушел из семьи в связи с тем, что отец пытался заставить его служить в белой армии. С 1923 г. работал сводчиком в ИНФО Приморского губотдела ОГПУ. В члены ВКП(б) вступил в 1928 г. Последняя должность в послужном списке П.Н.Голянова – начальник Комсомольского горотдела УНКВД по ДВК. В 1937 г. он также был арестован, а 9 февраля 1938 г. расстрелян в г. Хабаровске. Реабилитирован в 1989 г.

Объединяет этих чекистов не только трагичность их судеб, но и то, что в 20-е гг., будучи совсем молодыми (24-26 лет), они возглавляли работу

информационных подразделений Приморья. Их отличали профессионализм и высокая ответственность за порученное дело.

Обстановка на российском Дальнем Востоке в 20-е годы была сложной. Установление Советской власти на Дальнем Востоке, как известно, произошло на четыре года позже, чем в центральной России. На протяжении еще нескольких лет здесь еще продолжали функционировать оппозиционные партии и движения, в экономике значительный сектор занимали иностранные компании и частные предприниматели. Здесь было больше, чем в других частях страны, граждан, отрицательно относившихся к новой власти, что связано с их миграцией из Советской России в ДВР в годы гражданской войны. Многие бывшие участники партизанского движения не смогли приспособиться к жизни в условиях мирного времени и продолжили борьбу уже с новой властью, занимались контрабандой и др. Немаловажно было и то, что на территории края проживали многочисленные национальные диаспоры.

Как уже отмечалось, своевременная информация с мест имела для высших эшелонов власти страны огромное значение. Ритмичности госинформации мешала несвоевременная доставка сводок губотделами ГПУ в центр. Касаясь причин запаздывания сводок, ИНФО ПП ОГПУ по ДВК объясняло центру данное обстоятельство условиями связи. Их посылка ж.д. транспортом из Вехнеудинска в Хабаровск занимала 6, а из Читы – 5 дней. Посылка в Москву занимала 11 дней. Таким образом, только пересылка сводок продолжалась 20 дней, и то при условии совпадения составления сводок с поездкой фельдъегерей².

Основным источником в работе информационного отделения была оперативная информация, а в качестве подсобного средства – «казенное осведомление» (советские органы, милиция, партийные ячейки, местные комитеты, рабкоры). Источником дополнительной информации служили письма из деревни и письма красноармейцев.

14 марта 1925 г. ПП ОГПУ по Дальнему Востоку всем губотделам направило схему двухнедельной сводки. В сопроводительном письме подчеркивалось, что главное место в ней должно отводиться крестьянскому вопросу. При подготовке сводок рекомендовалось больше использовать оперативную информацию, в меньшей степени – официальные материалы, на которые можно «ссылаться лишь как на иллюстрацию». Перечисленные в прилагаемой схеме разделы были рассчитаны на включение в сводку «абсолютно всех фактов, имевших место по губернии за отчетный период, а не отнюдь на приведение характерных из них, с исключением остальных, как это наблюдается в данное время»³. И нужно отметить, что сводки губотделов в целом адекватно отражали происходившие события. В первом разделе сводок обязательно говорилось об экономическом положении

рабочих: своевременность выдачи заработной платы, закрытие предприятий, забастовки, недовольство бесхозяйственностью и злоупотреблениями администрации и т.п.

Второй раздел сводки являлся наибольшим по объему и раскрывал состояние деревни. Показывая политические настроения жителей села, в сводке отражалось недовольство крестьянства городом и рабочим классом, действия кулачества по захвату низового соваппарата, агитация против налоговой кампании и др. Особое внимание уделялось фактам, характеризующим экономическое расслоение деревни: тяжесть уплаты сельхозналога, разорение маломощных хозяйств, экономическое усиление кулачества, вопросы земле- и лесоустройства и т.д.

Другие разделы сводок показывали различные сферы жизнедеятельности и политнастроения казачества, старообрядцев, нацменьшинств, совслужащих, Красной армии, состояние кооперации, госторговли, банков, т.н. «вольного рынка», явления бандитизма, деятельности антисоветских партий и духовенства.

По два экземпляра госинфсводок направлялись в Информационный отдел ОГПУ в Москву и в ПП ОГПУ по ДВК, по одному экземпляру – председателю губисполкома, в партийные органы и уполномоченным ОГПУ по уездам⁴.

Информационный отдел ПП ОГПУ по ДВК уделял большое внимание улучшению качества сводок, поступающих из губотделов, в особенности по вопросам борьбы с бандитизмом. Так, в циркулярном письме от 25 августа 1924 г. отмечалось чрезвычайно слабое освещение этой темы: «В сводках совершенно нет указаний на то, какое отношение населения именно к этой банде, каково настроение по ликвидации данной банды, среди каких слоев крестьянства данная банда пользовалась поддержкой [...] Также отсутствует характеристика полит[ической] идеологии бандглаварей, благодаря чему затрудняется определение характера существующего бандитизма, т.е. уголовного или политического»⁵.

В письме ПП ОГПУ по ДВК от 8 сентября 1927 г. было подвергнуто критике освещение в сводках явлений в каменно-угольной промышленности. «Очень слабое отражение находят себе в госинфсводках вопросы быта рабочих. Обычно фиксируются только отрицательные стороны, как пьянство, хулиганство, картежные игры и т.п. Что же касается положительных явлений в быту рабочих, то о них ни слова. Неужели революция не внесла своего влияния в бытовой уклад рабочего? Неужели нет среди рабочих тяги к общественности, культурно-просветительской работе, к работе профорганизации, помимо участия в перевыборах шахтовых и рудничных комитетов и т.п. Конечно, все это есть, и, может быть малозаметно, но крепко вращается в рабочий быт»⁶.

Государственная информационная сводка была достаточно объемным документом. Так, госинфсводка Владивостокского окружного отдела ОГПУ № 1 за 1928 г. содержит 220 листов. Начальник ИНФО Владивостокского окротдела П.Н.Голянов в докладе о работе отделения во втором полугодии 1927 г. отметил, что за апрель-май 1927 г. было отражено 1025 фактов, за октябрь-ноябрь – уже 1153. Положительных настроений и выступлений в первом случае было отмечено 181, во втором – 345⁷.

23 июня 1928 г. начальник ИНФО ПП ОГПУ по ДВК Г.А.Давыдов направил в окружные отделы ОГПУ циркулярное письмо о сокращении объема сводок. «Значительное количество информматериалов, особенно узкоместного значения, помещаемых в инфсводках, не только не используется местными адресатами (окружными организациями и учреждениями), но часто ими и не прочитывается, вследствие физической невозможности посвятить 5–6 часов чтению сотен мелких фактов... Совершенно естественно, что факты серьезного значения тонут в массе второстепенных и маловажных и использование их, даже по линии наших органов, крайне затрудняется»⁸.

Именно этой проблеме – как используются факты, приведенные в сводках, заинтересованными лицами и учреждениями – уделялось большое внимание. Поэтому в их адрес направлялись выписки из сводок, так называемые отношения. В архивных документах 1928 г. имеется таблица направления отношений по разделу «Крестьянство» и получения ответов на них. С января по июнь было направлено 242 отношения, больше всего в окрисполком – 132, в окружное земельное управление – 51, в окружном ВКП(б) – 26, в окрздрав – 20, в облпрокуратуру, окружной отдел народного образования и в окрпрофбюро – по 4, в местхоз – 1. Получено лишь 33 ответа: из окрЗУ – 23, окрисполкома – 7, из окроно, окрпрофбюро и местхоза – по 1.

В дальнейшем с окружкомом согласовывались мероприятия, направленные на обязательность ответов, на реализацию материалов через прокуратуру. По материалам ИНФО за 1928 г. было снято с работы 39 человек, передано суду – 20, арестовано – 8, передано дел в крестьянские комитеты – 2, назначено ревизий – 13, объявлено выговоров – 15. Всего же сообщено отношениями в окружном, крестьянские комитеты, рабоче-крестьянскую инспекцию, окрисполком, прокуратуру и т.д. – 995 различных фактов⁹.

По мере становления общественного строя в жизни страны появлялись новые явления, развитие которых, по мнению руководства ОГПУ, необходимо было отражать в госинформсводках.

Циркулярное письмо ПП ОГПУ по ДВК от 2 марта 1928 г. предписывалось губотделам освещать работу культурных и общественных организаций на селе отдельным разделом. Не исключалось, что отдельные их работ-

ники «искривляют классовую советскую линию», могут оказать серьезное влияние на настроение крестьянства. «Мы до сего времени совершенно не уделяем никакого внимания освещению женработы (делегатских собраний) в деревне. Что делают, думают и как настроены женщины – добрая половина населения Дальневосточного края, какое участие они принимают в проходящих на селе кампаниях, мы совершенно не учитываем. Не учитываем мы и деятельности таких организаций, как шефские общества в деревне. Что делают приезжающие в деревню шефы, часто беспартийный неизученный элемент? Очень возможно, что они делают нужное дело, но возможно, что они, пользуясь случаем, ведут безответственную антисоветскую агитацию, распространяют различные провокационные слухи и т.д. Что делает Осоавиахим в селах? Из каких лиц формируются кадры его членов? Нет ли и здесь возможностей проникновения в контрреволюционных целях антисоветского элемента?»¹⁰.

В письме ПП ОГПУ по ДВК от 12 мая 1928 г. высказывалась неудовлетворенность освещением деятельности сельской кооперации. Отмечалось, что в сводках имеются разрозненные сведения о подготовке перевыборов в одном кооперативе, ходе их – в другом, о результатах перевыборов – в третьем, но «...как шли и чем кончились перевыборы в первом случае – неизвестно из дальнейших материалов, не видно и кто был избран во втором случае и т.д. В силу этого почти невозможно было сделать более или менее обоснованной оценки выборов, их хода и результатов не только в масштабах края, но и в самом округе, не говоря уже о хотя бы приблизительном учете проникновения антисоветского элемента в правления сельских кооперативов»¹¹.

Кроме госинфсводок информационные подразделения на местах должны были с определенной периодичностью, а также в директивном порядке направлять в вышестоящие органы ОГПУ спецсводки, доклады и докладные записки по отдельным проблемам.

Так, только в сентябре 1927 года ИНФО Владивостокского окротдела в ПП ОГПУ по ДВК было направлено: две госинфсводки, две спецсводки «в связи с разрывом с Англией», две спецсводки по призыву, спецсводки о политнастроениях учительства, об антисоветских проявлениях в деревне, два доклада о политнастроениях в округе, доклады о партизанах и о мобработе. Начальник ИНФО Владивостокского окротдела ОГПУ П.Н. Голянов в докладе о работе подразделения за 1927 г. дал негативную оценку практике направления внеплановых документов: «За сентябрь месяц мы должны были «сфабриковать» (иначе как фабрикацией это назвать нельзя) до дюжины докладов. [...] Эта загрузка докладами всегда вреднейшим образом отзывалась на правильной постановке работы. 5-е отделение представляет из себя, выражаясь аллегорически, вечную докладную машину

без остановок, без передышки, без отдыха. Кончим один доклад, начинаем другой, а то и несколько сразу»¹².

Но государственная бюрократическая машина требовала новой информации, и объем работы в подразделении не уменьшался. По данным ИНФО ОГПУ по ДВК, только за первое полугодие 1929 г. ИНФО Владивостокского окротдела было выпущено 99 различных спецсводок, докладов и докладных записок, 35 из которых касалось продзатруднений, 10 – посевной кампании, 8 – перевыборов в советах¹³.

Сбор и анализ информации о политическом и экономическом положении в крае проводился органами безопасности Дальнего Востока планомерно и последовательно. Благодаря их усилиям в архивах отложились документы, которые в настоящее время активно вводятся в научный оборот и значительно расширяют наши представления о событиях отечественной истории.

¹ Подробнее о структуре и деятельности ИНФО Секретно-оперативного управления ОГПУ см. статью В.К. Виноградова «Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества» – в кн.: «Совершенно секретно : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.)». Т. 1. Ч. 1. – М., 2001. – С. 31–73

² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 612. Л. 4.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 612. Л. 12.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 645. Л. 2.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 612. Л. 9 об.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 587. Л. 109.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 587. Л. 168.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 587. Л. 350.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 588. Л. 255.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 587. Л. 341.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 587. Л. 346–347.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 587. Л. 171.

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 588. Л. 365.

К ИСТОРИИ МОРДОВИИ XX В.

*Тезисы выступления на научной конференции
г. Саранск, апрель 2011 г.*

В архивах ФСБ России хранятся документальные материалы периода 1917–1991 гг. Ранее эти архивные документы в своей большей части исследователям были недоступны, и лишь в 1990 гг. начался процесс их рассекречивания и введения в научный оборот. Историкам практически сразу стало понятно, что новые, ранее неизвестные источники по истории России XX в. существенно дополняют, а в некоторых случаях и скорректируют сложившиеся концепции. Документы по истории Мордовского края хранятся не только в Центральном архиве ФСБ России, но и в архивах ряда региональных управлений. Как известно, территория нынешней Мордовии в соответствии с административно-территориальным делением входила в состав нескольких губерний: Пензенской (Саранский, Краснослободской и Инсарский уезды), Симбирской (с 1928 г. – Ульяновской обл. – Ардатовский уезд), Тамбовской (Темниковский уезд). В июле 1928 г. Мордовский округ входил в состав Средне-Волжской области, преобразованной в октябре 1929 г. в Средне-Волжский край. Именно поэтому материалы по истории края можно найти в архивах УФСБ России по Пензенской, Самарской, Тамбовской и Ульяновской областям и др.

Основные виды источников по истории Мордовского края, хранящихся в архивах органов безопасности, можно подразделить на несколько групп, исходя из их содержания и формы. Самая многочисленная группа – делопроизводственные документы. Эту группу, в свою очередь, условно можно разделить на два больших комплекса: законы и нормативные правовые акты и служебная документация органов безопасности. К служебной ведомственной переписке относятся не только взаимные обращения региональных органов и центра, но и письма, докладные записки, информационные сводки, обзоры, справки и другие аналитические документы, подготовленные по заданным темам или в связи с какими-либо событиями и направлявшиеся в высшие инстанции партийной и государственной власти.

Исследование законов и иных актов, регламентировавших деятельность ВЧК–ОГПУ–НКВД, а также изданных на их основе нормативных правовых актов, по мнению многих исследователей¹, занимает важное место в изучении новейшей истории России. Начиная с 1990-х гг. архивистами предприняты большие усилия введению в научный оборот документов партийных и советских государственных органов, в том числе ВЧК–ОГПУ–НКВД. Важнейшие из этих материалов были опубликованы в крупных международных проектах: «История сталинского Гулага»², «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание»³: «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг.»⁴; «Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.»⁵, «Лубянка. Сталин и ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1922–1934 гг.»⁶; и др.

Служебная документация ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ, в том числе органов безопасности Мордовии, представляет собой ценный источник для изучения истории края и всей страны. Документы, изданные в Полномочном представительстве ОГПУ–НКВД Средне-Волжского края (до 1938 г.), органах безопасности Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний и, конечно, в органах безопасности Мордовии, дают возможность реконструировать многие страницы истории края. И здесь в первую очередь следует сказать о периоде гражданской войны, годах крестьянских выступлений и протестного движения во время коллективизации и раскулачивания; эпохе индустриализации и массовых политических репрессий⁷.

В обзорах политического состояния СССР, готовившихся в Информационном отделе ОГПУ, в 1922–1930 гг. в разделы «Рабочие», «Крестьянство», «Духовенство», «Бандитизм» регулярно включалась информация о Мордовском крае. Например, сообщалось о недовольстве рабочих чугунолитейных заводов №№ 4 и 5 (Краснослободский уезд Пензенской губернии) размерами заработной платы и забастовках сезонных рабочих на лесных разработках (Темниковский район Мордовского округа). Указывалась и причина забастовки – недовольство выдаваемой нормой хлеба и неудовлетворительное снабжение. Отмечались выступления на почве землеустройства и др.⁸.

ОГПУ в феврале – марте 1922 г. информировало советское руководство о подавленном настроении крестьян Инсарского района вследствие голода; о ходе налоговой кампании в 1924–1925 гг. и расколе крестьян Саранского уезда на две группы (под руководством комитета взаимопомощи и под руководством кулачества); ухудшении материального состояния малоимущих хозяйств в Ардатовском и Саранском уездах; уходе крестьян из мест проживания на заработки весной 1926 г.; недовольстве конфискацией хлеба и массовом укрытии хлебных запасов («излишков»); протестах против проведения хлебозаготовок; активных выступлениях в пораженных голодом районах; об избиениях совработников и активистов села и др.⁹.

В разделе «Духовенство» сообщалось о том, что осенью 1922 г. духовенство Инсарского уезда «постановило сдать церковные ценности в рас-

поряжение Комитета помощи голодающим». Отмечались «массовые факты снятия сана со священнослужителей» в Саранском уезде в 1928 г. В апреле–декабре 1929 г. были зафиксированы массовые выступления на религиозной почве, спровоцированное церковниками и кулаками из-за закрытия церкви в Мордовской области¹⁰. ОГПУ информировало о результатах борьбы с бандитизмом; об аресте в октябре 1925 г. в Краснослободском уезде преступной группы, «боровшейся с культурной жизнью в деревне»; бытовом хулиганстве, «перерождавшемся в бандитизм»; о грабежах и поджогах; погромах изб-читален в Ардатовском уезде и др.¹¹.

Сводки, сообщения и доклады о политическом и экономическом положении Мордовского края за период 1924–1930 гг. (о коллективизации и раскулачивании; ходе выселения кулацких семей; антисоветских проявлениях; подготовке к посевным и уборочным кампаниям и др.) безусловно, представляют большой интерес для исследователей.

Помимо названных информационно-аналитических документов не менее интересные сведения можно найти в так называемых литерных делах. Документы этих дел характеризуют политическое, социальное, экономическое положение как в целом в регионе, так по отдельным отраслям промышленности, предприятиям, учреждениям науки и культуры, учебным заведениям, службам и предприятиям транспорта и связи и другим объектам.

В литерных дела содержится информация о политических партиях и внутрипартийной оппозиции; антисоветских эмигрантских организациях и центрах; националистических движениях; духовенстве и верующих различных конфессий и др.¹². Документы органов ВЧК-ГПУ, подготовленные как в Мордовии, так и в Информационном отделе ВЧК-ОГПУ и направлявшиеся высшему политическому руководству государства, наиболее полно и достоверно отражали политическое и экономическое положение и настроения различных групп населения¹³.

Система широкомасштабного сбора информации стала создаваться в ВЧК с 1918 г. Основным содержанием первых информационных документов были сведения об организации советской власти на местах и об отношении к ней крестьянства. Документы свидетельствуют о поддержке крестьянством политики большевиков в деревне до лета 1918 г. Летом 1918 г. документы фиксируют негативную реакцию крестьянства на мобилизацию в Красную армию, указывают на повсеместное недовольство продовольственной политикой большевиков, в частности, принудительными реквизициями хлеба и скота. Доклады с мест и сводки ВЧК-ОГПУ представляют несомненный интерес как достоверные источники для изучения внутривнутриполитических процессов в стране и политике советского государства. Ценность

этих источников определяется теми функциями и задачами, которыми были наделены чрезвычайные комиссии и пришедшие им на смену политические органы безопасности.

В 1919–1920 гг. на основе докладов губчека и донесений военных составлялись еженедельные информационные сводки секретного отдела ВЧК. В 1921 г. в оперативном отделе ежедневно готовили «Оперативно-информационные сводки секретно-оперативного управления ВЧК». Сводки печатались в 10 экземплярах и рассылались для ознакомления высшему руководству страны. С июня 1921 г. в специально созданном Отделении госинформации Информотдела ВЧК стали составляться госинформсводки, которым отводилось особое место в системе информации ВЧК-ОГПУ. Сбор и систематизация материалов осуществлялись исходя из утвержденной 7 февраля 1922 г. заместителем председателя ВЧК И.С. Уншлихтом инструкции Информационного отдела о государственной информации и перечне вопросов, подлежащих освещению в госинформсводках. Основной целью госинформации объявлялось «информирование центра о степени устойчивости положения на местах».

Госинформсводка стала базовым документом для составления других информационных материалов. На ее основе составлялись спецполитсводки, спецпромсводки, финсводки, земсводки и т.п., а также ежемесячные обзоры о политико-экономическом состоянии республики, обзоры повстанческого движения. Функциональное предназначение сообщать обо всем случившемся не для «непосвященных», «посторонних», а для высшего руководства, которое должно было знать все, имело решающее значение при составлении информсводок ВЧК-ОГПУ-НКВД. Это уникальный источник отличает высокая степень достоверности. Важно учитывать, что эти данные плохо отражены в других сохранившихся источниках.

Конечно, как и всякий источник, сводки пронизаны идеологическими установками своего времени, тем более времени революции и гражданской войны. Сопrotивляющиеся большевистской политике крестьяне именуется «бандитами», «кулаками», «врагами революции» и т.п. Содержащаяся в них информация очень точно отражала нарастание негативных настроений крестьянства. Материалы сводок ВЧК-ОГПУ дают широкую картину областей страны в целом, охваченных огнем крестьянских восстаний. Документы фиксируют и монархические, и религиозные, и национальные выступления в деревне, направленные против большевистской власти.

Наряду с этими источниками, представление о положении в областях дают также сообщения с мест: прежде всего это отчеты губернских ЧК о проделанной работе и разного рода доклады о конкретных событиях и действиях. Так, спецсводки ПП ОГПУ по Средне-Волжскому краю о ходе раскулачивания содержат информацию о том, что раскулачивание сопровождалось «широкой активностью и инициативой бедняцко-средняцких масс...

В момент практического проведения раскулачивания беднота и середняки выступили толпами, в некоторых селах с красными флагами, одобряя раскулачивание, и требованием быстрее его проведения, активно участвуя в экспроприациях. В то же время отмечалось, что в некоторых селах Мордовской области часть бедноты и середняков сочувственно относились к кулакам, в отдельных случаях жалея их, оказывали им посильную физическую и материальную помощь. Эта часть крестьян считала, что «политика партии и советского правительства по раскулачиванию – неправильная, отбирать имущество у трудового крестьянства – нельзя». В документе отмечалось, что «в с. Шишкеево Старо-Шайговского района Мордовской области при экспроприации кулацких хозяйств беднота в количестве 50 человек, не оказывая сопротивления экспроприации, плакала вместе с кулаками и помогала им выносить домашние вещи, а также в расквартировании. В Рузаевском и Старо-Шайговском районах наблюдались случаи «самораскулачивания», когда кулаки раздавали крестьянам свое имущество (лошадей, скот, пчел, одежду и мануфактуру) «дабы не отдавать его колхозу». В Ачадовском и Старо-Шайговском районах отмечались случаи бегства кулаков, иногда они убегали, бросая имущество и семьи.

ПП ОГПУ отмечало недостатки и перегибы в кампании раскулачивания. Наиболее серьезным и распространенным видом перегибов, по мнению органов ОГПУ, являлось подведение «середняка, бедняка и даже батрака, а также красных партизан и семей красноармейцев под категорию раскулачиваемых и выселяемых». Такие факты органами ОГПУ фиксировались в Инсарском районе, когда середняки переводились в «зажиточные» и облагались индивидуальным налогом. Отмечались случаи «обложения бедняков и середняков на сумму от 100 до 800 рублей». В этом же районе экспроприации был подвергнут зажиточный крестьянин, сын которого служил командиром роты в Красной армии.

В процессе проведения операции органы ОГПУ ликвидировали в Мордовской области 2 кулацкие организации, численностью 164 человека и 35 группировок общим количеством 329 человек¹⁴.

Борьба с повстанчеством и подавление сопротивления мероприятиям властей для органов безопасности были важной задачей. В архивах отложились многочисленные судебно-следственные материалы: следственные дела, дела заключенных, документация тюрем, проверочно-фильтрационных лагерей и т.п. являются важным источником по истории Мордовского региона. Они содержат около 12 тысяч архивных уголовных дел, предварительное следствие по которым проводилось органами безопасности. Среди архивных материалов находятся документы на лиц, которые обвинялись в организации или участии в «контрреволюционных восстаниях», «антисоветских выступлениях» в период становления советской власти и коллективизации, членов оппозиционных партий эсеров и меньшевиков,

представителей русской православной церкви, а также дела об убийствах партийно-советских активистов села, материалы на лиц, которые во время Великой Отечественной войны обвинялись в измене родине. Подавляющее большинство лиц, проходивших по названным делам, обвинялось в совершении контрреволюционных преступлений, предусмотренных статьей 58 УК РСФСР и в последующем были реабилитированы, как необоснованно пострадавшие в годы политических репрессий.

В архивных следственных материалов содержатся подробные установочные данные на проходящих по делу лиц, времени, сроках и месте осуждения, а также сведения об их реабилитации. Здесь часто содержится информация о различных событиях, организациях, имевших отношение к лицу, проходящему по делу, о его родственниках. При соответствующих уголовных делах хранятся имущественное дело, в котором содержатся материалы о конфискованном имуществе; личные дела заключенного с материалами о передвижении заключенного находящегося под следствием.

В частности, в архиве управления хранятся материалы на организаторов и участников контрреволюционных мятежей в селах Мордовии Косова Ф.И., Плескушкина Е.А., Кирпичникова Т.И., Костина И.И. и др. В архивных следственных делах наглядно отражена история борьбы органов безопасности с политическими партиями, кулачеством в 1929-1932 гг. Подобного рода информация содержится в делах на Царева Ф.А., Осянина В.С., Васюнина М.В., Начаркина С.В. и др.

Наибольший интерес представляют материалы на активных участников буржуазных партий (кадеты, меньшевики, эсеры и др.) и антисоветских организаций, а также церковников, сектантов, контрабандистов, валютчиков и других лиц, проводивших враждебную деятельность против нашей страны. Значительную ценность представляют также документальные материалы литературных дел на зарубежные эмигрантские центры и контрольно-наблюдательные дела по ведению оперативных игр со спецслужбами противника.

Документы охватывают период с 1919 г. Среди наиболее значимых можно выделить: дело «Связь» на организаторов и участников контрреволюционной кулацкой группы Ляпина А.Я. и др. (1919 г.); дело-формуляр на эсеров Коржуева А.А. (1922 г.) и Широкова А.П. (1925 г.); агентурные дела «Знакомые» на участников кулацко-эсеровских организаций «Земля и воля» (1932 г.) и «Монархисты» на участников сектантской группы «Свет Михайловский» (1949 г.); дело-формуляр на троцкиста-редактора журнала «Красные всходы» Артемова А.И. (1937 г.)

Из материалов дела «Знакомые» видно, что в период 1928–1932 гг. на территории Мордовской АССР существовала антисоветская кулацко-эсеровская повстанческая организация под названием «Земля и Воля», которая ставила своей целью подготовку вооруженного восстания против Советской власти, ориентируясь при этом на вооруженную интервенцию капиталистических стран. Участники организации своими действиями препятствова-

ли проведению в жизнь мероприятий партии и советского правительства по преобразованию деревни, пропагандировали среди населения эсеровскую программу. В 1932 г. организация была ликвидирована, ее участники арестованы и осуждены на разные сроки заключения.

Наиболее показательным и информативным из этого фонда является архивное уголовное дело, по обвинению большой группы лиц – 106 человек. Как свидетельствуют архивные документы, протестное движение в Мордовии иногда приобретало ожесточенный характер, в результате чего гибли люди. Так, в июле 1931 г. в одном из районов Мордовской АССР во время скотозаготовок кулачество и антисоветские элементы при поддержке местных церковнослужителей организовали контрреволюционное выступление, которое сопровождалось разгромом сельских советов, колхозов, зверским избиением и убийством партийных и колхозных работников, а также вооруженным сопротивлением отряду чекистов, прибывшему для ликвидации беспорядков. В результате этого выступления были зверски убиты три слушателя курсов райпартактива, председатель колхоза, 25-ти тысячник, член ВКП(б) и другие колхозные активисты, разрушены колхозные постройки, уничтожен инвентарь, разграблено колхозное имущество. После погромов и убийств выступление стало принимать более организованную форму. Для координации совместных действий между населенными пунктами была установлена пешая и конная связь. Прибывшим отрядом чекистов контрреволюционное выступление было ликвидировано, а его участники арестованы.

В архивных следственных делах на священнослужителей зачастую отражена и история религиозных организаций. Жертвами политических репрессий на территории Мордовского края стали священники и миряне Русской Православной церкви, среди несколько архиереев Русской Православной церкви. Трагически сложилась судьба первого епископа Саранского, викария Пензенской епархии Серафима (Юшкова). В 1924 г. он был пострижен в монашество из протоиереев, возведен в сан епископа и направлен в Саранск с целью сдержать в городе и уезде активность обновленцев. Епископ Серафим хорошо знал Саранский уезд, в котором прослужил около 10 лет еще в конце XIX века. Ему вполне удалось справиться с обновленчеством, которое в городе и уезде так и не получило распространения. Но в 1925 г. Саранск владыке пришлось покинуть. Далее он служил в Лукоянове и Кузнецке, потом был арестован и осужден на тюрьму. Дело бы кончилось плохо, если бы не заступничество сына, академика С.В. Юшкова, забросавшего разные инстанции письмами. Владыку из тюрьмы отправили в ссылку на Урал, а после Великой Отечественной войны был освобожден.

Другой епископ Саранский, Кирилл, был арестован, находился в заключении, в 1938 году, отбывая незаслуженное наказание, он был необоснованно обвинен в еще одном не совершенном им преступлении и расстрелян.

В материалах дела «Монархисты» содержится информация о так называемой секте хлыстов – «Новый Израиль». В 1919 г. руководитель секты пытался организовать восстание против Советской власти. С этой целью организовал антисоветскую демонстрацию, в которой приняло участие около 5000 человек, некоторые из которых были вооружены и при встрече с красногвардейскими отрядами оказывали сопротивление. После ликвидации восстания и расстрела ее руководителя, члены секты ушли в подполье и стали именоваться «Дмитриевцами» по имени бывшего руководителя. В 1920-1921 гг. с целью сохранения своих членов и получения материальных средств сектой была создана сельскохозяйственная промысловая артель «Свет михайловский», позже переименована в «Коммуну», которая взяла в свои руки все промысловые учреждения и занималась торговлей. Во главе коммуны стояли кулаки. Внутренний распорядок и быт коммуны напоминал монастырский образ жизни, наряду с администрацией были духовные руководители и проповедники, занимавшиеся антисоветской монархической пропагандой среди членов коммуны. В 1930 г. органами советской власти лжекоммуна была ликвидирована, наиболее активные ее участники арестованы и осуждены. Начиная с 1940 г. оставшиеся члены «Коммуны» привлекли к себе сектантов «хлыстов» и продолжили проводить антисоветскую агитацию монархического толка. В 1947-48 гг. группа при помощи московской сектантской группы приобрела 10 медалей с изображением царя Николая II, которыми награждались наиболее отличившиеся сектанты. В 1949 г. участники группы были арестованы и осуждены.

В жернова репрессивного механизма мог попасть представитель практически любой профессии, проживавший на территории любого другого региона СССР. Так, уже в военные годы подвергся политическим репрессиям солист музыкального драматического театра М.Н. Дейнеко-Дейнеченко¹⁵.

Совсем недавно стали активно использоваться в научных исследованиях трофейные документы периода Великой Отечественной войны, в которых содержится разнообразная информация по истории регионов, в том числе о судьбе конкретных людей. В служебных документах периода Великой Отечественной войны содержится разнообразная информация о деятельности органов государственной безопасности и внутренних дел в условиях военного времени, в первую очередь по оказанию содействия в эвакуации промышленных предприятий на территорию Мордовии и развертыванию их на новом месте, обеспечению экономической безопасности.

Вследствие крайне неблагоприятной обстановки на фронте в начале Великой Отечественной войны ГКО и советское правительство были вынуждены принять неотложные меры по перебазированию основных производительных сил из угрожаемых районов на восток страны. Эвакуация оборудования промышленных предприятий и людских ресурсов стала в этот период одной из важнейших задач государственной политики, которая

обеспечила развертывание в глубоком тылу главной военно-промышленной базы СССР. Из фронтовой зоны (из европейской части СССР) с июня по декабрь 1941 г. было вывезено 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных. Это была передислокация огромной индустриальной базы на тысячи километров, нередко в необжитые места. НКВД активно проводил оперативные мероприятия по обеспечению безопасности перемещения производительных сил и развертывания военно-промышленного комплекса в тыловых районах СССР¹⁶.

За лето – осень 1941 г. в Мордовии было размещено 12 эвакуированных заводов. За годы войны в Мордовии было создано 44 новых и пушено в строй 17 эвакуированных предприятий. Мордовия приняла 80 тысяч человек эвакуированных, из них 25 тысяч детей в возрасте до 15 лет. На территории Мордовии размещались 14 госпиталей, 6 из них в Саранске. Осенью 1941 г. многие из них начали выпускать продукцию для фронта, а к середине 1942 г. работали на полную мощность. Перестройка работы промышленности Мордовской АССР на военный лад была осуществлена в основном в начале 1942 г. Завод № 583 (механический) выпускал запалы для снарядов, детонаторы мин. Саранский механический завод выпускал взрыватели для снарядов, завод «Электровыпрямитель» -- продукцию для Красной армии, ВМФ и народного хозяйства, Саровский завод – артиллерийские снаряды. Саранская швейная фабрика и ее филиалы шили для фронта шинели, гимнастерки, теплые белье, фуражки, шапки-ушанки¹⁷.

Перебазирование производительных сил в регионы, удаленные от районов боевых действий, в том числе и в Мордовию, стало важнейшей составной частью обеспечения экономической безопасности СССР. Экономический отдел УНКВД Мордовской АССР занимался оперативной работой на предприятиях оборонной промышленности (авиастроения, боеприпасов, вооружений, станкостроения, резиновой и химической промышленности, а также органов связи). Кроме прежней задачи – пресечение попыток враждебных элементов путем вредительства, диверсии, саботажа нарушить нормальную работу предприятий оборонной промышленности и выявления шпионов иностранных разведок, – оперативному составу вменялось в обязанность своевременное выявлять производственные недостатки и через партийные органы принимать меры к устранению причин срыва выполнения правительственных заданий по выпуску оборонной продукции.

УНКВД Мордовской АССР готовило информацию, необходимую для принятия управленческих решений по вопросам развертывания эвакуированных предприятий и организации производства, устранения негативных причин, вносящих дезорганизацию в работу тыла, создававших социальную напряженность и снижавших производительность труда; непосредственно участвовало в производственном процессе, включая доставку продукции потребителям; контролировало деятельность администрации промышленных объектов, ход реализации постановлений ГКО и правительственных

заданий по выпуску продукции для фронта; применяло меры государственного принуждения в сфере производства.

К числу судебнo-следственных документов следует отнести и, так называемые, фильтрационные материалы. К ним относятся документы, связанные с проведением органами контрразведки «Смерш» на проверочно-фильтрационных пунктах и в проверочно-фильтрационных лагерях государственной проверки (фильтрации) бывших советских военнопленных, а также на репатриантов, находившихся в период Великой Отечественной войны в немецком плену и освобожденных советскими войсками или войсками союзников (фильтрационные дела). Фильтрационные материалы содержат сведения биографического характера, обстоятельств попадания в плен и нахождения в лагерях для военнопленных.

В архивах органов безопасности хранятся трофейные материалы – документы и материалы германских спецслужб и вермахта, содержащих информацию о сотнях тысяч советских военнопленных. В числе трофейных документов самую многочисленную группу представляют персональные карточки советских военнопленных, заводившиеся администрацией немецких лагерей военнопленных для приобщения в картотеку бывшей справочной службы (информационного бюро) вермахта, а также персональные карточки узников концлагерей и заключённых лагерей военнопленных, находившихся под управлением СС.

Немецкие документы по учету военнопленных попали в руки советского командования на заключительном этапе войны в ходе разгрома фашистской Германии. При этом значительная их часть поступила от союзников после того, как весной 1945 г. американские войска освободили небольшой городок Майнинген (Meiningen) на юго-западе Тюрингии. Сюда из Берлина в 1943 г. была переведена справочная служба вооруженных сил фашистской Германии (вермахта) о военных потерях и военнопленных (ВАСт) – Wehrmachtauskunftstelle für Kriegsverluste und Kriegsgefangene (WASSt). Наряду с регистрацией потерь вермахта в компетенцию ВАСт входили также учет и регистрация военнослужащих противника, попавших в немецкий плен. Иностранцами военнопленными занимался специальный отдел ВАСт. Лагерь и лазареты военнопленных направляли в ВАСт учетные карточки с персональными сведениями о военнопленных, списки прибытия и выбытия, донесения об изменениях контингента, лазаретные карточки военнопленных, донесения об их смерти и другие учетные документы, в том числе в отдельных случаях личные дела военнопленных. На основании поступающих карточек в ВАСт велся целый ряд специальных алфавитных картотек. Отдельно велись картотеки на умерших военнопленных¹.

Эти учетные документы и обнаружили американские войска в Майнингене. Тогда же американцы распределили картотеки между союзниками, и учетные документы, касающиеся советских военнопленных, были пере-

даны советскому командованию. После войны учетные документы на советских военнопленных, погибших в немецком плену с отметками о смерти (в том числе с указанием даты, причины смерти, места захоронения) поступили в город Подольск Московской области, в фонды Центрального архива Министерства обороны, где и хранятся до сих пор (примерно 80 тыс. карточек на офицеров и более 500 тыс. карточек на солдат и сержантов). Персональные карточки более чем на 700 тысяч советских граждан, вернувшихся из плена, были собраны в Москве, в 1946–1949 годах частично переведены в министерстве госбезопасности на русский язык, распределены и направлены в соответствующие органы безопасности областей, краев, республик, округов по месту рождения и проживания до войны проходящих по ним лиц с целью использования в ходе специальной проверки бывших в плену военнослужащих после их возвращения на родину (в том числе с целью выявления предателей, полицаяев, карателей, служивших немцам).

Рассекречивание и введение в научный оборот документальных материалов архивов ФСБ России, позволит существенно расширить источниковую базу для проведения исследований и объективно освещать историю России и историю Мордовского края XX века.

¹ Изучение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 69.

² История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. М.: РОССПЭН, 2004.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. М.: РОССПЭН, 1999–2006.

⁴ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1–3. – М.: РОССПЭН, 1998–2005.

⁵ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2002.

⁶ Лубянка. Сталин и ВЧК-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936: Сборник документов. – М.: МФД, 2003.

⁷ В оперативном приказе НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 30 июля 1937 г. по Мордовской АССР были утверждены следующее количество лиц, подлежащих репрессии. Первая категория, «наиболее враждебные лица, подлежащие немедленному аресту и расстрелу» – 300 человек, вторая категория, «все остальные менее активные, но все же враждебные элементы» – подлежали заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет – 1500 человек. Всего – 1800 человек. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 5. Д. 2. Л. 155–174. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 тт. / Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. – М., 2004. – С. 1330–1337.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 439. Л. 1–29; Оп. 7. Д. 503. Л. 262, 291; Оп. 8. Д. 662. Л. 153. Оpubл.: Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 61; Т. 7. С. 235, 258; Т. 8. Ч. 2. С. 927.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 752. Л. 133; Д. 754. Л. 38; Оп. 4. Д. 439. Л. 63–89об., 90–122; Оп. 6. Д. 582. Л. 241. Оп. 8. Д. 679. Л. 197. Оpubл.: Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг. Т. 2. С. 262, 322; Т. 4. Ч. 1. С. 245, 291. Т. 6. С. 273, 431; Т. 8. Ч. 2. С. 1269.

¹⁰ ЦА ФСБ России . Ф. 100. Оп. 9. Д. 11. Л. 8-13; Ф. 2. Оп. 6. Д. 580. Л. 632; Оп. 7. Д. 503. Л. 227, 251; Д. 508. Л. 213, 224. Опувл.: Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922 – 1934 гг. Т. 1. Ч. 1 С. 100; Т. 6. С. 595; Т. 7. С. 205, 225; Т. 7. С. 584, 594.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 1048. Л. 134-200; Оп. 4. Д. 439. Л. 258–293. Опувл.: Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг. Т. 3. Ч. 2. – С. 618; Т. 4. Ч. 1. – С. 634, 689.

¹² *Арсентьев Н.М., Юрченко В.А., Яровой А.В.* От ВЧК до ФСБ. История и современность УФСБ России по Республике Мордовия. – Саранск, 2003.

¹³ Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922-1934 гг.): Сборник документов. В 8-ми тт. В 12-ти кн. – М., 2001-2008.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 40. Л. 6-17; Д. 823. Л. 342–351. Опувл.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 205–212, 299.

¹⁵ Дейнеко-Дейнеченко Михаил Петрович, 1885 г.р., ур. г. Сумы УССР, житель г. Саранска. В 1897 г. окончил церковную школу, в 1906–1908 гг. проходил военную службу. В 1908–1910 гг. занимался пением в музыкальной школе им. Лысенко в г. Киеве, затем в Московской Консерватории Тихонова Н.И., с 1912 г. по 1924 г. солист оперы Московского народного дома, до 1932 г. артист многих оперных театров. В 1932 г. сослан в ссылку в г. Алма-Ату, где позже пел в Алма-Атинском театре и выступал на радио. В 1937–1938 гг. солист оперы Мордовской АССР, в 1938 г. находился под следствием, в конце 1939 г. освобожден за отсутствием состава преступления. С января 1940 г. по 1943 г. певец Мордовского оперного театра. Особым совещанием при НКВД СССР от 11 декабря 1943 г. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР приговорен к 5 годам заключения. Реабилитирован 5 октября 1989 г.

¹⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. – М., 2000. – С. IX, 62.

¹⁷ Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: Энциклопедия. – Волгоград, 2009. – С. 366.

КРОНШТАДТ, 1921 ГОД

Статья в журнале «Звезда»
2011 г. № 5

5 апреля 1921 г. особоуполномоченный ВЧК Яков Агранов¹ доложил Феликсу Дзержинскому о завершении расследования «по делу мятежа в городе Кронштадте»². Что произошло в 1921 г. на острове Котлин, где располагалась морская крепость Кронштадт, усиленная двумя группами фортов, запирающими проливы между островами и материком? На рейде Кронштадтского порта находились два линейных корабля: «Севастополь» и «Петропавловск», имевших мощное вооружение. Почему в Кронштадте состоялось антибольшевистское выступление матросов и красноармейцев, поддержанное рабочими Кронштадта, основным требованием которых было: «Власть Советам, а не партиям!»? Произошло ли оно стихийно, или заранее готовилось «белогвардейскими центрами» из-за рубежа? Почему информация о грядущем восстании, если оно готовилось заранее, тем более, если его руководящие центры находились за рубежом и инспирировались французской контрразведкой, как писала об этом газета «Петроградская правда»³, не привлекла внимание ни органов ВЧК, ни военного командования, ни политических органов? Ответить на эти и другие вопросы, реконструировать основные события в городе и крепости Кронштадт, а также действия советского государственного аппарата по подавлению восстания с последовавшими репрессиями, помогут документальные источники из российских архивов.

**«Издать совершенно популярную,
массовую книгу о Кронштадте...»**

События, происходившие в феврале–марте 1921 г. в Кронштадте, уже описаны в десятках монографий, во многих научных и публицистических статьях. За прошедшие девяносто лет эта тема неизменно освещалась в российских (советских) и иностранных справочных изданиях, учебниках по истории КПСС и истории России.

Работа по изучению истории Кронштадтского восстания «в нужном направлении» и под контролем Политбюро ЦК РКП(б) началась практически сразу же после завершения операции по его подавлению. 22 марта 1921 г. с такой инициативой выступили председатель Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР Н. Крупская и заведующий агитационным отделом Л. Шапиро.⁴ Они направили письмо в ЦК РКП(б) Е. Ярославскому, предложив издать «совершенно популярную, массовую, пригодную для „народных“ чтений (типа „устной газеты“) Красную книгу о Кронштадте, содержательно выясняющую по документам и фактическим материалам картину событий, внутренние группировки, иностранные нити, внутреннее развитие событий, наметившийся крах изнутри и т. п.».⁵

В советской историографии события, которые происходили в 1921 г. в Кронштадте, именовались «Кронштадтский мятеж», «кронштадтская авантюра», «бунт моряков Балтфлота», а его участники неизменно назывались «мятежниками» и «врагами революции». В работах русских эмигрантов и иностранных исследователей рассказывалось о «героической борьбе восставших против диктатуры коммунистической партии», а партийно-государственный аппарат и военнослужащие Красной армии, принимавшие участие в подавлении восстания, назывались «палачами»⁶. Во второй половине 1930-х гг. интерес к теме Кронштадтского восстания снизился, лишь в 1939 г. вышла в свет брошюра О. Леонидова⁷. Дело в том, что в тот период были репрессированы многие руководители подавления восстания. В 1970–1980 гг. появились научные работы С. Семанова⁸, в которых основной акцент сделан на изучении хода ликвидации Кронштадтского мятежа, а также Ю. Щетинова⁹, Ю. Мухачева¹⁰, дополнивших историографию Кронштадтского восстания. В 1990–1994 гг., после того как стали открываться российские архивы и расширилась источниковая база, появились новые работы. В качестве постановочного выдвигался вопрос: «мятеж или восстание?»¹¹. В отдельных работах продолжалось исследование связи Кронштадтского восстания с зарубежными центрами. Постепенно менялось отношение к событиям в Кронштадте и в научной среде, и на официальном уровне.

В современной российской историографии появились работы, в которых с учетом новых данных проанализированы причины событий 1921 г. в Кронштадте¹². Сами события стали чаще называться «Кронштадтское восстание» или «кронштадтская трагедия», хотя в отдельных работах сохраняется упоминание о «Кронштадтском мятеже»¹³, а также исследуется роль антибольшевистских партий¹⁴. Это связано с сильным идеологизированным влиянием на авторов советского прошлого и работ того периода.

Отношение к событиям 1921 г. в Кронштадте изменилось и на государственном уровне. В январе 1994 г. принят указ Президента Российской Федерации¹⁵, в котором репрессии в отношении матросов, солдат и рабочих Кронштадта, основанные на обвинении в вооруженном мятеже, признаны незаконными и противоречащими основным гражданским правам.

В исследовательских работах российских¹⁶ и иностранных¹⁷ историков, научных статьях или главах в монографиях, которые опубликованы в 1995–2010 гг. по теме Кронштадтского восстания, стали шире использоваться ранее неизвестные источники.

Документальные материалы о событиях в Кронштадте хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве Военно-морского флота, Российском государственном военном архиве, Российском государственном архиве социально-политической истории, Архиве внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации и других архивах. Документы ЦА ФСБ России включают в себя: нормативные правовые акты Совета труда и обороны (СТО), СНК РСФСР, приказы и директивы ВЧК по ликвидации Кронштадтского мятежа (фонд 66, опись 1), делопроизводственные документы ВЧК (ф. 1, оп. 4–5, д. 10–12, 35, 44, 76, 224, 470, 540–542, 552); материалы периодической печати; личные документы (письма, дневники, воспоминания), которые отложились в делопроизводственных документах ВЧК и в архивных следственных делах.

Наиболее объемным и информативным из названных групп документов является архивное следственное дело «Кронштадтский мятеж» (271 т.)¹⁸. В первую группу материалов дела можно отнести правительственные сообщения, материалы Комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по укреплению Петроградского военного округа, Комитета обороны г. Петрограда (воззвания, объявления, инструкции, планы, доклады), сводки о возникновении и ликвидации Кронштадтского мятежа, материалы боевых действий частей Красной Армии, разведывательные сводки, сводки о состоянии частей Красной Армии (тт. 1–8, 271). Во вторую группу входят материалы Временного Ревкома: протоколы заседаний, приказы, воззвания, радиограммы, телефонограммы, документы, выданные Ревкомом, переписка с частями гарнизона (тт. 10–17). Судебно-следственные документы составляют третью группу материалов: протоколы заседания Президиума Петроградской ГубЧК и Коллегии Особого отдела Охфинграницы Республики; протоколы заседания Чрезвычайной тройки и Комиссии по пересмотру дел (тт. 18–21), следственные материалы (тт. 22–99, 100, 106–151, 200–205), материалы на лиц, возвратившихся из Финляндии (тт. 152–191), материалы на заложников (тт. 206–208) и лиц, выселенных из г. Кронштадта «в порядке чистки» (тт. 209–221); следственные материалы по частям РККА (тт. 192–198). Личные документы обвиняемых по делу «Кронштадтский мятеж» (тт. 257–267) составляют четвертую группу материалов (тт. 243–246). Пятую группу документов составляют: списки (тт. 222–229), материалы переписки, справки, анкеты, заявления, телеграммы, рапорты (тт. 247–255).

Ценными источниками являются опубликованные воспоминания очевидцев и участников подавления восстания, их дневники и документы.¹⁹ Достаточно редко в СССР записывались воспоминания очевидцев

событий или участников восстания, поэтому безусловный интерес представляют воспоминания Ю. Шпателя²⁰, находившегося в тот период с родителями в Кронштадте, который считает, что «Кронштадтскому мятежу в марте 1921 г. предшествовало массовое недовольство населения всей страны откровенными поборами и голодом. Главным поводом к восстанию моряков в Кронштадте послужили массовые голодные забастовки рабочих на фабриках и заводах Петрограда»²¹.

Документы по исследуемой теме публиковались в виде приложения к монографии С. Семанова «Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 г.» (М., 1973), в котором дана подборка из 14 документов, в основном о боевых действиях частей при штурме Кронштадта 17–18 марта.

Ряд новых документов опубликован в «Военно-историческом журнале» (1981, № 3) – о боевых действиях Северной группы войск 17–18 марта и в журнале «Советские архивы» (1989, № 1) – доклад начальника штаба ККА П.П. Лебедева о подавлении Кронштадтского восстания от 20 марта 1921 г.

Подборки документов по теме кронштадтских событий 1921 г. публикуются в журналах «Вопросы истории» (1994, № 4–7) и «Отечественные архивы» (1996, № 1). Затем в Международном фонде «Демократия» издается объемный сборник документов по этой же теме²². В 1999 г. вышел в свет сборник документов, в котором введены в научный оборот свыше 800 новых источников из ранее закрытых архивов, фондов и коллекций, хранившихся в «особых» и «секретных» архивах ЦК КПСС, КГБ СССР и других ведомств²³. Документы названного сборника раскрывают официальные (публичные) и тайные цели и позиции партийных, военных и карательных органов Советской России. В сборнике представлены сохранившиеся документы восставших, материалы о репрессиях, письма и протоколы допросов руководителей и рядовых участников этих событий, документы о влиянии кронштадтских событий на отношения с иностранными государствами, об оценке причин Кронштадтского восстания партийными и военными деятелями и эмигрантскими кругами.

«Ухудшение политической физиономии Балтфлота»

С конца 1917 г. Кронштадт превратился в своего рода кадровый резерв, из которого руководство РКП(б) подбирало надежных и преданных делу революции кандидатов для укрепления фронтов Гражданской войны. На смену им приходило пополнение, набранное по призыву в основном из сельских районов Юга России и Украины. Только в 1920 г. в Кронштадт прибыло около 10 тыс. матросов и красноармейцев из общего числа рядовых военнослужащих в 17 тыс. человек.

19 мая 1920 г. командующий морскими силами А. Немитц²⁴ поставил перед Л. Троцким вопрос о назначении начальником морских сил Балтфлота Ф. Раскольников²⁵, так как на этой должности должно быть «лицо авто-

ритетное политически и действительно способное в военном отношении». Немитц отмечал, что флот находится в неудовлетворительном состоянии, необходимо повышать боевую готовность, упразднить Реввоенсовет флота, мешавший проведению в жизнь распоряжений центра²⁶.

Ф. Раскольников, вступивший в командование Балтийским флотом 8 июля 1920 г., энергично занялся улучшением боеспособности флота и укреплением дисциплины. Он запретил увольнение в отпуски на судах, в частях и учреждениях без разрешения штаба флота, ужесточил порядок схода на берег, что было негативно воспринято моряками и вызвало напряженность в коллективах.

Для выяснения морально-политического состояния личного состава Балтийского флота 2 декабря 1920 г. в Кронштадт был направлен представитель Особого отдела ВЧК В. Фельдман.

Уже 10 декабря он информировал ВЧК, что на Балтфлоте наблюдается усталость масс, вызванная интенсивной политической жизнью и экономическими неурядицами, «выкачиванием из этой массы наиболее стойкого, закаленного в революционной борьбе элемента <...>, разбавление остатков этой массы политически отсталыми, а порой неблагонадежными лицами, что изменило в худшую сторону политическую физиономию Балтфлота». Надежды моряков на скорую демобилизацию в связи с окончанием войны, на улучшение материального состояния, а также желание отдыха не оправдались²⁷.

На судах Балтфлота большая часть квалифицированных специалистов (минеры, машинисты и т. п.) являлись выходцами из образованных на западных окраинах России новых государств (Латвия, Эстония и др.). Они намеревались путем оптации²⁸ избавиться от военной службы. Командование Балтфлота не могло удовлетворить требований по оптации моряков иностранного подданства и отправить их на родину, так как флот сразу лишился бы большого числа нужных ему специалистов.

Фельдман писал, что матросы и красноармейцы Кронштадта, сохраняя тесные связи с деревней, продолжали жить настроениями крестьянства. Недовольство масс Балтфлота «усугублялось письмами с родины. Почти все они несут жалобы на тяжесть жизни и сплошь указывают на несправедливости, вольные и невольные, местных властей <...>. Все, и партийные и беспартийные, в один голос жалуется на удручающие вести с родины: у того последнюю лошадь забрали, у другого старика отца посадили, у третьего весь посев забрали, там последнюю корову увели, тут реквизиционный отряд забрал все носильные вещи и т. д., а обратиться же за разъяснением, за помощью не к кому, да и органа такого нет»²⁹.

Причиной недовольств были непродуманные действия большевистского правительства, тяжелые условия службы и работы, а также льготы и привилегии комиссаров, которые были увлечены внутривнутрипартийными дискуссиями и мало внимания обращали на настроения матросов,

красноармейцев и рабочих Кронштадтской крепости. Более 40% членов РКП(б) на Балтфлоте вышли из партии по религиозным убеждениям. В. Фельдман сделал вывод: «Общее положение политической физиономии Балтфлота характеризуется усталостью, жаждой отдыха, надеждой на скорую демобилизацию. Недовольство, вызываемое задержкой быстрого исполнения желаний, усугубляется письмами с мест, остается в скрытой форме и имеет общий характер. Недовольство, вызванное Раскольниковым в связи с проводимой им работой, особенно своего апогея достигло в сентябре, хотя в сильные формы все же не вылилось. Теперь оно понизилось». Представитель ВЧК считал необходимым «сблизить верхи с низами путем большей общедоступности верхов», устранить привилегии, которыми пользуется штаб флота, поднять уровень политработы, решить вопрос с латышами, эстонцами и другими иностранцами, изъять из Балтфлота анархистов.

Конфликт интересов между командованием Балтфлота и моряками расширился. 14 января 1921 г. Ф. Раскольников и Э. Батис направили в ЦК РКП(б) телеграмму об угрозе потери флотом боеспособности в связи с дискуссией о профсоюзах в партийных организациях моряков. По их мнению, дискуссия приняла чрезвычайно опасные формы, так как моряки-коммунисты выступили против военной дисциплины, считали невозможным применение военных методов в строительстве Красного флота. Содержание телеграммы стало известно морякам, которые истолковали ее как «лживый донос». В такой обстановке Раскольников, посчитав невозможным свое дальнейшее пребывание на Балтфлоте, 23 января подал рапорт с просьбой об отставке и 27 января был освобожден от должности.

«Сначала изъять всех интеллигентов...»

В докладе Я. Агранова даётся анализ развития событий: «Контрреволюционное восстание гарнизона и рабочих Кронштадта (1–7 марта) явилось непосредственным логическим развитием волнений и забастовок на некоторых заводах и фабриках Петербурга, вспыхнувших в 20-х числах февраля (1921 г.). Сосредоточение в Петербургских промышленных предприятиях значительного количества рабочих, мобилизованных в порядке трудовой повинности, и последовавшее затем в начале февраля (1921 г.) из-за топливного кризиса внезапное закрытие большинства только что пущенных в ход предприятий вызвали недовольство и раздражение в кругах наиболее отсталых петербургских рабочих. Трудмобилизованные привнесли с собой из деревни в рабочую среду разлагающие настроения мелких собственников, взбешенных системой разверстки, запрещением свободной торговли и действиями заградительных отрядов»³⁰. После появления слухов о расстреле рабочих в Петрограде ночью 26 февраля на линкорах «Севастополь» и «Петропавловск» прошли собрания, на которых были избраны делегаты для выяснения дел на месте.

Положение в стране, политическая обстановка в Москве и Петрограде и меры по снабжению рабочих Петрограда продовольствием рассматривались 28 февраля на заседании Политбюро ЦК РКП(б), которое постановило: «...меньшевики не освобождать, поручить Чека усилить аресты среди меньшевиков и социалистов революционеров, не исключая одиночек рабочих, особенно в тех случаях, когда они выделяются своей активностью. Срочно запросить ВЧК о деятельности анархистов и других несветских партий в связи с теперешними контрреволюционными выступлениями. Немедленно вызвать Дзержинского (находившегося в Харькове) в Москву»³¹.

В этот же день, 28 февраля, зам. председателя ВЧК И.К. Ксенофонтов подписал приказ «Об усилении борьбы с контрреволюцией». В нем отмечалось, что «эсеры и меньшевики, пользуясь естественным недовольством рабочих тяжелыми условиями жизни, стараются вызвать забастовочное движение, придав ему организованный всероссийский характер, направленный против Советской власти и РКП. Поэтому ВЧК приказывает разбить аппарат антисветских партий». В городах и поселках, где шли забастовки, предписывалось: «Сначала изъять всех интеллигентов: анархистов, эсеров, меньшевиков, особенно служащих в земотделах, продорганах и распределительных учреждениях. Потом приступить к изъятию активных эсеров, меньшевиков и анархистов, работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям. Решение об арестах в рабочей среде принимать совместно с парткомами. Беспощадно бороться с белогвардейцами...»³².

ПГЧК 1 марта сообщила в Москву о выступлениях рабочих с требованиями улучшить экономическое положение, снять заградительные отряды и разрешить свободную торговлю, созвать Учредительное собрание, беспартийную общегородскую конференцию, провести перевыборы в Совет. ПГЧК информировала: «Чека арестовала всю головку эсеров и меньшевиков, среди арестованных меньшевиков есть Дан и профессор Рожков и из правых эсеров все активные, тех и других свыше сотни. Всего арестованных до 300 человек, остальные 200 человек активные рабочие и из интеллигенции. По данным следствия, видную роль в происходящих событиях играют меньшевики». И далее: «Вчера события перекинулись в Кронштадт, были собрания на линкорах „Петропавловск“ и „Севастополь“, там орудовали главным образом анархически настроенные матросы, к вечеру матросы успокоились. Сегодня в Кронштадте целый день происходит митинг, выступают Калинин и Кузьмин, сначала положение было очень тревожное, решительно не давали говорить, требуя упразднения Особых отделов Чека³³, предоставления свободной торговли»³⁴. События в Кронштадте стали полной неожиданностью для политического руководства Советской России. Сразу же последовали вопросы: что известно о флоте, почему нам не сообщали? Нужна ли помощь ЦК? Даны были указания информировать о положении в Кронштадте, настроениях матросов, положении на фабриках и заводах в 10 часов утра и в 7 часов вечера.

«Ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели...»

1 марта общее собрание моряков, на котором присутствовали М.И. Калинин, Н.Н. Кузьмин³⁵ и П.Д. Васильев³⁶, заслушало делегатов, возвратившихся из Петрограда, и приняло резолюцию: «Ввиду того, что настоящие советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы тайным голосованием. Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, левым партиям и анархистам. <...> Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов г. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочим и крестьянским движением. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях. Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели <...>. Немедленно снять все заградительные отряды...» Эта резолюция была поддержана подавляющим большинством Кронштадтского гарнизона и оглашена на общегородском митинге 1 марта в присутствии 16 тысяч жителей города.

Как пишет в своих воспоминаниях очевидец событий Ю. Шпатель, на митинге на Якорной площади Кронштадта собралось около 15 тыс. человек. «Митинг открыл Васильев. Первым выступил комиссар Балтфлота Н. Кузьмин. Внешность его никак не соответствовала его должности: он был тучным холеным барином среднего роста, лет за сорок. На нем была зелёного сукна бекеша и каракулевая папаха на голове. Говорил он отрывисто, крикливо, бросая в толпу необедительные призывы к благоразумию, одобренные порцией утроз. После комиссара начали выступать многие желающие, которые в один голос отмечали нежелательность заградительных отрядов, голод и холод, а также отсутствие порядка. После этого снова выступил Кузьмин и, напрягая голос, начал напоминать о славных боевых традициях Кронштадта и Балтфлота, но тут из толпы выскочил бородач и закричал на него: „А ты забыл, как на Северном фронте каждого десятого расстреливал?!“ Кузьмин вспыхнул: „Изменников делу трудящихся расстреливаем и будем расстреливать!“ Тогда толпа заорала: „Постреляли и хватит, нечего грозить, мы и не такое видали!..“ После Кузьмина выступил Калинин, его тихий голос относил ветром, он говорил о своих революционных заслугах и том, что смерти не боится... Тут выступил старший писарь с линкора „Петропавловск“ С.М. Петриченко³⁷ и зачитал принятую резолюцию из 14 пунктов»³⁸.

2 марта на линкоре «Петропавловск» на собрании делегатов всех морских, красноармейских и рабочих организаций был образован Временный

Революционный Комитет (ВРК), которому переданы все полномочия цпо управлению городом и крепостью. Первоначально в состав ВРК вошло 5 человек, затем его численность была увеличена до 15 человек. Председателем Ревкома стал старший писарь линкора «Петропавловск» С. Петриченко.

ВРК объявил о начале подготовки перевыборов Совета, о борьбе с голодом, холодом и разрухой, заявив, что «коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс и оказалась не в силах вывести ее из состояния общей разрухи... и потеряла доверие рабочих масс». ВРК стремился не допустить кровопролития и принимал «чрезвычайные меры по организации в городе, крепости и на фортах Революционного порядка». Для нейтрализации возможных активных действий комиссаров и коммунистов С.М. Петриченко распорядился «арестовать и обезоружить комиссара тов. Чистякова, помощника и коммунистов подозрительных...»³⁹.

Около 900 коммунистов из 2680, находившихся в Кронштадте, вышло из рядов РКП(б) и примкнуло к Кронштадтскому восстанию, а около 150 политработников, сотрудников Особого отдела и Ревтрибунала беспрепятственно покинули город. Большинство кораблей, береговых частей и фортов Кронштадта поддержали восставших.

Морская контрразведка

«не отвечает ни своим целям, ни задачам...»

Еще в декабре 1920 г. В. Фельдман, докладывая руководству военной контрразведки о морально-политическом состоянии личного состава Балтфлота, оценивал как неудовлетворительную работу Морского отделения Особого отдела ВЧК, считая, что оно «не отвечает ни своим целям, ни задачам, не располагает материалами об обстановке на местах, не поддерживает связи с местными органами ВЧК, а в целом имеет плохое представление о работе»⁴⁰.

Не лучше обстояли дела и в территориальных органах ВЧК. Так, 2 марта Озолин передал в ВЧК: «В Петрограде спокойно. Большинство заводов работают. Матросы кораблей "Петропавловска" и "Севастополя" образовали ревком из трех человек и комиссии по перевыборам в Совет...»⁴¹.

События в Кронштадте были оценены советским политическим руководством как «заговор» и «мятеж». 2 марта 1921 г. Ленин и Троцкий подписали правительственное сообщение: «Новый белогвардейский заговор. Мятеж бывшего генерала Козловского⁴² и корабля "Петропавловск"». В СТО отмечалось: «28 февраля в Кронштадте на корабле "Петропавловск" начались волнения, была принята черносотенно-эсеровская резолюция <...>. 2 марта в роли мятежников выступил генерал Козловский». В документе говорилось, что «за спиной эсеров и на этот раз стоял царский генерал». СТО постановил: «Бывшего генерала Козловского и его сподвижников объявить вне закона. Город Петроград и Петроградскую губернию

объявить на осадном положении». Вся полнота власти в Петрограде переходила к Военному Совету (Комитету обороны) Петрограда. Временно приостанавливались «театры и зрелища». Хождение по улицам разрешалось до 19 часов⁴³. Виновные в неисполнении приказов подлежали ответственности по законам осадного положения. В случае «скопления на улицах» войскам предписывалось использовать оружие⁴⁴. ПГЧК лишь с 3 марта ежедневно стала направлять в ВЧК сводки о положении в Петрограде и Кронштадте. Однако в них содержалась информация, которая собиралась либо путем анализа полученных официальных документов Кронштадтского Ревкома (приказов, радиограмм, листовок), либо путем опроса перебежчиков, либо в ходе допросов арестованных. В ночь на 3 марта были проведены аресты «среди комсостава флота и Петроградского военного округа». «Ненадежные спецы арестованы»⁴⁵. Однако допросы арестованных ничего не дали. Озолин сообщил в Президиум ВЧК: «С Кронштадтом положение без перемен. Нет активных выступлений ни с их стороны, ни с нашей. В городе спокойно, хотя циркулирует масса всевозможных слухов <...>. Сегодня ночью перехвачены листовки, направленные из Кронштадта в Петроград Ревкомом Кронштадта, находящимся на „Петропавловске“... Ревком обращается к населению Петрограда перейти на их сторону, отстранить от работы всех коммунистов, произвести перевыборы в Совет. Делать все это, не проливая крови, приняться за хозяйственное строительство страны на социалистических началах и так далее. Среди перебежчиков из Кронштадта преобладают красноармейцы и рабочие, которые мало знают об общем настроении и планах руководителей»⁴⁶. В сводках от 7 марта ПГЧК отмечала, что положение оставалось «без перемен: нет активности ни с нашей, ни с их стороны», то есть против Кронштадта не проводилось пока операций военного характера. Было арестовано до 600 перебежчиков и «неблагонадежных морских и сухопутных специалистов». Губчека с сожалением сообщала: «Напасть на какую-нибудь крупную контрреволюционную организацию пока не удалось. Интеллигенция и спецы сильно терроризированы идущими арестами».

«Кто фактически командует сейчас Балтфлотом?..»

Вплоть до начала марта не имели достоверных сведений о положении на Балтийском флоте ни Л. Троцкий, ни С. Каменев⁴⁷. 28 февраля 1921 г. секретариат Л. Троцкого задал Э. Батису (по прямому проводу) несколько вопросов о событиях на Балтфлоте, причинах недовольств и о том, почему ничего не сообщалось в РВСР. Э. Батис ответил: «Особенного недовольства среди военморов нет. Есть личное недовольство обыкновенного характера, вызываемого текущими событиями (отпуск, необеспеченность продовольствием). Несколько острее выражалось недовольство порядками, имевшими место в деревне, со слов вернувшихся оттуда военморов». Причинами недовольств Э. Батис назвал забастовки на фабриках

и заводах Петербурга, а также слухи о якобы расстрелянных рабочих и репрессиях со стороны органов Советской власти. По мнению Э. Батиса, недовольства носили «почти исключительно материальный характер, влияние правых эсеров и меньшевиков – ничтожное. <...> Особой остроты в настроении моряков не наблюдалось»⁴⁸.

3 марта С. Каменев, С. Данилов⁴⁹ и П. Лебедев⁵⁰ направили телеграмму в Петроград: «Сегодня из газеты мне стало известно о неблагополучии в Кронштадте и на „Петропавловске“». Так как события в Кронштадте начались 28 февраля, Каменев спрашивал, почему командующий войсками округа ничего не сообщил ему, «оставляя в полном неведении о событиях чрезвычайной важности» в Петроградском военном округе. Главком был явно раздражен: «Считаю, что такое положение вещей совершенно недопустимо и что никакие обстоятельства не могут снять с Вас обязанности как командующего войсками округа непосредственно подчиненного Главнокомандованию. Предлагаю немедленно донести, чем объясняется такое Ваше отношение к Вашим обязанностям по отношению к Главнокомандованию, а равно донести, где сейчас находится командующий Балтфлотом, имеете ли Вы с ним связь и кто фактически командует сейчас Балтфлотом. По изложенному срочно ожидаю донесения»⁵¹.

Д. Авров⁵² и М. Лашевич⁵³ в ответ сообщили, что об обстановке в Петрограде и Кронштадте «ежедневно дважды в сутки доносилось Председателю РВС Троцкому и зампреду Склянскому». «Командующий Балтфлотом находится в Петрограде. Для водворения революционного порядка Комитетом Обороны назначена морская Ревтройка Балтфлота в составе бывшего начдива морской дивизии Кожанова и членов – комиссара штаба Балтфлота Галкина и комиссара дивизии подводного плавания Костина.⁵⁴ С командующим Балтфлотом связи не имею».⁵⁵

Оценивая ситуацию как неблагоприятную, поезд председателя РВСР направился в Петроград. Командующий войсками Петроградского военного округа Авров произвел на Троцкого впечатление переутомленного человека, не разобравшегося в обстановке и не успевшего принять определенного плана действия; в округе отсутствовало общее военное управление. Д.Н. Авров считал невозможным использование частей сухопутных войск Петроградского округа в действиях против Кронштадта, так как они политически неблагонадежны. Он полагал возможным использовать лишь курсантов Петрограда. Управление силами Балтфлота представляло собой еще более неясную форму двойной власти: тройки и прежнего командующего флотом. При этом Балтфлот не подчинялся командующему войсками Петроградского округа. Подготовку силового подавления восстания Троцкий и Каменев начали с создания единой системы управления войсками. В этих целях была восстановлена 7-я армия, командующему которой были подчинены все вооруженные силы Петроградского округа, в том числе и морские. Троцкий и Каменев считали, что не смогут быстро и эффективно решить столь сложную

задачу, как восстановление порядка в Кронштадте и в целом на Балтфлоте. Перед ними встал вопрос, кому доверить выполнение столь деликатного и чрезвычайного поручения. Выбор пал на командующего Западным фронтом М. Тухачевского. 3 марта Каменев связался по прямому проводу с Тухачевским и, сообщив о «непорядках в Балтфлоте, главным образом на корабле „Петропавловск“», предложил ему отправиться в Петроград, взяв с собой «толкового генштабиста» и вступить в командование войсками. Тухачевский, подтвердив готовность выезда «сейчас же», попросил выделить ему «экстренный поезд», предоставить полевые средства связи и «бронепоезд с одиннадцатидюймовой морской пушкой». В качестве опытного генштабиста М.Н. Тухачевский назвал А. Перемытова⁵⁶.

Петросовет

4 марта на расширенном заседании пленума Петросовета обсуждался вопрос о событиях в Кронштадте. г. Зиновьев заявил, что Петросовет не созывался ранее потому, что «нам самим не было достаточно ясно, что, собственно, происходит в Кронштадте». В стенографическом отчете восемнадцатого заседания Петросовета записано, как Зиновьев характеризовал обстановку в Кронштадте накануне восстания: «По-видимому, подготовка с их стороны была достаточно внушительная <...>. Петроград, а в особенности Кронштадт, расположен в нескольких верстах от финляндской границы, а в Финляндии живут тысячи и десятки тысяч правых эсеров, русских белогвардейцев, фабрикантов и заводчиков и газетчиков буржуазной печати. Пробраться в Кронштадт им совсем не трудно. Они сыплют там мешками золота на подкуп командного состава и той обывательщины, которая в Кронштадте уцелела. Они годами пытаются развратить Кронштадт. Фактическими руководителями дела являются: бывший генерал-майор Козловский, его помощник капитан Бурксер, офицер Ширмановский и некоторые другие». Зиновьев несколько раз повторял слова о том, что восстание подняли не моряки, а белогвардейские офицеры. «Внешним образом руководят как будто бы моряки, которые подписывают приказы, а на самом деле, фактически руководит и держит все нити в руках группа, возглавляемая одним генералом и несколькими офицерами. Они все время успокаивают, утверждая, что нам-де бояться нечего, что, в крайнем случае, мы отступим на финляндский берег; они считают, что у них есть тыл – Финляндия. В этом смысле они правы; часть вожаков, конечно, сможет отступить на финляндский берег»⁵⁷.

4 марта было составлено обращение Комитета обороны Петрограда к кронштадтцам. Им предлагалось немедленно сдаться, так как «у Кронштадта нет хлеба, нет топлива. Если вы будете упорствовать, вас перестреляют, как куропаток. Все эти генералы Козловские, Бурксеры, все эти негодяи Пероченки и Турины в последнюю минуту, конечно, убегут к белогвар-

дейцам в Финляндию. А вы, обманутые рядовые моряки и красноармейцы, – куда денетесь вы? Если вам обещают, что вас в Финляндии будут кормить, – вас обманывают! Разве вы не слышали, как бывших врангелевцев увезли в Константинополь и как они там тысячами умирали, как мухи, от голода и болезней <...>. Кто сдастся немедленно – тому будет прощена его вина! Сдавайтесь немедленно!»⁵⁸.

В этот же день, 4 марта, Петроградской Чрезвычайной комиссией были арестованы «десять матросов с мятежного корабля „Петропавловск“, а также арестованы подозрительные лица из командного состава и семьи бывших генералов и офицеров, участвовавших в кронштадтском мятеже». Комитет обороны Петрограда объявил всех арестованных заложниками за тех лиц, которые были «задержаны мятежниками в Кронштадте, в особенности за комиссара Балтфлота Н.Н. Кузьмина, за председателя Кронштадтского совета Васильева и других коммунистов». В сообщении Комитета обороны Петрограда подчеркивалось: «Если хоть один волос упадет с головы задержанных товарищей, за это ответят головой названные заложники»⁵⁹.

Сообщение Комитета обороны Петрограда было отпечатано в виде листовок и сброшено в тот же день с аэроплана над Кронштадтом. Попав в руки восставших матросов, текст сообщения на следующий день, 5 марта, был опубликован в «Известиях Временного Революционного Комитета» под заголовком «Злоба бессильных». В предисловии к публикации отмечалось: «Три дня, как Кронштадт сбросил с себя кошмарную власть коммунистов, как 4 года назад сбросил власть царя и царских генералов. Три дня, как граждане Кронштадта свободно вздохнули от диктатуры партии...» В публикации обращалось внимание, что ВРК никому не мстит, никому не угрожает. Все кронштадтские коммунисты на свободе⁶⁰, им не угрожает никакая опасность. Задержанные коммунисты тоже находятся в полной безопасности, которая гарантирует их от мести со стороны населения за «красный террор». Семьи коммунистов неприкосновенны так же, как неприкосновенны и все граждане. После текста сообщения делался вывод: «Это злоба бессильных <...>. Издевательство над невинными семьями (взятыми в заложники. – В.Х.) не прибавит новых лавров товарищам коммунистам и уж, во всяком случае, не этим путем они удержат власть, вырванную из рук рабочих, матросов и красноармейцев Кронштадта»⁶¹.

Информация о кронштадтских событиях и положении в Петрограде обсуждалась 8 марта на заседании Исполнительного комитета Петроградского губернского Совета. Зиновьев довел до участников заседания, что первое наступление было неудачным, при этом он признал: «Мы не знаем, есть ли Кронштадт местная штука, но мы обязаны иметь в виду и другую опасность, – может быть, есть попытка начать с Кронштадта, а потом развить в целый фронт с участием того или другого из милых соседних государств». Зиновьев рассказал о восстановлении 7-й армии. «Командующим назначен

т. Тухачевский, один из самых лучших командующих Республики, который победоносно воевал в Сибири и на целом ряде других фронтов»⁶².

Прогнозируя развитие событий в Кронштадте, Зиновьев отметил: «Вчера наше командование думало, что от первого выстрела они (мятежники) разбегутся». Наличие в Кронштадте мощной артиллерии и хорошо организованные действия обороняющихся, по мнению Зиновьева, давали им возможность держаться, «так что военная борьба может затянуться на 1–2 дня, а может быть, и больше, сказать трудно». Неизвестным оставалось и положение с продовольствием в Кронштадте.

«Матросня обороняется, и артиллерия их отвечает полностью...»

5 марта в частях Красной армии началась подготовка к наступлению на Кронштадт и подавлению восстания, а в морской крепости Кронштадт – подготовка к активной обороне.

Тухачевский, которому были подчинены все войска Петроградского военного округа и силы Балтфлота, предложил восставшим в течение 24 часов прекратить антисоветские выступления, в случае отказа могли начаться боевые действия. Троцкий, Каменев и Тухачевский надеялись, что удастся обойтись без кровопролития, необходимо лишь хорошенько припугнуть мятежников, поэтому они обратились «к гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов» с ультиматумом. Снова всем «поднявшим руку против социалистического отечества» приказывалось немедленно сложить оружие. «Упорствующим обезоружить и передать в руки советских властей. Арестованных комиссаров и других представителей власти немедленно освободить». В обращении отмечалось, что «безусловно сдавшиеся» могли рассчитывать «на милость Советской Республики». Одновременно сообщалось, что началась подготовка к разгрому мятежников, при этом ответственность за бедствия, которые «обрушатся на мирное население, ляжет целиком на головы белогвардейских мятежников»⁶³.

После предъявления ультиматума о сдаче, как отмечает Ю. Шпатель, с самолётов город засыпали листовками размером 4 на 8 см. Он подобрал одну такую листовку и в воспоминаниях привел ее текст: «Сдавайтесь! Иначе будете перестреляны как куропатки. Троцкий». Шпатель подчеркивает, что «листочки желания безоговорочной сдачи не вызывали»⁶⁴.

Начальник оперативного управления 7-й армии С. Плютто⁶⁵ подготовил план по штурму крепости Кронштадт, расчет сил противника (численность гарнизона Кронштадт, вооружение: тяжелая и легкая артиллерия, пулеметы, зенитные орудия) и сил частей 7-й армии. Сопоставление сил «противника» и частей 7-й армии показало, что у красноармейцев был перевес в живой силе и количестве легких орудий, но недостаток тяжелых орудий. Для осады и штурма крепости, да еще такой «солидной и притом морской, необходимо

иметь осаждающему превосходство не только в живой силе, но и в средствах артиллерийской борьбы и, главным образом, тяжелой артиллерии»⁶⁶.

7 марта в 4 часа 5 минут Тухачевский отдал приказ взять штурмом «взбунтовавшуюся крепость Кронштадт». Начало артиллерийской подготовки и атаки воздушной эскадрильи по броненосцам и казармам Кронштадта – 18 часов, атаки – в 5 часов утра 8 марта. «Приступ вести стремительно и смело, подготовив его ураганным артиллерийским огнем»⁶⁷. Первые выстрелы, сделанные по Кронштадту, вызвали противоречивые чувства у различных слоев населения, в том числе и среди коммунистов. Так, на собрании коммунисты 2-го райкома минно-артиллерийской части Кронштадтского порта заявили, что считают такой «акт преступлением перед народом, той властью, которая именуется Рабоче-крестьянским правительством, потерявших доверие рабочих и крестьян и стремившихся таковую удержать на штыках обманутых коммунистических отрядов и курсантов», поэтому решили выйти из партии коммунистов. Резолюцию собрания коммунистов подписали 15 человек⁶⁸.

Приказ о наступлении был неоднозначно воспринят в частях Красной армии. Отказался идти в наступление 561-й полк. П. Дыбенко приказал развернуть вторую цепь и стрелять по возвращающимся. Командир 561-го полка принимал «репрессивные меры против своих красноармейцев, дабы дальше заставлять идти в наступление»⁶⁹. Первичные сведения, которые поступали к М. Тухачевскому, свидетельствовали о срыве наступления. Он сообщал С. Каменеву: «Матросня обороняется, и артиллерия их отвечает полностью. Поэтому атака встречает серьезные затруднения». Для серьезного штурма Тухачевский считал необходимым усилить наступавшие части тяжелой артиллерией особого назначения, бронепоездами с 10-дюймовыми орудиями и «хорошей пехотой». Командарм 7-й армии предполагал поддерживать артиллерийский огонь днём и ночью, а также стрелять по казармам в городе и по городу, и просил Каменева ускорить переброску частей и «вывести всех матросов из Петрограда». По мнению М. Тухачевского, «матросы в Кронштадте оказались более стойкими и организованными, чем об этом говорилось». К 22 часам 8 марта для всех стало очевидно, что наступление на Кронштадт успеха не имело, части были отведены в исходное положение. По мнению Плютто, на провал наступления повлияли недостаточность тяжёлой артиллерии у наступавших, «превосходство артиллерийского огня, сил противника, крайняя нерешительность действий 561-го полка и переход одного батальона этого полка на сторону противника». К временным успехам были отнесены действия Особого сводного полка, ворвавшегося в Кронштадт, но подвергшегося сильному перекрёстному огню и отчаянной контратаке противника и вынужденного отойти, потеряв пленными 2 роты. По данным Плютто, артиллерия 7-й армии успешно обстреливала форты, а три аэроплана «Ньюпора» сбросили на «Петропавловск» три пуда бомб⁷⁰.

Извлекая уроки из неудавшегося штурма Кронштадта, который был назван «наступательной попыткой», командующий Южной группой войск Седакин приказал командиру 178-й бригады П. Дыбенко сформировать Сводную дивизию в составе 32-й, 187-й и 56-й бригад, а начальнику артиллерийской группы сформировать две бригады бронепоездов по два бронепоезда в каждом. Седакин требовал «приложить максимум энергии по приведению своих частей в полную боевую готовность для продолжения дальнейшего наступления с целью захвата Кронштадта» и поддерживать «теснейшую связь по фронту, согласованность с соседями и обязательную охрану флангов, поддерживать атакующие колонны»⁷¹.

В день начала штурма Кронштадта, 8 марта 1921 г., в Москве начал работу X съезд РКП(б). В отчете о политической деятельности ЦК РКП(б) была дана оценка кронштадтских событий. Как видно из содержания отчета, Ленин не располагал объективной информацией об обстановке в Кронштадте, так как ни ВЧК, ни руководство РВС не имели таких сведений и не могли предоставить их политическому руководству страны.

Тем не менее, Ленин считал, «что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы. В этом сомнения быть не может». Ленин предлагал извлечь политические и экономические уроки из этого события. Он был убежден, что к числу организаторов восстания следует отнести эсеров и заграничных белогвардейцев, а само восстание свелось к «мелкобуржуазной контрреволюции, к мелкобуржуазной анархической стихии» с лозунгами свободной торговли, и все это было направлено против диктатуры пролетариата.

По мнению Ленина, эта «мелкобуржуазная контрреволюция более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые», потому что в Советской России пролетариат составляет меньшинство, а разорение коснулось в первую очередь крестьянской собственности, и демобилизованные из армии военнослужащие значительно увеличили количество повстанцев. Ленин призывал участников X съезда РКП(б) сделать выводы, «потому что советская власть в силу экономического положения колеблется», а свобода торговли «приведёт к белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации».

Информационная война в Кронштадте большевиками была проиграна. 9 марта газета «Петроградская правда» сообщала, что из Финляндии в Кронштадт пробираются сотни белогвардейских офицеров. В сводках с поля сражения отмечалось: «На нашу ураганную стрельбу из орудий, начавшуюся 7 марта вечером, мятежный Кронштадт отвечал робко, боясь расходования снарядов, Кронштадт отстреливался из легких орудий, кронштадтцы разбили лед, спасаясь атаки наседающей Красной армии». Информация была столь нелепой, что Л. Троцкий назвал ее «вредной» и за-

явил Г. Зиновьеву, что лучше «либо вообще не сообщать детали, либо сообщать правду, – тем более что население, особенно моряки, в общем и целом знают о действительном ходе дел, и это подрывает доверие к печати»⁷².

«Во что бы то ни стало ликвидировать Кронштадт в течение ближайших дней...»

Л. Троцкий стремился как можно быстрее подавить Кронштадтское восстание. 10 марта он направил записку в Политбюро ЦК РКП(б), в которой писал: «Кронштадтом можно овладеть только до оттепели. Как только залив станет свободным для плавания, установится связь Кронштадта с границей. В то же время остров станет недоступным для нас <...>. Нужно во что бы то ни стало ликвидировать Кронштадт в течение ближайших дней. Это может быть достигнуто только путем мобилизации значительного числа боевых коммунистов и ответственных работников в Петроград». Троцкий отмечал, что надежды на сдачу из-за отсутствия продовольствия совершенно неосновательны, так как «до открытия навигации продовольствия у восставших хватит», и призывал принять «исключительные меры», так как «ни партия, ни члены ЦК не отдадут себе отчета в чрезвычайной остроте кронштадтского вопроса»⁷³.

Ленин, обсудив по телефону с Зиновьевым вопрос о использовании части делегатов X съезда РКП(б) для подавления мятежа, предложил направить в Петроград К.Е. Ворошилова и других делегатов съезда⁷⁴. Делегаты X съезда РКП(б), прибывшие для участия в штурме Кронштадта, направлялись на «усиление военно-административной и политической работы» и назначались, как правило, особоуполномоченными в воинские части и учреждения. Так, К.Е. Ворошилов был назначен военно-политическим комиссаром Южной группы войск, А. Бубнов⁷⁵, Е. Равикович⁷⁶, М. Флерова⁷⁷, В. Затонский⁷⁸, Г. Пятаков⁷⁹ и другие – особоуполномоченными в составе Южной группы войск.

11 марта Тухачевский сообщил Главкому о сосредоточении войск, прибытии дополнительных сил, занятии позиций тяжелой артиллерией особого назначения (ТАОН). Он отметил, что артиллерия Южной группы производит плохое впечатление, поэтому он заменяет начальника артиллерии: «Налегаю всюю на организацию огня; весь Кронштадт как на ладони, и, по-моему, при хорошем огне мы его разобьем <...>. Словом, усиленно готовимся и организуем штурм, который я считаю делом серьезным». Каменев полагал, что «самое скверное – это начало оттепели». Он признавал необходимость ускорить события, так как «потом не доберешься никак до Кронштадта». Хотя Тухачевского тоже пугала оттепель и «политические персоны» торопили его начинать штурм Кронштадта, он не спешил атаковать до прибытия подкрепления. Каменев, соглашаясь с тем, что «горячиться нельзя», призывал ускорить подготовку штурма: скорее сосредоточивать артиллерию,

«ни тратя ни минуты, произвести „пристрелку“, возможно быстрее нанести поражение авионами и артогнем, ну и атаковать, когда будут для этого силы»⁸⁰.

В подавлении восстания принимали участие и заградительные отряды, которым предоставлялись большие полномочия: расстреливать на месте всех дезертиров и паникеров; при взятии фортов задерживать и расстреливать всех мятежников, «пленных быть не должно», не допускать, чтобы красноармейцы после взятия Кронштадта расходились по домам, вступали в разговоры с мятежниками или разбежались.

Намеченное на 14 марта наступление на Кронштадт пришлось отложить – 79-я бригада 27-й дивизии не выполнила приказ о выходе на боевую позицию. Причиной отказа красноармейцев выполнить приказ послужила их боязнь выходить на лед залива, порожденная слухами о якобы погибших подо льдом десятках тысяч курсантов. В 23 часа 45 минут 15 марта Тухачевский подписал боевой приказ войскам 7-й армии на штурм крепости Кронштадт в ночь с 16 на 17 марта. Артиллерийский огонь начался в 14 часов 16 марта и продолжался до вечера. Движение войск на Кронштадт началось в 3 часа утра 17 марта.

«Операция представляла громадные, казалось, непреодолимые трудности...»

Каменев с нетерпением ждал от Тухачевского сообщений о результатах повторного штурма Кронштадта и в 13 часов 30 минут 17 марта пригласил его для разговора по прямому проводу. Тухачевский сообщил о результатах боев первой половины дня 17 марта. После упорных боев, потеряв большую часть состава, Северная группа войск заняла форты № 4, 5, 6 и 7, один батальон вступил в северо-западную часть Кронштадта. 32-я, 167-я и 187-я бригады Южной группы войск вели упорные уличные бои в центре Кронштадта; продвижению войска мешал заградительный огонь линкора «Петропавловск». 79-я бригада заняла форты № 1, 2, «Южный» и вела бой за форт «Милютин». Бои в центре города носили чрезвычайно ожесточенный характер, и Тухачевский послал «последний резервный курсантский полк на Лисий Нос и кавалерийский полк 27-й дивизии в Ораниенбаум».

Действия авиации затруднялись из-за уличных боев, поэтому она вела огонь только по линкору «Петропавловск» и форту «Тотлебен». Тухачевский намеревался выехать в войска, ему было «важно уловить дух Южной группы войск»⁸¹. Всем добровольно сдавшимся морякам и другим лицам снова гарантировалось сохранение жизни, если они немедленно и добровольно сложат оружие. К 11 часам 18 марта Кронштадт был занят войсками Красной армии. К. Ворошилов, В. Затонский и А. Бубнов от имени делегатов X съезда направили в адрес ЦК РКП(б) телеграмму, в которой сообщалось: «Выдержка и спайка коммунистов еще раз победила. Кронштадт снова

в наших руках. Операция представляла громадные, казалось непреодолимые трудности. Кронштадт был сильно укреплен. Его гарнизон, дравшийся с мужеством отчаяния, находился в руках опытного командования, в то время как в некоторой части советского аппарата имел место саботаж, в воинских частях наблюдалось неустойчивость, колебания).

В телеграмме анализировались причины отказов красноармейцев выполнять приказы командования по штурму Кронштадта и описывались принятые меры: «Боязнь вступить на лед довела до открытых отказов от выполнения приказов со стороны ряда полков. Благодаря энергии коммунистов, как прибывших с X съезда, так и командированных разными организациями, а также благодаря стойкости коммунистического ядра воинских частей и в особенности коммунистов-командиров, все трудности были преодолены и части, накануне разоруженные, пошли на лед. Несмотря на колебания некоторых полков, в общем, части вели себя героически и, не обращая внимания на тяжелые потери от сосредоточенного пулеметного и артиллерийского огня, ворвались на рассвете 17 марта в Кронштадт».

Далее в телеграмме сообщалось о том, что «втянувшиеся в город красноармейские части были засыпаны со всех сторон пулями. Усталые части растерялись и дрогнули». Отмечалось, что «в уличных боях мы понесли жертв больше, чем на подступах к крепости, причем выбывал преимущественно наиболее стойкий элемент – комсостав и коммунисты... У коммунистов нервы оказались крепкие. Потерпев неудачу в попытке выбить нас из Кронштадта, мятежники дрогнули. Началось разложение». Делегаты X съезда, подписавшие телеграмму, по-прежнему считали, что организаторами мятежа являлись бывшие белые офицеры: «Офицерские заправилы решили бежать в Финляндию, взорвав "Севастополь" и "Петропавловск", что вызвало возмущение обманутой части команды, и в ночь с 17 на 18 марта старым матросам удалось захватить власть на кораблях и арестовать офицеров и некоторых вождей мятежа <...>. Мы победили и прежде всего, победили морально. Провокация белогвардейцев разоблачена. Кронштадт станет твердой революцией»⁸².

В 14 часов 50 минут 18 марта Тухачевский проинформировал Каменева о занятии Кронштадта, линкоров «Петропавловск» и «Севастополь», а также ряда фортов. Тухачевский считал, что «наша гастроль здесь окончилась», и просил разрешения «возвратиться восвояси». Каменев ответил: «Ваша гастроль блестяще закончена, в чем я и не сомневался, когда привлекал Вас к сотрудничеству в этой истории, я бы просил Вас задержаться до выяснения с фортом Риф, что, вероятно, сегодня будет». Главком интересовался, сможет ли «комвойсками Авров расхлебать уже остаток каши, главным образом, в вопросе развозки частей?». Тухачевский обещал разработать и предоставить Главкому план разгрузки «этого района от войск еще до отъезда»⁸³.

Расправа

Ещё не закончились бои по овладению Кронштадтом, как началась фильтрация задержанных. 18 марта К. Ворошилов дал указание: «Немедленно усилить Особый отдел людьми, вполне годными для особоотдельской работы. Всех прибывающих арестованных из Кронштадта фильтровать самым тщательным образом, имея в виду, что сейчас уже наступил резкий перелом и подлые элементы не прочь укрыться под маской и коммунистов и сочувствующих».

О том, как проходила фильтрация участников Кронштадтского восстания, рассказал Ю. Шпатель: «В хвосте штурмовавшей Кронштадт армии Тухачевского следовали вершители человеческих судеб: прокуроры и судьи ревтрибунала. Едва ступив на берег Котлина, они немедленно принялись за "работу". Местом открытых судебных процессов трибунал выбрал лучший зал в городе – сцену Морского офицерского собрания. Первыми были присуждены к "вышке" не успевшие бежать в Финляндию члены Ревкома: Вальк, Павлов и Парушев, а за ними редактор "Известий Кронштадтского революционного комитета" А.Н. Ломанов – первый председатель Кронштадтского совета рабочих депутатов». Шпатель стал свидетелем приема и оформления арестованных матросов с линкора «Петропавловск»: «Перед входом в приемную тюрьмы, прямо на улице, стояла шеренга арестованных матросов, по двое в ряд, окруженная плотным кольцом курсантов. Арестованных было около полутора сотен. Огромного роста чекист в длинной до колен гимнастерке, галифе, отличных сапогах и кубанке на голове, пользуясь увесистой ременной нагайкой, с бранью запускать для допроса группы матросов человек по пятнадцать. Фамилия верзилы была Куликов, я хорошо ее запомнил. Браня матросов, Куликов говорил им: "Хорошо стреляли, сукины дети!" Один из матросов заметил ему: "Те, что стреляли, давно в Финляндии!" "Кто это сказал?!" – заорал Куликов. "Я", – отозвался один из матросов. "Ты артиллерист?" – спросил Куликов. "Нет, кочегар", – был ответ. "Выходит, не успел подняться наверх и бежать. Будешь и за себя, и за них расплачиваться!.." К смертной казни без обжалования была приговорена большая группа командиров с военно-морских кораблей, а за ними множество простых мастеров, рабочих, служащих, хоть в малейшей степени в далеком прошлом, причастных к деятельности левых партий (меньшевики, эсеры, анархисты)»⁸⁴.

Советское руководство, оценив Кронштадтское восстание как серьезную угрозу «диктатуре пролетариата», приняло жесткие меры. После подавления восстания в Кронштадте начались аресты как активистов восстания, так и тех, кто не брал в руки оружие. Репрессии, которые продолжались в разных формах вплоть до 1922 г., осуществляли Президиум Петроградской ГубЧК, Коллегия Особого отдела охраны финляндской границы Республики, Чрезвычайная тройка Кронштадтского особого отделения и частично Революционный военный трибунал Петроградского воен-

ного округа. Они расследовали «преступления», как участников восстания, так и тех, кто должен был его подавлять, но проявил нерешительность или сочувствие к кронштадтцам.

Если красноармейцев, отказывавшихся выполнять боевые приказы перед наступлением на Кронштадт, можно сказать, пощадили, приняв к ним более мягкие репрессивные меры, то по отношению к восставшим никакие смягчающие обстоятельства не рассматривались. Были специально разработаны и отпечатаны типографским способом «Анкеты для участника Кронштадтского мятежа», в которых на трёх листах содержались 35 вопросов. Каждый «участник Кронштадтского мятежа» должен был ответить на вопросы биографического характера, на вопросы о партийной принадлежности, о прохождении военной службы и, главное, об обстоятельствах мятежа (причина возникновения мятежа, кто занимался его подготовкой, кто и куда был избираем, какие части отличились в обороне Кронштадта, кто предлагал арестовать и арестовывал коммунистов, собственное участие в мятеже). Отдельно был выделен вопрос: «Через кого имелась связь с берегом и Финляндией?». В анкету не случайно включены вопросы о партийности или сочувствии какой-либо партии, а также о службе в Белой армии. Сделав необходимую выборку из ответов, можно было бы убедить советское население и весь мир в правильности оценок Кронштадтского восстания, данных Лениным: организаторы восстания – это эсеры и белогвардейцы-эмигранты, а само восстание – «мелкобуржуазная контрреволюция и мелкобуржуазная анархическая стихия».

Каждому арестованному участнику Кронштадтского мятежа выдавалась анкета, он заполнял ее в присутствии следователя, а следователь лишь писал на этом же бланке заключение в несколько строк, в котором определял будущую судьбу повстанца. После этого Особый отдел охраны финляндской границы Республики выносил постановление. Как правило, на этом же бланке анкеты от руки делалась запись о принятом решении. Набор вариантов был чрезвычайно широк: от расстрела, до трех-пяти лет принудительных работ с содержанием (или без содержания) под стражей.

Несмотря на неимоверные усилия следователей, партийную принадлежность большинства членов Ревкома выяснить не удалось, «ввиду того, что члены Ревкома, как и все участники мятежа, тщательно скрывали свою партийную физиономию под флагом беспартийности». Агранов утверждал, что «водители восстания хорошо учли стихийную реакцию мелкобуржуазной по существу массы против всяких партий вообще и подчеркивали на каждом шагу свою беспартийность, выдвигали на важнейшие посты беспартийных и проч.». Агранов подчеркивал, что следствием установлена партийная принадлежность некоторых руководителей движения. В качестве примера назывались В. Вальк – меньшевик, Орешин – член партии народных социалистов; Петриченко, по-видимому, был членом партии левых эсеров.

Техническим руководителем «Известий Кронштадтского Ревкома» был активный член партии эсеров-максималистов А. Ламанов. «За исключением Петриченко, Кильгаста (штурман дальнего плавания) и Орешина, Ревком состоял из матросов и рабочих»⁸⁵.

По мнению Агранова, «видную роль в столь быстром разложении коммунистической организации сыграло опубликованное в „Известиях Кроншт. Ревкома“ воззвание так называемого „Временного Бюро Кронштадтской организации РКП“»⁸⁶. В воззвании всех коммунистов призывали оставаться на местах своей службы в целях беспрепятственного проведения в жизнь известной резолюции. За время мятежа в Ревком и редакцию поступило от 800 до 900 заявлений о выходе из РКП. «Повальное бегство из партии, сопровождавшееся резкими и циничными оскорблениями и угрозами по адресу РКП и ее вождей, еще более укрепило в стихийной массе уверенность в неминуемом крушении коммунистического режима». Агранов сделал вывод: «Установить связи с контрреволюционными партиями и организациями, действующими на территории Советской России и за рубежом, не удалось <...>. Восстание возникло стихийным путем». Всего в качестве обвиняемых были привлечены к следствию более 10 тыс. человек, из них свыше 2,1 тыс. человек приговорили к расстрелу, свыше 6,4 тыс. человек – к различным срокам заключения, принудительным работам или направлению в трудовую армию, и только 1464 человека были освобождены из-под стражи⁸⁷.

Лишь к 5-летию Октябрьской революции решением ВЦИК от 2 ноября 1922 г. значительная часть рядовых участников Кронштадтского восстания была амнистирована. Во второй половине 1930-х гг., в годы «Большого террора», были репрессированы многие высокопоставленные военные и делегаты X съезда РКП(б), специально направлявшиеся «на подавление Кронштадтского мятежа», руководители и сотрудники репрессивных органов, а также рядовые участники подавления восстания. Масштабы репрессий против бывших руководителей и участников подавления Кронштадтского восстания сопоставимы с репрессиями в отношении матросов, красноармейцев и рабочих г. Кронштадта, выступивших против монополии коммунистической партии и социально-экономического положения широких слоев населения в Советской России.

Восстание или мятеж?

Оба этих понятия не дают точного представления о событиях, происходивших в городе и крепости Кронштадт. Обычно под «восстанием» понимают массовое вооруженное выступление, а под «мятежом» – стихийное восстание, вооруженное выступление против власти⁸⁸.

Как показал анализ архивных документов, матросы, солдаты, рабочие и местные жители Кронштадта не намеревались брать в руки оружие для борьбы с существовавшей властью. Они предлагали провести перевыборы

Советов и хотели таким образом прекратить доминирование власти коммунистической партии большевиков. Лишь после того как части Красной армии начали наступление на Кронштадт, было принято решение организовать оборону города и крепости.

И не случайно в названии указа Президента Российской Федерации от 10 января 1994 г. не упоминается ни о восстании, ни о мятеже в Кронштадте, а лишь «о событиях в г. Кронштадте весной 1921 года». Обвинения матросов, солдат и рабочих Кронштадта в участии в вооружённом мятеже признаны незаконными и противоречащими основным гражданским правам. Таким образом, события в Кронштадте в 1921 г. представляли собой стихийное антибольшевистское выступление гарнизона Кронштадта, части сил Балтийского флота и рабочих города, которое после угрозы его подавления с применением вооружённых сил переросло в вооружённое противостояние.

¹ Агранов (Сорендсон) Яков Саулович (1893–1938) – особоуполномоченный при президиуме ВЧК (1920–1922). Арестован 20 июля 1937 г., расстрелян 1 августа 1938 г. Реабилитирован.

² См.: ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 1А. Л. 10–22.

³ Французская контрразведка и Кронштадтский мятеж // «Петроградская правда». 1921. 6 марта.

⁴ Шапиро Л.Г. (1887–1957) – член президиума Главполитпросвета, зав. Агитотделом (1920–1921).

⁵ Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2-х книгах. Кн. 1. – М., 1999. – С. 609.

⁶ Правда о Кронштадте: Очерк о героической борьбе кронштадтцев против диктатуры Коммунистической партии, с картой Кронштадта, его фортов и Финского залива. – Прага, 1921; *Петриченко С.М.* Правда о кронштадтских событиях. – Б. м., 1921.

⁷ *Леонидов О.Л.* Ликвидация Кронштадтского мятежа – март 1921 г. – М., 1939.

⁸ *Семанов С.Н.* Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 г. – М., 1973; *Он же.* 18 марта 1921 г. – М., 1977.

⁹ *Щетинов Ю.А.* Кронштадтский мятеж и мелкобуржуазные партии. Весна 1921 г. Автореф. дисс... МГУ, 1974; *Он же.* Сорванный заговор. – М., 1978; *Он же.* Мелкобуржуазные партии в Кронштадтском мятеже 1921 года // Вестник МГУ. 1974. № 3; *Он же.* Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920–1921 гг.). – М., 1984.

¹⁰ *Мухачев Ю.В.* Провал «новой тактики» российской контрреволюции во время перехода к НЭПу (1921–1922). Автореф. дисс.... – М., 1978; *Мухачев Ю.В., Шкаренко Л.К.* Крах «новой тактики» контрреволюции после Гражданской войны. – М., 1980.

¹¹ *Войнов В.* Кронштадт: мятеж или восстание? // Наука и жизнь. 1991. № 6. С. 38–42; *Мятежная Балтика* // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 54–61; *Сафонов В.Н.* Кто спровоцировал кронштадтский мятеж? // Военно-исторический журнал. 1991. № 7. С. 53–64; *Семанов С.Н.* Кронштадтская молния // Москва. 1994. № 3. С. 52–59.

¹² *Архивов И.Л.* Последний отзвук революции // Ленинградский университет. 1991. 26 апреля; *Он же.* Кронштадт 1921 года: революционный мятеж? // Слово и дело. 1993. 18–24 марта. № 9; *Елизаров М.А.* Еще раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 г. // Отечественная история. 2004. № 1. С. 165–174; *Ермолаев И.* Вся власть Советам. О событиях в Кронштадте 1–18 марта 1921 года // Дружба народов. 1990. № 3; *Кузнецов М.Н.* За что был расстрелян Кронштадт. СПб., 2001; *Щетинов Ю.А.* За кулисами кронштадтского восстания // Родина. 1995. № 8. С. 68–74, № 9. С. 41–46; *Яров С.В.* Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. – М.-СПб., 1992.

¹³ *Семанов С.Н.* Кронштадтский мятеж 1921 г. – М., 2003; *Он же.* Мятеж? // Московский журнал. 1996. № 3. С. 52–59; Военная летопись России в фотографиях. 1850-е– 2000-е: Альбом. – М., 2009. С. 209.

¹⁴ Новиков А.П. Эсеровские партии и кронштадтский мятеж 1921 г. // Отечественная история. 2007. № 4. С. 57–64.

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 10 января 1994 года № 65 «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года».

¹⁶ Муранов А.И., Звягинцев В.Е. Досье на маршала. – М., 1996 (глава «Обвиняется Кронштадт»); Щетинов Ю.А. За кулисами Кронштадтского восстания // Вестник Московского университета. Серия «История», 1995, № 2, 3; Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. – СПб., 2008 (глава «Ледовое побоище»).

¹⁷ Эверч П. Восстание в Кронштадте, 1921. – М., 2007; Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах европейской прессы в 1918–1940 гг. – СПб., 2004 (глава «Вместо вооруженной борьбы – война словесная»).

¹⁸ В предисловии к книге «Кронштадтская трагедия 1921 года» указано, что в составе архивно-следственного дела более 300 томов, в действительности – «дело оформлено в 271 томе». См.: ЦА ФСБ России. Д. № 114728. Т. 1. Л. 1.

¹⁹ Громов В. Во время мятежа. Из воспоминаний участника кронштадтских событий 1921 г. / 1917–1922 г. в Кронштадте. Кронштадт, 1922; Работа эсеров за границей. По материалам Парижского архива эсеров. – М., 1922; Рафаил М. Кронштадтский мятеж. Из дневника политработника. Харьков, 1921; Кронштадтский мятеж. Сборник статей, воспоминаний и документов. – Л., 1931; Леонидов О.Л. Ликвидация Кронштадтского мятежа. – М., 1939; Жаковщиков К. Разгром Кронштадтского контрреволюционного мятежа в 1921 г. – М., 1941; Ротин И. Страница истории партии. – М., 1958; Ворошилов К.Е. Из истории подавления Кронштадтского мятежа // Военно-исторический журнал. 1961, № 3; Крах контрреволюционной авантюры: Сборник воспоминаний. – Л., 1978.

²⁰ Шпатель Юзеф Антонович (1904–после 1961), в 1905–1921 гг. проживал в Кронштадте. Находился в заключении и в ссылке (1938–1950). Реабилитирован. В 1961 г. вернулся в Ленинград.

²¹ Шпатель Ю.А. Кронштадтская Голгофа: март 1917 – март 1921 // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. 2005. Вып. 33. – С. 43–49, 56–62.

²² Кронштадтская трагедия 1921 г. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 3–21. № 5. – С. 3–23. № 6. – С. 24–44; Кронштадт в марте 1921 г. Публикация документов // Отечественные архивы. 1996. № 1. – С. 48–76; Кронштадт 1921. Сборник. – М., 1997.

²³ Кронштадтская трагедия 1921 года.: Документы. В 2-х кн. – М., 1999.

²⁴ Немитц Александр Васильевич (1879–1967). Командующий морскими силами Республики (с 5 февраля 1920 по 22 ноября 1922). Вице-адмирал (1941).

²⁵ Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892–1939). В июле 1920–январе 1921 г. командующий Балтфлота, затем полпред в Афганистане. В 1930–1938 гг. полпред СССР в Эстонии, Дании, Болгарии. В 1938 г. отказался вернуться в СССР, стал эмигрантом. В 1939 г. объявлен «врагом народа» и лишен советского гражданства. Реабилитирован.

²⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 109. Л. 256.

²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 472. Л. 39–40.

²⁸ Оптация – выбор гражданства, обычно предоставляемый населению территории, переходящей от одного государства к другому.

²⁹ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. – С. 48.

³⁰ ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 1А. Л. 10. Заградительные отряды – специальные формирования, выставлявшиеся в городах, на железнодорожных станциях, пристанях, шоссе для охраны продовольственных и других заготовок Советского государства и борьбы с мешочничеством и спекуляцией. Созданы в связи с продовольственным кризисом и разрухой в промышленных центрах России.

³¹ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. – С. 104.

³² ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 32.

³³ На собрании линкоров 1 марта было принято решение «упразднить Чека, выпустить всех политических арестованных и <создать> свободную печать». См.: ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 3. Л. 1.

³⁴ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 34. Л. 8, 8об.

- ³⁵ Кузьмин Николай Николаевич (1883–1939) – в декабре 1920 г. пом. командующего БФ по полчасти, с февраля 1921 г. комиссар БФ. Расстрелян, реабилитирован.
- ³⁶ Васильев Павел Дмитриевич (1885–?) – в 1919–1921 гг. председатель Кронштадтского Совета и его исполкома.
- ³⁷ Петриченко Степан Максимович (1892–1947) – старший писарь линкора «Петропавловск», председатель Кронштадтского Временного Революционного комитета, с марта 1921 г. в Финляндии. В апреле 1945 г. финским правительством передан в СССР. Заключен в ИТЛ сроком на 10 лет. Умер в заключении. См.: ЦА ФСБ России. № Р-18226.
- ³⁸ Шпатель Ю. А. Указ. изд. С. 58–59.
- ³⁹ ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 10. П. 5. Л. 16.
- ⁴⁰ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. – С. 50–51.
- ⁴¹ Там же. Кн. 1. – С. 130.
- ⁴² Козловский Александр Николаевич (1864–1940) – генерал-майор (1912). Со 2 декабря 1920 г. начальник артиллерии крепости Кронштадт. После поражения восстания ушел в Финляндию. Похоронен в Хельсинки на православном кладбище.
- ⁴³ ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 4. Л. 77, 80.
- ⁴⁴ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. – С. 130–131.
- ⁴⁵ Там же. Кн. 1. – С. 156.
- ⁴⁶ Там же. – С. 156, 179, 181.
- ⁴⁷ Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936) – командарм 1-го ранга (1935), главнокомандующий вооруженными силами Республики (1919–1924).
- ⁴⁸ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. – С. 106, 234.
- ⁴⁹ Данилов Степан Степанович (1877–1939) – с 1921 г. зам. военкома, военком Штаба РККА, член РВСР. Арестован в 1934 г. и приговорен к 5 годам заключения, где и умер. Реабилитирован в марте 1956 г.
- ⁵⁰ Лебедев Павел Павлович (1872–1933) – в феврале 1921 г. – апреле 1924 г. нач. штаба РККА, нач. Военной академии РККА (август 1922 г. – апрель 1924 г.), член РВСР (1923–1924).
- ⁵¹ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 565.
- ⁵² Авров Дмитрий Николаевич (1890–1922) – с ноября 1920 по апрель 1921 г. командующий войсками Петроградского военного округа.
- ⁵³ Лашевич Михаил Михайлович (1884–1928) – с 1918 г. командующий 3-й, 7-й и 15-й армиями, член РВС Восточного и Южного фронтов, Петроукрепрайона, командующий СибВО, пред. Сибревкома. В 1925 г. зам. наркома по военным и морским делам, зам. пред. РВС СССР.
- ⁵⁴ Костин Алексей Авраамович – в 1919–1921 гг. комиссар линкора «Андрей Первозванный», курсов комсостава флота, комиссар и начальник отрядов моряков-курсантов, дивизии подводных лодок БФ. В марте 1921 г. сформировал отряд моряков для штурма Кронштадта.
- ⁵⁵ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. – С. 421.
- ⁵⁶ Перемытов Алексей Маркович – с 3 марта 1921 г. нач. штаба 7-й армии, затем нач. штаба Западного фронта, Северо-Кавказского ВО, нач. штаба 5-й армии, МВО, Белорусского ВО, пом. командующего войсками МВО (1924–1936).
- ⁵⁷ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. – С. 183–185.
- ⁵⁸ ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 8. Л. 5.
- ⁵⁹ Там же. Т. 8. Л. 4–4 об.
- ⁶⁰ На самом деле Кронштадтский ВРК 4 марта 1921 г. дал предписание без особого распоряжения Революционного комитета не выпускать ни днем, ни ночью из расположения своих частей всех арестованных и не арестованных коммунистов. В сообщении ВРК от 4 марта отмечалось, что арестованные коммунисты находятся в полной безопасности. См.: ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 10. П. 4. Л. 5.
- ⁶¹ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. – С. 379.
- ⁶² Там же. Кн. 1. – С. 291.
- ⁶³ Там же. – С. 229, 255.
- ⁶⁴ Шпатель Ю. А. Указ. соч. С. 60.
- ⁶⁵ Плюто (Плюто) Сергей Григорьевич (1874–1955) – начальник оперативного управления штаба 7-й армии (сентябрь–декабрь 1920 г.) и штаба Петроградского военного округа (декабрь

1920–июль 1921 г.). Член советской делегации по установлению границы с Финляндией (июль 1921 г.– май 1922 г.).

⁶⁶ РГВА. Ф. 190. Оп. 3. Д. 531. Л. 1–2 об.

⁶⁷ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. – С. 263–264.

⁶⁸ ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 13. П. 2. Л. 17.

⁶⁹ ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 3. Л. 30.

⁷⁰ ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 3. Л. 29.

⁷¹ ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 4. Л. 3.

⁷² Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. – С. 332, 369.

⁷³ Там же. Кн. 1. – С. 349.

⁷⁴ По разным источникам, было направлено от 279 до 320 делегатов. Разница в цифрах объясняется тем, что среди лиц, отправленных в Кронштадт, были не только делегаты съезда, но и его гости.

⁷⁵ Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1940) – делегат VII–X съездов партии, добровольно отправился на подавление Кронштадтского восстания. С 1921 г. член РВС Северо-Кавказского военного округа. Расстрелян, реабилитирован.

⁷⁶ Равикович Ефим Моисеевич (1895–1938) – военком 14-й кавалерийской дивизии 1-й Конной Армии. Расстрелян, реабилитирован.

⁷⁷ Флерова (Сахновская, Гетц), Мария (Мирра) Филипповна (1897–1937) – делегат X съезда РКП(б); участник подавления Кронштадтского мятежа. Расстреляна, реабилитирована.

⁷⁸ Затонский Владимир Петрович (1888–1938) – в годы Гражданской войны член РВС 12-й, 13-й, 14-й, 6-й армий, делегат X съезда РКП(б), участник подавления восстания. Расстрелян, реабилитирован.

⁷⁹ Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890–1937) – в 1919–1920 гг. член РВС 13-й, 16-й и 6-й армий, делегат X съезда РКП(б), направлен на подавление Кронштадтского восстания. Расстрелян, реабилитирован.

⁸⁰ По состоянию на 11 марта в районе Кронштадта было сосредоточено 15 998 человек пехоты (штыков) и 354 конников (сабель), в том числе в Северной группе войск – 1826 штыков и 105 сабель, в Южной группе войск – 7321 штык и 103 сабли, резерв в районе Лигово – 3878 штыков, резерв в районе Петрограда – 2973 штыка и 146 сабель. См.: Кронштадтская трагедия 1921 года. В 2-х кн. Кн. 1. – С. 368, 422–423.

⁸¹ Там же. Кн. 1. – С. 480.

⁸² Там же. Кн. 1. – С. 500–501.

⁸³ Там же. Кн. 1. – С. 502.

⁸⁴ Шпатель Ю.А. Указ. соч. С. 61.

⁸⁵ ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 1 а. Л. 14–15.

⁸⁶ Временное бюро Кронштадтской организации РКП(б) образовано 3 марта Я. Ильиным, Ф. Перушиным и А. Кабановым, подготовившими воззвание. 5 марта члены Бюро были арестованы Кронштадтским ВРК.

⁸⁷ ЦА ФСБ России. Д. 114728. Т. 1а. Л. 13–14; Т. 1. Ч. 1–2.

⁸⁸ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1984. – С. 85, 317.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ (АРА)

*Статья в журнале «Новая и новейшая история»
2006 г. № 5*

Одним из самых драматических эпизодов в истории России начала 20-х годов XX в. был голод, охвативший около 40 губерний. Голод был настоящим общегосударственным бедствием¹. Правительство РСФСР в июле 1921 г. для борьбы с голодом обратилось за помощью к общественности. 21 июля 1921 г. ВЦИК декретом утвердил статус общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгол)². При посредничестве известных российских ученых и общественных деятелей большевистские лидеры надеялись получить помощь от капиталистических держав Запада.

В свою очередь ряд международных общественных организаций предложил советскому правительству оказать помощь в борьбе с голодом. Среди них была и АРА – «American Relief Administration» («Американская администрация помощи»). АРА была создана в США в конце первой мировой войны. Ее основателем и бессменным руководителем являлся тогдашний министр торговли Г. Гувер. В состав АРА входило несколько благотворительных организаций: американо-еврейский комитет помощи («Джойнт»), Всемирный лютеранский союз, Христианский союз молодежи, Объединение католических благотворительных обществ, Союз меннонитов, Союз баптистов. Организация ставила своей целью оказание продовольственной и иной помощи гражданам европейских государств, пострадавших от последствий войны.

26 июля 1921 г. председатель АРА Г. Гувер обратился к писателю М. Горькому с предложением предоставить пищу, одежду и лекарства для 1 млн. детей России. 28 июля 1921 г. М. Горький от имени правительства России ответил о принципиальном согласии со всеми выдвинутыми условиями и о скорейшей необходимости переговоров. С 10 по 20 августа 1921 г. в Риге состоялись переговоры между директором АРА в Европе В. Брауном и замнаркома иностранных дел РСФСР М.М. Литвиновым, которые завершились подписанием соглашения об оказании помощи Советской России. В документе говорилось: «Принимая во внимание, что в некоторых частях

России существует состояние голода, Максим Горький с ведома Российской Социалистической Федеративной Советской Республики обратился через посредничество г. Гувера к Американскому Народу за помощью для голодающих и больных, в особенности же для детей в охваченных голодом округах России. Гувер и Американский народ с глубокой симпатией ознакомились с этим воззванием о помощи со стороны русского народа, находящегося в несчастье и воодушевленные желанием исключительно из человеколюбивых соображений придти к нему на помощь. Мистер Гувер в своем ответе г. Горькому сообщил, что через Американскую Администрацию помощи будет оказана помощь приблизительно одному миллиону детей в России»³. В конце августа 1921 г. уполномоченный СНК РСФСР по валютным операциям в письме наркому внешней торговли РСФСР Л.Б. Красину проинформировал о готовности АРА выступить посредником в закупке излишков зерна за границей и предлагал использовать это обстоятельство для прорыва «золотой блокады» и «доступа к американским банкам для реализации нашего золота»⁴.

В Советской России представители АРА работали с 28 сентября 1921 г. по 1 июня 1923 г. Помощь АРА стала поступать не в декабре 1921 – январе 1922 гг., а значительно раньше. Уже 23 сентября 1921 г. в Татарскую республику прибыл поезд с продуктами АРА «для питания детей и беднейшего населения»⁵. Менее чем через месяц после подписания соглашения, признавая то, что АРА приступила к фактическому выполнению принятых на себя обязательств по оказанию помощи голодающим детям Поволжья, ВЦИК издал Декрет⁶, подписанный председателем ВЦИК РСФСР М.И. Калининным и секретарем ВЦИК А.С. Енукидзе, обязательный для исполнения всеми наркоматами, реввоенсоветом республики и губернскими исполкомами. Необходимость издания этого документа была вызвана существовавшей системой проволочек и бюрократических процедур, которые неблагоприятно отражались на авторитете советской власти. ВЦИК обязал все учреждения и ведомства рассматривать ходатайства АРА в течение 48 часов, свести до минимума существующие формальности, взять на контроль каждый случай отказа по ходатайствам АРА.

Персональная ответственность за выполнение этого документа была возложена на представителя советской власти в организации АРА Пальмера, а в части, касавшейся транспортировки, разгрузки, хранения продовольственных грузов и снабжения АРА предметами оборудования, – на члена президиума ЦК Помгола Лобачева.

В организациях АРА было задействовано 300 сотрудников, приехавших из Америки, и около 10 тыс. советских граждан, набравшихся американцами по своему усмотрению. Центральное правление АРА находилось в Москве; уполномоченные АРА работали в 37 губерниях, пострадавших от неурожая и голода. По соглашению с АРА советское правительство прини-

мало на себя следующие обязательства: прибывающие из-за границы грузы бесплатно перевозились по всей территории Советской России. Советское правительство выплачивало жалование служащим АРА, бесплатно предоставляло помещения для жилья иностранным подданным. Помещения снабжались мебелью и оборудованием, отоплением, освещением, коммунальными услугами. Кроме того, бесплатно предоставлялись склады с оборудованием, транспортными средствами, гаражами, горючим для привезенных из Америки автомобилей; также бесплатно разгружались маршрутные поезда, предоставлялись для поездки салон-вагоны, оплачивались почтово-телеграфные расходы. На все расходы по обеспечению деятельности АРА советским правительством было затрачено около 14.4 млн. рублей золотом.

О причинах оказания АРА помощи голодающим в России говорилось в информационном бюллетене НКВД РСФСР № 2 от 17 октября 1921 г.: «Падет ли советская власть или останется, рано или поздно Америке достанется львиная доля помощи России, и она, считая себя вне конкуренции, одинаково равнодушно относится к военным замыслам Франции в отношении России и к авансам, даваемым России Англией....Поддерживает же американское [правительство] начинания Гувера, главным образом, с целью популяризации Америки в России, считая в то же время крупную буржуазную помощь голодающим своего рода агитацией против советского строя. Попутно оно надеется через гуверистов собрать и пополнить необходимую ему информацию о России. Нет никаких оснований подозревать ни со стороны американского [правительства], ни со стороны Гувера стремлений использовать организацию Гувера и пребывание ее агентов в России в прямых контрреволюционных целях....Поручив гуверовской организации добиваться от Советского [правительства] исполнения чисто политических требований в виде освобождения и выпуска из России американских граждан, американское [правительство], вероятно, в дальнейшем попытается использовать гуверовскую организацию в качестве своего полуофициального Представительства, защищающего вообще интересы американцев в России»⁸.

АРА сыграла важную роль в оказании помощи голодающей России. «Итоги деятельности АРА и других организаций, помогающим голодающим, подвел А.В. Эйдук, старый чекист, представлявший советское правительство при АРА. В мае 1922 г. АРА кормила 6 099 574 человека, американское общество квакеров – 265 тыс., Международный союз помощи детям – 259 751 человек, Нансеновский комитет – 138 тыс., шведский Красный крест – 87 тыс., германский Красный крест – 7 тыс., английские профсоюзы – 92 тыс., Международная рабочая помощь – 78011 человек»⁹.

За время деятельности АРА было выдано 1019169839 детских порций и 795765480 взрослых. Калорийность пайка для детей равнялась 470, для взрослых – 614 калорий. Питание выдавалось населению бесплатно. Наряду с продовольственной помощью, согласно договору от 22 октября 1922 г.,

АРА выдавало нуждающимся мануфактуру, обувь и пр. Так, например, населению было выдано 1 929 805 м ткани и 602 292 пар обуви. Медицинская помощь была оказана 1 млн. больных. В сельских местностях АРА снабжала население сельскохозяйственным инвентарем и сортовыми семенами. Вместе с тем, благодаря широко развернутой деятельности в Америке, АРА способствовала ослаблению кризиса сбыта товаров, заготовленных в громадных количествах для нужд первой мировой войны.

Историки М.Я. Геллер и А.М. Некрич обратили внимание на важный момент в деятельности Помгола и АРА: «В истории Комитета и в истории АРА выработалась модель поведения советской власти по отношению к тем, кто приходил ей на помощь, стремясь при этом сохранить некоторую самостоятельность: 1) уступки, если нет иного выхода, 2) отказ от уступок, едва необходимость миновала, 3) месть»¹⁰.

Но так ли это было на самом деле? Быть может, именно деятельность Помгола и АРА вынуждала советскую власть и органы госбезопасности выработать, исходя из складывающейся обстановки, новую модель поведения? Современные исследователи связывают успешные переговоры советского правительства и АРА с принятием решения большевистского руководства о прекращении деятельности Помгола: «После успешных переговоров правительства РСФСР с представителем «Американской администрации помощи» (АРА) о поставке продовольствия участь Комитета, который власть рассматривала главным образом в качестве более привлекательного партнера для западных правительственных и благотворительных организаций, была предreshена». Это обстоятельство понимали и члены Помгола. Так экономист Н.Н. Кутлер, узнав о подписании соглашения с АРА, резюмировал: «Ну, а нам теперь надо по домам... Свое дело сделали. Теперь погибнет 35% населения голодающих районов, а не все 50 или 70»¹¹.

Кем были на самом деле сотрудники из АРА? Бескорыстными посланниками богатой Америки, помогавшими голодавшим жителям Поволжья, или иностранными разведчиками, собиравшими информацию о стране пребывания, военными специалистами, явившимися для поддержки возможной военной интервенции?

Архивные документы Центрального архива ФСБ России свидетельствуют о том, что представители АРА занимались в разной мере всем. Органы безопасности в начале 1920-х годов считали, что центрами иностранного и белогвардейского шпионажа на территории РСФСР являлись иностранные миссии и представительства (дипломатические, торговые, организации помощи голодающим). К числу «шпионских организаций» была отнесена и АРА, большинство сотрудников которой являлись бывшими американскими офицерами и полицейскими чиновниками. Тем не менее, в 1921–1923 гг. АРА официально действовала на территории Советской России, имела разветвленную сеть своих представительств. С первых

дней своего нахождения на территории Советской России сотрудники АРА оказались под пристальным наблюдением ВЧК–ГПУ.

Начало деятельности АРА в РСФСР совпало с конфликтами, которые произошли между чекистами Черноморско–Кубанского побережья и иностранными дипломатами. В тот момент перед советской властью одним из главных вопросов стала работа по дипломатическому признанию РСФСР. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин 23 октября 1921 г. написал письмо председателю Совнаркома В.И. Ленину, в котором жаловался на незаконные действия чекистов: аресты иностранных дипломатов, вскрытие дипломатической почты. В письме были сообщены и конфликты чекистов с представителями АРА: «Американский миноносец, на котором ехали некоторые гуверновцы, был остановлен в море новороссийскими чекистами, которые произвели на нем обыск, и держались крайне грубо по отношению к американцам. Когда в Новороссийске уполномоченный НКВД пожелал взойти на американский миноносец, чтобы приветствовать американцев, стоявшие на берегу агенты ЧК на глазах американцев в самой грубой форме не пустили на миноносец нашего уполномоченного. Американцы, сойдя на берег, заявили протест по поводу поведения чекистов, которое произвело на них самое тяжелое впечатление»¹².

Реакция Ленина на сообщение Чичерина была резкой. На следующий день в письме Чичерину Ленин в категорической форме потребовал «арестовать паршивых чекистов и привезти в Москву виновных и их расстрелять. Ставьте это в П[олит]бюро на четверг, дав своевременно на отзыв Уншлихту¹³, и прила[га]я весь материал»¹⁴.

26 октября 1921 г. Чичерин направил в Политбюро ЦК РКП(б) письмо, в котором пересказал содержание своего письма Ленину. Политбюро на следующий день обсудило это письмо и приняло постановление, в котором, в частности, поручалось ЧК совместно с НКВД и Наркомвнешторгом «выработать совершенно ясные и точные инструкции, специализировав их по отношению к разным странам», а также поручить ВЧК по соглашению с НКВД издать «авторитетное правительственное сообщение на следующую тему: враждебная Советской России международная печать распространяет слухи о невозможности из-за органов ЧК иметь деловые отношения с Советской Россией; правительство тщательно расследует всякие указания на неправильные действия органов ЧК по отношению к иностранцам»¹⁵. В дальнейшем чекисты действовали в отношении представителей иностранных государств в России весьма деликатно и осторожно.

Для упорядочения контрразведывательной работы органов ВЧК в отношении иностранных организаций в конце октября 1921 г. был издан приказ ВЧК «О чекобслуживании иностранцев», в котором отмечалось, что американцы из организации АРА проводят разведывательную деятельность на территории России. В этих целях они привлекали «враждебные

антисоветские элементы, собирали шпионскую информацию о России, скупали ценности»¹⁶. В то же время руководство ВЧК подчеркивало, что в работе с иностранцами необходимо соблюдать международные договоренности. Так, в соответствии с соглашением между правительством РСФСР и АРА, американские граждане, работавшие в этой организации, были гарантированы от арестов, а обыски помещений, занимаемых ими, могли проводиться лишь в присутствии представителя начальника АРА и под ответственностью органов, проводивших обыск. Руководство ВЧК поставило задачи перед всеми органами комиссии организовать тщательное наблюдение за деятельностью всех лиц, работавших в органах АРА. В этих целях предлагалось активнее работать с сотрудниками представительств АРА, нанятых на работу в России, всячески способствовать внедрению в число сотрудников АРА коммунистов, регулярно направлять в Москву подробную информацию о деятельности американцев из АРА. В то же время ВЧК подчеркивала, что «активные мероприятия» против иностранцев (арест или обыск) не могут проводиться местными органами безопасности без предварительного согласования с ВЧК.

Подчеркивая важное значение гуманитарной деятельности АРА на территории Советской России, историк А.М. Плеханов отмечает, что отечественными органами безопасности была пресечена подрывная деятельность сотрудников Американской администрации помощи и ее представительств в Москве, Петрограде, Астрахани, Саратове и других городах России и Украины. Это было сделать непросто, потому что АРА пользовалась большим авторитетом, как организация, спасающая от голодной смерти сотни тысяч наших граждан. Только за три месяца своей работы в 1921 г. она получила из Америки 17263 тыс. тонн продовольствия и других грузов для голодающих. К 10 декабря продовольствие АРА получали в Самарской губернии 185 625 детей, в Казанской – 157 196, в Саратовской – 82 100, в Симбирской – 6075, в Оренбургской – 7514, в Царицынской – 11 000, в Московской – 22 000, всего же – 565 112 детей¹⁷.

24 января 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о мерах предосторожности на случай чрезмерного расширения аппарата АРА. Было признано необходимым обязать ВЧК усилить осведомительную работу по АРА. На основании этой политической директивы перед органами госбезопасности были поставлены задачи по выявлению шпионажа и связи иностранных дипломатических учреждений с антисоветскими элементами в АРА. Это было обусловлено тем, что во время гражданской войны многие иностранные организации неоднократно уличались советскими спецслужбами в военном и экономическом шпионаже. Наряду с выполнением благородной гуманитарной миссии, которую выполняли на территории России сотрудники АРА, они занимались и сбором разведывательной информации. По различным причинам эта сторона деятельности АРА часто остается за рамками исторических исследований.

Руководство органов госбезопасности обладало подробными сведениями о сотрудниках АРА, большинство из которых являлось американскими разведчиками, бывшими военными советниками в армиях Колчака, Деникина и Юденича. В записке начальника Осведомительного отдела ИНО ВЧК Я. Залина от 26 января 1922 г. указывалось, что «результаты систематического наблюдения за деятельностью «АРА» заставляют в срочном порядке принять меры, которые, не мешая делу борьбы с голодом, могли бы устранить все угрожающее в этой организации интересам РСФСР. Американский персонал подобран большей частью из военных и разведчиков, из коих многие знают русский язык и были в России, либо в дореволюционное время, либо в белогвардейских армиях Колчака, Деникина, Юденича и в Польской (Гавард и Фокс – у Колчака, Торнер – у Юденича, Грегг и Финк – в Польской и т.д.). Американцы не скрывают своей ненависти к Соввласти (антисоветская агитация в беседах с крестьянами – доктором Гольдером, уничтожение портретов Ленина и Троцкого в столовой – Томпсоном, тосты за восстановление прошлого – Гофстр, разговоры о близком конце большевиков и т.д.). Для работы в своих органах АРА приглашает бывших белых офицеров, буржуазного и аристократического происхождения, подданных окраинных государств и, таким образом, спланирует и концентрирует вокруг себя враждебные Соввласти элементы (в Самарском отделении – офицеров, принимавших участие в чехо–словацком восстании; Петроградском – Юденичские; в Казани – Колчаковские; в Москве – княгиня Мансурова, княгиня Нарышкина, княгиня Куракина, графиня Толстая, баронесса Шефлер, Протопопова и др.).

Сотрудники АРА как американцы, так и набранные здесь, пользуясь предоставленными им привилегиями, первым по договору, вторым по нашей нерешительности, безнаказанно занимаются бешеной спекуляцией, вывозом в крупных размерах ценностей из РСФСР. Занимаясь шпионажем, организуя и раскидывая широкую сеть по всей России, АРА проявляет тенденцию к большему и большему распространению, стараясь охватить всю территорию РСФСР сплошным кольцом по окраинам и границам (Петроград, Витебск, Минск, Гомель, Житомир, Киев, Одесса, Новороссийск, Харьков, Оренбург, Уфа и т.д.). Из всего вышеуказанного можно сделать лишь тот вывод, что вне зависимости от субъективных желаний, АРА объективно создает на случай внутреннего восстания опорные пункты для контрреволюции как в идейном, так и в материальном отношении»¹⁸.

Деятельность АРА в России не осталась без внимания и политического руководства страны. В.И. Ленин в письме от 25 февраля 1922 г. управляющему алтайских рудников Р.А. Дрейману требовал: «То, что Вы сообщаете о приемах Уркарта¹⁹ и его кампании, которые через АРУ подкупают наших спецов, имеет крайне важное значение. Поручаю Вам продолжать собиране наших и подобных документов с величайшей тщательностью. Если

найдете безусловно умного чекиста, надо с ним вместе обдумать дополнительные способы контрразведки»²⁰.

Во время поставок продовольствия представители АРА проявили особое внимание к Севастопольскому порту, который являлся крупнейшей базой Черноморского флота. На этот интерес немедленно отреагировали советские дипломаты, о чем свидетельствует письмо уполномоченного НКВД РСФСР в Севастополе Томпсона наркому иностранных дел РСФСР от 28 февраля 1922 г.²¹.

После реорганизации органов госбезопасности, прошедшей в начале 1922 г., на основе ВЧК было образовано Государственное политическое управление (ГПУ). ГПУ получило указание продолжить работу по АРА. 9 марта 1922 г., заслушав заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта по вопросу о деятельности АРА, Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление, в котором председателю ГПУ Ф.Э. Дзержинскому поручалось организовать специальное наблюдение за деятельностью АРА, а Эйдуку – отчитываться по этой линии перед ГПУ²². Вскоре вышел приказ ГПУ, который был полностью посвящен вопросам контрразведывательной работы среди сотрудников АРА²³.

В ГПУ был сделан вывод, что среди иностранных организаций в РСФСР, так или иначе помогающих предательской работе контрреволюции, видное место занимает АРА, «которая в 1919 году успешно помогла мадьярской буржуазии свергнуть венгерское советское правительство». ГПУ было установлено, что «русский отдел АРА наряду с работой Помгола ведет контрреволюционную и шпионскую работу. С самого начала своей работы в России АРА стала завязывать связи с русской буржуазией, бывшим дворянством, духовенством, активными белогвардейскими кругами и деятелями антисоветских группировок и партий. Пользуясь правом набирать на местах необходимый штат сотрудников, АРА вербовала к себе на службу работников из кругов бывшей аристократии, буржуазии, контрреволюционно настроенной интеллигенции и бывшего белого офицерства и через них распространяет свое влияние на широкие контрреволюционные круги. Связь АРА с активной белогвардейщиной, бывшими белыми офицерами, которые в любой момент могли быть использованы как боевая сила, представлял, по мнению ГПУ, громадную опасность для Советской Республики»²⁴.

Наряду с оказанием помощи голодавшим, АРА открыла так называемые посылочные отделения в местностях, не охваченных голодом. Эти отделения были расположены таким образом (на Украине и в полосе Западной границы), что в случае интервенции могли превратиться в опорные базы контрреволюции.

В целях совершенствования контрразведывательной работы в местных органах ГПУ, на территориях которых работали представительства АРА, были выделены специальные сотрудники по делам иностранных организаций,

освобожденные от других обязанностей. Был организован точный учет всех американских и российских сотрудников АРА в данном регионе, на каждого из них собирались характеризующие данные, сведения о передвижениях по уездам и городам. Почтовая корреспонденция американцев подвергалась досмотру, с наиболее важных в оперативном отношении документов снимались копии, а документы фотографировались.

Перед органами ГПУ ставились задачи по организации оперативного наблюдения за российскими сотрудниками АРА из числа бывших белых офицеров, духовенства, лиц из бывшей аристократии, по выявлению связей сотрудников АРА с антисоветскими партиями и группами (эсерами, монархистами, кадетами и т.д.), принятию мер по недопущению приема на работу в АРА членов семей военных специалистов.

Однако только наблюдением за деятельностью АРА дело не ограничивалось. Территориальные подразделения органов госбезопасности принимали меры по выявлению и пресечению противоправной деятельности сотрудников АРА, порой чрезвычайно жесткие. Так, 10 февраля 1922 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности Царицынская ГубЧК арестовала старшего контролера отделения АРА М.И. Арзамасова, а через неделю он был приговорен к расстрелу. Очевидно, причиной ареста М.И. Арзамасова послужил его конфликт с уполномоченным полномочного представителя РСФСР при Царицынской организации АРА Ф.И. Свицерским. Об этом инциденте сохранились сведения в рапорте от 7 февраля 1922 г. сотрудника Царицынской ГубЧК начальнику ГубЧК: «О вредном влиянии Арзамасцева (в тексте ошибка, правильно: Арзамасов. – В.М. и В.Х.) по вышеизложенной причине на всю деятельность АРА в Царицыне мне лично несколько раз сообщал Уполномоченный ПП РСФСР при Царицынской Администрации АРА тов. Свицерский, а перед своим отъездом в Москву с докладом он просил Арзамасцева за его контрреволюционную деятельность в АРА отсюда убрать и привлечь к уголовной ответственности, так как дальнейшее пребывание его в занимаемой должности в АРА в интересах успешности работы последней по кормлению голодающим, нетерпимо»²⁵.

После ареста Арзамасова возникли серьезные трения в работе между губисполкомом и представителями АРА. Уполномоченный Царицынского губисполкома при комитете АРА Я.В. Паршков в докладе в губисполком от 15 февраля 1922 г. сообщал: «Уважаемые товарищи, обращаю Ваше наи-серьезнейшее внимание на нижеследующее явление, которое наблюдается мною в губернском комитете АРА. 10 февраля 1922 года по распоряжению Губисполкома и Губчека, уполномоченный по г. Царицыну гражданин Арзамасов Михаил Иванович был отстранен от занимаемой им должности и в 18 часов 10 февраля был арестован за сообщество и вспомогательные действия белым бандам, о чем я своевременно довел до сведения

м–ра Боудена, директора Американской Администрации помощи голодающим [в Царицыне]... 12 февраля 1922 г., м–р Боуден мне официально заявил, что он дает распоряжение немедленно приостановить все подготовительные работы по раздаче пайков взрослым г. Царицына. Как первые, так и последние официальные угрозы со стороны м–ра Боудена, повторяю, есть следствие ареста обвиняемого, может быть даже в контрреволюционных действиях, гр–на Арзамасова М.И. за то, что Царицынская губернская власть арестовала вредного для революции элемента, служившего в АРА, то м–р Боуден предпочел остановить работу по подготовке выдачи пайков взрослым, т.е. оставляет на несколько дней десятки тысяч голодного населения г. Царицына и этим самым провожает их в могилу. Дабы доказать (иначе это нельзя никак думать) губернским властям, чтобы последние не смели производить арест вредного элемента для революции трудящихся, когда они являются служащими АРА, но я знаю, что организация АРА исходит от американского народа, который не позволит за одного белогвардейца умереть голодной смертью десяткам тысяч голодного русского народа или, хотя бы, издеваться над ним.

Организация АРА по своему занимаемому положению, как будто бы, не должна применять репрессии по отношению к десяткам тысяч голодного населения, но, к великому несчастью, я констатирую факт репрессии со стороны АРА в Царицынской губернии... Доводя до вышеизложенного, я настойчиво требую довести до сведения о совершившемся Губком РКП(б), ВЦИК, РКП(б) и ЦК АРА, а также до сведения американского народа, который бы среагировал соответствующим образом на действия отдельных представителей Американской Администрации помощи голодающим»²⁶.

В середине февраля 1922 г. во ВЦИК и представителю РСФСР при АРА Эйдуку поступила телеграмма из Царицынского губисполкома, в которой сообщалось об ответных действиях, предпринятых директором Царицынского отделения АРА Боуденом в связи с арестом старшего контролера АРА Арзамасова. В телеграмме говорилось о прекращении выдачи питания взрослому населению Царицына, а также детям, которые не имеют теплой одежды и обуви. Об этом Эйдук проинформировал директора АРА в России полковника В.Н. Хаскеля.

В ответном письме от 20 апреля 1922 г. Эйдуку Хаскель сообщал: «Считаю нужным обратить Ваше внимание на то, что, хотя город Царицын и крайне нуждается в помощи, вся работа по оказанию помощи питанием приостановлена в нем до выяснения решения Вашего правительства по вопросу о судьбе этого, очевидно, ни в чем неповинного сотрудника Американской Администрации Помощи. Естественно, выдача питания в указанном городе не будет восстановлена, пока представитель АРА г. Боуден не будет убежден в добросовестности местной власти, а может это произойти только в двух случаях: или вышеуказанный сотрудник должен быть освобожден

и возвращен к исполнению своих обязанностей, или же г-ну Боудену должны быть предоставлены убедительные доводы его ареста. Если этот вопрос не будет тем или другим порядком урегулирован до 1-го мая, Американской Администрации Помощи придется весьма и весьма против своего желания совершенно исключить указанный район на будущее время из числа получающих помощь питанием, исходя из того, что Правительство не дает достаточных гарантий для выполнения нашими служащими возложенных на них обязанностей»²⁷.

Для разрешения конфликтной ситуации дело Арзамасова и сам обвиняемый были направлены в Москву. Эйдук послал Уншлихту письмо, в котором указывал на практическую нецелесообразность содержания обвиняемого под стражей ввиду отсутствия в деле материалов, достаточных для обвинения его в контрреволюционной деятельности. Кроме того, Эйдук сообщал о неоднократных ходатайствах руководителей АРА за арестованного. Дело Арзамасова было пересмотрено и постановлением Коллегии ГПУ от 25 апреля 1922 г. прекращено; обвиняемый был освобожден.

В связи с тем, что обвинения, выдвинутые против Арзамасова, были не аргументированы и не нашли подтверждения, Держинский направил записку особоуполномоченному ГПУ В.Д. Фельдману, в которой потребовал направить в Царицын сотрудника ГПУ для проведения расследования и наказания виновных. Однако следствие по «делу Арзамасова» формально продолжалось еще четыре года, пока в ноябре 1926 г. «особоуполномоченный» при Коллегии ОГПУ не вынес постановление: «Принимая во внимание давность и нецелесообразность дальнейшего ведения следствия по этому делу – дело следствием прекратить и сдать в архив»²⁸.

Как видно из инцидента с Арзамасовым, руководство АРА в России подчас использовало конфликты, возникавшие на местах с местной властью, в качестве инструмента политического давления на советскую власть. Понятно, что такое положение дел не могло продолжаться долго. И как только ситуация со снабжением продовольствием стабилизировалась, АРА было предложено покинуть Россию.

Тем временем наблюдение за сотрудниками АРА продолжалось. В служебной записке помощнику начальника Особого отдела ГПУ Р.А. Пиляру от 1 марта 1922 г. Уншлихт ставил задачу: «Необходимо в двухдневный срок составить приказ о возможной интервенции весной и вообще о работе к.-р. Приказ должен быть рассчитан исключительно для окраин, где и указать, что интервенция пойдет только с окраин. Соберите весь материал как у тов. Могилевского, так и у тов. Артузова²⁹, главную роль отведите «АРА», указав подлинное лицо этой организации... Приказ необходимо написать коротко и чеканно, сделав соответствующие выводы и указание на необходимые меры. В приказе необходимо связать: 1) отсрочку Генуи, все замирающую работу транспорта, слабый подвоз хлеба. Большое оживление

в заграничных кругах белогвардейцев, формированию белых войск в окраинах государств: Финляндии, Румынии, Болгарии, Польши и др. Одним словом, суммировать все яркие факты, указывающие на интервенцию. Резко подчеркнуть, что, прежде всего, попадут под удар южные порты, где, безусловно, будет высажен десант, и Финляндия, т.е. угроза Питеру... Надо лишний раз указать, что хотя «АРА» – это подлое учреждение, но за ней – зоркий и вежливый глаз»³⁰.

В обзоре политико-экономического состояния РСФСР за май – июнь 1922 г. ГПУ отмечало, что АРА являлась «весьма значительным центром шпионских организаций», весь состав которой состоял из бывших офицеров и полицейских чиновников (значительная часть из них принимала непосредственное участие в интервенции в период 1917–1921 гг.). АРА старалась принимать к себе на службу бывших белогвардейских офицеров и других лиц с установившейся контрреволюционной репутацией. Прилагались усилия к тому, чтобы завербовать и использовать ответственных советских работников, в частности, красных командиров. Перехваченные ГПУ документы доказывали, что АРА, помимо помощи голодающим России, преследует также и другие цели, не имеющие ничего общего с гуманитарными идеями и филантропией. Была установлена персональная виновность в шпионаже и контрреволюционной деятельности многих ответственных американцев – руководителей АРА в России. «К изоляции их ГПУ не приступает только потому, что обострение отношений между РСФСР и АРА ослабит помощь, оказываемую АРА голодающему населению Республики»³¹.

Сотрудники АРА, приехавшие из Америки в Россию, вербовались в США при участии «патриотических американских клубов под влиянием бывшего русского консула в Соединенных Штатах Бахметьева». Все сотрудники АРА «фильтровались Гаем, видным работником европейской конторы АРА в Лондоне, являвшимся представителем американской разведки в Англии. Почти все сотрудники АРА имели военный стаж, большинство из них работали в американских разведывательных или контрразведывательных органах, или ранее служили в противоборствующих с Россией армиях. Часть сотрудников принимала деятельное участие в работе АРА по свержению советской власти в Венгрии. Уполномоченный АРА в России – полковник Хаскель Вильям ранее был Верховным комиссаром на Кавказе, отличался тогда непримиримостью к Советской России, возбуждая против нее Грузию, Азербайджан, Армению. В этих целях он распространял в СМИ тенденциозные публикации о большевиках. Среди ответственных работников АРА, имеющих большой военный стаж, были: майор артиллерии Кароль, капитан кавалерии Грегг, лейтенант Селярдж, полковник Винтере, полковник Бьюкс, капитан Доугрег, майор Лонкгран, капитан Менген и другие»³².

Большое число американских кадровых офицеров среди сотрудников АРА в России настораживало представителей органов госбезопасности,

изучавших возможности использования разветвленных структур АРА для оказания поддержки военной интервенции. Ячейки АРА в случае вооруженного мятежа или иностранной военной интервенции легко могли быть превращены в военные структуры³³. Так, в архивных документах органов госбезопасности зафиксировано, что в Казанском районе из 10 сотрудников АРА было 6 кадровых военных, 2 человека сражались в белой армии, 3 – работали в американской и английской разведке. По своим способностям и прошлому опыту деятельности, в случае военного выступления казанское отделение АРА имело бы опытного руководителя всеми операциями и людей, могущих исполнять обязанности начальников штаба, отдела снабжения, разведки.

Органы безопасности считали, что определенную угрозу в случае военной интервенции составляла и создававшаяся группировка американских военных кораблей в Черном море. В докладной записке ГПУ во ВЦИК от 31 марта 1922 г. сообщалось, что на основании соглашения об Американской администрации помощи, заключенного в августе 1921 г. между правительством РСФСР и АРА, разрешался заход в российские торговые порты американских миноносцев исключительно для доставки на них представителей АРА. Используя предлог оказания помощи голодающим, США постепенно увеличили число американских миноносцев, находившихся в Черном море, до пяти и, таким образом, в южных портах образовалась морская база для американских военных судов. Не ограничиваясь украинскими портами, американские военные суда энергично добивались разрешения на заход в порт Батуми³⁴.

В конце 1923 г. советское правительство было вынуждено вновь вернуться к вопросу пребывания американских военных судов в советских территориальных водах. В приложении к письму от 30 января 1923 г. полпреда правительств РСФСР и УССР при всех граничных организациях помощи России К.И. Ландера заместителю наркома иностранных дел РСФСР Л.М. Карахану по вопросу о пребывании американских военных кораблей в Черном море, говорилось о необходимости «вступить в переговоры с американскими организациями Помгол с целью увода назначенных миноносцев из украинских территориальных вод», а также сообщались тактико-технические характеристики американских боевых кораблей, их вооружение и места базирования. В приложении имеется письмо начальника штаба Украинского военного округа члену коллегии НКВД Канарскому от 19 декабря 1922 г., в котором приводились дополнительные аргументы о недопустимости нахождения кораблей американского военно-морского флота в территориальных водах УССР, а также делался вывод, что присутствие в Черном море дивизиона американских миноносцев (8 кораблей) давало флоту США «почти полное обладание Черным морем»³⁵.

В развитие требований, изложенных в телеграмме, и в целях недопущения впредь незаконных арестов сотрудников АРА, 24 апреля 1922 г. в ГПУ и НКВД, за подписью Дзержинского, был издан приказ «О порядке ареста

сотрудников АРА», в котором указывалось, что аресту могли подвергаться все сотрудники АРА, граждане РСФСР, только по предварительному согласению с полномочным представителем РСФСР при всех заграничных организациях Помгола Эйдуком. Без предварительного согласования производство арестов разрешалось «только в исключительных случаях в целях немедленного пресечения политического или уголовного преступления, если лицо, оставленное на свободе, может продолжать свою вредную деятельность, замазать следы преступления или скрыться от правосудия»³⁷. Ответственность за строгое соблюдение этого приказа возлагалась на соответствующих руководителей органов ГПУ.

Новый виток активизации контрразведывательной работы против АРА пришелся на июль 1922 г., когда в Секретно–оперативном управлении ГПУ был создан самостоятельный Контрразведывательный отдел (КРО), задачей которого была борьба со шпионажем и белогвардейскими организациями. Для наблюдения за деятельностью АРА и других организаций помощи голодающим, а также борьбы со шпионажем со стороны стран Центральной и Западной Европы и Америки в конце 1922 г. в ГПУ было создано специализированное подразделение – 4–е отделение КРО Секретно–оперативного управления ГПУ. Был проведен «социологический анализ» прибывших американских сотрудников. В докладной записке начальника 3–го отделения КРО ГПУ от 12 августа 1922 г. сообщалось, что детальная разработка первой группы американцев, прибывших в Россию в количестве 30 человек, дала следующие результаты. Все 30 человек были с высшим образованием, 15 человек из них были профессиональными военными, 2 профессора, 2 человека имели специальное техническое образование, 2 врача, 1 журналист, 1 человек ранее работал в учреждениях Американского Красного Креста, 7 человек были до приезда в России, на Кавказе и Закавказье в 1919 и 1920 г., 6 человек имели отношение к американским и английским разведывательным органам, 3 – принимали активное участие в борьбе против Советской России в армиях Юденича и Колчака³⁸.

Органы ВЧК–ГПУ вели борьбу с контрабандой, которая не только наносила значительный ущерб экономике страны, но и сохранности культурных ценностей. Борьбу с контрабандой с 1918 г. в основном вела пограничная охрана, но немаловажную роль в этом деле играли и чрезвычайные комиссии³⁹. Приказом ГПУ № 1 от 2 января 1923 г. для сведения и руководства была объявлена вторая глава Декрета СНК № 734 «О контрабанде и вывозах за нее». По этому Декрету давалось и определение контрабанды: «Провоз или пронос через государственную границу, а также покушение на вывоз за границу всех товаров или ценностей, помимо таможенных учреждений; провоз или пронос товаров через таможенные учреждения, с сокрытием от таможенного контроля путем каких–то ни было ухищрений, товаров и ценностей, запрещенных к вывозу или ввозу, а также дозволенных к ввозу или вывозу, с целью избежания платежа таможенной пошлины»⁴⁰.

Для контроля за деятельностью иностранцев на территории Советской России, в том числе и для предотвращения контрабанды, ВЧК–ГПУ проводился целый комплекс оперативно–розыскных мероприятий, при этом велась и перлюстрация почтово–телеграфной корреспонденции. Эти функции выполнял образованный 21 декабря 1921 г. Отдел политконтроля ВЧК–ГПУ (начальник – Б.Е. Этингф; с 1 мая 1923 г. – И.З. Сурга). В отличие от упраздненной военной цензуры, задачи Отдела политконтроля были шире, помимо перлюстрации и отбора корреспонденции по спискам органов ВЧК–ГПУ его сотрудники вели наблюдение за работой типографий, книжных магазинов, просматривали ввозимые и вывозимые из страны печатные произведения. Производилась перлюстрация корреспонденции ведущих партийных и государственных деятелей, органов печати и дипломатической почты⁴¹.

Получаемая органами госбезопасности информация свидетельствовала, что помимо разведывательной работы, представители АРА в России стремились использовать ситуацию и для личного обогащения: проводили незаконные валютные операции, скупали драгоценности, золото, предметы церковной утвари, произведения искусства и антиквариат. Сохранился фрагмент из письма кассира московского отделения АРА А. Торди своей жене в Нью–Йорк от 5 апреля 1922 г. Торди жаловался на то, что его несправедливо уволили, так как он не хотел участвовать в контрабандных и спекулятивных сделках: «Полковник Хаскель хотел, чтобы я уехал в понедельник. Но я не хотел уезжать без моего паспорта, кто–то его задержал. Способ, которым хотели избавиться от меня был скандальный. На следующий день мне сказали, что мой паспорт был задержан потому, что я был под следствием. Речь шла о большой краже вина, и кто–то в АРА обвинялся в том, что он купил это. Меня пригласили в полицейский участок и потребовали дать объяснения. Вор был пойман и признался. Это было в начале февраля, когда м–р Бурланд, начальник Отдела посылок пришел ко мне с двумя людьми (между ними был некий м–р Любошиц) и сказал, что полковник Тельфорд послал их ко мне с приказом уплатить сумму (около четырехста сорока миллионов советских рублей за вино). Я вызвал тогда по телефону и он сказал: "Да, заплатите и предъявите счет в лавку для сотрудников". Два дня спустя я просил Тельфорда об этом и он сказал: "Никакого вина тут нет, вино было украдено из Кремля" и засмеялся и я никогда не видел била. Начальник Финансового отдела употребляет деньги АРА для покупки краденых ликеров. Неужели это не злоупотребление деньгами благотворительности?

Я пишу Вам это для того, чтобы Вы знали, почему я был задержан здесь. Затем меня спрашивали, знаю ли я что–нибудь о покупке бриллиантов. Но я ничего не знал, я никогда не купил ни одного камня, но я видел, что капитан Додж покупал великолепные камни, ковры и меха фантастические в оптовых размерах. Что он делал с ними, я не знаю. Но полковник Хаскель

был в одинаковой степени заинтересован в бриллиантах и мехах, и я сам должен был приводить некую госпожу Фрункину к нему, которая предлагала ему великолепные бриллианты, стоящие около 2-х миллиардов рублей. Она сказала мне, что полковник Хаскель хотел купить их, но хочет платить чеком. Но чеком она не может пользоваться, так что я не знаю, продала она ему что-нибудь или нет. Но она видела мадам Хаскель опять до ее отъезда. Додж при помощи Баумана также покупал бриллианты фактически и только несколько дней до отъезда мадам Хаскель. Виноградов сказал мне, что Додж купил бриллиантовую брошь стоимостью до войны около 15000 рублей, а он купил ее за 2500 долларов – для кого? Для себя самого. Откуда он получал деньги? Эти покупки производились почти публично, и бриллианты рассматривались тут же в конторах.

Неудивительно, что члены АРА подозревались в торговле бриллиантами и мехами. Директор сам и его новый кассир, который должен был показывать хороший пример, делали это больше, чем кто-либо другой, а нас бедных людей осуждают за это. Может быть, это является причиной, почему меня так скоро выслают. Я уверен, что меня будут порицать за такие вещи, за которые я не ответственен.

Как только я покинул Финансовый отдел, Виноградов сказал мне, что Додж продал на рынке фактически последний доллар, имевшийся в сейфе... Доктор Давенпорт сказал мне: «Торди, с Вами полковник Хаскель грязно обошелся. Вы знаете, что Вы не годитесь, и он тоже это знает. План заключался в том, чтобы пустить Доджа к сейфу. Потому что Додж будет делать для Хаскеля здесь в Москве всю ту грязную работу, которую он проделывал для Хаскеля на Кавказе, а Бауман будет ему помогать. Он является их человеком. Он знает толк в коврах»....

Очень интересна была встреча Нового года. Полковник Лоренган сказал мне, что он хотел бы напоить пьяным м-ра Эйдука. Но Лоренган был пьян еще задолго до ухода м-ра Эйдука – вполне трезвого. Профессор Кулидж сказал Лоренгану: «Вы уж лучше идите спать, Вы уже достаточно напились. Эйдук еще трезв и я не думаю, что Вы не могли тягаться с ним». Полковник Лоренган был Управделами полковника Хаскеля. М-р Эйдук является Советским представителем при благотворительных организациях... Кто-то хотел внести некоторый военный элемент в Русский отдел, но, мне кажется, что полковник Хаскель уж слишком много военщины внес в отдел. Мне прямо-таки смешно, как некоторые из действительных офицеров армии стараются показать каждому, что они офицеры. Если это не производит впечатления, они одевают военные рейтузы. Полковник Тельфорд, желающий, чтобы все знали, какой он «великий военный авторитет», сказал однажды: «Дайте мне только один полк солдат и советское правительство будет низвергнуто». Я рассмеялся. Такой «арбуз»!... Он [речь идет о В. Хаскеле. – В.М. и В.Х.] как видно думает,

что он новый Иоганн [Иван] Грозный или он, пожалуй, думает, что АРА в России есть полк солдат. Я думаю, что это полк джентльменов – работников благотворительности”⁴².

В целях недопущения незаконного вывоза незадекларированных товаров и ценностей некоторыми сотрудниками АРА, ГПУ информировало таможенные органы о попытках контрабандных операций на территории России. Например, 1 декабря 1922 г. на московской таможне в присутствии официальных представителей АРА была вскрыта дипломатическая почта этой организации, адресованная в Ригу, Лондон и Нью-Йорк: “доставленные контролером Себежской таможни Плевковым, при провозном свидетельстве от 29 ноября с/г за № 297 в Московскую таможню восемь мест багажа, коих пять мест, опломбированных пломбами «АРА», по заявлению представителя «АРА» Ф. Маттеуса, – являются личным багажом членов «АРА» Джо Альтона и Эрольда Доджа и опломбированными пломбами «АРА» вследствие злоупотребления со стороны владельцев багажа, а потому, как не относящиеся к дипломатической почте и багажу – подлежат досмотру таможней на общих основаниях... 1) пакет за пятью печатями «АРА», адресованный в Ригу, в адрес Американской Администрации Помощи для гр. Дальтона и Доджа – членов «АРА», в нем оказался один аметистовый, окаймленный мелкими жемчужинами, в золотой оправе с платиновой цепочкой кулон; одно кольцо золотое с тремя крупными бриллиантами, осыпленными розочкой; кулон с одиннадцатью крупными бриллиантами и крупной жемчужиной грушевидной формы в виде подвески в платиновой оправе с платиновой с жемчугами цепочкой; круглая золотая с эмалью коробочка 88 пробы и в ней одно золотое кольцо с двумя крупными жемчужинами и мелкими бриллиантами, одна нитка жемчуга средней величины количеством 66 штук, одно платиновое кольцо с жемчужиной (отдельно от кольца), одно золотое кольцо с крупным изумрудом, осыпанным бриллиантами; чековая книжка с бланками, от № А001558 до № А001573 включительно, обязательства РСФСР 1921 г. на сумму сто миллионов; 2) ящик с адресом Гэйнс Джан по адресу Главной конторы АРА: Лондон, АРА, Англия, Итон–сквер от районного представителя АРА в Казани, в нем оказалось: одна черепаховая коробочка с эмалью (пейзаж); одна золотая, овальной формы, коробочка с эмалью и драгоценными камнями; один перламутровый футляр с инкрустацией; одна фигурка из цветного уральского камня; одна круглая серебряная коробочка филигранной работы с эмалью и бриллиант; одна такая же коробочка овальной формы с драгоценными камнями; одна крупная фасонная золотая табакерка с эмалью и гравировкой; одна золотая зажигалка с бриллиантами и монограммой «М»”⁴³.

29 марта 1923 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято постановление о ликвидации деятельности АРА на советской территории. Было решено «начать ликвидацию АРА тогда, когда грузы АРА,

находящиеся в пути и в портах, будут развезены по местным базам, т.е. с июня»⁴⁴. Результаты контрразведывательной работы были отражены в докладе ГПУ 1923 г., посвященном деятельности иностранных организаций, оказывавших помощь в борьбе с голодом. В результате полуторагодичного наблюдения за работой АРА было установлено, что эта организация, наравне с помощью голодающим, вела определенную политическую работу, направленную против советской власти. Это проявилось, в частности, после того, как АРА перешла от массового снабжения голодающих к индивидуальному снабжению посылками нуждающихся лиц. Говоря о политической работе АРА, направленной против советской власти, особое внимание обращалось на состав этой организации. Сотрудники АРА условно делились на две категории: на сотрудников, приехавших из Америки, и на сотрудников, принятых на службу в России.

Среди американских сотрудников АРА 20% составляли приказчики и коммерческие служащие, 15% – квалифицированные экономисты и финансисты (экономические разведчики крупных трестов и синдикатов), 65% кадровые офицеры (высший командный состав и штабные офицеры – 20%, военные разведчики – 25%, сотрудники полиции – 20%). По мнению ГПУ, американские сотрудники АРА в случае необходимости могли стать первоклассными инструкторами контрреволюционных восстаний. Все сотрудники АРА (что неоднократно выявлялось агентурой и подтверждалось документальными данными) являлись лицами, «настроенными антисоветски».

Вторая категория служащих – российские граждане, подбирались с особой тщательностью. В их числе преобладали бывшие белые кадровые офицеры – 75%, на втором месте были «бывшие люди» – помещики, чиновники и т.п. – 20%, третью группу составляли разные лица (бывшие советские служащие, имеющие рекомендации от бывших аристократов и чиновных людей и т.д.) – 5%. Именно через российских сотрудников АРА американцы собирали необходимые сведения о России и различных аспектах ее жизни, поддерживали связи с контрреволюционными и белогвардейскими кругами.

Анализ лиц, получавших посылки от АРА, показал, что 75% из них имели контрреволюционное прошлое (бывшие офицеры, контрреволюционное духовенство, бывшие помещики и фабриканты), 20% получающих посылки были родственниками американских эмигрантов и только 5% являлись случайными лицами. Учитывая, что в случае возможных осложнений в советской республике, АРА могла стать центром, снабжающим, инструктирующим и вдохновляющим контрреволюцию, ГПУ считало ее дальнейшее пребывание в России нежелательным. Тем более что с ликвидацией голода в Поволжье работа АРА, которая свелась к индивидуальному снабжению через посылочные отделения посылками, не являлась настолько важной для советской республики, чтобы в ущерб интересам политической безопасности в дальнейшем мириться с ее пребыванием в России⁴⁵.

В 1923 г. АРА передала свои функции «Швейцарскому комитету помощи детям».

Деятельность АРА на территории России – важная страница истории, которая нуждается в более детальном изучении. Приведенные выше архивные документы ВЧК–ГПУ помогают полнее раскрыть многоаспектную деятельность АРА в Советской России.

Однако окончательная точка в этом исследовании может быть поставлена лишь после объективного изучения всей совокупности архивных материалов, находящихся не только в России, но и в США.

¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. В 4 т. Т. 1. 1918–1922. Документы и материалы. – М., 1998; «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2001. Т. 1. – С. 77.

² См. подробнее: *Макаров В.Г., Христофоров В.С.* К истории Всероссийского комитета помощи голодающим. // Новая и новейшая история. 2006. №3. – С. 198–205.

³ Центральный архив (далее – ЦА) ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11. Д. 2389. Л. 18.

⁴ Советско–американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. – М., 2002. – С. 192–193.

⁵ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ... – С. 500.

⁶ № 23228 от 19 сентября 1921 г.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 36. Л. 259–260.

⁸ Советско–американские отношения... – С. 197–198.

⁹ *Геллер М.Я., Некрич А.М.* Утопия у власти. – М., 2000. – С. 114.

¹⁰ *Геллер М.Я., Некрич А.М.* Указ. соч. – С. 115.

¹¹ Цит. по: *Геллер М.Я., Некрич А.М.* Указ. соч. – С. 113.

¹² *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. – М., 2000. – С. 477.

¹³ И.С. Уншлихт – с апреля 1921 г. по сентябрь 1923 г. – заместитель председателя ВЧК–ГПУ.

¹⁴ *Ленин В.И.* Неизвестные документы... – С. 476.

¹⁵ Там же. – С. 479.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 36. Л. 256.

¹⁷ *Плеханов А.М.* ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006. – С. 301.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 248. Л. 1–2.

¹⁹ Уркарт Л. (1874–1933) – английский финансист и промышленник. В 1921–1922 гг. вел переговоры с Советским правительством о получении концессии на свои прежние владения в России.

²⁰ *Ленин В.И.* Неизвестные документы... – С. 507.

²¹ Советско–американские отношения... – С. 217–218.

²² Российский государственный архив социально–политической истории (далее – РГАСПИ), Ф. 17. Оп. 3. Д. 279. Л. 3.

²³ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 41. Л. 254–257.

²⁴ *Матвеев О.К.* Гуманитарная миссия или подрывная операция? // Независимое военное обозрение. 2000. № 27. – С. 7.

²⁵ Архив УФСБ России по Волгоградской области. Д. 5246 ПФ. Л. 2.

²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11а. Д. 2389. Л. 125–126.

²⁷ Архив УФСБ России по Волгоградской области. Д. 5246 ПФ. Л. 57.

²⁸ Там же. Л. 71.

²⁹ А.Х. Артузов (Фраучи Артур–Евгений–Леонард) – начальник контрразведывательного отдела Секретно–оперативного управления ГПУ–ОГПУ.

³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 65.

- ³¹ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране... – С. 203.
- ³² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 67–75.
- ³³ *Матвеев О.К.* Указ. соч.
- ³⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 83–83 об.
- ³⁵ Советско–американские отношения... С. 255–257.
- ³⁶ ЦА ФСБ России. Ф. ФЭД. Д. 824.
- ³⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 107. Л. 250.
- ³⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 248. Л. 3.
- ³⁹ *Мозохин О.Б.* ВЧК–ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М., 2004. – С. 180–204.
- ⁴⁰ Там же. С. 180.
- ⁴¹ *Мозохин О.Б.* Указ. соч. С. 63.
- ⁴² ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 248. Л. 21–23.
- ⁴³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 161.
- ⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 347. Л. 1.
- ⁴⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 180. Л. 167–169.

Статья подготовлена
в соавторстве с В.Г. Макаровым

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РПЦ

*Тезисы выступления на конференции,
посвященной 90-летию восстановления
Патриаршества на Руси
г. Москва, 11 октября 2007 г.*

Церковно-государственные отношения в России имеют многовековую, сложную, а в течение нескольких десятилетий – трагическую историю. Не зная этой истории, невозможно понять настоящее и будущее своей страны. В то же время, только переосмыслив прошлое, перевернув эту трагическую страницу нашей истории, мы сможем идти по пути возрождения.

Научное сотрудничество представителей Русской Православной Церкви и архивистов Федеральной службы безопасности Российской Федерации играет важную роль не только в реабилитации жертв массовых репрессий, в разные годы подвергнутых преследованиям по политическим мотивам. В архивах органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации хранится довольно большой массив архивных материалов информационно-аналитического характера.

Дабы ввести в научный оборот этот важный комплекс источников, совместно с Институтом российской истории РАН нами осуществляется издание многотомного сборника документов «Совершенно секретно: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)». Обзоры политического и экономического состояния в стране готовились в специально созданном информационном подразделении, где на основе сводок, поступавших из территориальных органов безопасности, ежемесячно составлялся документ для партийных и государственных руководителей СССР.

В ежемесячных обзорах находили свое место и материалы о положении духовенства. Так, летом 1928 г. отмечалось, что участились случаи постройки старых церквей и молитвенных помещений, а также постройки новых. «В Северо-Двинской губ. верующие купили попу дом и предполагают построить церковь. Средства на постройку решено собрать по подписному листу. По Тулуновскому округу зафиксировано 4 случая попыток постройки новых церквей. Причем в г. Нижнеудинске в сборе денег, которых набрали до 600 руб., горячее участие принимали рабочие местного железнодорожного депо».

В том же 1928 г. в обзоре анализировались действия «сергиевских церковников» и обновленцев. Например, отмечалось, что «наиболее серьезные вопросы, которыми были заняты сергиевцы, это подготовка к собору и к совещанию епископов. В поступающих с мест материалах по этим вопросам выставлены прямо следующие требования к собору: «Требуется возвращение мощей из музеев в церкви, допуск служителей культа в кооперацию, церковная пресса, объявление церковных праздников нерабочими днями, открытие духовных учебных заведений, право юридического лица для религиозных объединений, свободы слова, освобождение арестованных и высланных, церковный суд и даже переделка советского законодательства о церкви применительно к церковным законам».

В отношении «обновленцев» в сентябре 1928 г. авторы обзора особо подчеркнули, что за год к обновленцам примкнуло 100 приходов. «Наряду с некоторым озлоблением против Советской власти по поводу налогов и разговоров о гонениях были случаи антисоветской агитации среди мирян на темы о скором избавлении от налогов, вследствие свержения Советской власти японцами (Чита, Минусинск, Хабаровск), о возможности выступления партизан (Сретенский округ), о необходимости середнякам сопротивляться советской деревенской политике (Сталинградский округ)».

Несомненный интерес для исследователей истории русской церкви представляют и приводимые в этом сборнике тексты подлинных листовок и воззваний. В Великолукском округе распространялась листовка «Союза христианского усилия», провозглашавшего своей целью:

«1. Призыв к единению всех последователей Христа, выскивать то общее, что нас объединяет, а не разъединяет...»

2. Устроение жизни на основе Евангелия, христианского общества.

3. Идейная борьба с неверием, атеизмом и индифферентизмом, сектантством, прикрывающимся именем Христа и разрушающим все основы церкви и сеющим вражду и ненависть.

4. Борьба с пьянством (особенно среди клира), развратом, с разложением семьи».

Мы чувствуем большой интерес к нашим архивным материалам. Они привлекают внимание историков тем, что ранее доступ к ним был ограничен, а ведь порой только в документах органов безопасности содержится информация о скрытых механизмах принятия важнейших социально-политических решений.

Наша работа по изучению и публикации ранее секретных архивных материалов по истории советского общества – свидетельство искренней готовности Спецслужбы, которую я сегодня представляю, к участию в процессе восстановления так необходимой обществу исторической правды.

В тяжелейшие времена гонений на Веру жертвами политических репрессий стали тысячи верующих – священнослужителей и мирян. В архи-

вах органов безопасности хранятся их следственные дела. На протяжении многих лет в архивных подразделениях ФСБ России проводится работа по оказанию помощи представителям Русской Православной Церкви в поиске архивных материалов и установлении судеб репрессированных.

Русская Православная Церковь к соборной канонизации новомучеников и исповедников подходит с большой тщательностью, и Архиерейский Собор принимает решение лишь после внимательного исследования архивных материалов в отношении того или иного священнослужителя, ставшего жертвой гонений за Веру.

Центральный архив ФСБ России оказывает посильную помощь в этом поистине святом деле, представляя архивно-следственные материалы, касающиеся пострадавших церковнослужителей и мирян Русской Православной Церкви. Большинство репрессированных священнослужителей не имеют наследников или родственников, которые могли бы официальным порядком помочь в доступе к архивным материалам. В связи с этим Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II в 1991 г. обратился за содействием в изучении служителями церкви документальных материалов, хранящихся в архивах органов безопасности, к руководству КГБ СССР. Архивисты ФСБ России понимают, что вопросы канонизации пострадавших за Веру требуют непосредственного ознакомления членов Синодальной и Епархиальных Комиссий с документами, прямо или косвенно отражающими поведение обвиняемого в ходе следствия. Инициаторы запроса знакомятся с делом и получают копии отдельных архивных документов (ордер на арест, анкета арестованного, постановление на арест, заключение о прекращении дела, справка о реабилитации). Непосредственно перед ознакомлением все архивные дела тщательно просматриваются: материалы, не подлежащие оглашению, закрываются.

Отдельную категорию таких материалов составляют конфиденциальные сведения о тех, кто на допросах во время следствия кого-то назвал или дал информацию, использованную для ареста или осуждения других лиц. У представителей Русской Православной Церкви выработано правильное отношение к этой категории репрессированных и в целом есть осознание того, что показания и подписи подследственных, к сожалению, очень часто были получены по принуждению.

В Центральном архиве ФСБ России изучением архивных документов занимается игумен Дамаскин (В.А. Орловский) – член Синодальной Комиссии по канонизации святых новомучеников и исповедников Православной Церкви, а также представители Данилова монастыря и Церковно-научного центра «Православная энциклопедия». Кроме того, руководством Управления заключен договор с Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом о создании информационной системы «Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви

XX века», содержащей информацию о священнослужителях, монашеских и мирянах Русской Православной Церкви, репрессированных в 1917–1991 гг. Информационная система на сегодняшний день создана и продолжает пополняться.

Сотрудничество ЦА ФСБ России с Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом продолжается уже более десяти лет. Началом стала работа над книгой «Следственное дело Патриарха Тихона». На основании хранящихся в Центральном архиве ФСБ 40 томов архивного уголовного дела на Патриарха Тихона был подготовлен сборник, благодаря публикации которого в научный оборот были впервые введены материалы, отражающие ход следствия, и документы, вышедшие из-под пера самого Патриарха. Всего в сборник включен 381 документ. Фундаментальное исследование, вышедшее в свет летом 2000 г., уникально в своем роде. Особо следует сказать о богатейшем научно-справочном материале и иллюстрациях. Тираж сборника – две тысячи экземпляров, как показал опыт, очень мал. По нашему мнению, значимость материалов о судьбе Патриарха Тихона диктует необходимость второго издания книги. Как известно, к следственным делам приобщались не только документы процессуального характера. В этих делах хранятся личные документы обвиняемых, рукописи, переписка, дневники, фотографии, выписки из метрических книг, послужные списки, прошения о рукоположении в сан, записные книжки, справки, тексты лекций и проповедей, толкования Священного писания, сообщения о наградах и пр. Эти материалы изымались в ходе арестов и приобщались к следственным делам в качестве вещественных доказательств так называемой контрреволюционной деятельности.

Такие документы содержат исключительно ценную и разнообразную информацию не только персонального характера, но описывают события и факты церковной жизни, раскрывают характер взаимодействия между церковными группами, их отношение к политике советского государства.

В ходе работы над архивными следственными делами сотрудниками ЦА ФСБ России был выявлен целый ряд документов, представляющих интерес для исследователей. На основе следственных дел, хранящихся в территориальных органах безопасности, подготовлено несколько статей об истории Иркутского Знаменского женского монастыря XVI–XX вв., о политических репрессиях 1920–1940 гг. в отношении духовенства и монашества Республики Коми. В рамках сотрудничества с ЦНЦ «Православная энциклопедия» планируется публикация этих материалов в журнале «Вестник церковной истории».

Надеемся, что архивные документы органов безопасности не просто будут интересны для всех изучающих церковную историю, но и послужат важнейшему делу воссоздания правдивой картины трагических событий в России XX века.

«Я ОТНЫНЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НЕ ВРАГ»

Статья в газете «Время новостей»

7 апреля 2010 г. № 58

85 лет назад не стало Патриарха Московского и всея Руси Тихона, с именем которого связаны значимые страницы истории России и Русской православной церкви. Он был избран Патриархом Русской православной церкви после трехсотлетнего перерыва осенью 1917 года. В период патриаршего правления (1917–1925) Тихону пришлось защищать церковную и народную жизнь от несправедливости и разрушений. Исповеднические послания Патриарха стали причиной преследования его со стороны советского государства, и гонения на Тихона прервала лишь его смерть.

В миру будущий Патриарх носил имя Беллавин Василий Иванович. Он родился 19 января (1 февраля по новому стилю) 1865 года в Псковской губернии, в семье приходского священника. Окончив Псковскую семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию, около двух лет Василий Беллавин преподавал в Псковской семинарии. В 1891 году он был пострижен в монашество и принял имя Тихон. Дальнейший его путь как православного священника проходил через Варшавскую епархию, православную епархию в США. В 1907 году владыка Тихон, возведенный уже в сан архиепископа, был переведен на Ярославскую кафедру. В 1917 году он стал митрополитом. На Поместном соборе 18 ноября 1917 года (по новому стилю) митрополит Тихон был избран Патриархом Московским и всея Руси.

Практически сразу после Октябрьской революции отношения государственной власти и представителей Русской православной церкви приобрели характер острого конфликта (о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы из государственных и ведомственных архивов). Согласно декрету Совнаркома РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 года, государство активно вмешивалось во внутреннюю жизнь церкви, встало на путь прямой конфронтации с ней. Тогда же началось насильственное закрытие храмов различных конфессий, монастырей и обителей, в большинстве случаев сопровождавшееся конфискацией имущества. Стали повсеместными массовые аресты

священнослужителей и верующих. Патриарх Тихон в ряде посланий 1918–1919 годов выступал за прекращение «кошунства и междоусобной брани», осудив политику кровопролития. Он отвергал участие церкви в борьбе против советской власти и надеялся на примирение всех сторон, участвовавших в Гражданской войне. Патриарх призывал «верных чад церкви к покаянию и духовному, молитвенному подвигу». Патриарх осуждал репрессии, особенно убийства ни в чем не повинных заложников. В условиях ожесточенного общественного противостояния позиция Патриарха Тихона не связывать церковь ни с политическими движениями, ни с системой государственного правления привела к тому, что власти обвинили Тихона в пособничестве белому движению и контрреволюции, а осенью 1918 года предприняли попытки организовать кампанию против него в связи с делом Локкарта (Роберт Брюс Локкарт – руководитель английской миссии в Москве, обвинялся в подготовке заговора с целью свержения советской власти).

В ночь на 25 ноября 1918 года в покоях патриарха был произведен обыск. В соответствии с ордером, выписанным в ВЧК, предписывалось «произвести обыск, ревизию, выемку документов и книг, наложение запрещения и ареста на товары по Троицкой улице, 2-й Троицкий переулок, Троицкое подворье, у Патриарха Тихона». По постановлению ВЧК Патриарх был заключен под домашний арест «впредь до распоряжения ВЧК», поскольку «дело по обвинению Патриарха Тихона требует внимательного следствия и подсудно ВЧК». Патриарх не считал себя виновным и 6 декабря 1918 года направил в Совет народных комиссаров письмо: «...Никаких званий “о свержении советской власти” я не подписывал и никаких действий для этого не предпринимал и предпринимать не собираюсь. Многим мероприятиям народных правителей я не сочувствую и не могу сочувствовать как служитель Христовых начал, этого я не скрываю и о сем открыто писал к народным комиссарам пред празднованием годовщины Октябрьской революции». Через некоторое время патриарх Тихон был освобожден.

Осенью 1919 года появилось сенсационное сообщение о якобы написанном Патриархом Тихоном и широко распространяемом на территории, занятой Колчаком и Деникиным, одобрительном приветствии Колчаку с благословением его побед. Власти ожидали немедленного опровержения этого сообщения со стороны Патриарха и надеялись на публичное заявление о признании им советской власти. Однако Патриарх не оправдал этих ожиданий – подобных заявлений не сделал. (Впоследствии, на допросах в 1923 году, он признавался, что оказывал Колчаку и Деникину моральную поддержку, «не доходившую, однако, до дачи им благословения».) Реакция последовала незамедлительно: он был вызван в ВЧК и допрошен. Тихон отказался пересмотреть свое отношение к советской власти. После того как властями была предпринята попытка закрыть Троице-Сергиеву лавру и вывезти святые мощи преподобного Сергия Радонежского, православное духовенство выступило против подобных действий. Патриарх Тихон обратился

к председателю Совнаркома Владимиру Ленину с просьбой приостановить вывоз мощей, предупреждая о возможном неповиновении верующих.

24 декабря 1919 года по распоряжению ВЧК Тихон вновь оказался под домашним арестом, главной целью которого стало «лишение его возможности патриаршего духовного руководства, вверенного ему Всероссийским священным собором, православною паствой». Патриарх обвинялся в «контрреволюционной агитации путем рассылки воззваний и сношения с Колчаком и Деникиным». По мнению ВЧК, появление Тихона на публике могло повлечь за собой нежелательные последствия и дать возможность духовенству с помощью богослужений влиять на массы. Домашний арест стал мерой, как объясняли в ВЧК, «нисколько не стесняющей личности Патриарха и его органической деятельности в области церкви». Но одновременно его изоляция была необходимым условием «для более успешного получения материалов по прежним сношениям Патриарха и его приближенных, как это предполагается, получивших из заграничных источников и распределявших значительные средства на нужды контрреволюции внутри России. По мере получения материалов, освещающих как личность Патриарха, так и окружающую его среду, мера эта будет изменена».

4 августа 1920 года в ответ на просьбу, поступившую из канцелярии председателя ВЦИК Михаила Калинина в ВЧК, было решено предоставить возможность Патриарху Тихону провести всюнощную службу и обедню в Новодевичьем монастыре 9–10 августа. В документе подчеркивалось, что этот шаг не мог «служить причиной к дальнейшим разрешениям». Предлагалось взять с «Патриарха Тихона расписку о том, что он не будет говорить проповедей и речей на политические темы».

20 сентября 1920 года председатель ВЧК Дзержинский направил письмо Калинину, в котором рассказал о причинах и обстоятельствах пребывания под домашним арестом Патриарха Тихона: «Как создание следствия и судебного процесса, так и факт домашнего ареста над Патриархом Тихоном есть просто результат политики, ведущейся ВЧК и Наркомюстом по отношению к духовенству, заключающейся в дискредитации духовенства и лишении их возможности устраивать торжественные богослужения, привлекающие массы богомольцев и являющиеся рассадником религиозной и до некоторой степени антисоветской политической агитации. Те обстоятельства, что ведутся следствия и устраиваются судебные процессы, давали нам возможность следовать своей политике и отказывать в просьбах приходских советов и других групп о разрешении службы Патриарху в том или другом месте: мы были последовательны в том случае и говорили, что раз он находится под судом и домашним арестом, мы разрешений давать не можем».

Осенью и зимой 1920 года Калинину, а также в президиум Моссовета из различных приходов продолжали поступать просьбы разрешить Патриарху Тихону совершение религиозных обрядов. Реакция Наркомата юстиции была неизменной: «Полагаем разъезды патриарха Тихона по деревням

и уездам совершенно нежелательными. Поэтому в порядке компетенции ВЧК желательно продолжение той системы надзора за деятельностью Патриарха и стеснение свободы его передвижений и черносотенной агитации, каковая практиковалась до последних дней».

Президиум ВЦИК также считал «нежелательным» появление патриарха Тихона на церковных службах». Тем не менее постепенно режим домашнего ареста Патриарха Тихона был ослаблен, ему разрешили проводить служение «в каком угодно приходе города Москвы и в любое время и даже при выезде из Москвы». По мнению ВЧК, «такой арест, не давая ничего делу вообще, не становясь мерой пресечения чего-либо со стороны Тихона, лишь дает ему и всем его чтущим право и основание считать Тихона страждущим, угнетенным за православную веру; обстоятельство это лишь увеличивает престиж и значение Тихона среди верующих, не давая ничего в общем Соввласти». В сентябре 1921 года Патриарх Тихон был освобожден из-под ареста.

Во второй половине 1921 года в России начался голод. 22 августа 1921 года Патриарх Тихон издал воззвание «О помощи голодающим», где призывал всех верующих и духовенство к добровольным благотворительным пожертвованиям в помощь голодающим. Он также направил обращение к народу США, главам христианских церквей за границей о помощи голодающим в России. Церковь получила разрешение на участие в помощи голодающим под руководством созданной при ВЦИК Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол). После получения утвержденного Помголом «Положения о возможном участии духовенства и церковных общин в деле оказания помощи голодающим», 6 февраля 1922 года, Патриарх призвал прихожан не только к благотворительным пожертвованиям, но и разрешил духовенству и приходским советам передачу в пользу голодающих церковной утвари и имущества, не имеющих богослужебного употребления.

С начала 1922 года большевистское правительство приступило к подготовке кампании по изъятию церковных ценностей. 23 февраля был опубликован декрет ВЦИК о принудительном изъятии церковного имущества и отмене добровольных пожертвований. Патриарх Тихон призвал власть отказаться от столь радикального решения, чреватого непредсказуемыми последствиями, и 25 февраля 1922 года направил письмо Калинину. Попытки Тихона предотвратить неизбежный конфликт были интерпретированы как стремление «черносотенного духовенства» защитить церковное добро. Тогда Патриарх осудил декрет по изъятию церковных ценностей, обнародовав 28 февраля свое послание. Насильственная конфискация церковных ценностей, как и предполагал Тихон, закономерно вызвала волну протеста. Власти применили вооруженные силы: в Шуе, Смоленске и ряде других городов произошли столкновения, пролилась кровь невинных людей, были проведены первые аресты священнослужителей и мирян, которых обвиняли в подстрекательстве к сопротивлению. 28 марта Государственное политическое управление (ГПУ, образовано де-

кретом ВЦИК 6 февраля взамен упраздненной ВЧК для борьбы с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом) ультимативно потребовало «от гражданина Беллавина как ответственного руководителя всей Иерархий определенного и публичного определения своего отношения к контрреволюционному заговору, во главе которого стоит подчиненная ему иерархия». В этот же день Патриарх Тихон был вызван на Лубянку для допроса. Он признал, что был инициатором воззвания от 28 февраля 1922 года. Допросы продолжились 31 марта и 8 апреля.

26 апреля 1922 года начался процесс против «московских церковников» (54 священников и мирян), обвиненных в «оказании сопротивления лицам, производящим изъятие церковных ценностей». ГПУ рекомендовало партийным и судебным органам не вызывать Патриарха Тихона на московский судебный процесс, а пригласить его тайно и потребовать в течение 24 часов публичного отречения от патриаршества.

4 мая 1922 года вопросы о шуйском и московском судебных процессах рассматривались на заседании Политбюро ЦК РКП(б), принявшем постановление «о строжайших директивах Московскому трибуналу»: «немедленно привлечь Тихона к суду; применить к попам высшую меру наказания».

На следующий день, 5 мая, Патриарх Тихон был вызван на заседание трибунала в Политехнический музей. В результате Московский ревтрибунал принял постановление: «Заслушав свидетелей В.И. Беллавина и Н.Г. Феноменова, трибунал установил, что названные свидетели с достаточной полнотой и ясностью изобличаются в совершении преступлений. Их деятельность выразилась в том, что, состоя во главе организации, называемой Православной иерархией, они 1) разрабатывали план кампании по противодействию изъятию церковных ценностей; 2) составили воззвание к населению, которое Беллавин Василий Иванович, он же Патриарх Тихон скрепил своей подписью; 3) распространили его через низшие ячейки своей организации для оглашения среди граждан, чем вызвали многочисленные эксцессы и столкновения между введенными ими умышленно в заблуждение гражданами и представителями советской власти при производстве изъятия, закончившегося во многих случаях беспорядками, имевшими своими последствиями убитых, раненных тяжело или легко, пострадавших от побоев».

Трибунал постановил: «Привлечь граждан Беллавина и Феноменова, именуемых организацией «православная иерархия», первый – Патриархом Тихоном, второй – архиепископом Никандром, – к судебной ответственности». 9 мая Патриарх был ознакомлен с приговором по московскому процессу, подвергнут домашнему аресту на Троицком подворье и дал подписку о невыезде из Москвы.

Вместе с Патриархом по делу проходили все члены Священного синода, и под арестом содержалось около 10 человек. С 19 мая 1922 года Патриарх Тихон находился в Донском монастыре. Ему запрещалось совершать

богослужения, только раз в сутки его выпускали на прогулку, не разрешили посещения, перехватывалась и изымалась вся почта.

15 декабря 1922 года к следствию подключился особоуполномоченный ГПУ Яков Агранов, который имел богатый опыт работы с «трудными» подозреваемыми. Именно он расследовал дела «Тактического центра», «Петроградской боевой организации» и умел убедить арестованных давать нужные показания. Судебный процесс готовился почти год. Он имел целью продемонстрировать всему миру «антисоветскую сущность» деятельности главы Русской православной церкви как центральной фигуры всего «контрреволюционного заговора», тем самым обосновать правильность политики гонений на церковь.

Результатом затеянного суда, по планам его организаторов, должно было стать «политическое, идеологическое, нравственное и физическое уничтожение Патриарха Тихона, а вместе с ним и вообще патриаршества». Наиболее интенсивно допросы Патриарха и привлеченных вместе с ним лиц велись в декабре 1922-го – феврале 1923 года.

В декабре Патриарх не признавал себя виновным: «Мое послание по поводу декрета об изъятии церковных ценностей я не считаю контрреволюционным, так как в нем нет призыва к активному противодействию советской власти, хотя оно и носит антисоветский характер». Но впоследствии Патриарх признал себя виновным в том, что «составил послание, в котором назвал факт изъятия ценностей из церкви святотатством <...> что послание привело в ряде мест к столкновениям прихожан с представителями власти, а в некоторых случаях, как, например, в Шуге и Смоленске, привело к кровавым столкновениям».

Патриарх подтвердил то, что «представители антисоветских организаций Сергей Леонтьев, Дмитрий Щепкин и др. были у меня в конце 1918-го – начале 1919 года не одновременно, а два раза». Патриарх согласился, что виноват перед советской властью в том, что в 1918–1919 годах он написал ряд посланий «контрреволюционного характера, направленных против советской власти и использованных генералом Деникиным, другими белыми организациями в их борьбе с советской властью».

17 февраля 1922 года ГПУ подготовило заключение о том, что «бывший Патриарх с первых дней Октябрьской революции вел антисоветскую агитацию через Синод и духовенство путем воззваний, направленных против советской власти, или мероприятий, проводимых ею», и предложило «дело передать для дальнейшего производства в Верховный суд РСФСР». Агранов продолжал допросы Патриарха и других членов Синода, в ходе которых убеждал их признать свою вину. Поскольку Агранов был также следователем по важнейшим делам Верховного суда РСФСР, 13 марта он подписал постановление о предъявлении обвинения Патриарху Тихону и в качестве следователя Верховного суда допросил Тихона, признавшего себя виновным лишь частично.

Первоначально слушание дела Патриарха Тихона было назначено на 12 апреля 1923 года, затем перенесено на 24 апреля. 17 апреля Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР постановила «меру пресечения одновременно с вручением обвинительного заключения изменить, заключив гр. Беллавина Василия Ивановича под стражу». 19 апреля Патриарху Тихону было вручено обвинительное заключение, а он сразу же взят под стражу и помещен во внутреннюю тюрьму ГПУ.

Неожиданно с предложением об отсрочке процесса Патриарха Тихона в Политбюро ЦК РКП(б) обратился Дзержинский. 21 апреля он направил записку в Политбюро: «Полагаю, что необходимо отложить процесс Тихона в связи с разгаром агитации за границей по делу Буткевича (Петроградский прелат Константин Буткевич был расстрелян в ночь на 1 апреля 1923 года. – В.Х.) и необходимостью более тщательно подготовить процесс». По телефону был проведен опрос членов Политбюро и в итоге принято решение. С предложением Дзержинского согласились Лев Каменев, Григорий Зиновьев, Михаил Томский, Лев Троцкий, Иосиф Сталин, Михаил Калинин. Против отмены суда над Патриархом выступил только Алексей Рыков. Это решение Политбюро фактически означало не только отказ от вынесения смертного приговора Патриарху, но и то, что судебный процесс откладывается на неопределенный срок, что предreshало освобождение Тихона.

Отказавшись от применения к Патриарху высшей меры наказания, власти начали усиленно добиваться от него покаяния, текст которого был одобрен на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 14 июня 1923 года. Оставалось только убедить Патриарха подписать подготовленный документ. Это удалось, и 16 июня 1923 года он подписал «покаянное» заявление в Верховный суд РСФСР, в котором признал: «Действительно был настроен к советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям. <...> Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный суд изменить меру пресечения, т.е. освободить меня из-под стражи. При этом я заявляю Верховному суду, что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархической белогвардейской контрреволюций». При этом Тихон отказался осудить зарубежное православное и католическое духовенство. После оглашения заявления постановлением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 25 июня 1923 года содержание Патриарха под стражей было отменено.

27 июня 1923 года из внутренней тюрьмы ГПУ он был переведен в Донской монастырь. Однако жизнь Патриарха постоянно была под угрозой. 9 декабря 1924 года на него было совершено покушение, в результате которого от пуль «бандитов» погиб келейник Яков Полозов, заслонивший

собой Тихона. На месте происшествия «собрались прокуратура, милиция и представители от ГПУ, всего человек 50–60, в приемной патриарха была выставлена охрана от ГПУ». Однако раскрыть преступление не удалось.

Принимая во внимание, что «гражданин Беллавин Василий Иванович – бывший патриарх Тихон – публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян», 21 марта 1924 года постановлением Президиума ЦИК СССР дело по обвинению Патриарха было прекращено.

7 апреля 1925 года в 23 часа 45 минут Патриарх Тихон умер в больнице Бакуниных. 19 июня 1925 года особое совещание при коллегии ОГПУ решило «ввиду смерти дело №32530 по обвинению Беллавина Василия Ивановича сдать в архив». В июне 1992 года заключением Генерального прокурора Российской Федерации с Патриарха Тихона были сняты все обвинения, и он реабилитирован.

К ИСТОРИИ МАРФО-МАРИИНСКОЙ ОБИТЕЛИ

*Тезисы выступления на XI Елизаветинских чтениях
г. Москва, 1 ноября 2008 г.*

Среди книг, которые царская семья увезла в ссылку в Тобольск, а потом в Екатеринбург, есть такие, на страницах которых великие княжны и императрица подчеркнули близкие им мысли, возможно предчувствуя трагическую развязку. Александра Федоровна, читая привезенную с собой книгу «О терпении скорбей», отметила строки: «Блажен тот, кто, укоряемый и унижаемый ежедневно, понудил себя к терпению ради Бога; он примет участие в вечном празднике мучеников и вступит дерзновенно в общение с Ангелами». Драматические события послереволюционных лет, те самые «укорения и унижения», которым подверглись сестры Марфо-Мариинской обители со стороны Советской власти, известны далеко не всем.

В Центральном архиве ФСБ России хранится архивное следственное дело в отношении сестер милосердия Марфо-Мариинской обители. Пожелтевшие страницы архивных папок хранят историю страстотерпства 112 сестер, хранят память об их стойкости и верности Вере. В июле 1996 г. материалы этого архивного дела были рассмотрены Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Все члены Марфо-Мариинской обители обвинялись в том, что они «в своей деятельности руководствовались идеологией ненависти к советской власти» и тем самым «являлись социально опасными». Но сотрудники прокуратуры не установили каких-либо фактов антисоветской деятельности членов общины и сделали вывод о том, что члены общины были репрессированы по религиозным и политическим мотивам.

Заключением Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 8 июля 1996 г. все сестры милосердия на основании закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. реабилитированы¹.

Ныне многое известно о благотворительной деятельности Марфо-Мариинской обители до 1917 г., но Октябрьская революция изменила ее жизнь коренным образом. В 1918 г. была арестована Елизавета Федоровна,

и в июле того же года вместе с другими членами дома Романовых погибла в Алапаевске. Свой долг терпения и помощи ближним она выполнила до конца.

Новая власть, утверждавшаяся в форме диктатуры пролетариата, поставила в отношении всех религиозных конфессий две задачи. Во-первых, следовало разбить организации христианства, ислама, иудаизма, буддизма. И главного врага видели в мощной Русской Православной церкви. Во-вторых, стояла задача по замене религиозного мировоззрения народа на материалистическое. Суть религиозной духовности вступила в непримиримый конфликт с системой взглядов новых правителей России.

Тяжелейшим ударом для церкви стал «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятый Совнаркомом 20 января 1918 г. Главный удар заключался в двух пунктах: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» и «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием».

23 февраля 1922 г. ВЦИК под предлогом закупки продовольствия для голодающих Поволжья, принял декрет об изъятии церковных ценностей. Почти сразу же начались выступления верующих против реализации этого декрета, пресекавшиеся жесткими карательными мерами.

После ареста Елизаветы Федоровны место настоятельницы обители перешло к ее ближайшей помощнице Валентине Сергеевне Гордеевой². Для того чтобы предупредить преследования со стороны репрессивных органов, Марфо-Мариинская обитель милосердия, имевшая статус епархиальной общины Русской Православной церкви, была переименована в Марфо-Мариинскую трудовую общину. Охранителем интересов Марфо-Мариинской общины стал Мосздравотдел³. Внутренний порядок, состав сестер милосердия в большинстве своем остались прежними. Все имущество обители перешло в собственность общины, которой руководил избранный совет под председательством Гордеевой⁴.

Под влиянием нового времени 2 февраля 1923 г. на общем собрании сестер Марфо-Мариинской трудовой общины было вынесено постановление об организации Жилтоварищества⁵. 23 марта 1923 г. это постановление было утверждено в Московском управлении недвижимыми имуществами (МУНИ). Председателем правления Жилтоварищества была избрана Хаджи⁶, делами жилищного товарищества управлял совет общины⁷.

Однако все меры, принимавшиеся в Марфо-Мариинской обители и демонстрировавшие лояльное отношение к новой власти, были тщетны. Начиная с 1923 г. большевики приступили к методичному нанесению ударов по духовному лидеру и руководящему звену Марфо-Мариинской обители.

23 марта 1923 г. был арестован священник Покровской церкви, находившейся в Марфо-Мариинской общине, духовник общины Митрофан Васильевич Серебрянский. Спустя месяц — 26 апреля 1923 г., ему было предъявлено обвинение по ст. ст. 62, 119 УК РСФСР в том, что «в домо-

вой церкви Марфо-Мариинской обители, находящейся по адресу: г. Москва, Б. Ордынка, д. 34, читалось воззвание патриарха Тихона, представляющее собою агитацию против декрета ВЦИКа от 23 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей в Помгол»⁸.

В соответствии с приказом ОГПУ от 24 августа 1923 г. Серебрянский в административном порядке был выслан в Тобольск сроком на 1 год. 12 августа 1923 г. была арестована председатель Марфо-Мариинской трудовой общины Гордеева⁹, ей было предъявлено обвинение по ст. 73 УК РСФСР¹⁰. Суть обвинений заключалась в том, что она и другие члены Марфо-Мариинской обители распускали ложные слухи о скором падении Советской власти и восстановлении монархии. Гордеева была заключена в Бутырскую тюрьму¹¹. 25 сентября в 6 отделении¹² Секретного отдела¹³ (СО) ОГПУ было подготовлено заключение, в котором предлагалось, принимая во внимание преклонный возраст обвиняемой, освободить ее из под стражи и прекратить дело. Однако Коллегия ОГПУ на своем заседании 27 сентября приняла решение дело следствием продолжить, освободив Гордееву из-под стражи под подписку о невыезде¹⁴.

1 декабря 1923 г. в 6 отделении СО ОГПУ было подготовлено заключение, в котором отмечалось, что инкриминируемое Гордеевой обвинение по ст. 73 УК РСФСР следствием не доказано, в связи с чем предлагалось аннулировать подписку о невыезде, дело прекратить и сдать в архив. На это раз Коллегия ОГПУ сочла доводы убедительными и 14 декабря приняла решение дело прекратить и сдать в архив¹⁵.

В 1924 г. Московская рабоче-крестьянская инспекция (МРКИ) провела обследование Марфо-Мариинской общины и подготовила распоряжение о передаче больницы Марфо-Мариинской общины со всем инвентарем в распоряжение Мосздравотдела. Однако при реализации имущества больницы оно на льготных условиях было вновь приобретено Марфо-Мариинской общиной. Мосздравотдел выступил фактически в качестве охранителя интересов Марфо-Мариинской общины, взяв под свою опеку амбулаторию общины и передав 2-му Московскому государственному университету аптеку¹⁶.

Борьба за выживание продолжалась.

6 февраля 1925 г. Устав Марфо-Мариинской общины был аннулирован. В июне община была переименована в «Марфо-Мариинскую артель сестер милосердия». Артель занималась обслуживанием ранее принадлежавшей общине и арендуемой КУБУВ¹⁷, платной больницы. Кроме того, медицинские сестры артели вели частную практику, а остальные члены артели занимались пошивом одеял¹⁸.

27 февраля 1925 г. в Москву вернулся Серебрянский. Он получил разрешение совершать церковные службы в храме Марфо-Мариинской клиники. При этом, однако, ему запрещалось занимать административные должности и принимать участие в делах администрации прихода. Но преследование Марфо-Мариинской обители продолжалось.

В апреле 1925 г. за «распространение ложных слухов» была арестована, но через полтора месяца освобождена председатель правления Жилтоварищества Хаджи¹⁹. 28 апреля 1925 г. по подозрению в «антисоветской деятельности», предусмотренной ст. 73 УК РСФСР, вновь арестовывается и направляется в Бутырскую тюрьму Серебрянский²⁰. На следующий день была арестована и помещена в Бутырскую тюрьму завхоз общины Хренникова²¹. 11 мая 1925 г. ей было предъявлено обвинение в том, что она распространяла провокационные слухи среди сестер Марфо-Мариинской общины о гонении религии. Однако и это уголовное дело оказалось надуманным. По постановлению Коллегии ОГПУ от 2 июня 1925 г. дело в отношении Хренниковой было прекращено и она освобождена из-под стражи²².

Дело Серебрянского рассматривали внимательно, так как он уже не в первый раз привлекался к уголовной ответственности. Серебрянский был твёрд духом и не признавал себя виновным. 2 июля 1925 г. Коллегия ОГПУ, не найдя веских оснований для привлечения священника к уголовной ответственности, приняла решение дело прекратить и освободить обвиняемого из-под стражи²³.

В начале октября 1925 г. в газете «Правда» была опубликована статья «Святые Марфа и Мария советские», написанная сотрудником газеты Зоричем, в которой приводились «сенсационные» данные о работе общины, мнимых нарушениях, в оскорбительном тоне говорилось о моральном облике сестер милосердия. Материалы для статьи были собраны и переданы в газету, проживавшим в обители неким Перконом²⁴

На статью сразу же откликнулись не только обитатели Марфо-Мариинской трудовой артели, но и представители Московской Рабоче-Крестьянской Инспекции (МРКИ), Московского управления недвижимым имуществом (МУНИ), а также начальник 6 отделения Секретно-оперативного управления²⁵ (СОУ) ОГПУ Тучков²⁶. 3 октября 1925 г. на заседании членов Совета Марфо-Мариинской трудовой артели было принято решение написать опровержение статьи, которая представляла собой «чудовищное нагромождение вымысла» и реабилитировать трудовую артель перед читающей публикой. Понимая, что зловещую роль в судьбе Марфо-Мариинской артели может сыграть ОГПУ, копия опровержения была направлена Тучкову. 6 октября на Совете артели приняли решение 8 октября повторно направить делегацию сестер в газету «Правда» с просьбой возможно скорее напечатать опровержение, так как редакция газеты попросила «доставить подтверждение опровержения артели»²⁷. Тем не менее, цель, которую преследовали те, кто готовил публикацию статьи, была достигнута. Инспекторы из МРКИ и МУНИ, выполняя социальный заказ, приступили к тщательной ревизии.

Акт о произведенной ревизии в домовладении, находившегося по адресу: гор. Москва, Б. Ордынка, д. 34, был составлен 14 ноября 1925 г. инспектором МУНИ Тышевым, председателем союза жилищного товарище-

ства Замоскворецкого района Петровым и председателем жильцов рабочих Марфо-Мариинского домовладения Перконом.

Ревизоры установили, что «в течение 8 лет после революции Марфо-Мариинская обитель вела религиозную и противосоветскую политику: систематически нарушала постановления Советской власти; эксплуатировала наемный труд (под видом сотрудников); предоставляла в правительственные органы заведомо ложные сведения о социальном составе населения, размерах жилой площади, истинной природе эксплуатируемых обителью учреждений с целью уклониться от уплаты промыслового налога; не сдавала 10% фонда жилищным органам при одновременном заселении его враждебными Советской власти элементами; боролась против вступления рабочих в члены жилищного товарищества; проводила религиозную пропаганду; расхищала принадлежащее государству имущество; была связана с заграничной организацией АРА²⁸, от которой получала продукты»²⁹.

Ревизирующие органы предложили провести следующие мероприятия. Немедленно распустить Марфо-Мариинскую общину, всех ее членов выселить из домовладения и отстранить их от любой работы в учреждениях. Привлечь к ответственности Жилтоварищество за расхищение жилищного фонда, сообщение ложных сведений о социальном составе живущих в домовладении, размерах жилой площади; растрату денежных сумм в размере 1299 руб. 32 коп. Взыскать с общины 5258 руб. 92 коп. невыплаченной квартплаты. Изъять движимое имущество Марфо-Мариинской обители. Ликвидировать домовую церковь. Передать домовладение Особому комитету по созданию Института минерального сырья в память В.И. Ленина, обязав комитет помещения лечебного характера передать в аренду Мосздравотделу на условиях, определяемых существующим законодательством. Впредь до передачи владения другому арендатору произвести срочно перевыборы правления Жилтоварищества, отстранив от участия в выборах лиц, не имеющих избирательного права по Конституции РСФСР³⁰.

В начале декабря 1925 г. материалы по делу Марфо-Мариинской обители были рассмотрены в ОГПУ и сделан однозначный вывод, что обитель необходимо полностью ликвидировать, а также произвести следствие по материалам акта ревизии, а всех членов обители выслать из Москвы³¹.

С ножницами неограниченной власти в руках «политику» можно выкроить из чего угодно. В заключении 6 отделения СО ОГПУ подчеркивалось, что община свои старые цели, а именно миссионерство среди рабочего населения, среди кустарей, лавочников и т.д. преследовала и в настоящее время. Но это миссионерство имело специфический характер, идеологические руководители обители («поп Серебрянский, настоятельница общины и другие») даже поддерживали через некоторых мирян связь с черносотенцами. «Обитель живет надеждами на реставрацию, лелеет мечту, что «матушка княгиня» жива и вернется вскоре, и даже считают, что она подпольно скрывается в самой обители. Все эти мысли и чаяния сестрами обители

выносятся наружу и выкладываются склонным к выслушиванию подобного рода бесед больным. Общежитие сплошь завалено иконами, церковными книгами и т.д. Особо поставлено у них дело помощи высланному и арестованному духовенству, причем в этой своей деятельности они достигают значительных результатов. 6-е отделение СО ОГПУ полагает, что ликвидация этой обители (за что несколько раз принимались самые различные советские органы), вполне необходима и своевременна»³².

18 декабря 1925 г. уполномоченный ударной группы по борьбе с бандитизмом при Оперативном отделе ОГПУ³³ Ермаков получил указание допросить всех сестер, не подвергая их аресту. Одновременно необходимо было ликвидировать хозяйство обители, и подготовить материалы для рассмотрения на Особом совещании при Коллегии ОГПУ с предложением высылки всех сестер. В конце декабря 1925 г. – начале января 1926 г. в ходе допроса всех сестер Марфо-Мариинской обители собирались компрометирующие материалы. В сохранившихся в деле протоколах допросов сестер постоянно повторяются ответы: «В Марфо-Мариинскую общину вступила по собственному желанию, так как разделяю устав и цель общины. Имуущества никакого не имею. Жалованья за свою работу не получала, пользуясь всем необходимым от артели».

К 12 января 1926 г. допросы были закончены, и вынесено постановление, в котором предлагалось всех членов Марфо-Мариинской артели привлечь в качестве обвиняемых по ст. 68 УК РСФСР (укрывательство и пособничество контрреволюционным преступлением).

18 января 1926 г. было вынесено заключение Оперативного отдела ОГПУ, в котором говорилось, что «Марфо-Мариинская артель сестер милосердия по своей деятельности является социально-опасной, поэтому предлагается рассмотреть материалы на Особом Совещании при Коллегии ОГПУ на предмет высылки всех членов Марфо-Мариинской артели из Москвы».

4 февраля 1926 г. в целях обнаружения ценностей и переписки, носящей характер сотрудничества с иностранными государствами, заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода и начальник Оперативного отдела Паукер подписали ордер на «производство обыска всех членов Мариинской артели и во всех занимаемых ими помещениях». В ходе произведенного обыска была изъята переписка, различные документы личного характера³⁴.

8 февраля 1926 г. Особое совещание при коллегии ОГПУ постановило передать помещения Марфо-Мариинской обители вместе с инвентарем в распоряжение Замоскворецкого райсовета и на основании ст.ст. 68, 73 УК РСФСР 111 сестер обители лишить права проживания в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону и соответствующих губерниях сроком на 3 года³⁵. Тогда же, в 1926 г., вновь арестовали священника Митрофана Серебрянского и сослали в Сибирь. В общей сложности он провел в тюрьмах и лагерях около шестнадцати лет. 8 декабря 2003 г. по заключению органов прокуратуры Серебрянский реабилитирован³⁶.

Архиерейским собором в августе 2000 г. он причислен к лику святых в числе новомучеников и исповедников российских.

Торжество безбожных гонителей прошло. «Еще немного, читаем в одном из псалмов, – и не станет нечестивого; посмотришь на его место, и нет его»³⁷. Время гонений открывало в людях лучшие качества их духовного устройства, многие проявили себя как благочестивые христиане и добропорядочные граждане.

¹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 461–474.

² Гордеева Валентина Сергеевна (1862–?), из дворян, дочь Уфимского генерал-губернатора Ушакова Сергея Петровича (1828–1894).

³ Мосздравотдел – Отдел Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, руководивший работой по здравоохранению.

⁴ ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 7, 78, 323

⁵ Жилтоварищество – объединение жильцов дома, жилого массива для решения на кооперативных началах проблем получения и эксплуатации жилья.

⁶ Хаджи Мария Алексеевна (1868–?), уроженка г. Таганрога, в 1886 г. окончила гимназию в г. Таганроге, окончила Ленинградскую консерваторию, в обители с 1910 г., окончила курсы сестер милосердия, работала при больнице и занималась частной практикой, председатель правления Жилищного товарищества.

⁷ ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 7, 323, 340 об.

⁸ Помгол - Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК (ЦК Помгол) была создана на для борьбы с голодом, согласно постановлениям ВЦИК от 17 февраля и 18 июля 1921 г. Объединяла и согласовывала деятельность всех центральных и местных учреждений по борьбе с голодом. На местах ее филиалы были образованы постановлением ЦК Помогол от 21 июня 1921. См.: ГА РФ. Д. № П-50724. Л. 84–85.

⁹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-16138. Л. 2, 5, 24.

¹⁰ Измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти или дискредитировать ее, карается лишением свободы на срок не ниже шести месяцев. См.: Уголовный кодекс РСФСР. М.: Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922. С. 9.

¹¹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-16138. Л. 7, 13.

¹² 6 отделение СО СОУ ОГПУ занималось борьбой с церковниками и сектантами всех культов и течений.

¹³ Секретный отдел (СО), создан 23 февраля 1918 г. и занимался борьбой с антисоветской деятельностью буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп, а также борьбой с враждебной деятельностью церковников и сектантов.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 11–14.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Д. № Р-16138. Л. 39, 40, 247.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 340.

¹⁷ КУБУВ – комиссия по улучшению быта ученых врачей.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 7, 323.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 87.

²⁰ ЦА ФСБ России. Д. № Р-25286. Л. 18.

²¹ Хренникова Надежда Николаевна (1873–?), уроженка г. Москвы, русская, из мещан, окончила женскую гимназию, по профессии учительница, завхоз Марфо-Мариинской общины.

²² По заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 июня 2006 г. архивное уголовное дело в отношении Н.Н. Хренниковой в соответствии с Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» пересмотру не подлежит. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-25289 Л. 5, 8, 13, 16.

²³ ЦА ФСБ России. Д. № Р-25286. Л. 17.

²⁴ Перкон Петр Юрьевич, 1884 г.р., уроженец м. Карсбад Рижского уезда Лифляндской губернии, латыш, гражданин РСФСР. Руководитель работ секции коммунального хозяйства областной плановой комиссии центрально-промышленной области. Заселился в обитель с 20 мая 1925 г. по ордеру на площадь, частично изъятую у Марфо-Мариинской общины в счет 10% жилого фонда. Руководитель работ секции коммунального хозяйства областной плановой комиссии центрально-промышленной области.

²⁵ Секретно-оперативное управление создано 14 января 1921 г. в его состав вошли Оперативный отдел (Оперод), Особый отдел (ОО) и Секретный отдел. В 1922 г. в структуру СОУ входили СО, ОО, Контрразведывательный отдел (КРО), Транспортный отдел (ТО), Иностранный отдел (ИНО), Восточный отдел (ВО), Информационный отдел (ИНФО), Отдел центральной регистрации (ОЦР), Отдел политконтроля (ПК).

²⁶ Тучков Евгений Александрович, (1892–1957). Заведующий СПО Уфимской губЧК (1920–1922), врид начальника 4-го отделения СО ГПУ (1922), одновременно, с сентября 1922 г. секретарь Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства. Начальник 6 отделения (церковники и сектанты всех культов и течений) СО СОУ ОГПУ (1922–1931). Под руководством Тучкова и при его участии была проведена работа по расколу православной церкви (на обновленцев, тихооцев и ряд других течений). Зам. полпреда ОГПУ по Уралу (1932-1933), заместитель Особоуполномоченного при Коллегии ОГПУ (1933–1934), заместитель Особоуполномоченного НКВД СССР (1934–1939). Уволен «за невозможностью дальнейшего использования в ГУГБ» 10 октября 1939 г. Лектор, ответственный секретарь Центрального союза воинствующих безбожников (1940–1947).

²⁷ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 61.

²⁸ «Американская администрация помощи» (American Relief Administration; русск. сокр. – АРА), благотворительная организация, созданная в США в конце 1-й мировой войны. В Советской России представители АРА работали с 28 сентября 1921 г. по 1 июня 1923 г. См.: Христоворов В.С., Макаров В.Г. Новые данные о деятельности Американской администрации помощи // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 230–243.

²⁹ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 6 об, 7.

³⁰ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 6, 14, 15.

³¹ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 2. Л. 4.

³² ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 2. Л. 356.

³³ Оперативный отдел создан 21 декабря 1918 г. для проведения обысков, арестов и организации засад по заданиям других отделов.

³⁴ ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 1, 328–339.

³⁵ ЦА ФСБ России. Д. № Р-45674. Т. 1. Л. 360, 363.

³⁶ Угодник Божий Гавриил, архимандрит Мелекесский / авт.-сост. Л. Куликова. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. С. 127–128.

³⁷ Псалтирь. Псалом 36.

РАЗДЕЛ II

ВОПРОСЫ ПРЕДВОЕННОЙ ИСТОРИИ

РАЗВИТИЕ ГОСАППАРАТА СССР В 1922-1936-Х ГГ.

Тезисы выступления на международной конференции

МГУ им. М.В. Ломоносова

«От древней Руси к Российской Федерации:

история российской государственности»

г. Москва, сентябрь 2012 г.

Для того чтобы понять характер государственности в различные периоды истории России, помимо государственного строя, политического режима и идеологии, необходимо рассмотреть принципы функционирования и основные характеристики государственного аппарата. Историография, связанная с изучением характера советской государственности в 1920–1930 гг., достаточно обширна. Этой проблеме посвящены труды исследователей различных областей науки: историков, юристов, политологов, социологов. В центре их внимания находятся, как правило, вопросы формирования советской политической системы, этапы ее становления, механизмы функционирования и многие другие. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты развития советского государственного аппарата, основное внимание уделяется вопросам организации деятельности общефедерального административно-политического органа – ОГПУ – НКВД СССР. Историография по данному вопросу также довольно обширна, но не всегда опирается на архивные документы, так как они до последнего времени являлись секретными и были недоступны широкому кругу исследователей. Работа Центрального архива ФСБ России по рассекречиванию документов начала XX в. позволяет ввести данные материалы в научный оборот и дать возможность исследователям рассмотреть содержащуюся в них информацию с научных позиций.

Хронологические рамки рассматриваемого вопроса определяются традиционно принятыми в советской и российской историографии датами: 30 декабря 1922 г. (образование СССР) и 5 декабря 1936 г. (принятие новой («сталинской») Конституции). После объединения республик в единое союзное государство – СССР были созданы всеобъемлющие органы власти – всеобъемлющие съезды Советов и Центральный исполнительный комитет (ЦИК) СССР. Верховным органом власти являлся Съезд Советов СССР, который мог рассматривать любой вопрос, относившийся к ведению общефедерального управ-

ления. Однако Съезд работал сессионно и собирался лишь один раз в год. ЦИК СССР был создан в качестве постоянно действующего высшего органа власти, действовавшего между сессиями Съезда Советов СССР. В союзных и автономных республиках высшими органами власти по-прежнему оставались республиканские съезды Советов и ЦИК. Согласно Конституции СССР 1924 г., Совет народных комиссаров (СНК) СССР являлся исполнительным и распорядительным органом ЦИК СССР и образовывался им на срок полномочий ЦИК. К компетенции СНК СССР были отнесены вопросы общегосударственного управления: организация обороны страны, руководство внешними сношениями, организация непосредственного руководства народным хозяйством и всеми другими отраслями государственной жизни. Это руководство осуществлялось через центральные отраслевые органы – необъединенные (союзные) и объединенные (союзно-республиканские) наркоматы СССР.

В сфере народного хозяйства в 1923 г. также происходит реформирование системы управления: создается общесоюзный орган управления народным хозяйством – Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР, общесоюзные наркоматы, союзно-республиканские наркоматы, специальные отраслевые и функциональные комиссии, управления, главные управления.

В 1923-1936-х гг. изменениям подверглись и общесоюзные административно-политические органы: Наркомат по военным и морским делам СССР (преобразованный в 1934 г. в Наркомат обороны СССР), Наркомат иностранных дел СССР, Государственное политическое управление (ГПУ) НКВД РСФСР (преобразованное в 1923 г. в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) СССР, которое в свою очередь в 1934 г. вошло в состав вновь образованного Наркомата внутренних дел СССР).

В начале 1920-х гг. в СССР началось формирование новой системы организации общественных отношений и государственного управления – административно-командной системы управления (АКСУ). На этот процесс оказал влияние ряд факторов. В результате острейшей внутривластной борьбы сложилась однопартийная система, власть была узурпирована сначала узким кругом большевистских верхов, а затем – одним человеком. Диктат одной партии и уничтожение политических оппонентов привел к тому, что был нарушен один из основных принципов демократического устройства – участие в управлении государством органов представительной власти. Произошло умаление роли советов и отстранение их от принятия важнейших решений. При наличии крайне низкого уровня общей и политической культуры подавляющего большинства населения и ошибок при выборе путей развития государства на первый план выдвинулся государственный аппарат, который постепенно увеличивался и сращивался с партийным. В качестве главного метода руководства использовались мобилизационные принципы и жесткие способы управления, основанные на массовых репрессиях, судебном и внесудебном принуждении¹.

Основные черты формировавшейся административно-командной системы управления отчетливо проявлялись в функционировании ОГПУ –НКВД. Это выражалось в чрезмерной централизации функций ОГПУ –НКВД, расширении их полномочий по судебному и внесудебному принуждению, а также сращиванию аппарата ОГПУ –НКВД с партийно-политическим аппаратом.

В связи с образованием СССР постановлением ЦИК СССР 15 ноября 1923 г. на базе Государственного политического управления НКВД РСФСР было создано Объединённое государственное политическое управление при СНК СССР. Органы ГПУ союзных республик стали подчиняться ОГПУ СССР. Председатель ОГПУ СССР и его заместитель назначались Президиумом ЦИК СССР, они входили в СНК СССР с правом совещательного голоса.

Правовое положение созданных органов безопасности определялось Конституцией СССР, введенной в действие 6 июля 1924 г. В ст. 61 Конституции говорилось, что ОГПУ учреждается при правительстве СССР «в целях объединения революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». Ст. 62 наделяла ОГПУ правом руководства работой местных органов ОГПУ через своих уполномоченных при СНК союзных республик.

В связи с упразднением НКВД РСФСР (Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г.) 27 декабря 1932 г. издано постановление ЦИК и СНК СССР об образовании Главного управления управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ СССР и положение о нем, которое обязывало милицию всемерно содействовать внедрению паспортного режима.

27 июня 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о развертывании сети лагерей ОГПУ и переименовании концлагерей в исправительно-трудовые. Лагеря предназначались для колонизации отдаленных районов СССР осужденными на 3 и более лет. 25 апреля 1930 г. создано Управление лагерей ОГПУ, которое 15 февраля 1931 г. было преобразовано в Главное управление лагерей (ГУЛАГ) ОГПУ.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в системе административно-политических органов была проведена реформа, направленная на централизацию управления, увеличение численности карательных органов, что привело к постепенному увеличению роли административно-командных методов управления в системе советского госаппарата. Милиция, ранее находившаяся в двойном подчинении – НКВД союзных республик и местных Советов, была выведена из-под контроля местных властей и подчинена непосредственно ОГПУ СССР. В ведение ОГПУ СССР перешла система исправительно-трудовых учреждений. 7 апреля 1930 г. было принято новое положение об исправительно-трудовых лагерях, которые становились основным местом лишения свободы. Таким образом, в начале 1930-х годов ОГПУ СССР не только обеспечивало государственную без-

опасность, но и охраняло общественный порядок, государственную и общественную собственность, ведало исправительно-трудовыми учреждениями, вело паспортизацию населения, борьбу с детской беспризорностью и т.п.

Первая половина 1930-х годов – время окончательного складывания административно-командной системы управления. В государственном устройстве это выразилось в еще большем ограничении «суверенных» прав союзных республик, не говоря о других национально-государственных образованиях, сведении к минимуму самостоятельности республиканских и местных органов власти и управления, к исключительно приказной системе взаимоотношений вышестоящих органов с нижестоящими и т.п.²

10 июля 1934 г. ЦИК СССР принял постановление «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел» как централизованного органа управления государственной безопасностью и общественным порядком. НКВД СССР был союзно-республиканским ведомством. В союзных республиках создавались республиканские НКВД (кроме РСФСР, где эти функции выполнял общесоюзный наркомат), в автономных республиках, краях и областях – управления НКВД. В состав НКВД СССР было включено ОГПУ в качестве Главного управления государственной безопасности (ГУГБ).

В центральном аппарате НКВД СССР были организованы главные управления: государственной безопасности, рабоче-крестьянской милиции, пограничной и внутренней охраны, пожарной охраны, исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, Административно-хозяйственное управление; отделы: актов гражданского состояния; финансовый; кадров. 5 ноября 1934 г. постановлением ЦИК и СНК СССР было образовано Особое совещание при НКВД СССР.

В 1934–1936 гг. полномочия НКВД СССР были расширены: возложена охрана лесов непромышленного назначения и пожарная охрана, а также ведение регистрации актов гражданского состояния, организация государственной геодезической съемки и картографии, из состава НКПС в НКВД передается Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и образуется Государственная автомобильная инспекция. В 1936 г. в НКВД было создано Центральное управление мер и весов, вскоре в ведении НКВД СССР оказалось и переселенческое дело.

Еще с середины 1920-х годов злоупотребления политической властью начали проявляться во всех сферах, но в первую очередь – в уголовной юстиции и деятельности правоохранительных органов. В обществе искусственно нагнеталось ощущение зловещей угрозы, нависшей над завоеваниями революции. Эта угроза персонифицировалась сначала в кулаках, затем во «врагах народа». Их действиям приписывался всеобъемлющий, всепроникающий характер. Из этого выводилась необходимость придания чрезвычайных полномочий органам безопасности, что неизбежно вело к гипертрофии функций карательных органов.

Расширение полномочий ГПУ-ОГПУ по внесудебным репрессиям происходило в несколько этапов: 9 марта 1922 г. предоставлено право на внесудебные репрессии по отношению к уголовникам-рецидивистам, захваченным с оружием в руках; 27 апреля 1922 г. – к участникам вооружённых ограблений; 16 октября 1922 г. – к чекистам, совершившим должностные преступления.

По инициативе ЦК РКП(б) в мае 1921 г., в целях активизации работы «по выявлению антисоветского элемента и тех или иных контрреволюционных явлений» в важнейших центральных, государственных учреждениях были созданы «Бюро содействия» («БС»). Организационная работа по их созданию была возложена на Секретный отдел ГПУ. Члены «БС» из числа ответственных руководителей собирали первичный материал для работы Секретного отдела ГПУ, наблюдали за работой всевозможных собраний, съездов, занимались сбором необходимых документов и т.п. Членами «БС» могли быть только коммунисты, партийный стаж которых составлял не меньше 3-х лет, причем работа в «БС» строилась в порядке партдисциплины, никакими видами вознаграждений члены «БС» не поощрялись³.

Одним из ярких проявлений административно-командных методов управления в деятельности органов госбезопасности стало сращивание аппарата ОГПУ-НКВД с партийными органами, о чем свидетельствует то, что целый ряд ответственных сотрудников органов госбезопасности входили в состав высших партийных органов. Так например, председатель ОГПУ Ф.Э. Дзержинский, а затем и В.Р. Менжинский входили в состав ЦК ВКП(б), заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода в 1930 г. был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), а 9 февраля 1934 г. на заседании XVII съезде ВКП(б) избран членом ЦК ВКП(б), тогда же членом ЦК компартии стал и заместитель Председателя ОГПУ и полпред ОГПУ на Украине В.А. Балицкий, кандидатом в члены ЦК ВКП(б) был избран и Т.Д. Дерибас. Большинство полномочных представителей ОГПУ в союзных республиках и регионах РСФСР были членами ЦК компартий союзных республик и членами бюро обкомов ВКП(б), автономных республик, краев и областей РСФСР.

16 марта 1923 г. Ф.Э. Дзержинский подготовил для ЦК ВКП(б) записку, в которой сообщал о проблемах формирования и деятельности госаппарата. Отмечая, что советское государство было вынуждено все свои аппараты для «организации административного управления, производства, сбыта, планирования, хранения, финансов и т.д. формировать в 99,9% из среды квалифицированной и неквалифицированной интеллигенции, б[ывших] собственников, дельцов, банкиров, коммерсантов и их б[ывших] приказчиков», председатель ОГПУ писал: «Для того чтобы наша система государственного капитализма, т.е. само советское государство не обанкротилось, необходимо разрешить проблему госаппаратов, проблему завоевания этой среды, преодоления ее психологии и вражды. Это значит, что проблема эта может быть разрешена только в борьбе». Далее Ф. Дзержинский признавал, что «в этой

борьбе до сих пор – мы биты. Активна и победоносна другая сторона. Неудержимое раздутие штатов; возникновение все новых и новых аппаратов, чудовищная бюрократизация всякого дела – горы бумаг и сотни тысяч писак; захваты больших зданий и помещений; автомобильная эпидемия; миллионы излишеств. Это легальное кормление и пожирание государственного имущества – этой саранчой. В придачу к этому неслыханное бесстыдное взяточничество, хищения, нерадения, вопиющая бесхозяйственность, характеризующая наш, так называемый «хозрасчет», преступления, перекачивающие государственное имущество в частные карманы...». В целях совершенствования деятельности госаппарата Дзержинский определял главными задачами ГПУ: информирование руководителей органов путем личных и письменных докладов и беспощадную борьбу под руководством и по указаниям главы ведомства. Он считал, что «...аресты и предание суду должны производиться лишь в том случае, если предreshено, что данное лицо вредно для производства, что оно должно быть изъято навсегда, и нет нужды его пробовать исправить и покорить делу путем прощения»⁴.

Образованный в начале 1920-х гг. Информационный отдел ОГПУ-НКВД собирал сведения обо всех сторонах жизни советского общества, о положении в деревне, городе, на фабриках и заводах, состоянии армии. С мая 1921 г. в целях наиболее полного освещения положения в стране и для своевременного принятия необходимых мер действовал специальный аппарат, который собирал и обобщал различные сведения. В каждой губернии работали информационные тройки, состоявшие из сотрудников губкомов РКП(б), исполкомов и губернских отделов. Каждый член тройки отвечал за свою часть информации. Тройками составлялись трехдневные телеграфные сводки, в которых кратко сообщалось о важнейших событиях в губернии, двухнедельные бюллетени с общими выводами, предпринятыми и намеченными мерами.

В 1922 г. были определены основные виды документов, содержащих информацию о положении на местах и в стране в целом: ежедневные госинфсводки, спецсводки, ежемесячные политико-экономические обзоры и бюллетени прессы. Госинфсводки и спецполитсводки составлялись по географическому принципу и содержали информацию о состоянии страны за несколько дней, разделами в них являлись союзные республики, по каждой из которых была приведена комплексная информация о политико-экономическом состоянии, а также о настроениях крестьян, рабочих и служащих. Обзоры политико-экономического состояния страны обычно содержали в себе информацию за месяц и составлялись по предметно-вопросному принципу. Обычно в них включались следующие разделы: рабочие, крестьяне, красноармейцы, бандитизм, работа контрреволюционных организаций, духовенство. Позднее к ним добавились новые: националистические партии и группировки, интеллигентские группировки, кооперация, контрреволюционные группировки за кордоном. В названных документах

содержатся сведения о насильственной коллективизации, деятельности политических партий, национальных движениях в регионах, состоянии армии, положении церкви, сопротивлении и борьбе трудящихся за улучшение условий жизни. Несомненный интерес представляют докладные записки местных органов ОГПУ-НКВД о настроениях населения в связи с подготовкой к выборам в Верховные Советы республик, а также сводки органов госбезопасности о перевыборах в советы. В первые месяцы после образования Союза ССР ОГПУ уделяло основное внимание политическим процессам в республиках, протестным выступлениям националистов, боровшимся за независимость. В обзорах содержится информация о ходе выборов в Советы различных уровней, общественных настроениях крестьян и рабочих, их отношении к ВКП(б) и советской власти, протестных выступлениях басмачей в Туркестане, националистов на Украине, а также многих других групп на территории Сибири и Закавказья, что представляло угрозу для единого многонационального государства.

Недавно опубликованные документы из Центрального архива ФСБ России свидетельствуют, что советское общество к середине 1930-х годов не было сплоченным, как это утверждало партийно-государственное руководство. Были целые группы людей, которые не хотели мириться с существующим строем и призывали к изменению внутренней политики советского государства. Партийно-государственное руководство страны с помощью ОГПУ-НКВД контролировало общественные настроения, изучало реакцию населения на проводимые в политической, экономической и социальной сфере преобразования, следило за появлением негативных настроений среди различных групп населения. К концу 1930-х гг. руководство страны решило «выровнять» настроения населения и сплотить различные его группы с помощью репрессивных методов⁵.

Информационная работа органов ОГПУ-НКВД охватывала все стороны общественно-политического и экономического развития страны. В 1922–1923-х гг. ОГПУ направляло информацию не только Ленину и Сталину, но и значительному количеству руководителей: Л.Д. Троцкому – наркому по военным делам, председателю Реввоенсовета РСФСР; Э.М. Складанскому – председателю Революционного военного совета республики; В.М. Молотову – секретарю ЦК ВКП(б); Г.В. Чичерину – наркому иностранных дел; М.М. Литвинову – заместителю наркома по иностранным делам РСФСР-СССР; Л.Б. Каменеву – члену Политбюро, председателю Моссовета; Ю.М. Стеклову – редактору газеты «Известия», председателю Центрального совета Союза журналистов; Н.Л. Мещерякову – члену редколлегии «Правды», члену правления Центросоюза, председателю редколлегии и заведующему Госиздатом; М.П. Томскому – председателю ВЦСПС, члену Политбюро ЦК; К.Б. Радеку – члену ЦК ВКП(б), члену и секретарю Исполкома Коминтерна; Г.Е. Зиновьеву – члену ЦК ВКП(б), члену Политбюро ЦК, члену Оргбюро ЦК, председателю Петроградского (Ленинградского)

совета⁶. Обзоры, подготовленные в ОГПУ СССР, позволяли советскому партийному руководству (фактически управлявшему страной) не только получать информацию об истинном положении дел в политической, экономической и социальной сферах, но и принимать решения по реформированию госаппарата и совершенствованию его деятельности.

Эту информацию можно оценить, обратившись к документальным материалам Центрального архива ФСБ России. Часть из них опубликована в многотомной серии «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922–1934 гг.» Богатый, многоплановый массив документов позволяет исследователям по-новому осмыслить проблемы истории советского общества и государства, вопросы деятельности административно-политических органов в XX в. К настоящему времени выпущено 8 томов сборника в 12 книгах, работа над публикацией документов продолжается⁷.

¹ Более подробно см.: *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. – М., 1994.

² *Архипова Т.Г., Малышева Е.П.* Современная организация государственных учреждений России. – М., 2006. – С. 62.

³ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923.: Документы. – М., 2005. – С. 17.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–15.

⁵ *Леонова Л.С.* Объективные и субъективные факторы формирования политической системы России – СССР. 1917–1936 / От античности до современности: Сб. статей по отечественной и всеобщей истории, посвящ. академику РАН, заслуж. проф. Моск. ун-та Юрию Степановичу Кукушкину. – М., 2012. – С. 245.

⁶ *Колодникова Л.П.* Советское общество 20-х годов XX века. По документам ВЧК–ОГПУ / Л.П. Колодникова; отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Институт российской истории РАН, 2009. – С. 109–114.

⁷ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сборник документов. Т. 1–8. – М., 2001–2008.

«ЧТОБЫ РАБОТА ВРЕДИТЕЛЕЙ ПРОТЕКАЛА В НАИБОЛЕЕ НОРМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ»

*Статья в газете «Время новостей»
13 мая 2010 г. № 80*

15 мая 1930 года председатель Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) Валериан Куйбышев и заместитель председателя Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совете народных комиссаров (СНК) СССР Генрих Ягода подписали циркулярное указание «Об использовании на производствах специалистов, осуждённых за вредительство». Из документа следовало, что для «исправления результатов вредительства», с которым столь активно боролось ОГПУ, арестовывая специалистов в различных отраслях народного хозяйства, необходимо использовать самих «инженеров-вредителей». Причем в первую очередь – «по линии конструирования оборудования новых машин, деталей и механизмов, проектирования новых построек, проверки проектов, расчётов, смет, составленных хозорганами». Циркуляр стал прологом к созданию особых конструкторских бюро, прозванных в народе шарашками.

В декабре 1925 года на XIV съезде ВКП(б) был взят курс на индустриализацию и поставлена задача превратить СССР в страну, производящую машины и оборудование. Началось форсированное развитие тяжелой промышленности. Центром индустриализации стала европейская часть РСФСР и Украина, где располагались старые промышленные районы и была сконцентрирована необходимая рабочая сила. Ведущую роль в деле индустриализации страны играли специалисты в областях промышленного строительства, конструирования и эксплуатации оборудования. Большинство из них получило образование еще в царской России или за границей, а потому априори советскими властями они воспринимались как «буржуазные специалисты». Именно поэтому любые технические происшествия, ошибки и недостатки, возникавшие в процессе проектирования, конструирования, строительства или работы заводов, фабрик, шахт, электростанций, стали расцениваться как «террористический акт» или «вредительство».

Недвусмысленный сигнал об отношении к «буржуазным специалистам» был подан 13 января 1927 года генеральным секретарем ЦК ВКП(б)

Иосифом Сталиным в его заявлении о мерах борьбы с террористическими актами на хозяйственных предприятиях и о необходимости разоблачать вредителей. 28 февраля 1928 года на места была разослана соответствующая телеграмма, подписанная заместителем председателя СНК СССР Андреем Андреевым. ОГПУ приступило к выявлению и разоблачению «контрреволюционных вредительских организаций», которым, как отмечалось в документах, «удалось проникнуть в наиболее важные командные органы во все звенья управления промышленностью, начиная с органов ВСНХ, Госплана, кончая заводоуправлением и цехом». В марте Генрих Ягода призвал чекистов «всемерно усиливать меры по выявлению массового вредительства, контрреволюции». Вскоре ОГПУ начало подготовку к процессу по так называемому «шахтинскому делу», судебный процесс по которому прошел в мае-июле 1928 года в Москве. Группа инженеров и техников была необоснованно обвинена в создании контрреволюционной вредительской организации, которая якобы действовала в Шахтинском и других районах Донбасса. Пять обвиняемых были приговорены к расстрелу, остальные – к различным срокам заключения.

Отделы ОГПУ стали активно проводить ревизии, обследования, технические экспертизы дефектов строительства, вмешиваться в деятельность хозяйственных органов. В 1928–1929 годах по уголовному делу «о вредительстве в военной промышленности» было приговорено к различным срокам лишения свободы 110 человек. За этим последовало «раскрытие» и разгром «антисоветской организации в химической промышленности СССР, проводившей там вредительскую работу». В 1930 году ОГПУ расследовало дело «о контрреволюционной вредительской группе в радиохозяйстве СССР». Из материалов дела следует, что «группа вредителей была организована в первые дни после Октябрьской революции акционером «Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов» С.М. Айзенштейном и на протяжении всего времени, вплоть до ее ликвидации в 1930 году, проводила вредительскую работу в радиопромышленности СССР, действовала на ослабление обороноспособности СССР».

В том же году ОГПУ завело дело о «контрреволюционной, вредительской, диверсионно-шпионской организации в текстильной промышленности», получившее наименование «дело промпартии». Бывшие владельцы фабрик обвинялись в том, что они «не приняли политику власти большевиков, направленную на национализацию предприятий текстильной промышленности»: одни эмигрировали за пределы России, а другие «для спасения от национализации текстильных фабрик создавали различные коммерческие организации, акционерные общества».

В ОГПУ была введена классификация методов «вредительской деятельности контрреволюционных организаций». Так, в промышленности это были «срыв капитального строительства, замедление строительства,

бесплановость работ, вложение излишних средств, применение устаревших методов производства и т.д.». По «линии использования промышленного оборудования» преступными считались «действия по недостаточному использованию имеющегося оборудования, сокрытию мощности имеющегося на заводе оборудования и установок, выписка из-за границы ненужного для завода оборудования без ликвидации имеющихся узких мест в производстве и др.». По линии качества и себестоимости работ противоправным считались «исключительно высокий процент брака, расстройство процессов точных производств, саботирование рационализаторских начинаний на производстве». В высших звеньях хозяйственной системы считалось преступным «создание постоянных кризисов путем искусственно вызванной диспропорции между отдельными отраслями хозяйства».

После зачистки, проведенной ОГПУ среди инженерно-технического состава заводов и научно-исследовательских учреждений, на скамье подсудимых оказалось значительное количество высококвалифицированных специалистов, которые были приговорены к различным срокам заключения, а некоторые – к высшей мере наказания. Большинство объектов промышленности, транспорта и связи в одночасье лишилось техников и инженеров. Руководители предприятий, заводов, научно-исследовательских учреждений столкнулись с проблемой освоения передовой техники и оборудования, внедрения новых технологий, проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Создававшаяся ситуация с дефицитом подготовленных инженерно-технических кадров была также отнесена к результатам вредительства в промышленности.

К маю 1930 года в ОГПУ сделали вывод, что «основные группы вредителей изъяты из советского хозяйственного аппарата». Однако это не улучшило ситуацию ни в сфере управления, ни на производстве, ни в промышленном строительстве. На место арестованных специалистов «партия и советская власть решительно двинули молодые кадры инженеров, техников и выдвиженцев из среды рабочих». Заполнив опустевшие места квалифицированных профессионалов малоопытными выдвиженцами с правильным происхождением, партийные органы надеялись, что «это мероприятие в условиях возрастающей активности и развертывающейся самокритики рабочего класса гарантирует в значительной степени советскую промышленность и хозяйство от новых посягательств вредителей, оставшихся в учреждениях и на производстве». Разумеется, ситуация только усугубилась, чему власти нашли традиционное объяснение: «Удар, нанесенный нашему хозяйству контрреволюционными организациями, чрезвычайно велик, и требуются колоссальные усилия партии и рабочего класса для того, чтобы на ходу, не замедляя поступательного движения социалистического строительства, исправить и обезвредить результаты вредительства». Тогда и родилась «гениальная» идея исправления «вредительства».

ВСНХ и ОГПУ предложили использовать все тех же «инженеров-вредителей», которые уже были осуждены или еще находились под следствием (правда, с оговоркой «если это не нарушает нормального хода следствия и только с разрешения ОГПУ»). Руководителям предприятий предлагалось «немедленно со всей полнотой изучить в органах ОГПУ все акты вредительства, совершенные в соответствующем тресте и на заводах, оказывать всемерное содействие органам ОГПУ при использовании осужденных инженеров в деле постановки новых опытных работ – конструктивных и лабораторных». Кроме того, необходимо было «содействовать ОГПУ в том, чтобы работа вредителей протекала в наиболее нормальных условиях, а именно: снабдить их необходимой литературой, материалами и приспособлением». На предприятиях и в учреждениях стали создаваться особые (конструкторские, исследовательские) бюро, техническое руководство которыми осуществлял консультант (главный инженер) при начальнике бюро из числа наиболее опытных осуждённых специалистов. Руководство деятельностью особых бюро осуществляло техническое отделение Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ.

Первые итоги работы показали, что у осуждённых есть «весьма полезные, годами продуманные изобретения, проекты и усовершенствования». Например, группа авиаконструкторов предлагала постройку современных, не уступающих заграничным конструкциям самолётов, изготовление авиамоторов, организацию в СССР крупного машиностроительного производства без заграничной помощи и т.д. ОГПУ, оценив по достоинству эффективность деятельности особых бюро, выдвинуло инициативу создать их во всех местах заключения, где есть осуждённые специалисты, поручая им задания, которые носили бы «характер реальной помощи советской промышленности». При этом было «необходимо достигать максимального эффекта при минимальных затратах». 14 июня 1930 года начальник ЭКУ ОГПУ Георгий Прокофьев направил во все органы ОГПУ циркулярное указание «Об использовании осужденных вредителей», в котором потребовал представить в центр «полный список всех специалистов, как осуждённых, так и заключённых; кого из перечисленных в списке вредителей возможно использовать конкретно на какой работе; представить ориентировочный план намечаемых работ; какие в настоящее время производятся вредителями работы с указанием, в какой стадии проработки они сейчас находятся; какие из работ уже осуществлены».

В числе первых осуждённых специалистов был авиаконструктор Дмитрий Григорович – инженер-конструктор, до революции владел авиационным заводом, беспартийный, заведующий отделом морского опытного самолётостроения Авиатреста. Арестован 31 августа 1928 года, приговорён к десяти годам заключения. Реабилитирован в 1993 году. Он возглавил работу центрального конструкторского бюро при авиационном заводе № 39.

Группа Григоровича спроектировала и запустила в серийное производство самолёт-истребитель И-5, а также создала и испытала несколько моделей опытных боевых самолётов.

В начале 1931 года состоящее из репрессированных судостроителей Особое конструкторское бюро в Ленинграде закончило проект эскадренной подводной лодки водоизмещением 900 тонн. Была разработана и экспериментально проверена теория погружения и всплытия подводных лодок большого водоизмещения. На Балтийском заводе спроектировали и построили эскадренные подводные лодки типа «Правда», серию прибрежных подводных лодок типа «М» и боевых катеров.

В 1932–1934 годах в особых конструкторских бюро при Центральном институте авиационных моторов (ЦИАМ) и на авиамоторном заводе № 24 работала большая группа конструкторов авиационных двигателей, в том числе Николай Бриллинг (механик и теплотехник, член-корреспондент АН СССР; основные труды по автомобилестроению, двигателям внутреннего сгорания, теплотехнике), Борис Стечкин (теплотехник, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, создал теорию теплового расчёта авиационных двигателей, теорию воздушно-реактивных двигателей). Они спроектировали серию мощных 24-цилиндровых авиадвигателей ФЭД, в т.ч. первый в СССР авиационный дизель ФЭД-8, двухтактный бескомпрессорный дизель и легкий дизель для танка. Группа осуждённых инженеров под контролем ОГПУ изготовила первый советский блюминг (прокатный обжимной стан для преобразования крупных стальных слитков в квадратные заготовки с диаметром валков 1150 мм, с производительностью 1 млн тонн проката в год). Также «вредители» сконструировали и построили подвижную трансформаторную подстанцию мощностью 1800 кВт для обеспечения электроэнергией районов с рельсовыми путями и существующими электрическими сетями посредством включения трансформатора в имеющуюся сеть проводов.

Леонид Рамзин (участник разработки плана ГОЭЛРО, один из организаторов и первый директор Всесоюзного теплотехнического института, в 1930 году репрессирован по «делу промпартии», помилован в 1936 году), руководивший группой заключённых специалистов, спроектировал и подготовил к постройке паровой котел высокого давления оригинальной конструкции. Котел позволял в 20 раз сократить потребление металла при изготовлении, в 16 раз уменьшить себестоимость, обеспечить полное автоматическое регулирование, целиком решить проблему высокого давления.

Осуждённые инженеры работали и в химической промышленности. Группа под руководством осужденного Евгения Шпитальского (до ареста член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Московского государственного университета, директор экспериментального завода Наркомата химической промышленности СССР) разрабатывала устройство по осу-

ществлению взрыва на расстоянии с применением радиоволн. Аппарат давал «требуемый взрывной контакт только от тех волн, на которые он настроен, при посылке этих волн в строго определённый промежуток времени». Сконструирован и изготовлен срочный взрыватель, который «давал взрывной эффект через любой промежуток времени в зависимости от его установки; он мог быть применён для взрыва минированных полей».

Летом 1931 года в Москве образовано Специальное конструкторское бюро пороховой промышленности, разработавшее ряд новых рецептов нитроглицериновых порохов, что позволило увеличить продолжительность эксплуатации стволов артиллерийских орудий и принять на вооружение Красной армии новые мощные взрывчатые вещества. Была проработана схема коренной реконструкции пироксилиновых и пороховых заводов на основе непрерывного производственного потока, что позволяло увеличить производительность заводов, уменьшить стоимость продукции, облегчить условия труда, увеличить мобилизационные возможности. Был разработан метод получения беспламенных порохов, который «имел тактическое значение, так как затруднялось обнаружение противником позиций артиллерийских батарей, которые ранее легко можно было определить по блеску выстрела».

Группа под руководством осужденного Сергея Разумовского (арестован 5 февраля 1929 года, до ареста главный химик завода № 1 Военно-кислотного треста; постановлением коллегии ОГПУ от 3 ноября 1929 года лишён свободы на пять лет; наказание отбывал в ОКБ технического отдела ЭКУ ОГПУ; в 1930–1931 годах работал в химической лаборатории ОКБ ОГПУ №4, в 1932 году был руководителем лаборатории ОКБ-3 техотдела ЭКУ ОГПУ; решением коллегии ОГПУ от 30 апреля 1931 года из-под стражи освобождён) технологическим путем получила древесную целлюлозу, заменявшую хлопковые материалы при изготовлении бездымных порохов. Использование такой целлюлозы значительно уменьшало стоимость пороха.

В конце 1920-х годов после нескольких неудачных попыток Наркомата связи восстановить подводные линии телеграфного сообщения между Баку и Красноводском к работам подключилось ОГПУ. Для решения этой сложной технической задачи привлекли осуждённых специалистов во главе с Николаем Лапиным (бывший заведующий электроиспытательной лабораторией Наркомата почт и телеграфа, арестован 3 сентября 1929 года и заключён в лагерь на десять лет). Вместо латания многократных повреждений кабеля Лапин предложил оригинальное решение – поднять и использовать часть бездействующих телеграфных кабелей, проложенных в северных морях: кабель Архангельск–Мурманск (841 км) и советскую часть международного кабеля Мурманск–Александровск–Лервик (1400 км). В ноябре 1930 года ОГПУ организовало Особую кабельную экспедицию, в составе которой работала группа осуждённых специалистов

под руководством Лапина. Экспедиция ОГПУ подняла со дна Баренцева и Белого моря 825 км подводного телеграфного кабеля, из которых 350 км было проложено на Каспийском море и 212 км на Азовском и Черном море. Работы по подъёму, транспортировке и прокладке кабеля были закончены 5 февраля 1933 года. Кабельные линии Керчь–Бердянск, Баку–Красноводск, Баиллов–Нарген, Балаклава–Сухуми и Нарген–Султан общей протяженностью свыше 1550 км были проверены и переданы от ОГПУ для эксплуатации Народному комиссариату связи СССР.

24 апреля 1930 года ОГПУ было организовано специальное бюро из числа осуждённых специалистов железнодорожного транспорта. Они занимались проектированием и постройкой: товарных паровозов серии ФД, сверхмощного пассажирского паровоза серии ИС, мощного товарного электровагона серии ВЛ, мощного пассажирского электровагона серии ПБ, сверхмощного товаро-пассажирского тепловоза серии ВМ и вагонного замедлителя для сортировочных горок. Специальное бюро принимало участие в разработке рабочих чертежей, строительстве паровозов, электровагонов и т.п. и оказывало помощь в организации серийного производства и освоения этих локомотивов. Паровоз ФД, принятый как основной тип товарного паровоза для железных дорог СССР, показал в работе высокие эксплуатационные и конструктивные качества и широко внедрялся на важнейших направлениях.

Весной 1931 года группе арестованных конструкторов-паровозников было поручено сконструировать наиболее совершенный тип пассажирского паровоза. Эскизный проект мощного пассажирского паровоза был разработан достаточно оперативно и уже 3 ноября 1931 года председатель ОГПУ Рудольф Менжинский направил его секретарю ЦК ВКП(б) Сталину. Важным было то, что основные узлы нового паровоза были взаимозаменяемы с уже построенным по проекту ОГПУ на Луганском заводе товарным 20-тонным паровозом. Это являлось новым достижением в технике паровозного дела. Взаимозаменяемость была чрезвычайно важна как при постройке паровозов, так и при их ремонте и эксплуатации. Менжинский предлагал поручить постройку опытного экземпляра паровоза Локомотивному объединению ВСНХ, но под руководством ОГПУ.

Успешное выполнение работ сулило не только досрочное освобождение осуждённым специалистам, но и награждение тех, кто организовывал и контролировал их работу. Так, 8 февраля 1936 года нарком внутренних дел Ягода (в 1934 году ОГПУ было упразднено, а его подразделения вошли в состав НКВД СССР) направил Сталину записку, в которой, отмечая заслуги отбывавших наказание инженеров, просил об их досрочном освобождении, снятии с них судимости и восстановлении в гражданских правах. Одновременно Ягода просил наградить орденами Ленина сотрудников НКВД, руководивших работами осуждённых специалистов.

«В целях использования заключённых, имеющих специальные технические знания» в 1938 году при НКВД было организовано Особое техническое бюро, положение о котором 9 января 1939 года утвердил председатель СНК СССР Вячеслав Молотов. Основной задачей бюро являлась «организация конструирования и внедрения в производство новых средств вооружения армии и флота». В его состав вошли группы по специальностям: «самолётостроение и авиационные винты, авиационные моторы и дизели, военно-морское судостроение, порохи, артиллерия, снаряды и взрыватели, броневые стали, боевые отравляющие вещества и противохимическая защита». В составе Особого технического бюро работало 316 специалистов, арестованных органами НКВД в период массовых репрессий 1937–1938 годов «за участие в антисоветских, вредительских, шпионско-диверсионных и иных контрреволюционных организациях». Следствие по таким делам было приостановлено, никаких следственных действий не проводилось, тем не менее специалисты содержались под стражей. В июле 1939 года глава НКВД Лаврентий Берия направил записку Сталину, в которой признал: «Возобновить следствие по этим делам и передать их в суд в обычном порядке нецелесообразно, так как, во-первых, это отвлечет арестованных специалистов на длительное время от работ по проектированию важнейших объектов и фактически сорвет работу Особого технического бюро, во-вторых, следствие не даст по существу положительных результатов вследствие того, что арестованные, находясь длительное время во взаимном общении во время работы, договорились между собой о характере данных ими показаний на предварительном следствии».

Берия предлагал: арестованных специалистов, используемых на работе в Особом техническом бюро НКВД СССР, не возобновляя следствия, предать суду Военной коллегии Верховного суда СССР; в зависимости от тяжести совершенного преступления арестованных разделить на три категории – подлежащих осуждению на сроки до 10 лет, до 15 лет и до 20 лет; отнесение к категориям поручить комиссии в составе народного комиссара внутренних дел СССР, прокурора СССР и председателя Военной коллегии Верховного суда СССР; в целях поощрения работы арестованных специалистов в Особом техническом бюро, закрепления их на этой работе и создания стимула для дальнейшей работы по проектированию важнейших объектов оборонного значения предоставить право НКВД СССР входить с ходатайством в президиум Верховного совета СССР о применении к осужденным специалистам, проявившим себя на работе в Особом техническом бюро, как полного условно-досрочного освобождения, так и снижения сроков отбывания наказания. После начала Великой Отечественной войны и в связи с реорганизацией Наркомата внутренних дел Особое техническое бюро было реорганизовано в 4-й спецотдел НКВД СССР. Во время войны по ходатайствам Наркомата внутренних дел, направлявшимся в президиум Верховного

Совета СССР, «об амнистировании со снятием судимости заключённых специалистов, особо отличившихся при выполнении производственных заданий оборонного значения» началось их освобождение. Выйдя на свободу, специалисты оставались для работы в специальных конструкторских бюро и группах при НКВД в качестве вольнонаёмных.

В группе осуждённых авиаконструкторов работали Андрей Туполев, Владимир Петляков, Владимир Мясищев, Роберт Бартини, Сергей Королев и другие. Разработкой авиационных моторов занимались известные конструкторы Борис Стечкин, Валентин Глушко, Алексей Чаромский.

Во время войны 4-м спецотделом НКВД были выполнены и сданы следующие виды работ: пикирующий бомбардировщик Пе-2, руководитель проекта В. Петляков; фронтовой пикирующий бомбардировщик Ту-2, руководитель проекта А. Туполев; дальний высотный бомбардировщик, руководитель проекта В. Мясищев; авиационный реактивный двигатель РД-1, руководитель проекта В. Глушко. Кроме того, были разработаны: подводная лодка С-135, артиллерийские системы для корабельных и береговых установок, противотанковая, полковая и танковая пушки, изготовлено более 5 тысяч радиостанций, в том числе более 3 тысяч радиостанций для оперативных отрядов и групп, действовавших в тылу противника.

Специалисты 4-го спецотдела участвовали в строительстве, монтаже и пуске новых заводов наркоматов авиационной промышленности, боеприпасов, вооружения. За годы войны более 200 специалистов были досрочно освобождены со снятием судимости. Несколько десятков человек получили государственные награды.

В послевоенные годы заключённые специалисты продолжали работать под контролем 4-го спецотдела МВД СССР. Основными направлениями деятельности шарашек оставались самолётостроение, моторостроение, военно-морское судостроение, артиллерия и боеприпасы, исследования в области химии. После смерти Сталина была проведена реорганизация органов государственной безопасности и внутренних дел. 30 марта 1953 года 4-й спецотдел МВД был расформирован.

Многочисленные специальные конструкторские бюро, функционировавшие при заводах и научно-исследовательских учреждениях и получившие в народе наименование «шарашки», стали не только фактом политической истории, но и достоянием литературы – благодаря роману Александра Солженицына «В круге первом».

ТЮРЕМНО-МОРСКАЯ «ОДИССЕЯ» ИНЖЕНЕРА ЛАПИНА

*Статья в научном альманахе «Телескоп»
Специальный выпуск «Историко-архивное восстановление
имён и достижений Отечества»
г. Самара, 2008 г.*

В период массовых репрессий в СССР в местах лишения свободы находилось большое количество заключённых, среди которых были лица, имевшие специальные технические знания и профессиональное образование.

Активное использование труда осуждённых специалистов, обладавших специальными техническими знаниями, для создания и внедрения новых технологий, образцов вооружения, военной и специальной техники в Советском Союзе началось в 1929 г. В этих целях решениями Коллегии или полномочных представительств ОГПУ в различных регионах создавались особые (конструкторские, исследовательские, технические и другие) бюро. Структура каждой организации разрабатывалась применительно к конкретным задачам, срокам работы и условиям деятельности. Как правило, техническое руководство работой осуществлял консультант (главный инженер) при начальнике особого бюро. Обычно этот пост занимал наиболее опытный из заключённых специалистов. Разработанные проекты поступали на утверждение в технический совет, в состав которого входили как осуждённые, так и вольнонаёмные специалисты, а также сотрудники ОГПУ¹.

Как свидетельствуют документальные источники из Центрального архива (ЦА) ФСБ России, особые конструкторские бюро и иные особые подразделения, входившие в состав ОГПУ, решали разнообразие сложные технические задачи, с которыми не могли справиться другие ведомства. Так, в конце 1920-х гг. Народный комиссариат связи СССР неоднократно предпринимал безуспешные попытки восстановить телеграфное сообщение по морскому кабелю Баку²–Красноводск³, проложенному еще в 1879 г. Работы над созданием подводного кабеля связи начал в 1812 г. русский изобретатель П.Л. Шиллинг⁴, предложив для связи между Петербургом и Кронштадтом кабель с каучуковой изоляцией. Первый подводный кабель

связи длиной около 45 км был проложен 28 августа 1850 г. через пролив Па-де-Кале между Дувром⁵ и Кале⁶. В России первый подводный кабель связи протяжённостью 32 км был проложен в 1862 г. через Северную Двину⁷. В 1879 г. кабельная линия телеграфной связи (длина 250 км) была проложена по дну Каспийского моря между Баку и Краснодаром, разделёнными водным пространством, а также черноморские подводные кабели связи: Одесса–Константинополь (625 км) и Севастополь–Варна (560 км). Первые подводные кабели связи состояли из медной токопроводящей жилы и гуттаперчевой изоляции. Прокладка подводного кабеля связи велась со специально оборудованных кабельных судов.

Все попытки восстановить телеграфное сообщение по морскому кабелю⁸ Баку–Красноводск завершились безрезультатно. Технический отдел ЭКУ ОГПУ дал задание инженеру Н.П. Лапину⁹ подготовить отзвв о возможности ремонта старого каспийского кабеля 1879 г. Кто такой был инженер Лапин, на которого пал выбор столь влиятельной организации?

Инженер-электрик Николай Петрович Лапин имел богатый опыт практической работы в сфере телефонной связи. После окончания Ленинградского электротехнического института он работал вначале младшим механиком в Управлении Приамурского почто-телеграфного округа, затем главным механиком в Управлении Орловского почто-телеграфного округа, помощником начальника округа в Управлении Тамбовского почто-телеграфного округа и начальником округа в Управлении Архангельского почто-телеграфного округа. В конце 1920-х гг. он заведовал электро-испытательной лабораторией ЦЛС НКПиТ.

Именно в этот период органами ОГПУ были проведены оперативно-разыскные и следственные действия, в результате которых раскрыты «контрреволюционные вредительские организации». Такие мифические организации были выявлены в наиболее важных органах управления промышленности, транспорта, связи, начиная с ВСНХ, Госплана, завершая заводоуправлениями и цехами.

Попал под каток репрессий и инженер Н.П. Лапин. Он был арестован 3 сентября 1929 г. и по постановлению Коллегии ОГПУ от 13 апреля 1930 г. на основании п. 7 ст. 58 УК РСФСР («подрыв государственной промышленности, совершённый в контрреволюционных целях путём соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности») заключён в концлагерь на 10 лет, с конфискацией имущества. Кроме того, семью Лапина лишили права проживания в Москве.

Н.П. Лапину было предъявлено обвинение в том, что он, «занимая ответственные руководящие посты в ведомстве связи и будучи активным врагом советской власти, входил в состав контрреволюционной вредительской организации и осуществлял вредительские акты как по заданию возглавлявших организацию лиц, так и по собственной инициативе»¹⁰. Так нача-

лась тюремная «одиссея» инженера Лапина, которая превратилась для него в тюремно-морскую.

Получив задание из столь влиятельной организации, как ОГПУ, и проанализировав имевшиеся материалы, инженер Лапин сразу же понял бесперспективность проведения ремонта старого кабеля. Однако он понимал и то, что его судьба зависит от правильного инженерного решения. Именно поэтому Лапин предложил поднять бездействующие телеграфные кабели, проложенные в северных морях, а именно: кабель Архангельск¹¹–Мурманск¹² (841 км) и советскую часть международного кабеля Мурманск–Александровск¹³–Лервик¹⁴ (1400 км), перевезти часть кабеля на юг для прокладки в Каспийском море линии Баку–Красноводск.

Подводный телеграфный кабель Мурманск–Александровск–Лервик был проложен во время Первой мировой войны, когда принципиально усилилось стратегическое значение северных территорий России. Немецкому и турецкому флотам удалось заблокировать российские балтийские и черноморские порты. Владивосток находился слишком далеко от театра военных действий. Единственным круглогодичным открытым выходом России в мировой океан оставался только порт Мурманск. Кольский залив оказался наилучшим местом для приёма военных грузов от союзников. В этих условиях вновь заговорили о проекте Витте¹⁵, который еще в 1894 г. предлагал провести железную дорогу от Петербурга к Екатерининской гавани. Министерство путей сообщения в октябре 1914 г. приступило к проведению изыскательских работ по прокладке трассы между Колой¹⁶ и Александровском¹⁷.

Положение на фронтах Первой мировой войны для России складывалось неблагоприятно, необходима была помощь союзников в виде поставок вооружения, боеприпасов и военного снаряжения из Англии и Франции. 30 декабря 1914 г. Совет министров представил российскому царю предложение о постройке железной дороги к Белому морю, до Сорок (ныне Беломорск¹⁸). Николай II, рассмотрев и одобрив проект, написал резолюцию: «Считаю, безусловно, необходимым в будущем продолжение этой линии на север, до одной из лучших бухт Мурманского побережья». Такой была признана акватория Кольского залива близ урочища Семеново, в десяти верстах севернее Колы, где вскоре и началось сооружение причалов для приёма строительных материалов и военных грузов.

В декабре 1914 г. по согласованию с русским правительством англичане приступили к прокладке подводного телеграфного кабеля от Лервика (северо-восточная Шотландия) до Александровска, где уже существовала телеграфная линия до Петрограда. В Александровске была построена телеграфная станция 1-го класса, на которой работали 60 телеграфистов. Прокладка телеграфного кабеля велась с английских специально оборудованных кабельных судов и завершилась в короткие сроки. 15 января 1915 г. состоялось торжественное открытие международной линии связи Мурманск–Лервик.

В 1917 г. была проложена вторая кабельная линия от Архангельска до Мурманска длиной 500 морских миль (около 900 км) и далее от Мурманска до Александровска длиной 25 морских миль (около 45 км).

Обе кабельные линии служили главным образом для связи английского правительства с её азиатскими колониями. Российской стороной кабельные линии использовались незначительно. Исправность линии поддерживалась за счёт технических средств Англии, если повреждение случалось в принадлежащей России части, то финансирование работ проводилось за её счет. Координаты точки раздела первой линии были $67^{\circ}10'$ сш и $4^{\circ}00'$ вд (от Гринвича), что соответствовало расстоянию от Александровска 774 морских миль или 1434 км. Вторая линия, проложенная между русскими портами, целиком относилась к России¹⁹.

Функционирование кабельных линий связи постоянно нарушалось повреждениями кабеля траловыми судами, и поддержание их в исправном состоянии требовало больших расходов. После очередного повреждения в 1926 г. линии более не исправлялись, т.к. загрузка по окончании военных действий прежних линий связи упала настолько, что не оправдывала расходов по своему содержанию.

На совещании СТО 25 мая 1928 г. было решено договор с Англией об эксплуатации линии Александровск–Лервик (Питерход) прекратить. Именно с этой подводной международной телеграфной линии связи и предстояло снять часть кабеля, принадлежавшего Советскому Союзу.

Предложение Н.П. Лапина в ОГПУ было одобрено. Сразу же последовало ослабление наказания, правда, пока не самому инженеру, а только членам семьи. По постановлению Коллегии ОГПУ от 28 мая 1930 г. высылка семьи Н.П. Лапина и конфискация имущества были отменены.

Осенью 1930 г. в ОГПУ была организована Особая кабельная экспедиция. 17 октября в Мурманск для организации работ по подъему кабеля выехал уполномоченный технического отдела ЭКУ ОГПУ М.С. Лобов с тремя специалистами, в числе которых был Н.П. Лапин²⁰. ОГПУ уже имело опыт организации особых экспедиций и проведения уникальных подводных работ. Так, в 1923 г. в Севастополе была образована Экспедиция подводных работ особого назначения (ЭПРОН), управление которой находилось в Москве. ЭПРОН предназначалась для подъема затонувших судов, проведения аварийно-спасательных и подводных технических работ²¹.

Изучив технические условия в Мурманском и Архангельском портах, сотрудники Особой кабельной экспедиции пришли к выводу, что ледокол № 9 и железная баржа, которые были предложены руководством Мурманского морского порта для проведения работ, для этой цели непригодны. Впрочем, и сам способ подъема кабеля на баржу, буксируемую ледоколом, чрезвычайно рискован и выполним лишь в условиях спокойного моря.

После длительного осмотра выбор пал на возвративший после зверобойной кампании ледокольный пароход «Георгий Седов»²², который ОГПУ

оборудовало местными средствами для поднятия кабеля. 19 декабря группа Лобова возвратилась в Москву для обработки полученных материалов и дальнейшей подготовки экспедиции.

3 мая 1931 г. Особая кабельная экспедиция в составе начальника М.С. Лобова, трёх специалистов-инженеров и одного техника вторично выехала из Москвы в Архангельск. Прибыв на место 5 мая, они приступили к оборудованию ледокола «Георгий Седов» для кабельных работ и интенсивным работам по снаряжению экспедиции для выхода в море.

За короткий промежуток времени – в 35 дней – при содействии Полномочных представительств ОГПУ в Архангельске и Мурманске было собрано, а частично вновь изготовлено и установлено специальное оборудование. 10 июня 1931 г. Особая кабельная экспедиция в полном составе вышла из Архангельска. В полночь с 12 на 13 июня экспедиция прибыла к месту начала работ в Кислую Губу Кольского залива около с. Александровск, где на берегу в кабельную будку был выведен береговой конец линии Александровск–Лервик (Питерход) и 18 июня приступила к подъёму советской части международного кабеля.

В первом северном походе инженер Лапин был до 20 мая 1931 г. старшим группы, а в дальнейшем ведал снаряжением кабельной экспедиции; с выходом в море для подъёма кабеля исполнял обязанности вахтенного начальника и до 1 июля вёл испытание кабелей.

Выбрав 596 км легкого глубоководного кабеля примерно у Лафотенских островов и загрузив им все три трюма пароходов, Особая кабельная экспедиция доставила вынутый кабель в Ленинград. Часть этого кабеля (470 км) была перегружена на баржу и отправлена в г. Астрахань²³. Высокая температура летнего времени сильно осложняла работы по перегрузке кабеля и требовала особых предосторожностей для предохранения от повреждения гуттаперчевой изоляции кабеля тепловыми лучами. Такие же меры предосторожности принимались для предохранения кабеля в пути по Волжскому водному пути в Астрахань. Оставшаяся часть кабеля (126 км) была доставлена на Северный кабельный завод для наложения на него дополнительной брони ввиду предстоящей прокладки кабеля через Ладожское озеро.

31 августа ледокол «Георгий Седов» возвратился из Ленинграда в Архангельск.

8 сентября начались работы по подъёму кабеля от Мудьюгского маяка кабельной линии Архангельск–Мурманск. К выемке кабеля на этом участке решено было приступить потому, что кабель глубоководного типа линии Александровск–Лервик со слабой броней не годился для прокладки в Азовском море, где он вследствие малой глубины был бы легко поврежден механическим повреждением. Кабель же линии Архангельск–Мурманск на этом участке имел тяжёлую броню, которая соответствовала условиям прокладки в Азовском море. Если в первый поход условия работы на море были относительно благоприятны, то во второй

поход положение изменилось к худшему. Туман, дождь со снегом, холодный северо-восточный ветер, шторма, короткий день и длинная ночь создавали тяжёлые условия для производства работ на море. Сильные течения в горле Белого моря, занос кабеля песком и ракушей затрудняли подъём с морского дна и вызывали частые аварии оборудования и обрывы кабеля. 24 сентября работы в море были закончены. Поднято было около 220 км кабеля²⁴.

27 сентября «Георгий Седов» вышел в Мурманск пополнить запасы топлива, воды и продовольствия, а 4 октября двинулся в Азовское море. 1 ноября, через 27 суток перехода, выдержав сильный шторм в Бискайском заливе, «Георгий Седов» благополучно прибыл в Керчь²⁵. По прибытии в Керчь Лапин начал работы по ремонту и испытанию кабелей. Привезенный кабель группой инженеров под руководством Н.П. Лапина был отремонтирован, проведено его испытание и прокладка в Азовском море от Керчи до г. Бердянска²⁶, а также два кольца, по 30 км каждое, были проложены в двух местах через Керченский пролив. После завершения работ ледокол был освобождён от фрахта и возвратился тем же путем в г. Мурманск.

Отправленный на барже из г. Ленинграда кабель был погружен за два приёма на паровую шхуну «Туркмен»²⁷ и проложен, так же за два приёма, через Каспийское море между Баку и Красноводском.

Так был закончен первый оперативный год работы Особой кабельной экспедиции, показавший невозможность выборки оставшихся длин кабелей одним пароходом и в один сезон. Именно поэтому для работ 1932 г. было решено зафрахтовать два судна с таким расчётом, чтобы поднять всю оставшуюся длину кабеля и проложить её на указанных Наркомсвязью местах до истечения года.

Первый этап деятельности Особой кабельной экспедиции был оценен положительно. По постановлению Коллегии ОГПУ от 14 января 1932 г. Н.П. Лапин был досрочно освобождён от дальнейшего отбытия наказания. Возвратившись в Москву в начале 1932 г., сотрудники Особой кабельной экспедиции приступили к разработке плана «большой экспедиции».

В начале мая они выехали в Архангельск для организации работ на месте. Для работы в 1932 г. были зафрахтованы два судна – уже испытанный, но недостаточный по тоннажу ледокол «Георгий Седов» и лесовоз Ленинградского порта «Андрэ Марти». Лесовоз являлся грузовым однопалубным судном, предназначенным для перевозки лесоматериалов, имевшим носовой и кормовой трюмы с двумя люками каждый. При каждом люке имелось по две стрелы и две лебедки, что обеспечивало удобство при погрузке и разгрузке кабеля.

Инженер Лапин принимал участие в оборудовании для кабельных работ «Георгия Седова» (теми же кустарными приспособлениями, что и в 1931 г.). Для оснащения лесовоза «Андрэ Марти» было выписано из Баку, хотя и сильно подержанное, но всё же специальное, оборудование,

полученное в 1879 г. из Англии вместе с кабелем. Во втором северном походе Лапин был вахтенным начальником²⁸ и ведал испытанием кабелей. Ледокол «Георгий Седов» поднял часть оставшегося кабеля «Александровск–Мурманск» и доставил его в Ленинград, где он был перегружен на две баржи. Поднятый кабель был почти в четыре раза тяжелее перевезённого в 1931 г. После этого ледокол «Георгий Седов» был освобождён из-под фрахта, а обе баржи с кабелем отправлены сплавом до Астрахани.

Лесовоз «Андрэ Мари» поднял сначала остальную часть кабеля Архангельск–Мурманск, а затем и остаток советской половины кабеля Мурманск–Лервик. По завершении подъёмных работ лесовоз «Андрэ Марти» отправился в рейс вокруг Европы и доставил кабель на Чёрное море, где проложил его вдоль побережья Балаклавы через Новороссийск до г. Сухуми, после чего также был освобождён из-под фрахта.

После отправки кабелей из Ленинграда инженер Лапин прибыл в Москву, где совместно с группой инженеров разработал план работ по прокладке второй линии Баку–Красноводск, после чего вместе с каспийской группой Особой кабельной экспедиции выехал в Баку, затем в Астрахань.

Кабель, доставленный на двух баржах в г. Астрахань, был перегружен там же в трюмы парохода «Красное знамя» и с него проложен в Каспийском море от г. Баку до г. Красноводска по одной трассе, как дублирующий кабель, проложенный в 1931 г. по северной трассе, но уже повреждённый в трёх местах. По окончании работ по прокладке второго кабеля Баку–Красноводск Особая кабельная экспедиция приступила к устранению трёх повреждений первого кабеля Баку–Красноводск, что затянулось до февраля 1933 г.

5 февраля 1933 г. исправление повреждений кабеля Баку–Красноводск было закончено, и кабельные линии: Керчь–Бердянск, Баку–Красноводск, Баиллов–Нарген, Балаклава–Сухуми, Баку–Красноводск, Нарген–Султан были переданы от ОГПУ для эксплуатации Наркомату связи СССР²⁹.

Всего в морях северного бассейна было поднято 1 тысяча 935 км подводного телеграфного кабеля разной конструкции, бездействовавшего с 1926 г. Кабель этот был на положении бесхозного, вследствие неисправности он находился вне контроля, и траловые суда, как советские, так и иностранные, повреждали его совершенно безнаказанно. Поднятие кабеля предотвратило его от дальнейшей порчи и дало возможность рационально использовать по прямому назначению.

В Азовском, Каспийском и Чёрном морях кабельной экспедицией было проложено 1 тысяча 603 км кабеля, 187 км было передано районным управлениям связи на случай необходимости ремонта проложенных линий. 135 км кабеля было проложено другими организациями³⁰.

Кабельные суда экспедиции дважды обогнули Европу морским путём (Мурманск–Керчь, Мурманск–Севастополь), дважды обогнули Скандинавию морским путём Мурманск–Ленинград и дважды баржи с кабелем прошли по водному пути Ленинград–Астрахань длиной 4500 км.

Кабельной экспедицией без иностранной помощи была освоена техника подъёма, прокладки и монтажа морских подводных кабелей. Подготовлены опытные инженеры и техники, что позволяло и впредь проводить подобные работы без помощи иностранных специалистов. На судах в северных и южных морях помогли судоводители, знакомые во всех деталях с кабельными работами.

После завершения работ Особой кабельной экспедиции Н.П. Лапин был откомандирован в распоряжение наркомата связи. В соответствии с постановлением Коллегии ОГПУ от 10 апреля 1933 г. ему было разрешено свободное проживание по СССР.

Но талантливый инженер не дождался полной реабилитации, он умер в 1937 г. Прошло еще более пятидесяти лет, когда Н.П. Лапин был реабилитирован заключением Прокуратуры СССР от 20 июня 1989 г.

¹ *Моруков М.Ю.* Особое техническое бюро ОГПУ-НКВД-МВД СССР / МВД России: Энциклопедия / гл. ред. В.Ф. Некрасов. – М., 2002. – С. 371.

² Баку, столица (с 1920) Азербайджанской ССР, столица Республики Азербайджан (с 1991), расположена в южной части Апшеронского полуострова. Порт на Каспийском море связан паромными переправами с Краснодарском и Бекдашем (Туркмения), Шевченко (Казахстан). Центр Бакинского нефтегазоносного района.

³ Краснодарск, город (с 1896) в Туркменской ССР. Порт в Краснодарском заливе Каспийского моря. Расстояние между Краснодарском и Баку около 310 км.

⁴ Шиллинг Павел Львович (1786–1837), изобретатель, создал первый практически пригодный электромагнитный телеграф (1832).

⁵ Дувр, город на юго-востоке Великобритании, порт у пролива Па-де-Кале.

⁶ Кале, город на севере Франции, административный центр департамента Па-де-Кале, транспортный узел международного значения, порт у пролива Па-де-Кале.

⁷ Северная Двина, река на северо-европейской части России, в Вологодской и Архангельской областях, длина – 744 км.

⁸ Морские кабели (как правило, коаксиальные) изготавливают бронированными для прокладки в прибрежной части, где они могут подвергнуться механическим воздействиям, и безбронными для глубоководных участков трассы.

⁹ Лапин Николай Петрович (1871–1937), родился в г. Николаеве Херсонской области, русский, из дворян, проживал с семьей в г. Москве.

¹⁰ ЦА ФСБ России. № Р-47140. Т. 1.

¹¹ Архангельск (до 1613 Новохолмогоры), город, центр Архангельской области, расположен в устье Северной Двины. Морской и речной порт. Архангельск начальный пункт многих полярных экспедиций, одна из основных баз Северного морского пути.

¹² Мурманск (до 1917 г. Романов-на-Мурмане), город, центр Мурманской области, незамерзающий порт на берегу Кольского залива Баренцева моря. Мурманск начальный пункт северного морского пути.

¹³ Александровск, город в Архангельской области, расположенный у входа в Кольский залив.

¹⁴ Лервик, город, расположен на острове Мейнленд, главном из 117 Шетлендских островов (34 острова населены). Шетлендские острова образуют островную цепь, простирающуюся с юга на север на протяжении 113 км в Атлантическом океане к северу Шотландии. (Шетлендские острова — территория Великобритании).

¹⁵ Витте Сергей Юльевич (1849–1915), российский государственный деятель. Министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель кабинета министров (1903–1905), председатель Совета министров (1905–1906).

¹⁶ Кола, город (с 1965), районный центр в Мурманской области, расположенный у впадения рек Кола и Тулома в Кольский залив Баренцева моря.

¹⁷ Александровск, город в Архангельской области, расположенный у входа в Кольский залив.

¹⁸ Беломорск, город в Республике Карелия, порт на Белом море (Онежская губа) у входа в Беломорско-Балтийский канал. Образован в 1938 г. из с. Сороки и пос. Солунин.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1. Л. 3–4.

²⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 10. Д. 563. Л. 1.

²¹ ЭПРОН до 1931 г. находилась в ведении ОГПУ, а затем передана наркомату путей сообщения. В 1936 г. передана наркомату водного транспорта, в 1939 г. наркомату морского флота. В начале Великой Отечественной войны ЭПРОН вошла в состав Военно-морского флота, затем преобразована в аварийно-спасательную службу (с 1979 г. аварийно-поисковая служба ВМФ). См.: *Христофоров В. С., Черепков А.П.* К 80-летию Экспедиции подводных работ особого назначения // *Морской сборник*. 2004. № 2. С. 84–91

²² «Георгий Седов», советский ледокольный пароход, построен в Глазго (1909), приобретён русским правительством (1916). Длина судна 77 м, ширина около 11 м, водоизмещение 3217 т. Назван по имени русского исследователя Арктики Г.Я. Седова. В 1920 г. «Георгий Седов» участвовал в первой советской арктической экспедиции к устьям рек Обь и Енисей. В 1930 г. экспедицией на «Георгий Седов» под руководством О.Ю. Шмидта, В.Ю. Визе и капитана В.И. Воронина впервые исследовалась северная часть Карского моря, и были открыты острова Визе, Исаченко, Воронина, Шмидта, архипелаг Седова.

²³ Астрахань, город центр Астраханской области, расположенный в дельте реки Волга. Крупный речной и морской порт Волго-Каспийского бассейна. Известен с 13 века.

²⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 563. Л. 3.

²⁵ Керчь, город в Крымской области (Украина), порт на берегу Керченского пролива. Основан в 6 век до н. э.

²⁶ Бердянск основан в 1827 г. (в 1939–1958 гг. – г. Осипенко), город (с 1835), районный центр в Запорожской области (Украина). Порт на Азовском море.

²⁷ Шхуна «Туркмен» – морское парусное судно, оснащённое двигателем внутреннего сгорания, использовавшееся как транспортное средство.

²⁸ Рабочую команду Особой кабельной экспедиции комплектовал отдел кадров Северного торгового флота из молодых работников, преимущественно слушателей морских техникумов, которые получали хорошую морскую практику, а кабельная экспедиция получала в свое распоряжение людей знакомых с условиями работы на море, не страдали морской болезнью и легко усваивали технику кабельных работ. Рабочая команда была разбита на три бригады и несла морские вахты, т.е. через каждые четыре часа работы восемь часов отдыхала. Во главе каждой бригады стоял боцман, который подчинялся вахтенному начальнику-инженеру. В каждой вахте имелся техник-измеритель, на обязанности которого лежал постоянный контроль за состоянием кабеля. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1 Л. 30–31, 60.

²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 563. Л. 5.

³⁰ Там же. Оп. 11. Д. 1. Л. 30–31, 64.

О МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ НАЧАЛА 1920-Х ГГ.

*Тезисы выступления на конференции
«Мир Центральной Азии»
г. Улан-Удэ, сентябрь 2012 г.*

Как известно, у монголов есть хорошая поговорка: «Самая мудрая из наук – дружба». И современная история полностью подтверждает это. Россия и Монголия теснейшим образом связаны друг с другом на протяжении нескольких столетий. Их объединяет не только география, но и сама судьба. Когда в 1911 г. в результате революции в Китае развалилась Циньская империя, Россия была первой и единственной страной, которая поддержала независимость нового монгольского государства и существенно ему помогла. Позже, политическая и военная поддержка Советского Союза стала одним из решающих факторов победы народной революции 1921 г. и восстановления независимости Монголии. Это положило начало новому этапу в истории страны, в ходе которого существенно изменился её облик, социальная структура, возникли новые политические институты, а также была предпринята попытка модернизации по советскому образцу. Ступив на социалистический путь развития, Монгольская Народная Республика превратилась в союзника СССР и стала членом мирового социалистического лагеря.

Деятельность Советского Союза на международной арене отражена в документах, которые хранятся в разных архивах, в том числе и в Центральном архиве ФСБ России. В 1990–2000 гг. с многих материалов сняты ограничительные грифы. Рассекреченные документы помогают исследователям воссоздать достоверную картину прошлых событий и дать им объективную оценку.

Важное значение имеют документальные материалы Центрального архива ФСБ России периода образования и становления Монгольской Народной Республики. В этом ряду широко представлены спецсообщения представителей ОГПУ и сотрудников НКВД о политической ситуации в Монголии, сводки о русском населении в Монголии и количестве белобанд, доклады о государственной внутренней охране МНР, деятельности монгольского торгпредства и центрального кооператива, телеграммы о по-

ложении на границе с Китаем, рапорта о погранохране и действиях японской разведки, записки по ламскому вопросу, обзоры иностранной прессы Дальнего Востока и другие.

29 декабря 1911 г. Внешняя Монголия провозгласила свою независимость от Китая. Страну возглавил теократический правитель Богдо-хан VIII¹. Согласно русско-китайско-монгольскому Кяхтинскому соглашению от 7 июня 1915 г. Монголия была признана автономией в составе Китайской республики. Китай обязывался не вмешиваться во внутреннее управление Монголии. Внешняя Монголия получила право заключать международные договоры по экономическим вопросам. Однако после Октябрьской революции 1917 г. Внешняя Монголия фактически лишилась поддержки со стороны России. В этих условиях китайское правительство Дуань Цижуя² взяло курс на ликвидацию новопровозглашённого монгольского ханства. Летом 1918 г. Китай, пользуясь слабостью России из-за Гражданской войны, ввел в Ургу китайский батальон. В июле 1919 г. китайский корпус под командованием генерала Сюй Шучжэна³ оккупировал столицу страны Ургу под предлогом противодействия оккупации Монголии войсками атамана Семёнова⁴ и опасности «занесения в Китай большевистской заразы». Правительство Богдо-хана заставили признать суверенитет Китая над Монголией. Китайские власти взяли курс на постепенную ликвидацию монгольской автономии.

22 ноября 1919 г. президент Китайской республики Сюй Шичан⁵ расторг русско-монгольские соглашения 1912 г. и Кяхтинское соглашение 1915 г., определявшие статус страны как автономной части Китая. В декабре 1919 г. монгольское правительство было распущено, а монгольская армия разоружена и расформирована.

Китайская оккупация страны вызывала недовольство широких слоёв монгольского общества. Наибольшее недовольство проявляли буддийское духовенство и штат государственных и армейских служащих, оставшийся без работы после ликвидации государственности Монголии. Именно из этой социальной страты вышли первые монгольские революционеры.

В октябре 1920 г. Азиатская конная дивизия под командованием русского белого генерала Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга⁶ вошла в Халху из Даурии. Богдо-гэгэн был арестован китайцами. Находясь под домашним арестом, он несколько раз обращался к Унгерну с просьбой освободить Ургу от китайцев. 4 февраля 1921 г. после тяжёлого боя белые выбили китайский гарнизон из Урги и заняли город, вернув Монголии независимость. В начале марта 1921 г. было сформировано правительство Автономной Внешней Монголии.

Ещё до вступления Унгерна в Монголию в Урге появились две революционные группы, ставившие целью освобождение от китайской оккупации. Они ориентировались на РСФСР. После вступления Унгерна в Монголию, под влиянием большевиков, они поставили целью изгнание отсюда белогвардейцев. Одной из групп, выступавшей за вооружённое восстание,

руководили Дамдин Сухэ-Батор⁷ и Солийн Данзан⁸, вторую, настроенную на политическое завоевание власти, возглавлял Хорлогийн Чойбалсан⁹ и Догсомын Бодоо¹⁰. По рекомендации Коминтерна обе группы были объединены, и на состоявшемся в марте 1920 г. в Иркутске съезде была создана Монгольская народно-революционная партия. На пленарной сессии Коминтерна в Иркутске была принята резолюция о «...помощи в борьбе монгольского народа за свободу и независимость деньгами, оружием и военными инструкторами»¹¹.

Богдо-гэгэн VIII поддержал стремление революционеров изгнать китайцев, но не их стремление захватить власть в Монголии. В 1918 и 1919 гг. советское правительство денонсировало договоры с Японией и Китаем.

1–3 марта 1921 г. в Кяхте состоялся I-й съезд МНРП. 13 марта вновь избранный ЦК партии сформировал новое Народное временное правительство Монголии. После взятия Монгольской Народной армией под командованием Сухэ-Батора торговой слободы Маймачен в северной Монголии, туда переехало временное народное правительство, власть Богдо-гэгэна была ограничена.

В июне 1921 г. войска РСФСР, Дальневосточной республики и красных монголов нанесли ряд поражений Унгерну. 28 июня советско-монгольские части пересекли границу Монголии и 6 июля вошли в оставленную белыми Ургу. Однако борьба с остатками Азиатской конной дивизии продолжилась.

В сообщениях Реввоенсовета 5-й армии за сентябрь 1921 г. говорилось: «Разгром унгернских банд продолжается. Фактически унгернских сил в Восточной Монголии не имеется. Имеются бегущие в панике отдельные отколовшиеся части. Отряды Хоботова, бывшая 2-я бригада Унгерна, разбиты последовательными ударами наших и красномонгольских частей. Одиночных фигур, могущих объединить раздробленные на мелкие части белые банды, в восточной Монголии не осталось. В то же время отряды Хатан-батара¹², ободрённые нашим успехом, проявляют широкую инициативу к окончательному разгрому белых банд. Для развития операции красномонгольских частей предприняты меры снабжения их недостающим оружием. Наши военные успехи плюс финансовая помощь монгольскому народному революционному правительству окончательно поставило бы советскую Россию в глазах трудовых масс Монголии как бескорыстную освободительницу от реакционных оккупационных замыслов Китая, Японии и др. К сожалению, финансовая сторона вопроса мало подвигается вперед»¹³.

Через несколько дней Реввоенсовет 5-й армии сообщил в Москву: «Остатки белогвардейцев успешно ликвидируются. Захвачен в плен отряд Шубина, с самим Шубиным во главе. Для ликвидации остальных выслана сильная разведка. Можно с удовлетворением констатировать почти полное очищение восточной Монголии от белобанд. [...] Организация монгольской народной революционной армии, подчиненной общему командованию и руководству, заканчивается. В результате этой работы монгольское

народное революционное правительство имеет около 4000 бойцов, сведённых в кавалерийские дивизии. Налаживается также организация финансово-хозяйственного аппарата»¹⁴.

И вот как в это же время характеризовалась сложившаяся в Урге обстановка в сообщении английского информационного агентства «Рейтер»: «... прибыл из Урги один иностранец, который пробрался в Ургу уже после падения Унгерна. По словам этого иностранца, силы красноармейцев, занявших Ургу, не превышали 3000 человек. Но всё монгольское, равно как и китайское население, ожидало красные войска как освободителей. По занятии Урги, красные предоставили полную свободу действий местной администрации, совершенно не вмешиваясь в их административную деятельность. Монголы очень довольны создавшимся положением, относятся очень дружелюбно к красным войскам. Сейчас же возобновилась торговля и всюду господствует полный порядок и спокойствие. При въезде в Ургу никаких препятствий не чинится, но требуется предъявление паспорта»¹⁵.

В сообщении Реввоенсовета 5-й армии от 1 октября 1921 г., направленном наркому иностранных дел РСФСР уполномоченным НКВД по Сибири и Монголии Б.З. Шумяцким¹⁶, говорилось, что «27 сентября согласно постановления нарправительства и совещания государственных деятелей Монголии в Москву выехала делегация Наркоминдела Монгольского народного правительства, имеющая целью поставить перед НКВД ряд конкретных дипломатических и экономических вопросов, а также вопросов о заключении предварительного торгового договора и почтово-телеграфного в том числе»¹⁷. 5 ноября 1921 г. между правительством РСФСР и монгольским народным правительством было подписано соглашение об установлении добрососедских отношений.

В декабре 1921 г. поступило предложение Реввоенсовету РСФСР: «Доблестная совместная с нами борьба монгол против белых банд Унгерна плюс последние победы в северо-западной Монголии заслуживают быть оплаченными нами награждением монгол военминеров. Считаю необходимым в интересах нашего дела в Монголии провести через РСФСР награждение главкома Сухэ-бататора, помглавкома Чойбалсана, северо-западной Монголии Хатон-бататора-Вана. Этим награждением будет теснее связана их личная судьба и карьера. Прошу провести это награждение через Реввоенсовет. Шумяцкий»¹⁸.

Определённые попытки дестабилизировать и без того шаткое равновесие сил в Монголии предпринимались со стороны США. Так, в сообщении от 22 сентября 1922 г. отмечено: «Прибывший в Ургу американский консул в течение более месяца старался сплотить князей и лам в целях изоляции монгольского народного революционного правительства от страны и в целях устранения нашего (СССР) влияния. От имени Вашингтона он добивался передачи мандата на посредничество между Монголией и Китаем Америке, обещая экономическую помощь»¹⁹.

В 1924 г. после смерти Богдо-хана при поддержке со стороны Советского Союза была провозглашена Монгольская Народная Республика. Вплоть до окончания Второй мировой войны единственным государством, признавшим независимость Монголии, был СССР.

У наших государств более 3,5 тысяч км общей границы. Для охраны границы в МНР были созданы пограничные подразделения. По данным, приведенным в сводках отдела пограничной охраны ОГПУ за июнь–август 1924 г., «4-й кавалерийский полк, стоящий на охране границы Монголии, состоит из мобилизованных солдат Кобдовского округа, комсостав полка состоит из членов МНРП. В г. Кобдо при штабе полка находится один эскадрон в составе 150 сабель, остальной состав полка находится на охране границы с Китаем и СССР.

Вся погранохрана Монголии на границе с ДВО состоит из одного дивизиона кавалерии, стоящего в г. Алтан-Булык. Дивизион только что сформирован из бывшего монгольского эскадрона. Состав дивизиона 2-х эскадронный: один из них конный, один – пеший. Штат дивизиона 241 человек. Командир дивизиона – русский, бывший командир красного пехотного полка Сазонов. В составе дивизиона 60 человек старослужащих, остальные – вновь набранные.

Дивизион расположен в городе на казарменном положении. Обмундирован дивизион в русское обмундирование полностью, головные же уборы – шапки-монголки. Вооружение: часть винтовок японских, часть – русского образца. Снаряжение дивизион имеет неполное. Конского состава имеется 240, т.е. вдвое больше штатного состава. Фуража ни откуда не получают, и лошади довольствуются подножным кормом. Боевой силы этот отряд из себя не представляет. Военный строй, владение оружием, а также дисциплина у цириков дивизиона слабы. Граница охраняется плохо: едущие с нашей стороны не задерживаются, пропуска не проверяются»²⁰.

В очередной оперативно-разведывательной сводке отдела погранохраны ОГПУ в ноябре 1924 г. отмечалось: «Служба погранохраны несетя применительно к нашему уставу гарнизонной службы. Цирики (солдаты) стоят на посту по 2 часа. На отдаленные посты цирики посылаются на целый месяц и лишь по истечении этого срока сменяются.

Строевые занятия в 4-м кавполку производятся ежедневно в течение 4-х часов по русскому кавалерийскому уставу. Настроение в полку хорошее, но солдаты немного недовольны 3-х годичным сроком службы, считая таковой обременительным. Отбывание воинской повинности проходит в порядке разверстки, но в армию попадают преимущественно бедняки, так как зажиточное население откупается от военной службы»²¹.

Географическое положение Монголии между двумя крупнейшими державами евразийского материка – Россией и Китаем – превратило её в объект постоянного явного или скрытого соперничества внешних сил. Большой интерес к Монголии, помимо СССР и Китая, проявляла

Япония, продолжавшая претворять в жизнь меморандум Танака, считавшего, что: «Чтобы завоевать Китай, мы должны завоевать сначала Маньчжурию и Монголию...». Ставилась задача создать на территории Маньчжурии, Внешней и Внутренней Монголии буферное государство под протекторатом Японии, которое стало бы плацдармом для последующего завоевания Китая. После ликвидации «бароновщины» японцы по-прежнему были заинтересованы в получении информации о положении Монголии, её правительстве и отношениях с СССР. В Монголию неоднократно засылались японские шпионские группы, тщательно замаскированные как экспедиции, преследующие исключительно «научные» цели.

Определенный интерес представляют сообщения ПП ОГПУ по ДВО за январь 1925 г. о японской научной экспедиции, которая действовала под предлогом детального изучения Монголии. Группа японцев, именующая себя «Военно-азиатской экспедицией», под руководством сына бывшего премьер-министра Японии получила задание от правительства разработать план открытия партизанских действий в Забайкалье и на Амуре. Была подробно подготовлена карта с разметкой районов и пунктов концентрации военных сил и связи между ними. Японцы предполагали скопить как можно больше русских казаков бело-беженцев, дав им работу на предприятиях лесных концессий, одновременно организуя из них группы партизан.

Почти все японцы, участвовавшие в экспедиции, говорили по-русски и в прошлом состояли в экспедиционных частях в качестве переводчиков, чиновников и разведчиков при Семёнове, Унгерне и Колчаке. Перед экспедицией были поставлены следующие задачи: сбор сведений о Монголии и её богатствах, о путях сообщения и проходимости дорог в разное время года; нанесение на карту удобных в военно-стратегическом отношении местностей; фиксация пограничной охраны границ СССР и пограничного населения; сбор сведений о торгово-промышленном состоянии Монголии, о положении монгольских министерств и ведомств и т.д.²²

Прикрытием для шпионажа также часто являлись создаваемые на территории Монголии отделения японских торговых фирм. Так, например, в сообщении советской разведки от 23 июня 1923 г. указывалось, что «японцы предполагают открыть целый ряд коммерческих предприятий в приграничных с СССР районах Внешней Монголии. Сами предприятия не преследуют коммерческую выгоду, а лишь направлены к насаждению японских глаз во всех стратегических пунктах Внешней Монголии»²³.

Большое опасение у Японии вызывала активная советизация Монголии, то есть усиление влияния СССР в экономическом, политическом и военном отношении. Так, в докладе Генерального штаба Японии за октябрь 1926 г. говорилось о государственном устройстве Монголии и особо отмечался характер её отношений с СССР: «Кабинет министров состоит из министерства внутренних дел, финансового и юстиции, но недавно прибавлено два новых учреждения – государственный совет и министерство

народного просвещения. Государственный совет является законодательным органом, который вмешивается во все вопросы. Во главе этих учреждений стоят монголы, но при них обязательно имеется по 2–3 русских советника.

Войска одеты по русскому образцу, без всяких позументов, служба трехлетняя. В качестве правительственного монгольского банка имеется так называемый «Монгольский Деловой Банк», который, однако, считается протееже русского Дальбанка. Кроме этого, между этими банками установлены переводные операции. Монгольские серебряные деньги отчеканены в России. В настоящее время фактическую власть в Монголии держат в своих руках так называемые новые монголы. Они осуществляют свою власть в союзе с Россией»²⁴.

Вместе с тем для некоторых стран, например, Англии, Монголия представляла интерес не только с политической, но в большей степени с экономической стороны. Так, в июле 1925 г. в сообщении ОГПУ СССР отмечалось, что «за последнее время англичане интересуются не столько монгольской политикой, сколько монгольским скотом, овцами, пушниной и сырьем. Последние анализы монгольской баранины в Лондоне дали самые блестящие результаты, и в нынешнем году предложено увеличить закупку овец в 3 раза против прошлогодней. Созданные кооперативы в Монголии помогли англичанам, т.к. им не приходится теперь собирать скот мелкими партиями, теперь они имеют возможность скупать его крупными гуртами»²⁵. Образованная в 1918 г. английская Продуктовая экспортная компания являлась одной из основных организаций, производивших торговлю в Монголии.

Активные экономические связи с МНР поддерживало также немецко-австрийское Восточно-Западно-Европейское товарообменное акционерное общество «Востваг», «экспортируя пушнину и разное сырье монгольского происхождения, а импортируя автомобили, велосипеды, техническое оборудование, электротехнические и химические предметы, медикаменты, канцпринадлежности, музыкальные инструменты и другие изделия германской промышленности»²⁶.

Однако на протяжении 70 лет основным торговым, военным и политическим партнером МНР являлся СССР. В докладе ОГПУ о торговой политике СССР в Монголии отмечалось: «Политическая изолированность МНР среди буржуазно-капиталистических стран обязывает СССР принять на себя полностью снабжение Монголии всеми пищевыми и потребительскими товарами. С другой стороны, рынок МНР со своим все возрастающим спросом представляет несомненный интерес для экспорта продукции /советской промышленности и сельского хозяйства»²⁷.

В 1924 г. на III съезде МНРП путь капиталистического развития был признан неприемлемым для Монголии, была провозглашена генеральная линия партии на некапиталистическое развитие страны. Первой Конституцией МНР 1924 г. были ликвидированы феодальные земельные владения.

Осуществлялась ликвидация феодальной налоговой системы и обложение налогами феодалов.

На IV съезде МНРП в 1925 г. была принята программа партии, в которой ставилась задача ликвидации класса феодалов, завоевания экономической независимости страны, создания экономических предпосылок для строительства социализма, преодоления культурной отсталости и религиозно-феодальной идеологии. МНРП как руководящая политическая сила в стране последовательно проводила программу в жизнь. Монголия взяла курс на социалистические преобразования, ориентируясь при этом на мероприятия, проводимые в СССР.

К началу 1920 г. Монголия находилась в полной экономической зависимости от иностранных компаний. В 1924 г. в стране действовало более 2300 иностранных торговых фирм, их доля в торговом обороте составляла более 90 %. Для развития собственной экономики правительство МНР установило государственную монополию на внешнюю торговлю, были аннулированы долги иностранным торговцам и банкирам. Ходившая в стране иностранная валюта была изъята из обращения, в результате денежной реформы в декабре 1925 г. была введена национальная валюта – тугрик.

При активной экономической и организационно-технической поддержке СССР были приняты меры по перестройке экономики МНР на социалистических началах. По образцу советских кооперативов был образован Монгольский центральный народный кооператив (Монценкоп), организована государственная торговля. На акционерных началах с Советским Союзом создан торгово-промышленный банк.

В записках неизвестного путешественника, сделанных в 1925 г., дана такая оценка развитию страны: «Несмотря на обширность территории, занимаемой страной, площадь которой в 3 раза больше площади Франции, во Внешней Монголии до сих пор нет железных дорог. За последнее время сильно развилось автомобильное сообщение. Экспорт страны, главные предметы которого составляют шерсть, мех и кожа и импорт хлопчатобумажных тканей, производится посредством караванов. Монголия является страной, где более чем где бы то ни было поражает борьба между старым и новым. В Урге, например, наряду с прекрасными храмами можно встретить разбросанные повсюду серые палатки и построенные в европейском стиле деревянные дома. Звон колокольчиков верблюдов сливается с автомобильными гудками...»²⁸.

В условиях антифеодальной борьбы и активного стремления иностранных государств оказать влияние на республику в целях достижения собственных интересов возникла необходимость в создании органа по борьбе с внешними и внутренними угрозами.

По образцу ВЧК-ОГПУ СССР была создана на правах отдела Правительства Государственная внутренняя охрана Монгольской Народной Республики (ГВО).

Вот как характеризовалась деятельность ГВО в сообщении сотрудника ОГПУ в марте 1926 г.: «Несмотря на то, что ГВО является госорганом, обслуживающим всю страну, на самом деле, вплоть до последнего времени её работа, главным образом, концентрировалась в самой Урге и за её пределы почти не выходила. Это объясняется не тем, что у руководящих работников не было на это желания, а тем, что вся политическая жизнь Монголии за пределы Урги не распространялась. Только в последнее время в связи с некоторым оживлением кудонской жизни, развитием партийной и государственной работы на местах (в кудонах – районах и уездах) и масштаб работы ГВО выходит за пределы Урги.

Таким образом, к настоящему моменту масштаб работы ГВО распространяется на всю территорию Внешней Монголии и её аппарат распространяется по всем её районам. Центральный аппарат состоит из трёх отделов: административно-общего, военно-пограничного (с совмещением функций особого отдела) и секретно-оперативного. Последний, в свою очередь, делится на: информационно-агентурное, активное и иностранное отделения. Функции тех и других тождественны с функциями отделений наших отделов. Во главе ГВО стоят назначаемые ЦК и правительством начальники, а во главе отделов – представляемые ими и утверждаемые правительством и ЦК начальники отделов и отделений.

Штаты Центрального управления на 1926 г. разработаны в 68 человек и утверждены правительством в 53–60 человек. Кроме указанного руководящего монгольского состава ГВО обслуживается ещё специальным инструкторским составом в лице пяти ответственных инструкторов и целым рядом наших работников, так что в общей численности по своему составу она делится на 75% монгольских и 25% советских работников.

Местный аппарат ГВО – аймачные уполномоченные (аймак – основная административно-территориальная единица Монголии) назначены по всем аймакам и штаты им даны в среднем в 5 человек. Все разработки ГВО вплоть до последнего времени главным образом касались выявления и учета белогвардейского, особенно иностранного населения, контрреволюционных элементов из коренного населения и проработки шпионской работы иностранцев. Единственно с результатом проведена работа по японцам. Работу иных шпионских организаций выявить пока не удалось.

За последнее время в связи с оживлением экономической жизни страны, проведением целого ряда экономмероприятий и отсюда – усилением вообще хозяйственного строительства Монголии – начинает приобретать первостепенное значение экономическая работа, согласованная с общими партийными и государственными мероприятиями. Поэтому уже ставится вопрос перед ЦК и правительством о создании экономического отдела из пяти человек, который мог бы специально заниматься этой областью работы ГВО»²⁹. Проводившиеся в стране экономические преобразования напрямую затрагивали деятельность спецслужб, ставя перед ними новые задачи.

В документах Центрального архива ФСБ России можно также найти сведения о решении религиозного вопроса на территории Монголии.

Ламство Монголии имеет свою многовековую, совершенно самостоятельную историю. К началу XX века монастыри являлись главными экономическими центрами: около 75-90 % ламства занимались различного рода торговыми делами. Являясь культурным авангардом населения, в силу исторических причин ламство держало в своих руках экономическое и политическое господство и имело непререкаемый авторитет в массах.

К моменту революции 1921 г. в стране насчитывалось 747 буддистских монастырей и 120 тысяч монахов и священников (при общем населении страны в 650 тысяч человек).

После смерти в 1924 г. Богдо-гэгэна – духовного и светского главы Монголии, ламство вынуждено было несколько сдать свои политические позиции. Несмотря на отсутствие определенной и ясной декларации об отношении к ламству, нарреволюция сразу же попыталась закрепить за собой достигнутые позиции путем проведения в отношении ламства весьма чувствительных мероприятий экономического характера:

- лишением права самостоятельного обложения населения налогами;
- приравниванием в отбывании всех повинностей к остальным гражданам республики;
- выделением ламства в отдельное ведомство – «Шабиямынь»³⁰.

Общая культурно-политическая и экономическая ситуация в стране, огромное количество ламства и религиозность широких масс в то же время требовала от Правительства крайней осторожности и вдумчивости при постановке и решении вопросов, касающихся религии и религиозной политики.

В 1926 г. в МНР был принят Закон об отделении церкви от государства. В «Тезисах религиозной политики Народно-революционной партии» отмечалось: «Относясь с полным уважением к религии народа и делу верующих и чтобы это уважение не осталось пустым словом, как при маньчжурах, с одной стороны, а с другой – в интересах государства, без которого невозможно существование и процветание религии, партия будет добиваться точного регламентирования согласно буддийским законам и интересам государства вопросов посвящения в ламство, разграничения лам от мирян, прав и обязанностей лам по отношению к государству и т.д.

В целях противодействия вредным влияниям реакционной части ламства на массы и государственные дела партия будет проводить, помимо названных выше мер, широкую культурно-просветительную и политическую работу среди масс и распространение положительных научных знаний»³¹.

Ламство по своему социальному составу не было однородным. Конечно, проводимые правительством экономические и политические преобразования, в первую очередь затрагивали интересы верхушки ламства – хубилганов, гэгэнов и т.д. Низовое же ламство являлось тем же аратским элементом,

то есть кочевниками и реформы отражались на их положении в меньшей степени³². Наверное, именно поэтому произошедшие в стране изменения первоначально были восприняты ламством довольно пассивно. Вместе с тем, ламство Монголии пыталось использовать в своих целях некоторые зарубежные страны, например Японию и Китай.

Среди документов ЦА ФСБ России по истории МНР имеются материалы о деятельности Панчен Ламы (Таши Ламы) – второго (после далай-ламы) иерарха ламаистской церкви в Тибете. Так, в сводке Иностранного отдела ОГПУ за апрель 1927 г. отмечалось: «Китайские газеты сообщают ещё не проверенные сведения о предстоящем буддийском соборе в Пекине.

В организации этого собора можно ясно усмотреть стремление реакционных элементов Китая, а через них и Японии, использовать в своих интересах временное пребывание Панчен Ламы в Пекине, а также влияние буддийских общин на народные массы Халхи (Монголии), Внутренней Монголии и Тибета... В этой сложной паутине интриг вокруг Панчен Ламы заметны и стремления Японии, которая зорко следит за действиями Тибетского духовного главы.

Летом 1926 г. японское правительство послало Панчен Ламе приглашение на паназиятский конгресс в Японии, которое было отклонено. Предстоящий буддийский собор в Пекине является продолжением той же линии, которая преследует три цели: прекратить возможность просачивания новых веяний в народные массы; прекратить нарастающее движение обновления буддизма, которое характеризуется возвращением к первоначальному здоровым основам учения; сохранить буддийские территории всей Монголии, Джунгарии и Тибета за Китаем и пресечь в корне нарастающее национально-освободительное движение...»³³.

В сообщении Восточного отдела ОГПУ за 7 мая 1929 г. говорилось: «Отмечается дальнейшая активизация происков Японии во Внешней Монголии. Последнее подтверждается активностью, проявляемой известным в буддийском мире Панчен Богдо, при котором все время находятся японские резиденты, направляющие его деятельность в желательном для Японии духе. Деятельность Панчен Богдо направлена, главным образом, к подготовке среди монгольского населения движения в пользу провозглашения во Внешней Монголии Богдо-Хутухты. Уже сейчас отмечаются признаки недовольства властями со стороны населения восточного района МНР на почве запрещения им переходить границу в пределы Внутренней Монголии на поклонение Панчен Богдо. Одновременно с этим отмечаются и происки китайских милитаристов во Внешней Монголии, питающих надежду вернуть её путем внутренних неурядиц и заговоров на положение китайской провинции»³⁴.

Хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России документы по истории создания и первых годах существования Монгольской Народной Республики свидетельствуют, что с первых дней его работа проходила в тесном

взаимодействии с представителями советской страны, что и предопределило пути дальнейшего развития этого государства.

Указанные материалы помогут исследователям расширить представления о событиях, происходивших в Монголии в 1920 гг., и оценить их значимость для дальнейшей истории страны.

¹ Богдо-хан VIII (1869–1924), теократический правитель Монголии (1911–1921), монарх Монголии с ограниченными правами (1921–1924), глава буддистов Монголии

² Дуань Цижуэй (1865–1936), китайский военачальник и политический деятель. Премьер-министр Китая (1916–1918, 1924–1926).

³ Сюй Шучжэн (1880–1925), китайский военачальник. Генерал пехоты.

⁴ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946), русский генерал, видный деятель Белого движения на Дальнем Востоке. При поддержке японских интервентов объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. С 1921 г. в эмиграции. В 1945 г. захвачен советскими войсками в Маньчжурии и по приговору Военной коллегии Верховного суда ССР в 1946 г. расстрелян. Не реабилитирован.

⁵ Сюй Шичан (1855–1939), китайский политический деятель. Председатель Госсовета Китая (1918–1922).

⁶ фон Унгерн-Штернберг Роберт-Николай-Максимилиан (Роман Фёдорович) (1885–1921), барон, русский генерал, видный деятель Белого движения на Дальнем Востоке. Командир Азиатской конной дивизии. В феврале 1921 г. захватил Ургу. Летом 1921 г. задержан красным партизанским отрядом, и 15 сентября 1921 г. в Новониколаевске состоялся показательный процесс. По обвинению в вооружённой борьбе против советской власти с целью реставрации династии Романовых; террор и зверства и действия в интересах Японии расстрелян. Решением Президиума Новосибирского областного суда от 25 сентября 1998 г. в реабилитации отказано.

⁷ Сухэ-Батор Дамдин (1893–1923), монгольский политический деятель. Военный министр революционного правительства, главнокомандующий монгольских революционных войск.

⁸ Данзан Солийн (1885–1924), монгольский политический деятель. Председатель ЦК МНРП (1921).

⁹ Чойбалсан Хорлогийн (1895–1952), монгольский военачальник и политический деятель. Главнокомандующий Монгольской народной революционной армией (1924–1929, 1937–1952), председатель Государственного малого хурала МНР (1929–1930). Председатель Народного совета министров МНР (1939–1952).

¹⁰ Бодоо Догсомын (1885–1922), монгольский политический деятель. Министр иностранных дел, премьер-министр Монголии (1921).

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 148–149.

¹² Хатан-батор Максаржав (1878–1927), монгольский военачальник и политический деятель. Премьер-министр (1921), военный министр Монголии (1922–1927).

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 253. Л. 1.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 253. Л. 3.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 253. Л. 9.

¹⁶ Шумяцкий Борис Захарович (1886–1938), советский государственный деятель. Участник революционного движения. После Октябрьской революции – председатель ЦИК Советов Сибири, 1919–1920 гг. – председатель Тюменского, затем Томского губкомов, заместитель председателя Сибревкома, член Бюро ЦК РКП(б), председатель Совета министров ДВР. В 1921–1922 гг. – член РВС 5-й армии и уполномоченный НКВД по Сибири и Монголии. В 1923–1925 гг. – полпред и торгпред в Иране, в 1926–1928 гг. – ректор КУТВ, в 1928–1930 гг. – член Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), в 1930 г. – председатель правления Союзкино, с 1933 г. – зам. председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР. 18 января 1938 г. арестован и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 28 июля расстрелян. Решением Военной коллегии Верховного суда СССР в 1956 г. реабилитирован.

- ¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 253. Л. 9.
- ¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 253. Л. 19.
- ¹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 253. Л. 7.
- ²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 38. Л. 228.
- ²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 38. Л. 369.
- ²² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 3–5, 45–46.
- ²³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 20.
- ²⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 422. Л. 151–155.
- ²⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 238. Л. 8–9.
- ²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Д. 662. Л. 24–25.
- ²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 9. Д. 662. Л. 7.
- ²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 237. Л. 97–98.
- ²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 137. Л. 204–210.
- ³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 239. Л. 156–157.
- ³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 239. Л. 175.
- ³² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 239. Л. 161–162.
- ³³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 12.
- ³⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 126.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ 1924–1926 ГГ.

*Тезисы выступления на научной конференции
«Россия и арабский мир»
г. Уфа, 29 ноября 2012 г.*

В Центральном архиве ФСБ России хранятся документальные материалы 1920-х гг., связанные с событиями на Ближнем Востоке. В них нашли отражение сложные процессы раздела арабских владений Османской империи странами Антанты, борьба арабских народов за независимость и право самостоятельно решать свою судьбу. Именно в этот период была сформирована политическая карта региона и складывались ключевые проблемы дальнейшего развития населяющих его народов. Эти документы отложились в фондах Иностранного и Восточного отделов ОГПУ и носят в основном информационный характер.

В июне 1922 г. приказом ГПУ № 98 в составе Секретно-оперативного управления был создан Восточный отдел с задачей противодействия шпионажу восточных государств. Здесь разрабатывались все материалы, получаемые из стран Востока закордонной частью Иностранного отдела ГПУ. Сбор информации и аналитических материалов – одно из важнейших направлений работы Восточного отдела. Были приняты меры по налаживанию деловых отношений с различными учреждениями, располагающими информацией: НКВД, внешнеторговые организации и информационные агентства. Кроме того, было организовано изучение научной литературы и периодических изданий по восточной тематике и создана соответствующая библиотека. Составлялись периодические обзоры, в которых анализировалась информация о национально-освободительном и религиозном движении. Были созданы серьёзные предпосылки для накопления и систематизации документальных материалов по странам и народам Востока. Но нужно признать, что порой собранные материалы носили случайный, отрывочный характер, часто искажённо и поверхностно изображали те или иные события и явления. Не хватало специалистов с опытом работы и знанием восточных языков и культур, специфики его менталитета. Но и этого было недостаточно, нужны были люди, преданные революции и партии.

В руководстве ГПУ выделение борьбы со шпионажем восточных государств в самостоятельное направление имело в то время не только сторонников, но и противников. Так, помощником начальника Особого отдела ГПУ была составлена докладная записка, в которой он высказал несогласие с передачей функций по противодействию шпионажу восточных государств из контрразведывательного отдела во вновь образованный Восточный. По его мнению, «так называемый восточный шпионаж тесно сплетён со шпионажем государств Европы» и соответственно «методы борьбы с восточным шпионажем тождественны методам борьбы со шпионажем государств Европы и Америки»¹. На сохранившемся в архиве экземпляре этой записки имеется резолюция заместителя председателя ГПУ о постановке вопроса на заседании Коллегии.

Тем не менее, точка зрения о целесообразности существования самостоятельного подразделения ГПУ по работе на восточном направлении в тот период одержала верх, и Восточный отдел функционировал в системе органов ГПУ-ОГПУ на протяжении восьми лет. Это были сложные годы становления советской власти в южных и восточных областях, борьбы с басмачеством в Средней Азии, решения политических задач по налаживанию отношений с государствами Востока. К концу 1920-х гг., в связи с изменением обстановки, произошли изменения в структуре органов безопасности. В октябре 1929 г. функции отдела были переданы в Особый отдел ОГПУ. Задача оставалась прежней – борьба с националистической и «восточной» контрреволюцией, со всеми видами шпионажа со стороны государств Востока и наблюдение за соответствующими посольствами, консульствами и национальными колониями в СССР².

В фондах Центрального архива ФСБ России сохранились весьма ценные материалы о событиях на арабском Востоке, связанные с деятельностью Восточного и Иностранного отделов ОГПУ. В основном это – информационные сообщения, доклады, сводки, обзоры местной прессы, но имеется политическая переписка арабских и западноевропейских политиков и др.³. В этом ряду особый интерес представляет материалы, полученные советскими агентами нелегальным путем и направлявшиеся по специальным каналам через Берлин, Рим, Иерусалим, Тегеран в Москву, в ОГПУ и НКВД. Наиболее важные вопросы докладывались руководству страны. Ведь от правильной организации и качества работы разведчиков зачастую напрямую зависели позиции СССР на Ближнем Востоке.

Советские дипломаты и разведчики в данном регионе столкнулись с огромными сложностями. Международная обстановка конца 1920-х – начала 1930-х гг. была непростой: угроза войны за передел мира, подрывная работа, организуемая спецслужбами иностранных государств против Советского Союза. Всё это требовало усиления советской внешнеполитической разведки. Постепенно деятельность Иностранного отдела за границей

переводилась на нелегальные позиции. Органы безопасности непрерывно вели разведку по сбору и обобщению данных о капиталистических странах, доставляли информацию политического, военного и научно-технического характера, внедряли свою агентуру в разведывательные и контрразведывательные органы противника, в зарубежные антисоветские центры. Эти задачи решались в тесном контакте с Разведывательным управлением РККА и оперативными аппаратами пограничных комендатур и отрядов.

Наглядным примером является создание советской резидентуры на Ближнем Востоке, в частности, в Палестине. Этот регион постоянно привлекал внимание спецслужб всех ведущих европейских держав на протяжении столетий, в первую очередь, конечно, СССР. В декабре 1923 г. в Палестине появился нелегальный резидент Иностранного отдела ОГПУ Яков Блюмкин, ставший попутно и наставником местных еврейских боевиков. Он успел «прославиться» убийством посла Германии в России Мирбаха, в 1919 г. был амнистирован, после чего ему поручили возглавить отдел по борьбе со шпионажем. Позднее, после окончания курсов молодых дипломатов, как человек, имевший опыт организации партизанских отрядов в тылу белогвардейцев, он был направлен в Палестину, где советская разведка создавала подобие региональной резидентуры. В Яффе (ныне Тель-Авив) для прикрытия нелегальной деятельности, используя документы на имя правоверного еврея Гурфинкеля, Блюмкин открыл прачечную. С помощью приобретенных оперативных связей он пытался склонить на сторону социалистической революции евреев, навязывая им идею подготовки восстания против англичан, которые хозяйничали в Палестине.

В этот же период в Палестине приобретал опыт проведения специальных операций не менее легендарный Яков Серебрянский, в прошлом эсер, ставший помощником нелегального резидента ИНО в Палестине. Серебрянский должен был изучать местные революционные и национальные движения, в чем, нужно сказать, весьма преуспел. Центр поручил Серебрянскому создать в регионе глубоко законспирированную агентурную сеть в боевом сионистском движении. В течение года ему удалось привлечь к сотрудничеству большую группу эмигрантов, как из числа сионистских поселенцев, так и из русских, осевших в Палестине.

На основе имеющихся в ЦА ФСБ России материалов ИНО ОГПУ можно рассмотреть и политическую ситуацию, сложившуюся на Аравийском полуострове, главным образом в Хиджазе, в середине 1920-х гг. Известно, что эта тема – предмет особого интереса местных башкирских историков. Что объясняется фактом пребывания в этом регионе на очень важном посту вашего земляка – Карима Хакимова. Его биография хорошо известна – он уроженец Башкирии, принимал активное участие в революционных событиях, а в октябре 1921 г. был назначен генеральным консулом в Персию, а затем в 1924 г. – в Хиджаз⁴. И, как известно, он в числе многих и многих стал жертвой политических репрессий.

И здесь полагаю уместным сказать несколько слов об особенностях политических репрессий в отношении представителей политической элиты – военачальников, сотрудников органов безопасности, дипломатов и др. – о так называемых «сталинских расстрельных списках». Начиная с 27 февраля 1937 г., Сталиным и несколькими приближенными к нему лицами визиrowались и подписывались списки людей, чьи дела подлежали рассмотрению Военной коллегии Верховного суда. Каждый список был разбит на категории: 1-я категория – расстрел, 2-я – 10 лет, 3-я (довольно редкая) – 8 лет. Всего за период с февраля 1937 по октябрь 1938 г. было утверждено 383 таких списка, в которых значились 44,5 тысячи человек, и примерно на 39 тысяч из них была дана санкция на расстрел. После утверждения списков и предрешения меры наказания рассмотрение дел Военной коллегией было пустой формальностью. Есть в этих расстрельных списках еще одна важная категория осужденных. Это высший состав чекистов, которых расстреливали в «особом порядке». То есть в Военную коллегию списки даже не поступали. Сразу после утверждения Сталиным списки направлялись в НКВД для исполнения, и сразу следовали расстрелы. Вместо приговора суда в архивно-следственных делах людей, расстрелянных в «особом порядке», подшита выписка из соответствующего «расстрельного списка».

Именно так решила судьба многих сотрудников советской внешней разведки. По некоторым оценкам, в 1937–1938 г. только из числа специалистов, работников центрального аппарата и руководства разведотделов военных округов, из 450 сотрудников ИНО были репрессированы 275 человек – свыше 60 % личного состава. Результат этого был трагичным. Были отозваны из-за рубежа и репрессированы многие сотрудники военной разведки. РККА фактически осталась без разведки, почти все агентурные сети были ликвидированы. Еще несколько человек стали «перебежчиками». Одна из причин их ухода на Запад – справедливые опасения за собственную жизнь. В 1937 г. Сталин подверг разведорганы уничтожающей критике. Он заявил, что Разведуправление Красной армии «со своим аппаратом попало в руки немцев», и дал указание о роспуске агентурной сети. «Во всех областях мы разбили буржуазию, только в области разведки оказались битыми как мальчишки. Наша разведка по линии РУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавших на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не на нас. Разведки нет, настоящей разведки. Разведка – это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача стоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши».

Разумеется, что подтверждают последующие события, сталинская оценка была далека от действительности, но за этими устрашающими заявлениями последовали многочисленные аресты. На заседании Политбюро было принято решение об освобождении от обязанностей начальника военной

разведки, а Ежову было предписано «установить общее наблюдение за работой Разведупра, изучить состояние работы, принять по согласованию с НКВД неотложные оперативные меры, выявить недостатки управления».

Пик репрессий чекистов пришелся на 1937–1938 гг. В результате отдельные резидентуры за рубежом лишились всех работников и прекратили своё существование буквально накануне войны, а в других остались 1–2 человека, которые практически не работали и молчаливо ожидали своей участи. Была перечёркнута большая работа по созданию за рубежом агентурного аппарата, утрачена связь с десятками ценных агентов. Это порой означало полное прекращение поступления какой-либо информации. Заменены были и легальные резиденты, завоевавшие в центре доброе имя. На их место направлялись неопытные работники. Были арестованы практически все руководители ИНО и многие ведущие разведчики.

Понятно, что вызовы в центр, аресты, увольнения и осуждения сотрудников разведки разрушали тонкий механизм систематического получения информации о процессах в разведываемых странах и планах их руководства, что самым неблагоприятным образом сказалось на работоспособности разведки и качестве получаемой ей разведывательной информации. Самые сильные удары в предвоенный период советская разведка – и Разведуправление РККА и НКВД СССР – получили отнюдь не со стороны противника. Мир находился накануне войны, а советская внешняя разведка ничего не могла сообщить руководству страны. Последствия репрессий продолжали катастрофически ощущаться на протяжении всей Великой Отечественной войны. Начиная с середины 1942 г. советская внешняя разведка не имела своей агентуры в центральном аппарате органов управления Третьего рейха. Все агенты Москвы были арестованы гестапо в течение первого года войны. Причины многочисленных «провалов» советской агентурной сети были объективного и субъективного характера, в т.ч. порождены политикой руководства СССР. Многие историки считают, что причина хаоса, неразберихи, низкой исполнительской дисциплины уходит своими корнями всё в тот же тридцать седьмой год, когда были уничтожены лучшие кадры внешней разведки, а также высочайшего уровня специалисты. Причины заключались в пренебрежении высшего руководства страны к достоверным сообщениям внешней и военной разведки о надвигающейся войне, его неспособности подготовить Отечество к отпору агрессии в необходимой мере и в надлежащие сроки.

В 1922–1925 гг. одной из основных задач ИНО было создание системы легальных резидентур, которые действовали под прикрытием советских дипломатических или торговых представительств. Среди первых стран, на территории которых стали проводиться разведывательные мероприятия, были страны мусульманского Востока. В те времена резидентуры были немногочисленными и состояли, как правило, из 2–4 сотрудников. Разведчики

легальных резидентур работали под прикрытием советских загранучреждений – полпредств, торгпредств и др.

Итак, 6 августа 1924 г. вместе с Хакимовым в Хиджаз прибыли: Юсуф Туйметов (секретарь), Наум Белкин (делопроизводитель), Ибрагим Амирханов (переводчик) и Моисей Аксельрод (делопроизводитель и переводчик). Официально миссия называлась «Агентство и Генеральное консульство СССР в Геджазе»⁵.

По меньшей мере, двое из прибывших – Аксельрод и Белкин – позднее стали высококвалифицированными разведчиками. Моисей Маркович Аксельрод после работы в качестве дипломата в Хиджазе и Йемене с 1928 г. служил в ИНО ОГПУ, находился на нелегальной работе в Турции, был нелегальным резидентом в Риме. Его тоже не миновала трагическая участь. 20 февраля 1939 г. по необоснованному обвинению он был расстрелян. Наум Маркович Белкин впоследствии находился на нелегальной работе в Болгарии, Югославии и Германии, где был оператором теперь широко известного «Корсиканца» (Арвида Харнака), руководил работой резидентуры в Уругвае. Во время Великой Отечественной войны, находясь в командировке в Иране, в 1942 г. умер от сыпного тифа.

Советское консульство под руководством Хакимова расположилось в Джидде, вместе с дипломатическими миссиями других стран. Само пребывание советского представительства в центре арабского мира несло в себе огромный пропагандистский заряд и вызывало обеспокоенность и раздражение англичан. Свою дипломатическую миссию советское правительство направило в Аравию с намерением противодействовать по возможности английской политике в регионе, устанавливая контакты с силами, борющимися с колониализмом. Верительные грамоты были вручены королю Хусейну в столице страны Мекке. Хусейн с воодушевлением принял советского посланника. Но последующие события привели к власти нового властителя – Ибн Сауда.

В справке от 10 марта 1924 г., полученной по каналам ИНО из Берлина, приводилась краткая информация о нём и его династии, здесь же был дан обзор информации о военных приготовлениях и текущих политических событиях в арабских странах⁶. В сообщении наших разведчиков о положении в Хиджазе от 11 ноября 1924 г. была предпринята попытка оценить последствия борьбы ваххабитов с хашемитами и разобраться, какая из сторон более отвечает национальным стремлениям арабов, а какая является послушным орудием англичан. В справке хашемиты и ваххабиты названы арабскими племенами, ведущими борьбу за мусульманские священные города, и сделан вывод, что «ваххабиты являются только орудием в руках какой-то иной мощной организации, ведущей борьбу с англичанами»⁷. В сообщении от 24 ноября 1924 г. говорилось, что по сведениям, полученным через сионистский комитет в Лондоне, новое английское правительство планиру-

ет признать Ибн Сауда королём нового арабского государства и посылает к нему для переговоров делегацию под руководством полковника Лоуренса⁸. Приводилась версия, что именно полковник Лоуренс и был организатором похода ваххабитов против Хусейна. Но эта информация не получила подтверждения по другим источникам, о чём также говорится в материалах ИНО ОГПУ. В поступившей позднее информации сообщалось, что в лагере Ибн Сауда находится другой знаток Востока, арабист и друг ваххабитов – Гарри Сент-Джон Филби, выступающий в роли посредника между воюющими сторонами⁹. В одном из сообщений из Лондонской резидентуры вывод о направлении Филби в Хиджаз как неофициального представителя английского правительства опровергался и утверждалось, что он отрицательно относится к британской политике в арабских странах и по причине несогласия с ней вышел в отставку¹⁰.

Ввиду развертывавшихся событий в Аравии советская миссия оказалась в сложной ситуации. Внешнеполитическому ведомству советского государства предстояло решить непростую задачу выбора перспективного политического партнера. В первые же дни пребывания в Хиджазе советский полпред развернул активную деятельность по выяснению обстановки и налаживанию нужных связей. Хакимов был любезно принят королём, который в ходе беседы высказал пожелание получить советскую помощь, а также намекнул на возможность опубликования имевшейся в его распоряжении переписки с британским министерством иностранных дел¹¹. Хакимов сумел установить контакт с шейхом Абдаллой аль-Сараджем – старшиной религиозных судей Хиджаза и главой кабинета министров. По свидетельству иностранных дипломатов, для бесед с ним Хакимов каждые два дня ездил в Мекку. Кроме того, он приобрёл множество друзей среди знати и простых людей. По мнению того же источника, это стало следствием раздачи множества подарков, на которые советский посол не скупился¹². О том, что эти отношения позволили собрать весьма и весьма богатую информацию, красноречиво говорят хранящиеся в ЦА ФСБ России документы.

Условия работы в Хиджазе были достаточно трудными. Жаркий климат, пустынная местность, бедность и религиозный фанатизм населения, отсутствие удобств современной цивилизации, квалифициров Лишь кратко охарактеризованные в этом сообщении анной медицинской помощи, наконец, вооружённая борьба местных правителей и племён делали работу дипломатов сложной и опасной. Тем не менее, работа продолжалась, и об этом свидетельствуют архивные материалы. Так, в официальном дневнике Генконсульства имеется запись за 5 ноября 1925 г. о переговорах с королём, который просил посодействовать в получении займа от советского правительства, а также оказать другую материальную и политическую поддержку: «у страны нет сил, чтобы противостать проiscaм врагов, дайте нам денег и мы, сначала прогнав врага,

займемся строительством нашей страны, и даю вам слово, что все ваши советы нами будут выполняться не за страх, а за совесть»¹³. Однако бесперспективность поддержки Али была уже очевидной.

В подготовленном Генконсульством СССР и хранящемся в ЦА ФСБ России обзоре арабской прессы о «Геджасской войне» от 10 декабря 1925 г. содержался вывод, что «Геджас сейчас настолько слаб, что ни одна из иностранных держав не станет связывать с ним своих интересов, а единственная держава, которая могла бы это сделать – Англия – не хочет»¹⁴. В результате этих событий королём Хиджаза, султаном Неджда и присоединенных областей стал Ибн Сауд. 16 февраля ему была вручена нота об официальном признании правительством СССР. Сложившаяся обстановка не оставляла для советской дипломатии иного выбора.

В исторической литературе присутствует мнение о том, что в НКВД «возникла мысль о превращении государства Ибн Сауда в опору Москвы в регионе на длительную перспективу»¹⁵. Однако оценка исторических реалий того времени не позволяет согласиться с перспективностью этих планов. Несмотря на поставки товаров советской промышленности по ценам ниже их себестоимости¹⁶, попытки заключения торгового договора, участие паломников из СССР в хадже, поддержку вновь созданного государства на Всемусульманском конгрессе в 1926 г. в Мекке, отношения СССР с Саудовской Аравией со временем только сокращались. До открытия нефтеносных месторождений в конце 1930-х гг. Саудовская Аравия была бедной страной, зависевшей от ввоза продовольствия и промышленных товаров. Хотя пока Ибн Сауд не собирался отказываться от отношений с СССР, рассчитывая на материальную помощь и возможность политических манипуляций, чтобы не быть целиком зависимым от одной великой державы.

В 1932 г. сын короля Фейсал, занимавший пост министра иностранных дел, совершил официальный визит в Москву. Однако предложенный советской стороной торговый договор саудовцы заключить отказались, выдвинув условием получение кредита в 1 млн фунтов стерлингов, что в тот период для нашей страны было неприемлемо.

Архивные документы ЦА ФСБ России периода 1920-х гг. о положении в Саудовской Аравии, кратко охарактеризованные в этом сообщении, позволяют выявить неизвестные ранее подробности, возможно, найти новые подходы к решению некоторых научных проблем.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 5.

² См. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ. 1917-1991. Справочник. – М.: МФД, 2003. С. 47–48

³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 162. Л. 37–74, 256–398.

⁴ ЦА ФСБ России. Р-9204. Т. 1. Л. 87.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 162. Л. 245.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 703. Л. 50-55.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 703. Л. 107–110.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 703. Л. 121.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 162. Л. 252.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 703. Л. 119.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 3. Д. 162. Л. 245.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 703. Л. 142.

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 403. Л. 41.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 403. Л. 15.

¹⁵ Яковлев А.И. Саудовская Аравия: пути эволюции. М., 1999. С. 56.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 5. Д. 333. Л. 10, 167, 190, 209, 238, 278, 286.

ИЗ ИСТОРИИ АФГАНИСТАНА 1920 – 1930 ГГ.

*Тезисы выступления на международной
научной конференции «Архивное востоковедение»
Институт востоковедения РАН
г. Москва, 23–25 июня 2008 г.*

Значение Афганистана в политической истории XX века сложно переоценить. Для большинства советских людей к 1980 г. Афганистан был малознакомой незначительной страной, имеющей небольшой участок совместной границы с Советским Союзом. Однако ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и дальнейшие события поставили эту страну не только в центр международной политики, но и оставили неизгладимый след в судьбах очень многих людей в нашей стране.

Сегодня Афганистан продолжает оставаться одной из ключевых «горячих» точек в мировой политике. Публикации по афганской тематике не задерживаются на прилавках книжных магазинов. Выпущенная в свет в 2004 г. Институтом востоковедения РАН «История Афганистана. XX век» уже стала почти библиографической редкостью. Востребованность публикаций по афганской тематике достаточно очевидна. Во многих государственных и ведомственных архивах в нашей стране хранятся целые комплексы документов, касающихся тех или иных вопросов связанных с Афганистаном. На сегодняшний день разработка и введение в научный оборот этих материалов является актуальной и важной задачей учёных-востоковедов и других заинтересованных специалистов.

В Центральном архиве ФСБ России также имеются на хранении документальные материалы по афганской тематике. Документы, отражающие события в Афганистане и вокруг него в последней четверти XX века представлены здесь особенно ёмко и широко, но сегодня мы бы хотели остановиться на более раннем этапе истории наших взаимоотношений с Афганским государством.

В 1920-е гг., во время правления эмира Амануллы, между Советской Россией и Афганистаном установились особые отношения сотрудничества в политической и экономической сфере. События, развернувшиеся в это время в Средней Азии и Афганистане, потребовали от руководителей органов безопасности найти решение сложных задач по обеспечению ин-

тересов нашей страны в этом регионе. Методы борьбы ВЧК – ГПУ с белогвардейскими организациями и антисоветскими политическими партиями оказывались неэффективными в условиях восточных национальных окраин. Специфика работы в своеобразной национальной и культурной среде на Востоке требовала соответствующих специалистов и исполнителей. В сложившихся условиях было принято решение образовать самостоятельное подразделение в составе ГПУ при НКВД РСФСР для работы на так называемом «восточном направлении».

Восточный отдел в составе Секретно-оперативного управления был создан приказом ГПУ от 2 июня 1922 г. № 98. На отдел были возложены задачи по объединению всей работы органов ГПУ на Кавказе, в Средней Азии, Поволжье и Крыму в сфере противодействия местным национально-религиозным контрреволюционным проявлениям, а также шпионажу восточных государств. Кроме того, Восточному отделу была поручена разработка всего материала, получаемого закордонной частью Иностранного отдела ГПУ из стран Востока, с правом давать ИНО ГПУ соответствующие оперативные задания, являющиеся обязательными для исполнения¹. В составе отдела были образованы три отделения (по состоянию на декабрь 1922 г.): 1-е отделение охватывало Кавказ и Ближний Восток (начальник В.А. Стырне), 2-е отделение – Средний Восток и Среднюю Азию (Ф.И. Эйхманс), 3-е отделение – Дальний Восток (М.М. Казас). Начальником Восточного отдела назначен Я.Х. Петерс, незадолго до того вернувшийся из Туркестана, где в 1920–1922 гг. он был полномочным представителем ВЧК и членом Туркестанского бюро ЦК РКП (б). Его заместителем стал В.А. Стырне. Ранее существовавшее в составе Особого отдела ГПУ 14-е специальное (Восточное) отделение было передано в Восточный отдел со всем аппаратом, делами и имуществом.

Таким образом, необходимость выделения восточного направления в контрразведывательной работе органов безопасности молодой Советской республики была признана целесообразной и к середине 1922 г. нашла воплощение в организационных решениях.

Упомянутое в приказе 14-е специальное отделение ОО ГПУ было создано в начале 1921 г., однако оно не смогло решить поставленные перед ним задачи в силу недостаточных полномочий и не укомплектованности подходящими кадрами. По сути, отделение смогло осуществить только агентурное наблюдение за миссиями восточных государств в Москве, не достигнув при этом существенных результатов, за исключением дела по разоблачению шпионажа турецких дипломатов. Важным мероприятием, которым занималось 14-е специальное отделение, была систематизация материалов по деятельности восточных национально-политических и религиозных организаций. Однако, по мнению начальника Восточного отдела Петерса, собранные материалы носили случайный, отрывочный характер, часто искажённо и поверхностно изображали те или иные события и явления, разработ-

ка этих материалов не позволяла получить положительных результатов. С образованием Восточного отдела, прежде всего, возникла необходимость набора новых сотрудников, способных выполнять поставленные перед отделом задачи. Практически единственным выходом в сложившейся ситуации руководство Восточного отдела считало необходимость перевода на работу в Москву некоторых руководящих работников из территориальных органов ГПУ на Кавказе и Средней Азии. Так, назначения в Москву получили проходившие службу в органах Туркчека в начале 1920-х гг. Стырне, Эйхманс, Дьяков, Аллахвердов и др. Позже, в 1929 г. Дьяков сменил Петерса на должности начальника Восточного отдела, а Аллахвердов в середине 1930-х и начале 1940-х гг. будет резидентом в Кабуле.

Другим вопросом, которым немедленно начал заниматься Восточный отдел, стал сбор информации и аналитических материалов по территориям и странам Востока. Были приняты меры по налаживанию деловых отношений с различными учреждениями, располагающими информацией по Востоку. В первую очередь имеются в виду НКВД, внешнеторговые организации и информационные агентства. Кроме того, было организовано изучение научной литературы и периодических изданий по восточной тематике и создана соответствующая библиотека.

Важнейшим направлением деятельности Восточного отдела была организационно-административная работа в отношении территориальных органов ГПУ в южных и восточных районах страны. Были составлены и разосланы на места циркулярные письма, в которых на основе накопленного опыта давался ряд указаний и разъяснений по работе на национальных окраинах местным органам ГПУ. Кроме того, составлялись периодические обзоры, в которых анализировалась информация о национально-освободительном и религиозном движении в странах Востока. Таким образом, были созданы серьёзные предпосылки для накопления и систематизации документальных материалов по странам и народам Востока.

Создание Восточного отдела и выделение борьбы со шпионажем восточных государств в самостоятельное направление имело в то время не только сторонников в руководстве ГПУ, но и противников. Так, помощником начальника Особого отдела ГПУ Р.А. Пилляром была составлена докладная записка, в которой он высказал несогласие с передачей функций по противодействию шпионажу восточных государств из Контрразведывательного отдела во вновь образованный Восточный. По мнению Пилляра, «так называемый восточный шпионаж тесно сплётён со шпионажем государств Европы» и соответственно «методы борьбы с восточным шпионажем тождественны методам борьбы со шпионажем государств Европы и Америки»². На находящемся в нашем распоряжении экземпляре данной записки имеется резолюция заместителя председателя ГПУ Уншлихта о постановке вопроса на заседании Коллегии. Тем не менее, точка зрения о целесообразности

ности существования самостоятельного подразделения ГПУ по работе на восточном направлении в тот период одержала верх.

Восточный отдел функционировал в системе органов ГПУ-ОГПУ на протяжении восьми лет. Это были сложные годы становления советской власти в южных и восточных областях нашей страны, борьбы с движением басмачей в Средней Азии, решения политических задач по налаживанию отношений с государствами Востока. К концу 1920-х гг., в связи с изменением обстановки, укрепления положения Советского государства внутри страны и в международной политике, происходили изменения и в структуре органов безопасности страны.

В октябре 1929 г. Я.Х. Петерс был освобождён от должности начальника Восточного отдела ОГПУ. Заменивший его Т.М. Дьяков остался во главе подразделения и после упразднения Восточного отдела в 1930 г. и передачи его функций в Особый отдел ОГПУ. Т.М. Дьяков возглавил 3-й отдел Особого отдела ОГПУ на который были возложены обязанности по борьбе с националистической и «восточной» контрреволюцией, со всеми видами шпионажа со стороны государств Востока и наблюдение за соответствующими посольствами, консульствами и национальными колониями в СССР³. Таким образом, по прошествии восьми лет было решено вернуться к организационному построению, в своё время предлагавшемуся в записке Пилляра.

Имеющиеся на сегодняшний день в фондах Центрального архива ФСБ России архивные материалы по восточной тематике за 1920-е – 1930-е гг. представляют собой несколько комплексов документов, отложившихся в фондах секретного делопроизводства и уголовных дел.

В архивных материалах Восточного отдела ГПУ-ОГПУ за 1920-е гг. значительное место занимают документы, касающиеся внутренней и внешней политики Афганистана, а также политических событий того времени, развернувшихся в сопредельных с ним странах.

Афганистан, в соответствии с организационным построением Восточного отдела, находился в сфере деятельности 2-го направления, которым вначале руководил Ф.И. Эйхманс, а затем Т.М. Дьяков. Как отмечалось ранее, в первые годы существования Восточного отдела работа по линии Афганистана осложнялась отсутствием надёжных квалифицированных кадров. По свидетельству Петерса, аппарат ИНО ГПУ был в то время ещё слаб и не мог охватить даже наиболее важные политические центры в восточных государствах. Так, в Афганистане первоначально вовсе не было резидентуры ИНО ГПУ⁴. Важнейшую информацию, использовавшуюся как в оперативной работе органов безопасности, так и в решении внешнеполитических задач Советской республики, приходилось собирать через посольство в Кабуле, особый отдел Туркестанского фронта, полномочное представительство ГПУ в Туркестане, а также через некоторых журналистов и торговых работников, направлявшихся в Афганистан по линии своих ведомств.

В связи со спецификой Центрального архива ФСБ России и краткостью нашего доклада далее мы коснёмся лишь некоторых групп архивных документов, которые могут быть использованы в работах по афганской тематике.

Среди хранящихся в Центральном архиве ФСБ России документов по Афганистану существенный интерес представляют материалы переписки полномочного представительства Советской России – СССР в Кабуле с руководством НКВД – Г.В. Чичериным и Л.М. Караханом. В основном это машинописные копии шифртелеграмм, а также донесений и писем, часто выполненные на папиросной бумаге. Подписанные полномочным представителем Ф.Ф. Раскольниковым (а позже – сменившим его Л. Старком), они содержат информацию о текущих событиях в стране и вокруг неё, встречах и переговорах советских дипломатов с эмиром Афганистана Амануллою и влиятельными представителями афганского правительства. Важное место отводится информации о деятельности британских дипломатов в Афганистане, раскрытию их интриг и политических шагов, направленных на ослабление позиций Советской России в данном регионе. Сообщается также о тесных связях бежавшего из Турции в 1918 г. Энвер-паши, бывшего соратника Мустафы Кемаля Ататюрка, с афганским правительством в деле организации басмаческого движения на территории Туркестана.

Другой значительный комплекс документов представляют периодические обзоры Восточного отдела о внутреннем положении и внешней политике Афганистана и сопредельных с ним стран, составленные на основе информации поступавшей по различным каналам. Помимо констатации политического и экономического состояния восточных государств, в данных обзорах, как правило, даются разъяснения и обоснования необходимости тех или иных политических шагов со стороны Советской России. В частности, по Афганистану обзор предваряется теоретическим вступлением о важной роли в международной политике этого государства, разделяющего владения Англии и Советской России, территория которого со времён Александра Македонского рассматривается влиятельными державами как ворота в Индию⁵.

В отношении заключённого в ноябре 1921 г. англо-афганского договора, способствовавшего осуществлению британских интересов в Афганистане и на территории пограничных племён, в обзоре отмечается, что Афганистан может превратиться в марионеточное государство, через которое Англия и другие империалистические государства Запада будут вести враждебную деятельность против Советской России. Это «...будет своего рода Грузия на границах Индии, но не меньшевистская, а правоверная, самодержавная и воинственная»⁶.

Несмотря на конфликт интересов в регионе Центральной Азии крупнейших империалистических держав, аналитики Восточного отдела ГПУ отмечали, что в скором времени Советская Россия встретит единый фронт

разведывательной и иной подрывной деятельности западных стран со стороны Востока и Афганистана в особенности⁷. В связи с этим советские дипломаты при существенной помощи сотрудников Иностранного отдела, Восточного отдела и других подразделений ГПУ-ОГПУ в Афганистане делали всё возможное, чтобы убедить эмира и других влиятельных лиц афганского общества в необходимости поддержания мира и сотрудничества между нашими странами. Благодаря успехам Красной армии в борьбе с басмачами, ликвидации независимости Бухары, а также оказания материальной помощи Афганистану в соответствии с заключённым в 1921 г. договором между Афганистаном и Советской Россией в целом удалось удержать эмира Амануллу и его правительство в рамках мирных и взаимовыгодных отношений.

В январе 1923 г. в Восточный отдел ГПУ из ИНО Полномочного Представительства ГПУ на территории Туркестанской республики поступила копия проекта Конституции Афганистана под названием «Основные законы управления Афганистаном». В заверительной надписи в конце документа указано, что перевод выполнен с персидского языка (по-видимому, имеется в виду язык дари, близкий персидскому, и являвшийся в то время единственным государственным языком в Афганистане).

Данный документ оказался в руках чекистов во время его подготовки афганскими чиновниками и является рабочим вариантом, в деталях отличающимся от окончательного, принятого 9 апреля 1923 г. Текст документа разделён на две главы, которые, в свою очередь, разделены на статьи. В первой главе излагаются основы управления государством, обосновывается роль министерств и ведомств, приводится их структура, форма назначения руководителей, основные функции и сфера их деятельности; вторая глава посвящена управлению провинциями. Несколько статей в конце документа посвящены Контрольной палате в функции которой входил надзор за деятельностью всех министерств и независимых управлений. При этом указывается, что Контрольная палата подведомственна Министерству внутренних дел. В заключение приводятся статьи об управлении государством во время военного положения⁸.

В 1924 г. в районе Хоста произошло восстание нескольких племён, спровоцированное политикой реформ эмира Амануллы, направленных на модернизацию страны. Также свою руку к разжиганию мятежа приложили англичане, недовольные стремлением Амануллы к проведению Афганистаном самостоятельной политики, не отвечающей британским интересам в регионе. Помимо сообщений и обзоров о причинах и ходе мятежа, среди архивных материалов имеются два документа, в переводе названные: «Воззвание к негодям повстанцам Зурмата» (от 5 октября 1924 г.) и «Прокламация эмира к повстанцам, которая разбрасывалась с аэроплана в районе Логары и Альтимура в конце августа начале сентября 1924 г.».

Экземпляры документов представлены в подлинниках и скреплены оттиском печати эмира Амануллы. Переводчик указал, что оригиналы документов выполнены на двух языках – персидском и пушту. Данные обращения эмира к повстанцам составлены в традиционном стиле восточной риторики. В них делается попытка разъяснить восставшим племенам, что они обмануты своими подстрекателями и действуют в интересах врагов Афганистана и всех исламских народов. Обличая изменников и грозя им неминуемыми карами, Аманулла одновременно пытается разъяснить мятежникам необходимость проводимых в стране реформ и в заключение выражает надежду на возвращение их «...на истинный путь»⁹.

В материалах Восточного отдела отложились и документы дореволюционной российской администрации. Среди них представлена в подлинниках и копиях переписка Туркестанского генерал-губернатора, управляющего Российским Императорским политическим агентством в Бухаре, дипломатического чиновника МИД при Туркестанском генерал-губернаторе с МИД и генерал-квартирмейстером Главного управления Генерального штаба за 1910–1917 гг. В этих документах, главным образом, содержатся донесения о деятельности германских и турецких агентов по привлечению на свою сторону афганцев и индийских мусульман для использования их в борьбе с Англией и Россией в Центральной Азии¹⁰. Определённый интерес могут представлять афганские газеты середины 1920-х гг., полученные Восточным отделом ОГПУ из отдела Среднего Востока НКВД СССР¹¹.

Знакомство с архивными материалами Восточного отдела ГПУ-ОГПУ по афганской тематике позволило выявить некоторые особенности формирования архивных фондов. С 1922 по 1925 гг. различные документы по Афганистану относительно многочисленны и разнообразны. Среди них основное место занимают материалы Иностранного и Восточного отделов ОГПУ. Вместе с тем, присутствуют и подлинные документы афганского происхождения. С 1926 г., и особенно с 1927 до начала 1930-х гг., афганская тематика представлена значительно скромнее, в основном только в сводках, информационных бюллетенях и сообщениях Иностранного отдела, а также полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии

Документальные материалы Восточного отдела ГПУ-ОГПУ по афганской тематике за 1920-е гг. содержат информацию о политической, экономической и культурной жизни страны, административном устройстве, национальном составе и племенах, религиозных особенностях, обычаях и традициях населения Афганистана.

В последние годы в архиве ФСБ России осуществлён ряд значимых научных и издательских проектов по различным проблемам и направлениям российской и международной истории. Восточная тематика также была представлена в публикациях исследователей, работавших в нашем архиве. В качестве примера здесь можно отметить исследователя из Липецка

– Ю.Н. Тихонова, автора ряда статей и монографии по истории Афганистана между двумя мировыми войнами. Он изучил в нашем архиве ряд уголовных дел за 1930-е – 1940-е гг. на некоторых афганских и индийских эмигрантов, в своё время принимавших активное участие в политических событиях в Афганистане и вокруг него (Гулям Сиддик-хан Чархи, Мухаммед Али, Али Шах Масуд). Также ему были предоставлены дугоголовные дела на некоторых немцев, направлявшихся в 1920-е – 1930-е гг. в Афганистан с различными миссиями (Ф. Гробб, Нидермайер, Пильгер и др.).

Дальнейшая разработка и введение в научный оборот документальных материалов по афганской тематике несколько сдерживается необходимостью проведения процедуры рассекречивания с участием ряда заинтересованных ведомств, а также практически отсутствием специалистов, владеющих восточными языками. Тем не менее, в обозримом будущем мы полагаем возможным осуществить ряд публикаций по истории взаимоотношений наших стран и ввести в научный оборот некоторые новые источники по афганской тематике.

Надеемся, что конференция послужит основой для совместного сотрудничества между Центральным архивом ФСБ России, Институтом востоковедения РАН и другими заинтересованными организациями и исследователями в деле изучения и освещения вопросов, связанных с историей стран Востока, и Афганистана в частности.

¹ См. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ. 1917-1991. : Справочник. – М.: МФД, 2003. – С. 431–432.

² ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 5.

³ См. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ..... – С. 47–48.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 702. Л. 33.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 418. Л. 10–11.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же. Л. 98–100.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 702. Л. 309–327.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 235. Л. 116–124.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 439. Л. 16–39.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 406.

О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В АФГАНИСТАНЕ 1928-1929 ГГ.

*Тезисы выступления на международной научной конференции
в Институте востоковедения РАН «Архивное востоковедение»
г. Москва, 2011 г.*

В начале XXI века Афганистан вновь находится в центре внимания политиков, политологов, историков, которые внимательно изучают историю этой страны, исследуют, какую роль он играл и играет в центрально-азиатском регионе. Независимость Афганистана и его территориальная целостность постоянно подвергались испытаниям на прочность. Причем каждая новая попытка завоевать Афганистан, либо добиться автономии каким-либо регионом этой страны начинались так, как будто все это происходило в первый раз. Один из районов Афганистана, где региональные лидеры постоянно вынашивают мысль о создании автономии, – северные провинции Афганистана. Это хорошо прослеживается и на примере конца 1920 гг., когда в северных провинциях Афганистана предпринималась попытка создать независимый Северный Туркестан, а также в 1980–1990 гг., когда лидеры «Северного альянса» (таджик Ахмад Шах Масуд и узбек генерал Дустум) вновь попытались добиться самостоятельности.

Историография Афганистана насчитывает сотни книг, тысяч журнальных и газетных статей. Работы, посвященные истории Афганистана, не равноценны по своему содержанию; как правило, это зависит от того, какую источниковую базу использовал исследователь, какие документы из российских и зарубежных архивов были ему доступны. Необходимо отметить, что в советской историографии до 1991 г. практически не было научных работ, посвященных советскому военному присутствию в Афганистане. В научной литературе того периода редко упоминались такие страницы истории советско-афганских отношений, как пребывание советских военных летчиков в Афганистане в 1924–1927 гг. и оказание советской вооруженной помощи афганскому эмиру Аманулле.

Историографию советско-афганских отношений можно условно разделить на два периода. Первый период – с 1919 г. до 1985 г.; второй – с 1986 г. до настоящего времени. В научных работах, написанных в первый период, события истории Афганистана XX века и советско-афганских отношений

освещались с заранее заданных идеологических позиций. Во второй период у исследователей появилась возможность изучения документов государственных и ведомственных архивов, что позволило рассматривать многие ранее неизвестные страницы истории советско-афганских отношений. К их числу относится и изучение вопроса о предоставлении Советским Союзом помощи Афганистану в период гражданской войны в 1929 г.

Историография Афганистана интересующего нас периода (1920–1930 гг.) подробно проанализирована в работах В.С. Бойко¹. Остановимся лишь на некоторых работах, в которых рассматриваются вопросы гражданской войны в Афганистане (1929). Так, в книге Л.Б. Теплинского² рассказывается о том, что восстание в Афганистане и политический курс лидера восстания Бачае Сакао привел к приостановке развития советско-афганских отношений. Советское правительство стояло на позиции поддержки независимости Афганистана и сохранения его территориальной целостности. Однако оказание Советским Союзом военной помощи легитимному афганскому правительству в книге не рассматривается. В справочнике «Демократическая Республика Афганистан»³ о советской помощи сторонникам Амануллы в 1929 г. вовсе нет никакой информации.

Отдельно следует остановиться на работе афганского автора, современника событий – Мир Гулам Мухаммад Губара⁴. Он хорошо известен зарубежным афганцам, в 1967 г. он издал исследование по истории Афганистана – «Афганистан дар масир-е тарих»⁵ (Афганистан на пути истории. Кабул, 1967). Книга состоит из 12 глав, каждая из которых рассказывает об истории крупных государственных образований, существовавших на территории Афганистана. В самой большой по объему 12-й главе («Афганистан с 18 века до 20 века», с. 354–836) 9-й раздел посвящен новым преобразованиям и позиции реакционных сил во времена правления эмира Аманулла-хана (февраль 1919 – январь 1929). Этот раздел завершается кратким описанием периода правления Бачае Сакао (январь–октябрь 1929 г.). Губар, рассказывая о противоборстве войск Бачае Сакао с отрядами, которые возглавлял посол Афганистана в СССР Гулам Наби-хан, не упоминает об участии в этой спецоперации советских военнослужащих и советской авиации⁶. Несмотря на это, для понимания событий работа Губара имеет большую научную ценность. Исследователи, не владеющие языком дари, могут познакомиться лишь с небольшой частью книги. В 1987 г. в Институте востоковедения Академии наук СССР был издан краткий обзор⁷.

В начале XXI века историография Афганистана пополнилась. В.Г. Коргун⁸, в книге, посвященной истории Афганистана XX века, исследует период правления эмира Амануллы, его реформы, стремление провести глубокую трансформацию всей политико-экономической и социальной структуры страны, а также причины неприятия афганским обществом преобразований. Затрагиваются и вопросы об оказании СССР военной помощи, действиях советского вооруженного отряда В. Примакова⁹. В книге В.Г. Коргуна

использован широкий круг источников. В работах Ю.Н. Тихонова¹⁰ также говорится о том, что 22 апреля 1929 г. советский отряд под командованием Примакова и афганского посла в Москве Наби-хана Чархи при активной поддержке авиации захватили город Мазари-Шариф, важный политический и экономический центр Северного Афганистана¹¹. Особый интерес в ряду исследований, посвященных истории Афганистана первой половины XX века, вызывает уже упоминавшаяся монография В.С. Бойко¹². Автор уделяет особое внимание попыткам модернизации афганского общества и государства, а также борьбе основных политических сил в период правления Амануллы-хана, Надир-шаха и его клана. В этой работе на основе изучения архивных документов достаточно подробно и с учетом последних достижений отечественной и зарубежной афганистики проанализированы причины и следствия рассматриваемых политических и социальных процессов. Автор излагает ход проведения советско-афганской операции в северных районах Афганистана¹³. Международные отношения в Центральной Азии детально рассматриваются в учебном пособии МГИМО, адресованном специалистам по Центральной Азии. В главе 3 содержатся сведения о гражданском конфликте в Афганистане в конце 1920–начале 1930 гг.¹⁴: о смене власти в 1929 г., попытках Советского Союза оказать помощь эмиру Аманулле, выступлении советского военного отряда под командованием Примакова, которого из соображений конспирации называли «кавказским турком Рагиб-беєм»¹⁵.

Что касается мемуаров, то следует критически подходить к этому видов источников. Так, например, афганцы часто обращаются к мемуарам Г.С. Агабекова¹⁶. Впервые его воспоминания были опубликованы в Берлине¹⁷, а спустя много лет переизданы в Москве¹⁸.

Можно предположить, что большой интерес исследователей к мемуарам Агабекова вызван трудностью доступа к архивам отечественных спецслужб. Однако использование мемуаров требует самого тщательного источниковедческого анализа, так, мемуары Агабекова отличает определенная тенденциозность, что обусловлено самим фактом его бегства за границу и желанием показать себя борцом со сталинизмом. Помимо неточностей, свойственных человеческой памяти, он допускает и сознательное искажение событий, интерпретируя их в выгодном ему свете. Остановимся лишь на некоторых неточностях, имеющих отношение к рассматриваемой теме. Так, например, Агабеков пишет, что министром иностранных дел Афганистана был Гулам Джейлани¹⁹, в то время как на самом деле он был афганским консулом в Ташкенте, а внешнеполитическое ведомство Афганистана возглавлял его брат Гулам Сиддик. Агабеков утверждает, что ОГПУ во время антиправительственного восстания в Афганистане отдавало предпочтение не Аманулле, а выступившему против него Бачае Сакао²⁰. В связи с тем, что советское правительство решило поддержать своего старого союзника Аманулла, сотрудники ОГПУ были отстранены от разработки и проведе-

ния спецоперации, в ходе которой советский вооруженный отряд, сформированных из военнослужащих среднеазиатских национальностей и афганских добровольцев, вел успешные бои против войск Бачае Сакао. Однако анализ архивных документов органов ОГПУ не подтверждает этой версии Агабекова. В частности, в одном из докладов Полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии следующим образом характеризуются события в Афганистане. «Реакционное восстание в Афганистане, проходившее под лозунгом борьбы за ислам, период успехов сторонников Бачае Сакао в северных, граничащих с нами, провинциях Афганистана вызвало небывалое оживление и активность всех эмигрантских групп (узбеки, туркмены и таджики). Привлечение к борьбе со сторонниками Амануллы эмигрантов и вооружение их Хабибуллой окрылило их надежды на возможность массового похода священной войной на Бухару для борьбы с кяфирами-большевиками»²¹. Сведения о поддержке англичанами движения сопротивления также не могли расположить сотрудников ОГПУ к афганским мятежникам и их вождю – Бачае Сакао. ОГПУ направляло советскому руководству информацию о деятельности англичан в Афганистане и вряд ли стало бы в единой строй со своими старыми противниками – англичанами. Агабеков частное мнение, которое он, возможно, и высказывал сотрудникам НКВД СССР, выдает за мнение ОГПУ.

Справедливости ради следует отметить, что органы ОГПУ действительно не участвовали в подготовке и проведении специальной операции в Афганистане в 1929 г. В имеющихся документальных материалах лишь отрывочно упоминается о походе отрядов Гулам Наби-хана в Северный Афганистан. Имена советских руководителей и участников экспедиции в архивных документах не называются. Это объясняется высокой степенью секретности. Руководитель специальной операции Примаков, отмечая «специальный секретный характер миссии», подчеркивает, что он ехал в Афганистан секретно и под чужой фамилией. Готовясь в поездку, он жил в Ташкенте «совершенно изолированно, на специальной квартире Разведупра»²². Советское руководство поручило проведение спецоперации в Афганистане военному ведомству и не привлекало ОГПУ по двум причинам. Во-первых, ОГПУ не располагало подразделениями специального назначения для проведения операций подобного рода. Во-вторых, в тот период военная разведка в этом регионе располагала лучшими разведывательными возможностями.

Ещё одна фактическая ошибка из книг Агабекова кочует по публикациям современных исследователей: его часто называют начальником Восточного отдела ОГПУ²³. Иногда его называют начальником восточного сектора Иностранного отдела ОГПУ, сам себя он именует начальником восточного сектора ОГПУ. Изучение послужного списка Агабекова свидетельствует, что он никогда не был не только начальником Восточного отдела ОГПУ, но и за весь период существования этого подразделения (1922–1930 гг.) никогда не состоял в его штате. В действительности, с апреля 1928 г. по октябрь

1929 г. он занимал должность начальника сектора по Среднему и Ближнему Востоку ИНО ОГПУ, затем был направлен нелегальным резидентом ИНО в Турцию, откуда вскоре бежал на Запад, как он утверждает «по политическим мотивам». К стати сказать, совсем иную версию этого бегства выдвигает Г. Брук-Шеперд в приложении к книге «Секретный террор»²⁴.

При рассмотрении событий в Афганистане конца 1920 гг. необходимо подчеркнуть значимость и ценность документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России). Информация о событиях в Афганистане 1928–1930 гг. содержится в делопроизводственных документах АВП РФ. В них идет речь о нарушениях границы и нападениях на советские или афганские пограничные посты, мерах «к прекращению подобных налетов и наказанию виновных»²⁵. Безусловный интерес представляет переписка, возникшая по поводу оказания Советским Союзом вооруженной помощи сторонникам афганского эмира Амануллы. В архивных материалах хранятся обращения советских граждан с просьбами разрешить им выехать в Афганистан добровольцами. Так, 2 февраля 1929 г. студент рабфака им. Покровского направил письмо в НКВД с просьбой переслать его заявление Гулам Наби с просьбой разрешить направиться добровольцем в Афганистан в ряды армии Амануллы, для оказания помощи в деле проводимых им реформ. Командир запаса Красной армии М. Каримов из Уфы 15 февраля 1929 г. направил письмо Литвинову с просьбой поручить ему организовать добровольческий отряд из башкир, и отправить этот отряд в Афганистан²⁶.

На основании соглашения, подписанного 28 ноября 1927 г. было установлено регулярное воздушно-пассажирское сообщение между Ташкентом и Кабулом. С введением в строй воздушной линии Ташкент-Кабул связь улучшилась, а ранее на доставку дипломатической почты из Москвы в Кабул требовалось 3–4 недели²⁷. Афганские и советские летчики выполняли и боевые задания, вели авиаразведку, разбрасывали правительственные воззвания и листовки. Так, 24 декабря 1928 г. в районах Кугистана, Чарикара и Чарикарской долины, Пагмана, Логара и др. с самолетов разбрасывались прокламации о том, что Хабибулла Бачае Сакао и подчиненные ему злодеи появились в окрестностях Кабула и грабят отдельные деревни. В прокламациях, разбрасывавшихся в районе Кугистана, сообщалось, что «злые разбойники, поднявшие мятеж против нашего правительства, терпят поражение, разбиты и осаждены»²⁸. Советские летчики подвергали свою жизнь постоянному риску. В результате авиационных происшествий в 1928 г. в Афганистане погиб Тотх И.И., получили тяжелые увечья летчики Вайман, Садовников, Вийман²⁹. Весной 1929 г. обществом «Добролет» в связи с началом гражданской войны была проведена эвакуация членов иностранных

дипломатических миссий из Кабула. В ноте Полномочного представительства СССР в Афганистане от 12 марта 1929 г. сообщалось, что 11 марта из Кабула убыли 112 человек из состава советской, турецкой, германской и персидской колоний. Для их перевозки требовалось 56 самолетов и 20 самолетов для перевозки багажа³⁰.

В апреле 1929 г. было принято решение об отзыве из Кабула советского полномочного представителя Л.Н. Старка. Поверенным в делах СССР в Афганистане был назначен 1-й секретарь полпредства Э.М. Рикс³¹. В свою очередь, немцы решили эвакуировать свою дипломатическую миссию и просили Советский Союз принять на себя защиту германских интересов в Афганистане. Следует обратить внимание на особо доверительный характер отношений в тот период между СССР и Германией, СССР и Италией. После отъезда германской и итальянской миссий их функции в Кабуле стало выполнять Полномочное представительство СССР в Афганистане³². СССР принял на себя защиту интересов германских граждан в Афганистане «лишь в той мере, в какой обстановка и фактические отношения с местными властями это позволят советским представителям и лишь в местах пребывания советских консульских учреждений». Эта оговорка была сделана НКВД СССР для того, чтобы из этого факта в Кабуле не сделали вывод о признании нового кабульского правительства³³.

События конца 1920 гг. безусловно отразились на последующем развитии страны и советско-афганских отношений. Потеря власти эмиром Амануллою означала не только очередную смену правителя, но и кардинальные изменения в социально-экономическом и культурном развитии страны. Поражение Амануллы было обусловлено неприятием его реформ. Верхушка пуштунских племён и вожди среднеазиатской эмиграции временно объединили свои усилия для свержения короля-реформатора. Главной идейной силой, противодействовавшей Аманулле, выступило исламское духовенство. После возвращения из путешествия по странам Европы и Советскому Союзу Аманулла прямо заявлял о необходимости просвещения и модернизации афганского общества: «Кто же является преградой между прогрессом и афганским народом, скажу смело – духовенство. Кто меньше всего заинтересован в независимости Афганистана – духовенство. Кто выдвигает лозунг “долой реформы, да здравствует шариат” и восстает против доброжелателей народа – духовенство. Кто удерживает и восстанавливает народ против отдачи дочерей в школу – духовенство. Кто тормозит движение культуры в Афганистане и во всем исламском мире – духовенство». И далее: «Если мы будем образованы, духовенство будет совершенно не нужно народу, и не будет считаться полезным классом, т.к. оно – только паразит народа»³⁴. Но Аманулла явно переоценил свои силы и влияние в Афганистане. Будучи поклонником Ататюрка и его реформ, Аманулла надеялся, что и в Афганистане пришло время решительных перемен. Однако прямым следствием его реформаторской деятельности, особенно ограничением

власти вождей пуштунских племен и наступлением на интересы духовенства, стало развязывание длительной и кровавой гражданской войны.

По мнению афганского историка Мир Гулам Мухаммада Губара, Аманулла на первом этапе напрасно воздерживался от использования войск, что повлекло за собой разрастание мятежа и падение правительства³⁵. Современники отмечали роль англичан в развернувшихся событиях. Политика Амануллы несла прямую угрозу интересам Англии в регионе. Поднять против правительства и «короля-вероотступника» задавленные нуждой и налогами различные слои населения не составило особого труда. На стороне Амануллы оказалась лишь часть пуштунских племен, связанных с ним родством, и немногочисленные сторонники его реформ, так называемые младоафганцы, в дальнейшем называемые амануллистами. Поддержали Амануллу и хазарейцы, жители центральных областей страны, благодарные ему за ряд выгодных им реформ. На международной арене Аманулла получил моральную поддержку от большинства европейских правительств, однако более-менее действенную материальную и военную помощь ему оказал только Советский Союз.

В то же время советская сторона категорически отрицала свое военное участие в конфликте. Так, 30 мая 1929 г. поверенный в делах Э.М. Рикс направил министру иностранных дел Афганистана письмо, в котором сообщил о том, что «правительству СССР неизвестно и не могло быть известным ни пункт перехода границы Гулам Наби-хана, ни сущность его вооружения, как неизвестны эти моменты в центральному правительству Афганистана в отношении отрядов Фузель Максума, перешедших на территорию СССР, грабящих население и захвативших город Гарм. Правительство СССР самым категорическим образом заявляет, что за все время гражданской войны в Афганистане ни один самолет не появлялся над афганской территорией без ведома кабульского правительства. Оно может заявить, что и впредь никакие самолеты не будут появляться на афганской территории иначе, как с разрешения афганских властей»³⁶. Афганская сторона не могла согласиться с такой позицией, и начальник отдела восточных государств МИД Афганистана направил поверенному в делах СССР в Афганистане письмо, в котором говорилось, что «нельзя согласиться с тем, что прибытие с советской территории в Афганистан Гулям Наби-хана с большим количеством вооруженных и снабженных военными припасами людей было бы без ведома советского правительства и что оно не знало о его намерениях и выезде»³⁷.

В результате восстания под руководством Бачае Сакао эмир Амануллахан утратил власть. В марте 1929 г. борьбу против Бачае Сакао возглавил Мухаммед Надир-хан³⁸, приехавший в начале 1929 г. из Франции в Северную Индию, к юго-восточной афганской границе, и организовавший вооруженный отряд (12 тыс. человек), начавший наступление на Кабул. 22 марта Мухаммед Надир-хан в Хосте собрал джигру – собрание вождей племен юга Афганистана – провозгласил программу борьбы с «врагом нации в целях

спасения страны от катастрофы»³⁹. После упорной борьбы с войсками Бачае Сакао вооруженные отряды под командованием генерала Шах Вали-хана и его брата генерала Шах Махмуд-хана овладели Кабулом. 15 октября 1929 г. Мухаммед Надир-хан вступил в Кабул и был провозглашен королем Афганистана под именем Мухаммед Надир-шах.

ОГПУ регулярно информировало советское руководство о развитии обстановки в Афганистане и, следовательно, эти материалы отложились в АП РФ, ГАРФ, РГАСПИ. И если документы АВП РФ изучались и ранее, то материалы ЦА ФСБ России практически исследователям неизвестны. Архивные документы Секретариата; Контрразведывательного; Информационного; Восточного; Иностранного отделов; а также Главного управления погранохраны ОГПУ содержат важную информацию по Афганистану. Поставщиком информации было полномочное представительство ОГПУ в Средней Азии, а также органы ГПУ республик Средней Азии. Кроме того, в ОГПУ поступали информационные материалы из НКВД, ТАСС и др.

Деятельность сотрудников ОГПУ по афганской линии велась методом проб и ошибок. При организации разведывательной работы по Афганистану в 1920 гг. в первую очередь встала кадровая проблема. Было трудно подобрать специалистов, владеющих восточными языками, свободно ориентирующихся в афганских реалиях. И, тем не менее, работа на афганском направлении велась, хотя и с большими трудностями. Долгое время ИНО ОГПУ не имело резидентуры в Афганистане. Информация о внутри- и внешнеполитическом положении в Афганистане добывалась, как правило, в Иране, Турции и т.д. Несколько в лучшем положении были Полномочное представительство ОГПУ в Средней Азии, пограничники и ГПУ среднеазиатских республик. Однако диапазон их разведанных ограничивался, как правило, приграничной территорией Северного Афганистана

Имеющиеся в нашем распоряжении документальные материалы: информационные доклады, сводки и обзоры, в полной мере подтверждают вывод, что в основе конфликтов социально-экономического, религиозного и политического характера в Афганистане лежали, прежде всего, национальные противоречия между населяющими его народами и общинами. Причины подобного положения, на наш взгляд, заключаются в неразвитости, отсталости афганского общества, в результате чего на первый план выходят именно вопросы национальной принадлежности и национальных интересов участников политических процессов в стране. В полной мере это касается и рассматриваемого нами периода.

В одном из докладов Полномочного представительства ОГПУ в Средней Азии констатировалось: «Эта борьба национальностей ведется с самого начала гражданской войны на севере Афганистана и ... достигла большой ожесточенности...»⁴⁰. Именно Северный Афганистан, населенный таджиками, узбеками, туркменами, хазарейцами, а также переселенными туда

в XIX веке пуштунами, гильзаями и многими другими народностями, стал ареной наиболее ожесточенных столкновений на национальной почве.

Ключевую роль в этом регионе, граничащем с Советским Союзом, играла так называемая среднеазиатская эмиграция во главе с бывшим бухарским эмиром Алим Сеид-ханом и крупными вождями басмачества Ибрагим беком, Джунаид-ханом, Ишан Халифой и др. В последние годы правления Амануллы деятели среднеазиатской эмиграции были поставлены в невыгодное политическое положение. Вынашиваемые ими планы реванша против советской власти и возвращения к власти в Бухаре и на других территориях Средней Азии не находили поддержки у афганских властей. Кроме того, лидеры басмачества и бухарской эмиграции строили планы отделения Северного Афганистана и создания на его основе независимого государства, которое должно было стать плацдармом для дальнейшего наступления и отвоевания среднеазиатских территорий СССР. Эти планы поддерживались и стимулировались английской разведкой, о чем имеются многочисленные свидетельства. Устранение Амануллы и приход к власти Бачае Сакао, таджика по национальности, было с воодушевлением воспринято лидерами северо-афганских национальных меньшинств. Сотрудники ОГПУ в своих докладах отмечали, что «при тех широких родственных связях, которые существуют между эмиграцией и нашей территорией, реакционное движение в Афганистане сыграло большую роль, в смысле оформления и активизации антисоветской агитации и деятельности духовенства, байства и национальной контрреволюции, которая в некоторых своих звеньях еще ранее была связана с афганцами»⁴¹.

Амануллисты и советские представители были для сторонников Бачае Сакао врагами из одного лагеря. Одним из обвинений Амануллы как раз было утверждение, что он «продался русским». Среди местного населения среднеазиатских республик распространялись слухи, что Бачае Сакао при поддержке Англии после изгнания Амануллы начнет войну с Советским Союзом. Во время похода отряда Гулям Наби-хана и Примакова по северу Афганистана в городах и населенных пунктах, находившихся под контролем сторонников Бачае Сакао, зачитывались призывы к населению организовать сопротивление против отрядов русских, захвативших Мазари-Шариф.

Так, 9 апреля 1929 г. начальник Главного управления погранохраны и войск ОГПУ СССР направил в Москву сообщение о том, что «хакимом (начальник уезда) Хозрет-Имам Саида (140 км восточнее Термеза) зачитан призыв Бачае Сакао, Ибрагим бека и бывшего эмира Бухарского к населению организовать отряды против русских, захвативших Мазари-Шариф (60 км южнее Термеза). Головка эмиграции относится к этому призыву сочувственно, рядовая масса колеблется. Из Занобада (60 км юго-восточнее Хазрет-Имам-Саида) выбыла группа в 50 джигитов во главе с баскурбаши Игам-Берды-Дотхо. Предполагается, что эта группа намерена произвести налет на нашу территорию»⁴².

25 апреля 1929 г. помощник начальник Главного управления погранохраны и войск ОГПУ СССР направил в Москву сообщение с последними данными из Ташкента: «в связи с тем, что отряд командующего войсками Гератской провинции Мухаммед Гаусс-хана в 3000 человек перешел на сторону Мамед Раим-хана (сторонник Бачае Сакао), а сам Мухаммед Гаусс-хан с частью командного состава перешел на нашу территорию, положение Амануллы в Северном Афганистане считается безнадежным. В настоящее время весь Северный Афганистан, кроме Мазари-Шарифа, находится в руках Бачае Сакао. Отряд Гулям Наби, занявший несколько дней назад г. Мазари-Шариф, встретил сопротивление при захвате крепости Дег-Дади (10 км юго-западнее г. Мазари-Шариф) и находится в затруднительном положении. Устанавливается концентрация войск Бачае Сакао в афганском г. Келифе (110 км северо-западнее г. Термез) численностью в 500–600 человек и в Пата-Гиссаре (против Термеза на афганской территории) в 300–400 человек. Из отдельных районов Северного Афганистана в направлении г. Мазари-Шарифа следуют отряды, сформированные ишаном Халифой (видный мулла, эмигрант, один из организаторов власти Бачае Сакао в Северном Афганистане)»⁴³.

Практически одновременно с походом советско-афганского отряда в Афганистан лидеры среднеазиатской эмиграции осуществили несколько вторжений на советскую территорию. Наиболее существенным стал налет Фузаил Максума на таджикский город Гарм (середина апреля 1929 г.), который расценивался ими как практическое осуществление «похода на Бухару» и вызвал большую активность басмачей. Помимо прочего, по мнению представителей ОГПУ, «этому способствовала наша печать, которая по ряду причин международного характера вынуждена была освещать в прессе басмаческую активность в значительно больших размерах, чем это было в действительности»⁴⁴. Здесь подразумевается экспедиция Гулям Наби-хана, участие советских военных в которой не афишировалось.

Но и здесь мы видим, что для участников конфликта основным критерием для определения позиции стал вопрос национальной принадлежности. В докладе КРО ПП ОГПУ в Средней Азии констатировалось, что «оба лагеря резко делятся по национальному признаку. Против власти афганцев – коренное население афганского Туркестана (местами активно, местами пассивно) во главе с эмигрантами»⁴⁵.

В этой связи характерен пример части пуштунского племени гильзаев. В начале восстания против Амануллы северные гильзаи сохраняли нейтралитет, но при этом открыто проявляли симпатии к повстанцам. Однако с приходом к власти Бачае Сакао их настроение поменялось, и вскоре они оказались в рядах его активных противников. Связано это было с тем, что при Аманулле гильзаи находились в Северном Афганистане в привилегированном положении, а после его свержения в провинции пришли к власти

кухистанцы, таджики, узбеки и туркмены. Во время похода войск Гулям Наби-хана гильзаи встали на его сторону. Главной причиной поддержки гильзаями Гулям Наби-хана явилось то обстоятельство, что их злейшие враги – туркмены, воевали против амануллистов⁴⁶. С появлением нового претендента на власть – Надир-хана, бывшего главнокомандующего афганской армией в начале 1920-х гг., дальнего родственника Амануллы, принадлежащего к уважаемому пуштунскому роду, «гражданская война в Афганистане приняла резко выраженный характер борьбы северных национальностей (узбеки, таджики, туркмены и другие) с афганцами»⁴⁷. Кроме того, «вражда гильзаев с туркестанскими народами породила планы по их использованию в борьбе с басмаческими шайками, формирующимися на афганской территории и совершающими нападения на среднеазиатские республики СССР»⁴⁸.

Поход советско-афганского отряда в Северный Афганистан под руководством Гулям Наби-хана для советского руководства имел значение не только как поддержка Амануллы и его сторонников, но и как противодействие планам и конкретным агрессивным действиям среднеазиатской эмиграции. И если первая задача оказалась невыполнимой, то вторая в течение относительно короткого времени была решена.

Приход к власти Бачае Сакао был неприемлем для афганских племен и не мог быть долговременным. Прибытие в страну, раздираемую гражданской войной, Надир-хана положило конец неопределенности – афганские племена, а также хазарейцы выступили против туркестанских меньшинств. После того, как Аманулла покинул афганскую территорию, наступил момент относительного единства интересов – нужно было вернуть власть в стране в руки афганца. Для этого фигура Надир-хана оказалась наиболее подходящей. Характерна в этом вопросе позиция англичан. Фактически спровоцировав мятеж против Амануллы и поддерживая притязания на власть Бачае Сакао, они понимали, что тот может быть в Афганистане лишь временной фигурой и следует найти более надёжную и долговечную креатуру. Лучшего кандидата, чем Надир-хан, на тот момент найти было невозможно.

В то же время позиция Советского Союза была обусловлена следующими мотивами – раз не удалось удержаться у власти Аманулле, то нужно искать нового приемлемого кандидата. Бачае Сакао и его сторонники не могли устроить советскую сторону по вышеупомянутым причинам, а Надир выглядел на тот момент наилучшим вариантом, так как его приход к власти означал сохранение Афганистана как единого государства и давал возможность покончить с антисоветской активностью среднеазиатских эмигрантов.

ОГПУ информировало советское руководство о том, что вновь на повестке дня стоит вопрос об автономии афганского Туркестана. Для ОГПУ это не было чем-то новым и неожиданным. Еще в июне 1929 г., в период кратковременного существования в Мазари-Шарифе местного провинциального

правительства, между бывшим генерал-губернатором Мирза Касым-ханом, Ибрагим беком, Ишан Халифой и другими влиятельными руководителями северных национальностей велись переговоры, созывались секретные совещания и прорабатывался вопрос о самоуправлении Северного Афганистана. Аналогичным образом этот вопрос в свое время ставился Халилулло-ханом в Мазари-Шарифе⁴⁹.

16 июня 1929 г. в ИНО ОГПУ, КРО ОГПУ и ГУПО ОГПУ из Средней Азии поступило сообщение: «С уходом Гулям Наби сторонники Бачае Сакао, освободив и вооружив уголовный элемент, пытались закрепить власть кугистанцев в Мазари-Шарифе, но под натиском подошедшего отряда хезаринцев численностью до 2000 человек после вооруженного столкновения оставили город. В Мазар продолжают прибывать вооруженные группы бывших солдат Гулям Наби, оставшиеся после ухода, и берберы горных районов, настроенные из боязни репрессий бороться с кугистанцами до конца. Во главе хезаринцев находится Мансур-хан, занявший Дедаиди, ими же занят Ташкурган. В Мазар прибыл Ишан Халифа с отрядом в 1000 человек, ведет переговоры с Мансур-ханом о прекращении междоусобицы и создания единого правительства. На созванном в Мазаре Мансуром совещании влиятельных лиц решено образовать коалиционное правительство из туркмен, таджиков, узбеков, хезаринцев»⁵⁰.

Накануне штурма Кабула Шах Вали-хан, стремясь сохранить дружеские отношения с СССР, 8 октября 1929 г. подписал обращение «Солдатам, борющимся за Веру», в котором объявил, что никто из них не должен трогать «Посольства Высокого Государства России», а наоборот, должны относиться к нему с уважением⁵¹. 11 октября войска под командованием генерала Шах Вали-хана и его брата генерала Шах Махмуд-хана приступили к бомбардировке дворца Арк. Со своими приближенными и родственниками Бачае Сакао бежал из Кабула. Часть войск Бачае Сакао отступила из Кабула, часть – сдалась. Большинство министров правительства Бачае Сакао пришли к Шаху Вали-хану и «заявили о своей покорности». В руках Шах Вали-хана находились Кандагар, Кабул, Газни, Южная провинция, Хазараджат и Джелалабад. Мазари-Шариф, Каттагано-Бадахшан, Меймене и Герат «относятся к Бачае Сакао с отвращением, ожидают указаний центра. В Джелалабаде войсками Бачае Сакао были разграблены многие места. 15 октября, как сообщалось в телеграмме МИД Афганистана в НКВД, «Великий Маршал Мухаммед Надир-хан прибыл в столицу Афганистана – Кабул. Собранием и большинством представителей афганского народа Надир-хан за его прошлые заслуги и самоотверженную работу признан королем Афганистана афганским народом, который изъявил ему свою покорность»⁵².

Новая афганская власть благосклонно отнеслась к тому, как вела себя советская сторона во время гражданской войны в Афганистане. 17 октября Шах Вали-хан выразил благодарность «за оказанную помощь и сочувствие

в деле установления благополучия и прогресса афганского правительства»⁵³. В то же время 6 ноября 1929 г. МИД Афганистана известил советских представителей в Кабуле о том, что бывший посол Афганистана в СССР Гулам Наби-хан переводится на другую работу, а на его место намечается Мухаммед Азиз-хан⁵⁴. Лишь в середине ноября 1929 г. Советский Союз принял решение о возвращении в Кабул советского посла. 17 ноября 1929 г. в МИД Афганистана направили вербальную ноту, в которой сообщилось, что «полномочный представитель СССР г-н Старк в ближайшее время возвратится в Кабул из разрешенного ему правительством СССР отпуска»⁵⁵.

Утвердившись у власти, Надир-шах принял решение покончить с сепаратизмом в афганском Туркестане. В Каттагано-Бадахшанскую провинцию были направлены войска под командованием военного министра Шах Махмуда (брата Надира). Афганское правительство при этом выразило желание вступить в контакт с советским руководством для обсуждения совместных действий против Ибрагим бека⁵⁶. Данное намерение афганского правительства нашло поддержку у советской стороны. Ибрагим бек под нажимом афганских войск вынужден был уйти на территорию советского Таджикистана, где вскоре был задержан и после суда расстрелян. Так была практически завершена борьба с активным политическим басмачеством. Афганцы укрепили свою власть в Северном Афганистане, а советская сторона обезопасила свои южные рубежи и укрепила власть в среднеазиатских республиках.

Тем не менее, по мнению ОГПУ, на севере Афганистана сохранялись тенденции, направленные на отделение его от юга и создание собственного государства. Странником получения автономии северными провинциями Афганистана назывался генерал-губернатор Герата Абдуррахим-хан. В архивных документах подчеркивалось, что Абдуррахим-хан даже при Бачае Сакао сумел добиться известной самостоятельности в управлении провинцией, «которую частично сохранил и при Надире, создав нечто вроде провинциального парламента из представителей духовенства и влиятельных среди населения лиц». О сепаратистских тенденциях в провинции Герат свидетельствовала и попытка Гулям-хана создать с помощью СССР самостоятельное государство (несомненно, с ведома Абдуррахима)⁵⁷.

Подводя итог, можно констатировать, что советскому правительству, несмотря на потерю многолетнего союзника в лице Амануиллы-хана, в целом удалось достичь определенных положительных результатов в афганской политике. Во-первых, Афганистан был сохранен как единое независимое государство, что, несомненно, отвечало долгосрочным геополитическим интересам Советского Союза. Во-вторых, советской стороне при содействии новой афганской власти удалось решить проблему басмачества, разгромив его наиболее активное вооруженное крыло, долгие годы находившее себе прибежище на афганской территории.

Признав де-факто режим Надир-шаха, советское правительство, тем не менее, продолжало оказывать поддержку своим старым союзникам – амануллистам, многие из которых выехали из Афганистана на территорию СССР. В начале 1930-х гг. лидерами амануллистов – братьями Чархи – Гулям Сиддик-ханом и Гулям Наби-ханом, совместно с советской стороной планировались различные акции с целью возвращения к власти Аманулли-хана. Однако по мере укрепления в Афганистане новой политической династии и все большего ослабления политических позиций амануллистов, ослабевал и интерес к ним советского руководства. В конце 1930-х гг. многие сторонники бывшего афганского короля, проживавшие в Советском Союзе, подверглись репрессиям.

¹ *Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. – М.–Барнаул. 2010.

² *Теплинский Л.Б.* 50 лет советско-афганских отношений 1919–1969. – М., 1971.

³ Демократическая Республика Афганистан : Справочник. – М., 1981.

⁴ Мир Гулам Мухаммад Губар (1895–1978), афганский историк и общественный деятель.

⁵ *Мир Гулам Мухаммад Губар.* Афганистан дар масир-е тарих. – Кабул, 1967.

⁶ *Мир Гулам Мухаммад Губар...* – С. 830–831.

⁷ *Мир Гулам Мухаммад Губар.* Афганистан на пути истории / пер. с дары, вводная ст. и комм. М. Давлятова. – М., 1987.

⁸ *Коргун В.Г.* История Афганистана. XX век. – М., 2004.

⁹ *Примаков Виталий Маркович* (1897–1937), советский военачальник, комкор. Военный атташе в Афганистане (1927–1928). В 1929 г. командир «афганского» отряда Красной армии, участвовавшего в попытке восстановления власти Аманулли-хана.. Зам. командующего войсками Ленинградского военного округа. Арестован 14 апреля 1936 г. как участник военно-троцкистского заговора. По приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР расстрелян 12 июня 1937 г. Реабилитирован 31 января 1957 г.

¹⁰ *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. – М., 2008; Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945). – М.–Липецк, 2007.

¹¹ *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. – М., 2008. – С. 194.

¹² *Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. – М.–Барнаул. 2010.

¹³ *Бойко В.С.* Власть и оппозиция в Афганистане... – С. 121–140.

¹⁴ *Международные отношения в Центральной Азии: События и документы: Учебное пособие.* – М., 2011. – С. 150–153.

¹⁵ *Международные отношения в Центральной Азии...* – С. 152.

¹⁶ *Агабеков Георгий Сергеевич* (1895–1937). В органах ВЧК с 1918 г. Оперативный сотрудник ЧК Туркестанского фронта, Екатеринбургской губернской ЧК (1922–1924), сотрудник ИНО ОГПУ (1924–1929): помощник заведующего бюро печати в Кабуле (1925), резидент ИНО в Иране (1926–1928), начальник Сектора по Среднему и Ближнему Востоку ИНО (1929), на нелегальной работе в Турции (1929–1930). В 1930 г. находясь во Франции, отказался от возвращения в СССР.

¹⁷ *Агабеков Г.С.* Записки чекиста. – Берлин, 1930; *Он же.* ЧК за работой. – Берлин, 1931; *Он же.* Секретный террор: Записки разведчика. – М., 1996; *Агабеков Г.* Налет // Родина. 1991. № 2. – С. 19–23 / публикация А. Крушельницкий, Н. Петрова.

¹⁸ *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. – М., 1992; *Он же.* Секретный террор: Записки разведчика. – М., 1996.

¹⁹ *Агабеков Г.С.* Секретный террор: ... – С. 291.

- ²⁰ Агабеков Г.С. Секретный террор: ... – С. 284, 290.
- ²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 416. Л. 2–3.
- ²² ЦА ФСБ России. Д. Р-9000. Т. 4. Л. 12.
- ²³ См., например, *Бойко В.С. Власть и оппозиция в Афганистане...* – С. 124.
- ²⁴ *Брук-Шенерд Г. Любвиная одиссея разведчика / Агабеков Г.С. Секретный террор: ...* – С. 371–378.
- ²⁵ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 2. П. 16. Л. 57–58.
- ²⁶ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 20. П. 17. Л. 64, 67–68.
- ²⁷ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 3. П. 16. Л. 200; Документы внешней политики СССР. М. Т. X. – С. 501.
- ²⁸ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 13. П. 16 а. Л. 39, 41, 43.
- ²⁹ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 2. П. 16. Л. 179, 180.
- ³⁰ В приложении к ноте ПП СССР от 12 марта 1929 г. указывалось, что выезжало из Кабула на самолетах СССР из советской колонии – 55 человек, турецкой – 22 человека, германской – 30 человек, персидской – 5 человек. Всего 112 человек. См.: АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 2. П. 16. Л. 115–116.
- ³¹ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 2. П. 16. Л. 99.
- ³² АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 3. П. 16. Л. 86.
- ³³ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Опись 11. Д. 6. П. 147. Л. 24.
- ³⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 6. Д. 239. Л. 26.
- ³⁵ *Мир Гулам Мухаммад Губар. Афганистан на пути истории.* – М., 1987. – С. 172.
- ³⁶ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 2. П. 16. Л. 99.
- ³⁷ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 3. П. 16. Л. 102.
- ³⁸ Мухаммед Надир-хан (1883–1933), афганский политический и военный деятель, главнокомандующий афганской армией (1913–1919), военный министр Афганистана (1919–1924), посол Афганистана во Франции (1924–1926), эмигрант во Франции (1926–1929).
- ³⁹ *Теплинский Л.Б. 50 лет советско-афганских отношений 1919–1969.* – М., 1971. – С. 81.
- ⁴⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 352. Л. 3.
- ⁴¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 416. Л. 3.
- ⁴² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 98. Л. 11.
- ⁴³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 98. Л. 36.
- ⁴⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 416. Л. 2–3.
- ⁴⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 352. Л. 3.
- ⁴⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 51. Л. 110–111.
- ⁴⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 51. Л. 112.
- ⁴⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 51. Л. 116.
- ⁴⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 352. Л. 3.
- ⁵⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 98. Л. 16.
- ⁵¹ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 3. П. 16. Л. 67.
- ⁵² АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 3. П. 16. Л. 61, 62.
- ⁵³ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 3. П. 16. Л. 63.
- ⁵⁴ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 3. П. 16. Л. 41.
- ⁵⁵ АВП РФ. Референтура по Афганистану. Оп. 12. Д. 2. П. 16. Л. 19.
- ⁵⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 227. Л. 11, 13–14.
- ⁵⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 8. Д. 352. Л. 5.

О СОБЫТИЯХ НА РЕКЕ ХАЛХИН-ГОЛ

Тезисы выступления на заседании круглого стола

«Конфликт на реке Халхин-Гол: взгляд через семь столетий»

г. Москва, 8 октября 2009 г.

В наше время события на реке Халхин-Гол незаслуженно отодвинуты историками на второй план. В исследованиях, посвящённых началу Второй мировой войны, данные события рассматриваются как результат политики, проводившейся основными мировыми державами. Стремление Японии расширить своё жизненное пространство за счёт территорий соседних государств было на руку практически всем ведущим странам. Эти действия отвлекали политические и военные силы Советского Союза от нарастающего мирового конфликта. Для гитлеровской Германии «необъявленная война» стала ещё и лакмусовой бумажкой, показавшей не только реальные возможности РККА, но и, что не менее важно, способности Японии к ведению сухопутных операций против СССР. Несомненно, результаты боёв на реке Халхин-Гол были проанализированы и повлияли на многие военные и политические решения Второй мировой войны.

В фондах Центрального архива ФСБ России (далее – ЦА ФСБ России) отложились документы, в которых имеется информация о событиях на реке Халхин-Гол. Пока они изучены мало, так как большая часть из них имеет гриф «секретно» и «совершенно секретно». Сегодня впервые в отечественной историографии предпринимается попытка обобщить, систематизировать и, по возможности, провести их источниковедческий анализ.

Документы органов безопасности этого периода весьма специфичны и имеют ряд особенностей. Главной целью их создания была фиксация информации, выявленной всеми доступными спецслужбам методами, о фактах и действиях, которые могли нанести ущерб безопасности советского государства, для организации своевременного пресечения этих действий. Речь идет о шпионаже, вредительстве, диверсиях, измене Родине, антисоветской агитации и должностных преступлениях. В этих документах нашли отражение наиболее острые, а зачастую негативные вопросы жизни советского общества и государства, которые не могли быть разрешены в обычном порядке и требовали оперативного вмешательства высших

инстанций. В основном это информация о совершённых и предотвращённых преступлениях, фактах халатности, ошибках в организации работы ведомств, предприятий, войсковых частей и т.д.

Переходя к характеристике комплекса исторических источников ЦА ФСБ России, необходимо отметить, что в настоящее время выявлено около шестидесяти документов по интересующей нас тематике.

В основном это сообщения, шифртелеграммы и докладные записки Особого отдела 57-го корпуса (позднее 1-й армейской группы), поступавшие в Особый отдел ГУГБ НКВД СССР непосредственно с места события, из Читы и Хабаровска, и из отделов военной контрразведки, о проблемах передислокации, комплектования, обеспечения и вооружения частей, направляемых в район конфликта, а также о ходе следствия по заговору, разоблачённому в МВД МНР (около 65% от общего количества); письма наркома внутренних дел в ЦК ВКП(б), СНК, НКО, НКВД, НКПС, составленные на основании докладов из подразделений военной контрразведки и территориальных органов НКВД СССР, информирующие соответствующие инстанции и содержащие предложения о конкретных мерах по устранению выявленных недостатков (около 25%).

Кроме того, имеются документы, не имеющие прямого отношения к вооружённому конфликту в районе реки Халхин-Гол, но характеризующие обстановку в этом районе и в монгольской армии перед началом событий, направленные наркомом внутренних дел СССР в ЦК ВКП(б), СНК, НКО, а также два письма наркома внутренних дел СССР в ЦК ВКП(б), СНК о результатах изучения карт для установления границы между МНР и Маньчжоу-Го.

Отдельно необходимо отметить наличие трёх докладных записок Особого отдела 1-й армейской группы об оперативно-следственной работе за период военных действий в районе реки Халхин-Гол¹ и деятельности советско-монгольской правительственной делегации по уточнению границы в районе конфликта².

До начала боевых действий самым ранним документом является письмо № 1507/6 наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия И.В. Сталину и наркому обороны К.Е. Ворошилову, которое датировано 17 мая 1939 г.

В донесении говорится о том, что в 0 часов 50 минут из Улан-Батора получено донесение об обстановке на участке Халхин-Гольского погранотряда МНР, где «с 4 по 11 мая на участке 7-й заставы японо-баргуты³ производили разведку территории МНР незначительными подразделениями конницы. 11 мая в 5 часов в районе Номон-Хан-Бурд-Обо до 200 японо-баргутских всадников, имевших пулемёты и один миномёт, нарушив 11 мая границу МНР, напали на засаду пограничников в составе 20 человек и преследовали её в глубь территории МНР до 20 км. Прибывшее резервное подразделение, потеряв в бою двух цириков⁴ убитыми и одного раненым, отбросило нарушителей за кордон.

12 мая в том же районе пограничным нарядом было отмечено скопление до 200 японо-баргутских всадников при четырёх грузовых автомашинах. 14 мая в 6 часов на участке 7-й заставы, нарушив границу МНР, вышли на рубеж реки Халхин-Гол, захватив Дунгур-Обо, до 300 японо-баргутских всадников. В течение дня 14 мая и с утра 15 мая граница МНР неоднократно нарушалась японскими самолётами, производившими полёты над подразделениями пограничного отряда.

Утром 15 мая до 250 японо-баргутских всадников, перейдя границу и обстреляв в районе Дунгур-Обо пограничный наряд, отошли на северный берег реки Халхин-Гол. К 15-ти часам в этом районе сосредоточилось до 700 всадников, 10 бомбардировщиков и 3 автомашины. Ими занят рубеж по северному берегу реки Хайластын-Гол в 5 км от реки Халхин-Гол.

15 мая в 12 час. 45 мин. 5 японских бомбардировщиков совершили налёт на 7-ю заставу, сбросив на неё 20 авиабомб и обстреляв пулемётным огнём. В результате бомбардировки 2 человека убиты, 19 ранены.

По данным, полученным от Тамцык-Булакского подразделения 57-го особого корпуса, в ночь на 16 мая в район, занятый японо-баргутской конницей (северный берег р. Хайластын-Гол), подошло 14 автомашин с японской пехотой [...]. На усиление охраны границы на этот участок выброшены 2 сабельных эскадрона и эскадрон станковых пулемётов 6-й дивизии МНР»⁵.

Большая часть выявленных документов датирована июнем–июлем 1939 г. Из них следует выделить наиболее информативные и содержательные. Так, в письме Ворошилову от 8 июня № 1980/6 Берия сообщал, что, по информации исполняющего обязанности полпреда СССР в МНР, «Генштаб медленно направляет в МНР боеприпасы. На ближайших к району событий базах ощущается недостаток в авторезине и горючем. Бронестенки для самолётов ещё не получены. Лётный состав не имеет личного оружия. Из присланных 1750 штук противогазов 1600 штук [...] являются браком»⁶.

5 июля в письме № 2580/6 Берия сообщил Сталину о том, что, по информации Особого отдела 57-го корпуса, «истребители И-15 в боях подвергаются массовому уничтожению». В Генштаб РККА был дан запрос о дополнительной высылке истребителей И-16, но Генштабом РККА всё равно были направлены 110 самолётов И-15 и только 60 самолётов И-16.

Кроме того, сообщалось о том, что «из ЗабВО вылетели для участия в боях дополнительные силы бомбардировочной авиации, использование которой и даже содержание на ближайших аэродромах без прикрытия истребителей И-16 довольно рискованно». Далее Берия ходатайствовал «о немедленной замене самолётов И-15 на И-16»⁷.

11 июля Берия направил письмо № 2715/6 на имя Сталина и Ворошилова, составленное на основании донесения Особого отдела 57-го корпуса от 10 июля. В этом донесении говорится о неудовлетворительной работе

Тамцыкского госпиталя; который перегружен ранеными, получающими серьёзную хирургическую помощь только на вторые-третьи сутки, поскольку не хватает хирургов. Медицинские работники дежурят по 2–3 суток подряд, не хватает санитарных машин⁸.

13 июля за № 2729/6 Берия проинформировал Ворошилова о том, что по сведениям, полученным из Улан-Батора, Генеральный штаб приказал направить из ЗаБВО в Ургу пехотный полк и пехотный батальон. Но по прибытии в Кяхту стало известно, что транспорта для их переброски нет. 3-й отдел Генштаба приказал полк и батальон погрузить и направить на станцию Борзя. 8 июля люди и обмундирование поездом были направлены на станцию Улан-Удэ. 9 июля Генштаб отменил это решение, и батальон вернули обратно для немедленной переброски в Ургу. Полк прибыл в Ургу с 880 лошадьми, для содержания которых не было конюшен, сена, овса, имелись большие трудности с водой. По решению командования лошадей временно оставили в Кяхте⁹.

В письме от 19 июля № 2885/б на имя Сталина, Молотова, Ворошилова Берия сообщал о неуккомплектованности 82-й стрелковой дивизии, прибывшей в район боевых действий. Некомплект составил 933 человека, 5 легковых и 39 грузовых автомашин, 19 тракторов, 1 танк, 242 винтовки, 281 револьвер, 14 ручных, 6 зенитных, 10 станковых пулемётов, 2 автокухни и радиостанции. Разведывательный батальон не имел касок, патронташей, сапёрных лопат, ружейных ремней, подсумков. Отмечалось плохое продовольственное обеспечение¹⁰.

Семь писем Берия, направленных в ЦК ВКП(б), СНК, НКО, посвящены ходу следствия по делу шпионской организации в органах МВД МНР¹¹.

Определённый интерес представляет докладная записка начальника Особого отдела 1-й армейской группы от 12 октября 1939 г. № 3435 начальнику Особого отдела ГУГБ НКВД «Об оперативно-следственной работе, проведенной ОО ГУГБ НКВД 1-й армейской группы за период военных действий в районе реки Халхин-Гол (МНР)», в которой имеются сведения о противодействии советских органов безопасности разведке противника. Так, например, в ней говорится о ликвидации глубоко законспирированной и широко разветвлённой шпионской сети в органах МВД МНР, работавшей на японскую разведку, в которую входили полпред, советник и инструкторы оперативных отделов и аймачных управлений министерства¹².

Отдельно разбирались просчёты и бездействие командиров РККА, приведшие к потерям, бессистемность в их действиях в начальном периоде боёв, отсутствие взаимодействия частей и отделов штаба, плохая организация работы связи, излишняя осторожность в деятельности разведки¹³.

В качестве примера преступного командования был приведен приказ, отданный 28 мая командиру 2-й роты отряда Быкова Нефедьеву: сбросить противника с занимаемых им высот в реку Халхин-Гол. Для чего в качестве

поддержки Нефедьеву был обещан броневой дивизион 6-й кавалерийской дивизии. Нефедьев докладывал, что высоты занимаются противником не менее чем усиленным батальоном с артиллерией, но командование это сообщение проигнорировало. Выполняя приказ, рота Нефедьева, не получив обещанной поддержки, вынуждена была отойти, потеряв убитыми, ранеными и без вести пропавшими около 50 человек. Был сделан вывод о том, что рота «фактически была брошена на уничтожение, так как противник по своему численному составу превышал роту в 3–4 раза и к тому же на стороне противника было превосходство артиллерийских и пулемётных средств, а также противник занимал командный, более выгодный и сильнопересечённый рубеж»¹⁴.

Рассматривалось несколько случаев использования японской разведкой в качестве шпионов и диверсантов дезертиров. Описывался факт передачи разведке противника инструктором-радиистом при помощи технических средств 4-го управления штаба МНР данных о количестве вылетающих на боевое задание самолётов. Японцы использовали китайцев-жителей Манчжоу-Го для разведывательно-диверсионной деятельности на территории МНР. Советской контрразведкой было выявлено несколько таких групп, численностью от 30 до 60 человек.

В докладе анализировались факты контрреволюционной деятельности в период боевых действий. Противник сбрасывал с самолётов листовки, призывавшие к террору над командно-начальствующим и политическим составом. Приводилось несколько фактов распространения панических слухов и пораженческих настроений у антисоветски настроенных бойцов РККА. Описывались случаи предательства и измены Родине.

Так, военными контрразведчиками было установлено, что 12 июня 1939 г. во время незначительного прорыва фронта командир 5-й мотострелковой пулемётной бригады полковник Федорков «в самый ответственный период боя, оставив без руководства бригаду, [...] распространял контрреволюционные, провокационные слухи среди военнослужащих о том, что советские войска окружены самураями и что налицо имеется предательство. Склонял к побегу с фронта экипаж машины БА-10 [...], отдавая им преступное приказание машину бросить и идти с ним в тыл [...]. Из-за трусости, в целях спасения [...] жизни Федорков снял с себя знаки различия, спорол петлицы с нашивками [...], переплыл через реку Халхин-Гол и дотемна скрывался в кустах у берега, где и был задержан ночью в одной гимнастёрке и босым»¹⁵.

Краткий обзор документов Центрального архива ФСБ России по истории боёв на реке Халхин-Гол позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на немногочисленность, содержащиеся в них сведения могут существенно дополнить уже известные факты и события.

Настоящую научную ценность выявленная информация может приобрести в совокупности с другими документами Архивного фонда Российской Федерации, архивов Монголии и Японии.

¹ Центральный архив ФСБ России. Ф. 3. Оп. 7. Д. 446. Т. 3. Л. 1390–1425.

² Архив УФСБ России по Забайкальскому краю. Д. 67. Л.1-15.

³ Баргуты – монгольское племя, населяющее Баргу; несколько полков баргутской конницы действовали совместно с японцами.

⁴ Цирик – воин (монгол.).

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 15. Л. 278–279.

⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 6. Д. 21. Л. 291.

⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 6. Д. 21. Л. 20.

⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 6. Д. 21. Л. 259.

⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 6. Д. 21. Л. 275.

¹⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 6. Д. 21. Л. 111-112.

¹¹ Там же. Ф. 3. Оп. 6. Д. 17. Л. 260; Д. 21. Л. 134, 175, 330, 384; Д. 22. Л. 88, 341.

¹² Там же. Л. 1390–1391.

¹³ Там же. Л. 1392–1393.

¹⁴ Там же. Л. 1394.

¹⁵ Там же. Л. 1410–1411.

МИРНЫЙ ДОГОВОР О ВОЙНЕ

*Статья в газете «Время новостей»
29 сентября 2008 г. № 179*

29 сентября 1938 года на конференции в Мюнхене главы правительств Великобритании – Невилл Чемберлен, Франции – Эдуар Даладье, Германии – Адольф Гитлер и Италии – Бенито Муссолини подписали соглашение о присоединении к Германии Судетской области Чехословакии, которое преследовало одну цель – направить военную агрессию Гитлера на восток. На конференцию не были приглашены представители Чехословакии, а также СССР, имевшего с Чехословакией договор о взаимной помощи.

«Чисто семейное дело»

В этот период советскому руководству требовалось знать, на какие политические силы за рубежом ему можно было рассчитывать, выступая с инициативой коллективного противостояния гитлеровским захватническим устремлениям. Поэтому существенное значение имели результаты разведывательной работы в Австрии, Германии, Великобритании, Франции, Чехословакии и других странах. Благодаря успешной работе советской разведки и контрразведки Сталин знал, каким образом проходили переговоры ведущих европейских держав с Гитлером. НКВД СССР добывал важную политическую информацию как в иностранных посольствах в Москве, так и за границей. Готовились сведения о ведущих политических деятелях, дипломатах, сотрудниках разведки, военных, промышленниках, финансистах и чиновниках. Руководству Советского Союза докладывали о содержании выступлений Гитлера, политических деятелей Германии, Великобритании, Польши, Румынии, Франции, публикаций в средствах массовой информации по вопросам внешней политики.

Гитлер начал движение к войне с пересмотра условий Версальского мира, ставшего одним из основных пунктов идеологической программы НСДАП еще в 20-х годах. С приходом к власти он превратил «антиверсальскую» тему в доминанту внешней политики Германии. 20 февраля

1938 года, выступая с речью в рейхстаге, Гитлер заявил, что Версальский мирный договор от 28 июня 1919 года, закрепивший передел мира в пользу победителей, – «безумный акт», который внёс «путаницу в карту экономического и народно-политического положения в Европе».

На повестку дня был поставлен вопрос о присоединении к Германии близлежащих территорий с наибольшим по численности немецким населением – Австрии и Судетской области Чехословакии. (Судетская область – район Богемии, граничащий с Германией, который после распада Австро-Венгерской монархии отошёл к Чехословакии по условиям Сен-Жерменского договора 1919 года. К 1938 году здесь проживало около 3 млн немцев – большинство населения региона. Область была богата полезными ископаемыми, что позволяло рассматривать её как сырьевой источник для производства техники и вооружения. Для Гитлера она представляла собой удобный плацдарм в центре Европы для начала ведения боевых действий. – В.Х.) Рейх был готов взять под защиту своих соотечественников, обеспечить им политическую, идеологическую и личную свободу. Генеральный штаб сухопутных войск приступил к разработке стратегических операций германской армии – походов на Австрию и Чехословакию.

12 марта 1938 года немецкие войска вошли в Австрию, а 14 марта был юридически закреплён аншлюс Австрии, и она вошла в состав рейха. Установив новые границы с европейскими странами, Германия поспешила объявить их «окончательными и неприкосновенными». Главнокомандующий военно-воздушными силами Германии Герман Геринг, встретившись с чехословацким послом в Берлине, заверил его, что у Чехословакии нет повода для беспокойства, поскольку «вопрос Австрии – дело чисто семейное, Германия не имеет в отношении Чехословакии никаких враждебных намерений, а, наоборот, хочет дальнейшего сближения». Однако уже в начале апреля Гитлер сообщил Муссолини, что приступает к решению проблем Судетской области и «польского коридора», а затем начнет продвижение в Прибалтику.

«Расшевелить пацифистов»

Лондон и Париж ограничились лишь формальным осуждением германской аннексии Австрии, поскольку для них более важным было, чтобы устремления Гитлера обратились на восток.

В Великобритании существовало мнение, что, захватив Австрию, Гитлер спас мир от ещё одной гражданской войны в Европе. Лишь Советский Союз выступил в защиту Австрии и призвал западные державы к коллективному противостоянию гитлеровской экспансии, чтобы устранить усилившуюся опасность новой мировой войны. Своими действиями СССР пытался расшевелить пацифистские круги в Великобритании, укрепить правительство народного фронта во Франции, приободрить Чехословакию и другие малые государства. Но призыв Советского Союза не был услышан.

В Великобритании и Франции не рассматривали СССР как вероятного союзника в случае развязывания войны Германией. В немалой степени это объяснялось недоверием к кремлевскому руководству, что было вызвано кампанией необоснованных репрессий партийных, военных и хозяйственных деятелей в Советском Союзе, особенно усилившейся в 1937–1938 годах. Политические процессы против «врагов народа», проходившие в СССР, воспринимались за рубежом как свидетельство кризиса советского режима, порождали у общественности западных стран сомнения в способности Советского Союза быть надёжным внешнеполитическим партнёром, способным к коалиционному отпору наступательным планам Гитлера.

Колесо политических репрессий в СССР в предвоенный период прокатилось также по сотрудникам советской внешней разведки и наркомату иностранных дел. Были вызваны из-за границы и арестованы многие дипломаты, резиденты и агенты-нелегалы, успешно работавшие в ряде зарубежных стран. Тем не менее, и внешняя разведка, и НКВД обеспечивали Сталина достоверной политической информацией.

В мае 1938 года Гитлер провёл совещание руководителей партии и высшего военного командования, на котором обсуждался намеченный план нападения на Чехословакию. Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Людвиг фон Бек выступил против этого плана, он считал, что вермахт не готов к крупномасштабной войне. Под руководством Бека были просчитаны варианты «военных осложнений» для Германии, поочерёдно, в отношениях с Францией, Италией, Чехословакией и Польшей. Результат подобных тактических игр был всегда одинаковым – немецким вооружённым силам удавалось вначале добиваться успехов, но в дальнейшем, при вступлении в игру третьей стороны, Германия попадала в невыгодное положение и проигрывала. Однако Гитлер не стал менять намеченного плана.

В подготовку к нападению на Чехословакию активно включилась германская военная разведка – абвер. Её руководитель Вильгельм Канарис для того, чтобы сделать Чехословакию лёгкой добычей Германии, поручил своим подчинённым вести подрывную работу и активную пропаганду в чехословацких вооружённых силах и среди призывников, готовя их к массовым переходам на сторону германской армии.

Сотрудники абвера установили непосредственную связь с лидером Судетской немецкой партии Конрадом Генлейном и через него внедряли своих агентов в стратегически важные районы Чехословакии, продвигали их на перспективные политические должности. (Судетская немецкая партия – пронацистская организация судетских немцев в Чехословакии, которая под лозунгом борьбы за их право на суверенитет добивалась присоединения Судетской области к Германии. Гитлер рассматривал её как базу для расширения оппозиционных сил в Чехословакии и ступень для аннексии Судетской области. – В.Х.). Перед германскими разведывательно-

диверсионными группами стояла задача взять под охрану во время германского вторжения наиболее важные предприятия оборонной промышленности, предотвращая их уничтожение.

Секреты сговора на столе у Сталина

Сталин был хорошо осведомлён о работе германского, британского, французского и чехословацкого министерств иностранных дел, об активной обработке германскими послами политической элиты Великобритании, Польши, Румынии, Франции и других стран. Настойчиво проводилась мысль, что европейским странам следует быть осторожными, дабы возможный местный конфликт не превратился во всеобщий.

Сталин имел возможность читать материалы дипломатической переписки министерств иностранных дел со своими посольствами в столицах европейских держав. Глава государства был всесторонне осведомлён о неблагоприятной деятельности британского посла в Берлине, одобрявшего античехословацкий курс Гитлера, о политике двойных стандартов правительств Великобритании и Франции, которые публично заявляли о желании поддержать Чехословакию в её противостоянии с гитлеровской Германией, а за кулисами вели переговоры с Гитлером. Великобритания и Франция призывали чехословацкое правительство быть более благоразумным, иначе стране грозит полное уничтожение.

Полагаясь на непримиримость идеологического противостояния между Сталиным и Гитлером, руководители Великобритании и Франции рассчитывали столкнуть между собой Германию и Советский Союз и тем самым отвести угрозу от собственных стран.

Советская внешняя разведка в августе 1938 года информировала Сталина, председателя Совета народных комиссаров СССР Вячеслава Молотова и наркома обороны СССР Климента Ворошилова о том, что Германия усиленно готовится к вторжению в Чехословакию, которое может произойти после сентябрьского съезда нацистской партии.

Под видом манёвров Германия проводила скрытую общую мобилизацию и стягивала свои войска к чешской границе. К 15 августа было сформировано 13 резервных дивизий, во всех военных округах Германии проводились учения с участием большого количества резервистов. Германская авиация также готова была начать действия против Чехословакии.

Чехословакия в ответ объявила в военных округах военное положение, привела в боевую готовность авиационные и зенитные части, установила препятствия на границе, провела призыв на службу резервистов. Начальник Генерального штаба чехословацких вооружённых сил генерал Людвиг Крейчи отмечал, что «чехословацкой армии необходимо еще несколько месяцев для окончания своих укреплений и вооружений».

Подготовку к возможному вторжению немецких войск в Чехословакию вели также Польша и Румыния. Варшава, еще в 1934 году подписавшая

с Берлином договор «О мирном разрешении споров», готовилась дать отпор советским войскам, в случае, если они по территории Польши двинутся на помощь Судетам. (Соглашение «О мирном разрешении споров», по сути, делавшее Польшу внешнеполитической союзницей Германии, было подписано в январе 1934 года. Срок действия – 10 лет, однако в апреле 1939 года соглашение денонсировано Германией. – В.Х.)

Ускоренными темпами строились железобетонные укрепления в приграничной полосе, устанавливались проволочные и противотанковые заграждения, оборудовались посадочные площадки для самолётов. Интенсивное строительство и ремонт шоссе и грунтовых дорог, ведущих из тыла к границе, сопровождалось активным передвижением по ним воинских подразделений и грузовых поездов, а по Днестру – лодок и пароходов. Продолжалось укомплектование личным составом польских и румынских пограничных и армейских частей. Вводились более жёсткие правила пересечения границ на всех переходных пунктах, под контроль брались все пассажиры иностранных государств, ехавшие транзитными поездами. На приграничных аэродромах появились новые авиационные подразделения. Польские военные самолёты-разведчики систематически совершали одиночные и групповые полёты вдоль линии советской границы.

В августе к польско-советской границе были стянуты дополнительные войска, и начались манёвры польской армии. Польша активно готовилась не только воспрепятствовать возможному прохождению сухопутных частей Красной армии по своей территории, но и усиливала свою противовоздушную оборону, намереваясь открывать огонь на поражение по каждому советскому самолёту, который попытается пролететь через польскую территорию. В это же время в четырёх километрах от территориальных вод Советского Союза появились три румынских эскадренных миноносца.

В конце августа в Судетскую область под видом туристов на лечение и отдых прибыло более 7 тысяч германских штурмовиков. На границе с Чехословакией немцы установили тяжелую артиллерию. В германском Генеральном штабе была проведена тактическая игра под названием «Чехословакия».

Докладывая Гитлеру о её результатах, генерал Бек отметил, что в случае вмешательства в конфликт Франции немецкие вооружённые силы получат удар с тыла и будут разбиты. Бек настойчиво отговаривал Гитлера от «судетской авантюры». Гитлер же был уверен, что Франция не станет воевать против Германии и не выполнит свой союзнический долг по отношению к Чехословакии. 1 сентября 1938 года Гитлер назначил на место Бека генерала Франца Гальдера, поддержавшего план ввода немецких войск в Судетскую область.

Генлейн и его сторонники, заявляя о дискриминации судетских немцев, подстрекали их к провокационным выступлениям против чехов. Чехословацкое правительство вело переговоры с Генлейном, пыталось

достигнуть с ним компромисса, предлагало варианты решения судетской проблемы. Однако ни один из них не был принят.

Германские и польские средства массовой информации развернули широкомасштабные кампании, обвиняя чехословацкие власти якобы в притеснении судетских немцев. Применялись выражения, носившие оскорбительный характер для чехословацкого населения. Тон ряда статей, появившихся в газетах, нагнетал атмосферу недоверия вокруг переговоров между чехословацким правительством и Судетской партией Генлейна.

В сентябре на партийном съезде в Нюрнберге Гитлер потребовал, чтобы в Чехословакии прекратилось угнетение 3,5 млн судетских немцев, и им была предоставлена независимость. Гитлер обвинил чехословацкое правительство в целенаправленном притеснении судетских немцев, требовал для них права на самоопределение и заявил о готовности Германии оказать им помощь. Речь Гитлера послужила сигналом для Генлейна.

13 сентября в Судетской области начались беспорядки, подавленные вооружёнными силами Чехословакии.

Демонстрация бессилия

Тем временем в Великобритании и Франции всё более доминировала политика уступок Гитлеру. Великобритания предложила Чехословакии отказаться от части территории в пользу Германии, обещая ей в этом случае гарантии со стороны западных держав. Британские дипломаты оценивали стратегическое положение Чехословакии как «безнадежное», считая, что Гитлер оккупирует Чехословакию значительно раньше, чем эта страна получит помощь. Возник план прямых переговоров британского премьер-министра с фюрером. 15 сентября на их встрече Чемберлен был готов признать передачу Судетской области Германии, лишь бы Гитлер не начинал боевых действий.

Во Франции развернулась кампания против помощи Чехословакии. Даладьё считал, что Германия может использовать ситуацию для военного нападения на Чехословакию. Министр иностранных дел Франции Жорж Бонне призывал сохранить мир ценой Чехословакии. Французское правительство боялось вступать в противоборство с Германией и поэтому искало любой предлог, чтобы уклониться от своих обязательств, в том числе отказавшись от помощи со стороны СССР.

Советский Союз и по дипломатическим каналам, и через средства массовой информации регулярно сообщал о своей готовности прийти на помощь Чехословакии в случае агрессии. Сложность состояла в том, что СССР не имел общих границ с Чехословакией, поэтому части Красной армии могли пройти только через территорию Польши или Румынии. Однако правительства этих стран не давали разрешения на проход советских войск через свою территорию. Франция, имевшая договор с Польшей, никак не могла повлиять на позицию польского правительства. Польша не скрыва-

ла своих намерений использовать наступление Германии на Чехословакию, чтобы отторгнуть часть чехословацкой территории. Такое вмешательство поляков означало прямую помощь Германии.

Советский Союз предлагал разработать военные планы по защите Чехословакии, для чего требовалось провести переговоры между военными штабами Франции, Чехословакии и СССР. Однако ни Париж, ни Прага не откликнулись на инициативы Москвы. Правительственные круги этих стран усматривали в советских внешнеполитических предложениях скрытые намерения: введя для защиты Чехословакии войска, впоследствии оставить их там, создав таким образом форпост на западе, за линией своих границ.

Чтобы оказать помощь Чехословакии, в сентябре в Советском Союзе на западном направлении были приведены в боевую готовность 30 стрелковых и десять кавалерийских дивизий, танковый корпус, три отдельные танковые бригады, 12 авиационных бригад и семь укрепленных районов. В резерве находились еще 30 стрелковых и шесть кавалерийских дивизий, два танковых корпуса и 15 танковых бригад. В Киевском и Белорусском военных округах были сосредоточены 246 бомбардировщиков и 302 истребителя.

Вскоре «умиротворяющий» выход был найден – им стал «англо-французский план» урегулирования судетской проблемы, в котором рекомендовалось передать Германии те районы Чехословакии, где проживало более 50% немецкого населения. В районах с меньшим количеством немецкого населения предлагалось создать кантональное самоуправление.

19 сентября 1938 года президенту Чехословакии Эдварду Бенешу был передан план с комментариями о том, что с предупреждением Гитлер в любой момент может напасть на Чехословакию. Только тогда Бенеш впервые официально запросил, окажет ли СССР немедленную помощь Чехословакии. 20 сентября, получив от советского правительства утвердительный ответ, Бенеш отклонил «англо-французский план».

Чемберлен не хотел ехать к Гитлеру с таким ответом чехословацкого президента. В ночь на 21 сентября британский и французский посланники предъявили Бенешу ультиматум: или он принимает «англо-французский план», или Лондон и Париж не помогут Чехословакии в случае германского нападения.

Чехословацкие политики едва ли не больше боялись помощи Сталина, нежели вторжения Гитлера. Они считали, что война в Европе и поражение в ней Германии приведет к социальной революции. А ценой вторжения Германии станет национальное порабощение, но не национализация земли и имущества, чего, по их мнению, можно было ждать от Советов. Гитлер только «здорово пощиплет пух», что все же лучше, чем длительная война и революция. Поэтому лучше энергично бороться за мир, но в случае неизбежной войны вовремя встать на колени перед Германией.

«Англо-французский план» и ультиматум были приняты. После встречи Чемберлена с Гитлером 22–23 сентября участь Судетской области была предрешена. Оставаясь лишь сторонним наблюдателем, которого не приглашали к решению судетской проблемы, Советский Союз приступил к «демонстрации силы» – проведению учений частей Киевского военного округа. В ходе учений отмечалось «повышенное патриотические настроение командного и рядового состава, их готовность к боевым подвигам». Местное население «демонстрировало преданность партии, правительству и Сталину». Однако всё это не произвело необходимого эффекта за рубежом.

В это же время Польша усилила режим охраны своих границ с Советским Союзом и Чехословакией. Поляки возводили новые укрепления, минировали мосты, оборудовали позиции противовоздушной обороны, сосредоточивали войска на границе и начали военные манёвры. Польша и Венгрия, воспользовавшись складывающейся ситуацией, потребовали от чехословацкой стороны всех прав, предоставляемых немцам, также другим национальностям в Чехословакии, и на этом основании – территориальных уступок.

«Архидемократ» Европы

29 сентября в Мюнхене состоялась конференция глав правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии. Заседание продолжалось 13 часов. 30 сентября в 2 часа 30 минут Мюнхенское соглашение было подписано. Оно предусматривало передать Германии Судетскую область и ряд других районов, а также все находившиеся там сооружения и укрепления, сельскохозяйственные и промышленные предприятия с запасами сырья, пути сообщения и средства связи в срок с 1 по 10 октября. Участникам соглашения «гарантировались» новые границы чехословацкого государства.

В результате Чехословакия, потерявшая одну пятую часть своей территории, около четверти населения и половины предприятий тяжёлой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, которые рассматривались как наиболее серьёзный барьер против германской агрессии в Центральной Европе, стала нежизнеспособным государством.

Советский Союз оказался единственной страной, отказавшейся признать захват Чехословакии Германией и заявившей о незаконности мюнхенской сделки. Западные державы вновь проигнорировали предложения советской стороны о совместной защите Чехословакии, не без основания полагая, что в тот момент это могло закончиться падением фашистского режима в Германии, в чем они не были заинтересованы.

9 ноября 1938 года Гитлер подвёл итоги Мюнхенского соглашения, безапелляционно заявив в своей речи, что в течение 1938 года он как «архидемократ, уничтожил две диктатуры, а именно диктатуру Шушница (федеральный канцлер Австрии до аншлюса 1938 года. – В.Х.) и диктатуру Бенеша». Оставленная европейскими «друзьями», Чехословакия оказалась

один на один с нацистской Германией. Участь малого государства, находившегося в центре Европы, фактически была предрешена. Британские и французские гарантии новых чехословацких границ остались лишь на бумаге. 14–15 марта 1939 года Германия, нарушив Мюнхенское соглашение, полностью оккупировала Чехословакию, которая прекратила своё существование. После этого Мюнхенское соглашение было аннулировано.

Мюнхенское соглашение значительно укрепило политические и стратегические позиции Германии и её союзников, разрушило и без того неустойчивую договорную систему, имевшую цель сдерживать германскую агрессию. Лондон и Париж не сочли нужным отнестись к Германии как к агрессору и противостоять ему. Таким образом, Германия получила выгодные исходные позиции для дальнейшей экспансии и вскоре воспользовалась ими.

Именно Мюнхенский сговор стал прологом второй мировой войны. Пакт Молотова–Риббентропа годом позже стал лишь его продолжением.

МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ – НАЧАЛО ПОДГОТОВКИ ГИТЛЕРА КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

*Тезисы доклада на международной научной конференции
«Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность»
г. Москва, 15-16 октября 2008 г.*

Истории Мюнхенского соглашения в Советском Союзе и России посвящено большое количество работ: сборники документов¹, монографии², разделы в книгах³ и статьи⁴. Кроме того, имеются переводные работы зарубежных авторов⁵ и мемуары⁶.

Но до настоящего времени в научный оборот не введён ряд важнейших источников. Речь, в первую очередь, идёт о материалах специальных служб Великобритании, Франции, Германии, Италии и СССР, а также Чехословакии, Польши, Венгрии и союзниц Чехословакии по Малой Антанте.

Рассматривая историю Мюнхенского сговора, среди многочисленных документальных материалов Центрального архива ФСБ России можно наряду с прочим отыскать самые разнообразные документы и свидетельства, проливающие свет на отдельные аспекты темы. Например, на какие политические силы могло рассчитывать советское руководство, выступая с инициативой коллективного отпора гитлеровской агрессии.

В документах советских специальных служб можно найти ответы на многие вопросы. Несомненную значимость, в частности, представляет анализ того, какого рода и насколько полная информация была известна советскому политическому руководству. Также небезынтересно проследить трансформацию взглядов на события 1938 г. её участников – крупных военных деятелей Германии. Это и станет предметом нашего рассмотрения.

Исходя из данного обстоятельства, имеющиеся в Центральном архиве ФСБ России документы по названной теме можно условно разделить на несколько групп.

Как известно, в предвоенный период разведывательной работе в Австрии, Германии, Англии, Франции, Чехословакии и других европейских странах уделялось существенное внимание. Документы Центрального архива ФСБ России свидетельствуют, что благодаря успешной деятельности советской разведки и контрразведки, Сталин был полностью осведомлён о том, как проходил сговор ведущих европейских стран с Гитлером.

НКВД добывал важную политическую информацию как в иностранных посольствах в Москве, так и за границей. Из резидентур НКВД в европейских странах в Центр поступали секретные материалы с прогнозом последствий этого события для военно-политической ситуации в Европе.

В первую очередь нужно сказать о комплексе документальных материалов так называемой «Особой папки». В ЦА ФСБ России хранятся вторые и третьи экземпляры докладных записок и сообщений, которые направлялись в СНК СССР и ЦК ВКП(б). Документы содержат подробную информацию об обстановке на границах, ходе строительства укрепсооружений, дорог, идущих из тыла к границе, передислокации армейских частей приграничных государств, проведении военных учений, чрезвычайных происшествий и недостатках в боевой подготовке частей и соединений Красной армии, в том числе в советских ВВС.

Наряду с этими данными из НКВД СССР в адрес Сталина и Молотова регулярно передавалась информация, полученная от резидентов НКВД в Берлине, Лондоне, Париже, Праге. Обычно такого рода информацию предваряла фраза «От источников, заслуживающих доверия...». За этой фразой скрыты имена многих и многих людей, трудившихся в интересах советской разведки. Так, ещё в июле 1938 г. от источника из ближайшего окружения Муссолини были получены данные о том, что «итальянское правительство исходит в своих военных планах из германского решения напасть на Чехословакию не позднее конца августа или начала сентября»⁷.

5 августа 1938 г., опираясь на данные римского источника, 5 отдел 1-го Управления НКВД СССР информировал: «В последнее время итальянцы через чиновников министерства иностранных дел, через работников иностранных представительств в Риме и по другим каналам под видом особо секретной информации распространяют сведения о предстоящем в течение сентября германском нападении на Чехословакию. Делается это по специальному соглашению с немцами в целях содействия политике запугивания и шантажа, применяемого немцами в отношении Лондона, Парижа и Праги.

Слухи и информация такого порядка построены на ряде действительных фактов, как например, на решении регента Венгрии Хорти провести 9 сентября манёвры венгерской армии на чешской границе и на сведениях о плане немцев в случае войны с Чехословакией наступать через мало укрепленную австро-чешскую границу, а также на данных о том, что после нюрнбергского фашистского конгресса Гитлер примет окончательное решение по судетскому вопросу»⁸.

К группе документов, адресовавшихся высшему политическому руководству страны, можно присовокупить комплекс дешифрованной дипломатической переписки министерств иностранных дел европейских государств со своими посольствами в столицах Европы. Во второй половине 1930-х гг. в НКВД первоначально могли получать только копии ежедневных шифрованных депеш, поступавших во внешнеполитическое ведомство

Великобритании. После расшифровки эти депеши в Англии размножались в типографии, и очень скоро одна из копий была на столе наркома внутренних дел СССР. Позднее в результате успешных и активных действий советская внешняя разведка получила в своё распоряжение сами дипломатические шифры⁹. Это позволило не только перехватывать все радиосообщения, циркулировавшие между Форин офис и британскими посольствами в Берлине, Париже, Праге, но и очень быстро их дешифровывать.

На стол Сталину и Молотову ежедневно ложились полные тексты телеграмм, отправленных британскими послами в европейских столицах в адрес министра иностранных дел Великобритании и в обратном направлении. В дипломатической переписке подробно излагался ход мероприятий Форин офис в период, предшествовавший Мюнхенской конференции.

Рассекреченные документы советской разведки, относящиеся к 1938 г., раскрывают детали и подробности переписки европейских посольств со своими ведомствами¹⁰.

Так, в мае 1938 г. посол Великобритании в Праге информировал лорда Галифакса о реакции местной прессы на поездку Генлейна¹¹ в Лондон, отметив при этом, что «эта поездка вызвала значительные волнения и обмен мнениями в политических кругах, которые пришли к поспешному выводу, что эта поездка явилась ответом на приглашение со стороны правительства его величества. В своих беседах с людьми, с которыми мне приходилось сталкиваться, я высказывал то мнение, что эта поездка должна приветствоваться, так как она представляет случай к тому, чтобы дать Генлейну разумный совет. Я предполагаю, что вы проинформировали чехословацкого посланника в Лондоне об обстоятельствах данной поездки, и я был бы признателен, если бы вы сообщили мне о них для моего личного сведения. Только что мне сообщили по телефону, что, по словам д-ра Масарика, обстоятельства, сопутствовавшие пребыванию Генлейна в Лондоне, не вызвали неудовольствия д-ра Масарика»¹².

В конфиденциальной переписке британских дипломатов присутствовали данные, которые представляли для руководителей СССР особый интерес.

Так, излагая подробности своей беседы с президентом Бенешем, тот же Ньютон 18 мая 1938 г. сообщал в Лондон: «Д-р Бенеш заявил, что при каждом удобном случае он пытался установить хорошие отношения с Германией при том единственном условии, при котором Чехословакия продолжала бы поддерживать тесную связь с Западной Европой. Перед Чехословакией стояла альтернатива согласиться на гегемонию Германии и порвать свою связь с Западной Европой, что означало бы, что в будущей войне ей пришлось бы участвовать в качестве вассала Германии. Поэтому основным принципом чехословацкой политики остаётся связь с Западной Европой.

Отношения Чехословакии с СССР всегда были и будут оставаться второстепенным соображением, которое будет зависеть от позиции Франции и Великобритании. Нынешняя связь Чехословакии с СССР полностью осно-

вана на франко-советском договоре, но если Западная Европа не будет проявлять интереса к СССР, то Чехословакия примет аналогичную позицию. Его страна, повторил он, всегда будет следовать политике Западной Европы и никогда не будет связывать себя с Восточной Европой. Всякая связь с СССР будет стоять в зависимости только от Западной Европы, и Чехословакия откажется быть инструментом советской политики. Чехословакия, продолжал он, придерживается объективного мнения о значении СССР. Он считает, что мы, возможно, склонны недооценивать значения СССР, но это уже другой вопрос, который не имеет прямого отношения к вышеизложенному заявлению о политике Чехословакии»¹³.

Материалы, полученные внешней разведкой, дешифрованная дипломатическая переписка анализировались сотрудниками НКВД СССР, в частности, в Особом бюро при секретариате НКВД СССР. Здесь же готовилась информация о ведущих политических деятелях, дипломатах, военных, сотрудниках разведки, промышленниках, финансистах, чиновниках и других деятелях иностранных государств. Политическому руководству СССР в сжатые сроки предоставлялись в переводе выступления и речи Гитлера, политических деятелей Германии, Англии, Польши, Румынии, Франции, а также публикации в СМИ по вопросам внешней политики. Библиотека бюро получала свыше полутора сотен иностранных газет и журналов.

Это весьма немногочисленное подразделение в 1938 г. выполняло очень важные функции, о чём свидетельствуют те материалы, которые сохранились в Центральном архиве ФСБ России. Не более полутора десятков сотрудников анализировали и систематизировали информацию, не только добываемую разведкой и контрразведкой за границей, но и полученную в иностранных посольствах на территории Советского Союза. Так, доклад чехословацкого посла в Москве министерству иностранных дел Чехословакии от 28 мая 1938 г. в числе прочего содержал подробное изложение разговора с М.М. Литвиновым. «В среду 25 мая меня принял Литвинов, который извинялся, что не мог со мной говорить сейчас же по приезде, потому что болел бронхитом. Однако моё впечатление, что, пожалуй, кроме случайного заболевания, это обычная практика докладывать сначала Кремлю, что заставляет его принимать послов через 2–3 дня после приезда из Женевы.

Литвинов принял меня весьма сердечно и высказал своё удовлетворение решительной и твёрдой политикой нашего правительства». Далее посол воспроизводит содержание разговора с Литвиновым о его встречах в министрами иностранных дел европейских государств, проходивших в Женеве. «В Женеве Литвинов встретился с Галифаксом, который жаловался на огромные заботы, которые ему причиняют Испания и Чехословакия. Литвинов ответил, что созданию тяжёлой ситуации содействовала нерешительная политика демократических государств. Несчастье заключается в том, что Англия принимает за чистую монету всё, что немецкая сторона преподносит, в то время, как действительные замыслы Германии

совершенно иные. Литвинов высказал своё опасение за судьбу Чехословакии, в связи с чем Галифакс его спросил, каковы в этом отношении намерения Советского Союза. Литвинов указал на своё недавнее предложение о необходимости обеспечивать мир коллективно, хотя бы теми государствами, которые в этом непосредственно заинтересованы. Галифакс сослался на своё вмешательство в Берлине, на что Литвинов возразил, что в подобных случаях только одних дружеских советов недостаточно. С Германией надо говорить весьма ясно. Быть может, удалось бы объединённое дипломатическое вмешательство Англии, Франции и Советского Союза»¹⁴.

Ценность такого рода источника для историков состоит в том, что есть очень важные детали, которые дипломаты в такой переписке обязательно приводят. Так и в этом документе: «Литвинов, воспроизводя разговор с Галифаксом, улыбался».

Завершая обзор архивных документов разведки, следует отметить также важность и значимость для руководителей ведомства, страны и партии материалов, поступавших из Разведывательного управления РККА. В разведывательных сводках сообщалось, что с 15 августа 1938 г. во всех военных округах Германии проводились учения с участием большого количества резервистов, из числа которых сформировано 10–13 резервных дивизий. В Германии произведена скрытая всеобщая мобилизация, германская авиация в количестве до 1000 самолётов подготовлена для действия против Чехословакии, значительная часть бомбардировочной авиации сосредоточена в районах Дрездена и Бреслау. Однако и со стороны Чехословакии принимались ответные меры. К 15 сентября было объявлено военное положение в 12 округах, на службу призваны резервисты 11-ти возрастов. Укреплённые районы Либерцы, Немецка Яблоня и, по-видимому, остальные, заняты гарнизонами, производится уточнение секторов обстрела, установка препятствий. Аэродромы и зенитные части приведены в боевую готовность¹⁵.

Подготовку к войне вели и Польша, и Румыния. Ускоренными темпами строились железобетонные укрепления в приграничье, устанавливались проволочные и противотанковые заграждения, оборудовались посадочные площадки для самолётов. Интенсивное строительство и ремонт шоссе-ных и грунтовых дорог, идущих из тыла к границе, сопровождалось активным передвижением по ним воинских подразделений и грузовых поездов, а по реке Днестр – лодок и пароходов. Продолжалось укомплектование личным составом польских и румынских пограничных и армейских частей¹⁶.

Ещё одну большую группу материалов Центрального архива ФСБ России, которые расширяют круг документальных источников по истории Мюнхенского соглашения, составляют архивные уголовные дела в отношении военнопленных генералов вермахта.

В показаниях и протоколах допросов военнопленных сохранился колоссальный объём информации не только по истории Второй мировой

войны, но и предвоенной истории Европы. Внимательное изучение этого специфического исторического источника даёт возможность дополнить даже уже, казалось бы, известные эпизоды, касающиеся Мюнхенского соглашения. Будучи в плену, в ходе следствия многие из них оставили собственноручные показания о предвоенном периоде, о своих политических взглядах того времени, отношении к Гитлеру, нацистской партии и режиму.

В целях формирования необходимого общественного мнения в армейской среде на общепартийные съезды НСДАП в Нюрнберге стали приглашать германских офицеров, хотя формально они и не являлись членами национал-социалистической партии. В числе гостей съезда были будущие генералы германской армии А. Герстенберг, В. Кейтель, Э. Клейст, Ф. Шернер и другие. Уже тогда они хорошо понимали цели, к которым в своих выступлениях призывал Гитлер.

Национал-социализм, по оценке фельдмаршала Ф. Шернера¹⁷, мог означать только войну. И любое утверждение о том, что Германия не хотела войны, являлось только извращением истории¹⁸. По его мнению, 9-й съезд НСДАП, проходивший в Нюрнберге с 6 по 13 сентября 1937 г., фактически стал «генеральной репетицией по мобилизации всех средств связи и транспорта, по размещению и снабжению, репетицией подготовки к войне»¹⁹.

В то же время, оценивая силы германской армии в 1936–1937 г., немецкий военачальник Р. Шмидт²⁰ отметил, что она ещё не представляла собой грозной силы: «Сухопутные силы насчитывали всего лишь 14 армейских и 1 танковый корпус, они ещё не были полностью оснащены необходимым вооружением, так как формирование их началось в 1936 г. Начиная с 1938 г., Гитлер, не встречая на своём пути препятствий, стал усиленно формировать и вооружать германскую армию с целью осуществления его агрессивных планов»²¹. В 1938 г. он произвёл новые министерские назначения и кардинальные перестановки в германском военном руководстве. Рассуждая о политике предвоенного периода, генерал отметил: «Назначение Риббентропа и в Англии, и в СССР расценивалось как направленное на дальнейшее усиление "оси" Рим–Берлин–Токио и укрепление "антикоммунистического блока"»²².

По мнению фельдмаршала германской армии Ф. Шернера, которое он, находясь в плену, изложил в собственноручных показаниях, «союз Германии с Италией и Японией определялся не идеологическим родством и не едиными политическими целями, это было империалистическое объявление войны всему миру. Этот союз "оси" мог иметь, как следствие, в дальнейшем войну между самими союзниками, потому что, например, Муссолини в Австрии и на Балканах преследовал те же цели, что и Адольф Гитлер. Союз с Японией не был естественным не только по соображениям расового порядка, но и потому, что на китайском рынке резко сталкивались интересы обеих стран. Таким образом, национал-социалистическая политика заключения союзов носила в себе зародыш будущих войн.

Это подтверждается ещё и тем фактом, что германские военные переговоры и соглашения не носили честного, прямого характера»²³.

Весной 1938 г. германское правительство осуществило некоторые практические мероприятия по подготовке так называемой большой войны, т.е. войны против СССР. В мае 1938 г. Гитлер принял у себя германских военно-воздушных атташе. Присутствовавший на этом приёме генерал А. Герстенберг²⁴ запомнил слова Гитлера о том, что не он оставит германский народ в покое до тех пор, пока не будет создана великая германская империя. Фюрер ясно намекал при этом на захват необозримых пространств восточно-славянских стран и их колонизацию.

В этой же речи Гитлер обязал германских военно-воздушных атташе строить свою работу за границей таким образом, чтобы способствовать выполнению его основной задачи – созданию великой германской империи. Герстенберг, как и другие военно-воздушные атташе, понял эти слова Гитлера как призыв к подготовке и развязыванию войны против Чехословакии, Польши и СССР.

Герстенберг понимал, что «агрессивная политика Гитлера, направленная против СССР, находила полную поддержку со стороны правительств Англии и Франции. Англичане и французы принимали активные меры к тому, чтобы направить германскую агрессию на Восток, против СССР, обещая за это отдать Гитлеру Чехословакию и Польшу»²⁵.

1 октября германские войска перешли границу Чехословакии и спокойно пересекли линию укреплений у границы с Германией и Польшей, открытую для Гитлера французским премьер-министром Даладье и английским премьером Чемберленом. Генерал Р. Шмидт, принимавший участие в этой операции в качестве командира 1-й танковой дивизии, назвал её «мирным вступлением в Судетскую область».

Мюнхенское соглашение стало одним из решающих моментов гитлеровской диктатуры и создало новую геополитическую ситуацию в Европе, разрушив с трудом создаваемую систему коллективной безопасности, что, в конечном счете, привело ко Второй мировой войне.

Именно тогда – а не через год, был брошен роковой жребий.

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Том 1. Ноябрь 1937–1938 гг. Из архива МИД Германии; Том 2. Архив Дирксена (1938–1939 гг.). – М., 1948; Новые документы из истории Мюнхена. – М., 1958; Документы по истории советско-польских отношений. Т. 4. – М., 1969; СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.): Документы и материалы. – М., 1971; Документы по истории мюнхенского соглашения 1937–1939. – М., 1979; Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939. Т. I. – М., 1981; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. – М., 1978; Европа в международных отношениях 1917–1939. – М., 1979; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки». 1929–1939. – М., 2001 и др.

² Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. – М., 2004; Овсяной И.Д. Тайна, в которой

война рождалась (Как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). – М., 1975; *Овсянников Р.С.* За кулисами политики «невмешательства». – М., 1959; *Поляков В.Г.* Англия и мюнхенский сговор (март–сентябрь 1938 г.). – М., 1960; *Уткин А.* Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен. – М., 2004; *Цветков Г.* Политика США в отношении СССР накануне Второй мировой войны. – Киев, 1973 и др.

³ История международных отношений и внешней политики СССР 1917–1939 гг. Т. 1. – М., 1961; История дипломатии. Т. 3. – М., 1965; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. – М., 1974; История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. 1917–1945. – М., 1986.

⁴ *Десятков С.Г.* Уайтхолл и мюнхенская политика // Новая и новейшая история. 1979. № 3–5; *Иванов А.Г.* Великобритания и мюнхенский сговор (в свете архивных документов) // Новая и новейшая история. 1988. № 6; *Севостьянов Г.Н.* Мюнхен и дипломатия США // Новая и новейшая история. 1987. № 4; *Марьина В.В.* Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа : Материалы междунар. науч. конф. Москва, 15–16 марта 2005 г. – М., 2008. – С. 19–50.

⁵ *Ротштейн Э.* Мюнхенский сговор. – М., 1959; *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась Вторая мировая война. – М., 1972; *Пренарата Г.* Гитлер, Инс. Как Британия и США создавали Третий рейх. – М., 2007 и др.

⁶ *Карасманоглу Я.К.* Дипломат поневоле. – М., 1966; *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. – М., 1987; *Риббентроп И.* Между Лондоном и Москвой : Воспоминания и последние записи : Из его наследия, изданного Аннелиз фон Риббентроп. – М., 1996; *Риббентроп И.* Тайная дипломатия III рейха. – Смоленск, М., 1999; *Табуй Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. – М., 2005.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 9. Л. 34.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 100. Оп. 11. Д. 9. Л. 38.

⁹ *Анич Б., Петрович А.* Радиошпионаж. – М., 1996. – С. 273.

¹⁰ *Маслов С.* Правды стало больше : СВР России обнародовала ранее неизвестные документы о Мюнхенском сговоре западных держав с Гитлером в сентябре 1938 года // Российская газета. 2008. 30 сентября.

¹¹ Генлейн Конрад (1898–1945), чешско-немецкий политический деятель. В 1933 г. возглавил Германский патриотический фронт (с 1935 г. – Судетская немецкая партия). После восстания 1938 г. в Судетах чехословацкое правительство обвинило партию в государственной измене и приостановило её деятельность; Генлейн бежал в Баварию, откуда по радио потребовал присоединения к Германии территорий, на которых проживало более половины немецкого населения. По Мюнхенскому соглашению Судеты отошли к Германии. Генлейн был назначен имперским наместником и гауляйтером Судетенланд. В мае 1945 г. взят в плен американцами. Покончил жизнь самоубийством.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 419. Л. 8.

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 419. Л. 23–24.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 419. Л. 171.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 898. С. 124–127.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 63, 75.

¹⁷ Шернер, Фердинанд (1892–1972), немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий группой войск «Центр». 11 февраля 1952 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к 25 годам ИТЛ. В 1954 г. удовлетворено ходатайство о помиловании и досрочном освобождении. Передан властям ГДР. В 1957 г. мюнхенским судом приговорен к 4,5 годам лишения свободы как виновный в гибели тысяч немецких солдат.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Д. Н-21138. В 2-х тт. Т. 1. Л. 50.

¹⁹ Там же. Л. 45–50.

²⁰ Шмидт, Рудольф (1887–1957), немецкий военный деятель, генерал-полковник (1942). С октября 1937 г. командир 1-й танковой дивизии, которая участвовала в польской кампании; считался одним из главных экспертов вермахта по танкам. С 1 февраля 1940 до 15 ноября 1941 гг. – командир XXXIX армейского корпуса, затем – командующий 2-й армией (до января 1942 г.). Одновременно, с 25 декабря 1941 по 10 апреля 1943 гг. – командующий 2-й танковой армией. Летом 1943 г. отстранен от командования за неудачи в операциях под Орлом. 6 августа

1945 г. арестован как военный преступник. 4 февраля 1952 г. Военным трибуналом войск МГБ Московского округа осужден к 25 годам лишения свободы. Досрочно освобожден и репатрирован в Германию 7 февраля 1956 г.

²¹ ЦА ФСБ России. Д. Н-21139. В 2-х тт. Т. 1. Л. 153.

²² Там же. Л. 155–156.

²³ ЦА ФСБ России. Д. Н-21138. В 2-х тт. Т. 1. Л. 47–50.

²⁴ Герстенберг, Альфред Георг (1893–1959) – немецкий военный деятель, генерал-лейтенант (1944). Участник Первой мировой войны. Офицер-наблюдатель 2-й эскадрильи «Рихтхофен» (1916–1917), офицер по хозяйственным и финансовым вопросам при центральном представительстве рейхсвера в Москве (1927–1932), атташе по люфтваффе при посольстве Германии в Варшаве (1938–1939), одновременно атташе по люфтваффе при консульстве Германии в Бухаресте (1938–1944), главнокомандующий люфтваффе в Румынии (1942–1944), с 1 сентября 1944 г. в советском плену. По приговору Военного трибунала Московского военного округа от 20 февраля 1952 г. осужден к 25 годам тюремного заключения. 12 октября 1955 г. репатрирован.

²⁵ ЦА ФСБ России. Д. № Н-21147. В 2-х тт. Т. 1. Л. 82–83.

В ГЕРМАНИИ С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДАЛИ НАЧАЛА ПОХОДА КРАСНОЙ АРМИИ

Статья в журнале «Звезда»
2010 г. № 9

События сентября 1939 г., предыстория, подготовка, поход Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию в сентябре–октябре 1939 г. и его последствия отражены во многих книгах и статьях, посвященных Второй мировой и Великой Отечественной войнам, а также истории международных отношений XX в. За прошедшие 70 лет историография этого события прошла несколько этапов, что связано как с изменениями в официальных подходах к проблеме, так и во взглядах авторов публикаций. В зарубежной историографии, прежде всего Великобритании, Франции, США, ФРГ, польские события, как правило, трактовались как новый раздел Польши между Германией и Советским Союзом. В то же время советская историография полностью оправдывала действия СССР. Вступление Красной армии в восточные районы Польши называлось в советской историографии «освободительным походом», доказывались его правомерность и необходимость. Эта точка зрения высказана в таких фундаментальных исследованиях, как «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945»¹, «История Второй мировой войны. 1939–1945»², в работах академика А.М. Самсонова «Вторая мировая война. 1939–1945»³ и «Крах фашистской агрессии»⁴.

В 1989–1991 гг., после признания в СССР и России секретных протоколов к пакту Молотова–Риббентропа, их официального осуждения и нового освещения польских событий 1939 г. ситуация в советской и современной российской историографии изменилась. Мнения авторов разделились.

В очерках истории российской внешней разведки польские события названы «операцией по освобождению территорий Западной Украины и Западной Белоруссии»⁵. В исследовании, проведенном коллективом авторов под руководством Г.Ф. Кривошеева и опубликованном в 2001 г., также говорится об освободительном походе Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию⁶. В популярной настольной энциклопедии Britannica о польских событиях говорится, что «вторжение в Польшу в 1939 г. Советского Союза и Германии форсировало Вторую мировую войну»⁷.

В 3-м томе издания «Мировые войны XX века» авторы отмечают: «17 сентября советское правительство, используя секретный советско-германский протокол от 23 августа, отдало своим войскам приказ занять восточные районы Польши – Западную Украину и Западную Белоруссию. 28 сентября советские войска, практически не встретив сопротивления, выполнили поставленную перед ними задачу. Их действия мотивировались благородной целью защиты украинцев и белорусов, брошенных польским руководством на произвол судьбы. В то же время эти действия были нарушением подписанных советским правительством с Польшей Рижского договора 1921 г. и договора о ненападении 1932 г.»⁸.

Большой вклад в изучение истории советско-польских отношений накануне Второй мировой войны внесли учёные Институты российской истории, всеобщей истории, славяноведения Российской Академии наук, Института истории Польской Академии наук, Института национальной памяти Польши. На конференциях и «круглых столах» высказывались разные точки зрения на международные отношения в преддверии Второй мировой войны. Материалы научных дискуссий содержатся в сборнике статей «Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия»⁹. В книге освещены основные перипетии взаимоотношений СССР и Польши в 1920–1930-х гг., показано место Польши в политике сталинского руководства.

Материалы «круглых столов», проходивших в Институте славяноведения Российской Академии наук, составили первую и вторую части сборника документов «СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война: дискуссии, комментарии, размышления»¹⁰. Ценность сборника определяется тем, что в нем отражена эволюция взглядов на один из важных разделов отечественной истории и дана обширная историография внешней политики СССР накануне и в начале Второй мировой войны.

В 2009 г., к 70-летию начала Второй мировой войны, был издан специальный выпуск журнала «Завтра может быть уже поздно...»¹¹. В статьях Н.С. Лебедевой, С.З. Случа, С. Дембски, М. Волоса, опубликованных в издании, дается анализ польских событий 1939 г.

В коллективной монографии «К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии»¹² отдельная глава посвящена хронике военного похода Красной армии в Западную Белоруссию и Западную Украину. В ней на основе источников из государственных и ведомственных архивов, мемуарной литературы рассмотрена предыстория польского похода, описаны успехи и недостатки польской кампании, проведено сравнение, как готовился к боевым действиям вермахт и как – Красная армия¹³. Фонд исторической перспективы выпустил сборник статей, посвященных предыстории Второй мировой войны, под названием «Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну?»¹⁴. Безусловный интерес представляют документы кануна Второй мировой войны, опубли-

кованные в приложении. Советско-польские отношения 1918–1939 гг. подробно освещены в работах М.И. Мельтюхова: «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг.», «Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.», «17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939»¹⁵. В этих работах дан подробный, а главное, объективный анализ советско-польских отношений, показаны взаимоотношения возрожденной Польши с Советской республикой в 1918–1921 гг., описан ход советско-польской войны 1919–1921 гг., межвоенные отношения. Основное внимание уделено подготовке, проведению и итогам Польского похода. Факты о деятельности органов НКВД СССР в это время, приведенные автором, подтверждаются материалами Центрального архива ФСБ России. В монографии «Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.»¹⁶ А.О. Чубарьян исследует внешнюю политику СССР с учетом особенностей сталинской системы руководства. Автор подробно рассматривает вопрос о секретном протоколе к советско-германскому договору от 23 августа 1939 г., судьбе Польши и реакции зарубежных стран на польские события.

Поход Красной армии связан с темой задержания большого количества польских военнослужащих и гражданских лиц, их депортации, пребывания в лагерях и последующих расстрелов, широко известных как «Катынские события». В исследовании Н.С. Лебедевой «Катынь: Преступление против человечества»¹⁷ одна из глав посвящена польским событиям. В ней содержится резкая критика сталинского режима и «советской агрессии» против Польши. В книге «Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях»¹⁸ события, приведшие к ликвидации польского государства и его армии, анализируются как последствия подписания советско-германских договоров 1939 г.

Основные источники, содержащие информацию о политической обстановке в Западной Украине и Западной Белоруссии, хранятся в Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ), Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России).

В числе опубликованных источников следует назвать многотомное издание о работе органов государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне¹⁹. В 2009 г. в «Вестнике Архива Президента Российской Федерации» были опубликованы документы о советско-германских отношениях с 1933 по 1941 гг.²⁰.

В 2001–2003 гг. ФСБ России совместно с Министерством внутренних дел и администрации Республики Польша, Институтом национальной памяти – Комиссией по расследованию преступлений против польского народа выпустили два сборника документов: «Польское подполье на территории

Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг.»²¹ и «Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году»²². В сборнике документов из архива Службы внешней разведки Российской Федерации, вышедшем в 2009 г., представлены аналитические обзоры внешней и внутренней политики Польши, политические письма и записи бесед послов, донесения военных атташе, подборки информационных телеграмм польских дипломатических миссий и другие материалы, направлявшиеся советскому руководству в период с 1935-го по 1945 г.²³

Материалы советской военной разведки опубликованы в сборнике «Военная разведка информирует». В них содержатся сведения с января 1939-го по июнь 1941 г. о позиции Германии на переговорах с Польшей, планах Гитлера оккупировать Чехословакию и Польшу²⁴.

В 2009 г. вышел в свет сборник документов «Советские органы государственной безопасности в 1939 – июне 1941 г.: документы Специального государственного архива Службы безопасности Украины»²⁵. В нем представлены материалы об оперативной обстановке в Западной Украине и Западной Белоруссии во время и после похода Красной армии, военнопленных польской армии, их содержании в лагерях НКВД, проведенных «зачистках» от враждебных элементов. В книге «Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни»²⁶ опубликованы документы о расстреле польских военнопленных – офицеров, полицейских и заключённых тюрем, которые были задержаны осенью 1939 г.

Источников личного происхождения – мемуаров, написанных участниками Польского похода, к сожалению, сохранилось незначительное количество. В основном это связано с тем, что в подавляющем большинстве его участники погибли в годы Великой Отечественной войны, а для тех, кто уцелел, события этой войны затмили впечатления скоротечного Польского похода. В мемуарах советских военачальников, например И.В. Тюленева (командующий 12-й армией, командарм 2 ранга)²⁷ и С.М.Кривошеина (командир 29-й отдельной танковой бригады, комбриг)²⁸, описание похода Красной армии в сентябре 1939 г. занимает несколько страниц. Совместный парад в Бресте 22 сентября 1939 г., описанный Кривошеиным, кратко упоминает и германский генерал Г. Гудериан²⁹.

Взгляд с другой стороны представлен в воспоминаниях польского генерала В. Андерса «Без последней главы». События сентября 1939 г. он оценил так: «Советская Россия в одностороннем порядке разорвала договор с Польшей о ненападении в самую тяжёлую для Польши минуту и, как шакал, набросилась со спины на истекающую кровью польскую землю»³⁰.

Подготовка к походу Красной армии

1 сентября 1939 г. вермахт вторгся в Польшу, вслед за чем Великобритания и Франция объявили войну Германии. В тот же день Верховный Совет СССР принял «Закон о всеобщей воинской обязанности», в соответствии

с которым советские Вооруженные силы переходили на кадровую систему комплектования, вводились новые сроки службы, регламентировался порядок призыва и увольнения в запас, допускалась возможность задержки увольнения старослужащих красноармейцев и краснофлотцев сроком на два месяца. 2 сентября нарком внутренних дел Л.П. Берия направил Сталину, Молотову и Ворошилову докладную записку о немецких бомбардировках в Польше: «1 сентября в 13 часов 10 минут из Польши поступило сообщение, что в уездах Августов, Бельск-Подляски, Соколув, Граево и Высоко-Мажовец происходили бомбардировки. Есть убитые и раненые. Атакваны железнодорожные мосты, станции, обстреляны поезда. Польская армия отступает. В 21 час 30 минут Варшава передала последнее известие следующего содержания: „Солдаты! 1-го сентября на нас напал наш вечный враг – немец“»³¹. 2 сентября наркомом внутренних дел УССР был назначен И.А. Серов. Для координации деятельности органов и войск НКВД с военным командованием на Украину был командирован заместитель наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулов, а в Белоруссию – начальник Особого отдела НКВД СССР В.М. Бочков. На основе информации, поступавшей от Меркулова, Серова, Бочкова, Л.Ф. Цанавы (НКВД БССР) и из других органов внутренних дел, Берия практически ежедневно направлял докладные записки высшему политическому руководству. В них подробно описывались изменения обстановки на границе с Польшей, на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, настроения местного населения, говорилось о деятельности пограничных войск и органов НКВД.

По данным разведки, советским войскам противостояли подразделения польского Корпуса пограничной охраны, личный состав которых к моменту вторжения был заменен резервистами, тыловые и выведенные на переформирование регулярные части Войска Польского, сотрудники жандармерии и полиции, а также осадники и лесники³². 5 сентября Берия проинформировал Сталина, Молотова и Ворошилова о том, что в Польше усиленно велась пропаганда, призывавшая к решительной борьбе против Германии, за независимость и территориальную целостность польского государства. Она находила понимание среди населения. Одновременно часть поляков проявляла желание перейти в СССР, а литовцев – добровольно вступить в польскую армию для совместной борьбы против немцев.

Подготовка к походу и предстоящим боевым действиям началась с того, что 4 сентября 1939 г. приказом наркома обороны СССР было задержано на один месяц увольнение в запас военнослужащих срочной службы в Белорусском и Киевском особых, Ленинградском, Московском, Калининском и Харьковском военных округах.

Следующим шагом стало принятие 6 сентября решения о проведении частичной мобилизации Красной армии. В этот день Военные советы Ленинградского, Калининского, Белорусского и Киевского особых, Московского, Орловского и Харьковского военных округов получили

директиву наркома обороны № 14650, которая требовала с 7 сентября поднять на большие учебные сборы все войсковые части и учреждения округа. Название «Большие учебные сборы» (БУС) было шифрованным обозначением скрытой мобилизации. Началось развертывание отдельных воинских частей, имевших срок приведения их в готовность по штатам военного времени до 10 суток, велась скрытая мобилизация приписного состава перечисленных военных округов. Сообщения о ней нигде не публиковались, расклейка приказов категорически запрещалась, военнообязанные вызывались строго по повесткам из военкоматов. Штабы Белорусского и Киевского особых округов переформировывались в штабы Белорусского и Украинского фронтов, формировались армии, корпуса и дивизии. Для нужд армии с промышленных предприятий, из колхозов и совхозов по разнарядкам направлялись автомобили, тягачи, тракторы, конский состав.

НКВД внимательно следил за ходом проведения учебных сборов по центральным учреждениям Красной армии и военным округам, призыва на военную службу приписного состава, контролировал общественные настроения. Полученная информация направлялась Сталину, Молотову и Ворошилову. В первый день сбора на пункты явилось менее половины от предусмотренного мобилизационными планами приписного состава. В течение всего дня они находились без дела и из-за отсутствия помещения были отпущены по домам до 8 сентября. Воинские части не были подготовлены для приема приписного состава, не хватало помещений, постелей, обмундирования, продуктов питания, вооружения и боеприпасов, транспортных средств.

7 сентября в Москве в Генеральном штабе Красной армии командующему Киевского особого военного округа С.К. Тимошенко вручили оперативные планы КОВО на предстоящую боевую операцию. На следующий день, 8 сентября, оперативные планы Белорусского особого военного округа были направлены командующему войсками округа в Минск. Для того чтобы не произошло утечки информации о готовившемся вступлении войск Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, особые отделы НКВД предпринимали повышенные меры безопасности.

Готовились к походу на сопредельную территорию и в Наркомате внутренних дел. 8 сентября 1939 г. Берия подписал директиву «Об оперативных мероприятиях в связи с проводимыми учебными сборами». Серову и Цанаве предписывалось выделить по 50 оперативных и 150 оперативно-политических работников погранвойск в Киев и Минск к 22 часам 9 сентября 1939 г. Начальнику Управления НКВД по Ленинградской области С.А. Гоглидзе поручалось откомандировать в распоряжение Серова 30 оперативных сотрудников из УНКВД и 30 оперативно-политических – из погранвойск. От заместителей наркома внутренних дел С.Н. Круглова и И.И. Масленникова требовалось выделить 25 оперативных работников, из которых 10 направить в Киев и 15 – в Минск. Все сотрудники снабжались командировочными деньгами сроком на один месяц. В Киевском особом военном округе форми-

ровались 5 оперативно-чекистских групп по 50–70 человек, в Белорусском – 4 группы по 40–45 человек. Оперативно-чекистские группы получили личное оружие и были распределены в соответствии с планами Наркомата обороны по армейским группам. Из состава войск Киевского и Белорусского пограничных округов в распоряжение начальников оперативно-чекистских групп для выполнения специальных заданий выделялись по одному батальону численностью 300 человек каждый, а также был сформирован резерв в 300 человек из числа сотрудников территориальных органов НКВД. О проводимых подготовительных мероприятиях Серов ориентировал командующего КОВО Тимошенко и 1-го секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущёва, а Цанаву – командующего БОВО М.П. Ковалёва и 1-го секретаря КП(б)Б П.К. Пономаренко³³.

Спустя несколько дней Киевский и Белорусский особые военные округа стали функционировать как Украинский и Белорусский фронты, которые возглавили соответственно Тимошенко и Ковалёв, а Хрущёв и Пономаренко стали членами Военных советов фронтов.

Несмотря на важность задач, связанных с предстоявшим боевым походом, из поля зрения органов НКВД не выпадали и вопросы внутренней обстановки в СССР: ход призыва и проведения учебных сборов, строительные и производственные работы на объектах оборонного значения, контроль за настроениями населения. 9 сентября Берия сообщил Сталину, что не решен вопрос в отношении учителей призывного возраста, а также тех, которые ранее получили отсрочку. В Уральском и Приволжском военных округах были отмечены факты, когда призыву подлежали по несколько учителей из одной и той же школы, что ставило под угрозу нормальный ход занятий. Ряд наркоматов, своевременно не поставив вопрос о бронировании нужных им специалистов, требовал от Генерального штаба освобождения работников той или иной специальности, призываемых на сбор.

Между Генеральным штабом и Наркоматом путей сообщения не было согласованности о воинских перевозках на ближайшие несколько дней. В этот же день Берия направил записку в ЦК ВКП(б) Сталину, Молотову и Ворошилову, в которой проинформировал о недопустимости ослабления темпов работ на объектах хозяйственно-производственной деятельности НКВД СССР, даже в условиях проводимых в сентябре 1939 г. организационных мероприятий. Он настаивал на том, что нецелесообразно снимать с этих объектов по мобилизации инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих. Берия подчеркивал, что особенностью строительных и производственных объектов НКВД было то, что на всех стройках основной рабочей силой являлась лагерная рабочая сила и если снять инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих работы бы прекратились. Настаивая на необходимости сохранить на всех объектах НКВД инженерно-технический состав и квалифицированных рабочих, как организаторов и руководителей работ заключенных, Берия предлагал для

строительства оборонных шоссежных дорог развернуть для учебных сборов формирования ГУШОСДОРа (Главное управление шоссежных дорог. – В. Х.) и поставить их на оборонные дороги пограничной полосы. Охрана заключенных в лагерях возлагалась на военизированную охрану. В обстановке проводимых мероприятий ее следовало усилить. Нарком внутренних дел предлагал забронировать всю численность вольнонаемной охраны ГУЛАГа НКВД, а при последующих изъятиях из ВОХР предварительно заменять их призывом в ВОХР старших возрастов³⁴.

Важным направлением деятельности НКВД оставался контроль за настроением населения. 10 сентября Берия сообщил, что «со стороны населения Москвы наблюдается повышенный спрос на продовольственные и хозяйственные товары, а также рост выемки денежных вкладов из сберегательных касс и сдачи в залог облигаций Государственных займов. У продовольственных магазинов наблюдаются очереди (в магазинах до 200 человек и на улицах более 300 человек). Так, с 1 по 7 сентября по г. Москве было продано 3164 тонны сахара (в июне – 2026 тонн, в июле – 2673 тонны). Отпуск сахара за 9 сентября составил 1620 тонн вместо обычных 380 тонн. В несколько десятков раз возросла продажа соли, спичек, мыла. В некоторых магазинах отсутствовали в продаже сахар и соль. В то же время существенно сократился вывоз овощей с торговых баз в магазины. Отмечался устойчивый рост изъятия вкладов по сберкассам г. Москвы: 6 сентября – 692 тыс. рублей, 7 сентября – 852 тыс. рублей, 8 сентября – 5 млн 814 тыс. рублей, 9 сентября 18 млн рублей. 9 сентября сдано в сберкассы г. Москвы облигаций выпуска 1938 г. на сумму 4 млн рублей. В некоторых сберегательных кассах создались очереди до 100–150 человек, причем требования вкладчиков из-за отсутствия денег в сберкассах не были удовлетворены»³⁵.

О тщательной подготовке к вступлению на новые территории свидетельствует обращение Берии к Сталину и Молотову от 10 сентября 1939 г. с предложением об увеличении численности пограничных войск НКВД СССР. Это было связано с предстоявшим изменением дислокации пограничных войск НКВД Киевского и Белорусского округов и увеличением протяженности охранявшихся войсками этих округов линии государственной границы СССР с 1412 до 2012 км. Как отмечалось в письме заместителя наркома внутренних дел Масленникова начальнику Генерального штаба Красной армии Шапошникову, «для выполнения специального задания правительства СССР в связи с предстоявшим вступлением на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии из состава пограничных войск НКВД выделены 17 438 военнослужащих и 4674 лошади». В другом письме Масленников просил Генштаб «срочно выделить для Главного управления пограничных войск НКВД топографические карты всех имевшихся масштабов пограничных районов Польши с Латвией, Литвой, Восточной Пруссией, Чехословакией и Румынией»³⁶.

11 и 14 сентября Берия информировал высшее политическое руководство о ходе призыва и проведения учебных сборов в частях Московского военного округа, а также на территории некоторых краев и областей³⁷. Берия отмечал, что комплектование частей 1-го стрелкового корпуса Московского военного округа шло медленно и неудовлетворительно: на военную службу призывались лица, не имевшие необходимой специальной подготовки, не хватало помещений для призывников, автотранспорта, боевой техники, оружия и боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продовольствия. Отмечалась неудовлетворительная работа ряда военкоматов Москвы и области, Ленинградской области, случаи игнорирования со стороны хозяйственников и руководителей предприятий нарядов на поставку автомашин в военкоматы. НКВД информировал, что наиболее остро стоял вопрос обеспечения ВВС Красной армии авиационным топливом. Вместо предусмотренного трехмесячного запаса топлива для авиационных частей, расположенных на западных границах СССР, в действительности запасы были на 17–18 дней. Не выполнялся план поставок винтовочных патронов в части и соединения Киевского и Белорусского особых, Ленинградского и Харьковского военных округов. По вине воинских частей систематически происходили срывы погрузки и отправления эшелонов³⁸.

Наркоматы внутренних дел БССР и УССР собирали разностороннюю разведывательную информацию об обстановке на сопредельной территории и направляли ее в Москву. В ряде уездов создавались партизанские группы для разгрома имений, кулаков и учреждений. Имели место поджоги, порча телефонных и телеграфных проводов. На советскую сторону перешли три дезертира польской армии. Польские власти, скрывая от населения поражения на фронте, применяли репрессии и усилили режим³⁹.

12 сентября Берия сообщил Сталину, Молотову и Ворошилову о том, что в Польше началась мобилизация. Часть мобилизованных концентрировалась в городах Вильно и Львове. Поляки усилили охрану границы, пограничная стража пополнялась мобилизованными резервистами. Польские власти сообщали, что сдача немцам польских городов производится с целью окружения и захвата немецких войск. Население не верило этому. Местным жителям запрещалось говорить о военных действиях. В приграничной полосе росли настроения населения эмигрировать в СССР. На границе с Советским Союзом была увеличена численность пограничной стражи. В ряде пунктов выставлены дополнительные посты⁴⁰.

13 и 14 сентября Берия направил информацию Сталину, Молотову и Ворошилову о состоянии польской пограничной охраны в прилегавшей к СССР пограничной полосе. По неполным данным НКВД БССР, «численность пограничной охраны на участке государственной границы на территории Белорусской ССР составляла 10 тыс. 968 человек, имевших на вооружении 10 тыс. 207 винтовок, 535 ручных пулеметов, 209 станковых пулеметов, 18 противотанковых орудий». По данным разведки пограничных войск

НКВД, «поляки увеличивали численность войск в ближайшей к СССР пограничной полосе и ближайшем тылу». В населенных пунктах в 30–50 км от границы находились части польской армии: кавалерийский полк, 3 конных артиллерийских дивизиона, 3 артиллерийских полка, 1 авиационный полк, 4 уланских полка, 7 пехотных полков, батальон связи и кавалерийская бригада. Возводились оборонительные сооружения, рылись окопы. На реке Припять размещалась Пинская речная флотилия. В конце августа около 60% кадрового состава солдат и офицеров польской погранохраны были отправлены на фронт. Берия отмечал, что настроение «беднячко-батрацкой части белорусов польского населения характеризуется выражением симпатии к СССР, нежеланием воевать, стремлением сдачи в плен, бегству в СССР»⁴¹.

15 сентября 1939 г. в соответствии с законом о всеобщей воинской обязанности начался очередной призыв в ряды Вооруженных сил СССР, широко освещавшийся в средствах массовой информации. Мобилизация огромного количества людей сразу же породила проблемы с их размещением, перемещением, обеспечением оружием, продовольственным и вещевым довольствием, денежным содержанием, медицинским обслуживанием, боевой и политической подготовкой. Приписников размещали в непригодных помещениях или в тесноте. Не хватало кроватей и постельных принадлежностей, люди спали на полу в неотопляемых помещениях. К местам развертывания их везли в товарных вагонах. Поступающая техника требовала проведения технического обслуживания, снабжения запасными частями и горючим. Лошадей требовалось размещать, кормить и лечить.

Погоня за стопроцентной укомплектованностью подразделений приводила к тому, что на воинские должности назначались лица без всякого учета их прежних военно-учетных и гражданских специальностей: в кавалерию приходили люди, боявшиеся лошадей, бывший писарь становился командиром тяжелого орудия, а школьному учителю вверяли саперный взвод. Очень многие выказывали недовольство материальным положением. Денежное содержание красноармейца, составлявшее 8–10 рублей в месяц, не могло компенсировать те потери, которые нес приписник, покинув свое прежнее место работы. Незначительное пособие, выдаваемое его семье, также не обеспечивало нормального уровня жизни. Поэтому возникали многочисленные «нездоровые» настроения, в том числе и среди ветеранов Первой мировой войны.

15 сентября 1939 г. Берия подписал директиву об организации работы органов НКВД в «освобожденных районах» Западной Украины и Западной Белоруссии, адресованную наркомам внутренних дел УССР и БССР. В директиве отмечалось, что по продвижении войск и занятии ими городов будут создаваться временные управления, в состав которых войдут руководители опергрупп НКВД. Работникам НКВД предписывалось работать «в тесном контакте с военным командованием и под руководством временных управлений. По мере продвижения советских войск создавать на занятой террито-

рии во всех значительных городских пунктах аппарат НКВД за счет выделения из состава основной опергруппы НКВД небольших групп с небольшим отрядом красноармейцев-пограничников». Эти группы должны были стать ядром будущих органов НКВД. От них требовалось занять все учреждения связи, поставив во главе надежных людей; помещения всех государственных и частных банков, казначейств, всех хранилищ ценностей; архивы, прежде всего, жандармерии и филиалов 2-го отдела генштаба; тюрьмы, проверив весь состав заключенных, освободив из-под стражи всех арестованных за революционную и антиправительственную деятельность, поставив в управлении тюрем надежных людей во главе с одним из работников НКВД, обеспечив строгий режим содержания арестованных. Оказать всяческое содействие политработникам в занятии типографий, редакций газет, складов бумаги и в налаживании выпуска газет; арестовать наиболее реакционных представителей прежней власти, а также руководителей контрреволюционных партий, главарей и активных участников белогвардейских эмигрантских монархических организаций; одновременно с этим развернуть следствие по делам арестованных участников контрреволюционных организаций, в ходе которого вскрыть организации, группы и лиц, ставящих целью проведение террора, диверсий, повстанчества и контрреволюционного саботажа. Лиц, изблеченных следствием в организации политических эксцессов и открытых контрреволюционных выступлений, арестовывать немедленно; принять меры к аресту агентов спецслужб, используя для этого изъятые архивы; обеспечить охрану общественного порядка, надежную охрану объектов жизнеобеспечения; организовать борьбу с грабежами, бандитизмом, спекуляцией; организовать пожарную охрану, поставив во главе ее надежных людей; провести изъятие у гражданского населения нарезного огнестрельного оружия, взрывчатых веществ и радиопередатчиков⁴².

Как показали дальнейшие события, директива все же не смогла предусмотреть всех особенностей, и при ее реализации возникли проблемы, которые пришлось решать на ходу. Скрыть мобилизацию сотен тысяч людей, изменение графика движения пассажирских поездов, переселение воинских частей и соединений из Калининского или Московского военных округов к западной границе было невозможно. За день до начала похода, 16 сентября 1939 г., заместитель начальника пограничных войск НКВД Киевского округа С.Р. Савченко, докладывая руководству НКВД УССР о положении на сопредельной территории, отмечал, что наряду с прибытием беженцев из западных районов Польши и раненых с германского фронта ведутся военные приготовления поляков в пограничной полосе: мобилизованное население рыло окопы, солдаты устанавливали орудия и пулеметы, перегруппировывались польские части⁴³.

В Германии с нетерпением ждали начала похода Красной армии. 16 сентября 1939 г. германский посол в СССР Ф. Шуленбург передал Молотову сообщение министра иностранных дел И. Риббентропа: «Правительство СССР теперь готово к военному выступлению, и оно

приступает к действиям. Мы это приветствуем. Этим Правительство СССР освобождает нас от необходимости уничтожить остатки польской армии путем их преследования до советской границы. Кроме того, таким образом ликвидируются вопросы, которые при отсутствии советского выступления возникли бы вследствие того, что в областях, лежащих на восток от германской сферы влияния, образовалось бы политически пустое пространство. Мы, со своей стороны, помимо мероприятий, обусловленных военными операциями, не намереваемся брать на себя в этих областях никаких политических или административных задач; поэтому там при отсутствии выступления Правительства СССР могли бы образоваться новые государства»⁴⁴. 17 сентября в 3 часа 15 минут польскому послу в Москве В. Гжибовскому была оглашена нота советского правительства, в которой утверждалось, что «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей.

Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам», а также к беззащитному положению украинского и белорусского населения. «Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии»⁴⁵. Польский посол отказался принять ноту. В итоге она была передана в посольство, пока Гжибовский находился в НКВД СССР. В тот же день советское правительство обнародовало ноту, объявив о походе Красной армии в Польшу. Главным объяснением этого шага было «желание защитить украинское и белорусское население». В ноте подчеркивалось, что Польское государство фактически перестало существовать, но не упоминалось стремительное продвижение по территории Польши германских войск, их приближение к тем районам, которые входили в сферу советских интересов. Текст ноты был передан всем государствам, с которыми Москва имела дипломатические отношения, с уведомлением, что СССР будет придерживаться нейтралитета в отношении этих стран.

Эта аргументация похода Красной армии в Западную Белоруссию и Западную Украину была повторена в радиовыступлении Молотова 17 сентября и в его речи на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. Официальная позиция Великобритании и Франции свелась к молчаливому признанию советской акции в Польше⁴⁶.

Освободительный поход или раздел Польши?

Утром 17 сентября 1939 г. части и соединения Красной армии и подразделения НКВД перешли границу. Для поляков переход стал абсолютной неожиданностью. Их разведка, очевидно, не давала сведений о сосредоточе-

нии Красной армии у границы⁴⁷. Практически ежедневно в Москву направлялись сводки важнейших донесений о действиях пограничных войск НКВД и групп НКВД, обстановка в Западной Белоруссии и Западной Украине, действиях частей польской армии, захваченных трофеях, потерях советских пограничников, убитых и захваченных в плен военнослужащих противника, реакции местного населения на прибытие советских войск.

17 сентября Берия проинформировал Сталина, Молотова и Ворошилова о том, что в 5 часов утра части Красной армии перешли государственную границу с Польшей. Вместе с подразделениями Белорусского и Киевского особых военных округов границу перешли оперативные группы НКВД и подразделения пограничных войск Белорусского и Киевского округов. Основной задачей оперативных групп НКВД являлась организация на польской территории новых органов власти – временных администраций и создание аппарата НКВД во всех важнейших городах. Перед пограничными войсками НКВД была поставлена задача по нейтрализации и уничтожению (в случае сопротивления) польской пограничной стражи⁴⁸. Пограничные наряды войск НКВД вели наблюдение за часовыми польской стражи и обеспечивали скрытый подход подразделений Красной армии к линии границы. Уничтожая стражницы, передовые группы красноармейцев и пограничников обеспечивали беспрепятственное прохождение частей Красной армии через границу. Военный комиссар пограничных войск НКВД Киевского округа А.А. Ключев в оперативной сводке от 17 сентября 1939 г., сообщая о ликвидации польских стражниц, информировал, что «население польских сел повсеместно приветствует наши части, оказывая содействие в переправе через реки, продвижению обоза, вплоть до разрушения укреплений поляков. Зарегистрированы попытки группового перехода на нашу сторону с целью свидания с родственниками и покупки разных предметов и продуктов в кооперативах наших погрансел»⁴⁹.

В течение дня в штаб главнокомандующего польской армии маршала Э. Рыдз-Смиглы, находившегося в Кутах, близ границы с Румынией, поступала информация о том, какая сила обрушилась на восточную границу Польши. Около полуночи Рыдз-Смиглы постановил: «Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию»⁵⁰. План развертывания польских войск на восточной границе, разработанный в 1935–1936 гг. и предусматривавший сосредоточение всех наличных сил Войска Польского против Красной армии, в сентябре 1939 г. остался на бумаге. Воевать одновременно с двумя такими противниками, как СССР и Германия, «Вторая Речь Посполитая» не могла.

В войсках Красной армии приказ о начале похода был воспринят с воодушевлением. Многими бойцами и командирами двигало искреннее

стремление помочь «классовым братьям» и рассчитаться с «панами» за неудачи в советско-польской войне 1920 г.⁵¹. Одновременно органы НКВД фиксировали «нездоровые» высказывания как среди кадровых военных, так и среди приписного состава: «То все время говорили, что чужой земли не хотим, но и своей земли вершка никому не отдадим, а теперь идем войной на чужую землю, куда нас не звали»⁵².

Сплошной линии фронта не существовало. Польские войска большей частью сдавались в плен, некоторые военнослужащие уходили в леса. Местные уроженцы возвращались домой. Относительно сильное сопротивление со стороны польских войск и поддержавших их патриотически настроенных граждан советские войска встретили во Львове, окрестностях Вильно, Гродно и ряда других городов. Хорошо укрепленные Барановичи удалось взять стремительным броском 29-й танковой бригады С.М. Кривошеина. При этом отличился 1-й батальон под командованием будущего героя Великой Отечественной войны И.Д. Черняховского. В районе местечка Антополь поляки сумели перебить гусеницу вырвавшегося вперед на разведку советскому танку. На предложение сдаться танкисты ответили отказом и отстреливались до последнего патрона. Тогда поляки обложили танк дровами и хворостом, облили бензином и подожгли. Танкисты погибли, но не сдались⁵³.

«Упорный бой происходил у села Тынько, – докладывал в НКВД СССР особый отдел Украинского фронта, – поляки, имея хорошо укрепленные ДОТы, оказали упорное сопротивление. Офицеры, засевшие в ДОТах, категорически отказываются сдаваться в плен, части были вынуждены взорвать 5 ДОТов»⁵⁴. Количество польских военнопленных с первых часов похода Красной армии стало измеряться сотнями, очень скоро счет пошел на десятки тысяч. Такого, похоже, не ожидало ни военное командование, ни руководство НКВД.

17 сентября 1939 г. было принято постановление, в котором предусматривался перевод конвойных войск НКВД в Белорусском и Киевском особых и Ленинградском военных округах на положение военного времени. Конвойные войска НКВД приняли под охрану восемь приемных пунктов военнопленных, расположенных в Белорусском и Киевском особых военных округах и два лагеря-распределителя военнопленных в Козельске (БССР) и Путивле (УССР)⁵⁵. 19 сентября заместитель наркома внутренних дел Масленников дал указание начальникам погранвойск Киевского и Белорусского округов о погрузке и конвоировании эшелонов с польскими военнопленными до Путивля и Козельска. На каждый эшелон выделялся конвой по 60 человек. Пленные и конвой обеспечивались продовольствием на трое суток по норме для военнопленных 88 г хлеба и 20 г сахара⁵⁶.

С 19 сентября органы НКВД приступили к формированию на территории Западной Белоруссии и Западной Украины временных управлений и оперативных групп НКВД, которые организовали сбор и конфискацию

оружия и боеприпасов. Выявлялись и арестовывались бывшие польские полицейские, военнослужащие, крупные помещики⁵⁷.

В тот же день было организовано Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, а 20 сентября в опергруппы НКВД на Украинском и Белорусском фронтах ушло указание об организации работы на пунктах приема военнопленных. По договоренности с Генштабом Красной армии были развернуты новые пункты приема военнопленных на территории БССР и УССР, определялись места дислокации новых лагерей, в том числе Осташковского, Козельского, Старобельского, впоследствии ставших печально известными в связи с «Катынским делом». В указании говорилось о необходимости хорошего обращения с пленными, их должного снабжения и проведения разъяснительной работы⁵⁸.

20 сентября Берия подписал директиву об отношении к немецкому населению (колонистам) на Волыни. Согласно ей аресты среди колонистов не производились, за исключением случаев, когда преступники были застигнуты на месте преступления⁵⁹. Немецких военнослужащих, освобожденных из польского плена, требовалось немедленно направлять с сопровождающими либо в германское посольство, либо в расположение немецких частей⁶⁰.

В этот же день Берия направил указание начальнику УНКВД по Вологодской области П. П. Кондакову приступить к развертыванию лагерей для военнопленных: к 25 сентября – Вологодского лагеря на 2 тысячи человек (к 30 сентября увеличить численность до 6 тысяч); к 26 сентября – Грязовецкого лагеря на 2 тысячи человек⁶¹.

5 октября польские военнопленные прибыли в Грязовецкий лагерь. Среди прибывших числились 47 генералов, 215 сотрудников разведывательных и карательных органов, 2822 рядовых, 15 беженцев⁶². Приготовленные к эксплуатации здания были рассчитаны на не более 1300 человек, а размещать пришлось гораздо больше. В начале октября начальнику Грязовецкого лагеря НКВД М. И. Филиппову пришло распоряжение из Москвы об отправке на родину солдат – уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии. Кроме того, согласно указанию Берии военнопленных солдат, жителей польских воеводств, отошедших к Германии, следовало отправить из Грязовца в Козельский и Путиловский лагеря для последующего обмена с германской стороной; генералов, офицеров и крупных государственных чиновников – в Старобельский лагерь, разведчиков, жандармов, тюремщиков и полицейских – в Осташковский.

Судьба офицерского корпуса, как показал дальнейший ход событий, оказалась трагичной. Исходя из ленинской установки, согласно которой «офицеры и генералы буржуазных армий большей частью принадлежат к классу капиталистов либо отстаивают их интересы»⁶³, советское руководство готовило расправу с «непримиримыми классовыми врагами»⁶⁴.

24 сентября 1939 г. Берия информировал Меркулова и Серова о том, что командованию Красной армии дано указание: военнопленных крестьян

Западной Украины и Западной Белоруссии при предоставлении документов, подтверждающих, что они действительно были мобилизованы поляками, освободить. Однако уже через два дня выполнение указания было приостановлено⁶⁵. В дальнейшем порядок роспуска военнопленных по домам или направления их в другие лагеря регламентировался постановлением СНК СССР от 3 октября 1939 г.⁶⁶. В соответствии с ним НКВД СССР был обязан освободить всех военнопленных солдат жителей Западной Белоруссии и Западной Украины и отправить их на родину. 10 октября Берия направил наркому путей сообщений СССР Л.М. Кагановичу письмо с просьбой обеспечить подачу 870 вагонов в течение 11–18 октября, поскольку дальнейшая задержка военнопленных в переполненных лагерях была крайне нежелательна⁶⁷.

Архивные документы свидетельствуют, что отношение к разным категориям военнопленных было разным. 16 октября Берия направил Сталину, Молотову и Ворошилову записку о том, что «командование германской армии через представителя штаба 4-й армии 11 октября 1939 г. предложило передать нам около 20 тысяч военнопленных польской армии, по национальности белорусов и украинцев, имевших семьи на территории Западной Белоруссии и Западной Украины и ходатайствовавших о пересылке их на родину». Берия сообщал, что германское командование предлагало передачу военнопленных провести у Дрогичина и в районе Брест-Литовска. НКВД считал необходимым принять этих военнопленных «военным командованием совместно с представителями НКВД в указанных выше пунктах»⁶⁸. Предложение германского командования было принято: после фильтрации рядовой состав и другие лица, не внушавшие подозрения, были распущены по домам.

По мере продвижения частей Красной армии начиналось формирование новых органов власти на местах. В 1939 г. в Западной Украине и Западной Белоруссии не существовало политической силы, на которую советское руководство могло бы опереться при создании органов управления. Еще в 1938 г. Коммунистическая партия Польши (КПП) была распущена решением руководства Исполкома Коминтерна «в связи с проникновением в ряды руководящего партийного актива вражеской агентуры». Многие ее активисты, находившиеся в СССР на положении политэмигрантов, были репрессированы. Другие сидели в польских тюрьмах⁶⁹.

Основная роль в организации местной власти отводилась органам НКВД, с помощью которых были организованы временные центры – будущие органы управления на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. В соответствии с существовавшим ранее административным делением (по воеводствам) были сформированы оперативные группы НКВД, ставшие основой будущих аппаратов НКВД по Западной Белоруссии и Западной Украине. Для укомплектования формируемых органов НКВД в Западную Белоруссию были командированы 365, а в Западную Украину – 420 сотрудников НКВД⁷⁰.

26 сентября Бочков проинформировал Берия о том, что оперативные группы НКВД, организованные по пути движения частей Красной армии в занимаемых ими населенных пунктах, передислоцированы на территории бывших воеводств: Новоградское, Виленское, Полесское и Белостокское. Руководство оперативными группами сосредоточено в центрах бывших воеводств в городах Новоградок, Вильно, Пинск и Гродно⁷¹.

Для стабилизации ситуации и поддержки проводимых органами НКВД мероприятий в Западную Белоруссию и Западную Украину было дополнительно направлено по одному мотострелковому полку. Местами дислокации полков были определены Львов и Гродно. Кроме того, из Махачкалы в Пинск был переведен 16-й, а из Кутаиси в Тарнополь – 21-й кавалерийский полк НКВД⁷².

К 28–30 сентября войска Красной армии, продвинувшись вперед на 250–350 км, заняли территорию Польши, отведенную Советскому Союзу по секретному протоколу с Германией. Раздел Польши был завершен подписанием 28 сентября 1939 г. СССР и Германией договора о дружбе и границах. Он предусматривал прекращение антифашистской пропаганды в СССР и антикоммунистической пропаганды в Германии, налаживание всесторонних отношений между двумя странами и установление общей границы, прошедшей по рекам Западный Буг и Нарев.

По официальным данным, потери Красной армии в походе составили 737 человек⁷³. В дальнейшем эта цифра постоянно изменялась в сторону увеличения. Относительно достоверную цифру – 1475 человек (погибшими, умершими от ран, пропавшими без вести, погибшими в результате катастроф и несчастных случаев) – дает статистическое исследование, проведенное коллективом под руководством Г.Ф. Кривошеева⁷⁴. Для операции, которая длилась с 17 по 30 сентября, это были огромные потери.

16 ноября штаб Белорусского особого военного округа подготовил отчет «О работе штабов корпусов и армий Белорусского фронта за период проведения операции в Западной Белоруссии». В нем отмечалось, что дневная задача частями всех армий была значительно перевыполнена. «Танки и конница прошли 70–120 км, а стрелковые части – 50–60 км, причем и конница и пехота, не говоря уже о танковых частях, были в бодром состоянии и полной готовности к действию на следующий день. Наступление войск в период Польской кампании отличалось небывалой в истории быстротой продвижения вперед»⁷⁵.

1 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло программу советизации Западной Украины и Западной Белоруссии. Было решено созвать Украинское и Белорусское народные собрания во Львове и Белостоке, которые должны были утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам, решить вопросы о характере создаваемой власти, национализации банков и крупной промышленности, вхождении украинских областей в состав УССР, а Белорусских – в состав БССР. В составе Комитетов

по организации выборов на территории Западной Украины и Западной Белоруссии вошли по одному представителю от каждой области, 2 – от крестьянских комитетов, 2 – от рабочих организаций, 2 – от интеллигенции и по 3 представителя от Президиумов Первых Советов УССР и БССР. Кандидатов в депутаты могли выдвигать крестьянские комитеты, временные управления Львова и Белостока, собрания рабочих по предприятиям, собрания рабочей гвардии, интеллигенции. 22 октября на территории Западной Украины и Западной Белоруссии прошли выборы в Народные собрания. (26 октября Советский Союз передал Литве город Вильно и Виленский край (6909 км²), ранее входивший в состав Польши). 26–28 и 28–31 октября Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии на заседаниях во Львове и Белостоке приняли декларации об установлении власти Советов, вхождении в СССР, воссоединении с Украиной и Белоруссией, национализации банков и крупной промышленности, конфискации монастырских и помещичьих земель с передачей их в собственность государства. Были избраны полномочные комиссии для переговоров с Верховными Советами СССР, УССР и БССР по вопросу о принятии в состав Советского Союза.

1–2 и 12–15 ноября на внеочередных сессиях Верховных Советов СССР, УССР и БССР были удовлетворены просьбы Народных собраний Западной Украины и Западной Белоруссии о приеме их в состав СССР и воссоединении с Украинской и Белорусской ССР и приняты соответствующие постановления.

9 ноября 1939 г. в связи с рассмотрением вопроса о принятии из Литвы интернированных польских военных Берия направил записку Сталину и Молотову. Для организации проверки, отбора и приёма интернированных нарком предложил создать и командировать в Литву правительственную комиссию под председательством комбрига Г.А. Петрова. Для обеспечения деятельности комиссии предлагалось включить секретаря комиссии, двух фотографов, двух фотолаборантов, двух машинисток, двух шоферов, а также обеспечить тремя автомашинами. Берия предлагал принимать только жителей Западной Украины и Западной Белоруссии, изъявивших желание оставаться на жительстве в СССР. Принимавшихся рядовых и младший командный состав армии бывшей Польши предлагалось распустить по местам жительства. Офицеров – направить для содержания в Юхновский лагерь, а чиновников и полицейских – в Южский лагерь для военнопленных, где проводилась их фильтрация.

Все отобранные правительственной комиссией лица, принимавшиеся в СССР, получали на руки документ с фотографией, который служил пропуском через границу и временным удостоверением личности. Пересекая границу, интернированные проходили четыре контрольно-пропускных пункта, расположенных в Гудогаце и Марцинканце, по 250 человек в день через каждый пункт. К записке Берии был приложен проект постановления ЦК ВКП(б) о пропуске в СССР интернированных в Литве военнослужащих

бывшей польской армии. 20 ноября Берия дал указание Серову и Цанаве в 5-дневный срок произвести учет всех беженцев и сообщить их точное количество, в том числе еще не устроенных, которые хотели получить работу; а также количество беженцев, ранее проживавших на территории, отошедшей к Германии, и желавших возвратиться к месту жительства⁷⁶.

3 декабря 1939 г. Берия направил записку Сталину и Молотову о том, что по Западной Украине и Западной Белоруссии было учтено 169 тыс. беженцев. 58 тыс. беженцев выразили желание возвратиться к месту жительства на территорию, отошедшую к Германии. Устройству на работу подлежали 68 тыс. человек, из них 24 тыс. по заявлениям временных управлений могли быть устроены в пределах областей Западной Украины и Западной Белоруссии. В других областях СССР подлежало устроить на работу 44 тыс. человек. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР, по предложениям комиссии, на соответствующие наркоматы была возложена организация отправки беженцев на места предоставляемой им работы, перевозки к местам назначения, подготовка жилищ и бытового обслуживания. СНК УССР и СНК БССР были обязаны обеспечить наркоматам необходимую помощь в организации отправки беженцев⁷⁷. В постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам беженцев на НКВД была возложена обязанность всем беженцам, направляемым на работу, выдавать временные удостоверения на право проживания в районе работы и обеспечить сопровождение в пути их эшелонов и отдельных вагонов. 9 декабря 1939 г. Берия направил распоряжение Серову и Цанаве «обеспечить выдачу каждому взрослому беженцу, едущему на работу по отбору наркоматами СССР, временного удостоверения, дающего право на проживание только в пределах района, в который они направлялись для работы»⁷⁸. Для сопровождения беженцев на каждый эшелон от НКВД УССР и НКВД БССР назначался старший оперативный сотрудник, в помощь которому выделялись один-два оперативника и войсковая (войск НКВД) или милицейская команда. При отправлении беженцев вагонами на каждую группу вагонов выделялся один оперативный сотрудник и 3–4 милиционера или красноармейца войск НКВД⁷⁹.

Для укомплектования органов рабоче-крестьянской милиции (РКМ) в западных областях Украинской ССР и Белорусской ССР ГУРКМ НКВД СССР направил 513 человек, в основном украинцев, и 351 белоруса, предназначенных для назначения на должности руководящего состава областных, городских и уездных управлений милиции (начальник управления, заместители начальника и помощник начальника управления, начальники основных отделов). Остальные должности начальствующего состава пополнилось за счет лиц, прошедших обучение на организованных в западных областях Украины краткосрочных курсах милиции, выпуск которых состоялся в январе 1940 г. Штат милиции по западным областям Украины составлял 12 691 человек. НКВД СССР начал проводить паспортизацию населения в западных областях Украины. В этих целях на фабрике Гознак ГУРКМ

НКВД было заказано 6 млн 500 тыс. паспортных книжек и 500 тыс. временных удостоверений. Однако изготовить такое количество бланков паспортов оказалось невозможно из-за отсутствия дерматина. Фабрика им. Погина в Кунцево не могла выполнить заказ на изготовление дерматина, поскольку не имела сырья (мастики), отпуск которого был прекращен Охтинским химкомбинатом. 17 декабря 1939 г. Меркулов направил письмо наркому химической промышленности М.Ф. Денисову, в котором, в связи с необходимостью срочного проведения паспортизации в западных областях УССР и БССР, просил дать распоряжение об отпуске необходимого количества мастики, а также письмо наркому финансов СССР А.Г. Звереву с просьбой дать указание фабрике «Гознак» изготовить паспортные книжки и временные удостоверения⁸⁰.

Около тысячи беженцев, возвращавшихся из Вильно в Белорусскую ССР, имели при себе польские золотые и советские деньги. 22 декабря Берия направил записку Молотову, в которой изложил предложения по обмену на контрольно-пропускных пунктах польских золотых и право ввоза советской валюты. На следующий день Берия направил распоряжение Цанаве в Минск о том, что при приеме беженцев из Литвы разрешается сохранение за беженцами права обмена на контрольно-пропускных пунктах 100 польских золотых на человека и ввоз советской валюты по 50 рублей⁸¹.

Советско-германское взаимодействие на занятых территориях

Реакция правительств Великобритании и Франции на поход Красной армии и занятие ею Западной Украины и Западной Белоруссии была сдержанной. Новая граница в целом совпадала с «линией Керзона», которую сами же западные страны рекомендовали как этнографически целесообразную еще в 1920 г. 1 октября 1939 г. У. Черчилль по радио заявил: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть»⁸².

Документы свидетельствуют, что между советским и германским военными командованиями поддерживались контакты по вопросам обеспечения жизнедеятельности и эвакуации населения. Для решения вопросов эвакуации немецкого населения с территории Западной Белоруссии и Западной Украины и эвакуации украинского и белорусского населения с территории бывшей Польши, отошедшей в сферу интересов Германии, была создана смешанная советско-германская комиссия. СНК БССР и СНК УССР поручалось обеспечить учет, расселение и устройство на работу на территории Западной Белоруссии и Западной Украины эвакуированного населения. В целях прекращения стихийного переселения людей с той и другой стороны Управлением пограничных войск НКВД СССР был дан приказ

закрывать границу, чтобы переселение проходило в организованном порядке в соответствии с решением смешанной комиссии⁸³. Особоуполномоченные переселенческого управления при СНК СССР находились в городах Гродно, Августов, Владимир-Волынский, Перемышль, Львов, Белосток, Ковель, Молодечно, Тарнополь, Новогрудок, Барановичи. Советская часть Комиссии учитывала беженцев по Западной Белоруссии и Западной Украине, устраивала их на работу и обеспечивала жильем, весь ход работы контролировался НКВД СССР.

Масштабы национализации, принудительная коллективизация, депортации, пренебрежительное отношение к национальным традициям местного населения, репрессии против духовенства вызывали сопротивление и неприятие нового порядка, разочаровали даже тех, кто вначале поддержал советскую власть. Активные антисоветские выступления в селах Западной Украины и Западной Белоруссии начались в ноябре 1939 г.

27 ноября Берия сообщил Сталину, Молотову и Микояну, что в ряде уездов западных областей БССР ощущается недостаток соли, сахара, керосина, мыла, табака, спичек, ниток, дешевых сортов тканей и обуви. Население обращалось в местные органы власти с просьбой о завозе этих продуктов. Из-за недостатка товаров увеличились случаи попыток доставки их контрабандным путем с территории, занятой немцами.

Сталинское руководство осуществило так называемые «социальные зачистки» в Западной Украине и Западной Белоруссии в виде арестов и депортаций. По данным НКВД СССР, на 27 ноября 1939 г. на польских территориях были арестованы 11 817 человек. В их числе – «офицеры польской армии, участники вооруженного сопротивления Красной армии, жандармы, полицейские, агенты полиции и охраны, помещики, купцы, фабриканты, чиновники, члены контрреволюционных организаций и партий»⁸⁴. В 1940 г. были выселены 292 513 человек⁸⁵.

Нападение фашистской Германии на СССР коренным образом изменило отношение советского руководства к судьбе польского государства. 30 июля 1941 г. были восстановлены дипломатические отношения между правительством СССР и польским эмигрантским правительством. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. были амнистированы и освобождены из тюрем, лагерей, мест ссылки и высылки 389 041 человек – граждан Польши, из них – 200 828 поляков⁸⁶. В войне 1941–1945 гг. наши народы сражались с общим врагом.

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. Т. 1. – М., 1963.

² История Второй мировой войны. 1939–1945. В 12 т. Т. 3. – М., 1974.

³ Самсонов А.М. Вторая мировая война. 1939–1945. – М., 1985.

⁴ Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. Исторический очерк. – М., 1980.

⁵ Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 3. 1933–1941 годы. – М., 2003. – С. 291.

⁶ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М., 2001. – С. 184–188.

- ⁷ Britanika. Настольная энциклопедия в 2 т. Т. 2. М., 2006. С. 1514.
- ⁸ Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 3. Вторая мировая война: ист. очерк. – М., 2002.
- ⁹ Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. – М., 2001.
- ¹⁰ СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война: дискуссии, комментарии, размышления. – М., 2007.
- ¹¹ «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО – Университета. Специальный выпуск. 2009.
- ¹² К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. – М., 2009.
- ¹³ Бушуева Т.С. Документальная хроника военного похода Красной армии в Западную Белоруссию и Западную Украину. Сентябрь–октябрь 1939 г. // К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. – М., 2009. – С. 144–256.
- ¹⁴ Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? – М., 2009.
- ¹⁵ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (документы, факты, суждения). – М. 2000; *Он же*. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М., 2001; *Он же*. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. – М., 2009.
- ¹⁶ Чубарьян А. О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. – М., 2008.
- ¹⁷ Лебедева Н.С. Катюнь: Преступление против человечества. – М., 1994.
- ¹⁸ Яжборская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катюньский синдром в советско-польских и российских отношениях. – М., 2009.
- ¹⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. В 5 т. – М., 1995–2007.
- ²⁰ СССР–Германия: 1933–1941: Сборник документов // Вестник Архива Президента Российской Федерации. – М., 2009.
- ²¹ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 1939–1941 гг. В 2 т. – Варшава–М., 2001.
- ²² Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. – Варшава–М., 2003.
- ²³ Секреты польской политики: Сборник документов (1935–1945). – М., 2009.
- ²⁴ Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. – М., 2008. – С. 21.
- ²⁵ Радянські органи державної безпеки у 1939 – червні 1941 р.: документи ГДА СБ України. (Советские органы государственной безопасности в 1939 – июне 1941 г.: документы Специального государственного архива Службы безопасности Украины). – Киев, 2009.
- ²⁶ Катюнь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катюни. Документы. – М., 2001.
- ²⁷ Толнев И. В. Через три войны, М., 1972; *Он же*. Советская кавалерия в боях за Родину. – М., 1957.
- ²⁸ Кривошеин С. М. Междубурье. Белгород–Воронеж, 1964.
- ²⁹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 2001.
- ³⁰ Андерс В. Без последней главы // Иностранная литература. 1990. № 11. С. 235.
- ³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 27. Л. 283–284.
- ³² С 1922 г. польское правительство предоставляло уволенным в запас или отставку военнослужащим Войска Польского крупные участки пахотной земли и лесных угодий, создавая себе, таким образом, опору в Западной Украине и Западной Белоруссии. Осадники и лесники с семьями увеличивали процент польского населения в Западной Украине и Западной Белоруссии и тем самым давали польскому правительству лишний аргумент в том, что Западная Украина и Западная Белоруссия – это исконно польские земли. Привыкшие к военной дисциплине и вооруженные, перейдя на партизанское положение, они представляли собой серьезную угрозу наступающим советским войскам, особенно их тылам и коммуникациям.

- ³³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. – М., 1995. – С. 70–73.
- ³⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 28. Л. 159–165.
- ³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 28. Л. 233–235.
- ³⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 28. Л. 202–204.
- ³⁷ Мобилизационные мероприятия проводились на территории Ленинградской, Вологодской, Воронежской, Калининской, Курской, Смоленской и Тульской областей, Карельской и Крымской АССР, Витебской области Белорусской ССР, Днепропетровской, Житомирской, Каменец-Подольской, Кировоградской областей УССР.
- ³⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 29. Л. 26–30.
- ³⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. – М., 1995. – С. 74–75.
- ⁴⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 28. Л. 279–280.
- ⁴¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 29. Л. 1–2, 35–36.
- ⁴² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. – М., 1995. – С. 79–81.
- ⁴³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. – М., 1995. С. 82–84.
- ⁴⁴ Вестник Архива Президента Российской Федерации. 2009. – С. 220.
- ⁴⁵ Цит. по: *Мельтохов М.И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. – М., 2009. – С. 363.
- ⁴⁶ *Чубарьян А.О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 – июнь 1941 года. – М., 2008. – С. 60–71.
- ⁴⁷ Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939 г. – 1941 г.): документы и материалы. – Минск, 2007. – С. 32–33.
- ⁴⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 29. Л. 83–86, 106–116.
- ⁴⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. – М., 1995. С. 86.
- ⁵⁰ Цит. по: *Мельтохов М.И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. – М., 2009. – С. 367.
- ⁵¹ Советско-польская война 1920 г. закончилась подписанием Рижского мирного договора (18 марта 1921 г.), была установлена новая советско-польская граница.
- ⁵² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 388. Л. 462.
- ⁵³ См.: *Мельтохов М.И.* 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939. – М., 2009. – С. 387.
- ⁵⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 388. Л. 367–368.
- ⁵⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 29. Л. 79–80.
- ⁵⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 29. Л. 141–142.
- ⁵⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 29. Л. 207–211.
- ⁵⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. – М., 1995. С. 92–93.
- ⁵⁹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. – М., 1995. С. 92.
- ⁶⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. – М., 1995. С. 91.
- ⁶¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 29. Л. 215.
- ⁶² Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. – М., 2000. – С. 148.
- ⁶³ *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 31. – С. 459.
- ⁶⁴ *Кузьминых А.Л., Старостин С.И., Сычев А.Б.* «Теперь я прибыл на край света...». Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных в Вологодской области (1939–1949 гг.): Очерки и документы. В 2 т. Т. 1. – Вологда, 2009. – С. 21.
- ⁶⁵ Советские органы государственной безопасности в 1939 – июне 1941 г. – Киев, 2009. – С. 57.
- ⁶⁶ Советские органы государственной безопасности в 1939 – июне 1941 г. – Киев, 2009. – С. 63–64.

⁶⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 31. Л. 65.

⁶⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 31. Л. 191.

⁶⁹ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. – М., 1994. – С. 137.

⁷⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 29. Л. 221–222.

⁷¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 29. Л. 289.

⁷² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 29. Л. 223.

⁷³ *Абрамов А., Венский К.* Западная Украина и Западная Белоруссия. Исторический очерк. – Л., 1940. – С. 48.

⁷⁴ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М., 2001. – С. 187.

⁷⁵ Можно предположить, что относительно легкий поход в Польшу сослужил плохую службу в период «Зимней войны», которая началась 30 ноября 1939 г. И хотя в советско-финляндской войне был другой театр военных действий, другой противник, другие условия, первоначально задачи ставились такие же – войска должны были ежедневно преодолевать 30–50 км.

⁷⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 33. Л. 262.

⁷⁷ Комиссия по учету беженцев предлагала через НКВД (Народный комиссариат иностранных дел) добиться быстрого разрешения вопроса о передаче германским властям беженцев, желавших уехать в Германию по месту своего жительства. Восьми союзным наркоматам (Наркомстрой, Наркомлес, Наркомсовхоз, Наркомчермет, Наркомпищепром, Наркомтекстиль, Наркомстройматериалов, Наркомлегпром) и Всекомпромсовету было разрешено использовать в качестве рабочей силы беженцев, желавших получить работу. Этим наркоматам было предложено направить в Западную Украину и Западную Белоруссию своих уполномоченных для отбора и организации отправки беженцев на места работы, тщательно подготовить прием, размещение, организацию питания и бытовое обслуживание беженцев. НКВД было предложено выдавать всем беженцам, принимаемым и направляемым на работу, временные удостоверения на право проживания в районе работы и обеспечить в пути следования охрану эшелонов и вагонов с беженцами. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 34. Л. 308–311.

⁷⁸ Дети вписывались в удостоверения глав семейств. Бланки удостоверений в НКВД БССР и НКВД УССР были высланы ГУРКМ НКВД СССР. При выдаче временных удостоверений тщательно устанавливались и точно записывались в документах: фамилия, имя, отчество, место рождения, место постоянного жительства, когда и каким путем прибыл в Западную Украину и Западную Белоруссию.

⁷⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 35. Л. 45–47.

⁸⁰ Меркулов просил изготовить к 15 января 1940 г. 2 млн паспортных книжек и 200 тыс. временных удостоверений, к 10 февраля 1940 г. еще 2 млн паспортных книжек и 200 тыс. временных удостоверений и к 5 марта 2,5 млн паспортных книжек и 100 тыс. временных удостоверений. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 36. Л. 8.

⁸¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 36. Л. 183.

⁸² История Великой Отечественной войны Советского Союза. В 6 т. Т. 1. – М., 1963. – С. 250.

⁸³ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 31. Л. 354–356.

⁸⁴ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 1939–1941 гг. В 2 т. Т. 1. – Варшава–Москва, 2001. – С. 26, 28.

⁸⁵ Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. – Варшава–М., 2003. – С. 28.

⁸⁶ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. В 2 т. Т. 1. – Варшава–М., 2001. – С. 32.

ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГЕРМАНИИ И ФИНЛЯНДИИ В 1940–1941 ГГ.

Статья в журнале «Учёные записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки» 2012 г. № 5 (126)

Соперничество Германии и Советского Союза за влияние в Финляндии, введущееся с 1918 г., временно прекратилось 23 августа 1939 г. после подписания пакта Молотова – Риббентропа, в соответствии с секретным протоколом к которому Финляндия была отнесена к сфере интересов СССР. Однако уже с лета 1940 г., когда Гитлер начал тайне готовить военный поход против СССР, ему стала нужна и территория Финляндии, которая де-факто перешла из сферы интересов СССР в сферу интересов Германии¹.

Первые консультации о возможности транспортировки немецких войск через территорию Финляндии прошли в августе 1940 г. Для этого в Финляндию прибыл представитель Геринга – подполковник германской армии Велтъенс, которого 18 августа принял Маннергейм. Велтъенс предложил Финляндии по примеру Швеции разрешить транспортировку через её территорию немецких грузов хозяйственного назначения, а также проезд отпускников и больных в Киркенес и оттуда далее. В этом случае Финляндии были обещаны поставки военного снаряжения. В тот же день Маннергейм посетил Р. Рюти, исполнявшего обязанности главы государства, который дал согласие на транспортировку германских войск².

12 сентября 1940 г. военными властями обоих государств было подписано соглашение о провозе оборудования и германских военнослужащих. Чуть позднее, 22 сентября, подписано официальное соглашение, но уже о транзите через Финляндию германских войск в Норвегию. Так началось превращение Финляндии в плацдарм сосредоточения немецких войск для их последующего использования в походе на восток.

К осени 1940 г. Сталин располагал подробной информацией о том, что немецкие и финские офицеры регулярно встречаются и обсуждают вопросы проведения совместных военных мероприятий, а также предстоящей войны против СССР. «Финские офицеры высказываются за преимущество военных действий против СССР в зимнее время»³.

Германия демонстрировала свою симпатию к Финляндии, но в то же время рекомендовала Финляндии в своей внешней политике придерживаться осмотрительной позиции, не давая Советскому Союзу никакого повода к войне, а во внутренней политике «умело бороться против коммунистического движения»⁴. Намерения Германии по использованию армии Финляндии в предстоящей войне с СССР были изложены в аналитической записке, подготовленной 1 мая для начальника штаба вермахта генерала Йодля. Перед армией Финляндии предполагалось поставить следующие задачи: провести скрытую мобилизацию для повышения обороноспособности; предпринять меры по обороне Петсамо и выделить не менее двух дивизий для наступления в районе Салпа; присоединиться к наступлению северной армии Германии; как можно раньше ударить по Ханко и захватить эту советскую базу Балтийского флота. В Советском Союзе считали, что германское проникновение в Финляндию происходит таким же образом, как и в Болгарию, а сама Финляндия превращается в плацдарм для нападения на СССР.

Разведывательные подразделения НКВД КФССР с начала 1941 г. активно получали информацию о финских укреплениях, оборонных и промышленных предприятиях и воинских частях, расположенных на участке от ст. Вайникала до ст. Коуволла ж.д. Выборг – Лахти, и по ж.д. Лахти – Карие (Финляндия)⁵.

4 мая 1941 г. была издана директива верховного командования вермахта о начале переговоров с Финляндией⁶. Для ведения переговоров 24 мая в Германию направился генерал-лейтенант Э. Хейнрикс. 25 мая с ним встречались генерал-фельдмаршал Кейтель и генерал Йодль. Если Кейтель лишь в общих чертах рассказал о планах Германии, то Йодль подробно охарактеризовал военную обстановку в мире, заявив о вероятности вооружённого конфликта Германии с СССР и невозможности для Финляндии остаться вне рамок этого конфликта. Финляндии необходимо было начинать подготовку к боевым действиям. Йодль считал, что война, которая продлится несколько недель, приведёт к разгрому СССР.

Германия надеялась на то, что Финляндия свяжет войска Красной армии, находившиеся на советско-финской границе, примет участие в наступлении на Ленинград, а также окажет поддержку немецким операциям в направлении на Мурманск и Салпа. На следующий день в Берлине финскую делегацию принял начальник генштаба сухопутных войск генерал-полковник Гальдер, который также говорил о военном сотрудничестве Германии и Финляндии, направлениях наступления германских и финляндских войск, предоставлении для германских самолётов аэродромов Кеми и Хельсинки, а также для выгрузки – портов Рованиемы и Кивиярви. Эти предложения являлись по своей сути предложениями об участии в наступательной войне. Несмотря на строго секретный характер поездки Хейнрикса в Германию, советской разведке было достоверно известно и о самой поездке, и о составе финской делегации⁷.

Возвратившись из Германии, Хейнрикс проинформировал высшее руководство Финляндии, которое сделало осознанный выбор, решив принять участие в военном походе Гитлера на СССР. По мнению политического руководства Финляндии, отказ от сотрудничества мог превратить Финляндию в поле битвы между Германией и СССР. Финские историки считают, что тесное военное сотрудничество с Германией в начале 1941 г. и осведомлённость в её военных секретах сделали отказ Финляндии настолько гипотетическим, что о нём всерьёз не задумывались⁸.

В начале июня 1941 г. в Хельсинки представители военного командования Германии и Финляндии обсудили практические детали сотрудничества и приняли конкретные решения по действиям Финляндии в войне против СССР. Финская сторона обязывалась передать в подчинение командованию немецкой армии «Норвегия» один армейский корпус, провести наступление в районе Ладожского озера в южном направлении с целью соединения с немецкой группой армий «Север», после того как последняя форсирует Северную Двину, подготовить силы для блокады Ленинграда с севера, предоставить в распоряжение люфтваффе аэродромы⁹.

В Финляндии надеялись, что огромные германские военные силы, сосредоточенные на границе Советского Союза (200 дивизий), за 2–3 недели разгромят советскую армию. Ю.К. Паасикиви писал в своём дневнике: «Вся кампания продлится месяца четыре. В Кёнигсберге большой военно-воздушный флот, который нападёт на северную Россию и Петербург, а на обратном пути воспользуется нашими аэродромами. Он защитит нас от воздушных ударов русских. Мы также вступим в войну»¹⁰. Германия всячески старалась вовлечь Финляндию в будущую войну, убеждая, что «финское сотрудничество с Германией в грядущей войне с СССР даст финнам возможность не только возвращения Карельских районов, но и приобретения Восточной Карелии и Кольского полуострова»¹¹.

10 июня 1941 г. Финляндия начала выводить свои войска прикрытия на позиции. Практически сразу же об этом стало известно советской внешней разведке. 11 июня В. Меркулов проинформировал И. Сталина, В. Молотова и Л. Берия о позиции правительства Финляндии, планах Германии по вовлечению Финляндии в войну, а также о приготовлениях Германии к войне с СССР. По данным советской разведки, 9 июня на заседании финляндского правительства Рюти заявил, что Финляндия по требованию немцев должна в ближайшие дни провести частичную мобилизацию, а также удалить из страны, и в первую очередь из Петсамо и других северных районов, всех англичан и поляков. Рюти заявил, что финны вынуждены выполнить эти требования немцев, так как другого выбора нет. Приводились его слова: «Война Финляндии не улыбается, но такова ситуация. Англия помочь не может. Швеция отказалась от союза с Финляндией, и, таким образом, никакой защиты от советской агрессии финны не имеют». Он отметил, что вопрос, «будет ли война между Германией и СССР... разрешится 24 июня»¹².

Меркулов сообщал о переброске из Северной Норвегии в Финляндию немецкой дивизии, которая прибывала в Рованиеми. Советская резидентура докладывала, что в Хельсинки «в ближайшие дни ожидается война между Германией и СССР, и немцы предполагают выступить из Финляндии, которая будет играть большую роль». Сообщалось, что «в ближайшие дни в Финляндии высадится большое количество германских войск. 9 июня в Або прибыл немецкий военный транспорт, который привёз примерно 1500 солдат и 40–50 автомобилей для мотопехоты. Всё это направлено в сторону Таммерфорса»¹³.

Президент Финляндии Рюти считал «весьма желательным» скорое начало войны между Германией и Советским Союзом. В дневнике Паасикиви записано, что в связи с подготовкой нападения Германии на Советский Союз «в Финляндию прибыли немецкие войска – 1 дивизия из Германии, а в Кёнигсберг – 2700 самолётов; Финляндии нужно быть готовой и провести частичную мобилизацию». Высказывались опасения, что «Советский Союз может внезапно напасть на Финляндию, когда увидит, в каком направлении идут дела, что Германия сделала из Финляндии плацдарм». Паасикиви осознал, что Финляндия, на свой страх и риск, встала рядом с Германией и что теперь нужно идти до конца и желать, чтобы Германия выпуталась из войны. Страх перед Советским Союзом был столь велик, что политическая элита Финляндии желала, чтобы Германия окончательно победила в войне и добилась своего нового порядка. Больше всего в Финляндии боялись, что «если Германия проигрывает войну, тогда мы пропали. В Кремле перечень наших прегрешений столь велик, что нам ничто не поможет. И выступление на стороне врага Советского Союза, разумеется, столь серьёзное дело, что уже оно одно решит нашу судьбу»¹⁴.

13 июня В. Меркулов проинформировал И. Сталина, В. Молотова, Л. Берия и С. Тимошенко о военной мобилизации в Финляндии и концентрации немецких войск. Советская разведка в Хельсинки фиксировала «бесперывный подвоз немецких войск. Прибыло уже три дивизии немецких солдат. Около двух дивизий ожидают погрузки в Штеттине. Переброска немецких войск в Финляндию и мобилизация финских резервистов происходят с целью психической атаки на СССР, чтобы добиться уступок для немцев в происходящих переговорах между Советским Союзом и Германией». В то же время советская разведка не исключала возможности нападения немцев на СССР и использования Финляндии как плацдарма для этого нападения¹⁵.

14 июня президент Финляндии «одобрил германо-финляндские договорённости», под которыми понимался график проведения мобилизации в Финляндии и подготовки к наступательной войне. В район Хельсинки прибыли закамуфлированные под корабли торгового флота германские минные заградители (приказ об отправке в Финляндию командиры минных заградителей получили 8 июня), в задачу которых входило минирование акватории Финского залива. На каждый корабль были выделены финские лоцманы и офицеры связи.

О том, что Финляндия встала на рельсы войны, 15 июня В. Войонмаа написал своему сыну: «Итак, жребий брошен, мы – держава оси, к тому же отоброшен для нападения... Вот куда нас завели господа. Горстка людей взяла на себя всю ответственность за произошедшее»¹⁶.

21 июня в 16 часов 15 минут финские армия и флот начали операцию по занятию Аландских островов. В соответствии с Женевской конвенцией 1921 г. и по соглашению с СССР 1940 г. острова были объявлены демилитаризованной зоной, однако это не стало препятствием для Финляндии. За одну ночь с материка на архипелаг на 23 кораблях были переброшены 5 тысяч солдат с боевой техникой. Проведение операции прикрывал весь прибрежный флот Финляндии. По оценкам советских исследователей, военно-морской флот Финляндии на Балтийском море имел 7 кораблей основных классов (2 броненосца береговой обороны и 5 подводных лодок), а также 53 других корабля¹⁷. Оккупация Финляндией Аландских островов серьезно нарушала международные нормы и означала объявление на островах военного положения. Вечером 24 июня персонал советского консульства вопреки его протестам был вывезен и на корабле отправлен в Турку.

Ранним утром 22 июня началась война между Германией и Советским Союзом. Гитлер в своей декларации отметил, что нападение Германии на СССР вызвано большой концентрацией советских войск на границе, нарушениями советскими лётчиками и пограничниками государственной границы Германии. По словам Гитлера, Германия сотрудничает со своими финскими товарищами, «соратники победителей Нарвика держат берега Ледовитого океана, а германские дивизии охраняют финляндскую землю вместе с героями финляндских битв за освобождение, действующими под руководством своего маршала»¹⁸.

Финляндское правительство поспешило опубликовать сообщение, в котором говорилось, что Финляндия находится вне войны, а Министерство иностранных дел 23 июня разослало финляндским послам «циркуляр о нейтралитете». Однако «трёхдневный финский нейтралитет» – с 22 по 25 июня 1941 г. – на деле был маскировкой, которая облегчала переброску финских сухопутных войск к линии фронта.

Говоря о причинах начала войны, финские историки часто отмечают, что буквально с 22 июня советская авиация непрерывно бомбила мирные финские города и населённые пункты. Российские историки говорят о бомбардировках советской авиацией только тех объектов, где находились германские военные части и боевая техника, в том числе и самолёты, а также о налётах на советскую территорию германской и финской авиации с территории Финляндии, считая последнюю агрессором, объявившим войну Советскому Союзу.

Действительно, советские самолёты совершали налёты только на финские аэродромы, где базировалась германская авиация. Вопрос о предоставлении для германских ВВС аэродромов в Хельсинки и Кеми был впервые

поставлен 25 мая 1941 г. на германо-финляндских переговорах в Берлине. Немцы также зондировали возможности использования финских средств ПВО для обеспечения безопасности перевозок в Ботническом заливе и по железным дорогам Лапландии. В ходе германо-финляндских переговоров в Хельсинки 5 июня были достигнуты договорённости о предоставлении немцам аэродромов Хельсинки, Кеми, Рованиеми и Кемиярви, на которых создавались специальные комендатуры. После этого Германия и Финляндия обменялись представителями, которые осуществляли функции связи и координации действий ВВС обеих стран. Самолёты двух стран, находившиеся в Финляндии на аэродромах совместного базирования, имели унифицированную покраску. Поперёк их корпуса рисовался широкий жёлтый пояс, концы крыльев также окрашивались в жёлтый цвет. Ещё до вступления Финляндии в войну против СССР шесть финских аэродромов находились в распоряжении германских ВВС, представителям люфтваффе было передано 360 листов топографических карт¹⁹.

По данным, поступавшим в Генеральный штаб Красной армии, финские части с 23 июня вели на Карельском перешейке усиленную разведку и наблюдение, продолжалось стягивание к границе финских войск. Об активной подготовке Финляндии к войне против СССР сообщал и наркомат госбезопасности Карело-Финской ССР: «Правящие круги Финляндии и финская военщина по указанию Германии... в особенности в последнее время, вели усиленную подготовку к войне против СССР... За счёт проводимой повсеместной массовой мобилизации нескольких возрастов непосредственно у границ СССР концентрировались войска финской армии, из приграничных районов проводилось переселение мирного населения. Спешность проводимой мобилизации подтверждается ещё тем, что все призванные немедленно отправлялись к границам, в пути следования из вагонов-кладовых им выдавалось обмундирование из ящиков, погружённых на платформах, следуемых с эшелонами, выдаётся оружие и боеприпасы. При формировании и погрузке воинского состава наряду с людьми в поезда загружались лошади и фураж. Общественное мнение Финляндии формировалось на основе пропаганды среди населения о дружбе Германии с Финляндией, непобедимости Германии и партии национал-социалистов, одновременно с этим велась открытая агитация о якобы имевшихся намерениях Советского Союза захватить Финляндию»²⁰.

В целях ослабления авиации немецко-финской группировки Ставка Главного командования утвердила план первой в годы Великой Отечественной войны воздушной операции советских ВВС, предложенный командующим ВВС Северного фронта генерал-лейтенантом авиации А.А. Новиковым. В результате её проведения (25–30 июня 1941 г.) противник потерял более 20% авиации, базировавшейся на территории Финляндии и Северной Норвегии, и был вынужден отвести часть своих авиасоединений в глубокий тыл. В первый день операции советские самолёты нанесли массированный

удар по Хельсинки и 12 аэродромам Финляндии, где базировались самолёты германских и финских ВВС. В налёте участвовали 214 самолётов, с задания не вернулись 6²¹.

Эта акция, направленная против германских агрессоров, была в тот же день использована финским руководством. На срочно созванном заседании парламента с пространной речью выступил премьер-министр Ю. Рангель. Основные положения его доклада сводились к тому, что Финляндия находится в сфере интересов великих держав и, не имея достаточных сил, чтобы в одиночку решать свои проблемы, вынуждена приспособливаться. Рангель обвинил Советский Союз в преступлениях против Финляндии (советско-финляндская война, требования демилитаризовать Аландские острова, давление в вопросе о никеле Петсамо, опасные железнодорожные перевозки в Ханко, невыполнение торговых обязательств и др.). Премьер-министр утверждал, что сближение Финляндии и Германии происходит не за счёт интересов других стран. Он заявил о концентрации Советским Союзом своих войск в Выборгской губернии, о том, что советские бомбардировки свидетельствуют о намерении СССР уничтожить Финляндию. Рангель защищал мобилизацию, ведущуюся в Финляндии, и оккупацию Аландских островов.

На следующий день, 26 июня, президент Рюти произнёс по радио речь, в которой прозвучало объявление войны Советскому Союзу. Рюти заявил, что «сразу после того как вспыхнула война между Германией и Советским Союзом, произошли со стороны Советского Союза многочисленные нарушения границ... Со вчерашнего дня вооружённые силы Советского Союза, невзирая на соглашения и без всякого повода с нашей стороны, по распоряжению своего правительства производят регулярные обширные военные действия во всех направлениях нашей страны... Так началась наша вторая освободительная война после прошедших неполных 19 месяцев от предыдущего нападения»²².

Объявление войны Советскому Союзу официально обосновывалось советскими воздушными налётами на финские города. При этом в СМИ сообщалось о повторном нападении Советского Союза (имелось в виду начало советско-финляндской войны 1939 г.), чтобы сломить сопротивление финского народа. Тот факт, что на подвергнутых бомбардировке аэродромах находились самолёты германских ВВС, замалчивался.

Финскими историками достаточно часто отмечается, что начало военным действиям положил воздушный налёт СССР на Финляндию. При этом они скромно умалчивают, что Финляндия ещё до 22 июня приняла решение выступить на стороне Германии в наступательной войне против СССР и активно готовилась к этому.

В 1 час ночи 29 июня Маннергейм отдал армии приказ идти «на священную войну с врагом финской нации». Маннергейм подчеркнул, что финская армия «вместе с военными силами Германии как братья по оружию

с решительностью отправляются в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надёжное будущее»²³. Рано утром финские части и находившиеся в Финляндии германские войска, группами от роты до полка, начали наступление на мурманском, кандалакшском, кексгольмском и выборгском направлениях.

Ещё до начала военных действий в финских политических и военных кругах обсуждались различные варианты будущей восточной границы Финляндии. Генеральным штабом Финляндии намечалось пять вариантов установления новых границ, самая дальняя граница была проведена восточнее Онежского озера. Наилучшей со стратегической точки зрения альтернативой считали границу, идущую через три перешейка между Финским заливом, Ладожским и Онежским озерами и Белым морем.

10 июля Маннергейм обратился с призывом к финским солдатам освободить земли Карелии. Он повторил обещание, данное им в феврале 1918 г., заявив, что не вложит клинок в ножны до тех пор, пока Восточная Карелия не будет свободной. На следующий день приказ был опубликован в газетах. «В освободительной войне 1918 г. я заявил карелам Финляндии и Беломорской Карелии, что не вложу своего меча в ножны, прежде чем Финляндия и Восточная Карелия не будут свободны. Я поклялся от имени финской крестьянской армии, доверяя мужеству её воинов и готовности к самопожертвованию женщин Финляндии. Двадцать три года Беломорская Карелия и Олонец ждали выполнения этого обещания; полтора года после славной зимней войны обезлюдевшая финская Карелия ожидала утреннего рассвета. Борцы освободительной войны, прославленные мужи зимней войны, мои отважные солдаты, наступил новый день.

Карелия поднимается, в наших рядах маршируют её собственные батальоны. Освобождённая Карелия и великая Финляндия засверкают перед нами в мощном вихре событий мировой истории. Да защитят судьбу народов ведомые Провидением армии Финляндии, исполняя данное мною карельскому племени обещание. Солдаты! Земля, на которую вы вступили, – святая земля; она пропитана кровью и страданиями нашего племени. Ваши победы освободят Карелию, ваши деяния принесут Финляндии великое, счастливое будущее. Главнокомандующий финской армии фельдмаршал Маннергейм»²⁴.

Финляндия сделала осознанный выбор между Германией и СССР. Страх перед распространением коммунизма и убеждённость в том, что СССР готовится напасть на Финляндию, толкнули её в объятия Гитлера. Действуя заодно с Гитлером, финские политики очень надеялись на победу Германии, на то, что Финляндия займёт почётное и безопасное положение в мире.

Таким образом, с точки зрения международного права Финляндия с июня 1941 г. до сентября 1944 г. являлась де-факто союзником Гитлера и входила в число государств, потерпевших поражение во Второй миро-

вой войне. Военные действия против Советского Союза были начаты Финляндией в нарушение заключённого 12 марта 1940 г. московского мирного договора и противоречили международному праву.

¹ Юссила О., Хенттила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. – М.: Весь мир, 2010. 472 с.

² Маннергейм К.Г. Мемуары / Пер. с фин. П. Куйвала, Б. Злобина. – М.: Вагриус, 1999. 509 с.; Сутулин П. 1941. Финляндия: жертва или агрессор? // Загадочная Отечественная война. – М.: Яуза: Эксмо, 2008. С. 5–6.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1294.

⁴ Центральный архив (ЦА) ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 5.

⁵ Архив Управления ФСБ России по Республике Карелия (АФСБ РК). Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76.

⁶ Гальдер Ф. Военный дневник (июнь 1941–сентябрь 1942). – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2010. 704 с.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57.

⁸ Юссила О., Хенттила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. – М.: Весь мир, 2010. 472 с.

⁹ Мягков М.Ю. Советско-финский фронт. 1941–1944 годы // Новая и новейшая история. 2008. № 3.

¹⁰ Паасикиви Ю.К. Дневники. Война–продолжение. 11 марта 1941–27 июня 1944 / Пер. с фин. А.И. Рупасова. – СПб.: Европейский дом, 2004. 424 с.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58.

¹³ Там же.

¹⁴ Паасикиви Ю.К. Дневники. Война–продолжение. 11 марта 1941–27 июня 1944. – СПб.: Европейский дом, 2004.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58.

¹⁶ Цит по: Мануо Й. Финляндия на пути к войне: Исследования о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. – Петрозаводск: Карелия, 1999.

¹⁷ История Второй мировой войны, 1939–1945: Фашистская агрессия против СССР. Крах стратегии «молниеносной войны»: В 12 т. – М., 1975. Т. 4.

¹⁸ Великая Отечественная война – день за днем: по материалам рассекреченных оперативных сводок Генерального штаба Красной армии. Т. 1. «Вторжение». – М., 2008. 576 с.

¹⁹ Мануо Й. Финляндия на пути к войне: Исследования о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. – Петрозаводск: Карелия, 1999.

²⁰ АФСБ РК. Ф. КРО. Оп. 1. Д. 76.

²¹ РГВА. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 1301.

²² По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944: Документы и материалы. – Петрозаводск: Карелия, 1995; Ricto Rytin Paiva Paivakirijat 1940–1944. – Helsinki: Edita, 2006.

²³ По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944: Документы и материалы. – Петрозаводск: Карелия, 1995.

²⁴ Там же.

КАРЛ ЗЕБЕР И СОЗДАНИЕ ФИНСКИХ ВВС

Статья в сборнике (на финском яз.)

Sotatapahtumia, internointeja ja siirto sodanjälkeisiin oloihin.

Kansallisarkiston artikkelikirja. Painopaikka: Oy Nord Print Ab,

– Helsinki, 2010

Во время Первой мировой войны Финляндия привлекала внимание Германии, прежде всего, как часть Российской империи, имевшая важное геостратегическое положение северо-западного «прикрытия» Петербурга. В тот период началось секретное сотрудничество Германии с некоторыми финскими политиками и промышленниками. А в 1915–1916 гг. среди молодежи Финляндии были тайно завербованы около 2 тысяч добровольцев, которых нелегально перебросили в Германию для подготовки к участию в войне против царской России. При прямой поддержке Берлина из них был сформирован 27-й Королевский Прусский егерский батальон. Инструкторами и командирами специальных подразделений 27-го егерского батальона стали германские фронтовые офицеры. После обретения независимости Финляндия рассматривалась Германией как инструмент давления на советскую Россию и важная территория для осуществления немецких военных целей в Балтийском регионе.

В 1918 г. в Финляндии началась гражданская война¹. Однако Германия в это время вела мирные переговоры с Россией и не могла в полной мере содействовать белофинскому правительству. Помощь приходилось тщательно скрывать. Лишь в середине февраля 1918 г. по предложению немецкой стороны финский посланник в Берлине Ельт и политик Рафаэль Эрих подготовили текст обращения к Германии с просьбой о вооруженной помощи Финляндии. Ельт пошел на такой шаг без согласования с финским правительством, поскольку считал, что немецкая военная интервенция еще сильнее сблизит Германию и Финляндию². Таким образом, 21 февраля 1918 г. в Киле была сформирована Балтийская особая флотилия под командованием контр-адмирала Мейера. А 5 марта 1918 г. на Аландские острова высадился германский 14-й егерский батальон численностью более 1 тысячи 100 человек. Кроме того, немецкие офицеры активно участвовали в гражданской войне между белофиннами и красногвардейцами и приступили к формированию финской военной организации – шюцкора.

В 1918 г. по приказанию германского верховного главнокомандующего большая группа немецких офицеров в качестве инструкторов перешла на службу в финскую армию. Перед ними была поставлена задача – помочь финскому правительству разгромить революционное движение, а затем приступить к строительству вооруженных сил. В городах Ваза и Куопио германские офицеры занимались формированием и стояли во главе воинских частей, которые под их руководством успешно вели боевые действия с подразделениями финской красной гвардии на Карельском перешейке. В результате умелых действий 3-й егерской бригады под командованием германского офицера Р. Штагеля³ удалось перерезать дорогу Выборг – Петроград, что лишило финских рабочих прямой связи с Россией и во многом способствовало подавлению революции в Финляндии⁴.

Во время гражданской войны противоборствующие стороны стали активно использовать самолеты. Важнейшей задачей авиации было ведение разведки и бомбардировка позиций противника. Красногвардейцы получали пилотов и аэропланы из Советской России. Для белофиннов первые пилоты и летательные аппараты стали поступать в феврале 1918 г. из Швеции. 24 февраля в Финляндию прибыли первые пилоты, а 26 февраля – аэроплан марки «Альбатрос». Первый самолет финских военно-воздушных марки «Моран-Солнье Парасол», купленный на пожертвования графа Эрика фон Розена, поднялся в воздух 6 марта 1918 г. На нем был изображен фамильный герб фон Розена – голубая свастика в белом круге, ставшая опознавательным знаком ВВС Финляндии. Официально финские военно-воздушные силы были образованы 10 марта 1918 г. Пять аэропланов для них были закуплены в Швеции, поступали также машины из Германии и России. Первоначально в финских ВВС служили всего 35 человек: 21 летчик и 14 летчиков-наблюдателей. Из них лишь девять пилотов имели финское гражданство. Вскоре военно-воздушные силы Финляндии были разделены на два отряда: западный и восточный. В восточном авиаотряде воевала группа русских летчиков, ранее служивших в русской Белой армии. Летчики финских ВВС участвовали в боевых действиях в составе Карельского армейского корпуса.

В апреле 1918 г. в Финляндию по заданию немецкого военного командования прибыл капитан германской армии Карл Зебер⁵. Его личность занимает особое место в истории Финляндии, создании финских военно-воздушных сил и германо-финском военном сотрудничестве. В Центральном архиве ФСБ России находится следственное дело № П-3406 в отношении К. Зебера, в котором сохранились его показания, связанные с деятельностью в Финляндии и Германии.

Карл Зебер родился 19 января 1883 г. в Трире в семье юриста. После окончания гимназии, в 1903 г., добровольцем вступил в германскую армию. До 1911 г. он служил в артиллерийских частях, а затем перевелся в авиацию. Зебер принимал участие в Первой мировой войне – с 23 декабря 1914 г. по 10 января 1915 г. Он был командиром 23-го Королевского Саксонского

полевого авиаотряда 2-й армии на Западном фронте. В качестве летчика-наблюдателя участвовал в воздушных боях во Франции. Был награжден прусским Железным крестом 1-го и 2-го классов, брауншвейгским орденом военных заслуг 2-го класса. За отличия в боевых действиях 4 июня 1915 г. Зебер получил высшую награду Саксонии – Рыцарскую степень креста Святого Генриха. Как опытный боевой пилот он был назначен начальником военно-воздушной школы, которая готовила летчиков для авиации Германии и размещалась в Аутце (Курляндия – Прибалтика)⁶.

Прибыв в Финляндию, Зебер был прикомандирован к финской армии и попал в распоряжение генерал-квартирмейстера Игнатиуса, находившегося при Главной квартире К.Г. Маннергейма. Основной задачей Зебера была организация военно-воздушных частей в Финляндии. Он сразу же начал знакомиться с аэродромной сетью страны и имевшимися самолетами, чтобы принять решение о дальнейшей работе по формированию летных подразделений. Зебер сумел отобрать 9 самолетов и приступил к созданию летной школы в Финляндии. Однако в 1918 г. организовать школу ему не удалось. За короткий период Зебер сумел лишь подобрать трех финских офицеров и отправить их для учебы в немецкую военно-воздушную школу, а также приобрести для Финляндии три самолета. Германия в это время не имела возможности снабдить финскую армию материальной частью авиации, и поэтому деятельность Зебера по созданию авиачастей оказалась ограниченной⁷.

Несмотря на то, что Карл Зебер был капитаном германской армии, в Финляндии он был вторым⁸ в финской истории командиром финских военно-воздушных сил (с 28 апреля по 13 декабря 1918 г.) и именно он считается создателем финской военной авиации. Зебер находился при Главной квартире Маннергейма до дня ее расформирования после окончания финской гражданской войны. В конце 1918 г. Германия по условиям перемирия должна была вывести свои воинские части из Финляндии. По требованию представителя Антанты были удалены все немецкие офицеры-инструкторы, занимавшиеся формированием финских воинских частей⁹. Однако в 1918 г. Финляндию покинули не все германские офицеры. В их числе оказался Зебер. По предложению военного министра финского правительства генерала Теслеффа он остался в качестве советника при командующем военно-воздушными силами финской армии.

Зебер продолжал заниматься вопросами организации летных школ в Финляндии. Для этой цели он подбирал молодежь из гражданских учебных заведений, разъезжал значение авиации и направлял подходящих лиц в летную школу. В должности советника Зебер оставался до 1920 г., затем его сменил майор французской армии Этьен¹⁰. В 1919 г. Зебер приобрел в Финляндии поместье приблизительно 110 км западнее Хельсинки и по официальной версии занимался сельским хозяйством. В первой советско-финской войне (15 мая 1918 г. – 14 октября 1920 г.) он не участвовал.

В конце 1935 г. Зебер вернулся в Германию. Как он сам впоследствии говорил, к возвращению его побудили: «Во-первых, болезнь жены (злокачественная ангина), и врачи ей рекомендовали переменить климат. Во-вторых, мне мои друзья в Германии писали, что они считают глупым, что я живу в Финляндии и роюсь в огороде, тогда как мне место в канцелярии. Основной же причиной моего выезда обратно в Германию было то, что мне прекратили пересылать пенсию, которую я получал в размере 300 марок как капитан запаса»¹¹. Зебер обосновался в Берлине. Он был вновь призван в германскую армию и в начале 1936 г. поступил на военную службу в Имперское министерство авиации: работал в 3-м отделе, где занимался проектированием и организацией строительства аэродромов. В марте–апреле 1936 г. Зебер был переведен в германскую военную разведывательно-контрразведывательную службу – абвер. Вначале служил в отделе абвер-III (контрразведка) начальником отделения, занимающегося контрразведывательным обслуживанием авиасоединений и аэродромов, расположенных в берлинском гарнизоне. С начала 1937 г. стал начальником реферата абвер I-Люфт (разведка). Затем его ненадолго перевели в центральный аппарат Абвера, где он отвечал за обеспечение безопасности заводов военной промышленности. В ноябре 1937 г. Зебера направили в абвер-I (военная разведка) реферат E (Великобритания, Франция).

Как свидетельствуют материалы архивного дела, Зебер на одном из допросов рассказывал: «Я занимался подбором и заброской агентуры в Англию и Францию для сбора сведений об авиационной промышленности этих стран, о наличии авиазаводов, их расположении, мощности, о количестве выпускаемых из производства самолетов или моторов. Забрасываемая агентура должна была добывать подробные сведения об имевшихся в этих странах аэродромах и авиапортах, об их мощности, количестве вмещаемых на них самолетов и другие сведения, касающиеся авиационной промышленности и вообще авиации Англии и Франции. Этой работой я занимался немного, всего около года, а затем в 1938 году был снят с этой работы как неспособный, и после этого, находясь при I отделе Абвер, я выполнял функции коменданта, т.е. устраивал квартиры для приезжающих офицеров, заботился об их питании. Всего в I отделе абвера я служил до мая месяца 1941 г.

Обычно забрасываемая в иностранные государства агентура набиралась из тех лиц, которые по каким-то либо делам выезжали в эти государства. Я лично обслуживал Англию и Францию, куда забрасывал большей частью так называемую случайную агентуру, то есть из лиц, выезжающих временно из Германии в Англию или во Францию, и которые должны были вскоре возвратиться обратно, это большей частью торговые представители, агенты различных торговых фирм, которым давалось задание получать интересные для нас сведения в тех городах или районах, куда выезжали. Причем, такая агентура инструктировалась в том направлении, чтобы она не производила никаких записей, а все сведения держала в памяти и по приезду

в Германию докладывала их в абвер тому офицеру, который посылал. Таких агентов я использовал при посылке во Францию и Англию примерно до 16–20 человек. Также для получения некоторых сведений об аэродромах и авиазаводах в Англии и во Франции мы использовали различные спортивные команды, выезжавшие в эти страны для проведения спортивных матчей. Спортсмены нами инструктировались в направлении выявления ими интересных для нас данных в том городе, где они будут, а также об их поведении при сборе сведений»¹². В 1938 г. германский штаб вооруженных сил получил от Маннергейма приглашение посетить праздник в связи с 20-летием финской армии. Зебер был приглашен персонально, о чем ему сообщил адмирал Канарис¹³. Визит в Финляндию продолжался 10 дней, в один из которых Зебер посетил бал, устроенный в квартире Маннергейма, где сумел встретиться с ним и поблагодарить за оказанное внимание.

В апреле 1941 г. Зебер вновь приехал в Финляндию, был назначен комендантом немецкого гарнизона в Хельсинки и оставался на этой должности до 1 июля 1944 г. Позже, давая показания о работе военным комендантом в Хельсинки, он отмечал: «В мои обязанности входило урегулирование взаимоотношений между финскими властями и немецкими воинскими частями, находящимися в г. Хельсинки, устранение возникающих инцидентов между местным населением и немецкими военнослужащими. В своей деятельности я подчинялся непосредственно представителю Ставки немецкой армии при финской Ставке генералу от инфантерии Эрфурту¹⁴. Немецких воинских частей в гор. Хельсинки не было, т.к. они не были расквартированы в Хельсинки. Весь немецкий гарнизон г. Хельсинки насчитывал до 100 офицеров и 200 солдат, находящихся в различных немецких военных учреждениях и командирах, размещавшихся в г. Хельсинки, которые, в основном, по роду своей работы были связаны с разрешением тех или иных вопросов с финскими властями. Таких учреждений и команд было от 15 до 18. В г. Хельсинки размещался так называемый штаб немецкого генерала, возглавляемый генералом Эрфуртом. При этом штабе имелся штат связи "Норд", возглавляемый капитаном Кохом. Функции этого штаба связи были военно-экономические. Здесь же при штабе имелся высший офицер службы связи, каковым был полковник Прютцманн. Кроме того, при штабе Эрфурта был уполномоченный по транспорту полковник Генштаба фон Амберг и армейский интендант Аерик, который подчинялся Эрфурту и в то же время главному командованию немецкой армии (ОКВ)¹⁵. В Хельсинки же размещалась центральная служба связи Военно-воздушного флота, действовавшего на Восточном фронте. Кто возглавлял эту службу, я сейчас не помню, т.к. руководители этой службы несколько раз менялись. Помимо этого имелся еще офицер связи 5-й Воздушной армии, действовавший в Финляндии, майор Бертольд. В Хельсинки размещалась полевая почта, через которую поступала вся корреспонденция для немецких воинских частей, находившихся в Финляндии. Кроме того, в Хельсинки размещался штаб организации "Тодт"

(оборонительное и военное строительство) и штаб транспортного флота, подчинявшийся министру вооружения Германии Шпееру»¹⁶.

Представляет интерес информация, полученная на одном из допросов Зебера, когда он говорил о подразделении германской разведки, именуемом «КОФ»¹⁷: «Кригсорганизацион Финлянд – зашифрованное название немецкой разведки абвера при ОКВ и, по существу, Кригсорганизацион Финлянд являлся отделом абвера в Финляндии и в своей деятельности подчинялся Управлению абвера при ОКВ и его главной задачей была разведывательная работа против Советского Союза в районах Карельского и Ленинградского фронтов. "КОФ" осуществляла шпионско-диверсионную деятельность на участке от г. Мурманска до Чудского озера путем засылки в тыл частей Красной армии шпионов и диверсантов. Мне известно, что "КОФ" создавал диверсионно-террористические группы из эстонцев, проживающих в Финляндии, которые перебрасывались на территорию Эстонии для подрывной работы против Красной армии. В "КОФ" имелось три группы, а именно: первая группа вела разведывательную работу, т.е. против Советского Союза. Называлась она – группа I. Группа II вела контрразведывательную работу внутри воинских частей немецкой армии, находящихся в Финляндии, и делилась на два подотдела – армейский и военно-морского флота. И, наконец, последняя группа – хозяйственная, ведавшая всеми хозяйственными вопросами, а также снабжением взрывчатыми веществами, оружием и боеприпасами "КОФ"»¹⁸. 31 января 1945 г. Зебер вышел в отставку. За период Второй мировой войны он был награжден крестами За военные заслуги 1-го и 2-го класса, финским орденом Крест Свободы 1-го класса.

8 июля 1945 г. в Берлине Зебер был арестован сотрудниками Управления контрразведки «Смерш» Ленинградского фронта. Он содержался под стражей в Лихтенбергской тюрьме. Следствие по делу Зебера вели работники Опергруппы НКВД СССР по Шарлоттенбургскому району 4-го отдела Центральной оперативной группы НКВД Берлина. Зебер был обвинен в том, что «после вероломного нападения Германии на Советский Союз по рекомендации адмирала Канариса был направлен в Финляндию и до момента капитуляции Финляндии работал военным комендантом гор. Хельсинки. Являясь комендантом гор. Хельсинки, Зебер одновременно работал в отделении абвера, условно именуемом названием Кригсорганизацион-Финлянд (КОФ), через которое осуществлял разведывательную и контрразведывательную работу (л. д. 16–21, 23–27, 32, 43, 44). Допрошенный в качестве обвиняемого Зебер Карл виновным себя признал (л. д. 14)»¹⁹. 11 октября 1945 г. по приговору Военного трибунала Берлина на основании ст. 58-2 (шпионаж) УК РСФСР Зебер был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. 12 ноября 1945 г. приговор был приведен в исполнение. 29 апреля 1999 г. Карл Зебер по заключению Главной военной прокуратуры на основании того, что «каких-либо преступлений против граждан или интересов СССР он не совершал, а был привлечен к уголовной

ответственности необоснованно, т.е. по политическим мотивам», и в соответствии со ст. 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 ноября 1991 г. реабилитирован.

¹ Гражданская война в Финляндии велась с 27 января по 15 мая 1918 г. между коммунистами и демократическими силами Сената Финляндии. Коммунистов поддерживала Советская Россия, Сенат получал военную помощь от Германской империи и шведских добровольцев.

² См.: *Новикова И.Н.* «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. – СПб., 2006. – С. 371.

³ Штагель Рейнар Генрих (1892–1955), немецкий военный деятель, генерал-лейтенант авиации. В 1918–1925 гг. – один из организаторов шоockора в Финляндии. С сентября 1942 по январь 1943 гг. – командир авиаполевой группы «Зондерштаба Штагель». С 10 сентября по декабрь 1943 г. – военный комендант Рима. В июле–августе 1944 г. – военный комендант Варшавы. 6 августа 1951 г. арестован МГБ СССР. 16 февраля 1952 г. приговорен к 25 годам тюремного заключения.

⁴ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-21101. Л. 36, 37.

⁵ Зебер Карл (1883–1945), немецкий военный деятель, полковник. В 1918 г. занимался подготовкой финских военных летчиков. С 1919 г. по 1935 г. проживал в Финляндии. После возвращения в Германию занимался проектированием и строительством аэродромов в Министерстве авиации. В апреле 1935 г. перешел на службу в абвер. С 1941 г. по 1944 г. – военный комендант Хельсинки. Арестован в Берлине 27 июня 1945 г. Признан виновным в совершении преступлений предусмотренных ст. 58-2 УК РСФСР и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 12 ноября 1945 г. Реабилитирован 29 апреля 1999 г.

⁶ См.: ЦА ФСБ России. Д. П-3406. Л. 16.

⁷ См.: ЦА ФСБ России. Д. П-3406. Л. 15–22, 38.

⁸ Первым командиром военно-воздушных сил Финляндии (10 марта–18 апреля 1918 г.) считается шведский пилот, лейтенант Йохан-Аллан Хигерт (1885–1954).

⁹ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-21101. Л. 36, 37.

¹⁰ См.: ЦА ФСБ России. Д. П-3406. Л. 33.

¹¹ ЦА ФСБ России. Д. П-3406. Л. 15–22.

¹² ЦА ФСБ России. Д. П-3406. Л. 7–12 об.

¹³ Канарис Фридрих Вильгельм (1887–1945), немецкий военный деятель, адмирал. С 1 января 1935 г. до 11 февраля 1944 г. – руководитель Абвера. После провала июльского заговора 1944 г. был арестован, затем повешен в концлагере Флоссенбург.

¹⁴ Речь идет о немецком военном деятеле, генерале пехоты Вальдемаре Эрфурте (1879–1971). С 13 июня 1941 по 13 сентября 1944 г. – представитель при Главной квартире финской армии.

¹⁵ ОКВ – Главное командование вермахта. Создано 4 февраля 1938 г. на базе преобразования Военного министерства; верховный орган управления вооруженными силами Германии в годы Второй мировой войны.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Д. П-3406. Л. 23–28.

¹⁷ С 1937 г. абвер приступил к созданию т.н. Военных организаций («Кригсорганизацион», КО), проводивших разведывательную работу с территорий нейтральных стран и стран-сателлитов Германии. Сотрудники КО входили в штат посольств и пользовались дипломатической неприкосновенностью. КО подчинялись Управлению Абвер-Заграница. Подотделы КО были в Финляндии, Болгарии, Швеции, Румынии, Венгрии, Турции, Иране, Афганистане, Китае, Испании, Португалии, Голландии, Швейцарии и Бельгии. «Кригсорганизацион Финляндия» – другое название «Бюро Целларинуса», создано в 1939 г.; с 1939 г. по 1944 г. начальник – Целларинус Александр (1898–?), сотрудник германской разведки, капитан 1-го ранга, одновременно занимал пост военно-морского атташе в Швеции и Финляндии.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Д. П-3406. Л. 23–28.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Д. П-3406. Л. 49–52.

«Я НЕ ЗНАЮ, ЗА ЧТО МЫ ВОЮЕМ...»

*Статья в газете «Время новостей»
30 ноября 2009 г. № 220*

Семьдесят лет назад, 30 октября 1939 года, советские войска перешли финскую границу – началась советско-финляндская, или, как ее еще называют, «зимняя» война. О «той войне незначительной» до 90-х годов умалчивали советские учебники истории. Затем ситуация изменилась: были опубликованы книги и статьи, проливающие свет на эту ранее запретную тему. Подробно описаны боевые действия, составы войск, принимавших участие в боях, известны официальные версии войны советской и финской сторон. Но, несмотря на, казалось бы, обширную историографию, в теме советско-финляндской войны до сих пор остаются белые пятна. За 70 лет выросли новые поколения, но образы «зимней войны» все еще незримо присутствуют в отношениях России и Финляндии, а пережитое, как свидетельствуют дискуссии политиков и диалог историков, отнюдь не стало минувшим. Каковы были первые часы войны, как сами ее участники оценивали «освободительный» поход Красной армии, как финским войскам удалось выдержать натиск многократно превосходивших по численности сил противника? Документальные материалы, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России, помогают воссоздать некоторые неизвестные моменты «зимней войны».

«Принимай нас, Суоми-красавица»

К началу военного конфликта между СССР и Финляндией северо-западную границу от Баренцева моря до Финского залива с советской стороны прикрывали четыре армии, входившие в состав Ленинградского военного округа. В Заполярье – 14-я армия (две стрелковые дивизии), которую поддерживал Северный флот, в Северной и средней Карелии – 9-я армия (три стрелковые дивизии), севернее Ладожского озера – 8-я армия (четыре стрелковые дивизии), на Карельском перешейке – 7-я армия (девять стрелковых дивизий, один танковый корпус и три танковые бригады). Кроме того, для поддержки 7-й армии были выделены авиация и силы Балтийского флота.

*Ломят танки широкие просеки,
Самолеты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.
Мы привыкли брататься с победами,
И опять мы проносим в бою
По дорогам, исхоженным дедами,
Краснозвездную славу свою», –*

с этой песней, «Принимай нас, Суоми-красавица», специально сочиненной в сентябре 1939 года, планировалось победоносно войти в Финляндию. (По пакту Молотова–Риббентропа Финляндия отходила в сферу интересов СССР.) Но реальность оказалось совсем иной.

30 ноября 1939 года после мощной и продолжительной артиллерийской подготовки части Красной армии перешли границу и начали продвигаться в глубь Финляндии, рассчитывая проходить 30–50 км в сутки. Однако уже с первых километров советским разведывательным группам и передовым подразделениям пришлось расчищать завалы, преодолевать сопротивление отрядов прикрытия противника и разминировать дороги. За день удавалось проходить лишь 7–12 км. Из-за сплошного минирования всех дорог в приграничной полосе Красная армия несла потери.

Документы свидетельствуют об огромном количестве воинских формирований и боевой техники, участвовавших в финской кампании: 1,3 млн военнослужащих (почти двукратный перевес относительно финской армии), 3,5 тыс. орудий (почти в шесть раз больше, чем у финнов), 1,5 тыс. танков, 3 тыс. самолетов (десятикратный перевес). Эти силы были выделены накануне и уже в ходе советско-финляндской войны из состава Ленинградского, Белорусского особого, Киевского особого, Калининского, Карельского пограничного, Московского, Мурманского, Орловского, Приволжского, Уральского, Харьковского, Сибирского и Забайкальского военных округов. В боях участвовали также Белорусский и Северо-Западный фронты; войска 3-й, 7-й, 8-й, 9-й, 13-й, 14-й, 15-й армий, Резервной группы войск и Мурманской армейской группы. В боях участвовали также 20 корпусов, 58 стрелковых, мотострелковых и горно-стрелковых дивизий; семь танковых, четыре легкотанковые, одна мотострелковая, одна стрелково-пулеметная и одна автотранспортная бригады.

Сотрудники особых отделов НКВД, участвовавшие в боевых действиях, без прикрас писали практически обо всем, что происходило на фронте. Добытая ими для высшего политического руководства нашей страны разносторонняя детальная информация сегодня позволяет реконструировать события семидесятилетней давности. Сведения, поступающие из района боевых действий, глава НКВД Лаврентий Берия докладывал в ЦК ВКП (б) – Иосифу Сталину, председателю Совета народных комиссаров, наркому иностранных дел Вячеславу Молотову и наркому обороны Клименту

Ворошилову, представлявшим Главный военный совет в период советско-финляндской войны.

Важное место в деятельности военных контрразведчиков занимали вопросы контроля за общественными настроениями в связи с событиями в Финляндии. Приводилась оценка, данная населением выступлению Вячеслава Молотова на Пятой внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года и опубликованной в начале ноября в газете «Правда» статье «К советско-финляндским переговорам». В течение октября 1939 года проходили советско-финляндские переговоры, темой которых стал «пограничный вопрос». СССР жестко настаивал на том, чтобы Финляндия передала ему значительную часть своих территорий, таким образом, граница оказалась бы отодвинутой на 30–50 км от Ленинграда и допустила создание на своей территории советских военных баз. В обмен наша страна предлагала передать Финляндии неразвитые в промышленном, сельскохозяйственном отношениях территории в Северной Карелии. Переговоры не только не увенчались успехом, но и привели к резкому усилению напряженности в отношениях между двумя государствами.

Как следует из донесений сотрудников НКВД, на специально организованных митингах единодушно одобрялась внешняя политика руководства СССР. «Трудящиеся оживленно обсуждают статью «Правды» «К советско-финляндским переговорам», гордятся мощью Советского Союза и подчеркивают, что статья написана языком, достойным СССР». Одновременно приводились данные, в которых содержались попытки «опорочить политику правительства СССР»: «Выходит, что СССР насильно отодвигает границу от Ленинграда. В таких условиях СССР – агрессор». По данным, поступавшим из НКВД Карельской АССР, население Карельской Республики с тревогой отнеслось к возможному заключению договора между СССР и финляндским народным правительством, был отмечен ряд прямых высказываний нежелания со стороны отдельной части карел проживать в районах, отходящих по договорам Финляндии: «Мы ни за что не пойдем на порабощение к финнам». В Коми АССР наряду с поддержкой и одобрением «решительных мероприятий Советского правительства» были «контрреволюционные высказывания» и выступления по вопросу о событиях в Финляндии: «Зачем Советскому Союзу нужна Финляндия, видимо, захват Польши понравился, а теперь понадобилась Финляндия».

В конце декабря 1939 года была опубликована сводка штаба Ленинградского военного округа о результатах военных действий за первые три недели. НКВД сразу же зафиксировал широкий отклик граждан по поводу неудачных действий Красной армии: «Пока в Финляндии у нас провал... Если в период занятия войсками Западной Белоруссии и Западной Украины наши газеты только и трубили об энтузиазме, с которыми встречает Красную армию население, то с момента финляндских событий об энтузиазме населения что-то не слышать».

**«Те, кого мы освобождаем,
жили лучше нас»**

Информация о настроениях различных слоев населения СССР собиралась особыми отделами НКВД и подразделениями военной цензуры, тщательно просматривавшими корреспонденцию военнослужащих. «Отнимали не раз вашу родину, мы приходим ее возвратить», – обещал финнам в песне про «Суоми-красавицу» ансамбль Ленинградского военного округа. Но предвоенный агитпроп был бессилён перед окопной реальностью. Письма красноармейцев, содержавшие негативные оценки хода боевых действий, по политическим и идеологическим соображениям так и не дошли до адресатов: изъятые цензурой, сегодня они являются ценными свидетельствами трагических военных будней.

На страницах этих писем, сохранившихся в информационных документах «Особых папок» НКВД СССР, советско-финляндская война предстает следующим образом: «В 8 часов утра началась война против Финляндии. Первой выступила артиллерия и с час била по Финляндии из разных калибров. Ударили очень крепко. Близ границы с Советским Союзом сравнялась вся земля. Ночью хорошо видно, как по всей границе горят финские деревни и города от артиллерийских выстрелов. Берем деревню за деревней, и горит вся Финляндия <...> деревни жжем <...> Не могу смотреть, что делается с людьми – ужас. Финляндия со всех сторон объята огнем и превратилась в огненное зарево. До свиданья, и, быть может, навсегда. Никакой работы среди местного населения проводить не нужно, их надо всех сажать. Я не знаю, за что мы воюем. При советской власти я жил плохо, а тех, кого мы освобождаем, они жили лучше нас, так зачем же их освобождать? На снегу лежали золотые часы с целью приманки и, как только красноармеец их взял, раздался взрыв, и он от разорвавшейся мины оказался убитым. Финны как поймают нашего бойца, то очень мучают, не убивают, а режут ножами, так что порезанных много. Даже мечты нет у меня остаться живым».

Руководство страны подошло к подготовке войны и к ее ведению абсолютно без учета реального состояния армии: стрелковых войск, артиллерии, авиации и танков было недостаточно для прорыва укреплений на Карельском перешейке и разгрома финской армии. Командование считало возможным применение тяжелых дивизий и танковых войск на всех участках ведения боевых действий. Хотя война эта велась зимой, войска не были достаточно оснащены, снабжены и обучены для ведения боевых действий в таких условиях.

Как свидетельствуют документы, части и соединения Красной армии не обеспечили необходимым вооружением, не снабдили обмундированием и продовольствием, в условиях «зимней войны» в Финляндии солдаты Красной армии оказались полураздетыми, в «рваных ботинках,

подвязанных проволокой», «в буденовках и даже пилотках на головах вместо шапок». Бойцы и командиры были обречены на гибель от морозов (температура в декабре-январе опускалась до 38 градусов) и голода. Прорывая линию Маннергейма, они замерзали в летнем обмундировании, не имея ни соответствующего вооружения, ни опыта ведения войны в зимних условиях Карельского перешейка и Кольского полуострова. Военные контрразведчики отмечали в донесениях: «За время марша люди не имели нормального отдыха. По мере приближения к госгранице населенных пунктов становилось меньше, и в них располагались только штабы, штабные и санитарные части, а остальные войска вынуждены были располагаться в лесу, в наспех построенных шалашах, у костров и зачастую под дождем и мокрым снегом, так как плащ-палаток не было, а хороших шалашей войска строить не умели».

Отчеты о боевых действиях, подготовленные сотрудниками особых отделов армий, корпусов и дивизий, свидетельствуют о том, что в результате обморожения, распространения дифтерии, брюшного тифа и недоедания части и соединения Красной армии несли большие потери. В документах отмечается: «Раненые сутками лежат на снегу, без медицинской помощи и умирают; после боев обнаруживаются трупы красноармейцев, которые были ранены и еще живыми были съедены хищниками; только 9–10 декабря части 150-й стрелковой дивизии потеряли убитыми и ранеными около 1000 человек; 28-й стрелковый полк был разгромлен. То же самое случилось и со 115-м стрелковым полком. С 14 по 24 декабря 1939 года 75-я стрелковая дивизия потеряла убитыми и пропавшими без вести 3494 человека. 13-я стрелковая дивизия с 30 ноября по 13 декабря 1939 года потеряла 4325 человек».

Драматические события произошли в частях 8-й армии (18-й стрелковой дивизии и 34-й легкотанковой бригады), блокированных финскими подразделениями с 6 января 1940 года в районе Южного Леметти. Бойцы вырыли окопы, оборудовали землянки и около двух месяцев держали круговую оборону. Вскоре закончились снаряды для танков и пушек, горючесмазочные материалы. Катастрофическое положение усугублялось суровыми погодными условиями. Неоднократно посылавшиеся на выручку отряды лыжников понесли большие потери, но помочь реально не смогли. Особый отдел НКВД 18-й дивизии сообщал: «Все полки уничтожены полностью, оставшихся в живых непрерывно, днем и ночью забрасывают снарядами. Продержимся немного, умрем, не сдадимся. Торопитесь с помощью, иначе будет поздно. Дни нашей жизни сочтены, выручайте».

К концу февраля у осажденного гарнизона не осталось продуктов. Люди были крайне истощены. К 28 февраля, когда был получен приказ на выход гарнизона в Леметти из окружения, в блокированных советских подразделениях оставалось 3 тыс. 261 человек.

Из донесений НКВД: «Выход осуществлялся двумя колоннами (южной и северной) под ураганным огнем финских подразделений. Непосредственно

в районе командного пункта погибли 520 советских военнослужащих, в том числе около 400 человек у пункта прорыва северной колонны. Северная колонна двигалась из Леметти (южное) на северо-восток к безымянным озерам, что в 1–1,5 км северо-восточнее Леметти (южное), откуда по финской санной дороге и тропам повернула на юго-восток в направлении Ловаярви. Движение колонны на этом участке пути происходило разрозненными группами, по пути следования северной колонны на расстоянии 1–2,5 км от района обороны было обнаружено 700 трупов, группами от 8 до 300 человек. Северная колонна была встречена огнем противника и, уклоняясь от него, изменила путь своего движения. В дальнейшем, выйдя на линию двух безымянных высот в лесу в 0,5–1,5 км юго-западнее озера Вуортана-Ярви, колонна наткнулась на финские подразделения и была окончательно уничтожена. Южная колонна, которую выводил начальник штаба 18-й дивизии полковник Алексеев, преодолевая проволочное ограждение противника, потеряла около 200 военнослужащих, еще 50 человек погибли по пути следования.

После завершения боев в Южном Леметти и занятия его частями Красной армии, был проведен осмотр мест боев. В результате осмотра установлены факты невиданной жестокости со стороны финских военнослужащих. После отхода гарнизона в Леметти (южное) на месте дислокации были оставлены свыше 200 человек тяжелораненых советских военнослужащих, которые не имели оружия и не могли передвигаться, тем не менее финские военнослужащие уничтожили всех оставшихся. Большинство землянок, где находились больные красноармейцы, было подорвано и забросано гранатами. На трупах красноармейцев были видны следы насилия: разбиты черепа, следы колотых ран и выстрелов в голову. В районе гибели северной колонны деревья в большинстве своем носили следы двусторонней перестрелки, что свидетельствовало о вооруженном сопротивлении северной группы. Значительная часть погибших была пристрелена в голову и добыта прикладами, имелись ножевые раны, нанесенные в лицо. У погибших офицеров были отрезаны петлицы и нарукавные знаки, а ордена вырваны вместе с материей. С южной колонной вышли 1237 человек, по маршруту ее следования обнаружено 249 трупов. По маршруту движения северной колонны было обнаружено 1250 трупов». К утру 2 марта 1940 года из окружения вышли только 1 тыс. 555 человек, из них 225 больных и 1 тыс. 181 раненый. 4 марта 1940 года в финской газете «Кансан Войма» было опубликовано сообщение о завершении боев по уничтожению главных сил 18-й стрелковой дивизии и 34-й механизированной бригады: «Последний опорный пункт 18-й дивизии был занят 29 февраля, его очистка закончена 1 марта. Противник потерял убитыми 2 тыс. 50 человек. В числе убитых находится командир бригады Кондратьев (34-я легкотанковая бригада). Штаб 18-й дивизии, вместе с командиром дивизии Кондрашевым вышел из окружения 1 марта. На опор-

ном пункте захвачены следующие трофеи: 105 боевых машин, 12 броневых машин, 6 орудий, 5 зенитных пулеметов, 200 грузовых машин, 28 легковых машин, 25 машин боеприпасов». Кондрашев Григорий Федорович был арестован 15 марта 1940 года по обвинению в том, что, являясь командиром 18-й стрелковой дивизии, допустил большие потери. 12 августа 1940 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу и лишению воинского звания. 30 декабря 1968 года определением пленума Верховного суда СССР посмертно реабилитирован.

«Сидим в окопах и ждем смерти»

В одном из солдатских писем, написанных просто и не очень грамотно, дается честное описание всей трагедии войны: «Война идет очень крепко, много потерь с нашей стороны, а о раненых не приходится вспоминать, так как их очень, очень много. Положение плохое, голод, нет хлеба, сидим в окопах и ждем смерти. Жертв очень и очень много, так как подошли к очень большой крепости, т.е. железобетонной, где вот уже 6 дней стоим на одном месте под пулями противника, а это укрепление очень крепкое, т.е. сделано еще у Гитлера два года тому назад. Очень и очень много ложится у этой крепости. Сейчас много убитых в пехоте, там всего без счета бедняг погибло. За два дня похоронили 70 человек, по 30–35 человек в одну могилу. Плавающие танки перешли на ту сторону озера и оттуда не вернулись. Народу погибло очень много. Дороги все взорваны. У нас горит все, и сыплются стекла от гула пушек, но это еще не ужас, а ужас то, когда машина за машиной привозят раненых с передовой линии, и вся наша братва помирает от заграждений финских мин».

12 марта 1940 года боевые действия закончились, и было подписано перемирие. Граница на Карельском перешейке была отодвинута от Ленинграда на 120–130 км. Тем не менее по итогам войны негативных последствий для СССР оказалось больше, чем положительных результатов. У командования Красной армией, особенно младшего и среднего его состава, появилось неверие в собственные силы.

Ухудшилось международное положение Советского Союза: он был исключен из Лиги Наций, что впоследствии привело к исключению СССР из таких международных организаций, как Красный Крест, и в результате во время Великой Отечественной войны советские пленные содержались в гораздо худших условиях, чем пленные других стран. Обострились отношения с Великобританией и Францией. Во время боевых действий потери Красной армии (погибшие, пропавшие без вести, умершие от ран и болезней) составили более 126 тыс. человек. Безвозвратные потери Финляндии составили более 48 тыс. человек.

Изучив недостатки в подготовке Красной армии к военным действиям в Финляндии, 5 апреля 1940 года Особый отдел НКВД Ленинградского военного округа направил в Москву подробный анализ всех основных просчетов, имевших место в ходе боевых действий частей и соединений, и причин столь больших потерь личного состава: «Театр войны с белофиннами должным образом подготовлен не был. Оценка противника была произведена исключительно пренебрежительно, силы противника и естественные условия недооценивались. Точного учета состояния формируемых частей не было. Штаб Северо-Западного фронта имел слабую осведомленность о деятельности противника. Имели место случаи, когда воинские части по несколько раз погружались в эшелоны и отправлялись к месту их назначения, но в пути следования возвращались обратно и снова выгружались. К началу военных действий штабы отдельных частей и соединений полностью сколочены не были <...> При формировании новых соединений на ответственные должности назначались лица, не знающие штабной службы.

Вопросам сохранения военной тайны и секретных документов со стороны командного состава отдельных частей действующих армий и штабов значения не придавалось <...> Оперативные приказы передавались по телефону в части открытым текстом <...> За время войны много секретных и совершенно секретных военных документов попадало в руки финнов. Начальники штабов частей учету личного состава должного внимания не уделяли. Потери убитых, раненых и пропавших без вести не учитывались. Опыт прошедших боев показал, что наши стрелковые части по своей организации и структуре не были в достаточной степени приспособлены к маневрированию в данных условиях театра военных действий. Страдала подготовка комсостава пехоты в вопросах: управления боем, неумения полностью использовать тяжелое оружие пехоты, неумения ориентироваться на местности, неумения вести разведку.

В результате слабой разведки части несли большие потери как личным составом, так и материальной частью. При проведении боевых операций <...> отдельные командиры частей и подразделений в наиболее критическую минуту боя под натиском противника теряли управление боем, в результате чего подразделения, оставшиеся без руководства, отходили от занимаемых рубежей, неся при этом потери личного состава. В строевых частях имелись красноармейцы, никогда не служившие в армии и не умеющие стрелять. Танки действовали преимущественно мелкими группами совместно с пехотой в одном направлении и главным образом по дорогам. Связь артиллерии с танками, как правило, отсутствовала. Опыт войны требует немедленного пересмотра конструкций современных танков. Отсутствие четкой аэродромной службы, организации руководства стартом и нарушение наставления по производству полетом руководящим составом частей приводил к большому количеству летных происшествий.

Во время боевых операций в частях действующих армий отмечались случаи проявления трусости, паники, дезертирства, саморанений. Почти с первых же дней боевых действий обнаружилась нереальность мобилизационных планов ЛВО. Во время больших морозов часть красноармейцев ходили в пилотках. В мирное время не были заранее подготовлены для проведения операций театр военных действий 8-й армии: дороги, рубеж развертывания, были явно недостаточными сведения о противнике; прибывающие в состав армии части и соединения матчасти укомплектованы не были; наличие преступной халатности организационно-мобилизационных органов, производивших укомплектование частей; штабы танковых частей к таким боям не были подготовлены; неподготовленность частей к действиям в суровых метеорологических условиях; бросание гранат из танка слабо отработано; существующая бронировка танков не обеспечивает защиту экипажа в условиях слабых маневренных возможностей при обстреле их с дистанции действительного огня; слабое, а часто неграмотное использование бронетанковых частей и т.п.».

Уроки советско-финляндской войны так и не были извлечены, и «работа над ошибками» осталась невыполненной вплоть до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года.

КАТЫНЬ

*Статья в «Российской энциклопедии»
Т. 7. М., 2011*

Катынь (Катынский лес), урочище в 14 км к западу от г. Смоленск, в районе железнодорожной станции Гнёздово, место массового захоронения военнослужащих польской армии, интернированных на территории СССР в результате Германо-польской войны 1939 и содержавшихся преимущественно в Козельском лагере, а также советских граждан.

Захоронение польских военнослужащих было обнаружено в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в условиях оккупации германскими войсками Смоленской области. Его нашли, согласно сообщению правительства гитлеровской Германии, поляки из рабочих команд, получившие сведения о захоронении от местных жителей. С 29 марта по 7 июня 1943 г. по распоряжению германских властей, организовавших в связи с обнаружением захоронения мощную пропагандистскую кампанию (было объявлено, что в Катыни покоятся 12 тыс. тел «польских офицеров, убитых ГПУ»), производились вскрытие могил (из 8 обнаруженных, 7 было вскрыто полностью, 1 частично), идентификация останков и их перезахоронение.

Всего, по германским данным, было эксгумировано 4143, идентифицировано 2815 трупов. Работы по идентификации осуществляла Техническая комиссия Польского Красного креста (9 человек во главе с профессором М. Водзинским) под наблюдением германских властей, от которых комиссия получала для ознакомления вещи и документы, извлечённые из захоронения (дальнейшая судьба этих вещественных доказательств не известна).

28–30 апреля 1943 в Катыни работала международная комиссия, в состав которой германское правительство пригласило 12 судебных медиков из оккупированных или союзных с Германией стран (Бельгия, Нидерланды, Болгария, Дания, Финляндия, Венгрия, Италия, Франция, Чехия, Хорватия, Словакия), а также Швейцарии. Главной задачей комиссии было установление времени возникновения захоронения. Комиссия подтвердила версию германского правительства, отметив в своём заключении: «Из показаний свидетелей и судя по письмам, дневникам, газетам и т.д.,

найденным на трупах, следует, что расстрелы происходили в марте и апреле 1940 года». Использование при проведении расстрелов боеприпасов германского производства власти нацистской Германии объяснили тем, что данный тип боеприпасов в 1920 х гг. поставлялся также в СССР и прибалтийские государства. В процессе установления границы польского захоронения, по сообщениям германских официальных лиц, в Катыни были обнаружены также более ранние погребения советских граждан, в т.ч. в военной форме.

Информация германских властей о расстреле в Катыни органами НКВД СССР польских офицеров была воспринята польским эмигрантским правительством в Лондоне как достоверная, что побудило советское правительство 25 апреля 1943 порвать с ним отношения.

По завершении работ по эксгумации (были прекращены, согласно сообщению германских властей, в связи с установлением жаркой погоды) останки польских военнослужащих были погребены в 6 новых, а тела двух генералов – в одиночных могилах. Результаты обследования катынского захоронения германское правительство изложило в опубликованной в 1943 г. «белой книге» «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn». В ней был опубликован также список лиц, идентифицированных в захоронении. (Согласно материалу, переданному в мае 1988 г. польскими историками советской части Комиссии историков Польши и СССР список содержит «ошибки или фальсификации», поскольку в него включены некоторые ныне здравствующие люди и несколько человек, убитых немцами позднее на территории оккупированной Польши).

После освобождения Смоленска от германских оккупантов в сентябре 1943 г. советское правительство начало расследование зверств, совершенных немцами в Смоленске и Смоленской области 16–23 января 1944 г. в Катыни работала специальная комиссия под руководством академика Н.Н. Бурденко. Согласно её заключению, сделанному на основе судебно-медицинской экспертизы 925 трупов, изучения извлечённых из захоронения вещественных доказательств, а также опроса около 100 свидетелей, включая некоторых из тех, кто ранее дал показания немцам, в Катыни были захоронены трупы польских военнослужащих, содержавшихся в 3 советских лагерях для военнопленных под Смоленском и использовавшихся до лета 1941 на дорожно-строительных работах.

В связи с быстрым продвижением германских войск и дезорганизацией работы транспорта лагеря эвакуировать не удалось, в июле 1941 г. они были захвачены немцами. В сентябре–декабре 1941 г. польские военнослужащие были расстреляны и захоронены в Катыни. Их планомерным уничтожением занималось специальное подразделение, условно именовавшееся «штабом 537 строительного батальона». Расстрелы производились pistolетным выстрелом в затылок – способом, который применялся немцами также

при массовых убийствах советских граждан, в частности, в Орле, Воронеже, Краснодаре, Смоленске.

В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 г. и, учитывая возникшие к этому времени разногласия на переговорах между польским и советским правительствами по вопросу о будущем территориальном составе Польши, германские власти, по заключению комиссии Н. П. Бурденко, решили организовать провокацию, призванную внести раскол в антигитлеровскую коалицию. Готовя её, немцы весной 1943 г. произвели вскрытие могил в Катыни с целью извлечения изобличающих их вещественных доказательств и вложения документов и материалов, подтверждающих нужную им версию. В Катыни были доставлены и захоронены также останки польских военнослужащих, уничтоженных немцами в других местах. На работах в Катыни германские власти использовали до 500 советских военнопленных, которые в мае 1943 г. также были расстреляны и захоронены в катынском лесу.

По завершении войны советское правительство представило свои материалы по «катынскому делу» в Международный военный трибунал, заседавший в Нюрнберге, для включения их в приговор, который должен был быть вынесен Г. Герингу. Однако после опроса ряда свидетелей трибунал не нашёл убедительных оснований для внесения представленных советской стороной доказательств в обвинительное заключение.

В условиях «холодной войны» расследованием «катынского дела» активно занималась специальная комиссия Палаты представителей Конгресса США, которая в своём заключении, принятом в 1952 г., возложила вину за расстрел польских военнослужащих в Катыни на правительство СССР.

В 1950–1980-х гг. проблема Катыни играла важную роль в международных отношениях и общественно-политической жизни Польши. В 1978 г. в Катыни был сооружён мемориал над братской могилой поляков, в 1983 г., в 40-летие расстрела гитлеровцами в катынском лесу советских военнопленных, на месте их захоронения установлен специальный памятный знак.

С началом «перестройки», в условиях политических дискуссий, развернувшихся в СССР, тема Катыни приобрела первостепенное значение. В апреле 1989 г. Прокуратуре СССР было поручено провести проверку всех обстоятельств «катынского дела». Советское руководство во главе с М.С. Горбачёвым признало ответственность СССР за расстрел польских военнослужащих в Катыни и в заявлении ТАСС от 13 апреля 1990 г. квалифицировало его как «одно из тяжких преступлений сталинизма», возложив вину за «злodeяние в катынском лесу» на «Берию, Меркулова и их подручных». Польской стороне были переданы списки польских военнослужащих, содержащихся в Козельском и других лагерях НКВД СССР, и другие документы. После распада СССР проблема Катыни в 1992 г. была вновь поднята в ходе рассмотрения «дела КПСС», однако не получила развития,

поскольку защите удалось оспорить аутентичность представленных обвинением документов, подтверждавших факт расстрела органами НКВД СССР поляков в 1940 г.

По поручению Президента РФ Б.Н. Ельцина копии этих документов 14 октября 1992 г. были вручены Президенту Республики Польша Л. Валенсе; Б.Н. Ельцин принёс официальные извинения польскому народу.

С 1994 г. расследованием «катынского дела» занималась Главная военная прокуратура РФ (ГВП РФ). Ею было установлено, что после вступления Красной армии на территорию западных областей Украины, Белоруссии и в Прибалтику, в соответствии с постановлениями СНК СССР от 5 декабря 1939 г. и 2 марта 1940 г. органами НКВД СССР, по данным на август 1941 г., были арестованы либо интернированы около 390 тыс. военнослужащих польской армии, сотрудников спецслужб, членов политических партий и организаций; большая их часть после проверки личности отпущена. В лагерях НКВД СССР оставались только те польские граждане, в отношении которых в установленном УПК РСФСР (1923) порядке расследовались уголовные дела по обвинению в совершении государственных преступлений.

Опираясь на документы, фигурировавшие при рассмотрении «дела КПСС», ГВП РФ заключила, что в начале марта 1940 г. уголовные дела на 14 542 польских граждан (на территории РСФСР — 10 710 человек, на территории УССР — 3832 человека) были переданы на рассмотрение внесудебного органа — «тройки», которая признала этих лиц виновными в совершении государственных преступлений и приняла решение об их расстреле.

В то же время следствием была достоверно установлена гибель в результате исполнения решений «тройки» лишь 1803 польских военнопленных и установлена личность 22 из них. ГВП РФ квалифицировала действия ряда конкретных высокопоставленных должностных лиц СССР весной 1940 г. по п. «б» ст. 193-17 УК РСФСР (1926), как превышение власти, имевшее тяжёлые последствия при наличии особо отягчающих обстоятельств.

21 сентября 2004 г. уголовное дело в их отношении ГВП РФ прекратила на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за смертью виновных. В ходе расследования «катынского дела» по инициативе польской стороны тщательно исследовалась версия о геноциде польского народа, однако она не подтвердилась. С учётом этого уголовное дело по признакам геноцида было прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием события преступления и подчеркнуто, что действия должностных лиц НКВД СССР в отношении польских граждан основывались на уголовно-правовом мотиве и не имели целью уничтожить какую-либо демографическую группу.

Завершение расследования ГВП РФ не положило конец острым дискуссиям по «катынскому делу» как в польском, так и в российском обществе.

Их участники отмечают, что вне поля зрения следствия остались многочисленные факты, которые могут пролить новый свет на эту сложную проблему.

В целях увековечения памяти польских военнослужащих, покоящихся в Катыни, в 1994 г. в Кракове было подписано соглашение между правительствами РФ и Польши о захоронениях и местах памяти жертв войн и тоталитарных репрессий. 4 июня 1995 г. в Катыни состоялась церемония закладки польского воинского кладбища. Правительство РФ 19 октября 1996 г. приняло постановление «О создании мемориальных комплексов в местах захоронений советских и польских граждан – жертв тоталитарных репрессий в Катыни и Медном (Тверская область)». 28 июля 2000 г. в Катыни был открыт российско-польский мемориал.

Источники: Катынь. Пленники необъявленной войны Документы и материалы. – М., 1999; Катынь. Март 1940 – сентябрь 2000. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. : Документы. – М., 2001; Катынь. : Свидетельства, воспоминания, публицистика. – М., 2001.

Литература: Катынская драма. / Под ред. О.В. Яснова. – М., 1990; *Лебедева Н. С.* Катынь: преступление против человечества. – М., 1994; *Она же.* Четвёртый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война. 1939–1945. – М., 1996; *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – М., 2001; *Швед В., Стрыгин С.* Тайны Катыни // Наш современник. 2007. № 2. – С. 198–230; № 4. – С. 199–227; *Швед В.* Тайна Катыни. – М., 2007.

РАЗДЕЛ III

О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР В 1941–1945 ГГ.

Предисловие к монографии¹

Историография Второй мировой и Великой Отечественной войн насчитывает тысячи научных работ, написанных историками и публицистами разных стран, Но интерес к этой теме не ослабевает, особенно в последние десятилетия. В поле зрения исследователей находятся такие проблемы военных лет, как причины трагического для Советского Союза начала войны, основное содержание мер чрезвычайного характера, предпринимавшихся в СССР, чтобы предотвратить катастрофу, остановить наступление германских армий, организовать стратегическую оборону и провести эвакуацию населения и промышленных предприятий в глубь страны.

Изучение героических и трагических страниц отечественной истории, извлечение из них уроков, предотвращение повторения ошибок прошлого – в этом и состоит задача современных исследователей. Россия, объявив себя правопреемником СССР, стала удобным объектом для обид. Ведь у каждого из народов бывшего Союза – свой XX век. Национальная память по-своему осмысляет общий опыт. Представление о собственном народе как жертве, прошлые взаимные обиды могут долго отравлять отношения между народами. Не нужно заменять собственную правду истории чужой правдой, необходимо стремиться понять образ прошлого, сложившийся у соседей. Дискуссии на исторические темы сегодня ведутся не относительно фактов, а относительно интерпретации этих фактов. Ответственное отношение к оценке исторических источников и исторических событий свидетельствует о гражданской зрелости не только науки, но и общества в целом.

Наряду с прочим нужно отметить особый интерес историков, который вызывают вопросы противоборства в военные годы разведок и контрразведок сражавшихся сторон. Роль и место отечественных органов безопасности в достижении Победы в Великой Отечественной войне – одна из дискуссионных тем в современной историографии.

Недоверие к некоторым публикациям, особенно советского периода, противостояние между историками в оценках различных событий на фронтах и в международных отношениях военных лет, а также недостаточное использование архивных документов привели к сокращению количества серьезных исследовательских работ по проблемам истории советских органов государственной безопасности.

В настоящей монографии предпринята попытка на документальной основе объективно показать вклад в победу над фашизмом органов госбезопасности СССР, без самоотверженности и профессионализма которых неизмеримо высокая цена Победы могла быть еще выше. Нужно помнить их подвиг, патриотизм и верность долгу, но нельзя забывать и тяжелые уроки войны, жестокость предпринимавшихся чрезвычайных мер.

Когда оборона страны стала главной функцией государства, требовалось безотлагательно перестроить всю работу государственного аппарата и внести изменения в законодательство. Государственный аппарат превратился в часть военного организма страны. Коренная перестройка произошла и в деятельности советских органов разведки и контрразведки (наркоматов госбезопасности и внутренних дел, Третьих управлений НКВД и НКВМФ).

Органы госбезопасности и внутренних дел обеспечивали безопасность оборонных заводов и режимных предприятий, железнодорожных узлов, станций, мостов, радиотелефонных и телеграфных станций, аэродромов, банков и т.д., изымали незаконно хранящееся оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, вели розыск и задержание направленных в тыл Красной армии десантов и диверсантов противника, а также аресты «разрабатываемых контрреволюционеров и шпионов». Самым активным образом осуществлялся розыск дезертиров, паникеров и распространителей пораженческих слухов. В местностях, объявленных на военном положении, органами НКВД проводилось выселение в административном порядке всех лиц, признанных социально опасными, в том числе по национальному признаку – представителей народов воюющих с СССР стран.

В короткий период времени было проведено мобилизационное развертывание, внесены изменения в организационную структуру советских органов госбезопасности, формы и методы оперативной работы, осуществлены экстренные мероприятия по обеспечению безопасности на предприятиях оборонной промышленности и железнодорожного транспорта. На предприятиях производственных управлений НКВД СССР и в Особых технических бюро при НКВД СССР трудились сотни тысяч заключенных, добывавших стратегическое сырье, уголь, драгоценные, цветные и черные металлы, выплавлявших чугун и сталь, заготовлявших лес и дрова, занимавшихся научными исследованиями и конструкторскими разработками.

Важной задачей стал сбор информации о разведывательных, контрразведывательных, диверсионных и полицейских структурах Германии, Италии, Венгрии, Финляндии, ведущих активную подрывную работу против СССР.

В последнее двадцатилетие рассекречены тысячи архивных документов по истории советских органов госбезопасности, которые позволяют по-новому оценить их место в системе советских административно-политических органов, рассмотреть их функции по обеспечению строжайшего порядка и дисциплины на фронте и в тылу, реализации постановлений ГКО, предусматривавших чрезвычайные меры по борьбе со шпионами, провокаторами, десантами противника и диверсантами в прифронтовой полосе, распространителями слухов, охране особо важных предприятий и учреждений оборонного значения, а также объектов транспорта и связи.

Все сказанное определило актуальность исследования. Заявленная проблема представляет самостоятельный научный интерес, так как ее изучение позволяет углубить и расширить наши знания по важнейшим вопросам военной и политической истории СССР 1940-х гг., в понимании механизма подготовки и принятия решений высшим политическим руководством СССР. Несомненно и практическое значение данной темы для историков, политологов, военных и широкого круга исследователей, изучающих вопросы национальной безопасности, обороны страны и обеспечения правопорядка. Осуществление этих важнейших функций государства в военные годы возлагалось на НКВД и НКГБ, а также на органы военной контрразведки.

Войска НКВД совместно с частями и соединениями Действующей Красной армии вели оборонительные бои и охраняли ее тыл. В условиях чрезвычайной обстановки военного времени, действуя по указанию партийно-государственного руководства СССР, органы и войска НКВД провели ряд операций по депортации отдельных народов, несли заградительную службу, задерживали дезертиров и паникеров. В современных условиях эти проблемы стали предметом особого внимания и критики исследователей.

В нашем обществе до сих пор ведутся дискуссии о трагическом начале войны, причинах просчета советского военно-политического руководства в оценке сроков нападения Германии, количестве потерь Советского Союза в военное время, численности советских военнопленных и др. Как известно, план нападения Германии на СССР был утвержден Гитлером 18 декабря 1940 г. в виде директивы № 21, получившей кодовое наименование «Барбаросса», под которым прочно закрепился в историографии. Для того, чтобы скрыть от Советского Союза подготовку к операции «Барбаросса», германским военным командованием прово-

дился комплекс мероприятий, направленных на введение противника в заблуждение. Германской разведкой и контрразведкой проводились многочисленные акции по дезинформации, распространению ложных слухов и сведений, чтобы скрыть от СССР сосредоточение германских войск на советской границе, движение эшелонов с войсками из Франции в Польшу, Восточную Пруссию и Румынию. Германское руководство старалось внушить советскому правительству, что переброска немецких войск совершается не для того, чтобы угрожать СССР, а для того чтобы рассредоточить и вывести их из -под ударов британской авиации, а также для прикрытия румынских нефтяных промыслов от англичан, высадившихся в Греции.

Ранним утром 22 июня 1941 г. немецкие соединения, развернутые между Балтийским и Черным морями, тремя группами армий: «Север», «Центр» и «Юг», перешли границу СССР. Преимущество внезапного удара, а также перевес в живой силе, технике и огневой мощи на участках фронта, намеченных для танковых прорывов, позволили противнику пробить бреши в обороне Западного и Северо-Западного фронтов и устремиться в глубь советской территории. Наступление началось и на участке Юго-Западного фронта.

Стремительное продвижение германских частей, направление в тыл Красной армии десантов и диверсантов противника отрицательно влияли на психологическое состояние армии и настроения населения. Среди командного состава нередко возникали растерянность и паника, в окружении и плену оказались сотни тысяч советских военнослужащих. В таких условиях важно было принять меры по наведению порядка в войсках. Трудная ситуация на фронте и в тылу потребовала принятия чрезвычайных мер.

Уже 22 июня 1941 г. НКГБ СССР направил в органы безопасности директиву о мобилизации всех сотрудников, пресечении попыток государственных преступлений и совместной с органами внутренних дел охране коммуникаций и особо важных объектов промышленности и транспорта. В последующие дни были даны дополнительные указания вести решительную борьбу с дезертирами и парашютными десантами противника и не реже двух раз в сутки информировать Центр о положении дел на местах, создавать оперативные группы и резидентуры, осуществлять агентурное проникновение в расположение немецких войск, организовывать партизанское движение и подпольную работу, оставляя для этих целей проверенных, надежных, смелых агентов.

Первые пять месяцев войны были самыми трудными для Советского Союза. Немецким войскам удалось оккупировать Прибалтику, Молдавию, большую часть Украины и Белоруссии, ряд областей РСФСР, часть Карело-Финской ССР. Противник блокировал Ленинград, находился на подступах к Москве, продвинувшись в глубь страны на 850 – 1 тыс. 200 км.

Наступление немецко-фашистских войск сопровождалось активной разведывательно-диверсионной деятельностью. На советско-германском фронте были сосредоточены основные силы и средства разведывательных, контрразведывательных органов нацистской Германии. В период Великой Отечественной войны на Восточном фронте действовало более 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд СД и абвера, функционировало около 60 школ, готовивших агентуру для заброски в тыл Красной армии.

Отечественным органам безопасности противостоял хорошо подготовленный и отмобилизованный противник в лице немецких разведывательных, контрразведывательных и диверсионных органов, а также специальных служб Румынии, Финляндии, Японии и других стран – союзников Германии. Сложившаяся оперативная обстановка внесла существенные коррективы в работу отечественных органов безопасности. С целью обеспечения противодействия специальным службам нацистской Германии и ее союзников с первых дней войны активизировалась работа по добыванию разведывательной информации о планах и замыслах германского военного командования.

При подготовке настоящей монографии в качестве главной была поставлена цель на основе анализа научных работ предшественников и ранее не известных источников показать место в системе административно-политического аппарата советского государства органов государственной безопасности и внутренних дел в годы войны, их вклад в победу над нацистской Германией и ее союзниками, полномочия, компетенцию и основные направления деятельности.

Именно привлечение новых рассекреченных документов позволило обратиться к событиям военных лет с новых методологических позиций. Ведение в научный оборот новых источников позволяет уточнить, как развивалась военно-политическая обстановка в различные периоды Великой Отечественной войны, какие меры чрезвычайного характера по стабилизации обстановки на фронте и в тылу принимались ГКО и Ставкой ВГК. Реализация чрезвычайных мер, как правило, возлагалась на НКВД–НКГБ СССР. В связи с этим необходимо раскрыть содержание основных направлений деятельности советских спецслужб, причины изменения их полномочий и организационной структуры.

В монографии исследуются основные направления деятельности органов госбезопасности и внутренних дел, такие как разведывательная и разведывательно-диверсионная, контрразведывательная, военная и правоохранительная, экономическая и научно-техническая, а также организация государственной проверки (фильтрации) и действия заградительных отрядов. Вне рамок исследования осталась разведывательная работа, проводившаяся 1-м управлением НКВД (НКГБ) СССР (начальник

– П.М. Фитин) в США, Великобритании, Италии, Франции, Финляндии, Швеции, Латинской Америке, Индии, Китае, Японии, Афганистане, Иране, Турции и др. Кроме того, в книге не рассматриваются подробно вопросы борьбы органов НКВД–НКГБ с контрреволюционной пропагандой и агитацией (ст. 58-10 УК РСФСР) и контрреволюционными организациями (ст. 58-11 УК РСФСР), а также контроля за настроениями населения. Эти проблемы будут рассмотрены в других работах.

5 мая 2008 г. Президент Российской Федерации подписал распоряжение об издании фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Этим распоряжением утверждены и состав главной редакционной комиссии В одном из томов под названием «Тайная война. Деятельность разведки и контрразведки» будет подробно рассказано о действиях советских органов госбезопасности в военное время. Кроме того, в этом труде будут отражены проблемы общественной жизни, и представлены материалы о настроениях населения в СССР в годы войны.

Хронологические рамки работы охватывают период с 22 июня 1941 г. – дня нападения Германии на СССР, по сентябрь 1945 г., когда завершился разгром войск Японии на Дальнем Востоке и фактически закончилась Вторая мировая война. В течение этого периода органы госбезопасности и внутренних дел не только добывали разведывательную информацию о военно-политических планах Германии и ее союзников, вели ожесточенную борьбу с разведывательно-диверсионными органами противника, но и решали важные народнохозяйственные задачи, боролись с преступностью, охраняли общественный порядок, разыскивали людей, пропавших при эвакуации, обеспечивали безопасность транспортировки грузов.

Монография подготовлена с использованием ранее не известных источников из Архива Президента Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории и Центрального архива ФСБ России, что позволило не только рассмотреть деятельность советских органов госбезопасности и внутренних дел в совокупности основных направлений работы, но и уточнить малоизвестные детали в истории Великой Отечественной войны, раскрыть характер чрезвычайных мер, принимавшихся высшим политическим руководством и государственным аппаратом СССР в целях мобилизации всех сил и средств для борьбы с противником.

¹ См.: *Христофоров В.С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. – 432 с.

«ВВИДУ СОЗДАВШЕГОСЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ...»

*Статья в газете «Время новостей»
30 июня 2010 г., № 112*

30 июня 1941 года совместным постановлением президиума Верховного совета (ВС) СССР, Совета народных комиссаров (СНК) СССР и центрального комитета ВКП(б) был образован Государственный комитет обороны (ГКО), сосредоточивший в своих руках «всю полноту власти в государстве». ГКО осуществлял все государственное, военное и хозяйственное руководство в стране, руководил работой государственных органов, ведомств и учреждений, направлял их усилия на всемерное использование материальных, духовных и военных возможностей страны для достижения победы, решал вопросы перестройки экономики, мобилизации людских ресурсов для нужд фронта, подготовки резервов для вооруженных сил и промышленности, эвакуации промышленных объектов, восстановления народного хозяйства.

«Беспрекословно выполнять решения ГКО»

В первые дни Великой Отечественной войны соединения вермахта предприняли наступление на протяжении от Баренцева до Черного моря. В течение недели после нападения на Советский Союз противник захватил часть Литвы, Латвии и Белоруссии, некоторые районы Западной Украины. Немецкая авиация наносила бомбовые удары по Риге, Могилеву, Киеву, Смоленску, Одессе, Севастополю, Мурманску. В этих условиях требовалось перестроить на военный лад работу государственного аппарата. Зарождавшаяся в СССР в 20-е годы административно-командная система управления, основой которой являлась «чрезвычайщина» (использование методов судебного и внесудебного принуждения), с началом войны получила новый импульс развития.

В июне 1941 – декабре 1942 года был принят ряд нормативных правовых актов, созданы чрезвычайные органы управления, расширены полномочия военных властей и правоохранительных органов, весь уклад общественной жизни был подчинен интересам фронта. Принимались меры для «повышения организованности, исполнительности и дисциплины»

в государственных органах и управленческом аппарате, Красной армии, колхозах и совхозах, на промышленных предприятиях и объектах транспорта.

Широко применялось идеологическое воздействие на население и военнослужащих Красной армии через партийные, политические и общественные организации, наряду с ним использовались методы принуждения.

«Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшего на нашу Родину» 30 июня 1941 года президиум ВС СССР, Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) «признали необходимым создать Государственный комитет обороны». «Все граждане и все партийные, советские, комсомольские и военные органы» были обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения ГКО.

Первоначально в состав ГКО вошли Иосиф Сталин (председатель), Вячеслав Молотов (заместитель председателя), Климент Ворошилов, Георгий Маленков и Лаврентий Берия. В феврале 1942 года в состав ГКО введены Анастас Микоян, Николай Вознесенский и Лазарь Каганович, в ноябре 1944 года место Климента Ворошилова в составе ГКО занял Николай Булганин. ГКО не имел собственного аппарата и руководил через аппараты СНК СССР и ЦК ВКП(б). Проекты постановлений и распоряжений прорабатывались в соответствующих наркоматах и ведомствах. За каждым членом ГКО закреплялся определенный участок государственных дел: Молотов – производство танков, Микоян – снабжение фронтов, Берия – бесперебойное обеспечение нефтью...

Все постановления и распоряжения ГКО имели силу и статус законов военного времени, обязательных для исполнения на всей территории Советского Союза. Военные, государственные, партийные, общественные организации и граждане страны были обязаны принимать на себя те обязательства, которые указывались в решениях ГКО. Комитет назначал и смещал высшее военное командование, решал все военно-стратегические вопросы, обеспечивал государственную безопасность.

За время работы (до ликвидации 4 сентября 1945 года) ГКО принял 9971 постановление и распоряжение. Большое внимание уделялось формированию новых частей и соединений Красной армии, совершенствованию форм и методов руководства армией, ее тыловому обеспечению, противовоздушной обороне и развитию партизанского движения.

За выполнением военных заказов устанавливался жесткий административный и партийный контроль.

«Против трусов, паникеров, дезертиров»

Стремительное продвижение германских частей в глубь территории СССР, направление в тыл Красной армии десантов и диверсантов противника отрицательно влияли на настроения населения, а также на психологи-

ческое состояние Красной армии. Среди командного состава нередко возникали растерянность и паника, в окружении и плену оказались сотни тысяч советских военнослужащих. В таких условиях на фронт направлялись новые, наспех сформированные, недостаточно подготовленные и слабо вооруженные дивизии народного ополчения. Начали действовать истребительные батальоны, в тылу немецких войск зарождалось партизанское движение.

Уже в начале июля руководству страны стало ясно, что основные интересы разведывательно-диверсионных служб Германии направлены на Москву и Ленинград, противник будет стремиться захватить советскую столицу в кратчайшие сроки, и в ближайшее время части вермахта могут оказаться у стен Москвы. 9 июля ГКО принял постановление по борьбе с десантами и диверсантами противника в Москве и прилегающих районах. В столице и пригороде было сформировано 35 истребительных батальонов численностью до 500 человек (включая 15 чекистов) в каждом. Истребительные батальоны создавались для борьбы «с десантами и диверсантами противника... возможными контрреволюционными выступлениями», организации «патрульной службы и оказания содействия органам милиции в поддержании общественного порядка во время воздушной тревоги, установления тщательного наблюдения в районах возможной высадки десантов и диверсантов противника». Бойцы истребительных батальонов освобождались от мобилизации в Красную армию и призыва в народное ополчение.

Тем временем противник продолжал приближаться к Москве. 16 июля 1941 года ГКО принял постановление о Можайской линии обороны. Спешно формируются десять дивизий народного ополчения, целью которых являлась «защита Москвы на линии Можайск, а их дислокация – Можайская линия».

Для того чтобы объяснить населению, почему части Красной армии не могут защитить свою территорию и продолжают отступать, Сталин и его окружение прибегли к испытанному еще в 1937–1938 годах способу – выявлению и разоблачению «заговорщиков» среди генералов Красной армии.

16 июля ГКО принимает постановление «об аресте и предании суду военного трибунала бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова Д.Г., бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских В.Е. и других». В постановлении ГКО отмечалось, что хотя «части Красной армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей... отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих от обнаглевшего противника».

ГКО призывал «принимать строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров», которые «хуже врага, ибо не только подрывают наше дело, но и порочат честь Красной армии». Расправа с «паникерами, трусами и дезертирами» объявлена «священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной армии». Командование Западного фронта было обвинено «в трусости, бездействии, отсутствии распорядительности, развале управления войсками, сдаче оружия противнику без боя и самовольном оставлении боевых позиций».

Характер постановления ГКО не оставлял надежд на объективное следствие и независимое судебное разбирательство. В обвинительном заключении, которое было готово уже 21 июля, отмечалось: «Павлов признал, что в заговорщических целях не готовил к военным действиям вверенный ему командный состав, ослабляя мобилизационную готовность войск округа, и из жажды мести за разгром заговора открыл фронт врагу». Однако на следствии Павлов говорил другое: «Я не предатель. Поражение войск, которыми я командовал, произошло по не зависящим от меня причинам... Я не изменник, злого умысла в моих действиях, как командующего фронтом, не было. Я также невиновен в том, что противнику удалось глубоко вклиниться на нашу территорию».

Тем не менее 22 июля Военная коллегия Верховного суда приговорила Павлова, Климовских и других военачальников, проходивших по этому делу, к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества. Приговор был приведен в исполнение в тот же день (31 июля 1957 года все они реабилитированы).

Для централизации органов управления 17 июля постановлением ГКО 3-е управление (военная контрразведка) Наркомата обороны (НКО) было преобразовано в управление особых отделов и передано в состав НКВД СССР. Особые отделы обладали широкими полномочиями: «борьба с изменой Родине, шпионажем, предательством, дезертирством и преступной деятельностью в частях Красной армии, информирование руководства страны о реальном положении дел на фронте и в тылу, правильности действий командиров, явлений, мешавших укреплению обороноспособности». Особые отделы имели право ареста дезертиров, а в необходимых случаях «уничтожения предателей, шпионов и дезертиров, их расстрела на месте».

20 июля Указом Президиума Верховного Совета СССР Наркомат внутренних дел (НКВД) и Наркомат государственной безопасности (НКГБ) объединены в единый Наркомат внутренних дел СССР. 8 августа постановлением Президиума ВС СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) Иосиф Сталин назначается «Верховным главнокомандующим всех войск рабоче-крестьянской Красной армии и Военно-морского флота».

В целях борьбы «с паникерами, трусами, пораженцами, самовольно оставлявшими позиции без приказа высшего командования» 12 августа

1941 года Сталин подписал приказ наркома обороны СССР, в котором разрешил военным советам действующих армий «предавать суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава до командира батальона включительно».

Действующая армия несла потери и нуждалась в пополнении. 13 августа ГКО ставит задачи перед Главным управлением формирования и комплектования (Главупраформ) Красной армии и командующими войсками военных округов «повседневно заниматься формированием маршевых батальонов и бесперебойным пополнением частей действующей армии боеспособными маршевыми батальонами». Документы свидетельствуют, что на фронте не хватало ни людей, ни оружия. ГКО требовал от «командующих фронтов и армий, командиров дивизий организовать сбор оружия на фронте и доносить каждую пятidineвку начальнику Главупраформа о количестве собранного оружия с тем, чтобы собранное оружие обратить на вооружение прибывающих невооруженных маршевых батальонов... командующим войсками округов представлять каждую пятidineвку отчет начальнику Главупраформа о ходе развертывания существующих запасных бригад, формирования новых запасных бригад и маршевых пополнений и немедленно – об отправке маршевых батальонов». О ходе формирования маршевых батальонов и отправке их в действующую армию каждые пять дней докладывалось лично Сталину. 13 августа ГКО постановил «сформировать с 15 августа по 31 декабря 1941 года 2 тыс. маршевых батальонов численностью 2 млн человек, из них не менее 750 тыс. вооруженных».

В условиях продолжавшегося отступления 16 августа Иосиф Сталин, Вячеслав Молотов, Семен Буденный, Климент Ворошилов, Семен Тимошенко, Борис Шапошников и Георгий Жуков подписали приказ Ставки Верховного главнокомандующего (ВГК) № 270, до сих пор вызывающий острые дискуссии. В приказе подчеркивалось, что большинство частей Красной армии, «их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой прямо героически». Приводились примеры, когда части Красной армии, даже попав в окружение, сохраняли дух стойкости и мужества, не сдавались в плен, старались выйти из окружения. В то же время отмечалось, что «за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу, отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам» – попали в плен командующий 28-й армией генерал-лейтенант Владимир Качалов, командующий 12-й армией генерал-лейтенант Павел Понеделин, командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Николай Кириллов. В приказе подчеркивалось, что «члены военных советов армий, командиры, политработники, особотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качалову, Понеделину, Кириллову и другим сдать в плен врагу». (Качалов Владимир Яковлевич не сдался

в плен, а погиб в бою 4 августа 1941 года; Понеделин Павел Григорьевич 7 августа 1941 года под Уманью был пленен и до конца войны находился в плену, был арестован 30 декабря 1945 года Военной коллегией Верховного суда СССР и 25 августа 1950 года приговорен к высшей мере наказания, в тот же день расстрелян, реабилитирован 29 февраля 1956 года; Кириллов Николай Кузьмич 10 августа 1941 года был пленен и до конца войны находился в плену, арестован 30 декабря 1945 года Военной коллегией Верховного суда СССР, 25 августа 1950 года приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян, реабилитирован 29 февраля 1956 года.)

«Уничтожить путем подрыва»

В начале октября германские войска прорвали фронт и окружили пять советских армий в районе Вязьмы, изготовившись к броску на Москву. Резервов, способных остановить противника, в распоряжении Ставки ВГК фактически не осталось. Это во многом объяснялось ошибками, допущенными Ставкой и командованием фронтов в построении обороны, неопытностью многих командующих и начальников штабов фронтов и армий.

8 октября 1941 года ГКО «в связи с создавшейся военной обстановкой» для проведения «специальных мероприятий по предприятиям Москвы и Московской области» постановил организовать «плятерку» в составе: заместитель наркома внутренних дел Иван Серов (руководитель), начальник Московского управления НКВД М. Журавлев, секретарь Московского горкома ВКП(б) Георгий Попов, секретарь Московского областного комитета ВКП(б) Борис Черноусов и начальник Главного военно-инженерного управления Наркомата обороны Леонтий Котляр. Уже на следующий день был составлен список из 1119 объектов, подлежащих уничтожению (здания ряда наркоматов, центральный телеграф, почтамт, вокзалы, мосты, академии, тюрьмы, жилые и административные здания, в т.ч. Большой театр, гостиница «Москва», храм Богоявления в Елохове, дом приемов МИД СССР). «412 предприятий, имевших оборонное значение или частично работавших на оборону» предполагалось уничтожить путем подрыва. «707 предприятий необоронных наркоматов предлагалось ликвидировать путем механической порчи и поджога». При каждом райкоме ВКП(б) Москвы были созданы «тройки» (секретарь райкома ВКП(б), начальник районного отдела НКВД и представитель инженерных частей Красной армии), проводившие необходимые расчеты на проведение специальных мероприятий.

Мероприятия по разминированию объектов, готовившихся к уничтожению в Москве, проводились с декабря 1941 по март 1945 года. Однако часть взрывчатых веществ, заложенных в фундаменте гостиницы «Москва», осталась неизвлеченной до июля 2005 года.

12 октября в связи с «необходимостью наведения жесткого порядка на тыловых участках фронта, прилегающих к Москве» ГКО поручил НКВД

СССР «взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве с запада и юга по линии Калинин–Ржев–Можайск–Тула–Коломна–Кашира». Начальником охраны Московской зоны был назначен Иван Серов, в его подчинение передавались «расположенные в зоне войска НКВД, милиция, истребительные батальоны и заградительные отряды».

В октябре 1941 года ГКО принял несколько постановлений о формировании стрелковых бригад и дивизий, однако для того, чтобы их подготовить и вооружить, требовалось определенное время. К середине октября противник приблизился к Москве на 80–100 км, и 15 октября ГКО поручил Молотову «заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев» (Л. Кагановичу поручалось обеспечить подачу составов для миссий, а Л. Берии – организовать их охрану). Из Москвы эвакуировались президиум ВС СССР, советское правительство во главе с заместителем председателя СНК Молотовым, отдельные управления НКО и НКВМФ (Наркомат Военно-морского флота). В случае прорыва противника в Москву Берии и Щербакову поручалось «произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, и всего электрооборудования метро (исключая водопровод и канализацию)».

Из-за спешной и неорганизованной эвакуации из Москвы, минирования крупнейших заводов, электростанций, мостов в столице началась паника. 16 и 17 октября на ряде промышленных предприятий Москвы и области «со стороны отдельных рабочих зафиксированы анархистские проявления (захват вещей и автомашин эвакуированных, продуктов питания и спирта, хищение промышленных товаров, требование выдачи денег из касс предприятий, избивание должностных лиц, возмущение в связи с минированием предприятий и т.п.)». ГКО мгновенно отреагировал на информацию НКВД СССР и 19 октября призывал всех трудящихся столицы «соблюдать порядок и спокойствие, оказывать всяческое содействие Красной армии, оборонявшей Москву». «В целях максимальной мобилизации всех сил и средств для обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности в Москве и прилегающих к городу районах» с 20 октября ГКО вводит осадное положение. Запрещалось «всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов с 12 часов ночи до пяти часов утра». Нарушителей порядка предлагалось «немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте».

В конце октября – начале ноября наступление немецких войск было остановлено. Первые успехи на фронте и освобождение частями Красной армии ранее оккупированных противником территорий позволили освободить из плена и окружения большое количество военнослужащих. Но их ждало нелегкое испытание. По мнению Л. Берии, всех лиц, освобожденных из плена, необходимо было тщательно проверить и выяснить обстоятель-

ства попадания их в плен или в окружение. 27 декабря 1941 года ГКО постановил в каждой общевойсковой армии создать сборно-пересыльные пункты (СПП), на которые направлять «бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении» для их проверки (филтрации) особыми отделами НКВД и выявления среди них «изменников Родины, шпионов, предателей и сомнительных лиц».

К чрезвычайной мере, основывавшейся на принуждении и направленной на «укрепление порядка и повышение дисциплины в войсках», относилось формирование штрафных батальонов и рот, а также заградительных отрядов в соответствии с подписанным 28 июля 1942 года Сталиным приказом НКО СССР №227. Приказ предписывал: «сформировать в пределах армии три-пять хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать в случае паники и беспорядочного отхода неустойчивых дивизий расстреливать на месте паникеров и трусов и тем самым помочь честным бойцам дивизии выполнить свой долг перед Родиной». (После того как Красная армия перешла в наступление, необходимость в деятельности заградительных отрядов отпала, и приказом НКО СССР от 24 октября 1944 года все они были расформированы.)

Несмотря на то что ГКО в течение 1942 года принимал меры по формированию новых частей и соединений, улучшению обученности маршевого пополнения, мобилизации девушек в части ПВО и ВМФ, замене ими красноармейцев в частях связи, резервов катастрофически не хватало. 20 декабря 1942 года ГКО принял постановление об обеспечении Красной армии людскими ресурсами. Перед начальником Главупраформа ставится задача «призвать до 15 января 1943 года на военную службу всех граждан мужского пола, родившихся в 1925 году». Исключение составляли лица, работавшие на предприятиях наркоматов отраслей промышленности, а также учащиеся ремесленных училищ и школ ФЗО, которых предполагалось призвать в июне-июле 1943 года, заменив их к тому времени «негодными к военной службе, нестроевыми и женщинами». ГКО требовал сократить постоянный состав академий, курсов усовершенствования, военных училищ, запасных частей и передать высвобождаемый личный состав в действующую армию.

ГКО обязал «НКВД (т. Берия) и прокурора Союза (т. Бочкова) пересмотреть до 25 января 1943 года в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД заключенных мужчин в возрасте до 40 лет, осужденных за бытовые и имущественные преступления, с целью досрочного освобождения и передачи в армию 30 тыс. человек, годных к несению строевой службы». Комиссии при СНК СССР по предоставлению отсрочек совместно с Главупраформом до 1 февраля 1943 года предписано пересмотреть «все предоставленные ранее военнообязанным отсрочки от мобилизации с целью высвобождения для военной службы не менее 200 тысяч человек,

годных к строю, в возрасте до 40 лет, за исключением лиц, работающих на предприятиях отраслей промышленности...»

21 января 1943 года ГКО разрешил «командующим фронтов использовать для пополнения действующих армий часть бывших военнослужащих, находившихся в плену и окружении противника, после надлежащей их фильтрации в армейских и фронтовых сборно-пересыльных пунктах».

**«Решение окончательное
и обжалованию не подлежит»**

Уже в первые дни войны на захваченных противником территориях попали под оккупацию миллионы советских граждан, среди них значительная часть семей воинов Красной армии. 30 августа 1941 года Берия в директиве, направленной всем начальникам особых отделов фронтов и армий, потребовал «усилить оперативную работу среди военнослужащих, семи которых находились на занятой противником территории, взять под наблюдение лиц, интересовавшихся фашистскими листовками», немедленно арестовывать тех, у кого окажутся спрятанные фашистские листовки, служившие пропуском для перехода к врагу, а также тщательно расследовать каждый случай измены, выявляя сообщников и укрывателей. 8 сентября главный военный прокурор Красной армии подтвердил полномочия особых отделов на арест дезертиров и лиц, возвратившихся из плена.

В условиях военного времени в тюрьмах НКВД находилось много заключенных, приговоренных к высшей мере наказания и ожидавших утверждения приговоров высшими судебными инстанциями. 17 ноября 1941 года ГКО дал разрешение НКВД СССР привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и других судебных органов, не дожидаясь утверждения приговоров, а также предоставил «особому совещанию при НКВД СССР право с участием прокурора СССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела». Вслед за этим последовало разъяснение, как следует выполнять постановление ГКО, которое 21 ноября Берия направил по всей территории СССР: «Впредь без всякого исключения законченные следствием дела» о контрреволюционных и особо опасных преступлениях направлять на рассмотрение особого совещания при НКВД СССР. «Решение особого совещания считается окончательным и обжалованию не подлежит».

24 июня 1942 года ГКО установил, что «совершеннолетние члены семей (военнослужащих и гражданских лиц), осужденных судебными органами или особым совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания за измену Родине, шпионаж в пользу Германии и других воюющих с нами стран, переход на сторону врага, предательство или содействие оккупантам, службу в карательных или административных органах немецких оккупантов

на захваченной ими территории и за попытку измены Родине и изменнические намерения, подлежали аресту и ссылке в отдаленные местности СССР сроком на пять лет». ГКО постановил, что «членами семьи изменника Родины считаются: отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником Родины или находились на его иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны».

Чрезвычайные методы управления, использовавшиеся ГКО в условиях военного времени, особенно на первом этапе Великой Отечественной, явились продолжением политической традиции, закрепившейся в советском руководстве к 1930-м годам. Эта традиция в значительной мере обусловила применение мер принуждения для решения стратегических и тактических задач.

ПРОРЫВ ОТЧАЯНИЯ

*Статья в газете «Время новостей»
30 июня 2009 г. № 113*

29 июня 1941 года Иосиф Сталин и Вячеслав Молотов подписали директиву Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) об организации сопротивления в тылу немецких войск.

Этот день внесен в календарь памятных дат в России как День партизан и подпольщиков. По официальной статистике, в годы Великой Отечественной войны в тылу врага и на оккупированной им территории сражались 1 млн 100 тыс. партизан и 220 тыс. подпольщиков. Сопротивление германским войскам на оккупированной территории развернулось уже в первые дни войны и изначально носило стихийный характер.

Рецепт Сталина

В течение недели после нападения на Советский Союз германские войска захватили большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Вилейскую области Белорусской ССР и ее столицу Минск, некоторые районы Западной Украины. Фашистская авиация наносила бомбовые удары по Риге, Могилеву, Киеву, Смоленску, Одессе, Севастополю, Мурманску. В этих условиях 29 июня 1941-го и появилась директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации сопротивления в тылу немецких войск». Партизанское движение было объявлено «основной формой вооруженной борьбы советских людей против немецких захватчиков на временно оккупированной территории СССР».

С подписанием директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) 29 июня 1941 года началась работа партийных организаций по формированию партизанского движения. Директива призывала «все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма. В занятых районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде,

для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожить их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Фраза о создании невыносимых условий для врага стала своего рода заклинанием у партийных функционеров.

3 июля, впервые с начала войны, к гражданам страны по радио обратился Сталин. В его знаменитой речи, начинавшейся словами «Товарищи! Граждане! Братья и сестры!», сквозила некоторая растерянность: «Как могло случиться, что наша славная Красная армия сдала фашистам ряд наших городов и районов?». Вождь лукавил, он знал ответ на этот вопрос: репрессии конца 30-х годов, коснувшиеся десятков тысяч военнослужащих от маршала до рядового, упрямое недоверие партийно-государственного руководства к донесениям советской разведки и истребление лучших ее кадров катастрофически повлияли на обороноспособность нашей страны. «Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно предпринять для того, чтобы разгромить врага? – вопрошал Сталин и давал стратегический рецепт: – В занятых врагом районах создавать партизанские отряды, диверсионные группы, создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожить их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

В этот же день Наркомат госбезопасности сообщил о том, что реакция жителей Москвы на выступление Сталина была неоднозначной: от полной поддержки и готовности к защите Родины до отчаяния и безнадежности. В частности, как свидетельствуют документы, москвичи считали, что «партизанское движение, к которому призывает Сталин, – это весьма недейственная форма борьбы. Это порыв отчаяния».

Тем временем германские войска, не встречая достойного сопротивления Красной армии, продолжали захватывать новые и новые регионы. Нужно было любой ценой приостановить двигавшуюся вперед фашистскую военную машину, чтобы дать возможность перегруппировать части и соединения Красной армии. Отвлечь хотя бы часть наступавших фашистских войск должны были активные действия партизан.

18 июля 1941 года ЦК ВКП(б) принимает постановление, в котором подчеркивалось, что «исключительное значение приобрела борьба в тылу германской армии». Вновь звучат уже знакомые призывы: «Создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожить захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов».

Как в короткие сроки развернуть активное, действенное партизанское движение, не знал никто. Для этого не было ни достаточного количества специалистов, ни заблаговременно созданных партизанских баз с оружием, боеприпасами, продовольствием. Было лишь желание любой ценой остановить противника.

Цена оказалась огромной.

«Мы за ценой не постоим»

Партийные органы летом и осенью 1941 года в спешном порядке сформировали множество партизанских отрядов на оккупированной территории Белоруссии, Украины, Молдавии, Карело-Финской ССР, Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской, Курской областей. К сожалению, их количество далеко не всегда переходило в качество. Отряды были слабо вооружены, не имели средств связи, заблаговременно созданных баз, испытывали нехватку продуктов питания, боеприпасов и одежды. Зачастую сюда попадали люди, не имевшие представления о партизанской борьбе, не знавшие местных условий, не умевшие обращаться с оружием. Такие партизанские отряды заняты были лишь собственным выживанием, «отсиживались» в лесах, часть из них была разгромлена противником, часть – распалась.

Только 30 мая 1942 года для руководства партизанским движением Государственный комитет обороны (ГКО) создал Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного главнокомандования (ЦШПД упразднен в январе 1944 года).

Возглавить ЦШПД было поручено секретарю ЦК КП(б) Белоруссии Пантелеймону Пономаренко, с первых дней войны руководившему партизанским движением на оккупированных территориях республики. 29 июня образован Украинский, а 9 сентября – Белорусский штаб партизанского движения. Были сформулированы основные задачи партизанского движения: уничтожение живой силы и техники врага, баз материально-технических средств, разрушение его коммуникаций, разведка, содействие Красной армии, а также противодействие угону советских людей на принудительный труд в Германию, вывозу за рубеж материальных ценностей.

В советское время было принято считать, что организацией партизанского движения занимались ЦК ВКП(б) и партийные органы на местах, руководство партизанскими отрядами осуществлял ЦШПД. То, что помимо них формированием партизанских отрядов занимались органы госбезопасности и внутренних дел, оставалось «за кадром» официальной истории. Коммунистическая партия являлась «руководящей и направляющей силой советского общества», поэтому не могло быть и речи, чтобы деятельность какого-либо государственного органа сопоставлялась с деятельностью партийных организаций. Между тем архивные документы позволяют проследить участие органов безопасности и внутренних дел в партизанском движении.

В тыл противника по конкурсу

Для организации разведывательно-диверсионной работы в тылу противника 5 июля 1941 года была создана Особая группа при наркомате внутренних дел СССР, руководителем которой назначен Павел Судоплатов. (Павел Судоплатов – в 1939–1941 годах заместитель начальника 5-го отдела (разведка) Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, в 1941-м заместитель начальника 1-го управления (разведка) НКВД СССР, генерал-лейтенант. В 1958-м был осужден к 15 годам лишения свободы, реабилитирован в 1992 году.)

Особая группа немедленно приступила к подготовке оперативных групп, отрядов и разведывательно-диверсионных резидентур, направлявшихся за линию фронта. При ней была сформирована Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР, предназначенная для комплектования диверсионных подразделений, направлявшихся в тыл противника. В ОМСБОН зачислялись только добровольцы: военнослужащие органов и войск НКВД, спортсмены, рабочие московских предприятий, преподаватели и студенты столичных вузов. Весьма примечателен малоизвестный факт, что по рекомендации Исполкома Коминтерна в ОМСБОН влилось около 2 тыс. иностранцев – политических эмигрантов (испанцев, словаков, чехов, венгров, поляков, австрийцев, немцев, болгар), прибывших в СССР в 1938–1940 годах.

В тыл противника шли только добровольцы. Принуждение уходившего за линию фронта исключалось – в этом случае человеку нельзя было бы доверять. Попасть в отряд, направлявшийся в тыл противника, даже рядовым бойцом удавалось далеко не каждому желающему. На столе у руководства Особой группы НКВД лежали горы рапортов, написанных людьми разных национальностей, возрастов и специальностей: «Прошу включить меня в отряд для выполнения специальных заданий, полагаю, что в тылу противника в составе отряда буду полезным». Конкурс был высоким – от четырех до шести человек на место. Предпочтение отдавалось тем, кто хорошо знал обстановку в районе действия отряда. Обязательными были рекомендации с места прежней службы, работы или учебы. (Семьям командиров и бойцов отрядов и групп НКВД, убывающих на задание, оказывалась материальная и медицинская помощь, а также моральная поддержка, даже если это требовало значительных усилий.)

Командирами групп и отрядов назначались, как правило, кадровые сотрудники органов безопасности и офицеры пограничных войск. Профessionалов катастрофически не хватало. Судоплатов принимал энергичные меры, чтобы освободить из тюрем и лагерей репрессированных сотрудников органов безопасности. Осенью и зимой 1941 года комиссия Президиума Верховного Совета СССР по помилованию по представлению руководства

Наркомата внутренних дел освободила из мест заключения со снятием судимости несколько десятков сотрудников НКВД. Среди них были будущие командиры оперативных групп – Иван Золотарь и Сергей Никольский.

В эфире «Мария»

При комплектовании оперативных групп предпринимались и нестандартные меры. Так, разведывательная группа «Мария», выполнявшая задание с августа по ноябрь 1941 года на оккупированной территории Смоленской области, состояла всего из трех человек. Командиром был доцент МГУ Яков Кумаченко, его помощником и шифровальщиком – декан литературного факультета Московского городского педагогического института Зинаида Пивоварова (по легенде, его жена). Они оба были уроженцами Смоленской области и хорошо знали обстановку. Радиостом группы был 17-летний Николай Абрамкин, выпускник радиошколы московского метро («сын»).

Группа «Мария» под видом семьи, уходившей из района боевых действий, собирала и передавала в центр важную разведывательную информацию. Автору этих строк удалось разыскать Николая Абрамкина и услышать его рассказ о работе в тылу противника. Даже по прошествии десятилетий ветеран сохранил в памяти детали происходившего – они совпадают с его донесениями военного времени, хранящимися в Центральном архиве ФСБ России. Некоторые из них сегодня интересны как иллюстрации к повседневной военной жизни.

«У немцев издан приказ: смерть, но окопов не сдавать. Всюду немецкие разведчики. Есть советское население, которое недоволено колхозами. Такие лица дают заведомо неверные сведения о немцах. Завышают цены на продукты. Колхозники живут зажиточно, но приbedняются».

«Войска противника обычно располагаются узкой полосой на 7–10 км по основным транспортным магистралям. В промежутках между большаками шириной на 60–80 км имеются лишь небольшие воинские части. Путь от Емлена до Полежаевки (свыше 100 км) можно было свободно пройти, не встретив ни одного немца. Здесь в значительной части деревень только показывалась немецкая разведка. Начиная с линии Сычевка–Ржев, заметна более значительная концентрация войск».

«Гжатск представляет собой важный пункт в военном отношении. Мы прошли по всему городу и видели, что город переполнен войсками. Нужно полагать, что число автомашин превышает тысячу. В центре города на доске надпись: «Автоколонна». Все дома заняты солдатами. Немногочисленное население города ютится в самых малых комнатах и углах, отгороженных шкафами».

Встретившиеся воинские части представляют собой механизированные части. Высоким вооружением машинами немецкий солдат получает выгодное условие – сохранение боеспособности и после длительного маршruta».

«Обмундирование немецкого солдата оказывается легким для нашего климата: во время первых сравнительно слабых морозов можно было часто слышать и видеть примеры, когда сверх полного обмундирования надевается теплое пальто с воротником. Одеться потеплее представляет большую заботу немецкого солдата.

Питание войск обеспечивается местными средствами. Поэтому в местах слабой концентрации войск солдаты предпочитают есть кур, гусей и поросят. В местах значительной концентрации они уже сейчас охотно едят картошку в мундире. Во время одного осмотра наших походных мешков в дер. Клишине три солдата, как голодные псы, набросились на хлеб и топленое сало, отобрав у нас последний кусок хлеба весом около килограмма и почти все сало, около 400 г, и уничтожая все это на ходу».

«Говорят о храбрости немецкого солдата. Это опровергается некоторыми наблюдениями. Немцы боятся леса. Они никогда не идут в лес более чем на 0,5 км. Они не располагают своих частей вблизи больших лесов. Деревни, расположенные около леса, посещаются реже. Мы наблюдали, как низко приседают немецкие солдаты при появлении советских самолетов и как даже в деревне при объявлении воздушной тревоги немедленно убегают из хат. Военный успех немцев ничего общего не имеет с храбростью.

О культурности немецкого солдата можно судить по такому факту. Обозревая тысячи немцев и видя их за разнообразным занятием (уборка машин, приготовление пищи и еда, ограбление деревень, разговоры в свободное время), не видно было ни одного из них, занятого чтением книги или газеты. Типичной стороной немецкого солдата является зверская жестокость. Это чувствуется на каждом шагу в их обращении с мирным населением и с пленными красноармейцами, что будет показано ниже. Солдат страшится дальнейшей перспективы.

В беседе с населением солдаты высказывают пожелание как можно скорее добиться победы и уехать домой. При этом определяются самые сжатые сроки для победы и отъезда, иногда в три-четыре дня. В октябре 1941 года перспектива отъезда домой связывалась с занятием Москвы. Немецкие солдаты говорили: «Через четыре дня возьмем Москву и поедем домой». Некоторые называли срок победы – 7 ноября».

6 ноября 1941 года разведгруппа «Мария» возвратилась в Москву. Указом Президиума Верховного Совета СССР ее члены были награждены медалями «За боевые заслуги».

Немцы продолжали наступать, и расширение оккупированной территории требовало увеличения числа оперативных групп и отрядов в тылу врага. В связи с этим Особая группа НКВД в октябре 1941 года была реорганизована во 2-й отдел НКВД СССР, а в январе 1942 года – в 4-е управление НКВД СССР (с апреля 1943 года – 4-е управление НКГБ СССР), начальником которого до конца войны оставался Судоплатов.

От числа к умению

С конца 1941 года в тыл противника на лыжах стали направлять оперативные группы и отряды. Продвигаясь по 40–50 км в сутки через бреши в немецкой обороне, пройдя несколько сотен километров, они прибыли в заданные районы в Брянской, Калужской области и в Белоруссии. Отряды лыжников-чекистов, внезапно появляясь в тылу противника, взрывали штабы и учреждения германских войск, склады боеприпасов, пускали под откос поезда. Немецкое командование уже в декабре 1941 года приступило к розыску неуловимых лыжников-диверсантов. В типографии были отпечатаны и повсеместно расклеены объявления: «Всем гражданам (без различия пола и возраста) запрещается хождение на лыжах. Нарушение карается арестом. Начиная с 1 января 1942 года лица, обнаруженные постами на лыжах, будут, как правило, последними пристрелены. Все имеющиеся у граждан (без различия пола и возраста) лыжные принадлежности (лыжи, лыжные палки, ремни и пр.) должны быть немедленно сданы в ближайшую местную комендатуру или ближайшую воинскую часть».

Тем не менее лыжники продолжали наносить гитлеровцам существенный урон, хотя задачи, которые ставились перед ними, порой были трагически авантюрными. Так, 23 января 1942 года отряду Кирилла Лазанюка численностью 81 человек, действовавшему в Калужской области, была поставлена задача освободить деревню Хлуднево. Отобранные из отряда 27 добровольцев, совершив 30-километровый бросок на лыжах, вступили в бой с противником. Неожиданное появление отряда вынудило немецкое командование подтянуть пехоту и бронетехнику, создав почти десятикратный перевес сил. В живых после этого неравного боя осталось только пять членов группы. За проявленные мужество и героизм все участники этого боя были награждены орденами и медалями, а заместитель политрука отряда Лазарь Паперник посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. (17 декабря 1967 года в Хлудневе Калужской области открыт обелиск, увековечивший память лыжников-чекистов, а имя Паперника носит одна из улиц Москвы.)

Передвижение оперативных групп к линии фронта, их переход в тыл противника и возвращение были чрезвычайно опасными, а иногда даже сулили неприятности со стороны своих. Подразделения Красной армии, порой принимая наши оперативные группы за диверсантов противника, пытались задержать их и разоружить. Если же их обнаруживали немецкие войска, то приходилось прорываться с боем, нести значительные потери, изменять место или сроки перехода линии фронта.

На борьбу с партизанскими отрядами и подпольными группами на оккупированной территории были брошены карательные отряды войск СС, контрразведывательные и полицейские службы Германии, Румынии и Фин-

ляндии. Из тыла противника регулярно приходили сообщения: «Немецкое командование против партизан принимает энергичные меры. В район расположения партизан брошены власовцы, казацкие войска дивизии «Мертвая голова» и полицейские подразделения. Немцы применяют пулеметы, минометы, артиллерию, танкетки, устанавливают новые полицейские гарнизоны, проводят многочисленные облавы с большим количеством собак, устраивают засады, ходят по лесу по 30–50 человек под видом партизан. Леса бомбят с воздуха. В леса под видом партизан посылаются группы полиции, власовцев, казаков для борьбы с партизанами. В деревнях усилен полицейский режим: запрещено ходить без пропусков, по несколько раз в сутки проверяют жителей, при малейших подозрениях арестовывают, особенно репрессуют и строго проверяют деревни, которые близко расположены к лесу, коммуникациям и особенно к железным дорогам. Немцы усилили охрану железных дорог, подходы к ним минируются».

При проведении операций против партизан немецкие карательные части уничтожали все населенные пункты, находившиеся в районе их действия, расстреливали не успевших уйти в леса жителей, забирали оставшийся скот, запасы продовольствия, уничтожали посевы.

Из-за линии фронта от оперативных групп и отрядов регулярно поступала ценная разведывательная информация о дислокации войск противника и планах немецкого командования, а также об оккупационном режиме.

Так, командир оперативной группы «Ходоки» Евгений Мирковский сообщал в центр: «6 мая 1943 года в Житомир прибыл поезд в составе 10–12 вагонов с детьми 8–12-летнего возраста, вывезенными из прифронтовой полосы. Изголодавших и опухших от голода детей немецкая охрана поезда открыто предлагала населению в обмен на продукты. Отдельные жители выменяли за продукты у охраны поезда девять человек детей. За мальчика 10–12 лет нужно было уплатить две курицы и 10 шт. яиц. Остальные дети в количестве до 300 человек, опухшие и полумертвые, были вывезены по железной дороге в сторону Фастова и зарыты в землю. Факт продажи детей вызвал большое возбуждение населения против немцев».

Читать такую информацию, не давая воли эмоциям, могли только профессионалы с крепкими нервами.

Наиболее трудно приходилось оперативным группам и отрядам там, где местное население вело борьбу с партизанами, сообщало оккупационным властям о местах базирования партизан. Борьбу с партизанами на оккупированной фашистами территории Украины вели отряды Украинской повстанческой армии. В прибалтийских республиках по мере оккупации их территории вермахтом из местного населения создавались отряды самообороны и команды особого назначения, вспомогательной полиции и полиции безопасности. Эти коллаборационистские формирования активно использовались немецкой разведкой для борьбы с партизанами.

Не все складывалось благополучно для партизан и в некоторых занятых фашистами регионах РСФСР. Так, в оккупированных районах Орловской области было создано пронацистское «самоуправление Локотского округа», в этом же округе 17 октября 1941 года созданы вооруженные отряды для борьбы с партизанами – «бригада локотской милиции».

К концу 1942 года на оккупированной территории Советского Союза и стран Восточной Европы действовали 77 оперативных групп и отрядов, подготовленных и направленных из Москвы, а к декабрю 1943-го их число достигло 125, в составе которых находились 7200 человек. Наступление войск Красной армии изменило тактику деятельности оперативных групп и отрядов органов безопасности. Они получили приказ «не сворачивая работы, готовиться к передвижению на Запад, тщательно изучить маршрут в соответствии с обстановкой». Начиная с 1943 года германское военное командование на борьбу с партизанами бросало уже регулярные воинские соединения, зачастую снимая их с Восточного фронта.

Всего в годы Великой Отечественной войны в тылу противника действовало свыше 6 тыс. партизанских отрядов и более 300 соединений. Органами государственной безопасности было подготовлено и направлено в тыл противника 2222 оперативные группы, на базе которых было образовано 1848 партизанских отрядов. В конце 1944 – начале 1945 года оперативные группы и отряды органов безопасности были выведены в тыл Красной армии и как выполнившие свои задачи расформированы.

ТАЛЛИНСКИЙ ПЕРЕХОД: АВГУСТ 1941 Г.

*Тезисы выступления на конференции,
посвященной 60-летию Победы
г. Санкт-Петербург, март 2005 г.*

Из всех событий, ставших своеобразной прелюдией к начавшейся 8 сентября 1941 г. Ленинградской блокаде, одним из самых трагичных стал переход кораблей Краснознаменного Балтийского флота из Таллина в Кронштадт 28–29 августа 1941 г. Как известно, в 1939–1940 гг. Советский Союз заметно расширил свои границы на западе, в его составе появились новые союзные республики, каждой из которых придавалось определенное значение в осуществлении господствовавшей в то время военной доктрине и в геополитических интересах СССР. Если бы «империалистические хищники», как считалось тогда, напали на Советский Союз, то ответом на их агрессию стала бы война «малой кровью, могучим ударом, на чужой территории». Сомневаться в правильности подобных установок партийного и военного руководства в те времена было опасно.

В этих условиях представлялось целесообразным выдвигание основных ударных сил ближе к западной границе, а что касается Краснознаменного Балтийского флота, то ему вменялось в обязанность обеспечение правого фланга наступающей Красной армии. Базирование флота тоже передвигалось на запад: его базами стали хорошо оборудованные порты Клайпеды, Риги и Лиепая, а главной базой – Таллин вместо Кронштадта. Нападение фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. флот, в отличие от армии, встретил организованно. В первый день войны все налеты вражеской авиации на корабли были отбиты, ни один корабль не был потоплен. Дальше дела пошли хуже.

Под натиском противника 8-я армия Северо-Западного фронта откатывалась на восток, в первые недели войны немцы заняли Клайпеду, Лиепая и Ригу. В этой ситуации корабли КБФ, при почти полном господстве немецкой авиации в воздухе и при постоянно усиливающейся минной опасности, стягивались в Таллин. После короткой паузы, связанной с перегруппировкой сил, 30 июля Гитлер приказал возобновить наступление на Ленинград. Главный удар 18-я немецкая армия наносила между озером Ильмень

и Нарвой, имея целью выход к Ленинграду и установление связи с финскими войсками. Другой удар 18-я армия наносила по Таллину. 5 августа ее войскам удалось выйти на ближние подступы к Таллину, а спустя еще два дня – к побережью Финского залива западнее и восточнее города и тем самым блокировать его с суши. Так началась трехнедельная оборона столицы Эстонии. Таллин обороняли части 10-го стрелкового корпуса 8-й армии, отряды морской пехоты, полк латышских и эстонских рабочих, всего 27 тысяч чел., которых поддерживала корабельная артиллерия, береговые батареи и авиация КБФ. К 10 августа продвижение противника удалось остановить, несмотря на слабость оборонительных сооружений, а 14 августа оборона города была возложена на Военный Совет КБФ (командующий – вице-адмирал В.Ф. Трибуц, его заместитель по сухопутной обороне – командир 10-го стрелкового корпуса генерал-майор И.Ф. Николаев). 20 августа немцы, подтянув свежие силы, возобновили наступление и вышли к пригородам Таллина. По времени это совпало с их прорывом к Ленинграду. В виду того, что 10-й стрелковый корпус выполнил свою задачу, сковав значительные силы немцев в районе Таллина, что армейские части и флот требовались для обороны Ленинграда, 26 августа Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение перебазировать флот и гарнизон Таллина в Кронштадт и Ленинград. Это решение запоздало. 27 августа противник прорвался в Таллин, где завязались уличные бои. 28 августа началась эвакуация. Корабли КБФ, торговые, пассажирские и вспомогательные суда вышли с таллинского рейда и взяли курс на Кронштадт. Это перебазирование вошло в историю Великой Отечественной войны под названием «Таллинского перехода». Примерно так описаны события в «Истории Второй мировой войны» и в энциклопедии «Великая Отечественная война. 1941–1945».

О таллинской эпопее написано крайне мало. Даже в фундаментальных научных исследованиях «Таллинскому переходу» уделяется, как правило, несколько строк, в лучшем случае абзацев, причем в общем контексте обороны Ленинграда. Основной упор в описании перехода делается на доблесть моряков-балтийцев. Из последних публикаций, на наш взгляд, следует выделить трехтомную книгу И. Бунича «Балтийская трагедия», в которой достаточно объективно и точно воссоздана картина обороны Таллина и прорыва кораблей КБФ в Кронштадт. О последних днях обороны Таллина, об обстановке во время «Таллинского перехода» говорят также архивные документальные материалы, полученные из Управления ФСБ России по Ульяновской области и недавно рассекреченные Центральной экспертной комиссией ФСБ России. Эти документы дают возможность взглянуть глазами очевидцев на обстоятельства обороны Таллина, перехода по плотно заминированному Балтийскому морю, а также на то, что происходило на некоторых кораблях во время перехода, словом, лучше представить картину событий на таллинском участке Северо-Западного фронта в авгу-

сте 1941 г. Оценка, данная непосредственными участниками тех событий, зачастую расходится с официальной точкой зрения, о чем будет сказано ниже. Документы можно достаточно четко разделить на три группы.

Первую группу составили не являющиеся секретными выписки из судовых журналов кораблей, участвовавших в переходе. Как правило, эти выписки охватывают период времени от 28 до 29 или 30 августа, т.е. от момента отхода корабля от пристани в Таллине до прибытия его в Кронштадт. Ценность такого рода документов состоит в том, что весь маршрут этого перехода можно проследить буквально по минутам и воссоздать картину того, что происходило на каждом конкретном корабле. Впрочем, полагаться на хронометрическую точность этих записей было бы, на наш взгляд, опрометчиво. Не стоит требовать от вахтенного начальника, чтобы он, посмотрев на часы, сделал точную очередную запись в тот момент, когда видел, что на его корабль пикировал ревуший «Юнкерс», что рядом уходил под воду переполненный людьми транспорт, когда он слышал крики и мольбы о помощи тонущих людей.

Ко второй группе относятся агентурные донесения, составленные по «горячим следам» через несколько дней после прибытия кораблей из Таллина в Кронштадтскую военно-морскую базу, когда люди почувствовали себя в относительной безопасности, когда шок от пережитых впечатлений в некоторой степени прошел, можно было проанализировать происшедшее и воссоздать его сравнительно объективную картину. Эти донесения составлялись со слов агентов-участников перехода. К этой группе документов можно отнести свидетельства других очевидцев, которые направили в органы госбезопасности свои сообщения о том, что произошло на Балтике 28–29 августа 1941 г. Все эти лица являлись специалистами в той или иной военно-учетной специальности, свое дело знали, и потому имели возможность профессионально указать на ошибки, допущенные командованием КБФ в ходе организации подготовки и проведения перехода.

Наконец, третья группа представлена отчетами, докладными записками и другими подобного рода документами, написанными сотрудниками органов госбезопасности, участвовавших в переходе из Таллина в Кронштадт. Документы, составленные чекистами, причем, не обязательно моряками, рисуют столь же трагическую картину, правда, упор сделан не на описании организационных промахов и технических недочетов, а на «человеческий фактор». В документах можно найти примеры, как героизма, так и трусости, малодушия, шкурничества, а также поведения людей в стрессовых ситуациях. Безусловно, при анализе этих документов следует учитывать то обстоятельство, что они написаны в первые же дни после перехода, когда порой верх брала не объективная оценка случившегося, а чувства и эмоции. Отсюда – резкая критика армейского и флотского руководства, виновного, по мнению участников прорыва, в безобразной организации

перехода и в гибели многих тысяч людей. О чем же говорят вновь вводимые в научный оборот документы?

22 августа 1941 г. был перехвачен подписанный 17 августа приказ Гитлера, требовавший уничтожения всего КБФ на минно-артиллерийской позиции в районе средней части Финского залива. Эта задача возлагалась на береговые батареи, торпедные катера, подводные лодки и авиацию. Несмотря на такое предупреждение, сколь-нибудь серьезного противодействия мероприятиям врага организовано не было: действия против его береговых батарей не проводились, кое-какие попытки траления мин в фарватере оказывались бессмысленными, т.к. после этого фарватер никем не охранялся, и немцы снова ставили мины. Очень остро сказывалось почти полное господство противника в воздухе. В самом Таллине штабы и другие флотские учреждения были перегружены ненужными подразделениями (финотдел и т.п.), множеством сотрудников, в том числе политработников, которые не имели конкретных занятий. Правда, последних только перед самым концом обороны послали на фронт. В город за несколько дней до ухода флота было вызвано еще много офицеров и других сотрудников, до машинисток включительно. В дни обороны корабли КБФ в большинстве своем совершали рейсы из Таллина в Кронштадт и обратно сравнительно благополучно, т.е. имелась возможность заблаговременно разгрузить главную базу от ненужных людей и учреждений¹. Интересно, что защитники Таллина вплоть до последнего дня не считали свое дело проигранным и сходились во мнении, что при надлежащей организации обороны противнику можно было нанести сокрушительный удар.

Для защиты города строилось несколько оборонительных линий, но к началу боевых операций ни одна из них не была готова, к тому же возводили их без учета опыта предыдущих боев. Так, например, на эстонском участке фронта танки были явлением редким, однако, позиции оборудовались с упором на капитальную противотанковую оборону: возводились надолбы, рылись рвы, на что уходило много средств, времени и сил. В то же время, строительство простых и дешевых блиндажей, защищавших от минометного огня, который широко использовали немцы, совершенно игнорировалось. Пехота, расстреливаемая минометами, несла большие потери и отходила². Кроме того, наступательного духа наша пехота не имела. Отмечались неоднократные случаи, когда противник, сметенный огнем корабельной артиллерии и береговых батарей, откатывался на 10 и более километров, но этот успех никто не закреплял³.

В «непобедимость» вермахта защитники Таллина не верили уже в августе 1941 г., т.е. задолго до разгрома немцев под Москвой. Например, гитлеровцы несколько раз прорывали линию обороны и окружали передовые зенитные батареи, однако достаточно было послать подкрепление в 50–60 человек, снятых с островов или дальних батарей, оставляя их при сокращенном расчете, чтобы враг отступал. «Противник действовал ос-

могнительно и, вместе с тем, при активном отпоре, трусливо, – сообщалось в агентурном донесении от 1 сентября 1941 г. – Он был бит в районе 105-й, 106-й и 794-й батарей. Можно было нам держаться долгое время. Корабельные резервы, да и береговые полностью не были использованы. Ясно одно, что если бы тот народ, который оказался утопленным, был выведен на линию обороны, да если бы он себе в течение 1–2 ночей сделал бы блиндажи, Таллин надолго бы остался в наших руках»⁴.

В тот же день, 1 сентября 1941 г., командир 10-го зенитно-артиллерийского дивизиона старший лейтенант Котов довел до сведения Особого отдела КБФ⁵ свои личные соображения относительно обороны Таллина, обстоятельств эвакуации и прорыва в Кронштадт. Он писал: «Твердой организующей руки в обороне Г[лавной] Б[азы] не было. Мощные огневые средства, морская и зенитная артиллерия не были полностью использованы, а зачастую последние бездействовали вследствие отсутствия связи и взаимодействия между различными родами войск и особенно командованием армейских и арт[иллерийских] частей. ... Отсутствие связи и взаимодействия приводило к обстрелу своих войск. Разведка работала скверно»⁶.

Как уже говорилось, в связи с общим ухудшением обстановки на Северо-Западном фронте Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение эвакуировать флот и гарнизон из Таллина. Имеющиеся в нашем распоряжении документы рисуют из рук вон плохую организацию. Оборудование кораблей для вывоза личного состава, техники, боеприпасов и снаряжения началось только 27 августа, когда в Таллине уже шли уличные бои. Агентурное донесение от 31 августа 1941 г. показывает, как, например, происходила погрузка людей и грузов на транспортное судно «Балхаш»⁷.

Известие о погрузке госпиталя было получено в ночь на 28 августа и явилось для всех полной неожиданностью. Сама погрузка проходила крайне неорганизованно, без единого начальника, поэтому каждый грузил, что хотел: велосипеды, сундуки, чемоданы и даже пиво. Личный состав (около 4 тысяч чел.) занял всю верхнюю палубу, причем так плотно, что не было возможности сидеть. Когда во время перехода возникла необходимость вести огонь по противнику, из-за тесноты получили ранения 9 человек, двое из которых скончались. Эти ранения люди получили в результате «дружеского огня».

Крайне неорганизованно осуществлялся вывод людей с позиций для посадки на корабли. Начальник 6 отделения 3 отдела КБФ старший политрук Карпов 30 августа 1941 г. докладывал своему руководству, что в результате непродуманных маршрутов отхода и отсутствия «маяков» большое количество военнослужащих направлялось в Беккеровскую гавань, где транспортов уже не было. Сам Карпов направлял отдельные группы бойцов в Минную гавань, где проходила посадка, и с последней группой взшел на борт спасательного судна «Нептун», приписанного к ЭПРОНу.⁸ Кстати, в Таллине 6-е отделение насчитывало 14 человек, на «Нептун» погрузилось

четверо, а в Кронштадт прибыло только двое. Судьба остальных сотрудников отделения по рапорту Карпова не прослеживается⁹.

О просчетах в организации погрузки личного состава свидетельствует и агентурное донесение от 31 августа 1941 г.: «Посадка на корабли в Таллине была не организована, беспланова и настолько поспешна, что сейчас крайне трудно установить не только число и размещение отступавших по кораблям и погибших, но и убедиться в том, что из Таллина и островов эвакуированы все. Многие командиры не отрицают, а утверждают, что довольно значительная часть людей, особенно занятых баррикадными боями, осталась в Таллине»¹⁰. Более того, в первые дни отсутствовала точная цифра кораблей, вышедших из Таллина: одни командиры называли 163, другие – 190 единиц¹¹.

Непродуманность эвакуации приводила к тому, что пришлось бросать боевую технику и автотранспорт. Так, когда возникла необходимость эвакуировать личный состав и материальную часть 3 и 4 зенитных полков ПВО Главной базы КБФ, отличившихся в обороне Таллина, для погрузки подали не баржи, а транспорты, которые из-за мелководья не могли подойти к пристани на 1000–1500 м. Почти всю матчасть пришлось или уничтожить, или бросить. Из-за большой волны шлюпки за личным составом долго не приходили, хотя час отправления давно прошел. Уже оформилась мысль о создании партизанского отряда, но тут выручил катер, который за 3–4 часа всех перевез, благо немец «прошляпил», как говорилось в агентурном донесении, и дал возможность благополучно погрузиться¹².

Хаос, царивший во время эвакуации, подтверждает и командир 10 зенитно-артиллерийского дивизиона старший лейтенант Котов, чьи личные соображения, адресованные в Особый отдел КБФ, мы уже цитировали.

Например, забывтая группа бойцов во главе с лейтенантом Лопавым вплоть до 28 августа сдерживала натиск противника и ушла с позиций только тогда, когда стало известно, что все соседи и начальники ушли. Сам Котов получил приказ сосредоточить свой личный состав и матчасть сначала на пристани Вимси, потом в Беккеровской гавани. Котов доставил матчасть дивизиона в Беккеровскую гавань, «но грузить не было на что. Хозяина не было. Огромные толпы красноармейцев, краснофлотцев и командиров подвергались панике. Начальников не было. Большие толпы направились на прорывы (из разговоров мне известно, что многие из них вернулись, увидя транспорт на Купеческой пристани). Материальная часть орудий, приборов, автотранспорт, лошади и многое другое ценное имущество в огромном количестве осталось на пристани. Из разговоров известно, что часть л[ичного] с[остава] также осталась не погруженными»¹³.

Возникшая в результате неразберихи паника, отсутствие твердого единого руководства эвакуацией, как только что было сказано, приводили к тому, что на пристанях металась, не видя выхода, вооруженные толпы крас-

ноармейцев и краснофлотцев. Здесь же стихийно формировались отряды, которые под началом командиров-«самозванцев» отправлялись в Ленинград по сухопутью. Одну такую громадную толпу, направлявшуюся неизвестно под чьим командованием в центр города для прорыва в Ленинград, увидел ранним утром 28 августа начальник 4 отделения 3 отдела КБФ батальонный комиссар Горшков¹⁴. Можно посмотреть по карте, где Ленинград, и где Таллин, и станет ясно, могли бы эти толпы дойти до цели.

Итак, погрузить на корабли удалось далеко не всех бойцов и командиров, не говоря уже о матчасти, которую пришлось или уничтожить, или бросить. 28 августа 1941 г. начался выход кораблей из таллинских гаваней. По общему мнению уцелевших участников перехода ситуация вышла из-под контроля командования КБФ буквально с первых минут после выхода с таллинского рейда. Каждый корабль фактически предоставлялся на волю капитана, команды и пассажиров, и на некоторых судах возобладал принцип «спасайся, кто может». К чести многих других следует сказать, что они даже в тех нечеловеческих условиях сумели организовать спасение людей с погибших судов.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют воссоздать полную картину этой трагедии на Балтике. В то же время основные обстоятельства перехода прослеживаются достаточно четко. Мнение уцелевших участников сходится в одном: переход кораблей из Таллина в Кронштадт был организован бездарно, если не сказать преступно.

Помимо недостатков, имевших место в ходе подготовки к эвакуации, документы позволяют выделить основные ошибки, допущенные командованием КБФ, которые привели к катастрофическим последствиям. Корабли, разбитые на три или четыре каравана (данные разнятся), начали покидать Таллинский рейд днем 28 августа 1941 г., хотя погрузка людей, боеприпасов и матчасти была в основном завершена еще утром. В первую половину дня в Таллине стояла пасмурная погода, мешавшая действиям вражеской авиации, которая имела полное господство в воздухе. Кроме того, имелась возможность днем форсировать район сплошных минных полей и еще засветло достичь острова Гогланд, который находился в наших руках.

Флот, уходящий из Таллина, включал в себя боевые корабли (крейсер «Киров», эсминцы, сторожевики, тральщики, подводные лодки, катера-охотники и др.) и множество судов гражданского назначения: (пассажирские теплоходы, ледоколы, буксиры, танкеры и пр.), nasкоро приспособленных под транспорты. Две эти группы кораблей резко различались скоростью хода, вооружением, степенью противоминной защиты, что сказалось практически сразу по выходе в открытое море. В голове караванов шли тральщики, за ними транспорты, переполненные бойцами таллинского гарнизона, беженцами и техникой, и последними – боевые корабли, прикрывавшие отход. Высший командный состав КБФ шел в основном на крейсере «Киров».

Первые несколько часов похода прошли относительно спокойно, но затем начался настоящий ад. Тральщики, шедшие впереди, подсекали мины, которые или взрывались в тралах, выводя их из строя, или всплывали на поверхность. В последнем случае их полагалось расстреливать, а это делалось далеко не всегда. Полоса, протраленная тральщиками, оказалась узкой. Отмечено много случаев, когда корабль, отвернув от одной мины, подрывался на другой и в считанные минуты шел ко дну. Более быстроходные боевые корабли, обгоняя транспорты и тральщики, выходили на непротраленные места и погибали. Когда небо прояснилось, в действие вступила вражеская авиация, которая, как уже говорилось, имела полное господство в воздухе. Первые наши истребители участники прорыва увидели только на следующий день, уже на подходе к Кронштадту, что дало им основание иронизировать: «мы шли от Таллина до Кронштадта под прикрытием немецких пикировщиков»¹⁵.

Если боевые корабли, имевшие зенитные орудия, могли встречать «юнкерсы» плотным заградительным огнем, который мешал, по крайней мере, прицельному бомбометанию, то гражданские суда могли противопоставить налетам лишь стрельбу из легкого стрелкового оружия. Получая сильнейшие повреждения от бомб и мин, корабли, особенно почти беззащитные транспорты, один за другим уходили под воду. Упомянутые выше агентурные донесения, рапорты, докладные и служебные записки составлены с эмоциональностью, не характерной для такого рода документов. Тем более эмоциональность не характерна для судовых журналов. Сухие, официальные строки судовых журналов уцелевших кораблей зримо показывают, через какой кошмар пришлось пройти участникам «Таллинского перехода».

Цитирую выборочно записи в вахтенном журнале эсминца «Суровый» за 28 августа 1941 г.: «18:20. Впереди по курсу подорвался большой транспорт, наполненный людьми. 18:22. Подорвавшийся транспорт вместе с людьми ушел под воду. 18:25. Впереди по курсу подорвался транспорт с людьми. 18:30. Подорвавшийся транспорт с людьми ушел под воду»¹⁶. Итого – за 10 минут уходят под воду два транспорта, «наполненные людьми». И подобные записи встречаются едва ли не в каждом судовом журнале.

Вечерняя темнота снизила воздушную опасность, зато многократно возросла опасность минная. Продолжаю цитирование вахтенного журнала эсминца «Суровый»: «19:30. Впереди по курсу подорвался какой-то корабль буксирного типа. 20:25. Впереди по курсу взорвалась большая подлодка. 20:26. Рассеялся дым, и впереди на месте подлодки была ровная поверхность моря. 20:35. Впереди крейсера "Киров" появился колоссальный столб огня и дыма. 20:40. Сзади, в районе, где примерно должна находиться "Верония", появился колоссальный столб огня и дыма. 20:50. Справа, обгоняя, шел какой-то небольшой транспорт. Взрыв – черный дым. 20:51. Черный дым рассеялся, транспорта не оказалось.

22:10. Прямо по носу подорвался транспорт. 22:58. Справа по борту подорвался транспорт на mine. 23:24. Подорвался какой-то корабль»¹⁷.

Названия погибших кораблей в вахтенном журнале «Сурового» отсутствуют. В то же время, по нашим документам можно составить картину гибели некоторых конкретных судов. Например, транспорт «Верония», имевший на борту значительную часть управления 10-го стрелкового корпуса, а также бойцов и командиров различных частей гарнизона, около 12 часов дня 28 августа покинул таллинский рейд и взял курс на Ленинград. Вначале плавание проходило относительно спокойно, налеты отдельных вражеских самолетов отбивались зенитным огнем транспортов и кораблей охранения. Так продолжалось до вечера, когда «Юнкерс-88» сбросил на «Веронию» серию бомб, одна из которых разорвалась рядом с бортом корабля и повредила машинное отделение. «Верония» потеряла ход. От выпущенных паров, окутавших транспорт, на корабле началась паника, многие бросились в море. Вскоре, однако, выяснилось, что «Верония» может самостоятельно держаться на воде. Паника улеглась, оставшиеся на борту занялись спасением находившихся в море. Поднять на борт удалось не всех, в частности, утонул прокурор 10-го стрелкового корпуса Старостин. Спасательное судно «Сатурн», на котором находилось около 800 человек, взяло «Веронию» на буксир, но, пройдя несколько кабельтовых, «Сатурн» подорвался на mine. Люди с «Сатурна» перешли частью на «Веронию», частью на какой-то буксир. Этот буксир, нагруженный до предела, вскоре сам был торпедирован¹⁸ и моментально пошел ко дну. Из 800 человек, находившихся на борту «Сатурна», спаслось лишь незначительное количество¹⁹. Приблизительно в 22 часа «Верония» подорвалась еще раз (по другим сведениям, была торпедирована) и в течение 1–2 минут пошла ко дну.

Очевидец гибели транспорта заместитель начальника Особого отдела 10-го стрелкового корпуса лейтенант госбезопасности Доронин писал: «Во время потопления на "Веронии" были слышны многочисленные револьверные выстрелы»²⁰. Судя по всему, люди заканчивали жизнь самоубийством, не желая живыми уходить в морскую пучину. К своему сообщению Доронин приложил список сотрудников Особого отдела корпуса, находившихся на «Веронии». Сколько их уцелело – неизвестно, список в деле отсутствует.

Картину гибели этого транспорта видел и другой сотрудник органов госбезопасности, начальник 6 отделения 3 отдела КБФ старший политрук Карпов, о котором упоминалось выше. Его рассказ расходится с предыдущим лишь в частности²¹. Кроме гибели «Веронии» Карпов, находившийся на борту спасательного судна «Нептун», видел потопление множества других кораблей, в частности миноносцев «Калинин», «Артем» и «Володарский». Картину их гибели на основе имеющихся документов можно воссоздать достаточно подробно. Увиденное Карповым подтверждают свидетельства

других очевидцев, а также записи в судовых журналах кораблей, находившихся неподалеку от этих эсминцев.

Из-за резко возросшей минной опасности ночью многие корабли стали на якорь. Плавающие мины пытались отталкивать шестами. В то же время, некоторые корабли продолжали движение и гибли на минах.

События той ночи, в частности, отражены в вахтенном журнале лидера «Минск», который считался одним из лучших боевых кораблей КБФ²². В 21:40 в параване²³ «Минска» взорвалась мина. Корабль дал течь, команда начала борьбу за его живучесть. В 22:15 к нему подошел миноносец «Скорый», чтобы взять на буксир, через 15 минут, он, подорвавшись на мине, переломился пополам и еще через 15 минут затонул. Спущенные с «Минска» шлюпки смогли спасти только 44 человека. В 22:45 лидер стал на якорь, т.к. тральщики ушли. Борьба за его живучесть продолжалась всю ночь. В 6:20 29 августа 1941 г. «Минск» двинулся дальше следом за тральщиком «Гак» и лидером «Ленинград». В 6:52 вахтенный начальник «Минска» зафиксировал первый за этот день налет вражеской авиации. С той минуты и до 10:03, т.е. за 3 часа с небольшим, немцы произвели в общей сложности 7 налетов на караван. В 10:35 на «Минске», видимо, вздохнули с облегчением, увидев два наших самолета-разведчика. В 11:30 в вахтенном журнале появилась запись: «Нас сопровождают истребители» (первые за два дня). В 17:16 «Минск» пришвартовался у стенки Усть-рогатки.

Столь же часто воздушные налеты фиксировались в вахтенных журналах других уцелевших судов. Понятно, что психическое напряжение людей, ежесекундно ожидавших смерти если не от бомбы, то от мины, достигало наивысшего предела. Например, на спасательном судне «Нептун» некоторые красноармейцы предлагали избрать ревком (!) и потребовать от командира корабля немедленно направиться к берегу, хотя бы даже чужому, и высадить людей²⁴. Впрочем, и достигнув своего берега, люди и корабли продолжали погибать. Так, уполномоченный 3 отделения 3 отдела КБФ Ламброзо, совершивший на танкере № 12 переход из Таллина до острова Гогланд, 31 августа докладывал своему руководству о неразберихе, царившей в момент разгрузки. С берега дали распоряжение высадить бойцов, на шлюпках переправилось человек 150–200. В этот момент к танкеру на катере подошел капитан 2 ранга Черный и, угрожая оружием, приказал капитану отойти от острова и следовать в Кронштадт. Закончилось тем, что танкер, отойдя от Гогланда на 8–10 км, попал под бомбежку и затонул²⁵.

В «Таллинском переходе» погибли, не сумев нанести существенного ущерба противнику, тысячи бойцов и командиров 10-го стрелкового корпуса, не желавших сдаваться в плен, получивших бесценный боевой опыт в боях за столицу Советской Эстонии, а также сотни моряков-балтийцев, т.е. воинов, которые могли бы усилить оборону Ленинграда.

Как видно из документов, никакого учета эвакуируемых, тем более, именных списков, никто не вел. Нет в нашем распоряжении и цифры про-

бившихся в Кронштадт. Мы никогда не узнаем, сколько человек вошло на корабли 28 августа 1941 г., сколько сошло на берег 29–30 августа, а, вычтя из одной цифры другую, не узнаем, сколько погибло во время перехода. Документы называют цифру до 15 тысяч человек²⁶. Отсутствует в них и точная цифра погибших кораблей. В ночь с 29 на 30 августа 1941 г. головные корабли КБФ прибыли в Кронштадт. На основании опросов некоторых командиров 3 отдел КБФ располагал информацией (по состоянию на 31 августа), что в «Таллинском переходе» погибли почти со всем личным составом 5 эсминцев, 2 сторожевика, 1 подлодка, 10–12 транспортов. Другие командиры считали, что из Таллина вышло около 30 транспортов с личным составом армии и флота, и все они погибли²⁷.

Масштабы Балтийской трагедии 1941 г. некоторые участники «Таллинского перехода» сравнивали с Цусимской катастрофой 1905 г.²⁸ Вину за гибель многих тысяч людей и десятков кораблей едва ли не единодушно они возлагали на командование КБФ, считая, что «такой ужасной и позорной катастрофы русский флот не знал за всю свою историю», «такой кошмар можно пережить только раз в жизни»²⁹. Не укладывалось в голове, как противник, имевший в Финском заливе силы, гораздо меньшие наших, смог учинить такой разгром. Эти силы он использовал грамотно, а мы – безобразно. Вспоминали масштабные репрессии и «чистки» 1920–1930-х гг., в результате которых выдвигались бездарные и беспринципные люди. «Мы увлекались трескучей фразой, лозунгами, воспитывали излишнюю самоуверенность, а воевать не учились, не умеем и не в состоянии», – таковы были характерные настроения сотрудников штаба КБФ, царившие в первые дни после «Таллинского перехода»³⁰.

Завершая свое выступление, хочу выразить надежду, что документы, приведенные выше, будучи введенными в научный оборот, помогут исследователям, работающим по морской тематике, специалистам по Великой Отечественной войне, всем, кто интересуется событиями ее первого периода, а также тем, кто изучает поведение людей в сверхстрессовых ситуациях.

¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 10–13.

² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 53.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 220.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 10–13.

⁵ Котов ошибается. В августе 1941 г. Особые отделы, преобразованные из 3-х Управлений НКО, имелись в армейских формированиях. Особые отделы во флоте появились только в январе 1942 г., а в августе 1941 г. существовали 3-и отделы флотов.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 223.

⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 67–69.

⁸ Экспедиция подводных работ особого назначения.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 197–199.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 13.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 14.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 55–56.

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 223 об–224.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 102–105.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 104.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 110.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 104.

¹⁸ Имеющиеся источники не позволяют сделать однозначный вывод об участии вражеских торпедоносцев или торпедных катеров в разгроме караванов. Некоторые командиры считают, что это «плод большого воображения». См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 18. Кроме того, представляются маловероятными их действия в море, напичканном минами.

¹⁹ По другим сведениям, капитан буксира после 10–15 минут плавания предложил командиру «Веронии» стать на якорь, т.к. дальше идти было невозможно. Последний согласился, и «Верония» осталась одна.

²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 245.

²¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 197–199.

²² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 138–139.

²³ Параван – буксируемый кораблем подводный аппарат для защиты корабля от якорных контактных мин.

²⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 199. На рапорте Карпова имеется резолюция, написанная красным карандашом: «Установить».

²⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 206.

²⁶ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 9, 224.

²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 9.

²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 56.

²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 23.

³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 14. Д. 14. Л. 23–24.

ОБ ЭВАКУАЦИИ ОБЪЕКТОВ ВПК НА УРАЛ

*Тезисы выступления на Всероссийской научной конференции
«Гуманитарная академическая наука Урала: приоритеты
и перспективы исследовательского поиска»
г. Екатеринбург, 16–17 июня 2013 г.*

Проблема развертывания системы военно-промышленного комплекса на Урале стала предметом рассмотрения многих исследований, но по-прежнему остается возможность открыть новые материалы, позволяющие расширить представления о событиях военных лет. И таким поистине неиссякаемым источником остаются отечественные архивы. Архивы органов безопасности стали доступны для исследователей не так давно, но их рассекречивание и введение в научный оборот происходит не так активно, как хотелось бы. В распоряжении историков – целый ряд опубликованных сборников архивных материалов¹.

Нападение фашистской Германии на СССР потребовало от органов НКВД СССР коренной перестройки. Вследствие крайне неблагоприятной обстановки на фронте ГКО и советское правительство были вынуждены принять неотложные меры по перебазированию основных производительных сил из угрожаемых районов на восток страны. Эвакуация оборудования промышленных предприятий и людских ресурсов стала в этот период одной из важнейших задач государственной политики, которая обеспечила развертывание в глубоком тылу главной военно-промышленной базы СССР.

В июле – августе 1941 г Совет по эвакуации практически ежедневно принимал решения о передислокации на Урал предприятий Наркомчермета, Наркомцветмета, Наркомтяжмаша, Наркомсудпрома, Наркомата вооружений, Наркомата боеприпасов, учреждений АН СССР, ведомственных научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Перед Свердловским и Челябинским облисполкомами ставились задачи принять срочные меры к их размещению и развертыванию работы².

Особенности существовавшей в военные годы административно-командной системы управления предполагали активное участие органов НКВД в решении задач экономического характера. Подразделения НКВД занимались информационным обеспечением управленческих решений; принимали участие в производственном процессе; контроле

надеемся, администрация; устранении недостатков, дезорганизовавших работу, создававших социальную напряженность и снижавших производительность труда; следили за реализацией постановлений ГКО и СНК СССР по выпуску продукции для фронта. В 1941 г. был предпринят ряд чрезвычайных мер, определивших характер их действий.

Из фронтовой зоны (европейской части СССР) с июня по декабрь 1941 г. было вывезено более 2,5 тыс. промышленных предприятий. Вместе с предприятиями прибыло 30–40 % рабочих, инженеров и техников. Эвакуационные перевозки потребовали 1,5 млн вагонов. Это была передислокация огромной индустриальной базы на тысячи километров, нередко в необжитые места. Подлежали эвакуации из прифронтовой полосы и заключенные ГУЛАГа. Заключенные под охраной двигались пешком, так, на Украине колонны составляли около 40 тысяч заключенных, из Западной Белоруссии – до 20 тысяч³. НКВД обеспечивал безопасность перемещения производительных сил и развертывания военно-промышленного комплекса в глубинных районах СССР. Ответственность за эвакуацию была возложена на соответствующие наркоматы и директоров заводов. Для директоров заводов Народного комиссариата боеприпасов СССР в сентябре 1941 г. была составлена и утверждена приказом специальная инструкция, которая предписывала директору завода, при получении распоряжения о начале эвакуации, «немедленно установить порядок переброски завода, в соответствии с установленным графиком эвакуации, порядок демонтажа оборудования, порядок подготовки к погрузке оборудования (обращая особое внимание на упаковку и комплектность каждой единицы оборудования), материалов и прочего имущества, подготовки погрузочных и транспортных средств и организации пунктов погрузки». В инструкции говорилось, что «директор имеет право покинуть завод только после полного окончания эвакуации по согласованию с местными властями»⁴.

Приказом НКВД СССР от 8 августа 1941 г. на экономическое управление было возложено обеспечение оперативного обслуживания следующих отраслей промышленности: авиационной, боеприпасов, вооружения, танкостроения, станкостроительной, электростанций, химической, нефтяной, угольной, резиновой, органов связи. Экономическое управление выполняло специальное задание, осуществляя диспетчерские функции, по оказанию помощи наркоматам вооружения, боеприпасов и минометного вооружения, а также оборонным предприятиям в выполнении постановлений ГКО, ЦК ВКП(б) и СНК СССР по выпуску продукции для фронта.

4 сентября 1941 г. Совет по эвакуации принял постановление, согласно которому был утвержден план перевозок эвакуационных грузов на 1-ю декаду сентября 1941 г. Постановление обязывало наркоматы, отправляющие эвакуационные грузы, не позднее 7 сентября представить планы перевозок, с указанием предприятий, рода грузов, дорог отправления и назначе-

ния, а также количества вагонов⁵. Так, планом эвакуации патронного завода № 46 (г. Кунцево), подписанным наркомом Д.Ф. Устиновым, предусматривалось перемещение 1 тысячи 555 единиц оборудования и 12 тысяч рабочих в г. Свердловск. Для демонтажа и погрузки оборудования отводился срок с 10 по 14 октября 1941 г., а для начала выпуска готовой продукции (патронов калибров 7,62 мм и 12,7 мм) – с 8 по 12 ноября. Ответственность за обеспечение эвакуации была возложена на директора завода К.А. Володина⁶. Однако, как видно из справки от 14 декабря 1945 г., эвакуация завода завершилась только 22 ноября 1941 г. Завод был перебазирован в г. Свердловск на площадку, где размещалась ткацкая фабрика им. В.И. Ленина. Производственные площади оказались недостаточными для размещения цехов завода. В результате были задействованы складские помещения и произведено строительство нескольких зданий. Также удалось после модернизации использовать котельную фабрики⁷. Всего за годы войны на территорию Урала эвакуировано более 800 промышленных предприятий из разных районов страны. Основная их часть разместились в Свердловской, Челябинской и Пермской областях. Для размещения эвакуированного оборудования Урал был выбран, потому что это был один из крупнейших промышленных центров страны. Здесь на основе богатейших природных ресурсов в предвоенные годы был создан крупный промышленный комплекс. Также здесь сосредоточились многочисленные квалифицированные кадры рабочих и специалистов, накопивших огромный опыт производства боевой техники. Еще с петровских времен Урал вслед за Тулой и Подмосковьем был крупнейшим производителем боевого оружия.

Во второй половине 1941 г. положение промышленности боеприпасов было катастрофическим, потому что из 65 военных заводов, входивших в систему, 45 подлежали эвакуации. Производство боеприпасов срочно начало осваиваться на 382 предприятиях различных наркоматов и ведомств. Размещение на новых местах прибывающего населения и грузов осуществлялось в соответствии с постановлениями ГКО «О порядке размещения эвакуируемых предприятий» от 7 августа 1941 г., СНК СССР «О графике восстановления заводов, эвакуированных на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан» от 29 октября 1941 г., другими партийно-правительственными решениями⁸.

Эвакуации в глубь страны подлежали и документальные материалы государственных, партийных и ведомственных архивов. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 5 июля 1941 г. предусматривалась эвакуация архивов в Уфу, Чкалов и Саратов и другие тыловые города. Обеспечить в пути следования надлежащую охрану архивов было поручено НКВД СССР и персонально В.С. Абакумову. Когда началась война, в учетно-архивных подразделениях органов безопасности и внутренних дел шла реорганизация. Картотеки учета и архивные фонды, оперативные материалы

еще не были четко поделены, решался вопрос по штатам и помещениям. На второй день войны начальники архивно-регистрационных служб НКГБ и НКВД составили поэтапный план эвакуации. «Особый архив» и другие совершенно секретные и особой важности материалы из архивохранилищ в доме на Лубянке необходимо было упаковать и в 20 вагонах в сопровождении одиннадцати оперативных сотрудников 27–28 июня 1941 г. вывезти в Свердловск. Затем в течение 10 суток готовились к отправке центральная оперативно-справочная картотека, архивные личные дела сотрудников, дактилоскопическая картотека, розыскные дела и др. (93 вагона).

В Свердловск эшелон прибыл вечером 13 июля 1941 г. Сто сотрудников разместили в помещениях межкраевой школы НКВД. Эвакуированные из Москвы материалы определили на хранение в местный краеведческий музей, летний театр городского парка культуры и отдыха, а также здание водного стадиона «Динамо». Основные информационные массивы и архивы, благодаря усилиям сотрудников учетно-архивных аппаратов, были спасены, а работа по ним не прекращалась ни при каких обстоятельствах. В условиях войны это имело огромное значение для эффективной работы всей системы государственной безопасности.

По разным причинам не все намеченные решением Совета по эвакуации к перебазированию на Восток предприятия были полностью демонтированы и отправлены. Также не все заводы, перемещенные на Урал, могли занимать помещения родственных по профилю предприятий. Многие вынуждены были осваивать малоприспособленные к военно-промышленному производству площади. В частности, об этом свидетельствуют документы наркомата боеприпасов. В приказе наркома П.Н. Горемыкина говорится, что в соответствии с распоряжением СНК СССР от 10 августа 1941 г. заводу № 259 необходимо «1. Принять от Челябинского областного исполнительного комитета два производственных корпуса фабрики "Игрушка" районной местной промышленности в г. Златоусте. 2. Организовать в принимаемых корпусах филиал завода. 3. Приемку корпусов произвести со всем относящимся к ним имуществом и ценностями: зданиями, сооружениями, службами, оборудованием, инструментом и инвентарем, за исключением специального оборудования и инструмента не могущего быть использованным в системе НКБ. 4. Весь личный состав принимаемого завода принять в систему НКБ. За всеми передаваемыми работниками сохраняется занимаемая ими жилплощадь»⁹.

Другим примером может служить завод № 356 наркомата вооружения, который был эвакуирован из Москвы в г. Свердловск на территорию строящегося макаронного комбината и конфетно-кондитерской фабрики. Эвакуация завода продолжалась 2 месяца и завершилась 25 октября 1941 г. В первую очередь были организованы перевозки технической документации выпускаемой продукции, управления завода и заготовительных цехов.

Затем были отправлены механические и сборочные цеха. В связи с перебазируванием, завод выполнил план по производству продукции за 1941 г. на 96,4 %. Для перевозки имущества завода, а также рабочих и членов их семей потребовалось 359 вагонов. Новых площадей оказалось недостаточно для организации полноценного производства, поэтому были достроены незаконченные производственные помещения и построены новые, в том числе литейный и столярный цеха, а также помещения для ремонтного цеха и склада¹⁰.

В середине декабря 1941 г. из 325 намеченных к эвакуации предприятий военно-промышленных наркоматов были демонтированы 269 предприятий (82,7 %)¹¹. Документы подтверждают, что, как правило, готовых производственных площадей было недостаточно, приходилось изыскивать дополнительные возможности и приспособлять для размещения эвакуированного оборудования непромышленные помещения. Опираясь на составленные непосредственно на заводах документальные материалы, которые хранятся в РГАЭ, можно рассмотреть подробно весь процесс перебазирования предприятий. Восстановление эвакуированных промышленных предприятий в крайне тяжелых условиях первых месяцев войны зачастую затягивалось. В докладе Госплана СССР «О ходе восстановления эвакуированных предприятий по наркоматам» от 10 декабря 1941 г. шла речь о неорганизованности учета демонтированного оборудования и отсутствии контроля за продвижением оборудования в пути. В результате эшелоны с эвакуированными грузами прибывали к месту назначения, как правило, с большим опозданием, частями и некомплектно.

Большинство наркоматов всю работу по эвакуации оборудования и продвижению его в пути переложили на Народный комиссариат путей сообщения. Установленная скорость продвижения поездов с оборудованием (400 км в сутки), фактически не выдерживалась. Поезда продвигались со скоростью 200 км в сутки, а в отдельных случаях менее 100 км. Большинство поездов не имели номеров маршрутов, что затрудняло наблюдение за их продвижением. Значительная часть оборудования следовала в поездах отдельными вагонами, которые после реформирования составов в пути выпадали из учета. Большое количество маршрутов на различных станциях простаивали по неделе и более. При отсутствии контроля за продвижением оборудования в пути все это удлиняло сроки перевозки, срывало установленные графики монтажа оборудования из-за его некомплектности.

В дополнение к прежней задаче по пресечению попыток враждебных элементов нарушить нормальную работу предприятий оборонной промышленности путем вредительства, диверсии, саботажа теперь экономическим подразделениям органов госбезопасности вменялось в обязанность своевременное выявлять недостатки и принимать меры к устранению причин срыва выполнения правительственных заданий по выпуску оборонной продукции.

11 ноября 1941 г. из НКВД в СНК СССР была направлена докладная записка о ходе восстановления эвакуированных заводов и строек. Сообщалось о графике восстановления комбината «Северникель», Кандалакшского алюминиевого комбината, оборудование которого из-за начавшейся войны было эвакуировано на Уральский алюминиевый завод; Смоленского завода ГУШОСДОРа, эвакуированного в Свердловск на площадку действующего завода по ремонту дорожных механизмов. Особое внимание уделялось строительству новых предприятий [1. Т. 2. Кн. 2. С. 299–300].

В Челябинск осенью–зимой 1941 г. было эвакуировано 200 тыс. человек и более 40 заводов. В этих условиях УНКВД по Челябинской области организовывало работу на вновь создаваемых объектах с целью ограждения их от разведывательно-диверсионных акций, своевременного выявления предпосылок к чрезвычайным происшествиям и информирования руководства НКВД и местных партийных органов об условиях, ведущих к срыву установленных ГКО сроков ввода в эксплуатацию и объемов выпуска оборонной продукции. УНКВД по Челябинской области контролировало ход работы по развертыванию массового производства танков и самоходных артиллерийских установок. На основе 12 эвакуированных из Москвы предприятий в декабре 1941 г. в Челябинске был создан завод «Компрессор».

УНКВД по Свердловской области наряду с выявлением и устранением целого ряда причин, тормозящих выполнение оборонных заказов, уделяло особое внимание производству корпусов тяжелых танков КВ и реактивных осколочно-фугасных снарядов М-13 калибра 132 мм для боевых машин реактивной артиллерии БМ-13 («Катюша»). В производстве снарядов М-13 участвовало до 30 предприятий области. Все районные отделения областного УНКВД держали под усиленным контролем выполнение предприятиями заказов по М-13. Группа оперативных сотрудников экономического отдела УНКВД была прикреплена к 13 предприятиям Свердловска, участвовавшим в изготовлении М-13 для предотвращения срыва выполнения этого заказа. УНКВД готовило обстоятельные доклады о ходе выполнения заказа по М-13 и КВ, направляя их в НКВД СССР и обком ВКП(б).

На предприятиях обороной промышленности и транспорта органы внутренних дел ввели специальную систему проверки личного состава и военную охрану подразделений войск НКВД, усилили пропускной режим. Осуществлялась оперативная работа в окружении военных объектов. Сотрудники экономических подразделений органов госбезопасности и внутренних дел выявляли неполадки в работе предприятий, нарушения технологии и техники безопасности, которые могли привести к несвоевременным поставкам продукции оборонного значения. Как видно из отчетов военных представителей, выпуск продукции на оборонных предприятиях неуклонно увеличивался.

Великая Отечественная война оказала влияние на размеры и структуру хозяйственно-экономической деятельности НКВД СССР. Наркомат

выступал в качестве одного из органов, осуществлявшего контроль и принуждение на предприятиях оборонной промышленности, контролировавшего производство военной продукции, транспортировку остродефицитных материалов, сырья, комплектующих изделий и других особо важных грузов.

Правовой основой борьбы с преступностью и нарушениями законности для органов НКВД в военное время были указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП(б), военных советов фронтов, а также указания И.В. Сталина. Так, в выступлении по радио 3 июля 1941 г. он сказал: «Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла». «Нужно немедленно предавать суду военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, невзирая на лица».

Продолжалось расширение полномочий правоохранительных органов, ужесточение уголовной и административной ответственности за противоправные действия в военное время, проводилось принудительное переселение населения, а также широко практиковались меры судебного и внесудебного принуждения. Так, значительно расширились в военные годы полномочия Особого совещания при НКВД СССР. Заседания проводились по 4–6 раз в месяц, на каждом рассматривались сотни дел. К каждому очередному заседанию Сталину направлялись справки с материалами¹².

Стремление добиться результата по «главной линии» – разоблачению агентов германской разведки – приводило к тому, что необоснованным репрессиям было подвергнуто несколько тысяч человек, обвиненных по пресловутой 58-й статье: почти 9 тысяч в Свердловской области и около 5 тысяч – в Челябинской. В настоящее время по решению прокуратуры и суда более 70 % из них реабилитированы.

Органами НКВД в годы Великой Отечественной допускались ошибки. Во-первых, при возбуждении уголовного дела применялся недостаточно ответственный подход, в результате чего имели место факты необоснованного привлечения граждан к уголовной ответственности. Во-вторых, расследование дел проводилось скоропалительно и поверхностно. В-третьих, надзор органов прокуратуры за следствием в органах НКВД осуществлялся формально. Прокуроры редко принимали непосредственное участие в расследовании уголовных дел и не проявляли необходимой твердости в обеспечении неуклонного соблюдения и правильного применения закона. В-четвертых, недостаточным был надзор за законностью выносимых приговоров. Прокуроры не всегда добивались немедленного исправления ошибок, допущенных судебными органами, путем своевременного принесения протестов.

Акты несправедливости были допущены к отдельным лицам, имели место дискриминация и репрессии и в отношении целых групп населения.

Несмотря на все трудности, к середине 1942 г. экономику страны удалось перевести на военные рельсы. Успешное перебазируание и быстрое налаживание производственной деятельности эвакуированных заводов дали огромный военно-экономический эффект, который проявился в создании производственных ресурсов, крайне необходимых для нужд фронта.

¹ См., например: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 1–4. – М., 2000–2008.

² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1616, 1617.

³ ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 42. Л. 60–62.

⁴ См.: РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 812. Л. 253–257.

⁵ См.: РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 796. Л. 6.

⁶ См.: РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 796. Л. 23.

⁷ См.: РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 797. Л. 132–133.

⁸ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 31. Л. 157.

⁹ См.: РГАЭ. Ф. 7516. Оп. 1. Д. 809. Л. 155.

¹⁰ См.: РГАЭ. Ф. 8157. Оп. 1. Д. 797. Л. 128–131.

¹¹ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 573. Л. 258–259.

¹² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 11–12.

ОРГАНЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТОЛИЦЫ В БИТВЕ ЗА МОСКВУ

*Тезисы выступления на международной
военно-исторической конференции
«Великая Отечественная. Московская битва»
г. Москва, 1 декабря 2006 г.*

Вступив в новое столетие и поставив перед собой задачу построения демократического государства, мы стремимся оценить события прошлого, основываясь на принципах гуманизма, нравственности и добра, что должно стать главным критерием и в оценке событий Великой Отечественной войны. Война – это, прежде всего, всенародная трагедия. Это не умаляет, а лишь подчеркивает величие подвига народа, который сумел превозмочь выпавшие на его долю бедствия. Осознание своего долга и ответственности подавляющим большинством воинов и тружеников тыла, их готовность к лишениям и самопожертвованию обеспечили победу нашей стране в Отечественной войне. В достижение победы над фашистской Германией внесли вклад отечественные органы безопасности. Именно в военное время проявились лучшие качества работников спецслужб: отвага, верность долгу, эффективность разведывательных и контрразведывательных действий по внедрению в агентурную сеть и систему разведывательно-диверсионных структур противника.

Документы ЦА ФСБ России рассказывают о многообразной деятельности органов безопасности в первые военные месяцы: о непосредственном участии частей и соединений войск НКВД в боевых операциях против вермахта, о специальных операциях в Москве, о деятельности оперативных групп в тылу противника, об охране тыла действующей армии и обеспечении безопасности промышленных предприятий. Сотрудники органов безопасности принимали непосредственное участие в обороне Москвы и Ленинграда, Киева и Смоленска, Одессы и Николаева, а также в других больших и малых сражениях Великой Отечественной войны. Они оберегали от противника оперативные планы советского командования, добывали важную разведывательную информацию о крупнейших наступательных операциях вермахта, дезинформировали противника по политическим, военным и разведывательным вопросам. Документы Центрального архива ФСБ России свидетельствуют, что с самого начала военных действий

на Лубянку стекалась достоверная информация о действительном положении на фронте и во всей стране.

В планах командования немецких войск Москва была главным стратегическим объектом. С захватом Москвы гитлеровцы связывали свои надежды в основном закончить войну. Немецкое командование, понимая, что главной целью является Москва, с первых дней войны сосредоточило на московском направлении мощную сухопутную и воздушную группировки своих войск. В ноябре 1941 г. непосредственно на Москву враг бросил 51 дивизию, в том числе 20 танковых и моторизованных. Столица выстояла благодаря самоотверженности бойцов и командиров Красной армии и войск НКВД, московских ополченцев и бойцов истребительных батальонов, героизму жителей Москвы и Московской области.

С первых дней войны на НКВД СССР и НКГБ СССР возлагалось обеспечение в городе общественного порядка и безопасности. Уже в июле эти два учреждения были объединены в единый Наркомат внутренних дел СССР, которому постановлениями Государственного Комитета Обороны поручалось осуществление специальных мероприятий, охрана Московской зоны, обеспечение режимов военного, а затем в связи с реальной угрозой захвата противником столицы, и осадного положения.

Начальником охраны Московской зоны был назначен заместитель наркома внутренних дел СССР, комиссар госбезопасности 3-го ранга И.А. Серов. При НКВД СССР организовался штаб охраны Московской зоны, которому в оперативном отношении были подчинены войска НКВД, численностью до 6 тыс. бойцов, милиция, районные подразделения НКВД, истребительные батальоны и заградительные отряды¹.

Фронт неумолимо приближался к Москве. Смертельная угроза Родине становилась такой быстрой и ощутимой, что от всех требовалось принятие немедленных действий, проявление героических усилий и настоящей жертвенности для того, чтобы не позволить врагу растоптать землю наших предков. В связи с продвижением немецко-фашистских войск из столицы были эвакуированы некоторые подразделения НКВД СССР, а также архивы и картотеки. Руководство деятельностью Наркомата, штаба охраны Московской зоны, а также организация специальных мероприятий в городе осуществлялось аппаратом наркома внутренних дел из здания на Лубянке и из запасного командного пункта в Останкино.

Большой интерес для исследователей представляет хранящаяся в Центральном архиве ФСБ России достаточно многочисленная группа документов центрального аппарата НКВД–НКГБ СССР о борьбе с агентурой противника, обеспечении безопасности тыла вооруженных сил, промышленности и транспорта СССР, зафронтной работе.

В архивных материалах советской контрразведки содержатся сведения о борьбе с агентурной и диверсионной деятельностью германских спецслужб в годы войны. Только в ходе битвы под Москвой в зоне боевых дей-

ствий военные контрразведчики обезвредили свыше 200 агентов и более 50 разведывательно-диверсионных групп противника, чем способствовали провалу немецкой операции «Тайфун».

В документах Центрального архива ФСБ России имеются данные, что за время войны органами безопасности на объектах промышленности были вскрыты и оперативно ликвидированы 21 диверсионная группа с общим количеством участников 103 человека и 8 диверсантов-одиночек. В то же время на объектах оборонной промышленности было зарегистрировано 17 крупных взрывов, 10 пожаров, а также большое количество других происшествий.

Уже в первые месяцы войны Красная армия оставила почти всю Прибалтику и Белоруссию, Молдавию и большую часть Украины. Были разгромлены практически все армии Западного фронта. Германия стремилась овладеть Смоленском, откуда открывалась прямая дорога на Москву.

Для того, чтобы сдерживать стремительное продвижение частей и соединений вермахта, сорвать их снабжение оружием и боеприпасами, техникой и личным составом, необходимо было развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу противника, в первую очередь, на главных транспортных коммуникациях.

В этих целях 5 июля 1941 г. была создана Особая группа НКВД СССР, непосредственно подчиненная наркомку внутренних дел. Начальником Особой группы был назначен П.А. Судоплатов². На вновь созданное подразделение были возложены задачи по разработке и проведению разведывательно-диверсионных операций, организации подполья и партизанской войны, созданию разведывательно-диверсионных резидентур на оккупированной территории³.

В октябре 1941 г. Особая группа была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР по-прежнему при непосредственном подчинении Л. Берии. Война резко изменила отношение советского руководства к разведывательной работе, что привело к дальнейшей реорганизации разведывательных органов. В январе 1942 г. на базе 2-го отдела НКВД СССР было создано 4-е Управление НКВД СССР для ведения разведывательно-диверсионной работы против Германии и Японии, как на временно оккупированной территории СССР, так и на территории оккупированных стран.

В отечественной историографии недостаточно подробно представлена тема московского подполья, которое формировалось НКВД СССР в Москве на случай прорыва немцев в столицу, а также деятельности оперативных групп органов безопасности на оккупированной территории Московской области. Новые сведения об этом специфическом направлении работы органов безопасности в столице и Подмосковье стали известны благодаря публикации рассекреченных материалов ЦА ФСБ России⁴.

В документах ЦА ФСБ России содержатся сведения об организации разведывательно-диверсионной деятельности органов безопасности

в тылу противника на временно оккупированной территории Московской, Калининской, Смоленской, Тульской областей, проведении специальных мероприятий в Москве и Московской области.

Архивные документы о разведывательно-диверсионной деятельности органов безопасности можно условно разделить на несколько групп. В первую группу входят нормативные правовые акты (постановления ГКО, указы Президиума Верховного Совета СССР, приказы и директивы НКВД СССР) об организации и проведении разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника и проведении специальных мероприятий.

Вторую группу составляют направленные в ГКО записки и специальные сообщения НКВД СССР о проведении специальных мероприятий, формировании истребительных партизанских отрядов и диверсионных групп на временно оккупированной немецкими войсками территории Московской области, боевой и разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника и обстановке на оккупированной территории.

В третью группу входят спецсообщения штаба истребительных батальонов НКВД СССР, УНКВД Московской области в НКВД СССР о деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп в районах Московской области, временно оккупированных противником.

Четвертую группу составляют документы, поступившие от командиров оперативных групп и партизанских отрядов, действовавших в тылу противника на временно оккупированной территории (отчеты о рейдах по тылам противника, докладные записки, сообщения, разведывательные сводки и донесения, справки, составленные по текстам принятых радиোগраммам). В разведывательных сводках и донесениях содержатся сведения о состоянии немецких войск, дислокации частей и соединений, местах расположения штабов, аэродромов, складов с оружием, боеприпасами, горючим и т.п. Подробного рода информация незамедлительно передавалась советскому военному командованию. В связи с тем, что немецкие спецслужбы активно использовали в прифронтовой полосе парашютные десанты и диверсантов, для борьбы с ними 25 июля 1941 г. в НКВД СССР был образован штаб. В этих же целях в НКВД-УНКВД прифронтовых республик, краев и областей были образованы оперативные группы. Одновременно для борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника при городских и районных отделах (отделениях) НКВД были организованы истребительные батальоны численностью 100-200 человек⁵.

Учитывая, что опыт действия партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу противника показал хорошие результаты, органы безопасности приступили к созданию партизанских отрядов, разведывательно-диверсионных групп. 26 августа 1941 г. оперативные группы местных органов безопасности были преобразованы в 4-е отделы НКВД-УНКВД прифронтовых республик, краев и областей, оперативно подчиненные Особой группе при НКВД СССР. Перед четвертыми подразделениями НКВД/УНКВД

республик, краев и областей были поставлены задачи по формированию и руководству истребительными батальонами, партизанскими отрядами и диверсионными группами. Необходимо было наладить связь с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, организовать связь с партизанскими отрядами и диверсионными группами, находившимися в тылу противника, вести агентурную и войсковую разведку в тылу противника, обеспечивать партизанские формирования оружием, боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

В конце сентября началась четырехмесячная Московская битва, в первые недели которой пять армий Западного и Резервного фронтов и десять дивизий народного ополчения оказались в «котле». В окружение попали 600 тысяч человек (каждый второй защитник Москвы).

По заданию наркома внутренних дел для сбора разведывательной информации на дальних и ближних подступах к Москве было направлено несколько оперативных групп, перед которыми были поставлены следующие задачи: разведка мест сосредоточения, передвижения сил противника, их вооружении, расположении штабов, баз, складов с боеприпасами, горючим, продовольствием; совершение диверсионных актов (организация крушений воинских эшелонов, уничтожение баз горючего, складов с имуществом и боеприпасами противника)⁶.

В связи с создавшейся военной обстановкой 8 октября 1941 г. ГКО принял постановление о проведении специальных мероприятий по предприятиям г. Москвы и Московской области. Необходимо было провести минирование предприятий и наиболее важных объектов в Москве и Московской области. Для организации специальных мероприятий была образована комиссия во главе с заместителем наркома внутренних дел И.А. Серовым. 9 октября 1941 г. в ГКО был представлен список из 1119 предприятий. В первой группе списка было 412 предприятий, имевших оборонное значение, ликвидацию которых предлагалось провести путем взрыва. Вторую группу составляли 707 предприятий необоронных наркоматов, ликвидацию которых предлагалось провести путем механической порчи и поджога⁷.

В соответствии с поручением ГКО 2-м отделом НКВД СССР и Управлением особых отделов НКВД СССР был разработан план специальных мероприятий, получивший наименование - «Московский план». В соответствии с «Московским планом» была проведена подготовка к проведению диверсионных актов в зданиях и на объектах, которые могли быть использованы оккупантами. В список были включены здания ряда наркоматов, центрального телеграфа и почтамта, вокзалов, мостов, военных академий, тюрем, некоторых жилых и административных зданий. Взрывчатые вещества были заложены в фундаменты Большого театра, гостиницы «Москва», храма Богоявления в Елохове, были заминированы три нелегальные широкоэвещательные радиостанции, созданные в целях глушения эфира и ведения передач в захваченной столице⁸.

При каждом райкоме ВКП(б) Москвы были созданы тройки в составе секретаря райкома ВКП(б), начальника РО НКВД и представителя инженерных частей Красной армии. Эти тройки проводили расчеты на проведение специальных мероприятий (количество объектов, заявки на ВВ и т.д.). На каждом внесенном в список предприятия для организации проведения специальных мероприятий назначались ответственные (директор предприятия, секретарь партийного комитета), которые определяли объекты, подлежащие уничтожению в первую очередь, а также технические исполнители⁹.

19 октября ГКО объявил Москву и прилегающие к ней районы на осадном положении. Охрана порядка в городе и в пригородных районах была возложена на коменданта г. Москвы генерал-майора Синилова. В его распоряжение были переданы войск внутренней охраны НКВД, милиция и добровольческие рабочие отряды¹⁰.

В коллекции Центрального архива ФСБ России хранятся материалы по созданию на территории Москвы организованного подполья, складов с оружием и боеприпасами, подпольных радиовещательных станций, а также проведению минирования и ликвидации некоторых объектов в случае оставления столицы советскими войсками.

В Москве были сформированы 38 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 166 чел., подготовлены на оседание 78 агентов-одиночек, предназначенные для выполнения специальных заданий НКВД СССР. Созданием нелегальных разведывательно-диверсионных групп, комплектованием материально-технической базы подполья, размещением подпольных радиостанций занимались в основном сотрудники Особой группы – 2-го отдела НКВД СССР. В целях обеспечения безопасности разведывательно-диверсионные группы были независимы друг от друга и состояли из руководителя группы, агентов-связников, агентов-радивистов, агентов-боевиков, а также иных лиц, имевших возможность осуществлять разведывательно-диверсионную работу в условиях оккупационного режима. Каждый член нелегальной резидентуры был легализован: снабжен необходимыми документами, заблаговременно устроен на работу в зависимости от профессии, социального происхождения, подлинной или легендируемой биографии. Участники групп получали ежемесячную зарплату, одну рабочую продовольственную карточку и красноармейский паек. В общей сложности на нелегальное положение было переведено 243 человека, из них 47 сотрудников органов безопасности¹¹.

Для обеспечения деятельности нелегальных разведывательно-диверсионных резидентур Особая группа НКВД СССР в сентябре 1941 г. провела закладку в Измайловском парке Москвы тайников с взрывчатыми веществами и боеприпасами. Всего в Москве Особая группа НКВД СССР располагала 59 складами с оружием, зажигательными и взрывчатыми веществами, для диверсионных групп предназначалось 3,5 тонны тола, 700 гранат, большое количество оружия и боеприпасов. Для организации связи с диверсионны-

ми группами были выделены: 21 переносная рация, 2 мощных стационарных радиовещательные станции, 2 автомашины с радиовещательными установками, 3 батарейные приемника. На конспиративных квартирах в столице было организовано 9 минных станций и 10 квартир для явок с агентами. Кроме того, были организованы 5 мастерских по ремонту обуви, электробытовых приборов, 3 парикмахерские, цветочный магазин, которые также могли использоваться как явочные пункты¹².

В подмосковных лесах было создано около 100 баз для жилья в зимних условиях, хранения продовольствия и боеприпасов. Там было размещено продовольствие, боеприпасы, обмундирование, медикаменты и другое снаряжение, рассчитанное на 4–5 месяцев боевых действий в тылу противника¹³.

В Московской области в 1941–1942 гг. на угрожаемой территории и освобожденных районах было организовано 152 разведывательно-диверсионные группы органов безопасности общей численностью 727 человек. Перед разведывательно-диверсионными группами ставились задачи по ведению политической, экономической и военной разведки, подготовке и совершению диверсионных актов на военных заводах и складах, ж.-д. линиях и сооружениях, важных промышленных предприятиях и объектах, а также по осуществлению террористических актов против оккупационных властей противника и предателей на территории г. Москвы и прилегающих районов. Помимо режимных мероприятий, охраны жизненно важных объектов, как обязательных направлений деятельности в военных условиях, на органы безопасности осенью 1941 г. возлагалась задача по заблаговременной эвакуации из столицы государственных реликвий. Эти действия проводились в режиме особой секретности, так как разглашение сведений о подобных мерах во время наступления германских войск по всей линии фронта, оккупации ими значительных территорий страны могло бы посеять панику среди населения и вселить сомнение в том, что Красная армия способна дать отпор врагу. В обстановке повышенной секретности сотрудники службы охраны Московского Кремля и органов безопасности вывезли в глубь страны ценности и архивы Кремля и тело В.И. Ленина из Мавзолея.

Важными мероприятиями стали маскировка Кремля и центра города и проверка их эффективности. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в архивах доклады коменданта Кремля Н.К. Спиридонова руководству страны о разрушениях важнейших объектов столицы в результате бомбардировок. Благодаря принятым мерам по маскировке, за всю войну Москва пострадала гораздо меньше столиц других европейских государств.

Незабываемым событием стал исторический парад советских войск в Москве 7 ноября 1941 г. Обеспечением безопасности подготовки и проведения парада занимались отечественная контрразведка, подразделения охраны и другие оперативные службы НКВД СССР. Некоторые ранее неизвестные детали проведения парада на Красной площади стали известны благодаря опубликованным документам из Центрального архива

ФСБ России, в частности, сводкам о времени начала и окончания парада, о чем имеются противоречивые свидетельства. В числе участников парада были сотрудники и бойцы подразделений и войск НКВД. Дирижировал сводным оркестром на Красной площади дирижер оркестра Высшей школы НКВД СССР полковник В.И. Агапкин, написавший знаменитый марш «Прощание славянки».

В критические для судьбы столицы дни по прямому указанию Генерального штаба Красной Армии и командующего Западным фронтом Жукова диверсионные подразделения органов безопасности заминировали ближние и дальние подступы к Москве, а подразделения ОМСБОН НКВД СССР активно помогали ликвидировать немецких мотоциклистов и бронетранспортеры, прорвавшиеся через Москву реку в районе аэропорта Шереметьево.

По просьбе Г.К. Жукова в тыл противника были выброшены несколько оперативных групп органов безопасности, перед которыми были поставлены задачи ведения разведывательной и диверсионной работы на главных коммуникациях противника. Необходимо было помешать перевозкам из немецкого тыла к фронту живой силы противника, боевой техники и боеприпасов и этим самым замедлить накопление противником необходимых ему сил и средств под Москвой, на направлениях Западного фронта. Г.К. Жуков дал положительную оценку деятельности оперативных групп 4-го управления НКВД СССР. Действуя в тылу противника они регулярно снабжали командование Западного фронта разведывательной информацией о силах и средствах противника, а также проводили диверсионные акции на транспортных коммуникациях¹⁴.

Оперативные группы и отряды органов безопасности комплектовались кадровыми сотрудниками разведывательных и контрразведывательных подразделений, военнослужащими пограничных войск и Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), кроме того, в них входили студенты и преподаватели высших учебных заведений Москвы, а также лучшие спортсмены (лыжники, легкоатлеты, боксеры, альпинисты) из «Динамо» и других спортивных обществ.

Командирами оперативных групп, направлявшимися в тыл противника, назначались, как правило, опытные сотрудники органов безопасности и офицеры войск НКВД. В отдельных случаях подбирались надежные и способные к выполнению сложных заданий жители Москвы. Так, в августе 1941 г. в тыл противника, на территорию оккупированной Смоленской области, убыла разведывательная группа «Мария», командиром которой был преподаватель политэкономии МГУ Я.С. Кумаченков. В октябре 1941 г. в тыл противника на временно оккупированную территорию Московской и Тульской областей отправилась оперативная группы «Анисим», командиром которой был директор транспортно-экспедиционной конторы треста «Мосжилснаб» А.И. Воропаев.

Готовясь к оборонительным боям, уже в июле 1941 г. во всех районах г. Москвы и Московской области УНКВД были сформированы истребительные батальоны численностью в 28,5 тыс. человек. Для комплектования истребительных батальонов привлекались работники УНКВД, а также добровольцы из аппарата СНК, Наркомфина, Наркомпищепрома РСФСР, Промакадемии, Радиокомитета, московских часовых заводов, типографии «Красный пролетарий» и многих других предприятий и организаций.

26 августа 1941 г. в УНКВД по Московской области был создан 4-й отдел, задачей которого являлось создание разведывательно-диверсионных резидентур и организация партизанской войны.

В сентябре была создана диверсионная школа НКВД, которая располагалась в Московской области – сначала в поселке Северском под Коломной, а потом в поселке Вешняки близ Покрова. В течение 10-20 дней в школе проводилась подготовка диверсионных групп, которые направлялись в тыл противника. В течение сентября-октября 1941 г. в школе было проведено три выпуска курсантов в количестве 455 человек, сведенных в 76 диверсионных групп. Большая часть этих диверсионных групп была придана партизанским отрядам, действовавшим на территории Московской области, остальные группы действовали самостоятельно в тылу противника¹⁵.

В первые дни Московского сражения в октябре 1941 г., когда противник продвигался к Москве, 4-м отделом УНКВД из истребительных батальонов и сотрудников УНКВД Московской области был сформирован истребительный мотострелковый Московский полк с подчинением УНКВД Московской области. Полк оказал существенную помощь частям Западного фронта. Остальные истребительные батальоны УНКВД Московской области, находившиеся в зоне фронта, были переданы в распоряжение командования Красной армии.

Лучшая часть личного состава истребительных батальонов, прошедшая специальную подготовку в школе, возглавляемая оперативным составом УНКВД Московской области, в ноябре-декабре 1941 г. была направлена в захваченные противником районы Московской области для выполнения специальных заданий по истреблению оккупантов, дезорганизации тыла и помощи местным партизанским отрядам. Всего в этот период УНКВД Московской области было подготовлено к переброске 7,5 тысяч человек, из которых 5,5 тысяч перешли линию фронта и действовали в тылу врага. В короткий срок они уничтожили свыше 2 тысяч солдат и офицеров противника, взяли в плен 3 офицеров и уничтожили: 30 танков и бронемашин, 64 грузовых и 15 штабных автомашин и 27 мотоциклов. За этот же период было взорвано 5 мостов, минировано 11 дорог, повреждено 400 линий телеграфно-телефонной связи. Кроме того, в период наступления частей Красной Армии в Подмосковье (декабрь 1941 г.– январь 1942 г.) специальными группами было освобождено от войск противника 14 населенных пунктов. Успешная операция, в которой участвовали разведывательно-

диверсионные отряды УНКВД Московской области под общим командованием В.А. Карасева, была проведена 24 ноября 1941 г. по разгрому штаба 12-го армейского корпуса немцев в Угодском Заводе. В ходе боя были уничтожены отделение гестапо, часть штаба, узел связи и склад горючего. Об этой операции по линии ГКО Жуков доложил И.В. Сталину. 29 ноября в вечернем сообщении советского Информбюро было рассказано о большом успехе партизан¹⁶.

Разведчиками 4-го отдела УНКВД Московской области добывались ценные сведения, которые передавались командованию частей и соединений Красной армии. В частности, был установлен аэродром противника близ деревни Ватутино Можайского района. На основании разведывательной информации советская авиация разбомбила его, уничтожив 40 самолетов, провела бомбардировку штаба армейского соединения, артиллерийского склада, радиостанции и военного госпиталя противника в гор. Можайске.

Контрнаступление частей и соединений Красной Армии под Москвой оказалось полной неожиданностью для немецкого военного командования. Органы военной контрразведки совместно с командованием Красной армии сумели сохранить в тайне проведение мобилизационных мероприятий по сосредоточению резервных армий для будущего контрнаступления под Москвой. Начальник Особого отдела НКВД Западного фронта регулярно информировал командование фронта о предпосылках к разглашению военной тайны военнослужащими Красной армии. По информации особых отделов командование частей и соединений Красной армии принимались меры по предупреждению утечки информации, маскировке и зашифровке перемещения войск¹⁷.

Архивные документы свидетельствуют, что за годы войны по линии НКВД–НКГБ СССР за линию фронта в составе оперативных групп было направлено около 15 тысяч оперативных работников. 23 из них стали Героями Советского Союза. В архивных делах на оперативные группы и отряды органов безопасности, направлявшиеся в период войны в тыл противника, имеются списки участников групп и отрядов, боевые характеристики, информационные сообщения о боевой и оперативной работе. Их имена навсегда вписаны в историю отечественных органов безопасности.

В отдельном фонде Центрального архива ФСБ России сосредоточены материалы Управления коменданта Московского Кремля за 1941–1945 гг.: приказы по личному составу, охране зданий Кремля, акты о причиненных разрушениях зданиям и сооружениям Московского Кремля во время налетов вражеской авиации; документы об обеспечении безопасности парадов 7 ноября 1941 г. и парада Победы 24 июня 1945 г.; ремонте Мавзолея В.И. Ленина, кремлевских звезд, реставрации Большого Кремлевского Дворца, соборов Кремля, справка о салютах, произведенных на территории Московского Кремля.

Документы, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России, свидетельствуют, что отечественные спецслужбы, перехватив инициативу врага, сумели создать надежную систему контрразведывательного обеспечения операций советских войск, серьезные оперативные позиции в его армейских разведывательных структурах, школах по подготовке агенты, организовать диверсионную деятельность в тылу противника. О мужестве и верности своему долгу сотрудников НКВД–НКГБ СССР, проявленных вгоды войны, свидетельствует значительное количество приказов о поощрении и награждениях. В длительной и упорной борьбе с таким серьезным противником, как спецслужбы Германии, отечественные органы государственной безопасности в конечном итоге одержали победу.

¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. К-1 ос. Оп. 10. Д. 139. Л. 45.

² Судоплатов Павел Анатольевич (1907-1996), начальник Особой группы НКВД СССР (июль-октябрь 1941), начальник 2-го отдела НКВД СССР (октябрь 1941– январь 1942); начальник 4-го управления НКВД СССР (1942–1943); начальник 4-го управления НКГБ СССР (1943–1946); начальник 4-го управления МГБ СССР (1946–1947).

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. – М.: Русь, 2000. – С. 186–187; Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. – М.: ТОО «Гея», 1996. – С. 149.

⁴ Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М.: Издательский дом «Звоница-МГ», 2002. 480 с.

⁵ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. – М.: Русь, 2000. – С. 77–79.

⁶ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. – М.: Русь, 2000. – С. 183–184.

⁷ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. – С. 211–212.

⁸ Взрывчатка, заложенная в помещения радиостанций № 2 и № 3, самопроизвольно взорвалась в 1941 и 1942 гг. Мероприятия по разминированию, которые готовились к уничтожению в соответствии с «Московским планом» объектов проводились с декабря 1941 года и были закончены в марте 1945 г. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 50. Л. 401–402; Оп. 9. Д. 103, Л. 10–12.

⁹ См.: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М.: Издательский дом «Звоница-МГ», 2002. – С. 73–74.

¹⁰ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 2. – М.: Русь, 2000. – С. 227.

¹¹ См.: ЦОА ФСБ России. Ф. К-1 ос. Оп. 6. Д. 84. Л. 28-36; Ф. РДР. Д. № 20463. Т. 1. Л. 6.

¹² См.: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М.: Издательский дом «Звоница-МГ», 2002. – С. 12, 64–67.

¹³ См.: Шумилин Б. Москва и москвичи – партизанскому движению // Москва и москвичи – партизанскому движению Великой Отечественной войны: Сборник материалов. – М.: «Атлантида – XXI век», 2000. – С. 31.

¹⁴ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 4-ос. Оп. 4. Д. 27. Л. 155-156.

¹⁵ Крим К. Приключения дерзких и неуловимых // Совершенно секретно. № 7, июль 2006 г.

¹⁶ См.: Чекисты на защите столицы. – М., – С. 11, 12, 76.

¹⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 10. Д. 100. Л. 74–77, 228–233.

ОСОБАЯ ГРУППА НКВД СССР – 4 УПРАВЛЕНИЕ НКВД–НКГБ СССР

*Тезисы доклада на Всероссийской научной конференции
«Народ и армия в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов»
г. Москва, 27 мая 2009 г.*

Характерное для сегодняшнего дня новое обращение к истории Великой Отечественной войны обусловлено объективным процессом открытия отечественных архивов. В ряде случаев изучение подлинных документов меняет традиционно сложившиеся подходы в освещении проблем минувшей войны. Одной из актуальных проблем историографии Великой Отечественной войны стало исследование участия советских органов государственной безопасности в партизанском движении на временно оккупированной территории СССР.

В Центральном архиве ФСБ России хранятся еще недостаточно изученные документы периода Великой Отечественной войны по этой проблеме. Несмотря на то, что с начала 60-х годов XX века по сегодняшний день опубликовано значительное количество трудов¹, а этот вопрос постоянно находится в поле зрения отечественных историков², его нельзя считать изученным в полной мере. Именно поэтому возрастает роль привлекаемых исследователями архивных документов. Некоторые из них опубликованы³, но значительную часть еще предстоит ввести в научный оборот.

Центральный архив ФСБ России хранит важные и ценные документы о действиях разведывательно-диверсионных резидентур и партизанском движении в годы Великой Отечественной войны. В Центральном архиве ФСБ России имеется около 2 тысяч дел бывшего 4-го Управления НКВД–НКГБ СССР, где сосредоточены материалы как центральных органов управления организацией и деятельностью партизанских отрядов, так и документы отдельных оперативных групп и отрядов. Здесь представлены итоговые сведения о деятельности групп в тылу противника, справки, списки и другие документы по личному составу, переписка с ГРУ и командованием фронтов и армий, сообщения в ГКО, Генштаб, в партийные и другие инстанции.

В годы Великой Отечественной войны зафронтная работа была важным участком оперативной деятельности органов безопасности. Перед

работниками органов безопасности, оставленными в тылу противника, в качестве одной из главных ставилась задача создания партизанских отрядов и боевых групп. Отечественные органы безопасности внесли свой достойный вклад в достижение победы над фашистской Германией. В военное время проявились лучшие качества работников спецслужб: отвага, верность долгу, эффективность их действий по внедрению в агентурную сеть и систему разведывательно-диверсионных структур противника.

Перед органами безопасности стояла сложная задача контрразведывательного обеспечения перестройки экономики страны и оказания содействия государственным органам в реализации военно-хозяйственного плана. В условиях активной диверсионной и шпионской деятельности фашистских спецслужб органы советской контрразведки осуществляли меры по противодиверсионному ограждению объектов промышленности, транспорта и связи, организации надежной охраны государственной и военной тайны. В годы Великой Отечественной войны сотрудники органов государственной безопасности принимали непосредственное участие в больших и малых сражениях, они оберегали оперативные планы советского командования, добывали важную разведывательную информацию о крупнейших наступательных операциях вермахта, дезинформировали противника по политическим, военным и разведывательным вопросам. Диверсионно-разведывательные группы сотрудников органов безопасности в тылу врага выводили из строя железнодорожные коммуникации, крупные военные и промышленные объекты.

Комплекс архивных материалов бывшего 4-го Управления НКВД – НКГБ, хранящийся в Центральном архиве ФСБ России, условно можно разделить на несколько групп:

Во-первых, следует сказать о нормативно-распорядительных документах НКВД-НКГБ СССР о создании и реорганизации органов управления партизанской войной и зафронтовой работой, в том числе приказы о создании Особой группы НКВД, 2-го отдела НКВД и 4-го Управления НКВД СССР, а также приказы о создании оперативных групп и 4-х отделов территориальных органов госбезопасности. Особая группа с первых дней своего существования приступила к формированию оперативных групп и специальных отрядов, предназначенных для заброски в глубокий тыл противника. Первые оперативные группы и отряды ушли в тыл противника уже в июльские дни 1941 г.

Вторую группу составляют документы делопроизводства Особой группы НКВД СССР – 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР, содержащие обобщенные сведения о результатах деятельности зафронтовых групп и партизанских отрядов, отчетные документы, представленные руководству НКВД-НКГБ СССР, документы отдельных групп и отрядов со сведениями по личному составу.

Органы госбезопасности за период войны организовали 1848 партизанских отрядов, из них 190 отрядов были подготовлены непосредственно 4-м Управлением НКВД-НКГБ СССР. Некоторые из оперативных групп, заброшенных в тыл противника, со временем преобразовались в крупные партизанские соединения.

Третью группу составляют анкеты и автобиографии участников партизанских отрядов, представления к наградам, наградные листы, многочисленные, но чрезвычайно ценные фотографические материалы.

В качестве еще одной группы можно рассматривать документы о радиоиграх. Высокоэффективными стали радиоигры по дезинформированию противника, проведенные с февраля 1942 г. и до конца войны, когда были успешно реализованы операции «Монастырь» и «Березино», в ходе которых по согласованию с Генеральным штабом РККА дезинформация военного и политического характера успешно передавались немецкому военному командованию.

Отдельную подборку документов составляют материалы по радиосвязи с использованием отечественных («Сокол», «Белка-2») и захваченных у противника станций. Диапазон связи, как видно из материалов, был очень большой: от Парижа (не исключались выходы в глубокий тыл) до Московской области.

В составе материалов бывшего 4-го Управления имеются многотомные дела на конкретные спецгруппы, а также документальные данные, собранные по какой-либо оккупированной области в результате работы зафронтовых разведчиков и связных. Здесь содержатся сведения о положении на захваченных фашистами территориях, оккупационном режиме, о предателях, пособниках оккупантов и др.

В архивных делах на партизанские группы и отряды, направлявшиеся центральными органами НКВД-НКГБ СССР в тыл противника, имеются списки участников групп и отрядов, боевые характеристики и все информационные сообщения о боевой и оперативной работе. Хранятся дела на отряды «Митя» и «Победители», действовавшие под командованием Д.Н. Медведева. В документах дела «Форт» имеются сведения о группе В.А. Молодцова в городе Одессе, в деле «Маршрутники» – о группе В.А. Лягина в городе Николаеве, отрядах Ф.Ф. Озмителя, Б.Л. Галушкина, Н.А. Прокопюка, М.С. Прудникова, В.А. Карасева и многих других. Их имена навсегда вписаны в историю отечественных органов безопасности.

Интересный материал содержат небольшие по объему дела (не более 170 листов, а большинство в пределах 30), содержащие оперативные задания сотрудников, направлявшихся в тыл врага, их легенды, планы мероприятий, личные документы. Всего 150 листов, в частности, в деле на Пауля Зиберта, «Колониста», известного разведчика-героя Николая Ивановича Кузнецова.

В группу секретного делопроизводства 4-го Управления входят трофейные документы, а также специальные издания закрытого характера, поступившие из НКВД и ГРУ. В одной из коллекций Центрального архива ФСБ России хранятся материалы «Московского плана», включавшего в себя мероприятия по созданию на территории Москвы организованного подполья, складов с оружием и боеприпасами, подпольных радиостанций, а также проведение минирования и ликвидации некоторых объектов в случае овладения столицы советскими войсками.

Настоящей кузницей кадров для разведывательно-диверсионных формирований органов безопасности стала Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР, сформированная в октябре 1941 г. и подчиненная Особой группе НКВД СССР.

Бригада создавалась, как специальное соединение Вооруженных сил СССР, предназначенное для выполнения особых заданий Верховного командования и НКВД СССР на фронте и, главным образом, в тылу противника. В состав ОМСБОН входили два мотострелковых полка, а также специальные подразделения (саперно-подрывная рота, авторота, рота связи, отдельный взрывной отряд специального назначения). В командный состав бригады входили опытные сотрудники органов безопасности, преподаватели, выпускники и слушатели Высшей школы НКВД СССР и пограничных училищ НКВД, военнослужащие пограничных войск, а также офицеры пограничных и внутренних войск, имевшие опыт диверсионной деятельности. Рядовой состав ОМСБОН комплектовался добровольцами из числа молодежи Москвы и Московской области, студентов и преподавателей московских институтов, военнослужащих войск НКВД.

Местом формирования бригады стал Центральный стадион «Динамо», в Москве. Численность ОМСБОН достигала 25 тысяч человек, из них 2 тысячи бойцов составляли иностранцы, рекомендованные исполкомом Коминтерна – политические эмигранты, находившиеся в Советском Союзе, многие из которых имели боевой опыт, приобретенный в Испании. В бригаде было свыше 800 спортсменов, заслуженных мастеров спорта, известных тренеров и спортсменов: лыжников, конькобежцев, легкоатлетов, боксеров, борцов (чемпионов СССР, Европы и мира).

Материалы бывшего 4-го Управления НКВД-НКГБ СССР имеются не только в центре, но и в территориальных органах, в бывших республиках СССР.

Если говорить о материалах 4-го Управления, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России, то все они подвергнуты научному описанию, имеется научно-справочный аппарат (тематически учтенные дела и документы, с указанием фамилий проходящих по ним лиц).

Большинство документов, составляющих массив дел, о которых шла речь, до настоящего времени не рассекречено, т.к. они раскрывают методику и практику зафронтальной работы. Рассекречены многие факты и фамилии,

личные документы, дневники, все основные и содержательные документы, за исключением сведений о практике оперативной работы, что оправдано с точки зрения здравого смысла и действующего законодательства.

Архивные документы свидетельствуют, что за годы войны по линии НКВД-НКГБ СССР за линию фронта в составе оперативных групп было направлено около 15 тыс. оперативных работников. 23 из них стали Героями Советского Союза. Подразделения 4-го Управления и ОМСБОН уничтожили в общей сложности свыше 150 тыс. гитлеровцев, ликвидировали 87 высокопоставленных нацистских чиновников, разоблачили и обезвредили более двух тысяч агентурных групп противника.

Велики были жертвы в рядах разведывательно-диверсионных резидентур, оставленных на временно оккупированной территории, среди партизан-подпольщиков. 12 тыс. оперативных работников, бойцов спецподразделений органов безопасности сложили головы на полях сражений, в боях с карателями, в лесах Белоруссии, Брянщины, на Украине и Прибалтике, в застенках гестапо и сигуранцы, в ходе разведывательно-диверсионных рейдов на территории врага, в советском тылу при проведении операций по захвату вооруженной агентуры.

Документы Центрального архива ФСБ России подтверждают вывод о том, что отечественные спецслужбы сумели создать надежную систему контрразведывательного обеспечения операций советских войск, серьезные оперативные позиции в разведывательных структурах противника, наладить действенные каналы продвижения дезинформации.

О мужестве и верности своему долгу сотрудников НКВД-НКГБ СССР, проявленных в годы войны, свидетельствует значительное количество приказов о поощрении и награждениях. В длительной и упорной борьбе с таким серьезным противником, как спецслужбы Германии, отечественные органы государственной безопасности в конечном итоге одержали победу.

¹ См. библиографию: *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. – М., 2003.

² См.: *Цветков А.И.* Участие органов госбезопасности в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны// Исторические чтения на Лубянке. – М., 2000; *Попов А.Ю.* Партизанская разведка в годы Великой Отечественной войны.// Исторические чтения на Лубянке. – М., 2000; *Галицкий В.П.* Зафронтная работа – важнейшее направление деятельности органов военной контрразведки в период Великой Отечественной войны (1841–1945)// Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. – М., 2008. и др.

³ См. напр.: *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов.* Т. 1–5. – М., 1995–2008.

РАЗВЕДЧИКИ И ДИВЕРСАНТЫ В ТЫЛУ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК

*Статья в журнале «Родина»
2007 г. № 5*

В первые дни Великой Отечественной войны немецкие войска быстро продвигались в глубь советской территории. Необходимо было организовать эвакуацию в тыл страны большого количества промышленных предприятий и населения, требовалось принять неотложные мобилизационные и оперативно-розыскные меры по поддержанию высокой организованности и дисциплины на фронте и в тылу. В отечественных органах безопасности на первое место выходили вопросы добывания разведывательной информации о планах и замыслах немецкого военного командования.

Части и соединения Красной армии и войск НКВД СССР вели тяжелые оборонительные бои, постепенно отступая в глубь страны. К середине июля фашистские войска захватили Латвию, Литву, значительную часть Белоруссии, Украины и Молдавии, города Псков, Львов, Ригу, Минск и другие крупные города в Белоруссии, Украине и Прибалтике.

Для того чтобы помешать продвижению частей и соединений вермахта, сорвать их бесперебойное снабжение оружием и боеприпасами, техникой и личным составом, необходимо было в короткие сроки подготовить и направить в тыл противника специально подготовленные оперативные группы и отряды, которым предстояло развернуть разведывательно-диверсионную деятельность в тылу противника, в первую очередь на коммуникациях.

В этих целях 5 июля 1941 г. была создана Особая группа НКВД СССР, начальником которой был назначен П.А. Судоплатов¹. На Особую группу были возложены задачи по разработке и проведению разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии, организации подполья и партизанской войны, созданию нелегальных резидентур на оккупированной территории².

На начальном этапе организация разведывательно-диверсионной деятельности органов безопасности столкнулась со значительными трудностями, которые были вызваны просчетами высшего руководства

страны в предвоенный период. В СССР во второй половине 1930-х годов была разработана доктрина наступательной войны на чужой территории, которая не предусматривала создание разведывательно-диверсионных и партизанских отрядов, заблаговременного устройства для них опорных баз. В связи с этим была прекращена подготовка кадров, способных организовывать и проводить разведывательно-диверсионные операции в тылу противника. Одновременно с этим в результате политических репрессий накануне войны были расстреляны или оказались в исправительно-трудовых лагерях многие специалисты партизанской и диверсионной работы.

Судплатов предпринял энергичные меры по возвращению на службу профессионалов разведывательно-диверсионной работы. В этих целях он разыскивал в исправительно-трудовых лагерях бывших сотрудников органов безопасности и с помощью начальника 1-го Спецотдела НКВД СССР Баштакова³ возбуждал ходатайства перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР, о досрочном освобождении и снятии судимости с бывших работников НКВД, которых предполагалось использовать для работы в тылу противника⁴.

В июле-декабре 1941 г. была собрана информация и доложена руководству НКВД СССР по каждому сотруднику органов безопасности, осужденному в предвоенные годы и отбывавшему наказание в исправительно-трудовых лагерях. Были составлены ходатайства на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина об освобождении из заключения сотен сотрудников органов безопасности⁵.

Материалы, поступившие из НКВД СССР, рассматривались в Комиссии при Президиуме Верховного Совета СССР по рассмотрению заявлений о помиловании, где готовились соответствующие предложения. После принятия Президиумом Верховного Совета решения о помиловании со снятием судимости и досрочном освобождении из мест заключения, сотруднику немедленно вручались проездные документы и предписание прибыть в распоряжение соответствующего руководителя органов безопасности⁶.

На Особую группу были возложены задачи по разработке и проведению разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее союзников, организации подполья и партизанской войны, созданию разведывательно-диверсионных резидентур на оккупированной территории, руководства радиоиграми с немецкой разведкой.

На основе решений ЦК компартий союзных республик, обкомов, горкомов и райкомов партии в июле 1941 г. в прифронтowej полосе было создано 1700 истребительных батальонов по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника общей численностью 328 тысяч человек. В истребительные батальоны, численность которых была от 100 до 200 человек, подбирали проверенных, смелых и самоотверженных людей, способных владеть оружием, без отрыва их от постоянного места работы. Кроме

борьбы с парашютными десантами истребительные батальоны несли охрану промышленных предприятий, железнодорожных станций, осуществляли патрулирование в населенных пунктах, выполняли различные оперативные задачи органов безопасности и внутренних дел. В случае угрозы оккупации территории противником истребительные батальоны преобразовывались в партизанские отряды.

В целях координации деятельности истребительных батальонов и обеспечения успешной борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе на основании приказа НКВД СССР от 25 июля 1941 г. № 00804 в Наркомате внутренних дел был образован штаб, а в НКВД-УНКВД по Калининской, Ленинградской, Мурманской Ростовской областям, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эстонской, Литовской, Латвийской и Молдавской ССР, Крымской АССР, Краснодарскому краю и западной части Грузинской ССР – оперативные группы. Начальниками истребительных батальонов назначались опытные оперативные сотрудники органов безопасности⁷.

Расширение масштаба боевых действий на территории СССР, увеличение территорий, оккупированных противником потребовали дальнейшего совершенствования организации боевой деятельности истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп. В этих целях 25 августа 1941 г. был издан приказ № 001151, в соответствии с которым оперативные группы НКВД-УНКВД республик, краев и областей по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе были реорганизованы в 4-е отделы НКВД-УНКВД. На вновь созданные подразделения были возложены задачи повседневного руководства организацией истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп и их боевой деятельностью, организации связи с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с партизанскими отрядами и диверсионными группами, находившимися в тылу противника, организации агентурной и войсковой разведки в тылу противника и мест переправы партизанских отрядов, обеспечение партизанских формирований оружием, боеприпасами, техникой, продовольствием и одеждой⁸.

В октябре 1941 г. было сформировано войсковое соединение подчиненное Особой группе – Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР. В состав ОМСБОН входили два мотострелковых полка, а также специальные подразделения (саперно-подрывная рота, авторота, рота связи, отряды спецназначения). В командный состав входили опытные оперативные работники органов безопасности, а также офицеры пограничных и внутренних войск, преподаватели и слушатели Высшей школы НКВД, других учебных заведений НКВД. Так, командирами батальонов были участники войны в Испании Н.А. Проклюк, С.А. Ваушпасов⁹. Личный состав ОМСБОН комплектовался

добровольцами – военнослужащими НКВД, спортсменами, студентами и преподавателями московских институтов, лицами, владевшими иностранными языками. Бригада создавалась как специальное подразделение, предназначенное для выполнения особых заданий Верховного командования, главным образом в тылу врага.

Численность ОМСБОН достигала 25 тысяч человек, из них 2 тысячи бойцов составляли иностранцы, рекомендованные исполкомом Коминтерна - политические эмигранты, находившиеся в Советском Союзе, многие из которых имели боевой опыт, приобретенный в Испании. В бригаде было свыше 800 спортсменов, заслуженных мастеров спорта, известных тренеров и спортсменов: лыжников, конькобежцев, легкоатлетов, боксеров, борцов. В конце августа 1941 г. руководство Особой группы НКВД и командование бригады приступили к формированию специальных (оперативных) групп и отрядов, которые после прохождения подготовки направлялись в тыл противника.

Подбору и изучению кандидатов в разведывательно-диверсионные группы придавалось важное значение. Рассматривались сотни рапортов кандидатов о включении их в отряды для направления за линию фронта и выполнения спецзаданий. Особое внимание уделялось подбору командиров групп, которыми назначались как правило кадровые сотрудники органов безопасности и офицеры пограничных войск, имевшие опыт разведывательно-диверсионной работы и обладавшие необходимыми личными качествами для руководства боевыми коллективами в тылу врага. П.А. Судоплатов требовал, чтобы в группы и отряды, готовившиеся к переброске в тыл противника, обязательно включались сотрудники, имевшие опыт разведывательной и контрразведывательной работы. Они назначались заместителями командира группы по разведке и контрразведке¹⁰.

Оперативные группы комплектовались проверенными сотрудниками органов безопасности и внутренних дел, солдатами, сержантами и офицерами пограничных и внутренних войск НКВД, частей и подразделений Красной армии, а также лицами, прошедшими специальную подготовку в учебных заведениях органов безопасности. Особое внимание обращалось на физическую подготовленность участников групп, их родственные и иные связи за линией фронта, знание ими обстановки в районах предстоящих действий. Численный состав оперативных групп, их вооружение и оснащение определялись конкретными задачами, поставленными перед ними, условиями, в которых им предстояло действовать. Численность оперативных групп могла составлять от 3 до 20 человек, снабженных оружием, минно-подрывной техникой, документами прикрытия, материально-техническими средствами для работы в тылу противника и средствами связи.

Командирами оперативных групп и отрядов назначались, как правило, сотрудники органов безопасности и внутренних дел, офицеры пограничных войск, имевшие опыт разведывательной и диверсионной работы. Многие

их них были участниками войны в Испании. Нехватка подготовленных командиров разведывательных и диверсионных групп, направлявшихся в тыл противника, заставила искать нестандартные решения. В отдельных случаях на должность командиров разведывательных групп стали подбирать и назначать лиц, имевших реальные возможности для выполнения сложных заданий и изъявивших твердое добровольное желание идти в тыл противника. При этом обязательно учитывалось знание кандидатом местности в районе предстоявшего действия, его жизненный опыт, преданность советскому государству.

Первые оперативные группы и отряды ушли в тыл противника (на оккупированную территорию Белоруссии и Украины, в Орловскую, Курскую и Смоленские области) уже в начале августа 1941 г.

За период с 1 по 15 августа 1941 г. на территории Смоленской области было организовано и направлено в тыл противника 11 вооруженных отрядов общей численностью 404 человека. Один из оперативных отрядов под командованием Флегонтова¹¹, 2 августа убыл из Москвы в Вязьму. Вместе с этим отрядом убыла и разведывательная группа – «Мария» численностью три человека, имевшая самостоятельное задание. Командиром группы, легендированной под семью, был назначен преподаватель МГУ, уроженец Смоленской области - Я.С. Кумаченко (псевдоним – «Данила»), его помощником и шифровальщиком являлась «Мария» (по легенде – жена «Данилы»), их «сын» – «Яша» был 17 летний радист группы, подобранный сотрудниками Особой группы НКВД СССР.

Перед «Семьей» была поставлена задача, прибыв в Вязьму, поступить в оперативное подчинение находившегося там представителя НКВД СССР С.А. Клепова¹², осесть в тылу врага в Смоленске или в пригороде. Разведчикам было предписано осторожно, но лояльно относиться к приходу немцев, если поступит предложение работать на немецкую разведку, дать согласие на вербовку, используя это как прикрытие своей разведывательной деятельности. Сбор информации, на территории занятой противником, необходимо было осуществлять методом визуального наблюдения и передавать ее по рации. Сводки должны быть короткими и точными. Для связи с центром у группы была радиостанция, питание которой было рассчитано на 36 передач по 10 минут каждая. Сеансы связи с центром были обусловлены по числам, кратным трём, в 3 часа ночи и 15 часов. В целях обеспечения безопасности разведчикам из группы «Мария» при любых обстоятельствах без пароля центра запрещалось связываться с партизанскими отрядами или подпольными парторганизациями, даже если с их стороны будут попытки установления связи.

Члены группы «Мария» добровольно изъявили желание идти в тыл врага и в течение августа, сентября и октября собирали разведывательную информацию в прифронтовой полосе, а 20 октября 1941 г. перешли линию фронта и до начала ноября находились в тылу противника. 6 ноября 1941 г.

группа «Мария» без потерь вернулась в Москву. Я.С. Кумаченко подготовил подробную докладную записку на имя П.А. Судоплатова, в которой подробно изложил информацию, собранную группой в тылу противника за период с 20 октября по 5 ноября 1941 г.

Сведения, собранные разведывательной группой представляли интерес для военного командования, а также и для разведывательно-диверсионных групп органов безопасности, готовившихся к направлению в тыл противника. За успешное выполнение поставленных задач в тылу противника указом Президиума Верховного Совета СССР Я.С. Кумаченко и члены группы «Мария» были награждены медалями «За боевые заслуги».

4,5 месяца продолжался рейд, главным образом по оккупированной Брянской области, отряда «Митя» (командир – Д. Медведев).

Первый опыт разведывательно-диверсионной деятельности оперативных групп и отрядов органов безопасности показал, что эффективные боевые и разведывательные действия в тылу противника во многом зависели от правильно выбранного способа переброски в тыл противника. При переходе линии фронта и продвижении в заданный район необходимо было учитывать не только сведения о гарнизонах немецкой армии, подразделениях немецкой разведки, контрразведки и полиции, но и географические особенности местности (наличие лесных массивов, водных преград, болот, гор, открытых местностей, транспортных магистралей, населенных пунктов), а также климатические условия (сильный мороз, весенняя распутица, полнолуние).

Основным способом переброски оперативных групп в 1941 г. первой половине 1942 г. был переход линии фронта (в зимнее время на лыжах). Так, оперативная группа «Местные», сформированная для работы на оккупированной противником территории Минской области, 5 марта 1942 г. в состав 23 человека, убыла на выполнение специального задания. До места дислокации группа проделала марш на лыжах свыше 600 км по пересеченной местности. 28 марта 1942 г. оперативная группы «Бывалые» в составе 21 человека была направлена в тыл противника в район города Витебска. Линию фронта группа также преодолела на лыжах.

Оперативная группа «Ходоки» в количестве 15 человек, сформированная для проведения разведывательно-диверсионной работы в тылу противника на временно оккупированной территории Украины, в ночь с 30 на 31 марта 1942 г. была выведена через линию фронта в районе г. Козельска. Группа, передвигаясь на лыжах по 40–50 км в сутки через густую сеть немецких гарнизонов и полиции, прибыла в заданный район.

3 апреля 1942 г. оперативная группа «Вперед» в количестве 30 человек вооруженная одним пулеметом и 22 карабинами, выдвинулась из Москвы на автомашинах к фронту. Ее задачей было дезорганизовать работу Гомельского транспортного узла, который представлял собой один из наиболее крупных узлов стратегического значения и активно использовался противником.

Прибыв к линии фронта 9 апреля, далее группа передвигалась пешим ходом по маршруту, разведанному своими силами. В распутицу, порой по пояс в талом снегу и воде, с вещмешками, тяжело нагруженными толом, подрывными приспособлениями, продуктами и личными вещами, в маскировочных халатах группа добиралась до заданного района. С апреля по июль 1942 г. группа прошла по оккупированной территории Брянской, Орловской и Могилевской областей и провела ряд успешных боевых операций на коммуникациях, уничтожив 2 самолета, 4 автомашины, подорвав 5 воинских эшелонов, разбив гарнизоны полиции в нескольких деревнях, 2 волостные управы, нанеся большой урон живой силе противника¹³.

Отсутствие сплошной линии фронта на Западном и Калининском фронтах, многочисленные разрывы на стыках воинских частей и в труднодоступных районах, позволяли оперативным группам и отрядам диверсантов незаметно проникать в тыл противника. Глубина фронта немецких армий не превышала 10 км, именно они и были самыми трудными для преодоления. На оккупированных территориях, за исключением крупных населенных пунктов, воинские части противника встречались редко. Вдоль железных и шоссейных дорог регулярные воинские части, как правило, почти не располагались, здесь находились лишь резервные и охранные подразделения. В случае необходимости появлялись карательные отряды по борьбе с партизанами и команды по изъятию продовольствия.

Преимущества сухопутного способа заброски заключались в возможности незаметного проникновения в глубь территории, занятой противником относительно больших отрядов. Для этого требовалось хорошее знание района предстоящих действий, расположения воинских частей противника, обстановки на конкретном участке фронта, умения ориентироваться и преодолевать водные преграды (реки и болота). Переходы линии фронта оперативными группами всегда были сопряжены с опасностью и риском. Порой они сталкивались с непредвиденными обстоятельствами, на их пути неожиданно возникали подразделения и части Красной армии, не имевшие информации о продвижении в тыл противника оперативных групп, и принимавших меры к их задержанию и разоружению. Из-за отсутствия точных разведывательных данных и обнаружения оперативных групп немецкими подразделениями, им приходилось прорываться с боем, нести значительные потери, изменять место или сроки перехода линии фронта. При выходе за линию фронта каждый боец отряда нес с собой личное оружие, боеприпасы и взрывчатку, запас продовольствия на десять дней, личное имущество и предметы первой необходимости. Общий вес снаряжения достигал 25-30 кг. Все это необходимо было переносить на себе по лесу, часто ночью (зимой на лыжах, по целине). Такую нагрузку могли выдержать только физически подготовленные люди.

С середины 1942 г. для переброски оперативных групп стал чаще прибегать к помощи авиации, что позволяло существенно расширить диапазон

их действия. Через несколько часов оперативная группа, доставленная самолетом, приземлившись на парашютах могла быть в глубоком тылу противника, в самых отдаленных уголках оккупированной территории. Эффективность использования воздушного транспорта зависела от квалификации пилотов, погодных условий, возможности совершать посадку на партизанских аэродромах, десантной подготовки разведчиков, их умения ориентироваться в незнакомой местности и выживать в экстремальных условиях. Обучение парашютному делу проходило на аэродромах во Внуково, Долгопрудном, Монино. Постепенно советские самолеты стали регулярно совершать посадки на партизанских аэродромах в тылу противника. Это позволяло не только быстро и удобно доставлять десантников и грузы, но и вывозить раненых, производить смену личного состава, вызывать в Москву для отчета и инструктажа командиров отрядов, забирать отдельных военнопленных, представлявших оперативный интерес, и ценные документы.

Водный путь, с использованием морского или речного транспорта, использовался в тех случаях, если линия фронта проходила по руслу реки, акватории моря, озера или водохранилища. Хорошее знание участков водной поверхности, рельефа побережья и мест расположения подразделений противника позволял незаметно высаживать оперативные группы в тылу противника.

Так, в августе 1941 г. оперативная группа 4 управления НКВД СССР «Братушки» в составе 23 человек двумя группами, была направлена на подводной лодке из г. Севастополя по Черному морю на территорию Болгарии. Высадка первой группы в составе 14 человек производилась 11 августа. Члены оперативной группы, высадившись с подводной лодки на пять резиновых лодок, пошли к болгарскому берегу. 8 человек вместе с командиром группы С Родионовым высадились на берег с трех резиновых лодок 3-4 километрах южнее устья реки Камчия. Из-за большого тумана в море 6 человек на двух других резиновых лодках отстали от основной группы и высадились на берег в другом месте и ушли в горы самостоятельно. Не найдя на берегу отставших, Родионов увел группу в горы. 14 августа 1941 г. эта группа остановилась в 30-35 км на запад от места высадки в районе с. Рудник, где организовала базу и установила связь по радиис с гор. Севастополь. 2-я группа во главе с Саби Димитровым прошла 150 км и к 31 августа прибыла в окрестности г. Сливен, где занялась организацией базы и поисками группы Родионова. 28 августа на болгарский берег высадились 3-я группа в составе 9 человек по командованием Георгия Янкова, доставленная на подводной лодке, которая 10 сентября группа прибыла в район г. Котел, пройдя 120 км по горам¹⁴.

Положительные результаты разведывательно-диверсионной работы в тылу противника привели к тому, что в октябре 1941 г. Особая группа была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР, который по-прежнему находился в непосредственном подчинении Л. Берии. Началь-

ником 2-го отдела НКВД назначили П.А. Судоплатова. Его задачами были формирование в районах, находившихся под угрозой оккупации противником разведывательно-диверсионных резидентур, подготовка и направление в тыл противника оперативных групп и отрядов с заданиями разведывательно-диверсионного характера, восстановление связи с проверенной агентурой органов безопасности, оставшейся на оккупированной территории, агентурное проникновение в разведывательные органы и школы противника¹⁵.

Начальный этап разведывательно-диверсионной деятельности органов безопасности характеризовался приобретением опыта методом проб и ошибок. Это было связано с тем, что во второй половине 1930-х годов в СССР была свернута работа по подготовке и использованию партизанских форм борьбы в войне. Инструкции и пособия по тактике партизанских действий были изъяты, проектирование, испытание и производство специальных технических средств для применения в тылу противника прекратилось, скрытые партизанские базы перестали закладываться, на военных учениях способы и формы партизанской борьбы не проверялись. Одной из причин игнорирования партизанских форм борьбы были установки, согласно которым исключалось ведение войны на своей территории. Все это привело к тому, что в 1941 г. в распоряжении военного командования и руководства отечественных органов безопасности не было достаточного количества подготовленных разведчиков, диверсантов, радистов и, самое главное, руководителей оперативных групп.

Одним из недостатков в организации подготовки отдельных агентов-диверсантов, оперативных групп и диверсионных отрядов, который был присущ в первый период войны, являлся слабый предварительный анализ районов и мест перехода линии фронта и выброски парашютного или водного десанта в тылу противника. Это приводило к неожиданным столкновениям с немецкими подразделениями, непредвиденным потерям, вынужденной смене намеченного района действий. Способы вывода оперативных групп в тыл противника, их деятельность в окружении, передвижение в тылу противника, выживание в экстремальных условиях разрабатывались ценой собственных ошибок.

Скоропалительная подготовка членов оперативных групп, ошибки при подборе кандидатов, некачественное изучение и проверка агентов и сотрудников, пренебрежение вопросами конспирации и обеспечения собственной безопасности привело к провалам и гибели сотрудников органов безопасности. Это стало возможным в результате агентурного проникновения спецслужб противника в советское подполье, а также предательства среди сотрудников разведывательно-диверсионных резидентур в Киеве, Николаеве и Одессе, что привело к захвату противником руководителей резидентур и их расстрелу. В самом начале войны в Киеве, Николаеве и Одессе, оккупированных войсками противника, на «глубокое оседание» были оставлены

разведывательно-диверсионные резидентуры во главе с сотрудниками органов безопасности: И. Кудрей, В. Лягиным и В. Молодцовым. Несмотря на то, что разведывательно-диверсионные резидентуры органов безопасности работали в условиях жесткого контрразведывательного режима, установленного германской полицией безопасности и СД, а также румынской сигуранцей они добывали и передавали в Центр важную разведывательную информацию, проводили диверсионные акции.

Разведывательно-диверсионная резидентура под руководством И. Кудри («Максима»), который находился на оккупированной территории с документами на имя сына священника, расстрелянного советской властью, провела в Киеве серию диверсионных акций. Группой «Максима» были взорваны немецкая военная комендатура, кинотеатр, где демонстрировался фильм для немецких солдат, мосты, эшелоны с немецкими войсками, устроены пожары на промышленных предприятиях. Одновременно в центр передавалась ценная разведывательная информация о немецких военных укреплениях в Киеве, дислокации немецких штабов и учреждений, разведывательные пункты абвера. Были получены сведения на более чем 80 немецких шпионов и диверсантов, заброшенных абвером на советскую территорию. 5 июля 1942 г. И. Кудря и несколько членов его резидентуры по доносу предателя были арестованы, в течение трех месяцев подвергались жестокому истязаниям и были казнены.

Разведывательно-диверсионная резидентура «Форт» под руководством В. Лягина, действовавшая в захваченном немцами Николаеве, передавала в центр важную разведывательную информацию, осуществила ряд крупных диверсий по уничтожению аэродрома, нефтебазы, складов, оборудования заводов и морских судов, причинивших оккупантам значительный ущерб в живой силе и технике. 5 февраля 1943 г. при выполнении очередного задания В. Лягин был схвачен гитлеровцами. На допросах вел себя мужественно, не смотря на пытки, членов разведывательно-диверсионной группы не выдал. 17 июля 1943 г. В. Лягин был расстрелян оккупантами.

В июле 1941 г. для оказания помощи местным органам безопасности в создании разведывательно-диверсионной резидентуры и формировании партизанских отрядов на случай оккупации города из Москвы в Одессу выехал сотрудник центрального аппарата НКВД капитан госбезопасности В. Молодцов. Сформировав разведывательно-диверсионную резидентуру, В. Молодцов возглавил ее, перешел на нелегальное положение (оперативный псевдоним – «Бадаев») и остался в оккупированной Одессе. Молодцовым при резидентуре было сформировано два партизанских отряда, один из которых постоянно находился в пригородных подземных катакомбах, периодически совершая выходы на поверхность для проведения диверсионных акций. Командиром отряда был назначен горный инженер А. Клименко. Второй отряд, под командованием бывшего председателя сельсовета А. Федоровича, состоявший из нескольких боевых групп,

действовал непосредственно в Одессе. Оба отряда были хорошо обеспечены вооружением и продуктами питания.

Особая группа НКВД СССР в сентябре 1941 г., анализируя деятельность УНКВД по Одесской области, пришла к выводу, что при создании агентурного аппарата для подполья были допущены ошибки нежелательной централизации, создающих предпосылки к провалам агентов. В качестве рекомендации было предложено «провести децентрализацию резидентур и агентурных групп. Оставить Молодцову не более двух-трех групп наиболее проверенных, надежных людей для выполнения операций по «Т» и разведывательной работы. Не расшифровывать их ни перед кем, даже перед работниками УНКВД, оставшимися в тылу. Агентов, оставляемых для работы на случай отхода советских войск необходимо было еще раз тщательно проверить»¹⁶.

В результате диверсионных акций проведенных по заданию Молодцова партизанским отрядом А. Клименко были взорваны: полотно железной дороги, несколько военных складов, аэродромных сооружений, ангаров, складов горюче-смазочных материалов, пущены под откос эшелоны противника. Разведывательная информация, собранная резидентурой Молодцова докладывалась в ГКО и разведывательное управление Генерального штаба Красной армии¹⁷.

Успешная разведывательно-диверсионная деятельность резидентуры Молодцова была прервана в начале февраля 1942 г. из-за предательства со стороны Федоровича, инициативно явившегося в румынскую службу безопасности. После того как представителям румынской спецслужбе стали известны место расположения резидентуры, ее структура и численность, они начали проводить массовые аресты. 8 февраля 1942 г. В. Молодцов вместе со связными убыл в город для проведения встречи с командованием партизанского отряда. На квартире бывшего командира партизанского отряда его ждала засада. В течение февраля- марта 1942 г. румынская контрразведка провела аресты почти всех членов партизанского отряда, действовавшего в Одессе. Оставшись без поддержки извне, а также в связи с арестом Молодцова, партизанский отряд, находившийся в катакомбах был деморализован. В течение четырех месяцев партизаны, находившись в блокированных катакомбах, не провели ни одной диверсионной акции. В связи с тем, что в конце мая закончилось продовольствие, было принято решение отдельными группами по несколько человек пробираться к Савранским лесам. Однако до намеченной цели никто не дошел. Большинство партизан попало в руки румынской контрразведки. В. Молодцов, находившийся в тюрьме около пяти месяцев, подвергался жестоким истязаниям, вел себя мужественно. В конце мая 1942 г. на показательном судебном процессе, организованном румынскими оккупационными войсками В. Молодцов и его связные Т. Межигурская и Т. Шестакова были осуждены к расстрелу. 3 июля 1942 г. В. Молодцов и Т. Межигурская были расстреляны¹⁸.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 г. капитану госбезопасности В. Молодцову было присвоено звание Герой Советского Союза. Орденами и медалями были отмечены многие члены его резидентуры и бойцы партизанских отрядов.

Для проведения специальной работы в тылу противника, а также организации и осуществления мероприятий по выводу из строя и уничтожения промышленных предприятий и других важнейших сооружений на территории, которая могла быть захвачена противником, 18 января 1942 г. 2-й отдел НКВД СССР был преобразован в 4-е Управление НКВД СССР¹⁹. Начальником Управления был назначен П.А. Судоплатов, заместителями: Н.Д. Мельников, В.А. Какучая, Н.И. Эйтингон.

Главное внимание при формировании 4-го Управления НКВД СССР уделялось укреплению его боевых структурных звеньев – оперативных групп и спецотрядов, зафронтовых разведывательно-диверсионных резидентур, а также расширению зоны их действий. Зафронтовые разведывательно-диверсионные резидентуры органов безопасности были выведены из городов, где германские спецслужбы установили жесткий контрразведывательный режим. Они стали действовать с баз, размещенных в лесах и горных массивах. Существенно повысило боеспособность и живучесть разведывательно-диверсионных резидентур, оперативных групп и спецотрядов, введение в их состав опытных сотрудников органов безопасности, на которых были возложены контрразведывательные функции, в первую очередь выявление агентов и пособников немецких спецслужб, а также проникновение в агентурные сети противника.

К концу 1942 г. на оккупированной территории Советского Союза и стран Восточной Европы, действовало 77 оперативных групп и отрядов, а к декабрю 1943 г. их число достигло 125, в их составе сражалось 7 тысяч 200 человек. Такие спецотряды как: «Победители», «Бывалые», «Местные», «Олимп», «Охотники», возглавляемые Д.Н. Медведевым, П.Г. Лопатиным, С.А. Ваупшасовым, В.А. Карасевым и Н.А. Прокопюком, превратились в крупные войсковые соединения.

Численность спецгруппы «Соколы», которой руководил вначале К.П. Орловский, а после его тяжелого ранения С.А. Никольский, действовавшей в тылу противника в течение почти двух лет изменялась незначительно от 10 до 22 человек. Основной задачей группы «Соколы», действовавшей в основном на территории Белоруссии в Ляховичском, Клецком, Бытенском и Барановичском районах Барановичской области, а также в Ганцевском районе Пинской области, Березовском и Ружанском районах Брестской области было обеспечение приема агентуры и разведывательных групп из Москвы и переправка их на запад. Поэтому в первую очередь была установлена конфиденциальные отношения с лицами, располагавшими возможностями свободно передвигаться по оккупированной немцами территории Белоруссии, а также создавались условия для негласной работы на окку-

пированной территории, подбирались конспиративные квартиры в крупных городах. Оперативные сотрудники спецгруппы «Соколы» вели подбор кандидатов, располагавших реальными возможностями для направления их в оккупированную Польшу, другие страны Восточной Европы и оседания там для ведения разведывательной работы, добывания информации военного, политического и экономического характера, об административно-правовом режиме на оккупированных территориях²⁰.

Важным направлением деятельности оперативных являлось проведение диверсионных акций, направленных на дезорганизацию работы железнодорожного транспорта, срыв регулярных перевозок в тылу противника.

Характер диверсионной деятельности оперативных групп на железных дорогах в тылу противника изменялся в соответствии с изменениями в обстановке на фронте. В первый период Великой Отечественной войны для органов безопасности сложились благоприятные условия по проведению диверсионных акций на железнодорожных коммуникациях, так как немецкое командование, исходя из планов «молниеносной войны» против Советского Союза, практически не предпринимало мер по охране железных дорог, надеясь на то, что успехи на фронтах обеспечат неприкосновенность дорог. Однако диверсионная деятельность оперативных групп на железных дорогах в этот период войны не получила широкого размаха. Органы безопасности не располагали необходимым количеством подрывников, чтобы их можно было включать в каждую группу, направляющуюся за линию фронта. Навыки минирования, приобретались на практике, в ходе борьбы в тылу противника. Оперативные группы, испытывая недостаток в подрывных средствах, были вынуждены изготавливать самодельные взрывные устройства, используя добытые у противника взрывчатые вещества, снаряды, мины, авиационные бомбы и т.д. Недостаточный опыт в подготовке и проведении диверсионных акций, слабое знание оперативной обстановки, отсутствие агентов на железнодорожных узлах и станциях, отрицательно сказывались на эффективности диверсионной деятельности органов безопасности. Диверсионные акты осуществлялись на железнодорожных коммуникациях и объектах противника без учета интересов командования советских войск.

Во второй период Великой Отечественной войны диверсионная деятельность оперативных групп на железных дорогах приняла широкий размах. Органы безопасности, получая более подробную информацию о положении на временно оккупированной советской территории, и, располагая информацией о противнике, стали планировать диверсионную деятельность оперативных групп. В 1943 г. была налажена регулярная подготовка подрывников для оперативных групп, увеличилось количество переправляемых за линию фронта взрывчатых веществ. Диверсионная деятельность оперативных групп на железных дорогах стала согласовываться с командованием Красной армии, по просьбе которого организовывалось проведение

диверсионных актов на той или иной магистрали. Особенно интенсивно диверсии на железных дорогах стали проводиться в августе-сентябре 1943 г., когда советские войска готовили и осуществляли крупные наступательные операции. В результате диверсий на железных дорогах была затрундена переброска немецких войск с северо-западного и западного стратегических направлений на юго-западное, нанесен серьезный урон противнику в живой силе, технике и вооружении. Только в 1943 г. было пущено под откос 1039 железнодорожных эшелонов с живой силой и боевой техникой противника, взорвано 220 железнодорожных и шоссейных мостов.

В 1943 г. более четким стало взаимодействие оперативных групп, которые действовали в тылу противника по линии четвертых подразделений, с партизанскими отрядами и соединениями. Для ведения разведывательной и контрразведывательной, боевой, диверсионной работы эти группы базировались в расположении партизанских соединений.

С развитием наступления советских войск оперативные группы, действовавшие в тылу противника, и зафронтая агентура, внедренная в немецко-фашистские разведывательные и карательные органы, в военизированные формирования противника, получили указание уходить вместе с отступавшими фашистскими войсками и на новом месте продолжать активную деятельность.

С приближением фронта к восточным границам Белоруссии и начавшимся осенью 1943 г. ее освобождением, органы безопасности значительно активизировали направление оперативных групп на оккупированную территорию. В январе 1944 г. перед оперативными группами, направленными за линию фронта были поставлены задачи к началу наступления 1-го Белорусского фронта провести серию диверсий на ж.-д. путях. За период с 17 января по 12 июля 1944 г. оперативные группы пустили под откос 79 эшелонов с живой силой и боевой техникой противника, уничтожили и повредили 4 бронепоезда, 96 паровозов, 577 вагонов²¹.

Опыт «рельсовой войны» был использован летом 1944 г. В ночь на 20 июня оперативные группы и партизанские отряды провели ряд диверсионных акций, в результате которых были выведены из строя почти все железные дороги Белоруссии, подорваны и пущены под откос около 280 немецких эшелонов. За период деятельности за линией фронта бойцами спецотряда «Олимпа» в результате диверсий было пущено под откос 56 эшелонов с живой силой и техникой противника, разбиты и повреждены: 61 паровоз, 429 вагонов, взорвано и сожжено 27 мостов, уничтожено 7 самолетов, 355 танков и автомашин, разрушено 5 200 м ж.-д. путей, 5 700 м телефонной и телеграфной сети²².

Активно вела диверсионную деятельность на железных дорогах и коммуникациях противника спецгруппа «Соколы» и созданный при ней партизанский отряд «Орловцы». С января 1943 г. по июль 1944 г. было подорвано 16 эшелонов противника, разбито и выведено из строя 16 паровозов,

111 железнодорожных вагонов и платформ, в том числе: 16 – с танками; 11 – с боевой техникой; 9 – с боеприпасами; 8 цистерн с бензином; 10 – с автомашинами; 19 – с лесоматериалами; 13 – с живой силой – 13; 4 – с запасными частями; 3 – с продовольствием. Было подорвано, разобрано и унесено 3,5 км рельсов на узкоколейке Барановичи – Кривошин, подорвано на ж.-д. магистралях 759 штук рельс. Уничтожено на железной дороге 90 км телефонной и телеграфной связи и 9 км на шоссежных дорогах²³.

За полтора года нахождения в тылу противника с апреля 1942 г. по октябрь 1943 г. оперативная группа «Вперед» в результате проведения диверсионных акций пустила под откос 101 воинский эшелон, при этом уничтожив 77 паровозов, 1180 вагонов, платформ и цистерн, 59 755 м ж.-д. путей²⁴.

Активная диверсионная деятельность органов безопасности за линией фронта отвлекла значительные силы и средства противника на охрану железных и шоссежных дорог, военных и промышленных объектов. Так, перед началом наступления советских войск в Белоруссии летом 1944 г. почти все оперативные резервы немецкого командования в полосе группы армий «Центр» были выделены на охрану тыла и борьбу с партизанами. Когда началось наступление советских войск, эти резервы, скованные активными действиями партизанских формирований и оперативных групп, не могли своевременно выдвинуться на угрожаемые направления.

Диверсии, проводимые оперативными группами органов безопасности на военных и промышленных объектах, в административных учреждениях осуществлялись путем взрывов и поджогов. Способы совершения диверсионных актов зависели от вида взрывных устройств, надежности охраны объектов, наличия на них агентов оперативных групп, а также от характера карательных акций, которые могут последовать со стороны немецкого военного командования и оккупационных властей по отношению к местному населению. Диверсионные акты тщательно готовились: проводилась разведка, изучалась местность вблизи расположения объекта, выявлялись наиболее безопасные подходы к нему, система охраны и обороны. Подготовка диверсионных акций на базах и складах, в штабах и узлах связи, тщательно охраняемых немецкими войсковыми подразделениями, требовала больше времени и привлечения большого количества участников. Такие диверсии осуществлялись чаще всего ночью, поскольку в это время легче было застать противника врасплох. Для проведения диверсионных акций на заводах, фабриках, учреждениях, находившихся на оккупированных территориях, которые слабо охранялись, требовалось, как правило, значительно меньше людей, чем для диверсий в штабах, на базах и складах. Они приурочивались по времени, когда на названных объектах не было рабочих и служащих. Диверсии в ресторанах, кафе и столовых проводились большей частью вечером, когда в них собирались немецкие офицеры и служащие оккупационной администрации. В результате проведения диверсионных акций оперативной группой «Соколы» на военных и промышленных объектах,

в административных учреждениях было разгромлено 2 немецких гарнизона; разбито и сожжено 41 автомашина; выведена из строя одна фабрика, один кирпичный завод; один лесозавод, один маслозавод, подорваны ж.-д. и шоссе́йный мосты. Оперативной группой «Вперед» было взорвано и сожжено 38 мостов, 58 учреждений противника, 43 предприятия и разных складов; уничтожено 75 автомашин, 5 самолетов, 39 танков, бронепоездов и тракторов²⁵.

Одним из важнейших направлений деятельности 4-го Управления стало проведение специальных операций по уничтожению представителей оккупационных властей, германской агентуры, предателей и пособников оккупантов. В военные годы были осуществлены 87 актов возмездия в отношении крупных гитлеровских функционеров²⁶.

Подготовка и проведение специальных операций требовало большого опыта, смелости, самообладания, выдержки, находчивости и мужества непосредственных исполнителей. Каждый акт возмездия, особенно над высшими представителями гитлеровской администрации, имел широкий общественный резонанс и большое психологическое и нравственное значение. Он утверждал неминувность наказания главных нацистских преступников.

Одной из самых громких специальных операций являлась ликвидация высокопоставленного гитлеровского сановника гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. Задание на проведение этой специальной операции имели многие оперативные группы органов безопасности, действовавшие в районе Минска. На протяжении лета и осени 1943 г. было совершено несколько покушений на Кубе. Было уничтожено несколько высокопоставленных офицеров немецкой армии и видных фашистских функционеров. Однако Кубе оказывался каждый раз в другом месте или оставался неуязвим²⁷.

Основной задачей группы «Соколы» была ведение оперативной разработки генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе – кличка «Кабан». В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий оперативным работникам группы «Соколы» удалось получить информацию о том, что 17 февраля в Мошукровский лес на охоту приезжает генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе. Командир группы «Соколы» Орловский принял решение организовать засаду для уничтожения «охотников» и разработал план проведения операции с привлечением всех командиров и бойцов, находившихся базе. В 5 час. 30 мин. группа из 13 бойцов во главе с Орловским прибыла к месту засады у леса и оборудовала позиции. С 9 до 11 часов наблюдатели заметили передвижение лесников высланных вперед для разведки места будущей охоты. В 13 часов на дороге в лес из Мошуков на 16 крестьянских подводах проследовали охотники – высокопоставленные немецкие чиновники в сопровождении около 60 человек охраны. В связи с тем, что охрана в обозе держалась настороженно, держа оружие наготове, было принято решение начать операцию по окончании охоты, когда притупится бдительность охранников. В 18 часов в наступающих сумерках когда возвращавшийся с охоты обоз поравнялся с засадой, по

сигналу командира группы, был открыт огонь. В течение боя, который продолжался около 30 минут были уничтожены: гебитскомиссар Пинской, Вилейской и Барановичской областей Ф. Фенц, управляющий лесами Белоруссии Ф. Захариас, шесть немецких офицеров, четыре коменданта полиции, двенадцать полицейских, трое подводчиков-крестьян и один лесник, смогли скрыться два немецких офицера и четверо полицейских. В опергруппе был тяжело ранен командир группы Орловский. В момент броска одной из шашек тола пуля попала в детонатор и произошел взрыв. Орловскому оторвало правую руку, частично пальцы левой руки и тяжело контузило. Хотя Кубе не оказалось среди охотников, двое из уничтоженных являлись видными фашистскими функционерами. Кубе действительно собирался участвовать в охоте, но в последний момент был вызван в Минск²⁸. Акта возмездия в отношении Кубе свершился 23 сентября 1943 г. Непосредственными его исполнителями стали Елена Мазанник, Мария Осипова и Надежда Троян.

Операции по ликвидации, которые проводились легендарным советским разведчиком Николаем Ивановичем Кузнецовым, наводили панический ужас на функционеров оккупационных властей в Ровно и Львове. Наместник Гитлера на Украине гауляйтер Эрих Кох, спасаясь от ведущейся на него охоты, вынужден был скрываться в своей резиденции в Восточной Пруссии, бывая на оккупированной территории лишь короткими наездами. В Ровно Н.И. Кузнецовым были ликвидированы председатель Верховного суда на Украине оберфюрер СС А. Функ, министерский советник финансов Г. Гель, гитлеровский палач А. Винтер, а также организовано дерзкое похищение командующего карательной экспедицией генерал-майора фон Эльгена.

По мере наступления войск Красной армии основные усилия 4-го Управления НКГБ СССР были сосредоточены на организации разведывательно-диверсионной работы за границей. Перед спецгруппами и отрядами органов безопасности ставились задачи продвижения на запад, на территорию стран Восточной Европы.

Спецотряды «Охотники» под командованием Н.А. Прокопюка и «Олимп» под командованием В.А. Карасева совершили рейд и эффективно действовали на территории Польши, а затем Чехословакии и Венгрии. Отряд «Охотники», действовавший в Цуманьских лесах в Украине с августа 1942 г. по апрель 1944 г. уничтожил 21 эшелон с живой силой и техникой противника. По разведывательным данным отряда авиация дальнего действия Красной армии осуществила ряд результативных налетов на объекты противника. В апреле 1944 г. отряд «Охотники» по приказу из Москвы начал перемещение на территорию Польши.

Отряд «Олимп» действовал в тылу противника с 10 февраля 1943 г. по 15 февраля 1945 года, совершая глубокие рейды на территории Белоруссии, Украины, Польши, Чехословакии и Венгрии, прошел путь протяженностью более 11 500 км, провел в сложных условиях более 130 крупных боев

и столкновений с немецко-фашистскими войсками и различными формированиями: РОА, восточными легионами, калмыцким кавалерийским корпусом и бандами украинских националистов. На своем пути бойцы отряда разрушали коммуникации противника, уничтожали живую силу и технику, делали все, чтобы жизнь оккупантов была невыносимой.

В апреле 1944 г. отряд «Олимп» с другими партизанскими соединениями совершил рейд в Польшу, ведя бои с подразделениями дивизии «Галичина», польскими полицейскими и жандармскими частями, немецкими и литовскими охранными подразделениями. Появление отряда «Олимп» в восточных районах Польши многие жители и гитлеровское командование восприняли как прорыв передового соединения Красной армии. Масштабы паники оказались настолько велики, что вынудили генерал-губернатора Польши Франка отдать специальное распоряжение о применении расстрела к распространителям слухов. Отряд добывал разведывательную информацию о наличии действовавших и строившихся военных аэродромов в районе города Кракова, количестве и типах самолетов.

Наиболее крупные и тяжелые бои на территории Польши отмечены после посещения 23 мая 1944 г. Гиммлером г. Кракова. В Краковском замке на совещании руководителей центрального аппарата гестапо, жандармерии, полиции и генерал-губернаторства поставлена задача уничтожения партизанских соединений в Яновских лесах путем крупной карательной экспедиции. Начавшаяся экспедиция затянулась почти до конца июня 1944 г. Противник для уничтожения партизан подтянул значительные силы. Здесь были не только многочисленные национальные формирования, но и немецкие армейские части и дивизия СС «Викинг». Когда кольцо противника стремительно сжималось, партизаны совершили прорыв, из окружения было выведено 11 партизанских отрядов, 2 оперативных группы и другие отряды.

С начала июля 1944 г. начинался рейд отряда «Олимпа» по территории Чехословакии, разведчики отряда получили важную информацию о производстве гитлеровцами на заводах в районе города Братиславы сверхсекретного оружия – ракет ФАУ. Наряду с разведывательно-диверсионной и боевой деятельностью, командование отряда занималось и формированием национальных боевых отрядов. После словацкого восстания 30 августа 1944 г. и оккупации Словакии немцами армия была деморализована, солдаты и офицеры группами и в одиночку уходили в леса. Оперативной группой «Олимп» из разрозненных словацких групп, разбитых немцами, в течение 2 дней были сформированы 20 отрядов по 100 человек в каждом.

Отряд «Олимп» вел борьбу с лжепартизанскими отрядами. В январе 1945 г. была уничтожена такая группа из «Панцер-дивизии Татра», которая выдавала себя за партизанский отряд капитана Иванова. Группа состояла из немцев, румын и словаков, прошедших специальную 6-месячную подготовку в школе гестапо в Чехословакии. Задача таких «партизанских» групп сводилась к проникновению и уничтожению малочисленных отряды парти-

зан. Если отряд был хорошо вооруженным и многочисленным, то лжепартизаны сообщали своему командованию, которое направляло в район действия карательные части и подразделения. Такая лжепартизанская группа из 83 человек была разоблачена оперативными сотрудниками отряда «Олимп», после разоружения группы и проведения допроса 78 человек были расстреляны. Оставшиеся в живых были переданы в органы контрразведки «Смерш».

Из тыла противника оперативный отряд «Олимп» вышел тремя группами: 2 января 1945 г. в районе Мишкольца (Венгрия) 126 человек под командованием В.А. Карасева; 14 февраля 1945 г. в районе г. Шахи (Чехословакия) 679 человек под командованием начальника штаба отряда ст. лейтенанта Авдеева; 18 марта 1945 г. 58 человек под командованием заместителя командира отряда «Олимп» Витковского.

Разведывательно-диверсионная деятельности органов безопасности в тылу противника показала, что для повышения ее эффективности необходима заблаговременная подготовка специалистов для работы в глубоком тылу противника, создание баз (вооружения, боеприпасов, взрывчатых веществ, продовольствия), организация единого органа, занимавшегося подготовкой и руководством диверсионных групп, координацией их деятельности.

Во время Великой Отечественной войны Особая группа – 4-е Управление НКВД-НКГБ СССР стали главным центром разведывательно-диверсионной деятельности органов безопасности в тылу противника и выполняли ответственные задания: Ставки Верховного Главнокомандования (1941–1945), Штаба обороны Москвы (октябрь–декабрь 1941), командующего Западным фронтом (1941–1943), Штаба обороны Главного Кавказского хребта (1942–1943), командующих фронтами – Закавказским (1942–1943), Центральным (1943), 1-м Белорусским (1943–1944). Разведывательные материалы, добытые органами безопасности, получили высокую оценку советских маршалов А.М. Василевского и Г.К. Жукова.

Органами безопасности в годы Великой Отечественной войны было подготовлено и направлено в глубокий тыл противника 2 тысячи 222 оперативные группы, в составе которых находились около 15 тысяч оперативных работников, 23 из них стали Героями Советского Союза. Подразделения 4-го Управления и ОМСБОН добыли и направили в центр 4418 разведывательных сообщений, которые были переданы для реализации в Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии, командующему авиацией дальнего действия и командующим фронтам²⁹.

Оперативные группы и отряды органов безопасности, действовавшие в тылу противника, уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника, пустили под откос 2852 ж.-д. эшелона, разбили и повредили 2923 паровоза, 30 547 вагонов и цистерн с горючим, взорвали 1325 железнодорожных и шоссейных мостов,

разрушили свыше 254 км железнодорожного пути, 863 км линий связи, взорвали или сожгли 1364 промышленных предприятия и склада³⁰.

Двенадцать тысяч оперативных работников и бойцов спецподразделений органов безопасности погибли в боях с немецкими карательными, в ходе разведывательно-диверсионных рейдов по территории противника, в процессе проведения боевых операций по захвату вооруженной агентуры противника, замучены в застенках гестапо и румынской сигуранцы.

Многим руководителям оперативных групп и специальных отрядов, разведчикам, действовавшим в тылу врага в годы Великой Отечественной войны, присвоено высокое звание Героя Советского Союза (некоторым из них – посмертно). Среди них Олег Сергеевич Бычок, Станислав Алексеевич Ваупшасов, Борис Лаврентьевич Галушкин, Николай Васильевич Зебницкий, Дмитрий Васильевич Емлютин, Виктор Александрович Карасев, Дмитрий Дионисьевич Карицкий, Иван Иосифович Копенкин, Иван Данилович Кудря, Дмитрий Николаевич Медведев, Евгений Иванович Мирковский, Николай Афанасьевич Михайлашев, Владимир Александрович Молодцов, Валентин Леонидович Неклюдов, Федор Федорович Озмитель, Кирилл Прокофьевич Орловский, Михаил Иванович Петров, Николай Архипович Прокопюк, Михаил Сергеевич Прудников, Александр Маркович Рабцевич, Сергей Иванович Солнцев, Надежда Викторовна Троян, Александр Никитович Шихов и другие.

¹ Судоплатов Павел Анатольевич (1907–1996), начальник Особой группы НКВД СССР (05.07.1941–03.10.1941), начальник 2 отдела НКВД СССР (03.10.1941–18.01.1942); начальник 4-го управления НКВД СССР (1942–1943); начальник 4-го управления НКГБ СССР (1943–1946); начальник 4-го управления МГБ СССР (1946–1947).

² Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. – М.: ТОО «Гей», 1996. – С. 149.

³ Баштаков Леонид Фокеевич (1900–1970), начальник 1-го Спецотдела (учетно-регистрационного) НКВД СССР (1940–1941).

⁴ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1372. Л. 28–30, 36–38.

⁵ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1372. Л. 22–23, 31–35, 43, 51–53, 61–64.

⁶ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1372. Л. 24–25, 27, 47.

⁷ См.: Советские органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. (22 июня – декабрь 1941). – М.: ВШ КГБ СССР, 1985. – С. 356.

⁸ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1 т. Д. 159. Л. 188–189.

⁹ См.: Чекисты: Сборник / Сост. А.Н. Николаев. – М.: Молодая гвардия, 1987. – С. 323–413.

¹⁰ ЦА ФСБ России. № РДР-№ 20187. Т. 1. Л. 6.

¹¹ Флегонтов Алексей Кандиевич (1888–1943). Генерал-майор (1942). С лета 1941 г. участвовал в организации партизанского движения в Смоленской и Московской областях. Один из организаторов партизанского движения в Белорусии. В августе 1942 г. направлен в тыл противника во главе кавалерийского партизанского отряда. В октябре 1942 г.– марте 1943 г. – командир партизанской бригады. Погиб в бою 11 марта 1943 г.

¹² Клепов Сергей Алексеевич (1900–1972) – генерал-майор (1945). С февраля 1941 г. начальник 6-го отдела 2-го управления (контрразведка) НКГБ СССР, с сентября 1941 г. начальник УНКВД по Смоленской области, с декабря 1941 г. начальник отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом.

¹³ См.: ЦА ФСБ России. Дело РДР № 20380 Т. 1. Л. 125–134; № 20534; № 20630.

- ¹⁴ ЦА ФСБ России. Д. № 20637. Т. 1.
- ¹⁵ См.: Советские органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. (22 июня – декабрь 1941). – М.: ВШ КГБ СССР, 1985. – С. 356.
- ¹⁶ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 8. Д. 1498. Л. 215.
- ¹⁷ См.: ЦА ФСБ России. Д. № 20618. Т. 2. Л. 8.
- ¹⁸ *Матвеев О.* «Нелегальный резидент НКВД в Одессе сообщает...» // Независимое военной обозрение. 2001. № 21. – С. 7.
- ¹⁹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 661. Л. 113.
- ²⁰ См.: ЦА ФСБ России. Д. № 20187. Т. 2. Л. 54, 153.
- ²¹ См.: *Андреианов В.Н.* Партизанская борьба в третьем периоде Великой Отечественной войны: Учебное пособие. – М.: ВШ КГБ СССР, 1961. – С. 54.
- ²² См.: ЦА ФСБ России. Д. № 20626. Т. 1 б (Отчет отряда «Олимп» о деятельности в тылу противника).
- ²³ См.: ЦА ФСБ России. Д. № 20187. Т. 2. Л. 153–227.
- ²⁴ См.: ЦА ФСБ России. Д. № 20380. Т. 1 Л. 280–281.
- ²⁵ См.: ЦА ФСБ России. Д. № 20380. Т. 1 Л. 280–281.
- ²⁶ См.: *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С. 121.
- ²⁷ См.: ЦА ФСБ России. Д. № 20187. Т. 2. Л. 83-95, 275, № 20630. Т. 1. Л. 248.
- ²⁸ См.: ЦА ФСБ России. Д. № 20187. Т. 2. Л. 10, 94, 95, 124.
- ²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 89. Оп. 5. Д. 16. Л. 8.
- ³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 89. Оп. 5. Д. 16. Л. 3–5.

О БОЯХ НА ДОНУ В 1942-1943 ГГ.

*Тезисы выступления на международной научной конференции
«Сражения на Дону: от Воронежа до Сталинграда. 1942–1943 гг.»
г. Воронеж, 5 июня 2012 г.*

Архивные документы свидетельствуют, что весенние и летние месяцы 1942 г. во многом повторяли картины года 1941-го. Советские войска упорно атаковали укрепленных пункты противника, по-прежнему нерационально использовали людские ресурсы и технику, в результате беспорядочного отхода, а зачастую – бегства с занимаемых позиций, попадали в окружение, а главное, несли тяжёлые потери, измеряемые миллионами убитых, раненых и пленных.

Летом 1942 г. вермахт вышел к кавказским перевалам, а осенью – к берегам Волги, вновь захватив стратегическую инициативу. В этих неблагоприятных для советской страны условиях начались две грандиозные битвы на юге – в районе Сталинграда и на Кавказе.

В Центральном архиве ФСБ России в течение последних двадцати лет были сняты ограничительные грифы с многих документов о деятельности органов НКГБ-НКВД СССР в дни Великой Отечественной войны. На основе рассекреченных материалов, в частности, был подготовлен многотомный сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»¹, а также сборники документов, посвященные Московской, Сталинградской, Курской битвам². Опубликованные документы помогают исследователям воссоздать достоверную картину событий и дать объективную оценку работе органов государственной безопасности.

Период боевых действий в 1942–1943 гг. также нашел отражение в архивных материалах различных подразделений органов госбезопасности. Так, советская внешняя разведка в те дни информировала руководство страны о том, что летом 1942 г. основные события развернутся на юге. В частности, 12 июля Берия направил в ГКО сообщение № 1255/6, в котором, со ссылкой на резидента советской разведки, сообщал, что по сведениям, исходящих из немецких кругов в Стокгольме и из Берлина, наступление на курско-воронежском направлении является генеральным и имеет своей задачей разъединение южной и центральной группировок Красной армии.

По планам немецкого командования после взятия Воронежа наступление дальше пойдет в двух направлениях: правое крыло немецкой группировки будет направлено на юг, восточнее Ростова, имея своей задачей окружение советских войск на Украине, левое крыло пойдет в направлении Саратова вместо предполагавшегося ранее астраханского направления. Что касается калининского направления, то оно рассматривается немецким командованием как вспомогательное, для отвлечения советских войск с орловского направления, угрожающему немецкому левому флангу. В этом же сообщении представляла интерес информация о том, что, несмотря на успехи вермахта, настроение сотрудников немецкой миссии в Стокгольме, а также лиц, приезжающих из Германии, крайне нервное. Это было связано с истощением людских ресурсов Германии, а также большими потерями люфтваффе. Так, резерв самолетов настолько недостаточен, что на Воронежский фронт переброшена часть авиации даже из Египта³.

Как известно, в двадцатых числах июня 1942 г. Воронеж начал подвергаться ожесточенным налетам вражеской авиации, о чем, в частности, свидетельствуют сообщения руководства областного Управления НКВД в адрес наркомата внутренних дел СССР. Немцы сбросили на город тысячи фугасных и зажигательных бомб, в результате чего Воронеж был разрушен почти до основания. Имелись большие жертвы среди военнослужащих и гражданского населения.

Наступление вражеских войск началось 28 июня 1942 г. из района Курска и 30 июня – из района Волчанска. Бомбардировки усилились. Так, по подсчетам штаба местной противовоздушной обороны, входившей в структуру НКВД, 5–6 июля немцы произвели 1200 самолетовылетов, в городе бушевал пожар⁴. После упорных оборонительных боев советские войска вынуждены были отойти на восток. 6 июля 1942 г. немецкие войска форсировали Дон и ворвались в Воронеж, но полностью занять город так и не смогли. В 2 часа ночи 6 июля 1942 г. по приказу начальника УНКВД майора госбезопасности Голубева Н.А. город покинули сотрудники Управления, а в 5 утра были сняты последние милицейские посты. В докладной записке, которую Голубев направил наркому Берии 6 августа 1942 г. из райцентра Анна, куда передислоцировался аппарат УНКВД, он отметил лишь два случая малодушия со стороны чекистов. В частности, под следствие попал секретарь Хохольского районного отдела НКВД, за то, что сбросил в Дон документы райотдела, и они, возможно, попали в руки немцев. Во втором случае Голубев своими правами отстранил от работы и арестовал на 10 суток за паникерство и трусость начальника неоккупированного Ново-Усманского райотдела НКВД. В остальных районах чекисты держали себя достойно: как правило, они уходили последними из числа партийно-советских работников, и то лишь при явной и близкой угрозе, спасали шифры, эвакуировали или уничтожали документы, в некоторых случаях в последнюю минуту принимали меры к поджогу складов с зерном и уничтожению

других ценностей. Воронежские чекисты понесли потери: один сотрудник был убит в разведке, другой попал в окружение и пропал без вести, двоих раненых удалось эвакуировать в тыл. У городской милиции потери были большими: по неполным данным, до 40 чел. убитыми и до 30 пропавшими без вести. В трех районах сотрудники милиции почти в полном составе остались в тылу врага в партизанских отрядах. Но имелись и случаи измены: два милиционера бежали к немцам и один был арестован при подготовке к переходу на сторону врага⁵.

Отступление частей Красной армии, зачастую паническое, поспешная эвакуация предприятий и скота, оставление противнику значительной территории не могло самым негативным образом не сказаться на тех, кто своими глазами видел это. Подняли голову все враждебные советской власти элементы – и политические, и уголовные. Органы госбезопасности в те дни фиксировали резкий рост антисоветских проявлений, от угроз расправиться с коммунистами и пораженческих высказываний до категорического отказа от эвакуации населения и мобилизации молодежи от 14 до 18 лет в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Например, в Павловском районе из 40 тыс. чел. было эвакуировано 1904 чел.⁶ В Липецком районе, который в то время входил в состав Воронежской области, должно было быть мобилизовано в школы ФЗО 4500 чел., однако удалось отправить только 120 чел.⁷ Следует отметить, что за первый год войны сотрудники органов госбезопасности накопили немалый опыт диверсионной, разведывательной, контрразведывательной и фильтрационной работы, который помог решить им задачи, поставленные военно-политическим руководством страны. 18 января 1942 г. Берия подписал приказ № 00145 об организации 4-го Управления НКВД СССР для проведения специальной работы в тылу противника, а также организации и осуществления мероприятий по выводу из строя и уничтожению промышленных предприятий и других важнейших сооружений на территории, угрожаемой противником⁸. Начальником нового управления был назначен старший майор госбезопасности Судоплатов П.А.

В территориальных органах госбезопасности соответствующему реформированию подверглись 2-е отделы. Руководство наркомата внутренних дел, несмотря на некоторые успехи Красной армии зимой 1941/42 г., отлично понимало, что война закончится не скоро, еще придется отступать и отдавать врагу новые территории.

1 июня 1942 г. Берия подписал приказ № 001124, в соответствии с которым на 4-е Управление НКВД СССР и 4-е отделы НКВД-УНКВД возлагалась организация и руководство агентурно-разведывательной и диверсионной деятельностью в тылу противника⁹. Принятые меры позволили органам безопасности устранить многие недостатки в деле организации борьбы в тылу врага и заблаговременного оставления своей агентуры на территории, которой угрожал захват противником. Все эти мероприятия позволили резко усилить противодействие гитлеровской разведке.

26 июня 1942 г. заместитель наркома внутренних дел СССР отдал приказание, согласно которому войска НКВД (пограничные, внутренние, конвойные, по охране особо важных объектов промышленности, железнодорожных сооружений), оказавшиеся в зоне боевых действий, привлекались к охране тыла Действующей Красной армии.

О боях за Воронеж и событиях в городе говорилось в рапорте начальника оперативной группы Управления НКВД по Воронежской области младшего лейтенанта госбезопасности Назарьева М.М. на имя заместителя начальника УНКВД капитана госбезопасности Соболева В.С.¹⁰. В рапорте фигурировал и 16-летний разведчик Костя Феокистов, уроженец Воронежа, который доставил командованию ценные сведения о дислокации немецких частей и обстановке в оккупированной части города. После войны Константин Петрович Феокистов занял достойное место в истории советской космонавтики.

Данные, полученные от разведчиков опергруппы УНКВД по Воронежской области, в Москве были обобщены, и 14 августа 1942 г. начальник 4-го Управления НКВД СССР П.А. Судоплатов информировал руководство наркомата об обстановке в Воронеже и области¹¹. Этот документ ещё раз даёт представление о «новом порядке», который немцы планировали ввести на оккупированной территории СССР. 18 июля 1942 г. в ходе уличных боев в Воронеже советские войска в результате контратаки освободили областную больницу, в которой к моменту захвата города немцами находилось 175 чел. Их дневной рацион при оккупантах состоял из супа без хлеба, а два последних дня до освобождения они не получали вообще ничего, даже воды. Одного больного немцы пристрелили за то, что он отказался с ними разговаривать. Пулеметные точки немцы установили в палатах и вели огонь, не обращая внимания на больных, заведомо зная, что при таких условиях русские не будут бомбить больницу с воздуха или обстреливать ее из орудий. В конечном счете, захватчикам пришлось поспешно отходить, причем некоторые прыгали со второго этажа. Тем не менее, они напоследок успели поджечь больницу. По счастью, красноармейцы подоспели вовремя и спасли больных.

Судоплатов писал, что 2 августа 1942 г. оккупационные власти издали приказ о выселении из города гражданского населения, причем лица, уклонившиеся от выполнения приказа, рассматривались как «пособники советских войск» и подлежали смертной казни. Разведчики доносили о виселицах в разных районах города. С первого дня оккупации начался грабеж населения: у жителей отбирали домашнюю птицу, муку, ценные вещи. Небольшая часть граждан, по-видимому, местные коллаборационисты, получила право проживания в городе по специальным пропускам. Помимо этого немцы распространяли слухи о падении Ленинграда, об объявлении Японией и Турцией войны Советскому Союзу, о том, что война закончится в 1942 г. победой Германии.

Аналогичный оккупационный режим был установлен в районах области: и принудительная эвакуация населения в 25-километровой полосе вдоль Дона, и угон молодежи в тыл немецких войск. Малейшее сопротивление каралось беспощадно. Судоплатов приводил многочисленные факты зверств фашистов по отношению к местному населению: бессудные расстрелы, сожжение домов, насилие над женщинами. К сотрудничеству немцы привлекали, прежде всего, бывших кулаков, военнопленных времен Первой мировой войны, родственников репрессированных. Многие из них служили немцам верой и правдой, выдавая местных коммунистов. Впрочем, коммунисты тоже были разные. Некоторые, в том числе партийные функционеры районного звена, остались на оккупированной территории, жили открыто, и, по непроверенным, правда, данным, сотрудничали с оккупантами.

Несмотря на принятые чрезвычайные меры, отступление в глубь страны продолжалось. Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют выделить некоторые проблемы, помимо чисто оперативных, которые воронежские контрразведчики решали в августе–ноябре 1942 г. 26 августа 1942 г. начальник Управления НКВД по Воронежской области Н.А. Голубев получил от заместителя наркома внутренних дел С.Н. Круглова указание, в котором говорилось о крайне неудовлетворительном проведении эвакуации исправительно-трудовых колоний области в тыловые районы. Главную вину Круглов возлагал на руководство отдела исправительно-трудовых колоний УНКВД, которое не подготовилось к эвакуации и неорганизованно ее провело. В результате этого в руки захватчиков попала большая часть ценного оборудования, сырья и готовой продукции промколоний, в том числе 7 тыс. корпусов мин, станки, цветной металл. Кроме того, у немцев оказалось значительное количество заключенных и вольнонаемного состава. Начальники ряда ИТК самоустранились от проведения эвакуации, не обеспечили этапы соответствующей охраной, следствием чего стали побегы больших групп заключенных. Голубеву предлагалось провести расследование причин безобразного проведения эвакуации, виновных предать суду военного трибунала, пересмотреть состав руководителей ОИТК с целью определения возможностей использования их на руководящей работе, а неспособных – уволить¹². 14 сентября 1942 г. СНК СССР принял решение о демонтаже двух доменных печей Ново-Липецкого металлургического завода и переброске их на строящийся металлургический комбинат в Челябинске. Курирование этих мероприятий правительство возложило на НКВД, и 16 сентября 1942 г. другой заместитель наркома, В.В. Чернышов, приказал Голубеву оказать содействие прибывшему в г. Липецк¹³ помощнику начальника Челябинского металлургстроя в выполнении данного задания¹⁴.

Забегая вперед, скажем, что высылке в глубь страны подлежали не только заключенные, о чем говорилось выше, но и административно высланные. В частности, заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Кобулов Б.З. 6 ноября 1942 г. требовал

от руководства областного управления выслать таких лиц в Омскую область в течение 72 часов¹⁵.

В годы Великой Отечественной войны продолжалась борьба с бывшими участниками всевозможных «платформ», «блоков» и «оппозиций». Так, 18 декабря 1942 г., в разгар решающих сражений на южном участке фронта, Кобулов рекомендовал Голубеву активизировать оперативно-следственную работу по остаткам «правотроцкистского подполья» в Воронежской области и обеспечить квалифицированное следствие по делу арестованного троцкиста Атанова¹⁶. Кроме того, от Голубева требовалось принять безотлагательные меры по организации собирания и концентрации в отделе государственных архивов УНКВД всех документальных материалов о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на территории Воронежской области, о чем ему писал Круглов 2 октября 1942 г.¹⁷.

Свой вклад в дело разгрома врага вносили органы военной контрразведки. В те июльские дни органам госбезопасности надлежало решить сложнейшую задачу – положить предел бесконечному отступлению в глубь страны. Об этом в категорической форме говорилось в приказе наркома обороны от 28 июля 1942 г. № 227.

Этот приказ, получивший в войсках неофициальное название приказ «Ни шагу назад!», требовал от командиров и политработников всех рангов наведения строжайшего порядка и железной дисциплины, ликвидации отступательных настроений, запрещал несанкционированный отход с занимаемых позиций, разрешал расстрел на месте паникеров и трусов, предписывал формирование штрафных батальонов и рот, а также заградительных отрядов, которые ставились в тылу неустойчивых дивизий для пресечения отхода. Издание приказа «Ни шагу назад!», представляет собой один из наиболее дискуссионных вопросов в истории Великой Отечественной войны. С конца 1980-х гг. приказ № 227 стал рассматриваться как пример некомпетентного вмешательства Сталина в руководство войсками, неоправданной жестокости, ставшей одной из причин огромных потерь Красной армии. Такой подход в некотором смысле традиционен для создавшейся на Западе историко-публицистической литературы, где стойкость и мужество советских воинов нередко объяснялись страхом перед «железной дисциплиной комиссаров» и «расстрельными командами».

В российской историографии соответствующие оценки приказ № 227 получил в конце 1990-х – начале 2000-х гг. Положения приказа по укреплению дисциплины осуждаются и характеризуются как «аморальные», «циничные», «нечеловеческие методы принуждения русских воинов к ведению боевых действий»¹⁸.

Однако в воспоминаниях советских военачальников приказ НКО от 28 июля 1942 г. № 227 оценивался как своевременная мера по укреплению воинской дисциплины и наведению порядка в войсках, повышению их боеспособности.

Жуков, описывая военную обстановку летом 1942 г., отмечал, что в результате вынужденного отхода наших войск в руки врага попали богатейшие области Дона и Донбасса. Создалась прямая угроза выхода противника на Волгу и Северный Кавказ, потери Кубани и всех путей сообщения с Кавказом – важнейшим экономическим районом, снабжавшим нефтью армию и промышленность. Войска юго-западного направления и другие соединения, переданные Ставкой в процессе отступления, понесли большие потери, а сохранившиеся части не могли успешно сдерживать продвижение противника. Южный фронт оказался не в состоянии остановить врага на кавказском направлении. В войсках появились панические настроения и нарушения воинской дисциплины¹⁹.

Заместитель начальника Генерального штаба С.М. Штеменко оценивал приказ № 227 как «один из наиболее интересных и важных документов войны. Он рисовал точную картину общего положения на фронтах, состояние противника, ставил советским войскам неотложные задачи. Общее положение страны оценивалось кратко и выразительно». 29 июля Главное политическое управление Красной армии издало директиву о разъяснении приказа бойцам и командирам. Влияние коммунистов в армии было направлено на выполнение требований приказа «Ни шагу назад!»²⁰.

По мнению бывшего начальника Особого отдела НКВД Юго-Западного, Сталинградского и Южного фронтов Н.Н. Селивановского, приказ «Ни шагу назад!» оказал огромное влияние на ход военных действий. Он поставил под удар военных контрразведчиков, поскольку именно им было поручено возглавить деятельность заградотрядов в тылу Действующей армии и бороться с паникерами, дезертирами. Особый отдел получил карательные функции, и отношение к сотрудникам военной контрразведки изменилось в худшую сторону. С другой стороны, признавая жесткий характер этого приказа, нельзя не отметить, что он сыграл стабилизирующую роль в упорядочении боевой обстановки на фронтах²¹.

Генерал-лейтенант в отставке А.И. Матвеев во время Великой Отечественной войны был начальником Особого отдела НКВД. Он считает, что приказ № 227 сыграл важную роль в стабилизации обстановки на фронте, повышении боевого духа и установлении строжайшей дисциплины в войсках. Пресекались паникерство и самовольное оставление позиций²².

Участник Великой Отечественной войны, а ныне академик РАН, вице-адмирал в отставке А. Саркисов справедливо «считает, что «приказ Сталина № 227 был продиктован не столько военной целесообразностью, сколько общей растерянностью и отчаянием из-за тяжелого положения на фронтах»²³.

В соответствии с этим приказом в общеармейских армиях были сформированы заградотряды численностью до 200 человек. Отряды размещались в тылу неустойчивых дивизий. В случае паники и беспорядочного отхода частей им требовалось расстреливать на месте паникеров и трусов и способствовать выполнению бойцов дивизий долга перед Родиной.

В каждой общевойсковой армии было сформировано по 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов²⁴.

Сотрудники особых отделов возбуждали уголовные дела, проводили аресты и расстрелы лиц, негативно высказывавшихся по поводу издания приказа НКО № 227, трусов, дезертиров и паникеров, бросавших оружие и бежавших с поля боя. За период с 28 июля по 7 августа в войсках Сталинградского фронта было сформировано три армейских заградительных отряда, каждый по 200 человек. Эти заградотряды и заградительные батальоны задержали 363 человека. В результате проверки 187 из них были направлены в свои подразделения, 43 – в отдел укомплектования, 73 – в спецлагеря НКВД, 27 – в штрафные роты, 2 – на медицинскую комиссию, 6 – арестованы, 24 – расстреляны перед строем.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, только после соответствующей разъяснительной работы, приказ № 227 среди военнослужащих стали называть как правильный и своевременный.

Особый отдел Воронежского фронта, несмотря на сложную обстановку, уделял пристальное внимание вопросам улучшения руководства следственной работой в подчиненных особых органах, стремился к тому, чтобы ее уровень отвечал требованиям действующего законодательства. С этой целью начальник Особого отдела фронта старший майор госбезопасности Вадис А.А. подписал указание № 1259/СЧ от 28 августа 1942 г. о состоянии следственной работы и мерах по ее улучшению в особых отделах НКВД армий²⁵.

Проведенной проверкой состояния следственной работы в особых отделах НКВД армий Воронежского фронта выявились серьезные недочёты. Во многих случаях задержание подозрительных лиц не оформлялось постановлением о задержании, а если и оформлялось, то не указывалось, кто, когда, где и при каких обстоятельствах произвел задержание. Задержанные подвергались поверхностному обыску или вообще не обыскивались. Протоколы при обыске составлялись небрежно, документы, оружие, ценности и другие вещественные доказательства в протокол не вносились. Например, при задержании трех немецких шпионов на участке 141-й стрелковой дивизии 60-й армии в протоколы обысков не были внесены три револьвера с патронами, которые были незаконно оставлены воинской частью. Лица, проводившие задержание, допрошены не были, что исключало возможность проверить обстоятельства задержания. В конечном счете шпионы во время следствия утверждали, что они сами явились к нашим частям, заявили о своих связях с германской разведкой и о своем нежелании выполнять задания противника.

Во многих случаях задержанные продолжительное время содержались под стражей без допроса, а при оформлении ареста срок содержания под стражей незаконно исчислялся со дня вынесения постановления на арест. Охрана подследственных и арестованных во многих случаях продолжала

оставаться неудовлетворительной, что приводило к побегам преступников. Имели место случаи несвоевременного информирования особого отдела фронта о возникающих следственных делах по шпионажу, диверсантам и изменникам Родины. Зачастую особый отдел фронта узнавал о них уже после того, как разоблаченные преступники начинали давать показания.

Наиболее сложные дела следовало передавать в особые отделы армий, тем самым разгружая особые отделы корпусов, дивизий и бригад. Требовалось вскрывать оставшиеся на свободе преступные связи, своевременно информировать особый отдел фронта о возникновении каждого дела по шпионажу, диверсии, измене Родине с полными данными об арестованных и с указанием состава преступления. В каждом случае ареста военнослужащих из числа среднего и старшего командного и начальствующего состава надлежало доносить в особый отдел фронта спецсообщением с указанием всех данных и оснований к аресту. В указании ставилась задача наведения порядка в деле учета следственных дел и арестованных, систематической проверки состояния охраны камер предварительного заключения, порядка содержания и конвоирования арестованных. К 5-му числу каждого месяца требовалось представлять в штаб фронта докладную записку о проделанной работе за месяц.

В те дни, когда составлялось это указание, войска Воронежского фронта и 38-я армия Брянского фронта готовили наступательную операцию, которая имела целью разгром вражеской группировки в районе Воронежа, освобождение города и захват плацдарма на правом берегу Дона. 15 сентября 1942 г. началось наступление, длившееся почти две недели, а 28 сентября 1942 г. войска перешли к активной обороне. На практике это означало, что командование фронтом дало указания армиям по организации обороны путём создания опорных пунктов, прочных узлов сопротивления, минных полей, противотанковых рвов и других сооружений в 25-километровой прифронтной полосе, из которой подлежало выселению всё население. Войска готовились к зиме и приводили себя в порядок после неудачного наступления. В новых условиях и от особых отделов армий фронта потребовалась перестройка работы.

В октябре 1942 г. немцы, помимо попыток прорыва нашей обороны живой силой и техникой, активизировали свою разведывательную и диверсионную деятельность, проявляя особый интерес к железнодорожным узлам и прифронтным районам. С этой целью они выбрасывали парашютистов с рациями. 24 октября 1942 г. начальник Управления НКВД Голубев информировал Берию о том, что начиная с лета сотрудниками госбезопасности было разоблачено 59 вражеских агентов, задержано 6500 дезертиров, ликвидировано 8 вооруженных бандформирований²⁶. Особое беспокойство Голубева вызывало положение 18 районов области, райцентры которых находились в непосредственной близости к линии фронта и при этом не имели воинских гарнизонов. В ряде райцентров отсутствовало сторожевое охра-

нение и даже патрулирование. Такой порядок вещей приводил к тому, что разведывательно-диверсионные группы противника, даже мелкие, могли просочиться через линию фронта и войти в райцентр.

Содействие войскам НКВД по охране тыла Действующей Красной армии оказывали истребительные батальоны НКВД из числа местных добровольцев. На тот момент таких батальонов в Воронежской области насчитывалось 54, общей численностью 4127 чел. Они подчинялись штабу истребительных батальонов УНКВД по Воронежской области, который возглавлял майор Беленко. Бойцы и командиры не были переведены на казарменное положение, работали на предприятиях и в учреждениях, в сторожевом охранении использовались минимально, и поэтому обеспечить надлежащую охрану райцентров были не в состоянии. Исходя из этого, Голубев предложил руководству НКВД СССР перевести на казарменное положение и государственное содержание истребительные батальоны 25 районов общей численностью 2100 чел.²⁷ Беленко, со своей стороны, составил боевой расчет и схему дислокации этих батальонов. На вооружении они имели 1730 винтовок, 39 пулеметов ДП и 1835 гранат²⁸. На Лубянке к инициативе Голубева и Беленко отнеслись сдержанно. Ответ от 5 ноября 1942 г., подписанный заместителем наркома Серовым, гласил: «Перевести истребительные батальоны на казарменное положение не представляется возможным. Рекомендуем Вам, исходя из опыта прифронтовых районов других областей, в истребительных батальонах прифронтовых районов иметь в постоянной готовности дежурные группы бойцов численностью 10-20 человек (в зависимости от численности батальона), на которые возложить задачи патрулирования и охраны райцентров»²⁹. Тем не менее, свою положительную роль истребительные батальоны сыграли: в октябре 1942 г. истребительными батальонами Управления НКВД по Воронежской области было задержано 160 дезертиров и 242 подозрительных лица³⁰.

Начиная с 19 ноября 1942 г. часть сил Воронежского фронта приняла участие в контрнаступлении советских войск под Сталинградом. В ходе этих наступательных операций особая роль принадлежала войскам НКВД по охране тыла Действующей Красной армии. Наряду со своевременным обнаружением и ликвидацией диверсионных групп и отрядов противника теперь большое место занимали боевые действия по ликвидации разбитых вражеских частей и подразделений, оказавшихся в тылу наступающих войск. Совместно с органами военной контрразведки проводилось задержание и проверка лиц с целью выявления и разоблачения агентов вражеских разведок, ставленников и пособников врага, изменников, предателей, полицейских, карателей, а также дезертиров. Начальник внутренних войск НКВД СССР генерал-майор Шередега И.С. и начальник Управления войск НКВД по охране тыла Действующей Красной армии старший майор госбезопасности Леонтьев А.М. 30 ноября 1942 г. подписали указание начальникам войск НКВД по охране тыла фронтов об организации службы в условиях

наступления Красной армии, которое чётко регламентировало указанные мероприятия³¹.

В развитие этого указания Леонтьев и начальник разведывательного отдела Управления войск НКВД по охране тыла Действующей Красной армии майор госбезопасности Трофимов Б.П. направили в подчиненные органы указание № 19/9-001483 от 4 декабря 1942 г. о прекращении ведения зафронтной агентурной работы войсками НКВД по охране тыла фронтов³².

Отныне от возвратившихся из вражеского тыла агентов принимались подробные доклады и сообщались в разведывательный отдел Управления войск НКВД по охране тыла Действующей Красной армии. Обратно эти агенты не посылались, а использовались в охраняемой войсками НКВД прифронтной полосе для разработки лиц, имеющих связи за линией фронта. При продвижении Красной армии требовалось установить связь с находящейся в освобожденных населенных пунктах ранее заброшенной и оставленной при отходе агентурой, которая использовалась для выявления ставленников, пособников, шпионов, диверсантов и «прочего антисоветского элемента». Вновь эта агентура за линию фронта не посылалась. Оперативные работники, занимавшиеся зафронтной работой, переключались на организацию мероприятий по учету забрасываемой противником в тыл Действующей Красной армии агентуры (парашютисты, радисты) и ее квалифицированному розыску.

12 декабря 1942 г. обстановка на сталинградском участке фронта резко обострилась: противник начал операцию по деблокаде армии Паулюса. Помимо таранного удара танковой группировки фон Манштейна, немцы начали усиленно забрасывать в тыл Воронежского, Донского и Сталинградского фронтов свою агентуру в целях выявления группировок наших войск и для совершения диверсий. Так, 18 декабря 1942 г. в районе г. Калач Воронежской области разведотделением Управления войск НКВД по охране тыла Юго-Западного фронта были арестованы пять агентов-парашютистов, одетых в форму младших офицеров Красной армии со всеми необходимыми шпионскими атрибутами: рациями, парашютами, наганам, деньгами в советской валюте, документами, чистыми бланками командировочных удостоверений и т.п.³³ Они имели задачу установить группировку советских войск на участках Юго-Западного и Воронежского фронтов, добытые сведения передать немцам по радию 20 декабря и не позднее 23 декабря перейти линию фронта южнее Воронежа для личного доклада. Уже на первых допросах немецкие агенты сознались, что прошли подготовку в Харьковской разведывательной школе, дали о ней ценные показания, сообщили фамилии агентов, заброшенных в тыл Действующей Красной армии, а также подготовляемых к заброске. Судя по шадящим срокам лишения свободы – не более 3 лет, причем, двое вышли на свободу до истечения срока заключения, – они говорили правду. 20 декабря 1942 г. было дано указание начальникам войск НКВД по охране тыла Воронежского, Донского и Сталин-

градского фронтов об организации розыска агентуры, забрасываемой в тыл Красной армии³⁴. В разгроме группировки фон Манштейна и в капитуляции, в конечном счете, армии Паулюса немалая заслуга принадлежит фронтовым сотрудникам органов НКВД.

Начиная с ноября 1942 г. с южного участка советско-германского фронта в тыловые районы страны потянулись эшелоны военнопленных, которых с каждым днём становилось всё больше. В связи с этим заместитель наркома внутренних дел СССР Серов И.А. потребовал от руководства УНКВД по Воронежской области командировать ответственных сотрудников Управления в Поворино и Борисоглебск, обязав их через военно-продовольственные и питательные пункты обеспечить военнопленных горячей пищей и пятидневным путевым запасом³⁵.

Тем временем, в ходе Среднедонской наступательной операции (16–30 декабря 1942 г.), проводимой войсками Юго-Западного и левого крыла Воронежского фронтов, части Красной армии прорвали вражескую оборону шириной до 340 км, продвинулись на 150–200 км и вышли в тыл группы армий «Дон», создав тем самым предпосылки для проведения наступательных операций в 1943 г.

На освобожденных территориях восстанавливались органы советской власти и управления, в том числе аппараты органов НКВД. Им пришлось столкнуться с немалыми трудностями. В частности, на освобожденной территории Воронежской области осело большое количество военнослужащих вермахта и стран-сателлитов Германии (итальянцев и румын), а также бывших военнослужащих Красной армии и лиц призывного возраста, дезертировавших из Красной армии или уклонившихся от призыва. Задержание и отправка в лагерь этих лиц была организована слабо, поэтому они разбредались по районам и оседали в населенных пунктах. Имели место грабежи и проведение разложенческой работы среди населения. Не вызывало сомнения, что среди этой массы людей имеются и многочисленные агенты спецслужб противника, имеющие задание пробраться в глубокий советский тыл для проведения подрывной работы, и пособники оккупантов, пытающиеся скрыться от возмездия. Кроме того, было установлено, что значительное количество трофейного оружия, материальных ценностей и продовольствия, захваченного частями Красной армии, из-за отсутствия надлежащей охраны расхищалось местным населением.

В этих условиях секретарь Воронежского обкома ВКП(б) Тищенко В.И. и начальник областного Управления НКВД Голубев Н.А. 5 января 1943 г. подписали совместную директиву № 1/5012 о мероприятиях по очистке территории области от вражеских и уголовных элементов³⁶. В соответствии с этой директивой от секретарям райкомов ВКП(б) совместно с органами НКВД и милиции с привлечением истребительных батальонов, работников райвоенкоматов, партийно-советского актива надлежало организовать облавы, прочесывание лесов и населенных пунктов, патрулирование и заслоны

на всех дорогах с таким расчетом, чтобы исключить всякую возможность проникновения в населенные пункты и проживание в них солдат и офицеров стран, воюющих с СССР, бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену у немцев, и всех других лиц, вызывающих подозрение. Требовалось широко объявить населению о возможности появления в населенных пунктах указанных лиц и сделать строжайшее предупреждение о недопустимости их проживания без разрешения органов власти; укрывателей и пособников привлекать к уголовной ответственности.

На органы НКВД возлагалась задача путем проведения оперативно-розыскных мероприятий обеспечить выявление всех лиц, проживающих на нелегальном положении. Задержанных солдат и офицеров противника следовало направлять в лагерь военнопленных в г. Калач, а бывших военнослужащих Красной армии и лиц призывного возраста, находившихся в плену или проживавших на оккупированной территории, – в спецлагерь. Конвоирование предлагалось осуществлять силами войск НКВД по охране тыла или близ расположенных частей Красной армии, при их отсутствии – силами милиции или истребительных батальонов, привлекая при этом партийно-советский актив, а в случае крайней необходимости – местное население. Питание задержанных надлежало организовать из местных ресурсов за счет управления тыла фронта. В директиве не была забыта фильтрационная работа на предмет выявления вражеской агентуры, пособников, предателей и др. При выявлении таких арестовывать их и проводить надлежащее следствие. Предусматривались также меры по изъятию у населения трофейного оружия, материальных ценностей и продовольствия, по организации дополнительных пунктов сбора и приёма трофеев с обеспечением их строжайшей охраной. Органы НКВД и милиции с санкции районных прокуроров должны были арестовывать и привлекать к уголовной ответственности грабителей, мародеров и лиц, занимающихся расхищением трофеев.

Начальникам оперативных групп УНКВД и райотделов НКВД надлежало отчитываться о проделанной работе 1, 10 и 20 числа каждого месяца по определенной форме. Контроль за исполнением директивы возлагался на начальников опергрупп НКВД, действовавших на освобожденной территории. Интересно, что к этому времени были утверждены секретари райкомов ВКП(б) и начальники райотделов НКВД оккупированных районов Воронежской области, которых надо было тоже ознакомить с директивой, т.е. сомнений в том, что область в скором времени будет освобождена от захватчиков, не было.

Аналогичные указания по розыску вражеской агентуры, оставленной на оседание, и лиц, активно сотрудничавших с оккупантами, получили сотрудники органов военной контрразведки. Об этом, в частности, свидетельствует директива Особого отдела 40-й армии Воронежского фронта от 5 января 1943 г. № 00119/6, подписанная начальником особого отдела армии капитаном госбезопасности Шлокиным Н.В.³⁷

С началом Острогожско-Россошанской наступательной операции Красной армии активизировалась заброска агентов-парашютистов противника в прифронтовые районы³⁸. Немецко-фашистское командование, не располагая полными данными о силах и средствах Красной армии, замыслах советского командования, направлении главного удара, после двухнедельного перерыва, со второй половины декабря 1942 г. начало усиленно забрасывать агентов-парашютистов в тыл Калининского, Воронежского, Юго-Западного и Сталинградского фронтов. В январе-феврале 1943 г. органами НКВД было задержано 74 агента-парашютиста, из них 47 явились с повинной, 2 убито при задержании. Было изъято 20 радиостанций. Сотрудникам органов госбезопасности удалось обезвредить забрасываемую агентуру и тем самым обеспечить внезапность контрударов.

В период с 24 января по 2 февраля 1943 г. войска Воронежского фронта во взаимодействии с войсками левого крыла Брянского фронта провели Воронежско-Касторненскую операцию и 25 января освободили Воронеж, окружив девять дивизий противника. Однако остаткам шести немецких дивизий удалось прорваться на запад. В связи с этими успехами Красной армии Берия подписал директиву НКВД СССР от 26 января 1943 г. № 33 об организации оперативной работы в городах и районах, освобожденных частями Красной армии от войск противника, обобщившую опыт работы органов госбезопасности на ранее освобожденных территориях³⁹. В этой директиве предлагалось следующее:

- по мере освобождения временно оккупированных территорий немедленно восстанавливать городские и районные аппараты НКВД и милиции, одновременно размещая в городах гарнизоны частей войск НКВД;

- для оказания практической помощи восстановленным органам НКВД в организации оперативно-чекистской работы направлять в освобожденные города и районы оперативно-следственные группы во главе с опытными работниками, снабдив их имеющимися материалами и списками лиц, подлежащих немедленному аресту;

- немедленно по прибытии в освобожденные города и районы организовать изъятие руководящих лиц немецкого административного и хозяйственного аппаратов: бургомистров, членов управ, полицейских, старост и других, одновременно с этим выявлять и арестовывать всех активных немецких пособников из населения, оставшегося на оккупированной немцами территории;

- налаживая оперативную работу, восстанавливая связь с проверенной агентурой и осведомлением, организовать выявление и последующий арест оставленных оккупантами шпионско-диверсионных групп и одиночек, радистов, предателей, а также бандитских групп.

Для оказания помощи в освобожденные города и районы направлялись сотрудники центрального аппарата НКВД СССР. О результатах

проведенной работы требовалось доносить в наркомат внутренних дел каждые 5 дней телеграфно.

В зимней кампании 1942–1943 гг. Красная армия продвинулась на запад на 600–700 км, разгромив более 100 дивизий противника. Войска Юго-Западного, Сталинградского, Донского фронтов в ходе боев на Дону и в период Сталинградской наступательной операции окружили и уничтожили главные силы немецких 6-й и 4-й танковых армий, разгромили румынские 3-ю и 4-ю армии, нанесли тяжелый урон итальянской 8-й армии. Войска Кавказского, Южного и Северо-Кавказского фронтов нанесли поражение группе армий «А». Войска Воронежского, Брянского и Юго-Западного фронтов нанесли поражение группе армий «Б».

Успехи Красной армии были достигнуты благодаря искусству военачальников, повышению степени технической оснащенности войск, совершенствованию способов ведения боя, героизму бойцов и командиров Красной армии.

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 5 тт. – М., 1999–2008.

² Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М.: МГ-Звонница, 2002; Сталинградская битва: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ России. – М., 2000; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М., 2003.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. – М., 2003. – С. 40–42.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 85.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 98–99 об.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 105.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 87.

⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сборник документов. Т. 3. Кн. 1. Крушение «Блицкрига». М., 2003. – С. 40–42.

⁹ Там же. – С. 519.

¹⁰ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. – М., 2003. – С.53–55.

¹¹ См.: Там же. – С. 137–140.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 134–135.

¹³ До 1954 г. входил в состав Воронежской области.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 137.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 141.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 143.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 138.

¹⁸ Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: Энциклопедия. – Волгоград, 2007. – С. 258.

¹⁹ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. – М., 1995. – С. 296.

²⁰ См.: Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1981. – С. 95.

²¹ См.: Чекисты в Сталинградской битве: Документы, воспоминания, очерки. – Волгоград, 2002. – С. 201.

²² См.: Матвеев А.И. 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. – М., 2002. – С. 67.

²³ Каймаков Б. Приказ Сталина был продиктован растерянностью и отчаянием // Время новостей. 2010. 5 мая. – С. 5.

- ²⁴ См.: Чекисты в Сталинградской битве: Документы, воспоминания, очерки. – Волгоград, 2002. – С. 49.
- ²⁵ См.: Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. «От обороны к наступлению». – М., 2003. – С. 173–176.
- ²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 113.
- ²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 113–114.
- ²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 115–116.
- ²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 141.
- ³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 57. Л. 12.
- ³¹ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. От обороны к наступлению. – М., 2003. – С. 494–495.
- ³² См.: Там же. – С. 506–507.
- ³³ См.: Там же. – С. 536–538.
- ³⁴ См.: Там же. – С. 538–539.
- ³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 92. Л. 145.
- ³⁶ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». – М., 2008. – С. 30–32.
- ³⁷ См.: Там же. – С. 37–39.
- ³⁸ См.: Там же. – С. 60–61.
- ³⁹ См.: Там же. – С. 104–105.

ЗАГРАДОТРЯДЫ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

*Тезисы выступления на научно-практической конференции
посвященной 65-летию битвы за Сталинград
г. Волгоград, 1–2 февраля 2008 г.*

В советской историографии деятельность отечественных органов безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. долгое время оставалась недостаточно исследованной в связи с закрытостью ведомственных архивов. Известно, что архивные источники занимают важное место в ряду других видов информации, которыми оперирует общество в своей повседневной деятельности, поскольку они позволяют составить достаточно объективное представление о том или ином историческом явлении.

Наша страна в прошлом столетии прошла несколько этапов: Россия царская, Россия советская и Россия постсоветская. В каждый из этих периодов существовали и своеобразные трактовки исторических событий. В советский период превалировал идеологический подход, а с конца 1980-х гг. и, особенно, после распада Советского Союза историки бросились в другую крайность, – забыв о принципах исторической науки, стали описывать историю советской России исключительно в «черных» тонах.

Пожалуй, только спустя десятилетие после начала демократических реформ в отечественной истории начался процесс подлинно научного объективного подхода к изучению прошлого. За последние десять-пятнадцать лет был опубликован огромный пласт уникальной исторической информации, собранный архивистами и ранее не доступный не только широкой общественности, но и специалистам.

Как известно, если существует общественный интерес, но отсутствует достоверная информация, обязательно будет рожден миф и, как следствие, вымыслы и спекуляции. К числу проблем, вызывающих дискуссии в последнее время, относится тема штрафбатов и заградотрядов.

Из-за отсутствия достоверной информации о деятельности заградительных отрядов распространено много всяческих домыслов и небылиц. В качестве примера приведу подпись под фотографией, опубликованной одним из военно-исторических клубов: «Заградотряд НКВД готовит пулемет

для стрельбы по красноармейцам, которые, не выдержав атаки немцев, будут бежать в тыл. Красноармейцы будут расстреляны из германского пулемета немецкими пулями, чтобы отдел пропаганды Третьего рейха и мировая общественность не смогли доказать стрельбу НКВД по своим».

Однако в архивах не найдено ни одного документа, подтверждающего тот факт, что заградительные отряды стреляли по своим войскам. Не приводятся такие случаи и в воспоминаниях фронтовиков.

В постсоветское время завеса тайны над многими проблемами деятельности органов безопасности в годы Великой Отечественной войны стала приоткрываться благодаря тому, что появились публикации, посвященные разведке и контрразведке¹. Тем не менее, сами архивные документы органов безопасности по-прежнему имели гриф «совершенно секретно» и были недоступны исследователям.

Только в 1990-е гг. в Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации были сняты ограничительные грифы с многих документов, касающихся работы органов НКВД во время Сталинградского сражения. Важнейшие из них обнародованы в многотомнике о деятельности органов государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне². Подборка уникальных рассекреченных архивных документов опубликована в книге «Сталинградская эпопея»³, подготовленной архивистами ФСБ России.

В Волгограде вышли в свет сборники документов, очерков и воспоминаний, отражающие участие Управления НКВД по Сталинградской области в Сталинградской битве⁴. Историки получили достоверную архивную информацию об участии сотрудников НКВД в создании истребительных батальонов, партизанских отрядов, об их борьбе с диверсантами и шпионами, немецкими разведывательными, контрразведывательными и диверсионными органами.

В числе других проблем по истории органов безопасности периода войны 1941-1945 гг. в документальных публикациях нашла свое отражение и тема заградительных отрядов.

Как известно, с начала Великой Отечественной войны для борьбы с дезертирами и паникерами в прифронтовой полосе, на дорогах, железнодорожных узлах и в лесных массивах создавались заградительные отряды. Первоначально подразделения заградительной службы создавались из военнослужащих подразделений и частей войск НКВД по охране тыла фронтов. В их состав включались оперативные сотрудники особых отделов.

Заградительные отряды задерживали военнослужащих, покидавших поле боя, выявляли дезертиров, трусов и паникеров, а также лиц, подозреваемых в проведении разведывательной и диверсионной деятельности. Их опрос и предварительное расследование проводили военные контрразведчики. При обнаружении признаков состава преступления материалы проверки передавались в военные трибуналы.

В директиве Управления особых отделов НКВД СССР от 28 июля 1941 г. указывалось на необходимость направления в заградительные отряды опытных оперативных сотрудников. Особо отмечалось, что проверкой задержанных должны заниматься не военнослужащие заградотрядов, а оперативные сотрудники особых отделов⁵.

За период с 22 июня по 10 октября 1941 г. особые отделы НКВД и заградительные отряды войск НКВД по охране тыла задержали 657 тысяч 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами особых отделов задержано 249 тысячи 969 человек, заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла – 407 тысяч 395 военнослужащих. Из числа задержанных особыми отделами арестовано 25 тыс. 878 человек, остальные 632 тысячи 486 человек были распределены по войсковым частям и вновь направлены на фронт. По постановлениям особых отделов и по приговорам военных трибуналов расстреляно 10 тысяч 201 человек, из них перед строем – 3 тысячи 321 человек⁶.

В начале сентября 1941 г. войска Брянского фронта наносили фланговый удар по 2-й танковой группе немецких войск, наступавшей на юг, однако не предотвратили выход этой группы в тыл к войскам Юго-Восточного фронта. При этом войска фронта понесли значительные потери. Одной из причин были случаи паникерства и трусость. Отдельные командиры и бойцы оставляли поле боя. Некоторые части самостоятельно отходили из района боевых действий. В этих условиях командующий Брянским фронтом А.И. Еременко обратился в Ставку Верховного Главного Командования (ВГК) с просьбой разрешить создание заградительных отрядов в тех дивизиях, которые зарекомендовали себя как неустойчивые.

5 сентября 1941 г. Ставка ВГК разрешила создание заградительных отрядов в таких дивизиях. От заградительных отрядов требовалось предотвращать самовольный отход частей, останавливать их в случае бегства, при необходимости применять оружие⁷. В дальнейшем практика создания таких специальных подразделений была расширена. 12 сентября 1941 г. Ставка ВГК выпустила директиву о создании заградительных отрядов в стрелковых дивизиях войск Юго-Западного направления⁸.

В начале 1942 г. начальник Управления особых отделов НКВД (УОО) В.С. Абакумов с группой оперативных работников выехал на Брянский фронт, чтобы проверить эффективность работы заградительных отрядов и деятельность особых отделов НКВД по борьбе с изменниками Родины и дезертирами. Представительная комиссия УОО установила, что особые отделы НКВД Брянского фронта за период с 1 января по 25 апреля 1942 г. арестовали 1 тыс. 978 человек. Из них пытавшихся изменить Родине – 415; дезертиров – 579; шпионов – 244. За антисоветскую деятельность и другие преступления – 740. К высшей мере наказания было приговорено 404 человека, в том числе расстреляно перед строем 89 человек⁹.

Комиссия пришла к заключению, что все изменники Родине перешли на сторону врага из боевого охранения, как в одиночку, так и группами и, в основном, они были земляками. Дезертировали преимущественно те, чьи семьи проживали недалеко от линии фронта. Комиссия особо отметила, что политработа среди частей передовой линии фронта велась плохо, газеты поступали редко и малом количестве, политсостав проводил недостаточно бесед с бойцами. В то же время перед фронтом 3-й, 13-й и 40-й армий противник вел усиленную агитацию, разбрасывал листовки и использовал радиостановки для антисоветских передач. Но при всем при этом заградительные батальоны дивизий использовались не по назначению, а в 13-й армии их не было вообще.

Учитывая, что причины, способствующие измене Родине и дезертирству, выявленные на Брянском фронте, характерны для всех фронтов, Л.П. Берия направил И.В. Сталину следующие предложения¹⁰:

« – военным Советам фронтов и армий запретить посылку в боевое охранение на передний край обороны бойцов и младших командиров, осужденных трибуналами с посылкой на фронт, вышедших из плена и лиц, семьи которых проживают на территории, оккупированной противником;

– обязать Главное политическое управление Красной армии принять меры к усилению политико-воспитательной работы среди бойцов и, главным образом, на передовой линии фронта и в частях, укомплектованных национальными меньшинствами;

– запретить военным Советам фронтов и армий использовать имеющиеся в дивизиях заградительные отряды не по прямому назначению;

– обязать командиров и военкомов дивизий и полков рассредоточивать в частях дивизий односельчан, не допуская создания земляческих групп».

Анализ архивных материалов показал, что за период войны особые отделы НКВД в Действующей Красной армии арестовали 80 тыс. 583 человека. Из них за попытку изменить Родине и предательские настроения арестовано 14 тыс. 43 человека, дезертиров – 26 тыс. 794 человека¹¹.

Однако этих мер оказалось недостаточно.

Летом 1942 г. произошло резкое обострение обстановки на советско-германском фронте, что отрицательно повлияло на боеспособность советских войск. В условиях, когда требовалось усилить сопротивление врагу и остановить его продвижение, прекратить дезертирство и паникерство на передовой линии фронта, вышел приказ Наркомата обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227.

По мнению известного военного контрразведчика генерала Н.Н. Селивановского, который в годы войны возглавлял Особый отдел НКВД Юго-Западного, Сталинградского и Южного фронтов, приказ «Ни шагу назад!» оказал огромное влияние на ход военных действий. Признавая жесткий характер этого приказа, нельзя не отметить, что он сыграл стабилизирующую роль в упорядочении боевой обстановки на фронтах¹².

В то же время этот приказ существенно изменил в худшую сторону отношение к сотрудникам военной контрразведки, так как именно им было поручено возглавить деятельность заградительных отрядов в тылу Действующей армии и бороться с паникерами и дезертирами. Особый отдел получил широкие карательные полномочия.

В соответствии с этим приказом в общевоинских армиях было сформировано по 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов численностью до 200 человек¹³. Отряды размещались в тылу неустойчивых дивизий. В случае паники и беспорядочного отхода частей от них требовалось способствовать выполнению бойцами долга перед Родиной, вплоть до расстрела на месте паникеров и трусов.

По данным Особого отдела НКВД Сталинградского фронта, приказ НКО № 227 в частях и соединениях фронта был воспринят неоднозначно. Приказ поднял боевой дух личного состава частей, укрепил веру в победу над фашизмом. Большинство бойцов и командиров восприняли содержание приказа, как своевременную, справедливую, жизненно необходимую меру для того, чтобы остановить и разгромить врага. В то же время высказывались опасения, что могут пострадать невинные командиры, так как отдельные подразделения и части на Сталинградском фронте настроены панически, и удержать их достаточно сложно. Некоторые полагали, что вся тяжесть приказа придется на рядовой, младший и средний командные составы, которые принимают непосредственное участие в боевых действиях, а старшее и высшее командования останутся в стороне.

Высказывались опасения, что издание приказа не исправит положения, немцы продолжают наступление, красноармейцы начнут не отступать, а сдаваться в плен. Заградительные отряды будут расстреливать бойцов с тыла, а немцы с фронта, в результате может произойти столкновение между частями Действующей армии и заградительными отрядами¹⁴.

Сотрудники особых отделов в отношении лиц, негативно высказывавшихся по поводу издания приказа НКО № 227, возбуждали уголовные дела, проводили аресты и расстрелы трусов, дезертиров и паникеров, бросавших оружие и бежавших с поля боя.

За период с 28 июля по 7 августа в войсках Сталинградского фронта было сформировано три армейских заградительных отряда, каждый по 200 человек. Эти заградительные отряды и заградительные батальоны задержали 363 человека. В результате проверки 187 человек направлены в свои подразделения, 43 – в отдел укомплектования, 73 – в спецлагеря НКВД, 27 – в штрафные роты, 2 – на медицинскую комиссию, 6 – арестовано, 24 – расстреляно перед строем. В течение последней пятидневки августа 1942 г. Особым отделом НКВД Сталинградского фронта за трусость, дезертирство и паникерство было расстреляно 12 бойцов и командиров¹⁵. К концу сентября 1942 г. в частях Сталинградского и Юго-Восточного

фронтов действовал 41 заградительный отряд, сформированный из бойцов и командиров, положительно проявивших себя в боях против немцев. Начальниками заградительных отрядов назначались проверенные в боях сотрудники ОО НКВД СССР.

В течение августа–сентября 1942 г. в районе Сталинграда ими было задержано 45 тыс. 465 военнослужащих, в том числе 218 человек командно-начальствующего состава, сбежавших с передовой линии фронта. Из числа задержанных арестовано 699 человек, по постановлениям особых отделов на месте и перед строем расстреляно трусов, паникеров и членовредителей – 664 человека, направлено в штрафные батальоны и роты – 1 тыс. 292 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты – 41 тыс. 472 человека¹⁶.

6 августа в результате обстрела противником командного пункта и боевых порядков 91-й стрелковой дивизии 51-й армии войска, находящиеся в обороне, начали беспорядочно отходить. Заградительный отряд 51-й армии открыл по отступающим частям огонь и возвратил на исходное положение 200 бойцов и командиров, паника была прекращена.

5 сентября заградительный отряд 62-й армии задержал и возвратил в части свыше 102 военнослужащих 196-й стрелковой дивизии, сбежавших с поля боя. 14 сентября противник предпринял наступление против частей 399-й стрелковой дивизии 62-й армии, оборонявшей Сталинград. Бойцы и командиры 396-го и 472-го стрелковых полков начали в панике отходить. Личный состав полков был остановлен заградительным отрядом и занял прежние рубежи своей обороны.

В боях за Сталинград из-за больших потерь отдельные части не в состоянии были удерживать оборону. По требованию командования заградительные отряды вступали в бой с противником и успешно сдерживали его натиск. 15 и 16 сентября 3-й заградительный отряд 62-й армии успешно вел бои с превосходящими силами противника в районе железнодорожного вокзала Сталинграда. Несмотря на свою малочисленность, заградительный отряд не только отбивал атаки противника, но и наступал, причиняя значительные потери. Отряд оставил свой рубеж только тогда, когда ему на смену подошли части 10-й стрелковой дивизии.

4-й заградительный отряд 62-й армии в течение четырех суток отражал атаки противника на подступах к важной высоте и удерживал свой рубеж до подхода воинских частей¹⁷. За период с 13 по 15 сентября 1942 г. заградительным отрядом ОО 62-й армии задержано 1 тыс. 218 отставших военнослужащих, из них расстрелян 21 дезертир, арестовано 10 человек, остальные отправлены в свои части.

17 и 18 сентября 1942 г. заградительными отрядами 57-й, 62-й и 64-й армий было задержано 174 отставших военнослужащих, из них расстреляно 6 дезертиров, арестовано 5 человек, остальные отправлены в свои части.

Непосредственно в районе боевых действий в тылах дивизий и армий заградительные отряды задерживали дезертиров. 23 сентября во время наступления противника две роты 13-й Гвардейской стрелковой дивизии начали отступать. Заградительный отряд 62-й армии задержал отход подразделений и восстановил положение.

Работник особого отдела Павлов с группой бойцов из 13 человек заградительного отряда 62-й армии в районе центральной переправы собрал до 400 бойцов различных частей и повел их в бой. Заградительные отряды 62-й и 64-й армий только за сутки задержали 659 человек, из них было расстреляно 8, арестовано 24, в числе которых шпионов – 1, изменников Родине – 3, трусов – 8, дезертиров – 4, членовредителей – 8. Остальные задержанные направлены в части¹⁸.

К середине октября 1942 г. в действующих частях Красной армии было сформировано 193 заградительных отряда. Из них в частях Сталинградского фронта – 16, Донского фронта – 25, а всего 41 отряд, которые подчинялись ОО НКВД армий. Наибольшее количество задержаний произведено заградительными отрядами Донского и Сталинградского фронтов. На Донском фронте задержано 36 тысяч 109 человек, арестовано 736 человек, расстреляно 433 человека, направлено в штрафные роты 1 тысяча 56 человек, штрафные батальоны – 33 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 32 тыс. 933 человека. На Сталинградском фронте задержано 15 тысяч 649 человек, арестовано 244 человека, расстреляно 278 человек, направлено в штрафные роты 218 человек, штрафные батальоны – 42 человека, возвращено в свои части и на пересыльные пункты 14 тысяч 833 человека¹⁹.

В период ожесточенных боев с противником заградительные отряды на Сталинградском и Донском фронтах сыграли свою роль при наведении порядка в воинских частях и предупреждении неорганизованного их отхода с занимаемых рубежей, возвращении значительного числа военнослужащих на передовую линию фронта. Но, по мнению руководства военной контрразведки, заградительные отряды НКВД часто привлекались к ведению боевых действий без достаточных оснований, неся при этом значительные потери.

24 октября 1944 г. Особый отдел НКВД Донского фронта направил в НКВД СССР донесение: «Командующий генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский приказал заградительные отряды 66-й армии продвинуть вплотную к боевым порядкам наступающей пехоты», поскольку пехота, несмотря на приказы, не поднимается в атаку. Поэтому К.К. Рокоссовский поставил перед заградительными отрядами задачу заставить пехоту наступать. В этот же день Л.П. Берия направил записку И.В. Сталину, в которой просил срочно отменить приказ К.К. Рокоссовского, поскольку «при огневой насыщенности позиций противника и необходимости ходить по боевым порядкам, поднимая под огнем пехоту, заградительные отряды в один-два дня перестанут существовать»²⁰. В сообщении НКВД СССР в ГКО от 22 сентября 1942 г.

указывалось, что в период боев с 23 августа по 22 сентября 1942 г. военные контрразведчики обоих фронтов проверили около 300 тыс. военнослужащих. Задержали без документов 74 тыс. 644 человека, в том числе около 2 тыс. дезертиров и 1 тыс. 739 уголовных элементов. Арестовали за шпионскую деятельность 348 человек, в том числе более 50 агентов абвера, а также несколько десятков распространителей провокационных слухов. Всего до ноября 1942 г. чекисты обезвредили под Сталинградом 218 фашистских агентов, в том числе двух агентов-боевиков, готовивших террористический акт против командующего 62-й армией генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова.

11 октября 1942 г. ГКО принял постановление, в соответствии с которым дезертиры, задержанные за бандитизм и вооруженный грабеж, предавались суду военного трибунала по статье об измене Родине, совершенной военнослужащим. При исключительных обстоятельствах особо опасных дезертиров расстреливали перед строем.

В условиях напряженных боев, острого недостатка в обученном и подготовленном пополнении, дефицита времени для детального разбирательства в причинах отхода отдельных частей и подразделений Красной армии не обошлось без тяжелых ошибок и неправомерных действий со стороны работников следственных аппаратов и командиров заградотрядов. Решения принимались поспешно, подробное разбирательство проводилось не всегда. Имели место необоснованные аресты, необъективное ведение следствия, недостаточно тщательное и всестороннее расследование, многочисленные нарушения уголовно-процессуального законодательства²¹. Не всегда оправданной была жесткость при принятии решений, следственные действия по уголовным делам проводились поспешно, а зачастую командиры заградотрядов их не проводили вообще.

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и победы на Курской дуге в войне наступил перелом. Стратегическая инициатива перешла к Красной армии, и заградительные отряды утратили своё былое значение. В связи с изменением общей обстановки на фронтах полностью отпала необходимость в их дальнейшем существовании. Поэтому все они к 20 ноября 1944 г. (в соответствии с приказом НКО СССР от 24 октября 1944 г. № 0349) были расформированы²².

Архивные документы дают основание сделать вывод, что заградительные отряды задерживали дезертиров и подозрительный элемент в тылу фронта, останавливали отступающие войска. В критической ситуации они нередко сами вступали в бой с немцами, а когда военная обстановка изменилась в нашу пользу, стали выполнять функции комендантских рот. Выполняя свои прямые задачи, заградотряд мог открыть огонь над головами бегущих подразделений или расстрелять трусов и паникеров перед строем – но непременно в индивидуальном порядке. Однако никому из исследователей пока ещё не удалось найти в архивах ни одного документа, который

бы подтверждал факт, что заградительные отряды стреляли на поражение по своим войскам.

Хранящиеся в архивах органов безопасности документы, опубликованные и не опубликованные, настоящим историкам дают возможность составить объективное представление о том, что такое заградительные отряды на самом деле.

¹ *Коровин В.В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М., 1998. – С. 101–110.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. – М., 2003.

³ Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ России. – М., 2000.

⁴ Перелистывая документы ЧК. Царицын — Сталинград 1917 — 1945 гг.: Сборник документов и материалов. – Волгоград, 1987; Чекисты в Сталинградской битве: Документы, воспоминания, очерки. – Волгоград, 2002.

⁵ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 2. Кн. 1. М.: Русь, 2000. – С. 412–413.

⁶ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 12. Л. 333–335. ⁷ См.: ЦАМО России. Ф. 48 а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 166.

⁸ См.: ЦАМО России. Ф. 251. Оп. 646. Д. 465. Л. 231–233.

⁹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 9. Д. 9. Л. 351–352.

¹⁰ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 9. Д. 9. Л. 354.

¹¹ Остальные военнослужащие были арестованы и осуждены за контрреволюционную пропаганду и пораженческие настроения, после войны они были реабилитированы, как пострадавшие по политическим мотивам.

¹² См.: *Демидов В., Кремнев П.* Верность отечеству / Чекисты в Сталинградской битве: Документы, воспоминания, очерки. Волгоград, 2002. С. 201.

¹³ См.: Чекисты в Сталинградской битве: Документы, воспоминания, очерки. – Волгоград, 2002. С. 49.

¹⁴ См.: Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ России. – М., 2000. – С. 180–192.

¹⁵ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 14. Л. 223.

¹⁶ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 288.

¹⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 289, Ф. 14. Оп. 4. Д. 326. Л. 220–223.

¹⁸ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 1–2.

¹⁹ См.: Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ России. – М., 2000. – С. 230.

²⁰ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 9. Д. 16. Л. 92.

²¹ См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. – М., 2003. – С. 33.

²² Приказ наркома обороны И.В.Сталина № 0349 от 29 октября 1944 г. «О расформировании отдельных заградительных отрядов» гласил: «В связи с изменением общей обстановки на фронтах необходимость в дальнейшем содержании заградительных отрядов отпала. Приказываю: 1. Отдельные заградительные отряды к 13 ноября 1944 года расформировать. Личный состав расформированных отрядов использовать на пополнение стрелковых дивизий. 2. О расформировании заградительных отрядов донести к 20 ноября 1944 года». Опуб.: Военно-исторический журнал. 1988. № 8. – С. 80.

БОИ ПОД СТАЛИНГРАДОМ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО ГЕНЕРАЛА

*Статья в сборнике «1150 лет российской государственности и культуры»
Материалы к общему собранию Российской академии наук,
посвящённому Году российской истории. 18 декабря 2012 г.*

История Сталинградской битвы (17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) занимает особое место среди событий Второй мировой войны. В сражении за Сталинград решалась не только судьба России, но и народов других стран. Летом 1942 г. на советско-германском фронте сложилась критическая обстановка. Немцы обладали превосходством в силах, особенно в танках и авиации, и стремились захватить Сталинград и Кавказ, чтобы получить доступ к богатым нефтяным районам. Советское руководство надеялось на то, что союзники откроют второй фронт в Европе, что значительно облегчит обстановку на советско-германском фронте. Однако в августе 1942 г. советская разведка получила достоверные данные о том, что «военный кабинет Англии 25 июля на своем заседании принял решение второго фронта в этом году не открывать»¹. В июле 1942 г. после 250-дневной обороны был оставлен Севастополь, начались оборонительные бои за Северный Кавказ и Сталинград. Советские войска отходили, оставляя в руках врага богатейшие области Дона. Летом 1942 г. в связи с прорывом противника Ставка Верховного Главнокомандования направила на усиление Сталинградского направления 50 стрелковых и кавалерийских дивизий, 33 бригады, в том числе 24 танковые.

Главная причина неудач в сражениях на подступах к Сталинграду, обусловившая необходимость принятия чрезвычайных мер (создание заградительных отрядов, штрафных рот и батальонов, репрессии в отношении военнослужащих, при отступлении попавших в окружение), состояла в том, что при организации стратегической обороны повторялись ошибки 1941 г. В наступательных операциях 1941 г. и начала 1942 г. Красная армия имела лишь ограниченные успехи, так как не удавалось добиться массированного использования сил и средств на избранных направлениях.

Иначе было под Сталинградом². На втором этапе Сталинградской битвы (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.) войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов к началу контрнаступления имели примерно

равное соотношение сил и средств с противником в людях и самолетах, в артиллерии – в 1,7 раза, а в танках – в 2,3 раза³.

План действий советских войск по окружению и разгрому врага на Сталинградском направлении, получивший наименование «Уран», готовился в строжайшем секрете. Ни командование, ни штабы армий, которым предстояло перейти от обороны в наступление, до конца октября 1942 г. не знали об этом плане⁴. Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, перейдя в наступление 19 ноября, уже 23 ноября соединились в районе Калача и окружили основные силы 6-й полевой германской армии. На внутреннем фронте окружения развивал наступление Донской фронт. Успех советских войск под Сталинградом создал условия для перехода в наступление частей и соединений Красной армии на Северном Кавказе. В результате советские войска, развернув всеобщее наступление на юге, продвинулись до 400-500 км, что означало начало коренного перелома в ходе всей Великой Отечественной войны.

Сталинградская битва разворачивалась на огромной территории, почти в 100 тыс. км². На главном европейском театре военных действий решался главный вопрос Второй мировой войны: либо нацистская Германия одержит победу, прорвется на юго-восток и сделает новый шаг к мировому господству, либо Советский Союз одолеет врага и сделает решительный шаг к победе над германскими армиями и их союзниками.

Победа Красной армии под Сталинградом потрясла гитлеровскую коалицию, угнетающе подействовала на сателлитов Германии. Руководящие круги Италии, Румынии, Венгрии и Финляндии, чтобы спастись от надвигающейся катастрофы, стали искать предлог для выхода из войны и заключения сепаратного мира с США и Англией. Победа Красной армии в битве на Волге укрепила блок антигитлеровских сил, а Сталинград стал символом мужества, героизма и победы.

25 ноября 1942 г. в сообщении ТАСС были процитированы высказывания жителей Нью-Йорка о событиях в районе Сталинграда, которые назывались «самым серьезным поражением немцев за всю войну». Говорилось, что «повсюду на улицах, в метро, автобусах восторженно обсуждаются сообщения о советских победах. Печать и радио широко комментируют наступление частей Красной армии, которое имеет огромное значение. Занятие советскими войсками города Калач и ряда железнодорожных пунктов является хорошо подготовленной операцией, которая может оказать серьезное воздействие на боевую мощь всей германской армии. Советское наступление приобретает огромную силу и чреватое разгромом немцев на юге. Советские войска, возможно, поймут в ловушку большую часть германских войск под Сталинградом».

Особое место во взаимоотношениях союзников имело прямое общение высших руководителей, в том числе путём использования визитов личных представителей. В ноябре 1942 г. в Москву в качестве специального

представителя президента США Ф.Д. Рузвельта прибыл бригадный генерал американской армии Патрик Хэрли⁵, имевший при себе рекомендательное письмо от президента⁶. 5 ноября 1942 г. временный поверенный в делах США в СССР Л. Гендесон⁷ и генерал Хэрли встретились с В.М. Молотовым. Запись этой беседы опубликована⁸.

14 ноября 1942 г. Хэрли был на приеме у Сталина. Беседа продолжалась почти полтора часа. В послании президенту Рузвельту Сталин сообщил: «С ген. Хэрли имел продолжительную беседу по вопросам стратегии. Мне кажется, что он понял меня и убедился в правильности проводимой ныне союзниками стратегии. Он просил о возможности посетить один из наших фронтов и, в частности, побывать на Кавказе. Эта возможность будет ему обеспечена. На советско-германском фронте за последнюю неделю не произошло каких-либо серьезных изменений. В ближайшее время думаем начать нашу зимнюю кампанию. Сейчас идёт подготовка к ней. О ходе кампании буду извещать Вас»⁹.

Хэрли так сформулировал цель своей поездки на фронт: получить свежую информацию о стратегии, боевых операциях и штабной службе, а также о мощи и эффективности живой силы Красной армии, для того чтобы проинформировать непосредственно президента Рузвельта. Оценка генерала Хэрли – бывшего военного министра, а в это время посланника США в Новой Зеландии – была очень важна для Рузвельта. Он хотел, чтобы на основе личных впечатлений Хэрли «смог бы заверить правительства Новой Зеландии и Австралии в том, что наиболее эффективным способом, при помощи которого Объединённые Нации совместно могут нанести поражение Гитлеру, является оказание всей возможной помощи доблестным русским армиям, которые столь блестяще сопротивляются натиску гитлеровских армий» и что нужно «объединиться для обеспечения возможности поражения Гитлера и что это является наилучшим и наиболее верным путём обеспечения поражения Японии»¹⁰.

Во время беседы Хэрли просил Сталина организовать ему поездку на важнейшие участки советско-германского фронта. Получив известие о первых успехах контрнаступления Красной армии в районе Сталинграда, Сталин разрешил поездку. С 28 ноября по 7 декабря 1942 г. генерал Хэрли и сопровождавшие его помощник американского военного атташе в СССР подполковник Ричард Парк и майор Джон С. Генри совершили поездку на Юго-Западный фронт¹¹. Позднее они побывали и на Кавказе. Американцы, собирали военную и политическую информацию, которая давала им наглядное представление об обстановке в районе Сталинграда в первые дни контрнаступления, беседовали с советскими солдатами, офицерами и генералами. В докладе Р. Парка, представленном в Комитет начальников штабов США 25 января 1943 г., отмечалось, что «генерал Хэрли, будучи динамичной личностью, уговорил Сталина разрешить американцам посетить какой-либо из активных фронтов. Были выбраны районы реки Дон

и Кавказа. Эта поездка, которая продолжалась месяц, была удачной. Было получено хорошее описание, но многие детали отсутствовали. Русские просто не объясняли свои операции в деталях»¹².

В течение всей поездки американцы находились под наблюдением сотрудников НКВД, что было связано, во-первых, с обеспечением их безопасности, так как поездка во фронтовую полосу была сопряжена с различными потенциальными и реальными угрозами, а во-вторых – с необходимостью контроля за иностранцами и анализа их реакции на увиденное и услышанное. В ходе поездки американцы вольно или невольно делились с советскими военнослужащими впечатлениями и систематически вели записи, на основе которых впоследствии подготовили доклад. По завершении поездки о содержании этих записок 31 декабря 1942 г. Л.П. Берия доложил Сталину¹³.

В настоящей статье, подготовленной на основе документальных материалов Центрального архива ФСБ России, предпринята попытка реконструировать основные события пребывания американцев на фронте в районе Сталинграда и восприятие ими военной обстановки. Оценка американцами отдельных событий и фактов и ситуации на различных участках фронта несколько расходилась с официальными советскими данными. В архивных документах военной контрразведки отмечалось, что подполковник Парк хорошо владеет русским языком, знает устройство Красной армии, её вооружение, положение и быт в стране.

В пути следования американцы вели оживлённые беседы по различным вопросам. Причём вопросы ставили неожиданно, чтобы получить ответ быстро, без обдумывания. Так, офицеру штаба 21-й армии¹⁴ был задан вопрос: «Скажите от души, правда ли то, что пишут в газетах об издевательствах немцев над русскими или это для агитации?»¹⁵. Так же подробно расспрашивали о том, какие именно части участвовали в боях на конкретных участках фронта, которые они осматривали.

Итак, 28 ноября в 11 час. генерал Хэрли на самолете «Дуглас» с советским экипажем из четырёх человек вылетел из Москвы в Сталинград. Для сопровождения выделили четыре истребителя, которые должны были предотвратить возможные атаки германских самолётов. Видимость в день перелёта в Сталинград была хорошая, небольшая облачность и незначительная метель не мешали американцам вести наблюдение за местностью, над которой пролетал самолёт. Маршрут пролегал над территорией Рязанской области, городами Моршанском, Борисоглебском, Поворином. В 14 час. самолёт приземлился на полевым аэродроме в районе ст. Новоанненской¹⁶.

Дальше по запланированному маршруту Хэрли и сопровождавшие его лица направилась на двух пассажирских машинах «ГАЗ». Примерно в 18 км от Новоанненской американцы обратили внимание на большое двухэтажное здание и несколько других построек, в которых располагалась машинно-тракторная станция (МТС). Вокруг каждого строения стояли хорошо замаскированные кустарником армейские грузовики. Американцам объяснили,

что практически все МТС, находившиеся в прифронтовой полосе, в военное время были переоборудованы в ремонтные станции, на которых проводился ремонт военной техники и армейского автомобильного транспорта. Интерес у американцев вызвала то, как советские военные водители запускали автомобиль в холодную погоду: заливали теплую воду в систему охлаждения двигателя, а также использовали «кривой стартер», если аккумулятор разряжен.

В 16 час. 25 мин. в небе появился немецкий самолёт «Хейнкель-111», при приближении которого группа генерала Хэрли остановилась на обочине дороги. После того как самолёт набрал высоту и улетел на запад, группа продолжила движение по казачьим хуторам и станицам. Американцы отмечали примитивность домов, вокруг которых были вырыты узкие и глубокие окопы. В 17 час. 20 мин. группа остановилась на ночлег в населённом пункте Кучурине.

На следующий день, 29 ноября в 6 час. 50 мин. американцы выехали из Кучурина. В ст. Кумылженской¹⁷ они обратили внимание на большое количество лётчиков, а также на то, что на каждой стороне дороги на расстоянии 25–30 м для обозначения дороги в ночное время и ориентирования в случае снегопада располагались столбы высотой около 2,5 м с привязанными к ним пучками соломы. Американцы сделали вывод, что эта дорога не была важной линией снабжения, так как по ней редко передвигался грузовой транспорт. Проезжая через ст. Глазуновскую¹⁸ американцы заметили понтоны, которые перевозились на грузовиках и прицепах, а также отметили работу роты сапёров по улучшению дороги, рытье пулемётных гнёзд и укрытий от налётов авиации для автотранспортных средств.

В 9 час. 30 мин. группа прибыла к берегу Дона, уже покрытому льдом, поверх которого был сооружён временный деревянный мост длиной около 300 м, охранявшийся с обеих сторон. По льду были проложены 14 двухпроводных кабелей линии связи, которые вели в г. Серафимович¹⁹, расположенный на южном, отвесном берегу Дона, где дислоцировался штаб фронта. Красноармейцы на берегу оборудовали огневые позиции. В г. Серафимович наблюдались следы недавних бомбардировок: большинство зданий и строений были сильно повреждены, а многие полностью разрушены. В несколько церквей попали бомбы, но они уцелели. По мнению иностранцев, купола церквей представляли собой хорошие ориентиры. В течение 22 дней город Серафимович был оккупирован румынскими войсками. После нанесения бомбового удара советской авиации и решительного наступления советских войск Серафимович был освобождён. Американцы заметили, что «город, расположенный на возвышенности, имел хорошие условия для обороны, если бы его защитники проявили какое-либо сопротивление». Автомобильное движение в городе было сведено до минимума, чтобы затруднить воздушной разведке противника обнаружение штаба фронта. Во время пребывания в Серафимовиче группе генерала Хэрли предоставили усиленную охрану и сопровождение.

В 14 час. 45 мин. группа выехала из Серафимовича. Проехав около 10 км к югу, пришлось задержаться из-за подрыва на минах двух грузовиков, двигавшихся навстречу. В результате последовательного взрыва шести мин машины были серьёзно повреждены. Эти грузовики возвращались в тыл с гражданскими беженцами. Смертельные ранения получили женщина и девочка, примерно, 14 лет. Майор Генри оказал им первую медицинскую помощь, дав таблетки из неприкосновенного запаса. Девочку перевязали американской марлей. Советские сапёры провели разминирование дороги, однако лёд и снег скрывали мины до тех пор, пока температуры воздуха не повысилась, что и позволило работать сапёрам. Взрыв образовал «пробку» на дороге, движение в обе стороны прекратилось. Как раз в этот момент над скоплением людей и транспорта спустился «Хейнкель», но атаку провести не успел, т.к. подоспел советский истребитель «Як». Оба самолёта ушли в западном направлении. Советские офицеры, сопровождавшие группу, посоветовали генералу Хэрли воспользоваться более безопасной дорогой, но тот заявил, что предпочитает следовать по этому, более прямому пути и через подполковника Парка, исполнявшего обязанности переводчика, настоял на том, чтобы дорога была очищена для возобновления по ней движения. Генерал Хэрли и два советских офицера отправились через минированный район пешком, советские и американские офицеры остались на месте до расчистки дороги. Во время этой остановки на дороге мимо американцев, как было отмечено в их записках, «в сторону города Серафимович прошла группа удручённых и испуганных пленных румын. Их неуклюжая походка отражала отсутствие способности или желания воевать. Все они были одеты в пальто, высокие меховые шапки и лёгкие зелёного цвета брюки. У многих не было ботинок, а ноги завернуты в тряпки. Некоторые из них были ранены. Многим было примерно 30 лет, некоторые казались старше. При дальнейшем движении водители машин старались объезжать оттаявшие места на дороге, т.к. там могли быть мины. Сопровождавший американцев советский офицер отметил то, что не преминули записать американцы: «немецкие мины имеют стальные верхние пластинки, а потому их легче обнаружить, чем деревянные мины советского производства».

Далее группа генерала Хэрли следовала по пути разбитой и отступающей румынской армии, которая потеряла в Серафимовиче шесть дивизий. После отступления из этого города румыны пытались организовать сопротивление в хут. Басковском, расположенном в 20 км южнее. В этом населённом пункте американцы обратили внимание на разрушительную эффективность советской артиллерии: от каждой постройки остались лишь голые стены. Одно из разрушенных зданий было превращено в склад трофейного вооружения и снаряжения. Здесь американцы увидели большое количество румынских винтовок, касок, штыков, противогазов, эрзац-ботинок. Кроме того, там находились две батареи лёгкой полевой артиллерии и несколько 25- и 45-мм зенитных орудий типа «Vofors». В ст. Распопин-

ской²⁰ был обнаружен ещё один склад с трофейными материалами. В основном это было поставившееся в румынскую армию вооружение германского производства устаревших образцов.

Около 20 час. 30 мин. группа прибыла в хут. Захаров²¹, расположенный примерно в 20 км юго-западнее ст. Клетской²². Здесь участников поездки встретил офицер штаба 21-й армии, всех накормили ужином и разместили на ночлег. Утром группа генерала Хэрли вернулась в район ст. Клетской, у изгиба Дона, для обзора действий советских войск по освобождению этого населённого пункта. Командир 76-й дивизии²³ Н.Т. Таварткиладзе²⁴ объяснил генералу Хэрли, что наступление на этом участке фронта началось утром 19 ноября 1942 г. интенсивным артиллерийским обстрелом вражеских позиций с противоположного берега. Артиллерийские батареи удалось подготовить скрытно, румынские военнослужащие или ничего не знали об этом или не придали этому значения. Советские офицеры, напротив, были хорошо осведомлены о румынских позициях, сведения о которых они получили в основном в результате воздушной разведки. Действия советских наземных сил отличались хорошим взаимодействием. Один стрелковый полк направился в обход правого фланга противника, а танковый полк – в обход левого. В течение получаса огонь артиллерии разбил передовые позиции румынских войск и подавил их орудия, за исключением дальнобойной артиллерии. Советские танки и пехота в течение полутора часов преодолели сопротивление противника и заняли господствовавшие высоты. Затем 76-я дивизия начала преследование ошеломлённых внезапною атакой румын. Для артиллерийской подготовки было приготовлено 109 тысяч снарядов, но было использовано только около 20% от этого количества.

Восточная часть ст. Клетской была полностью разрушена. Дорога, ведущая от станицы к реке, подверглась сильной бомбардировке. Американцам объяснили, что германские ночные бомбардировщики, пытаясь разрушить подступы к высотам, сбрасывали бомбы бесцельно. У высот американцы насчитали несколько сотен воронок. В нескольких километрах от города американцы видели следы недавних боев – разбитые немецкие 85-мм зенитные орудия. Реконструируя ход боевых действий, американцам пояснили, что остатки 3-й румынской армии²⁵ пытались оказать сопротивление в районе дер. Селиваново²⁶, но в ночь на 24 ноября советские войска, потеряв несколько танков, выбили их из этого населенного пункта и захватили армейскую тяжёлую артиллерию противника – 27 единиц 155-мм и 105-мм орудий, а также два истребителя танков с 75-мм орудиями. На поле боя оставалось несколько немецких танков Т-III и Т-IV. Резина на передних колёсах имела английскую надпись «Continental».

На дороге к Верхней Бузиновке²⁷ участники поездки видели две трофейные подвижные механические мастерские, которые красноармейцы использовали для ремонта советской техники, а для маскировки покрасили их в белый цвет. В четырёх километрах к северо-востоку от Верхней

Бузиновки американцы увидели другое поле недавних боевых действий, на котором находились ещё не убранные трупы солдат противника. Американцам пояснили, что здесь 3-я советская кавалерийская дивизия, поддерживаемая танками и пехотой, встретила с 7-й румынской кавалерийской дивизией, которую поддерживала конная артиллерия. Румыны пытались прикрывать свои части, отступавшие к Осиновке. Они имели много фуража, но мало воды для лошадей. «Имея против себя русских наездников, находившихся в лучших условиях, прекрасных, сильных сибирских лошадей и превосходящую огневую силу, румыны не оказались достойным противником». Американцы отметили: «В северном направлении без охраны тащились пленные».

В Евлампиевском располагался аэродром. Как сообщили американцам советские офицеры, этот аэродром рано утром 22 ноября был внезапно захвачен частями 76-й дивизии. Немцы пытались вернуть аэродром, бросив в контратаку танки. Советская батарея, состоявшая из 6 орудий, прицельным огнем уничтожила 17 танков противника, остальные повернули обратно. На Евлампиевском аэродроме, который прикрывала только одна зенитная батарея, как отметили американцы в итоговом докладе, имеются «склады с несколькими сотнями 55-галлонных газолиновых баков, две современные германские автоцистерны, передвижная ремонтная мастерская, радиостанция на автомобиле и несколько других автомашин». На поле боя американцы насчитали 25 повреждённых немецких самолётов. 17 самолётов были захвачены на аэродроме в исправном состоянии.

Из Евлампиевского группа продолжила движение к югу, по направлению к Голубинску, где располагался штаб 21-й армии. Пересекая очередное поле бывшего боя, иностранцы видели разбитые танки, самолёты и другую технику. Здесь снова появился самолёт «Хейнкель», но был отогнан советским истребителем. В Голубинске ещё неделю назад размещался штаб 6-й немецкой армии²⁸, а теперь находилась группа советских офицеров, занимавшихся изучением трофейных материалов. Американцев разместили в хате, а затем генерал Хэрли и его спутники были представлены командующему 21-й армией И.М. Чистякову²⁹, начальнику штаба В.А. Пенковскому³⁰, начальнику артиллерии Д.И. Турбину³¹, начальнику танковых войск Г.Н. Орлу³², приехавшему инспектору из Москвы генерал-майору И.Д. Векилову³³ и членам Военного совета. Американцы объяснили цель своей миссии: ознакомиться со стратегией Красной армии, посмотреть, как она ведёт боевые действия, а также изучить советскую систему снабжения и транспортные средства. Хэрли сказал, что получил от Сталина «разрешение на поездку на фронт с осмотром всего, чего пожелает, в том числе возможность познакомиться с бойцами и командирами Красной армии».

Генерал Чистяков показал топографические карты с нанесённой обстановкой и вкратце рассказал об участии своей армии в контрнаступлении. 21-я армия наступала к югу от г. Серафимович для соединения с двумя другими армиями, двигавшимися с юго-востока от Сталинграда, для оконча-

тельного окружения группировки противника. Армия Чистякова наступала на позиции, занятые румынскими войсками. Во время операции Чистяков получил инструкцию: поддерживать связь с армией генерала П.И. Батов³⁴ на своём левом фланге и с армией генерала П.Л. Романенко³⁵ – на правом. За четыре дня армия Чистякова продвинулась на 160 км к югу и востоку от рубежа Серафимович–Клетская навстречу наступавшим советским войскам. Соединение произошло в Мариновке и Зелёном, к востоку от Калача. После этого 21-я армия повернула на восток с целью участия в ликвидации окружённой группировки противника. По словам Чистякова, за четыре дня боёв его армия потеряла убитыми и ранеными 6 тысяч 300 человек, было выведено из строя 50 танков и 30 орудий.

Утром 1 декабря, когда группа генерала Хэрли покидала штаб Чистякова, американцы отметили, что над Голубинском курсом на восток пролетели 26 «Юнкерсов», вероятно, для снабжения окружённой немецкой группировки. За ними следовал самолёт наблюдения для производства фотоснимков советских огневых позиций. В Голубинске по самолётам был открыт огонь, но высота, на которой они летели, делала их недосыгаемыми для зенитных установок. Затем американцы пешком пересекли Дон, т.к. река промёрзла только на 10 дюймов, и толщина льда не позволяла двигаться на машинах.

Дальнейшая остановка была запланирована в штабе 76-й дивизии, которая незадолго до этого была награждена и переименована в 51-ю Гвардейскую дивизию. Штаб дивизии дислоцировался в Сокарновке, в 15 км от Голубинска. По пути американцы вновь наблюдали свидетельства недавних ожесточённых боев: окоченевшие трупы военнослужащих противника, трофейную технику и т.п.

В штабе 51-й Гвардейской дивизии генерала Хэрли встретил почётный караул – взвод хорошо снаряжённых солдат. Американцев ознакомили с результатами боевых действий дивизии, которая осуществила прорыв оборонительных рубежей и нанесла поражение румынам – 13-й³⁶ и 15-й³⁷ пехотной дивизиям. В районе Мариновка–Зелёный произошло соединение с дивизией П.Ф. Лагутина³⁸, входившей в состав 51-й армии³⁹ (командующий – Н.И. Труфанов⁴⁰) Сталинградского фронта. После освобождения ст. Клетской за четыре дня боев врагу было нанесено поражение в ст. Распопинской, румыны были разбиты в ночном бою в Селиванове и во взаимодействии с танками и кавалерией была захвачена армейская артиллерия противника в Верхней Бузиновке и аэродром в Евлампиевском. За эти действия дивизия стала Гвардейской, а её командиру было присвоено звание генерал-майора. «Его бойцы безрассудно отважны, неутомимы и в хорошей форме, их моральные состояния превосходно, и они жаждут воевать», – отметили в своём докладе американцы.

По оценке генерала Таварткиладзе, потери дивизии незначительны. В течение наступления было уничтожено до 30 тысяч солдат противника, в основном румынских. Захвачено большое количество военнопленных.

Командир дивизии провёл генерала Хэрли и его группу к передовым позициям. Окопы были вырыты на гребнях оврага и обогрелись кострами. Снайперы, вооружённые винтовками с оптическими прицелами, несли дежурство. Эта часть поездки дала американцам возможность судить о качествах советского солдата после продолжительных боев, ознакомиться с его образом жизни в условиях непосредственного соприкосновения с врагом. Американцы особо отметили, что «в дивизии проходят службу военнослужащие более 50 национальностей: татары, казахи, грузины, азербайджанцы, таджики, киргизы, армяне и другие. Более 800 человек награждено, и каждый воин носит на правой стороне груди гвардейский значок». Американцы имели полную возможность дать собственную оценку действиям Красной армии, а также изучить трудности, с которыми приходилось сталкиваться.

Позднее группа генерала Хэрли вернулась в штаб 21-й армии для второй встречи с генералом Чистяковым и его штабом. Там они побеседовали с начальником артиллерии 21-й армии Героем Советского Союза Д.И. Турбиным. Разговор касался артиллерийского вооружения Красной армии, тактики действий артиллерии и ремонта повреждённых орудий. В итоговой записке американцев особо отмечено, что если орудия нельзя быстро отремонтировать на поле боя или в ближайшем тылу силами передвижных ремонтных мастерских, то их отправляют для ремонта в Саратов или Пензу. Не забыли упомянуть и о том, что снаряды немецкого миномёта (60-мм) могут быть использованы в 62-мм советском миномёте, но советские мины (62-мм) не подходят к немецким миномётам, и что артиллерия Красной армии более чем на 60% моторизована, а миномёты в основном имеют конную тягу.

Из разговоров с другими офицерами штаба 21-й армии американцы выяснили, что Красная армия располагает огромными запасами нефти и газа, а также резины и искусственного шёлка, закупленных в США и Японии. Они также сочли важным упомянуть и о том, что в советских войсках не существует отличительных цветов парашютов (они обычно белого цвета, но иногда выдаются парашюты цвета хаки) и что советские войска, находящиеся в окружении, снабжаются посредством специальных самолётов.

2 декабря в 8 час. 30 мин. утра группа генерала Хэрли выехала из Голубинска на аэродром в ст. Новоанненской. По пути встречались войска, двигавшиеся к фронту на машинах и пешим порядком. Как объяснили американцам, это были солдаты, отставшие от своих частей, или пополнение. Американцы сделали записи: «Все они были грубы, жёстки и упрямы – крестьяне различных национальностей». Отмечалось более оживлённое, чем в предыдущий день, движение автотранспорта. Большинство машин было советского производства, но много было и машин американского производства – «Форд», «Студебеккер», а также немецкие и чешские машины.

Группа американцев пересекла Дон севернее ст. Клетской. На обоих концах узкого временного бревенчатого моста наблюдалось большое скопление транспорта. Это движение слабо контролировалось, никаких

зенитных орудий близ моста не было видно, и налёт немецких самолётов мог обернуться катастрофой. Генерал Хэрли посоветовал сопровождавшему их полковнику Фомченко направить офицера, командовавшего переправой, установить контроль на подступах к мосту и обеспечить противовоздушную оборону. С востока сравнительно низко пролетел немецкий самолёт, который сделал круг над переправой и исчез прежде, чем в воздух поднялся советский истребитель. Встречные машины везли к фронту фураж, запасные части, баки с нефтью. Некоторые машины перевозили раненых. Американцы видели танки Т-34, направлявшиеся к фронту. Американских танков в этой поездке ни разу не встретили, из чего сделали вывод, что главной силой советских танковых войск является танк Т-34, который подходит к зимним условиям гораздо лучше американских из-за ширины гусеницы. Группа двигалась «по дороге, заметённой снегом глубиной в 15 дюймов, через абсолютно пустынную местность. Только в одной из деревень оказалась небольшая группа красноармейцев. Были видны следы бомбардировки, некоторые бомбы, сброшенные на дорогу, весили 500 кг. В тыл, в сторону Серафимовича двигалась колонна из более ста румынских военнопленных. Их использовали для постройки дорог, мостов, рытья окопов, работы в колхозах и т.п.». После боев в районе ст. Клетской румынские пленные поступали по 2 тысячи человек в день.

В Серафимовиче генерал Хэрли был представлен командующему фронтом Н.Ф. Ватутину⁴¹ и офицерам штаба фронта: начальнику авиации С.А. Красовскому⁴², начальнику артиллерии М.П. Дмитриеву⁴³, А.С. Желтову⁴⁴, Г.Д. Стельмаху⁴⁵, В.М. Лайоку⁴⁶.

Генерал Ватутин, используя штабные карты, рассказал о развитии боевых действий пяти армий Юго-Западного фронта. Группировка противника в полосе наступления фронта состояла из 3-й румынской армии (9 пехотных, 3 танковых дивизии и кавалерийский корпус), поддерживаемой 22-й⁴⁷ и 24-й⁴⁸ немецкими танковыми дивизиями, которые по большей своей части оставались в резерве. Генерал Ватутин приказал осуществить прорыв и закрепить западный фланг, изгнать немцев из излучины Дона, а затем теснить немцев к Сталинграду. Ватутин заявил, что на своем участке генерал Батов не оставил в живых ни одного вражеского солдата. 19 ноября, в первый день наступления, были окружены 4 румынских дивизии, и линия фронта достигла высот 210, 176, 449, 131, 121 и Клетской; а на второй день – рубежа Коротковский–Головск–Селиваново–высота 640. На третий день наступления 3-й кавалерийский корпус⁴⁹, состоявший из 333-й, 293-й и 277-й дивизий, нанес поражение 2-му румынскому кавалерийскому корпусу, уничтожил румынскую дивизию и достиг рубежа высота 201–Евсеев–Нижняя Бузиновка. Танковый корпус разгромил 22-ю и 24-ю немецкие дивизии, оттеснив их на восток. 21 ноября две немецкие пехотные и одна моторизованная дивизии пытались контратаковать с запада на р. Чир, но были отброшены. На четвёртый день наступления, 22 ноября,

войска генерала Ватутина соединились с наступавшими с юга войсками в Мариновке и Зелёном. В течение четырёх дней войска прошли с боями 160 км, полоса прорыва составила 140 км. Успех, по мнению Ватутина, был достигнут благодаря прекрасной воздушной разведке, тесному взаимодействию пехоты и артиллерии, налаженной радиосвязи (он поддерживал ежечасную связь с каждой дивизией в течение всего четырёхдневного наступления). За эти дни противник потерял 234 танка, 977 орудий, 2 тыс. 941 автомашину и другую технику. Было взято в плен 53 тысяч человек. Потери противника убитыми составили 32 тысячи 221 человек.

В итоговом докладе американцев Сталинградская наступательная операция была представлена следующим образом. Началом операции по окружению Сталинградской группировки противника стало форсирование в начале ноября 1942 г. Дона в районе г. Серафимович и освобождение города от румынских войск, которые удерживали его в течение 22 дней. Основной удар был нанесен в течение 4 дней – с 19 по 22 ноября 1942 г. В авангарде наступления находилась 21-я армия, и к 23 ноября 1942 г. она прошла свыше 160 км. С армиями, находящимися на флангах, 21-я армия пробилась в немецкой обороне брешь в 140 км, установила связи с двумя другими армиями, продвигавшимися с юга, а затем повернула на восток, сжимая кольцо окружения вокруг Сталинградской группировки немцев. Эта армия проявила себя как мощное соединение, применяющее наиболее современную тактику и использующее в ходе боевых действий концентрированный огонь артиллерии, танки и кавалерию в тесном взаимодействии с пехотой. Нелётная погода не позволила максимально задействовать авиацию, но воздушная разведка, особенно до 19 ноября, сыграла огромную роль в успехе наступления 21-й армии. Пять армий, принимавших участие в наступлении на Дону, находились в составе Юго-Западного фронта. Правый (западный) фланг 21-й армии находился в соприкосновении с 48-й армией, левый (восточный) – с 65-й армией. В самом Сталинграде сражалась 62-я армия генерал-майора В.И. Чуйкова⁵⁰.

Во время поездки генерал Хэрли обсуждал вопросы, касающиеся стратегии и боевых операций, с генералами Ватутиным и Чистяковым и работниками их штабов, а также с генерал-майором Таварткиладзе. Генералу Хэрли и его группе были показаны детальные планы боевых операций и карты, им было предложено задавать любые острые вопросы, на которые они получали откровенные ответы, без приукрашивания реальной обстановки. Американцы осматривали как советское, так и трофейное снаряжение, проезжали по путям снабжения наступавших войск, тщательно осматривали транспортные средства. Они оценили эффективность деятельности в донских степях армий Юго-Западного фронта, отметили особенности местности для противоборствующих сторон, побывали на передовых позициях, видели ещё не убранные трупы военнослужащих армий противника, психически подавленных пленных.

Из разговоров не только с генералами, но и с младшими офицерами и солдатами, американцы вынесли впечатление о растущей мощи Красной армии, сумевшей оправиться от поражений 1941–1942 гг. Генерал Хэрли высказал удивление тем, как была организована поездка, скоростью движения, точностью продвижения по маршруту, хорошим его знанием сопровождавшими лицами. Большое впечатление произвёл осмотр трофеев и наиболее важных мест происходивших боев.

Задача, которая поставил перед генералом Хэрли президент Рузвельт, была решена. Теперь посланник США мог уверенно говорить, что русские сражаются храбро и уверены в победе. Ему предстоял длительный вояж по странам Среднего Востока и Азии. В эти дни американский военный обозреватель Макс Вернер писал: «1943 год должен стать годом коалиционной войны. Такая война требует мыслить категориями взаимного планирования, совместного использования ресурсов, вооружённых сил, стратегических позиций, совместных действий союзников. Её главная предпосылка – отказ от ведения трёх параллельных войн – русской, английской и американской, необходим переход к единой войне»⁵¹.

Выводы, сделанные специальными представителями союзников на основе собственных впечатлений в результате поездки на советско-германский фронт, способствовали упрочению сотрудничества стран Антигитлеровской коалиции в борьбе с нацизмом. Сталинградская битва стала переломным моментом войны не только на советско-германском фронте, она оказала решающее воздействие на всю мировую войну.

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. – М., 2003. – С. 115.

² Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 : Энциклопедия. – Волгоград, 2009. – С. 14.

³ См.: История Второй мировой войны 1939–1945. – М., 1976. Т. 6. С. 44; Ласкин И.А. У Волги и на Кубани. – М., 1986. – С. 85.

⁴ Ласкин И.А. У Волги и на Кубани. – М., 1986. – С. 85.

⁵ Хэрли (Харли, Хёрли, Hurley) Патрик Джей (1883–1963), американский военный и государственный деятель, дипломат, бригадный генерал (1941). Участник Первой мировой войны. Военный министр в администрации президента Гувера. В годы Второй мировой войны выполнял личные поручения президента Рузвельта, в т.ч. в Китае, Новой Зеландии, Австралии. Для уточнения обстановки посещал фронты в СССР и на Среднем Востоке.

⁶ См.: Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 32–33.

⁷ Гендерсон (Хендерсон, Henderson) Лой (1892–1986), американский государственный деятель. В 1934–1936 гг. секретарь посольства США в СССР. В 1936–1938 гг. временный поверенный в делах США в СССР. В 1938–1942 гг. и 1943 г. зам. заведующего Европейским отделом Госдепартамента. В 1942 г. советник посольства и временный поверенный в делах США в СССР. В 1943–1945 гг. посланник США в Ираке, в 1945–1948 гг. посол США в Индии и Непале.

⁸ См.: Советско-американские отношения. 1939–1945 / под ред. Г.Н. Севостьянова; сост. Б.И. Жилиев, В.И. Савченко. – М.: МДФ, 2004. – С. 317–318.

- ⁹ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 37.
- ¹⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 33.
- ¹¹ Юго-Западный фронт второго формирования образован в октябре 1942 г. на стыке Донского и Воронежского фронтов в составе 21-й, 63-й, 5-й танковой и 17-й воздушной армий. В последующем в состав фронта входили также 5-я ударная, 6-я, 12-я, 46-я, 57-я, 62-я армии, 3-я танковая и 2-я воздушная армии. Командующий – генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин.
- ¹² Цит. по: *Быстрова И.В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 396.
- ¹³ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 18. Л. 171.
- ¹⁴ 21-я армия сформирована в июне 1941 г. в Приволжском военном округе. Во время Сталинградской битвы в составе Сталинградского и Донского фронтов оборонялась по левому берегу р. Дон на участке Серафимович–Клетская; в контрнаступлении действовала в составе главной группировки Юго-Западного и Донского фронтов. В мае 1943 г. преобразована в 6-ю Гвардейскую армию. Командующий – генерал-майор Чистяков И.М.
- ¹⁵ См. ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 944. Л. 70.
- ¹⁶ Ст. Новоаннинская – административный центр одноименного района. Население района на начало войны – 33 тысячи 762 человека, райцентра – 15 тысяч 244 человека. Район сельскохозяйственный, зернового направления. В годы войны в армию мобилизовано свыше 18 тысяч призывников (с учетом эвакуированных из западных районов страны), 6 тысяч 542 человека погибли. Летом 1942 г. на территории прифронтового района размещались штабы Юго-Западного фронта, 3-й армии и 15 эвакуогоспиталей.
- ¹⁷ Ст. Кумылженская – административный центр одноименного района. Район сельскохозяйственный, зернового направления. Население района на начало войны – 16 тысяч 158 человек, райцентра – 1 тысяча 910 человек. В годы войны в армию мобилизовано 6 тысяч 286 призывников, из них погибли 3 тысячи 94 человека. Немецко-фашистской оккупации район не подвергался.
- ¹⁸ Ст. Глазуновская Кумылженского района Сталинградской области.
- ¹⁹ Гор. Серафимович (бывшая ст. Усть-Медведицкая) – административный центр одноименного района. Население района на начало войны – 20 тысяч 565 человек, райцентра – 8 тысяч 262 человека. Район сельскохозяйственный, зернового направления. В августе 1942 г. оккупирован. По подозрению в принадлежности к партизанам оккупантами было расстреляно 63 человека. Во время Сталинградской битвы стал местном ожесточенных боев с немецко-фашистскими захватчиками.
- ²⁰ Ст. Распопинская – сельское поселение Клетского района Сталинградской области. В ходе контрнаступления под Сталинградом в районе была разгромлена большая часть 4-го и 5-го румынских армейских корпусов. В плен взято свыше 27 тысяч румынских солдат и офицеров, значительное количество трофеев. Это была первая в Великой Отечественной войне капитуляция крупной группировки противника.
- ²¹ Хут. Захаров Чернышковского района Сталинградской области.
- ²² Ст. Клетская – административный центр одноименного района. Население района на начало войны – 18 тысяч 463 человека, райцентра – 3 тысячи 789 человек. Район сельскохозяйственный, зернового направления. Летом 1942 г. по территории района проходила главная полоса обороны советских войск и важнейшие коммуникации. С июля по декабрь 1942 г. район временно оккупирован. В период контрнаступления на территории района шли боевые действия.
- ²³ 76-я стрелковая дивизия сформирована в 1922 г. В 1940 г. переименована в 76-ю горнострелковую Краснознаменную дивизию. На фронте с сентября 1941 г. В начале Сталинградской битвы в составе 21-й армии обороняла большую излучину Дона. В октябре 1942 г. с боями заняла ст. Клетская. За отличие в этих боях переименована в 51-ю Гвардейскую Краснознаменную дивизию им. Ворошилова. Командир – генерал-майор Таварткиладзе Н.Т.

²⁴ Таварткиладзе Николай Гариелович (1905–1989), генерал-майор (1942). В РККА с 1923 г. Участник советско-финляндской войны. С августа 1942 г. командир 76-й стрелковой дивизии. С июля 1943 г. командир 23-го стрелкового корпуса. С апреля 1945 г. командир 50-го стрелкового корпуса.

²⁵ 3-я румынская пехотная армия во время Сталинградской битвы обороняла позиции между 6-й немецкой и 8-й итальянской армиями на участке ст. Клетская–Вешенская севернее Сталинграда на фронте в 138 км. В ходе контрнаступления советских войск армия была разбита, из кольца сумела вырваться лишь незначительная её часть, которая была выведена в Румынию на переформирование. Командующий – генерал-лейтенант П. Думитреску.

²⁶ Правильно: хут. Селиванов, расположен в 6 км восточнее хут. Захаров.

²⁷ Хут. Верхняя Бузиновка Клетского района Сталинградской области.

²⁸ 6-я полевая армия вермахта сформирована в октябре 1939 г. путем переименования 10-й армии. С начала войны – на южном участке советско-германского фронта. В составе группы армий «Б» наступала на Сталинград. В результате советского контрнаступления блокирована, полностью разбита и капитулировала в феврале 1943 г. Командующий – генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс (пленён).

²⁹ Чистяков Иван Михайлович (1900–1979), генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). В РККА с 1918 г. Участник Гражданской войны. С октября 1942 г. и до конца войны – командующий 21-й (с апреля 1943 г. – 6-й Гвардейской) армией. Участник войны с Японией (1945).

³⁰ Пеньковский Валентин Антонович (1904–1969), генерал армии (1961). В РККА с 1920 г. В годы Великой Отечественной войны на Юго-Западном, Сталинградском, Донском, Воронежском, Ленинградском, 1-м и 2-м Прибалтийском и 1-м Дальневосточном фронтах. Начальник штаба управления ПВО фронта, начальник ПВО армии, командир стрелковой дивизии (1941–1942), начальник штаба 21-й, 6-й Гвардейской, 25-й армий (1942–1945).

³¹ Турбин Дмитрий Иванович (1903–1944), генерал-лейтенант артиллерии (1943), Герой Советского Союза (1940). В РККА с 1922 г. Участник советско-финляндской войны. Командующий артиллерией 21-й армии, а затем 4-й Гвардейской армии. В январе 1944 г. во время одной из поездок на фронт смертельно ранен. Похоронен в Киеве в Парке Вечной Славы.

³² Орел Григорий Николаевич (1904–1974), генерал-лейтенант танковых войск (1943). В РККА с 1924 г. В период Великой Отечественной войны – начальник автобронетанкового отдела 16-й армии, затем командующий бронетанковыми и механизированными войсками Брянского, Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов.

³³ Векилов (Векилян) Иван Давыдович (1894–1953), генерал-лейтенант артиллерии (1943). На военной службе с 1912 г. В период Великой Отечественной войны – заместитель начальника штаба артиллерии Красной армии. С июня 1943 г. – начальник управления боевой подготовки артиллерии Красной армии.

³⁴ Батов Павел Иванович (1897–1985), генерал армии (1955), дважды Герой Советского Союза (1943, 1945). В РККА с 1918 г. Участник Первой мировой, Гражданской войн, Гражданской войн в Испании, советско-финляндской войны. С октября 1942 г. и до конца войны – командующий 65-й армией.

³⁵ Романенко Прокофий Логвинович (1897–1949), генерал-полковник (1944). В РККА с 1918 г. Участник Первой мировой, Гражданской войн, Гражданской войны в Испании, советско-финляндской войны. С мая 1942 г. командующий 3-й танковой армией. Затем зам. командующего Брянским фронтом. С ноября 1942 г. командующий 5-й танковой армией.

³⁶ 13-я пехотная дивизия входила в состав 4-го корпуса 3-й румынской армии. Разгромлена под Сталинградом.

³⁷ 15-я пехотная дивизия входила в состав резерва 3-й румынской армии. Разгромлена под Сталинградом.

³⁸ Лагутин Павел Филиппович (1896–1975), генерал-лейтенант (1944). В РККА с 1918 г. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С июля 1941 г. командир 293-й стрелковой дивизии. В период Сталинградской битвы под его командованием части 293-й стрелковой дивизии обороняли левый берег р. Дон. В ноябре–декабре 1942 г. дивизия отличилась в контрнаступлении под Сталинградом, за что была переименована в 66-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. С января 1943 г. зам. командующего 21-й армией. В июле–августе 1943 г. командир

23-го Гвардейского стрелкового корпуса. Ранен в бою. С апреля 1944 г. зам. командующего 6-й Гвардейской армией 1-го Прибалтийского фронта. С июля 1945 г. зам. командующего 25-й армией 1-го Дальневосточного фронта.

³⁹ 51-я армия сформирована в Крыму на базе 9-го стрелкового корпуса, выполняла задачи по обороне Крыма. Во время Сталинградской битвы вела оборонительные бои южнее города. В ходе контрнаступления действовала на Котельниковском направлении, где за отличие в боях некоторые соединения армии были переименованы в Гвардейские. Командующий – генерал-майор Труфанов Н.И.

⁴⁰ Труфанов Николай Иванович (1900–1982), генерал-полковник (1955). В РККА с 1919 г. Участник Гражданской и советско-финляндской войн. С июля 1942 г. – командующий 51-й армией, с июня 1943 г. зам. командующего 69-й армией, с марта 1945 г. командир 25-го стрелкового корпуса.

⁴¹ Ватутин Николай Федорович (1901–1944), генерал армии (1943), Герой Советского Союза (1965, посмертно). В РККА с 1920 г. С июня 1941 г. – начальник штаба Северо-Западного фронта, с мая 1942 г. – зам. начальника Генштаба, одновременно командующий войсками Воронежского, Юго-Западного и 1-го Украинского фронтов. 29 февраля 1944 г. тяжело ранен и 15 апреля умер от ран.

⁴² Красовский Степан Акимович (1897–1983), маршал авиации (1959), Герой Советского Союза (1945). В РККА с 1918 г. Участник Первой мировой, Гражданской и советско-финляндской войн. С начала Великой Отечественной войны командующий ВВС 56-й армии. С января 1942 г. – командующий ВВС Брянского фронта. С мая 1942 г. – командующий 2-й воздушной армией. С ноября 1942 г. по март 1943 г. командующий 17-й воздушной армией. С марта 1943 г. и до конца войны – командующий 2-й воздушной армией.

⁴³ Житриев Михаил Петрович (1898–1985), генерал-полковник (1954). В РККА с 1918 г. Участник Первой мировой и Гражданской войн, Гражданской войны в Испании, советско-финляндской войны. В годы Великой Отечественной войны – командующий артиллерией Центрального, Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов.

⁴⁴ Желтов Алексей Сергеевич (1904–1991), генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1978). В РККА с 1924 г. В период Сталинградской битвы – член Военного совета Донского, затем Юго-Западного фронтов.

⁴⁵ Стельмах Григорий Давидович (1900–1942), генерал-майор (1941). В РККА с 1919 г. Участник Гражданской войны. С октября 1942 г. начальник штаба Юго-Западного фронта. Погиб 21 декабря 1942 г.

⁴⁶ Лайок Владимир Макарович (1904–1966), генерал-лейтенант интендантской службы (1945). В 1941 г. секретарь Полтавского обкома КП(б)Украины. В период Великой Отечественной войны – член Военных советов 38-й, 1-й танковой, 1-й Гвардейской армий; Юго-Восточного, Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов.

⁴⁷ 22-я танковая дивизия вермахта сформирована в октябре 1941 г. В 1942 г. вела бои на Дону и под Сталинградом, в начале 1943 г. на р. Донец и Миус.

⁴⁸ 24-я танковая дивизия вермахта сформирована в ноябре 1941 г. в Восточной Пруссии. На Восточном фронте с июня 1942 г. В январе 1943 г. разгромлена под Сталинградом. Её командир, генерал-майор фон Ленски, взят в плен. Части дивизии, не окружённые в Сталинградском котле, перебросены во Францию для реорганизации.

⁴⁹ 3-й Гвардейский кавалерийский корпус сформирован в 1934 г. в Ленинградском военном округе как 5-й кавалерийский корпус. За успешные боевые действия в начале войны переименован в 3-й Гвардейский кавалерийский корпус. В октябре 1942 г. вошел в состав 21-й армии, с началом контрнаступления введён в прорыв вражеской обороны южнее ст. Клетской. Затем в составе 5-й ударной армии участвовал в ликвидации плацдарма в районе ст. Нижнечирской. Командир – генерал-майор Плиев И.А.

⁵⁰ Чуйков Василий Иванович (1900–1982), Маршал Советского Союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В РККА с 1918 г. Участник Гражданской и советско-финляндской войн. С сентября 1942 г. и до конца войны – командующий 62-й армией.

⁵¹ Цит. по: *Иванов Р.Ф.* Сталин и союзники: 1941 – 1945 гг. – Смоленск, 2000. – С. 317.

ЛЕТОМ 1943-ГО... БУДНИ СОВЕТСКОЙ КОНТРАЗВЕДКИ

*Тезисы выступления на заседании «круглого стола»
«1943 год в истории Второй мировой и Великой Отечественной войны.
Современное значение победы над фашизмом»
г. Москва, 14 мая 2003 г.*

Победы Красной армии под Москвой и Сталинградом положили начало коренному перелому в ходе Второй мировой войны. Стратегическая военная инициатива целиком перешла к советским войскам, что наряду с изменившимися задачами по борьбе с засылаемой немецкой агентурой, стало определяющим в решении руководителей страны осуществить крупную реорганизацию спецслужб.

2 апреля 1943 г. В.Н. Меркулов направил на имя И.В. Сталина проект постановления за № 334/б об образовании наркомата госбезопасности и схему структуры ведомства с объяснительной запиской. Согласно этому документу, все оперативно-чекистские управления и отделы выделялись из НКВД СССР, и на их базе образовывался самостоятельный наркомат госбезопасности. По замыслу авторов проекта, Управление особых отделов, входя в состав нового ведомства, должно было функционировать в качестве одного из управлений контрразведки НКГБ, под названием «Смеринш». Эта аббревиатура расшифровывалась как призыв – «Смерть иностранным шпионам!».

Как видно из документов, проект не прошел, поэтому В.Н. Меркулов к 4 апреля подготовил новый вариант, уже по переработанной схеме. Объяснительная записка была направлена И.В. Сталину в ГКО на утверждение за № 340/Б. Определённые ранее задачи и наименования нового управления военной контрразведки не изменялись, дополнительно предлагалось в управлении «Смеринш» усилить технические отделы и создать новые подразделения с функциями по работе в тылу противника. По-видимому, последнее обстоятельство – наличие отдельного 4 (зафронтового) управления в составе НКГБ, не позволило Верховному Главнокомандующему согласиться с очередными предложениями руководства НКВД СССР.

Наконец, два руководителя НКВД СССР В.Н. Меркулов и В.С. Абакумов представляют в ГКО на имя И.В. Сталина для утверждения проекты постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР об организации Главного управления

контрразведки «Смерш» Наркомата обороны, Управления контрразведки «Смерш» Наркомата военно-морского флота и Отдела контрразведки «Смерш» Наркомата внутренних дел СССР, а также Положения о ГУКР НКО «Смерш» и его органах на местах. «Смерш» в первом из названных проектов расшифровывается как «Смерть шпионам!».

Относительно нового названия ветеран военной контрразведки Сергей Захарович Остряков рассказывал: «Руководители фронтовых особых отделов вспоминают, что на совещании у Сталина, где обсуждался проект решения о передаче армейских чекистских органов в систему НКО, встал вопрос и об их наименовании. Предложения были разные. Большинство склонялось к тому, чтобы это наименование сделать максимально кратким и составить его из начальных букв широко известного тогда лозунга «Смерть немецким шпионам!». Получилось что-то вроде «Смернеш». В заключение Сталин заметил: – А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах? Разве другие разведки не работают против нашей армии? Давайте назовем "Смерть шпионам", а сокращенно "Смерш"... Наименование "Смерш" подчеркивало, что во главу всех задач военной контрразведки ставится бескомпромиссная борьба с подрывной деятельностью иностранных разведслужб против сражающейся Красной армии».

19 апреля 1943 г. проект постановления СНК (третий вариант), отработанный в НКВД и согласованный с Верховным, был подписан уже без исправлений, за исключением того, что И.В.Сталин утвердил его как глава правительства. Согласно Постановлению Совнаркома № 415-138 сс из ведения НКВД СССР были изъяты Управление особых отделов, в том числе и Морской отдел, на базе которых образовывались Главное управление контрразведки НКО («Смерш» – смерть шпионам) и Управление контрразведки НК ВМФ «Смерш». Одновременно в системе НКВД СССР был организован Отдел контрразведки «Смерш» НКВД СССР, который обеспечивал безопасность учреждений и войск наркомата внутренних дел.

Контрразведка «Смерш» НКО по существу решала те же задачи, что и бывшее Управление особых отделов НКВД СССР:

- 1) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии;
- 2) принятие через командование необходимых оперативных и иных мер «к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта с тем, чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов»;
- 3) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях армии, с дезертирством и членовредительством на фронтах, проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника, а также «выполнение специальных заданий Народного комиссара обороны». Специальным пунктом постановления было отмечено, что органы

«Смерш» освобождаются от выполнения других, кроме изложенных выше, задач. Этим же актом повышался статус начальника ГУКР «Смерш» НКО, так как он объявлялся заместителем наркома обороны, каковым являлся И.В. Сталин, и подчинялся, как было записано, непосредственно ему.

Все принципиальные позиции постановления СНК нашли отражение в Положении о Главном управлении контрразведки НКО «Смерш», объявленном постановлением ГКО СССР от 21 апреля 1943 г. № 3222 сс/ов. Органы «Смерш», названные «централизованной организацией», на местах располагали управлениями «Смерш» НКО на фронтах и отделами «Смерш» армий, корпусов, дивизий, бригад, военных округов, гарнизонов укрепрайонов и других соединений и учреждений Красной армии. Подчинённость шла по вертикали: каждое подразделение «Смерш» подчинялось только своим вышестоящим органам.

Структура местных органов также утверждалась наркомом обороны. Для военного обеспечения оперативной работы, охранения мест дислокации и фильтрационных пунктов, конвоирования и охраны арестованных из частей Красной армии выделялись: для фронтового управления «Смерш» – батальон, для армейского отдела – рота, для отдела корпуса, дивизии и бригады – взвод. В соответствии с Положением органы «Смерш» наделялись широкими правами в осуществлении карательных функций. 19 апреля 1943 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родине из числа советских граждан и их пособников». Такие преступления в законе названы «самыми позорными и тяжкими».

Государственный Комитет Обороны обязал ГУКР «Смерш» и его органы на местах постоянно информировать военные советы и командование соответствующих частей, соединений и учреждений Красной армии о результатах борьбы с агентурой противника, дезертирством и изменой Родине, об антисоветских и других негативных проявлениях в армии. В свою очередь, начальники управлений «Смерш» фронтов, армий и военных округов имели право присутствовать на заседаниях военных советов, а при необходимости - знакомиться со всеми секретными материалами штабов.

Защита секретов в этих основных учреждениях Красной армии и принятие неотложных мер по предотвращению хищений или утери такого рода документов, по их сохранности или уничтожению в случае угрожаемого положения на фронте – составляли одну из важнейших задач военных чекистов. Отдельным пунктом Положения о ГУКР НКО «Смерш» предусматривалось взаимодействие с органами НКГБ и НКВД, межведомственный обмен оперативной информацией и ориентировками.

27 апреля 1943 г. И.В. Сталин утвердил штат Главного управления «Смерш» НКО СССР в количестве 646 человек, предусматривавший

должности четырех заместителей начальника и его 16 помощников с аппаратом из 69 оперативных сотрудников на уровне начальников отделений, старших оперуполномоченных и помощников оперуполномоченных.

Одновременно в НКО СССР закончились основные кадровые изменения. 20 мая 1943 г. вышло специальное постановление ГКО «О заместителях наркома обороны», согласно которому В.С.Абакумов (в числе других заместителей Верховного, командующих родов войск и начальников главных управлений) был освобожден от должности заместителя наркома, оставаясь начальником Главного управления контрразведки НКО «Смерш». У Сталина в наркомате остались только два заместителя: первый – Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, по Генштабу – маршал А.М. Василевский. Такая реорганизация, как было записано в постановлении ГКО, мотивировалась тем, что выдвижение на высокий уровень руководителей наркомата ранее было связано с перестройкой ведомства «применительно к нуждам войны». Государственный Комитет Обороны констатировал, что в данный момент наркомат «приспособился к нуждам войны, а начальники главных управлений и командующие родов войск приобрели достаточный опыт и авторитет».

С позиций сегодняшнего дня следует признать, что органы «Смерш» представляли собой весьма эффективную структуру в системе обеспечения безопасности вооруженных сил, которая внесла достойный вклад в дело обеспечения победы над фашизмом. По официальным данным, за годы Великой Отечественной войны органы военной контрразведки обезвредили 43 477 агентов гитлеровских спецслужб.

С первых дней создания новой структуры военные контрразведчики вступили в беспощадную схватку с врагом. Наряду с традиционными боевыми действиями на суше, на море и в воздухе разгорелась настоящая битва в радиозфере. Ее основной смысл состоял в использовании захваченных у вражеских агентов радиостанций для последующей дезинформации германских разведцентров. Вся работа по ведению радиоигр с противником координировалась центральным аппаратом ГУКР «Смерш» НКО СССР.

В ходе битвы под Курском с целью дезинформации германского командования УКР «Смерш» Центрального фронта и ОКР «Смерш» Орловского военного округа из районов Щигры–Курск–Брянск в 1943–1944 гг. провели успешную радиоигру «Опыт». Игра продолжалась с 17 мая 1943 г. по август 1944 г. Работа радиостанции легендировалась от имени разведгруппы германских агентов в количестве трёх человек: радиста «Шадрина», разведчиков – «Юденича» и «Сурикова». Немецкие агенты-парашютисты были выброшены в тыл Красной армии в ночь на 8 мая 1943 г. в районе дер. Ключи около ст. Касторное с заданием установить: дислокацию воинских частей по маршруту Касторное–Курск–Льгов, их номера, фамилии комсостава, места сосредоточения войск, техники и расположение штабов; состояние ж.-д.

путей и мостов на магистрали Касторное–Курск–Льгов, движение воинских и других грузов по этому маршруту; минируется ли Курск и какие ведутся оборонительные работы. После приземления германские агенты вышли добровольно явились с повинной в штаб ближайшей воинской части, после чего были доставлены в УКР «Смерш» Центрального фронта. На следствии они дали подробные показания о характере полученного задания, известной им немецкой агентуре, выброшенной и подготовленной к выброске в тыл СССР, а также указали технические данные радиосвязи. Радист группы «Шадрин» был перевербован и включен в радиоигру.

Главная задача радиоигры – передача противнику дезинформации и проведение комбинаций по вызову на нашу сторону немецкой агентуры. Первый сеанс связи с противником состоялся через 10 дней после приземления парашютистов, 17 мая 1943 г., а затем, каждые два-три дня радиостанция выходила в эфир, передавая радиogramмы с дезинформацией, целью которой было скрыть от германского командования готовившееся наступление Красной армии в районе Курска. Текст дезинформации утверждался заместителем начальника Генштаба генерал-полковником Антоновым и начальником оперативного Управления Генштаба генерал-лейтенантом Штеменко. В соответствии с планом в шифровках, адресованных немцам, указывалось, что в сторону линии фронта проходят эшелоны со строительными материалами, бронеколпаками, колючей проволокой и другими средствами, необходимыми для обороны, а в тылу фронта местные жители и саперы роют окопы, противотанковые рвы, строят блиндажи, доты и другие оборонительные сооружения. Относительно сосредоточение войск и военной техники передавались незначительные данные.

12 июля 1943 г. от немецкого «центра» было получено задание: сообщить сведения о наличии артиллерийских позиций в районе слияния рек Неруч–Зуша. Было решено воспользоваться этим обстоятельством, чтобы вывести из радиоигры напарников радиста, а затем вызвать другого немецкого агента. Одновременно решалась и другая задача – снижение активности работы радиорезидентуры противника. Так как интересующий немцев район находился на расстоянии 150 км, в «центр» сообщили, что оба разведчика отправились на задание и не вернулись. Противник был поставлен перед необходимостью срочного оказания помощи радисту. 9 августа 1943 г. обещанный немцами курьер явился на встречу и был арестован (агент «Подкопытов»). В связи с тем, что в этот период на фронте происходили активные наступательные действия, чтобы не поставить игру на грань срыва, Генштаб Красной армии посчитал целесообразным умышленно тормозить работу радиоточки. В «центр» передали, что встреча с курьером не состоялась и по-прежнему легендируя сложные условия работы радиста, поменяли место дислокации радиостанции. Из поступающих от немцев радиogramм было видно, что противник крайне заинтересован в скорейшем получении

сведений о положении в данном районе. После того, как от немцев была получена радиограмма о прибытии курьеров в район встречи, для их задержания была выслана опергруппа в количестве 6 человек. Мероприятия по захвату предусматривалось перед задержанием получить от курьера интересующие контрразведку сведения о его задании, инструкциях и возможных условиях для передачи радиограммы об успешном прибытии. В роли радиста выступил начальник 2-го отделения 2 отдела УКР «Смерш» Центрального фронта капитан Мурзин. Встреча произошла в условленном месте. В ходе беседы с прибывшим было установлено, что два парашютиста (другой ждал на окраине села) были выброшены в ночь на 23 августа. В задачу агентов входила встреча с радистом, передача ему пакета с деньгами, продуктами и питанием для рации. После выяснения всех, интересовавших контрразведку сведений, вновь прибывших по одному направили на разные квартиры и арестовали. Продолжая радиоигру, противнику сообщили о благополучном прибытии курьеров, но груз ими якобы потерян. Одновременно продолжали посылать радиограммы с дезинформацией, подготовленной начальником Разведуправления Красной армии генерал-полковником Кузнецовым. Время от времени также сообщались дезсводки о движении воинских эшелонов по дороге Брянск-Гомель, просили прислать питание для рации, фиктивные документы и продукты питания. 27 февраля 1944 г. с самолета противника был сброшен контейнер с документами, деньгами (100 тысяч), питанием для рации и обмундированием. Всего за период радиоигры противнику было передано 92 радиограммы, получено – 51. Были вызваны на нашу сторону и обезврежены 3 немецких агента и получены грузы, сброшенные с самолета (271 тысяча советских рублей, 3 револьвера, фиктивные документы, обмундирование и т.п.). Агент «Шадрин» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1943 г. был награжден орденом «Отечественной войны» II степени.

Тогда же, летом 1943 г., началась одна из самых крупных радиоигр «Смерша» – «Загадка», проводившаяся против разведоргана 6-го Управления РСХА «Цеппелин-Норд» до апреля 1945 г. Основной целью «игры» было выявление и срыв замыслов гитлеровской разведки по использованию агентуры в Москве и дезинформация противника. Работа радиостанции легендировалась от имени разведгруппы германской разведки в количестве 2-х человек. Они прошли спецподготовку в Ораниенбургском лагере «СД» и в школе разведчиков-радистов в г. Лениц близ Берлина и были выброшены в ночь с 20 на 21 июня в районе Егорьевска Московской области. После приземления агенты «Северов» и «Волков» явились в органы «Смерш» и передали подробные данные о структуре, официальном составе германской военной разведки и «СД», кроме того, выдали сведения более чем на 100 агентов, подготовленных немцами для заброски, 9 оттисков фиктивных печатей и штампов и т.п. Агентам «Цеппелин-Норда» было дано за-

дание: осесть в Москве, разыскать и завербовать ответственного работника НКПС «Леонова», дальнего родственника «Северова» и через него собирать подробные данные о ж.-д. транспорте СССР, а также информировать о политическом и экономическом положении в стране, настроениях населения, состоянии промышленных предприятий Москвы и выпускаемой продукции.

С самого начала войны противник проявлял большой интерес к Московскому ж.-д. узлу. Учитывая это обстоятельство, в ГУКР «Смерш» после получения сведений от явившихся с повинной немецких агентов было принято решение начать радиоигру. В первой радиোগрамме противнику сообщили, что прибывшие агенты устроились в Москве, но объект планируемой вербовки откомандирован в Тбилиси, поэтому необходима поездка на Кавказ. От немецкого разведцентра поступила санкция на выезд в столицу Грузии. По возвращении по радиции передали о возникших сложностях, так как в ходе беседы его родственник якобы выразил неверие в победу Германии, и поэтому вербовщику пришлось заявить, что он работает на американцев. «Леонов» согласился работать на союзников, однако выдвинул требование о предоставлении американского паспорта и оплате услуг в валюте. Заинтересовавшись фигурой «Леонова», немцы попытались удовлетворить его требования. В ночь с 29 на 30 марта 1944 г. сотрудник СД Алоиз Гальфе был выброшен на парашюте в районе Егорьевска, он доставил посылку, содержащую шпионское снаряжение, радиостанцию, оружие, военную и гражданскую одежду, 500 тысяч рублей и 5 тысяч долларов США. 31 марта Гальфе был арестован. В германский «центр» передали радиогрामму о наличии у «Леонова» сведений о «тщательно разработанных планах воинских перевозок на летне-осенний период 1944 г.», которые бы дали немецкой разведке возможность выявлять замыслы готовящихся наступательных операций Красной армии. Получение таких важных материалов заставило немедленно выслать еще одного агента-связника со значительной суммой в валюте и специальной фотоаппаратурой для пересъемки документов. Спустя несколько дней после сеанса связи был задержан очередной агент-парашютист. В ходе радиоигры немцы сообщили о намерении посадить на нашей территории самолет и вывезти за линию фронта агента «Волкова» для доклада о проделанной работе. Самолёт, посланный для доставки добытых материалов, приземлился в районе Егорьевска в ночь с 14 на 15 августа на специально подготовленной контрразведчиками площадке, оборудованной ямами-ловушками. Однако, к удивлению «смершевцев» он не застрял ни в одной из них и, удачно сманеврировав, взлетел и благополучно ушёл за линию фронта. Позже, когда в районе Смоленска был захвачен аналогичный спецсамолет, выяснилось, что он оборудован шасси с каучуковыми траками, дававшими возможность приземляться даже в заболоченной местности. Для того, чтобы развеять у противника сомнения после неудачи с самолетом, «Смерш» легендировал бегство агентов из Москвы. 21 августа

связь с германским разведцентром была установлена из Рязьска и после переговоров противник принял решение вывести агентов на свою территорию, но эта задача оказалась трудновыполнимой, так как фронт стремительно приближался к границам Рейха. В радиопереговорах агенты периодически жаловались на трудности с питанием для рации и продовольствием. Наконец, 12 сентября 1944 г. с самолета противника был сброшен контейнер, содержащий около 100 тысяч рублей, фиктивные документы, радиостанцию, патроны, гранаты, обмундирование и др. Несмотря на неудачную операцию по захвату вражеского самолета, германская разведка продолжала доверять агентам. Однако в «центр» сообщили, что посылка не найдена и просили сбросить новую. В связи с плохой погодой выброска затянулась. Обещанная «помощь» последовала только в ночь с 3 на 4 февраля 1945 г., когда в районе Смоленска были выброшены пять тюков, в которых оказалось около 95 тысяч рублей, оружие, продукты питания, две радиостанции, фиктивные документы и др. Одновременно агентам было дано задание направляться в Москву и ждать дальнейших указаний. Всего за период радиоигры противнику было передано 159 радиограмм, получено – 170.

Тысячи обезвреженных немецких агентов-диверсантов, десятки тысячи единиц оружия, тонны боеприпасов, взрывчатки, десятки уничтоженных самолетов противника, попавших в засады – вот далеко не полный итог радиоигр, проведенных советскими контрразведчиками. О масштабах «войны в эфире» говорит тот факт, что в отдельные периоды войны территориальными органами и военной контрразведкой одновременно велось до 70 радиоигр из прифронтовой полосы и глубокого тыла страны.

Всего за годы Великой Отечественной войны органами советской контрразведки было проведено 183 радиоигры, в ходе которых было выявлено и обезврежено свыше 400 агентов и официальных сотрудников немецкой разведки. В литературе по истории отечественных органов безопасности эти операции советских чекистов по праву получили наименование «Большая игра». В ходе «Большой игры» советской контрразведке удалось заставить работать фактически вхолостую гигантскую машину спецслужб фашистской Германии.

«ОГНЕННАЯ ДУГА»: КУРСКАЯ БИТВА В ДОКЛАДАХ ЛУБЯНКИ

*Тезисы выступления на заседании «круглого стола»
«Курская битва — взгляд через шесть десятилетий»
в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.
г. Москва, 25 июля 2003 г.*

«Огненная дуга» — новый сборник, посвященный 60-й годовщине знаменитой Курской битвы, подготовлен творческим коллективом авторов — сотрудников Центрального архива ФСБ России¹. Он представляет уже ставшую известной и получившую признание у взыскательного читателя, документальную серию, раскрывающую ранее закрытые страницы из истории отечественных органов государственной безопасности периода Великой Отечественной войны. При подготовке настоящего издания авторами и составителями была проделана поистине титаническая исследовательская работа. Не прошло и года после выхода в свет предыдущего сборника — «Лубянка в дни битвы за Москву», как читатель получил возможность ознакомиться с новой, вне всякого сомнения, интересной книгой. В ней, наряду с отображением деятельности широко известных народных комиссаров государственной безопасности и внутренних дел, впервые подробно и полно представлена работа одной из самых загадочных и боеспособных отечественных спецслужб того периода — Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР. Она была создана накануне Курской битвы 19 апреля 1943 г. и несмотря на короткий срок существования, доказала свою жизнеспособность и эффективность. В дни решающего сражения «Смерш» — «Смерть шпионам!» — так лаконично и в то же время емко определил основную задачу этой специальной службы Сталин, не только надежно защищала части Красной армии от вражеских агентов и диверсантов, но и добывала ценную разведывательную информацию, которая использовалась советским командованием при организации обороны и контрнаступления.

Как и в предыдущих трех сборниках: «Сталинградская эпопея», «Агония и смерть Адольфа Гитлера», «Лубянка в дни битвы за Москву», в этой книге подавляющая часть материалов до недавнего времени имела гриф «Совершенно секретно». Их содержание будет интересно не только историкам и специалистам, но и широкому кругу читателей. Несмотря на сухой и лаконичный тон большинства документов: докладных записок,

разведдонесений, ориентировок и срочных сообщений по ВЧ–связи, невольно ощущаешь то колоссальное напряжение и ту ответственность, что легли на плечи руководителей и рядовых сотрудников органов государственной безопасности, бойцов и командиров Красной армии в канун и дни решающей битвы Второй мировой войны – Курского сражения.

В ходе него гитлеровское руководство рассчитывало взять реванш за унижительное поражение под Сталинградом и вернуть себе утраченную стратегическую инициативу. В обстановке строжайшей тайны в Генеральном штабе вермахта готовился план летнего наступления на Восточном фронте под кодовым названием «Цитадель». На чашу весов в этой схватке не на жизнь, а на смерть были брошены все стратегические резервы рейха и последние достижения его науки. На сверхсекретных заводах создавалось германское «чудо-оружие»: танки «тигр» и «пантера», самоходные артиллерийские установки «фердинанд». Этот «бронированный зверинец» по замыслу гитлеровских генералов должен был в ключья разорвать оборону Красной армии. Важная роль в обеспечении успеха операции «Цитадель» отводилась гитлеровским спецслужбам и, в первую очередь, абверу и «Цеппелину».

Но фашистская «Цитадель» не устояла и пала под сокрушительными ударами Красной Армии. На огненной Курской дуге окончательно сгорели надежды руководства гитлеровской Германии переломить ход войны в свою пользу. Вчистую проиграли свою тайную схватку советским спецслужбам ее разведывательные и контрразведывательные органы. В мемуарах прославленных полководцев маршалов Советского Союза Г.К. Жукова и А.М. Василевского даны исчерпывающие оценки военным аспектам этой выдающейся победе во Второй Мировой войне и отмечен вклад в нее отечественных органов государственной безопасности. В своей известной книге «Воспоминания и размышления» Георгий Константинович Жуков писал: «...В начале апреля у нас имелись достаточно полные сведения о положении войск противника в районе Орла, Сум, Белгорода и Харькова... к середине мая Ставка провела тщательную агентурную и воздушную разведку, которая достоверно установила, что главные потоки войск и военных грузов противника идут в район Орла, Кром, Брянска, Харькова». Но, даже он, один из самых информированных военных руководителей страны того времени, не владел в полной мере разведывательной информацией, что поступала в НКВД, НКГБ и военную контрразведку «Смерш». И тем более, он не мог до конца представить, скрытую от постороннего взгляда колоссальную организаторскую и агентурно-оперативную работу, что вели советские разведка и контрразведка.

Приведенные в сборнике документальные материалы дают достаточно полное представление об их деятельности по получению разведывательных данных о военных приготовлениях противника к летнему наступлению на Восточном фронте. Такая информация стала поступать ранней весной 1943 г. первоначально в 1 Управление НКГБ СССР и 4 Управление НКВД

СССР, а спустя некоторое время и в органы «Смерш». В марте она носила отрывочный характер, но в апреле советской резидентурой в Лондоне были добыты исключительно важные материалы и к концу мая в Государственном Комитете Обороны гитлеровский план операции «Цитадель» уже не являлся секретом. Среди разведывательных донесений, которые поступали из органов государственной безопасности в Генеральный штаб Красной армии, заслуживает внимания спецсообщение 1 Управления НКГБ СССР № 67/ру от 27 мая 1943 г., в котором указывались направления будущих ударов гитлеровских войск на линии фронта Курск – Белгород – Малоархангельск и сообщалось о переброске дополнительных войск из Западной Европы на Восточный фронт.

Особую важность представляло спецсообщение № 136/м, направленное в ГКО 7 мая 1943 г. с подробной информацией о летнем плане наступления – операции «Цитадель» и оценке немецким командованием боеспособности советских войск на Курско-Белгородском направлении. За этим, не имеющим цены на чаше весов войны сообщением, стояла мощная разведывательная группа, известная сегодня как великолепная «кембриджская пятерка». Каждым из них по праву могла бы гордиться самая сильная разведка. И отдавая им должное, нельзя ни отметить, что наибольший вклад в успех битвы под Курском внес выдающийся советский разведчик Ким Филби.

Дальнейшее развитие и детализацию эти разведывательные материалы получили в ходе активной зафронтовой работы, проводимой подразделениями 4 Управления НКВД СССР, которым руководил «русский терминатор» легендарный Павел Анатольевич Судоплатов. Разведывательно-диверсионные группы управления постоянно действовали в районах сосредоточения гитлеровских войск и на маршрутах их перемещения, добывали оперативную информацию и осуществляли захваты «языка».

Представленные в сборнике спецсообщения №№ 7/с/1573, 7/с/2311 и 7/с/2754 «О прибытии эшелонов с немецкими союзниками в Орловскую область», «О подготовке немецкого наступления на Центральном фронте», «О дальнейшей концентрации немецких войск на Орловско-Курском направлении», отражают лишь незначительную часть разведывательной деятельности, которая проводилась 4 Управлением НКВД, а также Управлениями НКГБ СССР по Брянской, Орловской и Курской областям в тылу противника.

Тем временем окрепшие органы «Смерш» наращивали свою зафронтовую работу и получали разведывательные данные тактического характера: о численности, боевом составе и направлениях ударов армейских корпусов и дивизий противника на конкретных участках фронта. Значительную часть материалов подобного характера они добывали в процессе допросов захваченных в плен агентов абвера и «Цепелина», опросов перебежчиков и оперативно доводили до командования армий и фронтов, а наиболее важные немедленно докладывались в Государственный комитет обороны.

Так, военные контрразведчики УКР «Смерш» НКО СССР Центрального фронта в ходе допросов военнопленного Майера не только получили ценные сведения, раскрывающие основные тактико-технические данные новейшего самоходного артиллерийского орудия «Фердинанд», но и точно установили места расположения заводов, где они производились. Показания пилотов сбитого немецкого самолета–разведчика Шрамма и Гайля о составе ударной танковой группировке, сосредоточенной на курском направлении, позволили командованию Центрального фронта принять своевременные меры по отражению наступления.

Особое значение имели разведывательные данные о подготовке гитлеровских войск к возможному применению отравляющих веществ против военнослужащих Красной Армии. Начальник УКР «Смерш» НКО СССР Центрального фронта генерал-майор Вадис А.А. в спецсообщении № 3/13645 от 20 августа. 1943 г. немедленно доложил руководству Главного управления о наличии у гитлеровских войск склада отравляющих веществ и средств защиты от них

Необходимо отметить, что впервые с начала войны в Ставке по достоинству оценили представленную органами государственной безопасности разведывательную информацию. Сталин и Генеральный штаб Красной армии извлекли уроки из летней военной компании 1942 г., которая едва не обернулась катастрофой под Сталинградом. Тогда, в конце зимы и весной 1942 г., разведка информировала о том, что летом гитлеровские войска развернут наступление на южном направлении.

В частности, в одном из своих последних донесений «Старшина» (Шульце-Бойзен) – ведущий агент из знаменитой советской разведывательной сети в Германии, точно указал его конечную цель – «Кавказ и кавказская нефть». Но у Сталина возникли сомнения и почва для них была. В штабе вермахта пошли на простую военную хитрость. Гитлеровские генералы решили скрыть направление главного удара и разработали специальную дезинформационную директиву под кодовым названием «Кремль». 29 мая 1942 г. на ее основе издали «Приказ о наступлении на Москву». В Кремле это приняли за «чистую монету», так как «Старшина» к тому времени уже молчал. Его и других разведчиков – антифашистов арестовало и пытало гестапо.

Летом 1943 г. подобная уловка не сработала. В ГКО хорошо знали, где и когда ждать удара противника. Советская разведка блестяще сделала свое дело. Спустя годы начальник Генерального штаба Красной армии маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский, отдавая ей должное, писал в своей книге «Дело всей жизни»: « В этот ответственный момент, в преддверии Курско-Белгородского сражения, советское командование предъявляло особые требования к органам разведки, и нужно сказать, она была на высоте и неплохо помогала нам. Как ни старался враг держать в тайне планы своего наступления, как ни отвлекал внимание советской

разведки от районов сосредоточения основных своих ударных группировок, нашей разведке удалось не только определить общий замысел врага на летний период 1943 г., направление ударов, состав ударных группировок и резервов, но и установить время начала фашистского наступления».

Но противник тоже не бездействовал и активно вел разведку. Пришел час контрразведки. Накануне решающего сражения Великой Отечественной войны для нее не было более важной задачи, чем сохранение в тайне плана советского контрнаступления. Здесь ведущая роль принадлежала Главному управлению контрразведки «Смерш» НКО СССР. Приведенные в сборнике материалы достаточно полно раскрывают ее разноплановую деятельность по защите частей Красной Армии от разведывательно-подрывной деятельности гитлеровских спецслужб.

На этапе подготовки к Курской битве органами военной контрразведки на всех уровнях от Генерального штаба и до батальона проводился комплекс организационных, агентурно-оперативных и предупредительно-профилактических мероприятий. Основное внимание сотрудники «Смерш» сосредоточили на обеспечении сохранности военной тайны в органах управления и штабах, где находились главные секреты, а также на перекрытии каналов их утечки к противнику.

В этих целях с помощью агентуры и секретных осведомителей в Генеральном штабе Красной армии, штабах фронтов и армий они осуществляли жесткий оперативный контроль за разработкой и хранением планов предстоящего наступления. В боевых порядках отслеживали скрытность рассредоточения войск, соблюдение мер маскировки, а в необходимых случаях во взаимодействии с Генеральным штабом Красной армии проводили мероприятия по дезинформированию гитлеровского командования.

Наглядно отражает эту деятельность органов «Смерш» сообщение оперативного источника «Кудрявцева» от 10 июня 1943 г., в котором дан анализ состояния работы в Генеральном штабе Красной армии с планом наступательной операции, уточняется круг лиц, которые в силу тех или иных обстоятельств могли ознакомиться с его содержанием и что особенно важно, сделан прогноз на каких участках и при каких обстоятельствах может произойти утечка секретных сведений.

Непосредственно на местах военные контрразведчики неукоснительно выполняли указания руководства ГУКР «Смерш» НКО СССР по защите плана наступления. Даже отдельные факты нарушений в сохранности военной тайны получали с их стороны самую жесткую оценку. По наиболее серьезным проступкам и происшествиям начальник Главного управления контрразведки «Смерш» НКО СССР комиссар государственной безопасности 2 ранга В.С. Абакумов ставил в известность ГКО.

В материалах сборника имеется две его докладные. В одной из них № 154/А от 24 июня 1943 г. он информировал Сталина и начальника Генерального штаба А.М. Василевского о том, что «проводившаяся в мае

и июне с.г. подготовка к наступательным действиям на участке 61-й и 62-й армий была проведена без достаточного соблюдения военной тайны и маскировки при сосредоточении войск, что дало возможность противнику догадаться о проводимых нами мероприятиях на этом участке фронта». В частности, он отмечал, что «начальник артиллерии 61-й армии генерал-майор Егоров, осведомленный об операции, 27 мая раздал план наступления командирам корпусов, бригад и артиллерийских полков, приказал занять огневые позиции и произвести пристрелку, в результате на участке армии образовался массированный артиллерийский огонь». Спустя два дня арестованный УКР «Смерш» НКО СССР Брянского фронта агент германской разведки Стрелков на допросе показал что, «...Среди немецкого командования и солдат идут разговоры, что русские готовят наступление».

По подобным фактам утечки секретных данных к противнику сотрудниками органов государственной безопасности оперативно проводились расследования. К болтунам и разгильдиям принимались соответствующие суровому военному времени меры.

Другим источником информации для гитлеровского командования служили дезертиры и изменники. Они представляли настоящую головную боль для органов «Смерш». Достаточно посмотреть спецсообщения и докладные записки №№ 3525 от 12 июля 1943 г., 3/13249 от 13 августа 1943 г., 00/10392 от 30 сентября 1943 г. Во всех них упоминается данное направление работы как приоритетное. В интересах минимизации наносимого ими ущерба в управлениях «Смерш» Брянского и Центрального фронтов для компрометации этого источника информации перед противником, впервые в оперативной практике была разработана и проведена смелая и нестандартная операция – «Инсценировка «Измена Родине». В сборнике она освещена в двух документах №№ 3/6694 от 19 июня 1943 г.; 3/7547 от 10 июля 1943 г. и заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробно. Местом для проведения операций были избраны четыре войсковые части, из которых в течение мая 1943 г. «перебежало» 23 военнослужащих. Переходы линии фронта осуществлялись обычно в утренние часы, не большими группами «единомышленников». В ходе реализации специально разработанного плана УКР «Смерш» Брянского фронта подготовило несколько групп военнослужащих – добровольцев. Главными критериями для отбора кандидатов в них являлись: смелость, решительность и надежность. Обращает внимание на себя следующий примечательный факт, в состав группы нередко входили военнослужащие из штрафных рот. Видимо военных контрразведчиков не смущало клеймо «штрафника». Они знали что делали, полагая, что доверие может стать высшей наградой для человека один раз совершившего ошибку. Впоследствии, по завершении операции с участников групп, имевших судимость, она была снята, а наиболее отличившиеся: Поплаухин И.Ф., Коломоец С.М., Крицин М.И. и Шевяков И.А. удостоились высокой награды – ордена Красной Звезды. И эти награды они вполне заслужены.

При осуществлении подобных специальных операций бойцы, рискуя получить пулю от «заведенного фрица», или своего сверхдидельного красноармейца, имитировали коллективную сдачу в плен. С приближением к немецким оборонительным рубежам «изменники» забрасывали траншеи и долговременные огневые точки ручными гранатами, нередко вступали в рукопашную схватку, а затем, под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня возвращались к себе в расположение.

Об эффективности инсценировки «Измена Родине» можно судить по реакции противника, а она была более чем убедительной. Спустя несколько недель, в конце июне 1943 г., в гитлеровских пропагандистских передачах на линии фронта зазвучали совсем другие ноты. Теперь они обращались к потенциальным изменникам с предложением: «Избегайте перехода группами, так как группы будут уничтожаться. Переходите одиночками, и не утром, как мы принимали до сих пор, а ночью».

Но военные контрразведчики не бездействовали и с помощью войсковой агентуры активно занимались выявлением среди военнослужащих слабодушных и враждебно настроенных к советской власти лиц. При получении оперативных материалов они под различными предлогами снимались с передовой и направлялись в тыловые подразделения, где продолжалась их дальнейшая проверка.

Докладная записка помощника начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР полковника Ширманова В.Т. «О результатах выезда в 13-ю и 70-ю армии Центрального фронта» свидетельствует о высокой результативности этой работы. Он отмечал: «Одной из положительных черт в работе органов «Смерш» 13 и 70 армий в период оборонительных и наступательных действий наших частей следует отметить ту профилактическую работу, проведенную органами контрразведки по линии борьбы с изменой Родине. В результате своевременного ареста и отвода в тыл лиц с изменническими намерениями с 5 по 31 июля с.г., т.е. с начала боевых действий в частях 13-й и 70-й армий не отмечено случаев перехода на сторону противника военнослужащих».

Наибольшую угрозу накануне боев представляли внедренные в части Красной армии агенты абвера и «Цепелина», а также заброшенные в тыл разведывательно-диверсионные группы. Именно на этом участке борьбы были сосредоточены основные усилия отечественных органов государственной безопасности. С помощью агентуры и при активной поддержке населения им в большинстве случаев удавалось в короткие сроки выявлять и разоблачать шпионов и диверсантов противника. Публикуемые в сборнике материалы всесторонне отражают эту непримиримую борьбу советских и немецких спецслужб. На какие только ухищрения не шли абвер и «Цепелин», чтобы добиться своих целей.

В феврале 1943 г. в городе Малоархангельске был задержан гражданин «Н», чье поведение показалось контрразведчикам подозрительным.

На первый взгляд он выглядел как типичный душевнобольной, налицо были все признаки заболевания: бессвязная речь, не стандартное поведение и вызывающе-неряшливая одежда. Целыми днями «Н» бродил по городу и его окрестностям, нередко появлялся в районах расположения войсковых частей. Именно этот факт и заинтересовал контрразведчиков. Во время «дежурной» проверки «блаженного», они ничего подозрительно не обнаружили. При себе тот имел документы, подтверждающие его недееспособность. Но это не усыпило их бдительности, и решено было продолжить оперативную проверку. «Н» отпустили и вскоре, он привел контрразведчиков к своей «лежке» – подвалу разрушенного дома и там они обнаружили настоящий шпионский арсенал. Оружие, деньги, портативная радиостанция и шифры к ней, а также расписание сеансов радиосвязи с гитлеровским разведцентром «штаб Виддера», моментально вернули «блаженному» дар речи и память. Так провалился еще один агент-маршрутник абвера «Деев». На серых выцветших от времени архивных фотографиях испуганный «Деев» в нахлобученной по самые глаза шапке и старом латаном зипуне, рядом с замолкшей навсегда радиостанцией, выглядит жалким и беспомощным. Но всего несколько часов назад он представлял смертельную угрозу для сотен бойцов Красной армии, которые теснились в душных теплушках военного эшелона, направлявшегося к линии фронта. Они даже не подозревали, что в любой момент по команде шпиона «Деева» на них с небес свинцовым дождем могла обрушиться смерть.

Гитлеровские службы широко использовали в качестве агентов и диверсантов не только «душевнобольных» или «инвалидов», но и детей. В спецсообщении начальника УНКГБ Курской области подполковника Аленцева В.Т. и справке № 240 /А от 29 сентября 1943 г. начальника ГУКР «Смерш» Абакумова В.С., направленных в адрес наркома внутренних дел СССР Берия Л.П. раскрывается этот далеко неординарный эпизод в тайной борьбе двух спецслужб.

Задолго до начала Курской битвы сотрудники абвера отобрали несколько групп беспризорников и после изощренной психологической обработки фактически превратили их в зомби. В дальнейшем, на специальных курсах обучили минно-взрывному делу и забросили в район Московско-Курской железной дороги, важнейшей транспортной магистрали того периода времени. Руководство действиями диверсионных групп «заботливые отцы» из абвера возложили на своего резидента «дядю Ваню», осевшего под надежным прикрытием в городе Щигры. Перед диверсантами – подростками была поставлена задача выводить из строя паровозы. В этих целях их снабдили мощными взрывными зарядами, которые были закамуфлированы под куски угля. Но сотрудники Управления НКГБ СССР по Курской области после высадки группы в ночь на первое сентября захватили одного из диверсантов шестнадцатилетнего «П». Тот долго не запирался и вскоре дал развернутые показания. В течение суток были арестованы еще десять участников дивер-

сионного отряда. Всего органы НКГБ, НКВД и подразделения «Смерш» задержали 28 диверсантов. Пятнадцать из них сдались добровольно. «Дядю Ваню», пытавшегося откредититься от своих многочисленных «племянников», доставили в управление под надежным конвоем работников НКВД.

Во время самых ожесточенных боев гитлеровские спецслужбы стремились любым путем получить информацию о планах командования частей Красной армии и «на ходу», под угрозой расстрела осуществляли вербовки попавших в плен красноармейцев, а затем перебрасывали в расположение советских войск. Как правило, такие «момент агенты» добровольно приходили с повинной в отделы «Смерш». Тех, кто пытался скрыть факт своей вербовки рано или поздно ожидала судьба рядового «Е». Спустя неделю, после его выхода из «окружения» 14 июля он был разоблачен сотрудниками отдела «Смерш» по 70-й армии. Несколько дольше продержался другой вражеский агент рядовой «К». Через 15 дней он давал показания военным контрразведчикам 162 стрелковой дивизии.

Несомненный интерес у читателей вызовет работа органов «Смерш» по внедрению своего агента «Марты» в гитлеровские спецслужбы. В апреле 1943 г. УКР «Смерш» НКО СССР Брянского фронта перебросило ее за линию фронта с целью проникновения в оккупированный фашистами г. Орел и продвижения в разведорган «штаб Виддера». Приземление «Марты» прошло удачно, а дальше начался долгий и полный смертельной опасности путь к поставленной контрразведчиками «Смерш» задаче. После глубоких и всесторонних проверок немцы убедились в ее надежности, а с учетом неординарных личных качеств и способностей определили ей роль руководителя разведывательной группы. При отступлении они оставили ее в городе «на оседание». В помощь перспективному резиденту «Марте» определили двоих агентов и снабдили их необходимыми средствами: радиостанцией, оружием и деньгами в расчете на долгую и результативную работу группы. И «Марта» сработала. Теперь радиостанция передавала «разведывательную информацию» в интересах «Смерш». Два ее «помощника» вскоре были арестованы. Но на этом потери гитлеровской разведки не закончились. За время подготовки в «штабе Виддера» «Марта» добыла данные на многих агентов, которые готовились для заброски в советский тыл, выявила ряд пособников из числа жителей города Орла, сотрудничавших с гестапо. Эта ее информация существенно помогла сотрудникам «Смерш» и Управления НКГБ СССР Орловской области в их розыске и изобличении. По результатам своей работы в тылу противника агент «Марта» 8 августа 1943 г. представила доклад. Сегодня, на страницах сборника читатель может ознакомиться с этим, когда-то доступным только узкому кругу лиц, совершенно секретным документом. Отчет агента «Марта» позволяет, как бы изнутри взглянуть на работу гитлеровских спецслужб. Под ее «пером» приобретают реальную плоть и кровь офицеры абвера и гестапо. За простыми строчками, описывающими положение на оккупированных территориях, живо ощущается

атмосфера фронтовой весны и лета 1943 г. Наиболее полное представление об эффективности и результативности разведывательной и контрразведывательной работе отечественных органов государственной безопасности дает докладная записка начальника УНКГБ СССР Орловской области подполковника Домарева А.Д. «О выявленных контрразведывательных органах противника, действовавших в городе Орле в период оккупации немецкими войсками». В ней детально раскрывается не только структура гитлеровских спецслужб, действовавших на территории Орловской области, но и перечисляется, с указанием подробных установочных данных их кадровый состав. Как паутина в лучах восходящего солнца, так и тайная сеть абвера проступила перед советскими контрразведчиками.

Кульминационный период в борьбе отечественных и гитлеровских спецслужб приходится на июль и август 1943 г. С приближением 5 июля, казалось, что сам воздух стал взрывоопасным. По обе стороны линии фронта сосредоточилось такое огромное количество военной техники и личного состава, что как среди советских, так и немецких солдат и офицеров, не возникало сомнений в скором начале невиданного по своим масштабам и накалу сражения. В канун Курской битвы эта гигантская пружина войны сжалась до предела, чтобы спустя несколько часов ранним утром, расколоть предрассветную тишину ревом десятков тысяч орудий. Тогда казалось, что само небо обрушилось на землю, и под ураганным огнем не уцелеет ни что живое. Участник тех первых, самых драматических часов, маршал Советского Союза Г.К. Жуков, которого трудно заподозрить в излишней эмоциональности, спустя годы, в книге «Воспоминания и размышления» не удержался от них: «...Все кругом закрутилось, завертелось, раздался ужасный грохот – началось величайшее сражение в районе Курской дуги. В этой адской "симфонии" звуков словно слились воедино удары тяжелой артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов М-31 "катюш" и непрерывный гул авиационных моторов. Вражеские войска от нашей штаб-квартиры находились по прямой, не более чем в 20 км. Мы слышали и ощущали ураганный огонь и невольно, в нашем воображении возникала страшная картина на исходном плацдарме противника, внезапно попавшего под ураганный удар контрподготовки».

В этих экстремальных условиях обстановки органы безопасности усилили оперативную работу по контролю за боеспособности войск и состоянием морально-психологического духа бойцов и командиров. Они выявляли и своевременно информировали армейское командование о фактах потери управления на отдельных участках фронта, случаях неорганизованности и неразберихи. Приведенные в сборнике докладные записки, материалы военной цензуры и спецсообщения носят сугубо служебный характер, написаны сухим языком. И, тем не менее, они дают наглядное представление о той исключительно острой и полной драматизма обстановке, что сложилась в первые дни боев на передовой. Если она потрясла Жукова с его «же-

лезными» нервами, то, что же говорить о командирах и красноармейцах, находившихся в самом эпицентре ада, разверзшегося на курской земле. Не все из них выдержали это нечеловеческое испытание.

21 июля 1943 г. В.С. Абакумов информировал А.М. Василевского о том, что «12 июля 1943 г. в отдел контрразведки «Смерш» 1-й танковой армии были доставлены совершенно секретные документы штаба 31-го тк, найденные в районе боевых действий в дер. Зоринские дворы. Произведенным расследованием установлено, что виновным в утрате совершенно секретных документов оказался зав.делопроизводством секретной части 31 ТК – лейтенант интендантской службы Мельников Леонид Евдокимович». Тот, 8 июля во время бомбардировки, допустил трусость, не выполнил приказ начальника штаба 31 танкового корпуса – доставить пакет с секретными документами, в числе которых находился приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0296, во 2 эшелон войск. Он бежал с поля боя, «...бросил планшет с секретными документами, сам уехал в тыл корпуса. Об утере секретных документов не сообщил и мер к розыску не предпринимал». 14 июля Мельников Л.Е. был арестован сотрудниками военной контрразведки. При обыске у него обнаружили еще десять не отправленных документов, среди них оказались «весьма срочные, предназначавшиеся начальнику штаба 1-й танковой армии».

Динамичная и быстро меняющаяся обстановка на фронтах, а также не согласованность во взаимодействии между частями Красной армии порой приводили к непоправимым ошибкам – свои били по своим. Так, 12 июля под бомбежку советской авиации попали подразделения 10-й гвардейской отдельной танковой бригады. 23 июля в районе дер. Богдановка 53-й минометный дивизион «накрыл огнем» стрелковый батальон 53 гвардейского стрелкового полка. Погибло 148 военнослужащих.

Не у всех командиров хватало мужества докладывать о подобных происшествиях, видимо рассчитывали на то, что война всё спишет. Военная контрразведка не оставляла их без внимания, оперативно проводила расследование и принимала меры. В спецсообщении № 1088сс начальник УКР «Смерш» Брянского фронта генерал-майор Железников Н.И. информировал командующего и члена Военного совета фронта об этих и других недочетах.

Серьезную опасность в первые решающие дни Курского сражения представляли случаи измены Родине и дезертирства с поля боя. Паника в рядах красноармейцев могла стать союзником для наступающих гитлеровских войск. Но этого не произошло. Русский солдат 1943 г. отличался от того, который летом 1941 г. противостоял матерому и уверенному в себе воюке вермахта. Документы военной цензуры, представленные в сборнике, содержат подробный обзор писем советских военнослужащих. Большинство из них были проникнуты верой в победу. Наряду с этим, в них содержатся интересные для современного читателя детали и подробности, отражающие внутренний мир людей той эпохи. И, тем не менее, небывалое ожесточение

сражения сказывалось на психике советских солдат и офицеров. Некоторые не выдерживали и бежали с поля боя. Но это негативное явление не приобрело массового характера. Доклады и сообщения, поступавшие с мест боев в ГУКР «Смерш» НКО СССР подтверждают это. В одном из них № 3525/3 от 12 июля 1943 г. отмечалось: «... В ходе боевых действий наших частей Отделом контрразведки НКО «Смерш» с помощью подразделений заградительной службы за период с 5 по 10 июля с.г. задержано 1870 человек военнослужащих. Большинство из них в ходе маневровых действий теряли связь со своими подразделениями и возвращены в строй, однако, в процессе фильтрации их выявлено и арестовано: дезертиров – 6 человек, членовредителей – 14 человек, трусов и паникеров, бежавших с поля боя – 49 человек».

В этих условиях обстановки исключительно важную роль играла агентура органов государственной безопасности. На страницах сборника, на основе некогда абсолютно закрытых документов, она впервые раскрывается перед читателем. Именно им: секретным осведомителям, агентам и резидентам, находившимся на самом передовом рубеже, не редко приходилось останавливать, а затем вести в бой, потерявших от страха разум товарищей. Большинство из них являлись простыми солдатами, но сила духа и та подготовка, которую они получили в процессе сотрудничества с органами государственной безопасности, давали им силы подняться над собственной слабостью и укрепляли веру у сослуживцев. Своими самоотверженными действиями они не только обеспечили оборону порученного участка линии фронта, но, что не менее важно, сохранили доброе имя и честь многим солдатам и офицерам.

Приведенная в сборнике докладная записка начальника УКР «Смерш» НКО СССР Центрального фронта № 13249 от 13 августа 1943 г. наглядно иллюстрирует эту малоизвестную роль агентуры. Достаточно просто внимательно вчитаться в содержание докладной, чтобы понять ту великую цену «тихого» подвига агентов и резидентов органов государственной безопасности, подлинные имена которых вряд ли когда-либо станут известными.

В своем докладе в ГУКР «Смерш» генерал-майор Вадис А.А. сообщал: «...17 июля командир взвода мотострелковой дивизии лейтенант "А" в бою проявил трусость, бежал с поля боя и увлек за собой десять человек бойцов. Группа бойцов из 12 человек осталась без командира. Находившийся среди этой группы осведомитель "Ваня" объявил себя командиром взвода и повел группу в наступление и выполнил поставленную задачу. Ранее, 15 июля командир пулеметного взвода младший лейтенант "К" в бою проявил трусость, побегал с поля боя, увлек за собой весь взвод. Осведомитель "Беспалько" выскочил впереди бежавших, под угрозой расстрела остановил "К", а потом всех бойцов вернул на огневой рубеж и лично повел атаку. Резидент "Валентинов" из состава 209-го стрелкового полка в наиболее напряженный момент боя возглавил отступающую роту солдат и повел ее в атаку. Вскоре утраченный оборонительный рубеж был отвоеван.

Секретные осведомители "Кирилов" и "Мишин" из состава 16-го стрелкового корпуса, находясь в полном окружении, организовали круговую оборону и стойко дрались. Несколькими днями спустя группа руководимых ими бойцов самостоятельно вышла из окружения».

Можно привести десятки других примеров самоотверженных и героических действий секретных осведомителей, агентов и резидентов, но требования конспирации и соображения этического характера не позволяют сделать этого. Вместе с тем, нельзя ни отметить еще одну, важнейшую составляющую работы агентуры. С ее помощью сотрудники органов государственной безопасности осуществляли проверку лиц, на которых пало подозрение. Именно благодаря агентуре со многих командиров и красноармейцев оно было снято. Приведенные в сборнике докладные и, в частности, № 3/13249 начальника УКР «Смерш» НКО СССР Центрального фронта, подтверждают это и опровергают бытующее мнение о том, что в годы войны человек, однажды попавший под подозрение органов НКВД, НКГБ или «Смерш», был обречен на лагеря и смерть. В ней генерал-майор Вадис А.А. сообщает о пересмотре и отмене дел на ряд военнослужащих Красной армии. Она заслуживает того, чтобы привести отдельные выдержки: «На фигуранта дела – формуляр по окраске «измена Родине» военнослужащего танковой бригады «Ч» ранее проявлявшего изменнические намерения. Основанием для прекращения дела послужили данные о его героическом поведении во время боев. Он увлек минометчиков вылезти из щелей и открыть минометный огонь по противнику».

По другому делу – формуляр с аналогичной окраской на сержанта воздушно – десантной дивизии «Р» казалось все шло к аресту. Судимость в прошлом, в настоящем резкие «антисоветские высказывания» и «восхваление немецкого оружия», не оставляли ему ни каких шансов. Проверка сержанта продолжалась, но после недели боев была прекращена. Сотрудники «Смерш» сняли подозрения с «Р» и, отдавая ему должное, в своем докладе в Москву отмечали: «За время боев показал себя исключительно стойким бойцом в борьбе с фашистами. «Р» спас жизнь заместителя командира батальона по политической части Винокурову, в рукопашной схватке убил 7 немцев, из автомата расстрелял 30 солдат противника».

Наряду с разведывательной и контрразведывательной работой органов государственной безопасности, в сборнике широко представлена их деятельность по дезорганизации тыла противника. В этом плане наибольшей активностью и эффективностью отличились диверсионные группы 4 Управления НКВД СССР и спецотряды, созданные из числа оперативных сотрудников прифронтовых управлений НКГБ СССР. Задолго до начала Курской битвы они развернули настоящую «рельсовую войну» на транспортных коммуникациях противника.

В период с 9 апреля по 20 мая 1943 г. только силами оперативных групп НКГБ СССР было пущено под откос 20 военных эшелонов с техникой

и живой силой, 1 бронепоезд, уничтожено 9 автомашин и 2 склада горючего. Их совместные с партизанами действия серьезно осложнили ситуацию на транспортных магистралях противника. Приведенные в сборнике трофейные материалы Минского отделения Имперского управления путей сообщений наглядно подтверждают это: «... Положение очень напряженное! Действия партизан невыносимо увеличиваются!; Как днем, так и ночью оборона от бандитов и защита перегонов являются совершенно недостаточными и безрезультатными, так как нападения совершаются ежедневно на тех же самых перегонах!» – Больше, кроме сплошных восклицательных знаков, у чиновника железнодорожного ведомства рейха видимо уже ничего не осталось.

Наиболее полное представление об этой важной стороне деятельности органов государственной безопасности дает Отчет № 7/с 2754 от 11 мая 1943 г. «О диверсионной деятельности оперативных групп НКГБ СССР, действующих в тылу противника». Несомненный интерес вызовут сообщения 4 Управления НКВД СССР №№ 7/с/2211 от 7 апреля 1943 г. и 7/с/2247 от 12 апреля 1943 г., в которых раскрывается одна из наиболее острых и рискованных для того периода войны операций по разложению частей противника и склонению военнослужащих к переходу на сторону Красной армии и партизан. Докладывая итоги одной из них заместителю наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулову, начальник 3 отдела 4 Управления НКВД СССР А.В. Дроздов сообщает: «...В результате агентурных мероприятий, проведенных среди добровольческого батальона «Припять», 6-го апреля с.г. к нам перешла одна рота этого батальона, численностью в 120 человек, дислоцировавшаяся в Мглине, с вооружением: 8 ручных и 2 станковых пулемета, 2 ротных миномета, один батальонный миномет и свыше 100 винтовок».

По мере продвижения частей Красной армии на запад и освобождения от фашистских войск временно оккупированных территорий, органам государственной безопасности пришлось решать еще одну масштабную задачу по выявлению и изобличению военных преступников, совершивших злодеяния против мирного населения и участвовавших в карательных акциях. При расследовании этих преступлений, оперативным работникам и следователям, немало повидавшим и хлебнувшим на войне своего и чужого горя, пришлось снова вместе с палачами и их жертвами пройти все девять кругов предательства, человеческой мерзости и подлости. Чем дальше линия фронта отодвигалась от Курска и Орла тем больше в докладных записках, справках и отчетах о следственной работе органов «Смерш» и НКВД занимали место разделы, связанные с поиском военных преступников и гитлеровских пособников, запятнавших себя кровью соотечественников. Наглядное представление о ней дает одна из докладных записок УКР «Смерш» НКО СССР Брянского фронта. В частности, начальник Управления генерал-майор Железников Н.И. сообщал: «Бывшие военнослужащие Красной армии «Цветков Н.П., Бородавкин В.С., Фролов И.А., Рябцев А.М., Шмаков П.К.

изменили Родине, перешли на службу к фашистам и оказывали им активную помощь в злодейском истреблении содержащихся в Орловском лагере военнопленных путем зверских издевательств, не оказывали медицинскую помощь, принуждали работать полуголодных на оборонительных сооружениях, в результате в лагере погибло 5000 человек. Подробно о составе преступления обвиняемых по настоящему делу изложено в посланной на Ваше имя докладной записке от 14 сентября 1943 г. Дело на Цветкова и других в ближайшее время будет следствием закончено и направлено на рассмотрение суда». Всего за 2 месяца с 1 июля по 31 августа 1943 г. только отделами «Смерш» этого фронта, во взаимодействии с другими органами государственной безопасности было разыскано и арестовано 298 активных пособников оккупантов.

Среди других материалов НКГБ СССР, которые впервые представлены в сборнике, есть один документ, который отражает личные впечатления и оценки одного из руководителей наркомата. Это дневник заместителя начальника 2 Управления НКГБ СССР, комиссара госбезопасности 3 ранга Райхмана Л.Ф. Дневниковые записи относятся к периоду 6–11 августа 1943 г., когда он находился в служебной командировке в освобожденном от немцев городе Орле. Художественный стиль изложения материала передает атмосферу того времени. Личностный характер записей позволяет объективно оценить действия должностных лиц и эффективность принимаемых ими мер.

Традиционно, в сборнике представлена работа органов государственной безопасности по изучению морально-психологического состояния военнослужащих и гражданского населения во время подготовки, проведения и окончания боев на Курской дуге. В этом плане представляет интерес публикации выдержек из писем иностранных поданных и представителей русской эмиграции. При составлении сборника использовались документы, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России (ЦА ФСБ РФ) и его структурных подразделениях в УФСБ РФ по Курской, Орловской, Брянской, Саратовской и Омской областям. Ряд материалов, отражающих деятельность 1-го Управления НКГБ СССР, любезно предоставлены Службой внешней разведки России. Документы публикуются с сохранением присущих им стилистических особенностей и характерной атрибутики. Большинство из них до издания имели гриф «совершенно секретно».

¹ См.: «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. – М.: Московские учебники и Картолитография». 2003. – 480 с.; ил. Книга вышла накануне празднования юбилея победы на Курской дуге.

КОНТРОЛЬ ОРГАНОВ НКВД ЗА ОБЩЕСТВЕННЫМИ НАСТРОЕНИЯМИ

*Тезисы выступления на научно-практической конференции
«Сталинградская битва в судьбах народов»
г. Волгоград, 1 февраля 2013 г.*

В период Сталинградской битвы НКВД СССР регулярно информировал ГКО и Генеральный штаб Красной армии о положении на фронтах. В НКВД СССР собиралась и обобщалась информация о настроениях и реакции различных слоев гражданского населения и военнослужащих на изменение положения на фронте и значительные политические события.

Особое место в контроле общественных настроений занимали органы военной цензуры. От них требовалось не только предотвращать разглашение военной тайны, но и не допускать распространения антисоветских, провокационных, клеветнических и иных политически вредных высказываний. В отделениях военной цензуры просматривалась часть адресованной на фронт корреспонденции и все письма, отправлявшиеся из действующей армии. При обработке писем военные цензоры либо вымарывали отдельные фразы, содержавшие запрещенные сведения, либо изымали и уничтожали почтовое отправление.

На основе материалов перлюстрации составлялись обзоры о морально-психологическом состоянии и настроении войск и населения, которые направлялись в УОО НКВД СССР. Только с 15 по 31 июля 1942 г. отделениями военной цензуры было проверено 190 тыс. 367 писем военнослужащих Сталинградского фронта. Из всего количества, в основном, по причине сообщений о результатах бомбежек, военная цензура подвергла конфискации 128 писем (0,07 %) и изъяла 2 тыс. 470 текстов (около 1,3 %). Начальник Особого отдела 62-й армии в августе 1942 г. сообщал в Особый отдел Сталинградского фронта, что сотрудники отделения военной цензуры с 15 июля по 1 августа 1942 г. просмотрели 67 тыс. 380 писем. 93 письма, что от их общего числа составляет 0,1 %, было изъято¹.

Органами госбезопасности уделялось большое внимание выяснению настроений в связи с отступлением Красной армии. 11 июля и 2 августа 1942 г. Берия проинформировал ГКО о том, что отход частей Красной армии в большинстве расценивается населением как временное отступление,

вызванное стратегическими соображениями². Признавая возросшую силу и организованность Красной армии, стойкость и упорство ее бойцов, советские люди демонстрировали уверенность в том, что враг будет остановлен и разгромлен.

В качестве, своего рода, индикатора настроений гражданского населения часто выбирали представителей интеллигенции. 20 августа 1942 г. НКВД подготовил докладную записку о высказанных в среде научных работников оценках относительно угрозы, создавшейся на Юге: «Вся эта тонкая цепочка немецкого наступления носит авантюрный характер и имеет задачей психологическое воздействие. Именно на Юге начнется разгром немцев, там возьмет всё в свои руки Сталин. Очень важно сейчас подумать об исходе войны. Германию необходимо раздавить, чтобы она никогда не поднялась. Иначе всегда России будет грозить опасность». Но некоторые расценивали создавшееся на Юге положение как безвыходное, нарастали панические, а в ряде случаев и пораженческие настроения: «Если немцам удастся достичь Волги, то будет перерезана единственная артерия снабжения нефтью. Без нефти положение фронта будет катастрофическим. Чувствуется, как постепенно наступает паралич государственной жизни. Будущая зима вызывает тяжелое предчувствие. Мы замерзнем от холода. Дела идут плохо, не знаешь, о чем наше командование думает»³; «Дело не только в численном превосходстве немцев. Дело еще больше зависит от командования. Немцы имеют превосходное командование, хорошую военную науку (еще со времен Фридриха Великого) и тогда, когда мы говорим о втором фронте, соглашениях, декларациях, они выпускают на сцену Роммеля. Устраивают инсценировку, англичан напугают, второй фронт откладывается, а в это время основной удар наносится на другом месте – на Юге России»⁴. Отмечались и риторические вопросы: «До чего мы докатились, отступая такими темпами? Наши солдаты хороши, но командование у нас никуда не годится. Наши войска на Кавказе отступают так быстро, как не отступали из-под Киева»⁵.

Наряду с этим НКВД информировал и об усилении пропаганды антиколхозных настроений со стороны «враждебных элементов»⁶. В отдельных районах Ивановской, Горьковской, Тамбовской, Рязанской, Тульской областей и Мордовской АССР колхозники выражали надежду на то, что с приходом немцев будет восстановлена частная собственность, и крестьяне получат земельные наделы.

Специальные сообщения и специальные сводки Особого отдела Сталинградского фронта в августе 1942 г. говорят о негативных проявлениях и среди военнослужащих. В записке работы военной цензуры от 30 сентября 1942 г. говорилось, что в результате проверки писем выявлены тексты с жалобами на усталость от войны и тяжесть военной службы. Ряд писем отражал упаднические настроения и трусость отдельных бойцов и командиров. В течение июня–августа 1942 г. из 30 млн 237 тысяч

прочитанных писем отмечено 15 тысяч 460, содержащих такие высказывания⁷. Так, в одном из писем говорилось: «... Я жив, а через секунду может быть убьют... очень сильные бои, много народа перебито, трупы лежат на земле, жутко смотреть, и немцы, и наши лежат, бедняки, гниют и никому не нужны, хотя бы похоронили, а то валяются, как снопы. Танки ездят по людям, как по дровам. Танк весь в крови, жутко смотреть»⁸.

8 октября 1942 г. Л.П. Берия направил в ГКО информацию о том, несмотря на серьезную опасность положения на фронтах, люди выражают твердую уверенность в разгроме противника. В то же время продвижение противника в районе Волги, неопределенность по поводу открытия второго фронта вызывали подавленность и рост нездоровых настроений. Наиболее панически настроенные представители интеллигенции считали, что «даже победа СССР не восстановит благополучия»; «На юге армия позорно бежала, талантливых генералов не нашлось»⁹. Как отмечали в НКВД, антисоветски настроенная интеллигенция пыталась объяснить отдельные неудачи на фронте неправильностью как внешней, так и внутренней политики советской власти и ее негуманным отношением к населению.

9 октября 1942 г. Л.П. Берия проинформировал ГКО в целом об одобрительной реакции населения Москвы на опубликованные в печати ответы Сталина на вопросы корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс, которые расценивались как свидетельство того, что СССР не сможет выдержать борьбу с немцами без помощи Великобритании и США¹⁰.

19 ноября 1942 г. началась операция «Уран». Наступление частей Красной армии, разгром немцев на Дону и под Сталинградом вызвали среди личного состава частей и соединений Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов большой морально-политический подъем. Бойцы и командиры выражали уверенность, что начавшееся наступление является переломным моментом в ходе войны¹¹. В то же время Особые отделы НКВД и органы военной цензуры в этот период фиксировали и негативные настроения «антисоветского элемента», выявляли факты плохой организации питания и медицинского обслуживания военнослужащих¹². Так, 16 января 1943 г. из Особого отдела НКВД Донского фронта в НКВД СССР направили докладную записку «О реагировании антисоветского элемента на разгром немцев под Сталинградом»¹³, в которой отмечались факты «антисоветских, пораженческих проявлений со стороны отдельных военнослужащих»: «...Мы воевать не способны, никакой нашей победы не будет. Победа будет на стороне немцев»; «Сталинградскую группировку немцев нам не ликвидировать. В победу над фашизмом я не верю»; «Хоть наши и окружили немцев, но нам все их равно не взять, т.к. наши воевать не могут, не умеют»; «Газетам не верьте о том, что Красная армия стойкая и храбрая. В газетах пишут в основном неправду, а вот в отношении немецкой так прямо и скажу, что это армия образцовая и нам ее вряд ли победить».

Последующие события принесли победу советским войскам, и постепенно стала меняться общая тональность настроений советских людей, демонстрировалась готовность активнее поддерживать военно-политические и хозяйственные мероприятия, внешнеполитические акции советского руководства. Об этом свидетельствует содержание представляемых НКВД СССР руководству ГКО докладных записок и информационных сообщений. В одном из писем со Сталинградского фронта мы читаем такие слова: «Много героических подвигов войдет в историю нашей Отечественной войны, но такого сплошного подвига, как защита Сталинграда, по-моему, история войны не знает»¹⁴.

На завершающей стадии Сталинградской битвы общественные настроения значительно улучшились, об этом наряду с прочим свидетельствует содержание докладных записок и информационных сообщений НКВД СССР, и в дальнейшем представлявшихся в ГКО¹⁵.

¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 22. Д. 101. Л. 50, 63.

² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 12. Л. 294–305.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 14. Л. 143–145, 148.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 75.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 75.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3-ос. Оп. 9. Д. 14. Л. 152–156.

⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 117–121.

⁸ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 22. Д. 102. Л. 94.

⁹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 229–230.

¹⁰ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 15. Л. 239–244.

¹¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 149.

¹² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1008. Л. 67–69, 74–77.

¹³ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 149–150.

¹⁴ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 22. Д. 102. Л. 94, 106.

¹⁵ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 913. Л. 154–157.

ДЕЛО ГЕНЕРАЛА КИРПИЧНИКОВА: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

*Статья в «Военно-историческом журнале»
2007 г. № 7, 9.*

Во время Великой Отечественной войны финнами было взято в плен более 64 тысяч советских военнослужащих. Оказавшись в финских лагерях для военнопленных, они стали объектом пристального внимания специальных служб Финляндии, которые вели планомерную работу по выявлению и уничтожению находившихся среди советских военнопленных политически опасных для них лиц. В результате жестокого обращения в финских лагерях погибло около 19 тысяч советских военнопленных, что составляет примерно 30% от их общего числа. Это очень высокий показатель смертности среди военнопленных, сопоставимый только с уровнем смертности в лагерях для военнопленных в Германии и Японии¹.

Как работали специальные службы Финляндии с советскими военнопленными, находившимися в финских лагерях для военнопленных, а также как проводилась их проверка после возвращения в СССР, можно проследить по документальным материалам, хранящимся в финских и российских архивах. Так, в военном архиве Финляндии находятся карточки на бывших советских военнослужащих, которые в годы Великой Отечественной войны (или как именуют финские историки – «войны-продолжении») содержались в финских лагерях для военнопленных.

Среди огромного количества архивных документов находится карточка заключенного № А-267 Кирпичникова Владимира Васильевича, заполненная 18 февраля 1942 г. К этому военнопленному проявляли повышенный интерес сотрудники военной разведки Финляндии и Управления пропаганды финской армии, так как В.В. Кирпичников был командиром 43-й стрелковой дивизии² 23-й армии и имел воинское звание – генерал-майор. Информацию о генерал-майоре В.В. Кирпичникове можно найти и в российских источниках. Например, в Военно-историческом журнале в 1992 г. в рубрике «Трагедия плена» было опубликовано сообщение о том, что с сентября 1941 г. по октябрь 1944 г. Кирпичников находился в финском плену, а с 20 октября 1944 г. содержался под стражей в ГУКР «Смерш»³.

Более подробная информация о генерале (когда и при каких обстоятельствах он попал в плен, когда был освобождён и возвращён в СССР, его дальнейшая судьба), содержится в документальных материалах, хранящихся в Центральном архиве ФСБ России⁴. Владимир Васильевич Кирпичников родился в 1903 г. в г. Симбирске. Военную карьеру Кирпичникова до 22 июня 1941 г. с полным основанием можно назвать успешной. В 1922 г. он поступает учиться в Ульяновское пехотное военное училище. После окончания училища с 1925 по 1937 гг. проходит службу в должности командира взвода, роты, батальона. В 1937 г. в должности начальника штаба полка В. Кирпичникова направляют в спецкомандировку в Испанию. За участие в испанской войне был награжден орденом Красной Звезды. В 1939 г. Кирпичников как опытный боевой офицер был назначен командиром 43-й дивизии. К началу финской кампании 43-я дивизия была выдвинута на Карельский перешеек, где вела боевые действия до момента заключения мира между СССР и Финляндией. Командир дивизии Кирпичников награжден орденом Красного Знамени. Накануне Великой Отечественной войны Кирпичников окончил курсы высшего начсостава при Военной академии имени Фрунзе.

Вторжение немецко-финской группировки на советскую территорию началось в конце июня 1941 года. К 27 июня 1941 г. части 7-й, 14-й и 23-й армий Северного фронта⁵, силы Балтийского и Северного флотов и Ладужской военной флотилии были приведены в полную боевую готовность и заняли оборонительные позиции. Части 23-й армии во взаимодействии с частью сил Балтийского флота были развернуты вдоль государственной границы СССР на ленинградском направлении. 43-я дивизия заняла рубеж обороны по линии границы с Финляндией на участке: Курмапохия–Конту–Мыс Кананая–Лауко⁶.

Поначалу на участке обороны 43-й дивизии противник активных наступательных действий не предпринимал, но уже в первых числах июля появились первые финские разведывательные дозоры. 31 июля финская Юго-Восточная армия перешла в наступление, под ее натиском войска советской 23-й армии начали медленно, от рубежа к рубежу, отходить на юго-восток. В первой половине августа, в районе западнее озера Ладога и реки Вуокса, в полосе обороны 115-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Конькова⁷, находившегося с правого фланга дивизии Кирпичникова, противнику удалось прорвать оборонительный рубеж 23-й армии. В результате возникла угроза окружения всей Выборгской группировки. С целью ликвидации опасного положения 123-я дивизия под командованием полковника Цуканова, находившаяся с левого фланга 43-й дивизии, была снята и направлена для прикрытия прорыва. 43-й дивизии пришлось своим левым флангом прикрывать отход 123-й дивизии на новые рубежи, а правым – рубеж обороны 115-й. В начале августа 1941 г. 43-я дивизия вступила

в бой на участке Курманпохия – Лаутала, севернее Выборга и до конца месяца вела тяжелые оборонительные бои за город Выборг. К концу августа части 23-й армии отошли на новые рубежи обороны западнее Выборга. На ликвидацию прорыва линии обороны были направлены один стрелковый полк, артиллерийская батарея и зенитный дивизион из 43-й дивизии. Воспользовавшись перегруппировкой сил на участке обороны 43-й дивизии, противник начал активные боевые действия. Примерно 27–28 августа командиру 43-й дивизии поступил новый приказ – выдвинуться из Выборга по Приморскому шоссе и занять рубеж обороны на участке юго-восточнее города. В это время противник южнее Выборга выбросил с моря десант и перерезал пути отхода 43-й дивизии по Приморскому шоссе. В создавшейся ситуации генерал Кирпичников с батальоном пехоты, скользя наступавшего противника южнее Выборга и прикрывая отход своей дивизии, был окружен крупными силами противника. К 1 сентября 1941 г. после упорных и изнурительных боев, части 23-й армии закрепились на линии государственной границы 1939 г. (на рубеже Карельского укрепленного района). Из трёх дивизий 23-й армии организовано вырваться из окружения удалось только 115-й стрелковой дивизии, которая восточнее поселка Парлампи лесами прорвалась на юг. Попытка дивизии Кирпичникова воспользоваться этим же маршрутом не удалась. Пришлось уничтожить материальную часть дивизии и, предварительно разбившись на мелкие группы, попытаться прорваться через линию фронта. Однако противник разгадал этот манёвр и открыл по отступающим частям и подразделениям 43-й дивизии минометный огонь. Части и подразделения 43-й дивизии разрозненно, оставляя тяжелую технику и вспомогательное оборудование, пробивались к Койвисто, откуда были эвакуированы судами Краснознаменного Балтийского флота. Генерал Кирпичников получил легкое ранение и 1 сентября 1941 г. попал в плен к финнам⁸.

Офицеры финской военной разведки проводили активный разведывательный опрос в первые дни и часы после захвата в плен советских военнослужащих. Финские разведчики сразу же после задержания генерала Кирпичникова провели его разведывательный опрос в полевой палатке. Они, используя его подавленное моральное состояние фактом своего пленения, сумели не только подтвердить ранее имевшиеся разведывательные данные, но и получить собственноручные письменные показания советского генерала. Благодаря такой тактике, финская военная разведка в сентябре 1941 г. располагала уже достаточно обширными разведывательными данными о дислокации частей и соединений Красной армии на линии фронта. Финнами проводился разведывательный опрос всех военнопленных, затем полученная информация обобщалась, уточнялась и корректировалась.

В течение трех дней Кирпичников находился на передовой линии фронта при штабе 24-й шюцкоровской дивизии, где вёлся его предварительный

опрос финскими разведчиками. 3 сентября Кирпичников был доставлен в штаб финского корпуса, располагавшийся в районе населенного пункта Карис, в 15 км севернее г. Выборга. На следующий день опрос Кирпичникова о местах минирования в г. Выборге провел командир корпуса в звании генерал-лейтенанта финской армии.

Затем в течение недели с ним работали офицеры разведывательного отдела штаба финского корпуса, опрашивая о расположении частей 43-й стрелковой дивизии и соседних по линии фронта 115-й и 123-й стрелковых дивизиях. Для того, чтобы оказать психологическое давление, Кирпичникову демонстрировалась топографическая карта, на которой была подробно нанесена вся обстановка и расположение линии обороны с обозначением соединений 23-й армии, зачитывались из блокнота фамилии командиров дивизий. Это оказало необходимое воздействие на пленного генерала, и беседы принимали характер обсуждения вопросов тактики прошедших военных действий в районе Выборга, где участвовала в сражениях 43-я сд, обсуждались вопросы характера укреплений по линии старой границы с Финляндией.

12 сентября 1941 г. Кирпичников был доставлен в Главный штаб финской армии, размещавшийся в городе Миккели (Финляндия), где до конца октября продолжались его опросы представителями финской разведки. Финские военные, памятуя о том, что Кирпичников был участником Зимней войны 1939–1940 гг., опрашивали его, якобы, для изучения военной истории, и о той кампании. Советский генерал дал положительную оценку военных действий финской армии в зимних условиях войны 1939–1940 гг., а также рассказал о недочетах и трудностях, с которыми пришлось столкнуться частям Красной армии в ту войну и что эти трудности были устранены. В последующем это будет квалифицировано как «клевета на советский строй и организацию Красной армии, а также восхваление финской армии»⁹.

Генерал Кирпичников произвёл неожиданно хорошее впечатление на финских военных разведчиков, признавших, что его поведение было бодрым и дружественным, а ответы показали, что он является умным человеком, имеет острую наблюдательность и способность критически подходить к явлениям. По своему военному и гражданскому образованию Кирпичников довольно развит и стоит на большой высоте.

В результате опроса генерала Кирпичникова финские военные разведчики сделали вывод, что данные о концентрации и перебросках сил Красной армии в основном совпадали со сведениями, имевшимися у них по этим вопросам. В связи с отступлением частей и соединений Красной армии, информация, которую сообщил Кирпичников на допросах в штабах дивизии и корпуса, а также в собственноручных показаниях, утратила свою актуальность. Некоторые критические замечания Кирпичникова,

высказанные им в отношении боевых действий Красной армии во время финской войны, а также его отдельные антисоветские высказывания, побудили финских представителей попытаться использовать Кирпичникова в пропагандистской деятельности против СССР. В конце октября 1941 г. он был передан в распоряжение Управления пропаганды финской армии и вскоре перевезен в г. Хельсинки. Финские пропагандисты продолжали выяснять у Кирпичникова, каковы состояние советских войск, оборона северной линии фронта, морально-политическое настроение военнослужащих Красной армии и населения, состояние экономики Советского Союза. Среди финских пропагандистов, которые работали с Кирпичниковым, были преимущественно российские иммигранты, в том числе бывшие офицеры российской царской армии. Они вели пропаганду на русском языке на временно оккупированной финнами советской территории и среди советских военнопленных в Финляндии. До начала декабря финские пропагандисты предпринимали неоднократные попытки убедить Кирпичникова выступить по радио и в печати с призывом к русскому народу и советским военнопленным объединиться для борьбы против существующего советского строя. Кирпичникову предлагалось подписать обращение к советским военнопленным, к бойцам и командирам Красной Армии, выступить на митинге для советских военнопленных, убеждая их не возвращаться на родину, так как там их ждёт смерть, а также возглавить в Финляндии антисоветское движение.

В целях воздействия на Кирпичникова применялись меры морального воздействия: широко освещали в прессе факт пленения высокопоставленного советского военного, подготовили документальный фильм, включив в него эпизод о нахождении в плену генерала Кирпичникова. Этот фильм демонстрировали не только на экранах кинотеатров для финского населения, но и для советских военнопленных. Кирпичникова убеждали, используя возможности финской разведки, организовать переписку с его женой, которой будет передано до 60 тысяч рублей в качестве единовременной материальной помощи. Для принуждения к выполнению высказанных предложений его заключали в карцер, сокращали обычный для всех военнопленных рацион питания.

Кирпичников отказался возглавить антисоветское движение в Финляндии, в то же время, под влиянием финских пропагандистов, написал ряд критических записок по вопросам возможности государственного переворота в Советском Союзе, популярности белого движения среди населения СССР, войне СССР с Германией и ее союзниками, работе НКВД, семье и быте в Советском Союзе и другие. В частности, в одной из записок

Кирпичников отметил, что в СССР нарушены устои семьи и брака, назвал советскую молодежь безнравственной и распушенной.

В первой декаде декабря 1941 г. Кирпичников был помещен в лагерь № 1 для военнопленных советских офицеров, расположенный в местечке

Каккури в 28 км от ст. Пейпохи. В этом лагере, где содержалось около двух тысяч офицеров Красной армии, Кирпичников пробыл до 19 октября 1944 г., т.е. до того дня, когда он был возвращен в Советский Союз.

Оказавшись в лагере, Кирпичников, как и другие советские военнопленные, продолжал находиться в поле зрения финской военной разведки, которая вела разведывательную и контрразведывательную работу в местах содержания военнопленных. Один из наиболее активных представителей финской военной разведки получил в среде военнопленных лагеря № 1 кличку «Черный ворон». Он занимался подбором лиц, которые использовались финской военной разведкой для контроля за поведением военнопленных, следили за внутренней обстановкой в лагере, выявляли военнопленных, враждебно настроенных к Финляндии. Кроме того, «Черный ворон» подбирал кандидатов на вербовку из числа военнопленных для последующей разведывательной работы в тылу Советского Союза. «Черный ворон» провел несколько вербовок среди советских военнопленных, которые дали согласие на сотрудничество с финской военной разведкой и были переброшены на территорию СССР¹⁰.

В начале 1942 г. после массового отказа военнопленных от выхода на работы, Кирпичников в составе 120 человек старшего офицерского состава был помещен в изолятор лагеря, где просидел до 12 месяцев, из них 11 месяцев содержался в одиночной камере бывшей тюрьмы для политических преступников. Это было сделано для того, чтобы изолировать его от остальной массы военнопленных и не допустить его влияния на военнопленных офицеров.

После подписания 19 сентября 1944 г. перемирия между Финляндией и СССР, администрация финского лагеря неоднократно предлагала Кирпичникову отказаться от возвращения в СССР и остаться в Финляндии, либо выехать в Швецию или США. При этом финские представители заявляли, что всех возвращающихся из плена в Советский Союз ожидает там смерть. Кирпичников на все предложения финнов ответил отказом¹¹.

Во второй половине октября 1944 г. всех советских военнослужащих, находившихся в офицерском лагере № 1, посадили в железнодорожные вагоны, привезли к советско-финской границе и передали советскому военному командованию. Всех бывших военнопленных направили на армейские специальные проверочные пункты, где в течение короткого времени (5–10 дней) они были допрошены и направлены в проверочно-фильтрационные лагеря для дальнейшей проверки органами контрразведки «Смерш».

После возвращения генерала Кирпичникова в СССР – в его жизни новая трагическая страница. В соответствии с действующим законодательством, он, как и все военнослужащие, возвратившиеся из плена, должен был пройти процедуру проверки в органах контрразведки «Смерш». Проведение проверки было связано с тем, что немецкие и финские

разведывательные органы активно использовали канал возвращения военнопленных для внедрения своей агентуры на территорию СССР. В процессе проверочно-фильтрационной работы необходимо было выявить среди военнослужащих, находившихся в плену, агентов разведывательных служб противника, предотвратить их преступную деятельность, выявить лиц, совершивших измену Родине в форме перехода на сторону врага. Кроме того, в ходе работы с бывшими советскими военнопленными, контрразведчики из «Смерша» добывали информацию о разведывательных, контрразведывательных и диверсионных органах противника, формах и методах их деятельности.

На следующий же день после возвращения на Родину, Кирпичников был допрошен в качестве свидетеля в 4-м отделении ОКР «Смерш»¹² 59-й армии. Допрос, который был начат 21 октября 1944 г. в 19 часов 30 минут, длился почти девять часов и завершился 22 октября в 4 часа 20 минут. В ходе допроса Кирпичникову предложили кратко изложить автобиографию, а затем рассказать подробности своего пленения.

В протоколе допроса со слов Кирпичникова записано: «К вечеру 31 августа 1941 года я со штабом дивизии находился в районе деревни Парлампи. К этому времени мы были полностью окружены противником. В связи с этим я принял решение с боем пробиться к нашим тыловым рубежам. С этой целью мы двинулись по лесу небольшими группами. Противник обнаружил передвижение и открыл сильный огонь из автоматов и минометов. Бойцы и командиры штаба дивизии разбежались. Я двигался со своим адъютантом лейтенантом Климановым. В этот момент в непосредственной близости от нас взорвалась мина, в результате чего я был легко ранен и вследствие контузии потерял сознание. Очнувшись через некоторое время, я увидел, что лежу засыпанный землей, рядом со мной находится тяжело раненный адъютант. Я попытался приподняться, но не смог этого сделать ввиду сильной контузии. Здесь же я впал в забытие и пришел в себя, услышав голоса. Ко мне подошел инструктор политотдела дивизии старший политрук дивизии Старошук, он попытался оказать мне и моему адъютанту помощь, но не смог один что-либо сделать и пошел за людьми. Больше я его не видел. Вскоре после его ухода я услышал pistolетный выстрел и увидел, что мой адъютант покончил жизнь самоубийством. Убедившись, что помощи ждать неоткуда, я снял ордена, вынул из кармана бумажник с документами и спрятал все под мох и камни около меня. Тут же я вторично потерял сознание и пришел в себя, услышав рядом человеческие голоса. Как оказалось, ко мне подошли несколько финских солдат, которые подняли меня и доставили, по-видимому, в какой-то штаб»¹³.

В своих показаниях на допросах в органах контрразведки «Смерш» Кирпичников подчеркивал, что письменных показаний в плену не давал: «...Нигде и никогда на территории Финляндии, за время нахождения в плену, меня не допрашивали с фиксированием показаний. Со дня моего

пленения, со мной проводились неоднократные беседы различных представителей от воинских частей Финляндии на разные темы, нигде и никаких подписываний бумаг с изложенным содержанием моих объяснений я не производил, об этом я заявляю со всей ответственностью. Кроме росписей в получении денег, за время нахождения в лагере военнопленных, в получении продуктовых посылок и шинели, которые я получал в 1942, 1943 и 1944 году».

На вопрос, предлагалось ли Кирпичникову собственноручно излагать объяснения по интересующим темам финского командования, он однозначно отвечал: «Нет, таких предложений мне никто не делал, я лично сам никаких объяснений собственноручно не писал». При этом он утверждал, что дает только правдивые показания¹⁴.

Однако контрразведка «Смерш» к этому времени уже располагала письменными показаниями В.В. Кирпичникова, которые он дал, находясь в финском плену. Эти документы послужили основанием для последующего обвинения Кирпичникова в измене Родине.

Информация о нахождении генерал-майора Кирпичникова в финском плену стала поступать в советскую военную контрразведку задолго до его возвращения на Родину. В процессе допросов арестованных агентов финской военной разведки в марте 1943 г. показания о генерале Кирпичникове дали Н.И. Коржев¹⁵, А.А. Сорокин¹⁶ в январе 1944 г. Г.М. Першин¹⁷, в феврале 1944 г. К.К. Булейко¹⁸.

После проведения первичных допросов генерал Кирпичников из специально-проверочного пункта был передан в Подольский проверочно-фильтрационный лагерь, в котором содержался с 26 октября 1944 г. по май 1945 г. К дальнейшей проверке Кирпичникова приступили сотрудники отдела контрразведки «Смерш» Спецлагеря № 174, они подробно информировали о проводимых мероприятиях 2-й отдел ГУКР «Смерш»¹⁹.

В середине мая 1945 г. проверка Кирпичникова была закончена. Начальник Главного управления контрразведки (ГУКР) «Смерш» В. Абакумов 16 мая утвердил, а заместитель Главного военного прокурора Красной армии санкционировал его арест. Из проверочно-фильтрационного лагеря В.В. Кирпичников был препровожден в Лефортовскую тюрьму, где находился до 1948 г.

5 июля 1945 г. начальник Следственного отдела ГУКР «Смерш», руководствуясь статьями 128 и 129 УПК РСФСР, утвердил постановление о привлечении В.В. Кирпичников в качестве обвиняемого²⁰ по статье 58 1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим). В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, указывая на обстоятельства совершения преступления, подчеркивалось, что В.В. Кирпичников: «будучи командиром 43-й стрелковой дивизии в звании генерал-майора в октябре 1941 года, сдавшись в плен к белофинам, изменил Родине, выдал

врагу секретные данные о действиях Выборгской группировки войск Красной армии. Кроме того, в собственноручно написанном им докладе для финской разведки клеветал на советскую власть, Красную армию, её высшее командование и восхвалял действия финских войск»²¹.

Обвинение в измене Родине, совершенной военнослужащим, предъявленное В.В. Кирпичникову, практически не оставляло для него шансов остаться живым. В соответствии с действовавшим Уголовным кодексом измена Родине представляла собой действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи Советского Союза, государственной независимости или неприкосновенности его территории. В условиях Великой Отечественной войны измена Родине считалась самым тяжким преступлением и с объективной стороны могла быть совершена в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага, бегства или перелета за границу. Измена Родине, в форме какого бы действия она ни выражалась, всегда квалифицировалась как совершенная в ущерб военной мощи, независимости или неприкосновенности СССР. Совершение измены Родине военнослужащим влекло применение к нему высшей меры уголовного наказания – расстрела, с конфискацией всего имущества²².

В первые месяцы ведения следствия в ГУКР «Смерш» строго руководствовались положениями УПК РСФСР. 5 июля 1945 г., т.е. в день, когда было утверждено постановление о привлечении в качестве обвиняемого, заместитель начальника Следственного отдела предъявил обвинение В.В. Кирпичникову и провел его допрос уже в качестве обвиняемого. В протоколе допроса приведены показания обвиняемого и ответы на заданные ему вопросы. Показания В.В. Кирпичникова занесли следователями в протокол от первого лица и, по возможности, дословно²³.

На вопрос, признаёт ли он себя виновным, Кирпичников заявил: «В предъявленном мне обвинении признаю себя виновным частично. Добровольно в плен к белофиннам я не сдавался, а попал в плен, будучи контужен при обстоятельствах, о которых сообщил на предыдущих допросах. ... Я сообщил секретные данные о действиях Выборгской группировки частей Красной армии, а также другие, интересующие их данные о советских войсках. Я не могу восстановить в своей памяти, чтобы я когда-либо за время пребывания в плену у белофиннов написал собственноручно финской разведке доклад, в котором бы сообщил о действиях Красной армии, клеветы на советскую власть, Красную армию, её высшее командование и восхвалял действия финских войск»²⁴.

Проследовал следующий вопрос следователя: «Вам предъявляется этот собственноручно написанный вами доклад, в котором имеется ваша подпись. Может быть, это поможет вам восстановить в памяти факт ваших предательских действий». Ответ: «Вынужден признать, что предъявленный мне документ является собственноручно написанным мною докладом для

финских разведывательных органов...» Вопрос: «Что побудило вас совершить это предательство?» Ответ: «Попав в плен, я был морально подавлен и, потеряв веру в боеспособность Красной армии, полагал, что победа будет на стороне Германии и Финляндии. Исходя из этого появившегося у меня пораженческого настроения, в собственноручно написанном мною докладе, я начал возводить клевету на советскую власть и Красную армию, надеясь, таким образом, расположить к себе белофиннов и сохранив жизнь, обеспечить себе более или менее привилегированное положение в плену»²⁵.

Решение о судьбе Кирпичникова принималось с учетом многих политико-правовых аспектов послевоенного времени. Сталин и другие руководители государства и правящей партии не могли смириться с тем, что некоторые советские генералы оказались в плену, а часть из них встала на путь сотрудничества с противником.

В декабре 1945 г. Булганин, Антонов и Абакумов подготовили для доклада И.В. Сталину записку, в которой сообщалось о советских генералах, арестованных в годы Великой Отечественной войны и содержащихся под стражей в ГУКР «Смерш». Инициаторы записки предложили освободить из-под ареста некоторых генералов, несмотря на то, что их виновность «в проведении антисоветской агитации против колхозного строя, высказывании пораженческих взглядов, восхвалении германской армии, преступном руководстве войсками и проявлении трусости на поле боя была доказана». Остальных 36 генералов предлагалось содержать под арестом и судить за активную вражескую деятельность. 27 декабря 1945 г. Сталин утвердил эти предложения²⁶.

В списке из 36 генералов Красной армии, подлежащих суду, под № 33 значился арестованный 18 мая 1945 г. бывший командир 43-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта генерал-майор Владимир Васильевич Кирпичников. Характеризуя деяния Кирпичникова, Абакумов писал: «Кирпичников признался в том, что, потеряв управление войсками, попал в окружение противника и, будучи контужен в сентябре 1941 года, был пленен финнами. На допросах выдал финнам сведения о концентрации частей Красной армии на Выборгском направлении и другие секретные данные о советских войсках. Кроме того, предоставил финскому командованию доклад, в котором подробно описал боевые действия 43-й стрелковой дивизии. В этом докладе Кирпичников клеветал на советский строй и организацию Красной армии, а также восхвалял финскую армию. На предложение финских властей возглавить антисоветское движение среди советских военнослужащих Красной армии, находившихся в финском плену, Кирпичников якобы ответил отказом, вследствие чего финнами был заключен в лагерь, где содержался до выхода Финляндии из войны»²⁷.

После предъявления обвинения В.В. Кирпичникову в качестве меры пресечения было избрано заключение под стражу. Уголовно-

процессуальный кодекс предусматривал, что в случае избрания меры пресечения заключение под стражу, содержание обвиняемого под стражей не могло продолжаться более двух месяцев. В то же время, в особо сложных уголовных делах, этот срок, с разрешения прокурора, наблюдавшего за следствием, мог быть продлен на один месяц²⁸.

Используя эту возможность, следователи ГУКР «Смерш» ежемесячно, начиная с июля 1945 г. по январь 1946 г., выносили постановления о продлении срока ведения следствия и содержания под стражей В.В. Кирпичникова на один месяц, которые утверждались Главным военным прокурором или его заместителем. Срок меры пресечения – заключение обвиняемого В.В. Кирпичникова под стражей, истёк 16 февраля 1946 г. Однако В.В. Кирпичников не был освобожден из-под стражи, мера пресечения не была изменена. Сроки ведения следствия и заключения под стражу В.В. Кирпичников более не продлевались, а он продолжал оставаться в тюремной камере до суда.

Весной 1946 г. в органах безопасности началась очередная реорганизация. Главное управление контрразведки «Смерш» было преобразовано в 3 Главное управление и вошло в состав созданного Министерства государственной безопасности. После завершения организационно-штатных изменений, уголовное дело на В.В. Кирпичникова принял к производству старший следователь 3-го Главного управления МГБ, который и провел очередной допрос обвиняемого только 27 мая 1946 г. Вновь началось скрупулезное выяснение обстоятельств, связанных с поведением в финском плену генерала Кирпичникова и лиц, которые находились вместе с ним.

На допросе, проходившем 31 мая 1946 г., обвиняемому были заданы вопросы о собственноручных показаниях, данных им в плену, на которых поставлена дата «1.9.41». Кирпичников признался, что сразу же после того, как оказался в плену в штабе финской дивизии, по предложению финского штабного офицера, сделал описание хода боевых операций 43-й стрелковой дивизии. В составленном документе Кирпичников выдал финнам секретные сведения, относящиеся к действиям 43-й дивизии и всей Выборгской группировки советских войск. Он признался, что при этом возводил клевету на советское командование, Красную армию и советскую действительность. В то же время он восхвалял действия финской армии и ее командования²⁹.

Кирпичников рассказал, что сотрудники Управления пропаганды Финляндии предлагали ему возглавить антисоветское освободительное движение в Финляндии. На это Кирпичников ответил отказом: «Пусть даже, если меня будет ждать смерть на своей родине, я все же Вашего предложения не принимаю»³⁰. Факт отказа Кирпичникова от сотрудничества с финскими спецслужбами подтвердил советской военной контрразведке один из бывших военнопленных, сообщивший следствию, что Кирпичников не поддавался уговорам «идти в эту армию»³¹.

Следствие велось неспешно. 15 марта 1947 г. собственноручные показания Кирпичникова, данные им финскому командованию 3 сентября 1941 г., перевод его показаний и комментарии финского командования были приобщены к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств³². Анализ материалов уголовного дела свидетельствует, что информация, полученная в ходе допросов свидетелей, не была в полной мере учтена для характеристики личности обвиняемого и при вынесении приговора.

Приведем лишь несколько примеров. В протоколе допроса Г.М. Першина содержится информация о том, что летом 1942 г., примерно в августе, Кирпичников выступал перед военнопленными с «обращением, в котором призывал военнопленных вести себя с соответствующим русскому человеку достоинством. Он обратил внимание на взаимоотношения между военнопленными, указывая на необходимость уважать старших по званию, соблюдать внешний вид, быть подтянутым и опрятным, не лазить по помойным ямам, не подбирать окурки и не попрошайничать у финских солдат. Указывал на необходимость повести борьбу с продажей отдельным военнопленным табака за хлеб и другую пищу. По вопросу о плохом питании сказал, что Финляндия – страна небольшая и бедная и лучших условий создать не может. На нашей обязанности лежит все, что нам дают, получать сполна и кушать, с тем, чтобы сохранить свое здоровье»³³.

Осенью 1942 г. адъютант Кирпичникова – Фиогин³⁴ был отправлен на работу к одному из финских крестьян, откуда за нарушения дисциплины его отправили обратно в лагерь. В качестве наказания его заставили несколько дней подряд стоять по два часа в день с мешком, наполненным песком. Генерал-майор Кирпичников просил начальника лагеря освободить Фиогина от наказания и, когда ему в этой просьбе было отказано, Кирпичников, взяв такой же мешок, встал рядом с Фиогиным. Кирпичников ушел в барак только тогда, когда ему лично приказал начальник лагеря³⁵.

Бывший военнопленный финского лагеря № 1 передал содержание разговора, который происходил между следователем лагеря и финским офицером, приехавшим в лагерь для отбора из числа пленных сотрудников в антисоветскую газету «Северное слово»: «Офицер спросил следователя: "А как Кирпичников?". Финский следователь ответил: "О, это патриот, с ним и говорить нечего"»³⁶.

22 мая 1948 г. Кирпичникова из Лефортово перевели в Сухановскую тюрьму МГБ СССР, его жена не была поставлена в известность и стала разыскивать мужа. 13 сентября 1948 года в МГБ СССР поступило письмо Н.А. Кирпичниковой³⁷, проживавшей в Ленинграде, в котором она просила сообщить сведения «о судьбе и местонахождении» мужа. Она также просила разрешить ее сестре Е.А. Захарычевой, проживавшей в Москве, отправлять её мужу передачи.

Заявление Н.А. Кирпичниковой 18 сентября поступило на рассмотрение заместителю начальника 3-го Главного управления МГБ СССР генерал-лейтенанту Бабичу³⁸. Уже 4-го октября сестре Надежды Кирпичниковой – Елене Захарычевой было направлено уведомление, в котором сообщалось, что арестованному Кирпичникову Владимиру Васильевичу разрешены денежные переводы от Е.А. Захарычевой.

Перед началом судебного процесса 2 августа 1950 г. Кирпичникова вновь перевели в Лефортовскую тюрьму. В этот же день заместитель министра госбезопасности СССР генерал-лейтенант С.И. Огольцов утвердил обвинительное заключение. Суть обвинений Кирпичникова в измене Родине состояла в том, что он «1 сентября 1941 года, будучи захвачен финнами в плен, на первых допросах выдал противнику секретные данные о концентрации советских войск на Выборгском направлении. Для финских разведывательных органов составил письменный доклад, в котором описал боевые действия 43-й стрелковой дивизии 23-й армии. При этом изложил свои враждебные взгляды в отношении советской власти, восхвалял действия финских войск и возводил клевету на командование Советской армии. Находясь в офицерском лагере военнопленных, являлся там председателем созданного финнами так называемого «суда чести»³⁹.

Дело по обвинению в преступлениях, предусмотренных статьей 58-1 «б» УК РСФСР, бывшего командира 43-й стрелковой дивизии генерал-майора В.В. Кирпичникова было рассмотрено 28 августа 1950 г. на закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР без участия обвинения, защиты и свидетелей. Заседание началось в 14 часов 48 минут, после оглашения обвинительного заключения был проведен допрос Кирпичникова и в 15 часов 30 минут суд удалился на совещание. В 15 часов 53 минут, по возвращению суда из совещательной комнаты, был оглашен приговор – Кирпичникова Владимира Васильевича подвергнуть высшей мере наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Приговор был окончательный, не подлежал обжалованию и был приведен в исполнение в тот же день.

Можно предположить, что вынося столь суровый приговор по делу Кирпичникова, судьи находились под влиянием общей политической обстановки в СССР и отношения к лицам, вставшим на путь измены Родине в годы Великой Отечественной войны. На вынесение приговора повлияло и то, что Сталин не мог простить факта сотрудничества некоторых советских генералов с фашистами. Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 1 августа 1946 г., на основании статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родине из числа советских граждан и их пособни-

ков», а также статьями 58-1 «б», 58-8, 58-9, 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР по совокупности преступлений были приговорены к смертной казни 12 бывших советских генералов во главе с Власовым⁴⁰. В апреле 1950 г. был расстрелян комбриг И.Г. Бессонов⁴¹.

О судьбе генерала Кирпичникова его родственники узнали не скоро. Только в конце 1954 г. по указанию председателя Военной коллегии Верховного суда СССР Н.А. Кирпичниковой сообщили, что ее муж, отбывая наказание, 12 декабря 1951 г. умер от рака желудка⁴². Считая обвинения мужа ложными, а свидетельство о смерти фиктивным, Н.А. Кирпичникова 23 апреля 1963 г. направила заявление в ЦК КПСС, в котором просила о его реабилитации, выяснении причин смерти и выдачи «правдивого свидетельства о смерти».

В Главной военной прокуратуре 20 июня 1963 г. по фактам, изложенным в заявлении, было решено пересмотреть дело по обвинению В.В. Кирпичникова. Для выяснения степени секретности сведений, которые передал финским военным В.В. Кирпичников, были привлечены специалисты из Военно-научного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. На основе изучения имевшихся архивных документов советских войск и трофейных материалов немецкого генерального штаба 24 августа 1963 г. в Военно-научном управлении был сделан следующий вывод. «Согласно приказу НКО № 0150 от 4.9.1939 г. данные о группировке, состоянии войск и задачах войск считались военной тайной. Однако данные о группировке, действиях, состоянии и задачах войск 23-й армии и 43-й дивизии были сообщены финнам далеко не полностью, к тому же задним числом и к моменту допроса Кирпичникова утратили актуальность, а, следовательно, и практическую значимость. Доклад В.В. Кирпичникова в целом был составлен в историческом плане, а его оценки действий наших войск и войск противника не выходили за рамки личных наблюдений, усугубленных горечью поражения, они вряд ли могли служить источником для реальной военно-политической оценки состояния Советской армии финским командованием, а также являться доброкачественным перспективным материалом для противника в вопросе дальнейшего оперативного планирования».

12 ноября 1963 г. было назначено проведение экспертизы для выяснения, «содержатся ли в письменном докладе В.В. Кирпичникова, представленном им финскому командованию 3 сентября 1941 г., сведения, составлявшие военную и государственную тайну». В заключении от 12 декабря 1963 г. «О степени секретности сведений военного характера, разглашенных в сентябре 1941 г. финскому командованию бывшим командиром 43-й сд Кирпичниковым В.В.» специалистами Генштаба было отмечено, что изложенные в рукописном докладе В.В. Кирпичникова сведения о ходе операции 43-й стрелковой дивизии по состоянию на 3 сентября 1941 г. являлись секретными, составляющими военную тайну. В то же время указано, что

сведения, разглашенные В.В. Кирпичниковым, не попадают под Перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну, утвержденный постановлением СНК СССР № I-1/сс от 2 января 1940 г.

Фактически экспертиза подтвердила, что привлечение В.В. Кирпичникова к уголовной ответственности по статье 58-1 «б» УК РСФСР было обоснованным. Основываясь на результатах заключения, помощник Главного военного прокурора 29 января 1964 г. утвердил постановление о прекращении надзорного производства по жалобе, в котором указал, что Кирпичников, оказавшись во вражеском плену, действовал во вред интересам советского государства и выдал врагу военную тайну. «За это преступление он осужден правильно». На основании проведенной проверки и руководствуясь статьей 387 УПК РСФСР, жалоба Н.А. Кирпичниковой была оставлена без удовлетворения, а надзорное производство по жалобе прекращено.

Спустя много лет архивное уголовное дело в отношении В.В. Кирпичникова еще дважды рассматривалось в Главной военной прокуратуре (5 июня 1990 г. и 26 апреля 2002 г.). В первом случае Главная военная прокуратура не нашла оснований для постановки вопроса о принесении протеста на приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 августа 1950 г. в отношении В.В. Кирпичникова. Во втором – было утверждено заключение «Об отказе в реабилитации по архивному делу в отношении Кирпичникова В.В.», в котором отмечено, что вина Кирпичникова в измене Родине в форме выдачи противнику военной тайны является установленной. В соответствии с пунктом «а» части 1 статьи 4 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» Кирпичников реабилитации не подлежит. Таким образом, в деле генерала была поставлена точка.

Можно по разному оценивать суровость приговора генералу Кирпичникову. Возможно, что после победы в кровопролитной войне, унесшей жизни миллионов людей, суд мог бы быть лояльным и сохранить ему жизнь. Приговор мог быть в ином виде, например, лишение свободы. Но невозможно оспаривать лишь то, что приговор был вынесен в соответствии с уголовным законом того времени. *Dura lex, sed lex*⁴³.

¹ Коваленко В.Г. Новейшая финляндская историография о советских военнопленных в Финляндии // Отечественная история. М., 1994. № 3. – С. 158–160.

² 43-я стрелковая дивизия сформирована в 1920 гг. в Великих Луках как территориальное соединение Ленинградского военного округа. Принимала участие в боевых действиях советско-финской войны 1939–1940 гг. Награждена орденом Красного Знамени (21.03.1940). С 22 июня 1941 г. в составе Действующей армии. В августе 1941 г. , попав в окружение, разрозненно пробилась к Койвисто, откуда эвакуирована судами Краснознаменного Балтийского флота. Завершила боевой путь в составе 67-й армии 3-го Прибалтийского фронта. После войны дислоцировалась в ПриВО в г. Куйбышеве. В 1957 г. была переформирована в 43-ю учебную мотострелковую дивизию, в 1990-е гг. - в 469-й окружной учебный центр.

³ См.: Военно-исторический журнал. 1992. № 10. – С. 32.

⁴ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490.

⁵ Учитывая большую разобщенность войск Северного фронта, ведущих военные действия на отдельных операционных направлениях, Ставка ВГК 23 августа 1941 г. разделила его на два фронта – Ленинградский и Карельский. Действовавшая на Карельском перешейке 23-я армия вошла в состав Ленинградского фронта, командующим которого был назначен генерал-лейтенант М.М. Попов.

⁶ См.: Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Сборник военно-исторических карт. Ч. 1. – М.: Изд. дом «Звонница-МГ», 2003. – С. 37.

⁷ Коньков Василий Фомич (1901–1993) – советский военный деятель; генерал-майор (1940). Окончил курсы среднего комсостава (1925), курсы «Выстрел» (1931). Член партии большевиков с 1924 г. В РККА с 1920 г. Участник советско-польской войны 1920–1921 гг. В Финскую кампанию 1939–1940 гг. – командир 84 стрелковой дивизии 7 армии. В годы Великой Отечественной войны – командир 115-й дивизии 23-й армии, командующий Невской группы войск Ленинградского фронта, зам. командующего 30-й армией Калининского фронта (1942), зам. командующего 1 танковой армией по тылу 1 Украинского и 1 Белорусского фронтов (1943–1945).

⁸ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 10–12.

⁹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 17. Л. 146–153.

¹⁰ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 13–18.

¹¹ См.: Там же. Л. 58–62.

¹² Органы контрразведки «Смерш» были созданы в апреле 1943 г. в соответствии с постановлением СНК СССР от 19 апреля 1943 г. № 415-138сс «О реорганизации Управления особых отделов НКВД СССР в Главное управление контрразведки НКО «Смерш».

¹³ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 13–16.

¹⁴ См.: Там же. Л. 36–37.

¹⁵ Коржев (Каменев) Николай Иванович (Алексеевич) (1914), уроженец Курской области, Корнеевского района, с. Комаровка, русский, образование 4 класса, в 1940 г. судим по ст.162 п. «д» УК РСФСР, приговорен к двум годам лишения свободы. Срок наказания отбывал в Сороклаге, откуда Беломорским РВК мобилизован в Красную Армию. См.: ЦА ФСБ России. № Н-20490. Л. 286–287.

¹⁶ Сорокин Аркадий Александрович (1907), уроженец г. Иваново, русский, в 1938 г. осужден по ст. 116 ч.1 УК РСФСР на 3 года лишения свободы. Освобожден 22 августа 1941 г. и направлен на фронт в 113 стрелковый полк, дислоцировавшийся в г. Медвежегорске (Карело-Финская ССР). 1 февраля 1942 г., после окончания школы подготовки младших офицеров, присвоено звание младший лейтенант и назначен командиром минометного взвода 763 стрелкового полка 114 стрелковой дивизии. 18 апреля 1942 г. попал в окружение и сдался в плен финнам. Содержался в лагерях для советских военнопленных до сентября 1942 г. В декабре 1942 г. окончил Петрозаводскую школу финской разведки. 6 января 1943 г. на самолете переброшен на территорию СССР в район Вологды. От выполнения разведывательного задания отказался и 7 января добровольно явился в УФСБ по Вологодской области, где был арестован. 2 февраля 1944 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР за изменническое поведение во время пребывания в плену – заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком на три года. Не реабилитирован. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 291–292. См.: Архив УФСБ по Вологодской области. Д. 7179. Л. 27–28, 100–109.

¹⁷ Першин Герман Михайлович. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 293–296.

¹⁸ Булейко Кирилл Кузьмич. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 293–296.

¹⁹ 2-й отдел ГУКР «Смерш» НКО СССР осуществлял координацию деятельности органов контрразведки «Смерш» по работе среди военнопленных, а также их информационное обеспечение и принимал активное участие в проверке перспективных дел. В июне 1943 г. возглавил и до конца войны руководил работой отдела полковник Карташов.

²⁰ Уголовно-процессуальный кодекс. М.: Издательство НКЮ СССР, 1938. – С. 35–36.

²¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. АУД. Д. № Н-20490. Л. 74.

²² Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Карпушкин М.П. Ответственность за государственные преступления. – М., 1988. – С. 185; СУ СССР. 1934. № 30. Ст. 173.

- ²³ Уголовно-процессуальный кодекс. – М.: Издательство НКЮ СССР, 1938. – С. 37.
- ²⁴ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 75–76.
- ²⁵ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 77–78.
- ²⁶ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 17. Л. 124.
- ²⁷ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 17. Л. 146–153.
- ²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс. – М.: Издательство НКЮ СССР, 1938. – С. 41.
- ²⁹ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 97.
- ³⁰ См.: Там же. Л. 51–54.
- ³¹ См.: Там же. Л. 296.
- ³² См.: Там же. Л. 326.
- ³³ См.: Там же. Л. 293–296.
- ³⁴ Финюгин Николай Яковлевич (1918), лейтенант, командир танковой роты 25-го отдельного разведывательного батальона 43-й стрелковой дивизии 23-й армии. Находился в финском плену с сентября 1941 г. по октябрь 1944 г.
- ³⁵ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 303, 317.
- ³⁶ См.: Там же. Л. 311.
- ³⁷ Кирпичникова Надежда Антоновна, жена генерала В.В. Кирпичникова, проживала в гор. Куйбышеве, пос. Кузнецовка, 2-й пер. дом № 50.
- ³⁸ Бабич Исая Яковлевич (1902–1948) – сотрудник органов госбезопасности СССР; генерал-лейтенант (1943). С 1943 г. – помощник начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР.
- ³⁹ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 370–372.
- ⁴⁰ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-18766.
- ⁴¹ Бессонов Иван Георгиевич, (1905–1950), комбриг. В 1940 г. за отказ, под предлогом болезни, от поездки на финский фронт был снят с должности начальника отдела боевой подготовки Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР и переведен в Забайкальский пограничный округ на должность начальника отдела боевой подготовки войск НКВД. В апреле 1941 г. откомандирован из войск НКВД и назначен командиром 102-й стрелковой дивизии 21 армии Центрального фронта. 26 августа 1941 г. при выходе из окружения в Гомельской области сдался в плен к немцам. Выдавал противнику секретные сведения о 102-й стрелковой дивизии, заявил о своем враждебном отношении к политике ВКП(б) и советского правительства. Сотрудничал с представителями немецких разведывательных органов. Военной коллегией Верховного Суда СССР 18 апреля 1950 г. на основании статьи 58-1 «б») УК РСФСР осужден к ВМН – расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Не реабилитирован. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20096.
- ⁴² 17 ноября 1954 года председатель Военной коллегии Верховного суда Союза СССР отправил письмо начальнику Главного управления милиции МВД СССР генералу Стаханову Н.П.: «Прошу дать указание соответствующему отделу ЗАГС о выдаче гражданке Кирпичниковой Надежде Антоновне свидетельству о смерти ее мужа Кирпичникова Владимира Васильевича. Сообщаю, что Кирпичников Владимир Васильевич, 1903 года рождения, уроженец гор. Ульяновска, 28 июля 1950 года был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и, отбывая наказание, 12 декабря 1951 года умер от рака желудка. Гражданка Кирпичникова Н.А. проживает по адресу: гор. Куйбышев, пос. Кузнецовка, 2-й пер. дом № 50». Копии записки также поступили и и.о. Главного военного прокурора генерал-майору юстиции Варскому Е.И. и начальнику 1-го спецотдела МВД СССР полковнику Сиротину А.К. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 384.
- ⁴³ Закон суров, но это закон (лат.).

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ГЕНЕРАЛА ЛАСКИНА

*Статья в «Военно-историческом журнале»
2009 г. № 5*

С именем этого генерала связано много загадок, легенд, слухов и домыслов. Он был начальником штаба 64-й армии, героически защищавшей Сталинград. Но в энциклопедии «Сталинградская битва»¹ не найти его фамилии. В конце ноября 1943 г. был назначен начальником штаба 4-го Украинского фронта, а 18 декабря того же года арестован ГУКР «Смерш». Он был обвинен в сотрудничестве с иностранной разведкой, однако осужден «за злоупотребление властью». Приговорен к 10-ти годам лишения свободы 2 сентября 1952 г., а уже 3 сентября освобожден из-под стражи. Имя этого генерала – Иван Андреевич Ласкин.

После окончания Великой Отечественной войны многие попавшие в плен советские генералы, офицеры и солдаты, вернувшись на Родину, проходили проверку. Большинство из них возвращались на службу в Красную армию, некоторые попадали в места лишения свободы. Для особого отдела НКВД пребывание на оккупированной противником территории, а тем более в немецком плену, становилось основанием для ареста и рядового солдата, и боевого генерала. Генерал-лейтенант Ласкин, как и многие другие, вернувшиеся из окружения или плена, стал заключенным. Его жизненный путь, с одной стороны, схож с судьбами тех, кто прошел тюрьмы НКВД, а с другой – по-своему отличен от них.

И.А. Ласкин родился в 1901 г. в д. Васильевка Белебеевского района Башкирской АССР. В сентябре 1919 г. добровольно вступил в ряды Красной армии. С апреля 1931 по май 1934 гг. учился в Военной академии им. М.В. Фрунзе. В 1935 г. назначен помощником начальника оперативного отдела 48-й стрелковой дивизии. С 1935 по 1937 гг. служил в должности начальника штаба 132-го Донецкого стрелкового полка. В 1938 г. – офицер для особых поручений при Северо-Кавказском военном округе и офицер для особых поручений при заместителе Наркома обороны СССР. С 1939 по 1940 гг. – начальник штаба 85-й и 151-й стрелковых дивизий. В 1940 г. Ласкин стал начальником штаба 15-й Сивашской

мотострелковой дивизии. В октябре 1941 г. – начальником штаба, а затем – командиром 172-й стрелковой дивизии, участвовавшей в обороне Севастополя. Был дважды ранен. За мужество и героизм награжден медалью «За оборону Севастополя», орденом Красного Знамени и представлен ко второму ордену Ленина. В течение августа 1942 г. был сначала назначен на должность заместителя начальника штаба Юго-Восточного фронта, а затем – начальника штаба 64-й армии. Зимой 1943 г. Ласкин был в числе тех, кто принимал в Сталинграде капитуляцию фельдмаршала Паулюса. Награжден медалью «За оборону Сталинграда». От имени президента США как признание исключительного героизма и храбрости, проявленных на советско-германском фронте, ему был вручен «Крест за боевые заслуги». В мае 1943 г. назначен начальником штаба Северо-Кавказского фронта. За успешные бои на Кавказе награжден орденом Кутузова 1-й степени. 9 октября 1943 г. ему присвоено звание генерал-лейтенант. В связи с расформированием фронта Ласкин получил назначение на должность начальника штаба Отдельной Приморской армии и 24 ноября 1943 г. отбыл в распоряжение Главного управления кадров Красной армии в Москве. Ему сообщили о назначении на должность начальника штаба 4-го Украинского фронта и до отправления на новое место службы рекомендовали отдохнуть в подмосковном санатории «Архангельское».

18 декабря 1943 г. Ласкин был арестован ГУКР «Смерш» по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 п. «б» УК РСФСР². Следствие шло почти десять лет. В Центральном архиве ФСБ России хранится следственное дело, содержащее биографические данные, протоколы обыска и допросов, показания, заявления и личные документы Ласкина.

Аресту предшествовала цепочка событий. В январе 1943 г. в Особый отдел поступили данные о том, что в августе 1941 г. офицеры 15-й Сивашской мотострелковой дивизии: командир 14-го танкового полка И.А. Фирсов³, комиссар Т.Ф. Конобеццев⁴ и начальник штаба Ласкин – находились в окружении. Пытаясь выйти к линии фронта, они попали в руки к немцам. Ласкин и Конобеццев вскоре сумели бежать и 8 сентября 1941 г. перешли линию фронта. 9 сентября 1941 г. патруль 14-й кавалерийской дивизии задержал их и доставил в Особый отдел. В процессе опроса Ласкин и Конобеццев скрыли, что были задержаны немцами. После недолгой проверки и представления необходимых объяснений оба отбыли для дальнейшего прохождения службы.

Находившийся в окружении Фирсов оказался в расположении наших войск только 17 сентября 1943 г., когда в группе партизан во главе с командиром отряда Федоренко попал в 340-ю Сумскую стрелковую дивизию. В дивизии партизаны рассказали, что в начале сентября к ним присоединились бывшие военнослужащие Красной армии под командованием полковника Фирсова. 5 октября 1943 г. Фирсов был арестован. По прибытии в штаб 340-й Сумской стрелковой дивизии он назвался командиром всего

партизанского отряда. В связи с возникшими противоречиями в объяснениях Федоренко и Фирсова отдел «Смерш» произвел проверку. В результате выяснилось, что Фирсов, будучи в плену, добровольно согласился работать в немецких карательных органах на должности начальника военно-полевой полиции и лично со своим отрядом участвовал в экспедициях против партизан, в поджогах деревень и расстрелах мирных советских граждан. Однако в связи с изменением положения на фронте и опасаясь ответственности за совершенные преступления, решил присоединиться к отряду партизан и участвовал в нескольких антифашистских операциях.

На допросе Фирсов рассказал, что 15 сентября 1941 г. в д. Подорожное Кировоградской области немцы задержали его, Ласкина и Конобевцева и в течение суток держали под арестом. На следующий день их поочередно допросили в штабе немецкой воинской части. После допроса Ласкина и Конобевцева увезли, а Фирсова оставили. Как показал Фирсов, после этого он с Ласкиным и Конобевцевым не встречался и об их судьбе ничего не знал.

Поскольку следствие установило, что немцы освободили Фирсова из-под стражи только после того, как он согласился служить у них начальником полиции, появились основания предполагать, что и Ласкин с Конобевцевым были освобождены после того, как решили сотрудничать с немцами. На основании этих показаний в ГУКР «Смерш» были изучены полученные в Особом отделе НКВД 14-й кавалерийской дивизии еще в сентябре 1941 г. объяснения Конобевцева и Ласкина. В документах офицеры описали, как выходили из окружения, но о факте задержания немцами умолчали.

23 ноября 1943 г. Конобевцева арестовали. На следствии он сознался в том, что действительно был задержан немцами и на допросе 26 ноября 1943 г. показал: «Я пытался скрыть факт ареста меня немцами на оккупированной территории. Хотя мне и тяжело, но должен признать, что скрыл это я в силу договоренности с бывшим начальником штаба 15-й Сивашской мотострелковой дивизии полковником Ласкиным, который вместе со мной находился в окружении войск противника и арестовывался немцами. ... Я действительно в моих объяснениях о выходе из окружения не указал бывшего командира 14-го танкового полка 15-й Сивашской мотострелковой дивизии полковника Фирсова. Однако я это делал не столько в интересах Фирсова, сколько в своих собственных. Фирсова я не назвал преднамеренно, потому что он являлся свидетелем нашего ареста немцами»⁵.

Поступившая информация была тщательно изучена в ГУКР «Смерш», после чего генерал-лейтенанта Ласкина арестовали и поместили во Внутреннюю тюрьму НКВД. На допросе 23 декабря 1943 г. Ласкин заявил, что о пребывании в окружении противника подробно изложил в объяснении, которое находится в Управлении кадров Красной армии. Однако в процессе следствия признал, что еще до допросов в Особом отделе НКВД 14-й кавалерийской дивизии он и Конобевцев договорились скрыть, что находились у немцев под арестом. Когда следователь

спросил, почему они так поступили, Ласкин ответил: «В беседе по этому поводу я и Конобевцев высказывали свое мнение, говорили, что таким (обманным) путем нам удастся избежать по отношению к себе излишних подозрений, нас меньше будут допрашивать и не так внимательно проверять»⁶. Он подробно рассказал о легенде, которой они придерживались: «...Я, Конобевцев и Фирсов переоделись в гражданское платье и, уничтожив свои документы, условились, что в случае задержания немцами будем выдавать себя за бывших заключенных Уманской тюрьмы, якобы освобожденных германскими войсками. Согласно этой условности я назвался бухгалтером Макаровым, арестованным якобы органами советской власти за присвоение государственных денег, Конобевцев назвал также вымышленную фамилию... и сказал, что в Уманской тюрьме отбывал наказание за избиение должностного лица, Фирсов, указав не свою фамилию, назвался бывш[им] командиром Красной армии»⁷.

Поскольку изначально обвинение строилось на показаниях Фирсова, следователям требовалось выяснить, действительно ли Ласкин сотрудничал с немцами. Сам он связь с германской разведкой отрицал: «Мне понятно, что следствие имеет полное основание подозревать меня в преступных связях с германской разведкой, тем более, что свой арест на оккупированной территории я скрыл для того, чтобы не вызывать к себе подозрительного отношения и избежать проверки моей личности по линии Особого отдела НКВД. Несмотря на это, прошу мне поверить, что шпионажем я никогда не занимался, и никаких связей с германской разведкой у меня не было»⁸. На очной ставке, проведенной между Ласкиным и Фирсовым, последний заявил: «Я удивляюсь, почему Ласкин не говорит о своих преступных связях с немцами»⁹. Но Ласкин на каждое подобное обвинение неизменно отвечал: «...Прошу мне поверить, что я не шпион и не предатель, и никаких преступных связей с немцами не имел»¹⁰. Доводы Ласкина не убедили следователей ГУКР «Смерш». 3 января 1944 г. ему было предъявлено обвинение в том, что он, являясь агентом германской разведки, проводил шпионскую деятельность против Советского Союза¹¹.

Следствие продолжалось до начала 1952 г. В течение этого времени Ласкин сидел во Внутренней, Лефортовской и Сухановской тюрьмах НКВД, объявлял голодовку и дважды попадал в карцер. Следователи умели допрашивать заключенных так, чтобы получать необходимые следствию показания. Для этого применялись различные меры физического воздействия. Заключенного лишали сна, поскольку допросы в основном проводились ночью. Помещали в одном нижнем белье в холодную камеру или в карцер, в котором возможно было только стоять. Избивали и угрожали арестом близких людей. За все время заключения Ласкин не знал, где находится его семья, не получил ни одной передачи. В плохих условиях содержания и из-за контузии у него постоянно болели ноги, он нуждался в медицинской помощи и усиленном питании. Ласкин неоднократно писал заявления

Л.П. Берия, М.И. Калинину, Г.М. Маленкову, В.С. Абакумову, Н.Н. Селивановскому, И.В. Сталину, жалуясь на бездействие следователя, несправедливое к себе отношение, ухудшение здоровья, просил устроить очные ставки со свидетелями, проходившими по его делу.

Показания допрошенных свидетелей подтверждали данные об аресте Ласкина немцами, обстоятельства его перехода линии фронта Красной армии. Однако никто не дал показаний о его сотрудничестве с германской разведкой. Много раз Ласкину задавали вопрос, каким образом он уничтожил свой партбилет. На допросе 25 февраля 1944 г. генерал неосторожно сказал, что порвал его¹². После этого пришлось отказываться от своих слов и убеждать следователей в том, что он партбилет закопал¹³.

12 марта 1952 г. Ласкину предъявили новое обвинение: «...будучи в 1941 году в окружении немецко-фашистских захватчиков, нарушил служебный долг и воинскую присягу, уничтожив партбилет, бросив оружие, сняв форму командира советской армии и передевшись в гражданское платье, следуя по территории, занятой немцами, был арестован и допрошен немецким командованием, о чем скрывал от органов советской власти в течение длительного времени»¹⁴. По мнению следователей, в действиях Ласкина содержались признаки преступления, предусмотренного ст. 193-17 п. «б» УК РСФСР¹⁵, и генерал подлежал преданию суду Военной коллегии Верховного суда СССР¹⁶.

После предъявления обвинения Ласкин дважды обращался в Военную коллегию Верховного суда с просьбой простить его ошибку и реабилитировать¹⁷. 29 мая 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР на подготовительном заседании вынесла определение о том, что состав преступления должен быть переквалифицирован на п. «а» ст. 193-17 УК РСФСР¹⁸.

5 июня 1952 г. дело рассматривалось на закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР. Ласкин заявил: «Предъявленное обвинение мне понятно, виновным себя ни в чем не признаю, за исключением только того, что я действительно после выхода из окружения скрыл факт задержания и допроса меня немцами»¹⁹.

Поскольку Военная коллегия Верховного суда СССР сочла, что доказательств вины Ласкина недостаточно, было вынесено решение: дело по обвинению Ласкина по ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР направить на следствие в Главную военную прокуратуру Советской армии.

В сжатые сроки в течение июля–августа 1952 г. были допрошены сослуживцы Ласкина. Большинство из них дали ему положительные характеристики. Полковник С.П. Семенов²⁰ заявил: «Каких-либо отрицательных явлений со стороны Ласкина я не наблюдал... За период пребывания с ним в окружении он вел себя, как подобает командиру Красной Армии, каких-либо неправильных действий он не проявлял и высказываний отрицательного характера не допускал... Лично Ласкин при подготовке атаки

прорыва и во время самой атаки руководил войсками хорошо. Надо прямо сказать, что своим личным примером при атаке на немецкую батарею Ласкин спас тяжелое положение... Ласкин в нашем корпусе считался хорошим офицером, грамотным, волевым и даже предполагать о каких-либо его грязных намерениях в период нахождения в окружении я не мог»²¹. Полковник С.С. Покровский²² сказал: «Мне никогда за время совместной работы с Ласкиным не приходилось наблюдать за ним каких-либо порочащих его действий как на работе, так и в личном поведении... При личном контакте с Ласкиным за ним я ничего отрицательного не замечал... мне не известен ни один случай, чтобы... командующим фронтом отменялись бы распоряжения или директивы, разработанные и отданные от имени командующего фронтом начальником штаба Ласкиным»²³. Положительно отзывались о Ласкине подполковник С.И. Родионов²⁴, полковник Е.В. Ханчин²⁵, генерал-майор Н.М. Трусов²⁶. Генерал-лейтенант Ю.В. Новосельский²⁷ на первом допросе заявил: «После открытия немцами сильного пулеметного и минометного огня Ласкин растерялся и струсил, иначе ничем другим нельзя объяснить то, что правое крыло отстало от меня и не воспользовалось прорывом немецкой обороны левой группой»²⁸. Однако на очной ставке с Ласкиным он не мог не признать: «В отношении Ласкина должен сказать, что это был хороший начальник штаб дивизии, знающий свое дело»²⁹. В качестве свидетеля был допрошен генерал-полковник М.С. Шумилов³⁰, который заявил: «За период совместной службы в течение 5,5-6 месяцев Ласкина могу характеризовать как человека замкнутого, строго официального... С его приездом в штаб нельзя сказать, чтобы работа оживилась, хотя организация связи, управление войсками не нарушалось. Он нормально поддерживал эти свои обязанности, но инициативы своей не проявлял... Частные приказания Ласкина по вопросам текущим были правильны и мной никогда не отменялись»³¹. Помимо показаний свидетелей, к делу приобщили две боевые характеристики. Первая была составлена 20 июля 1942 г., когда Ласкин занимал должность командира 172-й стрелковой дивизии, и подписана командующим Приморской армией генерал-майором И.Е. Петровым³². Вторая – 12 января 1943 г., когда Ласкин уже был начальником штаба 64-й армии, и подписана М.С. Шумиловым. В характеристиках отмечалось, что Ласкин – грамотный, вдумчивый, решительный командир³³.

28 и 30 августа 1952 г. Ласкин вновь обратился с заявлениями в Военную коллегия Верховного суда СССР. Он излагал доводы в свое оправдание, просил вызвать в суд свидетелей по делу и снисхождения к его проступку³⁴.

2 сентября 1952 г. состоялось второе закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. В ходе слушания дела Ласкин заявил: «Кроме того, что я скрыл от органов Советской власти факт ареста меня немцами при выходе из окружения, виновным себя я ни в чем не признаю»³⁵. В своем последнем слове он сказал: «...Соккрытие ареста – это ошибка. Прошу понять, что это моя ошибка, а не преступление. Я не пре-

следовал никакой преступной цели, скрывая свой арест. Ошибка это большая, но не преступление. Эта ошибка не может быть квалифицирована по ст. 193-17 п. "а". Допустив эту ошибку, я честно воевал. Никогда в бою я не терялся. После выхода из окружения я был назначен начальником штаба дивизии. А через десять дней я уже был назначен командиром дивизии... Восемь месяцев я командовал дивизией, а затем и сектором под Севастополем. Эти 8 месяцев были временем непрерывных боев. Я действовал на Ялтинском направлении. Когда создалось трудное положение (противник выходил к Северной бухте), генерал Петров приказал мне своей дивизией восстановить положение. И из дивизии мне разрешено было взять на операцию только два полка. Несмотря на это, успех немцев действиями моей дивизии был ликвидирован, и Севастополь сражался еще 6 месяцев. После Севастополя я шесть месяцев участвовал в боях под Сталинградом, начиная с дальних подступов и кончая пленением Паулюса. Затем участвовал в боях под Белгородом и оттуда был назначен на должность начальника штаба фронта. Я участвовал в организации десантной операции у Керчи, в освобождении Кубани. Мне дважды было присвоено генеральское звание. Меня наградили двумя орденами "Красное Знамя", орденом Кутузова 1-й степени, орденом США "Боевой Крест", которым в то время награждали лучших командиров. Никогда я не терялся, не трусил... Прошу суд простить меня. Моя семья также испытывает лишения из-за моей ошибки... Я считаю, что я заслужил того, чтобы пользоваться всеми плодами нашей победы. Я могу еще и хочу работать. Я буду честно работать на любом поприще. Я думаю, что суд меня простит, о чем я очень прошу. Соккрытие факта ареста – это не преступление, это моя ошибка и никто от этого не пострадал, кроме меня. Я ходатайствую перед судом за отсутствием моей вины простить меня³⁶.

Военная коллегия Верховного суда СССР, находя доказанной виновность Ласкина в совершении преступления, предусмотренного ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР, приговорила его к 10-ти годам ИТЛ, без поражения в правах, с лишением воинского звания генерал-лейтенант. Срок наказания исчислялся с 18 декабря 1943 г. В силу ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с победой над фашистской Германией» от 7 июля 1945 г. срок наказания, остающийся на момент амнистии, был сокращен наполовину. 3 сентября 1952 г. Ласкина освободили из-под стражи³⁷. После освобождения он уехал в Грузию, к своей семье. Пройдя через девять лет тюрем, унижений, страха и болезней, Ласкин вновь обрел надежду на будущее. Но жизнь никак не налаживалась: долгое время не удавалось устроиться на работу, некоторые вещи, несмотря на то, что имущество не подлежало конфискации, были сданы в Государственный фонд. Пришлось снова обращаться в различные инстанции. 30 января 1953 г. Ласкин направил на имя Берия подробное заявление, написанное убористым почерком в школьной тетради. В нем он подробно излагал свою биографию, описывал заслуги перед Родиной и боевое прошлое, просил помочь устроиться

на работу, причем, заверял, что готов работать на любом поприще. Письмо дошло до адресата только 24 февраля.

28 февраля заместитель министра государственной безопасности С.А. Гоглидзе³⁸ ознакомился с обращением и вынес резолюцию: «На рассмотрение». Однако поскольку письмо читали многие подчиненные заместителя министра, исполнитель, которому было поручено помочь Ласкину устроиться на работу, получил заявление только 4 марта. Не получив ответа на первое письмо, 23 февраля 1953 г. Ласкин отправил еще одно обращение на имя Берия. Это заявление было получено 6 марта. Помимо заместителя министра государственной безопасности С.И. Огольцова³⁹, с этим обращением вновь ознакомились несколько должностных лиц. В итоге оба заявления, носившие резолюцию «Помочь с устройством на работу», были рассмотрены. Ласкин получил работу на Тбилисской обувной фабрике.

16 мая 1953 г. Генеральный прокурор СССР направил на рассмотрение Пленума Верховного суда СССР протест (в порядке надзора) по делу Ласкина: «...В своих показаниях и заявлениях Ласкин утверждает, что он выходил из окружения с группой командиров, среди которых находились его непосредственные и прямые начальники, в частности, командир корпуса Новосельский, комиссар корпуса Семенов и комиссар дивизии Конобевцев, которыми и было принято решение переодеться в гражданскую одежду спрятать оружие и документы. Ласкин не отрицает, что скрыл факт задержания и допроса его немцами, но объясняет это желанием избежать каких-либо излишних подозрений со стороны соответствующих органов Советской власти. Допрошенные по делу основные свидетели, хотя и дали показания, несколько отличающиеся от показаний Ласкина, но подтвердили наличие сложной обстановки, при которой не только Ласкин, но и другие командиры выходили из окружения в гражданской одежде и без оружия. Таким образом, в действиях Ласкина нет состава преступления»⁴⁰. 29 мая 1953 г. Пленум Верховного суда СССР постановил отменить приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 сентября 1952 г., и на основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР⁴¹ прекратить дело по обвинению Ласкина Ивана Андреевича. 19 июня 1953 г. ему была выдана справка о полной реабилитации.

4 июля 1953 г. Ласкин выехал в Москву по вызову из Министерства обороны СССР и вновь приступил к военной службе. В 1955 г. он был назначен начальником штаба Южно-Уральского военного округа. С 1958 по 1965 гг. преподавал в Военной академии Генерального штаба. В 1965 г. Иван Андреевич Ласкин вышел в отставку по состоянию здоровья. Умер в 1988 г.

¹ Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: Энциклопедия. – Волгоград, 2007.

² Ст. 58-1 п. «б») УК РСФСР (1926 г.) гласила: «Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной

тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются – высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества».

³ Фирсов Иван Александрович (1897–1944), полковник, бывший командир 14-го танкового полка 15-й Сивашской мотострелковой дивизии. Арестован 5.10.1943 г. УКР «Смерш» 1-го Украинского фронта. По решению Особого совещания при НКВД СССР от 3.05.1944 г. приговорен к расстрелу. 20.05.1944 г. приговор приведен в исполнение. Не реабилитирован.

⁴ Конобевцев Тимофей Федорович (1902–?), полковник, на момент ареста – помощник генерал-инспектора бронетанковых и механизированных войск Красной армии. Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-1 «б» УК РСФСР осужден на 5 лет в ИТЛ 6.05.1944 г. Реабилитирован.

⁵ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 129–130.

⁶ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 27.

⁷ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 25–26.

⁸ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 27–28.

⁹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 80.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 81.

¹¹ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 29

¹² См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 70.

¹³ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 198–200, 212–213, 226–228.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 277.

¹⁵ Ст. 193-17 п. «б» УК РСФСР (1926 г.) гласила: «Злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, а также халатное отношение к службе лица начальствующего состава РККА, если деяния эти совершались систематически, либо из корыстных соображений или иной личной заинтересованности, а равно если они имели своим последствием дезорганизацию вверенных ему сил, либо порученного ему дела, или разглашение военных тайн или иные тяжелые последствия, или хотя бы и не имели означенных последствий, но заведомо могли их иметь, или были совершены в военное время, либо в боевой обстановке, влекут за собой – высшую меру социальной защиты».

¹⁶ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 276–277.

¹⁷ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 290 об.

¹⁸ Ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР (1926 г.) гласила: «Злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, а также халатное отношение к службе лица начальствующего состава РККА, если деяния эти совершались систематически, либо из корыстных соображений или иной личной заинтересованности, а равно если они имели своим последствием дезорганизацию вверенных ему сил, либо порученного ему дела, или разглашение военных тайн или иные тяжелые последствия, или хотя бы и не имели означенных последствий, но заведомо могли их иметь, или были совершены в военное время, либо в боевой обстановке, влекут за собой – лишение свободы на срок не ниже шести месяцев».

¹⁹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 297.

²⁰ Семенов Сергей Петрович (1902–?), полковник, комиссар 2-го механизированного корпуса 12-й армии (1940–1941 гг.), начальник политотдела 4-й танковой дивизии (1952 г.)

²¹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 184, 309, 312.

²² Покровский Сергей Степанович (1895–?), полковник, старший преподаватель Военной Академии им. М.В. Фрунзе. Заместитель начальника штаба Северо-Кавказского фронта (12.1943 г.).

²³ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 361 об.

²⁴ Родионов Степан Иванович (1900–?), подполковник запаса, начальник химической службы 15-й Сивашской мотострелковой дивизии (1940–1941 гг.).

²⁵ Ханчин Ефим Вульфвич (1904–?), полковник, заместитель начальника отдела политпропаганды 15-й Сивашской мотострелковой дивизии (03.1941 г.), заместитель начальника передвижения войск по политчасти на Сталинградской ж.д. (1952 г.).

²⁶ Трусов Николай Михайлович (1906–1985), генерал-лейтенант (1955). Начальник разведывательного отдела штаба Северо-Кавказского фронта (1943 г.), Черноморской группы войск Закавказского фронта (1944), начальник Разведуправления ГСОВ в Германии (1952 г.).

- ²⁷ Новосельский Юрий Владимирович (1895–1975), генерал-лейтенант, командир 2-го механизированного корпуса 12-й армии (1940–1941).
- ²⁸ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л.327.
- ²⁹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 396.
- ³⁰ Шумилов Михаил Степанович (1895–1975), генерал-полковник, командующий 64-й армией (с 16.04.1943 г. – 7-я Гвардейская армия) (09.1942–05.1945).
- ³¹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 401об.
- ³² Петров Иван Ефимович (1896–1958), генерал армии, Герой Советского Союза, командующий 33-й армией Западного фронта (с 03.1944 г.), 2-м Белорусским фронтом (с 04.1944 г.), 4-м Украинским фронтом (с 08.1944 г.), начальник штаба 1-го Украинского фронта (с 04.1945 г.).
- ³³ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 417–419.
- ³⁴ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 444–444об.
- ³⁵ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 449.
- ³⁶ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 458–459.
- ³⁷ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 460.
- ³⁸ Гоглидзе Сергей Арсентьевич (1901–1953), генерал-полковник, 1-й заместитель министра ГБ СССР (26.08–10.11.1951), министр ГБ Узбекской ССР (13.11.1951–15.02.1952), заместитель министра ГБ СССР (13.02–20.11.1952), член коллегии МГБ СССР (13.02.1952–5.03.1953 г.), начальник 3-го ГУ МГБ СССР (19.02.1952–5.03.1953), 1-й заместитель министра ГБ СССР (20.11.1952–5.03.1953). Арестован 3.07.1953 г. Приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР к ВМН и расстрелян 23.12.1953 г. Не реабилитирован.
- ³⁹ Огольцов Сергей Иванович (1900–26.10.1977), генерал-лейтенант, 1-й заместитель министра ГБ СССР (26.08.1951–13.02.1952), министр ГБ Узбекской ССР (15.02–20.11.1952), 1-й заместитель министра ГБ СССР (20.11.1952–11.03.1953). Арестован по обвинению в организации убийства С.М. Михозлса 3.04.1953 г. Освобожден по Постановлению ЦК КПСС 6.08.1953 г. Уволен в запас в январе 1954 г., лишен воинского звания в 1959 г. Реабилитирован.
- ⁴⁰ ЦА ФСБ России. Д. № Р-1461. Л. 468–469.
- ⁴¹ Ст. 4 п. 5 УПК РСФСР (1923 г.) гласила: «Уголовное преследование не может быть возбуждено, а возбужденное не может быть продолжаемо и подлежит прекращению во всякой стадии процесса при отсутствии в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления».

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ГЕНЕРАЛА КАЛИНИНА

*Статья в «Военно-историческом журнале»
2010 г. № 4.*

Судьбы генералов во время Великой Отечественной войны зависели от стечения многих, порой случайных, обстоятельств. Недовольство Сталина, связанное с отступлением, чрезвычайные происшествия в войсках, откровенные высказывания в кругу сослуживцев о состоянии боевой готовности частей Красной армии, критика коллективного хозяйства в Советском Союзе могли стать причиной ареста и предания суду военного трибунала высших офицеров, как это случилось с генерал-лейтенантом С.А. Калининым.

Калинин Степан Андрианович родился 28 декабря 1890 г. в дер. Панкратовка ныне Егорьевского района, Московской области, начал военную службу рядовым солдатом ещё в русской армии в 1912 г., был участником Первой мировой войны, дослужился до прапорщика. После Октябрьской революции 1917 г. вступил в Красную гвардию, а в 1918 г. – в Красную армию. Военная карьера Калинина могла закончиться еще в 1923 г., когда ему Самарским губкомом ВКП(б) был объявлен строгий выговор за пьянство в дивизии¹. Революционным военным трибуналом Приволжского военного округа он был осуждён на три года условно (за разбазаривание государственных средств на банкеты в 33-й сд)².

В межвоенный период С.А. Калинин – командир стрелковой дивизии, заместитель начальника штаба Уральского военного округа, снова командир дивизии, заместитель начальника штаба Московского военного округа (1936), командир-военком стрелковой дивизии, командир стрелкового корпуса Приволжского военного округа, заместитель командующего войсками Сибирского военного округа, Киевского военного округа. В 1938 г. он назначается командующим войсками Сибирского военного округа³.

С начала Великой Отечественной войны С.А. Калинин в июне–июле 1941 г. – командующий 24-й армии Западного фронта, которая принимала участие в Смоленском сражении, в августе – помощник командующего войсками Западного фронта, с октября 1941 г. в распоряжении НКО, с ноября 1941 г. – командующий войсками Приволжского военного

округа. Во время войны в Приволжском военном округе дислоцировались 145 высших и средних военно-учебных заведений, подготовивших для вооруженных сил большое количество командных, политических и технических кадров. В марте 1944 г. С.А. Калинина назначен командующим войсками Харьковского военного округа, но в июне того же года он был отстранен от должности и 13 июня арестован⁴.

Что произошло в июне 1944 г., почему С.А. Калинина арестовали и в последующем предали суду? Попытаемся реконструировать происходящие события по документам Центрального архива ФСБ России.

30 мая 1944 г. начальник Главного управления контрразведки (ГУКР) «Смерш» НКО В.С. Абакумов направил записку в ГКО (И.В. Сталину), Генеральный штаб Красной армии (А.И. Антонову)⁵, Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (И.В. Смородину), в которой проинформировал о результатах расследования Отделом контрразведки «Смерш» Харьковского военного округа (ХВО) чрезвычайного происшествия в маршевых подразделениях, следовавших на фронт⁶. Абакумов сообщал, что «18 мая на станции Красноармейская Сталинской области⁷ УССР, среди личного состава маршевых подразделений⁸, следовавших эшеломом на фронт, укомплектованных в большинстве уголовным элементом, освобожденным из лагерей и лицами, находившимися в плену противника, возникли массовые беспорядки, сопровождавшиеся антисоветскими выкриками, избитием офицеров и работников милиции»⁹.

Расследованием было установлено, что 15 мая командованием 6-й запасной стрелковой бригады Харьковского военного округа из города Ворошиловграда эшеломом № 41984 были направлены на фронт в распоряжение командования 20-го Звенигородского мотомеханизированного корпуса несколько маршевых подразделений общим количеством 776 человек бойцов и командиров. Формирование маршевых подразделений происходило поспешно, в результате чего в состав маршевого пополнения¹⁰ были включены 444 человека, ранее судимых за разные уголовные преступления, находившиеся в плену и окружении противника, а также проживавшие на временно оккупированной территории. Сопровождавшие эти подразделения пять офицеров находились в отдельном, изолированном от остальных военнослужащих вагоне. Заместитель начальника эшелона по политической части выделен не был.

Эшелон стоял на ст. Красноармейская в течение трех суток, отдельные бойцы, пользуясь бесконтрольностью со стороны офицерского состава, самовольно уходили в город и населённые пункты, общаясь со спекулянтами, продавали обмундирование, пьянствовали и занимались грабежом. Ситуация вышла полностью из-под контроля к 18 мая 1944 г. В этот день начальник эшелона приказал провести строевые занятия с бойцами одного из подразделений. Так как личный состав отказался выходить из вагонов, то пришлось применить угрозы и заставлять бойцов выйти из вагонов под

угрозой оружия. После занятий по строевой подготовке бойцы стали готовить пищу, для чего начали разбивать щиты, предназначенные для снегозадержания, и разводить костры. Один из красноармейцев нашёл мину, принёс её в расположение подразделения и попытался разбить об неё доску. После первого удара мина взорвалась, в результате чего были убиты четверо и тяжело ранены девять бойцов¹¹. Начальник эшелона, приказав убрать трупы, оказать помощь раненым, построить и развести бойцов по вагонам, ушел к себе в вагон. Отдельные бойцы стали высказываться о том, что начальник эшелона виновен в гибели красноармейцев, и ему надо отомстить. Вслед за этим начались массовые беспорядки, солдаты, проявляя неповиновение, разоружили и избивали офицеров¹².

Все это происходило в присутствии гражданских лиц, в основном спекулянтов, находившихся на станции, которые, одобряя действия бойцов, выкрикивали: «Бей золотопогонников, милиционеров и НКВД». Прибывший на место происшествия военный комендант ст. Красноармейская был разоружен и избит бойцами. После этого бойцы, ворвавшись на станцию, стали избивать офицеров, работников милиции и НКВД. Группа военнослужащих численностью около 150 человек, в большинстве пьяных, направилась в город, врывается в дома, где проживали офицеры, обезоруживала и избивала их¹³. Принятыми мерами массовые беспорядки были прекращены, а 10 организаторов арестованы. Начальник эшелона и командир подразделения арестованы Военной прокуратурой ХВО и преданы суду Военного трибунала. Маршевые подразделения были возвращены для перестроирования и укрепления их офицерским и политическим составом. Прибывший на место происшествия командующий войсками Харьковского военного округа генерал-лейтенант С.А. Калинин, приказал выявить зачинщиков неповиновения, удалить их из состава эшелона с целью проведения разбирательства, сменить офицерский состав как неспособный руководить подразделением, маршевое подразделение отправить на фронт.

Абакумов приступил к сбору негативной информации о Калинине и уже 1 июня 1944 г. направил Сталину записку, в которой сообщил о «ряде нездоровых проявлений со стороны командующего войсками Харьковского военного округа»¹⁴. Этой информацией поделился с начальником отдела контрразведки «Смерш» Харьковского военного округа (ХВО) генерал-майором Ермолиным член Военного совета ХВО генерал-майор П.И. Крайнов¹⁵. Он рассказал, что в конце мая 1944 г., во время посещения 8-й запасной стрелковой бригады «генерал-лейтенант Калинин высказывал мысль о нерентабельности колхозов и снижении производительности труда в сельском хозяйстве при коллективном его ведении, что особенно отражается на ведении войны». По данным Крайнова, в начале мая 1944 г. на заседании Военного совета ХВО, разбирая план посева картофеля частями округа, генерал-лейтенант С.А. Калинин, оценивая производительность труда красноармейцев на сельскохозяйственных работах, сказал: «Если крестьянин-

единоличник в день вырабатывает 100%, то колхозник 50%, а наш красноармеец только 30%». Говоря о победах Красной армии в ходе войны, С.А. Калинин высказывал сомнение по вопросу сообщений советской печати о потерях немцев на советско-германском фронте. По его мнению, «на каждого убитого немца Красная армия теряет 10 человек, в этом он сам убедился /при разгроме немцев под Сталинградом».

В конце апреля 1944 г. С.А. Калинин, проводя совещание с офицерским составом 144-го и 168-го полков 6-й запасной стрелковой бригады, заявил: «Возможно, мы и победим Германию, но победы бывают разные». В январе 1942 г. в г. Саратове, в кругу близких знакомых, генерал-лейтенант Калинин (в то время командующий войсками Приволжского военного округа), ведя беседу о положении на фронте, заявил: «Война затянется до 1943 года... Весной будет перелом в пользу немцев. Когда было наше превосходство, то не было организованности и наши красноармейцы не хотели воевать, даже командиры бежали. Сейчас инициатива в наших руках, но условия зимы не позволяют нам предпринять активных действий и, кроме того, распорядительности у нас нет. Теперешние победы нужно считать временными и ничего не дающими, кроме потерь». В этой же беседе, касаясь командного состава Красной армии, Калинин сказал: «Лучших командиров, как Штерн¹⁶ и Федько¹⁷ расстреляли. Федько мой друг и я хорошо знаю, что его ни за что расстреляли»¹⁸.

7 июня 1944 г. И.В. Сталин как нарком обороны подписал приказ № 0023¹⁹, в котором говорилось «генерал-лейтенанта Калинина С.А., разложившего работу в округе своей бездеятельностью и недобросовестным отношением к делу, – снять с должности командующего войсками Харьковского военного округа и отдать под суд. Офицерский состав эшелона, проявивший во время происшествия бездействие – лишить военных званий и отправить в штрафную часть. Сержантский и рядовой состав, виновный в нарушении дисциплины – предать суду военного трибунала, а остальных направить в штрафную часть, кроме сержантов и рядового состава роты автоматчиков и маршевой батареи, не принимавших участие в беспорядках»²⁰.

Чтобы выполнить указание Сталина и отдать С.А. Калинина под суд, необходимо было найти в его действиях состав преступления, т.е. совокупность субъективных и объективных признаков, предусмотренных законом, при наличии которых совершенное деяние признавалось бы преступлением. Признаки составов преступлений указывались в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса РСФСР: 1) объект преступления, 2) объективную сторону преступления, 3) субъективную сторону преступления 4) субъект преступления. Обязательными признаками преступления являются: общественно опасные деяния, возраст, вменяемость и вина субъекта.

Для В. Абакумова, уже имевшего богатый опыт репрессивной практики высшего офицерского состава Красной армии, не составило никакого труда найти основания для ареста Калинина. Ими стали материалы, поступившие

в контрразведку «Смерш» от члена военного совета Харьковского военного округа, а также его докладная записка²¹, направленная в начале июня 1944 г. начальнику Главного политического управления Красной армии генерал-полковнику А.С. Щербакову²². В ее содержании ничего не сообщалось о происшествии на станции Красноармейская, о его причинах. Член Военного совета и сам нес ответственность за низкую морально-политическую атмосферу в воинских коллективах. Именно поэтому он решил сообщить «о более важном», чем состояние воинской дисциплины в частях и соединениях округах – об антисоветских настроениях С.А. Калинина, критике им системы политической учебы красноармейцев, сомнениях в полезности колхозного строя. В Главном управлении контрразведки (ГУКР) «Смерш» НКО сразу же оценили важность поступившей информации. Она позволяла «убить двух зайцев»: выполнить приказ Сталина о предании суду генерал-лейтенанта С.А. Калинина и разоблачить замаскировавшегося «контрреволюционера».

Генерал-лейтенанта Калинина С.А. под благовидным предлогом вызывают в Москву. 13 июня 1944 г. он был арестован сотрудниками ГУКР «Смерш» НКО прямо в салон-вагоне командующего округа, направленного на запасные пути Курского вокзала. Подготовка к аресту велась заблаговременно, в ГУКР «Смерш», был выписан ордер на арест и обыск Калинина Степана Андриановича, а дата – 13 июня 1944 г. – поставлена в бланке в день задержания Калинина²³.

С этого дня началась тюремная «одиссея» генерала Калинина, длившаяся девять лет и пять месяцев, тяжелым испытаниям подвергся не только он сам, но и его близкие родственники. 16 июня 1944 г. сотрудниками Отдела контрразведки «Смерш» Приволжского военного округа был проведен обыск и в квартире Калинина в г. Куйбышеве, в которой проживала его дочь Г.С. Медведева (Калинина)²⁴. На следующий день Абакумов направил в Сталину «протокол допроса арестованного бывшего командующего войсками Харьковского военного округа генерал-лейтенанта Калинина С.А. и выписки антисоветских записей, изъятые при обыске в квартире Калинина в гор. Куйбышеве»²⁵.

Несмотря на то, что С.А. Калинин с 13 июня находился под арестом, процессуальное оформление было проведено лишь 24 июня 1944 г., когда начальник следственного отдела ГУКР «Смерш» НКО полковник Леонов вынес постановление «подвергнуть аресту и обыску Калинина Степана Андриановича». В тот же день постановление утвердил начальник ГУКР «Смерш» НКО В. Абакумов, арест санкционировал Главный военный прокурор генерал-лейтенант юстиции Носов²⁶. Допросы С.А. Калинина проводились 23 июня 1944 г. и 16 июля 1944 г. 9 октября 1944 г. ему было предъявлено обвинение и проведен допрос. Следующий протокол допроса датирован более чем через полгода – 13 апреля 1945 г. Затем наступает перерыв более чем на пять лет, дата очередного протокола допроса

– 21 сентября 1950 г.²⁷. На допросах С.А. Калинин подтвердил, что в период войны Германии с Советским Союзом у него «возникали отдельные сомнения в правильности ведения войны. Он считал, что Верховное командование Красной Армии не заботилось о сохранении людских ресурсов, допуская в отдельных операциях большие потери. Об этом оно писал в своем дневнике, утверждая, что ни одно государство не расходует так неэкономно людей. Наступление в районе Орла стоит дорого и не окупает потерь. В связи с арестами среди командного состава Красной армии в 1937–1938 гг. у С.А. Калинина возникали недовольства, он утверждал, что среди репрессированных оказалось большое число лиц, невинно пострадавших, что репрессии терроризировали командный состав Красной армии и сделали его безынициативным и несамостоятельным. В карательной политике чувствовалась какая-то злоба и месть. Среди пополнения прибывавшего в части и соединения Красной армии большой процент освобожденных из мест заключения, причем 90% отсидели длительные сроки за такие пустяки, за которые не всегда и выговор можно дать»²⁸.

Калинин рассказал, что, узнав в мае 1944 г. о потерях среди жителей Днепропетровской и Запорожских областей (там было получено 40 тысяч извещений о погибших на фронтах), он умножил эту цифру на количество областей по Советскому Союзу. Таким образом, Калинин сделал предположение, которое обсуждал с сослуживцами, что потери СССР в войне с Германией составят не менее 20 миллионов человек. Потери же немцев, по его мнению, не превысят 10 миллионов человек²⁹.

21 июля 1944 г. начальник 2 отделения Следственного отдела ГУКР «Смерш», рассмотрев обнаруженный при обыске, произведенном на квартире у арестованного С.А. Калинина, его личный дневник и установив, что в нем имеются антисоветские записи³⁰. С целью добывания доказательств антисоветской деятельности С.А. Калинина, допрашиваются всевозможные «свидетели», допрашиваются его сокамерники. Один из них подробно сообщает, что Калинин в камере говорил: «НКВД (НКГБ) – это государство в государстве совершенно бесконтрольно делает, что ему удобно, создает так называемые вражеские дела, кто попадает в это инквизиторское учреждение едва ли выберется из него живым. История еще разберется в уничтожении и расстрелах 1937–1938 гг., немало погибло невинных людей, ценнейших кадров Красной армии»³¹.

Содержание Калинина под стражей и период ведения следствия превышали все допустимые нормы. Мера пресечения, избранная для С.А. Калинина в виде заключения под стражу, мотивировалось тем, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать раскрытию истины. Однако в этом случае, содержание обвиняемого под стражей не могло продолжаться более двух месяцев. В особо сложных делах срок этот, с разрешения прокурора, наблюдающего за следствием, мог быть продлен на один месяц³². Используя это положение, в ГУКР «Смерш» НКО в течение августа 1944 г.

– сентября 1945 г. ежемесячно выносились постановления, в которых возбуждались ходатайства перед Главным военным прокурором Красной Армии о продлении срока следствия и содержания под стражей Калинина Степана Андриановича на один месяц. Сроки следствия и содержания Калинина Степана Андриановича под стражей на один месяц продлялись: 18 августа, 27 сентября, 9 октября, 31 октября, 29 ноября, 26 декабря 1944 г. 25 января, 24 февраля, 29 марта, 13 апреля, 14 и 30 мая, 28 июня, 28 августа, 26 сентября, 24 декабря 1945 г. После этого документов о продлении срока следствия и содержания под стражей в архивном уголовном деле нет. Несмотря на то, что в постановлениях не было вразумительных объяснений, почему необходимо содержать под стражей подозреваемого (не было данных, что подозреваемый может скрыться или уничтожить доказательства), тем не менее, заместитель Главного военного прокурора генерал-майор юстиции Румянцев или непосредственно Главный военный прокурор генерал-лейтенант Афанасьев всякий раз соглашались на продления сроков ведения следствия и нахождения Калинина в тюремной камере³³.

Однако и эта формальность с начала 1946 г. перестала соблюдаться, не дожидаясь решения суда и установления степени вины, С.А. Калинин в 1946 г. был уволен с военной службы. В 1946 г. в связи с проведением реформы органов государственной безопасности материалы на С.А. Калинина были из ГУКР «Смерш» переданы в Министерство государственной безопасности СССР, которое возглавил В.С. Абакумов. Административная реформа в СССР и реорганизация органов безопасности не повлияла на судьбу С.А. Калинина, он продолжал находиться в предварительном заключении, но при этом с ним не велись никакие следственные действия.

Прошло еще почти пять лет и восемь месяцев. 12 июля 1951 г. был арестован министр госбезопасности СССР В.С. Абакумов. Новое руководство начало «зачистку» дел и материалов, оставшихся в наследство, и активизировало проведение следственных действий по имевшимся материалам.

18 августа 1951 г. было утверждено постановление «дополнительно привлечь С.А. Калинина в качестве обвиняемого по статье 193-17 п. «а» УК РСФСР (халатное отношение к служебным обязанностям по наведению должного порядка и дисциплины во вверенных ему войсках)³⁴. В этот же день С.А. Калинин был допрошен в качестве обвиняемого и составлен протокол об окончании следствия³⁵.

11 сентября 1951 г. заместитель министра государственной безопасности генерал-полковник С.А. Гоглидзе утвердил обвинительное заключение, и следственное дело по обвинению С.А. Калинина было передано Главному военному прокурору³⁶. Закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР состоялось 25 октября 1951 г. без участия представителей государственного обвинения и защиты и без вызова свидетелей. Военные судьи вынесли приговор лишить Калинина Степана Андриановича воинского звания «генерал-лейтенант» и по ст. 58-10 ч. 2 (пропаганда или агитация,

содержащая призывы к свержению или подрыву Советской власти, совершенные при массовых волнениях или в местах, объявленных на военном положении) лишить его свободы в ИТЛ сроком на 25 лет, с поражением в политических правах на пять лет³⁷. Суд постановил конфисковать имущество С.А. Калинина, лишить его медали «За оборону Сталинграда». Кроме того, по ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР Калинин был приговорен к лишению свободы в ИТЛ сроком на пять лет. Перед Президиумом Верховного Совета СССР возбуждено ходатайство о лишении С.А. Калинина ордена Ленина, двух орденов Красного Знамени и медали «XX лет РККА». Срок отбытия наказания исчислялся с 14 июня 1944 г., т.е. с момента его задержания³⁸. Для отбытия наказания С.А. Калинин был отправлен в исправительно-трудовой лагерь «АГ» МВД СССР³⁹.

После смерти И.В. Сталина начался процесс пересмотра советской репрессивной политики. 27 марта 1953 г. был принят, а 28 марта опубликован в газетах «Правда» и «Известия» Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии». В указе предусматривалась амнистия лицам, имеющим срок заключения до 5 лет, мужчинам старше 55 лет и некоторым другим категориям политзаключенных.

Министерствами юстиции и внутренних дел, Генеральной прокуратурой СССР, Юридическим отделом при Президиуме Верховного Совета СССР были внесены предложения в Совет министров СССР, Президиум Верховного Совета СССР и ЦК КПСС о необходимости смягчения уголовной ответственности за отдельные преступления и пересмотра ряда категории уголовных дел⁴⁰. Были созданы Центральная и областные комиссии по пересмотру дел на лиц, отбывавших наказания за совершения преступлений по статье 58-10 УК РСФСР. Под влияние перемен в обществе и изменений уголовном праве, сын С.А. Калинина – командир соединения подводных лодок Северного флота капитан 1-го ранга, Герой Советского Союза М.С. Калинин⁴¹ 8 мая 1953 г. направил письмо Председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову с просьбой «пересмотреть дело своего необоснованно осужденного отца»⁴². Ожидания сына оказались напрасными, время коренных перемен в репрессивной политике еще не наступило, и МГБ СССР отказало в пересмотре дела С.А. Калинина⁴³.

Политико-правовая атмосфера в СССР в 1953 г. менялась стремительно, 26 июня 1953 г. на заседании Президиума ЦК КПСС был арестован министр внутренних дел СССР Л.П. Берия. 2–7 июля он был выведен из состава ЦК КПСС и исключен из партии как «враг Коммунистической партии и советского народа». Такой поворот в судьбе тех, кто участвовал в «свершении правосудия» С.А. Калинина, безусловно, повлиял на то, что Военная коллегия ВС СССР решила смягчить ему наказание и 28 июля 1953 г. отменила приговор Военной коллегии ВС СССР от 25 октября 1951 г. Назначенное С.А. Калинину наказание в виде 25 лет лишения свободы, было понижено до отбытого им срока до 9 лет и 1 месяца лишения свободы в ИТЛ без поражения в правах. За отбытием срока наказания Калинина было

решено освободить из-под стражи⁴⁴. Это был излюбленный прием в советской системе правосудия: понимая, что заключенный отбывает наказание незаслуженно, принималось решение освободить его из мест лишения свободы, но при этом ни в коем случае не признавать ошибки суда, прокуратуры или правоохранительных ведомств.

Но даже и эта неуклюжая попытка Военной коллегии освободить из-под стражи Калинина, не признавая факта его невиновности, не удалась. На практике сложилась формула с нерасставленными знаками препинания «Освободить нельзя оставить под стражей».

Маховик политических репрессий и после смерти И.В. Сталина еще некоторое время без каких-либо изменений продолжал вращаться, затягивая все новые и новые жертвы. Сказывались инертность мышления следователей, совершение ими доведенных до автоматизма действий. Как оказалось, 11 марта 1953 г. лагерный суд ИТЛ «АГ» МВД СССР рассмотрел дело С.А. Калинин по обвинению в преступлении, предусмотренного ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР и приговорил его к 10 годам лишения свободы в ИТЛ с поражением в политических правах на 5 лет. Калинин был признан виновным в том, что он, «отбывая наказание, проводил среди заключенных антисоветскую агитацию, клеветал на руководителей Советского правительства и Коммунистической партии»⁴⁵.

Для того чтобы разрешить этот казус материалы были доложены председателю Верховного Суда СССР, который посчитал, что приговор лагерного суда ИТЛ «АГ» МВД СССР и определение кассационной инстанции в отношении Калинина подлежат изменению. Он внес в Пленум Верховного Суда СССР протест, который 13 ноября 1953 г. постановил «приговор лагерного суда ИТЛ «АГ» МВД СССР от 11 марта 1953 г. и определение Судебной Коллегии по делам лагерных судов Верховного Суда СССР от 15 апреля 1953 г. изменить: «исключить за недоказанностью обвинение Калинина в клевете на руководителей Советского правительства и Коммунистической партии, в высказывании пораженческих намерений»⁴⁶.

17 ноября 1953 г. председатель Военной коллегии Верховного суда СССР направил письмо начальнику 1-го спецотдела МВД СССР, в котором указал, что Калинин Степан Андрианович подлежит немедленному освобождению из-под стражи. В этот же день перед С.А. Калинин распахнулись тюремные ворота, и он оказался на свободе⁴⁷.

Однако даже председатель Верховного суда СССР осенью 1953 г. еще не был готов реабилитировать С.А. Калинина и признать действия судебной машины неправомерными. С.А. Калинин был освобожден из-под стражи за отбытием срока наказания, но не реабилитирован, как ошибочно указано в отдельных справочных изданиях⁴⁸.

Восстановления доброго имени Калинину пришлось ждать еще почти три года. 2 ноября 1956 г. постановлением Пленума Верховного суда СССР все судебные решения (приговор Военной коллегии Верховного суда СССР

от 25 октября 1951 г., определение той же коллегии от 28 июля 1953 г., приговор лагерного суда ИТЛ «АГ» МВД СССР от 11 марта 1953 г., определение Судебной коллегии по делам лагерных судов Верховного суда СССР от 15 апреля 1953 г., постановление Пленума Верховного суда СССР от 13 ноября 1953 г.) в отношении С.А. Калинина были отменены. На основании ст. 4 п. 5 УПК РСФСР дело в отношении С.А. Калинина прекращено.

Лишь после этого С.А. Калинин был восстановлен в воинском звании «генерал-лейтенант», был отменен приказ о его увольнении со службы в Вооруженных силах СССР по дискредитирующим основаниям. Он был уволен в запас по достижению предельного возраста с надлежащим пенсионным обеспечением. Степан Андрианович Калинин умер в 1975 г., похоронен в Москве.

¹ Партийное взыскание было снято окружной партийной комиссией МВО в 1936 г. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 233.

² ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 233.

³ Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь. – М.: Жуковский: Кучково поле, 2005. – С. 88.

⁴ В статье *Петрушин А.* В июне 44-го. Судьба командарма-24 // Родина. 2007. № 5. – С. 13. Ошибочно указано, что С.А. Калинин арестован 24 июня 1944 г., на самом деле это произошло 13 июня 1944 г. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 5–15.

⁵ Антонов Алексей Иннокентьевич (1896–1962), генерал армии (1943), первый заместитель начальника Генерального штаба (1942), начальник Генерального штаба (1945).

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 9. Л. 164–165.

⁷ Сталинская область в 1961 г. переименована в Донецкую область УССР.

⁸ Маршевое подразделение – временное воинское формирование, отправляемое для укомплектования частей Действующей армии.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 9. Л. 164.

¹⁰ Маршевое пополнение – во время войны обученные контингенты военнослужащих различных категорий, отправляемых в организованном порядке (обычно в составе маршевых подразделений) из резерва (запаса) в действующую армию. По прибытии к месту назначения маршевое пополнение распределялось по воинским частям и соединениям.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 9. Л. 164.

¹² ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 291.

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 9. Л. 165.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 9. Л. 130–132.

¹⁵ Крайнов Павел Иванович, генерал-майор (1942). Начальник отдела политпропаганды 13-й армии Западного Особого военного округа. Член Военного совета 48-й армии (03.05.1942–19.05.1942). Член Военного совета Харьковского военного округа.

¹⁶ Штерн Григорий Михайлович (1900–1941), генерал-полковник (1940), Герой Советского Союза (1939), член ЦК ВКП(б) (1939), депутат Верховного Совета СССР (1937). Начальник Управления ПВО НКО (1941). Арестован (07.06.1941), расстрелян (18.10.1941) в Куйбышеве. Реабилитирован (27.08.1954).

¹⁷ Федько Иван Федорович (1897–1939), командарм 1-го ранга (1938), командующий войсками КВО (1937–1938), 1-й зам наркома обороны (1938), необоснованно репрессирован (1938), расстрелян. Реабилитирован (1956).

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 9. Л. 130–132.

¹⁹ Приказ НКО от 7 июня 1944 г. № 0023 был отпечатан на машинке в 40 экземплярах.

²⁰ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 291.

- ²¹ Докладная записка направлена в Москву не позднее 3 июня 1944 г. См.: ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 124.
- ²² Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945), первый секретарь МК и МГК ВКП(б) (1938–1945), одновременно секретарь ЦК ВКП(б) (1941–1945), начальник Совинформбюро (1941–1945), начальник Главного политуправления Красной армии (1942–1945), заместитель наркома обороны (с 1942), заведующий отделом международной информации ЦК ВКП(б) (1943–1945), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1941–1945), генерал-полковник.
- ²³ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 5–15.
- ²⁴ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 27–36.
- ²⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 10. Л. 270.
- ²⁶ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 1–4.
- ²⁷ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 75–101, 105–123.
- ²⁸ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 93–95.
- ²⁹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 125–133.
- ³⁰ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 226.
- ³¹ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 187–188.
- ³² Уголовно-процессуальный кодекс. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. – С. 35–41. Ст. 159 УПК РСФСР.
- ³³ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 261, 266–280.
- ³⁴ В соответствии со статьей 193-17 п. «а» УК РСФСР предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок не ниже шести месяцев. См.: Уголовный кодекс. – М.: Юрид. изд. НКЮ СССР, 1938. – С. 101.
- ³⁵ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 235–238.
- ³⁶ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 286–289.
- ³⁷ В соответствии со ст.ст. 31, 32 УК РСФСР поражение политических прав заключалось в лишении активного и пассивного избирательного права, а также права занимать выборные должности. Поражение прав не могло назначаться на срок свыше пяти лет. См.: Уголовный кодекс. – М.: Юрид. изд. НКЮ СССР, 1938. – С. 14.
- ³⁸ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 296–306.
- ³⁹ Литер «АГ» был присвоен Сибирскому ИТЛ (СИБУЛОН, Сиблаг), организованного осенью 1929 г. и действовавшего до 1960-х годов. Дислоцировался в г. Новосибирск и г. Мариинск Новосибирской (с 1943 г. – Кемеровской) обл.
- ⁴⁰ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 26. Л. 1–5; Д. 33. Л. 1–5; ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 28. Д. 1380. Л. 244–245; Ф. Р-9492. Оп. 2. Д. 93. Л. 105–116.
- ⁴¹ Калинин Михаил Степанович (1918–1978), Герой Советского Союза (6 марта 1945 г.), капитан 1-го ранга (1951), участник советско-финляндской войны (1939–1940) и Великой Отечественной войны. Командир штурманской боевой части (июнь 1940 – январь 1942), помощник командира ПЛ «Щ-303» (апрель–октябрь 1943), помощник командира ПЛ «Щ-307» (октябрь 1943–февраль 1944), командир ПЛ «Щ-307» 3-го дивизиона подлодок КБФ (февраль 1944–апрель 1951), командир бригады подводных лодок Северного флота (апрель 1951–декабрь 1953). На преподавательской работе (декабрь 1953–октябрь 1964). В запасе с 1964 г.
- ⁴² ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 312.
- ⁴³ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 314–316.
- ⁴⁴ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 320–321.
- ⁴⁵ Приговор лагерного суда от 11 марта 1953 г. определением Судебной коллегии по делам лагерных судов Верховного суда СССР от 15 апреля 1953 г. оставлен в силе.
- ⁴⁶ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 326–327.
- ⁴⁷ ЦА ФСБ России. Д. № Р-24261. Л. 323–327.
- ⁴⁸ Великая Отечественная. Командармы : Военный биографический словарь. – М.: Жуковский, Кучково поле, 2005. – С. 88.

РАЗВЕДКА И КОНТРАЗВЕДКА ГЕНШТАБА ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ

*Тезисы выступления на конференции
«Венгрия и Советский Союз во Второй мировой войне:
новые аспекты осмысления»
г. Москва, 24–25 ноября 2011 г.*

Специалисты ФСБ России в своей исследовательской работе много внимания уделяют истории Второй мировой войны. Особый интерес историков вызывают вопросы противоборства разведок и контрразведок сражавшихся сторон. В 1990-х гг. исследования по этой теме приобрели широкий размах, о чем, в частности, свидетельствует тематика докладов нашей секции: два доклада о советской разведке и ни одного о венгерской. В своем сообщении попытаюсь несколько восполнить этот пробел.

Новые архивные источники позволяли уточнить и расширить представления о характере деятельности советской разведки и контрразведки, их противоборстве со спецслужбами Германии и ее союзников. В ряде научных работ рассматривается структура германских, финских и японских разведывательных и контрразведывательных органов, особенности их деятельности по вербовке и направлению на территорию СССР агентов с разведывательными и диверсионными целями, противоборство абвера и советской контрразведки в прифронтовых регионах, совершенные нацистами преступления на оккупированной территории.

Стремление показать вклад органов государственной безопасности в победу над фашизмом стало причиной появления на свет нескольких книг, основанных на документах Центрального архива ФСБ России. Даже сейчас, когда прошло 70 лет с начала величайшей трагедии в истории человечества, открываются ранее неизвестные эпизоды этой войны. Одна из таких страниц – история взаимоотношений в годы Второй мировой войны СССР и Венгрии как союзника нацистской Германии.

Отечественным органам безопасности противостоял хорошо подготовленный противник, но за годы войны в органах государственной безопасности СССР сложилась четкая и эффективная система борьбы с ним: осуществлялся масштабный розыск и перевербовка агентуры, проводилось целенаправленное изучение разведывательных и контрразведывательных органов и спецшкол, данных об агентах и их связях, собиралась информа-

ция о разведывательных, контрразведывательных, диверсионных и полицейских структурах, ведущих подрывную работу против СССР. На завершающем этапе войны специальные оперативные группы занимались поиском имевших оперативное значение архивов, картотек и других трофейных материалов, задерживали видных деятелей нацистского режима и карательных ведомств, которым впоследствии были предъявлены обвинения в совершении преступлений против человечества.

В Центральном архиве ФСБ России сосредоточено около 30 тыс. архивных следственных дел на немцев и граждан стран-сателлитов Германии, осужденных в послевоенный период за насильственные действия по отношению к гражданскому населению и военнопленным, за преступления против человечества и шпионаж, а также иные преступления.

Аналогичный фонд уголовных дел (свыше 22 тыс. единиц хранения) на бывших военнослужащих нацистской Германии и ее союзников, осужденных в 1943–1945 г. военными трибуналами войск НКВД-МВД СССР, имеется в Центральном архиве МВД России. По данным 2-го отдела ГУПВИ НКВД СССР, на 18 июня 1945 г. в советском плену находилось 425 тысяч 319 военнопленных венгерской национальности (из них 45 генералов). Как правило, венгерских генералов направляли после задержания в Москву, в распоряжение 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР, занимавшегося расследованием военных преступлений оккупантов на территории Советского Союза. Наиболее важной составляющей этой работы, как говорилось в докладной записке В.С. Абакумова И.В. Сталину от 13 августа 1945 г., было выявление лиц, которых предполагалось привлечь к суду как «виновников войны».

Бывший начальник Генерального штаба венгерской армии генерал-полковник Генрих Верт и руководители отделов Генштаба: генерал-майор Иштван Уйсаси, полковники Андреас Барта, Дюла Кадар, Иштван Ошват, Отто Хатц, майор Эден Нуриджани и др. в ходе допросов предоставили важную информацию, свидетельствовавшую о целенаправленной подготовке Венгрии к боевым действиям против Советского Союза, разведывательной деятельности и структуре венгерских разведорганов.

Например, находившийся в советском плену с 5 февраля 1945 г. генерал-майор Штефан Уйсаси, бывший начальник 2-го отдела (разведка, контрразведка) венгерского Генштаба, дал подробные показания о ходе подготовки Германии и Венгрии к агрессии против СССР и привел конкретные примеры «жестоких, беспощадных методов ведения войны фашистских держав», рассказал о массовом убийстве евреев и гражданского населения оккупированных стран. Показания Уйсаси о подготовке к войне использовались в ходе Нюрнбергского процесса.

Архивные следственные дела на бывших офицеров и генералов венгерского Генштаба содержат необходимый набор судебно-следственных

документов: постановления о задержании и мере пресечения, ордера на арест и обыск, анкеты и фотографии арестованных, протоколы допросов и собственноручные письменные показания, копии актов Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений, постановления о предъявлении обвинения, обвинительные заключения, приговоры военных трибуналов, решений Особого совещания при МГБ СССР или выписки из них и т.п. В делах зачастую подшиты три экземпляра протоколов допросов: рукописный подлинник на венгерском (и/или) немецком языках, рукописный перевод и его машинописная копия; каждый лист собственноручно заверен допрашиваемым лицом.

В некоторых следственных делах сохранились личные документы и письма арестованных. Протоколы допросов и собственноручные показания военнопленных – источники специфического характера. Во-первых, они создавались в обстановке плена. Во-вторых, в них отражены по большей части только те события, которые интересовали следственные органы. В-третьих, целью следствия было не изучение истории как таковой, а выяснение обстоятельств совершения военных преступлений на временно оккупированной территории Советского Союза. После стандартных вопросов о биографии и прохождении службы следователи интересовались отношением подследственного к советским военнопленным и его участием в репрессиях по отношению к мирному населению.

Одной из центральных фигур в руководстве венгерской армии, повлиявших на принятие решения о вступлении во Вторую мировую войну и нападении на Советский Союз, был начальник Генерального штаба Венгрии – генерал-полковник Генрих Верт, который был арестован 17 марта 1945 г. УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта. В материалах его следственного дела имеются протоколы допросов и собственноручные показания, а также показания свидетелей, в том числе генерал-майора Иштвана Уйсаси, начальника 2-го отдела (разведка и контрразведка) Генштаба и военного атташе при германском посольстве в Венгрии генерал-лейтенанта Гюнте-ра Краппе. В этих показаниях подробно рассказано о структуре и задачах, стоявших перед разведывательными и контрразведывательными органами Генштаба венгерской армии. Руководителями 2-го отдела Генштаба на протяжении войны были: с 1 мая 1939 г. по 1 июля 1942 г. полковник Иштван Уйсаси, с 1 июля 1942 г. по 1 августа 1943 г. полковник Йожеф Вашвари, с 1 августа 1943 г. по 18 апреля 1944 г. полковник Дюла Кадар, с 18 апреля 1944 г. по 1 мая 1944 г. подполковник Ласло Кути, с 25 октября 1944 г. полковник Андраш Зако.

2-ой отдел Генштаба Венгрии состоял из трех основных групп – центральной разведывательной группы, так называемой «Оффензива», контрразведывательной – «Дефензива»; группы оперативного учета и обработки разведывательных данных «Эвиденцбюро» и нескольких подотделов

с условными обозначениями: «R» – шифровальный, который занимался составлением шифров и кодов, а также зашифровкой и дешифровкой всей секретной переписки венгерской военной разведки; «X» – дешифровальный; «K» – занимался подбором кадров и материальным обеспечением, а также организационными вопросами, связанными с созданием разведцентров за границей; «P» – почтовый, занимался вопросами связи со всеми органами, как внутри страны, так и с находящимися за границей. Также имелся специальный архив венгерской военной разведки.

Центральная разведывательная Группа «Оффензива» разрабатывала план разведки в иностранных государствах, намечала количество необходимых агентов. Офицеры и унтер-офицеры этой группы занимались вербовкой агентурной сети. Агенты-вербовщики получали установленный оклад и премию за каждого важного завербованного агента. В качестве агентов-вербовщиков использовались кельнеры, продавщицы в универсальных магазинах, швейцары в отелях, проводники в поездах, служащие игорных заведений, контролеры на железных дорогах на границе, коллекционеры марок, ведущие переписку с заграницей. Группа состояла из подразделов: радиопрослушивания, паспортного с фотолабораторией и шифровального, а также нескольких подразделов, которые занимались вопросами организации разведки в Чехословакии, Румынии и Югославии.

Контрразведывательная группа «Диффензива» занималась выявлением агентуры иностранных разведок и борьбой с политическими противниками режима Хорти внутри страны. Деятельность группы была согласовывалась с МВД Венгрии и контрразведывательными органами Германии. Группа имела многочисленную агентуру в армии, промышленности, сельском хозяйстве, в высших учебных заведениях, на транспорте, в гостиницах, ресторанах, на государственной границе и др. Группа состояла из следующих подразделов: чехословацкого, румынского, югославского, а также промышленного и политического, телефонного подслушивания и секретной цензуры телеграфа и почтовой корреспонденции.

Группа оперативного учета и обработки разведанных «Эвиденцбюро» имела самостоятельные задачи и состояла из нескольких подразделов, каждый из которых занимался обработкой данных по нескольким странам: 1. Германии, Швейцарии, Норвегии и Дании; 2. Англии и Америке; 3. Болгарии и Турции, Югославии и Греции; 4. Румынии; 5. Советскому Союзу и др. Подотдел «X» – дешифровальный, считался самым засекреченным и о его существовании знали немногие. Одно из двух подразделений занималось подслушиванием и сбором дипломатических и военных зашифрованных телеграмм и радиограмм иностранных государств. Второе – их расшифровкой и разработкой. Для подслушивания дипломатических радиограмм имелось 3 секции в Будапеште. Станции для приема радиограмм обычно устраивались в звуконепроницаемом, электроизолированном помещении верхнего этажа

здания и оборудовались очень чувствительными приборами. На станциях работали бывшие служащие телеграфа и солдаты из военных радиопрепарированных. Каждые 4-6 часов дежурные на всех трех станциях сменялись.

Разведку за границей в интересах 2-го отдела Генштаба вели военные атташе, посланники и дипломаты, замаскированные офицеры разведки при граничных представительствах. Военные атташе вели разведку о военно-политическом и военном положении и занимались вербовкой агентов разведки и контрразведки в стране, где они были аккредитованы, лично для себя и 2-го отдела. К военным атташе в Бухаресте, Белграде и Братиславе были прикомандированы по одному унтер-офицеру контрразведки, которые работали под видом сотрудников консульского отдела миссий. Все военные атташе поддерживали постоянную радиосвязь со 2-м отделом в Будапеште.

В конце сентября 1939 г. 2-й отдел Генштаба Венгрии усилил свою разведывательную и контрразведывательную деятельность против Советского Союза. Активизировались военные атташе в Москве, Варшаве, Хельсинки, Софии и Стамбуле. На границе с СССР и в Стокгольме были созданы специальные органы разведки. 1 октября 1939 г. в Ужгороде был создан 2-й отдел 8-го армейского корпуса (начальник полковник Иштван Ошват) и еще одно отделение под командованием подполковника АГ, позже капитана Немета. Отделение вело борьбу со шпионажем в Закарпатской Украине по директивам полковника Ошвата. В то же время в Ужгороде был сформирован отдел пограничной полиции во главе с подполковником полиции Аристидом Мешко. Пункты разведки и пограничного контроля находились в Кэрэшмезе, Воловец, Феновешвэльд. в разведывательной деятельности против СССР подполковник Мешко так же сотрудничал с полковником Ошватом. На советско-венгерской границе тогда же были сформированы пограничные егерские роты разведчиков, помогавшие разведывательной службе и пограничным пунктам контрразведки. С октября 1940 г. в Колошваре (Клуж) работал 2-й отдел 9-го армейского корпуса (начальник полковник Аурель Фейер), район разведывательных действий которого простирался на север по линии Татаров-Коломыя. В итоге, согласно показаниям руководителей венгерских служб, в годы войны была сформирована агентурная сеть отделений разведки и контрразведки 2 го отдела Генштаба в следующих городах СССР: Баку, Армавир, Черновцы, Коломыя, Станислав, Львова, Киеве, Харькове, Риге и Таллине; Ужгород, Татаров, Рафаилово, Турка, Коломыя, Станислав, Старый Самбор, Львов; Колошвар (Клуж), Седагора.

2-й отдел Генштаба Венгрии обменивался информацией о Советском Союзе с разведками и контрразведками Германии, Италии, Швеции, Финляндии, Эстонии и Латвии. По утверждению военнопленных венгерских разведчиков, Венгрия взаимодействовала с австрийской разведкой с 1921 г., финской и эстонской – с 1923 г., латвийской и германской – с 1924 г. С 1933 г. существовало аналогичное сотрудничество с итальянской разведкой. Имела

место тесная связь с иностранным отделом управления абвера ОКВ, отделом ОКХ по изучению иностранных армий, отделом Министерства авиации по изучению иностранных ВВС, отделом службы радиоперехвата этого же министерства и отделом службы-расшифровки ОКВ. Раз в три-четыре месяца производился обмен информацией относительно структуры, дислокации, вооружения и снаряжения Красной армии.

Вскоре после вступления генерал-полковника Г. Верта в должность начальника Генштаба Венгрии в октябре 1938 г. состоялась его встреча с адмиралом Канарисом, который заявил о заинтересованности Германии в поддержке связи с венгерской разведкой с целью взаимного обмена информацией. Будучи активным сторонником сближения с Германией, Верт принял все меры, обеспечивающие в дальнейшем такое сотрудничество. 2-й отдел Генштаба поддерживал тесную связь с абвером, обменивался с немцами разведывательными материалами о Советском Союзе, Чехословакии, Румынии и Югославии. Обмен разведанными осуществлялся через руководящих сотрудников абвера, которые почти каждый месяц приезжали в Будапешт и получали интересовавшие их сведения. Кроме того, обмен осуществлялся через военных атташе в Берлине. Начальник 2-го отдела Генштаба Венгрии Иштван Уйсаси ежегодно выезжал с несколькими сотрудниками в Берлин с целью обсуждения вопросов разведывательного сотрудничества с абвером. Германский военный атташе в Будапеште Гюнтер Краппе на допросе показал: «Деятельность генерала Верта была направлена на установление самых тесных взаимоотношений между венгерской армией и германскими вооруженными силами, на организацию полной взаимной поддержки, обмену военным опытом и данными организации, обмену офицерами и совместной работе венгерской и германской разведок. Практически это вело к полному подчинению венгерской армии интересам германских вооруженных сил, тем более, что со стороны генерала Верта предполагалось провести реорганизацию всей венгерской армии по образцу германских вооруженных сил».

На основании показаний военнопленных советские контрразведчики, имея дополнительную информацию, смогли воссоздать схему деятельности в годы войны венгерских военачальников и получили возможность собрать доказательную базу для следствия.

В сентябре 1947 г. Совет министров СССР принял постановление о проведении судебных процессов над бывшими военнослужащими вражеских армий. Перед судом предстали 143 человека, из них 23 генерала. Следствие не ставило своей целью доказать конкретную вину каждого обвиняемого, достаточно было соучастия в преступной организации. Дела иностранцев (военнопленных и гражданских) рассматривали военные трибуналы и Особое совещание при МГБ СССР.

С апреля 1947 г. смертная казнь в СССР не применялась, и в большинстве случаев венгерские генералы были заключены в ИТЛ или тюрьму на срок 25 лет.

В конце 1940 – первой половине 1950 гг. большинство осужденных венгерских военнопленных переданы правительству Венгрии. До настоящего времени материалы из следственных дел венгерских военнопленных – военных преступников, которые хранятся в ведомственных архивах органов безопасности и внутренних дел, не введены в полноценный научный оборот. Между тем, эти документы – ценнейший исторический источник. В них содержатся свидетельства очевидцев многих событий, происшедших в предвоенной Венгрии и в разные периоды Второй мировой войны, оценки действий венгерских военачальников на Восточном фронте, характеристики венгерского военно-политического руководства и др.

Введение в научный оборот новых документов архивов ФСБ России по истории Великой Отечественной войны поможет ответить на многие вопросы и приблизиться к более полному и объективному изучению истории военного времени.

ДЕТИ ГЕНЕРАЛА ШМИДТА

*Статья в газете «Время новостей»
16 ноября 2009 г. № 210*

16 ноября 1941 года немецкими оккупационными властями была официально создана Локотская волость, менее чем через год преобразованная в так называемое Локотское окружное самоуправление. Изначально его власть распространялась лишь на Локотскую волость, которая впоследствии была реорганизована в район, затем уезд, с присоединением к нему территорий Навлинского и Комарического районов Орловской области и Дмитровского района Курской области. В июле 1942 года был образован Локотский особый округ, включавший в себя несколько районов Орловской и Курской областей. Вся полнота власти здесь официально принадлежала органам местного самоуправления, курировавшимся немецким специальным штабом, в состав которого входили офицеры вермахта, абвера и службы безопасности СД, а также немецкими комендатурами. В последнее время стала популярной дискуссия, кем были наши соотечественники, сотрудничавшие в годы Великой Отечественной войны с германскими оккупационными властями или служившие в вооруженных формированиях, созданных фашистской Германией, – героями, восставшими против сталинского режима, или изменниками Родины. Локотское окружное самоуправление – один из наиболее часто упоминаемых примеров в этой историко-политической дискуссии. В Центральном архиве ФСБ России находятся документы, позволяющие реконструировать картину происходившего на этой территории.

«Сдать оружие и пройти перерегистрацию»

В середине августа 1941 года в Орловскую область, включавшую тогда значительные территории нынешних Брянской, Калужской и Курской областей, вошли немецкие войска. В конце сентября 1941 года немецкое командование, перегруппировав силы, начало операцию «Тайфун», имевшую целью захват Москвы. 2-я танковая группа под командованием генерал-полковника Гейнца Гудериана (германский военачальник, генерал-полковник, с июня 1940 года командующий 2-й танковой группой, с октября

1941 года – 2-й танковой армией на советско-германском фронте), пробив на левом фланге Брянского фронта широкую брешь, ринулась к Москве. 3 октября немецкие подвижные соединения практически без боя заняли Орел. 4 октября 1941 года после скоротечного боя немецкие войска вошли в поселок Локоть – центр Брасовского района Орловской области. Не задерживаясь, они двинулись на Тулу, и несколько дней Брасовский районный центр оставался без какой-либо власти, а 11–14 октября на стенах домов в Орле и населенных пунктах Орловской области появились листы с текстами первых приказов немецкого военного коменданта: «Всем сдать оружие, кто не сдаст – будет расстрелян. Все должны пройти перерегистрацию. Граждане немецкого происхождения обязаны зарегистрироваться для несения охранной службы».

В условиях сложившегося безвластия функции самопровозглашенного старосты Брасовского района принял на себя преподаватель физики Локотского лесохимического техникума Константин Воскобойник (до войны был судим за деятельность в незаконном вооруженном отряде, три года провел в исправительно-трудовом лагере). Стремясь придать своей власти легитимный характер, Воскобойник получил у командования немецкой части, проходившей через Локоть, удостоверение о своем назначении старостой Брасовского района. Оккупанты разрешили Воскобойнику сформировать новые органы местного самоуправления, и он с энтузиазмом приступил к реализации намеченного плана. Воскобойник решительно взялся за установление «нового порядка», пресекал любые возражения и применял жесткие репрессивные меры. В части помещений Локотского конезавода была оборудована тюрьма, камеры которой никогда не пустовали. Расстрелы и повешения неугодных проводились регулярно.

На должность заведующего приемной Воскобойник назначил главного инженера Локотского спиртзавода Бронислава Каминского (до войны он подвергался административным и партийным взысканиям, высылался из Ленинграда, работал в Челябинской области и лишь в 1940 году перебрался в Локоть). Каминскому поручили работу с населением: разбор писем, рассмотрение жалоб и заявлений. Фактически он стал заместителем Воскобойника. В ноябре 1941 года в администрации района появился Степан Мосин – бывший директор неполной средней школы в Суземском районе. В сентябре 1941 года он был мобилизован в Красную армию, но спустя месяц дезертировал и вернулся в Брасово. В районной управе Мосин стал заместителем начальника приемной.

Примечательный факт: судя по документам из Центрального архива ФСБ России, среди сотрудников администрации Локотского округа, приступивших к строительству «нового порядка», было много тех, кто еще недавно активно укреплял советскую власть, – ответственных работников райисполкомов, членов бюро райкомов, председателей колхозов и сельсоветов, руководителей промышленных предприятий, директоров и преподавателей школ.

Борьбе за «новую Россию» требовалось придать идеологическое обоснование, и поэтому в конце ноября 1941 года Воскобойник обнародовал манифест Народной социалистической партии «Викинг», в котором предусматривалось уничтожение коммунистического и колхозного строя, наделение крестьян пахотной землей и приусадебными участками, развитие частной инициативы и «беспощадное уничтожение всех евреев, бывших комиссарами». (В дальнейшем, в полном соответствии с гитлеровской расовой теорией, на территории самоуправления стали уничтожать всех без исключения советских граждан этой национальности.)

Однако немецкое военное командование не намеревалось создавать на оккупированных территориях ни политических партий, ни новых государственных образований и партийную инициативу Воскобойника не поддержало. Фашистские руководители открыто заявляли, что завоеванные ими государства должны быть ликвидированы, а население частично порабощено, частично уничтожено. Еще 16 июля 1941 года на совещании с руководителями фашистского рейха Гитлер, рассказывая о целях в войне против Советского Союза, подчеркнул, что речь идет о занятии района, наведении в нем порядка и установлении безопасности. Для этого будут осуществляться все необходимые меры – расстрелы, выселения и т.п.: «Создание военной державы западнее Урала никогда не должно снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. Защиту этого пространства от всяких возможных опасностей берет на себя Германия».

«Грабили все, кто мог»

В ночь на 8 января 1942 года партизаны совершили внезапный налет на Локоть, в ходе которого был убит Воскобойник. Ответной мерой стал расстрел семи заложников, обвинявшихся в связях с партизанами. Каминский, приняв на себя обязанности районного старосты, издал приказ о всеобщей мобилизации мужского населения Брасовского района от 18 до 50 лет. Мобилизация, проводившаяся под угрозой расстрела, прошла быстро. Созданные отряды по борьбе с партизанами Каминский назвал бригадой милиции, а себе присвоил звание «комбриг милиции». После нескольких удачных операций против партизан в марте 1942 года Каминский был вызван в Орел к командующему 2-й танковой армией генерал-полковнику Рудольфу Шмидту, в зоне ответственности которого находились оккупированные территории Орловской области. Пообщавшись с Каминским, Шмидт издал приказ об образовании Локотского уездного самоуправления в составе Брасовского, Навлинского, Суземского, Комаричского и Севского районов Орловской области, а также о назначении Каминского обер-бургмистром и начальником вооруженных отрядов. Воодушевленный приемом у генерала Шмидта Каминский возвратился в Локоть, сразу вызвал

к себе Мосина, назначил его заместителем по гражданским делам и поручил организовать администрацию самоуправления и органы власти в районных центрах, волостях и селах.

Мосин с энтузиазмом приступил к выполнению порученного дела, приняв за основу советский принцип районирования, т.е. оставил границы районов по состоянию на 1929 год, когда была завершена административно-территориальная реформа. Районы делились на волости примерно в тех границах, которые существовали до реформы. В каждую волость входило несколько сел и деревень с их земельными угодьями и приблизительно 10 тыс. человек. Во главе районов стали назначенные Каминским бургомистры, в волостях – старшины. Лишь на низшем уровне – в селах и деревнях – население выбирало старост, кандидатов рекомендовало уездное самоуправление, иногда были «самовыдвиженцы». Этим сразу же воспользовались партизаны и стали продвигать на выборные должности своих кандидатов.

О том, как проходило формирование органов самоуправления, рассказал сам Мосин на следствии после освобождения советскими войсками оккупированных территорий: «Немецкие власти всячески поощряли проводимую нами работу в их пользу. Нам это льстило, и мы стремились к еще большей активной борьбе против советского государства. Стремление к власти и желание выслужиться перед немцами толкало нас к различным изощренным методам и действиям, лишь бы это шло в угоду немцам. О доверительном отношении к нам со стороны немецких оккупационных властей может свидетельствовать факт преобразования в июле 1942 года Локотского уезда в самостоятельный административный округ, состоявший из Брасовского, Навлинского, Комаричского, Севского, Суземского, Михайловского, Дмитриевского и Дмитровского районов».

Помимо идеологии, создания новых структур власти и борьбы с партизанами локотское самоуправление занималось и экономическими вопросами. Пахотная земля была поделена по едокам. Каминский сделал попытку вернуть раскулаченным до войны хозяевам принадлежавшее им недвижимое имущество, в частности мельницы. Однако Мосин категорически возражал против такой «приватизации» и сумел за счет бюрократических проволочек заморозить эту инициативу: крестьянский капитализм ему не импонировал.

Кстати, никакое национализированное советской властью имущество не возвращалось прежним хозяевам – экономический уклад самоуправления не имел ничего общего с дореволюционным. Основной денежной единицей на территории округа был советский рубль. Бюджет округа складывался из налогов на население. Денежный налог брали с построек, всех видов сельхозпродуктов, скота, птицы и ручного промысла. В среднем с каждого хозяйства ежегодно получалось около 600 руб., кроме того, брали страховку от пожара, но погорельцам компенсация не выплачивалась. Все эти бюджетные средства официально шли на нужды самоуправления и содержание полицейских отрядов, фактически же становясь «вотчиной»

руководства самоуправления и его немецких покровителей. Из свидетельских показаний жителей Локотского округа: «Грабили население все, кто мог, начиная от рядового полицейского и кончая самим Каминским. За время существования бригады Каминского было истреблено только одного рогатого скота 5000 голов, не меньше, плюс к этому уведено в Германию около 4000 голов, не считая свиней, овец и птицы. Скот и птицу главным образом отбирали у семей партизан и лиц, связанных с ними. Обычно когда становилось известно о том, что тот или иной житель деревни находится в партизанском отряде или помогает им, то его семья подвергалась ограблению, забирали все: скот, птицу, продукты и даже одежду. Все вещи, награбленные у населения, хранились в специальном складе у Каминского, который выдавал их своим приближенным».

«Помощь дружественного германского народа»

Руководители Локотского округа считали, что воспитание граждан «новой России» надо начинать со школьной скамьи. Характерно, что для «правильного обучения» в школах Локотского округа из образовательных программ был исключен курс «история», а предмет «география» свелся к изучению природно-климатических условий стран и континентов. Из школьных библиотек была изъята вся общественно-политическая литература.

Руководство Локотского округа уделяло большое внимание агитпропу. С конца марта 1942 года в Локте на базе типографии довоенной газеты «Брасовский коммунар» стал издаваться еженедельник «Голос народа». В газете печатались приказы обер-бургомистра и его заместителя, сводки о положении на фронте, жизни Локотского округа, «борьбе с партизанщиной», публиковались приговоры суда, открытые письма к партизанам с призывом переходить на сторону «новой власти», сообщалось о служебных перемещениях, награждениях и пр. Размещались также статьи о выдающихся деятелях русской культуры – Державине, Островском, Горьком. И в качестве обязательной политической инъекции – передовицы о неизбежности победы Германии над Советским Союзом. Об этом бывшие функционеры Локотского округа подробно рассказали на следствии: «Каминский говорил, что после окончания войны в пользу немцев в России будет создано русское национальное правительство, в котором немцы обещают предоставить нам министерские посты. Каминский даже в своих официальных выступлениях, опубликованных в газете «Голос народа», Локотский округ называл государством. Мы уже тогда воображали, что являемся государственными деятелями будущей «новой России» с фашистскими порядками и законами гитлеровской Германии».

Постепенно Каминский вернулся к идее Воскобойника – образованию политической партии. Немцы на этот раз решили не перечить этой затее – обстановка требовала задабривания коллаборантов. В конце марта 1943 года был сформирован оргкомитет, который приступил к разработке

устава, программы и структуры партийных органов. Программа включала в себя четыре основных положения: «1. Свержение кровавого большевистского строя в России. 2. Создание суверенного государства, объединяющего народы России. 3. Признание за отдельными национальностями России, созревшими к самостоятельному существованию, права на самоопределение. 4. Путем создания в новой России справедливого социального трудового строя ликвидировать искусственно созданную большевиками классовую рознь».

Во введении к программе партии торжественно провозглашалось: «Война с Германией с одной стороны и политика в этой войне сталинского правительства – с другой привели страну к полному обнищанию, к полному уничтожению всех производительных сил страны... В такой тяжелой обстановке приходит к власти Русская Народная национал-социалистическая партия. Она берет на себя ответственность за судьбы Великого Русского Народа и Русского Государства. Она верит, что наша Родина воскреснет и станет цветущей... Она помнит помощь дружественного германского народа, освободившего Россию от варварского сталинского ига, и уверена в дальнейшей помощи великого германского народа с ее испытанной в боях дружественной нам по духу и идеям Народной национал-социалистической партией и ее бессмертным руководителем Адольфом Гитлером».

Членом партии мог стать любой человек, достигший 18-летнего возраста (только не еврей), признающий ее программу, без различия пола, вероисповедания, политических убеждений, социального происхождения и прошлой политической деятельности. Партия строилась по централизованному принципу, высшим органом был съезд, затем – центральный организационный комитет, областные, районные и низовые партийные организации. Бюджет складывался из вступительных и членских взносов.

Впрочем, работа по строительству партии, проводившаяся в Локте, ограничилась принятием программы и устава, поскольку с мая 1943 года Каминский и его подручные готовились к эвакуации – реальность была не на их стороне, надежды на победу Гитлера таяли с каждым днем. Каминский был вынужден переместиться в Лепель, и лишь в октябре 1943 года работа по партийному строительству продолжилась.

С ноября 1943 года после нескольких переименований партия стала называться «Национал-социалистическая трудовая партия России» (НСТПР). В партию в обязательном порядке вступили все руководящие работники самоуправления. Максимальное количество членов НСТПР – 400 человек. Но несмотря на успехи в прогитлеровском партстроительстве и ужесточение внутреннего карательного режима – массовые расстрелы «в связи с активными действиями партизан и частей Красной армии», стали обычным делом, – ситуация менялась не в пользу локотских самоуправленцев. Каминскому и Мосину было о чем беспокоиться.

От Локтя до Праги

О том, как германские пропагандисты оценивали своих противников в СССР, красноречиво свидетельствует попавшая в руки партизан брошюра для занятий с личным составом германской армии «Политические задачи немецкого солдата в России в свете тотальной войны». В разделе «Русский человек» авторы подчеркивали: »Нельзя отрицать талантливости русского народа. Одной из характерных черт русских является выносливость, непонятная для немцев. Русский привык переносить страдания с фанатичным трепетом. Если же чаша переполнена, русский восстает и долгое терпение раздражается с бешеной, безумной силой. Они готовы на жертвы и являются храбрыми бойцами».

Начиная с февраля 1942 года советские самолеты доставляли на партизанские аэродромы Орловской области специалистов по партизанской войне, оружие, боеприпасы, медикаменты, почту, вывозили раненых. В мае 1942 года был создан Центральный штаб партизанского движения, а в июне – Орловский штаб партизанского движения, координировавший деятельность 84 партизанских отрядов и групп (13 804 человек). Кроме того, в населенных пунктах, освобожденных партизанскими отрядами, было организовано 199 групп самообороны (11 900 человек).

Для борьбы с партизанами Каминский сформировал административный отдел, который руководил отрядами полиции. Во всех населенных пунктах, находившихся близи лесных массивов, были созданы полицейские заставы, которые следили за появлением партизан, задерживали их и расстреливали. Задержанными партизанами занимался отдел юстиции Локотского округа. Разработанный специальный кодекс, первоначально состоявший из 45 статей, а затем расширенный до 150, предусматривал для партизан и лиц, связанных с ними, одну меру наказания – смертную казнь.

Командование 2-й германской танковой армии, опасаясь за свой тыл, поставило перед обер-бургомистром задачу очистить леса от партизан и обеспечить охрану тыла и коммуникаций, по которым шло снабжение фронтовых войск. Каминский получил стрелковое вооружение (около 600 винтовок и 60 пулеметов) и боевую технику, немецкое обмундирование, продовольствие по нормам немецких фронтовых частей и денежное содержание.

Наскоро сформированные полицейские отряды и группы самообороны не могли в полной мере решать задачи, поставленные генералом Шмидтом. Летом 1942 года Каминский переформировал все отряды самообороны в 15 стрелковых батальонов, создал кавалерийский эскадрон, зенитный и бронетанковый дивизионы. В январе 1943 года эти подразделения были сведены в пять полков, составивших бригаду РОНА – Русской освободительной народной армии. (Все командиры бригады РОНА обязаны были стать членами НСТПР). Максимальная численность бригады достигла

12 тысяч человек, а на ее вооружении состояли винтовки, автоматы, станковые и ручные пулеметы, орудия и минометы, танки, броневики и автомашины. Для поддержания связи с немецким командованием при бригаде РОНА был создан специальный штаб, который организовывал и контролировал проведение боевых операций в интересах и по прямому приказу германского военного командования.

Каминцы выступали в качестве проводников и разведчиков, наводя карателей на партизанские лагеря и группы ушедших в лес мирных жителей, проводили окончательную зачистку местности. О «самоуправлении» вспоминали все реже и реже – локотские функционеры стали уже незаулавливаемыми подручными гитлеровцев в борьбе против собственного народа.

В документах Центрального архива ФСБ России есть информация о том, что бригада РОНА приняла активное участие в операции «Цыганский барон», когда немецкое командование решило очистить от партизан свои тыловые районы и обезопасить коммуникации в преддверии Курской битвы. Немецкое командование выставило силы, вдвое превышавшие численность партизан. В первую очередь использовались подразделения, обученные ведению боя в лесах и на болотах, а в «подручных» формированиях служили местные жители, хорошо знавшие район предстоящих боевых действий.

Бои шли несколько недель. Партизаны понесли большие потери, но сумели прорвать кольцо блокады. Вместе с ними вышла из окружения часть мирных жителей. Остальные – свыше тысячи человек, в основном стариков, женщин и детей – немцы объявили партизанами и вывезли на станцию Брасово, где был организован лагерь. В дальнейшем некоторые из них были отправлены в Германию, а остальные расстреляны. Всего на территории Брянской и Витебской областей в 1941–1943 годах бригада РОНА уничтожила более 10 тысяч советских граждан, заживо сожгла 203 человека. Гитлеровские пособники полностью сожгли 24 деревни и 7300 колхозных дворов, разрушили 767 общественных и культурных учреждений. Общий убыток составил более 900 млн рублей.

Бригада РОНА испытывала недостаток командных кадров. Каминский неоднократно просил немецкое руководство подобрать ему офицеров из числа советских военнопленных. Но желающих служить немцам было немного. Среди бойцов бригады Каминского все чаще стали появляться лица, осознавшие, что допустили ошибку, поступив на службу к оккупантам. Зимой 1942/43 года на сторону партизан и Красной армии перешло более тысячи человек из бригады Каминского. Часть из них предварительно уничтожила немецкие гарнизоны, склады боеприпасов и вооружения.

В феврале 1944 года бригада стала называться «передовой штурмовой бригадой РОНА». В августе того же года, когда Локотского округа уже не существовало, сводный полк бригады РОНА в количестве 1600 человек принял активное участие в подавлении Варшавского восстания, в ходе которого даже по сравнению с нацистскими формированиями отличился

жестокостью, широким размахом грабежа и убийств. Характерный пример: у каждого бойца сводного полка РОНА после возвращения имелось до 15–20 золотых часов. Зверства сводного полка РОНА под командованием штурмбанфюрера СС Ивана Фролова в подавлении Варшавского восстания 1944 года стали последней каплей, переполнившей чашу терпения даже немецкого командования. Карьера Каминского и его «передовиков» закончилась закономерно: по приказу обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Баха-Зелевского они были расстреляны. Бойцам бригады РОНА сообщили, что они погибли в партизанской засаде.

После этого бригаду РОНА расформировали. С октября 1944 по март 1945 года в районе города Мюнзинген оставшиеся подразделения РОНА были переформированы и включены в состав 600-й дивизии Русской освободительной армии (РОА). В апреле 1945 года 600-я дивизия РОА занимала оборону против наступающих частей Красной армии на западном берегу Одера, в первых числах мая 1945 года была переброшена в местечко Кузоед (Чехословакия), приняла участие в подавлении Пражского восстания, а затем сдалась американцам. Большинство командного состава бригады в дальнейшем было передано в СССР.

Решением Военной коллегии Верховного суда СССР от 30–31 декабря 1946 года Степан Мосин и его единомышленники – руководители карательных подразделений Иван Фролов, Михаил Васюков и Федор Захарцов – были приговорены к расстрелу, остальные – к различным срокам заключения.

Героизация «локотской альтернативы» актуальна лишь для тех, кто, выбирая между Сталиным и Гитлером, выбрал последнего и склонен оправдывать этот выбор. Точку в дискуссии на эту тему поставил Нюрнбергский трибунал.

КОНВОЙ PQ—17

*Публикация в журнале «Морской сборник»
2002 г. № 6*

События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, создание международной антитеррористической коалиции невольно обращают наше внимание на события более чем 60-летней давности. Для победы над общим врагом объединились усилия многих народов, в первую очередь, СССР, США и Великобритании. Взаимная помощь и поддержка позволили выстоять в нелегкой борьбе с фашизмом. Значительную помощь нашей стране, испытывавшей большую потребность в вооружении и технике, оказали страны-участницы антигитлеровской коалиции. Начиная с сентября 1941 г., в северные и тихоокеанские порты СССР стали регулярно приходить морские конвои союзников. На борту судов находились жизненно необходимые для нашей страны вооружение, техника, топливо, продовольствие и медикаменты.

На первом этапе суда из составов конвоев практически не встречали противодействия со стороны германских ВВС и флота. Однако с весны 1942 г. обстановка на Севере резко изменилась. Северные союзные караваны стали подвергаться систематическим нападениям противника и нести в Баренцевом море потери. Ритм доставки грузов по северному маршруту начал нарушаться. Трагически сложилась судьба союзного конвоя PQ-17, следовавшего в начале июля 1942 г., в разгар полярного дня, в Архангельск. Оставшийся фактически без прикрытия, караван стал легкой добычей гитлеровской авиации и подводных лодок. Из 36 торговых судов, вышедших из Исландии под английским, американским и советским флагами, в Архангельск пришли только 11, остальные были потоплены или вынужденно вернулись обратно. О том, что происходило в пути следования, написано много книг, статей, очерков, сняты документальные и художественные фильмы.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют архивные документы того времени. Подготовленные по «горячим следам», они точно и ярко раскрывают трагедию конвоя PQ-17. В России и за рубежом опубликовано много таких документов, как из архивов военных, так и гражданских ведомств. Большую ценность для исследователей имеет совокупность материалов по истории конвоя, так как вместе они могут дать цельную картину того, что

произошло в июле 1942 г. на Севере. На страницах «Морского сборника» читателям предоставляется возможность ознакомиться с докладной запиской наркому внутренних дел СССР Л.П. Берии начальника УНКВД СССР по Архангельской области Малькова¹, подготовленной 6 августа 1942 г. Этот документ по распоряжению секретариата наркома в течение десяти дней был доложен начальникам трех управлений – особых отделов (военная контрразведка) В.С. Абакумову, 2-го (контрразведка) – П.В. Федотову и Транспортного – И.Ф. Пронину.

Документ хранится в фонде секретного делопроизводства Центрального архива ФСБ России (Ф. 3, оп. 9, д., 90–91, л. 86–100) и публикуется впервые. Со своей стороны, надеемся, что он заинтересует исследователей истории флота, поможет более полно осветить вопросы, связанные с трагедией конвоя RQ-17. При публикации сохранены стиль и орфография оригинала, исправлены только явные опечатки, затрудняющие восприятие текста.

О следовании и прибытии в гор. Архангельск каравана иносудов № 17

По агентурным и официальным данным, нами выявлено, что формирование и отправка каравана № 17 из Исландии в СССР не являлась секретом для портовых жителей Исландии. Последние были осведомлены о сроке выхода каравана, о количестве грузовых и военных судов и какие грузы отправляются в СССР. Все это позволило немецкой разведке в Исландии своевременно передать необходимые данные о караване и, как факт, за несколько дней до выхода каравана из Исландии, разведкой Северного флота и БВФ в Баренцевом море отмечено появление большого количества подводных лодок и активность разведывательной авиации противника.

Штабу БВФ о выходе из Исландии в Архангельск каравана № 17 стало известно от старшего морского офицера английского флота в гор. Архангельске капитана Монд. 19 июня сего года Монд сообщил, что в Исландии для отправления в СССР подготовлено 35 транспортов, кроме того, подготовлено ещё 9 транспортов, на случай если какой-либо из намеченных к отправке транспортов по тем или другим причинам выйдет из строя. 24 июня с.г. капитан Монд в адрес командующего БВФ вице-адмирала Степанова² сообщал, что по полученным им данным, эскорт 17-го каравана будет состоять из следующих кораблей: 4 противолодочных траулера, 6 эсминцев, 4 корветов, 1 подводной лодки, 3 кораблей ПВО, 3 спасательных судов. Кроме того, прикрывающие силы будут состоять из крейсеров: английских «Лондон», «Нордфольк» и американских: «Вичета», «Тускулуза», также 3 эсминцев. Дополнительно прикрытие будет состоять из: английского линкора «Дьюк Оф Йорк», американского линкора «Вашингтон», авианосца «Викториос», крейсеров «Нигерия» и «Комборленд», а также 9 эсминцев. 27 июня 1942 г. караван в составе 36 торговых судов, под флагами: английским, американским и советским, трех спасательных судов, одного военного бункерного танкера и 14 сопровождающих военных кораблей, из Исландии

вышел в Советский Союз. Вскоре после выхода из Исландии три торговых парохода по неизвестным причинам вынуждены были возвратиться обратно.

В течение 5 дней караван шел до Медвежьего острова в полном порядке по намеченному курсу, а 1 июля в 10 час. утра недалеко от Медвежьего острова был замечен немецкий разведывательный самолет. 2 июля разведывательный самолет появился снова, и вечером того же дня был произведен первый налет 3–4 немецких воздушных торпедоносцев «Фоккер Вульф», которые пикируя сбросили несколько торпед. В результате этого налета был потоплен п/х «Вильям Хупер», на котором находился груз в количестве 8400 т.

3 июля вечером караван снова был атакован немецкими подводными лодками (количество их не установлено), но эта атака не причинила шедшему каравану никакого ущерба. 4 июля в 14 час. дня у северной части Медвежьего острова на караван судов снова был произведен воздушный налет в составе 7 самолетов «Фоккер Вульф» и в 18 час. этого же дня налет был повторен, во время которых были потоплены пароходы: «Наварко» с грузом 2237 т и «Даниэль Мур» с грузом 8144 т. После этого налета по распоряжению командора, получившего приказание от адмиралтейства, караван рассредоточился группами, с заданием самостоятельно следовать в порты назначения или порты укрытия. Сопровождавший караван эскорт, дойдя до Медвежьего острова, повернул обратно и ушел по направлению к Исландии.

Наличие такого распоряжение английского адмиралтейства подтверждается следующими документами, поступившими в штаб БВФ от капитана Монд.

1. Эскорту... 17 .. 67 Главнокомандующему Британским флотом 116. От Адмиралтейства. Ввиду угрозы со стороны подводных кораблей противника конвою необходимо рассредоточиться и следовать в русские порты.

2. ... 47 от Адмиралтейства. Передаю повторение моего 2112/4, адресованного... главному отечественного флота... 47 от Адмиралтейства. Крейсерам уходить на запад на большой скорости.

Об уходе эсминцев эскорта конвоя видно из следующего документа, поступившего от капитана Монд на имя командующего БВФ от 7 июля: «На основании имеющихся сведений можно заключить, что эсминцы эскорта 17 получили приказание возвратиться в Скапа Флоу».

Таким образом, эсминцы эскорта и тяжёлые корабли по распоряжению английского адмиралтейства из состава охранения конвоя 4 июля ушли на запад. Транспорты конвоя и оставшийся эскорт также по распоряжению английского адмиралтейства рассредоточились и пошли самостоятельно без охраны от подводных и воздушных сил противника.

13 июля 1942 г. капитан Монд в документе, адресованном адмиралтейству, старшему британскому офицеру на Севере России, командующему британской флотилией адмиралу Майлс, старшему британскому офицеру в Исландии, пишет: «В 20:30 (местного времени) 4 июля конвою приказано разойтись в точки 76° 00" широты 27° 14" долготы. Трудно сказать, что произошло после этого, так как конвой разбился на отдельные суда или небольшие группы, но ясно, что подлодки были готовы к такому стечению обстоя-

ятельств и поддерживались авиацией, на долю которой досталась большая часть не эскортируемых судов».

Каких-либо данных, говорящих о том, чем вызвано распоряжение английского адмиралтейства об отзыве тяжелых кораблей и эсминцев из состава охранения каравана, в нашем распоряжении нет, но о выходе немецкой эскадры для действий против каравана № 17 английское адмиралтейство знало, это видно из приказа о рассредоточении каравана и приказа командующего Северным флотом вице-адмирала Головки³ от 5 июля сего года, где указано: «что, по данным английской разведки, корабли противника: «Тирпиц», «Шер», «Люцев», «Хиппер» в сопровождении эсминцев 3 июля в 14 час. вышли для действий против конвоя № 17. По тем же данным, обнаружено 10 подводок противника к востоку от Медвежьего острова».

5 июля сего года в 18 час.05 мин. на 71° 21" широты и 27° 00" долготы подводная лодка Северного флота торпедировала двумя торпедами немецкий линкор «Тирпиц», вследствие чего, по данным радиоразведки Северного флота и БВФ, немецкая эскадра ушла в норвежские порты. Английские же военно-морские силы, не вступив в боевое соприкосновение с эскадрой противника, оставили конвой.

Также совершенно не ясно, чем вызвано распоряжение английского адмиралтейства о рассредоточении каравана, так как даже при наличии оставшегося охранения в составе: 2 кораблей, 3 противолодочных траулера, 4 тральщиков, 3 корветов, которые пришли на Новую Землю, а затем в Архангельск, можно было оказать серьезное сопротивление подводным лодкам и авиации противника. По данным радиоразведки Северного флота и БВФ, против разрозненных групп и отдельных транспортов каравана действовало до 16 подводных лодок противника, а также значительное количество авиации, доходившее в отдельных налетах до 40 самолётов.

В результате, оставшись без охраны, небольшие группы судов и отдельные суда явились хорошим объектом для нападения неприятельской авиации и подводных лодок, при дальнейших атаках неприятеля караван № 17 понес значительный урон. По официальным и агентурным данным, из каравана № 17 потоплено 21 судно. Таким образом, из общего количества тоннажа, шедшего с грузом, 167 010 т доставлено только 56 012 т или 29,9%.

В Архангельском и Молотовском портах на 30 июля находится 11 торговых пароходов, из них 7–9 июля прибыли: 1. «Ошенфриден» с грузом – 2830 т; 2. «Белленген» – 5815 т; 3. «Самуэль Чейз» – 8228 т; 4. «Донбасс» (танкер) – 8500 т.

26–30 июля прибыли: 1. «Азербайджан» (танкер) с грузом – 7600 т; 2. «Бенджамен-Хариссон» – 6600 т; 3. «Вильстон Салем» – 7500 т; 4. «Айрон Кленд» – 4972 т; 5. «Сильф-Форд» – 4895 т; 6. «Трубадор» – 5543 т; 7. «Эмпаер-Тайд» – 1129 т. До настоящего времени точно не установлено, где находится п/х «Карлтон» с грузом 4862 т.

Старший военно-морской офицер в гор. Архангельске капитан Монд, разбирая в беседе с уполномоченным Наркомвнешторга Герасимовым

причины серьезных потерь караваном № 17, возложил всю вину на преждевременное решение английского адмиралтейства, последовавшее 4 июля 1942 г. об отзыве конвойных судов от каравана и приказание капитанам торговых судов рассыпаться поодиночке, самостоятельно защищая себя имеющимся вооружением, а также следовать в порты назначения или укрытия. В этой же беседе капитан Монд подверг резкой критике военно-морские власти Англии, при этом заявил, что: «Эта грязная операция войдет в историю как черная страница на совести английского военно-морского флота. Временами хочется сказать, как мне стыдно перед лицом английских морских офицеров носить их звание».

Капитан американского парохода «Минотавр» Свиной в беседе с нашим агентом по вопросу о потерях каравана № 17 заявил: «Охранять караван взялись, как и прежде, англичане, а не американцы, и они дали явно недостаточную охрану против воздушных нападений. С каждым новым караваном потери увеличиваются. Так, например, в караване № 15 были потеряны 3 судна, в караване № 16 – 7 судов и в последнем – 21 судно.

Это говорит о том, что разведка врага стала работать лучше, а у союзников, видимо, увеличилась утечка секретных сведений. Откуда происходит эта утечка – из Лондона, Мурманска или Архангельска – сказать трудно, но она, несомненно, есть. Англичане вообще очень медлительны и неоперативны. Этим надо объяснить плохую организацию охраны караванов. По возвращении в Америку, капитаны американских судов будут протестовать перед своим правительством против столь плохой охраны караванов и будут требовать участия американской охраны для последующих караванов».

В связи с такими большими потерями судов среди англичан и американцев, находящихся в Архангельске, создается мнение о бесцельности дальнейшей посылки караванов этим путем. Помощник старшего военно-морского офицера в Архангельске Говард в беседе с агентом заявил: «Англия и Америка очень хотят помочь России, но если будет гибнуть так много судов, то посылка их в дальнейшем бесполезна». Секретарь американской миссии в Архангельске Мак Гиннис в беседе с агентом заявил, что «если не будет усилена защита караванов, то очевидно посылка их будет прекращена, так как процент гибнущих судов слишком велик».

Имея в своем распоряжении агентурные материалы о поведении команд отдельных союзных и советских торговых судов во время столкновения с подводными и воздушными силами противника, следует отметить, что:

17 июля с.г в 21 час. 40 мин. при налете самолета противника на стоящие в проливе Маточкин Шар суда каравана команда американского п/х «Айрон Клед» спустила шлюпки, набрала продукты и покинула судно, тогда как в это судно попаданий не было и оно находилось у берега под охраной нашего и английского кораблей и береговой батареи.

Американский п/х «Вильстон Салем», дойдя до бухты Литке (Новая Земля), сел на мель, команда покинула судно, предварительно приведя в негодность материальную часть вооружения. Только после вмешательства

Героя Советского Союза полковника Мазурука, который прибыл на место катастрофы на самолете, команда обратно возвратилась на судно.

Также установлено, что после потопления того или другого судна, к находящимся на шлюпках командам подходили подлодки или гидросамолеты противника, где производили выяснения, какое судно потоплено, какой был груз и т.д. В отдельных случаях противником брались пленные, так, например: на судне «Эмпайр Байрон» в СССР направлялся капитан танковых войск английской армии Ремингтон, который, по его словам, имел чертежи новых английских танков «Черчилль» для доставки их в СССР. Ремингтон был взят в плен подлодкой противника из спасательной шлюпки. По данным английской военно-морской миссии в Архангельске, капитан английского флота Дженсон также взят в плен немецкой подлодкой.

Советский танкер «Донбасс» мужественно и умело отбивал атаки вражеской авиации. В то же время на танкере имел место факт трусости и паники. 7 июля находясь на подходе к горлу Белого моря, радистом Платовым без разрешения капитана судна дана радиограмма бедствия, тогда как это не вызывалось необходимостью. Радиограмма передана открытым текстом и могла быть перехвачена противником. По этому вызову из Иоканьгской базы БВФ на помощь «Донбассу» вышел СКР-30, который на пути следования подвергся атаке 18 самолетов противника, в результате чего корабль получил серьезные повреждения. Водный отдел НКВД в Архангельске по этому факту проводит расследование для привлечения виновных к ответственности.

Танкер «Азербайджан» имел торпедное нападение, своим ходом прибыл в Архангельск. После атаки и повреждения часть команды этого судна струсила и высадилась на шлюпке, в числе которых есть военнослужащие из военной команды. По этому факту расследование проводит Архангельский погранотряд, так как военная команда «Азербайджана» состояла из числа пограничников.

Одновременно установлено, что прием и обслуживание прибывшего в гор. Архангельск каравана № 17 со стороны морского штаба Северной флотилии были организованы неудовлетворительно. 16 июля с.г. капитан Монд при посещении уполномоченного Наркомвнешторга Герасимова зам. наркома внешней торговли Степанова в беседе с ними возмущался нерадивым отношением морского штаба Северной флотилии к обслуживанию иносузов, привел следующие примеры:

1. В Архангельский порт ожидалось прибытие 6 военных кораблей для пополнения запасов бункерного топлива, в связи с чем капитан Монд запросил морской штаб, где и в какой мере будут снабжены топливом прибывающие суда английской флотилии, и получил ответ, что для этой цели подготовлен советский п/х «Буг», который должен снабдить топливом прибывающие военные корабли. На вопрос Монда, сколько находится бункерного мазута на «Буге», он получил ответ, что мазута имеется 1800 т. Удовлетворенный этим ответом, капитан дал указание уже входящим к этому времени

в порт английским военным кораблям подходить поочередно к «Бугу» для bunkерного топлива. Через некоторое время капитан Монд получил сообщение от командира первого подошедшего к «Бугу» корабля сообщение о том, что на «Буге» имеется всего 80 т бункерной нефти. Говоря об этом случае, Монд заявил, что вполне ясно для каждого, к чему могло привести, если бы прибывающие суда шли бы в порт исключительно за бункером, с тем, чтобы немедленно выйти в море для выполнения боевых операций, выход которых в море был бы сорван морским советским штабом только потому, что там не знают, что в километре от них стоящее советское судно для снабжения военных судов вместо 1800 т бункера имеет на борту всего лишь 80 т.

2. Командир соединения английских военных судов капитан Кромби получил распоряжение срочно выйти в море для встречи в определенном секторе с советским танкером «Донбасс» и принять его под защиту от оперирующих в районе горла Белого моря германских подводных лодок. Выход в море был назначен на 18 час. 30 мин. Утром этого же дня капитан Монд обратился в штаб флотилии к капитану 2 ранга Блинову о предоставлении катера к 17 час. для доставки капитана Кромби на борт военного корабля, стоявшего у острова Бревенник и получил заверение от капитана Блинова о том, что доставка капитана Кромби будет обеспечена катером «Ш-3» ровно в 17 час. Однако катер был предоставлен с большим запозданием, в связи с чем выход соединения военных кораблей был задержан на 2 часа. В результате танкер «Донбасс», уже атакуемый с воздуха, был принят под защиту военных кораблей с большим опозданием и если бы задержка, как пояснил капитан Монд, в предоставлении катера затянулась еще на некоторое время, танкер «Донбасс» мог быть потоплен. Подоспевший военный корабль своевременно потопил подводную лодку.

С 10 июля 1942 г. в гор. Архангельск начали прибывать спасенные моряки погибших английских и американских судов. На 1 августа 1942 г. прибыло 1147 чел., которые размещены следующим образом: 1. Гостиница «Интурист» – 525 чел.; 2. Общежитие школа № 4 – 353 чел; 3. Общежитие школа № 49 – 145 чел. На излечении в трех госпиталях города находится 124 чел. Организация обслуживания торговых иноморяков возложена на уполномоченного внешторга Герасимова, который осуществляет это через аппарат «Интурист».

Некоторое недовольство среди иноморяков было проявлено в связи с тем, что первые пять дней их одели в нижнее белье и халаты, так как верхней одежды не было, а их была отправлена на дезинфекцию. Будучи совершенно здоровыми, они тяготились госпитальным режимом, уходили без разрешения из помещения и бродили по улицам города в белье и халатах. Помощник старшего военно-морского офицера в Архангельске Говард, высказывая свое возмущение по этому вопросу, заявил: «Если бы русские моряки были спасены в море и доставлены в Англию или Америку, их бы немедленно одели в хорошие костюмы и даже дали бы по чемодану со всеми необходимыми вещами, а здесь наши спасенные моряки ходят оборванные,

в нижнем белье и халатах, и о них нет никакой заботы. Настроение у команд, спасенных с погибших кораблей, очень плохое, матросы не имеют костюмов, у них очень мало сигарет, кормят их неудовлетворительно».

Установлен ряд случаев невольного и преступного отношения иностранных команд к советским морякам, а также факты прямого саботажа команд пароходов при разгрузке их в Архангельском порту. Так, например:

1. Среди моряков, спасшихся с голландского судна «Пауль-Портер», плавающего под английским флагом, прибывших на шлюпках к безлюдным берегам Новой Земли, было 8 советских моряков с п/х «Киев». Подойдя к берегу, 3 человека советских моряков во главе с помполитом Войковым пошли на разведку местности. В это время голландцы по команде третьего штурмана Ван-дер-Линдена отошли от берега на шлюпках в море, несмотря на просьбы оставшихся 3 чел. советских моряков подождать ушедших и взять их в шлюпки. Все же штурман Ван-дер-Линден не принял во внимание просьбу, и советские моряки остались на берегу без продуктов питания и одежды. На поиски оставшихся моряков тов. Папаниным послан специальный самолет для розыска и спасения этих моряков.

2. В Молотовский порт 14 июля подошел американский п/х «Самуэль Чейз» с грузом для разгрузки. Капитан этого пароход Мартин (бывш. береговой лоцман малого каботаж в возрасте 65 лет) 15 часов не разрешал приступать к разгрузке судна, мотивируя тем, что команда в пути слишком устала. Когда на судно явилась комиссия погранотряда и таможни, тогда капитан проявлял недовольство комиссии, заявил, что он считает незаконным, когда к нему, как к представителю союзников, являются за каким-то осмотром и не дают ему отдохнуть. После этого в знак протеста на два часа закрыл пар, не давая его в лебедки. Вследствие чего разгрузка была приостановлена.

В течение 4 дней работы по разгрузке судна до 20 июля капитан несколько раз приостанавливал разгрузку судна, выключая пар и все судовые механизмы, прибегая к этой мере по несколько раз в день, не имея на это никаких причин. При малейшем поводе, как например, кто-либо крикнул громко на судне, капитан предъявляет ультиматум к властям порта, что его нервуют криком и стуком на судне и приводит в действие свой ультиматум, прекращая разгрузку судна. Так, в течение дня он выключал пар 3 раза. В итоге на судно был вызван для урегулирования спорных вопросов представитель английской миссии. При выгрузке с судна стальных цельнотянутых труб и в связи с тем, что они 14 м длины, подведенный кран поднять ношу этих труб высоко не может, по халатности крановщиков, концами труб была задета судовая шлюпка и в борту ее сделана вмятина. В связи с этим капитан остановил разгрузку судна на 5 час. и согласился продолжать ее тогда, когда вмятина в шлюпке была исправлена.

Среди иноморских судов торговых судов имеются также лица, резко антисоветски настроенные. Последние проводят пропаганду о якобы идущих каких-то тайных переговорах между Советским Союзом и Германией.

Считаю необходимым отметить, что между американскими и английскими моряками наблюдаются трения, доходящие до отдельных конфликтов. Первые резко высказываются по поводу того, что англичане, по их мнению, хитрят и думают только о собственной шкуре и прибыли. Они также заявляют, что когда их суда конвоируются русскими, они спокойны, англичанам же они не доверяют, так как англичане трусливы и предатели по своей натуре. Рядовые английские моряки весьма резко высказываются о руководителях своего правительства. Учитывая большое количество иноморяков в Архангельской области, последние посещают частные квартиры и учреждения и завязывание знакомства с советскими гражданами, нами проводятся агентурно-оперативные мероприятия. [...]

В качестве своих предложений считал бы необходимым поставить перед вами вопрос об организации на острове Новая Земля военной базы, в число которой должно входить некоторое количество авиации и военных кораблей. Как показал опыт 17 конвоя, многие транспорта при активных действиях противника нашли себе укрытие на острове Новая Земля. Учитывая, что транспорта и последующие конвои в трудных условиях, очевидно, будут пользоваться заливами Новой Земли или проходить вблизи ее, появляется срочная необходимость иметь там нашу авиацию и военные корабли. Вследствие организации вышеуказанных мероприятий, будут прекращены безнаказанные действия противника, как это имело место 27 июля 1942 г., когда в губу Кармакулы вошла подводная лодка противника и артогнём обстреляла берег, а оказать какое либо сопротивление противнику было нечем.

Начальник Управления НКВД по А[рхангельской] о[бласти]
майор государственной безопасности Мальков.

6 августа 1942 г.
№ 3/1790

¹ Мальков Павел Михайлович (1904–1983) – сотрудник советских органов безопасности. Генерал-майор (1945). Участник событий на Халхин-Голе. Советник НКВД СССР при МВД Монгольской народной республики (1939–1941). Зам. начальника 2-го отдела 1-го Управления НКГБ СССР (март–июль 1941), начальник УНКВД по Архангельской области (июль 1941 – август 1943). Офицер для особых поручений при наркome внутренних дел СССР (сентябрь 1943 – апрель 1944). Начальник УНКВД по Ивановской области (1944). Начальник оперсектора НКВД в Берлине, начальник отдела СВАГ (1945–1948). Зам. начальника УМВД по Челябинской области (1948–1951). Зам. министра внутренних дел Уз ССР (1951–1953). Зам. начальника УМВД по Ленинградской области (июнь–август 1953). В распоряжении МВД СССР (август –ноябрь 1953). Зам. начальника управления Камышового лагеря МВД по оперработе (1953 –1954). Уволен по сокращению штатов в декабре 1954 г.

² Степанов Георгий Андреевич (1890–1957) – советский военачальник. Вице-адмирал (1940). Командующий Беломорской военной флотилией (1941–1943). Начальник Главного морского штаба (1943). Начальник Управления военно-морских учебных заведений ВМФ (1944–1953).

³ Головоко Арсений Григорьевич (1906–1962) – советский военачальник. Адмирал флота (1944). Командующий Северным флотом (1940–1946).

ОПЕРАЦИЯ «ДОЛИНА»

*Статья в журнале «Воинское братство»
2012 г. № 3 (76)*

Отечественная контрразведка провела немало успешных операций. Одной из них стала операция «Долина», связанная с подготовкой и проведением в феврале 1945 г. конференции в Крыму, где во дворце «Ливадия» состоялась встреча руководителей СССР, США и Англии (Сталина, Рузвельта и Черчилля). Предложение о второй личной встрече (первая проходила в 1943 г. в Тегеране) Рузвельта со Сталиным родилось в мае 1943 г., когда посол США в СССР А. Гарриман находился в Америке и вёл консультации с Рузвельтом о дальнейших направлениях американской внешней политики.

Рузвельт поручил Гарриману согласовать со Сталиным место и время встречи, возможно, на Аляске, примерно равноудалённой и от Москвы, и от Вашингтона. Вернувшись в Москву в июне, Гарриман проинформировал Сталина о предложении американского президента.

Сталин достаточно долго раздумывал и в октябре сообщил Рузвельту, что может встретиться с ним и Черчиллем на Черноморском побережье. Рузвельт просил, чтобы место встречи было перенесено в Средиземноморье – на Кипр, Мальту или в Афины. Однако Сталин настаивал на Черноморском побережье. Рузвельт предлагал избрать для встречи Александрию, Иерусалим или Афины. Из-за слабого здоровья ему хотелось, чтобы это было географическое место с тёплым климатом. Кроме того, поездка Сталина в Средиземноморье по расстоянию уравновесила бы предыдущую поездку Рузвельта в Тегеран. Но Сталин стоял на своём: он даже сообщил Рузвельту, что его врачи не рекомендовали ездить в Средиземноморье. Столкнувшись с таким упорством и желая произвести благоприятное впечатление на Сталина (тому были особые мотивы), Рузвельт согласился встретиться в Ялте. Тем временем встал вопрос о конкретном месте в Крыму, где можно было принять высоких гостей. 3 января 1945 г. Сталин вызвал к себе Л. Берия и поручил ему подобрать и подготовить необходимые помещения для проведения важного международного форума.

Берия в тот период был не только наркомом внутренних дел СССР, но и заместителем председателя ГКО, что давало ему широкие полномочия. Он энергично взялся за решение поставленной задачи, срочно направив в Крым двоих своих заместителей С.Н. Круглова и Л.Б. Сафразьяна¹ с целью личного осмотра зданий Ялтинского района и определения их пригодности для проведения конференции. Одновременно с ними Берия направил в Крым и начальника 2-го (контрразведывательного) управления НКГБ² П.В. Федотова, который должен был организовать обеспечение безопасности проведения Крымской конференции. За два дня, 4–5 января, Круглов, Сафразьян и Федотов объехали всё Южное побережье Крыма. Они осмотрели десятки зданий, в том числе бывшие санатории «Золотой пляж», «Курпаты» и «Кичкене», в которых, по мнению наркома внутренних дел Крымской АССР Сергиенко, можно было проводить конференцию.

Впечатление от увиденного у московских гостей было удручающим. После освобождения летом 1944 г. Крыма от немецких и румынских оккупантов практически все здания санаториев, культурно-просветительских учреждений, музеев и дворцов были разграбленными и полуразрушенными. В период оккупации в них размещались германские дома отдыха, штабы воинских частей. Отступая, оккупанты растащили всю обстановку, сняли и вывезли с собой мебель, картины, ковры, ценные скульптурные произведения, они даже ободрали материю с внутренних стен дворцов, сняли медные предметы, включая дверные ручки и шпингалеты.

6 января Круглов сообщил в Москву по закрытой ВЧ-связи Л. Берия о том, что из всего, что они осмотрели, пригодными для проведения конференции могут быть, при условии проведения в них ремонта: бывший санаторий «Ливадия», расположенный в 4 км от Ялты (трёхэтажное здание, 50 комнат); дворец Воронцова-Дашкова (дворец-музей – двухэтажное каменное здание общей площадью 1750 кв. метров с подвалом, парадным выходом к морю и подъездом) и бывший дворец Юсупова (каменное трёхэтажное здание). Положительным фактором в выборе именно этих зданий являлось то, что они располагались на расстоянии от 21 до 10 км друг от друга и были связаны между собой шоссейной дорогой.

До начала конференции оставалось менее месяца, а фактический срок общей готовности Сталин определил жёсткий – 27 января. Отсутствие в Крыму самых необходимых строительных материалов, угля, мебели, посуды, постельных принадлежностей, трудности их доставки на полуостров (горные дороги, дожди, туман, обледенение на перевалах) – всё это, казалось, делало задачу невыполнимой. Однако в условиях военного времени ни у кого и мысли не возникло вступить в дискуссию со Сталиным о возможности или невозможности выполнения его указаний.

Ответственными за производство ремонтных работ по всем трём объектам был назначен Сафразьян, за организацию контрразведывательной

работы, охрану объектов и трассы – Федотов и генерал-лейтенант Петров (НКВД). Общее руководство было поручено Круглову.

Для размещения американской делегации был выбран дворец «Ливадия» (там же планировалось проведение конференции); советской – дворец Юсупова, английской – дворец Воронцова.

Уже 6 января туда было переброшено 2 тысячи 200 рабочих. На каждом объекте был назначен комендант из числа старших офицеров контрразведки, а также начальники строительных участков и ответственные за оборудование объектов, которые ежедневно в 24 часа совместно прибывали к Круглову с рапортом о проделанных строительных работах за истекшие сутки.

Объём работ был огромным. В первую очередь строители отремонтировали систему отопления и начали просушку зданий. Главснабуголь морем перевёз в Ялту 500 т высококачественного угля и 100 т кокса, а Главлесоснаб выделил из скудных местных ресурсов 1 тысячу 500 кубометров дров. Наркомат обороны направил в Крым 100 грузовых автомашин с необходимым обслуживающим персоналом и горючим и в течение двух суток переместил из корпусов в «Ливадии» 600 раненых в другие имеющиеся в Крыму госпитали.

Из Москвы эшелонами в Крым отправлялись мебель, ковры, дорожки, кухонная посуда и дорогостоящие сервизы и, конечно же, продовольствие. Для обеспечения продовольствием на месте были созданы запасы живого скота, дичи, различных продуктов и напитков, оборудована специальная хлебопекарня, организована ловля свежей рыбы, поставка вин и фруктов. 8 января началось отопление всех объектов, на них были завезены по две электростанции мощностью 60 киловатт. Началось строительство бомбоубежища, рассчитанного на защиту от прямого попадания 500-килограммовой бомбы, для чего доставили 50 т цемента. К 12 января на все объекты были завезены и распакованы мебель, ковры и картины, доставлены и подготовлены к использованию вся столовая и кухонная посуда, постельное бельё. С 25 января был введён режим полной светомаскировки, проведена подготовка к местной противовоздушной обороне.

Пока строители вели ремонтно-восстановительные работы, главный контрразведчик страны П.В. Федотов приступил к организации контрразведывательной работы на Крымском полуострове. Задача была не из лёгких. Самым важным представлялось организовать координацию действий и своевременный обмен информацией между контрразведывательными, разведывательными и оперативными подразделениями различных ведомств, находившимися на территории Крыма: НКГБ и НКВД Крымской АССР, Главным управлением контрразведки (ГУКР) «Смерш» НКО, Отделом контрразведки «Смерш» Отдельной Приморской армии, Управлением контрразведки (УКР) «Смерш» НКВМФ, Отделом контрразведки «Смерш»

Черноморского флота. Отделами контрразведки «Смерш» НКВД. Перед контрразведчиками стояли задачи по гарантированию безопасности кораблей (в том числе иностранных) на Севастопольской военно-морской базе и в Ялтинском порту; аэродрома Саки и базировавшихся на нём самолётов (в том числе иностранных), а также организация контрразведывательной работы и введение жёсткого административного режима на всей территории Крыма. Необходимо было обеспечить своевременное поступление информации из всех подразделений контрразведки о реальных или потенциальных угрозах безопасности проведения конференции, а главное – не допустить проведения в Крыму диверсионно-террористических акций, любых чрезвычайных происшествий, которые могли оказать негативное влияние на общую атмосферу международной встречи.

Комплекс согласованных организационных и контрразведывательных мероприятий по подготовке и обеспечению безопасности Крымской конференции получил наименование операция «Долина», результаты работы по которой регулярно докладывались лично Сталину.

Для исключения параллелизма в работе многочисленных контрразведывательных подразделений весь район, где намечалось проведение конференции, разделили на пять оперативных секторов. В каждый сектор был назначен руководитель из числа высокопоставленных офицеров контрразведки или НКВД. Первый сектор обеспечивал охрану участка аэродром Саки – Симферополь (руководитель сектора – заместитель наркома гос-безопасности Крыма Ходжаев); второй сектор – город Симферополь (нарком внутренних дел Крыма Сергиенко); третий сектор – Симферополь – Алушта (нарком гос-безопасности Крыма Фокин); четвёртый сектор – Алушта – Ялта – Байдарские ворота (заместитель начальника 4-го управления НКГБ Какучая); пятый сектор – Байдары – Севастополь (нарком госбезопасности Абхазской АССР Гага). Зона ответственности каждого оперативного сектора охватывала территории, прилегавшие к шоссе и дорогам в радиусе 20 км.

В распоряжение П.В. Федотова из центрального аппарата НКГБ СССР прибыло более 70 опытных руководителей и сотрудников контрразведывательных подразделений, а также несколько десятков руководящих и наиболее опытных оперативных сотрудников ГУКР «Смерш» НКО и УКР «Смерш» НКВМФ. К 15 января в Крым из Грузинской ССР, Кабардинской АССР Северной Осетии, Краснодарского и Ставропольского краёв, Ростовской и Грозненской областей прибыло около 800 сотрудников контрразведки, имевших опыт ведения агентурной и оперативно-разыскной работы. Все они сразу же распределялись по секторам и без промедления начинали работать. Перед сотрудниками контрразведки и органов внутренних дел была поставлена задача «очистки районов, городов и населённых пунктов, примыкавших к трассе, от антисоветского и подозрительного элемента». Особое внимание обращалось на «очистку Симферополя, Ялты, Алушты, Гурзуфа, Ливадии, Кореиза, Симеиза, Алупки, Севастополя и Саки».

К 18 января были вывезены все военнопленные, находившиеся в районах, прилегающих к трассе Симфе-рополь – Ялта – Севастополь. С 20 января был запрещён выход в море рыболовецких судов и лодок в прибрежной зоне от Ялты до Симеиза. К этому дню «зачистка» местности была в основном завершена. Были проведены аресты «активного антисоветского элемента, удаленные из пределов зоны специальных объектов и населённых пунктов в районе трассы, тех контингентов, в отношении которых хотя и не имелось достаточных оснований для ареста», но они являлись «подозрительными по антисоветской работе и по связям с разведывательными органами противника». Такие «подозрительные лица» были направлены в командировки, призваны на работу по трудовой повинности, вызваны на призывные пункты райвоенкоматов и задержаны там до окончания работы конференции.

За пределы охраняемой зоны были временно передислоцированы 87-я дивизия и штрафные части моряков. В каждом из секторов вводилась собственная система пропусков, имевшая не только свою систему защиты, но и свои, легко обнаруживаемые осведомлёнными контрразведчиками признаки подделки. В городах Ялте, Севастополе, Саки, Сарабузе, Алуште, Алушке, Балаклаве и Бахчисарае был введён жёсткий административный режим, велась повсеместная проверка документов, особенно в местах массового скопления людей: на вокзалах, станциях, рынках, объектах проведения зрелищных мероприятий. Под особым оперативным контролем контрразведчиков находились населённые пункты, где в период оккупации Крыма дислоцировались подразделения германских и румынских разведывательных органов и разведывательные школы противника: Симферополь, село Тавель Симферопольского района, город Евпатория и посёлок Симеиз. И не напрасно. В первой половине января сотрудники контрразведки выявили и арестовали несколько агентов германской и румынской разведок. Среди них были: военнослужащий Черноморского флота, прошедший обучение в Симеизской разведшколе военно-морской разведки Германии, агент германской разведки, прошедший обучение в Тавельской разведшколе, и другие. По их показаниям удалось организовать розыск ещё десяти агентов, окончивших разведшколы противника.

Всего органами контрразведки и внутренних дел, по данным Центрального архива ФСБ, было проведено 287 облав, проверок документов в поездах, на вокзалах и пристанционных посёлках, подвергнуты проверке 67 тысяч 267 человек, задержано 324 человека и арестовано 197 человек. Сотрудниками органов госбезопасности и внутренних дел было изъято: 267 винтовок; 1 пулемёт; 43 автомата; 49 пистолетов; 283 гранаты и 4 тысячи 186 патронов.

С 9 по 25 января все три дворца и прилегающая к ним территория были тщательно обследованы сапёрами 118-го гвардейского Ялтинского отдельного сапёрного батальона Отдельной Приморской армии, минёрами 355-го отдельного инженерного батальона Черноморского флота

и минёрами МПВО Крыма. Они не обнаружили следов минирования минами замедленного действия и минами-сюрпризами, однако нашли, как свидетельствуют архивные данные, 43 артиллерийских снаряда, 9 ручных гранат, 8 миномётных мин, 21 прыгающую мину и 1 реактивный снаряд.

Для контрразведывательной работы на участках трассы Саки – Симферополь, Симферополь – Алушта, Алушта – Ялта, Ялта – Алушка, Алушка – Севастополь, Севастополь – Симферополь были созданы специальные оперативно-чекистские группы, в составе которых находились 784 оперативных работника, в основном из НКГБ и НКВД Крымской АССР.

За два дня до прибытия охраняемых лиц в Ялту была закрыта нижняя дорога; при выезде из Симферополя, Алушты и Ялты выставлены посты. С этого же времени и до окончания работы конференции был полностью прекращён выезд населения с южного берега во внутренние районы Крыма, в том числе лиц, закончивших лечение в госпиталях и военных санаториях, а также лиц, направлявшихся в служебные командировки. На всё время пребывания охраняемых лиц на специальных объектах был закрыт проезд и проход для всех, кто не имел отношения к охране и обслуживанию, от развилки нижней и верхней дорог до Алушки включительно.

Для охраны дворцов из офицеров контрразведки и органов внутренних дел были сформированы оперативные группы, которые поступали в распоряжение комендантов объектов и вели «физическую, негласную и противопожарную охрану специальных объектов». Контрразведывательную работу в окружении дворцов Юсупова и Ливадии вели по 100 оперативных сотрудников, а дворца Воронцова – 60. Вокруг каждого объекта в два кольца была выставлена охрана из военнослужащих войск НКВД, а с наступлением тёмного времени суток выставлялось третье кольцо на внешнем периметре объекта. Всего в войсковой охране участвовало около 1 тысячи военнослужащих войск НКВД и более 50 служебных собак. У въездных ворот были организованы контрольно-пропускные пункты в составе трёх сотрудников контрразведки, двух войсковых офицеров и переводчика. Для работы с иностранными делегациями из Москвы прибыли опытные офицеры из контрразведывательных подразделений и переводчики.

Не менее важным было организовать обслуживание высокопоставленных гостей. Эта задача также была поставлена перед сотрудниками контрразведки. Для её решения сотрудники контрразведки в московских и ленинградских гостиницах и ресторанах («Метрополь», «Националь», «Савой», «Арагви», «Москва», «Гранд-Отель», «Октябрьская», «Астория» и др.) подобрали и проверили более 200 человек.

Для поездки Сталина подготовили специальный поезд. По маршруту следования была организована оперативно-войсковая охрана, для которой привлекли 679 сотрудников транспортных органов госбезопасности; семь подвижных оперативно-разыскных групп (35 человек); 1 тысячу 78 работ-

ников ж.-д. милиции; 2 тысячи 691 военнослужащего войск НКВД по охране ж.д. Каждый километр пути патрулировался парным нарядом ж.-д.войск.

По инициативе и при непосредственном участии оперативного состава НКВД – НКГБ и органов контрразведки «Смерш» был проведён тщательный осмотр, ремонт и приведение в надлежащий порядок ж.-д. путей, станций, портов и аэродромов, их очистка от хлама и лома. На участке Симферополь – Севастополь, находившемся в аварийном состоянии, были выделены два батальона ж.-д. войск НКВД для ремонта пути и сооружений. Вдоль ж.-д. полотна было собрано и вывезено 896 вагонов боеприпасов, вследствие особой опасности подорвано на месте 78 т боеприпасов и взрывчатых веществ.

В архивах ФСБ сохранились документы о том, что по инициативе контрразведчиков были полностью вывезены боеприпасы с артиллерийского склада боеприпасов Главного артиллерийского управления НКО № 3217, расположенного в 900 м юго-западнее ст. Джанкой (547 вагонов боеприпасов разной номенклатуры), а также со склада боеприпасов Черноморского флота, находившегося на расстоянии 200 м северо-западнее склада № 3217 (200 вагонов авиабомб крупного калибра).

Тем временем П.В. Федотов скоординировал действия НКВМФ, НКГБ, УКР «Смерш» Черноморского флота по обеспечению приёма иностранных кораблей и судов, работе с иностранными экипажами, порядку передачи им информации, организации пропускной системы и других мероприятий, связанных с передвижением доставленных грузов и личного состава. Главная база Черноморского флота – Севастополь – стала основным портом для приёма иностранных кораблей. Это было связано в первую очередь с тем, что из-за погодных условий стоянка кораблей в порту Ялты была невозможной.

В 20 числах января ожидалось прибытие в Севастополь американского парохода с оборудованием и персоналом для поддержания прямой радиосвязи Рузвельта с Вашингтоном. Глава американской морской секции посольства США в Москве контрадмирал Олсен просил сообщить ему точку встречи судна, организовать помощь буксирами для ввода в порт, предоставить возможность использования баржи для выгрузки имущества и нескольких машин, если судно будет стоять на рейде. Американцам была передана морская карта с нанесённой на ней полной обстановкой (точка встречи, опасные районы, протраленные фарватеры, затонувшие суда, опасные зоны в районе Севастополь – Ялта), а также список действующих навигационных огней и маяков для этого же района, с указанием, что проход по этим фарватерам производится под проводкой лоцманов.

Американцы намеревались провести собственными силами траление вод в районе Севастополя и Ялты. 20 января они направили из Палермо в Чёрное море четыре американских тральщика. Однако нарком военно-морского флота СССР адмирал Н.Г. Кузнецов заявил, что траление в советских водах выполнено силами НКВМФ СССР. Тем не менее, для обеспечения

безопасности было проведено повторное контрольное траление фарватера и входа в бухту. На просмотр фарватера неоднократно лично выходили прибывшие сотрудники УКР «Смерш» НКВМФ и сотрудники Отдела контрразведки «Смерш» Черноморского флота.

30 января в Севастополь прибыл английский пароход «Франкония». По данным главы морской секции английской военной миссии в Москве контр-адмирала Арчена, которые он передал адмиралу Н.Г. Кузнецову, пароход был предназначен для организации прямой радиосвязи Черчилля с Лондоном, а также как место проживания части английской делегации и обслуживающего персонала.

Для приёма иностранных самолётов выбрали аэродром «Саки», имевший две бетонные взлётно-посадочные полосы длиной 1400 и 1000 м, а в качестве запасного аэродрома был предусмотрен «Сарабуз». На случай закрытия туманами основного и запасного аэродромов дополнительно подготовили к приёму самолётов аэродромы Черноморского флота «Геленджик», «Одесса», «Николаев» и «Крымская» и аэродромы ВВС Красной армии «Кача» и «Запорожье».

В поле зрения контрразведчиков находилась и подготовка противовоздушной обороны района Ялта – Айтодор – Симеиз. В этом районе были сосредоточены 76 орудий среднего калибра, 120 орудий мелкокалиберной зенитной артиллерии, 99 зенитных пулемётов ДШК и 65 зенитных прожекторов. Перечисленные средства находились на оборудованных позициях в готовности и давали возможность сосредоточить огонь по одной цели от 4 до 12 батарей среднего калибра в дневное время и ставить заградительный огонь ночью над каждым защищаемым объектом шириной 3–4 км с плотностью огня в одной завесе от 6 до 12 батарей. Для противовоздушной обороны побережья Крыма было выделено 160 истребителей авиации флота и истребительной авиации ПВО. Для обеспечения безопасного базирования английских и американских самолётов на аэродроме «Саки» находились 155 зенитных пушек, которые позволяли вести семислойный огонь на высоту до 9 км, прицельный – на высоту до 4 км и заградительный – на расстоянии до 5 км. Фактически удалось создать непреодолимую для врага преграду.

Учёт, регистрацию и наблюдение за прибывающими иностранцами в портах, на аэродромах вели сотрудники контрольно-пропускных пунктов, начальниками которых были руководящие чины контрразведки. Среди членов иностранных экипажей удалось выявить несколько представителей разведывательных и контрразведывательных органов США и Великобритании, за которыми было организовано наблюдение. За весь период пребывания иностранных судов в порту Севастополя на берег сходили 1 тысяча 566 американцев и 421 англичанин. Выходы в город иностранных моряков носили официальный характер: экскурсии, организованный просмотр кинофильмов, посещение концертов в Доме Военно-морского флота, посещение

севастопольских школ и вручение им подарков, официальные встречи рядового и офицерского состава Черноморского флота с американскими и английскими моряками.

Одним из направлений контрразведывательной деятельности были контроль политических настроений местного населения и сбор информации о реагировании населения в связи с проводимыми работами. Важно было предотвратить утечку сведений о подготовке в Крыму международной конференции. Информация о политических настроениях населения поступала в контрразведывательные подразделения по разным каналам, в том числе через органы военной цензуры. С 15 января военная цензура на почте, телеграфе и телефоне была переведена на усиленный режим работы, особое внимание уделялось междугородним телефонным переговорам.

Контрразведчики зафиксировали, что приезд в Крым значительного числа работников НКВД НКГБ, движение войск НКВД, а также большой поток автотранспорта с различными грузами вызывали повышенный интерес у местного населения, сразу же появились различные слухи. Кто-то высказывал предположения о предстоящей операции по выселению из Крыма лиц, ранее проживавших на оккупированной территории. Другие полагали, что в Крыму ведётся подготовка к войне с Турцией, что турки по договору с Японией в ближайшие дни должны начать военные действия против СССР и «поэтому в Крым съезжаются войска». По мнению третьей группы лиц, «мероприятия по подготовке объектов специального назначения, работа, проводимая в городах и на трассах, свидетельствовали о предполагаемом в Крыму правительственном совещании». Контрразведчики считали, что наиболее опасными с точки зрения угроз безопасности являются лица из четвёртой группы, среди которых были зафиксированы «многочисленные слухи о том, что здесь в Крыму ведётся подготовка к совещанию в районе Ялты руководителей трёх держав». «В городе среди гражданского населения, а также среди офицеров штаба идут упорные разговоры о предстоящей в Крыму конференции руководителей трёх держав», – говорится в одном из документов архива ФСБ России.

Сотрудники контрразведки принимали меры к установлению распространителей таких слухов, их приглашали в подразделения контрразведки для профилактических бесед с целью «не допустить распространения этих слухов за пределы Крыма». Казалось, этого было достаточно. Шла война, народ хорошо понимал чекистов.

27 января 1945 г. Берия направил Сталину докладную записку, в которой сообщил о полной готовности к приёму, размещению и охране участников Крымской конференции: полностью подготовлены и оборудованы три дворцовых здания, организована надёжная связь, а также проведены контрразведывательные и оперативно-разыскные мероприятия по обеспечению безопасности участников конференции.

Конференция проходила 4–11 февраля 1945 г., основной вопрос касался установления послевоенного мирового порядка. На Крымской конференции главы трёх союзных правительств утвердили условия безоговорочной капитуляции Германии и общие принципы обращения с побеждённой Германией, соглашения о зонах оккупации Германии, об управлении «Большим Берлином» и о контрольном механизме в Германии, которые были разработаны Европейской консультативной комиссией. Одним из важных был польский вопрос, обсуждались также югославский вопрос и проблемы репараций.

Всего в рамках контрразведывательной операции «Долина», которая проводилась с 15 января по 15 февраля 1945 г., для обеспечения безопасности Крымской конференции было задействовано 1 тысяча 200 оперативных сотрудников. Войсковую охрану несли военнослужащие четырёх полков войск НКВД, а также мотоциклетный отряд в 120 человек. Личной охраной Сталина занимались офицеры 6-го управления НКГБ СССР, общая численность которых в Крыму составляла около 50 человек.

Можно с полной уверенностью сказать, что советской контрразведке удалось в рамках проведения операции «Долина» обеспечить безопасность руководителей трёх держав антигитлеровской коалиции, создать максимально возможные комфортные и надёжно защищённые условия для конструктивной и крайне напряжённой работы глав союзных держав.

¹ Сафразьян Леон Богданович (1893—1954), заместитель наркома внутренних дел СССР, начальник Главного управления аэродромного строительства (31.07.1941–05.02.1946).

² 2-е управление НКГБ СССР – крупнейшее подразделение в системе наркомата госбезопасности, образовано в апреле 1943 г. на базе бывших 2-го (контрразведывательного), 3-го (секретно-политического) и экономического (контрразведывательная работа на объектах промышленности и сельского хозяйства) управлений, а также 3-го спецотдела (обыски, аресты и наружное наблюдение) НКВД СССР.

«ЗАСТАВИТЬ РУССКИХ ПРИЗНАТЬ СВОБОДНУЮ ПОЛЬШУ»

*Статья в газете «Время новостей»
1 октября 2009 г. № 180*

65 лет назад, 2 октября 1944 г., командующий германскими подразделениями в Варшаве обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Зелевский сообщил в Берлин о том, что вооруженный мятеж в городе подавлен, повстанцы капитулировали. Варшавское восстание, начавшееся 1 августа 1944 года и длившееся 63 дня, – одна из самых драматических страниц в новейшей истории Польши. По сегодняшний день это событие вызывает острую историко-политическую дискуссию. Имело ли смысл повстанцам начинать борьбу самостоятельно в столь неблагоприятных условиях? Почему повстанцы не поставили в известность командование Красной армии и не попросили заблаговременно у нее помощи? Наконец, кто несет ответственность за многочисленные жертвы среди гражданского населения Варшавы? Анализ рассекреченных документов польских, советских, немецких спецслужб, воссоздающих противоречивую картину Варшавского восстания, облегчает поиск ответов на эти непростые вопросы.

«Кто лучше блефует и кто дольше выдержит»

Организаторами Варшавского восстания были командование польской подпольной вооруженной организации – Армии Крайовой (АК) и польское правительство в эмиграции. Вооруженное выступление повстанцев имело цель освободить столицу национальными подразделениями без участия Красной армии – с тем чтобы не допустить советизации Польши. Это, по мнению организаторов, позволило бы возвратиться из Лондона польскому правительству (покинувшему Варшаву в ночь на 18 сентября 1939 года) прежде, чем Сталин успеет навязать стране просоветское руководство на основе Польского комитета национального освобождения. (ПКНО – орган исполнительной власти, созданный в Москве по инициативе Сталина в конце июля 1944 года.) «Познакомившись» со сталинским режимом с сентября 1939 по июнь 1941 года, поляки не питали в отношении него никаких

иллюзий. Войска 1-го Белорусского фронта стремительно продвигались к Висле, и подразделения вермахта под их натиском откатывались на запад: к лету 1944 года стало ясно, что удержать Варшаву им не удастся. В этих условиях организаторы восстания надеялись на его быстрый успех, полагая, что СССР в результате «самоосвобождения» Варшавы не станет вмешиваться в процесс формирования новой власти в Польше, входившей в антигитлеровскую коалицию.

Летом 1944 года командующий АК генерал Тадеуш Коморовский (псевдоним Бур) сообщал в Лондон, что «бездействие Армии Крайовой толкнет массы польского населения в сторону коммунистов». Он опасался, что быстро наступавшие части Красной армии в Восточной Польше, а еще хуже – польские части под командованием генерала Зигмунда Берлинга (с июля 1944 года командовавшего 1-й армией Войска Польского в составе 1-го Белорусского фронта) могут триумфально войти в Варшаву без всякой помощи Армии Крайовой. В основу плана восстания, разработанного штабом АК, было положено то, что в ближайшее время части германской армии покинут Варшаву. В таком случае необходимо было не менее чем за 12 часов до вступления в столицу Польши советских войск провозгласить там власть польского эмигрантского правительства. Для этого планировалось захватить основные правительственные здания, в которых разместить органы власти. Ни советскому правительству, ни командованию Красной армии не поступало никакой официальной информации о подготовке восстания и тем более просьб о помощи восставшим, не была организована координация с наступающими советскими частями. Восстание в Варшаве готовилось тайно от Советского Союза.

21 июля, получив известие о покушении на Гитлера, Коморовский решил, что давно ожидавшийся крах Германии наступил, и отдал приказ частям Армии Крайовой в Варшаве быть готовыми поднять восстание к 25 июля. Одновременно Бур отверг идею всеобщего восстания в Польше, так как оно облегчило бы проведение наступательной операции Красной армии. Командующий АК сообщал в Лондон, что «тактичная и гибкая позиция СССР в Польше может окончательно подорвать авторитет эмигрантского правительства». Концепция восстания предусматривала краткую (максимум два-три дня) и относительно бескровную борьбу подразделений Армии Крайовой против отступавших германских войск. Для того чтобы не мешать их отходу на запад, АК не планировала захвата или разрушения важнейших транспортных коммуникаций, в т.ч. стратегически важных мостов через Вислу.

Документально зафиксированные показания плененных немцами польских повстанцев рисуют картину происходившего перед восстанием. Вот одни из них: «Немцы призывали всех поляков рыть окопы для защиты от русских. Теперь уже всем польским патриотам стало ясно, что этот призыв надо саботировать, т.е. что необходимо поднять восстание. Были планы полностью разоружить немецких солдат и показать всему миру, что Польша

находится не в руках немцев или русских, а в руках поляков и что польская армия готова к борьбе. Если бы этот план удался, можно было бы политическим путем вынудить русских признать свободную Польшу во главе с руководителем правительства в эмиграции – Миколайчиком».

Материалы спецслужб свидетельствуют, что большие надежды повстанцев связывались с обещаниями англичан и американцев поддержать их. Однако повстанцы с сожалением констатировали, что американские воздушно-десантные части так и не появились, а англичане не обеспечили безопасность воздушного пространства над Варшавой от немецких бомбардировщиков. По показаниям еще одного из участников событий Францишека Германа, в те дни «шла игра в покер...кто лучше блефует и кто дольше выдержит».

«Советских порядков не вводить»

26 и 27 июля 1944 года СССР подписал соглашения с ПКНО о советско-польской границе по «линии Керзона» («линия Керзона» – условное название линии, проходившей через Гродно– Яловку–Немиров–Брест–Литовск–Дорогуск–Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат, которая была рекомендована 8 декабря 1919 Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши.) и об отношениях между главнокомандующим советскими войсками и польской администрацией.

В соглашении предусматривалось, что после вступления советских войск на территорию Польши в районе военных операций верховная власть будет находиться в руках главнокомандующего советскими войсками, а на освобожденной территории Польши – в руках ПКНО, который будет формировать и руководить органами польской гражданской администрации, комплектовать подразделения Войска Польского. При ПКНО был назначен представитель СССР генерал-полковник Николай Булганин.

Стараясь успокоить польскую общественность, 27 июля 1944 года Наркомат иностранных дел (НКВД) СССР опубликовал заявление, в котором подчеркивалось, что цель советских войск – «помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецких захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши». Советское правительство декларировало, что рассматривает Польшу как суверенное дружественное государство, и заявляло, что «не намерено устанавливать на территории Польши органы своей администрации, считая это делом польского народа».

Практически в это же время Государственный комитет обороны (ГКО) СССР принял постановление, в котором отмечалось: «После вступления советских войск на территорию Польши в зоне военных операций на польской территории верховную ответственность за все дела, относящиеся к ведению войны, сосредоточить в руках командующих 1-м Украинским, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами, общее руководство управлением

гражданскими делами возложить на военные советы указанных фронтов. Координирование вопросов военно-хозяйственной деятельности советских органов возложить на начальника тыла Красной армии генерала армии Хрулева... Имея в виду, что вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника и помочь польскому народу в деле освобождения его родины от ига немецко-фашистских оккупантов, в районах, занятых Красной армией, советов и иных органов Советской власти не создавать и советских порядков не вводить. Исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать.

Установить дружественные отношения с органами власти, которые будут созданы на освобожденной территории Польским комитетом национального освобождения. Необходимые мероприятия по поддержанию общественного порядка на занятой советскими войсками территории осуществлять через эти органы. Право мобилизации населения, а также все другие права по управлению на территории Польши принадлежат только органам, создаваемым Польским комитетом национального освобождения. Никаких других органов власти, и в том числе органов польского эмигрантского правительства в Лондоне, кроме органов Польского комитета национального освобождения, не признавать.

Принадлежащая польским гражданам частная собственность, а также их личные и имущественные права находятся под охраной советских военных властей и органов Польского комитета национального освобождения, а также польской армии».

30 июля в Москву прибыла делегация польского кабинета министров в Лондоне во главе с премьер-министром правительства в эмиграции Станиславом Миколайчиком. 31 июля польскую делегацию принял советский нарком иностранных дел Вячеслав Молотов, а поздно вечером 3 августа – Иосиф Сталин. Симптоматично, что на этих встречах Миколайчик не поднимал вопросов об оказании помощи варшавским повстанцам.

4 августа в особняк, где проживала польская делегация, прибыли журналисты, чтобы выяснить, как прошла встреча Миколайчика со Сталиным. Оценка, данная членами польской делегации, была протоколно-положительной: «Прием, оказанный премьер-министру, произвел хорошее впечатление. Беседа длилась два часа и проходила в обстановке дружественности и сердечности». Журналистов интересовало и происходящее в Варшаве. Но польская делегация, находившаяся в Москве с 30 июля, получала информацию с большим опозданием. Об этом свидетельствует, например, письменное сообщение Главного командования Армии Крайовой, которое Миколайчик получил лишь 5 августа: «1 августа 1944 года в 17 часов в Варшаве происходили тяжелые бои между АК и немцами».

«Театр на Варшаве»

1 августа началось Варшавское восстание. В этот день около 15 часов закрылась большая часть магазинов, хотя никакого распоряжения об этом не отдавалось, в 16.50 на многих улицах неожиданно началась стрельба, которая мгновенно распространилась по всему городу. В 20 часов командующий германским военным гарнизоном Варшавы генерал-лейтенант Райнер Штагель через установленные в городе громкоговорители сделал заявление на немецком и польском языках: «С настоящего момента я объявляю в городе Варшава осадное положение. По гражданским лицам, которые будут появляться на улицах, будет открываться огонь. Здания и сооружения, из которых по германским гражданам будет вестись стрельба, будут немедленно стерты с лица земли».

В течение первых дней восстания повстанцы захватили несколько районов польской столицы, атаковали германские административные учреждения, персонал которых занял круговую оборону и не только отражал нападения, но и вел обстрел больших участков города.

5 августа 1944 года начальник штаба группы армий «Центр» генерал Ганс Кребс сообщил командующему 9-й армией вермахта генералу Николаусу Форману о том, что в Варшаву для подкрепления германского гарнизона перебрасываются полк штандартенфюрера СС Оскара Дирлевангера, сводный полк Русской освободительной народной армии (РОНА – воинское формирование, созданное в 1942 году Брониславом Каминским и выступавшее на стороне Германии). Для участия в подавлении Варшавского восстания 7 августа 1944 года из бригады был выделен сводный полк в количестве 1500 человек) и батальон СС.

Сопrotивление варшавян усиливалось, германские войска несли большие потери. Из сообщения Кребса: «Первоначально импровизированное восстание в настоящее время управляется при помощи военной дисциплины. Силами, имеющимися в настоящее время в нашем распоряжении, подавление восстания не представляется возможным. Возрастает опасность того, что это движение все шире распространится и может охватить всю страну. Особенностью начавшихся сражений являются боевые действия в городских кварталах. Наши потери очень большие. Обеспечить подкреплениями наш отряд, ведущий в настоящее время боевые действия восточнее Вислы, на длительное время не представляется возможным... Использование собственных сил для снабжения также невозможно. Эти обстоятельства необходимо принимать во внимание для того, чтобы избежать ухудшения ситуации для отряда на плацдарме».

Гитлеровские военачальники сообщали в ставку фюрера о том, что в Варшаве идут тяжелые бои, повстанцы оказывают упорное, ожесточенное сопротивление. В свою очередь немецкие специальные и полицейские службы предупреждали, что «Варшаву не удастся удержать, если русские

не будут остановлены на северо-востоке и юго-востоке города». Неся значительные потери, командование вермахта в Варшаве требовало подкрепления, особенно тяжелого вооружения, настаивало на необходимости стягивания дополнительных сил, опасаясь, что восстание может перекинуться на всю страну.

Информаторы спецслужб доносили, что фашисты расстреливают жителей города, трупы убитых, собранные во дворах, подвалах, на улицах, сжигают, отправляют в лагеря и тюрьмы женщин, детей, производят обыски, грабежи, изымают золото, ценности, картины, предметы из серебра, взрывают мосты, разрушают дома. Так выполнялся приказ Гитлера о полном уничтожении Варшавы. 10 сентября 1944 года в донесении айнзацкоманды боевой группы «Рек» о карательной деятельности читаем: «...Капитан Оль сообщил, что прошлой ночью фюрер спросил по телефону обергруппенфюрера СС фон Баха, сколько еще продлится этот «театр в Варшаве».

13 августа в Варшаву прибыл фон дем Бах, чтобы лично ознакомиться с обстановкой в городе, так как ранее поступавшая информация от частей германской армии была очень противоречивой: «Армия не могла показать, где проходит передняя линия фронта, также не могла мне сказать, сколько немецких опорных точек было блокировано партизанами, не могла показать, где находятся войска, которые к тому времени были введены Гиммлером со стороны г. Познань». «Передней линией фронта» стала вся Варшава. Используя отсутствие единого руководства восстанием, гитлеровские войска стали методично, применяя тяжелые орудия, бронепоезда, танки и огнеметы, по очереди подавлять очаги сопротивления. Германская разведка сообщала: «Настроение повстанцев крайне плохое. Причиной этого является недостаточное снабжение продовольствием и вооружением, а также плохое командование. Критикуется также и то, что бандиты, никогда не бывшие военнослужащими, носят офицерские знаки различия. Повстанцы вербуются преимущественно из лиц в возрасте до 25 лет, в то время как люди старшего возраста с большим жизненным опытом почти совсем отсутствуют. Интеллигенция большей частью уже сбежала... По показаниям свидетелей, за последний период повстанцы понесли большие потери, вызванные инфекционными заболеваниями. Вследствие бомбардировок сильно пострадал район Садыба-Офицерская. Потери повстанцев здесь также велики».

В конце августа 1944 года войска 1-го и 2-го Белорусских фронтов пытались отбросить сильную группировку немцев, нависавшую над Варшавой с северо-востока, чтобы создать условия для освобождения столицы Польши. 10 сентября 47-я советская армия и 1-я Польская армия под командованием генерала Берлинга перешли в наступление на Варшаву. Им противостояла 100-тысячная группировка немцев. Завязались упорные бои за восточную часть Варшавы. В ночь на 14 сентября советские войска вышли к Висле. 16 сентября 1944 года части 1-й Польской армии начали переправу на западный берег Вислы. Они попытались соединиться с повстанцами,

удерживавшими недалеко от берега южное и северное предместья Варшавы. Всего с 16 по 20 сентября в Варшаву переправились шесть усиленных пехотных батальонов. Однако из-за того, что немцы держали Вислу под шквальным огнем, на другой берег не удалось перевезти танки и орудия. К 23 сентября польские части, понеся тяжелые потери – 3764 убитыми и ранеными, были вынуждены отойти назад.

«Связник» Калугин

В рядах восставших все более настойчиво звучал вопрос, где же помощь союзников – Великобритании и СССР, – о которой сообщали периодические издания АК. (Всего в освобожденных районах Варшавы выходило более 50 периодических изданий). Руководство восстания заявляло о том, что СССР был официально уведомлен о готовившемся восстании и даже «провоцировал» его начало, но теперь не оказывает варшавянам никакой помощи. Польское эмигрантское правительство при этом ссылалось на радиопередачи московского радио в июле 1944 года, в которых содержались призывы начать восстание в Польше. На самом деле в этих передачах были лишь общие призывы как к полякам, так и к другим народам Европы взяться за оружие и помочь Красной армии в освобождении своей национальной территории. (В ответ на заявления руководства восстания 13 августа 1944 года было опубликовано сообщение ТАСС, в котором подчеркивалось, что Советский Союз не имеет к восстанию никакого отношения и оно с ним предварительно не согласовывалось). В качестве другого аргумента, якобы доказывавшего, что подготовка восстания была согласована с Кремлем, назывался некий «советский посланник – капитан Константин Калугин», которого штаб АК представлял как офицера-связника от генерала Константина Рокоссовского, заброшенного в Варшаву на парашюте для координации совместных действий.

Однако советское военное командование, как свидетельствуют документы, никого с подобными заданиями в Варшаву не направляло. Кто же такой «связник» Калугин? 2 августа патрулем Армии Крайовой был задержан гражданин, который назвал себя советским разведчиком, прибывшим в Варшаву для организации связи командования Красной армии с руководством восставших. Это был бывший помощник командира 1131-го стрелкового полка 337-й стрелковой дивизии техник-лейтенант административной службы Константин Калугин, который еще в мае 1942 года во время боевых действий под Харьковом был ранен и взят в плен. В сентябре 1942 года он добровольно поступил на курсы пропагандистов Русской освободительной армии (РОА), после окончания которых вел агитационную работу в концлагерных лагерях, призывая советских военнопленных вступать в ряды РОА. В мае 1943 года в Ченстохове Калугин установил связь с подпольщиками Польской рабочей партии (ППР) и начал работать по их заданиям. 20 июля 1944 года представители ППР переправили его в Варшаву, где

он и был арестован патрулем Армии Крайовой и доставлен в штаб коменданта Варшавского округа полковника Антония Хрущеля.

Командование АК достоверно знало, кем был в действительности Калугин, однако продолжило игру: «легенда» о Калугине как представителе Красной армии создавала видимость, что установлена связь с советскими войсками. Так, один из руководителей АК генерал Леопольд Окулицкий отмечал: «В начале восстания к генералу Хрущелю (Монтер) явился капитан Красной армии Калугин, который заявил, что он хочет посредничать в установлении связи с командованием Красной армии... Калугин уверял нас, что он имеет возможность установить связь с командующим фронтом маршалом Рокоссовским, и для доказательства через несколько дней принес отношение от маршала Рокоссовского, которое при проверке оказалось недействительным».

6 августа 1944 года командующий АК генерал Коморовский решил воспользоваться услугами самозваного связника. Калугин подписал телеграмму на имя Сталина с просьбой об оказании помощи восставшей польской столице: «Москва. Маршалу товарищу Сталину. 5.8.1944 года я налазил личную связь с командиром Варшавского гарнизона, который проводит героическую борьбу восставшего народа с гитлеровскими бандитами. После того как я сориентировался в общей военной ситуации – пришел к выводу, что кроме героического настроения войск существуют следующие нужды, покрытие которых приблизит час нашей победы над общим врагом. Нужды следующие: отсутствие автоматического оружия, боеприпасов, гранат и противотанковых ружей... Немецкая авиация уничтожает город и гражданское население... Героическое население Варшавы верит, что в ближайшее время Вы окажите ему самую чувствительную помощь. Варшава. 6.8.1944 г. Командование АК Варшава. Капитан Калугин Константин». Коморовский направил эту телеграмму в Лондон с просьбой передать ее в Москву, что и было сделано. В Москве с недоумением стали выяснять, кто такой Калугин. 19 сентября 1944 года по заданию руководства АК Калугин перешел линию фронта и был задержан теперь уже советскими военнослужащими в пригороде Варшавы. В ходе следственных действий Калугин рассказал, что он после начала Варшавского восстания, опасаясь быть расстрелянным за связь с коммунистами из ППР или еще хуже с немцами, представился арестовавшим его представителям АК «советским офицером-разведчиком, заброшенным в тыл противника в середине июля 1944 года».

Калугин подробно рассказал об обстоятельствах подготовки им телеграммы Сталину: «5 августа текущего года я в присутствии коменданта Армии Крайовой в Варшаве полковника "Монтера" и его начальника штаба полковника "Хирурга" составил телеграмму, содержание которой сводилось к тому, что я от своего имени ставил в известность Сталина, что налазил личную связь с командиром Варшавского гарнизона, который руководит героической борьбой восставшего народа с гитлеровскими бандитами.

Далее я писал, что сориентировался в общей военной ситуации и пришел к выводу, что наряду с героическим настроением войск существуют известные нужды, ликвидация которых приблизит час победы над общим врагом... Направленная мною в Лондон телеграмма была составлена таким образом, будто она исходила от находившегося в Варшаве представителя советского командования».

«Здесь каждый дом стал полем боя»

9 сентября 1944 года генерал Коморовский направил письмо командующему немецкими войсками на территории южной части Варшавы генералу Гюнтеру Гансу Рору. Командующий АК просил обеспечить права военнопленных для всех сражающихся отрядов и пояснить, как будет решена судьба населения Варшавы в случае капитуляции повстанцев. Генерал Рор дал обещание обеспечить полные права военнопленных, а также эвакуировать гражданское население и органы польской администрации с территории Варшавы за пределы зоны боевых действий, но потребовал капитуляции до 16 часов 10 сентября. Коморовский надеялся на скорое поражение германских войск на восточном фронте, а также на помощь со стороны Англии и США, поэтому тянул время.

27 сентября германские войска перешли в решающее наступление на районы, занятые повстанцами. Коморовский отверг предложение пробиваться через Вислу навстречу наступавшим частям Красной армии. 28 сентября начались переговоры об окончании восстания, а 2 октября 1944 года командующий АК Коморовский подписал с командующим германскими войсками в Варшаве фон дем Бахом соглашение о капитуляции. 3 октября 1944 года в немецких газетах и по радио было объявлено: «Повстанческое движение в Варшаве подавлено. После многодневной борьбы, приведшей почти к полному разрушению города, остатки восставших, покинутых всеми, прекратили сопротивление и капитулировали».

Во время Варшавского восстания погибло более 200 тыс. поляков, в том числе 16 тыс. повстанцев. В плен попало 17 тыс. повстанцев, в том числе 922 офицера Армии Крайовой. Все гражданское население Варшавы было вывезено из города, 87 тыс. человек направлено на принудительные работы в Германию. Даже каратели отдавали дань мужеству повстанцев. Вот воспоминания солдата вермахта Густава Давидхазы: «Я медленно шел вдоль улиц, везде я видел ту же самую картину тотального уничтожения. Здесь каждый дом стал полем боя...»

По данным социологического опроса, проведенного Институтом политических исследований Польской академии наук в июне этого года, Варшавское восстание вошло в число трёх самых героических событий во всей истории страны.

О ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ В АВСТРИИ

*Статья (на немецком яз.) в сборнике
Stefan Karner – Karl Duffek (Hr) Widerstand in Österreich 1938–1945
– Graz–Wien, 2007. – S. 195–212.*

В Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России) сохранились некоторые документы касающиеся движения сопротивления в Австрии в годы Второй мировой войны. Публикация названных документов является продолжением сотрудничества ЦА ФСБ России с австрийским Институтом по изучению последствий войн им. Л. Больцмана. Итогом первого этапа совместной работы стали, опубликованные в 2005 г., сборник документов и статей «Красная армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955»¹, подготовленные при участии российских научных институтов и архивов.

Красная армия и войска НКВД СССР весной 1945 г вели ожесточенные бои за освобождение Австрии. 16 марта 1945 г. войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов началась Венская наступательная операция. 30 марта, прорвав оборону противника, советские войска вступили на территорию Австрии. Выполняя директиву Верховного Главнокомандования, части Красной армии 6 апреля начали штурм австрийской столицы, продолжавшийся восемь суток. В конце апреля – начале мая советские войска, продолжая дальнейшее наступление в Австрии, встретились с американскими войсками.

При отступлении германской армии в тылу фронтов оставалось большое количество солдат и офицеров вермахта и СС, не успевших отойти с основными силами или специально оставленных немецким командованием для вооруженной борьбы в тылу Красной армии. После отступления немецких войск из Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии в Вене оказались сосредоточены различные разведывательные органы рейха, которые стали активно участвовать в формировании нацистского подполья. За несколько часов до отступления из Вены нацисты выпустили из всех венских тюрем заключенных, предварительно уничтожив тех, кто представлял для них какую-либо опасность. На территории Австрии оказались и бежавшие с германской армией коллаборационисты из числа бывших советских граждан, не желавших сдаваться Красной армии.

Все эти факторы осложняли обстановку, в которой оказались Красная армия и советские органы госбезопасности на территории Австрии². Прежде всего, следует кратко ознакомить современного читателя с историей австрийского движения Сопrotивления. Возникновение первой австрийской антифашистской подпольной организации «О5»³ относится к периоду захвата и присоединения Австрии к Германии (март 1938 г.), когда большие группы коммунистов и социал-демократов, а также противников присоединения Австрии к Германии были заключены немцами в концентрационные лагеря.

Организация «О5» возникла в концентрационном лагере Дахау (близ Мюнхена), в который нацисты поместили наиболее видных австрийских антифашистов. Первоначально она не имела ни названия, ни четкой организационной структуры. Ее создателем являлся журналист, доктор Рауль Бумбала, к тому времени также находившийся в заключении в Дахау, где им и были заложены основы строго законспирированного ядра будущей организации. Основной задачей организации «О5» являлась борьба за создание свободной независимой демократической Австрии с использованием всех антифашистских сил страны с ориентацией на помощь западных союзников, и в первую очередь Англии и Америки. Организация ставила перед собой следующие цели: во-первых, объединение всех антифашистских сил под единым руководством, во-вторых, установление и реальное проведение единой линии борьбы с фашизмом за свободу Австрии и, в третьих, выработка плана будущего восстановления страны в политической, экономической и военной областях. К началу 1944 г. в Австрии уже существовал ряд подпольных, не связанных между собой мелких групп сопротивления в среде различных слоев населения (чиновники, интеллигенция, военные, крестьяне, студенты и т.п.) вне зависимости от их партийной принадлежности в прошлом. Летом того же года по инициативе бывших политзаключенных концлагеря Дахау – Георга Фразера, Виктора Мюллернера, Эдуарда Зейца ряд нелегальных групп были объединены с группой Бумбала, к этому времени вышедшего из концлагеря. В начале 1945 г. был создан руководящий орган движения сопротивления «Комитет семи» и организация получила свое название – «О5». В первый Центральный комитет организации вошли: председатель – Р. Бумбала, беспартийный; от социалистов – Э. Зейц и Г. Фразер; от христианско-социалистической партии – Г. Беккер и В. Мюллернер; от либералов – Ф. Шобек; от компартии – К. Хрдличка.

С момента возникновения движения Сопrotивления гитлеровскому режиму в Австрии и до капитуляции Германии, оно не представляло какой-либо реальной силы, способной в определенный момент ослабить фашизм. Будучи формально объединены в организацию «О5», члены группы активной борьбы против нацистского режима и немецкой армии не вели, а являлись по существу агентами английских и американских спецслужб, по заданиям которых предоставляли военно-политическую информацию

разведывательного характера. После прихода в Вену англо-американских оккупационных войск, руководящий центр организации приступил к активному расширению численности и вовлечению в нее новых членов. Еще до свержения нацистского режима руководство «О5» планировало создать свое правительство Австрии, для чего были подготовлены кандидатуры министров и утверждены на президиуме. Однако этот план не был проведен в жизнь, якобы по причине отсутствия поддержки со стороны советского командования.

В последующем в Австрии союзными оккупационными властями была разрешена деятельность всех партий, ранее находившихся в оппозиции к нацистскому режиму. В такой ситуации руководители «О5» примкнули к народной партии, войдя в нее на правах отдельной секции. Такая политика руководства организации «О5» естественно усилила политическую дифференциацию среди ее членов. Однако не получив разрешения союзных властей на легальную деятельность, организация Бумбалы раздробилась на ряд независимых ячеек. На 1946 г. в Австрии имелось более двадцати самостоятельно функционирующих объединений участников движения сопротивления, в том числе: «Австрия работает», «Группа сопротивления Запад», «Круг свободных австрийцев», «Антифашистский комитет бывших военнослужащих арестантов в Австрии!», «Движение сопротивления внутри торговой палаты», «Группа сопротивления в лазарете авиации» и пр. и т.п. Однако такое большое количество различных союзов, групп не являлось показателем массовости австрийского движения Сопротивления.

Этот факт можно объяснить тем, что многие лица, скомпрометировавшие себя при нацистах сотрудничеством с оккупационным режимом, стремясь обелить себя и доказать свою преданность демократии, создали подобного рода объединения с ориентацией на западных союзников. В то время австрийским правительством официально разрешены следующие организации: «Лига демократических борцов за свободу», «Союз демократических борцов за свободу», «Австрийское движение свободы», «Свободная Австрия», «Союз австрийских антифашистских борцов за свободу». Наиболее многочисленными из организаций Сопротивления являлись «Лига демократических борцов за свободу» и «Союз демократических борцов за свободу», примыкающие и работающие по указаниям Народной партии Австрии.

Организации сопротивления, существовавшие в те годы в Австрии, как правило, в своих программных заявлениях указывали, что, объединяя в своих рядах лиц, принадлежащих к различным политическим партиям – они являются надпартийными, надклассовыми. Так, в статуте «Лиги демократических борцов за свободу Австрии» говорится: «Лига хочет объединить всех граждан, настроенных проавстрийски, которые в годы немецкого господства сдружились в борьбе против национал-социализма на основании своих убеждений. ... Лига ставит себе задачу бороться со всеми

разногласиями между партиями, которые противоречат правдивому демократическому духу и этим помешать любому возрождению фашистской и классовой идеологии». Руководящим органом «Лиги» являлся президиум, состоящий из пяти человек. Президентом «Лиги» избран барон Альфонс Штильфрид, его заместителем доктор Ганс Беккер. В состав президиума также входили: Густав Айзенштеттер, Густав Франц и Отто Шикк.

Советские органы безопасности внимательно наблюдали за процессом денацификации Австрии. Так, было установлено, что государственная полиция Австрии получила сведения о том, что ими среди членов «Лиги демократических борцов за свободу Австрии» более пятисот человек в прошлом состояли в НСДАП. Другая организация – «Союз демократических бойцов за свободу Австрии» проводит аналогичную политику. Поэтому весьма обоснованным выглядели опасения советских спецслужб, что из «надклассовых» партий «Лига» и «Союз» могут превратиться в новый авангард нацистской партии.

Документы ЦА ФСБ России отражают сложные внутривнутриполитические процессы в Австрии 1945–1946 гг. По большей части это информационные материалы, характеризующие внутривнутриполитические процессы в Австрии. В их числе имеются доклады, подготовленные советскими органами безопасности, которые посвящены не только истории австрийского движения Соппротивления, но и включают в себя обзоры послевоенной деятельности австрийского Временного правительства К. Реннера, оценивают положение австрийской Коммунистической партии рассматриваемого периода. Большинство документов составляют справки органов советской военной контрразведки, которые готовились на имя Верховного комиссара (или его заместителя) от СССР Союзнической комиссии по Австрии. Их тематика посвящена различным внутри- и внешнеполитическим вопросам в стране: консультациям лидеров австрийских политических партий с представителями английских и американских оккупационных войск. Ряд данного рода документов посвящен чисто военным вопросам, касающимся наличия на территории Австрии военных и полуввоенных формирований.

Другим распространенным видом архивных материалов являются специальные сообщения Управления контрразведки «Смерш» Центральной группы войск, направленные в Главное управление контрразведки⁴ (ГУКР) «Смерш» НКО: о политических настроениях в Вене и других городах Австрии по поводу того, или иного политического события; о проводимой монархическими кругами Австрии организационно-политической работы.

Следующий вид документов – это докладные записки руководства ГУКР «Смерш» НКО СССР о внутривнутриполитическом положении в Австрии; о попытках возрождения вооруженных сил; о предпринятых Народной партии мерах, направленных на укрепление своего влияния в массах; о наличии в стране бывших нацистов и их пособников, членов добровольческих легионов СС и т.п.

Одним из ценных источников по истории движения Сопротивления в Австрии (1938–1945) является учетно-проверочное дело антифашиста – офицера германской армии К. Сцоколя⁵.

15 апреля 1945 г. Сцоколь был задержан Управлением контрразведки «Смерш» Южной группы войск и направлен для проверки в спецлагерь для военнопленных немецкой армии, находившийся в местечке Кайзерэбседорф, откуда 2 июня 1945 г. он сбежал и в течение трех месяцев нелегально проживал в гор. Вена. 5 сентября 1945 г. был задержан вторично и привлечен к следствию⁶. В деле К. Сцоколя, кроме его протоколов допроса и следственных материалов, сосредоточены важные документы о деятельности антифашистской организации «О5». В их числе несколько докладов: «О деятельности объединенных групп австрийского движения сопротивления» (1938–1945); «О подготовке австрийского антифашистского движения и провале восстания перед приходом Красной армии»; «О деятельности по освобождению Вены от нацистского террора»; «О деятельности Австрийского боевого союза» (1938–1945); «Меморандум члена ЦК «О5» советскому коменданту Вены»; «Краткий обзор о проделанной работе члена ЦК организации "О5" Г. Шайхельбауера», в которых подробно рассказывается о повседневной борьбе австрийских подпольщиков с нацистскими оккупантами и их планах по подготовке антигитлеровского восстания, а также о контактах между антифашистами Австрии, Германии и Югославии.

¹ Красная армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955.: Документы. – Грац-Вена-Мюнхен, 2005. 980 с.; Красная армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955: Статьи. – Грац-Вена-Мюнхен, 2005. 888 с.

² См.: *Кортаев В.И.* Войска НКВД в Австрии 1945–1946 гг. // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 1. – М.: Кучково поле, 2006. – С. 141–167.

³ Само название «О5» условный шифр, происходит из двух букв слова Австрия (Остеррейх – Oesterr(e)ich) – первая и пятая буквы: «О» и «Е», но вместо пятой буквы поставлен ее порядковый номер – 5, отсюда «О5».

⁴ Главное управление контрразведки «Смерш» было образовано в составе Наркомата обороны в с постановлением СНК СССР от 19 апреля 1943 г. № 415-138 сс «О реорганизации Управления особых отделов НКВД СССР в Главное управление контрразведки НКО «Смерш». В состав ГУКР «Смерш» НКО входили Управления контрразведки «Смерш» фронтов, округов. После вступления частей и соединений Красной армии и войск НКВД СССР на территорию стран Европы были образованы Управления контрразведки «Смерш» по группам советских войск за границей.

⁵ Сцоколь Карл Карлович родился 15 октября 1915 года в гор. Вена, австриец, проживал в гор. Вене 19 район, Бильротштрассе, в доме 36, кв. 6. Осенью 1934 г. поступил в качестве вольноопределяющегося в венский пехотный полк Хох унд Дейчмейстер. В 1935 году был принят в Терезианскую военную академию в Винер Нейштадте. 1 апреля 1938 г. поступил в немецкий моторизованный стрелковый батальон № 2. С 1938 г. по апрель 1945 г. служил в немецкой армии. В январе 1943 г. назначен начальником организационного отделения генеральной команды (штаба) 17 военного округа Германии.

⁶ См.: ЦА ФСБ России. № К-109717. Т. 1. Л. 1, 48–49.

ФОТОАЛЬБОМ КОМЕНДАНТА ЗАКСЕНХАУЗЕНА КАРЛА ОТТО КОХА

Статья в сборнике (на немецком яз.)

Von der Sachsenburg nach Sachsenhausen.

Bilder aus dem Fotoalbum eines KZ-Kommandantent.

— Berlin: Metropol Verlag, 2007. — S. 43–48

В архивах ФСБ России хранятся многочисленные документы периода Второй мировой войны. Особое место среди них занимают материалы архивных следственных дела в отношении немецко-фашистских военных преступников. Трофейные и другие материалы использовались органами безопасности в розыскной работе, а также в подготовке к судебным процессам. В централизованном порядке эта работа началась в соответствии с Инструкцией «О порядке собирания, учета и хранения документальных материалов о зверствах, разрушениях, грабежах и насилиях германских властей в оккупированных ими советских районах», приказ об утверждении которой был подписан еще 25 февраля 1942 г. наркомом внутренних дел Л.П. Берия. В соответствии с этой Инструкцией все собранные материалы впоследствии направлялись в Управление государственных архивов НКВД СССР и его местные органы. 9 апреля 1943 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, который предусматривал суровые меры наказания в отношении лиц, причастных к злодеяниям и ущербу, нанесенного населению СССР и советским военнопленным. Его действие распространялось как на иностранных граждан, так и на граждан СССР, квалифицированных в ходе расследования в качестве пособников оккупантов и предателей. Указ применялся как на территории Советского Союза, так и на территориях освобожденной Европы. Он служил правовой основой при рассмотрении дел на открытых судебных процессах 1943–1945 гг., на заседаниях военно-полевых судов, а с мая 1944 года – и военных трибуналов¹.

Для использования информации, содержащейся в трофейных документах административных органов германских учреждений и спецслужб, привлекались переводчики. Полученные сведения при ознакомлении с такими документами послужили началом поиска, в первую очередь, военных преступников, среди которых оказались коменданты концлагеря Заксенхаузен Г. Баршковский (1937–1940 гг.), Лоритц (1940–1942 гг.) и А. Кайндель (1942–1945 гг.), а также лица из числа персонала: надзиратели, старосты блоков,

охранники. По данным органов «Смерш» на март 1945 года, в розыске находилось около 200 человек². По окончании войны оперативно-разыскные мероприятия по поиску и опознанию скрывавшихся нацистских преступников велись аппаратами НКВД-НКГБ-МГБ СССР в так называемых оперативных секторах Советской военной администрации в Германии. Списки разыскиваемых дополнялись описаниями внешности, установленными анкетными данными (в основном места рождения) и другой информацией.

Что же касается Заксенхаузена, то одновременно с розыском обслуживающего персонала концлагеря велись поиски военнослужащих частей СС, располагавшихся при нем на казарменном положении. Работа осложнялась укрывательством со стороны местного населения и постоянной миграцией разыскиваемых по зонам оккупации союзников. Документирование преступной деятельности руководства концентрационного лагеря СС Заксенхаузен началось органами военной контрразведки «Смерш» НКО СССР с 22 апреля 1945 года, то есть с момента освобождения его узников подразделениями 7-го Гвардейского кавалерийского корпуса Красной армии и 1-й Польской армии. Обнаруженный сотрудниками советской военной контрразведки фотоальбом первого коменданта этого лагеря штандартсрфюрера СС Карла Отто Коха был приобщен к материалам следственного дела в качестве доказательства его преступной деятельности в 1947 году. В фотоальбоме Коха запечатлено строительство «образцово-показательного» концентрационного лагеря СС, унесшего, как известно, за 9 лет своего существования более 100 тысяч человеческих жизней. Этот документ стал наглядным свидетельством четырех лет деятельности одного из самых кровавых преступников Третьего рейха.

Подготовка к открытому судебному процессу над преступниками концентрационного лагеря Заксенхаузен, так называемому «Берлинскому процессу», была начата сотрудниками Оперативного сектора Советской военной администрации (СВА) города Берлина в июне 1946 года с санкции правительственных органов Советского Союза. По делу было задержано и арестовано 97 человек руководящего и административного состава лагеря, из них английские союзники передали 30 человек. Все арестованные содержались в Лихтенбергской тюрьме города Берлина. Обвиняемые по своему служебному положению и совершенным преступлениям стали наиболее характерными персонажами этого открытого процесса. В качестве свидетелей привлекли более 60 человек, которые в своих показаниях дали исчерпывающую картину всей преступной деятельности лагерной администрации. К моменту проведения процесса офицеры Оперативного сектора СВА города Берлина подготовили следственные материалы дела на немецком языке, а также смонтировали документальный фильм как наглядное доказательство злодеяний, совершавшихся в концентрационном лагере Заксенхаузен³. 23–31 октября 1947 года Военный трибунал Группы советских оккупационных войск в Германии на основании § 2 и пункта «в» § 3 статьи второй

закона Контрольного Совета в Германии № 10 от 20 декабря 1945 года вынес обвинительный приговор и признал всех подсудимых виновными в военных преступлениях и преступлениях против мира и человечности. Командант и 13 служащих его штаба были приговорены к пожизненному заключению с отбыванием каторжных работ, а двое бывших заключенных, совершавших преступления на территории концлагеря Заксенхаузен, – к 15 годам лишения свободы также с использованием на каторжных работах⁴.

Что же касается фотоальбома Коха, то в качестве доказательств в судебном процессе он не использовался, что и понятно: никаких свидетельств массового уничтожения заключенных, а также преступлений против советских военнопленных в нем не содержалось. На обороте обложки фотоальбома имеется справка: «Von SS-Obersturmbannführer Koch gesammelt, in der Zeit von Mai 1933 bis Juni 1937»⁵. Текст отпечатан на той же пишущей машинке, тем же шрифтом и на той же бумаге, что и подписи к последним фотографиям, что является неопровержимым доказательством авторства Карла Отто Коха и принадлежности ему этих материалов. Дальнейшую судьбу фотоальбома Коха можно проследить по материалам переписки, имеющимся при архивном уголовном деле.

В начале февраля 1948 года следственное дело по концлагерю Заксенхаузен поступило в архив Отдела «А» МГБ СССР из аппарата Уполномоченного МГБ СССР в Германии через следственную часть по особо важным делам МГБ СССР. На момент поступления в архив Министерства дело вместе с приложением состояло из 118 томов и находились в трех ящиках⁶; документы в каждом из томов были подшиты, пронумерованы и описаны.

В дальнейшем материалы дела неоднократно использовались органами МВД, МГБ, КГБ СССР при проведении различного рода оперативных и следственных мероприятий, а также в качестве учебно-дидактического материала при подготовке оперативных и следственных кадров органов госбезопасности. Сам фотоальбом являлся частью архивного следственного дела № Н-19092 (том 110) и до 2001 года интереса у специалистов не вызывал. Короткометражный фильм о концлагере, бывший одним из приложений к следственному делу, демонстрировался слушателям Школы следственных работников МГБ СССР в сентябре 1950 года⁷. В сентябре 1953 года несколько томов архивного уголовного дела направлялись в Управление Речного лагеря МВД СССР в связи с проверкой по материалам дел отбывавших там наказание немецких военных преступников⁸.

Из 16 обвиняемых по уголовному делу в январе 1956 года на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1955 года властям ФРГ в гор. Херлесхаузене было передано 10 человек, в том числе: Август Ген (второй начальник концлагеря), Густав Зорге (репортёр концлагеря) и Гайнц Баумкеттер (главный врач концлагеря). В декабре 1955 года правительству ГДР в гор. Франкфурт были переданы Пауль Заковский (палач концлагеря) и Эрнст Бреншайдт (начальник пункта

по испытанию обуви). Последний комендант Заксенхаузена Антон Каиндль умер в Воркутлагере 31 августа 1948 года. С февраля по апрель 1948 года в лагере умерли еще 5 осужденных по этому следственному делу⁹. В июле 1996 года и ноябре 2001 года уголовное дело пересматривалось Главной военной прокуратурой Российской Федерации в связи с обращением посольства ФРГ об опротестовании судебного решения, а также в связи с проверкой обращения о реабилитации в отношении Гайнца-Генриха Баумкёттера. В результате рассмотрения оснований для изменения судебного решения по делу найдено не было.

Находившиеся в архивном следственном деле документальные материалы неоднократно предоставлялись немецким исследователям. В 1957 году с санкции руководства КГБ при СМ СССР копии протоколов судебного заседания, допросов обвиняемых Г. Зорге, В. Шуберта и М. Книттлера, а также копии документального фильма о концлагере и магнитофонной записи судебного процесса 1947 года были через МИД СССР переданы в ФРГ, где они использовались на суде, приговорившем Г. Зорге и В. Шуберта к пожизненному заключению¹⁰. Копия документального фильма о концлагере тогда же была передана Посольством СССР в ФРГ объединению лиц, содержавшихся в годы войны в концлагере Заксенхаузен¹¹. В январе 1965 года с пятидесятью тремя томами материалов архивного уголовного дела на бывших работников администрации концлагеря Заксенхаузен была ознакомлена группа экспертов прокуратуры и Министерства государственной безопасности ГДР, работавшая по отбору немецких трофейных документов, которые предоставлялись в ее распоряжение КГБ при СМ СССР на основании решения ЦК КПСС. Фотоальбом Коха в число предоставленных материалов не входил¹². В феврале 1965 года 53 тома архивного уголовного дела, отобранные экспертами прокуратуры и МГБ ГДР, направлялись в Берлин в адрес Уполномоченного при Совете министров СССР по координации и связи с МГБ и МВД ГДР. В августе 1965 года архивные материалы были возвращены в Москву.

Гуманитарный характер носит сотрудничество с музеями и неправительственными фондами, осуществляющими увековечение памяти жертв нацизма в России, Германии и США. В августе 1973 года в связи с обращением Отдела административных органов ЦК КПСС с материалов дела, а именно: с фотографий осужденных, их показаний, актов экспертиз, документального кинофильма о концентрационном лагере (всего выписки на 71 листе, 56 фотографий и четыре коробки с пленкой), были сняты копии, которые впоследствии были переданы немецкой стороне для экспонирования в музее «Заксенхаузен», созданном на территории бывшего концентрационного лагеря¹³. В 1996 году копии 8 тысяч 259 листов документов и 105 фотографий из дела в числе других отобранных в Центральном архиве ФСБ России материалов были, по поручению Президента России, переданы в дар американскому мемориальному музею жертв нацизма «Холокост».

В июле 2001 года специалистами Центрального архива ФСБ России совместно с сотрудниками Центра по сохранению памятников и воинских захоронений за рубежом Министерства культуры России («Обелиск-Центр») была проведена работа по подготовке и созданию мемориальной экспозиции, посвященной судьбам советских узников концентрационного лагеря Заксенхаузен в годы Великой Отечественной войны. Наиболее активно сотрудничество Центрального архива ФСБ России с Фондом «Бранденбургские мемориалы» осуществлялось в 1998–2002 годах. Для изучения было отобрано более 30 тысяч листов документов из архивных уголовных дел на немецких военных преступников. Среди них протоколы допросов бывших эсэсовцев из охраны и администрации Заксенхаузена, показания свидетелей, акты судебно-медицинских обследований, фотографии, трофейные и другие документы о массовом уничтожении людей и зверствах фашистов над заключенными в концлагере гражданами СССР, Польши, Франции и других стран. Помимо группового следственного дела, немецкой стороне для ознакомления предоставлялись 11 следственных дел на сотрудников комендатуры и администрации лагеря Заксенхаузен. Среди них дело на заместителя коменданта лагеря А. Дриммеля, других сотрудников лагеря. Летом 2001 года сотрудниками музея «Заксенхаузен» в результате изучения предоставленных Центральным архивом ФСБ России архивных документальных материалов для копирования было отобрано более 9 тысяч листов. В число отобранных материалов на этот раз вошел и фотоальбом Коха. В октябре 2002 года сканированные образы документов были переданы Центральным архивом ФСБ России Фонду «Бранденбургские мемориалы». В настоящее время в Управлении регистрации и архивных фондов ФСБ России по просьбе фонда «Бранденбургские мемориалы» ведется подготовка и согласование документов с целью экспонирования подлинника фотоальбома Карла Отто Коха на выставке, посвященной 70-летию концентрационного лагеря Заксенхаузен.

¹ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. – М. 2003 г. – С. 314.

² ЦА ФСБ России. Ф. 51. Оп. 1. Д. 1173. с. 42.

³ ЦА ФСБ России. № Н-19092. Т. 70. Л. 87.

⁴ ЦА ФСБ России. № Н-19092. Справка по делу. Л. 5–6.

⁵ Перевод с немецкого: «Фотографии собраны оберштурмбанфюрером СС Кохом в период с мая 1933 г. по июль 1937 г.».

⁶ ЦА ФСБ России. № Н-19092. К/п. Т. 1. Л. 2.

⁷ ЦА ФСБ России. № Н-19092. К/п. Т. 1. Л. 18.

⁸ ЦА ФСБ России. № Н-19092, К/п. Т. 1. Л. 41–44.

⁹ ЦА ФСБ России. № Н-19092, К/п. Т. 1. Л. 51–66.

¹⁰ ЦА ФСБ России. № Н-19092. К/п. Т. 1. Л. 71–76.

¹¹ ЦА ФСБ России. № Н-19092. К/п. Т. 1. Л. 78.

¹² ЦА ФСБ России. № Н-19092. К/п. Т. 2. Л. 3–4.

¹³ ЦА ФСБ России. № Н-19092. К/п. Т. 2. Л. 16–17.

О СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГЕРМАНИИ

*Тезисы выступления на международной конференции
«Советские военнопленные в немецком рейхе 1941–1945 гг.»
г. Дрезден. 20–21 июня 2001 г.*

Остается всё меньше живых свидетелей одного из главных и трагических событий прошлого столетия – Второй мировой войны. Свидетелей, которые могут о ней рассказать правду. Кроме воспоминаний политиков, военных, узников лагерей и военнопленных, в архивах многих стран сохранились документы, последовательно раскрывающие хронику суровых испытаний тех лет. Осмысление итогов Второй мировой войны до сих пор имеет принципиальное значение не только для правильных выводов о будущем, но и для сохранения памяти обо всех пострадавших в ходе боевых действий, в концлагерях смерти и в результате преступных акций оккупационных войск. Проблемы, связанные с судьбами советских военнопленных, оказавшихся в годы войны на территории нацистской Германии и других стран, остаются актуальными для России и в наши дни.

В Центральном архиве ФСБ России, а также в архивах территориальных органов безопасности (далее – архивы ФСБ России) хранятся документальные материалы, отражающие политику, проводившуюся органами исполнительной и судебной власти СССР в отношении советских граждан, попавших в нацистский плен и возвратившихся после войны на Родину. В годы войны и в послевоенный период активное участие в ее осуществлении принимали органы внутренних дел и госбезопасности как звенья исполнительной системы государства. Весь массив архивных документов органов федеральной службы безопасности в отношении советских военнопленных можно условно разделить на шесть групп.

К первой группе относятся докладные записки, письма и другая переписка НКВД, НКГБ, Главного управления контрразведки (ГУКР) «Смерш» НКО, МВД и МГБ с высшими органами государственной власти СССР. Вторую группу составляют документы директивно-распорядительного характера. Речь идет о ведомственных нормативных правовых актах (приказах, указаниях, распоряжениях, разъяснениях и т.п.), регламентировавших деятельность органов НКВД, НКГБ, НКО, МВД, МГБ в отношении

военнопленных и направлявшихся в территориальные органы безопасности и органы военной контрразведки. Третья группа – документы центрального аппарата органов госбезопасности, территориальных органов безопасности и военной контрразведки, отражающие непосредственное исполнение директив по работе с бывшими военнопленными. Эти материалы отложились в делопроизводстве структурных подразделений органов безопасности. Четвертая группа – следственные дела на бывших советских военнопленных, осужденных за преступления, совершенные в плену. Пятая группа документов включает фонды фильтрационных дел на бывших советских военнопленных, проходивших по возвращении на Родину специальную государственную проверку (фильтрацию), а также трофейные материалы, связанные с этой тематикой. Они, как правило, приобщались к фильтрационным делам. Имеющиеся в составе этих фондов трофейные материалы достаточно многочисленны, поэтому в архивах территориальных органов безопасности они называются фондами «фильтрационных и трофейных материалов». Наконец, шестая группа – следственные дела на немецких военных преступников, а также учетно-проверочные дела на немцев, задержанных в 1945–1946 годах на территории советской оккупационной зоны в Германии и содержавшихся в лагерях НКВД-МВД СССР.

Предложенная классификация архивных документов на вышеуказанные группы достаточно условна, так как фонды в архивах органов безопасности сформированы не по тематике Документы, о которых идет речь, являются составной частью архивных материалов, классифицированных по номинальным признакам или видам дел. Архивы органов безопасности составляют неотъемлемую часть Государственного архивного фонда России и содержат уникальную информацию по обсуждаемой сегодня проблеме. Остановимся подробнее на содержании и специфике некоторых видов документов, с которыми работают сотрудники ЦА ФСБ России.

1. Докладные записки и другие документы из первой группы архивных документов, как правило, формировались в так называемые «особые папки», представляющие собой сжатую информацию в высшие инстанции по вопросам стратегического характера, жизненно важным для безопасности страны, в том числе в отношении советских военнопленных. С 1943 года, после передачи в состав Наркомата обороны СССР военной контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам» – наименование, которое якобы было предложено самим Сталиным), такого рода информация направлялась по линии этой структуры. Учитывая, что начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумов по статусу являлся заместителем наркома обороны, докладные записки за его подписью направлялись: Сталину, в Государственный комитет обороны, в Правительство СССР, в Генеральный штаб, в Главное политическое управление Красной армии и в НКВД СССР, которым руководил Л.П. Берия, курировавший помимо других участков, всю систему лагерей.

2. Приказы и другие директивно-распорядительные документы, относящиеся ко второй группе документов ФСБ по теме, наряду с ведомственными нормативными актами, регламентировали основные направления оперативно-следственной работы органов безопасности по военнопленным.

3. Тематические номенклатурные дела структурных подразделений контрразведывательных органов содержат внутриведомственную переписку, в основном, по розыску военнослужащих, попавших в плен или сдавшихся добровольно противнику. Целесообразность этой деятельности была обусловлена тем обстоятельством, что лица, попавшие в плен, активно использовались германскими спецслужбами как объекты для вербовки в спецшколы и национальные легионы и после соответствующей подготовки направлялись на территорию СССР для проведения разведывательно-подрывной деятельности. Кроме переписки по общим вопросам розыска, к делам приобщались копии протоколов допросов лиц, задержанных и арестованных по обвинениям в совершении государственных преступлений (измена Родине в самых различных формах), а также показания свидетелей, трофейные документы.

4. Во время массовой репатриации советских военнопленных с территории Германии и других стран Европы, начавшейся на заключительном этапе войны и продолжавшейся в послевоенный период, в делопроизводстве структурных подразделений органов безопасности отложилась переписка с Управлением уполномоченного СНК по делам репатриации, органами внутренних дел, МИД и другими ведомствами. В архивах ФСБ России она представлена документами, связанными с осуществлением проверки бывших военнопленных и выявлению среди вставших на путь измены Родине, совершение иных преступлений.

5. В ЦА ФСБ России хранятся следственные дела на советских граждан, осужденных за особо опасные государственные и иные преступления, совершенные ими в период нахождения в плену. Документальные материалы дают прямой ответ на вопрос о судьбе того или иного советского военнослужащего после его выхода из окружения или освобождения из вражеского плена. Самое непосредственное отношение к судьбам данной категории граждан имеют также трофейные материалы, которые, помимо указанных выше номенклатурных и следственных дел, часто приобщались и к личным фильтрационным делам на военнослужащих и гражданских лиц.

В архивах ФСБ России трофейные материалы представлены несколькими видами документов: личные регистрационные карточки бывших советских военнопленных или лиц, угнанных в фашистскую неволю; книги приема и отправки военнопленных в распределительные лагеря (шталаги); списки советских военнопленных, находившихся и перемещенных внутри лагерей; переписка различных учреждений нацистской Германии, ведавших вопросами содержания и использования труда военнопленных.

По окончании проверки бывших военнопленных в фильтрационных лагерях, в сборно-пересыльных и контрольно-пропускных пунктах специальная комиссия выносила соответствующее заключение. Лицо, в отношении которого не было получено данных о его преступной деятельности, направлялось в Действующую армию или по месту жительства. Если в ходе проверки поступали данные, содержащие признаки преступлений, таких, как измена Родине, шпионаж, дезертирство, то лица, причастные к ним, арестовывались; на них заводились уголовные дела, которые представлялись на рассмотрение Особого совещания при наркоме внутренних дел СССР, а после войны – при Министре госбезопасности СССР (ликвидировано в 1953 году). Анализ документов данной группы свидетельствует, что в процессе фильтрации имели место факты необъективной оценки полученной информации, необоснованной передачи материалов в суды и принятия несправедливых судебных решений. Так, многие бывшие военнопленные незаконно осуждались как изменники Родине только за то, что они исполняли в плену обязанности врачей, санитаров, старших барачников, переводчиков, поваров, кладовщиков и иные работы, связанные с бытовым обслуживанием военнопленных.

В фильтрационных делах особый интерес представляют опросные листы, показания свидетелей, трофейные документы, которые в своей совокупности, в зависимости от полноты данных, помогают исследователям воссоздать обстановку, в которой пребывали советские военнопленные. Как массовый исторический источник эти документы ждут своего исследователя, но их изучение из-за большого количества, разобщенности по фондам территориальных органов безопасности и государственных архивов, а теперь уже и по архивам стран СНГ, представляется делом весьма затруднительным. В соответствии с нормами действующего законодательства и обеспечения более широкого доступа к архивной информации в архивах ФСБ России проводится работа по передаче на государственное хранение некоторых категорий материалов. Так, по состоянию на 1999 год, на хранение в госархивы из территориальных органов безопасности поступило 327 718 фильтрационно-проверочных и трофейных дел¹.

6. Пожалуй, один из наиболее объемных, ценных и недостаточно исследованных источников, хранящихся в архивах ФСБ России, – следственные дела на немецких военных преступников. В первую очередь важно то, что они свидетельствуют о причинах массовой гибели советских военнопленных. Только в Центральном архиве ФСБ России находится на хранении около 30 тысяч архивных следственных дел на немцев и граждан стран-сателлитов гитлеровской Германии, осужденных в 1941–1945 гг. и послевоенный период за насильственные действия по отношению к гражданскому населению и пленным красноармейцам, за преступления против мира и человечности, за шпионаж, незаконное хранение оружия, а также за иные

преступления. К материалам следственных дел, помимо протоколов допросов самих обвиняемых, приобщены показания свидетелей, документы созданных в СССР государственных комиссий по расследованию злодеяний оккупантов, а также трофейные документы государственных, партийных, военных и карательных органов нацистской Германии.

В ряду этих материалов в качестве примера можно назвать следственное дело на немецких военных преступников из числа администрации и охраны концентрационного лагеря «Заксенхаузен». Они были осуждены советским военным трибуналом в 1947 году. Документы, собранные в 118 томах уголовного дела, убедительно свидетельствуют о фактах массовой гибели заключенных, происходившей в результате целенаправленного и систематического уничтожения, жестокого обращения, голода, неприемлемых условий жизни и транспортировки.

Материалы дела свидетельствуют, что в августе 1941 года в концентрационный лагерь была доставлена первая партия советских военнопленных в 2 000 человек. Их поместили в отдельные изолированные бараки. В течение 4–5 дней всех привезенных расстреляли в тире. До расстрела им не давали ни пищи, ни воды. Как показали свидетели, на расстрел советских людей вели в состоянии полного изнеможения. Как только бараки освободились от первой партии, в них привезли еще 2 000 человек и тем же порядком расстреляли.

Всего в сентябре-октябре 1941 года в концлагерь «Заксенхаузен» гитлеровцы доставили около 16 тысяч советских военнопленных, из которых расстреляли более 13 тысяч человек. К оставшимся в живых 2 тысячам советских военнопленных немцы применяли особо жестокий режим содержания, направляли на самые тяжелые работы; в бараках, где они жили, не было ни постелей, ни даже соломы. Пайок советских людей составлял только половину обычного голодного пайка заключенных других стран. В 1941 году для инструктирования по истреблению советских людей /и, в особенности политработников Красной армии, в лагерь «Заксенхаузен» были собраны коменданты всех концлагерей Германии, где им был показан на практике новый метод уничтожения².

В настоящее время Центральным архивом ФСБ России проводится большая работа по выявлению и копированию документов о преступлениях фашистов в концлагере «Заксенхаузен». Решение о передаче коллекции материалов будет оформлено в виде четырехстороннего соглашения: с российской стороны, между Федеральной службой безопасности, Федеральной архивной службой России и с немецкой – с Федеральным архивом ФРГ и фондом «Бранденбургские мемориалы».

В ходе следствия по делу бывшего гауляйтера и имперского наместника Саксонии Мартина Мучмана, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР в 1947 году, была установлена гибель свыше 20 тысяч советских

военнопленных. Из материалов дела видно, что в лагерях, расположенных у Цейтханга и Кенинсбрюка, где осенью 1941 года содержалось около 300 тысяч советских военнопленных, от голода, болезней и истощения ежедневно умирало 180–200 человек³.

Яд архивных документов, свидетельствующих о зверском отношении гитлеровцев к советским военнопленным, опубликован в книге «Сталинградская эпопея», подготовленной в Центральном архиве ФСБ России⁴. Для нацистских преступлений нет срока давности. На наш взгляд, документы, о которых идет речь, должны служить делу сохранения памяти о погибших, делу укрепления мира и международного гуманитарного сотрудничества. Примером такого рода из опыта работы Центрального архива ФСБ России стал акт передачи в 1996 году мемориальным музеям «Холокост» в США и «Яд Вашем» в Израиле документов о геноциде народов и других злодеяниях гитлеровского режима.

Даже краткий обзор основных групп архивных материалов ЦА ФСБ России, содержащих информацию о бывших советских военнопленных, находившихся в германском рейхе в годы Второй мировой войны, показывает, что они достаточно разнообразны. Эти документы, по объективным причинам, разрознены по архивам и фондам и требуют кропотливого исследования. Указанные выше комплексы и виды документов специалистами ЦА ФСБ России с точки зрения источниковедческого анализа специально не исследовались. Использование архивных материалов органов безопасности осуществлялось в процессе решения практических задач, связанных с проблемами военнопленных на том или ином этапе деятельности ведомства. Была жестокая война, противоборство армий и спецслужб, двух разных общественно-политических систем и идеалов, что нашло свое отражение в специфическом содержании и составе материалов архивов органов безопасности. Каждый архивный документ видимыми и невидимыми нитями связан с конкретными людьми, с конкретными событиями, которые интересовали спецслужбу в ходе войны и в первые послевоенные годы.

Анализ содержания имеющихся архивных материалов, касающихся вопросов нахождения советских военнослужащих в немецком плену, показал, что документы можно систематизировать в рамках трех хронологических периодов. Так, в документах 1941–1944 годов содержится больше информации о проверке военнослужащих, попавших в плен к противнику, так как лица из этого контингента достаточно часто использовались спецслужбами фашистской Германии для проведения подрывной деятельности против СССР, в решении разведывательно-диверсионных задач, направленных на обеспечение успеха своей армии на театре военных действий.

В 1944–1951 годах основная проблематика документов связана с репатриацией военнопленных. В документах завершающего этапа войны более четко прослеживается разделение военнопленных по различным

категориям: добровольно сдавшиеся в плен, сотрудничавшие в плену с противником, оказавшиеся в плену, как не имевшие возможности к сопротивлению. Все это делалось в целях проверки военнослужащих, выявления среди них лиц, завербованных спецслужбами противника и возвращавшихся в СССР с преступными намерениями. Следует отметить, что сам факт фильтрации не является противоправным и безнравственным, такая проверка в ходе и после войны велась во многих странах в интересах обеспечения безопасности государства. Статистические данные, имеющиеся в документах ФСБ России, свидетельствуют о том, что советскими органами по репатриации в 1944–1946 годах было учтено более 2 миллионов военнослужащих, находившихся в плену. Из них 1 836 562 человека, в том числе 126 000 офицеров, были репатрированы⁵. Многие бывшие советские военнопленные после прохождения соответствующей фильтрационной проверки возвращались в распоряжение военных комиссариатов, которые направляли их в боевые части Красной армии. Вместе с тем, органами военной контрразведки на 1 октября 1944 года было арестовано 11 556 человек за совершенные особо опасные и иные государственные преступления во фронтовых условиях и в фашистском плену. В 1944–1956 годах было арестовано и осуждено за переход на сторону врага 36 930 человек, а в 1944–1953 годах за участие в национальных воинских формированиях, созданных в составе войск СС и вермахта, – 37 169 человек⁶. Рассматривая статистическую сторону вопроса, следует отметить, что, как во время войны, так и в послевоенный период, в отношении военнопленных и лиц, выходявших из окружения и фактически не находившихся в плену, допускались нарушения законности и ограничение их прав. Мы не только признаем эти факты, но и предпринимает меры по восстановлению социальной справедливости.

Не располагая возможностью подробно рассмотреть этот вопрос, все же замечу, что имеются многочисленные архивные документы, содержащие сведения о судьбах военнослужащих, которые были в плену в годы войны. В материалах органов безопасности о бывших советских военнопленных есть разные примеры того, как они вели себя в фашистской неволе. С одной стороны, было предательство Власова и его окружения, с другой – мужество генералов Дмитрия Карбышева, Михаила Лукина и других героев. Замечу только, что 25 генералов из 33-х, вернувшихся из плена, после проведенной проверки, с согласия Сталина, были направлены для прохождения дальнейшей военной службы⁷.

Архивные документы свидетельствуют, что, начиная с середины 1950-х годов, государство стало проводить политику по восстановлению справедливости. На новом демократическом этапе развития нашего государства, особенно после Указа Президента Российской Федерации «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период», был сделан новый шаг

в этом направлении. На основании материалов, хранящихся в архивах ФСБ России, устанавливаются судьбы наших соотечественников, вернувшихся из плена, подтверждаются факты пребывания советских граждан в концлагерях и на принудительных работах в Германии, что, помимо получения льгот, предусмотренных российским законодательством, позволяет решать вопросы о реабилитации многих россиян, незаслуженно пострадавших после возвращения на Родину.

В последние годы совместно с Главной военной прокуратурой органы безопасности активно участвуют в реабилитации невинно пострадавших, разыскивая и направляя следственные материалы в органы прокуратуры в целях пересмотра уголовных и проверочных дел в отношении не только советских, но и немецких граждан. В филиале ЦА ФСБ России имеется более 125 тысяч учетно-проверочных дел на немцев, задержанных в 1945–1946 годах органами военной контрразведки и оперативными группами НКВД СССР в Германии. Расширяя гуманитарное сотрудничество между ФСБ России и Немецким Красным Крестом ФРГ, 31 марта 1998 года подписано соглашение, в соответствии с которым в архивах органов безопасности проводится работа по установлению судеб немецких граждан, находившихся в заключении в местах лишения свободы на территории СССР и в спецлагерях НКВД-МВД СССР в советской зоне оккупации Германии. Реализуя указанное соглашение, ЦА ФСБ России уже передал немецкой стороне сведения в отношении 138 тысяч человек. Работа по поиску архивных документов и передаче сведений немецкой стороне продолжается.

Указанные выше факты, а также и проведение данной международной конференции, на которой мы с немецкими коллегами, историками и другими исследователями, обсуждаем проблемы, связанные с судьбами советских военнопленных, являются свидетельством установления атмосферы взаимопонимания и доверия между нашими народами и государствами, отношений эффективного сотрудничества. В заключение я хочу поблагодарить всех, кого волнует судьба моих соотечественников, кто, сохраняя память о них, прилагает свои силы и знания для исследования этой проблемы. Выражаю признательность организаторам международной конференции за приглашение участвовать в ней и предоставленную возможность выступить с докладом на таком высоком форуме.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. К 1 ос. Оп. 10. Д. 173. Л. 13.

² См.: ЦА ФСБ России. Арх. № Н-19092.

³ См.: ЦА ФСБ России. Арх. № Н-18758.

⁴ См.: Сталинградская эпопея. – М.: Звонница-МГ, 2000. – С. 356–363.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 5 ос. Оп. 3. Д. 23. Л. 148–149.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. К 1 ос. Оп. 10. Д. 173. Л. 8.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 14 ос. Оп. 1. Д. 15. Л. 2–24; Д. 17. Л. 102–124.

О СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ФИНЛЯНДИИ И НОРВЕГИИ

*Статья в журнале «Отечественные архивы»
2008 г. № 3.*

Осенью 2003 г. в финских средствах массовой информации началось открытое и заинтересованное обсуждение некоторых малоизвестных событий финской истории периода Второй мировой войны. Речь шла о судьбах военнопленных и перемещенных лиц, которые по тем или иным причинам были выданы из Финляндии в другие страны, в первую очередь в Германию. В результате развернувшихся дискуссий канцелярия совета министров Финляндии летом 2004 г. поручила Национальному архиву Финляндии проведение работ по исследовательскому проекту «Финляндия, судьбы военнопленных и интернированных в 1939-1955 гг.», основная цель которого – расследование фактов выдачи военнопленных в Германию и позднее в Советский Союз¹, случаев их гибели. Сроки по реализации были определены с ноября 2004 г., по август 2008 г. При этом у исследователей из Национального архива Финляндии большой интерес вызвали документы архивов органов Федеральной службы безопасности Российской Федерации², в которых заключена информация о бывших советских военнопленных, условиях и режиме их содержания, местах дислокации лагерей на территории Финляндии и Норвегии. По мнению Л. Вестерлуда и Ю. Линдстендта, сведения о некоторых бывших советских военнопленных, например о бойцах 3-го, а также 6-го отдельного батальонов³, возвращенных в СССР, могут храниться только в Центральном архиве (ЦА) ФСБ России.

В действительности многие обстоятельства пребывания в лагерях на территории Финляндии и Норвегии советских военнопленных и их дальнейшую их судьбу позволяют уточнить документы не только ЦА ФСБ России, но архивов управлений ФСБ России по Республике Карелия, Белгородской, Курской, Ленинградской, Мурманской Нижегородской и другим областям (далее – архивы территориальных органов безопасности), а также Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). В ГА РФ документы административного отдела Союзного контрольно-

го комитета в Финляндии, раскрывающие деятельность по выполнению соглашения о перемирии: докладные записки Сталину и Молотову, служебная переписка по вопросам репатриация советских военнопленных и насильственно вывезенного из СССР населения, освобождение из тюрем политических заключенных, задержание военных преступников, приёма советских военнопленных и гражданских лиц из Финляндии и интернированных из Швеции и др.⁴

В ЦА ФСБ России хранятся нормативно-распорядительные документы, регламентировавшие основные направления оперативно-следственной работы по госпроверке (фильтрации) военнопленных: инструкции и приказы Главного управления контрразведки «Смерш» НКО, НКВД СССР, НКГБ СССР. Кроме того, в так называемых «особых папках» секретариатов этих ведомств находятся документы с обобщающей информацией, которая направлялась в высшие инстанции (Государственный комитет обороны, СНК СССР, Генеральный штаб, Главное политическое управление Красной армии и НКВД СССР) по вопросам обеспечения безопасности страны, в том числе и о фильтрации советских военнопленных.

Самостоятельную группу документов представляют тематические номенклатурные дела структурных подразделений контрразведывательных органов, которые содержат внутриведомственную переписку, в основном, по розыску военнослужащих, попавших в плен или перешедших на сторону противника. Это направление деятельности советской контрразведки было обусловлено тем обстоятельством, что лица, попавшие в плен, активно использовались германскими и финскими спецслужбами как объекты для вербовки в спецколы и национальные легионы. После прохождения соответствующей подготовки бывшие военнопленные направлялись на территорию СССР для проведения разведывательно-подрывной деятельности. Кроме переписки по общим вопросам розыска, к делам приобщались копии протоколов допросов лиц, задержанных и арестованных по обвинениям в совершении государственных преступлений (измена Родине в самых различных формах), а также показания свидетелей, трофейные документы.

В ЦА ФСБ России и архивах территориальных органов безопасности хранятся архивно-следственные дела на советских граждан, осужденных за особо опасные государственные и иные преступления, совершенные ими в период нахождения в плену, а также проверочно-фильтрационные (учётные) дела, заведенные на бывших военнопленных во время прохождения ими госпроверки⁵. По окончании фильтрации бывших военнопленных специальная комиссия выносила соответствующее заключение. Лицо, в отношении которого не было получено данных о его преступной деятельности, направлялось в Действующую армию или по месту жительства. Если в ходе проверки поступали данные, содержащие признаки преступлений, таких, как измена Родине, шпионаж, дезертирство, то лица, причастные к ним, арестовывались; на них заводились уголовные дела, которые представлялись

на рассмотрение Особого совещания при наркомате внутренних дел СССР, а после войны – при Министерстве госбезопасности СССР (ликвидировано в 1953 г.). Анализ документов данной группы свидетельствует, что в процессе фильтрации имели место факты необъективной оценки полученной информации, необоснованной передачи материалов в суды и принятия несправедливых судебных решений. Так, многие бывшие военнопленные незаконно осуждались как изменники Родине только за то, что они исполняли в плену обязанности врачей, санитаров, старших барачников, переводчиков, поваров, кладовщиков и иные работы, связанные с бытовым обслуживанием военнопленных.

В проверочно-фильтрационных делах, как правило, содержатся следующие виды документов: анкеты и опросные листы, составленные на проверочно-фильтрационных пунктах после репатриации бывших военнопленных; автобиографии и объяснительные записки об обстоятельствах пленения и нахождении в плену; протоколы допросов бывших военнопленных, составленные в отделах контрразведки «Смерш» воинских частей или проверочно-фильтрационных лагерей и т.п.; постановления (заключения) проверочно-фильтрационных комиссий, выносившиеся по результатам госпроверки (об освобождении из лагеря, демобилизации, направлении на работу по «вольному найму» с закреплением к определенным предприятиям, о переводе на режим спецпоселения, о направлении в Действующую армию, к месту жительства, о передаче командованию воинской части «для использования по нарядам» и т.п.). Проверочно-фильтрационные дела как массовый исторический источник еще недостаточно исследованы из-за их большого количества, а также разобщенности по архивам территориальных органов безопасности и государственных архивов, а также и по архивам стран СНГ⁶. По материалам проверочно-фильтрационных дел можно составить достаточно подробную картину обстоятельств, при которых военнослужащие попадали в плен, об их отношении к действиям своих командиров в момент окружения или пленения, о режиме и трудовом использовании военнопленных, их продовольственном и медицинском обеспечении, проводившейся в их среде оперативной работе иностранными спецслужбами, о расположении лагерей и состоянии их охраны, предпринимавшихся попытках вырваться из плена и оказать посильное сопротивление врагу. В отдельных проверочно-фильтрационных делах есть схемы лагерей военнопленных, система их охраны, сведения об администрации, пленных, сотрудничавших с администрацией, выступавших по радио с обращениями к бойцам Красной армии, подписавшими различного рода воззвания и т.п., перебежчикам, военнопленным, вступившим в Русскую освободительную армию (РОА) генерала Власова и национальные воинские формирования финской армии. Кроме того, данные документы дают представление о том, как проходил процесс репатриации советских граждан: пути возвращения их на Родину, сроки и места прохождения фильтрации, степень объективности

органов внутренних дел и госбезопасности при вынесении заключения о наличии или отсутствии компрометирующих материалов, отношение государства к своим гражданам, пережившим нацистский плен⁷.

Как известно, в 1941–1944 гг. финнами было взято в плен более 64 тысяч советских военнослужащих, около 19 тыс. советских военнопленных, или примерно 30% от их общего числа, погибло. Это очень высокий показатель смертности среди военнопленных, сопоставимый только с уровнем смертности в лагерях для военнопленных в Германии и Японии⁸.

С 7 по 29 октября 1944 г. в ходе Петсамо-Киркенесской наступательной операции силами 14-й армии при содействии 7-й воздушной армии и Северного флота советские войска была окружена и уничтожена группировка противника и освобожден город Петсамо (Печенега), войска вышли на государственную границу с Норвегией, завершив освобождение Заполярья и находившихся в Северной Норвегии и северной Финляндии лагерей военнопленных. Следует отметить, что лагеря военнопленных на территории Норвегии были образованы немецким военным командованием, а лагеря военнопленных на территории Финляндии образовывались и финским и немецким военным командованием. 14-я армия к началу операции была значительно усилена и включала в свой состав свыше 40% всех сил и средств Карельского фронта: пять стрелковых корпусов, (восемь стрелковых дивизий и пять стрелковых бригад, один укрепленный район, отдельную танковую бригаду, два отдельных танковых и два отдельных тяжелых самоходно-артиллерийских полков. Еёподдерживали главные силы (свыше 700 самолетов) 7-й воздушной армии. Из состава Северного флота к проведению операции привлекались шесть эсминцев, восемь подводных лодок, 23 больших и малых охотника, а также две бригады морской пехоты, действовавшие при поддержке береговой и корабельной артиллерии⁹.

Проверкой военнопленных, освобожденных из лагерей, занимались сотрудники Отдела контрразведки «Смерш» 14-й армии и подчиненных ему подразделений контрразведки «Смерш» в дивизиях и бригадах. Перед ними стояла задача по выявлению среди бывших военнопленных агентов финских и немецких спецслужб. Кроме того, вместе с наступавшими частями 14-й армии продвигалась оперативная группа Отдела контрразведки «Смерш» Северного флота, перед которой была поставлены задачи: захватив учреждения немецкой разведки с личным составом, архивами и карточками, выявлять официальных сотрудников немецких разведывательных и контрразведывательных органов, а также провести фильтрацию советских военнопленных, содержащихся в Петсамском и Парккинском лагерях, так как имелись сведения о наличии среди них немецкой и финской агентуры. Однако после освобождения лагерей военнопленных в них обнаружили только 714 человек раненых и больных, так как здоровых военнопленных немцы отправили на Север Норвегии¹⁰.

По-разному сложились судьбы бывших советских военнопленных находившихся в лагерях на территории Финляндии и немецких лагерях в Норвегии. Основная часть советских военнопленных во второй половине октября 1944 г., по железной дороге была доставлена к советско-финской границе и через пограничный пункт Нурми передана советскому военному командованию. Бывшие советские военнопленные направлялись на сборный пункт в г. Выборге, а затем, по существующему положению они были направлены на армейские специальные проверочные пункты, где в течение короткого времени (5-10 дней) были допрошены и переданы в проверочно-фильтрационные лагеря НКВД, где проводилась их дальнейшая проверка органами контрразведки «Смерш». С 13 по 5 ноября 1944 г. через Выборгский сборный пункт НКВД прошло 43 956 чел., в том числе из Финляндии – 43. 040 человек и из Швеции – 916 человек советских военнопленных и лиц гражданского населения. Среди бывших советских военнопленных прибыли один генерал (В.В. Кирпичников), 1571 офицер, 4416 сержантов и 36 493 солдата¹¹.

Финской и немецкой администрациями в лагерях был создан суровый режим содержания военнопленных, особенно характерный для периода 1941–1942 гг. Международные нормы о положении военнопленных во всех лагерях на территории Финляндии и Норвегии грубейшим образом нарушались. До конца 1943 г. не были определены даже нормы питания военнопленных. Физические здоровые советские военнопленные использовались на работах в морских портах, на работах по заготовке пиломатериалов и дров, на торфоразработках, строительстве шоссежных дорог и их расчистке от снега в зимнее время, а также на сельскохозяйственных работах у крестьян. Кроме того, военнопленные выполняли другие работы в окрестностях лагерей и внутри. Военнопленные, с ослабленным здоровьем, трудились в швейных, сапожных, и других мастерских на территории лагерей. Все военнопленные, вне зависимости от воинского звания, пола и возраста, были обязаны выполнять физические работы. При этом техника безопасности не соблюдалась: за 1943–1944 гг. зарегистрировано 5572 несчастных случая при производстве работ, что составило 13% к общему числу военнопленных. Формально с октября 1943 г. суточный пищевой рацион был определен в 2389 калорий, однако военнопленные, содержащиеся в лагерях, полного пищевого рациона не получали. Те же, кто использовался на работах вне лагерей, были предоставлены произволу предпринимателей и помещиков. В результате невыносимых условий и жестокого обращения погибло примерно 28 % советских военнопленных, находившихся в финском плену¹².

Сопоставляя различные источники из ЦА ФСБ России и архивов территориальных органов безопасности, можно убедиться, что советские военнопленные практически с первых же дней находились в поле зрения иностранных разведок. Лица, представлявшие интерес для военной раз-

ведки, направлялись в центральный орган по допросу военнопленных, где сосредоточивалась работа по сбору сведений разведывательного характера. По инициативе отдела надзора финского Генштаба, ведавшего вопросами контрразведывательной службы, в системе лагерей были организованы штрафной лагерь № 24 и специальный лагерь № 3, в последнем был, по существу, создан тюремный режим. Контингент этого лагеря определялся отделом надзора и в основном состоял из политработников Красной армии и лиц, подозреваемых в партизанской или разведывательной деятельности. Об активности отдела надзора свидетельствует то, что за время войны им изъято из лагерей 1410 человек и, кроме того, отобрано и передано немцам 2136 чел., представлявших интерес для «гестапо» и разведки немецкой армии, а из 207 политработников, попавших в финский плен, к моменту перемирия в лагерь сохранилось только 8 человек¹³.

Сотрудники военной разведки Финляндии выявляли среди советских военнопленных коммунистов, политработников, лиц, готовившихся к побегу из лагерей, недовольных политикой Финляндии, а также недовольных или обиженных советской властью. Для решения поставленных задач подбирались и вербовались агенты из числа лиц: финской и карельской национальностей, хорошо знавших районы Карело-Финской ССР; репрессированных органами НКВД или имеющих репрессированных близких родственников; социально-чуждых, уголовно-преступных элементов, а также изменников и предателей Родины. При принятии решения о вербовке учитывались обстоятельства сдачи в плен (сдался добровольно, сложив оружие); как вел себя при первичных допросах после захвата в плен (выдал все известные ему данные или нет); как вел себя в лагере военнопленных (проявил себя, как враждебный советской власти человек).

Архивно-следственные дела на советских гражданах, осужденных за особо опасные государственные и иные преступления, совершенные ими в период нахождения в плену, а также проверочно-фильтрационные дела свидетельствуют, что наибольший интерес для финских разведывательных органов представлял лагерь № 1, в котором содержались около двух тысяч военнопленных офицеров Красной армии¹⁴.

В декабре 1941 г. в лагерь № 1 перевели и бывшего командира 43-й дивизии генерал-майора В.В. Кирпичникова¹⁵, находившегося там до 19 октября 1944 г., т.е. до его возвращения в Советский Союз. Учитывая, что Кирпичников был самым высокопоставленным из всех взятых в плен во время войны с Финляндией (1941–1944 гг.) офицеров Красной армии, он постоянно находился в поле зрения финской военной командования, военной разведки, а также армейского пропагандистского аппарата. По просьбе финской стороны В.В. Кирпичников написал о своих соображениях по поводу разгрома 43-й дивизии под его командованием¹⁶. Сотрудники финской военной разведки, один из которых даже получил в среде военнопленных кличку «Черный Ворон», проводили широкомасштабный

опрос военнопленных лагеря № 1 по различным направлениям деятельности Красной армии и военно-промышленного комплекса, побуждали их к написанию исторических очерков о воинских частях, промышленных и военных объектах и т.д. Кроме того, в лагерях велся тщательный учёт военнопленных, на каждого из них заполнялись карточки установленного образца, в которые заносились фамилия, имя и отчество военнопленного, год и место его рождения, должность и воинское звание, сведения о родственниках¹⁷.

В настоящее время карточки бывших советских военнопленных хранятся в Военном архиве Финляндии и активно используются финскими архивистами в исследовательских целях.

Документы делопроизводства отечественных органов безопасности и проведенные на их основе исследования, свидетельствуют о том, что для подготовки агентов, забрасываемых в последующем в тыл СССР, финскими спецслужбами были созданы разведывательные школы (в городах Петрозаводске, Рованиemi, Выборге, местечке Сельмасельку)¹⁸. Агенты, под руководством инструкторов, в течение одного-трех месяцев проходили специальную подготовку. Они изучали способы сбора разведывательной информации, топографию, передвижение по азимуту с использованием компаса, знакомились с устройством простейших взрывчатых веществ, учились выбирать объекты диверсии и уничтожать их. Индивидуально отрабатывались легенды нахождения в СССР; поведение на допросах в следственных органах; подбор квартир; поведение в населенном пункте; особенности пользования документами прикрытия; правила конспирации, способы связи с разведслужбами Финляндии¹⁹.

После завершения обучения агенты финской разведки перебрасывались в советский тыл в основном, по два человека или небольшими группами. Почти все группы забрасывались под видом военнослужащих Красной армии, имели соответствующую легенду, необходимые документы и рацию. Заброска агентов осуществлялась по воздуху (на самолетах с последующим сбрасыванием, с посадкой на озерах), по воде (на лодках и плотках) или пешком под видом лиц, бежавших из плена²⁰.

Финская военная разведка в 1941–1944 гг., действовала не только во взаимодействии с военной разведкой Германии, но и под оперативным контролем, со стороны немецких консультантов. Во время Второй мировой войны Отделом надзора финского генштаба из лагерей для советских военнопленных было отобрано и передано в Германию 2136 человек, представлявших интерес для «гестапо» и разведки немецкой армии²¹.

Документальные источники ГА РФ, ЦА ФСБ России, а также архивы территориальных органов безопасности свидетельствуют, что на территории Финляндии, Норвегии, а также на оккупированных противником районах Карело-Финской ССР и Ленинградской области в период с июля 1941 г. по октябрь 1944 г. было создано более 160 постоянных или временных

лагерей для содержания военнопленных, которые находились под контролем как финского, так и немецкого военного командования.

На территории Норвегии у немцев было четыре крупных лагеря, расположенных в населённых пунктах: лагерь № 303 в Лиллехамере, лагерь № 280 в Древя и Оппдале, лагерь № 330 в Альта и Бейсфорде. Лагерь № 322 в Эльвенесе (более 1000 военнопленных, рядовой и младший командный состав) Осенью 1944 г. перед отступлением немецких войск в лагерь № 322 были собраны все инвалиды и больные военнопленные из других лагерей, а здоровых военнопленных немцы увели с собой в Норвегию. Всего в Норвегии у Немцев было 278 лагерей для военнопленных. В Финляндии и на оккупированной территории СССР у немцев были шталаг № 309 в районе Салла Куолярви и приблизительно 100 постоянных и временных лагерей военнопленных.

Лагерь советских военнопленных, находившийся севернее Петсамо, в местечке Капровознеми (Финляндия, в настоящее время территория Российской Федерации, г. Печенга). Военнопленные использовались на добыче камня для строительства военных укреплений. У Финляндии на своей территории и на временно оккупированной советской территории были два сортировочных лагеря: лагерь № 1 (для офицеров Красной Армии), расположенный в местечке Каккури в районе станции Пейпохья и лагерь № 2 (Наро-Ярви), а также 29 крупных лагерей (лагерь № 6 в г. Выборг; лагерь № 7 на полуострове Ханко, лагеря в городах Медвежьегорске, Петрозаводске, Сортавала, Суомуссалми, Пьетар-Саари и др. Всего в различных населенных пунктах существовало 167 лагерей и подчиненных им мест содержания советских военнопленных²². В лагере военнопленных в г. Лахти (Финляндия) содержалось до 8000 человек. Впоследствии они были переброшены на строительство шоссе вблизи границы Норвегии и Швеции. Лагерь военнопленных, образованный в конце лета 1941 г. на восточной окраине г. Рованиеми (Финляндия), (150 – 180 человек). Рованиеми являлся своеобразным центром деятельности финских специальных служб. В городе дислоцировались: одна рота из разведывательно-диверсионного отряда «Отдельного партизанского батальона», основной задачей которого было ведение разведывательно-диверсионной работы в тылу Красной армии; рота из «Отдельного партизанского батальона», приданная Рованиемскому отделению разведки (Кандалакшское направление и в район Петсамо), занималась формированием разведывательно-диверсионных групп численностью от 5 до 30 человек, направлявшихся в советский тыл на глубину до 150 км для сбора информации о передвижениях по шоссе и железным дорогам (Кировская железная дорога), о фортификационных сооружениях советских войск, фиксации передвижения частей Красной армии и войск НКВД, проведения фотосъемки военных объектов, разведывательного опроса местных жителей; проведения диверсионных и террористических актов. Кроме того,

в Рованиеми (при Лапландском отделении разведки) была создана разведывательная школа для подготовки агентов с задачами сбора разведывательной информации и проведения диверсионных актов на территории СССР. Агенты забрасывались под видом военнослужащих Красной армии, были снабжены легендами и необходимыми документами прикрытия. Перед ними ставились задания по сбору сведений о состоянии промышленных предприятий, моральном состоянии военнослужащих Красной армии и войск НКВД. Лагерь военнопленных в Алакуртти (Финляндия, в настоящее время территория Российской Федерации), располагавшийся на восточном берегу реки Тумча. Численность военнопленных достигала до 800 человек. Они использовались на восстановлении железных дорог, разминировании полей, разбору проволочных заграждений, а также захоронении убитых финских и немецких солдат, сборе трофеев.

Находившиеся в Северной Финляндии немецкие подразделения взяли в плен на линии фронта в Петсамо, Салла и Кестеньга примерно 9 тысяч советских военнопленных. Материалы, касающиеся лагерей военнопленных в этом регионе, а также судеб, находившихся в них советских военнопленных, представляют наибольший интерес для финских исследователей. Однако именно эти архивные материалы до настоящего времени оказались по различным причинам наименее изученными и не введены в научный оборот. К ним относятся документы Отдела контрразведки «Смерш» 14-й армии и Отдела контрразведки «Смерш» Северного флота. В этих материалах сосредоточены документы делопроизводства (копии ведомственных нормативных правовых актов, служебная переписка и т.п.), протоколы и заверенные копии протоколов допросов бывших советских пленников, трофейные документы. Эти источники содержат разносторонние сведения о лагерях для военнопленных, располагавшихся на территории Северной Норвегии, организованных немецким военным командованием, а также о лагерях в Северной Финляндии, находившихся под контролем немецкой и финской армии²³.

Наряду с протоколами допросов бывших советских военнопленных, которые проводились сотрудниками органов контрразведки «Смерш» 14-й армии и Северного флота, в архивных материалах отложились собственноручные показания бывших военнопленных, нарисованные ими схемы лагерей. Изучение всего комплекса документов позволяет составить достаточно подробную структуру финских и немецких лагерей военнопленных, назвать места их дислокации, численность содержащихся военнопленных, условия содержания, проживания и использования, систему охраны и др.

После подписания 19 сентября 1944 г. перемирия между Финляндией и СССР, администрация лагерей стала активно склонять советских военнопленных отказаться от возвращения в СССР и либо остаться в Финляндии, либо выехать в Швецию или США. При этом финские представители заявляли, что всех возвращающихся из плена в Советский Союз там ожидает

смерть²⁴. Несколько сотен бывших советских военнопленных различными способами пытались получить убежище на территории Финляндии, не всем это удалось. Так, после заключения перемирия между СССР и Финляндией, 1037 человек бежали из лагерей, пытаясь уклониться от возвращения в СССР. Они обоснованно боялись последующего преследования за факт нахождения в плену, а также совершения отдельных противоправных действий в этот период. 693 человека из числа совершивших побег были задержаны финскими властями и переданы советской стороне. Часть советских военнопленных, не без помощи финской разведки, выехала в Швецию. Судьба этих бывших военнопленных, которых насчитывается 1679 человек, оставалась невыясненной²⁵.

Многие бывшие советские военнопленные после прохождения фильтрации возвращались в распоряжение военных комиссаров, которые направляли их в части и соединения Красной армии. Вместе с тем, органами контрразведки «Смерш» выявлялись лица, сотрудничавшие с финскими и немецкими разведывательными службами. В отношении таких лиц проводились следственные действия и они привлекались к уголовной ответственности по признакам преступления предусмотренного ст. 58 п. 1 «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим). К сожалению, при рассмотрении данной категории уголовных дел военными трибуналами или Особым совещанием НКВД не учитывались обстоятельства попадания в плен, причины, побудившие военнопленных давать согласие на сотрудничество с финской разведкой. Часто это было связано с тем, что советский военнослужащий, попав в ужасающие условия плена, стремился выжить любым доступным ему способом и вырваться из плена (пусть даже таким путем), чтобы вернуться на Родину. Лица, избравшие такой путь возвращения на Родину, после заброски их на территорию СССР, сразу обращались в правоохранительные органы с соответствующими заявлениями и оформляли явку с повинной. Несмотря на то, что они не совершили реальных противоправных действий, наносящих ущерб безопасности государства, они были, как правило, осуждены судами военных трибуналов на небольшие сроки (2–3 года) заключения в исправительно-трудовых лагерях. Впоследствии в 1992–2005 гг. в процессе пересмотра уголовных дел такого рода уголовные дела были прекращены, а лица, проходившие по ним, – реабилитированы²⁶.

Однако среди военнопленных были и те, кто осознанно пошел на сотрудничество с финской разведкой. Находясь в лагерях для военнопленных, они информировали финскую администрацию о лицах, готовившихся к побегу из лагеря, проводивших беседы с товарищами по несчастью о скорой победе Красной армии, убеждавших не вступать в национальные вооруженные формирования. К неблагонадежным лицам финская лагерная администрация применяла жесткие меры наказания (размещая в карцеры, снижая

нормы питания, подвергая психологическому воздействию и т.п.). Информаторы финской разведки из лагерей для военнопленных, направлялась в разведывательные школы, после окончания которых, оставалась работать там же в качестве преподавателей и инструкторов. Направляясь в тыл Красной армии с разведывательно-диверсионными целями, они не спешили являться в правоохранительные органы. В случае задержания сотрудниками советской контрразведки и разоблачения в проведении преступной деятельности, материалы уголовных дел на агентов финской разведки передавались в суды военных трибуналов, которые выносили суровые приговоры – длительные сроки лишения свободы до 25 лет или высшая мера наказания – расстрел²⁷.

В процессе пересмотра таких уголовных дел органы военной прокуратуры и суда решения в отношении данной группы лиц признали обоснованными и, следовательно, их – не подлежащими реабилитации.

¹ В исследовательском проекте некорректно используется словосочетание «военнопленные, выданные в СССР», более точной будет формулировка – «военнопленные, возвращенные в СССР».

² Более подробно о составе документов о советских военнопленных см.: *Христофоров В.С.* Архивные документы Федеральной службы безопасности Российской Федерации о советских военнопленных // Отечественные архивы. 2001. № 6. – С. 11–16.

³ Финские военные власти в декабре 1942 г. сформировали из советских военнопленных 3-й отдельный батальон «Хеймо», численностью 987 человек. В декабре 1943 г., по ходатайству начальника генштаба – генерала Хейнрикс, немцами был передан финскому командованию 644-й батальон «Ост», сформированный из советских граждан, проживавших в оккупированных районах СССР и частью находившихся в лагере для военнопленных. Этот батальон, численностью 659 человек, финнами был реорганизован в 6-й отдельный батальон финской армии. Как 3-й батальон «Хеймо», так и 6-й отдельный батальон, в нарушение гагской конвенции 1907 г., были использованы в июне-июле 1944 г. в боевых операциях против Красной армии. После заключения перемирия финские военные власти распустили весь состав 6-го отдельного батальона, снабдив их документами на право жительства в Финляндии, а для 3-го батальона «Хеймо» создали условия, пользуясь которыми около половины личного состава дезертировало, не желая возвращаться в СССР из-за боязни ответственности за измену Родине. Часть военнослужащих, бежавших из батальона «Хеймо» и объявленных в розыск, получила от полицейских органов документы на право жительства в Финляндии.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-9401 сч. Оп. 2. Д. Д.67; 97.

⁵ *Молодова И.Ю.* Проверочно-фильтрационные дела в Госархиве документов новейшей истории Калужской области // Отечественные архивы. 2003. № 1. – С. 49–56.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. К-1ос. Оп. 10. Д. 173. Л. 13.

⁷ Война глазами военнопленных (по материалам проверочно-фильтрационных дел, хранящихся в ГОПАПО): Сборник документов. Пермь, 2007.

⁸ См.: *Коваленко В.Г.* Новейшая финляндская историография о советских военнопленных в Финляндии // Отечественная история. М., 1994. № 3. – С. 158–160.

⁹ См.: *Великая Отечественная война 1941-1945 гг. : Сборник военно-исторических карт. Ч. 3. – М., 2006. – С. 87–93.*

¹⁰ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы / В.С. Христофоров, В.К. Виноградов, О.К. Матвеев и др. М., 2005. – С. 275–276.

¹¹ См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 67. Л. 300. Д. 97. Л. 49–51.

¹² См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 97. Л. 51–53.

¹³ См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 97. Л. 54–55.

- ¹⁴ Архив УФСБ России по г. Москве и Московской области. Д. № 48410.
- ¹⁵ Кирпичников Владимир Васильевич (1903-1950), командир 43-й дивизии (1939–1941), в финском плену (1 сентября 1941 г. – 19 октября 1944 г.), по возвращению в СССР обвинен в измене Родины, и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 28 августа 1950 г. расстрелян. Не реабилитирован.
- ¹⁶ См.: *Христофоров В.С.* «Попав в плен, я был морально подавлен» (о некоторых политико-правовых аспектах уголовного дела генерал-майора В.В. Кирпичникова) // Военно-исторический журнал. 2007 г. № 7. – С. 28–30; № 9. – С. 27–30.
- ¹⁷ Архив УФСБ России по Белгородской обл. Д. № 13134.
- ¹⁸ *Лайдинен Э.П. Веригин С.Г.* Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). – Петрозаводск, 2004. – С. 97.
- ¹⁹ Архив УФСБ России по Белгородской обл. Д. № 13134. Л. 12–19.
- ²⁰ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. – М., 2005. – С. 274.
- ²¹ См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 97. Л. 52–53.
- ²² ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490; Архивы Управлений ФСБ России по Белгородской области. Д. № 13134; по Курской области Д. № 15252; по г. Москве и Московской области. Д. № 48410.
- ²³ См.: Архив УФСБ России по Мурманской области. Д. № 123.
- ²⁴ См.: ЦА ФСБ России. Д. № Н-20490. Л. 58–62.
- ²⁵ См.: ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 97. Л. 50.
- ²⁶ См.: Архив УФСБ России по Нижегородской области. Д. № П-23955.
- ²⁷ См.: ЦА ФСБ России. Д. № 0459730; архив УФСБ России по г. Москве и Московской области. Д. № 48410; архив УФСБ России по Курской области. Д. № 15252.

СОВЕТСКИЕ ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ

Тезисы выступления на международной конференции.

«Уроки Второй мировой войны и современность»

г. Южно-Сахалинск, 2–3 сентября 2010 г.

Разгром японских милитаристов на реке Халхин-Гол в августе 1939 г., заключение 13 апреля 1941 г. Советским Союзом договора с Японией о ненападении и нейтралитете не принесли полного спокойствия на советском Дальнем Востоке. На различных участках протяженной границы почти не прекращались вооруженные провокации. Исходя из этого, решением советского военно-политического руководства в июле 1940 г. был сформирован Дальневосточный фронт, а после нападения фашистской Германии на СССР на основе Забайкальского военного округа в сентябре 1941 г. – Забайкальский фронт. В Дальневосточную группировку войск входили также Приморская группа войск, Тихоокеанский флот, Амурская военная флотилия и пограничные войска НКВД.

Документы Центрального архива ФСБ России позволяют реконструировать события противоборства японских и советских спецслужб в предвоенные и военные годы, оценить участие советских органов госбезопасности в период подготовки и ведения боевых действий на Дальнем Востоке в августе–сентябре 1945 г.

На территории Японии, Маньчжурии и Южного Сахалина была развернута сеть японских разведывательно-диверсионных и террористических школ и курсов, вдоль всей советско-маньчжурской границы на Южном Сахалине сформированы органы военной разведки – японские военные миссии (ЯВМ), созданы три специализированных фильтрационных лагеря для захваченных советских военнослужащих и перебежчиков из СССР, к работе спецслужб привлечены все белоэмигрантские антисоветские организации в Харбине и т.п. Еще в начале 1930-х гг. было создано «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (БРЭМ), филиалы которого появились также в крупных городах региона.

Японская разведка направляла на территорию СССР сотрудников военных разведывательных органов и полиции, агентов из числа корейцев, белоэмигрантов, бывших советских граждан, незаконно перешедших

границу, дезертиров, прошедших специальную подготовку и направленных с разведывательными заданиями в приграничные районы¹. Направлялись и специально подготовленные группы с целью проведения диверсионных и террористических актов в тылу Красной армии, на объектах, охраняемых железнодорожными и промышленными войсками НКВД, а также для организации «повстанческого движения».

Архивные документы свидетельствуют, что японская разведка в конце 1930-х – начале 1940-х гг. стремилась получить информацию об обстановке на советском Дальнем Востоке и военном потенциале этого региона, дислокации и боевых возможностях пограничных войск НКВД, в том числе военно-морских и авиационных частей погранвойск, режиме охраны границы, взаимодействии погранвойск с частями и соединениями Красной армии. Особый интерес вызывали объекты «Дальстроя» НКВД.

Япония проявляла «большую активность по насаждению диверсантов в промышленности и на Транссибирской железнодорожной магистрали, являющейся единственным связывающим звеном центра СССР с Дальним Востоком»². Спецслужбы собирали информацию о воинских частях и аэродромах, расположенных в районе Колымы, на Южном Сахалине и количестве находящихся там самолетов, о числе подводных лодок и торпедных катеров, о состоянии причалов и инфраструктуре бухты Нагаева, о численности местных аппаратов НКВД и милиции, о промышленном строительстве в регионе³. Разведывательные устремления японских спецслужб носили стратегический характер – выявление способности Дальневосточной военной группировки СССР противостоять наступлению японской армии; оценка возможности установления и поддержания японских порядков на территориях, которые планировалось захватить. В стратегию разведки Японии вписывалось и стремление собрать как можно более полные сведения о проживавших в нашей стране японцах, а также лицах иной национальности – в прошлом подданных Японии. Они рассматривались как контингент для добывания разведывательной информации, оказания содействия в легализации забрасывавшихся с территории Японии нелегалов, а также установления в регионе оккупационного режима.

После нападения фашистской Германии в июне 1941 г. на СССР военно-политическая обстановка на дальневосточной границе стала еще более напряженной. В районах, прилегающих к СССР, японское командование держало миллионную Квантунскую армию, готовую в рамках реализации плана под кодовым названием «Кантокуэн» («Особые маневры») в любой момент начать наступление на Хабаровск, Владивосток и Читу. Советскому военно-политическому руководству пришлось усилить дальневосточную группировку войск. Несколькими мобилизаций в первые месяцы войны позволили укомплектовать части и соединения до штатов военного времени, но вот обеспечение техникой, оружием, боеприпасами, продовольствием и снаряжением весь период Великой Отечественной войны находилось

на крайне низком уровне – почти все поглощал советско-германский фронт. В то же время, надо было поддерживать китайских и корейских партизан, отвлекавших значительные силы Квантунской армии, заставляя ее командование думать больше об охране своих тылов, чем о походе на советский Дальний Восток. В последующем, когда проводилась Маньчжурская операция, эти партизанские отряды стали опорой советского командования в ходе операции, поставляли для Красной армии надежных проводников и переводчиков.

Нападение на Перл-Харбор и основные базы США и Великобритании 7 декабря 1941 г. и последующая экспансия Японии в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана свидетельствовали о том, что вектор японской внешней политики временно сместился в эти регионы. Информацию подтверждали и закордонные резидентуры советской разведки. Это давало возможность СССР в период решающих сражений на советско-германском фронте перебрасывать на запад воинские части и соединения с Забайкальского и Дальневосточного фронтов.

При подготовке к отражению возможной агрессии со стороны Японии руководство НКВД СССР стремилось извлечь уроки из ошибок в организации партизанского движения в начальный период Великой Отечественной войны. На Дальнем Востоке уже к 1 октября 1941 г. удалось сформировать более 120 партизанских отрядов общей численностью 16,5 тыс. человек, создать более 40 диверсионных групп численностью около 400 человек, почти 220 резидентур численностью более тысячи человек.

Победа советских войск под Сталинградом и на Курской дуге заставила правящие круги Японии сместить акценты с открытия военных действий против СССР на проведение оборонительных мероприятий. Были пересмотрены стратегические цели и отчасти тактические приемы деятельности японских спецслужб. В апреле 1944 г. заместитель начальника 2-го Управления НКГБ СССР Н.С. Сазыкин⁴ отмечал, что органами госбезопасности «не выявлялась японская агентура, имеющая задания диверсионного характера или задания по проникновению на важнейшие промышленные и стратегические объекты края»⁵.

В апреле 1944 г. начальник 2-го отдела 1-го Управления ГУПВ НКВД СССР И.С. Курганов⁶ подготовил обзор о подрывной деятельности японской разведки на Дальнем Востоке в 1943 г., в котором отразил структуру и дислокацию разведывательных органов, дал общую характеристику деятельности японской разведки в Маньчжурии в 1943 г., основные направления ее деятельности, охарактеризовал агентуру, сделав акцент на изменениях Родине и русских эмигрантах, описал формы и методы подготовки квалифицированной агентуры, формирование диверсионно-разведывательных групп на военный период⁷.

4 февраля 1945 г. открылась Ялтинская конференция⁸ глав правительств антигитлеровской коалиции, посвященная установлению послевоенного

мирового порядка. На этой конференции СССР взял на себя обязательство вступить в войну с Японией через 2-3 месяца после капитуляции Германии. На Дальнем Востоке СССР получал территории, утраченные в результате поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. и Курильские острова.

В соответствии с союзническими обязательствами, достигнутыми на Ялтинской конференции, правительством СССР 5 апреля был денонсирован советско-японский договор от 13 апреля 1941 г. о ненападении и нейтралитете. НКГБ СССР сразу же приступил к сбору информации о реакции иностранцев и советских граждан на это событие.

Уже на следующий день 6 апреля В.Н. Меркулов направил в ГКО сообщение о настроениях японской колонии в Москве в связи с сообщением о денонсировании советско-японского пакта о нейтралитете. Меркулов сообщал, что «около 19 часов все японские корреспонденты были вызваны в посольство, где им сообщили о денонсации договора. В гостиницу японцы вернулись в мрачном настроении». Корреспондент газеты «Майничи» Ватанавэ и секретарь японского военного атташе Уемура отметили, что «японское правительство должно было это предотвратить, но, к сожалению, не смогло. Теперь Япония должна ожидать неизбежного дальнейшего развития событий. Текст заявления, в котором как причины денонсации пакта о нейтралитете указаны помощь со стороны Японии Германии и война Японии против США и Англии, не оставляет никаких надежд на невмешательство Советского Союза в тихоокеанскую войну. Вопрос только в том, когда, в какой момент вмешается СССР. Есть много оснований думать, что СССР выступит против Японии даже до истечения срока действия пакта. А вообще это будет зависеть от темпа успеха американских войск». Не менее неожиданным для японцев явилась резкость тона советского заявления. «То, что заявление случайно совпало с отставкой японского правительства, усилит впечатление от этого акта СССР внутри Японии»⁹.

8 апреля 1945 г. В.Н. Меркулов проинформировал ГКО о высказываниях сотрудников дипломатического корпуса и иностранных корреспондентов в Москве по поводу денонсирования советско-японского пакта о ненападении. Находившиеся в Москве представители военной миссии США: начальник – генерал Дин, начальник морской секции – адмирал Олсен, другие сотрудники американской военной миссии, положительно оценивали заявление советского правительства: «Все это было предусмотрено на Крымской конференции. Факт точного выполнения русскими принятых на себя обязательств и даже то, что сообщено только о денонсировании, а не об объявлении войны, которая все-таки будет объявлена, подтверждает, что советское правительство, даже в ущерб себе, исключительно пунктуально в выполнении своих обязательств». Одновременно они сомневались, что «СССР вскоре окажется в состоянии войны с Японией. Для СССР в данный момент не выгодно вступать в войну с Японией. Советский Союз еще не готов к дальневосточной кампании. Русские располагают временем. Они

будут иметь возможность объявить войну в 1946 году, после окончания срока договора с Японией, и оказаться абсолютно точными в выполнении своих договоров». По мнению посланника МНР Самбу, из текста заявления «нельзя сделать вывод, что вот сейчас начнется война, тем более, что о денонсации заявляется за год. В связи с этим сообщением нельзя распространять слухи о начале войны между Японией и СССР». Как отметил иранский посол Ахи, «большинство моих коллег по посольствам полагает, что как СССР, так и Япония очень ослаблены, и война в настоящее или ближайшее время – невозможна. В то же время представители мексиканского и австралийского посольств считали, что «война может начаться в скором времени», и Япония, как империалистическая держава, будет уничтожена¹⁰.

НКГБ СССР внимательно отслеживал и отклики различных слоев населения Москвы на денонсацию советско-японского пакта о нейтралитете. 8 апреля 1945 г. В.Н. Меркулов представил в ГКО записку с выдержками откликов академиков и научных работников, литераторов и работников искусства, инженерно-технических работников, рабочих и служащих, представителей православной церкви. В них отмечалось, что денонсация советско-японского пакта о нейтралитете представляет собой давно ожидаемый акт, высказывались слова в поддержку советского правительства: «Японцы заслужили, чтобы быть битыми, они это получают в изобилии. Японии пора ответить за Цусиму и прочие дела». Мнения по поводу войны разделились. Одни считали, что «мы накануне войны. Войны с Японией нам не избежать. Мы этой войны не боимся». Другие надеялись, что удастся избежать боевых действий: «Воевать, вероятно, не придется, так как Япония вынуждена будет без серьезных военных действий уступить нам. Это нам важно перед конференцией в Сан-Франциско. Иначе было бы неловко перед союзниками. Но это еще не означает объявления войны Японии, мы просто свободны в своих обязательствах перед ней, что выгодно сейчас политически со всех точек зрения. Будет ли война настоящая – неизвестно». Третьи считали, что СССР не будет воевать с Японией: «С японцами мы пока воевать не будем, но при помощи советской дипломатии поможем союзникам задушить Японию. Япония пойдет на большие уступки, дабы избежать войны с Советским Союзом». Приводились высказывания деятелей русской православной церкви и Всесоюзного Совета евангельских христиан и баптистов, которые положительно отзывались о денонсации договора¹¹.

11 апреля 1945 г. В.Н. Меркулов дополнительно направил в ГКО записку с выдержками откликов населения. Как и в предыдущем документе, приводились только выдержки со словами поддержки, одобрения принятого решения. В высказываниях отмечалась своевременность денонсации договора, подчеркивалась мощь и сила Советского Союза, уверенность в победе над Японией. В то же время часть населения надеялась, что все-таки войны с Японией не будет, «вероятно японцы пойдут теперь нам на любые уступки, так как японский народ устал от длительной войны¹².

Разгром Германии, наращивание англо-американской авиацией ударов по Японским островам вызвал усиление панических настроений в Японии. Советская внешняя разведка сообщала, что все больше японцев убеждаются в неизбежности войны с Советским Союзом, их энтузиазм падает, невыход рабочих в ночную смену на предприятиях Токио и прилегающих районов принял массовый характер, мобилизованные на производство учащиеся высших и средних учебных заведений саботируют работу даже в дневное время, несмотря на применение к ним репрессивных мер¹³.

Тем не менее, императорское правительство Японии не собиралось складывать оружие. 2 июня 1945 г. резидент советской разведки сообщал из Чунцина¹⁴ об отводе японских войск с юга Китая на север. Переброску японских войск из Южного Китая в Маньчжурию и Корею подтверждали и резиденты в Шанхае и Харбине¹⁵.

Проводилось формирование отрядов из народностей, населявших Маньчжурию, в том числе из русских и этнических японцев. Велась активная разведка советского приграничья, изучалась система охраны государственной границы с перспективой выявления «коридоров» для заброски шпионов и диверсантов вглубь советской территории.

В связи с предстоящими боевыми действиями на территории Маньчжурии летом 1945 г. началось сосредоточение советских войск в приграничных районах Дальнего Востока. Проводили соответствующую подготовку в этом регионе и органы госбезопасности. В июне 1945 г. в штаб А.М. Василевского¹⁶ был направлен заместитель начальника ГУКР «Смерш» генерал-лейтенант И.Я. Бабич¹⁷ с группой из 30 оперативников. Начальником УКР «Смерш» Приморской группы войск (вскоре была развернута в 1-й Дальневосточный фронт) стал откомандированный с Карельского фронта Д.И. Мельников¹⁸, Забайкальского фронта – П.В. Зеленин¹⁹ с 3-го Белорусского, 2-го Дальневосточного – И.Т. Салоимский²⁰ с Забайкальского фронта. Начальником ОКР «Смерш» Тихоокеанского флота был Д.П. Мерзленко²¹. На Дальний Восток были направлены 45 руководящих работников военной контрразведки, а также 100 оперативных сотрудников, имевших опыт работы в боевых условиях. Всего по информации начальника ГУКР «Смерш» В.С. Абакумова²², направленной в ГКО и НКВД СССР, в органы «Смерш» Дальнего Востока было направлено 310 фронтовых контрразведчиков, и в дальнейшем – еще 200 человек²³.

С 17 июля по 2 августа в предместье поверженного Берлина проходила Потсдамская конференция глав трех великих держав – СССР, США и Великобритании. У США сохранялась заинтересованность в том, чтобы Сталин выполнил обещание, данное им на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. – вступить в войну с Японией. Эдвард Стеттинус, занимавший пост госсекретаря в администрации Рузвельта и Трумэна, отмечал, что в подготовленной с участием военных для президента Рузвельта и американской делегации «памятке» для переговоров в Ялте подчеркивалось:

«Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе»²⁴.

Во время проведения Потсдамской конференции Трумэну поступил подробный отчет об успешном испытании атомной бомбы в США. Однако несмотря на успешное испытание нового оружия огромной разрушительной силы, американский президент прямо заявил, что «США ожидают помощи от СССР». В ответ Сталин сказал, что «Советский Союз готов вступить в действие к середине августа и он сдержит свое слово»²⁵.

Японское правительство до последнего момента надеялось удержать Советский Союз от вступления в войну. Оно было готово пойти на удовлетворение любых требований Советского Союза, включая и территориальные.

6 августа в период завершения подготовки СССР к войне с Японией, по указанию правительства США на японский город Хиросиму была сброшена первая американская атомная бомба. 8 августа атомной бомбардировке подвергся и город Нагасаки. С военной точки зрения применение ядерного оружия не являлось необходимым. Президент США преследовал, прежде всего, политическую цель – запугать СССР, главного победителя в войне с Германией, войска которого стояли в центре Европы.

В советской историографии утверждалось, что основным мотивом решения о вступлении СССР в войну с Японией было стремление выполнить обещание, данное на Ялтинской конференции. Ровно через три месяца после капитуляции Германии советское правительство 8 августа 1945 г. объявило войну Японии²⁶. Кроме выполнения союзнических обязательств, вступление Советского Союза в войну с Японией было направлено также и на создание благоприятных для СССР военно-стратегических позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В ночь на 9 августа 1945 г. части пограничных войск, по заранее разработанному плану уничтожили японо-маньчжурскую полицию по всей линии государственной границы. Морские и речные подразделения погранвойск, а также разведывательные группы и проводники оказали помощь соединениям Красной армии при форсировании Амура и Сунгари. В этих операциях пограничные войска Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов нанесли противнику значительные потери²⁷. Продвигаясь вместе с наступающими армейскими частями, опергруппы «Смерш» захватывали помещения японских разведывательных и контрразведывательных органов, белоэмигрантских организаций, проводили аресты отдельных лиц, выявленных по полученным адресам или в ходе фильтрации, вели розыск сотрудников японской разведки на освобожденной территории.

Для руководства Советского Союза было важно знать, как реагирует население страны на объявление войны Японии. Такую информацию предоставляли органы государственной безопасности. Так, 10 августа В.Н. Меркулов направил в ГКО записку, в которой приводились высказывания

академиков, научных работников, писателей, артистов и работников искусства, инженерно-технических работников, служащих, рабочих, деятелей русской православной церкви. В высказываниях содержались слова поддержки и одобрения принятого решения. В то же время было понимание, что «стране придется выдержать тяготы сухопутной войны. Нам придется воевать в Маньчжурии и Китае, придется преодолевать большие пространства и, если учитывать фанатизм японцев, то все это дело нелегкое, но избежать этой войны мы не можем». «Наша страна вступает в эту войну с большой уверенностью. Мы били японцев несколько лет назад, когда были несравненно слабы. Мы вышли окрепшими и сплоченными после войны с Германией, приобрели большой опыт и вырастили новые, замечательные военные кадры». «Морально СССР не имел права нарушать пакт о ненападении, который, хотя и денонсирован, но срок его еще не истек». «Война нужна, но война – это новые жертвы». «Не воевать нельзя, не только потому, что это требуют союзники, но и в своих собственных интересах. Нужно вернуть Южный Сахалин, Ляодун²⁸, Маньчжурию, помочь монголам соединиться с большинством своего народа, живущим пока под контролем японцев. Главное, надо раз и навсегда устранить японскую угрозу на Дальнем Востоке, а другого случая для этого не будет».

Среди высказываний в поддержку звучали и тревожные высказывания: «Это огромная и непоправимая ошибка нашего правительства. И без того обескровленный СССР лишится огромных сотен тысяч людей и, кроме того, на плечи народа снова ложится огромная военная усталость». Наиболее эмоциональными были слова писательницы А.К.: «Когда кончатся страдания народа? Понимает ли наше правительство, до какой степени измучились люди. Я умом понимаю историческую необходимость новой войны, но я не могу с таким деревянным спокойствием говорить о гибели новых миллионов людей. Это ужасно».

Творческая интеллигенция в основном поддерживала принятое решение: «Наши выбрали наиболее удачный момент для объявления войны. Если бы Германия победила СССР, то, несомненно, Япония на нас напала бы, и, если вспомнить все истории, которые были на Халхин-Голе, в Монголии и т.д., то вполне понятно, что шаг правильный. Только надо учесть, что жертвы будут большие, не так легко японцы сдадутся и капитулируют. У нас сейчас к этому очень легкомысленное отношение – вроде «закидаем шапками», а на самом деле борьба будет тяжелая. Но без этого шага наша политика была бы неправильной»²⁹.

В высказываниях инженерно-технических работников содержалась тревога по поводу возможных жертв в новой войне и одновременно понимание важности этой акции, оптимистические прогнозы быстрой победы, вступление в войну оценивалось как восстановление исторической справедливости по возвращению утраченных территорий: «От советского народа эта война потребует еще много дополнительных человеческих жертв.

Нашему правительству следовало бы в этой войне занять такую позицию, какую занимали союзники в войне против Германии, т.е. предоставить союзникам базы и плацдармы на нашей территории и за этот счет сберечь людские силы нашей армии». «Я не могу ни в чем упрекнуть наше правительство. Прежде всего – наш долг помочь американцам и англичанам. Затем пора проучить японцев и отобрать у них обратно то, чем они владели: Сахалин, Маньчжурию, Ляодунский полуостров с крепость Порт-Артур». «Центр мировой политики перемещается на Восток, и наше вступление в войну с Японией должно нам обеспечить там необходимые позиции. Разгром Японии очень близок и нам осталось спешить, тем более, что в действие вступили новые средства войны – атомные бомбы³⁰. В этих условиях, чем скорее мы вступим в войну, тем выгоднее для нас». «Мы пользуемся случаем вернуть себе то, что потеряла царская Россия. Конечно, это нам удастся сделать с небольшими сравнительно потерями, но все-таки жаль людей, жаль русских, которые опять возьмут на себя главное бремя потерь»³¹.

Рабочие и служащие в основном поддерживали решение советского правительства о вступлении в войну с Японией, понимая, что «без этого обойтись нельзя», одновременно были обеспокоены возможными новыми жертвами. Звучали голоса о необходимости возврата утраченных территорий, «ударить японцев по рукам, чтобы они не лезли к нам», добиться разгрома Японии. «Эта война должна быть короткая, как, была война с Финляндией в 1939 г. Японию мы теперь быстро разобьем и обязательно получим нашу Китайско-Восточную железную дорогу, Порт-Артур и Сахалин. Теперь для японцев не 1905 год». «Не понимаю, на что надеется японское правительство. Как они могут воевать против Америки, Англии, да еще против нас? Теперь они узнают, что такое наши "Катюш" и наши танки».

Документ завершался высказываниями Патриарха Московского и Всея Руси Алексия: «Война с Японией логически неизбежна. Союзники без нас победить не смогут, или это будет совершенно с величайшими жертвами и трудностями. Отказать союзникам, каждый понимает, мы не можем. Результаты войны сулят нам одни выгоды: прочный мир с союзниками и отсюда действительный мир во всем мире, обеспечение наших земель на Дальнем Востоке, изменение границ, уничтожение японской агрессии. Будут уничтожены унижительные для нашего национального самолюбия последствия японской войны 1904 года и все договора, заключенные после революции, которые основывались на нашей тогда политической слабости. Жаль нашу молодежь. Опять будут жертвы, но это уже будут последние, самоотверженные за жизнь и благо других и всего мира. Эта война будет демонстрация нашей мощи. Меня тронуло благородство, с каким объявлено о сроке войны. 27-го января 1904 года японцы напали на нас без объявления войны; также выступили они против наших союзников в эту войну. А мы – Сталин предупреждает о дне и часе, когда войска наши откроют военные действия»³². Следует отметить, что в связи с объявлением СССР

войны Японии органами НКГБ в Сахалинской и Амурской областях не было зафиксировано ни одного антисоветского высказывания среди различных слоев населения³³.

11 августа 1945 г. начальник ГУКР «Смерш» проинформировал ГКО и НКВД СССР о деятельности советской военной контрразведки в Маньчжурии. «За два дня наступления органами «Смерш» трех фронтов на территории, занятой нашими войсками, было арестовано 119 человек: 75 сотрудников и агентов японской разведки и 44 активных участника белогвардейских и фашистских организаций. Оперативной группой ОКР «Смерш» 36-й армии Забайкальского фронта была захвачена японская военная миссия со всеми архивами, причем в архиве эмигрантского бюро ЯВМ было обнаружено до 2000 анкет на эмигрантов, проживающих в Маньчжурии, и эти материалы оперативные работники использовали для проведения розыскных мероприятий. Опергруппой «Смерш» 1-го Дальневосточного фронта в г. Пограничном было арестовано 12 агентов японской разведки, подготовленных для переброски в тыл Красной Армии, захвачены документы ЯВМ и три машины с листовками, призывающими военнослужащих Красной Армии к переходу на сторону японцев и созданию «Русского дальневосточного правительства». Эти листовки были уничтожены»³⁴.

В разное время были арестованы главнокомандующий Квантунской армии полный генерал Отодзо Ямада³⁵, начальник Харбинской ЯВМ генерал-майор Ш. Акикуса³⁶, атаман Г.М. Семенов³⁷, лидер «Российского фашистского союза» К.В. Родзаевский³⁸ и др. В руки советских спецслужб попали материалы о подготовке в Маньчжурии в секретных лабораториях огромного количества бактериологического оружия. Позже на судебном процесс генерал О. Ямада признал: «Вступление в войну Советского Союза лишило нас возможности применить бактериологическое оружие»³⁹.

В кратчайшие сроки деятельность японских спецслужб в Маньчжурии, Северной Корее и на Южном Сахалине была полностью парализована, а белоэмигрантские центры, проводившие в течение многих лет тайные операции против Советского Союза, были ликвидированы. В ряде случаев оперативно-чекистские группы направлялись в тыл противника впереди наступающих советских войск. Так, 16 августа 1945 г. в район Харбина была заброшена оперативная группа «Родина» в количестве 16 оперативных работников Управления НКГБ по Хабаровскому краю и нескольких человек из русских эмигрантов. Действуя под прикрытием подпольной организации эмигрантов, при активном содействии китайских крестьян, группа собрала разведывательные данные о дислокации японских гарнизонов, участков местной полиции, прохождении телефонно-телеграфных линий, подходах к городам и т.п. Используя антияпонские настроения населения, группа способствовала организации местного самоуправления в Цингане, а по прибытии в Харбин присоединилась к оперативной группе УКР «Смерш» 2-го Дальневосточного фронта⁴⁰.

14 августа 1945 г. император Японии Хирохито издал рескрипт о принятии условий Потсдамской декларации союзников и объявил о капитуляции Японии. Приказ войскам о капитуляции не был отдан, Квантунская армия продолжала боевые действия.

Сообщение о заявлении японского правительства принять условия капитуляции, предложенные союзниками, как отмечалось в специальных сообщениях органов НКГБ от 17 августа 1945 г., населением Москвы, Киева и других крупных городов было встречено с удовлетворением и вызвало многочисленные высказывания, в которых выражалось восхищение политикой и мощью Советского Союза. Наиболее характерные высказывания были приведены в документах органов НКГБ: «Японцы просят не трогать их императора, а наши продолжают наступать. Это нам выгодно. Пока будут выяснять все вопросы, Красная армия успеет занять Манчжурию, Корею и тогда легче будет требовать все, что нам нужно». «Если у японцев уже начались разговоры о капитуляции, это значит, что война близится к концу. 4 года слово "капитуляция" не появлялось в немецком языке, но как только немцы заговорили, что они никогда не капитулируют, все закончилось очень быстро». «Так как Япония согласилась вести переговоры в духе ноты от 26 июля 1945 г., мы считаем, что она капитулировала. До подписания мирного соглашения мы стараемся захватить возможно большую территорию, чтобы легче было вести переговоры. Война СССР с Японией – война за новые земли на Востоке. Выступление Советского Союза было тщательно подготовлено как с дипломатической, так и с военной точки зрения». «Наконец Россия отомстит Японии за эскадру на Цусиме, за крейсер "Варяг", за адмирала Макарова. Если в этот период Россия не сделает то, что нужно, то этот момент не наступит никогда». «Решающее значение для капитуляции Японии имело объявление войны Японии Советским Союзом»⁴¹.

Однако факты и документы свидетельствуют, что японские руководители продолжали готовить людей к решительному сражению на своей территории «до последнего японца». По всей Японии продолжалась подготовка населения к отпору врагу. Создавались базы для ведения партизанской войны, формировались отряды смертников-камикадзе. Приказ японским войскам о капитуляции не был отдан. Существовали надежды что почти миллионная Квантунская армия, нацеленная против СССР, сумеет продолжить боевые действия.

Исходя из новых реалий, 16 августа 1945 г. нарком внутренних дел СССР и начальник Генерального штаба Красной армии подписали совместное указание А.М. Василевскому об организационных мероприятиях войск Красной армии и НКВД в период военных действий с Японией. Суть указания сводилась к тому, что охрана тыла фронтов в Маньчжурии должна была осуществляться силами войск Красной армии и трех дивизий войск НКВД. Василевскому надлежало выделить в распоряжение начальников охраны тыла фронтов требуемое количество войск. Для организации охраны

тыла на Дальний Восток выехал генерал-лейтенант И.М. Горбатюк⁴² с группой генералов и офицеров НКВД. Японо-маньчжурские военнопленные в СССР пока не вывозились, лагеря для их содержания создавались в местах разоружения. Пограничники постепенно освобождались от несвойственных им функций и возвращались на охрану границы⁴³.

19 августа 1945 г. Маршал Советского Союза А.М. Василевский подписал от СССР акт о капитуляции японской Квантунской армии, с японской стороны акт подписал главнокомандующий Квантунской армии генерал О. Ямада. 20 августа войска 2-го Дальневосточного фронта заняли южную часть Сахалина. 22 августа войска Забайкальского фронта совместно с авиационным десантом освободили Порт-Артур. 24 августа частями 1-го Дальневосточного фронта был освобожден Пхеньян. Советские войска овладели Маньчжурией и дошли до 38-й параллели в Корее – линии разграничения между советскими и американскими войсками.

20 августа 1945 г. В.С. Абакумов направил записку в ГКО и НКВД СССР о деятельности органов «Смерш» «по выявлению и аресту агентов японских спецорганов и другого вражеского элемента на освобожденной территории Маньчжурии». К тому времени органами контрразведки Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточного фронтов было арестовано «свыше 700 сотрудников японской разведки, а также активных участников белогвардейских и других враждебных организаций». Было установлено, что японская разведка для проведения шпионской, диверсионной и террористической деятельности оставляет в тылу советских войск в Маньчжурии свою агентуру. Имелись попытки убийства из-за угла советских бойцов и командиров и совершения диверсионных актов на важных коммуникациях. В связи с этим начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР считал целесообразным «проведение массовых арестов официальных сотрудников японских спецслужб, агентов, активных участников белогвардейских и фашистских организаций, руководителей и сотрудников японских консульств, проводивших разведывательную работу против Советского Союза». Абакумов предлагал «личный состав японской полиции, жандармерии, тюрем, концлагерей, военных комендатур и органов военной прокуратуры содержать в лагерях военнопленных, а террористов и диверсантов, застигнутых на месте преступления – уничтожать на месте»⁴⁴. Так, 23 августа 1945 г. начальник ОКР «Смерш» Тихоокеанского флота доложил наркому ВМФ СССР о проведенных мероприятиях в занятых районах Южного Сахалина и Кореи: «С 9 августа оперативными группами в портах Расин, Оки, Сейсин было арестовано 13 полицейских, жандармов и агентов японской военно-морской миссии, обезврежено и уничтожено значительное количество диверсантов и террористов, захвачены архивы ЯВММ, кроме того, в Юки был выявлен и изъят склад оружия, которое жандармы намеревались использовать в тылу наших частей»⁴⁵.

За период с 20 августа по 17 сентября 1945 г. подразделения и разведгруппы войск НКВД по охране тыла фронтов провели 11 боестолкновений, в ходе которых уничтожили 612 и пленили 575 солдат и офицеров противника и взяли большие трофеи, потеряв при этом 13 человек убитыми и 20 ранеными⁴⁶. В ходе военной кампании была разгромлена Квантунская армия противника в Маньчжурии. Япония лишилась крупнейшей военно-промышленной базы на азиатском материке. Советские войска изгнали японцев из Маньчжурии и Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов. Япония лишилась всех военных баз и плацдармов, которые готовила против СССР. Она оказалась не в состоянии вести вооруженную борьбу. Приняв участие в войне с Японией, И. Сталин преследовал и геополитические цели на Дальнем Востоке. Советская разведка информировала о намерениях руководства США занять господствующее положение в Дальневосточном регионе, в первую очередь в Китае, разместив на его территории американских военных баз.

2 сентября 1945 г. в Токийской бухте на борту американского авианосца «Миссури» Япония подписала акт о полной и безоговорочной капитуляции, ознаменовавший окончание Второй мировой войны стран антигитлеровской коалиции со странами фашистского блока. Акт подписали и представители стран-победительниц – США, Китая, Великобритании, СССР, Австралии, Франции, Голландии, Новой Зеландии, Канады. От США капитуляцию Японии принял Верховный командующий союзными войсками в юго-западной части Тихого океана генерал армии Д. Макартур⁴⁷. От Советского Союза акт подписал генерал-лейтенант К.Н. Деревянко⁴⁸. 3 сентября Президиум Верховного Совета СССР принял указ об объявлении этого дня праздником Победы над милитаристской Японией.

¹ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2007. Л. 31-32; ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 4254. Л. 141; Ф. 152. Оп. 3-1945. Д. 1. Л. 469-474.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. – М., 1995. – С. 39.

³ Матвеев О.К. Неизвестная трагедия в проливе Лаперуза // Интерфакс-время. 1999. № 53. – С. 19.

⁴ Сазыкин Николай Степанович (1910–1985), заместитель начальника 2-го Управления НКГБ СССР (май 1943–ноябрь 1944), в дальнейшем – на руководящих должностях в органах НКГБ-НКВД-МВД СССР.

⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. – М., 2007. – С. 311.

⁶ Курганов Иван Семенович (1902–?), начальник 2-го отдела 1-го Управления ГУПВ НКВД СССР (1943).

⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. – М., 2007. – С. 333–350.

⁸ Ялтинская (Крымская) конференция (4–11 февраля 1945) руководителей СССР (И. Сталин), США (Ф. Рузвельт), и Великобритании (У. Черчилль) при участии министров иностранных дел, начальников высших штабов и советников. Согласованы планы трех ведущих держав антигит-

леровской коалиции по окончательному разгрому нацистской Германии и ее союзников, выработаны принципы общей политики в отношении послевоенного устройства мира. Соглашение по вопросам Дальнего Востока предусматривало вступление СССР в войну против Японии через два-три месяца после окончания войны в Европе.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 3. Д. 3. Л. 1375–1376.

¹⁰ Там же. Л. 1400–1404.

¹¹ Там же. Л. 1405–1417.

¹² Там же. Л. 1503–1514.

¹³ ЦА ФСБ России. КПИ № 2488. С. 72–73.

¹⁴ Чунцин, временная столица Китая в 1937–1945 гг.

¹⁵ ЦА ФСБ России. КПИ № 2488. – С. 152–153, 230–231.

¹⁶ Василевский Александр Михайлович (1895–1977), советский государственный и военный деятель, полководец, маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945), начальник Генерального штаба РККА и заместитель наркома обороны СССР (с июня 1942), главнокомандующий войсками на Дальнем Востоке (с июля 1945).

¹⁷ Бабич Исая Яковлевич (1902–1948), генерал-лейтенант (1943), заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР (апрель 1943–май 1946).

¹⁸ Мельников Дмитрий Иванович (1906–1956), генерал-лейтенант, начальник особых отделов ряда армий и фронтов, начальник УКР «Смерш» Резервного фронта (с 1945), затем – УКР «Смерш» Приморской группы войск.

¹⁹ Зеленин Павел Васильевич (1902–1965), генерал-лейтенант (1943), начальник УКР «Смерш» Забайкальского фронта.

²⁰ Салоимский Иван Тимофеевич (1903–1955), генерал-лейтенант, начальник УКР «Смерш» 2-го Дальневосточного фронта.

²¹ Мерзленко Дмитрий Павлович (1905–?), генерал-майор береговой службы (1944), начальник ОКР «Смерш» Тихоокеанского флота (июль 1943–июль 1947).

²² Абакумов Виктор Семенович (1908–1954), генерал-полковник (1945), начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР (апрель 1943–апрель 1946). Арестован в июле 1951 г. и приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к ВМН (декабрь 1954). Не реабилитирован.

²³ ЦА ФСБ России. КПИ № 2488. – С. 494.

²⁴ Цит. по: *Кокосикин А.* Оружие огромной силы // *Время новостей.* 2010. 28 июля. – С. 4.

²⁵ Там же.

²⁶ В боевых действиях (9 августа – 2 сентября 1945 г.) участвовали войска трех фронтов: Забайкальский (командующий маршал Р.Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный (командующий маршал К.А. Мерецков), 2-й Дальневосточный (командующий генерал армии М.А. Пуркаев). В ходе военной кампании была разгромлена Квантунская армия противника в Маньчжурии. Япония лишилась крупнейшей военно-промышленной базы на азиатском материке и наиболее сильной армии. Советские войска изгнали японцев из Маньчжурии и Кореи, Южного Сахалина и Курильских островов. Япония лишилась всех военных баз и плацдармов, которые готовила против СССР. Она оказалась не в состоянии вести вооруженную борьбу.

²⁷ ЦА ФСБ России. КПИ № 2488. – С. 541–545.

²⁸ Имеется в виду Ляодунский полуостров, расположенный на северо-востоке Китая, на котором находится порт Дальний и Порт-Артур.

²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 3. Д. 5. Л. 3252–3257.

³⁰ 6 и 9 августа 1945 г. американские военно-воздушные силы сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки.

³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4 ос. Оп. 3. Д. 5. Л. 3256–3258.

³² Там же. Л. 3262–3263.

³³ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1497 Л. 464–466.

³⁴ ЦА ФСБ России. КПИ № 2488. С. 493–494.

³⁵ Ямада Отодзо (1881–1965), японский военачальник, генерал (1940), главнокомандующий Квантунской армией (1944–1945). В 1945–1956 гг. находился в плену в СССР. Осужден в 1949 г. к 25 годам ИТЛ. Помилован и репатрирован в Японию (1956). Не реабилитирован.

³⁶ Акикуса Шун (1894–1949), генерал-майор, начальник Харбинской ЯВМ. Осужден в 1948 г. к 25 годам тюрьмы. Умер 22 марта 1949 г., захоронен во Владимире. Реабилитирован.

³⁷ Семенов Григорий Михайлович (1890–1946), атаман Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенант белой армии (1919). Создал в Чите контрреволюционное правительство (1919). После сентября 1921 г. проживал в Маньчжурии, Японии и Китае. Арестован в Маньчжурии (1945). 30 августа 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к ВМН. Не реабилитирован.

³⁸ Родзаевский Константин Владимирович (1907–1946) по указанию японцев создал в Харбине секретную школу по подготовке агентуры для заброски в СССР. Арестован в Маньчжурии (1945). 30 августа 1946 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст.ст. 58-2 (вооруженное восстание) и 58-11 (контрреволюционная организационная деятельность) УК РСФСР к ВМН.

³⁹ Цит. по: *Кожошкин А.* После Хиросимы японцы не сдались // *Время новостей.* 2010. 13 августа. – С. 4.

⁴⁰ ЦА ФСБ России. КПИ № 2488. – С. 630–633.

⁴¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1497 Л. 455–457.

⁴² Горбатов Иван Маркович (1903–1957), генерал-лейтенант (1945), начальник Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии (сентябрь 1943–октябрь 1945).

⁴³ ЦА ФСБ России. КПИ № 2488. – С. 514.

⁴⁴ Там же. – С. 521–522.

⁴⁵ Там же. – С. 529–530.

⁴⁶ Там же. – С. 981–983.

⁴⁷ Макартур Дуглас (1880–1964), американский военный деятель, генерал армии (1944), главнокомандующий союзными вооруженными силами в юго-восточной части Тихого океана (1942–1951), командующий оккупационными войсками США в Японии (1945–1951).

⁴⁸ Деревянко Кузьма Николаевич (1904–1954), советский военачальник, генерал-лейтенант (1945), Герой Украины (звание присвоено посмертно указом от 7 мая 2007 г.), представитель Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе Макартура. 2 сентября 1945 г. как представитель СССР принял участие в церемонии подписания акта о капитуляции Японии и подписал его. Представитель СССР в Союзном Совете для Японии (Токио, 1945–1951).

ВКЛАД КОНТРАЗВЕДЧИКОВ В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ

*Тезисы выступления на научной конференции
«Решающий вклад советского народа в победу во Второй мировой войне»
г. Москва, 28 октября 2010 г.*

Мы преклоняемся перед теми, кто не щадя своих сил работал в тылу и приближал победу. Подлинными её творцами были и останутся наши народы, победившие врага ценой неизмеримых жертв. В достижение победы над фашистской Германией свой достойный вклад внесли отечественные органы безопасности.

Документы Центрального архива ФСБ России рассказывают о многообразной деятельности органов безопасности в военные годы: непосредственном участии частей и соединений войск НКВД в боевых действиях, специальных операциях в Москве, борьбе оперативных групп в тылу противника, обеспечении безопасности промышленных предприятий и охране тыла Действующей армии. С самого начала военных действий на Лубянку стекалась полная и достоверная информация о действительном положении на фронте и во всей стране. В связи с продвижением немецко-фашистских войск из Москвы были эвакуированы архивы и картотеки НКВД СССР, а также некоторые подразделения. Руководство деятельностью наркомата, штаба охраны Московской зоны и организация специальных мероприятий осуществлялось аппаратом наркома внутренних дел из здания на Лубянке и из запасного командного пункта в Останкино. Большой интерес для исследователей представляет хранящаяся в ЦА ФСБ России достаточно многочисленная группа документов центрального аппарата о борьбе с агентурой противника, обеспечении безопасности тыла вооруженных сил, промышленности и транспорта СССР, зафронтовой работе. В архивных материалах советской контрразведки содержатся сведения о том, что только в ходе битвы под Москвой в зоне боевых действий военные контрразведчики обезвредили свыше 200 агентов и более 50 разведывательно-диверсионных групп противника, чем способствовали провалу немецкой операции «Тайфун».

В связи с создавшейся военной обстановкой 8 октября 1941 г. ГКО принял постановление о проведении специальных мероприятий по предприятиям г. Москвы и Московской области. Необходимо было провести

минирование предприятий и наиболее важных объектов. Для организации спецмероприятий была образована комиссия во главе с заместителем наркома И.А. Серовым. 9 октября 1941 г. в ГКО был представлен список из 1119 предприятий. В первой группе было 412 предприятий, имевших оборонное значение, ликвидацию которых предлагалось провести путём взрыва. Вторую группу составляли 707 предприятий необоронных наркоматов, ликвидацию которых предлагалось провести путем механической порчи и поджога¹. В соответствии с поручением ГКО 2-м отделом НКВД СССР и Управлением особых отделов НКВД СССР был разработан план специальных мероприятий, получивший наименование «Московский план». В соответствии с «Московским планом» была проведена подготовка к проведению диверсионных актов в зданиях и на объектах, которые могли быть использованы оккупантами. В список были включены здания ряда наркоматов, центрального телеграфа и почтамта, вокзалов, мостов, военных академий, тюрем, некоторых жилых и административных зданий. Взрывчатые вещества были заложены в фундаменты Большого театра, гостиницы «Москва», храма Богоявления в Елохове, были заминированы три нелегальные широкоэвещательные радиостанции, созданные в целях глушения эфира и ведения передач в захваченной столице². В коллекции Центрального архива ФСБ России хранятся материалы по созданию на территории Москвы организованного подполья, складов с оружием и боеприпасами, подпольных радиовещательных станций, а также проведению минирования и ликвидации некоторых объектов в случае оставления столицы советскими войсками. В Москве были сформированы 38 разведывательно-диверсионных групп общей численностью 166 чел., подготовлены на оседание 78 агентов-одиночек, предназначенные для выполнения специальных заданий НКВД СССР. Созданием нелегальных разведывательно-диверсионных групп, комплектованием материально-технической базы подполья, размещением подпольных радиостанций занимались в основном сотрудники Особой группы – 2-го отдела НКВД СССР. В целях обеспечения безопасности разведывательно-диверсионные группы были независимы друг от друга и состояли из руководителя группы, агентов-связников, агентов-радивистов, агентов-боевиков, а также иных лиц, имевших возможность осуществлять разведывательно-диверсионную работу в условиях оккупационного режима. Каждый член нелегальной резидентуры был легализован: снабжен необходимыми документами, заблаговременно устроен на работу в зависимости от профессии, социального происхождения, подлинной или легендируемой биографии. Участники групп получали ежемесячную зарплату, одну рабочую продовольственную карточку и красноармейский паек. В общей сложности на нелегальное положение было переведено 243 человека, из них 47 сотрудников органов безопасности³.

Для обеспечения деятельности нелегальных разведывательно-диверсионных резидентур Особая группа НКВД СССР в сентябре 1941 г. про-

вела закладку в Измайловском парке Москвы тайников с взрывчатыми веществами и боеприпасами. Всего в Москве Особая группа НКВД СССР располагала 59 складами с оружием, зажигательными и взрывчатыми веществами, для диверсионных групп предназначалось 3,5 т тола, 700 гранат, большое количество оружия и боеприпасов. Для организации связи с диверсионными группами были выделены: 21 переносная рация, 2 мощных стационарных радиовещательные станции, 2 автомашины с радиовещательными установками, 3 батарейных приемника. На конспиративных квартирах в столице было организовано 9 минных станций и 10 квартир для явок с агентами. Кроме того, были организованы 5 мастерских по ремонту обуви, электробытовых приборов, 3 парикмахерские, цветочный магазин, которые также могли использоваться как явочные пункты⁴. В подмосковных лесах было создано около 100 баз для жилья в зимних условиях, хранения продовольствия и боеприпасов. Там было размещено продовольствие, боеприпасы, обмундирование, медикаменты и другое снаряжение, рассчитанное на 4–5 месяцев боевых действий в тылу противника⁵.

Оперативные группы и отряды органов безопасности, действовавшие в тылу противника, уничтожили в общей сложности 157 тысяч гитлеровцев, ликвидировали 87 высокопоставленных нацистских чиновников, разоблачили и обезвредили более двух тысяч агентурных групп противника. В Московской области в 1941–1942 гг. на угрожаемой территории и освобождённых районах было организовано 152 разведывательно-диверсионные группы общей численностью 727 человек. Перед оперативными группами ставились задачи совершению диверсионных актов на военных заводах и складах, железнодорожных линиях и сооружениях, а также по осуществлению террористических актов против оккупационных властей противника и предателей на территории Москвы и прилегающих районов.

В постсоветское время завеса тайны над многими проблемами деятельности органов безопасности в годы Великой Отечественной войны стала приоткрываться благодаря тому, что появились публикации, посвященные разведке и контрразведке⁶. Тем не менее, сами архивные документы органов безопасности по-прежнему имели гриф «совершенно секретно» и были недоступны исследователям.

Так, только в 1990-е гг. в Центральном архиве ФСБ России были сняты ограничительные грифы с многих документов, касающихся работы органов НКВД во время Сталинградского сражения. Важнейшие из них обнародованы в многотомнике о деятельности органов государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне⁷. Подборка уникальных рассекреченных архивных документов опубликована в подготовленной архивистами ФСБ России книге «Сталинградская эпопея», они использованы в энциклопедии «Сталинградская битва»⁸. В числе других проблем по истории органов безопасности периода войны в этих публикациях нашла своё отражение и тема заградительных отрядов.

Летом 1942 г. произошло резкое обострение обстановки на советско-германском фронте, что отрицательно повлияло на боеспособность советских войск. В условиях, когда требовалось усилить сопротивление врагу и остановить его продвижение, прекратить дезертирство и паникерство на передовой линии фронта, вышел приказ Наркомата обороны СССР от 28 июля 1942 г. № 227. По мнению известного военного контрразведчика генерала Н.Н. Селивановского, который в годы войны возглавлял Особый отдел НКВД Юго-Западного, Сталинградского и Южного фронтов, приказ «Ни шагу назад!» оказал огромное влияние на ход военных действий. Признавая жесткий характер этого приказа, нельзя не отметить, что он сыграл стабилизирующую роль в упорядочении боевой обстановки на фронтах⁹. В то же время этот приказ существенно изменил в худшую сторону отношение к сотрудникам военной контрразведки, так как именно им было поручено возглавить деятельность заградительных отрядов в тылу Действующей армии и бороться с паникерами и дезертирами. Особый отдел получил широкие карательные полномочия.

В ходе Сталинградской битвы со спецслужбами фашистской Германии в первую очередь боролись военные контрразведчики Сталинградского и Юго-Восточного фронтов, армий и соединений, входивших в их состав, военных гарнизонов Сталинградской, Астраханской, Тамбовской и Саратовской областей. Всего гитлеровским спецслужбам противостояло около 4 тысяч оперативных работников. Военные контрразведчики находились как при штабах фронтов, армий, корпусов, дивизий и полков, так и в первых эшелонах наступавших и оборонявшихся войск, при командных пунктах. Их конкретное место работы обуславливалось складывавшейся боевой и оперативной обстановкой. Наравне с бойцами и командирами Действующей армии руководители и рядовые сотрудники отделов военной контрразведки принимали участие в боевых действиях с противником, в трудную минуту брали на себя руководство боем. Летом 1942 г. задачи органов военной контрразведки были уточнены. НКВД СССР требовал своевременно предоставлять информацию о положении на различных участках фронтов; вести борьбу с разведывательно-диверсионными органами противника, шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и паникерами в частях Красной армии и войск НКВД, проверять военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника; ограждать штабы от проникновения в них агентов противника; обеспечивать режим безопасности и охраны тыла фронта; оказывать помощь командованию в повышении боевой готовности войск¹⁰.

В целях борьбы со специальными службами противника особыми отделами и другими оперативными подразделениями НКВД был организован сбор информации о его разведывательно-диверсионных органах и школах. К середине 1942 г. НКВД СССР было учтено 36 школ германской военной разведки, функционировавших на временно оккупированной территории, и получены данные на 1 тысячу 500 разведчиков и диверсантов из числа

военнопленных. Сотрудники военной контрразведки выяснили тактику работы немецкой военной разведки, уповавшей на скорую победу своих войск. Относительно быстрый захват советских территорий, большое количество трофеев и военнопленных оказал плохую услугу германским спецслужбам. Они сделали ставку на массовую вербовку советских военнопленных для выполнения заданий узкого назначения, полагая, что если из 10 завербованных наспех агентов хотя бы один выполнит задание, то это все равно будет успех, т.к. немецкая армия скоро возьмет Москву, Ленинград, Сталинград и захватит Кавказ. Массовая заброска в тыл Красной армии практически необученной и непроверенной агентуры не достигла цели. Многие из советских граждан, давших согласие выполнять задания немцев, являлись с повинно или же не проявляли никакой активности.

Грамотное сочетание оперативных и гласных мер предупреждения и пресечения подрывной деятельности противника позволило успешно выявлять заброшенную агентуру. По данным НКВД СССР на 8 августа 1942 г., направленным в ГКО СССР и ЦК ВКП(б), органами госбезопасности с начала войны было арестовано 11 тысяч 765 агентов противника¹¹. В период Сталинградской битвы особые отделы НКВД провели оперативные и розыскные мероприятия, направленные на разоблачение агентов немецких разведывательно-диверсионных органов, пытавшихся получить сведения об оборонительных линиях, укреплениях, дорогах, наличии танковых соединений и частей Красной армии, новых резервов, прибывающих в район Сталинграда. Германские разведывательные органы забрасывали в тыл войск Красной армии, действовавших на Сталинградском, Юго-Восточном и Донском фронтах, агентуру, обученную в специальных разведывательных и диверсионных школах¹².

Разведчиков и диверсантов перебрасывали под видом лиц, эвакуирующихся из прифронтовой полосы, снабжали их формой командиров Красной армии, поддельными документами, оружием, некоторых агентов – документами об освобождении от воинской службы, паспортами с отметками о прописке, справками с места работы. У арестованных агентов-диверсантов военные контрразведчики изымали тол, фугасы, взрывчатые вещества, запалы и взрыватели, бикфордов шнур, часовые механизмы для производства взрывов, мины замедленного действия, сигнальные фонари, топографические карты.

Военные контрразведчики организовывали группы боевого охранения, которые находились на переднем крае обороны. При попытке перехода линии фронта они задерживали шпионов и диверсантов, направленных разведывательными органами противника, и передавали их в особые отделы. По розыскным ориентировкам военная контрразведка проверяла личный состав штабов и узлов связи, запасных полков, бежавших из плена или вышедших из окружения военнослужащих, лиц, находящихся на сборно-пересыльных и проверочно-фильтрационных пунктах или лагерях. В розыскных

делах, которые заводили военные контрразведчики, хранились фотографии, выписки из показаний арестованных агентов противника и свидетелей, материалы о родственных и иных связях разыскиваемых лиц, о возможных местах их пребывания после заброски в советский тыл. В ходе допросов выяснялась информация о лицах, завербованных агента, полученному им задании, способах связи и переброски его на советскую сторону, известных ему завербованных советских военнопленных, действующих частях немецкой армии и т.д. Полученные сведения реализовывались немедленно.

Все мероприятия по подготовке генерального наступления советских войск под Сталинградом находились под особым контролем военных контрразведчиков. Обеспечение строжайшей секретности при подготовке операции в этот период стало их главной задачей. Проводился целый ряд дезинформационных мероприятий, подчиненных общему замыслу, разработанному Генеральным штабом Красной армии. 19 ноября 1942 г. началось контрнаступление советских войск под Сталинградом, которое привело к окружению 330-тысячной немецко-фашистской армии. Контрнаступление существенно изменило военную и оперативную обстановку. Перед особыми отделами НКВД был поставлен ряд новых задач. Им требовалось при захвате вражеских штабов собирать документы, представляющие военный и оперативный интерес, организовывать работу с пленными немецкими офицерами и генералами, выявлять среди них сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов, добывать данные об агентах, действовавших в тылу советских войск, задерживать изменников Родине, пособников немецких оккупантов. Особые отделы НКВД внесли достойный вклад в победу в Сталинградском сражении. Но в то же время следует отметить, что в ходе боев деятельность следователей и сотрудников органов военной контрразведки не всегда сопровождалась выверенными следственными мероприятиями и безусловным соблюдением норм Уголовно-процессуального кодекса. Это происходило при рассмотрении уголовных дел по преступлениям, связанным с «антисоветской агитацией и пропагандой», что в итоге привело к необоснованным задержаниям и последующим осуждением военными трибуналами целого ряда военнослужащих.

Касаясь вопроса использования немецкой разведкой агентов из числа советских военнопленных, следует отметить, что и здесь был допущен целый ряд ошибок, связанных с квалификацией преступлений. Некоторые советские военнопленные давали согласие на сотрудничество с немецкой разведкой лишь для того, чтобы хотя бы таким путем вырваться из плена и возвратиться домой. После заброски в тыл Красной армии такие «агенты» добровольно являлись в НКВД и рассказывали о полученных заданиях. Несмотря на то, что они не выполнили ни одного задания немецкой разведки, тем не менее, практически все они были арестованы за сотрудничество с противником и впоследствии осуждены военными трибуналами.

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и победы на Курской дуге в войне наступил перелом. Стратегическая инициатива перешла к Красной армии. Развитие событий на фронте, изменение военной и оперативной обстановки, перегруппировки войск Красной армии и НКВД, осуществляемые ГКО, требовали незамедлительного проведения реорганизации органов военной контрразведки. 19 апреля 1943 г. было создано Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР и несмотря на короткий срок существования, очень быстро доказало свою жизнеспособность и эффективность.

Документальные материалы дают достаточно полное представление о том, что противник тоже не бездействовал и активно вел разведку. Накануне решающего сражения войны для контрразведки не было более важной задачи, чем сохранение в тайне плана советского контрнаступления. Здесь ведущая роль принадлежала Главному управлению контрразведки «Смерш». Опубликованные материалы ЦА ФСБ России достаточно полно раскрывают разноплановую деятельность по защите частей Красной армии от разведывательно-подрывной деятельности гитлеровских спецслужб. На этапе подготовки к Курской битве органами военной контрразведки на всех уровнях от Генерального штаба и до батальона проводился комплекс организационных, агентурно-оперативных и предупредительно-профилактических мероприятий. Основное внимание сотрудники «Смерш» сосредоточили на обеспечении сохранности военной тайны в органах управления и штабах, где находились главные секреты, а также на перекрытии каналов их утечки к противнику. В этих целях с помощью агентуры и секретных осведомителей в Генеральном штабе Красной армии, штабах фронтов и армий они осуществляли жесткий оперативный контроль за разработкой и хранением планов предстоящего наступления. В боевых порядках отслеживали скрытность рассредоточения войск, соблюдение мер маскировки, а в необходимых случаях во взаимодействии с Генштабом Красной армии проводили мероприятия по дезинформированию гитлеровского командования.

Кульминационный период в противоборстве отечественных и гитлеровских спецслужб приходится на июль и август 1943 г. С приближением 5 июля, казалось, что сам воздух стал взрывоопасным. По обе стороны линии фронта сосредоточилось такое огромное количество военной техники и личного состава, что как среди советских, так и немецких солдат и офицеров, не возникало сомнений в скором начале невиданного по своим масштабам и накалу сражения. В канун Курской битвы эта гигантская пружина войны сжалась до предела, чтобы спустя несколько часов ранним утром расколоть предрассветную тишину рёвом десятков тысяч орудий. Тогда казалось, что само небо обрушилось на землю и под ураганным огнём не уцелеет ничто живое.

Наряду с разведывательной и контрразведывательной работой органов государственной безопасности осуществлялась дезорганизация

тыла противника. Наибольшей эффективностью отличились диверсионные группы 4-го Управления НКВД СССР и спецотряды, созданные из числа оперативных сотрудников прифронтовых управлений НКГБ СССР. Задолго до начала Курской битвы они развернули настоящую «рельсовую войну» на транспортных коммуникациях противника. В период с 9 апреля по 20 мая 1943 г. было пущено под откос 20 военных эшелонов с техникой и живой силой, 1 бронепоезд, уничтожено 9 автомашин и 2 склада горючего. Совместные с партизанами действия серьезно осложнили ситуацию на транспортных магистралях противника. Трофейные материалы Минского отделения Имперского управления путей сообщений наглядно подтверждают это. «...Положение очень напряженное! Действия партизан невыносимо увеличиваются! Как днем, так и ночью оборона от бандитов и защита перегонов являются совершенно недостаточными и безрезультатными, так как нападения совершаются ежедневно на тех же самых перегонах!»¹³. Кроме восклицательных знаков, у чиновника железнодорожного ведомства рейха, видимо, уже ничего не осталось.

В начале 1944 г. в тылу противника действовало 134 оперативных группы НКГБ СССР общей численностью до 7,5 тыс. чел., в том числе оперативных групп НКГБ СССР – 41, НКГБ БССР – 56, НКГБ УССР – 8 и различных УНКГБ – 29. Оперативными группам только в январе было пущено под откос 87 эшелонов противника с живой силой, техникой и вооружением; уничтожено и повреждено 54 паровоза, разбито 441 вагон, платформ и цистерн с горючим; уничтожено 33 автомашины, взорвано 8 железнодорожных и автомобильных мостов¹⁴. Действия оперативных групп и отрядов 4-го управления НКГБ СССР в мае-июне 1944 г. были тесно связаны с предстоявшим проведением наступательных операций частями и соединениями Красной армии. Всего в июне 1944 г. в тылу противника действовало 118 оперативных групп и отрядов НКГБ СССР общей численностью до 6960 человек, в том числе оперативных групп НКГБ СССР – 25, НКГБ БССР – 63, НКГБ УССР – 8, НКГБ Карело-Финской АССР – 9, НКГБ Литовской ССР – 7, и УНКГБ по Ленинградской области – 6. Оперативными группам в июне было пущено под откос 193 эшелона противника с живой силой, техникой и вооружением; уничтожено и повреждено 206 паровозов, 1694 вагонов, платформ и цистерн с горючим; уничтожено 177 автомашины, взорвано 15 железнодорожных и автомобильных мостов, повреждено 10 тысяч 700 м железнодорожного полотна, убито и ранено 12 тысяч 350 солдат и офицеров противника¹⁵. Представленные разведывательные данные учитывались командованием 1-го Украинского фронта при разработке и проведении наступательных операций, в результате которых советские войска нанесли тяжёлое поражение противнику и создали условия для дальнейшего наступления к границам Польши. О важности и необходимости подобных сообщений свидетельствует, в частности, одна из телеграмм К.К. Рокоссовского, направленная им 23 декабря 1943 г. в НКГБ СССР. Высоко оценивая успешную деятельность

опергрупп в тылу врага, он высказал просьбу, имевшую непосредственное отношение к планированию диверсионной деятельности в тылу противника в Белоруссии: «В интересах фронта, – писал в своей телеграмме Рокоссовский, – наиболее актуальной задачей является вывод из строя железнодорожных линий противника: станций Старушки, Луинец, Пинск, Бобруйск, Минск и Бобруйск-Старушки, а также получение разведывательных данных о мероприятиях и действиях противника на этом участке. В связи с намеченной Вами выброской спецотрядов для действий в тылу врага на участке Белорусского фронта, просим учесть наши пожелания и ориентировать часть Ваших отрядов в самое ближайшее время на диверсионно-разведывательную работу в районе указанных выше железнодорожных линий противника. Как и прежде, нами будет оказана необходимая помощь для выброски отрядов, связи с ними и успешного выполнения поставленных задач». Выполняя эти рекомендации, НКГБ БССР обязал оперативные группы, действовавшие в тылу противника, активизировать разведывательно-диверсионную деятельность, а оперативные группы «Семенова», «Отважные» и другие получили специальные задания¹⁶. В соответствии с ходатайством командующего 1-м Белорусским фронтом от 23 декабря 1944 г. и указанием наркома госбезопасности СССР 9 января 1944 г. были сформированы и направлены в тыл противника три оперативные группы под командованием А.Н. Шихова¹⁷, Д.П. Распопова¹⁸ и Д.И. Кузнецова¹⁹. Для осуществления наиболее тесного контакта оперативных групп НКГБ со штабом фронта им были приданы представители разведывательного отдела штаба фронта – по одному офицеру и радисту. Все три оперативные группы находились в тылу противника пять с половиной месяцев.

В период подготовки Белорусской операции, проводившейся с 23 июня по 29 августа 1944 г. с целью разгрома германской группы армий «Центр» и освобождения Белоруссии, командующему 1-м Белорусским фронтом К.К. Рокоссовскому передавалась разведывательная информация, полученная оперативными группами НКГБ, действовавшими в тылу противника²⁰. В течение 1944 г. силами 65 оперативных групп и отрядов 4-го управления НКГБ СССР, действовавших в тылу противника, пущено под откос 579 эшелонов, разбито и повреждено 717 паровозов, 4 тысячи 917 вагонов и платформ, уничтожено 11 железнодорожных и 114 автомобильных мостов, 899 автомашин и мотоциклов противника, 31 тыс. 389 метров железнодорожного полотна и более 94 тыс. метров телеграфно-телефонной связи²¹.

С 8 сентября 1944 г. по 23 марта 1945 г. в тылу противника на территории Чехословакии действовала оперативная группа «Горные». До момента выхода отряда из тыла противника в результате боевой и агентурной работы личный состав группы вырос до 598 человек. «Горными» были получены и переданы ценные разведывательные сведения, проведён ряд диверсионных актов²². В разное время в группу добровольно перешло 400 человек мажарских солдат и офицеров с вооружением, боеприпасами

и разным имуществом и 29 русских военнопленных, находившихся на службе в немецкой армии²³.

По мере продвижения частей Красной армии на запад и освобождения от фашистских войск временно оккупированных территорий органам государственной безопасности пришлось решать еще одну масштабную задачу: по выявлению и изобличению военных преступников, совершивших злодеяния против мирного населения и участвовавших в карательных акциях. При расследовании этих преступлений оперативным работникам и следователям, немало повидавшим и хлебнувшим на войне своего и чужого горя, пришлось снова вместе с жертвами и их палачами пройти все девять кругов предательства, человеческой мерзости и подлости. Чем дальше отодвигалась линия фронта, тем больше в докладных записках, справках и отчетах о следственной работе органов «Смерш» и НКВД занимали место разделы, связанные с поиском военных преступников и гитлеровских пособников, запятнавших себя кровью соотечественников. Вступление частей и соединений Красной армии на территорию стран Восточной Европы внесло изменения в организацию контрразведывательной деятельности. Одним из направлений стал розыск и задержание нацистских военных преступников, активных участников антисоветских организаций (РОВС, НТСНП), эмигрантов, сотрудничавших с гитлеровцами или в разные годы боровшихся против Советского Союза, которые были отнесены к «активным и непримиримым противникам Советской власти».

Накануне Берлинской наступательной операции в Управлении контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта по числу районов Берлина были созданы специальные оперативные группы, в задачу которых входил розыск и арест руководителей правительства и всех лиц, подлежащих изъятию (сотрудники карательных и разведывательных органов Германии, члены антисоветских формирований и проч.). Опергруппы также занимались поиском документов, архивов и картотек, имевших оперативное значение. В докладной записке 23 апреля 1945 г. начальник Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант А. Вадис сообщал начальнику ГУКР «Смерш» В. Абакумову, что для проведения оперативной работы по Берлину создана центральная оперативная группа, возглавляемая заместителем начальника Управления «Смерш» 1-го Белорусского фронта генерал-майором Мельниковым. По числу городских районов создано 20 районных оперативных групп, во главе которых назначены руководящие работники Управления «Смерш» фронта и отделов «Смерш» армий. Все опергруппы гор. Берлин имели справки о дислокации разведывательных и контрразведывательных органов, правительственных и партийных учреждений, справки об антисоветских и белоэмигрантских организациях, располагавшихся в Берлине, материалы по розыску проживавших и работавших в Берлине преступных лиц. Среди немцев-антифашистов, военнопленных немецких солдат и офицеров,

а также гражданского населения подобрали людей, хорошо знающих Берлин, расположенные в нем учреждения и организации и отдельных лиц, интересовавшихся контрразведчиков в оперативном отношении. Все эти лица использовались опергруппами в качестве опознавателей. Продолжался исполнительный подбор опознавателей из числа военнопленных немецких солдат и офицеров, захваченных во время последних наступательных операций на Берлинском направлении. В результате деятельности опергрупп контрразведки «Смерш» в Берлине были захвачены ценные документы правительственных, разведывательных и контрразведывательных органов, а также задержаны видные деятели нацистского режима и карательных ведомств, которым впоследствии были предъявлены обвинения в совершении преступлений против человечества. В их числе оказались бывший главнокомандующий германского военно-морского флота гросс-адмирал Эрих Редер, представитель ВМС при ставке фюрера вице-адмирал Ганс-Эрих Фосс и многие другие высокопоставленные генералы вермахта, высшие чиновники Третьего рейха – гауляйтер Саксонии Мартин Мучман, гебитскомиссар Полтавской области (в годы оккупации) Густав Матен и другие.

Особое внимание военной контрразведкой при штурме Берлина было уделено задержанию лиц, входивших в ближайшее окружение Адольфа Гитлера. Так в руки «смершевцев» попали: начальник личной охраны фюрера группенфюрер СС Ганс Раттенхубер, последний военный комендант Берлина генерал Гельмут Вейдлинг, личный пилот фюрера группенфюрер СС Ганс Баур, адъютант и ординарец Гитлера Отто Гюнше и Гейнц Линге и многие другие. Были арестованы и бывшие руководители германской военной разведки генерал-лейтенанты Франц фон Бентивеньи и Ганс Пиккенброк, полковники Вальтер фон Николаи и Фриц Гемпп, видный германский разведчик Курт Янке, полковник Эрвин Штольце, начальники абверштелле – полковник Отто Армстер, Ганс фон Деммель, Эрих Родлер, начальник абверкоманды 103 полковник Роберт фон Торбук, офицер связи абвера с румынской разведкой подполковник Герман Странски и ряд других высокопоставленных сотрудников. В плен попали руководители Главного управления имперской безопасности (РСХА) в т.ч. бывший полицей-президент Берлина группенфюрер СС Курт Герум, видный нацистский партийный деятель группенфюрер СА Гельмут Брюкнер и др.

Принципы преследования и наказания военных преступников были закреплены на встречах руководителей стран антигитлеровской коалиции, в частности, на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г., на Крымской и Потсдамской конференциях, соответственно, в феврале и в июле–августе 1945 г. Инициативу по подготовке открытых процессов взяла на себя военная контрразведка, так как функционально выявление и разоблачение военных преступников и их пособников было одним из важнейших направлений её деятельности. Сотрудники контрразведки Действующей армии в числе первых вместе с войсками вступали

в освобожденные районы и становились свидетелями последствий ужасающих преступлений фашистов на временно оккупированных территориях. Многочисленные факты участия конкретных лиц в злодеяниях становились им известны также в ходе оперативно-розыскных мероприятий и очистки тыла наступающих частей Красной армии .

На восьми открытых процессах, проведенных в СССР в декабре 1945 – январе 1946 гг., были осуждены 85 немецко-фашистских преступников, в том числе 18 генералов, 28 офицеров и 39 унтер-офицеров. Из них 66 – к казни через повешение, 19 – к каторжным работам на срок от 12 до 20 лет. Приведение смертных приговоров в исполнение осуществлялось на площадях городов, в присутствии большого количества населения. Во время заседания МВТ в Нюрнберге советскими представителями были направлены судебные приговоры по этим процессам, как указывалось, «для пополнения предъявляемых трибуналу документов». После формирования 8 августа 1945 г. Международного военного трибунала (МВТ) заботой отечественных спецслужб и военной контрразведки, в частности, стало обеспечение деятельности и безопасности советской делегации в период её пребывания в американской зоне, в г. Нюрнберг.

До начала заседаний Международного суда начальник ГУКР был детально проинформирован о важнейших вопросах организации работы советской делегации, о проблемах связи и особенностях обеспечения безопасности при перемещении по городу сотрудников аппарата, военнослужащих, корреспондентов и других официальных лиц. Были установлены контакты с американской оккупационной администрацией, в частности, были высказаны замечания о слабом наблюдении за арестованными при нахождении их в камерах и получены заверения об усилении режима. Такие замечания не были лишними. Известно, что после суда Лей и Геринг сумели покончить жизнь самоубийством. Советские контрразведчики доставили в Нюрнберг в качестве главных обвиняемых военных преступников – бывшего заместителя министра пропаганды Г. Фриче и гросс-адмирала Э. Редера. Для решения этой задачи была сформирована оперативная группа во главе с заместителем начальника следственного отдела ГУКР «Смерш» полковником М.Т. Лихачевым, в состав которой были включены 10 военных контрразведчиков, переодетых в форму красноармейцев. Обвиняемых сопровождали их следователи и 1 ноября 1945 г. Фриче и Редер самолетом были доставлены в Берлин и по акту переданы американским военным властям.

ГУКР «Смерш» проводил большую работу по отбору документов для Нюрнбергского процесса. В декабре 1945 г. в НКВД был направлен русский перевод материалов из канцелярии Розенберга о политике на Востоке и, в частности, на Кавказе за 1942 г., а также перевод немецкого отчета оперативной группы «А» полиции безопасности об уничтожении еврейского населения на территории Белоруссии, Ленинградской области, Латвии, Литвы и Эстонии за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

Для использования в суде Международного трибунала фотокопии и переводы названных документов оформили в ГУКР «Смерш» по всем нормам международной юридической практики. В МВТ были направлены копии судебно-медицинских экспертиз мест массового захоронения жертв немецкой оккупации в Смоленске и его окрестностях. Военные контрразведчики разыскивали свидетелей зверств немецко-фашистских захватчиков над гражданами СССР. Нюрнбергский процесс закончился суровым приговором и предостережением всем агрессорам, дав суровую отповедь идеологии, политике и практике фашизма.

В обвинительных материалах не только Нюрнбергского, но и других процессов, были использованы документы, собранные и подготовленные военными контрразведчиками. В первые послевоенные годы материалы органов «Смерш» легли в основу доказательной базы на процессах над главными японскими военными преступниками в Токио (май 1946 – ноябрь 1948 гг.) и в Хабаровске над бывшими военнослужащими японской армии, обвинявшимися в подготовке и применении бактериологического оружия (декабрь 1949 г.).

Великая Отечественная война была нелегким испытанием для большого, многонационального государства, каким являлся СССР. В ходе боевых действий, на временно оккупированных территориях и концлагерях погибли миллионы людей. Советскому государству был нанесен колоссальный материальный и моральный ущерб. Отечественным органам безопасности противостоял хорошо подготовленный и отмобилизованный противник в лице специальных служб Германии и ее союзников. Вклад контрразведчиков в победу над фашизмом и те тяжёлые уроки, которые принесла война, стали примером и духовной опорой для всех последующих поколений.

¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. – С. 211-212.

² Взрывчатка, заложенная в помещения радиостанций № 2 и № 3, самопроизвольно взорвалась в 1941 и 1942 гг. Мероприятия по разминированию объектов, которые готовились к уничтожению в соответствии с «Московским планом», проводились с декабря 1941 г. и были закончены в марте 1945 г. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 50. Л. 401–402; Оп. 9. Д. 103, Л. 10–12.

³ См.: ЦОА ФСБ России. Ф. К-1 ос. Оп. 6. Д. 84. Л. 28–36; Ф. РДР. Д. № 20463. Т. 1. Л. 6.

⁴ См.: Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. – М.: «Звонница-МГ», 2002. С. 12, 64–67.

⁵ См.: Шумилин Б. Москва и москвичи – партизанскому движению // Москва и москвичи – партизанскому движению Великой Отечественной войны: Сборник материалов. – М.: «Атлантида – XXI век», 2000. С. 31.

⁶ Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. – М., 1998; «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. / В.С. Христофоров, В.К. Виноградов, О.К. Матвеев и др. – М., 2003; Лубянка: Из истории отечественной контрразведки / В.С. Христофоров, Я.Ф. Погоний, В.К. Виноградов. Изд. 3-е, доп. – М., 2007.

⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. – М., 2003. Т. 3. Кн. 2.

⁸ Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000; Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943: энциклопедия / под. ред. М.М. Загорулько. – Волгоград, 2007.

- ⁹ См.: Демидов В., Кремнев П. Верность отечеству / Чекисты в Сталинградской битве : Документы, воспоминания, очерки. – Волгоград, 2002. – С. 201.
- ¹⁰ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 684. Л. 123–127.
- ¹¹ См.: «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. – М., 2005. – С. 31.
- ¹² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 121. Л. 265–267.
- ¹³ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки / Сост. А.Т. Жадобин, В.В. Марковчин, В.С. Христофоров. – М., 2003. – С. 401–402.
- ¹⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 5 тт. Т. 5. Кн. 1. – М., 2007. – С. 169–170.
- ¹⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 5 тт. Т. 5. Кн. 2. – М., 2007. – С. 17–18.
- ¹⁶ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 5 тт. Т. 5. Кн. 1. – М., 2007. – С. 21.
- ¹⁷ Шихов Александр Никитович (1914). Зам. командира роты отдельного отряда ОСНАЗ НКГБ СССР. В мае – октябре 1943 г. командир оперативного отряда «Почин», действовавшей в Гомельской обл.; с 17 января по 1 июля 1944 г. – командир оперативной группы «Богатыри» в Минской обл. (46 чел.); в декабре 1944 г. – марте 1945 г. командир опергруппы «ОГ-2» в Западной Белоруссии. Герой Советского Союза (1944).
- ¹⁸ Распопов Дмитрий Павлович (1905), с октября 1943 г. по январь 1945 г. командир роты взрывного отряда ОО ОСНАЗ НКГБ СССР. Командир оперативной группы НКГБ СССР (32 человека) действовавшей с 17 января по 1 июля 1944 г. в районе Барановичского и Лунинецкого ж.-д. узлов.
- ¹⁹ Кузнецов Д.И. – с 1945 г. оперуполномоченный 2-го отделения 9-го отдела 1-го управления НКГБ СССР; командир оперативной группы НКГБ СССР, действовавшей с 17 января по 1 июля 1944 г. в районе Минского и Барановичского ж.-д. узлов.
- ²⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 5 тт. Т. 5. Кн. 1. – М., 2007. – С. 464–465.
- ²¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. В 5 тт. Т. 5. Кн. 1. – М., 2007. – С. 21.
- ²² Заминировано и взорвано 2 моста, уничтожено 4 паровоза, разбито 11 вагонов, уничтожено 31 автомашина, уничтожено 2 500 метров телефонной и телеграфной связи, взорвано и захвачено 3 радиостанции, уничтожена 1 военная центральная телефонно-телеграфная радиостанция, уничтожена подрывная станция заминированных объектов в Банска Быстрица, убито 315 солдат и офицеров противника, 64 человека взято в плен, захвачены 74 повозки, 172 лошади, 1 радиостанция, 4 автомашины и 4 автобуса.
- ²³ По национальному составу группа «Горные» состояла: 29 человек русских, 87 словаков, 10 белорусов, 21 чех, 5 украинцев, 2 француза, 2 цыгана, 11 прикарпатских украинцев, 4 серба, 1 узбек, 403 мадьяра, 6 евреев, 10 румын, 1 немец и 6 болгар. См.: ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 4/017.

РАЗДЕЛ IV

*О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ
1950–1980 ГГ.*

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

*Тезисы выступления на международной конференции
«Нюрнбергский процесс: уроки истории»
г. Москва, 20 ноября 2006 г.*

Необходимость современного осмысления уроков истории и осуждения идеологии и политики фашизма, к сожалению, диктует и нынешняя ситуация в российском обществе, которая волнует каждого из нас. Стремление показать вклад органов государственной безопасности в победу над фашизмом стало причиной появления на свет нескольких книг, основанных на документах Центрального архива ФСБ России. Как известно, на Нюрнбергском процессе обвинение представило свыше двух с половиной тысяч документов. Еще больше впечатляет цифра, что в процессе подготовки процесса было изготовлено 780 тысяч фотокопий документов. Документы, хранящиеся в архивах органов безопасности, сохранили свидетельства о положении на фронтах, героическом сопротивлении Красной армии и буднях трудового народа, правду о зверствах оккупантов. Эти сведения собирались по линии органов безопасности с использованием возможностей подполья, партизанских отрядов и спецгрупп НКВД СССР. И на протяжении всей войны всегда была актуальной задача документирования преступной практики гитлеровского оккупационного режима.

25 февраля 1942 г. Л.П. Берия подписал приказ о направлении материалов о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Управление государственных архивов и его местные органы. Была выработана специальная инструкция «О порядке собирания, учета и хранения документальных материалов о зверствах, разрушениях, грабежах и насилиях германских властей в оккупированных ими советских районах». Инструкция предусматривала концентрацию уликовых документов, включавших трофеи, кино и фотоматериалы, письма, акты, свидетельские показания, протоколы допросов плененных немцев и пособников фашистов. Естественно, что такого рода документы, в первую очередь, попадали к партизанам, зафронтным разведчикам и военным контрразведчикам на фронте. Эти материалы использовались органами безопасности в розыскной работе, а позднее и в подготовке суда в военных трибуналах и военно-полевых судах.

2 ноября 1942 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. По мере освобождения республик, краев, областей и городов создавались местные комиссии содействия ЧГК. На основании документальных вещественных доказательств, показаний и заявлений свидетелей ЧГК готовила специальные акты и публиковала сообщения о злодеяниях, совершенных оккупантами на советской территории.

В 1943–1945 гг. были предприняты шаги по юридическому и политическому обеспечению мероприятий, связанных с акциями возмездия в отношении немецких военных преступников и их пособников из числа граждан СССР и других стран. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. предусматривал суровые меры наказания в отношении лиц, причастных к злодеяниям и ущербу, нанесенному населению СССР и советским военнопленным. Он относился к иностранным гражданам и гражданам нашей страны, а также к лицам, квалифицированным в ходе расследования в качестве пособников оккупантов и предателей. Его действие распространялось на территории СССР и освобожденной Европы. Данный Указ широко использовался при рассмотрении дел на открытых судебных процессах 1943–1945 гг., а также на заседаниях военно-полевых судов, а с мая 1944 г. – и на военных трибуналах. Принципы преследования и наказания военных преступников были закреплены на встречах руководителей стран антигитлеровской коалиции, в частности, на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г., на Крымской и Потсдамской конференциях, соответственно, в феврале и в июле–августе 1945 г.

Инициативу по подготовке открытых процессов взяла на себя военная контрразведка, так как функционально выявление и разоблачение военных преступников и их пособников являлось одним из важнейших направлений ее деятельности. Сотрудники особых отделов, а позднее и «Смерш», находившиеся в Действующей армии, в числе первых вместе с войсками вступали в освобожденные районы и становились свидетелями последствий ужасающих преступлений фашистов на временно оккупированных территориях. Многочисленные факты участия конкретных лиц в злодеяниях становились им известны также в ходе оперативно-разыскных мероприятий и очистки тыла наступающих частей Красной армии. На восьми открытых процессах, проведенных в СССР в декабре 1945 – январе 1946 гг., были осуждены 85 немецко-фашистских преступников, в том числе 18 генералов, 28 офицеров и 39 унтер-офицеров. Из них 66 – к казни через повешение, 19 – к каторжным работам на срок от 12 до 20 лет. Приведение смертных приговоров в исполнение осуществлялось на площадях городов, публично. В Нюрнберг были направлены

судебные приговоры по этим процессам, как указывалось, «для пополнения предъявляемых трибуналу документов».

После формирования 8 августа 1945 г. Международного военного трибунала (МВТ) заботой военной контрразведки стало обеспечение деятельности и безопасности советской делегации в период ее пребывания в американской зоне, где располагался г. Нюрнберг. До начала заседаний Международного суда начальник ГУКР был детально проинформирован о важнейших вопросах организации работы советской делегации, о проблемах связи и особенностях обеспечения безопасности при перемещении по городу сотрудников аппарата, военнослужащих, корреспондентов и других официальных лиц. Были установлены контакты с американской оккупационной администрацией, в частности, были высказаны замечания о слабом наблюдении за арестованными при нахождении их в камерах и получены заверения об усилении режима. Такие замечания не были лишними. Известно, что Лей и Геринг сумели покончить жизнь самоубийством. Советские контрразведчики доставили в Нюрнберг в качестве обвиняемых военных преступников – бывшего заместителя министра пропаганды Г. Фриче и гросс-адмирала Э. Редера. Была сформирована оперативная группа во главе с заместителем начальника следственного отдела ГУКР «Смерш» полковником М.Т. Лихачевым, в состав которой были включены 10 военных контрразведчиков, переодетых в форму красноармейцев. Обвиняемых в самолете сопровождали их следователи, и 1 ноября 1945 г. Фриче и Редер были доставлены в Берлин и по акту переданы американцам.

ГУКР «Смерш» проводил большую работу по отбору документов для Нюрнбергского процесса. В декабре 1945 г. в НКВД был направлен русский перевод материалов из канцелярии Розенберга о политике на Востоке за 1942 г., а также перевод немецкого отчета оперативной группы «А» полиции безопасности об уничтожении еврейского населения на территории Белоруссии, Ленинградской области, Латвии, Литвы и Эстонии за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. Для использования в суде Международного трибунала фотокопии и переводы названных документов оформили в ГУКР «Смерш» по всем нормам международной юридической практики. Военные контрразведчики разыскивали свидетелей зверств немецко-фашистских захватчиков над гражданами СССР. В обвинительных материалах не только Нюрнбергского, но и других процессов, были использованы документы, собранные военными контрразведчиками. Материалы органов «Смерш» легли в основу доказательной базы на процессах над главными японскими военными преступниками в Токио (май 1946 – ноябрь 1948 гг.) и в Хабаровске над бывшими военными японской армии, обвинявшимися в подготовке и применении бактериологического оружия (декабрь 1949 г.). Нюрнбергский процесс закончился суровым приговором и предостережением всем агрессорам, дав суровую отповедь идеологии, политике и практике фашизма.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ПОКАЗАНИЯ НЕМЕЦКИХ ВОЕННЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

*Тезисы доклада на международной научной конференции
«Нюрнбергский процесс: исторические и правовые аспекты»
г. Москва, 9 ноября 2010 г.*

В ноябре 2010 г. исполняется 65 лет с момента открытия Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге, согласно приговору которого были осуждены главные военные преступники нацистской Германии. По этой теме написано большое количество работ¹, тем не менее, она по-прежнему в центре внимания общественности и историков. Суду были преданы политические и военные руководители фашистской Германии. Им вменялись в вину развязывание тотальной войны, убийство военнопленных и жестокое обращение с ними в концлагерях, разграбление общественной и частной собственности.

Во время Великой Отечественной войны и после ее окончания большую работу по сбору свидетельств нацистских преступлений провели органы государственной безопасности. Выявление и разоблачение военных преступников и их пособников было одним из важнейших направлений в деятельности военной контрразведки. Контрразведчики вместе с бойцами Действующей армии первыми вступали в освобожденные районы и становились свидетелями последствий ужасающих преступлений фашистов на временно оккупированной территории.

Накануне Берлинской операции в УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта были созданы специальные оперативные группы по розыску руководителей Третьего рейха, сотрудников карательных и разведывательных органов и членов антисоветских формирований. Опергруппы занимались поиском имевших оперативное значение архивов, картотек и других трофейных материалов. Опергруппами контрразведки «Смерш» в Берлине были захвачены ценные документы правительственных, разведывательных и контрразведывательных органов Германии, задержаны видные деятели нацистского режима и карательных ведомств, которым впоследствии были предъявлены обвинения в совершении преступлений против человечества. В их числе оказались главнокомандующий германского военно-морского флота гросс-адмирал Э. Редер, представитель ВМС при ставке

фюрера вице-адмирал Г. Э. Фосс. Были арестованы руководители германской военной разведки: генерал-лейтенанты Ф. фон Бентивеньи² и Г. Пиккенброк³, полковники В. фон Николаи и Ф. Гемпп, видный германский разведчик К. Янке, полковник Э. Штольце⁴, начальники Абверштелле – полковник О. Армстер, Г. фон Деммель, Э. Родлер, начальник Абверкоманды 103 полковник Р. фон Торбук, офицер связи абвера с румынской разведкой подполковник Г. Странски. Советские контрразведчики доставили в Нюрнберг в качестве обвиняемых заместителя министра пропаганды Г. Фриче и гросс-адмирала Э. Редера.

Помимо этого, проводилась большая работа по отбору документов непосредственно для Нюрнбергского процесса. В их числе были трофейные материалы из канцелярии Розенберга, отчеты оперативной группы «А» полиции безопасности об уничтожении еврейского населения на территории Белоруссии, Ленинградской области, Латвии, Литвы и Эстонии за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г. В МВТ были направлены копии судебно-медицинских экспертиз мест массового захоронения жертв немецкой оккупации. В Центральном архиве (ЦА) ФСБ России хранятся разнообразные документы, связанные с подготовкой и проведением процесса в Нюрнберге. В этом ряду следует отметить архивно-следственные дела в отношении немецких военнопленных, осужденных за преступления против мира и человечества, шпионаж и насилие. Протоколы допросов и показания высокопоставленных офицеров вермахта, сотрудников спецслужб Третьего рейха, государственных чиновников представляют собой важный и информативный источник.

Показания троих германских разведчиков – Эрвина Штольце, Ганса Пиккенброка и Франса Бентивеньи – фигурировали на Нюрнбергском процессе как доказательства от СССР за №№ СССР-228, СССР-230 и СССР-231. Пространные цитаты из этих показаний были приведены в выступлении помощника главного обвинителя от СССР Н.Д. Зори 11, 12 и 13 февраля 1946 г. в качестве доказательства агрессии Германии против Советского Союза⁵.

Документы, содержащиеся в названных архивно-следственных делах, представляют собой несомненный интерес. В ходе следствия советским контрразведчикам удалось собрать практически полную информацию о структуре, функциях и задачах абвера, проведенных им операциях и, что особенно важно, о многочисленной агентуре, заброшенной для разведывательно-диверсионной деятельности на территорию Советского Союза. Учитывая тематику нынешней конференции, важно отметить, что материалы этих дел позволяют воссоздать предысторию появления свидетельских показаний об агрессивных планах Германии в отношении СССР.

Заместитель руководителя Абвер-2 полковник Э. Штольце был задержан в Берлине 27 мая 1945 г. сотрудниками контрразведки «Смерш» 2-й Гвардейской танковой армии⁶. В деле сохранился весьма примечатель-

ный документ – рапорт сотрудника отдела контрразведки «Смерш»: «Я, оперуполномоченный отдела контрразведки «Смерш» гв. лейтенант Соседов, при переводчике Харабурде отправился по адресу Берлин-Лихтенфельде-юг, Линдер Штрассе, 5 для задержания полковника ОКВ абвера Штольце Эрвина, 1891 г.р., у которого проверил документы личности и убедился, что Штольце Эрвин является тем самым полковником ОКВ абвера, которого я приехал задержать. После вышеизложенного я предложил Штольце следовать за мной. Последний категорически отказался выполнить мои требования. Я был вынужден применить крайние меры физического воздействия. После этого Штольце оказал сопротивление и пытался бежать. Мною было предотвращено бегство, и Штольце был доставлен в отдел контрразведки»⁷. На обороте рапорта советского офицера имеется заявление задержанного: «Я не знал о том, что прибывшие ко мне на квартиру люди являются представителями воинской части, в связи с этим я им не хотел подчиняться»⁸.

29 мая начался первый опрос Штольце, продолжавшийся с перерывами до 2 часов ночи 31 мая. В течение трех дней Штольце подробно рассказывал, какие должности занимал в абвере, о структуре германского разведоргана, его руководителях, разведывательно-диверсионной деятельности на территории Советского Союза. 31 мая был выписан ордер на арест Штольце, он был передан в распоряжение УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта, а 2 июня самолетом отправлен в Москву, в ГУКР «Смерш». В ночь на 3 июня он прибыл во Внутреннюю тюрьму НКВД. Так началась новая страница его биографии, ему предстояло посидеть и в Лефортово, и в Бутырке, и опять на Лубянке. Дело в том, что следствие по его делу было приостановлено, а в качестве обоснования приводилась достаточно часто использовавшаяся формулировка: «требуется произвести дополнительные аресты соучастников Штольце, без которых вести и окончить следствие по его делу не представляется возможным»⁹.

Начиная с первого допроса, Штольце старался максимально полно отвечать на вопросы следователей. Его первые и последующие показания отличают четкость и логичность изложения, информативность, внимание к важным деталям. В характеристиках сотрудников немецкой разведки он стремился быть лояльным и объективным. Работа с заключенным велась достаточно интенсивно, допросы следовали один за другим, но к архивно-следственному делу приобщены не все протоколы. Здесь важно отметить, что до декабря 1945 г. Штольце давал показания следователям контрразведки 3-го Прибалтийского фронта. По всей вероятности, для них были чрезвычайно важны его показания в отношении агентуры, заброшенной абвером в Прибалтику. Возможно, что именно это обстоятельство, поскольку он имел непосредственное отношение к формированию антисоветского подполья в Прибалтике, и предопределило суровость приговора 1952 г. – расстрел.

25 декабря 1945 г. полковник Штольце был вызван к следователю на допрос. В архивно-следственном деле сохранились собственноручные показания Штольце, написанные, в отличие от других, отличной авторучкой, четким почерком и на плотной бумаге. Здесь же приложен русский перевод, и в заключении справка: «Оригинал вышеприведенных показаний Штольце направлен в качестве свидетельских показаний в Международный военный трибунал»¹⁰. Штольце дал подробные показания о подготовке германской агрессии против СССР: «В марте и в апреле 1941 года мой начальник – руководитель отдела Абвер-2 полковник (ныне генерал) Лахузен – вызвал меня к себе в служебный кабинет и поставил в известность о том, что вскоре предстоит военное нападение Германии на Советский Союз, и в связи с этим предложил мне использовать все данные о Советском Союзе, которыми располагал отдел Абвер-2, для проведения необходимых мероприятий по диверсии против СССР. <...> Далее я получил указание от Лахузена организовать и возглавить специальную группу под условным названием “А”, которая должна была заниматься исключительно подготовкой диверсионной и разложенческой работы в советском тылу в связи с намечавшимся нападением на СССР. <...> Мною лично было дано указание руководителям украинских националистов германским агентам Мельнику и Бандере организовать сразу же после нападения Германии на Советский Союз провокационные мятежи на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении советского тыла. <...> Для более успешного руководства всей разведывательной работой германских войск, предназначавшихся для вторжения в СССР, германской военной разведкой в конце мая 1941 года был организован специальный разведывательный орган, так называемый штаб Валли, размещенный вблизи Варшавы. Кроме того, была подготовлена для боевой деятельности на советской территории специальная воинская часть – полк особого назначения Брандербург-800»¹¹.

В отличие от Штольце, два других высокопоставленных разведчика – Пиккенброк и Бентевеньи – по приговору советского военного трибунала получили по 25 лет заключения.

Начальник отдела Абвер-1 генерал-лейтенант Г. Пиккенброк был взят в плен 10 мая 1945 г., когда во главе 208-й немецкой пехотной дивизии отступал через Чехословакию на запад. 22 мая состоялся первый опрос Пиккенброка, в ходе которого он рассказал о своей службе в абвере и германской армии, разведывательной работе на территории Советского Союза¹². Ордер на арест Пиккенброка был выписан 26 мая, и сразу же он был этапирован в Москву. Следствие по его делу так же, как и в отношении Штольце, с той же формулировкой, было приостановлено. Но в отличие от Штольце, Пиккенброк демонстрировал меньшую готовность к сотруд-

ничеству со следствием. Особенно это заметно в допросах, проводившихся после 1945 г., когда на вопросы следователя он неизменно отвечал, что ушел из абвера в 1943 г. и за два года забыл многие подробности.

2 октября 1945 г. Пиккенброк подробно рассказал о подготовке нападения Германии на Чехословакию, Польшу, Норвегию, Данию, СССР, дал высокую оценку работе германской разведки и в заключении сказал: «Я считал несправедливыми условия, в которые была поставлена Германия Версальским договором, и поэтому приветствовал действия, направленные на уничтожение этих условий. Будучи германским офицером, я считал своим долгом выполнять порученные обязанности возможно лучше, поэтому я делал все для успешной работы германской военной разведки. Я в силу своего должностного положения должен был заниматься подготовкой войны и делал для этого все от меня зависящее. За это я должен нести ответственность»¹³.

12 декабря Пиккенброк получил несколько листов качественной бумаги и перьевую ручку, а не карандаш, как в другие дни. Ему было предложено рассказать о подготовке войны против Советского Союза: «С августа–сентября 1940 года со стороны отдела иностранных армий генштаба стали значительно увеличиваться разведывательные задания абверу по СССР. Эти задания, безусловно, были связаны с подготовкой войны против России. О более точных сроках нападения Германии на Советский Союз мне стало известно в январе 1941 года. Спустя примерно две недели после беседы с Йодлем мне лично Канарис сказал, что нападение на Советский Союз назначено на 15 мая. <...> Мною было направлено значительное количество агентуры в районы демаркационной линии между советскими и германскими войсками. В разведывательных целях мы также использовали часть германских подданных, ездивших по различным вопросам в СССР, а также учинили опрос большого количества лиц, ранее бывавших в СССР. Кроме того, всем периферийным отделам разведки Абверштелле, которые вели работу против России, было дано задание усилить засылку агентов в СССР»¹⁴. В заключении русского перевода показаний Пиккенброка, как и в деле Штольце, дана справка: «Подписанный оригинал направлен в Международный военный трибунал»¹⁵.

Начальник Абвер-3 генерал-лейтенант Ф. Бентивеньи капитулировал в составе Курляндской группировки немецких войск 8 мая 1945 г. 17 мая он был передан сотрудникам «Смерш» и 18 мая помещен во Внутреннюю тюрьму НКВД. Ордер на его арест был выписан только 6 августа 1951 г. В отличие от Штольце и Пиккенброка, следствие по делу Бентивеньи не прекращалось.

28 мая 1945 г. на первом допросе Бентивеньи рассказал о своей службе в разведке, структуре абвера, разведывательной и контрразведывательной деятельности против США и Великобритании¹⁶.

6 августа 1945 г. Бентивеньи говорил о нападении Германии на Советский Союз, в частности, его участии в подготовке агрессии: «По контрразведывательной линии мною были предприняты следующие меры: 1. Подготовка низовых органов абвера к ведению активной контрразведывательной работы против СССР в условиях военных действий. 2. Дезинформирование иностранных разведывательных органов и, в частности, советской разведки, в том смысле, что германское правительство придерживается якобы тенденции улучшения отношений с Советским Союзом. 3. Мероприятия в области почтовой, телефонной и телеграфной связи для обеспечения тайны в вопросе переброски войск на восток»¹⁷.

7, 12, 15 и 26 августа Бентивеньи говорил о задачах, выполнявшихся подразделением Абвер-3 и его отдельными группами, дал краткие характеристики сотрудникам¹⁸. 28 декабря 1945 г. для написания собственноручных показаний Бентивеньи была выдана хорошая бумага и авторучка. В архивно-следственном деле не сохранилась копия русского перевода со справкой о направлении показаний в МВТ, но показания Бентивеньи остались: «С ноября 1940 года я, не будучи еще официально извещен о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом, фактически включился в подготовку этой войны. <...> По своему служебному положению я не имел возможности ознакомиться с самим “планом Барбаросса”, однако, несмотря на это, содержание его мне было известно по отдельным устным и письменным донесениям служебного и внеслужебного характера. Мне было известно, что “план Барбаросса” предусматривал военную, экономическую и политическую подготовку Германии к войне против СССР»¹⁹.

Бентивеньи, как и Пиккенброк, ссылаясь на то, что в конце войны не служил в абвере, оставлял без ответа многие вопросы следователей. Возможно то, что они оба ушли из абвера задолго до окончания войны, несколько смягчило их приговоры.

Как уже было сказано, свидетельские показания абверовцев были использованы на заседании Международного военного трибунала в феврале 1946 г. в качестве доказательств немецкой агрессии против Советского Союза. Для советской стороны было особенно важно доказать, что Германия начала готовиться к войне против СССР задолго до 1941 г. Главные нацистские преступники, содержащиеся в нюрнбергской тюрьме, упрямо настаивали на своей невинности и полном незнании планов Гитлера. Поскольку кроме нацистов, входивших в ближайшее окружение фюрера, о готовящейся агрессии должны были знать сотрудники разведки, именно их признательные показания представляли наибольшую ценность и были направлены в Нюрнберг.

¹ «Без срока давности». К 60-летию Нюрнбергского процесса. М., 2006; Г. Гилберт. Нюрнбергский дневник. Процесс глазами психолога. Смоленск, 2004; Епифанов А.Е. Ответственность

гитлеровских военных преступников и их сообщников в СССР (историко-правовой аспект): Сборник документов. – Волгоград, 1997; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. В 7 т. – М., 1958; Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. – М., 1987; Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. – М., 2007; Ответственность за военные преступления и преступления против человечества: Сборник документов. – М., 1969; *Пишибильский П.* Между виселицей и амнистией: Процессы против военных преступников в зеркале Нюрнберга. – М., 1985; *Расплата: Третий рейх: падение в пропасть.* – М., 1994; *Христофоров В.С.* Участие органов военной контрразведки «Смерш» в подготовке Нюрнбергского процесса // Уроки Нюрнберга и проблемы международной законности. – М., 2007. – С. 277–282.

¹ Бентивеньи Франс Арнольд Эккард (1896–1958), сотрудник абвера, генерал-лейтенант. Начальник 3-го отдела абвера (1939–1944), командир 10-й учебной дивизии, 170-й пехотной дивизии (1944), командир 81-й пехотной дивизии (1944–1945). Взят в плен в 1945 г. Приговорен к 25 годам тюремного заключения в 1952 г. Передан ФРГ в 1955 г.

³ Пиккенброк Ганс (1893–1959), сотрудник абвера, генерал-лейтенант. Начальник 1-го отдела (разведка) абвера (1936–1943), командир 208-й пехотной дивизии (1943–1945). Взят в плен в 1945 г. Приговорен к 25 годам тюремного заключения в 1952 г. Передан ФРГ в 1955 г.

⁴ Штольце Эрвин (1891–1952), сотрудник абвера, полковник. Заместитель начальника отдела Абвер-2 (1936–1944), начальник диверсионного сектора военного управления РСХА (1944), руководитель Абверштелле-Берлин (1944–1945). Арестован сотрудниками «Смерш» в 1945 г. Приговорен к расстрелу в 1952 г.

⁵ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов. В 7 т. Т. 2. – М., 1958. – С. 479–527.

⁶ 2-я Гвардейская танковая армия сформирована 20 ноября 1944 г. путем преобразования 2-й танковой армии в составе 1-го Белорусского фронта. В Варшавско-Познанской операции ее действия характеризовались особой стремительностью: за 15 суток войска прошли с боями от Вислы до Одера свыше 700 км. В ходе Берлинской операции отличилась при прорыве оборонительных рубежей на подступах к Берлину и штурме города.

⁷ ЦА ФСБ России. Д. Н-20944. Т. 1. Л. 13.

⁸ ЦА ФСБ России. Д. Н-20944. Т. 1. Л. 13 об.

⁹ ЦА ФСБ России. Д. Н-20944. Т. 1. Л. 55.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Д. Н-20944. Т. 1. Л. 84.

¹¹ ЦА ФСБ России. Д. Н-20944. Т. 1. Л. 79–84.

¹² См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-21105. Т. 1. Л. 8–15.

¹³ ЦА ФСБ России. Д. Н-21105. Т. 1. Л. 19–34.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Д. Н-21105. Т. 1. Л. 46–49.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Д. Н-20944. Т. 1. Л. 49.

¹⁶ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-21136. Т. 1. Л. 16–26.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Д. Н-21136. Т. 1. Л. 28.

¹⁸ См.: ЦА ФСБ России. Д. Н-21136. Т. 1. Л. 40–78.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Д. Н.-21136. Т. 1. Л. 90, 92.

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС 1949 Г.

*Статья в сборнике «Великая Победа:
многотомное продолжающееся издание»
Т. 8. Расплата.— М.: МГИМО. 2011 г.*

Вторая мировая война закончилась после того, как 14 августа 1945 г. император Хирохито, правительство и военное командование Японии приняли условия Потсдамской декларации и 2 сентября 1945 г. подписали акт капитуляции перед союзными государствами – СССР, США, Англией и Китаем. События, связанные с японской агрессией, были детально рассмотрены Международным военным трибуналом по обвинению главных японских преступников. Заседания Международного трибунала проходили в Токио (1946-1948 гг.) и получили наименование Токийского процесса¹.

Международный трибунал признал факт вступления Японии в преступный заговор с гитлеровской Германией и фашистской Италией против мира и человечества, планирования, развязывания и ведения японскими правящими и военными кругами завоевательных войн, в том числе и против Советского Союза. Реализуя свои преступные планы, Япония совершила ряд актов агрессии: оккупация Маньчжурии (1931)²; вторжение в Китай (1937); нападение японской армии в 1939 г. на дружественную СССР Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол³ и другие. Международный трибунал установил факт ведения Японией агрессивной войны против СССР в районе озера Хасан (1938)⁴. Трибунал констатировал, что «нападение, которое планировалось и было осуществлено с использованием значительных сил, нельзя рассматривать, как простое столкновение между пограничными патрулями... военные действия были начаты японцами»⁵.

Общеизвестно, что японские правящие круги во главе с императором и генштабом японской армии с конца XIX в. настойчиво и последовательно проводили экспансионистский курс по военному захвату российского Приморья и Сибири и присоединению их к Японской империи. В 1930-е гг. в Японии окончательно сформировались агрессивные устремления против СССР: в 1934 г. генштабом японской армии был окончательно доработан план нападения на СССР и в 1935 г. этот план под названием «Оцу», пред-

усматривавший захват и последующее управление территориями советского Приморья, был утвержден императором⁶.

После нападения фашистской Германии на СССР обстановка на дальневосточной границе стала еще более напряженной. В районах, прилегающих к СССР, японское командование держало миллионную Квантунскую армию. В июле 1941 г. в Японии предполагали начать наступление против СССР 28 августа 1941 г., захватить территории Дальнего Востока и Забайкалья и окончить войну в сентябре – октябре 1941 г.⁷ Японские правящие круги считали, что победа Германии «предоставит Японии удобный случай осуществить на практике свои агрессивные планы против Советского Союза». Япония «намеревалась свое нападение на СССР осуществить к наиболее благоприятному моменту в советско-германской войне», «продолжала рассматривать это нападение как одну из основных целей своей политики»⁸, а заключенные с советским государством соглашение о ненападении и пакт о нейтралитете «лишь как временную договоренность...».

В материалах Токийского процесса имеются сведения, что германский посол в Японии еще в июле 1941 г. докладывал в Берлин, что «японское правительство усиление военных приготовлений производит для того, чтобы сковать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в борьбе с Германией»⁹. Трибунал признал также факт вступления Японии в преступный заговор с гитлеровской Германией и фашистской Италией против мира и человечества. Приговор Международного трибунала в Токио гласил: «Несомненно установлено, что Япония заключила пакт о нейтралитете не искренно и в качестве мероприятия, которое бы помогло Японии осуществить свои агрессивные намерения против СССР»¹⁰.

Отдельные документы Международного военного трибунала для Дальнего Востока по делу главных японских военных преступников имеются и в Центральном архиве ФСБ России. В фонде архивных уголовных дел хранится уголовное дело № Н-20058 в 26 томах. По материалам дела проходят 12 японских военнослужащих, которые в нарушение Женевского протокола 1925 г. занимались разработкой, созданием и применением бактериологического оружия в годы Второй мировой войны¹¹. Следствие проводилось Оперативно-следственной группой МВД СССР и Следственным управлением МВД СССР по Хабаровскому краю в период с 22 октября по 13 декабря 1949 г. В уголовном деле имеются собственноручные показания и дневниковые записи обвиняемых (на японском языке и в переводе на русский), показания свидетелей, акты судебно-медицинских экспертиз, протоколы допросов и др.

В конце декабря 1949 г. в Хабаровске военный трибунал Приморского военного округа рассмотрел дело по обвинению японских военных в подготовке и применении бактериологического оружия¹² против

советских, монгольских и китайских войск и мирного населения в боях на реке Халхин-Гол (1939), в Китае (1940-1942), проведении преступных опытов над людьми. Обвинение было предъявлено бывшему командующему Квантунской армией¹³ О. Ямада, начальникам санитарного управления и ветеринарной службы Квантунской армии, военнослужащим отрядов №№ 731 и 100. В советской историографии этот судебное разбирательство получило наименование Хабаровского процесса (1949)¹⁴.

Осуществляя подготовку к войне против СССР и других государств, японские правящие круги и национальные спецслужбы возлагали большие надежды на применение в боевых условиях бактериологического оружия, проводя при этом его разработку, испытания и совершенствование. Оно рассматривалось как средство, способное сыграть чуть ли не решающую роль в парализации деятельности войск противника.

Материалы архивного уголовного дела свидетельствуют, что решение об изготовлении бактериологического оружия было оформлено указами императора. На территории оккупированной Маньчжурии создавались совершенно секретные структуры, подчинявшиеся только императору, генштабу японской армии и, как исполнителю – командующему Квантунской армией. У последнего права были ограниченными. Действия и распоряжения надлежало осуществлять лишь по приказам, предписаниям и по согласованию с императорской ставкой и генштабом японской армии.

Бактериологическая лаборатория, возглавляемая известным в Японии идеологом бактериологической войны, впоследствии генерал-лейтенантом медслужбы Исии Сиро¹⁵, была организована и включена в состав Квантунской армии вскоре после захвата Маньчжурии в 1931 г. В этой лаборатории производились изыскания в области использования бактериологических средств – вирусов острых инфекционных заболеваний.

В 1935-1936 гг. были развернуты два секретных формирования под условными названиями «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «Иппозэпизоотическое¹⁶ управление Квантунской армии», основными задачами которых являлись: выращивание в больших количествах бактерий и бацилл для бактериологического оружия и проведение испытаний его на людях, животных и растениях. В 1941 г. они были соответственно зашифрованы как «отряд № 731», возглавляемый упоминавшимся Исии и располагавшийся в местечке Пинфан в 20 км от Харбина, и «отряд № 100» под руководством генерал-майора ветеринарной службы Вакамацу с местом дислокации в г. Чанчуне¹⁷.

Отряды имели широкую сеть филиалов, расположенных на основных направлениях планировавшихся наступательных операций (Читинском, Хабаровском, Благовещенском и др.) в городах Хайларе, Суньбу, Нанкине, Кантоне, Дуннине, Дунькоу, Линькоу, Кокузане и др.¹⁸.

Генерал К. Кавасима на допросе 21 октября 1949 г. показал: «731 отряд был организован по секретному декрету императора Японии Хирохито

в 1936 г. Первоначальное размещение отряда было определено в г. Харбине и, согласно приказу военного министра Японии, начальником 731 отряда был назначен полковник медицинской службы Исии Сиро.

Сразу же после организации отряда, он получил официальное название «Управление водоснабжения и профилактики Квантунской армии» и формально занимался вопросами, связанными с очисткой воды и снабжением водой Квантунской армии, а также борьбой с эпидемическими заболеваниями. В Квантунской армии он был известен под названием – «отряд Мансю № 731», т.е. «Маньчжурского отряда № 731 Квантунской армии». По мере активизации исследовательской работы, роста значения и степени серьезности выполняемых работ появилась необходимость в увеличении штатов, расширении лабораторий и территории отряда. В связи с этим по новому декрету главная часть отряда была перемещена в район ст. Пинфан (примерно в 30 км от Харбина к югу), где проводилась основная исследовательская, экспериментальная и производственная деятельность отряда.

Все строительные работы в районе ст. Пинфан были начаты в 1939 г. и к моменту перехода туда отряда строительство было закончено. Таким образом, в 1940 г. в г. Харбине остались отделы, ведающие чисто противозидемической и лечебной работами, а все остальные отделы, занимавшиеся работами, связанными с подготовкой бактериологической войны, были переведены на ст. Пинфан. Декрет императора от 1940 г., кроме того, предусматривал увеличение штатов отряда численностью до 3 тыс. человек, включая сюда и вновь сформированные филиалы в различных районах Маньчжурии, а также структурное деление отряда на отделы.

Что касается цели и задач организации 731 отряда, то они односторонне были определены приказом военного министра Японии, изданного, наряду с декретом императора, в котором значилось, что 731 отряд организовывается в целях массовых мероприятий по борьбе с эпидемическими заболеваниями в Квантунской армии. Этот приказ военного министра Японии я видел лично в делах общего отдела»¹⁹. Позже К. Кавасима говорил на допросах, что для разработки планов бактериологической войны высшие японские военные приводили следующие обоснования: «Однажды, во время беседы с руководящими работниками отряда летом 1941 г., генерал Исии у себя в кабинете разговаривал о причинах, побудивших военные круги Японии организовать такой исследовательский орган, как 731 отряд. Говорил, что Япония не имеет достаточных природных запасов металла и других видов сырья, нужного для изготовления оружия, поэтому Японии необходимо изыскивать новые виды оружия, одним из которых в то время считалось бактериологическое оружие. Кроме этого, Исии указал, что все великие державы ведут в этой области соответствующие работы, и Япония в этом вопросе не должна отставать»²⁰. В рамках подготовки к реализации плана «Кантокуэн», как показал К. Кавасима на другом допросе, тоже проводилась большая работа:

«Исии передал нам, что в генеральном штабе высоко оценили результаты работы отряда и дали указание обратить особое внимание на усовершенствование и дальнейшую разработку бактериологических средств войны. После этой информации генерал Исии призвал нас к еще более напряженному труду для увеличения производительности отряда по размножению блох в еще большем количестве. Тут же Исии отметил, что отряду удавалось в самых удачных случаях доводить размножение блох до 60 кг в 3–4 месяца. Но теперь это количество необходимо довести до 200 кг.

Генерал Исии нам разъяснил, что все эти мероприятия по расширению производства бактериологического оружия необходимы в связи с международной обстановкой, т.е. началом войны Германии против Советского Союза и введением в Квантунской армии плана «Кан-Току-Эн», который предусматривал подготовку военных мероприятий против СССР, и поэтому наша армия должна была иметь в готовности бактериологическое оружие, чтобы в нужный момент использовать его против СССР»²¹.

Во время войны отрядам предстояло, во-первых, применить бактериологическое оружие в ходе наступательных военных действий японских частей и соединений против Красной армии с целью вывода из строя ее живой силы и, во-вторых, при вынужденном отступлении японской армии организовать бактериологическое отравление оставляемой территории (животного и растительного мира, водоисточников и т.п.) для распространения эпидемий в войсках противника и среди местного населения. Эти отряды были укомплектованы специалистами-бактериологами, научными и техническими сотрудниками, имели новейшее оборудование (в том числе немецкого производства). Для размещения производства, научных разработок, проживания персонала в отрядах были построены капитальные здания; для проведения начальных опытов по заражению животных – загоны для скота, а для проведения экспериментов на людях – внутренняя тюрьма и крематорий. Были оборудованы испытательные полигоны. Отряд № 731 имел свою авиационную часть для испытаний бомб и снарядов, начиненных смертоносными бактериями. Для удобства снабжения отряда № 731 была проложена железнодорожная ветка от ст. Пинфан.

Создание и выращивание бактерий остроинфекционных заболеваний, разработка способов их распространения (сброс авиабомб с носителями бактерий блохами, заражения воды, пищи, скота и растений) велись в достаточно широком масштабе. Бактерии производились в количестве, достаточном для ведения бактериологической войны. Опыты по проверке действенности бактериологического оружия проводились в лабораторных и полигонных условиях.

По показаниям свидетелей и самих обвиняемых, преступные опыты на людях были в отрядах «обычным делом». В деле имеются свидетельства применения возбудителей брюшного тифа, паратифа, дизентерии, нарывного газа и др. Если испытуемый выживал, на нем проверялись другие

бациллы. Об этом дал показания в процессе следствия один из обвиняемых: «В 731 отряд ежегодно доставлялось от 500 до 600 человек заключенных. Я видел, как солдаты первого отдела отряда принимали заключенных от жандармерии целыми партиями. Они содержались в двух корпусах тюрьмы, которая помещалась на территории отряда, вместимостью до 200 человек. Оба тюремных корпуса усиленно охранялись часовыми. В тюремных камерах помещалось от одного до 4-х человек. В целях эффективности опытов пища, приготовленная в кухне тюрьмы, была вполне питательной и достаточной по количеству.

В тюремных зданиях имелись операционный и рентгеновский кабинеты. Для каждого вида эпидемических заболеваний были выделены отдельные камеры, куда водворялись лица, предназначенные к насильственному заражению одним из видов патогенного возбудителя. В отдельных случаях, в целях удобства, заражение подопытного человека производилось не в лаборатории, а в камере тюрьмы, где заключенный содержался. Заключенные из камер выводились в наручниках и под охраной. Если заключенный, несмотря на заражение его смертоносными бактериями, выздоравливал, то это не спасало его от повторных опытов, которые продолжались до тех пор, пока не наступала смерть. Лица, подвергшихся заражению, лечили, исследуя различные методы лечения, нормально питали и после того, как они окончательно поправлялись, их использовали для следующего эксперимента, заражая другими видами бактерий. Во всяком случае, живым из этой фабрики смерти никто и никогда не выходил. Трупы умерших, после предварительного анатомического исследования, сжигали в крематории отряда»²².

Для проведения полигонных испытаний привлекались специалисты-бактериологи, жандармерия, вольнонаемные рабочие, лётный состав отряда. Заключенных привязывали в поле к железным столбам, после чего на них испытывали действие различных бактериологических снарядов. В результате подобных экспериментов некоторые испытуемые умирали; другие, получив тяжелые увечья, становились непригодными для дальнейших опытов, поэтому, либо расстреливались жандармерией отрядов, либо умерщвлялись путем впрыскивания цианистого калия медперсоналом отрядов. «

Смертность человеческих жертв²³, подвергавшихся искусственному заражению чумой, холерой, брюшным тифом, паратифом, дизентерией и кровоточащей лихорадкой, была различна, – показал К. Кавасима на допросе 11 августа 1946 г., – при экспериментах искусственного заражения человека без лечения смертность достигла: от сапа – 100 %, от чумы – 70 %, холеры – до 70 %, брюшного тифа – до 60-70 % и т.д. При лечении процент смертности понижался, а в отдельных случаях заражение излечивалось»²⁴. В качестве испытуемых в бактериологические отряды японскими военными миссиями, жандармерии и контрразведки направлялись: китайцы,

корейцы, маньчжуры, советские граждане, оказавшиеся по различным причинам в Маньчжурии, русские эмигранты, заподозренные японцами в симпатиях к СССР или связях с советской разведкой. Особое место отводилось советским гражданам, уличенным или подозреваемым в связях с советской разведкой, разведчикам и агентам, а также военнослужащим 8-й Народно-освободительной армии Китая (НОАК), военнопленным китайцам, захваченным в плен в ходе военных действий, китайским и корейским партизанам, боровшимся против японской оккупации Маньчжурии.

Испытания бактериологических средств проводились не только в лабораториях и на испытательных полигонах, но и в полевых условиях, в т.н. «экспедициях». Первая «экспедиция» была проведена еще в 1939 г. на реке Халхин-Гол, когда при отступлении японской армии в реку были вылиты болезнетворные бактерии. Вторая «экспедиция» была направлена в июле-августе 1942 г. в район Трехречья (Северо-Хинганская провинция Китая) и длилась 25 дней. В ходе «экспедиции» проводились испытания бактериологических средств около г. Хайлара, у реки Тербур в 60-80 км от ее впадения в пограничную с СССР реку Аргунь.

В архивном уголовном деле имеются сведения и о других примерах использования бактериологических средств и оружия. Так, в 1940 г. в районе Нимбо (южнее Шанхая) отряд № 731 сбросил с самолетов в расположение китайских войск и на местное население авиабомбы, начиненные, бактериями чумы. Одновременно велось заражение водоемов, колодцев и других водных источников. В результате этого распространилась эпидемия в городах Цзиньхуа, Изьчжоу, Юйшань, на ликвидацию которой китайскими властями были привлечены значительные противоэпидемические силы. В 8-й НОАК было издано специальное указание о мерах борьбы с чумой.

Очередную операцию отряд № 731 провел летом 1941 г. в Центральном Китае: над г. Чандэ (около озера Дунтинху) с самолета сбрасывали бомбы, начиненные блохами, зараженными бактериями чумы. Цель операции состояла в том, чтобы, распространив эпидемию чумы, вывести из строя китайские войска и нарушить коммуникации. По словам начальника 2 отдела отряда № 731 полковника Сота, операция была «весьма эффективной», среди китайцев возникла эпидемия чумы²⁵.

Об этой операции в материалах архивного следственного дела сохранились следующие показания: «Этой операцией руководил начальник 2 отдела полковник Оота. По распоряжению генерала Исии из состава сотрудников 1 и 2 отделов было выделено 30 бактериологов, к ним был придан технический персонал, что в общей сложности составило отряд численностью около 100 человек. При возвращении экспедиции из Центрального Китая Оота мне рассказывал, что над городом Чандэ, около озера Дунтинху, экспедицией с самолетов сбрасывались блохи, зараженные чумой. Делалось это с целью нарушения коммуникаций китайских войск, важным пунктом которых являлся Чандэ. Операции по

применению бактериологических средств в районе Чандэ были весьма эффективны и среди китайцев была вызвана эпидемия чумы. Техника перевозки блох к месту их применения заключалась в том, что они содержались в особых резервуарах, заполненных рисовой шелухой, где они могли существовать без вреда. Рисовая шелуха также способствовала равномерному рассеиванию блох при сбрасывании их с самолета, чем обеспечивалась большая площадь накрытия»²⁶.

Кавасима на допросе показал, что «опыты по действию бактерий над живыми людьми проводились в полевых условиях, для чего 731 отряд имел два полигона, один из которых находился в районе ст. Аньда, в ста километрах от 731 отряда, а второй, название которого я не помню, вблизи отряда. На этих полигонах испытывались способы боевого применения авиационных бомб, начиненных бактериями. В июне 1941 г. на полигоне в районе ст. Аньда лично присутствовал при испытаниях действий бактериологических бомб над живыми людьми. Бомбы были начинены блохами, зараженными чумой. Предварительная подготовка этого испытания проводилась первым отделом. Второй отдел составлял план общего хода испытания, а я, как начальник общего отдела, готовил проект приказа: где, когда и каким образом будут производиться испытания и кто именно должен принимать в них участие. Заготовленный мною приказ подписывался начальником отряда. Полигон в районе ст. Аньда представлял собой участок площадью в 1000 кв. метров. Он был отмечен специальными флажками, а вокруг была установлена охрана. К моменту нашего прибытия на место испытания на участок было размещено 10–15 живых людей, привязанных веревками к столбам, а также несколько сот белых мышей.

Все участники испытания, которых было около ста человек, находились в безопасных блиндажах, которые были расположены с надветренной стороны, на расстоянии одного километра от опытного участка. Опытом руководил начальник 2 отдела полковник Оота. Через некоторое время над полигоном показался самолет, стартовавший с аэродрома 731 отряда. На подопытных людей и животных с самолета было сброшено более десяти бомб, изготовленных из фарфора со специальными взрывателями, которые автоматически взрывали бомбу на расстоянии двухсот метров от поверхности земли. Длина каждой бомбы около 50 см, а общий вес ее около десяти килограмм. После взрыва бомбы блохи рассыпались и накрывали объект, поражая подопытных людей и животных. О результатах опыта можно сказать: техника испытания была проведена отлично, все бактериоматериалы попали в цель, однако, последующие наблюдения над подопытными в тюрьме показали, что степень заражения была неудовлетворительной. Это объясняется слабой активностью блох, вызванной очень жаркой погодой»²⁷.

В последующем бактериологическое оружие применялось в 1942 г. на железнодорожном узле Чжеган, в районе г. Нанкина и др. Об этой

операции имеются такие показания К. Кавасима: «В мае 1942 г. генерал Исии вернулся из Токио и на секретном совещании в присутствии всех начальников отделов отряда, в том числе и меня, заявил, что на основании полученных им указаний от генерального штаба часть отряда необходимо командировать в ближайшее время в Центральный Китай для выполнения бактериологической атаки против китайских войск. По словам Исии, эти операции должны проводиться вблизи железнодорожной линии Чжаган. В связи с подготовкой этой операции генерал Исии провел три совещания. Они были посвящены вопросам выбора вида бактерий для возбуждения эпидемических вспышек, а также практическим мерам, связанным с применением их. Было решено использовать бактерии чумы, холеры, брюшного тифа и паратифа.

Руководителем экспедиции был назначен начальник 2 отдела подполковник Мураками Такаси. Позднее туда же выехал начальник общего отдела полковник Накатомэ Ниндзо. В работе этой экспедиции принимал участие и начальник отряда генерал Исии, выезжавший для этой цели в район действия экспедиции. В июле 1942 г., после предварительной подготовки, экспедиция несколькими партиями отправилась в Центральный Китай. Каждая из этой группы имела специальную аппаратуру и материалы для получения питательной среды и культивирования бактерий на месте. Экспедиция имела также значительные запасы блох для заражения их на месте чумой и капсюлированные возбудители чумы и холеры для культивирования на месте.

Способ применения бактериологического оружия в этом случае являлся наземным и заражение территории производилось по принципу диверсионных действий. Войска японской армии производили стратегическое отступление, параллельно которому члены экспедиции производили заражение смертоносными бактериями водоемов, рек, прудов, полей и т.д. Наступающие китайские войска вступали в зараженную зону и подвергались действию бактериологического оружия. По официальному заявлению генерала Исии, применение бактериологического оружия в этом случае дало значительные результаты. Экспедиция в Центральный Китай направлялась по письменному приказу командующего Квантунской армией генерала Умедзу. Этот приказ я читал. В нем не указывались действительные цели экспедиции. Там было сказано лишь о том, что экспедиция 731 отряда должны выехать в Центральный Китай.

Кроме этих двух случаев, о которых я знаю лично, со слов генерала Исии мне известно еще один случай применения бактериологического оружия в войне против Китая. В 1941 г., будучи начальником общего отдела отряда, в одном из моих посещений генерал Исии читал медицинский журнал за 1940 г., в котором китайцы поместили статью с описанием сильной вспышки эпидемии чумы в районе Нимбо (южнее Шанхая). В статье говорилось об особом характере вспышки эпидемии чумы, отмечая, что

обычно распространение чумы среди людей сопровождается эпидемией среди грызунов, чего не было в данном случае. Комментируя статью китайского автора, Исии с удовлетворением отметил, что это сообщение подтверждает успешность эксперимента, примененного под его руководством особым отрядом в районе Нимбо. Исии заявил, что для распространения этой эпидемии чумы среди населения и военнослужащих китайской армии он практиковал сбрасывание с самолета блох, зараженных чумой»²⁸.

Хабаровский судебный процесс проходил в городе Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 г. В открытых заседаниях военного трибунала Приморского военного округа были рассмотрены материалы, собранные в ходе следствия, заслушаны показания обвиняемых – бывших военнослужащих японской армии, причастных к созданию и применению бактериологического оружия. В процессе проведения следственных действий были собраны многочисленные доказательства, по которым суд определял общественную опасность деяний и виновность лиц, совершивших эти деяния. В качестве доказательств в соответствии с уголовным правом суду были предоставлены: показания свидетелей, показания обвиняемых, заключения судебно-медицинской экспертизы, протоколы следственных действий и другие документы.

Для установления фактических данных и обстоятельств по материалам уголовного дела военным прокурором Приморского военного округа было назначено проведение судебно-медицинская экспертиза²⁹, перед которой поставлены вопросы: соответствовала ли техническая оснащенность и практическая деятельность отрядов водоснабжения и профилактики №№ 100, 731 и 1644 одним лишь целям противоэпидемической работы в обслуживаемых частях японской армии; в каком направлении производилась экспериментальная и производственная работа отрядов №№ 100 и 731; каковы масштабы этих экспериментальных работ, их уровень и материальное обеспечение; какова потенциальная опасность бактериологических средств, имевшихся в распоряжении этих трех отрядов и их филиалов; могло ли данное бактериологическое оружие являться средством бактериологической войны

В состав экспертной комиссии вошли: действительный член Академии медицинских наук СССР академик Н.Н. Жуков-Варежников, эпидемиолог полковник медицинской службы В.Д. Краснов, заведующий кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского института профессор Н.Н. Косарев, доцент той же кафедры Е.Г. Левкин, начальник военно-ветеринарной лаборатории подполковник ветеринарной службы А.Н. Александров, паразитолог О.Л. Козловская.

В заключение судебно-медицинской экспертизы от 1 ноября 1949 г. сделаны следующие выводы: «Техническая оснащенность и практическая деятельность отрядов № 100 и 731 не соответствовала одним лишь целям противоэпидемической работы», «экспериментальная работа

отрядов №№ 731 и 100 по своему специфическому характеру и особому содержанию могла быть направлена только на изыскание и производство бактериологического оружия, на разработку методов его практического применения и определение эффективности этого оружия». «Деятельность отрядов была направлена на разработку и производство бактериологического оружия, а также изучение методов его применения, в частности, с использованием для этой цели насильственного заражения живых людей». «Масштабы проводимых экспериментальных работ, а также тесно связанные с ними производственные работы и материальное обеспечение, были весьма велики», «огромные массы болезнетворных микробов, в числе которых были возбудители чумы, холеры, брюшного тифа и других, предназначались для производства бактериологического оружия с целью массового истребления людей». «Такие болезни, как легочная чума, приводят к смерти всех ею заболевших. Другая форма чумы – бубонная – также дает большую смертность. Это же самое можно сказать о холере и сапе, а в отношении животных – сибирской язве и чуме рогатого скота, брюшной тиф надолго выводит из строя заболевших»³⁰.

В ходе судебного процесса в Хабаровске военный трибунал установил степень виновности каждого обвиняемого. Все подсудимые в предъявленном обвинении признали себя виновными. Перед оглашением приговора Ямада Отодзо сказал: «Я признаю свою ответственность в деле усиления боевой готовности по подготовке к бактериологической войне. Я признаю свою вину за все злодеяния»³¹, а Кавасима Киоси признал: «Совершенные мною преступления позорны не только для меня одного, но позорны для всей моей страны», «совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества»³².

Военный трибунал Приморского военного округа признал всех обвиняемых виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Все обвиняемые были приговорены к лишению свободы на различные сроки – от 2 до 25 лет с отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере № 48³³. После частичного отбывания наказания все осужденные были репатрированы на родину³⁴. Ход Хабаровского процесса широко освещался в советских средствах массовой информации. В частности, в «Правде» и «Известиях» публиковались стенограммы судебных заседаний, статьи о преступных замыслах японской военщины.

В 1993-1994 гг. Главная военная прокуратура Российской Федерации в связи с обращением «Японской ассоциации бывших военнопленных» рассмотрела архивное уголовное дело № Н-20058 и вынесла постановление о том, что все лица, проходящие по нему, осуждены обоснованно

и реабилитации не подлежат³⁵. Определением Верховного суда Российской Федерации от 15 декабря 1994 г. приговор военного трибунала Приморского военного округа (1949) оставлен в силе³⁶.

Нюрнбергский и Токийский процессы создали международно-правовой прецедент уголовной ответственности за преступления против мира и человечности и военные преступления. Хабаровский процесс (1949) не носил международного характера, тем не менее, этот суд, на котором рассматривались ход подготовки и применения японскими военными преступниками бактериологического оружия на территории Монголии (1939) и Китая (1940–1942), по своему политико-правовому значению может быть поставлен в один ряд с международными военными трибуналами.

Нюрнбергский, Токийский и Хабаровский процессы стали своеобразным предостережением для военных преступников и свидетельством торжества принципа неотвратимости наказания за совершенные преступления против мира и человечности. В послевоенное время не наблюдалось массового применения бактериологического оружия, а в 1975 г. вступила в силу Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении³⁷.

¹ Токийский процесс 3 мая 1946 г.–12 ноября 1948 г. – суд над главными японскими военными преступниками в Международном военном трибунале для Дальнего Востока. Суду были преданы 28 человек; 7 – приговорены к смертной казни; 18 – к различным срокам заключения; 2 – умерли во время процесса; 1 – признан невиновным.

² 19 сентября 1931 г., обвинив китайцев в «диверсии», разрушении железнодорожного полотна арендованной Японией у Китая Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), японские войска начали захват китайского города на ЮМЖД, и разоружать китайские гарнизоны. К началу 1932 г. Япония заняла всю Маньчжурию, где создала государство Маньчжоу-го.

³ В мае–сентябре 1939 г. советско-монгольские войска отразили агрессию японских захватчиков, вторгшихся на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол. Боевые действия были прекращены по просьбе Японии 16 сентября 1939 г. Потери Японии составили около 61 тыс. человек, потери советских войска: безвозвратные – около 8 тыс. человек, санитарные – около 16 тыс. человек. Поражение Японии явилось одной из причин, удержавших ее от выступления против СССР во Второй мировой войне.

⁴ Хасан, озеро на юго-востоке Приморского края Российской Федерации у границы с Китаем и Кореей, в районе которого 29 июля – 11 августа 1938 г. произошел военный конфликт между СССР и Японией.

⁵ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 22. Л. 146, 147.

⁶ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т.22. Л. 143.

⁷ Поражение немецких войска на советско-германском фронте и наличие значительных сил Красной армии на Дальнем Востоке вынудили Японию отказаться от выполнения плана.

⁸ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 22. Л. 132, 133.

⁹ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 22. Л. 146.

¹⁰ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 22. Л. 146.

¹¹ По делу проходили в качестве обвиняемых 12 японских военнослужащих: 1. Ямада Отодзо, с 1944 г. по день капитуляции Японии был главнокомандующим Квантунской армией, руководил преступной деятельностью подчиненных ему отрядов №№ 731 и 100 по подготовке бактериологической войны, поощряя в этих отрядах убийства тысяч людей во время экспериментов по применению бактериологического оружия; 2. Кавасима Киоси, в 1941–1943 гг. – начальник

производственного отдела отряда № 731, принимал участие в подготовке бактериологической войны, лично руководил выращиванием смертоносных бактерий в производственных масштабах. В 1942 г. принимал участие в организации боевого применения бактериологического оружия на территории Центральной Китая. На протяжении своей службы в отряде № 731 принимал участие в массовом умерщвлении заключенных путем заражения их бактериями тяжелых инфекционных болезней; 3. Карасава Томии – начальник отделения производственного отдела отряда № 731. Один из активных организаторов работы по созданию бактериологического оружия. В 1940 и 1942 гг. участвовал в организации «экспедиций» по распространению эпидемий среди мирного населения Китая. Неоднократно лично участвовал в опытах по испытанию бактериологического оружия на заключенных китайских и советских гражданах; 4. Кадзицука Рюдзи, являясь в 1936 г. начальником отдела военно-санитарного управления военного министерства Японии, способствовал созданию специальной бактериологической лаборатории Исии. С 1939 г. – начальник санитарного управления Квантунской армии, непосредственно руководил деятельностью отряда № 731, снабжая всем необходимым для производства бактериологического оружия. Курировал работу отряда, знал о работе по заражению людей и одобрял это; 5. Ниси Тосихидэ – с января 1943 г. начальник филиала № 673 отряда 731 в г. Сунью, по совместительству – начальник 5 отдела отряда № 731. Активно участвовал в изготовлении бактериологического оружия, убийствах заключенных путем применения бактерий остроинфекционных болезней и подготовке кадров для спецподразделений армейских частей для ведения бактериологической войны. В целях сокрытия преступной деятельности филиала и отряда № 731 в 1945 г. отдал приказание сжечь все помещения, оборудование и документы филиала; 6. Оноуз Масао – начальник филиала № 643 отряда № 731 в г. Хайлине, занимался изысканиями новых видов бактериологического оружия. Под его руководством готовились кадры специалистов по бактериологической войне. Знал и содействовал работе отряда № 731. В августе 1945 г. для сокрытия следов преступной деятельности филиала сжег все здания, запасы материалов и документы; 7. Сато Сюдзи, с 1941 г. – начальник бактериологического отряда в г. Кантоне (условное наименование «Нами»), а в 1943 г. – начальник аналогичного отряда в г. Нанкине (отряд «Эй»), принимал участие в создании бактериологического оружия. Впоследствии, будучи начальником санитарной службы 5 армии, входившей в состав Квантунской армии, руководил филиалом № 643 отряда № 731 и оказывал содействие в работе по производству смертоносных бактерий 8. Такахаси Такаацу – начальник ветеринарной службы Квантунской армии, осуществлял непосредственное руководство преступной деятельностью отряда № 100 по заражению заключенных опасными инфекционными болезнями; 9. Хиразакура Дзенсаку – сотрудник отряда № 100, проводил исследования в области выработки и применения бактериологического оружия, неоднократно принимал участие в спецразведке на границе в целях изыскания наиболее эффективных способов бактериологического нападения на СССР и при этом производил отравление водоемов, в частности, в районе Трехречья; 10. Митомо Кадзуо – сотрудник отряда № 100, принимал участие в изготовлении и испытании на живых людях бактериологического оружия. Непосредственный участник бактериологических диверсий в районе Трехречья; 11. Кикичи Норимицу – санитар-практикант лаборатории филиала № 643 отряда № 731, принимал непосредственное участие в работе по изысканию новых видов бактериологического оружия и культивированию бактерий остроинфекционных заболеваний; 12. Курусима Юдзи – лаборант филиала отряда № 731, имел специальную подготовку, принимал участие в культивировании бактерий остроинфекционных болезней и в испытаниях бактериологических снарядов.

¹² Бактериологическое оружие (биологическое оружие), вид оружия массового поражения, действие которого основано на использовании бактериологических (биологических) средств. К бактериологическим средствам относятся болезнетворные микроорганизмы (вирусы, бактерии, грибки) и высокотоксичные продукты их жизнедеятельности (токсины), способные вызвать массовые заболевания людей и животных (сыпной тиф, холера, оспа, чума, сар и др.). Бактериологическое оружие может включать снаряженные бактериологическими средствами боеприпасы (авиабомбы, артиллерийские снаряды и др.) и средства их доставки (самолеты, артиллерийские орудия и др.).

¹³ Квантунская армия, объединение вооруженных сил Японии в Маньчжурии (Северо-Восточный Китай), предназначавшееся для агрессии против СССР, МНР и Китая. Создана в 1919 г. За 1931-1941 гг. увеличилась с 64 тыс. до 700 тыс. человек. К началу советско-япон-

ской войны 1945 г. всего в Маньчжурии, Внутренней Монголии и Северной Корее была развернута группировка войск численностью свыше 1 млн человек. Разгромлена советскими войсками в ходе Маньчжурской операции 1945 г.

¹⁴ См.: Стенограмма Хабаровского процесса. М.: Политиздат, 1950.

¹⁵ Исии Сиро (1882–1959), японский военный деятель. Генерал-лейтенант медицинской службы (1945).

¹⁶ Иппозипозотия – широкое распространение инфекционной болезни животных, значительно превышающее уровень обычной заболеваемости на данной территории.

¹⁷ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 2. Л. 131; Т. 8. Л. 47-48, 56; Т. 18. Л. 88.

¹⁸ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 16. Л. 129. Т. 18. Л. 18. Т. 21. Л. 21-23. Т. 19. Л. 3.

¹⁹ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 2. Л. 131-132.

²⁰ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 2. Л. 131-132.

²¹ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 2. Л. 140.

²² ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 2. Л. 140-141.

²³ Так в тексте.

²⁴ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 5. Л. 350.

²⁵ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 15. Л. 10.

²⁶ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 15. Л. 10.

²⁷ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 15. Л. 8-9.

²⁸ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 15. Л. 10-11.

²⁹ Основанием для проведения судебной экспертизы служит постановление лица, производящего дознание, следователя, прокурора, определение суда о назначении судебной экспертизы. В ходе судебной экспертизы на основе специальных научных познаний, необходимых для экспертизы уголовного дела, устанавливаются факты, обстоятельства. Предмет судебной экспертизы определяется вопросами, поставленными следователем или судом. Объектом судебной экспертизы могут быть вещественные доказательства, обстановка места происшествия, сравнительные образцы и т.д.

³⁰ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 22. Л. 153-154, 157, 159, 161, 162.

³¹ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 25. Л. 245.

³² ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 25. Л. 243.

³³ Лагерь военнопленных № 48 был создан в июне 1943 г. на базе бывшего санатория железнодорожников в пос. Чернцы Лежневского района Ивановской области. В лагере содержались пленные военачальники из разных стран Европы, в том числе фельдмаршал Паулюс. За 13 лет через этот лагерь прошло около 400 немецких, австрийских, румынских, итальянских, венгерских и японских генералов. 27 из них скончались и похоронены на местном кладбище. В марте 1950 г. в ИТЛ № 48 под охраной были доставлены представители высшего генералитета и старшие офицеры Квантунской армии, а также офицеры разведки, бывшие полицейские чины, члены так называемой бактериологической группы, осужденные и на момент прибытия в лагерь как военные преступники.

³⁴ Осужденный Такахаши Такаатцу умер в ИТЛ № 48 от кровоизлияния в мозг.

³⁵ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 26. Л. 258-267.

³⁶ ЦА ФСБ России. № Н-20058. Т. 26. Л. 268-272.

³⁷ Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 г. была разработана Комитетом по разоружению ООН и одобрена 26-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН (1971). Конвенция была открыта для подписания в Москве, Вашингтоне и Лондоне 10 апреля 1972 г., вступила в силу в марте 1975 г. К середине 1999 г. ее участниками являлись свыше 140 государств, в т.ч. Российская Федерация как правопреемник СССР. Срок ее действия не ограничен. О выходе из Конвенции государство обязано уведомить за три месяца всех других участников и Совет Безопасности ООН с объяснением причин.

МАТЕРИАЛЫ АРХИВНЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ 1944–1952

*Вступительная статья
к сборнику документов¹*

Сборник «Вермахт на советско-германском фронте» является продолжением работы по тематическому изданию документов архивных уголовных дел немецких военнослужащих, оказавшихся после Второй мировой войны в советском плену². Всего с 22 июня 1941 по 8 мая 1945 г. советские войска пленили 4 млн 377,3 тысяч военнослужащих противника. Для содержания военнопленных на территории СССР и других государств, помимо 24 фронтовых приемно-пересыльных лагерей, были сформированы и действовали 72 дивизионных и армейских пересыльных пункта, более 500 стационарных лагерей, 214 спецгоспиталей, 421 рабочий батальон, 322 лагеря органов репатриации военнопленных, интернированных и иностранных граждан³. По данным российских историков, последняя партия немецких военнопленных была передана германским властям 16 января 1956 г. Общее число военнопленных и интернированных из СССР, по состоянию на декабрь 1956 г., составило свыше 3,5 млн военнопленных и свыше 400 тысяч интернированных, в их числе более 2 млн немецких военнопленных и около 300 тысяч интернированных⁴.

Исследования судеб немецких военнопленных в СССР были проведены В.Б. Конасовым и А.Л. Кузьминых⁵. Систематизированные сведения о национальном составе и количестве генералов, находившихся в советском плену, опубликованы И.В. Безбородовой⁶. Результаты подсчетов количества немецких военнопленных в СССР сделаны и современными немецкими исследователями⁷. Вопросом о пребывании в советском плену представителей германской военной элиты одним из первых начал заниматься известный журналист Л.А. Безыменский. В 1961 г. вышла его широко известная и выдержавшая несколько изданий работа⁸.

Публикуемые документы Центрального архива ФСБ России помогут лучше понять ситуацию, сложившуюся в Германии с момента окончания Первой мировой и до завершения Второй мировой войны, показать отношение немецких военнослужащих к идеям национал-социализма

и его лидерам. Архивные документы свидетельствуют, как драматические события Первой мировой войны, последующее заключение несправедливого Версальского договора, повлияли на формирование менталитета германских военнослужащих, и привели к еще более кровавым событиям Второй мировой войны.

От предыдущих работ сборник отличается по некоторым параметрам. Во-первых, расширен состав документов: кроме следственных материалов (протоколы допросов и собственноручные показания и т. п.), включены определения Военной коллегии Верховного суда СССР, кассационные жалобы осужденных, их прошения о помиловании, заключения прокуратуры о реабилитации либо об отказе в реабилитации и др. Во-вторых, в сборник впервые включены документы из дел адмиралов германского военно-морского флота. В-третьих, издание проиллюстрировано документами и фотографиями из фондов Центрального архива ФСБ России и фотографиями из архива газеты «Красная звезда».

В первом разделе сборника помещены документы из архивных уголовных дел контр-адмирала Хассо фон Бредова, адмирала Гюнтера Гузе, контр-адмирала Эрнста Краффта, гросс-адмирала Эриха Рёдера, адмирала Вернера Тиллиссена и вице-адмирала Ганса-Эриха Фосса. Анализ их показаний дает возможность историкам в деталях ознакомиться с ходом подготовки германского ВМФ к нападению на СССР, боевых действий летом 1941 г. на побережье Балтики.

Во втором разделе сборника представлены документы из архивных уголовных дел генералов и офицеров сухопутных войск и военно-воздушных сил вермахта: подполковника Макса Брауна, генерала артиллерии Гельмута Вейдлинга, генерала кавалерии Эрика Ганзена, полковника Хорста Кичмана, генерал-лейтенанта Эбергарда фон Куровски, генерала артиллерии Вальтера фон Зайдлица-Курцбаха, генерал-фельдмаршала Эвальда фон Клейста, генерал-майора Оскара фон Нидермайера, майора люфтваффе Вальтера Рейхардта, генерал-майора Йохана фон Тарубка-Зенсенхорста, генерал-фельдмаршала Фердинанда Шёрнера, генерал-полковника Рудольфа Шмидта, генерал-майора Карла Шпальке и генерал-лейтенанта люфтваффе Рейнара Штагеля.

Впервые в сборнике публикуются документы из дела на генерала артиллерии Вальтера фон Зайдлиц-Курцбаха. С июня 1941 г., командуя 12-й пехотной дивизией, он воевал на советско-германском фронте. С мая 1942 г. назначен командиром 51-го армейского корпуса 6-й армии. Именно это объединение германской армии играло главную роль в сражении под Сталинградом. 31 января 1943 г. был взят в плен вместе со штабом корпуса и помещен в лагерь для военнопленных. В сентябре 1943 г. Зейдлиц-Курцбах избран председателем антигитлеровской Лиги германских офицеров.

Впервые публикуются протоколы допросов полковника Хорста Кичмана от 18 мая и 1 июня 1950 г. В годы войны Кичман занимал пост военного атташе в германском посольстве в Хельсинки.

Безусловный интерес представляет подборка документов, составленная на основе архивного уголовного дела Э. фон Клейста.

В сборник включены подборки документов судебных процессов 1947 г., проходивших в городе Гомеле – в отношении генерал-лейтенанта Эберхарда фон Куровски и в городе Бобруйске – в отношении генерал-лейтенантов Вильгельма Окснера и Йохана фон Тарбука.

Отдельно следует сказать о протоколе допроса генерал-лейтенанта Гюнтера Краппе от 23 ноября 1946 г., занимавшего с ноября 1939 по апрель 1941 г. пост военного атташе в Будапеште, – очевидца событий, связанных с вовлечением Венгрии в войну, и переговорах марта 1941 г. В этом документе содержится информация о бывшем начальнике Генерального штаба венгерской армии – генерал-полковнике Хенрике Верте и его роли в подготовке Венгрии совместно с Германией к нападению на СССР. Первые научные доклады о составе документов архивного уголовного дела Х. Верта прозвучали на международной научной конференции в июне 2010 г. в Будапеште⁹, затем некоторые документы из дела Верта были опубликованы в сборнике¹⁰.

Малоизвестные сюжеты истории Второй мировой войны отражены в двух протоколах допросов майора люфтваффе Вальтера Рейнгарда, отобранных составителями для публикации. Всего в архивном уголовном деле Рейнгарда содержится 16 протоколов допросов. С 1920 г. Рейнгард находился на дипломатической службе¹¹, а с сентября 1939 г. призван в вермахт и исполнял обязанности офицера связи между МИДом и армейским командованием. В июне 1943 г. Рейнгард был отозван в МИД и назначен комиссаром по лагерям военнопленных, в которых содержались солдаты и офицеры американской, британской и французской армий.

Следующая подборка документов посвящена генерал-фельдмаршалу Фердинанду Шёрнеру. В архивном уголовном деле Ф. Шёрнера находится 41 документ, в том числе 16 собственноручных показаний и 13 протоколов его допросов. Первые три собственноручных показания даны 20 мая 1945 г., последнее – 25 марта 1948 г. Первый протокол допроса датирован 22 февраля 1947 г., а заключительный – 2 марта 1951 г. Однако допрашивать Шёрнера сотрудники «Смерша» стали еще в первой половине мая 1945 г. и результаты этого допроса были доложены в ГКО СССР, о чем свидетельствует опубликованный протокол допроса Шёрнера от 10 мая 1945 г.¹².

Рукописные собственноручные показания исполнены на немецком языке, затем сделаны их переводы на русский язык, машинописные копии заверены подписью переводчика. По-видимому, следователи через переводчика задавали генерал-фельдмаршалу интересовавшие их вопросы, а уже в камере Шёрнер простым карандашом на половинках листов стандартного формата, не торопясь, описывал события минувшей войны.

В истории Второй мировой войны генерал-полковник Рудольф Шмидт также достаточно хорошо известен. С сентября 1939 до лета 1943 г. Шмидт,

командуя последовательно 1-й танковой дивизией, XXXIX танковым корпусом и 2-й танковой армиями, непрерывно находился на передовой. Р. Шмидту посвящена очередная подборка документов сборника. В архивном уголовном деле Шмидта содержатся 23 протокола допроса и 11 собственноручных показаний. Весной 1943 г. гестапо перехватило письмо Шмидта своему родному брату Гансу, служившему в Министерстве авиации, в котором обвинил Верховное главнокомандование в поражении немецких войск под Сталинградом. Вскоре генерал-полковник Шмидт был арестован по обвинению в «неточном исполнении приказов Гитлера и верховного главнокомандования», и доставлен в штаб-квартиру Гитлера под Растенбургом. После трехмесячного расследования в сентябре 1943 г. приказом фюрера Шмидт был уволен в запас и больше на военную службу не призывался. За время проживания Шмидта в советской зоне оккупации Германии он не разыскивался ни в Веймаре, ни в Берлине. О нем все почти забыли. В руках советской контрразведки Шмидт оказался, можно сказать, по собственной неосторожности. Как видно из материалов архивного уголовного дела, в середине декабря 1947 г. Шмидт по своим личным делам решил посетить советскую зону оккупации Берлина. На руках у него имелся межзональный пропуск, но воспользоваться Шмидт им решил только на обратном пути. На контрольно-пропускном пункте, 24 декабря 1947 г., его задержали.

Следствие по делу Шмидта продолжалось более четырех лет. 4 февраля 1952 г. Военный трибунал Московского военного округа за совершенные преступления осудил генерал-полковника Р. Шмидта на 25 лет исправительно-трудовых работ...

В архивном уголовном деле генерал-майора Карла Шпальке содержится 26 протоколов допроса и одно собственноручное показание. Также, как и генерал-майор Оскар фон Нидермайер, Шпальке в 1920–1930 гг. был активным участником военного сотрудничества Рейхсвера и Красной армии. В сборник включены лишь 8 протоколов допросов, в которых Шпальке рассказывает о методах сбора разведывательной информации о Советском Союзе. Так, в протоколе допроса от 22 августа 1946 г. Шпальке рассказал, что до прихода нацистов к власти в Германии, германский генеральный штаб использовал только легальные методы сбора сведений о Красной армии: «В качестве сопровождающего русских офицеров в Германии я был до 1933 года. В апреле 1933 года я был назначен на должность референта III отдела по вопросам Красной армии. В эту область моей работы входило: сбор и обработка материалов о государственном устройстве и положении в Советском Союзе, развитии тяжелой промышленности как базы оснащения Красной армии, а также структуре политорганов Красной армии и организации политработы. Указанные мною данные я брал из официальных печатных изданий, выходящих в Советском Союзе и поступающих в Германию. Это были газеты и отдельные брошюры. Кроме того,

я использовал также доклады германского военного атташе в СССР Кёстринга. Обобщая все эти данные, я составлял обзоры о положении в СССР, тяжелой промышленности и политорганах Красной армии».

Заключительная тематическая подборка 2-го раздела содержит три протокола допроса из архивного уголовного дела генерал-лейтенанта люфтваффе Рейнара Штагеля. Всего в деле Штагеля содержатся 20 протоколов допроса и два собственноручных показания. Некоторые документы архивного уголовного дела Штагеля уже введены в научный оборот, например, в российско-польском сборнике документов, посвященном Варшавскому восстанию 1944 г.¹³ Между тем, его вынужденные рассказы в советском плену о малоизвестных страницах Второй мировой войны, например когда он исполнял обязанности военного коменданта Рима (сентябрь–октябрь 1943), Вильно (июль 1944) и Варшавы (июль–август 1944), привлекут внимание историков.

В сборнике впервые полностью публикуются материалы опросов высших немецких военных деятелей: рейхсмаршала Германа Геринга, гросс-адмирала Карла Дёница, генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга, генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, генерал-полковника Альфреда Йодля, генерал-полковника Георга Линдемманна, генерала артиллерии Вальтера Варлимонта и др., проведенных советскими контрразведчиками с разрешения союзного командования в курортном местечке Ламсдорф (Люксембург) летом 1945 г. Сопоставление этих документов с другими источниками позволяет узнать некоторые детали подготовки нападения нацистской Германии на Советский Союз. Так в ходе опроса представителями советского военного командования 17 июня 1945 г. на курорте Мондорф (Люксембург) начальника Генштаба вермахта генерал-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, последний, отвечая на вопрос, когда Германия начала подготовку войны против СССР, сообщил: «Вопрос о возможности войны с Советским Союзом впервые встал с некоторой определенностью к концу 1940 г. В период осень 1940 г. – зима 1940/41 гг. этот вопрос ставился только в плоскости возможности активных действий германских вооруженных сил на Востоке, с целью предупреждения нападения России на Германию. В этот период никаких конкретных мероприятий Генштабом не предпринималось. В период зимы – весны 1941 г. война на Востоке считалась почти неизбежной и Генштаб начал подготовительные мероприятия и разработку планов войны...». Утверждение Кейтеля о т.н. «предупредительных» мероприятиях ОКВ до весны 1941 г. – ложны. На самом деле Кейтель узнал о планах Гитлера осуществить агрессию против СССР гораздо раньше, об этом он сам написал в опубликованных после смерти мемуарах: «20 апреля 1938 г. вместе с главнокомандующими тремя родами войск я впервые принял участие в праздновании дня рождения фюрера. ... Вечером, перед отбытием фюрера в Берхтесгаден, меня вызвали в рейхс-канцелярию на встречу с ним с глазу на глаз. Там мне была дана первая

директива (несколько раз упоминавшаяся на процессе) организовать предварительную проработку Генеральным штабом конфликта с Чехословакией. Как всегда, он высказывал свои мысли энергично, в небольшой речи: эта проблема должна быть разрешена через какое-то время, и не только потому, что чешское правительство притесняет живущее там германское население, но и из-за стратегического положения, которое может проявиться в любое время, если придет время для большого расчета с Востоком. Под этим он подразумевал не только поляков, но главным образом большевиков. Он был абсолютно уверен, что именно в этом таится огромная опасность для рейха; Западная Чехословакия будет trampлином для Красной армии и воздушных сил, и в самое короткое время враг может оказаться у ворот Дрездена и в самом сердце рейха»¹⁴. Другими словами, нацистская Германия еще до захвата Чехословакии и Польши уже выбрала главную цель предполагаемых боевых действий – Советский Союз.

Во время опроса представителями советского военного командования, бывший командир 50-го армейского корпуса генерал-полковник Г. Линдемманн рассказал о тех разногласиях, которые возникали у него с Верховным командованием вермахта и фюрером в ходе ведения боевых действий на советско-германском фронте.

Кроме опросов высокопоставленных немецких военных деятелей, представители советской контрразведки составили краткие справки по результатам опросов, в которых подчас отразили свое мнение о том или ином опрашиваемом лице. Вызывает интерес лаконичная оценка генерал-фельдмаршала Альберта Кессельринга: «Оставил о себе впечатление тупого, ограниченного человека. Личный друг Геринга, о котором отзывается восторженно». Материалы в отношении Г. Геринга, К. Деница, В. Кейтеля, А. Йодля и В. Варлимонта публиковались ранее, архивные документы в отношении Г. Линдемманна, А. Кессельринга и других военных деятелей впервые станут доступны читателям на страницах сборника.

Все документы, включенные в сборник, хранятся в Центральном архиве ФСБ России. Архивные уголовные дела в отношении бывших офицеров и генералов вермахта включают в себя судебно-следственные и делопроизводственные документы: постановления о задержании, мере пресечения; ордера на арест и обыск, анкеты и фотографии арестованных, протоколы допросов и собственноручные письменные показания подследственных, копии актов Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений, постановления о предъявлении обвинения, обвинительные заключения, приговоры военных трибуналов, решения Особого совещания при МГБ СССР или выписки из них и т. п.

В многотомных делах заключительный том, как правило, состоит из показаний свидетелей и других документов, содержащих доказательства по предъявленным обвинениям. Часто в делах немецких военачальников подшиты два экземпляра протокола допроса: рукописный подлинник

и его машинописная копия; каждый лист заверен допрашиваемым лицом. Значительно реже в следственных материалах встречаются машинописные подлинники (копии) протоколов на немецком языке. В некоторых архивных уголовных делах сохранились личные вещи и документы (солдатские книжки военнослужащих, личные фотографии, водительские удостоверения, наградные листы и проч.), а также документы личного происхождения (письма, обращения, заявления, жалобы).

После вопросов о биографии и прохождении службы в германской армии следователи советских органов государственной безопасности часто задавали вопрос, когда тот или иной германский военнослужащий узнал о готовящейся агрессии Германии против Советского Союза, принимал ли он личное участие в разработке мероприятий по подготовке к нападению на СССР. Следователи выясняли, как германские офицеры относились к советским военнопленным, участвовали ли в репрессиях мирного населения, карательных мероприятиях оккупационной администрации. Вполне понятен и обоснован интерес следователей советских органов госбезопасности к сбору информации о деятельности разведывательных отделов (Ic) при штабах дивизий, корпусов, армий и групп германских армий, организации взаимодействия военного командования с подразделениями германской военной разведки и контрразведки («Абверкоманды», «Абвергруппы», «Абверштелле» и «Абвернебенштелле»), тайной полевой полиции (ГФП) и другими карательными органами на временно оккупированной территории СССР. Такого рода информацию мы видим в протоколах допросов контр-адмирала Хассо фон Бредова. В них содержатся сведения о руководителях, структуре и задачах германских разведывательно-контрразведывательных органов «Абверштелле-Киль» и «Абвернебенштелле-Свинемюнде». В протоколах допросов многих германских офицеров приводятся данные о руководителях германской разведки – адмирале Вильгельме Канарисе, вице-адмирале Леопольде Бюркнере, контр-адмирале Конраде Патциге, военно-морском атташе в Москве Норберте фон Баумбахе и др.

Советскую контрразведку также интересовали планы германского командования по организации подпольной борьбы на оккупированной союзными войсками территории Германии. Встречаются и вопросы о попытках ведения германскими представителями сепаратных переговоров Германии со странами Запада. Вопросы собственно военного характера (дислокация воинских частей, характер ведения боевых действий и т. п.) встречаются в документах крайне редко, так как война уже закончилась, и это для следствия не представляло особого интереса.

Вторая мировая война была войной двух идеологий: национал-социализма и коммунизма. В протоколах допросов часты вопросы об отношении к доктрине национал-социализма, о принадлежности к НСДАП. Анализ документов архивных уголовных дел германских военнослужащих свидетель-

ствует о том, что следователи советских органов госбезопасности выясняли мельчайшие подробности о жизни и деятельности руководителей нацистской Германии, германских военачальников. Следователи реконструировали служебную деятельность того или иного германского генерала, стараясь собрать доказательства совершения им военных преступлений на оккупированной территории СССР.

Большинство германских офицеров и генералов во время допросов заявляли, что они не совершали военных преступлений на оккупированных территориях Европы и Советского Союза, ссылались на приказы Верховного командования германских вооруженных сил и старались переложить вину на айнзатцкоманды СД.

Работая с такими специфическими источниками, как протоколы допросов и собственноручные показания германских военнопленных, необходимо при проведении источниковедческого анализа учитывать следующие особенности. Во-первых, эти документы создавались в обстановке плена и были написаны не по воле их авторов. Во-вторых, документы отражают, в основном, только те события, которые интересовали следователей советских органов госбезопасности. В-третьих, целью следствия было не изучение истории Второй мировой войны как таковой, а выяснение обстоятельств совершения военных преступлений немецкими офицерами и генералами на временно оккупированной территории Советского Союза.

Собственноручные показания включают в себя автобиографические сведения о военной службе германских офицеров, тех или иных эпизодах боевых действий на фронтах Второй мировой войны, в которых они принимали непосредственное участие. Методика составления собственноручных показаний была, примерно, такова: следователи в ходе допросов с помощью переводчика задавали вопросы или темы, предлагая подследственному написать развернутые показания (например, о личных встречах с высшим политическим руководством Третьего рейха). Возвратившись в камеру, подследственный, как правило, простым карандашом, на отдельных листах бумаги описывал на немецком языке тот или иной эпизод своей деятельности, или какие-либо события. Документ переводился с немецкого на русский язык, докладывался руководству следственного отдела, а затем приобщался в уголовное дело. Иногда подследственный сам предлагал рассказать о каком-либо эпизоде из своей службы. Например, на допросе 3 января 1946 г. генерал-лейтенант Г. Вейдлинг заявил следователю: «Для более подробного изложения о последних днях жизни Гитлера, т.е. о его поведении, высказываниях, могущих помочь следствию в этом вопросе, я прошу предоставить мне возможность дать собственноручные показания»¹⁵. Так появились известные в России собственноручные показания генерала Вейдлинга «О судьбе Гитлера и его роли в последних боях за Берлин»¹⁶.

Большая часть сведений, изложенных в протоколах допросов и собственноручных показаниях германских офицеров, легко может быть

проверена путем их сопоставления с другими источниками (официальными биографиями из личных дел офицеров, мемуарами и воспоминаниями, научными исследованиями, проведенными российскими и иностранными исследователями, а также российскими и германскими делопроизводственными документами).

После задержания немецких генералов, как правило, направляли в Москву, в распоряжение 2-го отдела (работа среди иностранных военнопленных, фильтрация советских военнослужащих, находившихся в плену или окружении) ГУКР «Смерш» НКО СССР, занимавшегося расследованием военных преступлений, совершенных оккупантами на территории Советского Союза. Именно оперативные сотрудники и следователи из ГУКР «Смерш» НКО начинали работу с германскими высокопоставленными военными, находившимися в плену.

После реорганизации ГУКР «Смерш» НКО СССР и НКГБ СССР, проведенной в 1946 г., допросы германских военнопленных проводили уже сотрудники 4-го отдела 3-го Главного управления (военная контрразведка) и Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Германские генералы в период следствия содержались либо в Лефортовской, либо в Бутырской тюрьмах МГБ СССР. После окончания следственных действий материалы передавались для рассмотрения в судебные инстанции (иногда в несудебные – Особое совещание при МГБ СССР), в отдельных случаях, как это было с Э. Редером, материалы и подследственный были переданы в Международный суд в Нюрнберге.

По приговорам Военной коллегии Верховного суда СССР, военного трибунала, либо по постановлению Особого совещания при МГБ СССР германские военнослужащие, как правило, направлялись сроком до 25 лет в исправительно-трудовые лагеря НКВД, или на тот же срок, но в тюрьмы. В конце 1940 – первой половине 1950 гг. большинство осужденных германских офицеров были переданы правительствам ГДР или Западной Германии.

В сборник включено 140 документов, в том числе: 88 протоколов допросов (опросов), 18 собственноручных показаний, 15 следственных документов, 17 судебных материалов, 2 документа личного происхождения (письма). Все документы публикуются без изъятий. Сборник дополнен приложением – списком немецких военнопленных, содержавшихся в Нюрнбергской тюрьме, которые были переданы союзникам советскими представителями.

В состав сборника включен объемный, основанный на новых источниках научно-справочный аппарат. Именной комментарий и именной указатель содержат сведения о более чем 800 персоналиях.

¹ Вермахт на советско-германском фронте: Следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных 1944–1952 / Отв. ред. В.С. Христофоров; вступ., ст., сост. В.С. Христофоров, В.Г. Макаров; коммент. В.Г. Макарова. – М.: ООО «Книжица»: ЗАО «Русский путь», 2011. – 880 с.

- ² Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М., 2009; Тайны дипломатии Третьего рейха. Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: Документы из следственных дел. 1944–1955. – М., 2009.
- ³ См.: «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 213–214.
- ⁴ Подробнее см.: *Всеволодов В.А.* Ступайте с миром: к истории репатриации немецких военнопленных из СССР (1945–1958). – М., 2010. – С. 100.
- ⁵ *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР; дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. – Вологда, 1996. С. 257; *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. – Вологда, 2002.
- ⁶ *Безбородова И.В.* Военнопленные второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. – М., 1998. – С. 14.
- ⁷ *Мюллер К.-Д.* Немецкие военнопленные. Современное состояние исследований и будущие перспективы // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны / Сост. В. Селеменов, Ю. Зверев, К.-Д. Мюллер, А. Харитонов. – Дрезден–Минск, 2004. – С. 293–294.
- ⁸ *Безыменский Л.А.* Германские генералы с Гитлером и без него. – М., 1961.
- ⁹ *Варга Е., Христофоров В.С.* Анализ событий начала войны глазами венгерского генерала (по материалам архивного уголовного дела Генриха Верта) // Великая Отечественная война – 70 лет нападению нацистской Германии на СССР. – Budapest, 10–11 июня 2011 г.
- ¹⁰ Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. – М., 2011. – С. 693–726.
- ¹¹ Показания майора люфтваффе В. Рейнгаарда о дипломатической деятельности опубликованы. См.: Тайны дипломатии Третьего рейха... – С. 425–438.
- ¹² См.: Агония и смерть Адольфа Гитлера. – М., 2000. – С. 263–290.
- ¹³ Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб. – Варшава–Москва, 2007. – С. 606–619; Генералы и офицеры вермахта рассказывают... – С. 387–409.
- ¹⁴ *Кейтель В.* Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945 гг. – М., 2004. – С. 67.
- ¹⁵ ЦА ФСБ России. Н-21146. В 2-х тт. Т. 1. Л. 40–47.
- ¹⁶ Впервые опубликовано в кн.: Агония и смерть Адольфа Гитлера. – С. 237–262.

НЕМЕЦКИЕ ГЕНЕРАЛЫ В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ

*Вступительная статья
к сборнику документов¹*

История Второй мировой войны нашла свое отражение в сборниках документов, научных монографиях и статьях, мемуарах и воспоминаниях очевидцев и художественных произведениях. По существу, эта тема неисчерпаема. Даже сейчас, когда прошло почти 70 лет с начала величайшей трагедии в истории человечества, открываются ранее неизвестные эпизоды этой войны. Плен – неизменный спутник любой войны. Не была исключением и Вторая мировая война, в ходе которой плен приобрел колоссальные масштабы. В отношении пленных, особенно военнопленных Красной армии, нацистами были совершены чудовищные преступления.

С середины 1950 гг. на Западе стали публиковаться мемуары бывших генералов и адмиралов германской армии. Их авторы подвергли критическому анализу причины поражения вермахта во Второй мировой войне, а также поведали подробности кампаний на Западном и Восточном фронтах. Многие из этих книг уже через год-два были переизданы на русском языке в СССР². С начала 1990 гг. начали выходить сборники документов, посвященные пребыванию иностранных военнопленных в Советском Союзе³. В них приведены материалы нормативного характера, докладные записки, статистические сводки и другие информационно-аналитические материалы, позволяющие изучать условия содержания, работы и быта пленных. Круг введенных в научный оборот источников и объем литературы по этой теме расширяются, поскольку эта тема привлекает к себе растущее внимание исследователей, как в России, так и в других странах, в частности, в Германии и Австрии. Издаются также совместные работы российских, немецких и австрийских авторов⁴. Среди источников по истории военного плена, изданных в России, есть нормативные документы, переписка советских ведомств, статистические сводки и другие новые материалы⁵.

Особо следует выделить вопрос о пребывании в союзническом плену представителей генералитета вермахта. Первым к этой теме обратился известный британский историк и журналист Бэзил Лиддел Харт, который уже в 1948 г. опу-

бликовал свои впечатления, полученные в ходе допросов высокопоставленных немецких генералов и адмиралов⁶. Среди советских историков этой проблемой одним из первых начал заниматься Л.А. Безыменский. В 1961 г. вышла его широко известная работа⁷, выдержавшая несколько изданий. Судьбам высшего руководства нацистской Германии были посвящены работы Д.М. Прозктора и С. Мирецкого, опубликованные в конце 1960–1970 гг.⁸. Однако до настоящего времени в научный оборот практически не введены (за исключением отдельных публикаций⁹) материалы из следственных дел немецких военнопленных – военных преступников, – которые хранятся в ведомственных архивах органов безопасности и внутренних дел. В них содержатся свидетельства очевидцев многих событий, происходивших в предвоенной Германии и в разные периоды Второй мировой войны, оценки действий немецких военачальников на Восточном фронте, характеристики германского военно-политического руководства и др. От мемуаров эти документы отличаются тем, что они были написаны не по своей воле, а по требованию следствия.

Настоящий сборник в некоторой степени восполняет существующий пробел по данной тематике и вводит в научный оборот новые архивные материалы, раскрывающие неизвестные эпизоды Второй мировой и Великой Отечественной войн. Будучи посвящен одной из болезненных проблем в истории двух стран, – судьбе немецких военнопленных в советском плену, – сборник демонстрирует стремление к достижению взаимопонимания и доверительных отношений между Германией и Россией. Эта книга, изданная пока только на русском языке, свидетельствует о серьезности наших намерений стереть еще одно «белое пятно» в истории германо-российских отношений и, вместе с тем, является призывом к долговременному сотрудничеству со всеми историками, занимающимися проблемами Второй мировой войны.

Как известно, судьба пленников выпала на долю огромного количества немецких военнослужащих, плененных во время боевых действий. В советском плену оказалось несколько миллионов германских солдат, офицеров, генералов и адмиралов. По советским и российским источникам известно, что их было от двух до четырех миллионов человек¹⁰. Немецкие историки называют цифру в три миллиона военнопленных¹¹. Мнения историков расходятся и по вопросу о количестве находившихся в СССР военнопленных генералов вермахта. По разным подсчетам их численность колеблется в пределах 376–389 человек¹². Из общего числа всех немецких военнопленных, попавших в советский плен, к уголовной ответственности в конце 1940 – начале 1950 гг. привлечено более 37 тысяч немцев. Примерно треть из них была осуждена в 1945–1947 гг., остальные – в 1949–1950 гг.¹³. По материалам МВД, военные трибуналы осудили на смертную казнь через повешение 221 нацистского преступника, и в том числе 41 немецкого генерала¹⁴.

В числе военнопленных были три генерал-фельдмаршала: Фридрих Паулюс, Эвальд фон Клейст и Фердинанд Шёрнер. История пребывания Паулюса в советском плену изучалась в отечественной и германской

историографии¹⁵; о лагерной судьбе Шёрнера упоминают как немецкие¹⁶, так и российские авторы¹⁷. Однако в целом о фельдмаршалах Шёрнере и Клейсте общественности известно значительно меньше, чем о «главном пленнике Сталинграда» Паулюсе.

В приговорах военных трибуналов и решениях Особого совещания при МГБ СССР указана следующая мера наказания для немецких генералов: лишение свободы на срок 25 лет с содержанием в исправительно-трудовых лагерях, или тюремное заключение на тот же срок. В конце 1940 – первой половине 1950 гг. большинство осужденных было передано правительствам Восточной или Западной Германии.

Богатейшая информация о послевоенной судьбе высших военных чинов нацистской Германии, плененных Красной армией и осужденных в СССР за военные преступления, содержится в архивных следственных делах. Подобного рода материалы хранятся в нескольких российских государственных и ведомственных архивах. В Центральном архиве ФСБ России сосредоточено около 30 тысяч архивных следственных дел немцев и граждан стран-сателлитов Германии, осужденных в 1941–1945 гг. и послевоенный период за насильственные действия по отношению к гражданскому населению и военнопленным, за преступления против мира и человечества, за шпионаж, незаконное хранение оружия, а также иные преступления¹⁸. В основном это документальные материалы в отношении высокопоставленных генералов и офицеров вермахта и СС, руководителей и сотрудников специальных служб Третьего рейха, а также государственных чиновников нацистской Германии, имевших звание, приравнявшееся к генеральскому.

Фонд уголовных дел на бывших военнослужащих нацистской Германии и её союзников есть и в Центральном архиве МВД России. В нем хранится свыше 22 тысяч уголовных дел на лиц, осужденных в 1943–1950 гг. военными трибуналами войск НКВД–МВД СССР за злодеяния, совершенные в период Великой Отечественной войны, а также за преступления, совершенные немецкими гражданами во время нахождения в плену.

Документы о пребывании фельдмаршала Шёрнера в советском плену рассредоточены по двум московским архивам: в бывшем «Особом архиве», ныне Российском государственном военном архиве (РГВА), находится учетное дело военнопленного Шёрнера¹⁹; в ЦА ФСБ России хранится его следственное дело²⁰. В отличие от Паулюса, который не предстал перед советским судом как обвиняемый, а выступил 11 и 12 февраля 1946 г. на Нюрнбергском процессе с разоблачением планов германской агрессии против СССР²¹, Шёрнер был осужден в СССР как военный преступник. Та же участь постигла и Клейста.

Немецких генералов, как правило, направляли после задержания в Москву, в распоряжение сотрудников 2-го отдела (работа среди военнопленных, фильтрация находившихся в плену или окружении) ГУКР «Смерш» НКО СССР, занимавшихся расследованием военных преступлений, совершенных окку-

пантами на территории Советского Союза. В связи с реорганизацией ГУКР «Смерш» НКО СССР и НКГБ СССР в 1949–1951 гг. допросы военнопленных генералов перешли в ведение сотрудников 4-го отдела 3-го Главного управления и следственной части по особо важным делам МГБ СССР. В основном военнопленные генералы содержались в Лефортовской и Бутырской тюрьмах.

Архивные следственные дела бывших офицеров и генералов вермахта содержат стандартный набор судебно-следственных документов. В их числе постановления о задержании и мере пресечения; ордера на арест и обыск, анкеты и фотографии арестованных, протоколы допросов и собственноручные письменные показания подследственных, копии актов Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений, постановления о предъявлении обвинения, обвинительные заключения, приговоры военных трибуналов, решений Особого совещания при МГБ СССР или выписки из них и т.п. Так как в настоящий сборник включены лишь протоколы допросов и собственноручные показания подследственных, нужно сказать несколько слов о том, что представляют собой некоторые другие материалы дел. Если дело многотомное, его заключительный том состоит из показаний свидетелей и других документов, составлявших доказательную базу обвинения. В этом смысле весьма показателен третий том следственного дела Э. фон Клейста, в котором собраны документальные материалы о преступлениях, совершенных на оккупированной территории СССР подчиненными ему войсками: многочисленные фотоснимки разрушенных городов и сел, раскопанных рвов с телами расстрелянных советских граждан, акты местных Чрезвычайных комиссий, протоколы допросов свидетелей, копии сводок Совинформбюро и т.п.

Иногда в делах подшиты два экземпляра протоколов допросов немецких военачальников: рукописный подлинник и его машинописная копия; каждый лист собственноручно заверен допрашиваемым лицом. Значительно реже в следственных материалах встречаются машинописные копии протоколов на немецком языке. В некоторых следственных делах сохранились личные документы или письма арестованных (чаще всего встречаются солдатские книжки военнослужащих, личные фотографии, водительские удостоверения, наградные листы и прочее).

После стандартных вопросов о биографии и прохождении службы в германской армии, следователи часто интересовались, когда тот или иной генерал узнал о готовящейся агрессии Германии против Советского Союза, и принимал ли он личное участие в разработке плана нападения на СССР. Следующая группа вопросов касалась отношения подследственного к советским военнопленным и его участия в репрессиях по отношению к мирному населению. Часто задавались вопросы о связи подследственного со специальными службами нацистской Германии (абвер, СД и проч.). Нередки вопросы о взглядах подследственного на доктрину национал-социализма и о его участии в деятельности НСДАП.

Советскую контрразведку также интересовали планы германского командования по организации подпольной борьбы («Вервольф») на оккупированной союзными войсками территории Германии. Встречаются и вопросы о том, что знал военнотрудовой о попытках ведения сепаратных переговоров Германии с Западом в ходе войны. Поскольку боевые действия уже были завершены, вопросы военного характера (дислокация воинских частей и т.п.) занимали в допросах незначительное место.

Из рассказов офицеров и генералов о своих коллегах по службе в армии, советские контрразведчики получали дополнительную информацию о немецких военачальниках. В результате они воссоздавали основные события их деятельности в годы войны и имели возможность собрать убедительную доказательную базу для вынесения обвинительного приговора. Большинство армейских генералов во время допросов заявляли, что они не совершали военных преступлений на оккупированной территории Европы и Советского Союза, и старались переложить вину на айнзатцкоманды СД и Верховное командование вооруженных сил.

Изучение архивных дел германских генералов свидетельствует о том, что советские следователи также выясняли мельчайшие подробности, касавшиеся жизни и деятельности руководителей рейха. Эта же информация привлекала внимание американских и английских следователей при допросах немецких генералов. По мнению немецкого историка Х. Мёллера, Сталин «интересовался системой господства Гитлера. Именно поэтому в 1948–1949 гг. в НКВД сочли нужным собрать высказывания и воспоминания о Гитлере»²². Интерес к фигуре Гитлера советские органы безопасности проявляли вплоть до начала 1950 гг. Всем пленникам без исключения задавался вопрос о том, кого из высокопоставленных руководителей рейха они знали. Прежде всего, требовалось рассказать о встречах с Геббельсом, Герингом, Гиммлером и другими высокопоставленными лицами.

Протоколы допросов и собственноручные показания военнопленных, являющиеся важной составной частью архивных следственных дел, по существу являются источниками мемуарного характера, но источниками специфическими. Во-первых, они создавались в обстановке плена и написаны не по воле их авторов. Во-вторых, эти документы отражают по большей части только те события, которые интересовали следственные органы. В-третьих, целью следствия было не изучение истории как таковой, а выяснение обстоятельств совершения военных преступлений немецкими офицерами и генералами на временно оккупированной территории Советского Союза. Допросы некоторых немецких генералов были проведены представителями Разведуправления Генштаба Красной армии еще в Берлине, в начале мая 1945-го.

Значительное место в следственных делах занимают собственноручные показания, включающие в себя автобиографические рассказы о военной карьере, а также об эпизодах боевых действий на фронтах Второй миро-

вой войны, в которых подследственные принимали непосредственное участие. Как правило, показания написаны военнопленными собственноручно простым карандашом. Методика составления собственноручных показаний была примерно такова: следователи с помощью переводчика задавали в ходе допросов ряд тем, на которые подследственному предлагали дать развернутые показания (например, о личных встречах с высшим политическим руководством «Третьего рейха»). Уже в камере подследственный, как правило, составлял на немецком языке рассказ о том или ином эпизоде своей деятельности. Затем документ переводился с немецкого языка на русский, при необходимости докладывался руководству, а затем подшивался в дело. Иногда подследственный сам предлагал рассказать о каком-либо эпизоде из своей службы. Например, на допросе 3 января 1946 г. генерал-лейтенант Г. Вейдлинг заявил следователю: «Для более подробного изложения о последних днях жизни Гитлера, т. е. о его поведении, высказываниях, могущих помочь следствию в этом вопросе, я прошу предоставить мне возможность дать собственноручные показания». Так появились известные в России собственноручные показания генерала Вейдлинга «О судьбе Гитлера и его роли в последних боях за Берлин»²³.

Принципиальные вопросы, которые наверняка заинтересуют специалистов и читателей – каким образом получены признательные показания военнопленных, и какой степени достоверности они обладают? На них помогают ответить воспоминания тех немецких генералов, которым удалось вернуться на родину. В частности, об условиях пребывания в советском плену рассказали сослуживцы генерала артиллерии Гельмута Вейдлинга и генерал-фельдмаршал Фердинанд Шёрнер.

Как видно из рассказов бывших пленников, физического насилия, столь распространенного по отношению к собственным гражданам, к генералам вермахта в советском плену спецслужбы не применяли. О том, как относились к советским военнопленным в немецком плену, рассказали генерал-полковник Рудольф Шмидт и генерал-лейтенант Курт фон Остеррайх. Оценка достоверности некоторых протоколов допросов немецких генералов провели немецкие историки. Например, в совместной работе М. Уля и Х. Эберле «Неизвестный Гитлер», основанной на документальных материалах Российского государственного архива новейшей истории (Москва), авторы отмечают высокую фактографическую достоверность показаний, полученных советскими спецслужбами в результате допросов приближенных Гитлера: «Все показания Гюнше и Линге сопоставлялись с показаниями других пленников. Результат работы выглядит еще более впечатляющим, когда понимаешь, что ни следователи, ни оба арестанта не имели доступа к этим материалам. В воспоминаниях "Гитлер" исключительно точно приводятся все даты и факты, все сцены описаны максимально достоверно, а документы не вызывают сомнения. Сравнение записок, сделанных лично Гюнше, с публикуемым оригиналом показало, что между ними

практически нет расхождений. И Линге, и Гюнше с чрезвычайной точностью вспоминают высказывания Гитлера. При их сравнении с опубликованными речами и записями Гитлера обнаружены лишь незначительные неточности, а серьезных расхождений или несовпадений не нашлось»²⁴.

Убедительные подтверждения того, что сведения, сообщенные следствию пленными генералами, отражают их личную точку зрения на происходившие события, а не продиктованы им сотрудниками советской контрразведки можно обнаружить, например, сравнив показания генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста, данные в британском и советском плену.

В упоминавшейся выше работе Б. Лиддел Харт приводит эпизод из рассказа генерал-фельдмаршал Э. фон Клейста о ходе зимней кампании 1943 г. на Кавказе: «...Рассказывая о наступлении, Клейст привел следующие факты: "Хотя наше наступление на Кавказ фактически завершилось в ноябре 1942 года, когда мы оказались в тупике, Гитлер настоял, чтобы мы оставались на этой выдвинутой вперед позиции, то есть в горах. В начале января мои войска подверглись нешуточной опасности из-за атаки русских на мой тыловой фланг со стороны Элисты в западном направлении мимо южной оконечности озера Маныч. Она оказалась более серьезной, чем контратаки русских на мои позиции в районе Моздока. Но самую страшную опасность принесло наступление русских от Сталинграда вниз по Дону в сторону Ростова, то есть у нас в тылу. Когда русские находились в 70 км от Ростова, а мои армии – в 650 км к востоку от города, Гитлер прислал мне срочный приказ – при любых обстоятельствах ни шагу назад. Это было все равно, что обречь нас на верную смерть"»²⁵. О том же эпизоде, почти дословно, Клейст рассказал в собственноручных показаниях от 23 февраля 1951 г. «Операции на Южном фронте (1941–1944 гг.)».

Таким образом, можно утверждать, что рассказы военнопленных немецких генералов и офицеров о событиях предвоенной истории Германии и Второй мировой войны, помещенные в настоящий сборник, вполне достоверны, хотя и отражают субъективную оценку событий, очевидцами которых они являлись.

Сборник включает в себя предисловие, два основных раздела, именной комментарий и именной указатель. В разделе I представлены документы из следственных дел военно-политического руководства вермахта, т.е. военнопленных, имевших высшие генеральские звания (рейхсмаршал, генерал-фельдмаршалы и генерал-полковник). В разделе II – из дел генералов и офицеров сухопутных войск и военно-воздушных сил (от генерала рода войск до подполковника включительно).

В состав сборника включены те протоколы допросов и собственноручные показания, в которых наиболее полно рассказывается о событиях предвоенной и военной истории и сражениях на полях Второй мировой войны. При отборе материала акцент был сделан на делах немецких фельдмаршалов – Э. фон Клейста и Ф. Шёрнера. Также представлены материалы

из следственных дел офицеров и генералов сухопутных войск (генерал-лейтенант Ф. фон Бентивеньи, подполковник М. Браун, генерал артиллерии Г. Вейдлинг, генерал-майор О. фон Нидермайер, генерал-полковник Р. Шмидт) и люфтваффе (генерал-лейтенанты А. Герстенберг и Р. Штагел).

В первый раздел включены материалы опросов, проведенных с разрешения союзного командования в Ламсдорфе (Люксембург) летом 1945 г. В этих опросах принимали участие высшие политические и военные деятели Германии: рейхсмаршал Геринг и генерал-фельдмаршал В. Кейтель. Также в составе сборника – показания начальника отдела по делам военнопленных XX военного округа генерал-лейтенанта К. Остеррайха. Всего в сборнике публикуются 83 документа: 56 протоколов допросов и 27 собственноручных показаний. Все документы, за редким исключением, публикуются полностью. Лишь шесть документов, включенных в настоящий сборник, были опубликованы ранее; ссылка на их первую публикацию дается в примечаниях.

¹ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова. – М.: МФД, 2009; – 576 с. – (Россия. XX век. Документы)

² *Tittelyskirch K.* История второй мировой войны. – М., 1956; *Erich v. Manstein.* Verlorene Siege. Bonn, 1955 (русс. перевод – *Манштейн Э.* Утерянные победы. – М., 1957); *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945 гг. – М., 1957; *The fatal decisions.* – New-York, 1956 (русс. перевод – *Вестфаль З., Крейне В., Блюментрит Г., Байерлейн Ф., Цейтцлер К., Циммерман Б., Мантейфель Х.* Роковые решения. – М., 1958 и др.

³ Сборник материалов российской-германской научно-практической конференции. Москва–Красногорск, 7–9 сентября 1993 г. – Красногорск, 1994; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13). – М., 1996; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996; *Галицкий В.П.* Финские военнопленные в лагерях НКВД. – М., 1997; *Елифанов А.Е.* Сталинградский плен 1942–1956. Немецкие военнопленные в СССР // Трагедия войны – трагедия плена. Под ред. А.А. Крупеникова. Том 2. – М., 1999; Немецкие военнопленные в СССР 1941–1955. Том 13/2: Собрание документов; том 13/3: Собрание документов. Под ред. В.А. Золотарева. – М., 1999 и 2002; Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т. В. Царевская / Под ред. М.М. Загорулько. – М., 2000; *Сидоров С.Г.* Использование труда военнопленных в СССР 1939–1956. – Волгоград, 2001; Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов. – М., 2005; *Шнейер А.* Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. – М.–Иерусалим, 2005; *Карель П., Беддiker Г.* Восточный фронт. Кн. III. Сталинград. Крах операции «Блау». Военнопленные вермахта за колючей проволокой. – М., 2008 и др.

⁴ *Die deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges. Bd. II-VIII: Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR.* – München–Bielefeld, 1965–1971; *Streit Ch.* Keine Kameraden. – Stuttgart, 1978; *Blank A.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. – Köln, 1979; *Frieser K.-H.* Krieg hinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das "Nationalkomitee Freies Deutschland". – Mainz, 1981; *Lehmann A.* Gefangenschaft und Heimkehr. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion. – München, 1986; *Karner S.* Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956. – Wien–München, 1995.

⁵ Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы. – М., 2000; *Всеволодов В.А.* Лагерь УПВИ НКВД № 27 (краткая история) или «Срок хранения – постоянно!». – М., 2003; *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). – Вологда, 2004; *Суржикова Н.В.* Иностранцы военнопленные второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). – Екатеринбург, 2006.

- ⁶ *Liddel Hart B. H.* The German generals talk. Starting revelations from Hitler's high command. – N.Y., 1948, (русс. перевод – *Харт Лиддел Б.* Битвы Третьего рейха. Воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии. – М., 2005).
- ⁷ *Безыменский Л.А.* Германские генералы с Гитлером и без него. – М., 1961.
- ⁸ *Прозатор Д.М.* Агрессия и катастрофа. Высшее руководство фашистской Германии во второй мировой войне 1939–1945. – М., 1968; *Мирецкий С.* Преступники в фельдмаршальских мундирах // Неотвратимое возмездие. – М., 1979.
- ⁹ Агония и смерть Адольфа Гитлера / Сост. В.К. Виноградов, Я.Ф. Погоний, Н.В. Тепцов. – М., 2000; Из дела военнопленного Ганса Баура – личного пилота Адольфа Гитлера / Публ. подг.: В.В. Павлов, С.Д. Трифонов // Новгородский архивный вестник. – Великий Новгород, 2005. Вып. 5. – С. 127–178; Неизвестный Гитлер / О. Гюнше, Г. Линге; Авт.-сост. М. Уль, Х. Эберле. – М., 2005.
- ¹⁰ См.: «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. – С. 213–214; *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Немцы военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. – Вологда, 2002. – С. 14–15.
- ¹¹ *Мюллер К.-Д.* Немцы военнопленные. Современное состояние исследований и будущие перспективы // Советские и немецкие военнопленные в годы Второй мировой войны. – С. 293–294.
- ¹² См.: *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР; дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. – Вологда, 1996. – С. 257; *Безбородова И.В.* Военнопленные второй мировой войны: генералы вермахта в плену. – М., 1998. – С. 14.
- ¹³ *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Немцы военнопленные в СССР... – С. 25.
- ¹⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24 (13). – С. 529.
- ¹⁵ *Görlitz W.* Paulus. «Ich stehe hier auf Befehl». Lebensweg des Generalfeldmarschalls Friedrich Paulus. Mit den Aufzeichnungen aus dem Nachlaß, Briefen und Dokumenten. – Frankfurt. – М., 1960; *Бланк А.С., Хавкин Б.Л.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. – М., 1990; *Reschin L.* Feldmarschall im Kreuzverhör. Friedrich Paulus in sowjetischer Gefangenschaft 1943–1953. – Berlin 1996; *Chavkin B.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941–1955 // Forum für osteuropäische Zeitgeschichte. 1997, № 2.; *Марковичин В.В.* Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. – М., 2000; *Steinkamp P.* Generalfeldmarschall Friedrich Paulus. Ein unpolitischer Soldat? – Erfurt, 2001; *Безыменский Л.А.* Гитлер и германские генералы. – М., 2004; *Хавкин Б.Л.* Фельдмаршал Паулюс и генерал артиллерии Зайдлиц в советском плену // Россия и Германия. – М., 2004. Вып. 3.
- ¹⁶ *Kern E.* Generalfeldmarschall Ferdinand Schörner. Ein deutsches Soldatenschicksal. – Rosenheim, 1994; *Steinkamp P.* Generalfeldmarschall Ferdinand Schörner // Hitlers militärische Elite. Bd. 2. – Darmstadt, 1998. – S. 236–244; *Kaltenegger R.* Schörner. Feldmarschall der letzten Stunde. – München, 2002 (русс. перевод: *Кальтенэггер Р.* Фердинанд Шёрнер. Генерал-фельдмаршал последнего часа. – М., 2007); *Христофоров В.С., Макаров В.Г., Хавкин Б.Л.* Дело фельдмаршала Шёрнера. По материалам ЦА ФСБ России // Новая и новейшая история. 2008 № 4. – С. 166–178.
- ¹⁷ *Безбородова И.В.* Военнопленные второй мировой войны... – С. 168–169; Энциклопедия Третьего рейха. – М., 1996. – С. 520–521; *Залесский К.А.* Кто был кто в Третьем рейхе: биографический энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 728–730.
- ¹⁸ *Христофоров В.С.* Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. – М., 2008. – С. 126.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 463-п. Оп. 1 а. Д. 109.
- ²⁰ ЦА ФСБ России. Н-21138. В-2 х тт.
- ²¹ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми тт. Т. 3. – М., 1989. – С. 462–484.
- ²² Неизвестный Гитлер. – С. 16.
- ²³ Агония и смерть Адольфа Гитлера. – С. 237–262.
- ²⁴ Неизвестный Гитлер. – С. 9.
- ²⁵ *Лиддел Харт Б.* Битвы Третьего рейха. Воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии. – М., 2005. – С. 254–255.

ФЕЛЬДМАРШАЛЫ КЛЕЙСТ И ШЕРНЕР В СОВЕТСКОМ ПЛЕНУ

*Тезисы доклада на научном colloquium
Российско-германской комиссии историков
г. Констанц (Германия), 2–6 июля 2008 г.*

Вторая мировая и Великая Отечественная войны нашли свое отражение в многочисленных сборниках документов, мемуарах и воспоминаниях очевидцев, художественной литературе и кинематографе. По существу эта тема является неисчерпаемой, но даже сейчас, когда прошло более 60 лет со дня ее окончания, нет-нет, да и появляются новые, неизвестные ранее эпизоды тех героических и трагических лет. С середины 1950-х гг. на Западе стали выходить мемуары бывших генералов и адмиралов германской армии, в которых их авторы подвергли анализу причины поражения во Второй мировой войне, а также рассказали о подробностях кампаний на Западном и Восточном фронтах. Многие из этих книг были переизданы в СССР. В конце 1990–2000 гг. поток переводных мемуаров бывших немецких генералов не только не сократился, но и увеличился. Между тем, практически вне поля зрения исследователей по объективным причинам остались значительные пласты исторических документов, безмолвных свидетельств минувшей войны. Например, архивные следственные дела в отношении немецких генералов и офицеров, захваченных в плен советскими войсками.

После войны в советском плену оказались сотни тысяч германских солдат, офицеров, генералов и адмиралов. Всего с 22 июня 1941 по 8 мая 1945 гг. советские войска пленили 4 млн 377,3 тысячи военнослужащих противника. Часть из них была осуждена в Советском Союзе за совершение воинских преступлений¹.

Долгое время тема военного плена была «белым пятном» отечественной историографии Второй мировой войны. После того, как появилась возможность изучения архивных уголовных дел, они как особый вид исторического источника стали объектом пристального внимания. Как показала практика, внимательное изучение этих специфических документов дает возможность ответить на многие вопросы, дополнить биографические сведения, реконструировать малоизвестные эпизоды исторических событий.

Со второй половины 1990-х гг. начали выходить и сборники документов, посвященных пребыванию иностранных военнопленных в Советском Союзе², в которых приведены материалы нормативного характера, докладные записки, статистические сводки и другие информационно-аналитические материалы, позволяющие исследователям изучить условия содержания, работы и быта пленных. В последние годы эта тема привлекает к себе растущее внимание исследователей. Круг введенных в научный оборот источников и объем литературы по этой теме расширяется как в России, так и в других странах, в частности, в Германии и Австрии, включая совместные работы российских, немецких и австрийских авторов. Среди изданных в России источников по истории военного плена есть нормативные документы, переписка советских ведомств, статистические сводки и другие новые материалы³. До настоящего времени, за исключением отдельных публикаций⁴, в научный оборот практически не введены материалы из следственных дел в отношении немецких военнопленных – военных преступников, которые хранятся в ведомственных архивах органов безопасности и внутренних дел.

В Центральном архиве ФСБ России на хранении находятся следственные дела в отношении военных преступников – генералов вермахта и СС, а также государственных чиновников нацистской Германии, имевших звание, приравнивавшееся к генеральскому. Среди советских историков судьбами генералов вермахта одним из первых начал заниматься Л.А. Безыменский. В 1961 г. вышла его широко известная, и выдержавшая несколько изданий работа⁵. Интерес журналиста-международника и писателя, автора многих книг по истории нацизма, к этой тематике вполне обоснован, так он сам был очевидцем событий военных лет, неоднократно участвовал в качестве переводчика в допросах пленных немецких генералов. В их числе были и представители высшего командования вермахта, захваченные в плен союзниками: рейхсмаршал Г. Геринг, генерал-полковник А. Йодль, генерал-фельдмаршал В. Кейтель и другие. Другой работой, вышедшей в конце 1960-х гг., была книга Д.М. Проэктора, посвященная высшему руководству нацистской Германии⁶.

Исследование судеб немецких военнопленных в СССР были проведены В.Б. Конасовым. В его работе приведены сведения о количестве немецких генералов, оказавшихся в советском плену: «Согласно справке, подготовленной 28 сентября 1956 г. начальником тюремного отдела МВД полковником П.С. Булановым, в плену СССР находилось 376 немецких генералов, из которых 227 были репатриированы и 99 умерли. В это число вошли: генералы сухопутных войск, генералы ВВС и адмиралы ВМФ, генералы войск СС и полиции, генералы в отставке, а также государственные чиновники, получившие высокий чин за заслуги перед нацистским рейхом. Среди обитателей лагерных барачков, занимавших некогда видное служебное положение, наибольший процент составляли представители сухопутных войск.

Второй по численности была, как это ни покажется странным, категория отставных генералов. В графу "умершие" внесены генералы, скончавшиеся по причине преклонного возраста, погибшие от ран и болезней, осужденные к смертной казни через повешение по Указу от 19 апреля 1943 г. По отчету ГУПВИ к высшей мере наказания было приговорено 18 человек⁷.

В работе В.Б. Конасова, написанной в соавторстве с А.Л. Кузьминых, дан подробный историографический анализ проблемы по истории немецких военнопленных в Советском Союзе в 1941–1956 гг. Авторы на основе печатных сводок Совинформбюро и данных ГУПВИ НКВД провели сравнительный анализ общего числа военнослужащих вермахта, оказавшихся в советском плену, а также числа умерших в лагерях военнопленных. Так, к моменту капитуляции Германии, согласно сводкам Совинформбюро, в СССР оказалось 3 млн 155 тысяч немецких солдат и офицеров (по данным ГУПВИ НКВД – 2 млн 68 тысяч 986 человек): «Пропагандистский подход к цифрам в конечном итоге возымел обратный эффект. Когда 15 марта 1947 г. было опубликовано сообщение ТАСС о том, что на родину репатрировано 1 млн 3 тысячи 974 человека, а в лагерях СССР остаются 890 тысяч 532 немца, то бывшие союзники сразу же подсчитали: умерли к указанной дате 1 млн 260 тысяч 494 немецких военнопленных (3 млн 155 тысяч – 1 млн 3 тысячи 974 = 890 тысяч 532), в то время как их фактическая смертность, по подсчетам ГУПВИ МВД, составила 294 тысячи 724. Результат неосторожной игры с цифрами неоднократно использовался западными державами как доказательство вероломства и неискренности Кремля в вопросе репатриации немцев на родину»⁸.

В докладной записке министра иностранных дел СССР А. Вышинского и министра внутренних дел СССР С. Круглова И. Сталину с предложением о дальнейшей репатриации военнопленных немецких генералов от 12 января 1950 г. сообщалось: «В соответствии с решением ЦК ВКП(б) в конце 1945 г. и начале 1946 г. в городах Брянске, Смоленске, Ленинграде, Великих Луках, Минске, Риге, Киеве и Николаеве были проведены открытые судебные процессы над военными преступниками. На этих процессах военными трибуналами по материалам МВД осуждено к смертной казни через повешение 84 военных преступника, из них 18 генералов. На открытых судебных процессах, организованных в соответствии с постановлением Совета министров СССР № 3209–1046сс от 10 сентября 1947 г. в городах Витебске, Новгороде, Бобруйске, Гомеле, Чернигове, Полтаве, Сталино, Севастополе и Кишиневе, военными трибуналами осуждено к 25 годам каторжных работ 137 военных преступников, из них 23 генерала»⁹.

Систематизированные сведения о национальном составе и количестве генералов Германии и её сателлитов, находившихся в советском плену, опубликованы И.В. Безбородовой. Согласно ее данным, во время Великой Отечественной войны было захвачено в плен 403 генерала (в том числе три фельдмаршала и 8 адмиралов) вермахта и лиц, приравненных к ним.

Среди них 389 немцев, 1 хорват, 13 австрийцев. 105 человек умерли в плену, 24 казнены, 286 генералов были осуждены судебными органами на длительные сроки исправительно-трудовых работ или тюремного заключения, 11 человек переданы в Польшу, Югославию и Чехословакию для проведения судебных процессов. 278 генералов были освобождены в основном в 1953–1956 гг.¹⁰.

В числе военнопленных, оказавшихся в СССР, были и три немецких генерал-фельдмаршала: Фридрих Паулюс, Эвальд фон Клейст и Фердинанд Шёрнер. История пребывания Паулюса в советском плену изучалась в отечественной и германской историографии¹¹; о лагерной судьбе Шёрнера упоминают как немецкие¹², так и российские авторы¹³. Однако в целом о фельдмаршалах Шёрнере и Клейсте общественности известно значительно меньше, чем о Паулюсе.

Это обстоятельство частично объясняется особенностью судеб германских фельдмаршалов в советском плену, что определило специфику источниковой базы. Так, документы о пребывании фельдмаршала Шёрнера в советском плену рассредоточены по двум московским архивам: в бывшем «Особом архиве», ныне входящем в Российский государственный военный архив (РГВА), находится учетное дело военнопленного Шёрнера¹⁴; в Центральном архиве (ЦА) ФСБ России – его следственное дело¹⁵.

В отличие от Паулюса, который не предстал перед советским судом как обвиняемый, а выступил 11 и 12 февраля 1946 года на Нюрнбергском процессе с разоблачением планов германской агрессии против СССР¹⁶, Клейст и Шёрнер были осуждены в СССР как военные преступники.

Исследователям практически не известны обстоятельства пребывания в советском плену немецких генерал-фельдмаршалов – Эвальда фон Клейста и Фердинанда Шёрнера. Поэтому, постараемся восполнить существующие пробелы. Как военная, так и послевоенная судьба обоих фельдмаршалов имеет много параллелей. На Восточном фронте сначала Шёрнер служил под началом фон Клейста, а затем сменил последнего на посту командующего группой армий «А». Сравнивая следственные дела двух пленных генерал-фельдмаршалов, несмотря на схожие обстоятельства, все же можно заметить ряд существенных отличий.

Оба фельдмаршала сначала находились у союзников, но вели они себя в англо-американском плену по-разному. Например, Шёрнер почти сразу же был передан советскому военному командованию, а фон Клейст сначала находился в английских лагерях для военнопленных, затем отправлен югославам, осужден ими, и лишь потом оказался в Советском Союзе. И Шёрнера, и фон Клейста американские военные просили рассказать подробности военных действий на Восточном фронте. Шёрнер подробно ответил на вопросы американских военных, а фон Клейст категорически отказался это сделать. Возможно, это стало причиной, по которой он был передан в руки югославского правосудия.

Несколько слов об архивных материалах в отношении фон Клейста. Следственное дело состоит из трех томов. В первых двух сосредоточены протоколы допросов самого фон Клейста и его собственноручные показания. Нетрудно заметить, что показания фон Клейста отличаются по стилю от аналогичных документов других пленных генералов. По сути, это не ответы на вопросы следствия, а фрагменты ненаписанных мемуаров. Клейст, очевидно, помимо полководческого таланта, обладал писательским даром и развитым чувством юмора.

В ходе судебного заседания 21 февраля 1952 г. фон Клейст предпринял отчаянную попытку снять с себя все обвинения, апеллируя к тому, что он уже был осужден югославским судом. Так, в ходе слушаний по делу, он, в частности, заявил: «Пленен американскими войсками 25 апреля 1945 г. в Баварии. В Советский Союз передан 6 марта 1949 г. Постановление на арест мне предъявлено 8 августа 1951 г., но все время нахождения в Советском Союзе я содержался под стражей в тюрьме на Лубянке, а затем в Бутырской тюрьме. В августе 1948 г. я был осужден югославским судом к 15 годам лишения свободы за злодеяния, чинимые немецкими войсками на территории Югославии. После отклонения моей кассационной жалобы и утверждения приговора Верховным судом Югославии, я был передан в Советский Союз. Еще в Нюрнберге, где я был в качестве свидетеля, и в английском лагере мне говорили, что после того, как меня осудил югославский суд, больше судить меня не будут. Я считаю, что после того, как меня англичане передали югославским властям, последние не имели права передавать меня в Советский Союз. Это является нарушением Берлинской декларации. Поэтому я протестовал против предъявления мне постановления на арест советскими следственными органами. Обвинительное заключение мне объявлено 26 января 1952 г.»¹⁷.

В третьем томе собраны документальные материалы о преступлениях, совершенных на оккупированной территории СССР войсками, подчиненными фон Клейсту. В их числе фотоснимки разрушенных городов и сел, раскопок могил расстрелянных советских граждан, протоколы допросов свидетелей, копии сводок Совинформбюро, акты Чрезвычайных государственных комиссий (ЧГК) по расследованию злодеяний, совершенных германскими войсками.

Из акта № 39 от 9 января 1943 г., город Нальчик, Кабардино-Балкарской АССР: «После оккупации территории Эльбрусского района немецко-фашистские войска по указаниям немецкого фельдмаршала фон Клейста проводили массовое истребление мирных жителей Эльбрусского района Кабардино-Балкарской АССР. ...После изгнания немецко-фашистских войск из территории Эльбрусского района и города Нальчика частями Красной армии и населением было обнаружено за городом Нальчика недалеко от аэродрома в противотанковом рву кладбище, где трупы не всегда закапывались. Родственники и знакомые, жители города Нальчика и селений

Эльбрусского района нашли на этом месте замученными, истерзанными и убитыми более 600 человек. Перед расстрелом гитлеровцы подвергали своих жертвы страшным пыткам: отрезали части тела, выкалывали глаза, вырывали волосы и т. д. Особенно жутко издевались гестаповцы перед расстрелом над Хазнаевым Асхатом Хаджиевичем, 1922 года рождения, и Батыбиевым Омаром Жарашевичем, 1914 года рождения. "Избили нас до полусмерти резиновыми кнутами, а затем связали обоих спина к спине и заставляли стоять круглые сутки, а после бросили в темное, сырое и холодное подвальное помещение, где мы не видели света 10 дней". Это сообщает Батырбиев Омар Жарашевич своей сестре на клочке газетной бумаги, найденной в заплатке брюк после расстрела. В противотанковом рву найдено около 50 человек расстрелянных военнопленных и раненых красноармейцев, возле которых находились костыли и гипсовые повязки»¹⁸.

И еще одна иллюстрация «рыцарского» поведения подчиненных фон Клейста на советской земле. Из акта № 198 Республиканской Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Кабардино-Балкарской АССР от 3 июля 1943 г.: «Немецко-фашистские войска находились на территории Кабардино-Балкарской АССР с 12 августа 1942 г. по 11 января 1943 г. По приказу командующего германской армии фельдмаршала фон Клейста, не считаясь ни с какими законами человеческой морали, с законами и обычаями горских национальностей, немецко-фашистские солдаты и офицеры глумились, истязали и убивали мирных жителей, ни в чем не повинных советских граждан. На подступах к гор. Нальчик потребовалось разминировать минное поле. По приказу немецких офицеров сюда, на минное поле вместе со скотом были загнаны жители селений Шалушка, Чегем I и др., десятки советских граждан – взрослых и детей, подорвались на минах. Немец унижал достоинство кавказцев... В сел. В[ерхний] Курп Терского района на глазах матерей немецкие солдаты и офицеры насиловали девушек-кабардинок. Матерей, которые выступали в защиту своих дочерей, немцы избивали прикладами. Немецкие фашисты издевались над мусульманским духовенством. Они убивали деятелей мусульманского духовенства, в том числе в противотанковом рву, на подступах к городу Нальчику, найден труп эфенди Дабагова Хамида, проживавшего в селении Вольный Аул Нальчикского района. Немцы разрушили мечети. В сел. Малка Зольского района, мечеть превращена в немецкую конюшню, а в другом сел[ении] – в гараж немецкой автоколонны»¹⁹.

О приказе «О комиссарах», подписанном лично фон Клейстом, рассказал на допросе 27 декабря 1947 г. фельдфебель командир взвода одной из частей 16-й танковой дивизии Йозеф Голанц, 1919 года рождения, уроженец гор. Ресс Рейнской области: «В конце июня 1941 года в нашей батарее был зачитан приказ за подписью генерал-фельдмаршала фон Клейста,

в котором говорилось о том, что комиссаров Красной армии в плен не брать, а расстреливать»²⁰.

Его слова подтвердил на допросе в г. Новороссийске 10 декабря 1947 г. другой военнопленный, Берндт Бернгард, 1924 года рождения, уроженец Геттингена: «Во второй день нашего отступления, т.е. в первых числах января 1943 г., примерно в 40 км западнее гор. Моздок, перед строем нам был зачитан приказ, номер его я не знаю, о том, чтобы германские войска угоняли поголовье скота, забирали у мирного населения продовольствие, а то, что невозможно брать с собой, уничтожать. Этот приказ был подписан генерал-фельдмаршалом фон Клейстом. Второй приказ, который был издан между 20 января и 4 февраля 1943 года, так же за подписью командующего танковой группой генерал-фельдмаршала фон Клейста, касался расстрела советских граждан. В содержании этого приказа говорилось, чтобы германские войска за одного убитого немецкого солдата расстреливали 20 человек. Этот приказ практически начал применяться в городах Батайске и Ростове. Расстрелы, как я уже сказал выше, производил личный состав дисциплинарного батальона № 500»²¹.

Суд удовлетворил ходатайство фон Клейста доставить на заседание карту Юга Советского Союза на немецком языке, приговор Нюрнбергского суда, а также зачитать показания «свидетелей Шёрнера и де Ангелиса». Однако в оглашении показаний Олендорфа на Нюрнбергском процессе отказал, в связи с тем, что «суд не имеет права истребовать этот документ из Международного суда». Показания подчиненных – младших офицеров, о чинимых его войсками злодеяниях, фон Клейст в суде назвал «неправильными».

Заслуживают внимания ответы фон Клейста, по поводу своих собратьев по несчастью – немецких генералов, так же как и он, оказавшихся в советском плену. После оглашения показаний генерала М. де Ангелиса, фон Клейст заявил: «Генерал де Ангелис входил в мое подчинение с 15 декабря 1942 г. по март 1944 г. Взаимоотношения у меня с ним были нормальные. Показания Ангелиса я подтверждаю только в части, где он говорит, что мои приказы дивизиям я отдавал очень редко, и все они носили чисто военный характер. Что же касается моих хороших взаимоотношений с Гитлером, в этом Ангелис ошибается. Об этом лучше знает Шёрнер. Я позже всех генералов был произведен в чин фельдмаршала. В 1938 г. Гитлер уволил меня в отставку вместе с Браухичем и другими, так как мы были против проводимой им политики»²².

Более подробно фон Клейст опроверг показания генерала Йеннеке: «Генерал Еннеке находился в моем подчинении с 1 июля 1943 г. до марта 1944 г. Показания, которые он дал, необъективные, и дает их он по злобе на меня. Летом 1944 г. Еннеке был судим военным судом в Берлине за плохое руководство войсками в Крыму. Он пытался на суде свалить свою вину на меня, но я опроверг все его доводы; кроме того, я с ним имел два конфликта по службе. Необъективность его показаний видна уже из того, что

Еннеке ранее показывал о встрече со мной на Кубанском плацдарме 1 сентября 1943 г., тогда как этот плацдарм был образован только 15 сентября. Это может подтвердить Ангелис. Кроме того, я не мог отдать в это время Еннеке никакого приказа, так как уже вступил в командование 6-й танковой армией. Я также отрицаю показания Еннеке о борьбе с партизанами и о создании "мертвых зон" в партизанских районах Крыма. Моей задачей была борьба с войсками маршалов Малиновского и Конева. Если бы я отдавал такие указания Еннеке, то при передаче командования Шёрнеру, я должен был о них сказать ему, а он об этом ничего не показывает. 29 марта 1944 г. я был последний раз у Гитлера, и в течение 2 часов мне пришлось выдерживать с ним борьбу из-за моего решения оставить Крым. Гитлер говорил мне, что эвакуация Крыма – дело политическое, и что я в этом ничего не смыслю, что если мы оставим Крым, то Турция объявит нам войну. Если бы я знал о том, что Еннеке создает "мертвые зоны", то мне легче было бы убедить Гитлера в том, что в Крыму нечего защищать. Но я об этом ничего не знал, так как о всякой мелочи командующие армий мне могли и не докладывать»²³.

Факты, изложенные в показаниях фельдмаршала Шёрнера, фон Клейст прокомментировал сухо: «Взаимоотношения с генералом Шёрнер у меня нормальные. Показания его о моих неприязненных отношениях к Гитлеру – правильные»²⁴. На вопрос председательствующего в суде фон Клейст ответил: «Я не считаю себя виновным в какой-либо мере в совершении злодеяний на территории СССР. Я всегда гордился рыцарским поведением своих войск, и об этом говорил в 1942 г., выступая по радио. Об этом мне говорили советский офицер связи у американцев. ...Когда я вступил в командование армейской группой "А", мне сказали, что в г. Ворошиловске находится штаб генерала, который руководил войсками СС и полиции. Но этот генерал в мое подчинение не входил. Так как я никогда не доверял войскам СС и их руководителям, то заявил этому генералу, что на территории своих войск не потерплю расправы даже над евреями. ...Ходатайств у меня нет. Я могу еще сказать, что если мои войска что-либо изымали у мирного населения, то это делалось в соответствии с пятилетним планом Германии, и за это должно нести ответственность немецкое правительство. За все изъятое у населения и в колхозах имущество и продукты немецкое командование платило деньги»²⁵.

В последнем слове подсудимый фон Клейст заявил: «Я могу только сказать, что я рассказал суду правду. Я всегда был убежден, что воевал в России как порядочный солдат, и считаю, что со стороны советских органов власти ко мне не могут быть предъявлены никакие жалобы на какие-либо злодеяния со стороны подчиненных мне войск. Моя порядочность была известна и в Германии, и в Европе. И слова советского офицера связи при американских войсках, который характеризовал меня как порядочного человека и солдата, являются отражением моего мнения о себе»²⁶.

Однако суд не принял во внимание аргументы обвиняемого и в этот же день Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила к 25 годам

тюремного заключения. Затем Клейст был отправлен во Владимирскую тюрьму для отбытия срока наказания, где скончался в октябре 1954 г.

Биографии Ф. Шёрнера посвящена книга немецкого исследователя Р. Кальтенэггера. На основе опубликованных Кальтенэггером некоторых фактов и сравнив их с материалами дела, можно более полно представить обстоятельства пребывания Шёрнера на территории Советского Союза в качестве военнопленного.

В частности, Кальтенэггер сочувственно повествует: «Долгих десять лет находился Шёрнер в сталинской удавке. О годах, проведенных им в застенках и лагерях смерти, он сделал впоследствии следующую запись: "С 2 по 6 июня 1945 года – одиночка на Лубянке в Москве. С 6 июня по 7 августа 1945 г. – лагерь № 27/1 (Красногорск, 30 км восточнее Москвы). С 7 августа 1945 г. по 19 сентября 1949 г. – тюрьма на Лубянке. С конца декабря 1945 года моим напарником был генерал-лейтенант Пиккенброк (начальник одного из управлений абвера Канариса). С конца июня 1946 г. к нам присоединился вице-адмирал Ханс Эрих Фос (бывший офицер связи Дёница в ставке фюрера)... Несколько раз я находился в одиночке по 4–6 недель. С 19 сентября 1949 г. по 1 апреля 1950 г. тюрьма в Лефортово. С 1 апреля 1950 г. по конец января 1952 г. – в Бутырской тюрьме. С 31 декабря 1950 г. по 2 января 1951 г. – в сырых подвалах Бутырки. С сентября 1951 г. по конец января 1952 г. – в одиночной камере в Бутырке (без газет и зимней одежды). С конца января и по 19 февраля 1952 г. – тюрьма в Лефортово. 11 февраля 1952 г. начался судебный процесс высшего военного суда СССР – без привлечения общественности и без предоставления защиты. 12 февраля 1952 г. Шёрнер направил Сталину письменную апелляцию в отношении решения суда. В конце апреля совершенно неожиданно для него пришел ответ. В нем, однако, затрагивался лишь вопрос о пребывании его в заключении в течение 12 с половиной лет. Генерал-фельдмаршал сделал из этого вывод, что Сталин имел на него какие-то определенные виды. С 19 февраля по конец мая 1952 г. Шёрнер находился в общей камере в Бутырке. Заключенные на две трети состояли из русских и на одну треть из немцев и австрийцев. Среди последних были генерал артиллерии де Ангелис, генерал артиллерии Вейдлинг, вице-адмирал Фос, группенфюрер СС Штреккенбах, генерал-майор Шпальке, подполковник Гайслер и хауптштурмфюрер Эркольд". С конца мая 1952 г. по 13 ноября 1954 г. Шёрнер находился во Владимирской тюрьме...»²⁷. Справедливости ради заметим, что в «лагерях смерти» Шёрнер, конечно, не был, но в целом эта информация помогает уточнить, где именно Шёрнер написал то или иное собственноручное показание или отвечал на вопросы следствия.

Кальтенэггер приводит фрагмент воспоминаний Шёрнера об условиях содержания в плену: «...3. Издательства: Издательства носили тонкий и изощренный азиатский характер. Побоев, правда, мне не досталось. Пытки и надругательства преследовали цель деморализации и морального

и душевного унижения заключенных. К их числу относились: а) Часто проводившиеся натальные обыски, особенно в Бутырке. Малейшее неповиновение влекло за собой помещение в небольшой бокс на полдня. б) Помещение в боксы происходило и без видимых причин, видимо, следователь был недоволен полученными от заключенного показаниями. Кроме того, можно было попасть и в подвал. Нередко среди ночи происходили вызовы к следователю на допрос. в) Особенно тяжело на нашем и без того пошатнувшемся здоровье отражалось распоряжение пользоваться туалетом только утром и вечером. г) Естественно, туалеты приходилось чистить самим. И это только несколько примеров "гуманного и корректного обращения" с заключенными»²⁸.

Конечно, можно было бы посочувствовать несчастному немецкому полководцу, которого «злые коммунисты» подвергли «несправедливым» унижениям. Кстати, для усиления воздействия на читателя, Кальтнэггер приводит фрагмент из «Архипелага Гулаг» А. Солженицына с описанием быта Шёрнера в заключении.

А знал ли Шёрнер, как относились нацисты к советским военнопленным? Здесь уместно привести конкретный пример обращения с советскими военнопленными генералами и офицерами в германском плену. Вот выдержка из архивного документа, характеризующего не менее изощренный, правда, не «азиатский», а «европейский характер» отношения к пленникам.

24 августа 1945 г. с. Ванслебен. Из протокола допроса горного инженера Вальтера Шиманского, 1901 года рождения, уроженца Штеттина округа Галле провинции Саксония: «Летом 1943 г. в закрытых железнодорожных вагонах под усиленной охраной на шахту привезли для работы 82 русских военнопленных офицеров. В их числе было 5 генералов, 1 полковник и 1 майор. Все остальные были средние офицеры. Условия, в которых работали русские офицеры и генералы, а впоследствии и военнопленные красноармейцы были очень тяжелые. В сутки они получали 350 гр. хлеба и 2 раза – суп. На работу их водили под конвоем. Работали они в шахте, глубина которой 160 м. Работа их заключалась в закапывании ям, из которых бралась железная руда. В лагере военнопленных при шахте "Браун-зумиф" издевательства над военнопленными генералами, офицерами и красноармейцами со стороны немецких солдат и мастеров в шахте были, мне известны несколько случаев избиения русских военнопленных»²⁹. Комментарии, как говорят в таких случаях, излишни. А примеров и более извращенной жестокости можно привести и еще. Например, зверское убийство генерал-лейтенанта инженерных войск Д.М. Карбышева. В концлагере Замостье (в 120 км юго-западнее Варшавы), где он содержался, на 1 декабря 1941 г., находилось еще 13 советских генералов, из которых к маю 1942 г. в живых остались только трое.

Архивное следственное дело генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера состоит из двух томов. В нем, по сравнению с другими следственными делами

немецких генералов, находится большее число рукописных собственноручных показаний на немецком языке. Всего в следственном деле Ф. Шернера подшит 41 документ, в том числе 16 собственноручных показаний и 13 протоколов его допроса. Первые три собственноручных показания даны 20 мая 1945-го, последнее – 25 марта 1948 г. Первый протокол допроса датирован 22 февраля 1947-го, а заключительный – 2 марта 1951 г. Однако допрашивать Шернера сотрудники «Смерша» стали еще в первой половине мая 1945 г., и результаты этого допроса были доложены в ГКО СССР, о чем свидетельствует опубликованный протокол допроса Шернера от 10 мая 1945 г.³⁰

Ордер № У-46 на арест Ф. Шернера, подписанный заместителем министра МГБ СССР Е.П. Питоврановым и санкционированный заместителем Главного военного прокурора Советской армии полковником юстиции Варским, выдан 6 августа 1951 г. На следующий день ордер был предъявлен Шёрнеру, о чем свидетельствует его автограф на обороте документа.

Стоит отметить, что 12 собственноручных показаний из 16 написаны Шёрнером с мая по декабрь 1945 г., а на русский язык в том же году переведены лишь три: два от 20 мая и одно от 25 августа 1945 г. Остальные документы переведены в 1946 г., после преобразования ГУКР «Смерш» НКО СССР в МГБ СССР. Вывод об этом можно сделать, сравнив изменения в наименовании должности переводчиков военной контрразведки, участвовавших в следственных мероприятиях. Так, например, переводы первых двух документов сделаны оперуполномоченным 2-го отдела ГУКР «Смерш» старшим лейтенантом Солововым. Третий документ так же переведен им, однако, его должность написана иначе – «оперуполномоченный 2-го отдела 3-го Главного управления контрразведки МГБ СССР», а последующие переводы выполнены уже переводчиком 4-го отдела 3-го Главного управления контрразведки МГБ СССР старшим лейтенантом Потаповой.

24 и 25 августа 1945 г. Шёрнер дал показания политического характера и подробно изложил автобиографию. В декабре 1945 г. он описал все, что знал о подготовке германского вторжения в СССР в июне 1941 г. В следственном деле Шёрнера хранится любопытная фотография. На переднем плане изображен Й. Геббельс в кожаном плаще, со вскинутой в нацистском приветствии правой рукой, а чуть поодаль, удовлетворенно улыбаясь, стоит Шёрнер. Справа, в разношерстном полевом обмундировании, строй невеселых солдат, на касках можно рассмотреть и значки дивизий сухопутных войск, и значки люфтваффе. По всему видно, что снимок сделан не позднее весны 1945-го. Фотография плотно приклеена на лист дела, поэтому нет возможности узнать, имеются какие-либо пометки на обороте.

Однако о событиях, изображенных на фотографии, есть упоминание в дневниковых записях доктора Геббельса, написанных им после посещения прифронтовой полосы и встрече с генерал-фельдмаршалом Шёрнером. В пятницу, 9 марта 1945 г. Геббельс оставил запись о поездке в Гёрлиц: «Около двух часов пополудни мы попадаем в Гёрлиц. Город

производит странное впечатление. Женщин почти не видно; они давно эвакуированы вместе с детьми. Гёрлиц стал городом мужчин.

Сам генерал-полковник Шёрнер прибыл из своей ставки для участия в моей поездке в Гёрлиц. Он представил мне своих офицеров, которые производят прекрасное впечатление. Заметно, что Шёрнер здорово их воспитал. Во всяком случае, здесь не чувствуется ни малейшего намека на пораженчество. Шёрнер – настоящий полководец.

То, что он докладывает мне о своих методах поднятия морального духа, просто великолепно и свидетельствует о его широком политическом кругозоре. Он действует совершенно новыми, современными методами. Он не генерал за письменным столом и у военной карты; большую часть времени он проводит в боевых частях, с которыми у него установились отношения хотя и строгие, но, тем не менее, основанные на доверии. В частности, он взял под прицел солдат, которые в критической ситуации всегда стремятся отстать от войск и исчезнуть под каким-нибудь предлогом в тылу. Он довольно жестко обходится с такими лицами, заставляет вешать их на ближайшем дереве и прикреплять щит с надписью: "Я дезертир, отказавшийся защищать германских женщин и детей". Это, конечно, весьма страшит других дезертиров или тех, кто хочет ими стать. На совершенно разрушенной рыночной площади расположились парашютисты, проявившие большую отвагу во время лаубанской операции. Шёрнер обращается к войскам речью, в которой содержатся волнующие слова обо мне и моей работе»³¹.

В следственном деле Шёрнера сохранился и подлинник приказа Верховного главнокомандующего вермахта о назначении генерала горных войск Ф. Шёрнера начальником по национал-социалистическому руководству в армии с личным автографом А. Гитлера, а также копии некоторых других исторических документов. В их числе копии обращения адмирала Дёница от 2 мая 1945 г. к германскому народу по случаю смерти А. Гитлера, типографский экземпляр инструкции по национал-социалистическому руководству в германской армии за подписью Шёрнера и др.

11 февраля 1952 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Шёрнера к 25 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. В связи с тем, что Шёрнер является «особо опасным преступником, требующем строгой изоляции его от общества», 9 апреля ВК ВС СССР выносит определение, по которому 25 лет ИТЛ заменяются тюремным заключением на тот же срок.

В заключении стоит добавить, что в настоящее время, совместно с сотрудниками Германского исторического института в Москве и идет работа, конечным результатом которой станет публикация сборника, посвященного судьбам генералов и офицеров вермахта в советском плену. Планируется, что книга выйдет на русском и немецком языках, что значительно увеличит читательскую аудиторию, как в России, так и в Германии.

Наша сегодняшняя встреча является еще одним свидетельством, доказывающим стремление к достижению взаимопонимания и доверительных отношений между Германией и Россией.

¹ См.: «Смерш». Исторические очерки и архивные документы. – М., 2003. С. 213–214.

² Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. Т. 24(13). – М., 1996; *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996; Военнопленные в СССР. 1939–1956: Документы и материалы / Сост. М.М. Загоруйко, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская / Под ред. М.М. Загоруйко. – М., 2000; Венгерские военнопленные в СССР: Документы 1941–1953 годов. – М., 2005; *Шнейер А.* Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. – М.–Иерусалим, 2005. и др.

³ *Етифанов А.Е.* Сталинградский плен 1942–1956 г. Красногорск, 1999; Военнопленные в СССР. 1939–1956: документы и материалы. – М., 2000; *Всеволодов В.А.* Лагерь УПВИ НКВД № 27 (краткая история) или «Срок хранения – постоянно!». – М., 2003; *Кузьминых А.Л.* Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). – Вологда, 2004; *Суржикова Н.В.* Иностранцы военнопленные второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). – Екатеринбург, 2006.

⁴ Агония и смерть Адольфа Гитлера / Сост. В.К. Виноградов, Я. Ф. Погоний, Н.В. Тепцов. – М., 2000; Из дела военнопленного Ганса Баура – личного пилота Адольфа Гитлера / Публ. подг.: В.В. Павлов, С.Д. Трифионов // Новгородский архивный вестник. Вып. 5. – Великий Новгород, 2005. С. 127–178; Неизвестный Гитлер / О. Гюнше, Г. Линге; Авт.-сост. М. Уль, Х. Эберле. – М., 2005.

⁵ *Безыменский Л.А.* Германские генералы с Гитлером и без него. – М., 1961.

⁶ *Прозктор Д.М.* Агрессия и катастрофа. Высшее руководство фашистской Германии во второй мировой войне 1939–1945. – М., 1968.

⁷ *Конасов В.Б.* Судьбы немецких военнопленных в СССР; дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. Очерки и документы. – Вологда, 1996. С. 257.

⁸ *Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. – Вологда, 2002. С. 14–15.

⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. – С. 529.

¹⁰ *Безбородова И.В.* Военнопленные второй мировой войны: Генералы вермахта в плену. – М., 1998. – С. 14.

¹¹ *Görlitz W.* Paulus. «Ich stehe hier auf Befehl». Lebensweg des Generalfeldmarschalls Friedrich Paulus. Mit den Aufzeichnungen aus dem Nachlaß, Briefen und Dokumenten. – Frankfurt. – М., 1960; *Бланк А.С., Хавкин Б.Л.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. – М., 1990; *Reschin L.* Feldmarschall im Kreuzverhör. Friedrich Paulus in sowjetischer Gefangenschaft 1943–1953. – Berlin 1996; *Chavkin B.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion 1941–1955. // Forum für osteuropäische Zeitgeschichte, 1997. № 2; *Маркович В.В.* Фельдмаршал Паулюс: от Гитлера к Сталину. – М., 2000; *Steinkamp P.* Generalfeldmarschall Friedrich Paulus. Ein unpolitischer Soldat? – Erfurt, 2001; *Безыменский Л.А.* Гитлер и германские генералы. – М., 2004; *Хавкин Б.Л.* Фельдмаршал Паулюс и генерал артиллерии Зайдлиц в советском плену // Россия и Германия. Вып. 3. – М., 2004.

¹² *Kern E.* Generalfeldmarschall Ferdinand Schörner. Ein deutsches Soldatenschicksal. – Rosenheim, 1994; *Steinkamp P.* Generalfeldmarschall Ferdinand Schörner. / Hitlers militärische Elite, Bd. 2. – Darmstadt, 1998. – S. 236–244; *Kaltenegger R.* Schörner: Feldmarschall der letzten Stunde. – München, 2002 (русс. перевод: *Кальтенэггер Р.* Фердинанд Шёрнер. Генерал-фельдмаршал последнего часа. – М., 2007).

¹³ *Безбородова И.В.* Указ. соч. – С. 168–169; Энциклопедия Третьего рейха. – М., 1996. – С. 520–521; *Залесский К.А.* Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 728–730.

¹⁴ РГВА. Ф. 463-п. Оп. 1а. Д. 109.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Д. Н-21138.

¹⁶ Нюрнбергский процесс.: Сборник материалов в 8-ми тт. Т. 3. – М., 1989. – С. 462–484.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Н-21135. Т. 3. Л. 248.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Н-21135. Т. 3. Л. 146–148.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Н-21135. Т. 3. Л. 191–193.

²⁰ ЦА ФСБ России. Н-21135. Т. 3. Л. 206.

²¹ ЦА ФСБ России. Н-21135. Т. 3. Л. 191–193.

²² ЦА ФСБ России. Н-21135. Т. 3. Л. 254–255.

²³ ЦА ФСБ России. Н-21135. Т. 3. Л. 255.

²⁴ ЦА ФСБ России. Н-21135. Т. 3. Л. 255, 257.

²⁵ ЦА ФСБ России. Н-21135. Т. 3. Л. 258–260.

²⁶ ЦА ФСБ России. Н-21135. Т. 3. Л. 260.

²⁷ *Кальтензггер Р.* Фердинанд Шёрнер. Генерал-фельдмаршал последнего часа. – М., 2007.

²⁸ *Кальтензггер Р.* Указ. соч. – С. 324–326.

²⁹ ЦА ФСБ России. ПФ-10054 (Наблюдательное дело с материалами о Нюрнбергском процессе). Т. 1а. Л. 301–302.

³⁰ См.: *Агония и смерть Адольфа Гитлера...* – С. 263–290.

³¹⁺ *Гebbельс Й.* Дневники 1945 года... – С. 133–135.

ВЕНГЕРСКИЙ ГЕНЕРАЛ ВЕРТ О СОБЫТИЯХ 1941 ГОДА

*Тезисы выступления на международной конференции
«70 лет с начала Великой Отечественной войны»
г. Будапешт, 22 июня 2011 г.*

Вопрос изучения участия хортистской Венгрии во Второй мировой войне по понятной причине находился на периферии научных интересов советской и российской историографии в связи с тем, что главное внимание в исследованиях уделялось противоборству между нацистской Германией и Советским Союзом. После германского нападения на СССР, 23 июня 1941 г. Венгрия разорвала дипломатические отношения с Советским Союзом. Между тем обстоятельства, связанные со вступлением Венгрии 27 июня 1941 г. в боевые действия на стороне Германии против СССР, до настоящего времени активно обсуждаются историками.

Casus belli – поводом, послужившим для объявления Венгрией войны Советскому Союзу, стала бомбардировка венгерского города Кошице, произведенная 26 июня 1941 г. тремя самолетами, принадлежность которых так и не была установлена. Не раз предпринимались попытки разобраться в эпизоде с бомбардировкой Кошицы, которые не привели к конкретному результату. Точка в этом вопросе не поставлена до сих пор, так как не найдены свидетельства, подтверждающие или опровергающие ту или иную версию.

В Центральном архиве ФСБ России хранятся разнообразные документальные материалы, которые позволяют в определенной мере ответить на вопросы – как шла подготовка в Германии, Венгрии, Италии, Финляндии, Японии к нападению на Советский Союз, когда началась такая подготовка.

Важным источником для исследования истории войны является фонд архивных уголовных дел ЦА ФСБ России. Это один из наиболее объемных и недостаточно исследованных источников. В названном фонде хранятся архивные уголовные дела в отношении генералов и офицеров германской, венгерской, итальянской, японской армий, оказавшихся после окончания Второй мировой войны в советском плену. Большую работу по сбору разносторонней информации провели советские органы государственной безопасности, они вели активную работу среди военнопленных по выявлению и разоблачению военных преступников и их пособников.

Только в ЦА ФСБ России находится на хранении около 30 тысяч следственных дел на лиц, проходивших службу в германских специальных службах, полицейских и оккупационных органах, или в армиях стран союзников гитлеровской Германии, осужденных в 1941–1945 гг. и послевоенный период за насильственные действия по отношению к гражданскому населению и военнопленным, за преступления против мира и человечества, за шпионаж, незаконное хранение оружия и иные преступления¹. В этом фонде хранятся документальные материалы в отношении офицеров и генералов армий противника, сотрудников разведывательных и контрразведывательных служб, высокопоставленных чиновников министерства иностранных дел².

Задержанных высших военачальников армий противника направляли в Москву в распоряжение 2-го отдела ГУКР «Смерш» НКО СССР, занимавшегося расследованием военных преступлений, совершенных на оккупированной территории. Как отмечал 13 августа 1945 г. начальник ГУКР «Смерш» НКО СССР В.С. Абакумов в докладной записке на имя И.В. Сталина, наиболее важной частью работы военных контрразведчиков, было выявление военных преступников, которых предполагалось привлечь к суду³.

После реорганизации ГУКР «Смерш» НКО СССР и НКГБ СССР в 1946 г. функция расследования военных преступлений передана 4-му отделу 3-го Главного управления и Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Большая часть генералов, находившихся под следствием, содержалась в Лефортовской и Бутырской тюрьмах.

Архивные уголовные дела на бывших офицеров и генералов армий противника содержат типовые судебно-следственные документы: постановление о задержании и мере пресечения; ордер на арест и обыск, анкета и фотографии арестованного, протоколы допросов и собственноручные показания, материалы Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений, постановление о предъявлении обвинения, обвинительное заключение, приговор военного трибунала или решение Особого совещания при МГБ СССР и т.п. Часть названных архивных документов введена в научный оборот в 2009 г., когда был опубликован сборник документов об офицерах и генералах германской армии⁴. В ходе последующей работы в 2011 г. были опубликованы документы из дел на бывших германских дипломатов и руководителей германских зарубежных военных миссий, находившихся в советском плену⁵. В советском плену находились и венгерские военнослужащие. По данным Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР на 18 июня 1945 г., в плену находилось 425 тыс. 319 военнопленных венгерской национальности⁶, в том числе 45 венгерских генералов⁷. Среди военнопленных находился и бывший начальник Генерального штаба венгерской армии генерал-полковник Генрих Верг и венгерские военные разведчики: генерал-майор Иштван Уйсаси, полковники Андреас Барта, Дюла Кадар, Иштван Ошват, Отто Хатц, майор Эден Нуриджани и другие.

Одной из центральных фигур в руководстве венгерской армии, лично повлиявших на принятие решения о вступлении во Вторую мировую войну и нападения на Советский Союз являлся начальник Генерального штаба генерал-полковник Генрих Верт. Уголовное дело Н-21156 в отношении Г. Верта (в двух томах) находится на хранении в ЦА ФСБ России. В 1-м томе, наряду с судебно-следственными материалами (ордер на арест, анкета арестованного, постановления о предъявлении обвинения и пр.) находится 16 протоколов допросов Верта (с 22 января 1945 г. по 29 апреля 1950 г.) и собственноручные показания от 16 января 1946 г., во 2-м томе – также 16 протоколов допросов Верта (с 14 июня 1951 г. по 4 апреля 1952 г.), а также копии протоколов и выписки из протоколов допросов, копии собственноручных показаний свидетелей по делу, в том числе генерал-фельдмаршала германской армии Фридриха Паулюса, генерал-майора венгерской армии Иштвана Уйсаси, командующего 1-й венгерской армии генерал-полковника Ласло Деже, военного атташе при германском посольстве в Венгрии генерал-лейтенанта Гюнтера Краппе и др.

После освобождения венгерской столицы от германских войск, Г. Верт был задержан 19 января 1945 г. в д. № 10 по ул. Лупенц в Будапеште сотрудниками отдела контрразведки «Смерш» 3-го Украинского фронта. Арестован 17 марта 1945 г. В постановлении на арест, утвержденном начальником УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта генерал-лейтенантом П.И. Ивашутиным и санкционированным военным прокурором 3-го Украинского фронта генерал-майором юстиции Анкудиновым говорилось: «Согласно сообщения от 16.2.[19]45 г. о военных преступниках, главы временного венгерского правительства, премьер-министра Миклош Бела, Верт Генрих состоит в списках военных преступников, а поэтому в феврале с.г. последний был разыскан, подвергнут задержанию и допросу, в результате которого Верт Генрих признал, что: [...] 2. За время своей деятельности на посту начальника Генштаба, он разработал программу реорганизации венгерской армии на основе модернизации вооруженных сил страны, в соответствии с уровнем современной военной техники. Кроме того, в эту программу он включил целый ряд задач по милитаризации страны, и потребовал на указанные военные мероприятия затраты на 2½ миллиардов пенго. 3. Являлся активным сторонником вовлечения Венгрии в войну против СССР. 4. Объективно способствовал скрытию следов провокации гитлеровских воздушных сил, выразившихся в бомбардировке двух городов Закарпатской Украины, рассчитанной на втягивание Венгрии в войну против Советского Союза. 5. В день объявления войны, т.е. 27 июня 1941 года издал приказ о бомбардировках трех населенных пунктов СССР – Станиславов, Коломыя и Надворная, который был немедленно исполнен. 6. По указанию начальника Генерального штаба германской армии, издал приказ о направлении венгерских войск для вторжения на советскую территорию. 7. Являлся непосредственным руководителем и организатором

военных мероприятий по оккупации Чехословакии и вооруженному вторжению венгерских войск в Югославию [...]»⁸. 28 марта 1945 г. Верт был доставлен в Москву и помещен во Внутреннюю тюрьму ГУГБ НКВД СССР. Органами предварительного следствия Верт обвинялся в том, что он, будучи врагом Советской власти, в 1919 г. принимал участие в контрреволюционном заговоре против Венгерской Советской Республики.

Архивные документы свидетельствуют что, благодаря своему положению в армии, Верт, используя свои близкие отношения с регентом Венгрии адмиралом Миклошем Хорти, оказывал значительное влияние на принятие политических решений, настаивая на сближении с Гитлером и активном участии Венгрии в войне на стороне нацистской Германии. С 26 сентября 1938 г. по 6 сентябрь 1941 г. Верт занимал должность начальника Генерального штаба венгерской армии, участвовал в подготовке и проведении агрессивных войн против СССР и других государств и разрабатывал программу реорганизации венгерской армии по немецкому образцу.

С согласия руководства гитлеровской Германии, в 1938–1939 гг. руководил захватом Южной Словакии и Закарпатской Украины, а после оккупации этих территорий как Главнокомандующий венгерской военной администрации, установил оккупационный режим, запретив деятельность демократических партий и организаций, за сопротивление венгерским военным властям подвергал гражданское население различным репрессиям, вплоть до смертной казни. В июле 1939 г. по поручению регента Венгрии Хорти вел переговоры с А. Гитлером, В. фон Браухичем, Ф. Гальдером и В. Кейтелем о подготовке венгерских вооруженных сил для участия в агрессивных войнах на стороне фашистской Германии. В марте 1941 г. Верт заключил соглашение с германским командованием о взаимодействии венгерской и германской армий при нападении на Югославию и в дальнейшем руководил венгерскими войсками, оккупировавшими часть территории Югославии, чинившими зверства над мирным населением Югославии. Начиная с 1939 г., по заданию Верта венгерская разведка в сотрудничестве с германской и другими разведками, активизировала свою разведывательную деятельность против СССР и, создав специальный разведцентр в Ужгороде, производила заброску агентуры в Советский Союз.

Будучи ближайшим военным советником регента Венгрии М. Хорти, генерал-полковник Верт участвовал в принятии военных государственных решений, связанных с нападением Венгрии на СССР на стороне Германии, требовал от венгерского правительства максимальной мобилизации ресурсов страны для ведения войны против СССР.

Германский военный атташе в Будапеште Гюнтер Краппе на вопрос советского следователя назвать венгерских военных и государственных деятелей, придерживавшихся прогерманской ориентации, 23 ноября 1946 г. показал: «[...] Из венгерской армии к таким лицам относились, прежде всего, начальник венгерского Генерального штаба гене-

рал пехоты Верт и начальник оперативного отдела Генштаба полковник Ласло⁹. Более подробно о политических взглядах генерала Верта рассказал на допросе 27–28 декабря 1946 г. генерал-майор И. Уйсаси, занимавший в 1941 г. пост начальника 2-го отдела (разведка и контрразведка) Генштаба венгерской армии: «Генерал-полковник Верт с 1938 года являлся начальником венгерского Генштаба. [...] По своим взглядам и убеждениям Верт был абсолютным сторонником проведения внешней политики Венгрии, направленной на поддержку Германии. В результате своего убеждения, Верт находился в абсолютном подчинении германского Генерального штаба, что еще более усиливалось тесной личной дружбой генерала Верт с начальником германского Генерального штаба генерал-полковником Гальдером.

Благодаря тесным взаимоотношениям с генералом Гальдером, генерал Верт был заранее информирован о всех агрессивных планах Германии. С момента своего назначения начальником [Генерального] штаба венгерской армии, генерал Верт оказывал давление на регента Хорти в целях заключения военного союза с Германией. Благодаря нацистскому убеждению генерала Верта и его деятельности, направленной на поддержку гитлеровской Германии, Венгрия приняла участие в действиях, направленных против Чехословакии (1938–1939 гг.), и в подготовке и проведению войны против Югославии 1941 г. и против СССР в 1941 г.»¹⁰.

Архивные документы помогают нам реконструировать, какую роль играл Верт как начальника Генштаба в подготовке венгерской армии к участию во Второй мировой войне, в том числе и к агрессии против Советского Союза. На допросе 21 февраля 1949 г., Верт отвечая на вопрос, о том, какие решения были приняты правительством Венгрии по подготовке к войне против СССР, показал: «В связи с напряженной международной обстановкой, по моему настоянию 9-го октября 1939 года было создано специальное совещание венгерского правительства для разрешения вопроса – кого считать наиболее вероятным противником Венгрии. Решение правительства по этому вопросу было мне нужно для направления всей деятельности венгерского Генерального штаба и проведения соответствующих военных приготовлений. На этом совещании, происходившем в резиденции Хорти, присутствовали: сам Хорти, премьер-министр Телеки, министр иностранных дел Чаки, военный министр фон Барта и я. Было принято решение Германию рассматривать как союзника, противниками Венгрии считать Румынию и Югославию. Советский Союз также рассматривать как противника, а в связи с этим провести мероприятия по укреплению венгерско-советской границы и организовать активную агентурную разведку на территории СССР. Для создания пограничных укрепрайонов и проведения разведки против СССР, я ходатайствовал о предоставлении мне 20 миллионов пенге. Мое требование было удовлетворено. Уже в 1939 году из предоставленных мне 20 миллионов пенге для вышеуказанных целей было израсходовано 10 миллионов пенге»¹¹. На допросе 22 января 1945 г. Верт дал показания о его роли как начальника

Генштаба в подготовке вступления Венгрии в войну против СССР: «Лично я как нач[альник] Генерального штаба активной роли в подготовке войны против Советского Союза не имел. Официально в Генштабе не было известно, что германская армия готовится к войне против Советского Союза, но наша разведка доносила, что Германия сосредоточила большое количество войск и техники на советской границе.

Кроме этого, Германия запросила Генеральный штаб о состоянии дорог и мостов, которые идут через Карпаты к русским границам. 10 июня 1941 года мы ответили Германии о состоянии дорог и мостов, тогда последовало указание усилить мосты на дорогах, идущих через Карпаты к русским границам. Для меня ясно было, что Германия готовится к войне против Советского Союза». Далее во время того же допроса Верт рассказал об обстоятельствах, при которых он узнал о нападении Германии на Советский Союз: «22 июня 1941 [года] нам донесли, что Германия объявила войну Советскому Союзу, а 27 июня 1941 года премьер-министр Барта по согласию с Хорти объявил войну Советскому Союзу. Меня как начальника Генерального штаба об объявлении войны Венгрии против СССР поставили в известность постфактум. Министр, генерал-полковник Барта пришел ко мне и сообщил, что состоялось совещание Совета министров, где решили вести войну против СССР, и тут же предложил руководить войсками в войне против СССР. Я вначале отказался, но Барта заявил, что это будет конфуз перед другими странами. После этого я согласился и запросил Германию о задачах венгерских войск в войне против СССР. От Германии я получил указания вести наступление на Россию между правым флангом немецких войск и левым флангом румынских войск, т. е. дана была разгран[ичительная] линия, в пределах которой венгерские войска должны были вести боевые действия против русских войск. Тут же я получил указания от военного министра Барта разбомбить в России ж.-д. станцию Станислава и аэродромы Коломыя и Надворная»¹².

В следственное дело Верта приобщен подлинник протокола допроса генерал-полковника венгерской армии – Дежё Ласло, который в 1937–1941 гг. занимал пост начальника Оперативного отдела Генштаба венгерской армии. На допросе 24 марта 1946 г. он рассказал о подготовке Венгрии к войне против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии: «Во второй половине марта 1941 года из Берлина в Будапешт прибыл Паулюс. После состоявшегося свидания Паулюса с Хорти, было создано совещание всех начальников отделов венгерского Генерального штаба, на котором присутствовал и Паулюс. Совещание была посвящено разработке плана предстоящего вооруженного нападения на Югославию совместно с Германией [...] Вместе с этим в переговорах Паулюс затрагивал вопрос расстановки венгерских сил на восточных границах Венгрии. Но практические мероприятия в этом направлении тогда разработаны не были. 18 июня 1941 г., т. е. за три дня до начала военных действий Германии про-

тив СССР, проездом в Будапеште останавливался начальник германского Генерального штаба генерал-полковник Гальдер. Он следовал в Бухарест. В Будапеште на аэродроме происходила встреча Гальдера с начальником венгерского Генерального штаба Верт, при которой также присутствовал и я. Верт подробно доложил Гальдеру о готовности венгерских вооруженных сил на восточной границе Венгрии. Однако Гальдер оказался докладом недоволен, подготовку считал неудовлетворительной. Верт об этом немедленно доложил Хорти. В результате было проведено ряд дополнительных мероприятий в этом направлении»¹³.

22 июня 1941 г., в день нападения гитлеровской Германии на СССР, Верт потребовал от венгерского правительства проведения мобилизации и объявления в стране военного положения. По приказу Верта в конце июня 1941 г. венгерская авиация подвергла бомбардировке советские города, а венгерская армия вторглась на территорию СССР и вместе с немецко-фашистскими войсками участвовала в оккупации советской территории.

В вышеупомянутом протоколе допроса Уйсаси личное участие Верта в подготовке вступления Венгрии в войну выглядит несколько по-другому: «Начиная с момента получения Вертом письма от Гальдера с указанием начать подготовку к войне против Советского Союза и Югославии, генерал Верт занимается активной подготовкой венгерской армии к предстоящим агрессиям. В декабре 1940 г. по указанию Верта к начальнику германского Оперативного штаба¹⁴ генералу Йодлю был направлен генерал Ласло – начальник Оперативного отдела Генштаба венгерской армии для уточнения военных заданий венгерской армии и передачи требований на необходимое вооружение. В январе 1941 г. министр обороны Венгрии генерал-полковник Барта выехал в Берлин к фельдмаршалу Кейтелю для практического обсуждения и решения вопросов вооружения венгерской армии для войны с Югославией и Советским Союзом. Генерала Барта сопровождали военные специалисты, в числе которых находился также и я сам. При этой поездке Барта был принят Гитлером, Кейтелем и Йодлем, которые поставили в известность о военно-политических планах в связи с предстоящим выступлением против Югославии и СССР.

За участие Венгрии в войне тогда же было обещано присоединение к Венгрии области Бачка и Банат за счет Югославии и расширение Карпатской Украины до реки Днестр. Верт совместно с Барта согласился с планами агрессий, и в меморандуме, представленном генералом Верт регенту Хорти, потребовали участия Венгрии в войне против Югославии и СССР. Этот меморандум был вручен Хорти в марте 1941 года. Генерал Ласло, который по заданию Верта его составил, ознакомил меня с его содержанием. В ходе войны против Югославии, Верт дал приказ действовать самым безжалостным образом против югославских партизан. В соответствии с приказом Верта были произведены массовые расстрелы гражданского населения в Субботицы и Вомбаре (в середине апреля).

Генерал Верт дал приказ соответствующим частям в области Бачка об угоне возможно большего количества из этой области сербов. [...] В середине мая в Будапешт прибыл полковник германского Генштаба Кинцель с личным письмом Гальдера к Верту, в котором сообщалось о решении в ближайшие недели нападения на Советский Союз. Об этом письме Верт сообщил мне лично. По приказу Верта вслед за этим было немедленно увеличена численность VIII армейского корпуса в Кошице и создана Карпатская армейская группировка под командованием генерал-лейтенанта Сомбат[х]еи.

В начале июня Верт имел встречу в Будапеште с генералом Гальдером, который возвращался из инспекционной поездки по Румынии. Во время этой встречи, состоявшейся на аэродроме Матиаشفельд у Будапешта, Верт был поставлен в известность об оперативных задачах, стоящих перед венгерской армией – предполагалось, что она займет Карпатский хребет, и будет связывать советские силы. Непосредственно перед вступлением Венгрии в войну против СССР, на совещании министров в конце июня 1941 г., где окончательно решался вопрос о войне с СССР, генерал Верт сообщил данные о концентрации, якобы, советских войск для нападения на Венгрию, которые в 4 раза превышали данные, имеющиеся во 2-м отделе Генштаба. Было названо им 16 дивизий, вместо 4-х, о которых было нам известно в действительности. В июле 1941 г. генерал Верт распорядился выслать всех евреев из Карпатской Украины в Восточную Галицию, и передать их германским властям. Это мероприятие было проведено губернатором Карпатской Украины Козма. В августе 1941 г. генерал Верт без согласия и ведома регента Хорти, через генерала Ласло дал обещание генералу Йодль выслать 6 новых дивизий на фронт против СССР. Это стремление возможно большей поддержки Германии в войне против СССР целиком соответствовало взглядам генерала Верт. Он возглавлял наиболее агрессивную часть руководства венгерской армии. За самовольные действия регент Хорти отстранил генерала Верта от занимаемой им должности, и в сентябре 1941 года он вышел в отставку»¹⁵.

Во время упоминавшегося выше допроса, Г. Краппе рассказал о личном участии генерала Верта в подготовке Венгрии к участию в агрессии против Советского Союза: «И в войне против Советского Союза, как и в подготовке ее, Верт играл активную роль. Лично я в апреле 1941 года выбыл из Будапешта, но мне известно от находившегося в то время в Будапеште полковника Фютерера – атташе военно-воздушных сил Германии в Венгрии о том, что генерал Верт был не согласен с проводимой в то время политикой пассивного участия в войне против Советского Союза. Он лично предложил более активное участие Венгрии в войне против Советского Союза во время переговоров о формировании одной венгерской танковой дивизии, которые происходили в Верховной ставке германского командования “Анна” – в г. Ангербурге (Восточная Пруссия). Эта активная прогерман-

ская позиция, как мне далее сообщил Фютерер, привела, в конечном счете, к усилению разногласий Верта с умеренными кругами венгерского правительства и он был заменен Сомбат[х]еи»¹⁶.

Судьба Верта решалась в Советском Союзе на самом высоком уровне. Так, в письме министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова от 17 января 1950 г., адресованном Председателю Совета министров СССР В.М. Молотову, говорится, что «Верта, заочно осужденного народным судом в Будапеште к смертной казни, если это будет найдено нужным, целесообразно передать властям Венгерской Народной Республики». 5 мая 1952 г. состоялось подготовительное заседания Военной коллегии Верховного суда СССР, по определению которого Верт должен был быть предан суду в соответствии со ст. 58-6, ч. 1 УК РСФСР, ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. и ст. II § 2 (пп. а, б, ц) Закона № 10 Контрольного Совета в Германии¹⁷. Однако до суда он не дожил: в 11 часов 30 минут 28 мая 1952 г. Верт поступил в больницу Бутырской тюрьмы МГБ СССР «по поводу затянувшегося приступа стенокардии, сердечной слабости, артериосклероза». В 12 часов 30 минут того же дня, «находясь в полном покое, больной умер при явлениях паралича сердца»¹⁸. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 июня 1952 г. судебное производство по делу Г. Верта прекращено в связи со смертью.

После принятия Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» органами прокуратуры были пересмотрены практически все архивные уголовные дела на предмет обоснованности их заведения, в том числе и в отношении иностранных граждан. Заключение Главной военной прокуратуры от 15 ноября 1996 г. установлено, что Верт Г. привлечен к уголовной ответственности обоснованно и не подлежит реабилитации.

Некоторые документы из следственного дела в отношении генерал-полковника венгерской армии Генриха Верта опубликованы в сборнике: «Великая Отечественная война. 1941 год. Исследования, документы, комментарии». Введение в научный оборот показаний бывшего начальника Генштаба венгерской армии позволит специалистам глубже проанализировать многие ранее практически неизвестные аспекты подготовки и начала агрессии нацистской Германии и ее союзников против СССР.

¹ Христофоров В.С. Сталинград: Органы НКВД накануне и в дни сражения. – М., 2008. – С. 126.

² Аналогичный фонд уголовных дел (свыше 22 тысяч единиц хранения) на бывших военнослужащих нацистской Германии и ее союзников, осужденных в 1943–1945 гг. военными трибуналами войск НКВД–МВД СССР за преступления, совершенные во время войны и в плену, имеется в Центральном архиве МВД России. См.: Генералы и офицеры вермахта рассказывают... : Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1945. – М., 2009. – С. 9.

³ Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену: Документы из следственных дел. 1945–1955. – М., 2011. – С. 10.

⁴ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1945. М., 2009.

⁵ Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1945–1955. – М., 2011.

⁶ Венгерские военнопленные в СССР : Документы 1941–1953 годов. – М., 2005. – С. 285.

⁷ Среди 45 венгерских генералов находились: два генерал-полковника, восемь генерал-лейтенантов, тридцать пять генерал-майоров и один генерал полиции. См.: Венгерские военнопленные в СССР... С. 287.

⁸ ЦА ФСБ России. Н-21156. Т. 1. Л. 2.

⁹ ЦА ФСБ России. Н-21156. Т. 2. Л. 175–177.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Н-21156. Т. 2. Л. 178–183.

¹¹ ЦА ФСБ России. Н-21156. Т. 1. Л. 172–214.

¹² ЦА ФСБ России. Н-21156. Т. 1. Л. 23–32.

¹³ ЦА ФСБ России. Н-21156. Т. 2. Л. 164–174.

¹⁴ Так в тексте документа, имеется в виду Штаб оперативного руководства ОКВ.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Н-21156. Т. 2. Л. 178–183.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Н-21156. Т. 2. Л. 175–177.

¹⁷ Закон № 10 Контрольного Совета для Германии был принят 20 декабря 1945 г. Предусматривал возможность создания других трибуналов и способ, согласно которому они должны были функционировать. Определил действия, признающиеся преступными, юрисдикцию, принципы осуществления правосудия и наказание, которое может применяться к виновным. Статья 2 Закона № 10 определяла действия, которые признаются преступными: а) преступления против мира; б) военные преступления; в) преступления против человечности; г) принадлежность к преступным организациям. Закон № 10 в разделе о процедуре устанавливал: «Трибунал, который будет судить лиц, обвиняемых в перечисленных преступлениях, будет назначаться Главнокомандующим соответствующей зоны. Он же будет определять процедуру Трибунала».

¹⁸ ЦА ФСБ России. Н-21156. Т. 2. Л. 360.

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПОСЛЕВОЕННОЙ АВСТРИИ

*Тезисы доклада на международной конференции
«Красная армия в Австрии. 1945-1955 гг.»
г. Москва, 14 мая 2004 г.*

Выполняя историческую миссию по разгрому гитлеровских войск, Красная армия силами частей и соединений 2-го и 3-го Украинских фронтов в ходе ожесточенных боев в конце марта 1945 г. пришла на территорию Австрии. Освобождение австрийской земли проходило стремительным темпом. По установившейся в ходе освободительной войны традиции Верховное Главнокомандование СССР почти ежедневно в центральной печати объявляло благодарности войскам, участвовавшим в сражениях, и сообщало о награждении наиболее отличившихся воинов. Кроме того, в честь знаменательных событий на фронте Москва салютовала залпами артиллерийских орудий.

В оперативных сводках Совинформбюро и сообщениях военных корреспондентов с венского направления все чаще стали звучать названия австрийских районов и городов, рек и автострад. Когда 6 апреля начались бои в двух километрах южнее Вены, в газете «Правда» была опубликована статья политического обозревателя П.Киселева под названием «На пути к освобождению Австрии». Он писал, что согласно Московской декларации союзных держав об Австрии, принятой в октябре 1943 г.¹, об ответственности страны за участие в войне на стороне гитлеровской Германии, сейчас для ее народа настал момент истины: «Отношение свободолюбивых народов к австрийскому народу определяется и будет определяться его собственным участием в борьбе за освобождение Австрии»². В качестве положительного фактора были названы партизанские действия в районах Штирии и Коринтии, создание австрийского подразделения при югославской армии в Словении, растущее сплочение и формирование сил патриотически-демократического «внутреннего фронта», протекавшее более активно, нежели в других европейских странах. В статье были обозначены и реакционные силы: католические круги, ориентированные на политику Ватикана, монархические реакционные силы старой Австрии, мечтавшие о реставрации, социал-демократы-эмигранты, называвшие оккупацию Австрии Гитлером

«историческим прогрессом», клеймившие сопротивление фашизму и предлагавшие свои услуги в борьбе за «подавление русского влияния» и превращение Австрии в «оплот против Востока». Оценка ситуации в «Правде» вполне соотносима с официальными взглядами правительства СССР по австрийскому вопросу. 13 апреля 1945 г. в Москве прогремел салют в честь воинов 3-го Украинского фронта, отличившихся при освобождении Вены. В редакционной статье «Правды» под названием «Блестящая победа Красной армии» взятие Вены расценивалось как предвестник окончательного разгрома гитлеровской Германии³.

Как же встретили австрийцы своих освободителей? В официальных сообщениях с венского театра военных действий приводились факты поддержки населения наступающих войск Красной армии. В освобожденных городах жители вывешивали государственные флаги СССР и Австрии. Например, в населенном пункте Вейхерсдорф навстречу бойцам Красной армии вышли более двухсот студентов с флагами и приветственными лозунгами, а население города Эйзенштадт отказалось от эвакуации, проводимой немцами. В ходе боев за Вену жители города вылавливали спрятавшихся и переодетых немецких солдат и офицеров, расчищали завалы на улицах, помогая продвижению войск⁴. При штурме Вены 6 апреля местные патриоты осуществили покушение на отвечавшего за оборону столицы генерал-полковника войск СС Зеппа Дитриха, который, используя венскую радиостанцию, призывал жителей «сопротивляться до последних сил».

Успеху наступательных действий Красной армии и установлению демократических институтов на территории стран, освобожденных от фашистского порабощения, способствовали действия советской военной контрразведки. Для ограждения штабов и других структур наступающих войск, очистки тыла Красной армии от враждебных элементов действовали специальные оперативные группы. Усиленные войсками НКВД по охране тыла Действующей армии, они осуществляли меры по охране коммуникаций и промышленных объектов, выявляли и арестовывали участников различных вражеских организаций, бандитско-повстанческих групп вооруженного подполья, изымали склады оружия, предназначенные для диверсионной работы. Фронтвые и армейские оперативные группы выявляли и арестовывали лиц, принадлежавших к командному и оперативному составу армейских и полицейских органов, различным фашистским организациям, сотрудников тюрем, концлагерей, прокуроров, следователей, членов военных судов и трибуналов, редакторов газет и журналов, участников антисоветских групп и национальных формирований немецко-фашистской армии. В ходе продвижения советских войск по австрийской территории такую работу в основном проводила оперативная группа Управления контрразведки «Смерш» 3-го Украинского фронта во главе с генерал-лейтенантом П.И. Ивашутиным. В её составе были оперативные сотрудники, следователи, переводчики и бойцы приданных войск НКВД, а также привлеченные

для розыска военных преступников и других представителей фашистского режима опознаватели из числа местного населения. Некая фрау Стефания, о которой писала «Правда», передала советскому офицеру записку от одной из групп сопротивления, другие рядовые австрийские граждане оказывали помощь Красной армии при ликвидации очагов сопротивления гитлеровцев и их подполья⁵.

По окончании войны оперативно-разыскные мероприятия и шаги по установлению демократического режима в Австрии осуществлял аппарат уполномоченного НКВД СССР при Центральной группе войск в Австрии, Венгрии и Чехословакии (его возглавлял заместитель начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР П.Я. Мешик), а после образования МГБ СССР – Управление контрразведки Центральной группы войск и Инспекция МГБ при Союзной контрольной комиссии в Австрии.

Как известно, после освобождения Австрия была поделена на четыре зоны, и управление страной временно осуществлялось союзническим Советом четырех военных комиссаров союзных оккупационных сил. Совет был учрежден 4 июля 1945 г. Европейской консультативной комиссией на основании соглашения держав-победительниц о контрольном механизме в Австрии. Все учреждения и структуры, включая и советскую военную контрразведку, действовали в правовом поле, определенном решениями этих высших органов управления страной. Разумеется, что каждый комиссар действовал также согласно инструкциям, данным своими правительствами.

Важнейшими задачами союзнических органов власти было проведение демократизации, демилитаризации и дефашизации Австрии, обеспечение курса на создание независимого австрийского государства. Процесс взаимодействия союзников не всегда протекал гладко. В сообщении английского агентства «Рейтер» в июне 1945 г. с горечью констатировалось, что английские, американские и французские военные миссии в Вене покинули столицу Австрии и вернулись в свои штабы и поэтому «существовавшая ранее надежда, что вслед за ними в Вену прибудет контрольная комиссия союзников в полном составе, не оправдалась»⁶. В конце концов, в связи с тем, что столицу Австрии в соответствии с соглашениями требовалось разделить на четыре сектора, 9 мая 1945 г. в Вене было принято решение о создании Межсоюзнической комендатуры, как очень важного органа по поддержанию общественного порядка, решения административных и бытовых вопросов населения. 23 августа 1945 г. состоялось первое совещание четырех Главнокомандующих союзными войсками в Австрии, а через четыре дня были приняты конкретные решения по денацификации и определен срок составления с участием центральной австрийской администрации списков нацистов. В конце апреля было создано Временное австрийское правительство с участием всех антифашистских партий⁷. Помимо решения основных задач по установлению новой власти в Австрии, союзники столкнулись с народнохозяйственными

проблемами. Первое время очень остро стояли вопросы снабжения населения. На заседаниях Союзного совета, проводившихся в конце 1945 г., они занимали немало места.

К деятельности спецслужб в первую очередь относились проблемы, которые затрагивали политические аспекты возрождения Австрии. Так, в сентябре Союзный совет регламентировал деятельность демократических политических партий, которая должна была развиваться в русле поддержки независимости Австрии, борьбы с нацистской идеологией во всех видах и формах, строгого соблюдения общественного порядка и пресечения всякой деятельности против оккупирующих держав и их войск. Все новые партии, за исключением социалистической, коммунистической и народной партий, должны были предоставлять свои программы на рассмотрение Союзнического совета⁸.

20 сентября 1945 г. на третьем очередном заседании Союзнического совета в числе других рассматривали проблему свободного передвижения по всей территории Австрии. Представители учреждений и частные лица получили право такого передвижения по неотложным делам по специальным пропускам. Выезды в город Вены и в города дислокации штабов союзных войск были ограничены. Кроме того, союзные представители рассмотрели вопрос о почте, телефоне и телеграфе. Функционирование этих видов связи было разрешено, но при условии обязательного контроля в зонах оккупации, как отмечалось, «согласно существующих инструкций своих правительств о военной цензуре»⁹.

В октябре 1945 г. представитель американского командования генерал Грюнтер в письме, адресованном заместителю командующего советскими войсками в Австрии, начальнику штаба советской части союзнической комиссии (СЧСК) генерал-майору Морозову И.С., предложил рассмотреть на последующих заседаниях исполкома вопросы о цензуре связи и сообщений, а также по установлению надзора за австрийской полицией. Он поддержал введение союзнического контроля за проездом по железным дорогам и другим коммуникациям¹⁰. Для цензуры отправок создавалась Венская цензурная станция. Станция была укомплектована австрийскими специалистами. Работа цензоров строго регламентировалась инструкциями по всем видам почтовой, телеграфной и радиосвязи¹¹.

В декабре 1945 г. решением Исполкома союзнической комиссии были распущены все военизированные организации и запрещена всякая военная деятельность в Австрии. Одновременно положительно рассмотрен вопрос об уничтожении в стране фашистской литературы, одобрена резолюция о чистке от нацистов государственных и хозяйственных учреждений Австрии¹². Наличие этих и других важных решений позволяло военным оккупационным властям, союзным войскам и их спецслужбам вести работу по выполнению основных задач, связанных с управлением австрийской территорией в переходный период. Как решались эти задачи каждой из союз-

ных держав, является самостоятельной темой исследования. В настоящем докладе ставится задача охарактеризовать содержание некоторой части архивных материалов по проблеме, отложившихся в фондах Центрального архива ФСБ России.

Так как выявление и сбор документов в настоящее время еще продолжается, полагаем возможным остановиться на документах военной контрразведки центрального аппарата ГУКР «Смерш» НКО СССР, 3-го Управления МГБ СССР, а также материалах, подготовленных их официальными представителями в Инспекции советской части союзнической комиссии по Австрии. На сегодня процедуру рассекречивания прошли 60 документов, в числе которых докладные записки ГУКР «Смерш» НКО СССР и МГБ СССР в инстанции, докладные записки, спецсообщения, справки, направленные в центр из органов военной контрразведки 3-го Украинского фронта и Центральной группы войск.

В первую очередь следует выделить документы, содержащие сведения о внутривнутриполитическом положении в Австрии. Можно отметить важную докладную записку начальника УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта П.И. Ивашутина, переданную 21 апреля 1945 г. по ВЧ-связи на имя В.С. Абакумова, о положении в Вене. Помимо подробных данных о разрушениях в столице и положении населения, охарактеризованы действия вновь назначенных бургомистров по восстановлению торговли и снабжения жителей столицы. «Постепенно начинается торговля... В большинстве районов временная власть пытается наладить отпуск хлеба... Торговцы в большинстве случаев охотно принимают австрийские шиллинги и военные венгерские пенго, отказываются брать немецкие марки... Принятыми мерами дан электросвет ряду жилых помещений в половине районов Вены»¹². Отмечается хорошее отношение большинства венцев к советским солдатам и офицерам, но наряду с этим сообщается о протестах, связанных с фактами мародерства. Записка из УКР «Смерш» фронта от 3 мая информировала руководство советской военной контрразведки о проведении во всех районах Вены демонстрации жителей по случаю 1-го Мая. Как отмечалось, «жители большими группами стояли на панелях и душевно приветствовали демонстрантов»¹³.

Большой интерес представляет аналитическая справка начальника Инспекции советской части союзнической комиссии подполковника Богданова от 18 мая 1947 г. о внешних и внутренних силах «австрийской реакции», выступавших против процесса демократизации в Австрии¹⁴. Такого рода информацию содержит спецсообщение от 9 сентября 1947 г. о появлении в австрийской печати антисоветских и антикоммунистических статей, о выступлениях отдельных лидеров политических партий и государственных деятелей относительно «коммунистической угрозы»¹⁵. В спецсообщении помощника начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР Розанова от 22 марта 1946 г. о настроениях в Вене в связи

с речью Черчилля и интервью И.В. Сталина дана характеристика позиции разных слоев населения, отрицавших призывы к холодной войне или, наоборот, приветствовавших конфронтацию союзных держав¹⁶. Обобщенные данные о ходе денацификации в Австрии приведены в сообщении начальника инспекции советской части союзнической комиссии от 3 июля 1946 г.

На 1 апреля 1945 г., с учетом потерь на фронтах, пленных и бежавших в другие страны, общее количество нацистов составляло 850 тысяч, после прихода Советской армии в Австрию в советской зоне оставалось не менее 240 тысяч, а после Закона от 8 мая 1945 г. в Вене и советской зоне оккупации к 1 июня 1946 г. зарегистрировалось 210 тысяч и поэтому минимум 30 тысяч ушли в подполье. В зонах, оккупированных союзниками, зарегистрировано 304 тысячи 360 нацистов, поэтому из общего числа в 850 тысяч зарегистрировано только 514 тысяч 360, а остальные на регистрацию не явились. Далее в документе указывались цифры осужденных австрийскими народными судами в советской зоне оккупации (570 чел.), а в зонах союзников их судили военные трибуналы союзных оккупационных властей по законам своих стран (англичане осудили около 2500 чел., американцы – около 1600 чел., французы – около 400 чел.)¹⁷. И в дальнейшем эта тема продолжала интересовать контрразведчиков. 12 марта 1948 г. начальник УКР МГБ Центральной группы войск М.И. Белкин в Инспекцию советской части союзнической комиссии передал информацию о существовании на территории Австрии разветвленной нелегальной нацистской организации, указав конкретные факты и имена¹⁸.

Тесным образом к документам, характеризующим внутривнутриполитическое положение, примыкает группа материалов, где сосредоточены сведения о политических партиях и организациях, составлявших широкий спектр взглядов на демократизацию общественной жизни. Такого рода документов в рассекреченной подборке большинство. Наиболее подробно охарактеризованы три главные партии: социал-демократическая, народная и коммунистическая. На первом этапе всеми союзными державами они признавались демократическими. В спецсообщении помощника начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-майора Болотина от 25 апреля 1945 г. отмечалось, что в соответствии с союзническими обязательствами вопросами формирования австрийского правительства занимается советское командование¹⁹. Формирование кабинета было поручено социал-демократу Карлу Реннеру, который 24 апреля предложил состав из представителей названных демократических партий, дополнительно – от христианской социальной (католической) партии и крестьянского союза. Народная партия, выступившая против коммунистов, представлена не была. Позиция этой партии охарактеризована в документах, полученных от начальника Инспекции советской части союзнической комиссии по Австрии генерал-майора Розанова 12 сентября и 21 октября 1945 г., также включенных в подборку²⁰. Против

сформированного правительства выступили участники политической организации «Движение порядка» («О.Б.»), которую возглавлял адвокат доктор Антош. Бывшие участники сопротивления и узники фашистских концлагерей, входившие в состав «О.Б.», тяготели к Народной партии, были против сотрудничества с коммунистами, придерживаясь англо-американской ориентации. Этой и другим организациям подобного рода посвящен объемный доклад начальника Инспекции СЧСК по Австрии подполковника Богданова от 14 ноября 1946 г., адресованный заместителю министра госбезопасности Н.Н. Селивановскому²¹. Имеются и другие документы по этой проблематике. В частности, представлены материалы об Австрийской Народной партии (АНП) и ее политике после победы на выборах в ноябре 1945 г.

Тема проведения выборов встречается в документах довольно часто. В этом плане интересна докладная записка подразделений пропаганды и антифашистских демократических партий СЧСК по Австрии члену Военного совета Центральной группы войск, заместителю военного комиссара СЧСК генерал-полковнику А.С. Желтову от 23 ноября 1945 г. относительно позиции социалистической, народной и коммунистической партий накануне первых выборов этого года²².

Естественно, что немало места в информационных документах отводилось деятельности социал-демократов. Представлены следующие документы: об одном из первых предвыборных собраний в клубе «Сокол» в Вене 24 ноября 1945 г.; о строительной программе партии по экономическому возрождению Австрии от 4 июля 1946 г.; о взглядах на внутреннюю и внешнюю политику партии от 19 ноября 1946 г.; о закрытом заседании секретариата ЦК социалистической партии с участием президента Реннера от 15 мая 1947 г.²³.

Определенный интерес могут представлять документы о монархических кругах Австрии, вынашивавших планы реставрации. В частности, речь идет о членах организации «Кольцо австрийской золотой медали храбрости». К спецсообщению начальника УКР «Смерш» ЦГВ генерал-лейтенанта Н.А. Королева от 24 января 1946 г. приложен русский перевод обращения и программных требований организации²⁴. Об активизации ее деятельности по сплочению монархических организаций, связях с католической церковью и ориентировании на США говорится в спецсообщении Богданова от 15 января 1947 г.²⁵. В числе монархических организаций, одержимых идеей реставрации, в спецсообщении заместителя начальника УКР «Смерш» ЦГВ генерал-майора Бударева от 23 апреля 1946 г. отмечен «Австрийский государственный союз»²⁶. В архиве имеется справка 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР от 27 мая 1947 г. о попытках клерикальных кругов создать т.н. «католический блок» и вновь образовать в Австрии христианско-демократическую партию американской ориентации²⁷.

В широком спектре политических партий и движений были представлены и анархические, в частности, «Общество социологического изучения

и пропаганды», созданное в апреле 1946 г. и выступавшее за объединение со своими единомышленниками за рубежом. Об этой организации говорится в справке исполняющего обязанности начальника Инспекции СЧСК по Австрии майора Валухова от 15 декабря 1947 г.²⁸. В архивных документах упоминается «Австрийская лига демократических борцов за свободу», проводившая работу среди т.н. «правдиво настроенных австрийцев» из числа бывших борцов за свободу в годы оккупации, но не связанных с какой-либо партией. К спецсообщению УКР «Смерш» ЦГВ в ГУКР «Смерш» НКО СССР от 12 февраля 1946 г. приложены русский перевод устава этой лиги, а также обращения и другие материалы на немецком языке²⁹. В специальной справке Отдела военной цензуры МГБ в Австрии от 26 июня 1947 г. отмечена деятельность союза «Молодежь святого Христофора», объединявшего юношей и девушек в возрасте от 10 до 18 лет из числа католиков, независимо от их состояния, классовой и партийной принадлежности. Имеются также документы о других молодежных организациях: справка от 12 мая 1945 г. о попытке в 4-м районе Вены возродить молодежную профашистскую организацию, которая в период немецкой оккупации функционировала как национал-социалистское студенческое объединение; справка 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР от 10 октября 1946 г. о скаутском движении³⁰.

Следует обратить внимание на докладную записку начальника Инспекции СЧСК подполковника Богданова от 11 декабря 1946 г. о студенческой молодежи, о состоянии вузов, их засоренности прогерманскими элементами и требованиях австрийских рабочих о чистке высших школ³¹. В этом же информационном документе отмечалось, что после инцидента во время выборов в Венском университете, когда колонна рабочих демонстрантов приблизились к учебному заведению с требованиями удаления профашистских профессоров и студентов, полиция пыталась не допустить беспорядков. Некоторые круги, как сказано в сообщении, рассчитывали на беспорядки, чтобы обвинить полицию, состоявшую в то время из значительного процента коммунистов, в неспособности владеть ситуацией. Отчет полиции в Министерстве внутренних дел о причинах конфликта вызвал различные толки и предложение о реорганизации, было начато расследование против руководителя госполиции коммуниста доктора Дюрмайера. Вторая часть этого большого документа от 11 декабря 1946 г. посвящена работе полиции в целом и вызывает несомненный интерес.

Достаточно большая группа архивных документов связана с проблемой формирования австрийской армии. В числе информационных материалов о нелегальных действиях в этом направлении временного австрийского правительства можно отметить сообщения помощника начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-майора Розанова от 13 декабря 1945 г. и 13 февраля 1946 г.; справку начальника УКР МГБ СССР Центральной группы войск Н.А. Королева от 15 июня 1946 г.; запрос 3-го Главного

управления МГБ СССР от 6 июля 1946 г. начальнику Инспекции СЧСК по Австрии Богданову и ответ Инспекции от 25 июля 1946 г.; справку 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР от 6 августа 1946 г. и, наконец, докладную записку министру госбезопасности С.Д. Игнатьева И.В. Сталину от 13 августа 1952 г.³².

Обстановка «холодной войны», безусловно, влияла на отношения бывших союзников, и это сказывалось на их взаимодействии в зонах оккупации Австрии. Разумеется, что советская военная контрразведка по возможности отслеживала информацию о позициях и действиях западных держав. В записках Богданова Верховному комиссару СЧСК по Австрии генерал-полковнику Курасову от 14 марта и 30 мая 1947 г. содержится оценка мнения одного из лидеров Народной партии Шуми относительно позиции английских деятелей Эттли и Бевина по вопросу о заключении государственного договора с Австрией. Англичане полагали, что «судьба Австрии будет решаться в Москве», и при встрече в Лондоне с лидером социалистов доктором Шерфом говорили, что Москва якобы вынашивает планы «будущей европейской революции»³³.

Дальнейшее развитие событий показало, что позиция СССР в австрийском вопросе отличалась последовательностью и в конечном счете, привела к образованию независимой нейтральной Австрии. Эта важная для австрийского народа проблема решилась именно в Москве, когда был подписан Государственный договор. Позитивную роль СССР в переговорах великих держав признавал видный государственный деятель Курт Вальдхайм. «В то время, как на Западе рассматривали приглашение в Москву как тактический маневр, – писал он, – австрийское правительство считало, что Советский Союз имеет серьезные намерения». По его мнению, заключение договора в то время подтверждало «искренность советской мирной внешней политики»³⁴. В документах, выявленных в Центральном архиве ФСБ России, имеются и другие фактические данные о разногласиях союзных держав. Например, как видно из справки генерал-майора И.С. Розанова от 8 января 1946 г., американцы в местечке Эбензее в 20 км от Зальцбурга содержали интернированных военнослужащих 4-й танковой дивизии СС, а во французской зоне находились солдаты польской армии и эстонского легиона, одетые в форму французских военнослужащих³⁵.

Понятно, что наиболее емко содержание этих разногласий и взаимных подозрений можно проследить по материалам союзнического совета и созданных им структур. Но эти материалы в большинстве своем отложились в самых разных российских архивах.

В заключение можно отметить следующее: Документы военной контрразведки представляют собой важный исторический источник о событиях, связанных со становлением независимого австрийского государства. При оценке полноты и достоверности документов спецслужб следует учитывать специфику этого комплекса документной информации,

полученной, как правило, оперативным путем. Информационные документы ГУКР «Смерш» НКО СССР и МГБ СССР отражают политику советского государства, а также позволяют проследить эволюцию взглядов союзных держав в австрийском вопросе и тактику их практических действий при решении этой проблемы в первые послевоенные годы.

Наличие в документах большого количества фактов и персоналий диктует необходимость значительных усилий историков и архивистов для подготовки комментариев и другого научно-справочного аппарата. Можно надеяться, что совместными усилиями мы избежим идеологизации проблемы и перекосов в трактовке событий в ту или иную сторону.

¹ «Правда». 2 ноября 1943 г.

² «Правда». 7 апреля 1945 г.

³ См.: «Правда». 14 апреля 1945 г.

⁴ См.: «Правда». 9, 13 апреля 1945 г.

⁵ См.: «Правда». 13, 14 апреля 1945 г.

⁶ «Правда». 22 июня 1945 г.

⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 0451. Оп. 1. Д. 6. П. 1. Л. 94.

⁸ АВП РФ. Ф. 0451. Оп. 1. Д. 6. П. 1. Л. 136–137.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 27.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0451. Оп. 1. Д. 6. П. 1. Л. 122.

¹¹ АВП РФ. Ф. 0451. Оп. 1. Д. 6. П. 1. Л. 202.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1435. Л. 7.

¹³ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1435. Л. 47.

¹⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 29. Л. 117–147.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 5. Д. 870. Л. 172–181.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 5. Д. 869. Л. 123–132.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 125–126.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 37. Л. 100–106.

¹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–17.

²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 135. оп.1. Д. 23. Л. 19, 36–37.

²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1441а. Л. 94–104.

²² ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 21. л. 100–113.

²³ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 28–29. Д. 21. Л. 57–63. Д. 23. Л. 223–225. Д. 29. Л. 88–90.

²⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1442а. Л. 1–19.

²⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1442а. Л. 59–66.

²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1442а. Л. 48–49.

²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1442а. Л. 81–82.

²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 5. Д. 873. Л. 17–24.

²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1441а. Л. 45–59.

³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 40. Л. 118–122. Д. 2. Л. 56–58. Ф. 4. Оп. 5. Д. 869. Л. 567–568.

³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 18. Л. 412–422

³² ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 13. Л. 335–340. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1441а. Л.35–39., 79–84. Ф. 135. Оп. 1.

Д. 22. Л. 80–80 об. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1441. Л. 83–90. Ф. 4ос. Оп. 10. Д. 41. Л. 66–68.

³³ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 29. л. 12–15, 201–207.

³⁴ *Вальдхайм Курт*. Австрийский путь. – М., 1976. – С. 89, 209.

³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 61.

СОВЕТСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА НА ТЕРРИТОРИИ АВСТРИИ

*Тезисы выступления на международной конференции
«Между освобождением и свободой:
советская оккупационная зона в Австрии. 1945–1955 гг.»
г. Грац (Австрия), 25 апреля 2005 г.*

К началу 1945 г. в армейских органах безопасности накопился достаточный опыт оперативных действий по предупреждению и пресечению подрывных акций разведок и диверсионных групп противника в расположении частей и соединений Красной армии. Ведение наступательных операций по всему фронту западного театра военных действий предопределило создание стройной системы гласных и негласных мер. Используя оперативные возможности, органы безопасности получали информацию о политическом и экономическом положении в государствах, воевавших на стороне гитлеровского рейха, необходимую политическому руководству СССР и военному командованию для принятия решений по денацификации и демилитаризации и демократизации в освобожденных странах.

В ходе военных действий и в процессе установления режима оккупации основная информация поступала от армейских аппаратов органов военной контрразведки Действующей армии. Для розыска вражеской агентуры и диверсантов в районах действий советских войск создавались специальные оперативные мобильные группы в населенных пунктах и на коммуникациях, ведущих к линии фронта.

Усиленные войсками НКВД по охране тыла Действующей армии, они охраняли промышленные объекты, дороги и линии связи, выявляли и арестовывали участников враждебных организаций, бандитско-повстанческих групп и вооруженного подполья, изымали склады оружия. Фронтовые и армейские оперативные группы проводили аресты членов фашистских организаций, прокуроров, следователей, сотрудников тюрем, концлагерей, военных судов и трибуналов и др. Среди арестованных были представители командного и оперативного состава армейских и полицейских органов. Осуществляя очистку тыла Красной армии, оперативно-розыскные группы ограждали штабы и другие структуры наступающих войск.

В ходе продвижения частей и соединений Красной армии по австрийской территории такую работу проводили оперативные группы

управлений контрразведки (УКР) «Смерш» 2-го и 3-го Украинского фронтов. В их составе были оперативные сотрудники, следователи, переводчики, бойцы приданных войск НКВД, а также привлеченные для розыска военных преступников и других представителей фашистского режима опознаватели из местного населения. Начальники фронтовых управлений контрразведки, генералы Н.А. Королев и П.И. Ивашутин, после окончания войны возглавили Управления контрразведки Центральной группы в Австрии и Южной групп советских войск в Румынии. В 1947 г. Н.А. Королева в Австрии сменил генерал М.И. Белкин.

Как известно, после освобождения Австрия была разделена на четыре зоны, и управление страной временно осуществлялось Союзническим советом четырех военных комиссаров союзных оккупационных сил. Совет был учрежден 4 июля 1945 г. Европейской консультативной комиссией на основании соглашения держав-победительниц о контрольном механизме в Австрии. Все учреждения и структуры, включая и советскую военную контрразведку, действовали в правовом поле, определенном решениями этих высших органов управления страной. Разумеется, что каждый комиссар действовал также согласно инструкциям своего правительства, а руководители органов безопасности руководствовались при этом ведомственными нормативными документами, регламентировавшими оперативно-разыскную и следственную работу.

В архивах ФСБ России находятся на хранении сообщения органов военной контрразведки первых послевоенных лет. Все сведения политического и оперативного характера из отделов контрразведки армий, корпусов, дивизий и бригад, находившихся в Австрии, поступали в управления контрразведки войск «Смерш» 2-го и 3-го Украинских фронтов. Наиболее важные сообщения и доклады по указанию министра В.С. Абакумова направлялись в виде докладных записок в адрес высших партийных и государственных инстанций и в Генеральный штаб. Аппарат Инспекции советской части Союзнической комиссии по Австрии имел право докладывать также непосредственно министру госбезопасности и в 3-е Главное управление (военная контрразведка).

Армейские контрразведчики и представители аппарата Инспекции постоянно информировали о результатах своей деятельности Верховного комиссара советской части Союзнической комиссии по Австрии генерал-полковника Курасова В.В. и его заместителя генерал-полковника Желтова А.С. Информация направлялась в военные советы фронтов, командирам армий, дивизий и т.д.

14 апреля 1945 г. П.И. Ивашутин в докладной записке на имя В.С. Абакумова сообщил, что в процессе фильтрационной работы на фронтовом сборном пункте военнопленных был выявлен штатный агент германского разведцентра «Абверштелле Вена», Рольф Буркхард, который вел разведывательную и контрразведывательную работу на судах Дунайского паро-

ходства. Он дал развернутые показания о деятельности территориального органа Абвера на Балканах, его официальном составе и подготовке агентуры. Буркхард рассказал, что с конца 1944 г. «СС Ягдфербанд Зюд-Ост» возглавил известный организатор спецопераций СС Отто Скорцени¹.

3 марта 1945 г. в нейтральной полосе обороны восточнее венгерского города Секешфехервар сотрудниками отдела «Смерш» 4-й Гвардейской армии были задержаны два агента-диверсанта Эбрейсдорфской школы, располагавшейся в Австрии. Ими оказались ранее известные по оперативному розыску венгерские подданные, члены т.н. легиона смерти «Нилош Керестеш». У них изъяли 20 кг тола, 12 ручных гранат и обрезки бикфордова шнура, а также специальные пропуска для возвращения на сторону немецких войск². Известно, что была предпринята попытка использования контактов с австрийцем, майором германской армии Карлом Сцоккелем, который, будучи офицером Генерального штаба при 17 армейском корпусе по своей инициативе готовил выступление сил Сопrotивления при подходе частей Красной армии к Вене.

После освобождения Австрии не прекращался активный розыск и выявление агентуры противника, а также оказавшихся на территории этого государства предателей и активных пособников, бежавших вместе с гитлеровскими войсками с территории СССР. 19 мая 1945 года начальник ГУКР «Смерш» 2-го Украинского фронта доложил В.С. Абакумову об аресте командира 322 полицейского батальона Иоганна Вацка, который в начале войны с Советским Союзом вместе со своим подразделением в составе карательной группы под командованием начальника СС и полиции армий группы «Центр» фон Баха принимал участие в расстрелах мирного населения и грабежах в Белостоке, Беловеже, Слуцке, Минске, Могилеве и Смоленске. Так, в октябре 1941 года немецкий карательный батальон согнал в лес за город Могилев и расстрелял до 3-х тысяч евреев. Из них более 300 человек было расстреляно взводом под командованием Вацка³.

Военными контрразведчиками были приняты меры к недопущению проникновения вражеской агентуры в расположение советских войск с территории, занятой союзными войсками. В местах дислокации частей и соединений Красной армии активно действовали комендатуры и проводилось прочесывание местности с целью задержания скрывающихся подозрительных лиц, изъятия у них оружия, боеприпасов, раций и другого снаряжения. По данным ОКР «Смерш» 57-й армии, в ночь на 14 мая 1945 года при участии армейских частей и пограничного полка войск НКВД такая операция была проведена в городе Грац. В результате были задержаны 470 человек, изъято 65 винтовок и карабинов, 29 пистолетов, 103 гранаты, 1515 боевых патронов, 5 пулеметов и 1 автомат.

Всего в течение мая было разыскано, задержано и разоблачено 170 агентов спецслужб противника. Среди них 2 радиста, 102 диверсанта,

52 террориста, у которых было изъято большое количество вооружения. Кроме того, отделами «Смерш» 104-го стрелкового корпуса изъято около 8 тонн взрывчатых материалов, значительное количество оружия, боеприпасов, предметов вещевого и продовольственного снабжения⁴.

В докладной записке начальника УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта сообщались подробные сведения относительно создания абверовской структуры в Вене и об организации немцами в Вене подполья под видом «партизанских коммунистических групп»⁵. По показаниям задержанного резидента гестапо Вильгельма Энгеля советские контрразведчики арестовали в Вене 11 агентов, оставленных с заданиями диверсионно-террористического характера. Только за 15 апреля оперативной группой УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта в Вене были задержаны 57 человек, в большинстве членов фашистской партии, занимавших руководящие посты в районных организациях⁶.

При подходе советских частей к столице Австрии в городе имелись очаги сопротивления. В ходе боев за Вену жители города вылавливали спрятавшихся и переодетых немецких солдат и офицеров, расчищали завалы на улицах, помогая продвижению войск⁷. 6 апреля при штурме Вены местные патриоты осуществили покушение на отвечавшего за оборону столицы генерал-полковника войск СС Зеппа Дитриха, который, выступая по радио, призывал жителей «сопротивляться до последних сил».

Органы «Смерш» отслеживали и докладывали в Москву информацию о настроениях различных слоев австрийского населения при вступлении советских войск. Так, в докладных записках отделов контрразведки «Смерш» 48-й и 57-й армий отмечалось, что в целом народ не желал продолжения войны и рассматривал Красную армию как армию-освободительницу. Террор и разгром всех демократических институтов стали причиной привлечения австрийских граждан в фашистскую партию, мобилизации «в обязательном порядке» мужского населения в армию, «фольксштурм» или другие полувоенные организации.

Сотрудники советской военной контрразведки учитывали, что при отходе войск противника отдельные лица могли участвовать в шпионских, диверсионных и террористических акциях под угрозой расправы или в результате воздействия немецкой пропаганды⁸. В справке ОКР «Смерш» 46-й армии от 12 апреля 1945 года при оценке настроений жителей города Брук отмечалось, что несмотря на запугивание, народ не стал эвакуироваться с немцами; бежали фашистские активисты, занимавшие ответственные посты, и граждане, скомпрометированные связями с немцами. Руководители местного «фольксштурма» до прихода Красной армии покинули город, а рядовые участники разошлись по домам и никакого сопротивления советским войскам не оказали. Около 400 женщин – жительниц города – вышли на демонстрацию с призывами против эвакуации. Они начали кидать яйца и другие предметы в кабинет бургоми-

стра, а на церкви вывесили белую простыню в знак капитуляции и сдачи города без боя⁹.

Важной задачей, которую решала военная контрразведка, являлось выявление, предупреждение и пресечение правонарушений советскими военнослужащими. Вместе с комендантскими службами выявлялись и пресекались факты мародерства и другие уголовные преступления в отношении местного населения. Об этом информировались военные советы и политорганы для принятия соответствующих мер. В докладной записке ОКР «Смерш» 26-й армии от 6 мая 1945 года сообщалось о просьбе бургомистра района Таернберг Иоганна Ланго оказать содействие в предотвращении самочинного изъятия у граждан имущества. В связи с этим в хутора и населенные пункты, где чинились безобразия, были направлены оперативные работники и бойцы взвода «Смерш» 135-го стрелкового корпуса. Военные контрразведчики задержали 15 рядовых военнослужащих 188-го армейского запасного стрелкового полка, которые, как было установлено, при следовании из госпиталей из-за халатности офицеров за неимением продуктов питания занимались самоснабжением¹⁰. За совершение правонарушения и преступления военнослужащие привлекались к административной и уголовной ответственности. Так, по данным УКР «Смерш» Южной группы войск, один из командиров разведроты за самовольный обыск на квартире жителя села Унгер-Масину и насилие над женщиной был арестован и осужден трибуналом¹¹.

С мая 1945 года Вена была поделена на четыре сектора, где стала функционировать Межсоюзническая комендатура для поддержания общественного порядка, решения административных и бытовых вопросов населения. С этих пор, в частности, в спецсообщениях Инспекции советской части Союзнической комиссии по Австрии, стали поступать сведения о поведении союзников в столице. Местные жители столкнулись с тем, что представители союзнических войск для своих нужд бесцеремонно выгоняли австрийцев из квартир, а городских чиновников – из учреждений¹².

Информируя советских представителей в Австрии, а также вышестоящие инстанции в Москве, органы безопасности сообщали сведения по широкому спектру имеющихся проблем. Готовились аналитические доклады и записки о восстановлении экономики, о сложных внутривосточных процессах в стране, борьбе политических партий и организаций, позиции военных и клерикальных кругов на пути к независимости. Регулярно направлялась информация о деятельности Союзнической комиссии. Помимо решения основных задач по установлению новой власти в Австрии, союзники столкнулись с народнохозяйственными вопросами. На заседаниях Союзного совета, проводившихся в конце 1945 года, они занимали немало места. 23 августа 1945 года состоялось первое совещание четырех Главнокомандующих союзными войсками в Австрии, а через четыре дня были приняты конкретные решения по денацификации и с участием центральной

австрийской администрации определен срок составления списков нацистов. В конце апреля было создано Временно австрийское правительство, в состав которого вошли все антифашистские партии¹³. В сентябре Союзнический совет рассмотрел вопрос о деятельности демократических политических партий, которая должна была развиваться в русле поддержки независимости Австрии, борьбы с нацистской идеологией во всех видах и формах, строгого соблюдения общественного порядка и пресечения действий против оккупирующих держав и их войск. Все новые партии, за исключением социалистической, коммунистической и народной, должны были представлять свои программы на рассмотрение Союзнического совета¹⁴. 20 сентября 1945 года на очередном заседании Союзнического совета в числе других рассматривалась проблема свободного передвижения по всей территории Австрии. Представители учреждений и частные лица получили право такого передвижения по неотложным делам по специальным пропускам. Выезды в город Вены и в города дислокации штабов союзных войск были ограничены. Кроме того, союзные представители рассмотрели вопрос о почте, телефоне и телеграфе. Функционирование этих видов связи было разрешено, но при условии обязательного контроля в зонах оккупации, как отмечалось, «согласно существующих инструкций своих правительств о военной цензуре»¹⁵.

В октябре 1945 года представитель американского командования генерал Грюнтер в письме, адресованном заместителю командующего советскими войсками в Австрии, начальнику штаба советской части Союзнической комиссии генерал-майору Морозову И.С., предложил рассмотреть на последующих заседаниях исполкома вопросы о цензуре связи и сообщений, а также по установлению надзора за австрийской полицией. Он поддержал введение союзнического контроля за проездом по железным дорогам и другим коммуникациям¹⁶. Для цензуры отправок создавалась Венская цензурная станция, которая была укомплектована австрийскими специалистами. Работа цензоров строго регламентировалась инструкциями по всем видам почтовой, телеграфной и радиосвязи¹⁷.

Аппарат МГБ СССР (Инспекция) в Союзнической комиссии и военная контрразведка Центральной группы войск предоставляли подробные данные о внутреннем положении в Австрии, о деятельности главных политических партий, в частности, социал-демократической, народной и коммунистической. В спецсообщении помощника начальника ГУКР «Смерш» НКО СССР генерал-майора Г.С. Болотина от 25 апреля 1945 года отмечалось, что в соответствии с союзническими обязательствами вопросами формирования австрийского правительства занимается советское командование. Формирование кабинета было поручено социал-демократу Карлу Реннеру, который 24 апреля предложил состав из представителей названных демократических партий, дополнительно – от христианской социальной (католической) партии и крестьянского союза¹⁸. Народная партия, выступившая против ком-

мунистов, представлена не была. Позиция этой партии охарактеризована в докладах Инспекции от 12 сентября и 21 октября 1945 года. В документах указывалось, что лидер партии Отмар Зайдлингер 8 сентября провел совещание руководящего состава с англо-американскими представителями оккупационных армий об уходе войск из Австрии, а руководители народной партии в Нижней Австрии Фигель и Каргель присутствовали на нелегальном собрании в г. Кремсе, где шла речь о ведении пропаганды в деревне «за завоевание масс». Одновременно указывалось, что «народники» требовали допуска к выборам рядовых членов фашистской партии¹⁹.

Сообщения и аналитические документы по проблеме проведения выборов поступали неоднократно. В докладной записке подразделений пропаганды и антифашистских демократических партий советской части Союзной комиссии (СЧСК) по Австрии от 23 ноября 1945 года были подробно изложены позиции социалистической, народной и коммунистической партий накануне первых выборов этого года²⁰. В документе отмечалось выступление канцлера Карла Реннера 28 октября на конференции социалистической партии и 2 ноября на предвыборном собрании с критикой им народников и коммунистов, о выпуске избирательного воззвания Народной партии с призывами о социальной справедливости и отрицательного отношения к социализации крупной промышленности, о партийной конференции компартии 27 октября и ее предвыборной кампании, опубликовании коммунистами обращения к народу, в котором содержались требования о национализации крупных предприятий, обеспечения твердой валюты, работы, жилья и семьи.

Начальник Инспекции генерал-майор Розанов в августе 1945 года докладывал В.С. Абакумову, что против сформированного правительства выступили участники политической организации «Движение порядка» («Ordnungsbewegung» – «О.Б.»), которую возглавлял адвокат доктор Антош. Бывшие участники сопротивления и узники концлагерей, входившие в состав «О.Б.», тяготели к Народной партии, были против сотрудничества с коммунистами, придерживаясь англо-американской ориентации²¹.

Помимо информации о деятельности основных политических партий, спецслужбы сообщали о других партиях и организациях, идеологический спектр которых был достаточно широким. Например, речь шла о монархических кругах Австрии, вынашивавших планы реставрации. В частности, о членах организации «Кольцо австрийской золотой медали храбрости». В спецсообщении начальника УКР «Смерш» ЦГВ генерал-лейтенанта Н.А. Королева от 24 января 1946 года был представлен перевод на русский язык обращения и программных требований этой организации. Об активизации ее деятельности по сплочению монархических групп, связях с католической церковью и ориентировании на США говорится в спецсообщении Богданова от 15 января 1947 года²².

В спецсообщении заместителя начальника УКР «Смерш» ЦГВ генерал-майора Бударева от 23 апреля 1946 в числе монархических организаций, одержимых идеей реставрации, отмечен «Австрийский государственный союз»²³. В политической справке 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР от 27 мая 1947 года отмечались попытки клерикальных кругов создать «католический блок» и вновь образовать в Австрии христианско-демократическую партию американской ориентации²⁴. Помимо этого, сообщалось, что в кругу политических партий и движений были представлены и анархические, в частности, «Общество социологического изучения и пропаганды», созданное в апреле 1946 года и выступавшее за объединение со своими единомышленниками за рубежом. Об этой организации говорилось в справке исполняющего обязанности начальника Инспекции СЧСК по Австрии майора Валухова от 15 декабря 1947 года²⁵. В оперативной информации упоминается «Австрийская лига демократических борцов за свободу», проводившая работу среди «правдиво настроенных австрийцев» из числа бывших борцов за свободу в годы оккупации, но не связанных с какой-либо партией. К спецсообщению УКР «Смерш» ЦГВ в ГУКР «Смерш» НКО СССР от 12 февраля 1946 года прилагался русский перевод устава этой лиги, а также обращения и другие материалы на немецком языке²⁶.

Согласно информации советских спецслужб все австрийские политические партии и организации отводили важную роль работе среди молодежи. Так, например, по данным УКР «Смерш» 3-го Украинского фронта от 12 мая 1945 года в 4-м районе Вены предпринимались попытки возродить молодежную профашистскую организацию, которая в период немецкой оккупации функционировала как национал-социалистическое студенческое объединение²⁷. В докладной записке начальника Инспекции СЧСК подполковника Богданова от 11 декабря 1946 года обращалось на проблему студенческой молодежи, состоянии вузов, работе в них лиц, настроенных прогермански, указывалось на требования австрийских рабочих о «чистке» высших школ. В этом же документе отмечалось, что после инцидента во время выборов в Венском университете, когда колонна рабочих демонстрантов приблизились к учебному заведению с требованиями удаления профашистских профессоров и студентов, полиция пыталась не допустить беспорядков. Некоторые круги, как было сказано в сообщении, рассчитывали на беспорядки, чтобы обвинить полицию, значительная часть сотрудников которой состояла в коммунистической партии, в неспособности контролировать обстановку. Отчет полиции в Министерстве внутренних дел о причинах конфликта вызвал различные толки и предложение о реорганизации. Было начато расследование против руководителя госполиции коммуниста доктора Дюрмайера. Вторая часть этого большого документа посвящена работе полиции в целом, что также представляло несомненный интерес для советских спецслужб²⁸.

О фактах необоснованных репрессий против сотрудников полиции из числа коммунистов начальник УКР «Смерш» ЦГВ Н.А. Королев информировал В.С. Абакумова в январе 1946 года. Причем в числе «пострадавших» нередко оказывались антифашисты и борцы сопротивления. Так, сотрудник политической полиции г. Винер-Нойштадт, Фридрих Вальнер, член компартии с 1943 года, с августа 1944 по май 1945 года находился в партизанском отряде в районах городов Гое-Ванд, Мадлинч, Шварце, Роер и Гебирг, был ранен в боях с немцами. После соединения с советскими частями был направлен в тыл немецкой армии для диверсионных и разведывательных акций. А в октябре 1945 года по наущению бывшего нациста Цетля неожиданно был посажен в тюрьму по обвинению в дезертирстве²⁹.

Процесс реорганизации государственной полиции и ее чистка продолжались, и 17 декабря 1946 года начальник инспекции Богданов вновь доложил А.С. Желтову подробную справку о создании и деятельности новой австрийской спецслужбы³⁰. В ходе демилитаризации особое внимание уделялось не только полиции, но и проблеме формирования австрийских вооруженных сил. 15 декабря 1945 года В.С. Абакумов докладывал И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии о нелегальном формировании временным австрийским правительством при помощи англичан регулярной австрийской армии с использованием аппарата госканцелярии по военным вопросам. По состоянию на 1 ноября указывались места дислокации бригады и фамилии командиров полков, находившихся в Штирии, при этом отмечалось, что комплектование проходит за счет военнопленных австрийцев, возвращавшихся на родину³¹. С конца 1945 года и в течение 1946 года в адрес В.С. Абакумова было направлено пять докладных записок о мероприятиях австрийского правительства по созданию вооруженных сил³². 13 августа 1952 года новый министр госбезопасности С.Д. Игнатъев докладывал И.В. Сталину об образовании австрийским правительством под нажимом американцев комитета вооруженных сил для проведения необходимых мероприятий по созданию армии³³.

В декабре 1945 года решением Исполкома Союзнической комиссии были распущены все военизированные организации и запрещена всякая военная деятельность в Австрии. Одновременно был положительно решен вопрос об уничтожении фашистской литературы, одобрена резолюция о «чистке» от нацистов государственных и хозяйственных учреждений Австрии. Эти решения позволяли военным оккупационным властям, союзным войскам и их спецслужбам решать основные задачи, связанные с управлением австрийской территорией в переходный период.

Обобщенные данные о ходе денацификации в Австрии приведены в сообщении начальника Инспекции советской части Союзнической комиссии от 3 июля 1946 года: «На 1 апреля 1945 года с учетом потерь на фронтах, пленных и бежавших в другие страны общее количество нацистов

составляло 850 тысяч, после прихода Советской армии в Австрию в советской зоне оставалось не менее 240 тысяч, а после Закона от 8 мая 1945 года в Вене и советской зоне оккупации к 1 июня 1946 года зарегистрировалось 210 тысяч и поэтому минимум 30 тысяч ушли в подполье. В зонах, оккупированных союзниками, зарегистрировано 304 тысячи 360 нацистов, поэтому из общего числа в 850 тысяч зарегистрировано только 514 тысяч 360, а остальные на регистрацию не явились. Далее в документе указывались цифры осужденных австрийскими народными судами в советской зоне оккупации (570 человек), а в зонах союзников их судили военные трибуналы союзных оккупационных властей по законам своих стран (англичане осудили около 2500 человек, американцы – около 1600 человек, французы – около 400 человек)³⁴. И в дальнейшем эта тема продолжала интересовать советских контрразведчиков. 12 марта 1948 года начальник УКР МГБ Центральной группы войск М.И. Белкин передал в Инспекцию советской части Союзнической комиссии информацию о существовании на территории Австрии разветвленной нелегальной нацистской организации, указав конкретные факты и имена³⁵.

На отношения бывших союзников оказывала негативное влияние начавшаяся «холодная война», и это сказывалось на их взаимодействии в зонах оккупации Австрии. Разумеется, что советская военная контрразведка предпринимала меры по сбору информации о политических позициях и действиях западных держав. В записках от 14 марта и 30 мая 1947 года содержалась оценка мнения одного из лидеров Народной партии Шуми относительно позиции английских деятелей Эттли и Бевина по вопросу о заключении государственного договора с Австрией. Англичане полагали, что «судьба Австрии будет решаться в Москве», и при встрече в Лондоне с лидером социалистов доктором Шерфом говорили, что Москва якобы вынашивает планы «будущей европейской революции»³⁶.

Сообщались и фактические данные о нарушениях союзных администраций. Например, как видно из справки генерал-майора Розанова от 8 января 1946 года, американцы в местечке Эбензее в 20 км от Зальцбурга содержали интернированных военнослужащих 4-й танковой дивизии СС, а во французской зоне находились солдаты польской армии и эстонского легиона, одетые в форму французских военнослужащих³⁷. Такого рода примеров было достаточно. Развитие событий показало, что позиция СССР в австрийском вопросе отличалась последовательностью и, в конечном счете, привела к образованию независимой нейтральной Австрии. Эта важная для австрийского народа проблема решилась именно в Москве, когда был подписан Государственный договор.

ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1028. Л. 265.

² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1028. Л. 287.

- ³ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 972. Л. 141.
- ⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 8. Д. 6. Л. 118–118об.
- ⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 907. Л. 337.
- ⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 26. Д. 421. Л. 35.
- ⁷ См.: «Правда», 9, 13 апреля 1945 г.
- ⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 108. Д. 344. Л. 178.
- ⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 108. Д. 344. Л. 179–179об.
- ¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 89. Д. 244. Л. 129.
- ¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1270. Л. 92.
- ¹² ЦА ФСБ России. Ф. 69. Оп. 1. Д. 74. Л. 192.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 0451, Оп. 1, Д. 6, п. 1, Л. 94.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 0451. Оп. 1. Д. 6. п. 1. Л. 136–137.
- ¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 25.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 0451. Оп. 1. Д. 6. П. 1. Л. 122.
- ¹⁷ АВП РФ. Ф. 0451. Оп. 1. Д. 6. П. 1. Л. 202.
- ¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1, Д. 1. Л. 16–17.
- ¹⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 19, 36–37.
- ²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 21. Л. 100–113.
- ²¹ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1. Л. 175–178.
- ²² ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1442а. Л. 1–19, 59–66.
- ²³ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1442а. Л. 48–49.
- ²⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1442а. Л. 81–82.
- ²⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 5. Д. 873, Л. 17–24.
- ²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1441а, Л. 45–59.
- ²⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 2, Л. 56–58.
- ²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 18, Л. 412–422.
- ²⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 69. Оп. 1. Д. 652, Л. 120–123.
- ³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23, Л. 257–267.
- ³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1259, Л. 251–258.
- ³² ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 1, Л. 335–340.
- ³³ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 10. Д. 52, Л. 66–68.
- ³⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23, Л. 122–126.
- ³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 37. Л. 100–106.
- ³⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 29. Л. 12–15, 201–207.
- ³⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 61.

О РЕПРЕССИЯХ В ОТНОШЕНИИ АВСТРИЙСКИХ ГРАЖДАН 1945-1955 ГГ.

*Тезисы выступления на заседании
Российско-австрийской комиссии историков
г. Грац (Австрия), 15 октября 2009 г.*

Уже не впервые приходится обсуждать проблемы исследования истории политических репрессий в отношении австрийских граждан в 1945–1955 гг. Как известно, после освобождения Австрия была разделена на четыре зоны, и управление страной временно осуществлялось союзническим Советом четырех военных комиссаров союзных оккупационных сил. Совет был учрежден 4 июля 1945 г. Европейской консультативной комиссией на основании соглашения держав-победительниц о контрольном механизме в Австрии. Все структуры, включая и советскую военную контрразведку, действовали в правовом поле, определенном решениями этих высших органов управления страной. В числе основных задач союзнических органов было проведение демократизации, демилитаризации и дефашизации Австрии. 23 августа 1945 г. состоялось первое совещание четырех Главнокомандующих союзными войсками в Австрии, а через четыре дня ими были приняты конкретные решения по денацификации.

В докладной записке Инспекции советской части Союзнической комиссии от 3 июля 1946 г. имеется следующая оценка положения в Австрии: «...общее количество нацистов с учетом потерь на фронтах, пленных и бежавших в другие страны, на 1 апреля 1945 г. определялось цифрой в 850 тыс. Если учесть, что после прихода Красной армии в Австрию из Вены и советской зоны оккупации около 60% нацистов бежало в западные области страны (куда также бежало большое количество нацистов из Пруссии, восточных районов Германии и других соседних стран, освобожденных Красной армией), то в Вене и советской зоне оккупации все-таки осталось не менее 240 тыс. нацистов. На основании закона от 8 мая 1945 г. в Вене и советской зоне оккупации зарегистрировалось к 1 июня 1946 г. 210 тыс. нацистов. Эта цифра свидетельствует, что минимум 30 тыс. нацистов ушли в подполье. Кроме того, в зонах, оккупированных союзниками, зарегистрировано 304 [тыс.] 360 нацистов.

Таким образом, на 1 июня 1946 г. по всей Австрии из общего числа в 850 тыс. зарегистрировано 514 [тыс.] 360 нацистов, а остальные 336 [тыс.] 640 нацистов на регистрацию не явились. Необходимо отметить и тот факт, что в Австрии преимущественно в ее западных районах, скопилось множество сбежавшего из разных стран нацистского сброда, то общее количество этого враждебного элемента, не учтенного никакими органами, превышает полмиллиона человек¹. Таковой была оценка советской стороны общей ситуации в оккупационной зоне на территории Австрии. Основным направлением в работе органов контрразведки «Смерш» стал розыск и выявление официальных сотрудников и агентов спецслужб противника, а также предателей и дезертиров, бежавших вместе с гитлеровскими войсками с территории СССР.

Предпринимались меры по розыску лиц, которые в годы войны истязали советских граждан, насильственно вывезенных в Германию с временно оккупированных территорий, создавали для них невыносимые условия подневольного труда. В отношении таких лиц возбуждались уголовные дела по признакам совершения преступлений, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.² Наряду с этим принимались жесткие меры по недопущению проникновения иностранных агентов в расположение советских войск с территории, занятой союзными войсками. В местах дислокации штабов подразделений, частей и соединений Советской армии активно действовали комендатуры, проводилась проверка местности с целью задержания скрывающихся подозрительных лиц, изъятия у них оружия, боеприпасов, раций и другого снаряжения³.

Правовой основой действий советских органов государственной безопасности служили Уголовный кодекс (УК) РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Указы Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников», а также ведомственные нормативные документы, регламентировавшие оперативно-розыскную и следственную работу, в т.ч. «Инструкция о порядке производства операций (обысков и арестов) органами МГБ» от 4 апреля 1946 г.⁴. Архивные данные свидетельствуют о том, что большинство привлеченных к ответственности лиц, например, за шпионаж, действительно являлись информаторами спецслужб союзнических держав и занимались по их заданию сбором разведывательных данных или действиями, рассматриваемыми в то время советским командованием как политические диверсии. Аресты проводились на основе результатов оперативной работы. При обысках у арестованных находили огнестрельное оружие, взрывчатые вещества, средства тайнописи, шифры и коды.

Все архивные уголовные дела на австрийских подданных в порядке исполнения Закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» пересмотрены Главной военной прокуратурой и в настоящее время хранятся в архиве. Большая часть решений о реабилитации была вынесена в связи с обвинениями по ст. 58 УК РСФСР. Как справедливо отмечают австрийские эксперты, во многих случаях факт реабилитации вовсе не означал, что выдвинутые в свое время обвинения были необоснованными. В то же время следует при этом признать, что вывод органов прокуратуры не всегда основывался на взвешенной оценке тяжести совершенного преступления. Особенно в 1990- гг. в выводах прокуратуры присутствовал определенный субъективизм. При этом большую роль имели квалификация, опыт и субъективная позиция прокурора. Но в целом можно сделать вывод, что в реабилитации отказано лишь тем, кто был осужден за военные преступления.

В Центральном архиве ФСБ России в фонде архивных уголовных дел хранятся архивные следственные дела в отношении австрийских граждан с индексом «П» и «Р» (в отношении реабилитированных граждан) и с индексом «К» (в отношении тех, кому в реабилитации отказано). Анализ материалов этих дел показывает, что в основном австрийские подданные осуждались за совершение преступлений, предусмотренных ст. 58-6 УК РСФСР (шпионаж), и, в первую очередь, за сотрудничество с иностранными разведками (немецкой, английской, американской). Некоторым австрийским гражданам наряду со шпионажем, или совершением преступлений, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., предъявлялись обвинения по ст. 58-10 УК РСФСР (пропаганда или агитация, содержащая призыв к совершению контрреволюционных преступлений) и ст. 58-14 (контрреволюционный саботаж).

На предыдущем пленарном заседании российско-австрийской комиссии историков было высказано предложение о проведении дополнительного исследования архивных документов в отношении австрийских граждан, отбывавших заключение в Александровской тюрьме Иркутской области. Действительно, в ЦА ФСБ России хранятся более 150 архивных следственных дел на австрийцев, содержавшихся в тюрьме № 5 УМВД Иркутской области (т.н. Александровском центре)⁵.

Необходимо дать некоторые пояснения о порядке содержания заключенных в СССР в послевоенный период. И в связи с этим обращаю ваше внимание на известную публикацию, осуществленную усилиями ряда российских архивов – семитомный сборник документов «История сталинского ГУЛАГа». Во 2-м томе названного издания опубликовано постановление Совета министров СССР № 416-159 сс от 21 февраля 1948 г. «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по от-

бытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР». Согласно этому постановлению в системе Гулага были организованы особые лагеря и тюрьмы, которые были предназначены для содержания осужденных к лишению свободы «шпионов, диверсантов, террористов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности»⁶. Этим же постановлением в системе МВД СССР были организованы три особых тюрьмы в расчете на 5 тыс. человек. По сравнению с обычными ИТЛ в особых лагерях и тюрьмах вводились повышенные меры охраны, запрещались все льготы. Заключение этих лагерей предписывалось использовать только на тяжелой физической работе, причем за свой труд они не должны были получать никакого вознаграждения.

В соответствии с приказом МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР № 00279/00108/72 сс от 16 марта 1948 г. «Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении последних по отбытии наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ СССР» на местах были созданы комиссии из представителей МВД, МГБ и Прокуратуры для отбора заключенных, подлежащих переводу в особые лагеря. Комиссиям по отбору заключенных предписывалось в течение 8 месяцев просмотреть личные дела всех осужденных за преступления, предусмотренные ст. 58 УК РСФСР, и на основании материалов, имеющихся в личных делах и оперативных отделах исправительно-трудовых лагерей, вынести заключения.

Всем осужденным на различные сроки лишения свободы в ИТЛ как особо опасным преступникам, требующим строгой изоляции, содержание в лагере было заменено тюремным заключением на основании дополнительных решений судебных органов и Особого совещания. Согласно приказу МВД СССР от 26 июля 1949 г. «О порядке направления и содержания в местах заключения МВД осужденных иностранных граждан (поданных)» осужденных судебными органами или Особыми совещаниями при МВД и МГБ СССР иностранцев направляли для отбывания наказания: «а) лиц, подлежащих содержанию в общих лагерях МВД – Краслаг, Усольлаг, Востокураллаг, Устьвымлаг; б) лиц, подлежащих содержанию в особых лагерях и особых тюрьмах МВД – в особые лагеря №№ 6 и 7 и особые тюрьмы МВД – по принадлежности». Расконвоирование этих заключенных и свидания были запрещены, а также усилена цензура за их перепиской⁷.

14 марта 1953 г. в связи с объединением МГБ и МВД в единое министерство – МВД – на базе Тюремного отдела МГБ и Тюремного управления МВД было организовано Тюремное управление МВД СССР. После смерти Сталина (на 1 сентября 1953 г.) в подчинении Тюремного управления МВД СССР находились три особых тюрьмы: Владимирская, Александровская

и Верхнеуральская. Особые лагеря и тюрьмы в отличие от ИТЛ, переданных в апреле 1954 г. в ведение Министерства юстиции, остались в МВД и были подчинены Тюремному управлению⁸.

Большинство австрийских граждан были осуждены военным трибуналом Центральной группы войск и Особым совещанием при МГБ СССР на сроки от 10 до 25 лет лишения свободы и отбывали сроки наказания на территории СССР в особых лагерях и тюрьмах: Дубравный лагерь (пос. Явас Мордовской АССР); Береговой лагерь № 5 и УИТЛ Дальстроя (гор. Магадан); Речной лагерь № 6 (гор. Воркута Коми АССР); Озерный лагерь № 7 (гор. Тайшет Иркутской обл.); Восточно-Уральский лагерь (гор. Тавда Свердловской обл.); Александровская особая тюрьма (с. Александровское Иркутской обл.); Верхнеуральская тюрьма (гор. Верхнеуральск Челябинской обл.).

В 1953 г. лимит содержания заключенных в Александровской особой тюрьме составлял 1 тыс. 100 человек, для содержания которых имелось 40 общих и 9 одиночных камер, 11 карцеров и больничных палат. На 20 сентября 1953 г. в тюрьме содержалось 404 заключенных, которые были размещены в 20 общих и 13 одиночных камерах и карцерах. в числе заключенных значились «115 агентов иностранных разведок, а также 19 троцкистов, 25 террористов, 19 диверсантов, 16 националистов, 57 бандитов» и др.⁹. По воспоминаниям бывших заключенных, тюремный режим был очень суровым. Каждые пять дней в камерах проводился тщательный обыск с раздеванием заключенных, ограничивалась переписка, запрещалось получение посылок и передач. Из-за скудости тюремного пайка и частых перебоев с продуктами заключенные испытывали постоянный голод. Ситуация осложнялась отсутствием медицинской помощи и лекарств.

Как уже было сказано, большинство осужденных австрийских подданных обвинялись в преступлениях, предусмотренных ст. 58-6 УК РСФСР (шпионаж). Среди них были лица, прошедшие обучение в специальных школах, но в основной массе это были обычные австрийские граждане, безработные и испытывавшие материальную нужду, попавшие в сети американцев и англичан. За денежное вознаграждение, продукты питания, сигареты или возможность устройства на работу они были готовы путем личного наблюдения, расспросов местного населения и советских военнослужащих собирать сведения о советских воинских частях, предприятиях Управления советского имущества в Австрии.

Некоторые из осужденных работали в советских учреждениях и использовали свое служебное положение, другие вовлекали в сбор такого рода информации родственников и знакомых. Зачастую обвинение в шпионской деятельности основывалось следствием только на собственных показаниях обвиняемых. Более того, часто информация, которая расценивалась как шпионская, была открыта и общедоступна. Как уже отмечалось, большин-

ство дел рассматривалось военными трибуналами на территории Австрии, но определенное число приговоров было вынесено Особым совещанием при МГБ СССР. В послевоенный период на основании ряда законодательных актов права Особого совещания были расширены. При этом сохранялись данные ему в годы войны широкие права внесудебного рассмотрения дел и применения любых мер наказания¹⁰.

Как правило, Особым совещанием рассматривались дела, в которых содержались сведения, связанные с раскрытием методов работы органов МГБ: на агентов-двурушников, на разведчиков иностранных разведок, которые в ходе предварительного следствия меняли свои показания, а затем вообще от них отказывались, проявляли хитрость и изворотливость.

С определенной долей уверенности можно говорить, что следователи использовали возможность направления дела на рассмотрение во внесудебном порядке в тех случаях, когда обвинительный материал был недостаточным или неубедительным. Вне зависимости от того, каким органом была осуществлена репрессия, судом или Особым совещанием, все обвиняемые, за редким исключением, после ознакомления с материалами дела и разъяснения содержания обвинения признавали себя виновными в инкриминируемых преступлениях. К настоящему времени все архивные следственные дела в отношении австрийских граждан пересмотрены и по ним вынесены решения о реабилитации.

Архивные следственные дела в отношении иностранных граждан являются специфическим и сложным историческим источником. В них содержатся сведения об уголовном производстве советской судебной-правовой системы, о ходе следствия с момента возбуждения уголовного дела органами дознания до вынесения приговора военными трибуналами с последующим кассационным обжалованием. В делах сосредоточены документы, как биографического характера, так и материалы, дающие представление о послевоенной общественно-политической ситуации.

Помимо обязательных делопроизводственных документов, в отдельных делах хранятся изъятые у задержанных лиц вещественные доказательства, Следователи зачастую при обысках изымали достаточно широкий круг предметов и документов: переписку, документы личного происхождения, книги, дневники и другие материалы. В архивных следственных делах имеются ценные исторические документы. Изучение истории послевоенной Австрии и установление судеб людей, живших в то нелегкое время, должно продолжаться.

В рамках межгосударственного протокола о гуманитарном сотрудничестве, подписанного Президентом Российской Федерации и Президентом Австрии, и в соответствии с российским законодательством специалисты Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России продолжают сотрудничество с представителями Института по изучению последствий войн

им. Л. Больцманна по подготовке публикации материалов об австрийских гражданах, ставших жертвами политических репрессий в 1940–1950-х гг.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 135. Оп. 1. Д. 23. Л. 122–126

² В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 г. лица, уличенные в совершении насилий над гражданским населением и пленными, карались ссылкой на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет. Рассмотрением таких уголовных дел занимались военно-полевые суды в Действующей армии.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 26. Д. 421. Л. 35.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1 т. Д. 138. Л. 98–108. Приказ МГБ СССР от 4 апреля 1946 г. № 00123 отменен в 1954 г.

⁵ Крупные тюрьмы (централы) стали создаваться в России в XIX в. Первой была учреждена Александровская каторжная тюрьма (в 80 верстах от Иркутска).

⁶ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах / Т. 2. Карательная система: структура и кадры / Отв. ред. и сост. Н.В. Петров. Отв. сост. Н.И. Владимирцев. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 326–327.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1255. Л. 266.

⁸ См. подробнее: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Общество «Мемориал», ГАРФ. Сост. М.Б. Смирнов. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. – М.: Звенья, 1998.

⁹ См.: *Афанасов О.В.* К истории Александровской особой тюрьмы МВД СССР в Иркутской области // *Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: Материалы Всероссийской научн.-теорет. конф., посвященной памяти профессора В.И. Дулова.* – В 2-х кн. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2008. – Кн. 1. – С. 32–34.

¹⁰ После смерти Сталина Президиум ЦК КПСС 12 августа 1953 г. утвердил постановление о ликвидации Особого совещания, а 1 сентября 1953 г. – Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении Особого совещания при Министре ВД СССР». Указ был издан без опубликования в печати.

ТОЧКА В «ДЕЛЕ ВАЛЛЕНБЕРГА» НЕ ПОСТАВЛЕНА ДО СИХ ПОР

*Статья в газете «Время новостей»
19 января 2009 г. №6*

В историческом центре Будапешта, на улице Дохань стоит необычный памятник – плакучая ива. На ее тонких металлических ветвях – листья-пластинки с выгравированными фамилиями венгерских евреев – жертв Холокоста. Рядом с ивой мемориальная доска из черного гранита с именами людей, спасавших обреченных нацистами на неминуемую гибель евреев. Первое имя в этом списке – Рауль Валленберг. Благодаря шведскому дипломату Валленбергу, работавшему в оккупированном фашистами Будапеште в 1944 году, отправки в лагеря смерти избежали несколько тысяч человек.

17 января 1945 года Рауль Валленберг был задержан в Будапеште советскими войсками и бесследно исчез. Выяснением судьбы Рауля Валленберга много лет занимаются специалисты из разных стран мира. Почти десять лет вела поиски архивных сведений совместная российско-шведская рабочая группа, созданная на основе межправительственного соглашения. Были исследованы многочисленные версии, изучены сотни томов архивных документов, проведены встречи с десятками людей. Но исследователи так и не нашли ответы на важнейшие вопросы: зачем советским спецслужбам нужен был Валленберг, каковы подробности его пребывания в советских тюрьмах, наконец, какова истинная причина и дата его гибели?

К документам, связанным с Раулем Валленбергом, доступ ограничен. Материалы, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ РФ, в сочетании с отчетом российско-шведской группы и другими документальными источниками, позволяют в некоторой степени воссоздать историческую ретроспективу. После поражения Германии в Сталинградской битве в 1943 году Венгрия намеревалась выйти из войны. В этой обстановке Гитлер потребовал от венгерского лидера Миклоша Хорти абсолютной лояльности по отношению к рейху, однако Хорти ответил на эти требования отказом. (Воевавшая в составе гитлеровской коалиции Венгрия оставалась самостоятельным государством, де-юре сохранившим за собой право принятия внешнеполитических решений). Ответом стал приказ фюрера, отданный

19 марта 1944 года командующему группой армий «Юг» генералу-полковнику Максимилиану фон Вейхсу: оккупировать территорию Венгрии, взять на себя всю полноту власти в стране и создать мощную систему обороны. 15 октября Хорти объявил о намерении добиваться сепаратного мира с СССР. Практически в тот же день он был лишен всех постов, а место главы государства занял Ференц Салаши, руководитель партии венгерских нацистов «Скрещенные стрелы». Немецкая группа армий «Юг» противостояла советским войскам, которые с 29 октября 1944 по 13 февраля 1945 года проводили Будапештскую наступательную операцию. В ней участвовали войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, 5-я и 17-я воздушные армии и Дунайская военная флотилия. Целью операции был не только разгром военной группировки фашистской Германии, но и вывод Венгрии из войны. 26 декабря войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, соединившись в районе Эстергома, выдвинулись на правый берег Дуная непосредственно севернее Будапешта, тем самым завершив окружение будапештской группировки противника (около десяти дивизий). В городе развернулись ожесточенные уличные бои. Стремясь избежать лишних жертв и разрушений, советское командование предъявило гарнизону города ультиматум о капитуляции, отправив на переговоры группу парламентариев. Фашисты, отклонив ультиматум, расстреляли их. В течение января гитлеровцы предприняли три сильных контрудара с целью деблокировать будапештскую группировку и восстановить линию фронта по Дунаю, но 27 января, отказавшись от этих попыток, перешли к обороне. Это позволило завершить ликвидацию 185-тысячной окруженной группировки в Будапеште. Важнейшим политическим итогом продолжавшейся 108 суток Будапештской наступательной операции Красной армии стал выход Венгрии из войны на стороне фашистской Германии, были созданы необходимые условия для дальнейшего наступления в Чехословакии и на венском направлении. В боях за Будапешт погибло 80 тысяч советских военнослужащих.

31 декабря 1944 года, когда в Будапеште шли уличные бои, шведское посольство в Москве обратилось в Наркомат иностранных дел СССР с просьбой взять под защиту Красной армии находившуюся в осажденном городе шведскую миссию. В списке шведских дипломатов в Будапеште значился секретарь и начальник гуманитарного отдела тридцатидвухлетний Рауль Валленберг. Валленберг прибыл в Будапешт 9 июля 1944 года, когда до «окончательного решения еврейского вопроса» в Венгрии оставались считанные дни: гитлеровцы под руководством оберштурмбанфюрера СС Адольфа Эйхмана уже депортировали из различных регионов страны более четырехсот тысяч евреев. От оставшихся двухсот тысяч евреев столица должна была быть «очищена» в течение ближайших нескольких дней. Валленберг выдавал венгерским евреям шведские «охранные» паспорта, вынуждавшие нацистов обращаться с их обладателями как с гражданами нейтрального государства. Кроме того, используя самые различные методы

– от сугубо дипломатических до взяток и шантажа – он смог организовать в оккупированном фашистами Будапеште несколько «шведских домов», находившихся под эгидой посольства и соответственно имевших неприкосновенность. В этих домах, арендованных на средства американских и других зарубежных еврейских организаций, Валленберг расселял будапештских евреев, тем самым избавляя их от депортации в лагерь смерти. Этой деятельностью он занимался до начала января 1945 года, пока в Будапешт не вошли советские войска, освободившие оставшихся узников гетто.

Заместитель наркома иностранных дел Владимир Деканозов, получив просьбу шведского посольства о защите шведской дипмиссии в Будапеште, немедленно передал информацию о ней в Генеральный штаб. 2 января 1945 года помощник начальника Генерального штаба генерал-майор Николай Славин направил распоряжение командующим 2-м и 3-м Украинскими фронтами Родиону Малиновскому и Федору Толбухину: «Шведская миссия, находившаяся в осажденном Будапеште, перешла на нелегальное положение, при ее обнаружении частями советских войск взять под защиту ее сотрудников».

Бои в Будапеште шли буквально за каждую улицу и каждый дом. Когда подразделения советских войск 13 января овладели домом № 16 по улице Бенсур, где находился транспортный отдел Международного Красного Креста, к ним вышли Рауль Валленберг и его водитель Вильмош Лангфельдер. Шведский дипломат рассказал о своей деятельности в Будапеште и попросил передать телеграмму на немецком языке, адресованную в Стокгольм, а также сообщить, что он находится на освобожденной советскими войсками территории. Донесение об обнаружении Рауля Валленберга было передано начальнику штаба 2-го Украинского фронта, командиру 30-го стрелкового корпуса и начальнику политотдела 7-й гвардейской армии, входившей в состав войск 3-го Украинского фронта. Реакция на это сообщение была противоречивой. Так, в 23 часа 30 минут 14 января было дано указание: «Находящегося в 151-й стрелковой дивизии секретаря шведской миссии Рауля Валленберга проводить немедленно к командиру 18-го стрелкового корпуса Афонину, обеспечив его сохранность и удобство передвижения». Одновременно был наложен запрет на любую связь Валленберга с внешним миром. На донесении, направленном начальнику политотдела 7-й гвардейской армии, имеется запись: «18 – к Афонину. Пока никуда не отпускать. Телеграмму никуда не передавать». 15 января начальник штаба 2-го Украинского фронта Матвей Захаров направил донесение в Генеральный штаб, а также в штаб 3-го Украинского фронта об обнаружении Рауля Валленберга и принятых мерах по его охране и охране его имущества. Генеральный штаб проинформировал Наркомат иностранных дел СССР, и 16 января Деканозов сообщил в шведское посольство в Москве, что Рауль Валленберг обнаружен в осажденном Будапеште и взят под охрану советскими войсками. В феврале советский посол в Швеции Александра

Коллонтай, основываясь на сведениях, поступивших из Наркомата иностранных дел, проинформировала мать Рауля Валленберга о том, что ее сын находится в безопасности под защитой советских властей. Коллонтай еще не знала, что означал термин «защита» в интерпретации сталинских правоохранительных органов. Валленберг был заподозрен в связях с американской, английской и немецкой разведками и поэтому оказался в руках контрразведки «Смерш».

17 января 1945 года заместитель наркома обороны СССР и член ГКО генерал армии Николай Булганин направил распоряжение командующему 2-м Украинским фронтом маршалу Малиновскому: «Обнаруженного в восточной части Будапешта по улице Бенцур Рауль Валленберг арестовать и доставить в Москву. Соответствующие указания контрразведке «Смерш» даны. Для выполнения этой задачи обеспечьте необходимые средства. Время отправки в Москву и фамилию старшего сопровождающего лица донесите». Начальнику Главного управления контрразведки «Смерш» Наркомата обороны Виктору Абакумову была направлена копия этого распоряжения. 25 января Валленберг в сопровождении офицеров 2-го Украинского фронта был отправлен в Москву на поезде. Это «сопровождение» на деле было конвоем. 6 февраля Валленберга препроводили на Лубянку, где он и был арестован. Его оформили как военнопленного, поместили во Внутреннюю тюрьму НКГБ СССР с зачислением за ГУКР «Смерш» НКО СССР. Даже опытные следователи не смогли определить состав преступления, в совершении которого можно было бы обвинить Рауля Валленберга. Поэтому в регистрационной карточке арестованного графа «характер преступления» осталась не заполненной. 29 мая Валленберг был переведен в Лефортовскую тюрьму НКГБ (МГБ) СССР, а 1 марта 1947 года вновь помещен в Лубянскую (Внутреннюю) тюрьму, где его следы и потерялись.

24 апреля 1945 года, через некоторое время после возвращения в Стокгольм всех членов шведской миссии (за исключением Рауля Валленберга), шведский посланник в СССР Стаффан Седерблом направил письмо замнаркома иностранных дел Деканозову с просьбой предпринять меры по поиску пропавшего дипломата. Наркомат иностранных дел СССР в свою очередь запросил сведения в НКГБ СССР. 8 августа пришел ответ, что Наркомат госбезопасности информацией о шведском дипломате не располагает. Это соответствовало действительности, так как Рауль Валленберг был арестантом «Смерша», относившегося к Наркомату обороны. С апреля 1945 года по май 1947 года Швеция восемь раз в письменной и пять раз в устной форме направляла обращения по поводу Рауля Валленберга. 15 июня 1946 года Сталин лично принял Седерблома и пообещал, что дело Валленберга будет расследовано. Тем не менее в течение почти двух лет, до начала 1947 года, в МИД шли однообразные сообщения из органов госбезопасности о том, что информацией о шведском дипломате они не располагают.

В феврале 1947 года начальник разведывательного управления Петр Федотов устно сообщил сотрудникам советского МИДа, что Рауль Валленберг находится в распоряжении МГБ СССР, обещая проинформировать Молотова, а также «внести предложения о дальнейших мерах по этому вопросу». После почти трехмесячного обмена мнениями в МИДе 13 мая 1947 года первый замминистра иностранных дел Андрей Вышинский написал служебную записку первому заместителю председателя Совмина Вячеславу Молотову, в которой, основываясь на информации Федотова, предложил: «Поскольку дело Валленберга до настоящего времени продолжает оставаться без движения, я прошу Вас обязать тов. Абакумова представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации». Принципиально важна резолюция Молотова на записке Вышинского: «Тов. Абакумову. Прошу доложить мне. 18.V.47 г.».

Павел Судоплатов считает, что в последних словах записки Вышинского – «предложения по ликвидации» – заключен злоедейский смысл. Вышинский не предлагает закрыть дело (тогда была бы другая формулировка – «прекратить дело»), а почти требует, чтобы Абакумов представил предложения об уничтожении Валленберга как нежелательного лица для советского руководства. Резолюция Молотова, заместителя главы правительства, фактически была распоряжением – представить предложения о том, как ликвидировать Валленберга. Таковой, по утверждению Судоплатова, была обычная практика тех лет.

Архивные документы свидетельствуют, что Рауль Валленберг умер 17 июля 1947 года. Однако 18 августа того же года Вышинский информировал шведского посла: «Рауля Валленберга в Советском Союзе нет, и он нам неизвестен». Сославшись на некие принятые меры по его розыску, не увенчавшиеся успехом, Вышинский выдвинул предположение, что «Валленберг во время боев в Будапеште погиб, либо стал жертвой салашистов». Прошло еще почти девять лет. За это время умер Сталин, были отстранены от должности, арестованы и расстреляны Абакумов и Деканозов. Но многие лица, причастные к смерти шведского дипломата или знавшие о ней «слишком много», еще оставались на высоких государственных постах. Поэтому на обращения шведской стороны представители советского руководства реагировали, не меняя тактики, – не предоставляя никакой информации. Весной 1956 года в ходе советско-шведских переговоров, проходивших в Москве, после того как шведская сторона предоставила новые материалы о Валленберге, в ЦК КПСС все-таки было принято решение провести проверку и выяснить обстоятельства гибели шведского дипломата.

В октябре 1956 года министр иностранных дел Дмитрий Шепилов и председатель КГБ СССР Иван Серов представили проект ответа в виде памятной записки. В представленном проекте говорилось, что «никаких документов» о пребывании Рауля Валленберга в Советском Союзе найдено не было, также отмечалось, что заключенный Валленберг не был известен

советскому персоналу под настоящей фамилией. Однако из опросов было установлено, что Рауль Валленберг после ареста был доставлен в Москву по приказу Абакумова, где сидел в Лефортовской и Бутырских тюрьмах. Далее указывалось, что 17 июля 1947 года Рауль Валленберг внезапно умер; его тело кремировано. В записке особо подчеркивалось, что не соответствовавшая действительности информация на запросы МИДа давалась по приказу Абакумова, который «за совершенные им преступления, в том числе арест Рауля Валленберга, понес самое суровое наказание».

Несмотря на то что в ходе судебного процесса и следствия Абакумову не предъявлялись обвинения по делу Рауля Валленберга, такая «неточность» в глазах тех, кто готовил записку, не имела никакого значения. В проекте ответа также неверно было указано, что Рауль Валленберг содержался в Бутырской тюрьме. Однако проект документа не утвердило партийное руководство СССР. Прошло еще четыре месяца, и лишь 5 февраля 1957 года президиум ЦК КПСС одобрил новый вариант ответа шведской стороне. В этом документе, получившем наименование «меморандум Громыко», советское правительство официально признало факт ареста и нахождения Валленберга в СССР после войны, а также факт его смерти 17 июля 1947 года от инфаркта миокарда во Внутренней тюрьме МГБ СССР. Андрей Громыко с 1957 по 1985 год был министром иностранных дел СССР. Все последующие годы ответы на официальные запросы шведов давались со ссылками на «меморандум Громыко» и адресованный бывшему министру госбезопасности Абакумову рапорт от 17 июля 1947 года начальника санитарной части Лубянской тюрьмы Смольцова о смерти Валленберга.

В рапорте Смольцова на имя Абакумова говорилось: «Известный Вам заключенный Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда. В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валленбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти». Обращает на себя внимание важная деталь: в нижнем левом углу на рапорте сделана запись: «Доложено лично Министру. Приказано труп кремировать без вскрытия. 17 июля. Смольцов».

Несмотря на официальное заявление советских властей о смерти Рауля Валленберга, в 1960--1970-е годы появилось множество «свидетелей», якобы видевших его живым после 1947 года. Некоторые из них утверждали, что Валленберг находился в тюрьме в Советском Союзе вплоть до 1975 года. (Дополнительно проведенные уже в 1990-х годах тщательные расследования показали, что эти свидетельства не соответствуют действительности.)

В Центральном архиве КГБ СССР были обнаружены личные документы Рауля Валленберга, принадлежавшие ему предметы и деньги. Важнейшей находкой стала учетная карточка Внутренней тюрьмы НКГБ СССР, найденная в конце августа 1989 года. В октябре 1989 года родственникам дипломата и представителям шведского «Общества Рауля Валленберга», посетившим

Москву, были переданы дипломатический паспорт, портсигар, свидетельство о регистрации автомобиля, копия тюремной карточки, иностранная валюта и карманный календарь Рауля Валленберга, обнаруженные в Центральном архиве КГБ СССР. Получив заверения от советского руководства о готовности продолжить работу, шведская сторона продолжила инициировать вопрос о «деле Валленберга». В ноябре 1989 года министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе заверил шведского министра иностранных дел Стена Андерссона, что советские власти сделают все возможное, чтобы прояснить «дело Валленберга». 7 марта 1990 года председатель КГБ СССР Владимир Крючков на встрече с послом Швеции в Москве Эрьяном Бернером подтвердил, что Советский Союз стремится «окончательно уладить дело Рауля Валленберга», которое на протяжении многих лет осложняет советско-шведские отношения.

В 1991 году была создана совместная российско-шведская рабочая группа, в которую вошли сотрудники МИД, КГБ-ФСБ, Минобороны, МВД и Росархива, привлечены независимые отечественные и иностранные эксперты. После 18 официальных встреч 11 января 2001 года были подведены итоги совместной многолетней работы. Министерство иностранных дел Швеции опубликовало отчет шведско-российской рабочей группы. В процессе работы установлено, что ряд документов, в том числе и дело задержанного Рауля Валленберга, был уничтожен, более того, в журналах перемещения заключенных вымарывались отдельные страницы.

Важным итогом исследования архивных документов стало решение Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в декабре 2000 года опубликовавшей сообщение: «Генеральная прокуратура России приняла решение о реабилитации шведского дипломата Рауля Валленберга и его водителя Вильмоша Лангфельдера. Соответствующее заключение Главной военной прокуратуры утвердил генеральный прокурор РФ Владимир Устинов».

Органы прокуратуры в результате изучения архивных материалов установили, что Валленберг и Лангфельдер «по решению советских внесудебных органов были необоснованно арестованы и лишены свободы по политическим мотивам как социально опасные лица без предъявления обвинения в совершении конкретного преступления». Ранее, 9 ноября 2000 года, Комиссия при президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий признала эти меры политической репрессией. Согласно закону Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года Рауль Густав Валленберг полностью реабилитирован.

Причина смерти Рауля Валленберга до сих пор оспаривается многими исследователями. Одни предполагают, что он не выдержал лишений и нечеловеческого обращения – психического и физического давления, которому он, вероятно, подвергался, другие считают, что дипломат умер в результате несчастного стечения обстоятельств. Но наиболее распространенной

версией является предположение о расстреле Валленберга в тюрьме. Судоплатов предполагает, что Валленберг был убит при содействии полковника медицинской службы Г. Майрановского, работавшего с ядами для совершения политических убийств, которые затем преподносились как несчастные случаи.

Косвенным подтверждением этой версии служит адресованный Сталину и Молотову документ, впервые опубликованный Д. Волкогоновым, о ликвидации МГБ СССР американского гражданина Исаея Оггинса, который находился в заключении с 1939 по 1947 год. В 1942–1946 годах посольство США неоднократно обращалось в НКВД СССР с просьбами передать Оггинса американским властям. Абакумов, получив санкцию Сталина и Молотова, организовал ликвидацию Оггинса, и труп его был кремирован без вскрытия. Оггинса, как считает Волкогонов, ликвидировали, чтобы он не смог рассказать правду о советских тюрьмах и лагерях.

Даты смерти Оггинса и Валленберга (июль 1947 года), сходство формулировок в соответствующих документах говорят о том, что версия Судоплатова вполне реальна. Без ответа остаются пока и другие важные вопросы: кто, когда и почему уничтожил документы по делу Валленберга? По одной из версий, документы были уничтожены в 1947 году по приказу Абакумова, который пытался сохранить втайне от Сталина то, что случилось с Раулем Валленбергом в июле 1947 года. Это маловероятно, так как Абакумов не был самостоятельной политической фигурой и не мог действовать за спиной у Сталина. Если же исходить из того, что Сталин был в курсе дела и даже давал по нему указания, то не было никаких причин избавляться от документов. Согласно другой версии, материалы были уничтожены в 1951 году по приказу Абакумова перед его арестом. Но дело Валленберга не имело столь большого значения для Абакумова, чтобы он стал беспокоиться по этому поводу, поэтому такая версия также маловероятна.

Возможно, что эти документы были уничтожены в 1954 году, когда председатель КГБ Серов по указанию Хрущева, ставшего Первым секретарем ЦК КПСС, уничтожил большое количество материалов органов госбезопасности. По версии Судоплатова, уничтожение архивных материалов началось в процессе подготовки «меморандума Громыко», в связи с тем, что Молотов и Булганин, знавшие причины ареста и ликвидации шведского дипломата, все еще занимали высокое положение.

Судьба Рауля Валленберга по-прежнему вызывает интерес в разных странах. В архивы поступают обращения с просьбой о поиске новых материалов. Точка в истории Рауля Валленберга еще не поставлена.

РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ: ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ПОИСКА

*Тезисы выступления на конференции
«Рауль Валленберг — гуманист XX века»
г. Москва, 28 мая 2012 г.*

История XX века и, в частности, Второй мировой войны, несмотря на не очень небольшую отдаленность от наших дней по времени, изобилует немалым количеством белых пятен. Это можно сказать как о событиях тех лет, так и о судьбах отдельных людей. Причем не только простых людей, но и тех, кто занимал высокое положение в обществе. К числу последних можно отнести шведского дипломата Рауля Валленберга. Его судьба до сих пор остается одной из неразгаданных тайн минувшего века. С учетом того, что последние известные обстоятельства его жизни, ареста органами «Смерш» и пребывании во Внутренней тюрьме, естественно предполагают, что свет на обстоятельства его смерти могут пролить архивы органов безопасности. Итак, кто же он?

Рауль Густав Валленберг, родился в 1912 году в Стокгольме во влиятельной шведской семье, которая дала миру поколения банкиров, дипломатов и политиков, и пользовалась авторитетом в правительственных, политических и финансовых кругах не только в своей стране, но и за рубежом, в том числе в США и Германии. 9 июля 1944 года прибыл в Будапешт с дипломатическим паспортом секретаря дипломатической миссии Швеции в Венгрии, заняв пост начальника ее гуманитарного отдела. Шведская миссия в Будапеште, помимо обычной деятельности как дипломатическое представительство своей страны, представляло в годы войны интересы ряда других государств, включая СССР. В то же время она также оказывала содействие лицам еврейской национальности в организации их выезда из Венгрии. Этим вопросом в основном занимался гуманитарный отдел миссии и отделение шведского Красного Креста. С целью активизации этого направления работы в Будапешт и был направлен Р. Валленберг. Наиболее интенсивно помощь евреям начала осуществляться с марта 1944 года, когда возникла угроза их депортации в Германию. По прибытии в Будапешт Рауль Валленберг установил деловые и личные связи с ответственными сотрудниками правительственных кругов Венгрии,

а также со спецслужбами Германии. Он имел тесные контакты с американским «Советом по делам беженцев от войны», штаб-квартира которого находилась в Вашингтоне и, который тесно сотрудничал с американской разведкой. С декабря 1944 года оказание помощи венгерским евреям уже не ограничивалось лишь теми, которые имели деловые или родственные связи со Швецией, а приобрело массовый характер – охватило около 20 тысяч человек. Смысл состоял в том, что им выдавались так называемые шведские «охранные паспорта», их селили в специально приобретаемые на средства американских и других сионистских организаций «шведские дома», им предоставлялось продовольствие, медицинская и иная помощь.

Р. Валленберг прибыл в Будапешт 9 июля 1944 года, когда до «окончательного решения еврейского вопроса» в Венгрии оставались считанные дни: гитлеровцы под руководством оберштурмбанфюрера СС А. Эйхмана уже депортировали из различных регионов страны более 400 тысяч евреев. От оставшихся 200 тысяч столица должна была быть «очищена» в течение ближайших нескольких дней. Р. Валленберг выдавал венгерским евреям шведские «охранные» паспорта, вынуждавшие нацистов обращаться с их обладателями как с гражданами нейтрального государства. Кроме того, используя самые различные методы – от сугубо дипломатических до взяток и шантажа – он смог организовать в оккупированном фашистами Будапеште несколько «шведских домов», находившихся под эгидой посольства и, соответственно, имевших неприкосновенность. В этих домах Р. Валленберг расселял будапештских евреев, тем самым, избавляя их от депортации в лагерь смерти. Этой деятельностью он занимался до декабря 1944 года – пока в Будапешт не вошли советские войска, вызволившие оставшихся узников гетто. При таком большом объеме оказываемой евреям помощи Р. Валленберг, возможно был вынужден идти на ряд нарушений инструкций о порядке выдачи шведских охранных паспортов. В результате такие документы получили и некоторые немецкие и венгерские фашисты, которые занимались враждебной деятельностью против СССР, причем часть из них попали под категорию военных преступников.

13 (14) января 1945 года, несмотря на продолжавшиеся ожесточенные бои, Р. Валленберг отправился со своим шофером Вильмошем Лангфельдером навстречу советским войскам, не поставив в известность руководство миссии. Достоверной информации о причинах такого шага Валленберга не имеется. Однако, его поступок достаточно логичен и показывает мужественный, авантюрный (рисковый) характер Валленберга. Ведь гуманная миссия по спасению евреев на этом этапе осуществлялась в сложной политической обстановке – в условиях жестоких боев за город. Швеция не признала пришедшее к власти в декабре 1944 года правительство Салаши, которое продолжало тесно сотрудничать с Германией. Дипломатический статус шведских дипломатов в Будапеште был под угрозой. Под интенсивным ог-

нем немецкой и советской артиллерии район расположения шведской миссии, оказавшийся между противоборствующими войсками, являлся далеко не безопасным. Не исключено, что целью Р. Валленберга было заручиться поддержкой советских войск. Рауль Валленберг проводил свою миссию в Будапеште по заданию американских спецслужб и на американские деньги во взаимодействии с англичанами. Возможно, это обстоятельство стало одной из причин его ареста контрразведкой «Смерш»¹. В связи с нотой шведской миссии в Москве от 31 декабря 1944 года, содержавшей просьбу к советским властям взять под защиту персонал дипломатической миссии в Будапеште², заместитель наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозов 16 января 1945 года сообщил шведской стороне о произошедшей на улице Бенцур встрече с секретарем шведской миссии Р. Валленбергом, для охраны которого приняты меры. С этого момента он полностью находился в распоряжении советского командования.

25 января 1945 года Р. Валленберг и В. Лангфельдер в сопровождении офицера «Смерш» и четырех солдат были отправлены на поезде в Москву. Они ехали свободно, ничего не подозревая. 6 февраля 1945 года Валленберг и Лангфельдер в сопровождении прибыли на Лубянку, где были арестованы. Даже опытные следователи не смогли определить состав преступления, в совершении которого можно было бы обвинить шведского дипломата. В журнале регистрации заключенных Внутренней (Лубянской) тюрьмы НКГБ СССР имеется соответствующая запись о Р. Валленберге под его собственным именем. В тот же день на него была заполнена регистрационная карточка арестованного, в которой его статус был определен как «военнопленного», а графа «характер преступления» осталась незаполненной³. Уголовные дела ни в отношении дипломата, ни его шофера не заводились.

Спустя пару месяцев шведы начали интересоваться судьбой дипломата, вопрос был поставлен официально и затем неоднократно повторялся. С 1945 года по официальным каналам шведской стороне не раз сообщалось об отсутствии в СССР сведений о судьбе Р. Валленберга.

Во второй половине 50-х годов, в новой обстановке, а также в результате настойчивости Стокгольма и международной общественности 6 февраля 1957 года советское правительство впервые официально признало, что Р. Валленберг находился в СССР, был заключен в тюрьму и там умер. В так называемом «меморандуме Громыко»⁴ впервые было конкретно указано, что шведский дипломат умер во Внутренней тюрьме МГБ 17 июля 1947 года, предположительно, от инфаркта миокарда, т.к. вскрытие не проводилось. Основанием для такого вывода послужил рапорт начальника санитарной части тюрьмы полковника А.Л. Смольцова от 17 июля 1947 года на имя министра госбезопасности В.С. Абакумова⁵.

Последующие официальные обращения шведской стороны, как правило, мотивировались появлением новых свидетельств, в которых

утверждалось, что Р. Валленберг якобы не умер в Лубянской тюрьме, а его видели живым в различных местах лишения свободы, в том числе Владимирской тюрьме. В целом за период 1945-1989 годов шведская сторона направила советскому правительству более 50 официальных запросов. Однако Москва давала стандартные ответы в соответствии с «меморандумом Громыко». После произошедших в стране в конце 80-х годов демократических преобразований «проблема Валленберга» широко обсуждалась в советских и иностранных средствах массовой информации. Появился ряд статей, в которых рассматривались различные версии о судьбе шведского дипломата.

Первым существенным шагом к сотрудничеству со шведской стороной стала встреча руководства МИД СССР и органов безопасности с членами «Общества Рауля Валленберга» и его родственниками, состоявшаяся 16 октября 1989 года. Шведам были переданы копии регистрационной карточки на арестованного Р. Валленберга и рапорта А.Л. Смольцова о смерти шведского дипломата, а также документы и личные вещи Р. Валленберга, обнаруженные в конце августа 1989 года в ходе работы по замене стеллажей в подсобном помещении архива, где хранились старые бланки, папки, черновики и картонные коробки. Среди переданных вещей были дипломатический паспорт на имя Р. Валленберга, два удостоверения венгерских властей на его же имя, его телефонная и записная книжки, иностранная валюта, изъятая при аресте и предметы личной гигиены.

В феврале 1990 года советник-посланник посольства Швеции в Москве Х. Магнуссон предложил образовать группу экспертов из советских и шведских историков, для изучения материалов, касающихся Р. Валленберга. В 1991 году со шведами была достигнута договоренность о создании совместной советско-шведской, а затем, российско-шведской, рабочей группы по выяснению судьбы Р. Валленберга. В ходе контактов МИД СССР с Посольством Швеции было условлено, что в состав рабочей группы будут включены ответственные сотрудники министерств иностранных и внутренних дел, органов государственной безопасности и других правоохранительных ведомств обеих сторон. К работе также привлекались независимые эксперты. От российской стороны в группу вошли сотрудники МИД, ФСБ, Минобороны, МВД и Росархива. Руководство обеих стран уделяло пристальное внимание работе группы. Деятельность группы обсуждалась в ходе регулярных встреч министров иностранных дел обеих стран, а также на российско-шведских межмидовских консультациях, где была достигнута договоренность завершить работу группы в 2000 году⁶.

Первое официальное заседание рабочей группы состоялось 26 сентября 1991 года. В общей сложности было проведено около двадцати пленарных заседаний, а также большое количество рабочих встреч в более узком составе. Были согласованы структура, принципы и основные направления работы группы, такие как изучение архивных материалов высших государ-

ственных и партийных органов, в первую очередь Политбюро ЦК КПСС, руководящих органов государственной безопасности, обороны и внешней политики; выявление лиц, которые в силу своего должностного положения или каких-то иных обстоятельств должны были иметь связь с «делом Валленберга», опрос их самих или родственников; а также проверка сведений, поступающих по различным каналам, в том числе содержащихся в письмах, обращениях граждан, а также в публикациях в средствах массовой информации и т.п.

В рамках работы группы были направлены письма бывшим государственным и партийным деятелям Советского Союза, имевшим отношение к данному делу, в том числе руководителям КГБ СССР, МИД СССР, ЦК КПСС с просьбой рассказать, что им известно о судьбе Р. Валленберга. Каких-либо сведений, представляющих интерес для работы группы, получено не было. Поиск материалов и свидетельств, касавшихся судьбы Рауля Валленберга, после создания группы приобрел системный характер. Большую помощь оказывала Администрация Президента Российской Федерации, содействуя выявлению документов, хранящихся в Архиве Президента Российской Федерации. В результате рабочая группа получила и передала шведской стороне 68 документов на 274 листах, касавшихся рассмотрения в Политбюро ЦК КПСС вопросов советско-шведских отношений и позиции партийно-государственного руководства по «делу Валленберга».

.. Немало сведений, показывающих, в частности, особенности обстановки, в которой находился Р. Валленберг, получено из документов Федеральной Архивной службы Российской Федерации и подведомственных ей архивных учреждений: Российского государственного архива социально-политической истории и Российского государственного архива новейшей истории, в которых хранятся документы высших партийных органов, Совета Министров СССР, некоторых министерств, включая Наркомат внутренних дел, Наркомат государственной безопасности и др., а также Российского государственного военного архива, содержащего т.н. трофейные фонды из Германии и других стран, в том числе фонд Управления по делам военнопленных и репатриированных НКВД-МВД СССР. Из материалов этих фондов получена информация о немецких и других военнопленных, которые содержались в тюрьмах Лефортово и Лубянки одновременно с Р. Валленбергом, а также тех, которые находились во Владимирской тюрьме. Значительное количество документов, связанных с именем Р. Валленберга, выявлено МИД России в Архиве внешней политики. Особенность этих документов состоит в том, что они позволяют проследить цепочку рассмотрения вопроса, начиная с обращения шведской стороны, рассмотрении его в МИД, дальнейшем запросе сведений в министерствах органов внутренних дел или государственной безопасности, получении ответа из указанных ведомств и, наконец, направлении ответа шведской стороне.

Основная подборка документов по этой проблеме находилась в фондах референтуры по Швеции. Работа по поиску интересующих документов проводилась также по фондам референтур по Венгрии, Румынии, Союзной Контрольной Комиссии в Венгрии, Румынии, референтур по Швейцарии, Турции, Финляндии, ГДР и Комитета Информации. Также осуществлялся просмотр различных архивных дел и документов фондов посольств в упомянутых странах. Просмотрено в общей сложности несколько сот архивных дел, выявлены десятки документов, касавшихся Р. Валленберга, например, раскрывающие некоторые моменты предыстории подготовки «меморандума Громыко». По мере их выявления копии документов передавались шведской стороне.

Рабочая группа изучила архивные документы, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, а также Российском государственном военном архиве. Упор был сделан на документы периода Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, в том числе документы политуправлений и шифртелеграммы 2-го и 3-го Украинских фронтов, участвовавших в освобождении Будапешта. Среди них были выявлены документы, касающиеся ареста Р. Валленберга и его отправки в Москву. С целью обнаружения дополнительных сведений о шведской миссии и Р. Валленберге, были проверены документы Управления военного коменданта Будапешта. Однако этот поиск положительных результатов не дал. Параллельно велась работа по изучению документальных материалов центрального аппарата наркомата обороны, в ходе которой были выявлены дублирующие документы о шведской миссии. При изучении архивных документов, хранящихся в Главном разведывательном управлении Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, сведений о Валленберге не выявлено. В октябре 1993 года шведской части группы было сообщено, что Служба внешней разведки России и ее предшественники не имели отношения к делу Р. Валленберга.

В 1992 году Генеральная прокуратура Российской Федерации провела проверку архивных уголовных дел в отношении руководителей отдела специальных регистраций КГБ СССР. Сведений о Р. Валленберге также выявлено не было. Наибольший интерес представляли материалы Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Еще в 1991 году во все органы госбезопасности СССР была направлена телеграмма за подписью руководства КГБ о проверке Р. Валленберга по архивам и картотечным учетам, в том числе и по учетам органов внутренних дел. Но каких-либо данных о нем получено не было.

В Центральном архиве ФСБ России проверены документы следственных дел на руководящих сотрудников МГБ В.С. Абакумова, Л.Ф. Райхмана, Г.М. Майрановского и других, материалы секретариата МГБ-КГБ СССР за 1945-1989 годы, включая протоколы Особого совещания при МГБ СССР, Главного управления контрразведки «Смерш» Народного комиссариата

обороны СССР, а затем – 3-го Главного управления (военная контрразведка) за 1944–1953 годы, управлений «Смерш» 2 и 3 Украинских фронтов за 1945 год, Инспекции Союзной контрольной комиссии в Венгрии за 1945 год, 2 Главного управления (территориальная контрразведка) за 1945–1989 годы, Первого спецотдела НКВД СССР, а затем Отдела «А» НКГБ-МГБ СССР (учеты, архивы, переписка об арестованных, заключенных, в том числе военнопленных и интернированных) за 1945–1950 годы.

Кроме того, изучались имеющиеся в архивах органов госбезопасности следственные дела на иностранных граждан, имевших отношение к Р. Валленбергу, личные дела бывших сотрудников НКВД-НКГБ, ГУКР «Смерш» НКО СССР, МГБ и КГБ СССР, принимавших участие в работе с Р. Валленбергом в 1945–1947 годах и соприкасавшихся с ним лицами. Проверены журналы Лефортовской и Внутренней тюрем МГБ, где имелись зачеркнутые места, которые при помощи технических служб были восстановлены. Некоторые из них имели отношение к Р. Валленбергу, В. Лангфельдеру и другим лицам, находившимся с ними в заключении. Помимо этого были всесторонне изучены следственные и личные дела заключенных, пересекавшихся с Р. Валленбергом или, возможно, связанных с его судьбой в период пребывания в 1945–1947 годах во Внутренней (Лубянской) и Лефортовской тюрьмах, журналы регистрации и учета вызовов на допросы, например, Г. Лойда, Г. Рихтера, В. Ределя и др. Так, документально установлено, что после задержания советской контрразведкой и оказавшись в Москве, Вилли Редель содержался с Раулем Валленбергом в камере № 203 Лефортовской тюрьмы с 29 мая 1945 года по 26 февраля 1947 года. После перевода во Внутреннюю тюрьму МГБ СССР, начиная с 1 марта 1947 года, порядок их перемещения и содержания в камерах этой тюрьмы точно определить по архивным материалам не представилось возможным. Многие номенклатурные дела по учету заключенных имели временный срок хранения и в архиве не сохранились.

В ходе работы российско-шведской рабочей группы были просмотрены показания иностранных граждан из числа военнопленных и дипломатических работников, находившихся в плену или заключении в Советском Союзе после 1944–1945 годов. Примером могут послужить хранящиеся в ЦА ФСБ России материалы в отношении оберфюрера СА Вилли Ределя. Уголовное дело на В. Ределя (как и на Р. Валленберга) не заводилось. Протоколы допросов и собственноручные показания В. Ределя приобщены в дело оперативной переписки по делам военнопленных⁷, которое содержит разнообразные материалы, имеющие отношение к шести лицам, но упоминаний о Р. Валленберге в этом деле нет. В вышедший в 2011 году сборник «Тайны дипломатии Третьего рейха»⁸ были включены два документа из указанного дела, написанные В. Ределем 26 декабря 1944 г. и 14 января 1945 г. После публикации издания у журналистов возникли подозрения, что в неопубликованных

в российском сборнике документах в отношении В. Ределя могут находиться сведения о судьбе шведского дипломата Р. Валленберга. Однако, об основном содержании и составе архивных документов ЦА ФСБ России в отношении В. Ределя, в частности, о его совместном с Р. Валленбергом пребывании в одной камере, шведская сторона подробно информировалась в ходе работы совместной Российско-шведской рабочей группы по делу Р. Валленберга. Об этом также сообщалось экспертам. С целью опровержения подобных предположений в мае 2012 года вышел в свет сборник документов «Оберфюрер СА Вилли Редель. Документы из архивов ФСБ России»⁹. Все имеющиеся документы из дела оперативной переписки в отношении Вилли Ределя были включены в сборник без изъятий и купюр.

В ходе работы группы Федеральной службой безопасности Российской Федерации были проведены опросы бывших сотрудников органов госбезопасности и внутренних дел, сотрудников советских ведомств. Также проведено исследование документов закрытого фонда Оперативного управления Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. Особое внимание было уделено материалам об иностранных гражданах из числа военнопленных. Просмотрены 983 архивных дела общим объемом около 98 тыс. документов за период с января 1945 г. по декабрь 1950 г., т.е. даже больший период, чем документально подтвержденное время пребывания Р. Валленберга на территории СССР. Документы содержали ориентировки НКВД, НКГБ, МВД и МГБ по оперативной работе среди военнопленных и интернированных, докладные записки наркоматов Правительству СССР и главных управлений руководству, указания и распоряжения руководства НКВД-МВД СССР в лагеря для военнопленных и интернированных, контрольные дела по направлениям работы, переписка с МИД СССР, а также внутренняя переписка подразделений НКВД-МВД СССР, включая препроводительные письма к протоколам допросов. В делах также имелись спецсообщения, отчеты о проделанной работе, переписка между заинтересованными ведомствами по военнопленным и интернированным, содержавшимся в тюрьмах органов внутренних дел и госбезопасности, в т.ч. по их жалобам и заявлениям, списки иностранных граждан, включая подвергшихся уголовному наказанию.

Чтобы отработать версию о зашифровке данных о Р. Валленберге применялся метод аналогии – были изучены факты применения в то время практики т.н. «номерных заключенных». Установлено, что иностранцам и советским гражданам присваивались номера (или изменялись фамилии) в целях обеспечения особой конспирации только в процессе оперативной и следственной работы. Во время суда они фигурировали под своими фамилиями. Достаточно уверенно можно сказать, что некоторое время – весной и летом 1947 г. – Валленберг и Редель содержались в камере № 7. Есть основания считать, что в 1947 г. Валленберг был так называемым

«номерным заключенным» – «заключенным № 7». Это предположение носит характер научной версии, т.к. документально подтвердить данный факт или опровергнуть до настоящего времени не удалось.

Что же касается журналов регистрации перемещения заключенных Лефортовской и Лубянской тюрем Р. Валленберг записан под своей фамилией. Сравнительное исследование содержания информации, полученной от всех лиц, подвергшихся официальному опросу в рамках работы группы, а это более 70 человек, а также сообщений СМИ показало, что никто из них не сообщил достоверных и убедительных доказательств того, что после июля 1947 года Р. Валленберг был жив. Сведений, касающихся судьбы Р. Валленберга нет и в материалах конвойных войск НКВД, хранящихся в РГВА. Сотрудники ФСБ также изучили материалы войск по охране тыла Красной армии, дислоцировавшихся в районе Будапешта в 1945 году. Обнаруженные в РГВА документы по шведской миссии также были переданы шведской стороне. С целью проверки версии о пребывании Р. Валленберга в психиатрических клиниках Советского Союза были осуществлены проверки в архивах ВНИИ общей и судебной психологии им. В.П. Сербского и в Психиатрической больнице № 1 им. М.М. Кашенко в Москве.

Вместе с тем проводилось исследование с целью установления возможной кремации трупа Р. Валленберга. При этом учитывалось, что единственным местом кремации в Москве в 1947 году являлся крематорий Донского кладбища. Репрессированные лица в книгах крематория и кладбища не регистрировались и, как показала проверка, Р. Валленберг и В. Лангфельдер в них не были записаны. Проводился полистный просмотр переписки, где сосредоточены предписания Военной коллегии Верховного Суда СССР, Особого совещания при МГБ СССР, трибуналов и других органов о приведении смертных приговоров в исполнение и направлении трупов для захоронения или кремации. И по этим материалам Р. Валленберг и В. Лангфельдер также не значатся.

В целом был выявлен значительный объем информации, которая могла более детально увидеть отдельные стороны деятельности Р. Валленберга в Будапеште до момента ареста, а также установить отдельные моменты его пребывания в тюрьмах НКГБ-МГБ СССР. Но главных сведений, документов в связи с его допросами и гибелью, не обнаружено. Министерство внутренних дел Российской Федерации по своим каналам проводило повторную проверку по учетам архивных подразделений органов внутренних дел субъектов Российской Федерации, а также по архивам всех действующих и упраздненных мест лишения свободы, содержания арестованных и задержанных. Сведений о пребывании Р. Валленберга в подведомственных МВД России учреждениях выявлено не было. Специальной проверке были подвергнуты архивные документы Бутырской тюрьмы в Москве, содержащие сведения об умерших в ней

заключенных (ведется с 1942 года), а также журнал учета медицинского обслуживания этой тюрьмы (сохранился за период с 1947 года). Проведена также работа в архивах Бутырской тюрьмы и Главного Управления внутренних дел Москвы по выявлению лиц, работавших в санчасти этой тюрьмы в 1945-1965 годах, и членов их семей, которые, вероятно, могли располагать какими-то сведениями о возможном нахождении там Р. Валленберга. Шведской стороне передан список этих лиц с их адресами.

Особое место в работе заняла проверка версии о пребывании после 1947 года Р. Валленберга во Владимирской тюрьме. При содействии МВД СССР в 1990 году члены «Международной комиссии по поиску сведений о судьбе Р. Валленберга» посетили Владимирскую тюрьму, совместно с представителями московского общества «Мемориал»¹⁰ им была предоставлена возможность побеседовать с бывшими сотрудниками этого учреждения периода 1947-1972 годов, просмотреть регистрационные карточки заключенных тюрьмы, содержащихся в те годы в корпусе 2 (около 80 тыс. карточек). Кроме того, они получили возможность отсканировать для дальнейшей компьютерной обработки отобранные ими 6 тысяч регистрационных карточек заключенных тюрьмы. Параллельно органы МВД через Отдел записи актов гражданского состояния администрации города Владимира провели проверку регистрации смерти лиц, содержащихся во Владимирской тюрьме за период с 1945 по 1958 год. Никаких данных о Р. Валленберге обнаружено также не было.

За весь период работы группы изучено большое количество материалов: журналы по приему арестованных, дела с актами о приведении приговоров в исполнение и справками о местах захоронений, личные дела заключенных и военнопленных (всего более 10 тыс. дел); проведена экспертиза подлинности важнейших документов, таких как, рапорт Смольцова от 17 июля 1947 г. Опрошено более 40 бывших сотрудников органов безопасности и внутренних дел. Шведской стороне передано более 200 документов. К сожалению, просмотр многочисленных документов и итоги опросов свидетелей, якобы позднее видевших Валленберга в местах заключения, не принесли ясности в причины его ареста и обстоятельства смерти. Документы или достоверные сведения, в которых говорилось бы об этом, так и не были обнаружены.

В связи с многочисленными обращениями российских и иностранных организаций о реабилитации Р. Валленберга Главная военная прокуратура Российской Федерации в 1998 году проинформировала о проведении ею соответствующей проверки, а также запросила итоговые документы по работе российско-шведской группы. В декабре 2000 г. заключением Генеральной прокуратуры Российской Федерации Рауль Валленберг реабилитирован.

Мужество Р. Валленберга заслуживает того, чтобы ему отдали долг памяти. Тайны, связанные с его судьбой, заставляют при работе с докумен-

тами этого периода внимательно смотреть, нет ли упоминаний о Р. Валленберге, нет ли каких-то свидетельств, которые могли бы пролить свет на его судьбу? Почему так драматично сложилась ситуация, каковы причины его задержания и смерти? Когда и как он умер?

Архивисты российских органов безопасности не меньше других заинтересованы в том, чтобы разгадать эти загадки. Несмотря на, казалось бы, многочисленные подробности жизни Рауля Валленберга, на сегодняшний день практически нет зацепок, которые давали бы возможность дальнейшего поиска новых документов.

¹ Ф. Лукьянов. Новые тайны в «деле Валленберга» // Российская газета. 2005. 4 февраля. – С. 6.

² Рауль Валленберг. Отчет шведско-российской рабочей группы. – Стокгольм, 2000. – С. 219–220.

³ Рауль Валленберг. Отчет шведско-российской рабочей группы. – Стокгольм. 2000. – С. 224.

⁴ Рауль Валленберг. Отчет шведско-российской рабочей группы. – Стокгольм. 2000. – С. 308–309.

⁵ Рауль Валленберг. Отчет шведско-российской рабочей группы. – Стокгольм. 2000. – С. 316.

⁶ Рауль Валленберг. Отчет шведско-российской рабочей группы. – Стокгольм. 2000.

⁷ ЦА ФСБ России. ПФ-9653

⁸ Тайны дипломатии Третьего рейха. Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену.: Документы из следственных дел. 1944–1955 / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: МФД, 2011. – 880 с.

⁹ Оберфюрер СА Вилли Редель. Документы из архивов ФСБ России / Отв. ред. В.С. Христофоров, авт.-сост. В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012. – 128 с.

¹⁰ Общественная организация, занимающаяся вопросами политических репрессий и установлением судьбы граждан, незаконно осужденных в эти годы.

ОБЕРФЮРЕР СА ВИЛЛИ РЕДЕЛЬ

*Вступительная статья
к сборнику документов¹*

Повышенный интерес историков, исследователей и журналистов к личности Вилли Ределя вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, В. Редель с 1941 по 1944 гг., будучи сотрудником так называемой разведки Риббентропа, руководил Информационным отделением немецкого посольства в Румынии. Во-вторых, после задержания советской контрразведкой оказавшись в Москве, волею судеб он содержался в одной камере с Раулем Валленбергом. Тайны, связанные с его судьбой, заставляют при работе с документами этого периода внимательно смотреть, нет ли упоминаний о Валленберге, нет ли каких-то свидетельств, которые могли бы пролить свет на его судьбу? Поиск документов по Валленбергу в архивах не прекращается. Именно интерес к Валленбергу и обусловил обращение Московского бюро американского агентства «Ассошиэйтед Пресс» в Центральный архив ФСБ России с просьбой об интервью с составителями сборника «Тайны дипломатии Третьего рейха». В книгу были включены два документа, написанные неким В. Ределем 26 декабря 1944 г. и 14 января 1945 г.² В этих материалах шла речь о неизвестных ранее подробностях того, как нацистская Германия перед войной маскировала нападение на Советский Союз, а также о личности уполномоченного РСХА по решению еврейского вопроса в Румынии. Так совпало, что сборник готовился параллельно с отчетом комиссии независимых историков ФРГ, США и Израиля под руководством профессора Марбургского университета Э. Конце – «Министерство и его прошлое. Германские дипломаты в период Третьего рейха и в Федеративной республике» («Das Amt und die vergangenheit. Deutsche diplomaten im dritten reich und der bundesrepublik»), опубликованном в середине октября 2010 г.

Выход в свет этих изданий повысил градус научного интереса к теме немецкой дипломатии военного периода, а у историков и журналистов возникла версия о наличии отдельного архивного дела на В. Ределя, ранее не доступного исследователям. Журналисты полагали, что дополне-

ния к опубликованным в российском сборнике документам в отношении Ределя могут пролить свет на судьбу шведского дипломата Валленберга. Об основном содержании и составе архивных документов ЦА ФСБ России в отношении Ределя, в частности, о его пребывании в одной камере с Валленбергом, шведская сторона подробно информировалась в ходе работы совместной Рабочей российско-шведской группы по делу Р. Валленберга (1993–2001 г.). Об этом также сообщалось экспертам. Утверждения о том, что российские архивисты отрицали существование протоколов допросов Ределя – это, мягко говоря, лукавство. В Центральном архиве ФСБ России имеются протоколы его допросов и собственноручные показания, но при этом отдельного архивного уголовного дела нет.

Уголовное дело на В. Ределя (как и на Р. Валленберга) не заводилось. Протоколы допросов и собственноручные показания В. Ределя приобщены в дело оперативной переписки по делам военнопленных, которое содержит разнообразные материалы, имеющие отношение к шести лицам, но упоминаний о Р. Валленберге в этом деле нет. Все документы в отношении Вилли Ределя из этого достаточно объемного дела, находящегося на хранении в ЦА ФСБ России, и составили основное содержание данного сборника. Документально установлено, что заключенные Редель и Валленберг содержались в камере № 203 Лефортовской тюрьмы с 29 мая 1945 г. по 26 февраля 1947 г. После перевода во Внутреннюю тюрьму МГБ СССР, начиная с 1 марта 1947 г., порядок их перемещения и содержания в камерах этой тюрьмы точно определить по архивным материалам не представилось возможным. Многие номенклатурные дела по учету заключенных имели временный срок хранения и в архиве не сохранились. Достаточно уверенно можно сказать, что некоторое время – весной и летом 1947 г. – они содержались в камере № 7. Тогда существовала практика с целью сокрытия самого факта пребывания в тюрьме некоторых лиц присвоения вместо фамилий номеров. Есть основания считать, что в 1947 г. Валленберг был так называемым «номерным заключенным» – «заключенным № 7». Это предположение носит характер научной версии, т.к. подтвердить данный факт документально до настоящего времени не удалось. Авторы-составители полагают важным отметить, что ни в одном из выявленных в архивах ФСБ России документов, использованных для подготовки сборника, прямо или косвенно не упоминается Р. Валленберг или «заключённый № 7»³.

После этого, обязательного, на наш взгляд, введения, пора рассказать о заглавном персонаже – оберфюрере СА Вилли Ределе. Что же представлял собой этот нацистский функционер в тот момент, когда 7 сентября 1944 г. был задержан оперативной группой ГУКР «Смерш» в Бухаресте?⁴

Вилли Редель родился 16 марта 1897 г. в г. Ханау-на-Майне в семье комиссара уголовной полиции. После получения среднего образования в 1914 г. добровольно поступил в армию и ушел на фронт. Участник Первой мировой войны. В ходе войны получил воинское звание «лейтенант

резерва». В 1918–1919 гг., еще на фронте, вступил в члены социалистической партии Германии, но вскоре разочаровался в социалистических идеалах. В январе 1920 г. после демобилизации из армии поступил в полицию Мекленбурга (Шверин). В 1924 г. уволился со службы и решил попытаться счастья в Южной Африке и заняться фермерством. Однако из этой затеи ничего путного не вышло, и в том же году он вернулся на родину. По возвращении в Германию устроился работать на фабрику фирмы «Dunlop AG» в Ханау. Примкнул к национал-социалистическому движению и 2 июня 1925 г. вступил в НСДАП и СА. Благодаря личной дружбе с одним из видных «штурмовиков» А. Беккерле, сделал успешную карьеру. В 1933 г. возглавил 49-ю франкфуртскую бригаду СА и получил генеральский чин «оберфюрер СА». В июне 1934 г. во время «Ночи длинных ножей» едва не стал жертвой эсэсовцев, был обвинен подчиненными в превышении полномочий и растратах, но успел бежать в баварские Альпы к одному из своих товарищей по СА. После того, как страсти в связи с неудавшимся «путчем штурмовиков» поутихли, вернулся на службу, но от командных должностей в СА отказался, заняв скромную должность референта. В 1935 г. перешел на службу в Министерство иностранных дел в качестве дипломатического курьера. По делам службы исколесил полмира, дважды побывал в Советском Союзе, а также в Англии, Бельгии, Голландии, Италии, Испании, Португалии, Турции, Франции, Швейцарии, Японии и неоднократно – на Балканах. В 1940 г., вновь по протекции Беккерле, который к тому времени был назначен германским послом в Софии, получил пост советника посольства в Прессбурге (Братислава). Пост германского посла в Словакии занимал также видный деятель СА – М. Киллингер, после перевода которого в январе 1941 г. в Бухарест, Редель занял пост начальника Информационного отдела посольства, а с начала лета того же года стал резидентом «Разведки Риббентропа» в Румынии. Именно как представитель этой структуры он и представлял интерес для советской контрразведки. Накануне нападения нацистской Германии на СССР, в мае 1941 г., Риббентроп создал собственную специальную службу, которую противопоставил VI Управлению РСХА (внешняя разведка)⁵. Риббентроп поставил перед новой службой задачу наладить получение военно-политической информации в союзных, нейтральных и воюющих с Германией странах. Для того чтобы добывать актуальную информацию, помимо официальных докладов, поступавших из германских посольств и дипломатических миссий, создавалась разветвленная агентурная сеть. «Разведка Риббентропа» очень скоро превратилась в разведслужбу, предоставлявшую Ставке фюрера своевременную и подробную информацию о военно-политических событиях во всем мире. В то же время наличие в МИДе специальной службы тщательно скрывалось. Непосредственно в министерстве к работе с разведывательной службой было допущено весьма ограниченное число лиц⁶. Небольшой штат сотрудников способствовал сохранению в тайне ее

истинного предназначения. Она комплектовалась проверенными сотрудниками из числа личного штаба министра иностранных дел⁷. Другим способом легендирования служило то, что посланник А. Генке числился в личном штабе Риббентропа для «особых поручений министра». Новая служба получила название «Дейтче информатионштелле III» (3-я германская информационная группа, сокращенно «ДИС III»). Такое наименование не вызывало лишних вопросов у непосвященных лиц. «ДИС III» действовала под прикрытием одной из девяти групп Информационного отдела МИД Германии. Кроме Ределя в советском плену оказались еще два высокопоставленных сотрудника «Разведки Риббентропа»⁸. Они также дали подробные показания о «ДИС III» и ее сотрудниках, в частности, о В. Ределе⁹.

При подготовке публикации были выявлены все протоколы допросов и собственноручные показания В. Ределя, а также служебная переписка органов безопасности, имеющая к нему отношение. Материалы хранятся в трех делах: «Оперативная переписка по делам военнопленных», «Переписка по Особой инспекции СКК в Румынии» и «Разведка Риббентропа».

В первом из названных дел¹⁰ находятся материалы, связанные с судьбой шести человек, задержанных органами военной контрразведки «Смерш» 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов на территории Венгрии, Румынии и Чехословакии, и один из них – В. Редель. Дело «Переписка по Особой инспекции СКК в Румынии»¹¹ начато 8 сентября 1944 г. и закончено 29 октября 1947 г. В деле пять документов, содержащих сведения о сотрудниках и структуре «Разведки Риббентропа». Два документа включены в основной текст сборника, остальные публикуются в приложении. В деле «Разведка Риббентропа»¹² сосредоточены сведения о сотрудниках разведывательной службы МИД Германии и основных направлениях деятельности с мая 1941 по май 1945 гг. Из этого дела в сборник включены два документа.

Публикацией выявленных архивных документов предпринята попытка решить две научные задачи: предоставить широкому кругу читателей документы советских органов безопасности в отношении В. Ределя; объективно показать его роль в деятельности «Разведки Риббентропа» и подробно описать период пребывания в заключении в СССР с 8 сентября 1944 г. по 15 октября 1947 г. Для решения поставленных задач к публикации были подготовлены сорок шесть документов. Сорок четыре – из фондов ЦА ФСБ России, два – из архива УФСБ России по Саратовской области. Составители посчитали целесообразным сгруппировать их по хронологическому принципу – с 1944 по 1947 г. Такой подход позволяет на конкретном примере показать мотивы, цели и алгоритм действий советской контрразведки по выявлению, обобщению и анализу информации о противнике.

Самым крупным и информативным комплексом стали материалы 1944 г. Из двадцати двух документов, датированных 1944 г., семнадцать – собственноручные показания В. Ределя по широкому кругу вопросов организации работы в Румынии специальных служб и МИД Германии

(структура, функции, сотрудники и информаторы). Остальные – служебные документы ГУКР «Смерш» НКО СССР и УПВИ НКВД СССР, которые отражают процесс сбора и анализа сведений о деятельности немецких спецслужб. Большую часть наиболее ценной информации В. Редель сообщил в декабре 1944 г.: пятнадцать собственноручных показаний, пять из которых написаны в течение одного дня – 17 декабря. Из трех документов, датированных 1945 г., два – собственноручные показания В. Ределя: от 14 января – об аташе полиции в Бухаресте и от 20 января – о деятельности СА. Эти документы созданы в период завершения активной фазы работы органов советской контрразведки, начатой в 1944 г. В следующий раз о В. Ределе вспомнили через полгода, и 16 июня он был вызван на допрос, в ходе которого рассказал о биографии и работе в МИД Германии. В большей степени протокол повторяет информацию, сообщенную ранее.

В 1946 г. к материалам на В. Ределя были приобщены три документа. Первый из них представляет особый интерес для исследователей, изучающих противостояние спецслужб в годы Второй мировой войны, поскольку составлен секретным сотрудником советской военной разведки. В годы войны в Румынии эффективно действовала нелегальная группа ГРУ во главе с пресс-атташе германского посольства в Бухаресте К. Велькишем¹³. Из текста документа видно, насколько была осведомлена советская сторона о деятельности официальных представителей Германии на территории Румынии. В характеристике, данной секретным сотрудником ГРУ, подробно говорится о тесном переплетении личных и рабочих интересов В. Ределя и германского посла в Бухаресте Киллингера, подтверждаются биографические данные и точно описываются психологические особенности В. Ределя. Архивный документ не датирован и не подписан, но заверен сотрудником ГУКР «Смерш». 18 декабря 1946 г. Редель был ещё раз допрошен об официальном составе и агентуре германских разведорганов. Принципиально новых сведений в протоколе не содержится, однако его копия 21 декабря из 4-го отдела была направлена для оперативного использования в 3-й отдел 3-го Главка МГБ СССР¹⁴.

Четырнадцать документов 1947 г., кроме собственноручных показаний о деятельности английской секретной службы в Румынии от августа 1947 г., представляют собой служебную переписку в отношении В. Ределя, в том числе различные проверки, записки и справки. О последних четырех документах необходимо сказать отдельно, поскольку в них сосредоточены сведения об ухудшении состояния здоровья и обстоятельствах смерти В. Ределя. 21 сентября после жалоб В. Ределя на «боли в области сердца, слабость и бессоницу» начальником санчасти Внутренней тюрьмы МГБ СССР была составлена справка о его состоянии и поставлен диагноз «декомпенсированный порок сердца». 14 октября начальник 4-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР направил начальнику Внутренней тюрьмы МГБ СССР записку с просьбой этапировать

Ределя в Красногорский лагерь для военнопленных № 27. Служебная записка начальника Внутренней тюрьмы МГБ СССР от 16 октября о смерти В. Ределя во время этапирования 15 октября и прилагавшейся к ней акт судебно-медицинского исследования трупа завершают основной текст публикации.

В приложение к сборнику включены четыре схемы: «Структура Германского информационного бюро III», «Информационная служба Риббентропа в Румынии», «Официальные пути получения информации» и «Схема агентурно-осведомительной деятельности». Первая из них хранится в деле «Оперативная переписка по делам военнопленных», исполнена карандашом, на немецком языке и, судя по почерку, составлена самим В. Ределем. Три другие схемы исполнены на русском языке, чернилами и приобщены к делу переписки по Особой инспекции СКК в Румынии. Несмотря на неоднократное дублирование информации, составители полагали необходимым опубликовать все выявленные документы о В. Ределе. Особо внимательные читатели могут убедиться, что ни один из листов дела ПФ-9653 (Л. 400–549) не пропущен.

Археографическое оформление и передача текста документов проведены в соответствии с правилами публикации исторических документов. Все документы снабжены редакционными заголовками, если в отдельных случаях сохранялись элементы собственных заголовков, то они заключались в кавычки. Лица, подписавшие документ от имени того или иного органа власти, указаны в заголовке в том случае, если документ носит личностную окраску, например написан от первого лица. В остальных случаях автором выступает учреждение или структурное подразделение, от которого исходит документ. Все документы датированы. Если точную дату установить не удалось, то приблизительная или установленная по содержанию документа датировка приводится в тексте заголовка в квадратных скобках. В переводах показаний и протоколов допросов В. Ределя, сделанных в 1944–1947 гг., к сожалению, имеют место разночтения в написании фамилий, имен и географических названий. В большинстве случаев фамилии воспроизводятся так, как зафиксировано в тексте, в отдельных случаях ошибки перевода откомментированы.

В научно-справочный аппарат сборника входят: предисловие, примечания, относящиеся к тексту документа, а также комментарии – тематический и именной, и перечень документов.

¹ Оберфюрер СА Вилли Редель. Документы из архивов ФСБ России / Отв. ред. В.С. Христофоров, авт.-сост. В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2012. – 128 с.

² Тайны дипломатии Третьего рейха. Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955. – М.: МФД, 2011. – С. 423–425.

³ Шведско-российской рабочей группой по установлению судьбы Р. Валленберга рассматривалась версия о том, что он находился в тюремном заключении как номерной заключенный или содержался под другой фамилией. В российских архивах не выявлено материалов, документально точно свидетельствующих, о том, что Р. Валленберг – это «заключенный № 7». Однако составители учитывали эту версию при подготовке данного издания.

⁴ 29 октября 1944 г. начальник ГУКР «Смерш» В.С. Абакумов доложил в ГКО СССР лично И.В. Сталину о формировании оперативных групп для выполнения контрразведывательных мероприятий в ряде освобожденных стран Европы, в частности, в отношении опергруппы в Румынии. В составе Союзной контрольной комиссии в Румынии оперативную группу работников контрразведки возглавил помощник начальника ГУКР «Смерш» генерал-майор Тимофеев П.П.

⁵ Зачастую исследователи ошибочно отождествляют «Разведку Риббентропа» и «Бюро Риббентропа», которое функционировало с апреля 1933 до февраля 1938 гг., то есть до назначения Риббентропа министром иностранных дел и представляло собой группу экспертов по вопросам внешней политики.

⁶ Госсекретарь барон Э. Вайцеккер, руководитель политического отдела Э. Верманн, личный секретарь министра Г. Штеенграхт фон Мойланд, главный референт в специальном поезде Э. Ринтелен, личный адъютант Б. Готтфридсен, руководитель отдела кадров Г. Шрёдер, заведующий шифрбюро К. Зельхов, а также сотрудники личного штаба министра – Ф. Зоннлейтнер, Р. Ликус, П. Шмидт и Х. Леманн.

⁷ В «ДИС III» первоначально работали крупные чиновники германского МИД: А. Биберштайн, доктор В. Димке и Э. Брист. В числе технических сотрудников значились канцелярский служащий В. Шенкенбергер и две машинистки. В ноябре 1942 г., в связи с назначением А. Генке посланником в Мадрид, разведывательную службу возглавил бывший посол в Тегеране Э. Эттель.

⁸ Легационные секретари 1-го класса Э. Брист и А. Биберштайн. Первый был взят в плен 30 ноября 1943 г. в районе г. Кривой Рог; а второй арестован 1 мая 1945 г. в Берлине.

⁹ Тайны дипломатии Третьего рейха. Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955. – М.: МФД, 2011. – С. 106, 282, 332, 684–688.

¹⁰ ЦА ФСБ России. ПФ-9653.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 53. Оп. 1. Д. 317.

¹² Архив УФСБ России по Саратовской области. Ф. 16. Оп. 312 «Е». Д. 235.

¹³ См. подробнее: Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 – июнь 1941 гг. – М., 2008.

¹⁴ 4-й отдел 3-го Управления МГБ СССР вел работу среди военнопленных, представляющих интерес для органов военной контрразведки, занимался проверкой военнослужащих, бывших в плену, руководил оперативной работой инспекций при СКК и др. 3-й отдел 3-го Управления МГБ СССР вел розыск агентуры иностранных разведок в частях и подразделениях вооруженных сил.

СОВЕТСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XX ВЕКА

*Тезисы выступления на международной
научно-практической конференции РГГУ «Университетский потенциал
исторического образования в контексте современной модернизации»
г. Москва, 10–11 февраля 2011 г.*

В исследовании исторических событий XX века использование документов органов безопасности весьма существенно. В архивах ФСБ содержится документальная информация политического, военного и разведывательного характера, что в ряде случаев позволяет оценить факты, события и явления на основе информации, которая была получена оперативным путем с использованием специальных сил и средств, характерных для оперативно-розыскной работы. Разумеется, что такого рода информация при использовании и обобщении подлежит научной критике и должна рассматриваться в совокупности с источниками другого характера и происхождения, в числе которых военные и войсковые архивы, документы политорганов и высших инстанций страны. В приказах, донесениях, спецсообщениях, докладных записках и других документах органов безопасности в большей степени представлены негативные стороны событий, критические высказывания и замечания действующих лиц, конфиденциальные мнения и точки зрения. Во многих случаях это простая констатация фактов, что требует дополнительного исторического осмысления и для введения этой информации в научный оборот желательно ее подробное комментирование. Открытое опубликование этих документов требует осторожного подхода, взвешенности и тактичности, так как информация может оказаться предвзятой, а порой болезненно затронуть интересы конкретных лиц.

Важным фактором при открытом опубликовании документов органов безопасности является учет государственных секретов, политической целесообразности и определение пределов обнародования персональных данных на конкретных лиц. Разумеется, что при этом речь может идти и о ведомственных секретах. Эти предупреждения и сомнения нельзя истолковывать как требование безусловного закрытия документной информации архива ФСБ. Мы против того, чтобы «кастрировать» историю, как и против того, чтобы при освещении известных фактов и событий бравировать доступностью к ранее засекреченным документам.

Несмотря на то, что архивные документы органов госбезопасности использовали и ранее, широкое их обнародование началось только в последние пятнадцать лет. Документы органов безопасности занимают важное место в общем контексте исторических источников, раскрывающих механизм принятия важнейших решений, в том числе и в сфере международных отношений. Руководством страны всегда придавалось большое значение информации, полученной от спецслужб. Осознавая важность и значимость архивных материалов органов безопасности для объективного исследования истории, архивисты и историки спецслужб предпринимают усилия по их рассекречиванию и публикации. При этом они отдают себе отчет в том, что история самой спецслужбы является неотъемлемой частью истории страны и государства. Советские органы государственной безопасности играли важную роль в развитии государства, а в ряде случаев неудачи или успехи разведки и контрразведки предопределяли принятие важнейших решений.

Задачи, права и обязанности органов безопасности определились не сразу. Так же, как и процесс создания системы органов ВЧК, формирование их компетенции проходило постепенно и обуславливалось конкретной исторической обстановкой. Изначально деятельность ВЧК как чрезвычайного органа регулировалась не только указаниями большевистской партии и правительства, но и «революционным сознанием» и «революционной целесообразностью». Подобный подход облегчал борьбу с противниками большевистской власти и позволял значительно расширять компетенцию ВЧК и создавал предпосылки для необоснованных репрессий. Фактически не было ни одной сложной проблемы, к решению которой не привлекались бы органы и войска Всероссийской чрезвычайной комиссии. ВЧК выполняла функции боевого органа, разведки, контрразведки, политического розыска, следствия, суда, охраны границ, правительства и множества других. Поэтому каждая из многочисленных реорганизаций органов безопасности объяснялась потребностями государства.

Отдельные попытки ведения разведывательной работы за кордоном предпринимались уже с первых месяцев существования ВЧК. Однако становление советской разведки шло трудно. На основе предложений специальной комиссии Политбюро 12 декабря 1920 г. Ф.Э. Дзержинский отдал распоряжение «о том, что ни один отдел ВЧК не имеет права самостоятельно отправлять агентов или уполномоченных, или осведомителей за границу без его на то согласия». Он предложил создать Иностранный отдел ВЧК с тем, чтобы «все агенты за границу от ВЧК могли посылаться только этим отделом». 20 декабря 1920 г. был создан Иностранный отдел ВЧК, ставший основным подразделением, занимавшимся политической разведкой.

Сложная международная обстановка 1920-х – начала 1930-х гг., угроза войны за передел мира, организации новых авантюр против Советского Союза – все это требовало усиления советской внешнеполитической разведки. Органы безопасности непрерывно вели работу по сбору и обобщению

данных политического, военного и научно-технического характера, внедряли свою агентуру в разведывательные и контрразведывательные органы противника, в зарубежные антисоветские центры.

С начала 1920-х до середины 1940-х гг., когда в СССР начала складываться административно-командная система, советские органы госбезопасности были обречены на превращение в аппарат подавления и принуждения, т.е. в аппарат политической полиции, утрачивая при этом профессиональные качества разведки и контрразведки. В эти годы прослеживается постепенное сращивание аппарата ОГПУ с аппаратом РКП(б)–ВКП(б) и установление монополизма в информационном обеспечении высшего политического руководства страны. В июле 1934 г. был образован общесоюзный Народный комиссариат внутренних дел. В его состав вошло ОГПУ в качестве Главного управления государственной безопасности (ГУГБ).

Международное положение СССР во второй половине 1930-х гг. характеризовалось дальнейшим нарастанием опасности возникновения новой мировой войны. Основными целями советской внешней политики в середине 1930-х гг. были обеспечение безопасности страны и предотвращение войны, в которой наиболее вероятными противниками станут Германия, Италия и Япония. Эти же задачи были приоритетными и в деятельности внешней разведки на весь предвоенный период. На Дальнем Востоке происходили постоянные военные действия, связанные с агрессией Японии против Китая. В начале 1930-х гг. в целом ряде европейских государств – Венгрии, Италии, Болгарии, Испании и Германии установились открыто фашистские и авторитарные режимы. В этот период СССР пытался реализовать политику, направленную на создание системы коллективной безопасности в Европе. Были заключены важные договоры с Чехословакией и Францией. Однако одержала победу политика «умиротворения» Германии, инициатором которой стала Великобритания. В 1935–1937 гг. советская разведка докладывала руководству страны о состоявшихся тайных встречах британских руководителей высшего уровня с А. Гитлером, во время которых министры иностранных дел Д. Саймон и лорд Э. Галифакс, а также премьер-министр Э. Чемберлен дали согласие на перекройку карты Европы в пользу Германии, при условии, что устремления Германии по расширению «жизненного пространства» будут направлены на Восток. Во второй половине 1930-х гг. РУ РККА и ИНО ГУГБ НКВД СССР смогли создать за рубежом эффективные аппараты, обеспечивавшие регулярный поток информации. Так, военная разведка имела свои легальные резидентуры в виде аппаратов военных атташе в составе полномочных представительств СССР за рубежом. Их численность зависела от общей численности полпредств, в крупных странах наряду с военными имелись также военно-морской и военно-воздушный атташе. Они вели «официальную» военную разведку, т.е. сбор данных о вооруженных силах страны пребывания. Другой составной частью аппарата военной разведки были нелегальные резидентуры. Как правило, они

возглавлялись сотрудниками разведки, проживающими под чужими именами и с иностранными паспортами. В эпоху Я.К. Берзина, возглавлявшего Разведывательное управление Красной армии с 1924 по 1935 гг., были созданы разведывательные резидентуры, использовавшие для своего прикрытия коммерческие предприятия. Так, например, в мае 1924 г. в Нью-Йорке было учреждено акционерное общество «Амторг» по торговле между СССР и США, в Лондоне – создано советское кооперативное общество по торговле с Великобританией (АКРОС). Успешно работали резидентуры Леопольда Треппера во Франции, Анатолия Гуревича в Бельгии, Шандора Радо в Швейцарии. Внешняя разведка ОГПУ–НКВД имела некоторые отличия, ибо руководитель легальной резидентуры работал под дипломатическим прикрытием (секретарь, советник и т.п.). В составе легальной резидентуры могло быть несколько сотрудников посольства или консульского отдела. Нелегальные разведчики направлялись в страну под чужими именами, создавали свои агентурные группы, имевшие связь с Москвой, как правило, через легальные резидентуры. Так, в Германии в 1930-х гг. были созданы две нелегальные резидентуры, одну из которых возглавлял талантливый советский разведчик Василий Зарубин. В составе нелегальной резидентуры могли работать и граждане иностранных государств, иногда они не знали, в интересах какого государства они работали.

На февраль 1941 г. за рубежом действовали 45 легальных резидентур, в которых работали 242 разведчика, имевших на связи свыше 600 агентов. Самые крупные резидентуры работали в США – 18 человек, Финляндии – 17 человек и Германии – 13 человек. Помимо этого, за границей действовали 14 нелегальных резидентур. Характерной особенностью деятельности разведки в предвоенный период было сочетание работы с легальных и нелегальных позиций. В предвоенные годы советской внешней разведке удалось осуществить проникновение во многие важные объекты главных капиталистических стран. Созданию и успешной работе значительных и эффективных сетей советской разведки в 1930-х гг. благоприятствовали факторы идеологического противостояния. Еще в период формирования аппарата военной разведки в него пришли работники Коминтерна, который по самому характеру своей деятельности был органом интернациональным. Из кадров Коминтерна в военную разведку пришли такие люди, как Рихард Зорге, Рудольф Абель, Арнольд Дейч (последнему принадлежит честь создания знаменитой британской «Кембриджской пятерки»). В ее состав входили пятеро выпускников Кембриджского университета: Ким Филби, Дональд Маклин, Гай Берджесс, Энтони Блант, Джон Кэрнкросс).

К середине 1930-х гг. в западных странах усилились антифашистские настроения. Достаточно большая часть населения капиталистических стран, не только простые люди, но и представители высших кругов общества, демократическая интеллигенция, смотрели на СССР с надеждой, как на силу, которая может противостоять фашизму и агрессии. Агенты советской внеш-

ней разведки за рубежом были полны решимости содействовать борьбе с нацизмом. Именно на этих людей опиралась советская разведка, искала и находила среди них тех, кто соглашался на сотрудничество по политическим или идейным соображениям, чтобы помочь проводимой Советским Союзом политике коллективной безопасности. Тем не менее, советская разведка при поиске своих источников не ограничивалась «идеологическим потенциалом». Использовались методы игры на человеческих слабостях и материальной заинтересованности. Так было, к примеру, с одним из важнейших источников разведки НКВД в Германии Вилли Леманом, носившим псевдоним «Брайтенбах». Сотрудник немецкой уголовной полиции, затем оберштурмфюрер СС, он работал за материальное вознаграждение. Был в агентурной сети НКВД на Дальнем Востоке и важнейший источник в высших сферах Японии («Абэ»), который действовал также не на идеологической, а на материальной основе.

В апреле 1941 г. было принято решение о переходе разведывательных аппаратов за рубежом на линейный принцип работы: за отдельными сотрудниками резидентур были закреплены определенные направления деятельности – политическая, экономическая или научно-техническая разведка, внешняя контрразведка. В это же время агентурная работа за рубежом была взята под жесткий контроль Центра. Внешняя разведка направляла советскому высшему политическому и партийному руководству разностороннюю информацию по следующим вопросам: расстановка политических сил в Великобритании, Соединенных Штатах Америки, Франции и других странах; позиции влиятельных фигур английского кабинета и американской администрации по наиболее важным вопросам межгосударственных отношений; состояние мобилизационных ресурсов, экономика Германии и др. Советская разведка в Великобритании и Соединенных Штатах Америки имела доступ к совершенно секретной информации как по принципиальным вопросам выстраивания отношений этих стран с СССР, так и по конкретным проблемам и событиям. В Кремль поступали в основном документальные материалы, но ценились и наблюдения, почерпнутые из конфиденциальных бесед с осведомленными должностными лицами. Хорошие агентурные позиции в Англии в предвоенный период позволили внешней разведке получать важнейшую документальную информацию о проводимой британскими правящими кругами политике «умиротворения» гитлеровской Германии и поощрении ее агрессивных устремлений на Восток.

К концу 1939 г. из Великобритании были отозваны почти все кадровые сотрудники советской внешней разведки. Последним в феврале 1940 г. уехал А.В. Горский («Вадим»). Перед отъездом у него на связи находилось восемнадцать агентов, в том числе члены «Кембриджской пятерки». Легальная резидентура в Лондоне была временно закрыта. Все ранее завербованные агенты, включая «пятерку», фактически остались без связи с Центром. И только осенью того же 1940 г. легальная резидентура возобновила свою

работу. Несмотря на малочисленность и перерыв в работе весной–осенью 1940 г., резидентура работала эффективно и результативно. Только у «Дэна» на связи находились двадцать агентов. В начале 1941 г. была восстановлена связь с «Кембриджской пятеркой». Один из ее членов, Д. Кернкросс, с осени 1940 г. был личным секретарем одного из министров кабинета У. Черчилля. Д. Кернкросс поставлял так много секретных документов – среди них протоколы Военного кабинета, отчеты СИС, телеграммы МИД и оценки генштаба, – что, по словам А.В. Горского, их было слишком много, чтобы передавать эту информацию в зашифрованном виде. Ключевые посты занимали и другие члены «Кембриджской пятерки». По секретным статистическим данным Центра, в 1941 г. лондонская резидентура передала в Москву 7 тысяч 867 секретных политических и дипломатических документов, 715 документов по военным вопросам, 127 – по экономическим делам и 51 – по британской разведке. Поэтому нет ничего удивительного в том, что среди советских легальных резидентур за рубежом она стала самой продуктивной.

Систематическую работу советская внешняя разведка начала в США. Главной задачей был сбор сведений об отношении правящих кругов Вашингтона к СССР и европейской политике, а также научно-технической и экономической информации. К 1936 г. внешняя разведка имела в США прочные агентурные позиции. Как и в Великобритании, в большинстве других государств, работа американских резидентур в конце 1930-х гг. была парализована отзывами в Москву их руководителей. Их осудили «за шпионаж и измену», приговорили к высшей мере наказания и расстреляли. Необоснованные обвинения с разведчиков были сняты только в 1956 г. В июле 1939 г. в Сан-Франциско на должность заместителя руководителя легальной резидентуры прибыл В.Г. Лягин. Он активно и успешно добывал информацию по военно-морским судостроительным программам, в том числе сведения, технические данные, описания устройств для защиты кораблей и судов от магнитных мин, программы строительства авианосцев и т.п. После нападения Германии на СССР В.Г. Лягин добился отзыва в Москву. В июне 1942 г. по линии 4 Управления НКВД СССР он был заброшен в Николаев в качестве руководителя резидентуры с целью организации разведывательно-диверсионной работы. 5 февраля 1943 г. В.Г. Лягин был задержан немецкими оккупационными властями и 17 июля казнен. Резидентуры внешней разведки в США внесли большой вклад в добычу необходимой для укрепления обороноспособности СССР научно-технической информации. Только в 1939–1940 гг. в Америке было получено более 450 важных информационных документов объемом около 30 тыс. листов, 955 чертежей и 163 образца различных технических новинок. Наиболее важными были сведения о технологии производства синтетического бензина, чертежи станка для нарезки стволов артиллерийских орудий, чертежи нового эсминца и другие.

Как известно, договоренность о взаимном признании и установлении дипломатических отношений была достигнута между республиканским

руководством Испании и СССР еще в 1933 г. Но фактически полпредство СССР в Мадриде начало функционировать лишь в августе 1936 г., когда Испания была охвачена гражданской войной. Тогда советское правительство обязалось оказывать военную и военно-техническую помощь и направлять своих специалистов для работы в качестве советников в высших штабах республиканской армии и в других учреждениях (имелись в виду национальные органы госбезопасности). В сентябре 1936 г. с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР во исполнении просьбы испанской стороны Разведывательное управление Красной армии и НКВД СССР организовали свои представительства соответственно при Военном министерстве Испании и при МВД Испании. В служебной переписке представительства именовались резидентурами. Главной обязанностью резидентуры НКВД СССР, действовавшей под прикрытием советского представительства, было обеспечение советского руководства разведывательной и контрразведывательной информацией по всему спектру испанских проблем. Советские разведчики оказывали советническую и иную помощь испанскому МВД в создании и организации деятельности собственных органов государственной безопасности, боролись с агентурой Ф. Франко, выявляли военные планы мятежников, добывали информацию о помощи испанским фалангистам со стороны Германии и Италии, переправляли в Испанию добровольцев из Советского Союза и других стран, снабжали республиканскую армию закупленным в Западной Европе оружием.

Больших успехов сотрудники советской внешней разведки достигли и в Германии, которая после прихода к власти А. Гитлера стала рассматриваться как один из потенциальных агрессоров. В 1930-х гг. из наиболее известных агентов, привлеченных к сотрудничеству, можно назвать Арвида Харнака, правительственного советника Министерства экономики Германии, и Вилли Лемана, руководящего сотрудника отдела контрразведки гестапо. Сведения, которые получал А. Харнак («Корсиканец») от своих информаторов, были очень важными для СССР. Например, он предоставил советской разведке многочисленные технические чертежи, которые позволили быстро наладить в СССР электромашиностроение. Как высокопоставленный чиновник имперского министерства хозяйства, А. Харнак был важнейшим источником информации. Вот, например, краткий перечень сведений, полученных от «Корсиканца», составленный в Москве в июне 1938 г.: «Ценные документальные материалы по валютному хозяйству Германии, секретные сводные таблицы всех вложений Германии за границей, внешней задолженности Германии, секретные номенклатуры товаров, подлежащих ввозу в Германию, секретные торговые соглашения Германии с Польшей, прибалтийскими странами, Ираном и другими, ценные материалы о заграничной номенклатуре министерства пропаганды, внешнеполитического ведомства партии и других организаций, о финансировании разных немецких разведывательных служб в валюте и т.д.». Сотрудник контрразведывательного

отдела гестапо гауптштурмфюрер СС В. Леман сам пошел на контакт с советской разведкой. Это произошло еще в 1929 г. Важность агента в Центре поняли с первых дней его работы и для связи с ним использовали главным образом разведчиков-нелегалов. Начиная с 1940 г. резидентуры внешней разведки направляли в Москву донесения, в которых говорилось о концентрации немецких войск у советских границ и планах Германии напасть на СССР весной–летом 1941 г. Поступающая в Центр информация немедленно докладывалась И.В. Сталину и другим руководителям страны. В середине июня 1941 г. по указанию начальника внешней разведки Павла Фитина был составлен «Календарь сообщений Корсиканца и Старшины», где была отражена наиболее важная информация, поступившая из Германии начиная с сентября 1940 г. и заканчивая июнем 1941 г. Этот документ завершался кратким резюме: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». В этот же день «Календарь» был представлен И.В. Сталину, но он не придавал ему должного значения. Таким образом, подготовка Германии к нападению на СССР не осталась без внимания со стороны внешней разведки. Информация о военных приготовлениях Германии регулярно сообщалась руководителям страны.

Значительное место в деятельности внешней разведки в предвоенные годы занимали и страны Среднего Востока: Афганистан, Иран, Турция. Дипломатические ведомства Советского Союза при активном содействии внешней разведки сумели наладить дружеские отношения со странами средневосточного региона, оказывали им посильную экономическую и техническую помощь. Внешняя разведка вела работу не против этих стран, так как они не представляли для СССР прямой угрозы, она использовала их территории для работы против потенциальных противников, прежде всего стран «оси»: Германии, Италии, Японии. Дипломаты и агенты фашистской Германии активно работали в Афганистане, Иране, Турции, стремясь вовлечь эти страны в орбиту своих замыслов, направленных против СССР. Советская внешняя разведка, вскрывая эти планы, проводила мероприятия по их срыву или нейтрализации. Советское правительство с самого начала считало восточный вектор в своей внешней политике приоритетным и ориентировало разведку на работу против интриг тех западных держав, которые стремились использовать страны средневосточного региона в антисоветских целях. Резидентуры в Кабуле, Тегеране, Анкаре, Стамбуле и других городах в 1930-х гг. вели разведывательную работу по двум главным направлениям: проникновение в иностранные спецслужбы и вскрытие каналов связи антисоветских националистических организаций и белой эмиграции с враждебным подпольем на территории СССР. После прихода к власти в Германии А. Гитлера и проявления его планов «похода на Восток» обозначилось еще одно важное направление – противодействие германской разведке, развернувшей активную деятельность в странах региона. В начале 1930-х гг.

все еще остро стоял вопрос о басмачах, банды которых совершали набеги на среднеазиатские республики с территории Афганистана. Основные усилия разведывательных резидентур в Афганистане были сосредоточены на разложении антисоветской эмиграции и нейтрализации планов и действий британской разведки, поддерживавших тесные связи с главарями басмаческого движения. В конце 1930-х гг. в Кабуле активизировалась деятельность германской разведки, стремясь расширить сферу своего влияния. Афганистан наводнили немецкие «советники», «консультанты» и «эксперты», немецкая агентура проникла в основные государственные и частные учреждения и предприятия. Главным направлением резидентур советской разведки стали противодействие, нейтрализация и срыв деятельности германской разведки на территории Афганистана. В стране работали 15 кадровых сотрудников германской военной разведки.

Большая работа проводилась разведкой на Дальнем Востоке в Китае и Японии. Исходя из принципов своей политики, Советский Союз поддерживал те силы в Китае, которые боролись за независимость страны, выступали против расчленения ее территории и создания марионеточных государств. Гоминьдану оказывалась различная помощь, в том числе и военная, поставлялось оружие и боеприпасы, в воинские части гоминьдановской армии направлялись военные советники. Разведывательная работа в Китае велась главным образом через легальные резидентуры, которых было около 20. Действовали в это время в Китае и разведчики-нелегалы. Большую работу проводила внешняя разведка и в Японии, которая не скрывала планов захвата территорий в Приморье и Сибири, продолжала поддерживать антисоветские, в том числе белогвардейские силы, а в Китае широко использовала их не только для военных приготовлений к нападению на советское государство, но и в шпионско-диверсионных и террористических акциях. Разведывательная работа в Японии осложнялась жестким контрразведывательным режимом, установленном в стране, и спецификой местных условий.

В конце 1930-х гг. угроза нападения со стороны Японии на советский Дальний Восток возросла. В связи с этим руководство внешней разведки решило усилить токийскую резидентуру. В январе 1940 г. был получен доступ к информации о направлении разведывательной деятельности против СССР из японских военных и политических кругов. Самыми важными оказались сведения о позиции командования сухопутной армии Японии, выступавшей за вступление в войну против СССР на стороне Германии, и представителей военно-морского флота, настаивавших на войне с США и дальнейших боевых действиях в Азии. В мае 1941 г. Рихард Зорге, легальный резидент Разведупра, узнал о планах нападения Германии на Советский Союз. Он одним из первых сообщил в Москву данные о составе нацистских сил вторжения, дате нападения на СССР, общую схему военного плана вермахта. Однако эти данные были настолько детальны и, кроме того, не совпадали с уверенностью И.В. Сталина в том, что А. Гитлер не нападет на СССР, что

им не придали значения. Уже после начала Великой Отечественной войны Р. Зорге передал ценную информацию о том, что Япония не планирует нападение на Советский Союз, поскольку намерена вступить в войну с США и вести боевые действия на Тихом океане. К этой информации в Москве прислушались.

Подводя итог деятельности советской внешней разведки накануне Отечественной войны, можно сделать вывод о том, что трагедия разведки заключалась в сложившемся в СССР политическом режиме. Этот политический режим исключал демократическую процедуру обсуждения важнейших проблем жизни общества и отдавал судьбу народов в руки узкой группы членов Политбюро ЦК ВКП(б), в котором решающая роль принадлежала одному человеку. Такой подход не исключал принятия непродуманных, а иногда и роковых решений, следствием которых явилось трагическое начало Великой Отечественной войны. Разведка по мере своих сил и возможностей – а последние были подорваны все той же системой – смогла собрать большой объем разведывательных данных. Но воздействие этих данных при принятии решений оказалось недостаточным, чтобы спасти страну от катастрофических событий лета – осени 1941 г.

К настоящему времени вышло в свет немало фундаментальных, основанных на большом комплексе источников, научных трудов, посвященных советской репрессивной политике. Процесс полноценного и серьезного изучения этой проблемы начался после августа 1991 г. с открытием ранее секретных архивов. Основное внимание исследователей сосредоточено на исследовании важнейших тем. В ряду прочих нашли свое отражение и вопросы, связанные с функционированием системы государственной безопасности, сыгравшей свою роль в истории политических репрессий. Причины и последствия массовых политических репрессий стали одной из наиболее дискуссионных проблем современной историографии. В связи с этим важно рассмотреть вопрос о роли и месте органов безопасности в осуществлении карательной политики советского государства; понять механизм взаимодействия и взаимовлияния политического руководства и главного карательного органа государства в проведении репрессий. В последнее десятилетие стала возможной публикация ранее совершенно недоступных архивных материалов об истории репрессий в СССР, а также о структуре и кадрах репрессивных аппаратов. Система репрессий и соподчиненность ведомств в их осуществлении складывалась на протяжении нескольких десятилетий.

Отдельно следует сказать о политических репрессиях в органах советской внешней разведки. По некоторым оценкам, за период 1937–1938 гг. только из числа специалистов, работников центрального аппарата и руководства разведотделов военных округов, из 450 сотрудников ИНО (включая загранаппарат) были репрессированы 275 человек – свыше 60 % личного состава. Результаты этого «очистительного процесса» были трагичными. Погибли многие высокопрофессиональные нелегалы. Была утрачена связь

(порой навсегда) со многими ценными агентами. Страшная волна не обошла ни один из отделов Разведупра, ни один из военных округов. Были отозваны из-за рубежа и репрессированы многие сотрудники военной разведки. РККА фактически осталась без разведки, почти все агентурные сети были ликвидированы. Еще несколько человек стали «перебежчиками». Одна из причин их ухода на Запад – справедливые опасения за собственную жизнь. Последствия «чистки» продолжали катастрофически ощущаться на протяжении всей Великой Отечественной войны. Многие историки считают, что причина этого хаоса, неразберихи, низкой исполнительской дисциплины уходит своими корнями все в тот же тридцать седьмой год, когда были уничтожены лучшие кадры внешней разведки, а также высочайшего уровня специалисты в области радиотехники, способные обеспечить надежную радиосвязь. Причины заключались в пренебрежении высшего руководства страны к достоверным сообщениям внешней и военной разведки о надвигающейся войне, его неспособности подготовить Отечество к отпору агрессии в необходимой мере и в надлежащие сроки. В 1937 г., выступая на совещании в Разведуправлении Красной армии, И.В. Сталин подверг разведорганы уничтожающей критике. Он заявил, что РУ «со своим аппаратом попало в руки немцев», и дал указание о роспуске агентурной сети. 2 июня он выступил на расширенном заседании Военного совета при Наркомате обороны и сказал: «Во всех областях мы разбили буржуазию, только в области разведки оказались битыми как мальчишки. Наша разведка по линии РУ возглавлялась шпионом Гаем, и внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа хозяев этого дела, работавших на Германию, на Японию, на Польшу сколько угодно, только не на нас. Разведки нет, настоящей разведки. Разведка – это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение. И вот задача стоит в том, чтобы разведку поставить на ноги. Это наши глаза, это наши уши». Разумеется, что подтверждающие события, сталинская оценка была далека от действительности, но за этими устрашающими заявлениями последовали многочисленные аресты. Пик репрессий чекистов пришелся на 1937–1938 гг. Были арестованы практически все руководители ИНО и многие ведущие разведчики. Понятно, что вызовы в центр, аресты, увольнения и осуждения сотрудников разведки разрушали тонкий механизм систематического получения информации о процессах в разведываемых странах и планах их руководства, что самым неблагоприятным образом сказалось на работоспособности разведки и качестве получаемой информации. Военную разведку не спасло и то, что на руководящие посты приходили работники из НКВД, их постигла а же участь.

Таким образом, самые сильные удары в предвоенный период советская разведка – и Разведуправление РККА и НКВД СССР – получили отнюдь не со стороны противника. Война 1941–1945 гг. была для Советского Союза тяжелой и кровопролитной. За четыре года военных действий погибли свыше 27 млн человек.

В первые послевоенные годы на международной арене произошло изменение сил: в ряде освобожденных стран Европы и Азии к власти пришли политические партии, ориентировавшиеся на построение социализма и на сближение с СССР. К началу 1950-х гг. сложился блок социалистических государств во главе с Советским Союзом, получивший позднее наименование «Организация стран Варшавского договора». Рост влияния СССР в послевоенном мире вызвал чрезвычайную озабоченность в руководстве западных держав. В условиях противостояния с Западом Советский Союз, еще не завершив восстановление экономики, был вынужден заниматься развитием своих вооруженных сил. В этот же период началась централизация деятельности иностранных спецслужб. Следуя в русле внешней политики национальных государств, специальные службы Запада вели активную разведывательную деятельность против Советского Союза, первоочередными объектами разведывательных устремлений в которой были научно-технические, экономические и военные объекты. Иностранные разведки вели широкомасштабный сбор информации о состоянии, перспективах развития оборонных отраслей промышленности, транспорта, о дислокации и вооружении советских воинских частей и соединений. В этих целях использовались различные методы: агентура, специальные технические средства, опрос лиц, приехавших из СССР, и перебежчиков и т.п. Развернувшееся военно-политическое противостояние заставило руководство СССР обратить пристальное внимание на совершенствование собственной разведывательной службы, которая была призвана своевременно информировать советское правительство о военных и политических планах США и других стран, добывать сведения о новейших научных и производственных разработках на Западе. В новых условиях возросла значимость добываемой советской разведкой информации. Крайне важно было вскрывать секретные военно-политические планы США и Великобритании в отношении Советского Союза, в том числе связанные с действиями на случай военного столкновения с СССР, планы перевооружения, создания военно-политических блоков. Главная задача внешней разведки в послевоенные годы, поставленная руководством страны, состояла в том, чтобы держать в поле зрения подготовку военного нападения на Советский Союз с применением ядерного оружия. Наряду с этим ставились задачи по информационному обеспечению текущих вопросов внешней политики советского государства. Например, получение сведений о планах западных держав по германскому вопросу, освещение кризисных ситуаций, связанных с проблемами Западного Берлина, Ближнего Востока, распада колониальной системы.

«Холодная война», начавшаяся между СССР и странами Запада, оказала свое влияние не только на сферу противоборства спецслужб, но стала также одной из главных причин нового ужесточения карательной политики внутри нашей страны. В период 1947–1949-х гг. проходило перераспределение сил и компетенции между МВД и МГБ. И.В. Сталин, усиливая влияние

Министерства госбезопасности внутри страны, лишил МГБ одного из важнейших и традиционных направлений деятельности – внешней разведки. 30 мая 1947 г. был создан новый разведывательный орган – Комитет информации (КИ) при СМ СССР. В состав КИ вошли разведывательные службы МГБ СССР и Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба Министерства вооруженных сил СССР, а также разведывательные и информационные структуры ЦК ВКП(б), МИД, Минвнешторга. Предполагалось, что подобное объединение усилий разведывательных служб и дипломатов позволит улучшить получение необходимой информации за рубежом и поднять ее анализ на новый качественный уровень. Образование КИ при СМ СССР в целом не принесло ожидаемых результатов. В январе 1951 г. Комитет информации как орган внешней разведки перестал существовать. Внешняя разведка стала 1 Главным управлением МГБ СССР. Одним из основных объектов внимания разведывательной службы МГБ СССР в период 1946–1953 гг. были Соединенные Штаты Америки. Разведывательная работа на территории этой страны велась в основном с позиций резидентур, действовавших под прикрытием советских дипломатических представительств в Вашингтоне, Нью-Йорке и Сан-Франциско, резидентуры ПГУ МГБ СССР располагали там несколькими десятками первоклассных источников, поставлявших исключительно ценную политическую и научно-техническую информацию. По мере развития «холодной войны» с Западом все большее значение приобретала и разведывательная работа в Федеративной Республике Германии (ФРГ). Особенно это касалось получения информации о действовавших с ее территории против СССР и Германской Демократической Республики (ГДР) разведывательных органах. К концу 1940-х гг. советской разведке удалось приобрести и в этой стране ряд ценных источников.

Разведывательная служба органов государственной безопасности своевременно и полно информировала советское руководство об обстановке в мире, добывала значительное количество исключительно важной научно-технической документации, принимала участие в решении многих серьезных внешнеполитических мероприятий и, таким образом, успешно справлялась с решением возложенных на нее задач.

Оценивая деятельность органов государственной безопасности СССР в первое послевоенное десятилетие, следует признать, что ее направленность и масштабы были обусловлены объективными реалиями сложившейся политической и оперативной обстановки, а также установками партийно-государственного руководства страны. Потребности информирования руководства страны о военно-политических планах ведущих западных государств заставили органы МГБ СССР, в частности, активизировать свою разведывательную работу за рубежом. Внутри страны органы МГБ создали и поддерживали жесткий контрразведывательный режим, эффективность которого во многом достигалась за счет развертывания массовой агентурной сети, максимального ограничения контактов советских граждан

с иностранцами. Существование в СССР в послевоенный период жесткого авторитарного режима обусловило активное вовлечение органов государственной безопасности в борьбу с инакомыслием.

Несмотря на значительное количество опубликованных книг, статей, интервью, до сих пор остается много мифов и противоречивых версий о произошедших 16–17 июня 1953 г. беспорядках в Берлине и некоторых других городах ГДР, когда часть населения страны вышла на демонстрации и объявила забастовки, протестуя против серьезных ошибок в политике руководства Социалистической единой партии Германии.

Иностранные исследователи, историки и журналисты, описывая события того периода, зачастую рисуют картину в чрезвычайно мрачных тонах – как безжалостное, кровавое подавление советскими войсками первого антикоммунистического общенародного восстания с многочисленными жертвами среди мирного населения и последовавшими затем массовыми репрессиями. Муссируются слухи о расстреле советских военнослужащих, якобы отказавшихся применять оружие против демонстрантов.

Ответ на вопрос, как в действительности развивались события, дают документы, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России. В первую очередь это относится к запискам на имя министра внутренних дел СССР, поступавших из Аппарата Уполномоченного МВД СССР в ГДР в период с 31 мая по 18 июля 1953 г., а также к архивно-следственным делам в отношении лиц, принимавших участие в июньских событиях. Большинство из осужденных обвинялись в организации погромов, диверсий и совершении провокационных действий. Приговоры немецким гражданам выносились, как правило, трибуналами советских войсковых частей на основании статей 58-2 (участие в вооруженном восстании), 58-8 (терроризм), 58-9 (диверсия) УК РСФСР. В течение июня–июля по ВЧ-связи из Берлина было передано 32 записки. Весной 1953 г. аналитики из советских органов госбезопасности обращали внимание, что в ГДР складывалась напряженная внутривнутриполитическая обстановка, вызванная ужесточением репрессивных мер, а также непродуманными мерами социально-экономического характера. Поступающие из Берлина документы незамедлительно рассматривались министром внутренних дел и тут же по его распоряжению копировались и рассылались членам Президиума ЦК КПСС: Г.М. Маленкову, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Н.С. Хрущеву, Л.М.Кагановичу, А.И. Микояну. В сообщениях, переданных в Москву после завершения выступлений, отражен процесс нормализации обстановки в Берлине и других городах Восточной Германии, приведена оценка произошедшего со стороны населения ГДР, присутствуют данные о числе лиц, принимавших участие в антиправительственных акциях, описана организация предупредительных мер, охарактеризованы действия западных спецслужб. Тщательное изучение материалов Центрального архива ФСБ России свидетельствует, что в архивных документах нет ни одного упоминания о расстрелах советских военнослужащих, якобы от-

казавшихся применять оружие против демонстрантов, не имеется каких-либо сведений о невыполнении солдатами приказов командования во время июньских событий. Таким образом, миф, который существует на протяжении пятидесяти лет, опровергается документами.

Архивные материалы убедительно свидетельствуют, что аппарат Уполномоченного МВД контролировал обстановку, оперативно и своевременно направлял в центр достоверную информацию, которая незамедлительно докладывалась политическому руководству СССР.

В 1950-х гг. усилилось сотрудничество между разведслужбами социалистических стран. Были созданы советнические аппараты КГБ, которые оказывали помощь разведкам этих стран, а также собирали информацию для доклада советскому руководству о положении в той или иной стране. Происходили обсуждение задач и направлений деятельности, обмен разведывательной информацией, совместные секретные операции. Так, в ГДР в течение 1953–1955 гг. были проведены операции, в ходе которых разоблачены более 30 агентов, раскрывших деятельность иностранных разведок на открытых процессах. О высокой активности разведслужб Восточной Германии и Советского Союза свидетельствует тот факт, что, по словам министра внутренних дел Западной Германии, в период с 1950 по 1960 гг. были задержаны и осуждены 2 тысячи 186 агентов, еще 19 тысяч человек признали свое участие в шпионаже, но не преследовались по закону.

В 1950-х гг. во внешней разведке проводились так называемые активные мероприятия (акты уничтожения наиболее активных и злбных врагов Советского Союза из числа главарей антисоветских эмигрантских организаций и изменников Родине). Эти мероприятия проводил созданный во второй половине 1953 г. 12 специальный отдел при 2 Главном управлении МВД СССР. В начале 1960-х гг. в результате ряда провалов советская разведка прекратила такой вид активных мероприятий, как ликвидация за рубежом политических противников.

Принципиальное решение о выделении органов госбезопасности из структуры МВД в самостоятельное ведомство было принято Президиумом ЦК КПСС 8 февраля 1954 г. Задачи органов государственной безопасности были сформулированы в постановлении ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «О работе органов государственной безопасности». Они в области разведывательной работы сводились к следующему: всемерное усиление разведки против капиталистических государств, прежде всего, США и Великобритании, с целью обеспечить добывание важнейшей военной и научно-технической информации об этих странах, а также своевременное выявление, разоблачение и срыв направленных против СССР подрывных действий со стороны правящих кругов и разведывательных органов стран противника. Главными задачами органов внешней разведки были: выявление угрозы ракетно-ядерного нападения США; своевременное вскрытие и разоблачение замыслов противника по подрыву единства социалистического

содружества; содействие проведению активной внешней политики Советского Союза, укреплению оборонной мощи и техническому прогрессу страны СССР; повышение научно-технического потенциала страны путем добытия новейших научно-технических разработок в различных странах мира.

Странами главного противника были США и Великобритания и используемые ими для проведения разведывательной и иной подрывной деятельности против СССР Западная Германия, Франция, Австрия и Турция.

Критика и осуждение культа личности И.В. Сталина на XX съезде партии вызвало мощный подъем в обществе. Обсуждение этих проблем среди различных слоев населения привело к нежелательным для власти последствиям. Поднимались вопросы о противоречиях в развитии социализма. После принятия закрытого письма ЦК КПСС о борьбе с антисоветскими элементами, 29 декабря 1956 г., в местные органы КГБ было разослано указание «Об усилении работы органов госбезопасности по борьбе с происками агентуры иностранных разведок и подрывной деятельностью антисоветских элементов в стране». Произошло резкое возрастание функции органов госбезопасности как органа политического розыска. Увеличилось число арестованных за антисоветскую пропаганду и агитацию.

Новым фактором, усилившим деятельность органов госбезопасности как органа политического розыска, стали трудности социально-экономического развития страны, вызвавшие недовольство среди населения. В июле 1962 г., после расстрела демонстрации рабочих Новочеркасска, численность оперативных подразделений, призванных усилить «борьбу с враждебными проявлениями антисоветских элементов», возросла на 400 человек.

Сформировавшееся в 1960-х гг. правозащитное движение стало также объектом разработки органов государственной безопасности. Важным направлением деятельности органов госбезопасности оставалась борьба по пресечению деятельности советских граждан, которые квалифицировались как «антисоветские элементы» за высказывание ими критических суждений и взглядов о советской власти. В поле зрения органов государственной безопасности оставались представители правозащитного движения, возникшее в середине 1970-х гг., когда были образованы Общественная группа содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР (Московская хельсинкская группа), Фонд помощи политзаключенным и их семьям, Христианский комитет защиты прав верующих и некоторые другие организации и группы. Отдельные представители творческой интеллигенции начали в этот период издавать независимые неофициальные литературные, социально-политические, философские и религиозные журналы и сборники.

С середины 1960-х гг. в основу внешней политики СССР была положена идея о том, что мирное сосуществование между социализмом и капитализмом было новой формой классового борьбы, и теоретически обосновывалась идея об усилении и обострении идеологической борьбы между двумя системами. Необходимо отметить, что советская внешняя разведка играла

существенную роль в обеспечении информацией высшего руководства страны в случае обострения международных отношений и возникновения военных конфликтов. В июне 1967 г. на пленуме ЦК КПСС обращалось внимание на то, что необходимо вскрывать агрессивные планы американского империализма и решительно пресекать организуемые им провокации. Особая ответственность ложилась на советскую разведку, которая была обязана отслеживать положение в тех регионах мира, где могли сложиться опасные для СССР ситуации и возникнуть очаги агрессии, следить за событиями на мировой арене, которые могли привести к резкому изменению политической и военной обстановки в отдельных странах и районах мира. Сотрудники резидентур в зарубежных странах регулярно выполняли поручения правящей партии по нелегальной передаче крупных денежных средств коммунистическим и революционно-демократическим партиям для усиления их влияния.

В 1970–1991 г. перед внешней разведкой стояли задачи контроля за военно-стратегической обстановкой в основных капиталистических странах; выявления планов и замыслов правительства США и их союзников по НАТО в отношении СССР и других социалистических стран; содействия внешнеполитическим акциям СССР и разведывательного обеспечения международных переговоров; проведения активных мероприятий в целях оказания выгодного СССР воздействия на влиятельные зарубежные политические и иные круги; поддержки мирового коммунистического движения; ведения научно-технической разведки; борьбы с международным терроризмом. Основные усилия были сосредоточены на работе в отношении США, Великобритании, Франции, ФРГ и других стран – участниц военно-политического блока НАТО. Кроме того, с учетом положения на дальневосточных рубежах СССР объектом самого пристального интереса КГБ СССР стал Китай. Неплохие позиции имела советская внешняя разведка и в политических, деловых кругах многих стран «третьего мира». В этот период был налажен четкий механизм взаимодействия советской разведки с разведслужбами других социалистических государств. Координация усилий позволяла успешно решать практически все задачи, которые ставило перед разведкой руководство стран – участниц Организации Варшавского договора.

Внешняя разведка вносила существенный вклад и в решение народно-хозяйственных проблем. Добываемая ею информация позволяла государству экономить большие средства в области развития научно-теоретических и прикладных исследований. Резидентуры 1 Главного управления КГБ в некоторых случаях практиковали проведение операций по доставке в СССР не только документации, но и целых технологических линий, которые перевозились зафрахтованными для этих целей морскими судами.

В целом, несмотря на отдельные недостатки, деятельность советской внешней разведки носила наступательный, активный характер и позволяла контролировать обстановку, с большой степенью точности прогнозировать развитие событий фактически во всех наиболее важных регионах мира.

К концу 1980-х гг. работа органов государственной безопасности по линии борьбы с идеологической диверсией стала подвергаться острой критике, как в средствах массовой информации, так и со стороны ряда общественно-политических организаций. В августе 1989 г. 5 Управление КГБ СССР было преобразовано в Управление по защите советского конституционного строя, а его последующая деятельность в основном свелась к информированию руководства СССР и КГБ СССР о происходивших в этот период в стране и советском обществе процессах.

На рубеже 1970–1980-х гг. была создана мощная спецслужба – КГБ СССР, которая обладала большими возможностями в сфере разведки, контрразведки и борьбы с преступностью. Советская внешнеполитическая разведка добывала достоверную политическую, научно-техническую информацию, представлявшую интерес для руководства СССР. Контрразведывательные подразделения органов госбезопасности разоблачали агентов иностранных спецслужб из числа советских граждан и иностранцев. Вместе с тем, в органах государственной безопасности было возрождено такое направление деятельности, как политический сыск и преследование инакомыслящих и других критически настроенных советских граждан.

Глубокий внутривластный и экономический кризис, охвативший страну, привели в конце 1991 г. к распаду Советского Союза и, как следствие – расформированию Комитета государственной безопасности СССР.

ОБ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ В ГДР В 1953 Г.

*Статья (на немецком яз.)
в журнале «Deutschland Archiv»
2003 г. № 5*

Прошло почти пятьдесят лет с тех дней, когда граждане ГДР вышли на демонстрацию и объявили забастовку, протестуя против серьезных ошибок в политике руководства Социалистической единой партии Германии. Опубликованы книги, статьи, интервью, но до сих пор остаются противоречивые версии и даже мифы. Ответ на вопрос, как в действительности развивались события в июне 1953 года, дают нам документальные материалы, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России. Речь идет о докладах на имя министра внутренних дел СССР, поступавших из Аппарата Уполномоченного МВД СССР в ГДР в период с 31 мая по 18 июля 1953 года. 32 записки, переданные по «ВЧ» связи из Берлина в течение июня–июля, хранятся в фонде секретного делопроизводства секретариата МВД СССР за 1953 год¹.

К этой группе из 32 документов примыкает аналитическая справка Уполномоченного МВД СССР в ГДР генерал-майора М.К.Каверзнева «О внутривластном положении в ГДР» от 31 мая 1953 года². В записке, адресованной министру внутренних дел Л.П. Берии, на основании информации, поступавшей в Аппарат Уполномоченного МВД СССР в Германии, дан детальный анализ экономических мероприятий СЕПГ и правительства ГДР в городе и деревне; отмечены изменения в системе оплаты труда рабочих и служащих. Особое внимание было обращено на неправомерность и жесткость решений судебных органов ГДР. Здесь же приводились данные о числе жителей Восточной Германии, бежавших на Запад, анализировались причины этого явления. В документе сделан вывод о том, что правительством ГДР принимались поспешные, непопулярные среди широких кругов населения решения, приведшие к ухудшению уровня жизни в стране и нарастающему волнению народных масс. Л.П. Берия придавал большое значение содержащейся в сообщении информации. На документе многочисленные подчеркивания, карандашом синего цвета особо выделены отдельные фрагменты текста, а также

имеется резолюция о направлении копии документа в Президиум ЦК КПСС³. Всего за период с 16 по 18 июня 1953 года из Берлина поступило 12 сообщений (два – 16 июня, восемь – 17 и два – 18 июня). Документы незамедлительно рассматривались министром внутренних дел и тут же по его распоряжению копировались и рассылались членам Президиума ЦК КПСС: Г.М. Маленкову, В.М. Молотову, К.Е. Ворошилову, Н.С.Хрущеву, Н.А. Булганину, Л.М. Кагановичу, А.И. Микояну, М.З. Сабурову, М.Г. Первухину.

В Центральном архиве ФСБ России хранятся экземпляры записок, которые докладывались лично министру. В каждой из них сохранились резолюции, автографы, пометки, подчеркивания, акцентирующие внимание на наиболее важных моментах. Изучение архивных документов позволяет в определенной мере воссоздать обстановку, сложившуюся в июне 1953 года и в Москве, и в Берлине. Перед нами предстает почасовая хронология событий. Прослеживается процесс разрастания локальной демонстрации рабочих, выдвигающих экономические требования, до размеров многотысячной антиправительственной акции протеста. Документы показывают бездеятельность и неспособность правительства ГДР принимать своевременные решения для стабилизации положения в стране. Результатом стал вандализм толпы, захваты и поджоги зданий, разоружение и избитие служащих народной полиции и лиц, пытавшихся их остановить. Согласно сообщению уполномоченного МВД СССР в Германии, полученному в Москве в 14 часов 17 июня 1953 г., по согласованию с В. Ульбрихтом, О. Гротеволем и другими членами Политбюро ЦК СЕПГ вся полнота власти была передана командованию советских войск⁴.

Наряду с подробным описанием происходивших событий в документах прослеживаются действия американских и западногерманских спецслужб, направленные на дестабилизацию ситуации в ГДР и провоцирование насилия. В качестве примера может служить сообщение от 19 июня 1953 г., в котором содержатся показания задержанного 17 июля при штурме здания ЦК СЕПГ жителя американского сектора Берлина: «17 июня около 8 часов утра я должен быть на Брайтенбахплатце. ...в назначенное время я был на установленном месте, где кроме меня оказалось не менее чем 90 чел., преимущественно таких же безработных. Во главе собравшихся находились Потинг Пауль, официальный работник западногерманской полиции Юрген Ганс и американец Хейвер, который был одет в военную форму с погонами, на которых было по две звездочки. ...Хайвер призывал нас как можно лучше выполнить нашу задачу по организации беспорядков, пообещав за это послать каждого из нас на три месяца в дом отдыха, а не имеющих работу – устроить в западноберлинскую полицию с хорошей оплатой. Кроме того, нам было обещано по 50 западноберлинских марок, которые мы должны были получить сразу же по возвращении из демократического сектора Берлина. Получив инструкцию по организации беспорядка,

мы направились всей группой в Потсдамербрюкер на Потсдамерплатц, где слились с забастовщиками. ... В числе нашей группы было около 20 чел., снабженных бутылками с бензином, которые были выданы на Потсдамербрюкер с американской грузовой машины. На Потсдамерплатц лица, имеющие бутылки с горючим, стали поджигать отдельные здания. Многие из нашей группы бросали камни в полицейских и разбивали оконные стекла. Вместе с толпой мы дошли до правительственных зданий на Лейпцигерштрассе, где продолжали бесчинствовать. Некоторые из нашей группы открыли стрельбу в полицейских и солдат-танкистов Советской армии. Моя роль на Лейпцигерштрассе заключалась в возбуждении толпы на антиправительственные выступления путем выкриков «долой правительство» и ряда других оскорбительных выпадов. В возбуждении толпы нам в значительной степени содействовали американцы, по указанию которых на Потсдамербрюкер около секторальной границы были установлены два мощных репродуктора и по ним непрерывно проносились провокационные речи на немецком и русском языках. Диктор, говоривший по-русски, призывал полицию и русские войска не оказывать бунтовщикам противодействия, а переходить самим в Западный сектор Берлина»⁵.

В сообщениях Аппарата уполномоченного МВД приведены сведения о количестве пострадавших во время антиправительственного выступления и числе задержанных. Так, в записке «Об улучшении положения в ГДР по состоянию на 18 июня» сообщалось: «По предварительным данным, на 18 июня с.г. во время беспорядков пострадало 124 чел[овека] из числа личного состава немецкой народной полиции, сотрудников органов МГБ ГДР и демократически настроенных немцев. Из них убито 8 и ранено 116 человек, в том числе 16 – тяжело. За этот же период времени в вооруженных стычках мятежников с частями немецкой народной полиции и советских войск убито 20 и ранено 42 бунтовщика. ... Всего по ГДР арестовано 1415 человек, из них немецкой народной полицией 641 человек, органами МГБ ГДР – 406 человек, советским войсками и аппаратом Уполномоченного МВД СССР в Германии – 368 человек»⁶.

Ответ на вопрос о том, что происходило в Германии после антиправительственных выступлений, мы находим в сообщениях, переданных в МВД СССР с 19 июня по 18 июля 1953 года.

В эти дни в Москву было направлено 20 информационных записок (две – 19 июня, десять – с 20 по 30 июня и еще восемь – с 1 по 18 июля). После того, как в ГДР прибыли высокопоставленные сотрудники центрального аппарата МВД СССР, сообщения в центр готовились за тремя подписями: начальника 3 управления (военная контрразведка) С.А. Гоглидзе, начальника 1-го Главного управления (контрразведка) П.В. Федотова и уполномоченного МВД в ГДР И.А. Фадейкина. Копии сообщений по-прежнему рассылались всем членам Президиума ЦК

КПСС. В отдельных случаях с сообщениями, поступавшими из Германии, знакомились только руководители МВД СССР. Например, с информацией «Об аресте и ведении следствия по делу участника антиправительственного выступления Р. Далема» от 26.06.53 г., согласно прилагающемуся листу, были ознакомлены И.А. Серов, Н.Н. Шаталин, И.И. Масленников, А.М. Коротков⁷. С 28 июня по 4 июля об обстановке в ГДР из Берлина докладывали И.А. Фадейкин и П.В. Федотов. Сообщения поступали на имя С.Н. Круглова (всего шесть информационных записок). 10 и 11 июля 1953 года две записки подписал подполковник А.Я. Макаров, они также адресованы министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову. Сообщения с 16 по 18 июля направлялись в Москву И.А. Фадейкиным. В записке «О положении в ГДР на 18 июля 1953 года» адресатом значится Министерство внутренних дел СССР. Сообщение от 11 июля «О рассмотрении следственных дел в отношении лиц, принимавших участие в подготовке и осуществлении провокации в Берлине и других городах ГДР, и организации открытых процессов» было доложено С.Н. Круглову, и по его указанию направлено Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву⁸.

В сообщениях, переданных в Москву после завершения выступлений, отражен процесс нормализации обстановки в Берлине и других городах Восточной Германии, приведена оценка произошедшего со стороны населения ГДР, присутствуют данные о числе лиц, принимавших участие в антиправительственных акциях, описана организация предупредительных мер, охарактеризованы действия западных спецслужб. Как видно из документов, уже 19 июня забастовки в Восточном Берлине и ГДР в основном прекратились. В столице работали все предприятия. На ряде заводов проводилась кампания за компенсацию ущерба, вызванного простоями в работе за время событий 16–17 июня. В провинции 19 июня забастовки продолжались лишь на некоторых промышленных объектах, таких как вагоноремонтный завод в г. Магдебурге и электромоторный завод в г. Эльзэнбурге. В это же время проходило выявление активных участников антиправительственных выступлений и уточнялось их число. По данным на 20 июня 1953 года, в Берлине и ГДР 17 июня бастовало 175 тысяч 450 человек, 18 июня – 122 тысячи 855 человек. Во время стычек демонстрантов с советскими войсками и полицией убит 21 человек и ранены 126 человек⁹. В последующих сообщениях указанное число остается неизменным.

Несмотря на прекращение забастовок, обстановка в стране оставалась напряженной. Подтверждение этому – в сообщении от 22.06.53 г., в котором приведены отклики рабочих Восточного Берлина и ГДР о необходимости продолжения борьбы за удовлетворение требований, выдвинутых во время антиправительственных выступлений. «Имеют место многочисленные высказывания: «Раз правительство совершило ошибки, оно должно уйти в отставку». Зарегистрировано большое количество враждебных высказываний против Ульбрихта, которого считают основным виновником ошибок,

совершенных правительством»¹⁰. В ряде докладных записок сообщается о заброске из Западного Берлина воздушными шарами листовок «Восточного бюро» социал-демократической партии Германии, «Группы борьбы против бесчеловечности» и «НТС» с призывами замены правительства и к продолжению забастовок¹¹. В сообщении от 04 июля 1953 г. имеется информация о том, что накануне волнений представителями английской и американской разведок разрабатывался план совместных действий. Согласно этому плану вся квалифицированная агентура, проживавшая в Западном Берлине, направлялась в ГДР для активного развертывания забастовочного движения и провоцирования беспорядков в городе¹².

Тщательное изучение материалов по теме из Центрального архива ФСБ России свидетельствует, что в архивных документах нет ни одного упоминания о расстрелах советских военнослужащих, якобы отказавшихся применять оружие против демонстрантов, также не имеется каких-либо сведений о невыполнении солдатами приказов командования во время июньских событий. Миф, который существует на протяжении пятидесяти лет, опровергается документами. Архивные материалы свидетельствуют, что аппарат Уполномоченного МВД контролировал обстановку, оперативно и своевременно направлял в центр достоверную информацию, которая незамедлительно докладывалась политическому руководству СССР. Введение в научный оборот неизвестных широкой общественности материалов из фондов Центрального архива ФСБ России позволит расширить возможности исследователей. В дни, когда отмечался юбилей событий июня 1953 года, к рассекреченным архивным документам был проявлен большой интерес со стороны представителей российской и немецкой прессы.

Полная подборка материалов Центрального архива ФСБ России об антиправительственных выступлениях в ГДР опубликована в 2003 году в журнале Российской Академии наук «Новая и новейшая история».

¹ Центральный архив ФСБ России (далее – ЦА ФСБ РФ). Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 8, 9.

² ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 8. Л. 7–25.

³ Данный документ, безусловно, был использован при подготовке совершенно секретного распоряжения Совета Министров СССР от 2 июня 1953 г. «О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР». – См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. – М.: МФД, 1999. – С. 57–61.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 8. Л. 57.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 8. Л. 84–86.

⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 8. Л. 73.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 9. Л. 1–3.

⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 9. Л. 34–36.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 8. Л. 90–94.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 8. Л. 131.

¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 8. Л. 134, 144, 148 и др.

¹² ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 11 а. Д. 8. Л. 226–231.

ВЕНСКАЯ ВСТРЕЧА (1961) Н. ХРУЩЕВА И ДЖ. КЕННЕДИ

*Тезисы выступления на заседании
Российско-австрийской комиссии историков
г. Вена, 29 ноября 2010 г.*

3–4 июня 1961 г. в Вене на нейтральной территории проходила встреча Н.С. Хрущева¹ и Дж. Кеннеди². Встреча проходила в разгар «холодной войны» и поэтому привлекала к себе внимание широкого круга политиков и политологов. Несмотря на то, что на Венском саммите не было подписано ни договоров, ни соглашений, тем не менее, встреча имела важное значение для развития отношений между СССР и США. Как развивались советско-американские отношения в начале 1960-х гг. и проходила подготовка к встрече лидеров СССР и США, почему местом встречи была избрана Вена, почему не были достигнуты договоренности? Ответить на эти вопросы и другие вопросы, а также реконструировать происходившие события, во многом нам помогут документы российских архивов.

После смерти Сталина в 1953 г. 1-м секретарем ЦК КПСС стал победивший во внутривнутрипартийной борьбе Н.С. Хрущев, а председателем Совета министров СССР – Н.А. Булганин³. Первые же поездки Н.С. Хрущева за границу вызвали интерес у политиков, общественных деятелей, политологов и журналистов. Во время поездок Н.С. Хрущев демонстрировал политическую гибкость и дерзкий, экстравагантный стиль поведения, который стал его отличительной чертой. В 1955 г. Хрущёв встречался в Женеве с президентом США Д. Эйзенхауэром⁴. Главной проблемой на переговорах был германский вопрос. Хотя соглашения достигнуть не удалось, тем не менее, обе стороны молчаливо исходили из реальности существования двух Германий. Ни США, ни Англия, Франция и другие страны Европы не были заинтересованы в восстановлении мощной Германии с непредсказуемой в будущем политикой. В 1956 г. Н.С.Хрущев вместе с Н.А. Булганиным посетил Англию. Несмотря на постепенно развивающиеся контакты Н.С. Хрущева с лидерами западных стран, избежать международного кризиса вокруг проблемы Западного Берлина не удалось. В 1958 г. Запад отклонил требование советского руководства изменить статус Западного Берлина и превратить его в «свободный демилитаризованный» город.

В условиях международных кризисов существенно возрастала роль советской внешней разведки по добыванию политической информации. Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 декабря 1958 г. И.А. Серов был освобожден от обязанностей Председателя КГБ при СМ СССР⁵. Два дня спустя он в связи с необходимостью «укрепления руководства» был назначен начальником Главного разведывательного управления и заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных сил СССР по разведке. 25 декабря 1958 г. на должность Председателя КГБ при СМ СССР был назначен А.Н. Шелепин⁶, до этого возглавлявший Отдел партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам⁷.

Со стороны западных политологов сущность внешнеполитического курса США и европейских стран на протяжении 1950–1960-х гг. получила название доктрины «гибкого реагирования», которую, затем сменила политика «наведения мостов», предусматривавшая отказ от попыток военного свержения коммунистических режимов. Основу внешней политики СССР в этот период также составляла доктрина мирного сосуществования между социализмом и капитализмом. О полной и окончательной победе социализма в СССР и начале строительства коммунизма было объявлено на внеочередном XXI съезде КПСС.

Отстаивая принцип мирного сосуществования государств с различным общественно-экономическим строем, с 15 по 27 сентября 1959 г. Н.С. Хрущев вместе с делегацией посетил США и провел переговоры с президентом США Д. Эйзенхауэром. Накануне поездки в США Н.С. Хрущев по дипломатическим каналам вступил в переговоры с американской администрацией, настаивая на том, чтобы его принимали как руководителя партии и государства. Он дал понять, что процедура его приема должна быть такой же, как процедура предполагавшегося приема Д. Эйзенхауэра в Москве⁸. Н.С. Хрущев придавал особое значение этому вопросу, т.к. не просто связывал его со своей персоной, а считал это символом признания США политического паритета с СССР. Н.С.Хрущева беспокоило, как будет проходить беседа один на один с президентом США. Он ожидал спора при обсуждении сложных вопросов, думал, как аргументировано и достойно защитить советскую позицию, чтобы «не унизиться и не позволить лишнего». Н.С.Хрущев испытывал беспокойство, что Кэмп-Дэвид станет второстепенным, незначительным, малоизвестным местом, куда президент США приглашает его на несколько дней с целью унизить. Побывав в США, Н.С. Хрущев убедился в престижности состоявшейся поездки, которая произвела на него огромное впечатление, в первую очередь, в связи с увиденными технологическими и экономическими успехами США. Особый интерес у советского лидера вызвали фермерские хозяйства, ведение земледелия, животноводства, деятельность предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции. Тем не менее, Н.С. Хрущев оставался ярким сторонником колхозов и совхозов, считая их деятельность более продуктивной. Особое место в загранич-

ных поездках Н.С. Хрущева занимали встречи с представителями прессы. Его открытость, грубоватая манера шутить, эмоциональность очень нравились американцам.

С 23 марта по 3 апреля 1960 г. Н.С. Хрущев по приглашению Шарля де Голля⁹ посетил Францию с государственным визитом. В поездке его сопровождали А.Н. Косыгин¹⁰, А.А. Громыко¹¹, Г.А. Жуков¹², В.С. Емельянов¹³ и др. На переговорах лидерами стран обсуждались актуальные международные проблемы в связи с предстоявшей 16 мая встречей глав государств и правительств СССР, США, Великобритании и Франции¹⁴. Накануне поездки Н.С. Хрущева во Францию аналитики КГБ СССР подготовили обзор¹⁵, в котором отмечали, что «взгляды де Голля по внутривнутриполитическим вопросам в значительной мере отвечают интересам крупного монополистического капитала, заинтересованного в сильной исполнительной власти для укрепления своего классового господства и ослабления влияния демократических сил. Де Голль является сторонником установления в стране режима личной власти, который, по его словам, необходим для разрешения внутривнутриполитических трудностей Франции и проведения «политики величия Франции». Де Голль оказывает решающее влияние на разработку важнейших вопросов внешней и внутренней политики. Он лично руководит работой основных министерств. Де Голль провел реорганизацию секретариата президента республики, значительно расширив его и увеличив количество своих советников, которым поручено наблюдение за важнейшими органами государственного аппарата. Он назначил своих доверенных лиц на ключевые посты в правительстве, министерствах, армии и службах безопасности, и стремится превратить их в простых исполнителей своей воли. Де Голль не терпит возражений и требует от своих подчиненных беспрекословного выполнения приказаний... Одной из своих основных задач в области внутренней политики, по мнению аналитиков, де Голль считал борьбу против демократических сил. Он полагал, что существовала возможность «серьезно подорвать влияние демократических сил, особенно Французской коммунистической партии, не прибегая к формальной ликвидации буржуазно-демократических свобод». Авторы обзора подчеркивали, что де Голль в целом враждебно относился к Советскому Союзу как к социалистической державе. Он надеялся на ослабление социалистического лагеря и даже на изменение социального строя СССР в результате внутренней эволюции. Де Голль считал советский строй явлением исторически временным и полагал, что установление советской власти вызвано лишь необходимостью проводить индустриализацию страны более эффективными средствами, чем это делали в свое время капиталистические страны. В то же время де Голль понимал, что национальные интересы Франции диктуют необходимость сближения с СССР. В частных беседах де Голль отмечал, что по географическому положению СССР является естественным союзником Франции, а по характеру и темпераменту французский и славянский народы близки друг к другу. Вместе

с тем де Голль полагал, что еще не созрели условия для сближения Франции с Советским Союзом, а политическая обстановка во Франции затрудняла проведение политики сближения. Поэтому де Голль предлагал отложить проведение совещания в верхах, по крайней мере, до тех пор, пока Франции не создаст своей атомной бомбы и добьется успехов в разрешении алжирского вопроса¹⁶. Приглашая Н.С. Хрущева приехать во Францию, де Голль руководствовался желанием с одной стороны оттянуть созыв совещания в верхах, а с другой стороны поставить себя на один уровень с Д. Эйзенхауэром и Э. Макмилланом¹⁷, которые уже встречались с Н.С. Хрущевым, и укрепить свой авторитет в стране. Вместе с тем де Голль не исключал возможности использовать эти переговоры для выяснения вопросов, по которым может быть достигнута договоренность с Советским Союзом. В частных беседах де Голль давал понять, что существуют возможности достижения соглашения с СССР по конкретным вопросам. Своими впечатлениями о зарубежной поездке Н.С. Хрущев поделился на состоявшемся 4 апреля во Дворце спорта Центрального стадиона им. В.И. Ленина митинге, а также 7 апреля проинформировал о результатах визита во Францию членов Президиума ЦК КПСС, отметив не только положительные аспекты, но и отсутствие договоренностей с французской стороной¹⁸.

В 1960 г. в Париже планировалась одна из самых важных встреч на высшем уровне – между главами четырех держав СССР, США, Великобритании и Франции. Также предусматривалась встреча Н.С. Хрущева с Д. Эйзенхауэром. Как отмечает Ф.М. Бурлацкий¹⁹, накануне встречи Н.С. Хрущева с Д. Эйзенхауэром был подготовлен пакет важных предложений, проектов и соглашений, содержание которых до сих пор служит предметом невероятных предположений и сомнительных догадок. Планировалось, что лидеры двух держав обсудят германскую проблему, поскольку Н.С. Хрущев считал главным дипломатическое признание ГДР западными державами. Это было важно и для самой Германской Демократической Республики, служило залогом стабилизации в Европе на основе признания статус-кво. На встрече намечалось обсудить вопрос о советско-американских отношениях и ограничении гонки вооружений²⁰. Подготовка к встрече вызывала дискуссии среди советского руководства. Существовал целый ряд вопросов, сплетенных в один узел, решение каждого из которых требовало больших усилий и взаимной уязвки. Во-первых, это было ограничение вооружений. В Советском Союзе активно работала программа ядерного и ракетного вооружения, но до паритета с США в этих областях было еще далеко. Трудно было ожидать, что в момент парижской встречи американцы пойдут на неадекватное сокращение своих ядерных и ракетных вооружений. Вторым сложным вопросом оставалось отношение американской администрации к ГДР (дипломатическое признание ГДР, закрепление границ между ГДР и Польшей). Третьим, пожалуй, наиболее сложным вопросом, являлась позиция Мао Цзэдуна²¹, который был решительным противником

советско-американского сближения. По мнению Мао, такое сближение могло нанести ущерб китайским интересам²². В конце февраля КГБ СССР сообщил политическому руководству Советского Союза о ходе подготовки западных держав к встрече на высшем уровне, работе экспертов по вопросам разоружения, позиции западных держав по берлинскому вопросу²³. Так, по имеющимся в КГБ СССР сведениям, «...в кругах МИД Франции выражалось опасение, что на предстоящих переговорах в верхах Берлинская проблема может вопреки желанию западных держав стать центральным вопросом. США, Франция и Англия вели переговоры относительно того, чтобы каждая из этих трех стран, несущих прямую ответственность за положение в Берлине, выступила на самом высоком уровне с заявлением о том, что никакое давление со стороны СССР, направленное на изменение статуса бывшей столицы Германии, не вынудит Запад пойти на уступки»²⁴.

10 мая 1960 г., за несколько дней до начала встречи в Париже глав четырех держав, советское правительство вручило правительству США официальную ноту²⁵ по поводу агрессивного вторжения 1 мая американского военного самолета в пределы Советского Союза на расстояние более 2 тыс. км. В воздушном пространстве в районе Свердловска на высоте 22 км советской ракетой класса «земля-воздух» был сбит американский разведывательный самолет U-2, пилотируемый летчиком ВВС США Ф. Пауэрсом²⁶. Самолет был специально оборудован для полета над советской территорией и сбора разведывательной информации. После показаний американского пилота Госдепартамент США перед лицом неопровержимых фактов признал, что самолет U-2 выполнял разведывательный полет над территорией СССР.

16 мая 1960 г. в Париже открылась встреча глав четырех держав (СССР, США, Великобритании и Франции) по Западному Берлину. Как отмечает Ф. Бурлацкий, перед вылетом в Париж Н.С. Хрущев собрал заседание Президиума ЦК КПСС и предложил отменить все подготовленные ранее предложения и документы, мотивируя тем, что обстановка для соглашения неблагоприятна со всех точек зрения. Приехав в Париж, Н.С. Хрущев, прежде всего, потребовал извинений от Д. Эйзенхауэра за полет самолета U-2 и прекратить разведывательные полеты над территорией СССР, и когда тот отказался это сделать, встреча была сорвана²⁷. Администрация Д. Эйзенхауэра настаивала на праве принятия принципа «открытого неба», позволяющего беспрепятственно вести аэрофоторазведку во всем мире. СССР, не располагавший в тот период необходимой авиационной техникой, отвергал этот принцип и заявлял о своем праве сбивать самолеты-разведчики других стран в советском воздушном пространстве. Результатом неуступчивости обеих сторон стало заявление Н.С. Хрущева об отказе участвовать во встрече глав государств и правительств четырех великих держав в Париже.

Подчеркивая свою приверженность в разрешении берлинского кризиса и намерения заключить мирный договор с ГДР, Н.С. Хрущев с 19 по 21 мая совершил поездку в ГДР.

Напряжение между СССР и США продолжало нарастать. 1 июля 1960 г. в воздушном пространстве СССР над Баренцевым морем советский самолет истребитель сбил самолет-разведчик RB-47. Из шести членов экипажа четверо погибли в море, двоих задержали и отправили в Москву. Раздражение Хрущева американской неуступчивостью проявилось во время его поездки в Нью-Йорк в сентябре 1960 г. для участия в XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где он выступил с речью, призвав обеспечить «свободу и независимость всем колониальным народам», а также «решить проблему всеобщего разоружения».

В конце октября – ноябре 1960 г. эксперты стран, входящих в НАТО, провели анализ политики Советского Союза после провала майского встречи в верхах. Подготовленный ими доклад был обсужден на сессии Совета Североатлантического союза, которая состоялась 16–18 декабря 1960 г. в Париже. Аналитики НАТО сделали вывод, что с мая 1960 г. политика Советского Союза в отношении Запада приняла более воинственный характер. Они считали, что за периодом советско-американских отношений, ознаменовавшимся «духом Кэмп-Дэвида», последовал период, проходивший под знаком «ультиматума» Хрущева в отношении Берлина. Эти колебания советской внешней политики они объясняли несколькими причинами. Во-первых, тем, что Хрущев в своей политике «стремился открыть новые районы экспансии (Азия, Африка, Латинская Америка) и разнообразить средства борьбы с Западом, не прибегая, однако, ко всеобщей войне. Поэтому отношения СССР с внешним миром, характеризовавшиеся в период с 1945 г. до смерти Сталина принципиальной враждебностью в отношении некоммунистических правительств, принимают более сложную форму». Во-вторых, Хрущев, как во внутренней, так и во внешней политике «вынужден был считаться с расхождениями теории с практикой. Ему постоянно приходится маневрировать между рифами «ревизионизма» и «догматизма». Кроме того, Хрущеву необходимо было учитывать интересы советского государства и задачи, вытекавшие из его роли как лидера международного коммунистического движения, в случаях, когда они противоречили друг другу. В-третьих, Хрущеву было гораздо труднее проводить многие мероприятия внешней политики, так как международное коммунистическое движение уже было не столь монолитным. Например, между двумя великими державами СССР и Китаем существовали существенные разногласия. Это вело к тому, что в социалистической системе возникали внутренние противоречия, давление одних стран на другие, что вынуждает Советский Союз изменять свою ориентацию.

Западные эксперты считали маловероятным, чтобы в периоды напряженности советские руководители доходили в своей политике до серьезной опасности ядерной войны, ибо они хотели, во что бы то ни стало избежать такой войны. Опасность ядерной войны стала одним из основных элементов политики «мирного сосуществования» наряду с верой СССР

«в торжество коммунизма». Поэтому советские руководители могли лишь частично воспользоваться военной мощью для того, чтобы добиться победы коммунизма. С другой стороны, отмечали натовцы, советские руководители в своей политике «ослабления напряженности» не могли идти дальше той точки, которая ставила под угрозу единство советско-китайского блока или преобладающую роль СССР в этом блоке. Они подчеркивали, что Хрущев не намерен превращать политику «ослабления напряженности» в политику «союза с Западом». Западные эксперты допускали возможность некоторых компромиссов в политике «мирного сосуществования», но оно, по их мнению, подразумевает продолжение борьбы с Западом и «коммунистическую экспансию в новых формах».

Не берясь предсказать, сколько времени продлится напряженность, существующая с мая 1960 г., и возможны ли новые периоды «ослабления напряженности», представители НАТО сделали предположение, что Советский Союз предпримет новые усилия с целью создания условий для возобновления переговоров между Востоком и Западом. Они утверждали, что нет никаких оснований думать, что СССР пойдет на уступки по основным спорным вопросам.

Советские намерения в отношении Германии и Берлина, по мнению западных аналитиков, осложнялись тем, что если СССР не изменит своей позиции, то в вопросе о Берлине не удастся добиться никакого компромиссного решения, приемлемого для Запада. Эксперты НАТО утверждали, что советские руководители не заинтересованы в решении проблемы Берлина, они намереваются сохранять до бесконечности состояние нависшего над Западом «дамоклова меча», с помощью которого можно провоцировать один за другим кризисы. Они предполагали, СССР возможно попытается принудить Запад признать ГДР и хотя бы де-факто и порвать узы, связывающие Федеративную Республику Германии с Западом.

Натовские эксперты предупреждали, чтобы Запад был готов к давлению в вопросе о Берлине в виде критики отношений, установившихся между Западным Берлином и ФРГ. Они считали, что следует серьезно относиться к заявлению Хрущева о решении проблемы Берлина в 1961 году. Натовские эксперты сделали вывод, что говоря о Германии и Берлине, Запад не должен забывать о необходимости отстаивать право на самоопределение. Он может снова взять инициативу в свои руки и заставить русских перейти к обороне. Аналитики НАТО, рассматривая вопрос о переговорах между Востоком и Западом, оценивали заявления Н.С. Хрущева как его готовность к обсуждению вопроса о проведении нового совещания в верхах после вступления в должность вновь избранного президента США²⁸.

Западные эксперты внимательно следили за выступлениями советского лидера и считали, что Н.С. Хрущев «как будто сводил задачу совещания в верхах к обсуждению вопроса о мирном договоре с Германией и статуте Западного Берлина». По-прежнему, видное место в заявлениях Хрущева за-

нимали вопросы разоружения. Им предлагалось проведение в апреле 1961 г. специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН с участием глав правительств, расширение Комитета десяти стран по разоружению.

Ряд фактов, по мнению аналитиков НАТО, давал основание полагать, что Хрущев начинает готовить свой маневр к предполагаемому совещанию в верхах, чередуя, как обычно, заигрывание с угрозами. С одной стороны, Хрущев направил Кеннеди поздравительную телеграмму, в которой выразил надежду на установление между СССР и США столь же теплых отношений, как во времена Рузвельта. Кроме того, он временно прекратил нападки на канцлера Аденауэра²⁹ в своих публичных выступлениях. Но, с другой стороны, Хрущев еще раз заявил, что, если западные державы откажутся вести переговоры по проблеме Германии и Берлина, он созовет конференцию для заключения сепаратного мирного договора. Его угроза приобретала реальность, поскольку он дал право властям Панкова принять ограничительные меры в отношении торговли с Берлином.

Анализируя политику Советского Союза после провала встречи в верхах (май 1960 г.), натовцы сделали вывод, что в ближайшем будущем Запад должен определить свою позицию по вопросу о новых переговорах с Советским Союзом. Запад должен определить, на какой основе он согласен на переговоры. Западу не следовало занимать слишком негативную позицию в отношении новых переговоров с Советским Союзом. Однако проведению любого совещания в верхах должна предшествовать подготовка, ибо только таким образом можно выяснить, есть ли серьезные основания рассчитывать на успех совещания³⁰. Советское политическое руководство неоднократно заявляло протесты по поводу того, что американскими разведывательными службами вели широкомасштабный сбор информации о СССР. Вместе с тем это были не более чем политические демарши, так как и советская внешняя разведка – Первое (разведывательное) управление КГБ при Совете министров СССР – занималась сбором политической информации за рубежом. Разведывательные резидентуры, созданные при советских представительствах за границей, добывали документальные материалы о наиболее важных событиях политического характера. Информацию по внешнеполитическим вопросам иностранных государств, собирало также 2-е (контрразведывательное) управление КГБ при Совете министров СССР через посольства и иные представительства иностранных государств на территории СССР. Так, еще в 1945 г. посол США в СССР А. Гарриман³¹ получил в подарок вырезанный из дуба герб Соединенных Штатов. Герб украшал стену кабинета посла и трех его преемников до начала 1950-х годов, пока специалисты американского посольства по обнаружению скрытых электронных средств не увидели в нем подслушивающее устройство. «Мы нашли его, но не знали принцип его действия, – вспоминал С. Питер Карлоу, начальник службы специального оборудования ЦРУ. – В гербе находилось устройство, похожее на головастика с маленьким хвостом. У Советов имелся источник

микроволнового сигнала, который заставлял рецепторы внутри герба резонировать». Голос человека, по все видимости, влиял на характер резонансных колебаний устройства, позволяя осуществлять перехват слов на расстоянии по организованному радиоканалу. «С технической точки зрения это устройство пассивного типа: ни тока, ни элементов питания, одно лишь пожизненное ожидание». После этой находки специалисты ЦРУ занялись воспроизведением подслушивающего устройства, основанного на совершенно новом для них принципе. США молчали про герб почти 10 лет и лишь в конце мая 1960 года, после шпионского полета Пауэрса, сделали факт использования этого подслушивающего устройства достоянием гласности. На заседании Совета безопасности представитель США в ООН Лодж³² заявил, что Советский Союз имеет на своем содержании «сотни шпионов и других подрывных элементов» по всему миру. В качестве доказательства он продемонстрировал вырезанный из дерева государственный герб США, который подарили американскому народу от имени советского и который висел в кабинете посла в Москве, а потом вдруг обнаружилось, что внутри сувенира покоится оригинальное подслушивающее устройство. По словам Лоджа, это устройство было одним из более ста ему подобных, найденных в дипломатических представительствах США в странах – союзниках СССР³³.

Еще одним примером успешной деятельности советских органов безопасности в сфере получения сведений о внешней политике США стала расшифровка специалистами КГБ СССР на рубеже 1960-х гг. в американской шифрпереписки. Среди документов, полученных советской разведкой и представлявших важное значение при подготовке зарубежных поездок и встреч Н.С. Хрущева, были материалы итальянского министерства иностранных дел. 30 ноября 1960 г. А.Н. Шелепин направил А.А. Громыко копию ориентировки МИД Италии от 28 июля 1960 г. своим дипломатическим представительствам за границей. В ориентировке содержались оценки и комментарии девятидневного визита Хрущева в Австрию летом 1960 г.³⁴, а также содержались некоторые прогнозы внешнеполитических шагов руководителя советского государства и КПСС, которых ждала от него зарубежная политическая элита³⁵. МИД Италии отмечал, что находясь в Австрии, Хрущев держался в своей обычной манере: «лез во все дыры, по-хозяйски раздавал указания, как будто находился не на территории суверенного государства, а где-нибудь в Орловской области». Хрущева повсюду сопровождали несколько сот западных журналистов, распространявших его заявления по всему миру с соответствующими комментариями. Приводился один из таких комментариев: «Визит Хрущева закончился в субботу только для австрийского населения, но не для правительства, которому в эти дни после затраты огромных усилий предстоит сбросить с себя бремя тяжелых последствий этого визита и уяснить себе некоторые его аспекты. Во время пребывания Хрущева страна целыми днями должна была слушать нескончаемый поток речей, – говорилось в ориентировке. – Австрийское агентство

печати составило сборник публичных заявлений и речей на 270 страницах». По мнению МИД Италии, «австрийцы ожидали и предвидели, что Хрущев будет расхваливать политику нейтралитета, будет указывать на нее, как на пример «политической мудрости» тех деятелей, которые избрали такую политику». Однако, как отмечалось в документе, «австрийцев шокировали неуместные толкования Хрущевым австрийского нейтралитета, в соответствии с которыми австрийскому нейтралитету не противоречит неучастие Австрии в ЕЭС, но несовместимы с ним ее вступление в ЕАСТ, отсутствие в Вене лица, занимающегося выдачей лицензий в торговле с восточными странами, полеты американских самолетов в австрийском воздушном пространстве, намерения ФРГ осуществить новый аншлюс и даже ракетные базы в Италии. Австрийцев обескуражили также неоднократные высказывания Хрущева о защите и охране австрийского нейтралитета, хотя этого никто не просил». Итальянцы отметили, что во время визита Хрущев несколько раз указывал на советско-австрийские отношения как на один из конкретных и наиболее убедительных примеров мирного сосуществования. Он очень часто говорил о разоружении, чтобы подчеркнуть добрые намерения, конструктивные предложения СССР по этому вопросу и возложить на враждебный и агрессивный Запад всю вину за провал предпринимавшихся до сих пор попыток к достижению соглашения по вопросу о разоружении. В документе подчеркивалось, что помимо выпадов против Аденауэра, которого Хрущев сравнивал с Гитлером, а также, исключая высказывания относительного западногерманского реваншизма и планов пангерманского ревизионизма, Хрущев подтвердил свою точку зрения по германской проблеме. Он сказал, что необходимо покончить с остатками Второй мировой войны и что в интересах безопасности народов Советский Союз будет прилагать беспрестанно усилия для скорейшего заключения мирного договора с Германией и разрешения на этой основе берлинского вопроса. Как отмечали итальянцы, на последней пресс-конференции Хрущев заявил, что Советский Союз располагает информацией, поступившей из ФРГ, о том, что там вынашивается идея провести заседание бундестага в Западном Берлине. Может быть, указал в связи с этим Хрущев, «нам следует подумать с товарищами Гротеволем³⁶, Ульбрихтом³⁷ и представителями других социалистических стран, участвовавших в войне, и приурочить к созыву бундестага в Западном Берлине подписание мирного договора с ГДР. И тогда, по его словам, депутатам бундестага пришлось бы получить визу у Гротеволя для того, чтобы они смогли уехать из Берлина к себе в Бонн». МИД Италии подчеркнул, что США были объектом самых резких нападок Хрущева, обвинявшего американцев в преследовании агрессивных целей, в осуществлении пиратских действий и в лживости; на них была возложена вина за срыв совещания на высшем уровне и за ведение холодной войны. Находясь в Клагенфурте, Хрущев сказал, между прочим, что он «не выдаст военной тайны, если скажет, что с некоторых пор в непосредственной близости

от Австрии находятся американские военные базы с установками для запуска реактивных снарядов, предназначенных для использования против СССР и его соседей». По словам Хрущева, нельзя не отдавать себе отчета в том, что присутствие американских пусковых установок в Северной Италии может привести к нарушению австрийского нейтралитета, если они бы были использованы против социалистических стран. По мнению Хрущева, в этом случае необходимо не стесняясь дать совет соседу не начинать игру с огнем и быть настороже. Хрущев заявлял, что он не хочет испортить отношения между Австрией и Италией и даже желал улучшения отношений с австрийскими южными соседями, но Австрия, по его словам, не должна оставаться безразличной, когда на ее границах создаются иностранные военные базы и размещаются установки для запуска ракет.

Из заявлений Хрущева правящие круги западных стран могли сделать вывод о том, какие проблемы волнуют советского лидера, и в соответствии с этим вырабатывать свою позицию на возможных переговорах с представителями СССР. Эти проблемы сводились к запрещению испытаний ядерного оружия в контексте всеобщего разоружения, определению статуса Западного Берлина, заключению мирного договора с ФРГ, защите кубинской революции и национально-освободительного движения в Лаосе. Знание этих проблем помогало и советским дипломатам более тщательно прорабатывать различные вопросы и аргументировано отстаивать свою позицию³⁸. К концу 1960 г. советско-американские отношения зашли в тупик, требовались новые подходы для его преодоления. В Москве придавали большое значение очередным президентским выборам в США. Наряду с решением обычных задач по выявлению главных тенденций во внешней и внутренней политике США, планов американской администрации в отношении СССР, перед советской внешней разведкой была поставлена задача – информировать Кремль о ходе предвыборной кампании в США. В Москве пытались выработать такие внешнеполитические мероприятия, которые могли бы способствовать победе кандидата в президенты Джону Кеннеди.

Как пишет в книге воспоминаний бывший в это время резидентом советской внешней разведки в США Александр Феклисов, резидентуре удалось установить контакт с братом будущего президента США Робертом Кеннеди, который рекомендовал Кремлю занять нейтральную позицию в отношении предвыборной кампании в США. Резидентура советской внешней разведки в США с тех пор регулярно освещала ход предвыборных кампаний в США и других ведущих странах, и ее прогнозы в отношении будущего хозяина Белого дома всегда сбывались.

3 декабря 1960 г. А.Н. Шелепин проинформировал Н.С. Хрущева о некоторых намерениях в области внешней политики избранного президента США Дж. Кеннеди. В документе КГБ отмечалось, что избранный президент США уделит большое внимание «улучшению американско-советских отношений, особенно в области разоружения. Уже в 1961 г. можно будет заклю-

чить соответствующее соглашение, если обе стороны сделают дальнейшие шаги навстречу друг другу. Несмотря на противодействие оппозиционных кругов, Дж. Кеннеди не намерен возобновлять подземных ядерных испытаний. У него есть желание лично встретиться с Хрущевым и надежда на то, что его отношения с советским руководителем сложатся более удачно, чем у действующего президента США Д.Эйзенхауэра»³⁹.

Эксперты считали, что Дж. Кеннеди не согласится на созыв совещания в верхах, если не будет серьезных свидетельств того, что оно даст положительные результаты. Кроме того, в течение первых трех-четырёх месяцев пребывания на посту президента США, пока через конгресс не будет проведена его внутривластная программа, он не сможет принять участия в совещании на высшем уровне. Делался прогноз, что «Дж. Кеннеди стремится найти пути решения берлинской проблемы, однако если Советский Союз будет оказывать давление в этом вопросе, он будет защищать позиции Запада. Признавая важность развития советско-американской торговли, Дж.Кеннеди не считает этот вопрос первостепенным и полагает, что он будет легко решен после урегулирования более важных международных проблем. Избранный президент США будет продолжать и расширять культурный обмен между США и СССР».

В декабре А.Н. Шелепин направил еще одну записку в ЦК КПСС, в которой сообщил о том, что заявление недавно прошедшего Совещания представителей коммунистических и рабочих партий «сильно обескуражило посольство США, так как в нем содержится большое количество очень серьезных и резких нападок на США, которых не было даже в самое напряженное время холодной войны»⁴⁰. По мнению сотрудников американского посольства, это было тем более печально, что Советский Союз выступил с нападками до того, как избранный президент Дж. Кеннеди выступил со своей внешнеполитической программой, в частности официально высказался о перспективах развития отношений между нашими странами. Эта программа будет сформулирована правительством Кеннеди только после 20 января 1961 г., т.е. после инаугурации. Отмечалось, что сотрудники посольства США договорились «не допускать ничего такого, что могло бы ухудшить советско-американские отношения, во всяком случае, до прихода Кеннеди к власти, в то время как советская сторона не желает проявлять терпения». Они считали, что «с приходом Кеннеди к власти СССР будет иметь то, о чем постоянно говорит, то есть экономическое соревнование двух систем, и очень скоро почувствует это в слаборазвитых странах. Кеннеди – это не старик Эйзенхауэр, который ничего не делал». Какой внешнеполитический курс предпочтет избранный президент США, интересовало и американских союзников.

13 декабря 1960 г. Шелепин проинформировал ЦК КПСС и МИД СССР о позиции Западной Германии в свете будущей внешней политики Дж. Кеннеди⁴¹. Источниками послужили два документа: записка Аденауэра

статс-секретарю ведомства федерального канцлера Глобке в связи с избранием Кеннеди президентом США⁴² и докладная записка ведомства федерального канцлера Аденауэру о будущем внешнеполитическом курсе правительства США, составленная на основе донесений представителя ФРГ за границей⁴³. Записки были датированы 14–15 ноября 1960 г.

В первой записке федеральный канцлер ФРГ в связи с избранием президентом США Дж. Кеннеди делал вывод о том, что необходимо срочно изыскать финансовые возможности для усиленного оснащения ФРГ ракетами, а также необходимости «добиваться предельной мощи для того, чтобы было удобнее вести переговоры с русскими».

Во второй записке федеральный министр ФРГ фон Brentано⁴⁴ давал прогноз относительно будущей внешней политики США. В частности, по его мнению, основные принципы этой политики будут определяться не государственным секретарем США, а президентом Дж. Кеннеди. После формирования нового состава аппарата государственного секретаря последуют большие перемещения в американской дипломатической службе. США будут вначале добиваться улучшения отношений с СССР и «восточным блоком» с тем, чтобы со временем форсировать свое вооружение; США потребуют от своих партнеров по НАТО, и в особенности от ФРГ, значительно больших финансовых расходов на вооружение и оказание помощи слаборазвитым странам; основными объектами будущей внешней политики США будут Азия и Африка, интересы США в Европе отступая на второй план. По мнению министра, следовало ожидать изменения позиции США в отношении Китая, развития тезиса о двух Китаях, усиления влияния на Индию, а также африканский континент в целом, улучшения отношений с Польшей. Исходя из новых реалий, фон Brentано считал, что избрание Дж. Кеннеди не упростило, а скорее усложнило проблемы западногерманской внешней политики, и поэтому поддерживал инициативу Аденауэра, целью которой являлось улучшение, по возможности, взаимоотношений между ФРГ и СССР, не порождая при этом недоверия со стороны США.

В марте 1961 г. в КГБ СССР была подготовлена аналитическая записка, в которой излагалось мнение дипломатических представителей ведущих стран Запада по вопросу о политике нового правительства США⁴⁵. Западные дипломаты считали, что к власти в США пришли более молодые и энергичные политические деятели и что лично Дж. Кеннеди может внести много нового в осуществление внешней политики США. В частности, бельгийский посол в США в одном из своих донесений в МИД Бельгии в конце ноября 1960 г. отмечал, что Дж. Кеннеди, являясь человеком действия, будет широко использовать предоставленные ему конституцией полномочия в области внешней политики. Итальянский посол в США в середине декабря 1960 г. писал в МИД Италии: «Нет никакого сомнения в том, что новый президент США примет активнейшее и непосредственное участие в выработке нового внешнеполитического курса в отличие от Эйзенхауэра, который передавал

все полномочия своим министрам и помощникам». Иностранные дипломаты считали, что Дж. Кеннеди ввел в правительство много компетентных и энергичных людей. В то же время, по их мнению, «новый государственный секретарь США Раск⁴⁶ не будет играть активной самостоятельной роли». Например, итальянское посольство в Париже в конце декабря 1960 г. сообщало в МИД Италии, что во французских политических кругах считают Раска «чиновником с ограниченными способностями, который был выбран лишь потому, что нужно было удовлетворить требованиям правого крыла демократической партии. Раск больше чем кто-либо должен будет выполнять политические директивы, разработанные более квалифицированными в политическом отношении людьми, например, Боулсом, Стивенсоном и, конечно, самим Кеннеди». Большинство западных дипломатов отмечало, что при новом правительстве США будут проводить активную и гибкую внешнюю политику, стремясь перехватить инициативу у Советского Союза. Ввиду того, что США вновь обрели превосходство над СССР, прежде всего, в области атомных подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис», американцы будут вести переговоры с СССР с позиции силы, в чем западные страны должны оказать США полную поддержку. В то же время, на Западе считали, что политика США в отношении Советского Союза будет более гибкой. Сам Кеннеди считал крупной ошибкой республиканского правительства создание баз вокруг СССР при отсутствии инициативы в деле улучшения отношений с Советским Союзом. К актуальным вопросам советско-американских переговоров, например, французские дипломаты отнесли проблемы разоружения, и в частности, прекращение испытаний ядерного оружия. Проблемы же Германии и Берлина, по их мнению, могли быть отодвинуты на второй план. Что касается вопроса об отношениях США с другими социалистическими странами, посол Бельгии в США указывал, что от Кеннеди следовало «ждать примирительной политики, направленной на то, чтобы ослабить зависимость этих стран от СССР, в частности, путем предоставления им различных экономических льгот». Итальянский посол в США сообщал о том, что США будут всемерно стараться усугубить советско-китайские отношения.

Победа Джона Кеннеди над Ричардом Никсоном⁴⁷ на очередных выборах президента США в ноябре 1960 г., предсказанная советской внешней разведкой, вызвала полное удовлетворение у Н.С. Хрущева, который, как и многие советские руководители и общественные деятели, больше симпатизировал демократам, чем республиканцам. Эта традиция шла еще от симпатий к Франклину Рузвельту⁴⁸, который не только первым осуществил дипломатическое признание Советского Союза в 1933 году, но и выступил как самый надежный союзник СССР во время Второй мировой войны. Было известно так же, что за демократов обычно голосуют афроамериканцы, а также низкооплачиваемые слои населения, а это рассматривалось как положительный фактор с точки зрения традиционного «классового подхода»

к оценке зарубежных событий. Кроме того, Дж. Кеннеди лично вызывал больше симпатий у Н.С. Хрущева, чем Р. Никсон, особенно после известной дискуссии с последним, которая получила название «кухонных дебатов»⁴⁹. Н.С. Хрущев с самого начала ставил Дж. Кеннеди выше Д. Эйзенхауэра. Признавая большие военные заслуги генерала во время мировой войны, он скептически оценивал его политическую деятельность. Молодой энергичный новый президент внушал Н.С.Хрущеву надежду на возможность радикального улучшения советско-американских отношений. Возможно, Н.С.Хрущев рассчитывал, что со своим огромным политическим и жизненным опытом он сможет оказать большее влияние и давление на Дж. Кеннеди. Однако улучшения двусторонних отношений между Москвой и Вашингтоном не произошло, а первые шаги нового президента свидетельствовали о продолжении им прежнего американского внешнеполитического курса.

И в США, и в СССР активно продолжались разработки ракетной техники, которые чередовались успехами и неудачами. 24 октября 1960 г. в СССР на полигоне Тюр-Там («Байконур») произошла катастрофа с ракетой Р-16, в результате взрыва которой погибло 92 человека, в т.ч. главнокомандующий Ракетных войск стратегического назначения Главный маршал артиллерии М.И. Неделин⁵⁰. 2 февраля 1961 г. был осуществлен успешный запуск межконтинентальной баллистической ракеты Р-16 с дальностью полета 13 тысяч км, разработанной под руководством М.К. Янгеля⁵¹. 12 апреля 1961 г. Ю.А. Гагарин на космическом корабле «Восток» совершил первый в истории человечества полет в космос, облетев вокруг Земли. Успехи советской науки в освоения космоса не оставляли равнодушными американских политиков. Дж.Кеннеди заявил о «ракетном отставании» США от СССР, что привело к новому витку гонки вооружений.

Антибатистовская революция на Кубе в 1959 г. и приход к власти прогрессивного режима во главе с Фиделем Кастро⁵² вызывали негативное отношение со стороны США, которые привыкли рассматривать Латинскую Америку как свои задворки, а Кубу – как наиболее близкую к метрополии вотчину. По указанию президента США Д. Эйзенхауэра 17 марта 1960 г. ЦРУ создало и вооружило бригаду из кубинских эмигрантов для вторжения в эту страну и свержения режима Кастро. Этим ведомством была сформирована политическая коалиция эмигрантских групп, которая, по замыслам США, должна была стать «демократическим правительством» Кубы. В связи с экономической блокадой Кубы, объявленной США, Н.С. Хрущев в июле 1960 г. объявил о закупках СССР кубинского сахара и предостерег США от вооруженной агрессии против Кубы.

Перед резидентурой советской внешней разведки в 1960 г. стояли задачи получения достоверной политической информации, раскрывающей тайные планы США в отношении Кубы. Выполняя задание Центра, резидентура советской внешней разведки в США приобрела источники секретной информации, позволяющие получать надежные данные о деятельности

Организации американских государств, планах США по свержению кубинского правительства. Разведка, в частности, установила и сообщила в Центр точную дату вторжения наемников ЦРУ на Кубу. Кубинская разведка также располагала аналогичными сведениями, что позволило заблаговременно принять меры по разгрому интервентов в районе залива Кочинос. Спланированная ЦРУ США еще при Эйзенхауэре и проведенная 17–19 апреля 1961 г. операция по высадке кубинских контрреволюционеров – «гусанос» в заливе Кочинос в районе населенного пункта Плайя-Хирон, имевшая целью свержение революционного режима Кастро, закончилась полным провалом. Все наемники ЦРУ либо погибли, либо попали в плен. 18 апреля СССР направил протест США против высадки антикастровских сил на Кубе. Более того, по данным советской разведки, США готовили новое вторжение на Кубу. Несмотря на обострение отношений, в большой войне, тем более войне ядерной, не был заинтересован никто. В правящих кругах США и СССР росло понимание необходимости разрядки накаленной атмосферы и личной встречи руководителей двух государств, олицетворявших две противоположные социально-политические системы. Начались консультации между внешнеполитическими ведомствами СССР и США о времени и месте проведения встречи Н. Хрущева и Дж. Кеннеди. Как полагали политологи, встреча двух руководителей на нейтральной территории, а именно, в Вене (в качестве вариантов предлагались также Женева и Хельсинки) являлась бы вполне закономерной.

Австрия в середине 1950-х гг. занимала особое место в мировой политике и борьбе секретных служб Запада и Востока. В отличие от Германии, на территории которой вскоре после войны образовались два государства, отличавшиеся друг от друга общественно-политическим строем и принадлежностью к противостоящим блокам, Австрия избежала деления на четыре зоны оккупации. Не было и ограничений для передвижения по секторам. В этой связи в Австрии создавалось как бы свободное для инициатив противоборствующих сторон пространство. И это противоборство приобретало порой острые формы, хотя и не достигало такой напряженности, как это было в Берлине, у которого был особый статус и где периодически возникали фазы напряженности, близкие к серьезным международным кризисам.

В 1955 г. СССР, США, Англия и Франция заключили с Австрией государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии. После семнадцати лет оккупации, сначала германскими, а после разгрома Германии – союзными войсками, эта страна обрела независимость и суверенитет, утраченные ею в 1938 г. в результате насильственного присоединения к Германии. Вена стала важным центром международной политики. Она соперничала с Берлином как в силу своего средневропейского положения, традиционно посреднической роли между Востоком и Западом, наличию здесь ряда международных организаций, так и в силу близости к некоторым странам, входящим в Австро-Венгерскую империю.

В соответствии с существующей практикой МИД СССР 8 и 13 мая представил в ЦК КПСС две памятные записки о позиции СССР по широкому кругу вопросов для обмена мнениями между Хрущевым и Кеннеди в ходе их встречи, запланированной на начало июня в Вене (советско-американские отношения, разоружение, запрещение испытаний ядерного оружия, германский вопрос, положение на ближнем востоке и в Алжире, неудавшаяся в апреле 1961 года попытка свержения Ф. Кастро на Кубе). В СССР все решения о подготовке и проведении встречи принимались коллегиально на заседании Президиума ЦК КПСС. За девять дней с 17 по 26 мая 1961 г. этот вопрос трижды обсуждался на заседаниях Президиума ЦК КПСС. 17 мая члены Президиума ЦК Н.Г. Игнатов⁵³, А.Н. Косыгин, А.И. Микоян⁵⁴, Н.А. Мухитдинов⁵⁵, М.А. Суслов⁵⁶, Е.А. Фурцева⁵⁷, Н.М. Шверник⁵⁸; кандидаты в члены Президиума ЦК В.В. Гришин⁵⁹, П.Н. Поспелов⁶⁰ рассмотрели подготовленные материалы «к беседам тов. Хрущева Н.С. во время предстоящей встречи с президентом США Кеннеди». Материалы, представленные МИД, были названы «бюрократическими», предложено их «не утверждать, а составить памятку»⁶¹. 18 мая 1961 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О мероприятиях в связи с предстоящей встречей т. Хрущева с Кеннеди». Был утвержден проект сообщения для печати о предстоящей встрече, текст которого предлагалось «передать по радио 19 мая в 6 часов вечера по московскому времени, а затем опубликовать в печати». МИД СССР поручалось сообщить послу США Томпсону о согласии правительства СССР на публикацию 19 мая предложенного американской стороной сообщения для печати. Был утвержден проект указаний послу СССР в Австрии⁶². Ему поручалось посетить Горбаха⁶³ (или Крейского) и проинформировать его о том, что «между правительствами СССР и США достигнута договоренность о проведении 3–4 июня встречи председателя Совета министров СССР Н. Хрущева и президента США Дж. Кеннеди. От имени Советского правительства обратиться с просьбой к правительству Австрии оказать необходимое содействие в проведении указанной встречи в Вене. Можете сговориться с послом США о совместном посещении Горбаха (или Крайского) по этому вопросу»⁶⁴. Предпочтительным местом считалось проведение встреч поочередно в помещениях посольств СССР и США.

26 мая на заседании Президиума ЦК КПСС состоялся «обмен мнениями к встрече тов. Хрущева Н.С. с Кеннеди в Вене», в котором приняли участие Хрущев, Микоян, Фурцева, Кузнецов⁶⁵. Было решено твердо идти на заключение мирного договора с ГДР. При этом учитывалось, что США могут пойти на развязывание войны. В то же время, исходя из анализа имевшейся разведывательной информации и международной обстановки, советские руководители считали, что Англия, Франция и ФРГ не будут поддерживать США. Расчет также делался на то, что против войны поднимутся общественные силы. Обсуждая вопрос о возможности воздушного моста западных стран с Западным Берлином, Хрущев предлагал не показывать

свою слабость, а «проявить твердость и, если надо будет пойти на сбитие самолетов»⁶⁶. Решение берлинской проблемы советским руководством рассматривалось, в то время как ключ к улучшению советско-американских отношений. Н.С. Хрущев говорил об этом во время беседы с послом США в СССР Томпсоном. Хрущев высказался в довольно жестких выражениях, чтобы дать понять Томпсону, что Москва не остановится перед заключением в конце 1961 г. сепаратного мирного договора с ГДР, если с Кеннеди не удастся найти взаимоприемлемое решение⁶⁷.

На этапе подготовки встречи лидеров двух ведущих держав мира советские органы государственной безопасности собирали разностороннюю информацию, готовили и направляли записки в ЦК ВКП(б) и МИД СССР о международном положении, основных направлениях внешней политики новой американской администрации, отношениях между членами НАТО. Для советских руководителей представляла интерес и официальная внешнеполитическая информация о советско-американских отношениях, и мнение лиц, близких к правительственным кругам. 31 мая 1961 г. А.Н. Шелепин направил Хрущеву документ, один из разделов которого назывался «К предстоящим переговорам между Н.С. Хрущевым и Кеннеди»⁶⁸. «По имеющимся сведениям, – говорилось в документе, – Кеннеди намерен в основном ограничиться обменом мнениями об общем состоянии международных отношений. Он не имеет конкретных предложений по урегулированию спорных международных проблем и рассчитывает, что, заняв в ходе переговоров жесткую, но внешне миролюбивую позицию, он сможет не только повлиять на политику СССР, но и укрепить положение США среди своих союзников». Предполагалось, что Кеннеди при обсуждении вопроса о запрещении испытаний ядерного оружия, попытается навязать советской стороне англо-американскую точку зрения, а при неуступчивости – свалить на СССР вину за возможный срыв переговоров. Аналитики КГБ СССР предполагали, что наиболее сложным вопросом предстоящих переговоров в Вене будет германский вопрос, которому американцы намерены уделить большое внимание. «Правящие круги США и других западных держав в настоящее время, особенно после беседы Хрущева с Кроллем»⁶⁹, убедились в решимости Советского правительства заключить в этом году мирный договор с ГДР, и направляют свои усилия на то, чтобы в возможно большей мере сохранить свои позиции в Западном Берлине. Основная цель Кеннеди при обсуждении берлинского вопроса будет заключаться в том, чтобы продемонстрировать решимость отстаивать права западных держав в Западном Берлине. В то же время, на сессии НАТО в Осло была достигнута договоренность о продолжении разработки планов «на случай непредвиденных обстоятельств». На сессии Совета НАТО в Осло никаких конкретных решений относительно Западного Берлина принято не было, однако, как говорится в одном сообщении американской делегации, все участники сессии согласились, что было бы «крайне опасным» неправильное представление СССР о твердости

намерений западных держав в этом вопросе, поэтому «следует серьезно рассмотреть вопрос о средствах для исправления этого положения». Участники сессии договорились продолжать разработку планов «на случай непредвиденных обстоятельств». В качестве одной из мер рассматривалась возможность обращения в ООН с жалобой на СССР. Одним из важных вопросов американцы считали ситуацию в Лаосе. Они предполагали, что Кеннеди на переговорах будет подчеркивать недопустимость превращения Лаоса в «коммунистическую страну», западные державы не могут допустить этого. Основная цель американцев состоит в том, чтобы добиться разоружения войск Патет-Лао⁷⁰ и предотвратить вооруженную борьбу до тех пор, пока им не удастся укрепить позиции своих сторонников и обеспечить их необходимым вооружением. Советскими экспертами был сделан вывод, что при обсуждении вопроса о Кубе Кеннеди будет делать упор на то, что США ни под каким видом не согласятся на превращении этого острова в «коммунистическую базу» в Западном полушарии. Если президент-демократ займет жесткую позицию в вопросе о советской помощи Кубе, его поддержат даже конкуренты из Республиканской партии. По имеющимся данным, Никсон «посоветовал Кеннеди ясно указать, что всякие поставки оружия коммунистическими странами на Кубу будут сочтены агрессией и их не потерпят». В КГБ СССР не исключали вариант, что Дж. Кеннеди будет выяснять отношение советского правительства к вопросу о восстановлении Китайской Народной Республики в ООН. Смысл, как считали аналитики, сводился к тому, что КНР вступит в ООН и станет членом Совета Безопасности, но при условии согласия китайского правительства с тем, что Тайвань останется в ООН хотя бы на некоторое время.

Накануне встречи от советской внешней разведки поступили данные о договоренности между Дж. Кеннеди и Аденауэром о необходимости проведения западными державами «соответствующей подготовки» на случай «осложнения» обстановки в Берлине. Дж. Кеннеди и Аденауэр считали, что Советский Союз в ближайшие 4–5 месяцев имеет возможность создания «кризиса» в берлинском вопросе путем постепенной передачи советскими властями своих функций в Германии правительству ГДР. Аналитики из разведки полагали, что у США и ФРГ совпадают точки зрения о нецелесообразности ведения с СССР переговоров о разоружении до всестороннего укрепления НАТО. Дж. Кеннеди и Аденауэр пришли к единому мнению, что переговоры о разоружении с СССР могут быть эффективными лишь тогда, когда Североатлантический союз будет «в достаточной степени» укреплен. В то же время в КГБ СССР выявили некоторые разногласия в оценке Аденауэром и Дж. Кеннеди советской позиции на переговорах о прекращении испытаний ядерного оружия в Женеве. По мнению Аденауэра, Советский Союз не намерен вести серьезные переговоры и хочет лишь выяснить позицию нового правительства США в этом вопросе. Дж. Кеннеди был не согласен с этой оценкой, считая, что советское правительство, избе-

гая взятия на себя обязательств в отношении контроля, стремится связать заключение соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия с общими переговорами по разоружению.

2 июня 1961 г. КГБ СССР проинформировал ЦК КПСС и МИД СССР о настроениях членов американской делегации, высказанными на встрече представителей общественности СССР и США в Крыму по вопросу о предстоящих переговорах между Хрущевым и Кеннеди⁷¹. Американские представители заявили, что Дж. Кеннеди рассматривает предстоящую встречу в Вене как возможность прозондировать позицию главы советского правительства по основным вопросам и ознакомиться с позицией СССР «из первых рук», поскольку после кубинской авантюры он склонен не доверять выводам своих советников. Кроме того, Кеннеди хочет произвести впечатление на американское общественное мнение тем, что он сумел установить личный контакт с Н.С. Хрущевым и теперь знает, «как с ним вести дело». Одним из главных вопросов, которые могут быть затронуты во время встречи Н.С. Хрущева с Дж. Кеннеди, по мнению американских представителей, является вопрос о разоружении. По их словам, «правительство США считает, что проблему всеобщего и полного разоружения нельзя решить без предварительного урегулирования международной обстановки при сохранении статус-кво». В связи с этим Советский Союз «должен воздержаться от вмешательства в таких районах, как Юго-Восточная Азия, Латинская Америка, а также не предпринимать попыток к изменению статуса Западного Берлина». Как отмечали американцы, «конкретная позиция американского правительства в вопросе о разоружении, заключается в намерении Дж. Кеннеди заявить, что улучшение международной обстановки при сохранении статус-кво и создание атмосферы доверия – это сложный и длительный процесс. США в принципе не возражают против осуществления всеобщего и полного разоружения, но не могут принять этот план при отсутствии механизма сохранения «международного порядка», который должен, в конечном счете, заменить вооруженные силы отдельных стран».

По мнению членов американской делегации, «Дж. Кеннеди при обсуждении с Н.С. Хрущевым других вопросов выскажется в пользу осуществления некоторых мер по улучшению советско-американских отношений. Он заявит о заинтересованности США в совместных мероприятиях по борьбе с болезнями, осуществлению небольших объединенных проектов помощи слаборазвитым странам, проведению различных конференций и встреч ученых, юристов, общественных деятелей и т.д. Дж. Кеннеди может поднять вопросы о совместном сотрудничестве в области мирного использования космоса, например, в осуществлении полетов на Луну, применении спутников для ретрансляции радио- и телепрограмм, а также об освобождении летчика Пауэрса». Американцы считали, что Дж. Кеннеди во время встречи с Н.С. Хрущевым не будет активно выдвигать для обсуждения вопрос о Берлине, ожидая, что это сделает советская сторона. Однако он

попытается выяснить возможные шаги и действия СССР в этом вопросе, а также заявит, что попытки изменить нынешний статус Западного Берлина односторонними мерами могут обострить международное положение и будут рассматриваться США как противоречащие позиции «доброй воли».

Н.С. Хрущев ехал в Вену уже с другим настроением, чем в Кемп-Дэвид. Располагая достаточной информацией, подготовленной разведкой накануне встречи, Хрущев чувствовал себя уверенно, даже проявляя элементы некоторой самоуверенности. Если перед встречей с Эйзенхауэром он был озабочен тем, чтобы не ударить в грязь лицом, то сейчас его больше занимало, как бы «поставить на место» молодого президента и добиться от него желаемых уступок. В поездке Н.С. Хрущева сопровождала большая группа высокопоставленных руководителей: А.А. Громыко, М.А. Меньшиков⁷², А.Ф. Добрынин⁷³; советников: Г.Т. Шуйский⁷⁴, В.С. Лебедев⁷⁵, О.А. Трояновский⁷⁶; экспертов МИД: М.А. Харламов⁷⁷, Ф.Ф. Молочков, В.Ф. Грубьяков, В.М. Фалин, И.Г. Усачев. Встреча в Вене проходила 3–4 июня 1961 г. Первая беседа между Н.С. Хрущевым и Дж. Кеннеди состоялась в резиденции посла США в Вене и началась в 12 часов 45 минут 3 июня. На беседе присутствовали с советской стороны А.А. Громыко, М.А. Меньшиков, А.Ф. Добрынин, В.М. Суходрев⁷⁸; с американской стороны – Д. Раск, Ф. Колер⁷⁹, Ч. Болен⁸⁰, Л. Томпсон⁸¹, А. Акаловский. В этот же день Дж. Кеннеди предложил Н.С. Хрущеву провести дальнейшую часть беседы наедине. Третья беседа Хрущева и Кеннеди началась в 10 часов 30 минут в помещении советского посольства в Вене. После завтрака, пока готовился проект сообщения для печати, Дж. Кеннеди снова предложил Н.С.Хрущеву побеседовать наедине. Стенограммы бесед между советским и американским лидерами, которые вел В.М.Суходрев, свидетельствуют, что главное место заняло выяснение политических и идеологических вопросов – о капитализме, социализме, признании двух различных систем и принципах отношений между ними, жизненных интересах обеих стран, отношении к различным видам войн и другие. Кеннеди предлагал вести обсуждение общего положения в мире, применительно к отношениям между США и СССР. По мнению Хрущева, у СССР и США «во многом существует разное понимание положения в мире». В качестве примера он привел Иран: американская «поддержка прогнившего режима в Иране лишь вызывает среди народа недовольство политикой США». Хрущев отметил, что американская политика в Иране приводит к тому, что народ с еще большей симпатией относится к СССР. Другим примером советско-американских разногласий Хрущев назвал Кубу и подверг критике действия США по высадке десанта на Кубу и поддержку режима Батисты, «по существу США показывает, что в случае если соседние с ними страны будут проводить политику, отличающуюся от американской, то Америка может напасть на них»⁸². Обсуждая положение в Лаосе, Н.С. Хрущев призвал быть откровенными и признать, что и Советский Союз, и США направляют в Лаос оружие различным группировкам. Кенне-

ди согласившись, что политика США в отношении Лаоса «была не всегда мудрой», отметил, что «главная проблема заключается в том, чтобы попытаться найти решение лаосской проблемы, которое было бы приемлемо для обеих наших стран и не нанесло бы ущерба нашему престижу». Он добавил, что необходимо обеспечить мир в Лаосе без военных действий со стороны Вьетнама, Таиланда, Америки или кого-либо другого. «Независимо от прошлых событий надо добиться полного прекращения военных действий в Лаосе и приступить к разработке плана создания нейтрального и независимого государства. Кеннеди заявил, что его волнуют три момента. «Во-первых, необходимость того, чтобы все народы имели возможность свободно избирать себе форму правления на основе тех законодательных процессов, с которыми мы все знакомы... Во-вторых, необходимо учитывать соображения стратегического характера».... В-третьих, не предсказывая в каком направлении будут развиваться те или иные страны, в США «обеспокоены, когда в какой-либо стране, например, в Китае происходит сдвиг, который ухудшает наше положение». Кеннеди высказал обеспокоенность тем, как Хрущев относится к разным видам войн, в частности, его поддержкой национально-освободительных войн. По мнению Кеннеди, «часто в тех или иных странах власть военным путем, без поддержки со стороны народа, захватывает незначительные группы лиц»⁸³. В ответ на утверждение Хрущева о странах и правительствах, которые поддерживали США, но не пользовались поддержкой народа, Дж. Кеннеди заявил, что «если бы народ Польши получил право сделать свободный выбор, то нынешнее правительство, возможно, не было бы избрано». Тем не менее, президент США отметил, что нынешнее правительство Польши находится у власти, и это факт, с которым считается администрация США, хотя, как сказал Дж. Кеннеди, ему кажется, что оно не пользуется поддержкой большинства народа⁸⁴.

В процессе заключительной беседы, проходившей наедине, американский президент признал, что по вопросу о Берлине стороны придерживались различных мнений. Однако, учитывая, что этот вопрос имел столь большое значение для обеих стран, Кеннеди выразил надежду, что в интересах улучшения взаимоотношений Хрущев не будет предпринимать таких действий, в результате которых «наши страны окажутся перед лицом непосредственного столкновения друг с другом»⁸⁵. Если говорить о практических результатах встречи, то Н.С. Хрущеву и Дж. Кеннеди не удалось достигнуть понимания по обсуждавшимся вопросам. Отчасти это объяснялось тем, что Кеннеди рассматривал такую встречу как ознакомительную. Отчасти, наверное, тем, что Хрущев выдвигал нереалистические цели, полагая их достижимыми. Его по-прежнему больше всего заботила германская проблема. Он добивался политического признания ГДР США и другими странами Запада, узаконения раскола Германии на два государства. Советский лидер ставил вопрос об удалении западных держав из Западного Берлина и даже снова говорил о необходимости поставить во главе ООН трех генеральных

секретарей. Дж. Кеннеди не согласился ни с одним из этих требований⁸⁶. Несмотря на то, что на Венском саммите не было подписано ни договоров, ни соглашений, встреча имела важное значение для развития отношений между СССР и США. Два лидера вынесли из этой встречи смешанные чувства. Кеннеди убедился в том, что в лице Хрущева он имеет умного и здравомыслящего партнера. Однако ему оставались совершенно неясными подлинные мотивы и цели советской внешней политики. Хрущев признавался после возвращения, что Дж. Кеннеди произвел на него более благоприятное впечатление, чем Эйзенхауэр, как человек, способный по-новому взглянуть на отношения с Советским Союзом. Молодой президент, безусловно, внушил ему чувство уважения, однако показался «чересчур интеллигентным», то есть не способным принимать твердые решения в критических ситуациях. Это была серьезная ошибка, в чем Хрущеву пришлось убедиться во время берлинского⁸⁷ и, особенно, в период карибского кризиса⁸⁸.

¹ Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971) – политический и государственный деятель. В 1953–1964 гг. – первый секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1958–1964 гг. – председатель Совета министров СССР. Член ЦК ВКП(б)–КПСС в 1934–1966 гг. В 1939–1964 гг. – член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)–КПСС. Освобожден Пленумом ЦК КПСС 14 октября 1964 г. от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и члена Президиума ЦК КПСС.

² Кеннеди Джон Фицджеральд (1917–1963) – американский политический деятель. В 1961–1963 гг. – президент США.

³ Булганин Николай Александрович (1895–1975) – государственный и партийный деятель. Маршал Советского Союза (1947). С 1946 г. – первый зам. министра Вооруженных сил СССР. В 1947–1950 гг. – зам. председателя Совета министров СССР и одновременно в 1947–1949 гг. – министр Вооруженных сил СССР. В 1950–1955 гг. – первый зам. председателя Совета министров СССР, одновременно в 1953–1955 гг. – министр обороны СССР. Председатель Совета министров СССР (1955–1958).

⁴ Эйзенхауэр Дуайт Дэвид (1890–1969) – государственный и военный деятель США. Генерал армии (1944). В 1945 гг. – командующий оккупационными войсками США в Германии. В 1945–1948 гг. – начальник штаба армии США. В 1950–1952 гг. – верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО. В 1953–1961 гг. – президент США.

⁵ Реорганизация советской разведки и контрразведки были проведены согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. с образованием Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР (КГБ при СМ СССР). Председателем КГБ при СМ СССР был назначен бывший первый заместитель министра внутренних дел И.А. Серов, оставшийся на этой должности до 1958 г. Основными задачами, которые решал КГБ СССР, являлись ведение разведывательной работы в капиталистических странах, борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок внутри СССР, а также охрана руководителей партии и правительства.

⁶ Шелепин Александр Николаевич (1918–1994) – государственный и партийный деятель. В 1952–1958 гг. – первый секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1958–1961 гг. – председатель КГБ при СМ СССР. В 1961–1967 гг. – секретарь ЦК КПСС, одновременно в 1962–1965 гг. – председатель Комитета партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете министров СССР и зам. председателя Совета министров СССР.

⁷ 31 октября 1961 г. А.Н. Шелепин избран секретарем ЦК КПСС.

⁸ В 1958 г. Н. Хрущев был председателем Совета министров СССР, а не Президиума Верховного Совета СССР, т.е. он был руководитель правительства, а не глава государства, следовательно, процедура встречи могла быть ниже, чем, если бы в Америку поехал Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

⁹ Голль Шарль де (1890–1970) – французский государственный, политический и военный деятель. В 1958 г. – премьер-министр, президент Франции (1959–1969).

¹⁰ Косыгин Алексей Николаевич (1904–1980) – государственный деятель. В 1953–1954 гг. – министр промышленных товаров широкого потребления СССР, одновременно в декабре 1953 – декабре 1956 г. – зам. председателя Совета министров СССР. В 1956–1957 гг. – первый зам. Государственной экономической комиссии Совета министров СССР по текущему планированию народного хозяйства – министр СССР. В 1957–1960 гг. – зам. председателя Совета министров СССР. Одновременно в 1959–1960 гг. – председатель Госплана СССР. В 1960–1964 гг. – первый зам. председателя Совета министров СССР. С октября 1964 г. по 1980 г. – председатель Совета министров СССР.

¹¹ Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) – государственный деятель. В 1939–1943 гг. – советник посольства СССР в США, в 1943–1946 гг. – посол СССР в США. В 1946–1948 гг. – постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН, одновременно в 1946–1949 гг. – зам. министра, в 1949–1952, 1953–1957 гг. – первый зам. министра иностранных дел СССР. В 1952–1953 гг. – посол СССР в Великобритании. В 1957–1985 гг. – министр иностранных дел СССР.

¹² Жуков Георгий (Юрий) Александрович (1908–1991) – журналист и общественный деятель. В 1952–1957 гг. – зам. главного редактора «Правды». В 1957–1962 гг. – председатель Государственного комитета Совета министров СССР по культурным связям с зарубежными странами.

¹³ Емельянов Василий Семенович (1901–1988) – государственный деятель. В 1955–1965 гг. – член Научно-консультативного комитета при ООН. В 1957–1960 гг. – начальник Главного управления по использованию атомной энергии при Совете министров СССР. Одновременно в 1957–1959 гг. – постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии. В 1962–1965 гг. – зам. председателя Государственного комитета Совета министров СССР по использованию атомной энергии. Член-корреспондент АН СССР (1953).

¹⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. – М., 2003. – С. 1073.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 5-7-351. Л. 37–56.

¹⁶ Там же. Л. 37-39.

¹⁷ Макмиллан Эдвин Маттисон (1907–1991) – американский физик. Нобелевская премия в 1951 г. за открытие и исследование трансураниевых элементов.

¹⁸ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. – М., 2003. – С. 437.

¹⁹ Бурлацкий Федор Михайлович (1927), специалист в области политологии и социологии; доктор философских наук, профессор, ученый секретарь редакционно-издательского совета по общественным наукам Президиума АН СССР, заведующий международным отделом журнала «Коммунист», зав. группой консультационного отдела по связям социалистических стран ЦК КПСС (1952–1964), заместитель директора Института социологических исследований АН СССР (1969–1972). Президент фонда «Евразийское государственное сотрудничество», председатель Научного совета по политологии при Президиуме РАН.

²⁰ Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... – М., 1990. – С. 211.

²¹ Мао Цзэдун (1893–1976) – председатель ЦК КП Китая (КПК) с 1943 г. Один из основателей КПК. В 1954–1959 гг. председатель Китайской Народной Республики (КНР).

²² С 28 сентября по 4 октября Н.С. Хрущев находился в КНР, где попытался убедить Мао Цзэдуна в необходимости признания принципа мирного сосуществования стран с различным политическим строем.

²³ ЦА ФСБ России. Ф. 5 ос. Оп. 7. Д. 16. Л. 101–113.

²⁴ Там же. Л. 106.

²⁵ За мир разоружение и безопасность народов: Летопись внешней политики СССР. – М., 1984. – С. 183.

²⁶ Пауэрс Фрэнсис Гарри (1929–1977) – летчик ВВС США. Направлен с разведывательной миссией на самолете У-2. Сбит советской ракетой 1 мая 1960 г. под Свердловском, катапультировался. В 1961 г. обмен на советского разведчика Рудольфа Абеля.

- ²⁷ *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... – М., 1990. – С. 212.
- ²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 4164. Л. 52.
- ²⁹ Аденаур Конрад (1876–1967) – германский политический деятель. В 1949–1963 гг. – федеральный канцлер ФРГ. Один из основателей (1946) и в 1950–1966 гг. – председатель Христианско-демократического союза ФРГ. В 1951–1955 гг. – министр иностранных дел ФРГ.
- ³⁰ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 4164. Л. 54.
- ³¹ Гарриман Уильям Аверелл (1891–1986) – государственный и политический деятель США, дипломат, бизнесмен. Участник Тегеранской, Крымской и Потсдамской конференций представителей стран-союзниц. В 1943–1946 гг. – посол США в СССР. В 1946 гг. – посол США в Великобритании. В 1946–1948 гг. – министр торговли. В 1948–1950 гг. – представитель США в Европе по осуществлению «плана Маршалла». В 1951–1953 гг. – специальный помощник президента по внешней политике. В 1954–1958 гг. – губернатор штата Нью-Йорк. В 1963–1965 гг. – зам. госсекретаря США по политическим делам.
- ³² Лодж Генри Кэбот (1902–1985) – американский дипломат. В 1953–1960 гг. – постоянный представитель США в ООН и Совете Безопасности.
- ³³ *Анин Б., Петрович А.* Радиошпионаж. – М., 1996. – С. 121, 328.
- ³⁴ Визит правительственной делегации во главе с Н.С. Хрущевым в Австрию проходил с 30 июня по 8 июля 1960 года.
- ³⁵ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 4164. Л. 1–15.
- ³⁶ Гротеволь Отто (1894–1964) – восточногерманский политический и государственный деятель. В 1945 г. – председатель Центрального правления СДПГ. С 1946 г. – член секретариата Центрального правления, в 1949–1964 гг. – член Политбюро ЦК СЕПГ, премьер-министр ГДР.
- ³⁷ Ульбрихт Вальтер (1893–1973) – восточногерманский политический и государственный деятель. В 1953–1953 гг. – генеральный секретарь, в 1953–1971 гг. – первый секретарь ЦК СЕПГ. С 1960 г. – председатель Государственного совета ГДР.
- ³⁸ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 4164. Л. 14.
- ³⁹ Там же. Л. 16–17.
- ⁴⁰ Там же. Л. 18.
- ⁴¹ Там же. Л. 20–21.
- ⁴² Там же. Л. 23.
- ⁴³ Там же. Л. 24–26.
- ⁴⁴ Брентано Луйо (1844–1931) – немецкий экономист. Иностраный член-корреспондент Петербургской академии наук (1895). Сторонник идеи разрешения социальных противоречий путем реорганизации профсоюзов и фабричного законодательства.
- ⁴⁵ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 4164. Л. 29–38.
- ⁴⁶ Раск (Дэвид) Дин (1909–1994) – американский дипломат. В 1947–1949 гг. – руководитель управления Госдепартамента США по делам ООН. В 1950–1951 гг. – пом. госсекретаря по делам Дальнего Востока. С 1951 г. – президент фонда Рокфеллера. В 1961–1969 гг. – госсекретарь США.
- ⁴⁷ Никсон Ричард Милхаус (1913–1994), республиканец, вице-президент США (1953–1961), в 1960 г., баллотируясь в президенты от республиканцев, с небольшим отрывом проиграл Джону Кеннеди, 37-й президент США (1969–1974).
- ⁴⁸ Рузвельт Франклин Делано (1892–1945) – американский государственный и политический деятель. В 1933–1945 гг. – президент США.
- ⁴⁹ *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... – М., 1990. – С. 218–219.
- ⁵⁰ Неделин Митрофан Иванович (1902–1960) – военачальник. Главный маршал артиллерии (1955). В 1953–1955 гг. – командующий артиллерией Советской армии. В 1952–1953, 1955–1959 гг. – зам. министра обороны СССР, одновременно в 1959–1960 гг. – главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения. Погиб при испытании.
- ⁵¹ Янгель Михаил Кузьмич (1911–1971) – конструктор ракетно-космической техники. Академик АН СССР (1966) и АН Украинской ССР.
- ⁵² Кастро Рус Фидель (р. 1926) – кубинский политический деятель. В 1953 г. возглавил вооруженное выступление против режима Ф. Батисты. В 1959–1976 гг. – премьер-министр Республики Куба. Лидер режима, провозгласивший своей целью строительство социализма.

⁵³ Игнатов Николай Григорьевич (1901–1966) – государственный и партийный деятель. В апреле-ноябре 1959 г. – председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. С 1960 г. – зам. председателя Совета министров СССР, председатель Государственного комитета заготовок Совета министров СССР. В 1962–1966 гг. – председатель Президиума Верховного Совета РСФСР, одновременно с декабря 1963 г. – зам. председателя Президиума Верховного Совета СССР.

⁵⁴ Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – государственный и партийный деятель. В 1946–1953 гг. и в 1954–1955 гг. – зам. председателя Совета министров СССР. Одновременно в 1946–1949 гг. – министр внешней торговли СССР, в марте-августе 1953 г. – министр внутренней и внешней торговли СССР, в августе 1953 – январе 1955 гг. – министр торговли СССР. В 1955–1964 гг. – первый зам. председателя Совета министров СССР. В 1964–1965 гг. – председатель Президиума Верховного Совета СССР.

⁵⁵ Мухитдинов Нуриддин Акрамович (1917–2008) – узбекский государственный и партийный деятель. В 1953–1954 гг. – первый зам. председателя правительства Узбекистана. В 1955–1957 гг. – первый секретарь ЦК КП Узбекистана. В 1957–1961 гг. – секретарь ЦК КПСС. В дальнейшем – зам. председателя правления Центросоюза, первый зам. председателя Госкомитета по культурным связям с зарубежными странами.

⁵⁶ Суслев Михаил Андреевич (1902–1982) – государственный и партийный деятель. С конца 1944 г. – председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР. С 1946 г. – в аппарате ЦК ВКП(б). В 1947–1982 гг. – секретарь ЦК партии. Член политбюро ЦК КПСС в 1952–1953, 1955–1982 гг.

⁵⁷ Фурцева Екатерина Алексеевна (1910–1974) – государственный и партийный деятель. В 1954–1957 гг. – первый секретарь Московского горкома КПСС. В 1956–1960 гг. – секретарь ЦК КПСС. В 1960–1974 гг. – министр культуры СССР.

⁵⁸ Шверник Николай Михайлович (1888–1970) – партийный, государственный и профсоюзный деятель. В 1946–1953 гг. – председатель Президиума Верховного Совета СССР. Председатель КПК при ЦК КПСС в 1956–1966 гг., одновременно председатель Партийной комиссии при ЦК КПСС в 1962–1966 гг.

⁵⁹ Гришин Виктор Васильевич (1914–1992) – партийный деятель. В 1950–1952 гг. – заведующий отделом МК ВКП(б). В 1952–1956 гг. – второй секретарь МК КПСС. В 1956–1967 гг. – председатель ВЦСПС.

⁶⁰ Поспелов Петр Николаевич (1898–1979) – партийный деятель. В 1949–1952, 1961–1967 гг. – директор Института Маркса–Энгельса–Ленина (Института марксизма-ленинизма) при ЦК КПСС. В 1952–1953 гг. – зам. главного редактора газеты «Правда». В 1953–1960 гг. – секретарь ЦК КПСС. В 1967–1979 гг. – член Президиума АН СССР.

⁶¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Т. 1. – М., 2003. – С. 498.

⁶² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 476. Л. 12, 45–46.

⁶³ Горбах Альфонс (1892–1972) – австрийский государственный деятель. В 1960–1963 гг. – председатель народной партии, в 1961–1964 гг. – федеральный канцлер.

⁶⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 476. Л. 46.

⁶⁵ Кузнецов Василий Васильевич (1901–1990) – государственный деятель, дипломат. В 1953–1977 гг. – зам. министра, с 1955 г. – первый зам. министра иностранных дел СССР.

⁶⁶ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1011. Л. 43–44.

⁶⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. – М., 2003. – С. 1089.

⁶⁸ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 4164. Л. 58–63.

⁶⁹ Кроль Ганс Антон (1898–1967) – западногерманский дипломат. В 1953–1959 гг. – посол ФРГ в Югославии, в 1955–1958 гг. – в Японии, в 1958–1962 гг. – в СССР. В СССР одновременно выполнял функции специального представителя Аденауэра.

⁷⁰ Патет-Лао (на языке лао – страна Лао), название, данное Лаосу движением Лао Иссара после провозглашения независимости Лаоса в октябре 1945 г. Возникший в 1950 г. Единый национальный фронт Лаоса (Нео Лао Итсала) часто также называется Патет-Лао. В более широком смысле Патет-Лао называется национально-освободительное движение, которым руководил этот фронт. Термин «Патет-Лао» употреблялся также как другое название Патриотического фронта Лаоса (основан в 1956 г.).

- ⁷¹ ЦА ФСБ России. Ф. КПИ. Д. 4164. Л. 64–67.
- ⁷² Меньшиков Михаил Алексеевич (1902–1976) – государственный деятель, дипломат. В 1946–1949 гг. – зам. министра, в 1949–1951 гг. – министр внешней торговли СССР. В 1952–1953 гг. – в аппарате МИД СССР. В 1957–1962 гг. – посол в США. В 1962–1968 гг. – министр иностранных дел РСФСР.
- ⁷³ Добрынин Анатолий Федорович (1919–2010) – дипломат. В 1955–1957 гг. – помощник министра иностранных дел СССР. В 1957–1960 гг. – зам. Генерального секретаря ООН. В 1960–1962 гг. – заведующий отделом, член коллегии МИД СССР. В 1961–1986 гг. – посол в США.
- ⁷⁴ Шуйский Григорий Трофимович (1907–1985) – партийный деятель. С 1950 г. – помощник секретаря ЦК ВКП(б) и первого секретаря Московского городского комитета ВКП(б) Н.С. Хрущева. С 1964 г. – консультант идеологического отдела ЦК КПСС по вопросам газет, журналов и издательства.
- ⁷⁵ Лебедев Владимир Семенович (1915–1966) – партийный деятель. В 1954–1964 гг. – помощник первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева.
- ⁷⁶ Трояновский Олег Александрович (1919–2003) – дипломат. В 1953–1958 гг. – помощник министра иностранных дел СССР. В 1958–1967 гг. – помощник председателя Совета министров СССР.
- ⁷⁷ Харламов Михаил Аверкиевич (1913–1990) – государственный деятель, дипломат. В 1958–1962 гг. – заведующий отделом печати МИД СССР. В 1962–1964 гг. – председатель Госкомитета по радио и телевидению.
- ⁷⁸ Суходрев Виктор Михайлович (р. 1932) – дипломат. С 1956 г. – сотрудник МИД СССР. Личный переводчик Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева и других советских лидеров.
- ⁷⁹ Колер Фой Дэвид (1908–1990) – американский дипломат. В 1944–1948 гг. – советник посольства США в Москве. В 1949–1962 гг. – глава Управления радиовещания на зарубежные страны, директор радиостанции «Голос Америки». В 1959–1962 гг. – помощник государственного секретаря по европейским делам, в 1962–1966 гг. – посол США в СССР.
- ⁸⁰ Болен Чарлз Юстис (1904–1974) – американский дипломат. В 1953–1957 гг. – посол США в СССР. В 1957–1959 гг. – посол на Филиппинах. В 1959–1961 гг. – специальный советник государственного секретаря по делам СССР. В 1962–1968 гг. – посол во Франции.
- ⁸¹ Томпсон Ллоуэллин (1904–1972) – американский дипломат. В 1940–1944 гг. – консул в Москве. В 1952–1957 гг. – верховный комиссар, в 1957–1962, 1967–1969 гг. – посол в СССР.
- ⁸² РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 468. Л. 15–25.
- ⁸³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Т. 3. Постановления. 1959–1964. – М., 2008. С. 183.
- ⁸⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления / Т. 3. Постановления. 1959–1964. – М., 2008. С. 190.
- ⁸⁵ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 468. Л. 76–80.
- ⁸⁶ *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... – М., 1990. – С. 219.
- ⁸⁷ Новое обострение кризиса вокруг статуса Западного Берлина произошло в августе 1961 г. На заседании Политического консультативного комитета государств – участников Варшавского договора 5 августа принято предложение ГДР принять меры против подрывной деятельности Западного Берлина. 13 августа по инициативе руководителя ГДР В. Ульбрихта из бетонных плит и колючей проволоки была сооружена Берлинская стена, разделившая западную и восточную части Берлина.
- ⁸⁸ Карибский кризис разразился в 1962 г., когда Советский Союз, решив оградить Кубу от экспансии США, разместил на ее территории советские ядерные ракеты средней дальности. Блокада Кубы и приведение в боевую готовность войск США поставили мир перед угрозой начала третьей мировой войны.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНАХ КГБ СССР В 1960-1980 ГГ.

*Тезисы доклада на Исторических чтениях на Лубянке
г. Москва, 18 декабря 2002 г.*

Рассмотрение отдельных специфических проблем деятельности ВЧК –КГБ–ФСБ – одно из важнейших направлений в исследовании истории отечественных спецслужб, в обобщении опыта работы структур, охранявших государство на протяжении десятилетий. Обеспечение собственной безопасности органов КГБ СССР осуществлялось в контексте других направлений управленческой деятельности с целью создания условий для устойчивого функционирования всей системы. Эта деятельность направлена на выявление, предупреждение и пресечение негативных явлений, препятствующих нормальному выполнению ими своих функций, а также таких происшествий, которые квалифицировались как наносящие ущерб органам КГБ. Проблема обеспечения собственной безопасности рассматривалась в специальных исследованиях, наибольшее число которых появилось в 1990-х гг., исследовалась с позиции уголовного судопроизводства, становилась предметом научных дискуссий¹. В открытых работах: книгах, брошюрах, газетных и журнальных статьях, посвященных отечественным специальным службам и правоохранительным органам, также освещались отдельные вопросы обеспечения их собственной безопасности. Особую ценность для понимания процессов, происходивших в органах безопасности в 1950–1980 гг., и некоторых аспектов обеспечения их собственной безопасности представляют мемуары бывших сотрудников спецслужб. Воспоминания В.И. Алидина, Ф.Д. Бобкова, Ю.И. Дроздова, В.А. Крючкова, В.Н. Удилова, Л.В. Шебаршина и других непосредственных участников важнейших событий помогают воссоздать атмосферу, существовавшую в оперативных подразделениях, а в ряде случаев объясняют причины предательства сотрудников, нанеших ущерб собственной безопасности органов КГБ². Ряд изданных на рубеже веков книг представляет собой справочные издания, раскрывающие структуру советских органов государственной безопасности, содержащие биографические данные на руководителей основных управлений и отделов «Смерш» – НКГБ–МГБ–МВД СССР. Такие авторы, как Н.В. Петров, А.И. Кокурин,

А.И. Колпакиди, Д.П. Прохоров достаточно широко использовали ставшие им доступными архивные материалы по истории органов государственной безопасности СССР из фондов Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), ГАРФ, ГАСПИ, что придает их работам научную значимость. Вместе с тем, в них отсутствует анализ реальных оперативно-розыскной работы, что не позволяет авторам подробно рассмотреть вопросы обеспечения собственной безопасности КГБ СССР и порой приводит их к упрощенным оценкам³. В числе открытых изданий определенным интерес представляют работы авторов А.И. Колпакиди, Д.П. Прохорова, О. Лемеха и других, исследовавших проблемы предательства сотрудников отечественных разведывательных и контрразведывательных органов⁴. Но отдельные издания, претендующие на энциклопедический уровень, вызывают разочарование. В них содержится большое количество фактических ошибок, неточностей, в ряде случаев отсутствуют элементарные данные⁵. Заслуживают внимания изданные в России за последнее десятилетие работы иностранных исследователей о советских спецслужбах. Многие публикации содержат оригинальную оценку направленности и результатов деятельности разведки и контрразведки СССР, содержат сведения о неизвестных ранее эпизодах противостояния советских и западных спецслужб в годы «холодной войны», а также анализ угроз собственной безопасности национальных спецслужб. Слабым местом данных работ является определенная тенденциозность, а также отсутствие серьезной документальной основы⁶.

Анализ имеющихся публикаций дает основание сделать вывод, что, несмотря на имеющееся многообразие работ, практически малоизученными остаются вопросы обеспечения собственной безопасности в определенные и достаточно протяженные периоды истории отечественной спецслужбы. В частности, это касается периода Великой Отечественной войны, а также 50–80-х годов прошлого века⁷. В первую очередь, это объясняется тем, что документальные материалы по данной теме на протяжении длительного времени были недоступны для исследователей. В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и Центральном архиве (ЦА) ФСБ России хранятся многочисленные и разнообразные документальные материалы о деятельности подразделений, обеспечивавших собственную безопасность, но научных публикаций на эту тему, основанных на архивных документах, пока не было.

Как показывает анализ нормативных актов, на всех этапах деятельности отечественные органы безопасности принимали разнообразные и весьма действенные меры по обеспечению собственной безопасности. Обеспечение собственной безопасности органов безопасности в период 1917–1980 г. возлагалось на разные подразделения ведомства. В первые годы деятельности органов безопасности отдельные функции обеспечения собственной безопасности возлагались непосредственно на Коллегию ВЧК (ОГПУ), а также на специальный отдел ВЧК (ОГПУ) и на Юридиче-

ский отдел ОГПУ. В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 16 октября 1922 г. Коллегии ГПУ предоставлялось право ведения следствия и вынесения внесудебных приговоров по всем должностным преступлениям сотрудников органов безопасности. Одной из целей данного права являлось «сохранение конспирации работы ГПУ». Все дела о должностных преступлениях сотрудников ГПУ и его местных органов расследовались по месту совершения преступления. Материалы для вынесения внесудебного решения предписывалось направлять в Коллегию ГПУ, а информацию по уголовным делам, возбужденным в отношении сотрудников органов ГПУ, в Юридический отдел ГПУ. Все сотрудники, опороченные судебным или внесудебным приговором, кроме понесенного наказания по суду, лишались права работать в органах ГПУ навсегда⁸. В ведомственных нормативных актах регламентировался порядок направления дел о должностных преступлениях сотрудников органов безопасности в Коллегию ГПУ, предусматривались меры по предупреждению разглашения сведений о негласном аппарате органов безопасности, а также порядок рассмотрения дел, в которых «фигурируют фамилии или псевдонимы секретных агентов или освещаются методы о секретной работе». Предписывалось, что «в случае возможности расконспирации методов работы ГПУ», уголовные дела изымать из производства соответствующих органов прокуратуры и передавать на рассмотрение в Коллегию ГПУ. Для обеспечения собственной безопасности принимали меры уголовно-правового характера. Например, в приказе ГПУ от 1 сентября 1923 г. № 367 было объявлено о рассмотрении следственных дел в отношении 22-х сотрудников ГПУ и вынесения по ним соответствующих решений. Более половины из указанных дел касались обеспечения собственной безопасности ГПУ (расшифровка секретного сотрудничества с органами безопасности, предоставление заведомо ложных сведений, изготовление поддельных документов, использование сотрудниками ГПУ своих негласных помощников для противоправных деяний и т.п.). К числу подразделений, на которые в разные годы возлагались функции по обеспечению собственной безопасности, можно отнести спецотделение (спецотдел) при Президиуме ВЧК (при Коллегии ГПУ–ОГПУ), аппараты Особоуполномоченных при Коллегии ВЧК (ОГПУ–НКВД), 3-й отдел НКВД, 6-й отдел УОО НКВД, Отдел контрразведки НКВД «Смерш». Определенный научный и практический интерес представляет деятельность аппарата. Особоуполномоченного ОГПУ–НКВД СССР (1924–1941)⁹. Большое внимание в работе аппарата Особоуполномоченного уделялось вопросам морально-политического состояния сотрудников органов ОГПУ СССР, выявлению и служебному расследованию бытовых проступков и должностных преступлений сотрудников ОГПУ. В целях своевременного получения такой информации всем полномочным представителям ОГПУ СССР предписывалось сообщать Особоуполномоченному при Коллегии ОГПУ СССР о каждом преступлении или проступке¹⁰.

В июле 1934 г. было упразднено ОГПУ и образовано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), вошедшее в состав союзно-республиканского Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. В составе НКВД СССР был сохранен аппарат Особоуполномоченного, которому ставились отдельные задачи по обеспечению собственной безопасности наркомата внутренних дел. В их числе следует отметить такие, как: выполнение специальных поручений наркомата внутренних дел и его заместителей, связанных с проверкой и расследованием уголовных дел в отношении сотрудников НКВД; проверка и рассмотрение заявлений, жалоб, рапортов, материалов, поступивших к Особоуполномоченному, касающихся возможных должностных, бытовых и государственных преступлений, совершенных сотрудниками наркомата внутренних дел; изучение отдельных участков оперативно-служебной деятельности местных органов НКВД в целях установления фактов совершения преступления¹¹.

Через месяц после того, как в феврале 1941 года НКВД СССР был разделен на два самостоятельных наркомата – НКВД И НКГБ, аппарат Особоуполномоченного был упразднен, а его функции переданы вновь образованной Особой инспекции, входившей структурно в Отдел кадров НКГБ СССР¹². Обеспечением собственной безопасности в отечественных органах безопасности в 1941–1946 гг. занимались:

В системе НКВД	В системе органов контрразведки «Смерш» НКО	В органах государственной безопасности и внутренних дел
3-й отдел НКВД (февраль–июль 1941)	Особоуполномоченные, входившие в состав кадровых подразделений органов контрразведки (1943–1946)	Особые инспекции (1941–1946)
6-й отдел УОО НКВД (1941–1943)		
Отдел контрразведки НКВД «Смерш» (1943–1946)		

До конца 1950-х гг. осуществляли свою деятельность Особые инспекции органов безопасности. Ведение предварительного следствия по делам, возбужденным в отношении сотрудников органов безопасности, совершивших преступления, связанные с оперативной деятельностью, возлагалось на следственные подразделения КГБ СССР. Заявления, жалобы и другие материалы о проступках сотрудников органов безопасности, стали рассматриваться в соответствующих подразделениях органов безопасности при активном участии партийных и комсомольских организаций.

Становление системы обеспечения собственной безопасности КГБ СССР проходило в сложных условиях противоборства двух полярных лаге-

рей. В начале пятидесятых годов произошли изменения в геополитической расстановке сил, что потребовало переосмысления приоритетов во внешней политике. Разрыв с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции и поиск новых привел мировое сообщество к началу «холодной войны». Для Советского Союза главным противником стали США, и это заставило пересмотреть основные направления в деятельности спецслужб. Теперь первоочередной задачей стало проникновение в государственные, военные и экономические структуры США и стран – членов НАТО, созданного в 1949 г. В США и странах их союзников стали уделять большее внимание деятельности своих спецслужб. В 1947 г. было образовано ЦРУ, со временем ставшее главной разведывательной службой Запада в поединке с СССР.

После смерти Сталина между его приемниками развернулась борьба за власть. Одной из наиболее влиятельных фигур политического руководства СССР стал заместитель председателя Совета Министров СССР, член Комиссии Политбюро ЦК КПСС по вопросам внутренней и внешней политики Л.П. Берия. 7 марта 1953 г. на базе МВД СССР и МГБ СССР было образовано объединенное МВД СССР, которое возглавил Л.П. Берия. На ключевых постах в МВД СССР Берией были расставлены его ближайшие соратники по НКВД. К июню 1953 г. борьба за власть в руководстве Советского Союза достигла своего пика. При участии военных во время Пленума ЦК КПСС в Кремле Л.П. Берия был арестован и как «агент международного империализма» вскоре осужден к расстрелу. Вместе с ним к исключительной мере наказания подверглись и его соратники В.Н. Меркулов, В.Г. Деканозов, Б.З. Кобулов, С.А. Гоглидзе и другие¹³.

Отечественные органы безопасности и внутренних дел вступили в полосу новой реорганизации. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1953 г. был образован Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР, в который вошли основные оперативные управления бывшего МГБ. Возглавил ведомство И.А. Серов¹⁴. Следует отметить, что только через 5 лет после образования КГБ СССР, ЦК КПСС и СМ СССР в 1959 г. утвердили положение о КГБ при СМ СССР и его органах на местах. По мнению некоторых исследователей, с назначением Серова на должность председателя КГБ СССР у оперативного состава стал исчезать страх за свою личную безопасность. При Берии судьба каждого сотрудника была непредсказуемой. Любой из них мог исчезнуть, мог быть выброшен на улицу, получить клеймо преступника. Суд и расправа были коротки¹⁵.

Другие исследователи считают, что Серов, став руководителем органов государственной безопасности, провел в КГБ чистку. В течение трех лет он уволил за причастность к репрессиям около 18 тыс. сотрудников (около 40 из них лишили генеральских званий), и в то же время с его подачи за четыре прошедших с момента его назначения года, впервые после 1945 г., 85 человек получили генеральские погоны. Следует отметить, что большинство из них были причастны к репрессиям не менее уволенных, впрочем,

как и сам Серов¹⁶. В кадровой политике Серов опирался, как на старых чекистов, так и на новых партийных выдвиженцев. Например, первыми заместителями председателя КГБ были кадровый сотрудник органов безопасности – П.И. Ивашутин и партаппаратчик К.Ф. Лунев, заместителями председателя КГБ были С.С. Бельченко – кадровый сотрудник органов безопасности, и П.И. Григорьев, В.А. Лукшин – представители партийной номенклатуры¹⁷. Серов заменил многих руководителей подразделений центрального аппарата КГБ, провел реорганизацию структуры органов безопасности. В апреле 1957 г. в КГБ были переданы из МВД пограничные войска. Структура КГБ, сформированная при Серове, с некоторыми изменениями просуществовала почти 40 лет¹⁸. В декабре 1958 г. председателем КГБ был назначен А.Н. Шелепин¹⁹. С падением Серова ушла в прошлое целая эпоха, когда на пост руководителя органов безопасности выдвигались профессионалы – выходцы из самих органов. Теперь на должность председателя КГБ стали назначаться люди из партийной номенклатуры. Став в декабре 1958 г. председателем КГБ СССР, Шелепин отказался от генеральского звания. Новый председатель КГБ не только привел с собой преданных ему комсомольских работников, но и уволил из органов тех, чья квалификация, по его мнению, не соответствовала занимаемой должности. В их числе оказался заместитель председателя КГБ - С.С. Бельченко²⁰. В то же время Шелепин одобрительно отзывался о деятельности своих предшественников по разоблачению и ликвидации «врагов народа». Более того, он лично наградил орденом Красного Знамени сотрудника 13-го отдела ПГУ КГБ СССР Богдана Сташинского, в октябре 1957 г. в Мюнхене провел специальную акцию по уничтожению Л. Ребеты, а в октябре 1959 г. – С. Бандеры.

Шестидесятые годы стали периодом дальнейшего обострения «холодной войны». В ноябре 1961 г. председателем КГБ был назначен В.Е. Семичастный²¹. В первое время после назначения Семичастного в органах безопасности царил атмосфера неуверенности и недоумения, особенно у руководящего состава КГБ. Никто не воспринимал его в качестве государственного деятеля, все понимали, что он прежде всего человек Шелепина. Однако в отличие от Шелепина он с головой ушел в дела и нужды коллективов КГБ. Особое внимание Семичастный уделял 9-му управлению – правительственной охране. «Девятка» – это все прямые выходы на членов Политбюро, на самого генерального секретаря, членов его семьи. Поняв значение «Девятки», Семичастный решил заменить ее руководство на интеллектуалов из разведки и подобрал на должности начальника управления, его заместителей и на другие ответственные должности сотрудников из ПГУ²². Создав в «Девятке» верную себе команду, Семичастный приложил немало усилий для того, чтобы смещение Хрущева произошло без неожиданностей. Весной 1967 г., используя то обстоятельство, что дочь Сталина С. Аллилуева, находясь в Индии, попросила политического убежища, Семичастного сняли с поста председателя КГБ.

В рассматриваемое десятилетие ЦРУ США активизировали не только агентурную разведку, но и техническую. Существенная роль в сборе информации отводилась американским самолетам, оснащенным специальными техническими средствами, которые направлялись для облетов территории СССР. Следует отметить, что только в 1959 г. и первой половине 1960-х гг. в воздушном пространстве СССР при нарушении государственной границы были сбиты 39 американских самолетов-разведчиков²³. В 1961 г. во время Берлинского и Карибского кризисов противостояние СССР и США едва не обернулось началом ядерной войны. В 1965 г. началась война США во Вьетнаме. Продолжался затяжной конфликт между Израилем и арабами. В 1968 г. возник очередной очаг напряженности – на этот раз в Чехословакии. В шестидесятые годы активизировалась деятельность китайских спецслужб на территории СССР, а после драматических событий в марте 1969 г. у острова Даманский противоборство специальных служб двух сопредельных государств нередко приобретало форму тайной войны. Следует отметить, что в 1949–1959 гг. органы госбезопасности СССР оказали существенную помощь китайской разведке и контрразведке в подготовке кадров в своих учебных заведениях и в практической работе²⁴. Это создавало дополнительные угрозы безопасности КГБ СССР.

В мае 1967 г. на должность Председателя КГБ при СМ СССР был назначен Ю.В. Андропов²⁵, оставшийся на этом посту в течение 15 лет. Ему удалось поднять авторитет ведомства, который серьезно пошатнулся в предыдущие годы. Были существенно повышены профессиональный уровень сотрудников, оперативный потенциал кадрового состава, много сделано для воспитания сотрудников на лучших традициях органов безопасности.

Семидесятые годы стали первым десятилетием кризиса командно-административной системы. Высшее руководство КПСС было неспособно своевременно решить жизненно важные проблемы, что вело страну к экономическому отставанию от развитых стран Запада. Одним из проявлений гражданского недовольства в стране стало диссидентское движение. Подписанное в августе 1975 года Хельсинское соглашение позволяло Западу акцентировать внимание на проблемах соблюдения прав человека в СССР и, активно поддерживая диссидентов, расшатывать идеологическую основу страны. Сложной оставалась международная обстановка: продолжалась война во Вьетнаме, которая закончилась только в 1976 г.; прекратились отношения с Китаем, возникла напряженность в Польше, вызывали озабоченность события на африканском континенте (Никарагуа, Сальвадор), в декабре 1979 г. Советский Союз вел войска в Афганистан, началась афганская война, длившаяся почти десять лет. В Афганистане выполняли поставленные задачи различные органы и войска КГБ СССР (особые отделы КГБ СССР в 40-й армии, Представительство КГБ СССР при органах безопасности Республики Афганистан, подразделения внешней разведки и специального назначения КГБ СССР, мотоманевренные группы пограничных войск

КГБ СССР и др.). Нарастание и обострение противоречий в социально-экономической и политической сферах, непонимание руководством страны их преимущественно внутренней природы и остроты, насилие над объективными законами развития экономики не могло не отразиться на эффективности функционирования механизма государственно-партийной власти и всех ее институтов, в том числе и КГБ. В этом состояла стратегическая уязвимость Комитета государственной безопасности СССР.

В восьмидесятые годы напряженность в отношениях двух сверхдержав продолжала усиливаться. США в 1980 г. бойкотировали проведение в СССР Олимпийских игр. Продолжалось советско-американское противостояние на Ближнем Востоке. По мнению советского руководства, политика, проводимая Вашингтоном, обострила международную напряженность до крайне опасного предела²⁶. В сложных условиях противоборства двух полярных лагерей достаточно трудным для органов безопасности, по мнению бывшего председателя КГБ СССР В.А. Крючкова, был именно период 1970–1980-х гг. В результате целого ряда предательств был нанесен существенный ущерб КГБ СССР²⁷.

В КГБ СССР произошла смена первого руководителя. В мае 1982 г., после избрания Андропова секретарем ЦК КПСС, по предложению Л.И. Брежнева председателем КГБ СССР был назначен В.В. Федорчук²⁸. Возглавляя КГБ около 7 месяцев, Федорчук оставил о себе не очень добрую память. Большинство мемуаристов – сотрудников органов безопасности (генералы В.А. Кирпиченко²⁹, Н.С. Леонов³⁰ и др.), характеризуют его как руководителя честного, законопослушного, «трудоголика», но упрямого, жесткого и грубого. Его представления о работе органов безопасности не соответствовали реалиям современной оперативной обстановки. После смерти Брежнева в декабре 1982 г. председателем КГБ СССР был назначен В.М. Чебриков³¹. Выдвижение Чебрикова на пост руководителя органов государственной безопасности не было неожиданным для сотрудников КГБ. Связка Андропов-Чебриков была надежной, понятной и предсказуемой, однако приход к власти Горбачева и начавшиеся импровизации эпохи перестройки постепенно дезориентировали привычную работу КГБ и, в первую очередь, его председателя. В создавшихся условиях Чебриков потерял уверенность и из всегда спокойного и доброжелательного человека превратился во вспыльчивого и раздражительного³². По мнению Кирпиченко, Горбачев считал Чебрикова консерватором и решил заменить его на более динамичного и работоспособного Крючкова³³. 30 сентября 1988 г. Чебриков был избран секретарем ЦК КПСС и одновременно председателем Комиссии ЦК по вопросам правовой политики, но при этом был вынужден расстаться с постом председателя КГБ СССР³⁴.

В декабре 1988 г. председателем КГБ СССР был назначен В.А. Крюков³⁵. Его почти трехлетнее пребывание на посту руководителя органов государственной безопасности пришлось на период ускоренного разва-

ла СССР. В августе 1991 г. произошли события, получившие название «попытка государственного переворота», они послужили основанием для последующего разделения КГБ СССР на ряд специальных служб (СВР, ФСО, ФАПСИ, ФПС, ССО). С августа по декабрь 1991 г. председателем КГБ СССР был В.В. Бакатин³⁶, основной целью работы которого было «избавление от КГБ»³⁷.

Угрозы безопасности КГБ СССР распространялись в различных сферах общественной жизни и подразделялись на политические, экономические, социальные, экологические, морально-психологические и информационные. Классификация угроз на внешние и внутренние ведется в зависимости от местонахождения источника опасности (угрозы безопасности), наносящего ущерб КГБ СССР. О внешних угрозах безопасности говорят в том случае, когда источник опасности находится вне системы органов безопасности, к внутренним угрозам относятся те, источник происхождения которых находится в самой системе органов безопасности. Деятельность зарубежных спецслужб в рассматриваемый период была самым прогрессивно развивающимся источником внешних угроз. В период с 1954 по 1980 гг. были выявлены устойчивые разведывательные устремления к органам государственной безопасности со стороны спецслужб иностранных государств (США, Великобритании, Франции, Германии, Японии, Китая, Кореи, Ирана, Турции). Иностранные спецслужбы пытались расширить разведывательное проникновение в СССР и в органы безопасности. Они резко активизировали деятельность по добыванию разведывательной информации посредством агентурной разведки, в том числе путем привлечения сотрудников и агентов органов безопасности к сотрудничеству на материальной основе. Спецслужбы США и других стран заметно активизировали свою деятельность по агентурному проникновению в органы КГБ и их агентурный аппарат путем вербовок сотрудников и агентов органов безопасности, а также подстав своих агентов на вербовку. О том, какое значение придавалось вербовке агентов из числа советских граждан (в том числе сотрудников и агентов органов КГБ) свидетельствует то, что этот вопрос неоднократно рассматривался в специальных комиссиях конгресса США. Внутренние угрозы КГБ СССР имели источник их возникновения внутри самой системы органов безопасности и были связаны с развитием социально-политического и экономического кризиса в стране, что создавало благодатную почву для роста социальной напряженности в советском обществе и органах государственной безопасности. Кризисность ситуации проявлялась в противоправной деятельности и измене сотрудников и агентов органов КГБ. По некоторым данным, в послевоенные годы перешли на сторону противника или работали на него в качестве агентов более 30 сотрудников КГБ СССР³⁸. В результате предательства большое количество сотрудников, находящихся под дипломатическим прикрытием за рубежом, было выдворено из зарубежных стран, а агенты органов госбезопасности из числа иностран-

цев были арестованы национальными контрразведывательными службами или прекратили сотрудничество. Как отмечает бывший председатель КГБ СССР В.А. Крючков, причиной провала особо ценных агентов органов безопасности почти всегда является предательство в своей среде. Вот только несколько примеров нанесения ущерба КГБ СССР в результате измены сотрудников органов безопасности. В 1957 г. в США был арестован советский разведчик-незаконник Р. Абель (В. Фишер). Причиной провала стало предательство в мае 1957 года другого советского разведчика Рейно Хейханена. В декабре 1961 г. из Хельсинки (Финляндия) бежал в США Голицын Анатолий Михайлович, сотрудник ПГУ КГБ, майор. Голицын выдал ЦРУ США данные о внедрении агентов советской внешней разведки в правительственные структуры Франции, Канады, Великобритании, а также в НАТО.

В 1971 г. изменил Родине сотрудник разведки О.Лялин, работавший в Англии под прикрытием торгового представительства. Лялин был завербован английской контрразведкой МИ-5 весной 1971 г. и начал передавать англичанам секретную информацию. В сентябре 1971 г. он бежал из резидентуры, попросив у англичан политического убежища. Лялин выдал англичанам достоверные сведения о штатной численности, структуре и личном составе советской разведки в Лондоне. После его бегства в сентябре 1971 г. английские власти, используя информацию, полученную от перебежчика, объявили персонами нон грата 105 служащих советских учреждений в Великобритании, в том числе сотрудников резидентур КГБ и ГРУ, развернули антисоветскую кампанию в печати. Приговоренный в СССР к расстрелу, Лялин с женой двадцать три года прожил в Англии на нелегальном положении и умер в конце февраля 1995 г. Еще одним предателем, предложившим свои услуги ЦРУ в 1974 г., стал сотрудник КГБ Армянской ССР Норайр Григорян. В 1975 г. Григорян был разоблачен сотрудниками Второго главного управления КГБ и осужден на двенадцать лет лишения свободы. В феврале 1974 г. во время совершения служебной поездки по Западному Берлину к представителям английских оккупационных войск обратился с просьбой о предоставлении убежища сотрудник особого отдела КГБ, дислоцированного в ГДР, Алексей Мягков. Бывший сотрудник ПГУ КГБ Вареник, осужденный в 1986 г. за измену Родине в форме шпионажа, по оценкам экспертов иностранных спецслужб, передал им информацию о 170 сотрудниках и агентах КГБ и ГРУ³⁹. В 1976 г. работавший в резидентуре ПГУ КГБ в Индонезии Владимир Пигузов был завербован сотрудниками ЦРУ. После окончания командировки он вернулся в Москву, где в начале восьмидесятых годов стал секретарем парткома Краснознаменного Института КГБ, готовившего разведчиков. Как парторг, Пигузов имел доступ к установочным данным и фотографиям всех слушателей. Пигузов был разоблачен в результате вербовки сотрудника ЦРУ Эймса. Учитывая особую опасность, таившуюся в высоком должностном положении Пигузова, было принято решение о его немедленном аресте. В ходе следствия его вина была полно-

стью доказана, и в 1986 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда он был расстрелян. В мае 1980 г. исчез, вместе с женой и дочерью, сотрудник 8-го главного управления (шифровальной службы) КГБ майор Виктор Иванович Шеймов. Обстоятельства его исчезновения были установлены лишь в 1985 г. после проведения дополнительно разработанных мероприятий и скоординированных действий всех заинтересованных подразделений. Только тогда были приняты меры по локализации возможного ущерба от измены шифровальщика. Впоследствии было установлено, что во время служебной командировки в Варшаву 31 октября 1979 г. Шеймов сумел тайно встретиться с сотрудником ЦРУ. Возвратившись в Москву, он провел несколько встреч с сотрудниками ЦРУ, и в мае 1980 г. вместе с семьей был тайно вывезен в США⁴⁰. Некритическое отношение к факту исчезновения Шеймова, необъективное и поверхностное проведение расследования данного чрезвычайного происшествия, возможно, поспособствовали тому, что в 1985 г. англичанами был вывезен из Советского Союза сотрудник ПГУ Гордиевский. По наводке Гордиевского были арестованы десятки агентов органов КГБ⁴¹.

В 1985 г. был задержан с поличным при передаче секретных данных сотруднику ЦРУ, работавшему в Москве под прикрытием посольства США, заместитель начальника отделения контрразведывательного подразделения УКГБ по г. Москве и Московской области майор Воронцов. В процессе следствия было установлено, что Воронцов инициативно пошел на сотрудничество с представителями ЦРУ, работавшими в Москве. За период сотрудничества с американской разведкой Воронцов передал противнику важные секретные сведения, установочные данные на сотрудников и агентов органов безопасности, раскрыл формы и методы работы подразделений советской контрразведки, ведущих разработку резидентуры ЦРУ США в Москве⁴².

Не меньшую опасность для собственной безопасности КГБ СССР представляли и другого рода проступки и нарушения: Разглашение государственной тайны, утрата документов, содержащих государственную тайну. Злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти или служебного положения, хищение имущества, незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боеприпасов, или взрывчатых веществ и другие общеуголовные преступления. Измена, двурушничество и дезинформирование агентами органов безопасности. Несоблюдение оперативными сотрудниками конспирации и режима секретности в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности. Ошибки, просчеты, профессиональная некомпетентность оперативных работников. Нарушение законности и социальной справедливости в решении кадровых, управленческих и социальных вопросов руководителями и оперативными работниками органов безопасности.

Например, по инициативе Политбюро ЦК КПСС в конце 1958 г. председателем КГБ стал А.Н. Шелепин, который не доверял кадровым сотрудникам органов безопасности, стремился убрать из КГБ всех, кто был

заподозрен в связях с предыдущим его руководителем – Серовым. С первых дней своего пребывания в органах безопасности Шелепин начал реорганизацию КГБ без учета мнения ученых и опытных практических работников. Сотрудники КГБ были недовольны методами работы Шелепина, а также его явным стремлением использовать службу в КГБ в качестве трамплина для своих честолюбивых планов. Сокращение числа домов отдыха и санаториев, принадлежащих КГБ, уменьшение заработной платы создавали дополнительную социальную напряженность в органах безопасности. Многие сотрудники считали, что интересы службы были подчинены интересам партийного руководства, так как большое число ключевых должностей в КГБ было отдано партийным и комсомольским работникам, лично подобранным Шелепиным⁴³. Публикации статей и мемуаров бывшими сотрудниками органов безопасности или иными лицами, в которых прямо или косвенно раскрываются формы и методы оперативно-розыскной деятельности, а также данные на агентов. Таких публикаций, к сожалению, за последнее десятилетие стало значительно больше. Бывший начальник УКГБ СССР по Приморскому краю (1972-1992) К.А. Григорьев⁴⁴ рассказал, что преждевременная публикация в СМИ раскрыла одного из агентов данного органа безопасности и создала угрозы безопасности его близким. Ю.И. Дроздов⁴⁵ считает, что поводом для проведения проверочных мероприятий ФБР США в отношении некоторых агентов КГБ послужили публикации отставного генерала КГБ СССР Олега Калугина. По мнению лиц, оказывающих содействие органам безопасности на конфиденциальной основе, публикации воспоминаний бывших оперативных сотрудников, а также «откровения» действующих сотрудников являются «вредными и ненужными»⁴⁶. Несмотря на влияние внешних и внутренних угроз, нанесение ему ущерба в результате отдельных случаев предательства со стороны сотрудников органов безопасности, КГБ СССР в период 60-80-х гг. прошлого столетия оставался единственной силой в Советском Союзе, не затронутой коррупцией и противостоящей мафии. На формирование угроз безопасности КГБ СССР влияли не только его конфликтное взаимодействие со спецслужбами иностранных государств и преступными организациями, но и оказывала негативное воздействие среда, в которой происходила эта борьба.

Обеспечение собственной безопасности КГБ СССР представляло собой комплекс правовых, организационно-управленческих, агентурно-оперативных, технических, режимных, социально-психологических, воспитательных и иных мер, направленных на создание и поддержание условий, позволяющих органам безопасности эффективно решать стоящие перед ними задачи⁴⁷. Анализ нормативных правовых актов и научной литературы свидетельствует, что ведомственный уровень обеспечения собственной безопасности органов КГБ являлся основной составляющей в системе обеспечения собственной безопасности органов КГБ СССР. На руководителей органов госбезопасности возлагалась персональная ответствен-

ность за состояние собственной безопасности в подчиненных им подразделениях. Каждый орган безопасности принимал меры к формированию системы противодействия агентурному и техническому проникновению спецслужб иностранных государств и криминальных структур. Важное значение в обеспечении собственной безопасности КГБ имел внутренний (внутриведомственный) контроль, который являлся одной из важнейших функций управления руководителей в системе органов государственной безопасности. и осуществлялся: Коллегией КГБ СССР и коллегиями КГБ союзных и автономных республик; Секретариатом КГБ, а также секретариатами (секретарями) органов и подразделений Комитета; инспекторскими и контрольно-ревизионными подразделениями КГБ СССР. Можно утверждать, что органы безопасности ответственно относились к обеспечению собственной безопасности. Это подтверждается тем, что органы КГБ чрезвычайно редко несли человеческие потери. Такой факт становился предметом служебного разбирательства, анализировались причины и условия, которые привели к провалу операции либо трагическому исходу⁴⁸. И все же система обеспечения собственной безопасности КГБ СССР не отвечала реалиям оперативной обстановки и требовала внесения корректив. Назрела необходимость создания единого координирующего органа по обеспечению собственной безопасности КГБ СССР. Опыт работы по обеспечению собственной безопасности КГБ СССР был учтен уже в новых условиях деятельности отечественных органов безопасности, и в январе 1992 г. было создано специализированное подразделение – Служба собственной безопасности (ССБ) Министерства безопасности Российской Федерации. В 1994 г. Служба была преобразована в Управление собственной безопасности ФСК–ФСБ России.

В современных условиях обеспечение собственной безопасности ФСБ России не только выделено в качестве самостоятельного направления оперативно-служебной деятельности, но и закреплено законодательно. Современное законодательство предоставляет органам федеральной службы безопасности право осуществлять меры по обеспечению собственной безопасности, в том числе по предотвращению проникновения специальных служб и организаций иностранных государств, преступных групп и отдельных лиц с использованием технических средств к защищаемым органами безопасности сведениям, составляющим государственную тайну⁴⁹.

¹ В октябре 1998 г и в феврале 2000 г. проводились межведомственные семинары по вопросам обеспечения собственной безопасности спецслужб и правоохранительных органов с участием представителей подразделений собственной безопасности МВД, ФСБ, ФСНП, ГПК России, а также представителей аналогичных структур ФБР США и американских полицейских управлений. См.: *Тюрин А.В., Христофоров В.С.* О встрече «за круглым столом» по вопросу обеспечения собственной безопасности правоохранительных органов // Информационный бюллетень УСБ ФСБ России. 2000. № 1. С. 34–37. *Христофоров В.С.* Меры обеспечения собственной

безопасности в полицейских подразделениях США // Вестник МВД России. 2000. № 4–5. – С. 165–174; Христофоров В.С. Честь или коррупция: выбор полицейского // Бизнес и безопасность в России. 2000, июль-август. – С. 26–27.

² См.: *Алидин В.И.* Государственная безопасность и время (1951–1986). – М.: Изографус, 2001; *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. – М.: Изд. «Ветеран МП», 1995; *Бейли Дж., Кондрашов С.А., Мерфи Д.Э.* Поле битвы Берлин: ЦРУ против КГБ в «холодной войне» / Пер. с англ. Л. Володарской. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2000; *Гераскин Б.В.* За семью печатями. – М.: Изд. Международные отношения, 2000; *Даллес А.* Искусство разведки: Пер. с англ. – М.: Изд. Международные отношения: МП «Улисс», 1992; *Дроздов Ю.И.* Записки начальника нелегальной разведки. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. *Кириченко В.* Разведка: лица и личности. – М.: Изд. Международные отношения, 2001; *Крючков В.А.* Личное дело: В 2 ч. – М.: Олимп; ТК О АСТ, 1996; Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. – М.: Изд-во объединения «Мосгорархив»: АО «Московские учебники и картолиотография», 1999; *Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; *Удилов В.Н.* Назад к истине. – М.: Ягюар, 1998; *Феклисов А.* За океаном и на острове. – М.: ДЭМ, 1994; *Фельфе Х.* Мемуары разведчика: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1988; *Шебаршин Л.В.* Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. – М.: Центр-100, 1992; *Широнин В.* Под колпаком контрразведки. – М.: Палей, 1996; Я шел своим путем. Ким Филби в разведке и в жизни / Сост. Ю.Г. Кобаладзе; Под общ. ред. Т.А. Кудрявцевой: Пер. с англ. – М.: Изд. Международные отношения, 1997 и др.

³ См.: *Колпакиди А., Прохоров Д.* Внешняя разведка России. – СПб.: Издат. Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001; *Колпакиди А.И., Сериков М.Л.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. – СПб.: Издат. Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002; *Петров Н.В., Кокурин А.И.* Кто руководил НКВД (1934–1941): Справочник. – М.: Звенья, 1999 и др.

⁴ См.: *Прохоров Д.П., Лемехов О.И.* Перебежчики. Расстреляны заочно. – М.: «Вече». ЗАО «АРИАВ-АиФ», 2001; 2001; *Дроздов Ю.И.* Записки начальника нелегальной разведки. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. *Кириченко В.* Разведка: лица и личности. – М.: Изд. Международные отношения, 2001; *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. В 2 кн. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, *Крючков В.А.* Личное дело: В 2 ч. – М.: Олимп; ТК О АСТ, 1996.

⁵ Разведка и контрразведка в лицах: Энциклопедический словарь российских спецслужб / Автор-сост. А. Диенко, предисл. В. Величко. – М.: Русский мир, 2002.

⁶ См.: *Вольтон Т.* КГБ во Франции: Пер. с франц. – М.: Прогресс-Гамма, 1993; *Вольф М.* Игра на чужом поле: Пер. с нем. – М.: Изд. Международные отношения, 1998; *Ворст А.* Конец штази. История одной секретной службы: Пер. с нем. – М.: Возвращение, 1994; *Келер Д.* Секреты штази: Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 2000; *Полмар Н., Аллен Т.Б.* Энциклопедия шпионажа / Пер. с англ. В. Смирнова. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1999; *Уайз Д.* Охота на «кротов»: Пер. с англ. – М.: Изд. Международные отношения, 1994; *Хасе П. Дж., Капоши Дж.* КГБ в ООН. Пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2000; *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций: Пер. с англ. – М., Nota Bene, 1992 и др.

⁷ Изучению отдельных вопросов обеспечения собственной безопасности органов КГБ СССР посвящены научные работы В.В. Попова и некоторых других авторов.

⁸ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

⁹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 112. Л. 94.

¹⁰ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 105. Л. 70–76.

¹¹ См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 469. Л. 23–24; Д. 315. Л. 7.

¹² См.: ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 615. Л. 121–129.

¹³ См.: Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. – М.: «Мосгорархив», «Московские учебники и Картолиотография», 1999. – С. 260–261.

¹⁴ Серов Иван Александрович (12(25 августа 1905 г., с.Афимская Кадниковского уезда Вологодской губ. – 1 июля 1993 г.). Председатель КГБ при СМ СССР с марта 1954 г. по декабрь 1958 г. В органах безопасности в 1939 г. Заместитель начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) НКВД СССР с 09.02.39; начальник ГУРКМ НКВД с 18.02.39;

заместитель начальника ГУГБ – начальник СПО ГУГБ НКВД с 29.07.39; нарком внутренних дел Украины с 02.09.39; зам. наркома НКГБ СССР с 25.02.41; зам. наркома НКВД с 30.07.41 и с апреля 1943 г.; уполномоченный НКВД по 1-му Белорусскому фронту с 11.01.45; советник НКВД при министерстве общественной безопасности Польши 06.03.45–27.04.45; зам. Главного-начальствующего советской военной администрацией в Германии с 06.06.45; уполномоченный НКВД по группе советских оккупационных войск в Германии с 04.07.45; зам. министра внутренних дел СССР с марта 1946; первый зам. министра внутренних дел СССР с 24.02.47; первый зам. министра внутренних дел СССР с 06.03.53. Председатель КГБ при СМ СССР с 13 марта 1953 г. Генерал армии (1955). Начальник ГРУ – заместитель начальника Генштаба. 08.12.58–02.62; пом. командующего войсками ТуркВО, затем ПриВО 02.63–04.65.

¹⁵ См.: *Кирпиченко В.А.* Разведка: лица и личности. – С. 164.

¹⁶ В феврале 1944 г. Серов был одним из руководителей депортации карачаевцев, калмыков, чеченцев и ингушей. Летом 1944 г. он занимался выселением из Крыма крымских татар, болгаров, греков, армян. В 1944 г. руководил репрессиями против «антисоветских элементов» и бойцов польской Армии Крайовой в тылу 3-го Белорусского фронта в Литве, а затем выполнял аналогичные функции в Польше. См.: *Колпакиди А.И., Серяков М.Л.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности ... – С. 493, 496–497.

¹⁷ См.: См.: *Попов А.Ю.* 15 встреч с генералом Бельченко. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 291; *Колпакиди А.И., Серяков М.Л.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности... – С. 497.

¹⁸ См.: *Колпакиди А.И., Серяков М.Л.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности ... – С. 497.

¹⁹ Шелепин Александр Николаевич (18 августа 1918 г., Воронеж – 21 октября 1994 г., Москва).. первый секретарь ЦК ВЛКСМ с 1952 г. по декабрь 1958 г., председатель КГБ при СМ СССР с декабря 1958 г. по ноябрь 1961 г., секретарь ЦК КПСС с декабря 1961 г., зам. председателя СМ СССР и председатель Комитета партийного и государственного контроля с 1962 г. по 1965 г., председатель ВЦСПС с 1967 г. по май 1975, зам. председателя Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию. С апреля 1984 г. на пенсии.

²⁰ См.: *Попов А.Ю.* 15 встреч с генералом Бельченко. – С. 348.

²¹ Семичастный Владимир Ефимович (15 января 1924 г., с. Григорьевка Межевского района Днепропетровской обл. – 12 января 2001 г., Москва). Первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины с июля 1947 г., секретарь ЦК ВЛКСМ с января 1950 г., первый секретарь ЦК ВЛКСМ с 1958 г., заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС – 1959 г, второй секретарь ЦК КП Азербайджана. Председатель КГБ при СМ СССР с ноября 1961 г. по май 1967 г.

²² См.: *Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. – С. 176–178.

²³ См.: Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. – С. 262.

²⁴ См.: *Соловьев А.В.* Тревожные будни забайкальской контрразведки. – М.: Русь, 2002. – С. 443–444.

²⁵ Андропов Юрий Владимирович (2 (15) июня 1914 г., ст. Нагутская Ставропольской губ. – 9 февраля 1984 г., Москва). Председатель КГБ при СМ СССР (с июня 1978 г. – КГБ СССР) с мая 1967 г. по май 1982 г.

²⁶ См.: За мир, разоружение и безопасность народов: летопись внешней политики СССР. – М.: Политиздат, 1984. – С. 409.

²⁷ См.: *Крючков В.А.* Личное дело: В 2 ч. Ч. 1. – С.111; *Вольтон Т.* КГБ во Франции. – С. 122.

²⁸ Федорчук Виталий Васильевич (Род. 27 декабря 1918 г., с. Огневка Сквирского у. Киевской губ.). Начальник 3-го Главного управления КГБ 1967–1970; председатель КГБ при СМ СССР (с 1978 – председатель КГБ СССР) 1970–1982; Председатель КГБ СССР с мая по декабрь 1982 г.

²⁹ См.: *Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. – С. 183–184.

³⁰ См.: *Леонов Н.С.* Лихолетье. – М., 1994.

³¹ Чебриков Виктор Михайлович (27 апреля 1923 г., Екатеринослав – 1 июля 1988 г., Москва). Начальник УК КГБ при СМ СССР 1967–1968; зам. председателя КГБ при СМ СССР 1968–1982; Председатель КГБ СССР с декабря 1982 г. по сентябрь 1988 г.

³² См.: *Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. – С. 185.

³³ См.: Там же.

- ³⁴ См.: *Колпакиди А.И., Сериков М.Л.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. – СПб.: Издат. Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – С. 517.
- ³⁵ Крючков Владимир Александрович (1924 –2007). Начальник секретариата КГБ при СМ СССР 1967–1970; первый зам. начальника ПГУ КГБ 1970–1971; начальник ПГУ КГБ 1971–1988. Председатель КГБ СССР с октября 1988 г. по август 1991 г.
- ³⁶ Бакатин Вадим Викторович. Председатель КГБ СССР с августа по декабрь 1991 г.
- ³⁷ *Бакатин В.В.* Избавление от КГБ. – М.: Изд. «Новости», 1992.
- ³⁸ См.: *Харламов А.* Черные списки разведки // Аргументы и факты. 2000. № 50
- ³⁹ См.: *Крючков В.А.* Указан. соч. – С. 154; *Дроздов Ю.И.* Записки начальника нелегальной разведки. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – С. 335.
- ⁴⁰ См.: *Там же.* – С. 349–352.
- ⁴¹ См.: *Будберг А.* Мы себе давали слово // Московский комсомолец. 1994. 15 октября.
- ⁴² См.: *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. – М.: Изд. «Ветеран МП», 1995. – С. 246.
- ⁴³ См.: См.: *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. – М.: Изд. «Ветеран МП», 1995. – С. 172–184; *Бейли Дж., Кондрашов С.А., Мерфи Д.Э.* Поле битвы Берлин: ЦРУ против КГБ в «холодной войне». – С. 340–341; *Кирпиченко В.А.* Разведка: лица и личности. – С. 169.
- ⁴⁴ См.: *Григорьев К.А.* Взлеты и падения. Мемуары. – Владивосток: Издательство «Усури», 1999.– С. 256–258.
- ⁴⁵ См.: *Дроздов Ю.* Указан. соч. С. 341–342.
- ⁴⁶ См.: Агент «Коровин»: не отрекусь // Вестник контрразведки. 1992. № 2. – С. 43–44.
- ⁴⁷ См.: Единый словарь чекистской терминологии... – С. 196.
- ⁴⁸ См.: *Леган И.* КГБ-ФСБ. Взгляд изнутри. В 2 кн. – М.: ОАО Центркнига, 2001. Кн. 2. – С. 323.
- ⁴⁹ См.: Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269. (п. «т» ст. 13).

НЕВИДИМЫЙ ФРОНТ НЕОБЪЯВЛЕННОЙ ВОЙНЫ

*Статья в газете «Время новостей»
12 февраля 2009 г. № 24*

25 декабря 1979 года советские войска в соответствии с решением партийно-правительственного руководства СССР перешли государственную границу Афганистана, а военно-транспортная авиация начала переброску войск и техники в Кабул и Баграм. Вскоре к власти пришло новое, просоветское правительство во главе с Бабраком Кармалем. СССР оказался втянутым в многолетнюю войну, которая существенно осложнила отношения с США, европейскими государствами, исламским миром и легла тяжелым бременем на экономику страны. США стали оказывать помощь афганской вооруженной оппозиции. ЦРУ США направило в Пакистан так называемую афганскую специальную комиссию, которая занималась контролем и распределением финансовой помощи афганской оппозиции. На территории Пакистана, Ирана и Китая появились лагеря по подготовке боевиков, в которых работали сотни иностранных военных инструкторов и советников. Афганской оппозиции предоставлялись огромные суммы денег, оружие и боеприпасы, в том числе и новейшие виды вооружения – реактивные снаряды и переносные зенитно-ракетные комплексы «Стингер».

После ввода советских войск в Афганистан в расширившемся представительстве КГБ появились отделы по оказанию советнической помощи в организации работы разведки, контрразведки, пограничной охраны, в борьбе с бандформированиями, идеологическими диверсиями, в обеспечении безопасности объектов промышленности и транспорта, расследовании уголовных дел, работе с племенами. В 1981–1983 годах были образованы оперативные группы представительства, оказывавшие помощь афганским территориальным органам безопасности, органам военной контрразведки и афганским пограничным частям.

Агентурное проникновение в бандформирования, выявление мест расположения баз оппозиции не только в Афганистане, но и на территории соседнего Пакистана, поиск путей поставок и складов оружия, боеприпасов, отслеживание военных приготовлений и получение информации о ситуации

внутри оппозиции – вот основные задачи сотрудников представительства. Особое внимание уделялось созданию структур афганских органов безопасности, ставших самым надежным звеном государственности Афганистана. В 1988 году одновременно с выводом советских войск из Афганистана начался и вывод оперативных групп представительства из большинства провинций. Последняя группа сотрудников представительства, тех, кто должен был покинуть Афганистан до окончания вывода войск, улетела из Кабула 29 января 1989 года. В этой группе был и я.

Группировка советских войск в ДРА включала в себя управление 40-й армии, три мотострелковые и одну воздушно-десантную дивизию, девять отдельных бригад и семь отдельных полков, четыре полка фронтовой и два полка армейской авиации, другие части и подразделения. Наибольшей численности – 108,7 тыс. человек – ОКСВ достиг в 1985 году. В каждой дивизии и бригаде ОКСВ находились особые отделы КГБ (в общей сложности около 350 человек). Они занимались контрразведывательной деятельностью, противодиверсионной защитой советских военных объектов и мест проживания военнослужащих.

С августа 1980 по апрель 1984 года в Афганистане поочередно находились отряды особого назначения. Отряды «Каскад-1, 2, 3», которые комплектовались сотрудниками КГБ специального резерва, прошедшими разведывательно-диверсионную подготовку. Этих бойцов вполне обоснованно, по аналогии с известной профессией, стали называть каскадерами. «Каскады» добывали разведывательную информацию для нанесения авиаударов и проверяли их результативность, организовывали засады на путях возможного отхода банд, минировали дороги и тропы на основных направлениях их движения, боролись с караванами, перевозящими оружие и боеприпасы, освобождали военнопленных и заложников, оказывали помощь в создании афганских органов безопасности на местах. С 1981 года, после создания в КГБ СССР группы специального назначения «Вымпел», спецназ, направляемый в Афганистан, набирался из ее сотрудников.

Не остались в стороне от боевых действий в Афганистане и пограничные войска КГБ СССР. В феврале 1982 года в соответствии с постановлением ЦК КПСС туда были введены мотоманевренные группы пограничных войск КГБ численностью до 8 тысяч человек. Они расположились на участке более 2300 км вдоль всей советско-афганской границы на глубине до 100 км. Большинство боевых операций наши пограничники проводили при поддержке авиации погранвойск КГБ, которые в основном базировались на аэродромах в СССР либо на посадочных площадках вблизи пограничных застав на территории Афганистана. Авиация погранвойск КГБ вела воздушную разведку, сопровождала колонны на марше, при необходимости оказывала огневую поддержку боевых действий, привлекалась к высадке десантно-штурмовых подразделений и групп захвата.

Весной 1986 года Бабрак Кармаль по негласной рекомендации политбюро ЦК КПСС «добровольно» ушел в отставку «по болезни», а генеральным секретарем ЦК НДПА был избран Наджибулла, ранее возглавлявший афганские органы безопасности. Советский Союз без всяких условий в октябре 1986 года вывел с территории Афганистана шесть полков.

14 апреля 1988 года Афганистан и Пакистан после шестилетних переговоров в Женеве подписали соглашения о политическом урегулировании, которые предусматривали вывод советских войск с территории Афганистана с 15 мая 1988 по 15 февраля 1989 года

Военную службу в Афганистане прошло около 620 тыс. военнослужащих. Всего за годы войны там погибло более 15 тыс. человек. Потери подразделений КГБ СССР составили 576 человек. За годы необъявленной войны пропали без вести и оказались в плену 417 советских военнослужащих, 130 из которых особому отделу КГБ при содействии представительства КГБ удалось разыскать и освободить. После вывода войск СССР продолжал поставлять в Афганистан вооружение, боеприпасы, и т.д., благодаря чему в 1989–1991 годах режим Наджибуллы сохранял свои позиции. Его падение произошло после московских событий в августе 1991 года и последующего подписания соглашения между СССР и США о прекращении военных поставок противоборствующим сторонам в Афганистане с 1 января 1992 года. В апреле 1992 года власть перешла к афганской оппозиции, а в 1996-м ее захватили талибы.

7 октября 2001 года США начали операцию «Несокрушимая свобода», поводом для начала которой стали теракты в Америке 11 сентября 2001 года и обвинения Кабула в укрывательстве террористов. США предприняли попытку изменить социально-политический статус Афганистана и посадить там проамериканскую администрацию. 22 декабря 2001 года в Афганистане было создано проамериканское временное правительство, в июне 2002 года сформирована переходная администрация под председательством Хамида Карзая, который 9 октября 2004 года был избран президентом Афганистана. Поведение США в Афганистане во многом напоминает действия СССР в 1980-х годах: военное подавление вооруженной оппозиции, назначение на высшие государственные должности своих людей, создание лояльных институтов государственной власти, оказание гуманитарной помощи. Оккупация Афганистана военными контингентами США и НАТО не дает положительного результата. Правительство Карзая держится лишь благодаря их поддержке, в стране процветает коррупция, растет производство наркотиков. Исторические реалии свидетельствуют, что ни одна центральная власть в Афганистане не будет поддержана населением в условиях иностранного военного присутствия в стране, так как это власть, пришедшая на иностранных штыках.

АФГАНСКИЙ СЛЕД

*Статья в газете «Время новостей»
12 февраля 2009 г. № 24*

15 февраля 1989 года, советские войска покинули Афганистан, где находились без малого десятилетие. Эта эпопея оставила нестираемый горький след в новейшей истории нашей страны. Война в Афганистане не была объявлена, но военнопленные были, и во всей служебной переписке они так и назвались – без эвфемизмов. К середине 1985 года в плену находилось уже более 200 военнослужащих. Практически каждый сотрудник КГБ, в каком бы качестве он там ни был – в представительстве КГБ СССР, особом отделе или спецподразделении и т.д., – считал своим долгом если не освободить нашего пленного, то хотя бы добыть какую-то информацию о нем и возможностях его спасения. Если удавалось напасть на след хоть кого-то из наших пленных, немедленно начинались переговоры об обмене. За одного нашего военнослужащего могли отдать и четверых, и пятерых боевиков. Самая большая цифра, которую я знаю, – один к 25. «Забирайте сколько хотите, только освободите нашего солдата». Увы, не всегда операции были успешными, не всегда боевики шли на переговоры, не всегда подтверждалась информация о местонахождении наших военнослужащих. В плен попадали по-разному: война есть война. Кто-то был контужен во время боя, кого-то взрывной волной выбросило из бэтээра. Кто-то, находясь в засаде, пошел к ручью за водой и был захвачен. Кто-то отлучился из части во время передышки и тоже пропал без вести.

Все мы знали, что положение пленных ужасное. Если к врагу одновременно попадало несколько человек, то моджахеды – в наших документах они назывались боевиками, членами отрядов вооруженной оппозиции – старались изолировать их друг от друга. Наши ребята не имели никакой возможности контактировать между собой. Условия содержания жутчайшие. Есть и пить практически не давали. «Помолись – вот тебе кружка воды, помолись – вот тебе пол-лепешки». Разговаривать по-русски запрещалось. Боевики пытались обратить наших ребят в ислам, с этого и начиналась вся обработка.

Страшная трагедия с военнопленными произошла в лагере подготовки боевиков Бадабера, расположенном на территории Пакистана. В апреле 1985 года здесь находилась большая группа советских военнопленных. Примерно 12 человек. Примерно, потому что до сих пор точных данных об их количестве нет. И порядка 40 человек было пленных афганцев – солдат афганской армии. Наши военнослужащие там сумели объединиться с афганцами и 26 апреля подняли восстание. Во время вечернего намаза, когда практически все моджахеды были на молитве, восставшие разоружили охрану и завладели оружием. Вырваться никуда они не могли и заняли оборону. Моджахеды пытались уговорить пленных сдаться. В лагере Бадабера готовились боевики из «Исламского общества Афганистана», лидером которого был Бурхануддин Раббани. Ему доложили о восстании и о том, что группа пленных обороняется насмерть. Он лично приехал в лагерь, убедился, что наших не сломить. И дал команду штурмовать. Бой неравный: против полусотни пленных несколько сотен боевиков. Перестрелка была долгой, но взять их так и не смогли. И тогда Раббани приказал расстрелять восставших из тяжелой артиллерии. На территории лагеря находился огромный склад с боеприпасами, во время обстрела в него попал снаряд. Взрыв был мощнейший. Все наши погибли. Но несколько пленных афганцев остались живы. Когда через пару месяцев одному из них удалось бежать и перебраться в Афганистан, стали известны подробности происшедшего. Имен, конечно, он не знал, поскольку всем нашим военнослужащим, попавшим в плен, там сразу меняли имена на исламские. Афганец хоть и описал внешность 12 советских пленных, с которыми находился в Бадабере, но идентифицировать удалось имя только одного солдата.

Утечка информации о восстании в Бадабере появилась уже на следующий день после того, как восстание было подавлено. Пакистанские СМИ стали эту тему раскручивать, выяснять. Раббани созвал пресс-конференцию и сказал, что в лагере Бадабера повздорили две группировки боевиков, между ними произошла перестрелка, в результате которой несколько человек было убито. Ни слова про советских военнопленных. Наши официальные обращения по линии МИДа были оставлены без ответа. До осени 1991 года Пакистан не подтверждал информацию о реальных событиях в Бадабере. Только в сентябре-октябре 1991 года, когда велась работа с самим Раббани (с ним на официальном уровне встречались советские представители), было подтверждено, что там действительно находились советские военнопленные. Раббани назвал шесть фамилий. Имена остальных до сих пор неизвестны. Когда произошел инцидент в Бадабере, Раббани, а вслед за ним и другие руководители исламских партий и организаций отдали приказ всем своим полевым командирам: советских военнослужащих в плен не брать. Что означало немедленный расстрел при захвате. Но в августе 1986 года был перехвачен один из караванов, который шел из Пакистана в Афганистан с оружием для боевиков. Помимо гранатометов, автоматов обнаружили

документы, и среди них указание: советских военнопленных не расстреливать, а обменивать на боевиков. Это уже обнадеживало.

Советские граждане работали в Афганистане и до ввода наших войск. Если наш соотечественник, скажем, выпив водки где-нибудь на базаре и не рассчитав своих сил на жару, падал по дороге, к нему немедленно подходили местные жители, подбирали и доставляли к месту дислокации – городку, где жили советские специалисты. Торжественно вручали соотечественникам, получали за это небольшой бакшиш (подарок), и все было довольно. Конечно, после ввода ограниченного контингента советских войск ситуация резко изменилась и такие отношения стали невозможны. Захватить советского военнослужащего или гражданского специалиста для бандитов очень ценно – от них пытались получить информацию или как минимум обменять на своих. Захваты происходили практически по всей стране, где находились советские «колонии». В 1983 году было принято решение создать при представительстве КГБ специальный отдел, занимающийся обеспечением безопасности советских граждан в Афганистане. Это не значит, что сотрудники этого отдела ходили с автоматами вокруг наших специалистов. Они занимались своей профессиональной деятельностью: добывали информацию о возможных угрозах.

Особая задача – полевые аэродромы. А цивилизованных аэродромов, с охраной, с диспетчерской службой, в Афганистане было очень немного – Джелалабад, Кандагар, Герат, Шиндант, Кабул, вот практически и все. А остальные – взлетно-посадочная площадка в чистом поле, на каком-нибудь пятачке между горами. Как быть? Например, в населенном пункте Мукур за безопасность полосы отвечал командир афганской 7-й пехотной дивизии. Чтобы круглосуточно охранять эту площадку, нужно фактически задействовать всю дивизию, поскольку опасность минирования или засады была постоянной. То есть дивизия, если она охраняла аэродром, уже ничем другим заниматься не могла. Естественно, командиру дивизии приходилось придумывать другие способы защиты. Самое простое – пустить сапера с миноискателем. Но для его работы требуется несколько часов, а информация о прилете самолета поступала максимум за 30–40 минут до его посадки (это тоже делалось в целях безопасности, чтобы в случае утечки информации боевики не успели подготовиться). И вот командир дивизии каждое утро отправлял на взлетно-посадочную площадку тяжелую машину – цистерну с водой. И афганский боец проезжал несколько раз вдоль и поперек, проверяя таким образом, нет ли мин. Риск большой, но командир был хорошим знатоком местной психологии. Он объявил: если боец погибнет, он сразу будет причислен к шахидам, погибшим за веру. А дивизия поможет семье погибшего – возьмет на пожизненное содержание, его зарплата будет выплачиваться семье. И вот каждое утро афганские солдаты бесстрашно садились за руль и объезжали взлетно-посадочную площадку.

Джелалабад – древняя резиденция афганских королей. Когда я в первый раз направлялся в Джелалабад из Кабула, афганцы, с которыми я там успел познакомиться, мне все уши прожужжали: «Такое красивое место, оазис!» Я прилетел, посмотрел – унылый провинциальный городишко. В общем, не приглянулся он мне. Ну, думаю, у них понятия о красоте совсем другие, чем у нас. Пробыв там несколько дней, я поехал дальше, на место назначения – в населенный пункт Чауки провинции Кунар на афганско-пакистанской границе. После двух с лишним месяцев пребывания там мне снова пришлось лететь в Джелалабад. Прилетаю, вижу: действительно оазис, красотища! Как тут хорошо! Где ж были мои глаза?! Все познается в сравнении...

Советские войска начали покидать Афганистан 15 мая 1988 года. Одни из первых частей выходили из Джелалабада, где было достаточно много советских войск: бригада спецназначения и мотострелковая бригада, большой советнический аппарат и т.д. От Джелалабада до пропускного пункта Торхам, открывающего двери на афганско-пакистанской границе, около 100 км. Было ясно, что после вывода советских войск отряды вооруженной оппозиции первый же удар нанесут по Джелалабаду. И уже со второй половины мая начался штурм, продолжавшийся почти два месяца. Хотя оппозиция планировала захватить город за несколько дней, ничего у нее не получилось, город держался. В июле 1988 года в Джелалабад было решено отправить небольшую группу сотрудников представительства КГБ – посмотреть, как там дела. Мы вылетели ночью (днем самолет проще сбить). Моджахеды, за каждый сбитый самолет получавшие крупные суммы в долларах, неплохо знали наши маршруты. Садиться предстояло на полностью затемненном (в целях безопасности) аэродроме. Экипаж Ан-26 состоял из советских пилотов высокой квалификации, но никто из них не знал ни английского, ни дари, на которых говорили авиадиспетчеры Джелалабада. И диалог между нашими летчиками и афганскими диспетчерами пришлось переводить мне... В результате поездки мы пришли к выводу, что город может обороняться и без советских войск, что афганцы и сами могут сражаться, когда не хотят отдавать власть. Отчет отправили в Москву. Вскоре в Кабул прилетел заместитель председателя КГБ СССР Владимир Крючков и решил лично посетить Джелалабад. Вместе с ним забросили ту же группу, что побывала там месяц назад. Губернатором Джелалабада тогда был Азам Вакиль Шинвари – достаточно известный и авторитетный выходец из пуштунского племени шинвари. После революции 1978 года (когда к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана) он со своими соплеменниками, не приняв ее, ушел в оппозицию. Но активной войны с режимом НДПА не вел. А когда в стране была объявлена политика национального примирения, его стали убеждать вернуться и встать во главе провинции Нангархар, столицей которой является Джелалабад. После некоторых колебаний он согласился, но поставил условие, чтоб ему не мешали ни партийные, ни военные власти. Кстати, первое, что Шинвари сделал как губернатор, – ввел

сухой закон. Это было воспринято вполне нормально: Афганистан страна не сильно пьющая. Там балуются различными наркотиками. Слабо действующее наркотическое вещество (его название на дари звучит как «насар», не дающее одурманивающего эффекта, только легкий тонизирующий) входило в норму довольствия солдат афганской армии.

Шинвари стал устанавливать власть, наладил хорошие контакты с командирами воинских частей, дислоцированных вокруг Джелалабада, хорошо знал обстановку, был популярен у населения. И Крючков не случайно хотел встретиться именно с ним, хотя по иерархии – и советской, и афганской – главным номинально считался первый секретарь областного, а в Афганистане провинциального комитета партии.

Шинвари к встрече с высоким советским руководителем (должность Крюčkова не уточнялась) готовился. Август, жара страшная, за сорок, влажность высокая, а он в шерстяном костюме-тройке. Долго разговаривали: губернатор убеждал, что племя шинвари стало полностью лояльным, что оно поддерживает режим Наджибуллы и положительно относится к советским. Шинвари был очень заинтересован в том, чтобы убедить советского гостя в доброжелательности жителей провинции и благоприятности обстановки. Заинтересованность эта была практической – он хотел, чтобы к его племени шла помощь из СССР, которая продолжала поступать в Афганистан. И приходила бы напрямую к губернатору, а не через ЦК НДПА. И вот чтобы убедить Крюčkова окончательно, Шинвари вдруг предложил: «У вас переводчик отлично говорит на дари, внешне похож на афганца. Мы его переоденем в нашу национальную одежду, и я его на три-четыре недели отправлю со своими людьми. Он объедет все наши племена и лично убедится в их лояльности, а потом все вам расскажет». Я все это Крючкову перевожу и думаю, как он прореагирует на это «заманчивое», прямо скажем, предложение. Но Крючков перевел разговор на другую тему, и мой вояж к пуштунским племенам не состоялся.

Как-то по работе я с коллегой поехал к одному афганскому полковнику. Сидим, разговариваем. И видим мы, что что-то его отвлекает от нашего серьезного разговора. И все он как-то стремится заглянуть под стол, все косится себе под ноги. Мы, грешным делом, подумали: может, у него кто-то под столом сидит? В конце концов мой товарищ, который его хорошо знал, не выдержал и спрашивает: «Мы вас ни от чего не отвлекаем? Может, у вас есть какие-то другие важные дела?» Тот говорит: «Да нет, дел важных нет, просто я обновку примеряю». И вот он встает перед нами в полной афганской полковничьей форме и... в галошах на босу ногу! Он минут десять перед нами ходил, демонстрировал их и был несказанно рад, что по случаю смог обзавестись такой удобной обувью – зимой не промокает, легкая, мягкая, компактная. Опять же красиво – блестит. Если хочешь завоевать расположение афганца, подари ему галоши. Восток, как известно, дело тонкое, подтверждение чему еще один случай.

Обязанностью каждого советского представителя в Афганистане было оказывать выгодное для нас политическое влияние на местное население. То есть проводить идеологическую работу. А как? Собрать афганцев, прочитать лекцию о вреде империализма? Или беседу провести о преимуществах социализма? Словом, проблема... Но однажды я эту задачу выполнил – такое влияние оказал, что сам удивился.

Как-то летом, был июль 1987 года, заехал ко мне мой знакомый афганец – представитель тамошних спецслужб. Нужно было поговорить. Ну пообщались мы с ним минут сорок, чувствую, он торопится. Говорю: «Ты чего, мы ж только по две чашки чаю выпили, так не принято, нужно еще по третьей. Куда спешишь?» Он смущенно: «У меня в машине жена с детьми». Я прямо опешил – жара к пятидесяти градусам, а в раскаленном «уазике» на солнцепеке женщина с детьми. Предлагаю: «Приведи ты ее в дом, пусть хоть чаю с детьми попьет. Я и смотреть не буду, из комнаты даже не выйду. Зайдет на кухню, сам ей чаю нальешь. Пусть она с детьми отдохнет, может, ей уже плохо там в этом пекле». Он мне объясняет, что жена из горного племени, что в дом к чужому мужчине ни за что не войдет. Но после небольших препирательств все-таки привел жену с детьми – лет четырех и грудным. Чаю попили с конфетами и сгущенкой. Они передохнули, дети с собой сладостей набрали. Через несколько дней встречаемся, он мне рассказывает: «Домой приехали, а жена мне – вот говорят, советские плохие, пришли нас оккупировать. А на самом деле – в дом пригласили, чаем напоили, конфет детям дали. Теперь вижу, советские – наши друзья». Я тогда подумал: вот она где идеологическая обработка местного населения – чай, конфеты, сгущенка!

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В АФГАНСКОЙ АРМИИ

*Статья в «Военно-историческом журнале»
2006 г. № 10*

Нестабильность в мире в последние годы XX и в начале XXI века связана уже не с противостоянием двух различных социально-политических систем и порожденных ими военных блоков, а в определенной мере с исламским фактором, ибо одно из направлений мусульманства – ваххабизм стал питательной средой для мирового терроризма. Все это заставляет нас сегодня очень серьезно относиться к роли ислама в мировой политике, непременно учитывая влияние данного религиозного фактора, прежде всего священнослужителей, на личный состав как государственных силовых структур, так и незаконных вооруженных формирований. В этом отношении весьма ценен опыт ДРА, революционное правительство которой, видимо, по примеру своего северного соседа начало ничем не обоснованную борьбу с религией. Это явилось большой политической ошибкой, которая впоследствии была осознана, но на ее исправление времени уже не хватило. Чтобы лучше понять роль ислама в жизни Афганистана, отметим, что эта религия имеет здесь глубокие корни, оказывая значительное влияние на население. В то же время ислам – не только религия, но и образ жизни, и кодекс чести и достоинства мусульман.

Благодаря деятельности многочисленных священнослужителей и культовых учреждений ислам в Афганистане сохранил за собой большие духовные и материальные возможности. Так, в начале 1980-х гг. в на 60 человек населения Афганистана приходилось по одному мулле (для сравнения, один врач – на 10 тысяч человек). До апрельского военного переворота 1978 г. в Афганистане было около 300 тысяч служителей культа, которые вели активную проповедническую деятельность в 45 тысячах соборных мечетей и в исламских учебных заведениях всех ступеней¹. Афганских священнослужителей (суннитов) можно разделить на три основные группы²: высшее духовенство, к которому относятся сеиды (считающиеся потомками пророка Мухаммада), шейхи, хазраты и пиры, т.е. главы сект, дервишских орденов, общин, ученые богословы; среднее

духовенство, представляющее наиболее многочисленную группу, в которую входят имамы (настоятели мечетей), руководители мусульманских учебных заведений, моулави (лица, получившие специальное богословское образование), муллы крупных мечетей; низшие слои – духовные лица, деятельность которых связана с выполнением отдельных религиозных функций: кари, хатибы (чтецы Корана), муэдзины (лица, призывающие мусульман к молитве) и другие. Высшее духовенство (как правило, выходцы из феодальной и племенной знати, крупных торговцев) имеет большую духовную власть, непрекращаемый авторитет и многочисленных последователей. Верхушка афганского духовенства получала высшее мусульманское образование, как правило, в Египте, Пакистане, Турции. Среднее и низшее духовенство – в большинстве своем представители средних слоев общества (мелкой буржуазии, торговцев, ремесленников, кустарей и крестьянства).

Казалось бы, учитывая материальные возможности, а также влияние мусульманского духовенства на население, новой власти следовало бы шире использовать его в своих политических целях, но этого не произошло. В результате в начале 1980-х гг. только 10% служителей культа из среднего и низшего духовенства были настроены к новой власти лояльно и призывали верующих поддерживать правящий режим. Большая часть оппозиционно настроенного высшего духовенства выехала в Пакистан и Иран. Другая часть, оставаясь в стране и пользуясь авторитетом среди верующих масс, перешла на сторону оппозиции. Что касается среднего духовенства, то его определенная часть осуждала деятельность афганской оппозиции и одобряла в целом правительственный курс, но, опасаясь расправы со стороны моджахедов, занимала выжидательную позицию, временно даже прекратив религиозную деятельность.

Надо напомнить, что установление в Афганистане республиканского строя после государственного переворота, произошедшего в июле 1973 г., не решило стоявших перед страной проблем, в результате чего развернулась острая борьба за выбор пути ее дальнейшего развития. Феодально-буржуазные круги, на которые опирался президент М. Дауд, предпочитали капиталистический путь развития, радикально настроенные военные и интеллигенция склонялись к другой социально-экономической модели, а представители высшего духовенства ратовали за создание исламского государства. Недовольные политикой М. Дауда исламские фундаменталисты подталкивали массы к вооруженному сопротивлению, которое подавлялось правительственными войсками. В апреле 1978 г. силами армии был вновь совершен государственный переворот, к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) во главе с Н. Тараки, и страна была объявлена Демократической Республикой Афганистан (ДРА). Хотя программа НДПА носила позитивный характер, излишний радикализм, игнорирование многовековых традиций и роли ислама вновь вызвали сопротивление населения.

Часть просчетов и ошибок афганского правительства объяснялась и тем обстоятельством, что некоторые сотрудники Управления по делам ислама оказались связанными с оппозицией. Подавляющее большинство партий и отрядов вооруженной оппозиции, действовавших против правительства ДРА, в качестве политической идеологии широко использовали основные положения исламского вероучения как эффективного средства объединения масс верующих в целях свержения режима НДПА. Основным лозунгом антиправительственной пропаганды являлась защита ислама. Вооруженной борьбой с правительством руководили организации, имевшие в своих наименованиях слово «исламские»³. Более 1300 религиозных деятелей или занимали руководящее положение в антиправительственных силах, или исполняли обязанности судей, а также возглавляли различные исламские комитеты, нацеленные на то, чтобы подменить на местах органы государственной власти, организовывать вооруженную борьбу, диверсионно-террористическую деятельность, вели призыв молодежи в бандгруппы. Кроме того, они занимались также сбором налогов, осуществляли судебные и иные властные функции.

После мятежа в Герате в марте 1979 г. антиправительственные выступления переросли в гражданскую войну. Оппозиционеры активизировали свою пропагандистскую деятельность, используя лозунг джихада. Издавались книги, в которых излагались особенности исполнения мусульманами исламских установлений и предписаний, давалось толкование религиозно-правовых норм в условиях ведения джихада⁴.

Если в первые годы после свершения военного переворота новый правящий режим ДРА, возглавляемый представителями Народно-демократической партии Афганистана, должного внимания работе с мусульманским духовенством не уделял, считая, что оно утратило свои исключительные позиции области влияния на массы⁵, то теперь власть в ДРА хотела бы видеть в духовенстве своего союзника. В этих целях была провозглашена свобода религиозной деятельности для всех религиозных учреждений, священнослужителей и верующих, а в июне 1980 г. проведена конференция улемов⁶, принявшая решение о преобразовании Совета улемов (основан в 1930 г.) в Высший совет улемов, который должен был регулировать деятельность суннитского духовенства в масштабе всей страны. Координацией деятельности мусульманских служителей культа, их материальным и финансовым обеспечением стало заниматься Главное управление по делам ислама при Совете министров ДРА (создано в конце 1980 г.).

Важным шагом на пути нормализации обстановки и привлечения на сторону власти мусульманского духовенства стало создание Министерства по делам ислама и вакуфов Афганистана⁷. В 1984 г. состоялся созыв Джирги улемов и священнослужителей. Революционный совет (Ревсовет) ДРА принял ряд законов, оказавших положительное влияние на развитие ситуации. Государство объявило о своем уважении и защите

ислама, охране культовых учреждений. Религиозные деятели и верующие с одобрением восприняли декларацию Ревсовета, открывшую возможность для более широкого участия религиозных авторитетов в деятельности государства и поддержали мероприятия правительства, направленные на улучшение условий жизни священнослужителей, финансирование паломничества в Мекку, строительство и ремонт мечетей. Однако мероприятия, проводимые афганским правительством, были не только недостаточными, но и запоздавшими⁸.

По оценкам функционеров НДПА, правительство поддерживало около 87 500 служителей культа. Однако только 11 500 священнослужителей находились на частичном государственном обеспечении, что составляло 3,5% их общего числа. В среднем размеры ежемесячных выплат муллам составляли от 500 до 2900 афгани⁹. Такие выплаты были недостаточны для поддержания нормального существования. В то же время исламские комитеты на контролируемой ими территории выплачивали духовникам ежемесячное содержание, превышающее правительственное в три раза.

Влияние мусульманских богословов и служителей культа на население Афганистана по-прежнему было велико. Особенно значительна была их роль в сельской местности, где мулла не только служил в мечети, отправлял религиозные обряды, связанные с рождением, смертью, мусульманскими праздниками и т.п., но часто являлся учителем, духовным наставником и судьей. Его мнение было определяющим при решении многих важных вопросов, касающихся не только религии, но и других сторон жизни населения. Так как до 84% афганцев проживало в сельской местности, а правительство ДРА не контролировало более половины кишлаков, это не позволяло оказывать нужное влияние на мусульманское духовенство на местах. Афганское правительство было не в состоянии обеспечить безопасность религиозных авторитетов, поддерживавших власть.

Исламский фактор оказывал отрицательное влияние и на международное положение Афганистана. Большинство исламских стран прервало дипломатические отношения с правительством Афганистана. Отношения с Саудовской Аравией и Египтом были прекращены по инициативе афганской стороны еще при режиме Х. Амина. В результате страна оказалась в определенной международной изоляции, что сужало возможности для ослабления накала пропагандистских обвинений в попрании религии, использования международной помощи и подрывало авторитет правительства. В этой ситуации исламские комитеты вооруженной афганской оппозиции, наоборот, настойчиво добивались своего представительства в Организации Исламская конференция, рассматривая это как первый шаг на пути их международного признания.

Учитывая, что подавляющее большинство военнослужащих афганской армии были приверженцами ислама, в частях и соединениях действовали представители мусульманского духовенства. В управлении специальной

пропаганды Главного политического управления Министерства обороны Афганистана для координации работы священнослужителей был создан религиозный отдел.

Но, несмотря на эти меры, религиозные отношения в афганской армии развивались достаточно сложно. По своему положению священнослужители в афганской армии подразделялись на штатных и внештатных мулл. В середине 1980-х гг. в афганской армии¹⁰ по штату имелось 95 должностей войсковых мулл (фактическая укомплектованность составляла менее половины – 47). Общее руководство их деятельностью осуществлял главный мулла афганской армии. Должности штатных мулл были введены в армейских корпусах, дивизиях, бригадах. Штатные муллы были на правах служащих афганской армии и получали ежемесячное денежное содержание¹¹. Кроме того, в афганской армии разрешалось иметь 257 внештатных мулл (фактически в середине 1980-х гг. – 210). Внештатные муллы назначались в полках и батальонах из числа военнослужащих, проходивших службу по призыву и имевших определенную религиозную подготовку. Они занимали одну из воинских должностей, но полностью освобождались от соответствующих обязанностей, занимаясь только вопросами религиозной деятельности и получая при этом денежное содержание по занимаемой должности. Права и обязанности войсковых священнослужителей определялись «Положением о муллах в Вооруженных силах ДРА». Основные задачи, которые должны были решать войсковые муллы согласно этому документу, заключались в организации и проведении религиозных обрядов в соединениях, частях и подразделениях армии, пропаганде ислама среди военнослужащих в соответствии с целями и задачами НДПА и правительства ДРА. Они также должны были вести религиозное освещение политических и контрпропагандистских мероприятий, участвовать в воспитании военнослужащих, направленном на предотвращение дезертирства, повышение боеготовности, бороться с употреблением спиртных напитков. Этот пункт был включен в документ наверняка с подачи советских военных советников, ибо среди афганских военнослужащих употребление спиртных напитков – явление достаточно редкое, скорее, они более привержены к употреблению легких наркотиков. Муллы должны были организовывать проведение в воинских подразделениях и частях ежедневного пятикратного намаза, пятничного намаза, а также исполнение обрядов во время религиозных праздников, священного месяца Рамазан, на похоронах и т.д.

Несмотря на требования этого документа, роль мулл в правительственной афганской армии осталась незначительной, а их влияние – малоэффективным. Командиры воинских частей и подразделений слабо использовали возможности войсковых мулл в воспитательной работе с личным составом. К тому же многие офицеры не соблюдали религиозных обрядов, не совершали намаз, в религиозные праздники не посещали мечеть, что отрицательно влияло на верующих, проходивших службу по призыву, и вызывало

недовольство мулл, которые в результате этого не желали вести пропаганду в интересах НДПА и правительства ДРА. Некоторые святые места, мечети в расположении воинских частей находились в запущенном состоянии. Меры по их благоустройству не принимались. В отдельных случаях помещения мечетей использовались под склады военного имущества и боеприпасов, для других хозяйственных нужд. Привлечение мулл для подготовки военнослужащих к боевым операциям и поднятия их боевого духа носило чаще всего показательный характер. В то же время в формированиях моджахедов муллы перед боем проводили моления и читали проповеди, вдохновляя их на борьбу за веру и самопожертвование. Периодически проводившиеся правительством кампании по активизации деятельности войсковых мулл успеха не приносили. Командиры частей и соединений выполняли намеченные планом мероприятия формально, поэтому все оставалось на своих местах. В таких условиях войсковые священнослужители в афганских правительственных вооруженных силах практически не смогли решить большинство стоявших перед ними задач, и их роль в воспитании военнослужащих осталась незначительной.

Таким образом, пренебрежение к религиозным и национальным чувствам, которое наблюдалось со стороны афганского руководства в первые годы после вооруженного переворота апреля 1978 г., негативно сказалось не только на отношении к службе в армии афганских военнослужащих, но и на отношении огромного большинства населения страны к преобразованиям правительства. Мусульманское население не поняло и не приняло те социальные преобразования, которые проходили в Афганистане, и не хотело с оружием в руках защищать новый режим. Отсюда нежелание молодежи служить в армии; будучи же призванными насильно, юноши пополняли огромное число дезертиров. Итог известен.

После прекращения советской военной помощи правящий режим пал, и в апреле 1992 г. к власти в стране пришли оппозиционные партии. Было провозглашено Исламское Государство Афганистан (ИГА). Конфликт же, как известно, на этом не завершился.

¹ Ислам в Афганистане проповедуют примерно 95% населения. При этом около 85% верующих – сунниты, остальные – шииты. Ислам суннитского толка исповедуют пуштуны, узбеки, таджики, чар-аймаки, туркмены, белуджи, киргизы, нуристанцы; шиитами являются хазарейцы, горные таджики, персы, кизилбаши. Общины шиитов имеются главным образом в Кабуле, Герате, Газни, Хазараджате. Последователи одной из шиитских сект – исмаилиты живут на северо-западе страны, в г. Бадахшане.

² Афганистан: борьба и созидание / Сост. О.Г. Чернавин. – М.: Воениздат, 1984. – С. 18; Демократическая Республика Афганистан. Справочник. – М.: Главная ред. восточной литературы издательства «Наука», 1981. – С. 23.

³ Исламская партия Афганистана (ИПА), Исламское общество Афганистана (ИОА), Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) и т.п

⁴ Одна из них: *Моулави Голь Рах- ман Дивбанди* «Дары моджахеди- нов. Муфтин в борьбе». Перевод с пушту на фарси осуществил Моулави Сейед Мухаммед Сорх- руди (место и год издания не указаны). В книге излагаются вопросы особенностей исполнения мусульманами исламских установлений и предписаний и толкования религиозно-правовых норм в условия ведения джихада. Джихад (араб., старание, усердие, рвение) – борьба за веру, отдача всех сил ради распространения и торжества ислама; одна из главных обязанностей мусульманской общины. Среди немусульман джихад обычно понимается только как вооруженная борьба с иноверцами (которую многие мусульманские народы называют «газават») и неточно передается выражением «священная война». В 80 – начале 90-х гг. XX в. в Афганистане под лозунгом джихада исламские партии страны вели войну против республиканского правительства, а после его падения – и между собой. Джихад является дополнительным стимулом активности моджахеда (война, ведущего джихад), поскольку он проповедует усердие, рвение, доведенные до самопожертвования. В случае своей гибели моджахед становится шахидом (святым, мучеником, павшим за веру) и согласно исламским канонам сразу попадает в рай.

⁵ Афганистан: борьба и созидание... – С. 18.

⁶ Улемы – сословие мусульманских богословов и законоведов. На практике улемами называют все категории мусульманских духовных наставников, тех, кто совершил паломничество в Мекку, а также образованных, уважаемых мусульман. Джирга (съезд) улемов имел большое значение.

⁷ Вакуф – в мусульманских странах движимое и недвижимое имущество, предоставленное государством или отдельным лицом в виде дара, в том числе по завещанию, на религиозные или благотворительные цели. Вакуф составляет экономическую основу влияния мусульманского духовенства.

⁸ Так, государство поддерживало деятельность 10 медресе, 10 домов «хранителей Корана», 134 шиитских молевных домов и 2 тысячи 474 мечетей из 15 тысяч, имевшихся в стране.

⁹ От 10 до 60 долларов США.

¹⁰ В середине 1980-х гг. в структуру афганской армии входили сухопутные войска (четыре армейских корпуса), ВВС и ПВО, пограничные и территориальные войска, формирования гражданской обороны, специальные войска и военные учебные заведения общей численностью около 165 тысяч человек.

¹¹ Например, главный мулла афганской армии получал зарплату 10 тысяч 300 афгани, мулла армейского корпуса – 6 тысяч 800 афгани, мулла дивизии (бригады) – 5 тысяч 800 афгани.

ФЕНОМЕН ДЖЕЛАЛАБАДА НИКОМУ НЕ ПОНАДОБИЛСЯ. А ЖАЛЬ

*Статья в газете «Родная газета»
20 февраля 2004 г. № 7 (42)*

Как известно, 25 декабря 1979 г. советские войска вошли в Афганистан и 15 февраля 1989 г. покинули его пределы. Афганская эпопея – одна из болезненных страниц отечественной истории. Многие считают ввод войск ошибкой, сыгравшей роковую роль в судьбе СССР. Другие утверждают, что это вынужденный шаг советского руководства, увязшего в «холодной войне». Они уверены, что жертвы были не напрасны и, даже уйдя из Афганистана, мы могли использовать своих союзников для защиты наших интересов. Скептики утверждали, что по мере вывода «ограниченного контингента» местные власти разбегутся, а на их место придут представители непримиримой оппозиции. В мае 1988 г. наши войска оставили Джелалабад – бывшую зимнюю резиденцию королей, и 1-й армейский корпус под командованием генерала Асера Делавара остался один... Джелалабад имел стратегическое значение, от него до пропускного пункта Торхам, открывающего двери на афгано-пакистанской границе, около 100 км. Здесь находились крупная гидроэлектростанция, огромный ирригационный комплекс, современный аэропорт. За город разгорелись ожесточенные бои. Прошло почти два месяца, как ушли наши войска, но Джелалабад продолжал оставаться в руках правительственных сил. Скептики были посрамлены. Чтобы выяснить «феномен стойкости Джелалабада», руководство СССР решило направить в город военных специалистов, которые должны были, как говорится, своими глазами посмотреть, что же там происходит. Полеты в тех условиях – очень опасная затея. Моджахеды, во-первых, хорошо знали наши маршруты, а во-вторых, за каждый сбитый самолет они получали большие суммы в долларах. А потому каждый полет представлял собой весьма непростое испытание. Мы вылетели ночью. Самолет, набрав необходимую высоту, взял курс на юго-восток. Экипаж Ан-26 состоял из советских пилотов высокой квалификации, однако никто из них не умел объясняться ни на английском, ни на персидском языках, на которых говорили авиадиспетчеры Джелалабада. Посадка самолета должна была произойти на затемненном (в целях безопасности) аэродроме.

Чтобы помочь авиаторам справиться с этой сложнейшей задачей, мне пришлось выступить в роли переводчика. Огни на взлетно-посадочной полосе зажглись всего за полминуты до посадки и почти сразу после касания самолетом земли были погашены... В течение четырёх суток мы находились в Джелалабаде. За это время детально ознакомились с обстановкой в городе. Побеседовали с губернатором, секретарем провинциального комитета НДПА, посетили 1-й армейский корпус, пограничную бригаду, подразделения милиции – царандоя, батальоны МГБ. Нигде не наблюдалось нервозности, тревоги, неуверенности. Чувствовалось, афганцы приобрели опыт самостоятельных боевых действий и поверили в свои силы. Единственная жалоба состояла в том, что им не хватает боеприпасов. Моджахеды через пакистанскую границу получают неограниченное количество реактивных снарядов, гранат и в бою их не жалеют. Правительственные же войска вынуждены постоянно подсчитывать, уложатся ли они в норму, которая неизвестно где и кем установлена. По результатам поездки был направлен в Москву подробный отчет. Прошло около месяца, осажденный город продолжал стоять, поражая умы аналитиков как Советской армии, так и заграничных спецслужб.

В августе 1988 г. в Кабул прилетел Владимир Крючков (в тот период начальник 1-го Главного управления КГБ СССР). Он также решил побывать в Джелалабаде. Вечером 9 августа советско-афганская делегация, которую возглавили Крючков и министр госбезопасности Афганистана Якуби, выехала на аэродром. Полет проходил по уже описанной схеме. Приземлившись, быстро выгружаемся, и самолет сразу же берет курс на Кабул. Несмотря на позднее время, начинается церемония встречи высоких гостей из Москвы и Кабула. «Неожиданно» выясняется, что в группе нет профессионального переводчика и его роль предстоит исполнять мне – «старожилу» Афганистана, недавно посещавшему Джелалабад. Как это часто бывает, о том, что мне предстоит выступать в роли переводчика, знали все, кроме меня. Хорошо, что ночные беседы были короткими. Первая встреча — с начальником управления госбезопасности, который рассказал об обстановке в регионе. Хотя она продолжалась менее часа, мне показалась в несколько раз дольше. Во время перерыва подошел к Леониду Шебаршину: «Как справляюсь с переводом?» Леонид Владимирович, владеющий персидским языком, подбодрил меня, и дальше всё пошло как по накатанной дороге. Менялись места встреч, собеседники, оставалась постоянной только одна тема: как живет Джелалабад?

Вывод был таков: правительственные силы сумели организовать в регионе отпор оппозиции. Под их контролем находились все стратегически важные позиции. Однако сердцевиной «феномена стойкости Джелалабада», как мы это поняли, являлась военная и экономическая помощь, которую оказывала наша страна. Из этого следовало, что если прекратится военное и экономическое сотрудничество с народным режимом, то Афганистан превратится в кровавое месиво, в котором будут гибнуть ни в чем не повинные люди. Увы, как оказалось впоследствии, наши выводы были никому не нужны.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ЖЕНЕВСКИМ СОГЛАШЕНИЯМ ПО АФГАНИСТАНУ

*Статья в газете «Время новостей»
14 апреля 2008 г. № 63*

14 апреля 1988 г. были подписаны Женевские соглашения по Афганистану. С апреля 1978 г. процесс прогрессивных преобразований в Афганистане развивался в неблагоприятных внешнеполитических условиях. Наиболее остро складывались отношения с Пакистаном. В военных кругах Исламабада в этот период изучалась возможность прямого вооруженного вмешательства с целью свержения правительства Нур Мохаммада Тараки. Пакистанские лидеры в конце 1978 – начале 1979 гг. пытались консолидировать контрреволюционные силы. Лагерь беженцев на территории Пакистана активно использовались в качестве баз подготовки и снабжения боевых формирований оппозиции. Начались поставки вооружения для мятежников. Американские спецслужбы начали работу с афганской оппозицией в Пакистане. Революция, произошедшая в ДРА, стала для СССР в некоторой степени неожиданной. Тем не менее, Советский Союз признал новый режим и стал оказывать военную и техническую помощь правительству Нур Мохаммада Тараки, а впоследствии Хафизуллы Амина, свергнувшего своего предшественника в результате внутренней партийной борьбы. В Советском Союзе быстро разочаровались в Хафизулле Амине. Заявляя о готовности укреплять дружбу с СССР, премьер-министр фактически поощрял антисоветские настроения. Афганистан превратился в опасный очаг напряженности. СССР требовалось сделать выбор: или обстановка в ДРА перерастет в широкомасштабный кризис, грозящий непредсказуемыми последствиями, или в Афганистане придут к власти прогрессивные силы, способные покончить с произволом в стране. Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, А.А. Громыко и Д.Ф. Устинов обосновывали решение о вводе советских войск в ДРА стратегическими интересами СССР, следовало обеспечить защиту южных границ, сохранить дружественный Советскому Союзу Афганистан, перекрыть каналы поступления наркотиков. Учитывая эти причины и многократные обращения афганского руководства, 12 декабря 1979 г. решение было принято.

25 декабря советские войска начали переход государственной границы. 27 декабря подразделения специального назначения КГБ и ГРУ захватили дворец Хафизуллы Амина, который при штурме был убит. К власти пришло новое правительство во главе с новым генеральным секретарем ЦК НДПА Бабраком Кармалем. Ввод советских войск в Афганистан вызвал негативную реакцию мирового сообщества и нанес огромный урон СССР, как внутри страны, так и на международной арене. На Генеральной Ассамблее ООН действия Советского Союза в Афганистане осудили 108 государств. Начиная с 1980 г., представители международных организаций и отдельные политики выдвигали проекты по нормализации обстановки в Афганистане и политическому урегулированию ситуации вокруг него.

Для решения афганского вопроса Организация Исламская конференция (ОИК) настаивала на замене советских войск войсками объединенных исламских сил по поддержанию порядка. В середине марта 1980 г. министр иностранных дел Италии А. Руффини предложил провести советско-итальянские консультации по вопросам, связанным с политическим урегулированием ситуации вокруг Афганистана. Президент Франции В. Жискард д'Эстен предлагал расширить афганское правительство за счет представителей, не входящих в НДПА, созвать международную конференцию с участием членов Совета безопасности ООН и ОИК, представителей Индии, Ирана и Пакистана, вывести советские войска из Афганистана, прекратить поставки оружия, предоставить стране право выбора дальнейшего пути развития. Министр иностранных дел Англии лорд Каррингтон высказывал предложения вывести советские войска, провести переговоры между заинтересованными сторонами, придать Афганистану статус «нейтрального» государства, отказаться от вмешательства во внутренние дела Афганистана. Европейское экономическое сообщество предлагало провести международную конференцию с участием Генерального секретаря ООН, членов Совета безопасности ООН и ОИК и обсудить на ней вопросы о прекращении вмешательства во внутренние дела Афганистана и выводе иностранных войск. Затем с представителем афганского народа следовало обсудить план внутреннего урегулирования в стране и гарантии Афганистану как независимому государству.

14 мая 1980 г. от правительства ДРА поступило предложение провести двусторонние переговоры с Ираном и двусторонние переговоры с Пакистаном. Требовалось обсудить возвращение афганских беженцев, прекращение вооруженного вмешательства во внутренние дела ДРА. 24 августа 1981 г. правительство ДРА, опубликовав официальное заявление «О политическом урегулировании», вновь предложило провести двусторонние переговоры с Ираном и Пакистаном или трехсторонние переговоры между Афганистаном, Ираном и Пакистаном, при участии специального представителя ООН. Предложения правительства ДРА не были приняты ни Ираном, ни Пакистаном. Иран не хотел вступать в переговоры, не признавал правительство

Бабрака Кармаля, требовал вывести иностранные войска из Афганистана, предлагал создать свободное исламское государство и направить в страну международную комиссию по расследованию фактов вмешательства извне.

С начала 1982 г. Генеральным секретарем ООН был избран Перес де Куэльяр. Диего Кордовес, назначенный его личным представителем по вопросам организации контактов между Афганистаном и Пакистаном, приступил к согласованию начала переговоров. Первый раунд афганско-пакистанских переговоров прошел в июне 1982 г. в Женеве. Афганскую делегацию возглавлял министр иностранных дел ДРА Шах Мохаммад Дост, пакистанскую – министр иностранных дел Пакистана Якуб Хан. Главы афганской и пакистанской делегаций не только не сидели за столом переговоров, но и не встречались друг с другом. Переговоры велись через Д. Кордовеса. В первом раунде удалось сформулировать вопросы политического урегулирования: вывод советских войск из Афганистана, выработка международных гарантий и обязательств о невмешательстве во внутренние дела Афганистана и Пакистана, возвращение беженцев. Переговоры стали регулярными благодаря настойчивости и «челночной» дипломатии Д. Кордовеса, постоянно курсировавшего между Женевой, Кабулом, Исламабадом, Москвой и Нью-Йорком. В начале 1983 г. Д. Кордовес приступил к составлению первого проекта соглашений. В нем оговаривались международные гарантии прекращения вмешательства, репатриация афганских беженцев, вывод иностранных войск, взаимные обязательства сторон. Пакистан настаивал на утверждении временных рамок вывода советских войск как одним из основных условий урегулирования. Ю.В. Андропов принял активное участие в процессе Женевских переговоров. 28 марта 1983 г. в беседе с Перес де Куэльяром он указал мотивы мирного решения афганской проблемы. Пребывание советских войск в Афганистане обостряло не только международную обстановку, но и ситуацию внутри СССР.

Второй раунд афганско-пакистанских переговоров проходил в марте и июне 1983 г., третий раунд – в сентябре 1984 г., четвертый, пятый и шестой – в июне, августе и декабре 1985 г. Шах Мохаммад Дост по пути в Женеву и обратно обязательно посещал Москву и согласовывал свою позицию с МИД СССР. В Советском Союзе внимательно следили за ходом переговоров, рассматривали возможные варианты развития событий, вырабатывали тактику диалога. Для решения вопросов, связанных с Афганистаном, привлекались лучшие специалисты из ЦК КПСС, МИД, КГБ, Минобороны. Пакистан, координируя свои действия с США, требовал как можно скорее вывести советские войска из Афганистана, возвратить беженцев на родину, пытался получить гарантии дальнейшего невмешательства. К концу 1986 г. удалось согласовать проекты трех документов: декларации о международных гарантиях невмешательства и соглашений о невмешательстве и о возвращении беженцев. Обсуждение четвертого документа, в котором решался вопрос о советских войсках, даже не начиналось.

Война в Афганистане стоила СССР значительных политических и экономических издержек, привела к осложнению международного положения. Пребывание крупной группировки войск в Афганистане ложилось тяжким бременем на экономику СССР. В 1985 г. численность группировки была наибольшей и составляла 108 тыс. 700 человек, в том числе в боевых частях – 73 тыс. 600 человек. Гибель советских военнослужащих в Афганистане вызывала в обществе острое недовольство. Требовались радикальные решения по выводу советских войск. К началу 1986 г. новое советское руководство во главе с М.С. Горбачевым признало войну в Афганистане бесперспективной и безнадежной. Требовалось сокращать военное присутствие в ДРА и искать пути примирения всех противоборствующих сторон. О новых подходах к афганской проблеме было сообщено Д. Кордовесу 10–11 февраля 1986 г. в Москве. 25 февраля 1986 г. на XXVII съезде КПСС М.С. Горбачев, осудил происки империализма, развязавшего войну против ДРА, и заявил, что советские войска можно вывести в ближайшем будущем, но лишь при условии, что вооруженное вмешательство во внутренние дела ДРА прекратится и не возобновится. На Пленуме ЦК НДПА, состоявшемся в Кабуле 27 марта 1986 г., позиция «старшего партийного брата» была одобрена. Однако военная и политическая обстановка в Афганистане не улучшалась. Бабрак Кармаль не учитывал изменений, происходивших в мире и в самом Афганистане. В НДПА продолжалась фракционная борьба и интриги. Действия Бабрака Кармаля не соответствовали концепции нового советского мышления.

27 апреля 1986 г. Политбюро ЦК КПСС решило, что Бабрак Кармаль не может реализовать политику национального примирения, и его необходимо заменить более молодым и энергичным лидером. Для того чтобы убедить Бабрака Кармаля добровольно уйти в отставку, в Кабул был направлен В.А. Крючков. 4 мая 1986 г. состоялся XVIII Пленум ЦК НДПА, на котором были разделены высшие партийные и государственные посты. Бабрака Кармаля, якобы по состоянию здоровья, освободили от обязанностей генерального секретаря ЦК НДПА. Новым генеральным секретарем ЦК НДПА был избран Наджибулла, с 1980 по 1986 гг. руководивший афганскими органами государственной безопасности. С его приходом во власть внутренняя и внешняя политика Афганистана постепенно стала меняться, предпринимались реальные шаги к национальному примирению.

Седьмой раунд переговоров проходил в четыре этапа: первый – в мае 1986 г., второй – в июле–августе 1986 г., третий – в феврале–марте 1987 г., четвертый – сентябре 1987 г. На первом этапе пакистанская делегация стремилась обойти предложенные афганской стороной формулировки, которые согласовывали прекращение вмешательства и начало вывода войск и устанавливали его этапность, что позволяло возобновлению вмешательства вновь поднять вопрос о его прекращении. На втором этапе возникли разногласия по поводу сроков вывода советских войск. Пакистанская делегация настаивала на сроке

в четыре месяца. Афганская сторона, по согласованию с СССР, называла срок в три года. Все это надолго приостановило переговоры. Для их возобновления в октябре 1986 г. шесть полков из состава советских войск были выведены из Афганистана. Для устранения разногласий по срокам вывода советских войск, заключения Женевских соглашений и достижения политического урегулирования 13 ноября 1986 г. ЦК КПСС постановил образовать комиссию Политбюро по Афганистану из числа руководителей МИД, КГБ, Минобороны, других заинтересованных ведомств. В середине декабря 1986 г. в Москве М.С. Горбачев и Наджибулла договорились, что вывод советских войск пройдет в ближайшие два года.

На третьем этапе седьмого раунда переговоров афганскую делегацию представлял новый министр иностранных дел ДРА Абдул Вакиль. По согласованию с СССР, он назвал новые сроки вывода советских войск: 22 месяца (два этапа по 11 месяцев, на каждом из них выводится половина советских войск). Пакистанская делегация ответила отказом, поставив под угрозу переговоры. Абдул Вакиль предложил сроки вывода советских войск в 18 месяцев (за 12 месяцев будет выведено 50% войск и 50% – в оставшиеся 6 месяцев). Однако пакистанская делегация не согласилась и на этот вариант, в результате переговоры были прерваны. США и Пакистан продолжали настаивать на том, что советские войска требуется вывести в более короткие сроки, а афганский народ сам определит свое будущее. В конце июля 1987 г. в Москве М.С. Горбачев и Наджибулла вновь обсуждали сроки вывода советских войск.

На четвертом этапе седьмого раунда Абдул Вакиль подчеркнул, что необходимо прекратить вмешательство в афганские дела и обеспечить международные гарантии данному решению. Пакистанская сторона отказалась обсуждать эти вопросы, и афганская делегация прервала переговоры. В начале января 1988 г. в Кабул прибыли Э.А. Шеварднадзе и В.А. Крючков, они убеждали Наджибуллу в том, необходимо возобновить переговоры в Женеве, а сроки вывода советских войск можно сократить до 10 месяцев. В конце января 1988 г. в Кабуле побывал Д. Кордовес.

После личной встречи М.С. Горбачева с Наджибуллой в феврале 1988 г., были опубликованы советское, афганское и совместное заявления по Афганистану. В них указывалась дата начала вывода советских войск – 15 мая 1988 г. Предусматривалось, что соглашения будут подписаны не позднее 15 марта и вступят в силу через два месяца. Переговоры в Женеве возобновились 2 марта 1988 г. Однако для их завершения существовали явные и скрытые препятствия. Некоторые афганские руководители оказались не готовы к выводу советских войск. Абдул Вакиль затягивал переговоры, отказываясь согласовывать готовые тексты документов, не шел на компромисс с пакистанской стороной, вносил на обсуждение новые, порой не приемлемые предложения. Пакистанская сторона выдвигала надуманные обвинения и не шла на компромисс. В результате были найдены убедительные

доводы отказаться от подписания соглашений и прервать переговоры. Чтобы не допустить срыва переговоров, в Ташкенте 7 апреля 1988 г. М.С. Горбачев встретился с Наджибуллой. Они призвали другие государства содействовать установлению мира и уважать Женевские соглашения, подтвердив, что в случае подписания соглашений в кратчайший срок, советские войска будут выведены в течение девяти месяцев, начиная с 15 мая 1988 г. В результате разносторонних усилий 14 апреля 1988 г. в Женеве были подписаны соглашения между Афганистаном и Пакистаном о политическом урегулировании. Международными гарантами выступили СССР и США.

Женевские соглашения включали в себя четыре отдельных документа, в том числе декларацию о международных гарантиях, подписанную представителями СССР и США.

В Политбюро ЦК КПСС положительно оценивали успешное завершение Женевского дипломатического процесса, отмечали, что по своим международным последствиям оно не уступало Договору о ликвидации советских и американских ракет средней и меньшей дальности. Председатель КГБ В.А. Крючков считал, что Женевские соглашения, обязывавшие вывести советские войска к 15 февраля 1989 г. и прекратить военные поставки из Советского Союза, Пакистана и других стран, представляли собой лишь видимость решения проблемы. Советская сторона выполняла условия Женевских соглашений, а американская – игнорировала и ждала скорейшего вывода советских войск. США требовалось лишь свергнуть режим Наджибуллы и привести в Кабул правителей, отвечавших американским интересам.

Вскоре стало ясно, что в Пакистане не стремились к соблюдению Женевских соглашений. Вмешательство в афганские дела к 15 мая 1988 г. не только не прекратилось, но даже возросло. Пакистанские правительственные организации позволяли беспрепятственно перебрасывать отряды вооруженной афганской оппозиции и переправлять караваны с оружием через многочисленные горные перевалы и проходы. Тем не менее, после вступления Женевских соглашений в силу, 15 мая 1988 г. начался вывод советских войск из Афганистана, который проходил в два этапа. На первом этапе, продолжавшемся до 15 августа 1988 г., из большинства районов страны была выведена половина советских войск. Для оценки военно-политической обстановки в афганских провинциях после вывода советских войск там в августе 1988 г. побывал основной эксперт по Афганистану В.А. Крючков. Поскольку участники Женевских переговоров не выполняли своих обязательств, советское правительство в августе 1988 г. распространило официальное заявление о том, что с пакистанской территории продолжается вмешательство во внутренние дела Афганистана; осуществлялась переброска больших партий оружия, вооруженных отрядов оппозиции. При поддержке пакистанских властей в г. Пешаваре было создано «переходное афганское правительство», что стало грубым нарушением статьи II Двустороннего соглашения между Афганистаном и Пакистаном.

Советский Союз стоял перед сложным выбором. С одной стороны, изменение сроков вывода советских войск могло вызвать осложнения международных отношений. С другой стороны, не было уверенности в том, что после вывода советских войск не возникнет серьезных угроз для афганского режима. Тем не менее, с 15 января по 15 февраля 1989 г. советские войска были полностью выведены из Афганистана. Женевские соглашения сыграли важную роль в системе международных отношений. Они дали шанс афганцам установить мир и согласие на своей земле. В случае успеха афганского урегулирования его опыт можно использовать для разблокирования других региональных конфликтов. В 1989–1991 гг. режим Наджибуллы, благодаря военной и экономической помощи СССР, сохранил свои позиции в стране. В январе 1990 г. Политбюро ЦК КПСС признало, что работа по политическому урегулированию афганской проблемы приняла формы, характерные для решения других региональных конфликтов. Специальный механизм более не требовался, поэтому комиссия Политбюро ЦК КПСС по Афганистану была упразднена.

Афганскому правительству приходилось преодолевать большие материальные, политические и военные трудности. Оппозиция не отказывалась от своего замысла захватить власть силой, свергнув правительство и президента. В этих условиях Наджибулла постоянно обращался к правительству СССР с просьбами о поставках в Афганистан оружия, боеприпасов, военного имущества и снаряжения, продовольствия и материально-технических средств. На судьбу режима Наджибуллы существенным образом повлиял августовский путч 1991 г. в Москве и последовавшие затем события. В сентябре 1991 г. государственный секретарь США Дж. Бейкер и министр иностранных дел СССР Б. Панков подписали соглашение о прекращении поставок оружия конфликтующим сторонам в Афганистане с 1 января 1992 г. Это привело к кризису режима Наджибуллы, развалу военно-государственного и партийного аппарата.

В апреле 1992 г. вооруженные отряды оппозиции вошли в Кабул. Афганистан был провозглашен Исламским Государством Афганистан. Однако вооруженная борьба в стране на этом не прекратилась. В 1996 г. власть в Афганистане захватило движение «Талибан», ставшее прибежищем и тренировочной базой для террористов из «Аль-Каиды». С конца 2001 г. с «Талибаном» воюют американские войска и их союзники по НАТО. О нормализации обстановки в Афганистане говорить пока еще рано.

В ЦЕЛЯХ БОРЬБЫ СО ШПИОНАЖЕМ...

К 90-летию отечественной контрразведки

*Статья в журнале «Русская история»
2012 г. № 1 (20)*

Одним из основных направлений деятельности Федеральной службы безопасности Российской Федерации является контрразведывательная работа, заключающаяся в выявлении, предупреждении, пресечении разведывательной и иной подрывной деятельности разведывательных служб и организаций иностранных государств, направленной на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации.

Седьмого (20) декабря 1917 г. Совет народных комиссаров утвердил создание Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем. На неё возлагались задачи пресечения и ликвидации контрреволюции и саботажа по всей России, выработки мер борьбы с контрреволюционерами и саботажниками (конфискация имущества, лишение продовольственных карточек), предварительного расследования по этим делам, а также предания виновных суду Военно-революционного трибунала. Первоначально аппарат ВЧК состоял из трёх отделов: информационного, организационного и по борьбе с контр-революцией и саботажем. В январе 1922 г. в центральный аппарат ВЧК входило пять управлений: секретно-оперативное, экономическое, административно-организационное, делами и войск ВЧК. Существовало три отдела: транспортный, шифровальный, снабжения, а также следственная часть и отделение охраны. На тот период в структуре ВЧК ещё не было самостоятельного контрразведывательного подразделения. Окончание гражданской войны и переход к новой экономической политике потребовали новых подходов к организации работы органов государственной безопасности. Шестого февраля 1922 г. ВЦИК принял декрет об упразднении ВЧК и образовании Государственного политического управления (ГПУ, с 1923-го – ОГПУ) для борьбы с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом. В начале 1920-х гг. разведки Польши, Финляндии, Англии, Франции, Германии и Японии активизировали свою деятельность на территории советской России. В связи с этим 8 мая 1922 г. руководством ГПУ было принято решение о создании самостоятель-

ного Контрразведывательного отдела (КРО), организационно входившего в состав секретно-оперативного управления ГПУ для «борьбы со шпионажем, с белогвардейской контрреволюцией и заговорами и незаконным переходом границы». Начальником КРО был назначен А.Х. Артузов. Основными направлениями работы КРО были: контрразведывательная работа в иностранных миссиях и представительствах; борьба со шпионажем; наблюдение за деятельностью иностранных организаций помощи голодающим; охрана границы. После того как 28 июля 1923 г. был сформирован самостоятельный Отдел пограничной охраны ГПУ СССР, в него передали личный состав и имущество 5-го отделения КРО.

В начале 1920-х гг. русская военная эмиграция вынашивала планы реставрации старого режима, а иностранные разведки активно использовали зарубежные центры русской эмиграции для совершения террористических акций. Для срыва подобных акций КРО провёл несколько успешных операций, получивших впоследствии широкую известность и ставших образцом контрразведывательного искусства. Такой операцией был «Синдикат-2» в отношении руководителя организации Народный союз защиты родины и свободы» Бориса Савинкова, которого активно поддерживали польская, французская и английская разведки.

Операция «Трест» проводилась в 1921–1927 гг. в целях контроля монархического движения в эмиграции и на территории СССР. Сотрудникам ОГПУ, участвовавшим в оперативной игре под видом заговорщиков, удалось установить контакты с разведками ряда стран. Операция «Тарантелла» проводилась в 1930-х гг. силами нескольких подразделений ОГПУ. Цель операции заключалась в пресечении деятельности секретной английской службы «Сикрет интеллидженс сервис» и в продвижении направленной информации в британские руководящие круги.

За 90-летнюю историю своего существования КРО неоднократно подвергался реорганизациям. Неизменным оставалось лишь одно – борьба с иностранным шпионажем. В 1930 г. по указанию советского партийно-государственного руководства контрразведывательным подразделениям было настоятельно рекомендовано уделять больше внимания борьбе с «кулацкой и повстанческой контрреволюцией». Для объединения оперативной работы по «борьбе со шпионажем, белогвардейско-кулацкой и повстанческой контрреволюцией как в самой Красной армии, так и вне её, главным образом, на селе и в национальных районах», была проведена реорганизация КРО.

Десятого июля 1934 г. постановлением ЦИК СССР ОГПУ было упразднено и как Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) вошло в состав союзно-республиканского Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. В ГУГБ были включены все основные оперативные подразделения бывшего ОГПУ, в том числе и Особый отдел, в составе которого с 1930 г. находился КРО – контрразведка и борьба с вражескими действиями в армии и на флоте.

Убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. стало началом трагического этапа в истории контрразведки. Были приняты чрезвычайные меры, направленные на дальнейшее судебное и внесудебное принуждение, усиление репрессивных мер в отношении различных групп населения. В сентябре 1936 г. Сталин высказал недовольство работой органов НКВД и назначил наркомом внутренних дел секретаря ЦК ВКП(б) Н.И. Ежова, который приступил к реорганизации органов госбезопасности и проведению «чистки рядов». За первые три месяца своего пребывания в должности наркома внутренних дел «за принадлежность и связи с контрреволюционерами, троцкистами, правыми, националистами, за предательство и шпионаж» он изгнал из ГУГБ НКВД 1 тысячу 361 сотрудника, из которых были арестованы 884 человека. Многих из них расстреляли.

Указом Президиума Верховного совета СССР от 3 февраля 1941 г. НКВД СССР был разделён на два наркомата: НКВД и НКГБ. Наркомом госбезопасности назначили В.М. Меркулова. Двадцать шестого февраля 1941 г. была объявлена новая структура НКГБ СССР, в которую вошли 1-е управление – разведка за границей, 2-е – контрразведка и 3-е – секретно-политическое. В этот период на первое место вышли вопросы борьбы с немецкой и японской разведками. В числе приоритетных задач для контрразведки оставались борьба с английской, американской, итальянской, финской, французской, шведской и польской разведками. Одними из направлений деятельности были борьба с разведками балканских и ближневосточных стран и охрана дипломатического корпуса.

Двадцать второго июня 1941 г. Германия напала на СССР, и менее чем через месяц, 20 июля 1941 г., НКВД и НКГБ были вновь объединены в НКВД СССР, который возглавил Л.П. Берия. Основной задачей советской контрразведки стала борьба с разведками стран, воюющих с СССР: Германии, Румынии, Италии, Венгрии, Болгарии, Финляндии, а также Японии. Кроме того, несмотря на союзнические отношения СССР с Англией и США, – с английской и американской разведками.

Четырнадцатого апреля 1943 г. из состава НКВД СССР вновь, как и в феврале 1941 г., был выделен самостоятельный Наркомат государственной безопасности (НКГБ СССР). В структуре НКГБ находилось 2-е управление, в состав которого вошли бывшие 2-е (контрразведывательное), 3-е (секретно-политическое) и экономическое управления, а также 3-й спецотдел (обыски, аресты, наружное наблюдение) НКВД СССР. В связи с освобождением от противника значительной территории СССР перед советской контрразведкой были поставлены задачи по розыску немецкой, финской, румынской и венгерской агентуры, предателей и изменников Родины, а также по борьбе с националистическим подпольем в Прибалтике, УССР и БССР, с терроризмом. Неизменными оставались задачи по борьбе

с агентурой иностранных разведок и наблюдению за посольствами, иностранными миссиями на территории СССР.

В марте 1946 г. НКГБ был переименован в Министерство государственной безопасности СССР, в структуре которого находилось и 2-е Главное управление (контрразведка). Одной из основных задач контрразведывательных подразделений в 1946–1953 гг. являлся розыск официальных сотрудников, агентов спецслужб стран, воевавших против СССР, а также изменников Родине и немецко-фашистских пособников из числа советских граждан. Контрразведка выявляла агентов иностранных разведок среди возвратившихся в СССР репатриантов и резмигрантов. Главными противниками были определены разведывательные службы США, Великобритании, ФРГ и других капиталистических стран Европы.

13 марта 1954 г. был образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР (с 1978 г. – Комитет государственной безопасности). Задачи и функции 2-го Главного управления расширились: в сентябре 1973 г. было образовано управление «Т» (контрразведывательная работа на транспорте) в составе трёх отделов: железнодорожного, водного и авиационного. В сентябре 1980 г. появилось управление «П» для «защиты интересов обороноспособности и экономического развития СССР».

Решая основные задачи по борьбе со шпионской деятельностью иностранных разведок внутри СССР, советская контрразведка в 1954–1991 гг. выявила и разоблачила целый ряд кадровых сотрудников и агентов иностранных разведок. Так, в 1958 г. был уличён в проведении разведывательной деятельности атташе административно-хозяйственного отдела посольства США в Москве Р.А. Лэнжелли. Удалось выявить его контакты с офицером Советской армии П.С. Поповым, который был завербован ЦРУ в Австрии ещё в 1953 г. От него американцы получали данные о состоянии советских военных объектов в Восточной Германии и Австрии, их дислокации, численности личного состава, технической оснащённости. В процессе дальнейшего сотрудничества он передал сведения об организации и деятельности ГРУ, раскрыл более 80 офицеров военной разведки, а так же выдал ценные сведения военного и стратегического характера, нанеся серьёзный ущерб безопасности государства. В 1962 г. был разоблачён ещё один агент американской и английской разведок – Пеньковский, также офицер ГРУ. В результате оперативной работы была выявлена его связь с английской разведкой через коммерсанта Г. Винн. В октябре 1962 г. Пеньковский был арестован; по договорённости между руководителями органов госбезопасности и прокуратур Советского Союза и Венгрии Г. Винна задержали на территории Венгрии. В общей сложности 11 сотрудников американского и британского посольств в Москве были высланы за шпионскую деятельность. В 1972 г. был разоблачен американский шпион Калинин, а в 1975 г. выявлен и арестован американский агент А.Д. Огородник.

В середине 1970-х гг., после достаточно долгого перерыва, советские органы государственной безопасности вновь столкнулись с террористическими и экстремистскими проявлениями. Борьбу с терроризмом первоначально вели контрразведывательные подразделения, постепенно это стало самостоятельным управлением работы КГБ СССР.

Громкий резонанс как СССР, так и за рубежом получили три взрыва, произошедшие 8 января 1977 г. в метро и на улицах Москвы. Первый случился в поезде метро: в результате погибли и умерли от ран шесть человек, получил ранения 21 человек. Второй был организован в одном из продовольственных магазинов, где умер от ран один человек и 11 получили ранения. В результате третьего – на улице 25 Октября, в центре Москвы (бомба была заложена в урне для мусора) – ранены пять человек. Работу по розыску террористов вели практически все органы государственной безопасности и внутренних дел. Координировал их деятельность оперативный штаб под руководством 2-го Главного управления КГБ СССР. Было установлено, что террористический акт совершили члены националистической группы, состоявшей из граждан Армении во главе с С. Затикином. Террористы были арестованы и в ноябре 1978 г. преданы суду.

За 90 лет со дня образования контрразведывательных подразделений органов безопасности на долю российских контрразведчиков выпало много испытаний: борьба со шпионажем и заговорами, «белогвардейско-кулацкой и повстанческой контрреволюцией». Будучи вовлечёнными партийными органами в политические репрессии, и сами сотрудники контрразведки понесли большие потери. В годы Великой Отечественной войны советская контрразведка успешно вела борьбу с разведками Германии, Румынии, Италии, Венгрии, Болгарии, Финляндии и Японии. В послевоенные годы проводился розыск официальных сотрудников, агентов спецслужб стран, воевавших против СССР, а также изменников Родине. На рубеже 1960–1980-х гг. контрразведывательные подразделения активно противодействовали иностранным разведкам блока НАТО, обеспечивая безопасность Отечества. Накопленный опыт позволяет российской контрразведке в современных условиях успешно решать задачи по обеспечению безопасности личности, общества и государства, не повторяя прошлых ошибок.

РАЗДЕЛ V

ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ И РАССЕКРЕЧИВАНИЯ

О РОЛИ АРХИВИСТОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ

*Тезисы выступления на заседании Комиссии
при Президенте Российской Федерации
по противодействию попыткам фальсификации
истории в ущерб интересам России
г. Москва, 7 сентября 2010 г.*

В деле понимания закономерностей исторического развития нашей страны архивистам принадлежит важная роль. Именно за последние десять лет был опубликован огромный пласт уникальной исторической информации, по крупицам собранный представителями отечественных архивов. Несмотря на то, что архивистами проводится большой объем «черновой» работы по выявлению и описанию архивных источников, она чаще всего остается «за кадром». Их труд образно можно описать афганской пословицей: «Верблюду тащит самый тяжелый груз, а ест одни колючки».

Безусловно, назрел целый ряд вопросов по совершенствованию деятельности архивных учреждений, в том числе по подготовке квалифицированных кадров. Выказанные на сегодняшнем заседании предложения по этому вопросу поддерживаем. У нас имеется положительный опыт взаимодействия с Историко-архивным институтом по подготовке молодых специалистов. В Центральном архиве ФСБ России удалось сформировать коллектив сотрудников таким образом, чтобы была обеспечена стабильность и разумный баланс опытных и молодых кадров. Именно молодые сотрудники, владеющие новыми знаниями и технологиями, задают тон в работе по рассекречиванию архивных документов.

В архивах органов безопасности хранится большой фактический материал по отечественной и зарубежной истории – документы советских органов безопасности, начиная с 1917 г. Пожалуй, только спустя десятилетие после начала демократических реформ в отечественной исторической науке наступает момент, когда начинается процесс подлинно научного подхода к изучению прошлого, без акцента на сенсационность. Со стороны органов безопасности максимально широкое введение в научный оборот новых рассекреченных документов является наиболее эффективным способом противодействия фальсификации истории.

Органы федеральной службы безопасности проводят большую работу по рассекречиванию архивных материалов (к настоящему времени рассекречено около 2 млн документов). Во всех территориальных органах безопасности работают экспертные комиссии, которые на плановой основе занимаются рассекречиванием архивных материалов. Их деятельность координируется Центральной экспертной комиссией ФСБ России, рабочий аппарат которой включен в штат Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России. Только в 2009 г. во исполнение Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в Центральном архиве ФСБ России на предмет возможного рассекречивания рассмотрено свыше ста двадцати тысяч документов, из которых к рассекречиванию предложено девяносто восемь тысяч, утверждены решения ЦЭК ФСБ России о внеплановом рассекречивании более двадцати семи тысяч документов. Важное место в работе специалистов органов безопасности занимает сотрудничество с МВК по экспертизе материалов других архивов.

Архивисты ФСБ России активно сотрудничают с российскими государственными архивами и научными, в том числе зарубежными, учреждениями по публикации архивных источников. Во исполнение Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» опубликован комплекс законодательных и иных актов, послуживших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека. История политических репрессий продолжает оставаться одной из наиболее болезненных проблем советской истории. В России, в отличие от многих других стран СНГ, до сих пор нет общенациональной Книги памяти и общероссийского музея, недостаточное внимание со стороны органов власти уделяется местам массовых захоронений. Определенность в оценке этой сложнейшей проблемы со стороны государства, по нашему мнению, пресечет поток фальсификаций и спекуляций.

К сожалению, как правило, сборники архивных документов, которые зачастую не только дополняют, но и кардинально меняют представления о важнейших проблемах отечественной истории, выходят малыми тиражами (не более 1 тысячи экземпляров). Малотиражность этих изданий обусловила то, что результаты исследований, дающих объективную картину истории страны, остаются неизвестными широким слоям общества. Недостаточная информированность об уровне исследования ключевых проблем советской истории порождает мифы и даже фальсификации.

В качестве одного из важнейших направлений сотрудничества органов безопасности с Комиссией рассматриваем исследование архивных материалов и публикацию документов периода Великой Отечественной войны. Новое обращение к истории Великой Отечественной войны обусловлено объективным процессом открытия отечественных архивов, что в ряде случаев меняет традиционно сложившиеся подходы в освещении проблем

минувшей войны. В частности, необходимо продолжить объективное исследование вопросов, связанных с участием органов госбезопасности в войне.

Использование документов органов безопасности при освещении исторических событий весьма существенно. В архивах ФСБ содержится документальная информация политического, военного и разведывательного характера, что в ряде случаев позволяет оценить факты, события и явления на основе информации, которая была получена оперативным путем с использованием специальных сил и средств, характерных для оперативно-розыскной работы. Разумеется, что такого рода информация при использовании и обобщении подлежит научной критике и должна рассматриваться в совокупности с источниками другого характера и происхождения, в числе которых военные и войсковые архивы, документы политорганов и высших инстанций страны.

В чекистских приказах, донесениях, спецсообщениях, докладных записках и других документах в большей степени представлены негативные стороны событий, критические высказывания и замечания действующих лиц, конфиденциальные мнения и точки зрения. Во многих случаях это простая констатация фактов, что требует дополнительного исторического осмысления и для введения этой информации в научный оборот желательно ее подробное комментирование. Открытое опубликование чекистских документов требует осторожного подхода, взвешенности и тактичности, так как информация может оказаться предвзятой, а порой болезненно затронуть интересы конкретных лиц.

Важным фактором при открытом опубликовании документов органов безопасности является учет государственных секретов, политической целесообразности и пределов обнародования персональных данных на конкретных лиц. Разумеется, что при этом речь может идти и о ведомственных секретах. Эти предупреждения и сомнения нельзя истолковывать как требование безусловного закрытия документной информации архива ФСБ. Мы против того, чтобы «кастрировать» историю, как и против того, чтобы при освещении известных фактов и событий бравировать доступностью к ранее засекреченным документам. Дозированный и взвешенный подход к введению в научный оборот архивных материалов с учетом всех возможных форм их использования, в том числе в СМИ и сети Internet, позволит убедительно противостоять попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

ИСТОРИЕЙ УПРАВЛЯТЬ НЕЛЬЗЯ

*Интервью газете «Время новостей»
7 июля 2009 г. № 118*

– *Насколько создание комиссии по борьбе с фальсификациями истории в ущерб интересам России созвучно веяниям сегодняшнего дня, как социально-политическим, так и сугубо историческим?*

– Во-первых, о терминах: в названии комиссии нет слова «борьба», а есть слово «противодействие». Это принципиально. Борьба вызывает ассоциации с чем-то уж очень агрессивным. Ничем подобным комиссия заниматься не собирается. Идеальное состояние, если комиссии будет нечего делать. Нет фальсификации, нечему противодействовать.

Думаю, вы не будете спорить, что фальсификация истории представляет реальную и серьезную угрозу будущему любой страны. Это лишает народ его уникального, подчас трагического, прошлого, вызывает трения и конфликты в отношениях с соседними народами, подрывает уважение за рубежом. Долгое время многие факты нашей истории были неизвестны, поэтому сейчас «обиженные» страны позволяют себе обвинять Россию во всех бедах, случившихся с ними в советский период, трактуют документы в удобном для них виде. Так, начиная с 1990-х гг. страны Балтии ведут подсчеты убытков от «советской оккупации», Украина популяризирует нацистских преступников, обвиняет Россию в геноциде и т.д. Известно, что в некоторых бывших советских республиках заново переписывают учебники истории, создают мифы и легенды, представляющие Россию в черном цвете. Конечно, сейчас фальсификаторы не несут должной ответственности за то, что делают. Да и мы сами еще не научились громко и серьезно отвечать на ложь, которую бросают нам в лицо. Долгое время мы считали союзные республики и социалистические государства братскими и поэтому не ожидали клеветы и обвинений в свой адрес от, так сказать, родных людей. Тем не менее, сейчас мы видим, что их представления о действиях России сильно отличаются от реальных фактов. Настало время твердо заявить о нашей позиции. Тем более что в наших руках исторические документы

– источник, с которым не поспоришь. В первый же момент после сообщения о создании новой комиссии появилось множество критических откликов. В правозащитном обществе «Мемориал», с которым нас связывает многолетнее сотрудничество по исследованию истории политических репрессий, высказали явное опасение, что Комиссия будет противодействовать не фальсификациям исторических фактов, а мнениям, оценкам и концепциям; разумеется, лишь тем из них, которые идут вразрез с правительственной политикой. А бывший президент СССР Михаил Горбачев заявил еще резче, что комиссия, вопреки своему названию, будет заниматься именно фальсификацией истории. Действительно, не так просто определить, что нужно рассматривать как злостное и намеренное искажение истории, а что является предметом научной дискуссии. Но ясно одно: вопросы, связанные со спорными моментами или ставшие предметом дискуссии, не должны быть основанием для борьбы с инакомыслием. Уверен, что это не только моя личная позиция. Несомненно, вновь созданная комиссия имеет право на существование как общественный орган рекомендательного характера.

– Фальсификация - термин юридический. Каким образом члены комиссии, среди которых историки и юристы составляют меньшинство, будут квалифицировать те или иные издания, программы, посвященные исторической проблематике? Как определить, что является фальсификацией, что – авторской трактовкой, что искренним заблуждением?

– Если мы возьмем Уголовный кодекс, то в нескольких статьях увидим термин «фальсификация». Но «фальсификация» – термин и междисциплинарный – он встречается и в философии, и в истории. Фальсификация – умышленное искажение, попытка выдать, так сказать, черное за белое. Никто не собирается признавать фальсификацией наличие различных точек зрения. Комиссия займется рассмотрением тех сюжетов, в которых будет иметь место подделка фактов или документов, стремление выдать желаемое за действительное. Важно отметить, что если члены комиссии сочтут, что их компетентности не хватает, они вправе привлечь профессиональных специалистов по той или иной тематике.

– Комиссия создана, как видно из ее состава, по ведомственному принципу. И это беспокоит профессионалов-историков. Почему именно этим людям дано право решать, что является фальсификацией, - а что нет. Это каста неприкасаемых?

– Отнюдь. Каждый член комиссии не может, не должен претендовать на истину в последней инстанции. Он, как и любой человек, может ошибаться. Любая структура в принципе может вызывать нарекания с какой-либо стороны: угодить всем невозможно. И не нужно. Комиссия – общественный орган, он де-юре имеет только рекомендательные полномочия.

– А де-факто будет ли создание комиссии, учитывая наш прежний историко-политический опыт, стимулировать историческую дискуссию или, напротив, будет ее глушить?

– А вы как себе представляете – идет круглый стол, конференция, и сидит «надзиратель» – член комиссии, который говорит: «Нет, это мы не обсуждаем, этот вопрос не рассматриваем». Или каждая тема обсуждения будет проходить некое утверждение? Это сегодня невозможно даже представить.

– Почему же невозможно, некоторые уже даже представили. В отдельных регионах, например, отказались от идеи проведения круглых столов или конференций по острым темам – о Зимней войне, начале Второй Мировой войны, предвоенных советско-прибалтийских отношениях. Некоторые издательства нынче всерьез задумались, стоит ли принимать к публикации исследования и монографии на болезненные историко-политические темы. И это уже прямое следствие создания комиссии.

– Парадокс: комиссия еще не начала полноценную работу, а последствия уже есть. Мне кажется, это проявление синдрома нашей генной исторической памяти. Если действовать по принципу чеховского героя «как бы чего не вышло», то можно и до абсурда дойти. Если вы готовите серьезную конференцию или круглый стол, вам нечего беспокоиться, но если вы и ваши коллеги недобросовестны и готовы пойти на фальсификацию, то опасаться нужно в любом случае. Все остальное – ненужная перестраховка.

– А «мы» не знаем, что «вы» посчитаете фальсификацией – вернуться к началу нашего разговора. И, с другой стороны, никто не может дать гарантии, что действительно кто-нибудь из потенциальных участников не допустит недобросовестности. На недавней конференции, посвященной истории спецслужб, проходившей в музее Политической истории России, вы делали доклад о юридическом обеспечении высылки инакомыслящей интеллигенции в 20-е годы. И упомянули, что в соответствующих документах либо было много диспозиций, но не было санкций, либо наоборот. Это приводило к произволу. В положении о работе комиссии много деклараций, но мало дефиниций. История повторяется – трагедия уже была, нас ждет фарс?

– Положение – это свод правил, и здесь не может быть ни деклараций, ни дефиниций. Если комиссии удастся скоординировать деятельность различных государственных учреждений, научных институтов и общественных организаций и направить ее на серьезные исторические исследования, то в этом и будет самое лучшее противодействие попыткам фальсификации истории. Я думаю, нас ждет интересная работа.

– Комиссия, как вы упомянули, будет привлекать экспертов. Так вот, эксперты-добровольцы уже нашлись. В 20-х числах июня руководители научных учреждений Отделения историко-филологических наук РАН получили прелюбопытнейшее распоряжение. Позвольте мне процитировать его целиком. «Предоставить в Отделение информацию: 1. Аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций в областях, соответствующих основным направлениям института (с указанием основных источников, авторов, формирующих и распространяющих фальсификацию; потенциальную опасность данной фальсификации интересам России; предварительных предложений по мерам научного опровержения фальсификации) 2. Информацию о деятельности ученых Вашего института по разоблачению фальсификаций и историко-культурных концепций, наносящих ущерб интересам России. 3. Контактное лицо или список научных сотрудников, для участия в работе Комиссии ОИФН РАН по анализу историко-культурных фальсификаций, наносящих ущерб интересам России (с телефонами и электронным адресом)» Соответствующие списки нужно было предоставить к 1 июля. По каким критериям «отбирать фальсификации» не было указано. Вопрос, можно ли было за несколько дней провести серьезный научный анализ исторических произведений на предмет фальсификаций, или даже хотя бы просмотреть разнообразные новинки, – риторический. Это письмо – инициатива руководства академии наук или следствие рекомендации комиссии?

– Вот уж кто-кто, а комиссия тут точно ни при чем. На мой взгляд, это обычный бюрократический прием: разослать формальную бумагу, получить такие же ответы, чтобы было чем отчитаться о якобы проделанной работе.

– Но Вам не кажется, что наличие такого указания от Академии наук – это импульс заняться профессиональным доносительством?

– Да, может быть, вы правы, есть такая опасность. Генная память – штука сильная. Я опасаясь, чтоб не получилось как в 30-е годы: будут друг друга обвинять, пользуясь моментом. Найдутся карьеристы, которые постараются таким путем обойти «конкурентов», будут просто завистники или чересчур бдительные товарищи. Но такого рода, как вы выразились, доносы, я уверен, предметом рассмотрения комиссии не станут.

– Доносы ведь не только писали, их в 30-е годы рассматривали и делали выводы. Вы полагаете, что у членов комиссии генная память здорова и имеет иммунитет против доносов?

– Я на это надеюсь.

– За рубежом, в частности, в Прибалтике и на Украине, ныне появляются публикации, например, по тематике Второй мировой войны, резко противоречащие исторической действительности. Каким образом деятельность Комиссии может дезавуировать их?

– Буду говорить только о своем ведомстве. В архивах органов безопасности хранятся архивные материалы периода Великой Отечественной войны о преступной деятельности коллаборационистов, в том числе националистов, документально подтверждающие многочисленные факты участия литовских легионеров, латышских и эстонских эсэсовцев в массовом уничтожении мирных граждан и советских военнопленных в 1941-1944 гг. на территории стран Балтии. В их числе розыскные дела на нацистских преступников, докладные записки о совершенных гитлеровцами и их пособниками злодеяниях, акты судебно-медицинских экспертиз и другие документы. Есть документы оставшихся в живых свидетелей о преступлениях эсэсовских добровольческих формирований. В архивах ФСБ России имеется также комплекс архивных материалов НКВД-НКГБ СССР, органов контрразведки «Смерш» фронтов и армейских соединений о преступной деятельности украинских националистов. Необходимы дополнительные усилия для распространения уже опубликованной информации. Взвешенный подход к введению в научный оборот архивных материалов с учетом всех возможных форм их использования, в т.ч. через СМИ и Интернет, позволит более уверенно чувствовать себя на международном информационном поле. К этой проблематике примыкает тема «голодомора», также связанная с обвинениями в адрес России. Значительные комплексы рассекреченных документов из архивов органов безопасности, которые не только объективно раскрывают причины этого бедствия, но и свидетельствуют о том, что голодом были охвачены огромные регионы России и Казахстана, уже опубликованы, но весьма небольшими тиражами.

– Вы – член комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте России. «Голодомор» и в этом смысле в поле вашего внимания.

– Одним из направлений в работе вновь созданной комиссии при Президенте Российской Федерации может стать сотрудничество с Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий. В частности, возможна подготовка трудов, в которых было бы объективно отражено участие в проведении репрессий местных властей бывших союзных республик, которые несли абсолютно ту же ответственность, что и российские. А нередко – и большую, поскольку проявляли специфическое рвение – просили дать им возможность «увеличить лимиты на расстрелы», как это было в 1930-е годы на Украине, например.

– Как можно доказать умышленность вредоносного действия? Приведу пример: коллаборанты в Прибалтике были? Были. Сейчас там полагают, что коллаборационизм – это борьба за освобождение от советской оккупации. Тот факт, что боролись на стороне фашистов – тамошних политиков не смущает: это вопрос выбора союзника.

– Россия объявила себя правопреемником СССР и стала удобным объектом для обид. Ведь у каждого из народов бывшего Союза — свой XX век. Национальная память по-своему осмысляет общий опыт. Представление о собственном народе как жертве, прошлые взаимные обиды могут долго отравлять отношения между народами. Нельзя отрицать, что есть «чужая» национальная память, вот у прибалтов – она такая. Когда спор об истории принимает форму «конфликта памятей», есть только один путь – диалог, обмен мнениями. Это возможно при единственном и обязательном условии – ответственном и уважительном отношении друг к другу. Приведу один пример. Не скрою, нам было очень сложно работать с польскими коллегами в процессе подготовки ряда научных проектов по болезненным проблемам советско-польских отношений. Но взаимное уважение и готовность выслушать и постараться понять чужую точку зрения, какой бы «неправильной» она ни казалась вначале, позволила решить поставленные задачи. Совместная работа обогатила наши представления о собственной истории, расширила и углубила знания о сложности и противоречивости межгосударственных отношений. Не нужно заменять собственную правду истории чужой правдой, нужно стремиться понять образ прошлого, который сложился у соседей. Думаю, ожесточенное противостояние крайне непродуктивно. Сегодня споры на исторические темы ведутся не относительно фактов, а относительно интерпретации этих фактов. Ответственное отношение к оценке исторических событий не допускает их фальсификации и свидетельствует о гражданской зрелости общества. Что касается упомянутых вами фактов, то им нужно давать оценку, адекватную нормам международного права.

– Разумеется. Но эта оценка – дело внешнеполитическое. Идея создания комиссии, насколько известно, первоначально исходила из МИДа. Мы пришли к тому с чего начинали: речь идет о политическом противостоянии и реагировании на политические демарши. Может, стоит, оставить историков в покое и вывести проблему в политическое русло?

– Ни для кого не секрет, что создание комиссии во многом было спровоцировано политическими акциями на постсоветском пространстве. И, конечно, в ее работе будут в первую очередь учитываться политические интересы нашей страны. Политикам нужны четкие документальные аргументы для разговора с соседями. В некоторых государствах постсоветско-

го пространства политика начинает довлеть над историей или же историю используют как инструмент политики. Примеры приводить, я думаю, даже не стоит – мы с вами наблюдаем их ежедневно.

– Комиссия, как явствует из ее названия, должна заниматься противодействием попыткам фальсификации в ущерб интересам России, а попытки фальсификации, идущие на пользу интересам России, не будут в поле ее зрения? Ведь есть много желающих «подправить» наше прошлое.

– Никакая фальсификация не может быть на пользу интересам России. Ложь не может повысить международный авторитет или улучшить внутреннюю ситуацию. Это, как говорится, мы уже проходили. Но вы затронули важную тему: что такое интересы России? В комиссии большинство членов – это руководящие сотрудники различных, в том числе, силовых, министерств и ведомств. И они будут отстаивать именно государственные интересы. Это действительно непростой вопрос. Политические партии и люди по-разному оценивают, что было пользой для страны и государства. Вспомните, к примеру, недавний нашумевший телепроект «Имя России». Одна из самых популярных фигур – Сталин. Одни считают его «эффективным менеджером», другие – кровавым тираном. Такова национальная память. Каждая из этих точек зрения существует в обществе и имеет на это право.

– Имеет. Но в одном из этих случаев точка зрения базируется на знаниях, в другом – на убеждениях. В случае с «эффективным менеджером» мы, как мне кажется, имеем дело с деформациями массового сознания, которому предлагали не подлинную историю, а историческую мифологию.

– Работа с массовым сознанием – не сиюминутная вещь. И здесь нужно учитывать известный принцип – не навреди. Если в одночасье обрушить на человека или общество огромный поток абсолютно новой, зачастую психологически тяжелой информации, – это вызовет отторжение. Что и произошло у нас двадцать лет назад. В первые постсоветские годы на миллионы политически неподготовленных людей обрушился такой поток. И возникло неприятие и противодействие, стремление противопоставить этому что-то позитивное. Со стереотипами невозможно бороться в ускоренном темпе и использовать при этом только негативные примеры. Нельзя просто сказать – все было плохо, если несколько поколений выросли в этом «плохо» и не видели, не знали ничего другого.

– У Оруэлла в одном из его романов было министерство Правды, и действовало оно по характерному принципу: кто управляет прошлым, тот управляет будущим. Вы верите в наличие одной, «утвержденной», единственно правильной точки зрения на то или иное историческое событие?

– В наше время такое никому и в голову не придет. Мы уже знали времена, когда существовал один утвержденный курс, краткий или не очень. Но ведь есть события и факты, которые неоспоримы и опровергнуть их невозможно. Например, победа СССР в Великой Отечественной войне. И если мы говорим о Победе, то наш долг выяснить, какой ценой, сколькими человеческими жизнями она добыта. Сейчас любое число подвергается сомнению – 20 миллионов, 27, 35, 50. Недопустимо взять и «утвердить» какую-то одну. Требуется кропотливая работа архивистов, военных историков и поисковых отрядов. Причем, не только российских, но и зарубежных. Мы, например, активно сотрудничаем с немецким исследовательским центром «Саксонские мемориалы» по установлению имен советских военнопленных. Сотни тысяч из них до сих пор считаются пропавшими без вести. Я убежден, что нам еще предстоит большая работа по установлению количества погибших. Увы, государство уделяет недостаточно внимания массовым захоронениям, воинским кладбищам, которых у нас тысячи. В советское время больше говорили о пафосных и героических аспектах, т.е. говорили полуправду. Это недостойно сильного цивилизованного государства.

– *Согласна. Но скажите, что такое «пересмотр»? Ведь появляются новые документы, существенно дополняющие или даже меняющие представления об уже, казалось бы, известных исторических событиях. Например, вы написали интереснейшую книгу «Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения» с такими документами, что – о выдержки из них, процитированные мною в рецензии на нее, не решилась опубликовать одна влиятельная столичная газета, посчитав их «непатриотичными». Или неделю назад вы опубликовали в нашей газете статью о партизанах и подпольщиках, которую кое-кто уже поспешил назвать искажением нашего героического прошлого.*

– Нет документов «патриотических» и «непатриотических», а есть подлинные и фальсифицированные. Честный историк всегда будет искать новые и новые документы, но всегда найдутся люди, которые будут критиковать и даже обвинять его в неверной их трактовке. Это нормальная научная работа и нормальная научная дискуссия. Обвинения в «искажении героического прошлого» тоже понятны и объяснимы. Наше прошлое слишком долго было от нас закрыто. Но его нужно знать.

– *У нас, прикрываясь недопустимостью пересмотра событий прошлого и необходимостью создания сильного государства, порой пытаются навязать обществу точку зрения на события тоталитарного периода советской истории. И только изданием сборников, ориентированных на относительно узкий круг специалистов, здесь не обойтись. Выставки в музеях и в архивах – большая редкость, хотя они неизменно вызывают общественный интерес. Как и документальные фильмы.*

– Определенность в оценке этой сложнейшей проблемы со стороны государства, – и здесь мы возвращаемся к разговору о приоритетных государственных интересах, – по моему мнению, необходима. В России, в отличие от многих других стран СНГ, до сих пор нет общенациональной Книги памяти и общероссийского музея, посвященного трагедии сталинизма, Гулагу. Эту задачу не удалось решить Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Думаю, что во взаимодействии с вновь созданной комиссией на эту проблему можно будет посмотреть шире. История политических репрессий – одна из важнейших проблем нашей национальной памяти. Для осознания обществом сущности сталинизма, для воспитания подрастающего поколения трудно переоценить значение факта создания мемориальных комплексов в Москве (на Донском кладбище, Бутовском полигоне, «Коммунарке»), мемориалов в других городах по всей стране. Огромную роль в увековечении памяти пострадавших от политических репрессий играют Русская Православная церковь, общественные организации. Вы верно отметили важность выставок и документальных фильмов по исторической тематике, которые вызывают живейший отклик в обществе. Упомяну в качестве примера открывшуюся в Выставочном зале федеральных архивов историко-документальную выставку «Идеология и практика украинского национализма. ОУН и УПА в 1939-1956 гг.: свидетельства документов». Но, к большому сожалению, выставка будет работать очень недолго.

– Положение о работе комиссии гласит, что основными ее задачами являются: обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленный на умаление международного престижа Российской Федерации, выработка стратегий противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России, выработка рекомендаций по адекватному реагированию на попытки фальсификаций исторических фактов и событий в ущерб интересам России и по нейтрализации их возможных негативных последствий. Что такое «адекватное реагирование»?

– Все зависит от конкретной ситуации. Главное – не стрелять из пушек по воробьям. Я думаю, публикация подлинных документов – самый важный и эффективный способ. Только документом можно дезавуировать ложь. И не для того даже, чтобы переубедить автора, а для того, чтобы у людей, которых сознательно вводят в заблуждение, сформировалось максимально объективное представление о предмете или явлении. А иногда самая адекватная мера – промолчать. Когда слишком много шума, негативный эффект только усиливается. Грамотно выдержанная пауза способна охладить ситуацию. Но это частности. Одним из главных способов реагирования может стать организация брифингов, круглых столов,

документальных выставок, научных конференций. Публикация документов и полноценная научная дискуссия с привлечением самого широкого участников поможет уставить истину и противостоять попыткам фальсификации. Сам факт создания комиссии, вызвавший активное обсуждение, то внимание, которое уделено обществом вопросам изучения истории, уже стало своего рода «адекватным реагированием».

– Серьезные издания, имеющие научный аппарат, содержащие новые документы, увы, издаются, тиражами в несколько сот экземпляров. И, таким образом, остаются не доступными исследователям. Архивы не спешат, и это подтвердят вам многие исследователи, публиковать свои документы. Ваш – в этом смысле – редкое исключение. Частные издательства в значительной мере ориентированы на броские псевдоисторические опысы с «сенсациями». И это их право. Государство в этом отношении индифферентно. Как в таких условиях способствовать распространению подлинного исторического знания?

– Вы затронули очень серьезную проблему. Я думаю, государство могло бы активнее поддерживать издательские проекты, ориентированные на серьезное изучение истории. Необходимо стимулировать квалифицированную публикаторскую деятельность. Вы правильно заметили, научные книги практически никогда не становятся прибыльными, и издательства, в том числе, и государственные, не слишком стремятся их выпускать. Но несмотря на это крупнейшие государственные и ведомственные архивы за последние годы издали сотни книг. Если мы хотим противостоять фальсификациям, мы должны знать факты, но есть еще одна проблема: профессиональные научные исследования и проекты требуют затрат – нужно работать в архивах и музеях в разных городах и даже странах, нужно время на написание книг, наконец. А у нас получается, что многие способные исследователи, особенно, вне Москвы и Петербурга, вообще лишены такой возможности. Именно в этом задача государства – создать условия для развития науки: широким и быстрым рассекречиванием массивов исторических материалов, облегчением доступа к исторической документации, субсидированием исторических исследований, но без вмешательства в их содержание. Государство должно стимулировать научные разработки, а не диктовать свою волю: «Это можно, а это нельзя». Создание Комиссии по противодействию фальсификациям истории способно «перезагрузить» ситуацию. Нельзя политически управлять историей. Это, на мой взгляд, вредит интересам России.

– Существуют ли на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье структуры, подобные нашей комиссии?

– В ряде стран Восточной Европы и республик бывшего СССР существуют специально созданные «институты национальной памяти», «музеи

оккупации» и исследовательские центры. Задачи и функции подобных организаций, при внимательном рассмотрении, так или иначе, совпадают с задачами российской комиссии. Так, в Польше создан «Институт национальной памяти», в Словакии – «Национальный институт памяти», в Литве – «Центр геноцида и резистенции». В Латвии – «Комиссия историков при президенте страны» и Правительственная комиссия по установлению числа жертв тоталитарного оккупационного режима СССР и мест их массового захоронения, обобщению информации о репрессиях, массовых депортациях и подсчету причиненного латвийскому государству и его жителям ущерба. В Эстонии – «Эстонская международная комиссия по расследованию преступлений против человечности при президенте республики», «Центр исследований советского периода», «Эстонское бюро регистра репрессированных», «Фонд Кистлер-Ритсо» и др. На Украине создана «Правительственная комиссия по изучению деятельности ОУН и УПА», а также «Украинский институт национальной памяти» (УИНП), одной из задач которого стало тенденциозное освещение ситуации в 1932–1933 гг., когда, по их версии, советским правительством исключительно для уничтожения украинцев был спровоцирован голод.

– Насколько известно, члены комиссии получили задание подготовить предложения по ее работе и, как указано, в положении о ее создании, по выработке стратегии по противодействию фальсификациям. Что бы предложили Вы?

– Мы с вами уже говорили, что, как правило, подготовленные совместно крупнейшими архивами страны сборники документов, которые зачастую не только дополняют, но кардинально меняют представления о важнейших проблемах отечественной истории, выходят удручающе малыми тиражами. Малотиражность этих изданий обусловила то, что результаты исследований, дающих объективную картину истории страны, остаются неизвестными. Вот и рождаются мифы и даже фальсификации. И не надо ждать пока нам «подготовят» какую-либо фальсификацию, чтобы потом ее нужно было дезавуировать. Просто необходимо создать условия для того, чтобы нормально работать над изучением и осознанием истории.

– Вы, как архивист, верите в историю без белых пятен?

– Это цель, к которой нужно стремиться. Но нельзя говорить, что какой-либо исторический период или событие исследовано до конца. История многообразна и бесконечна.

*Интервью подготовила
Юлия Кантор*

СЕКРЕТЫ ЖИВУТ ВЕЧНО. В АРХИВАХ ЛУБЯНКИ

*Интервью «Родной газете»
19 декабря 2003 г. № 34 (34)*

Вряд ли еще какая-нибудь государственная структура вызывает у российских граждан такую палитру чувств, как чекистское ведомство. От полного доверия до, чего греха таить, полного отторжения. Одни до сих пор не могут простить спецслужбам каких-то их «прегрешений перед демократией», другие, наоборот, увязывают свои мечты о «твердой руке» только с усилением ФСБ. Но, несмотря на всю полярность взглядов и отношений, и те и другие не отказались бы «хоть одним глазком» заглянуть в архивы Лубянки. Ведь именно там, под спудом десятилетий, лежат бумаги, хранящие истину. Впрочем, секреты архивов Федеральной службы безопасности — это также предел мечтаний и любой разведки мира. Мечтают об этом и журналисты. Приблизиться же к секретам Лубянки удалось «Родной газете». Накануне Дня работника органов госбезопасности мы встретились с главным хранителем секретов Лубянки — начальником Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России.

— Вы в свое время окончили военное инженерное училище. Не тяжело было переквалифицироваться из «физиков» в «лирики», из технарей в гуманитарии?

— Этот процесс занял четверть века. За это время я окончил два учебных заведения, выучил персидский язык, три года находился в служебной командировке в Республике Афганистан. Защитил диссертацию, стал кандидатом юридических наук, Так что я уже давно ушел от физики...

— Вам нравится ваша работа?

— Мне всегда нравилась моя работа. Но я и не пожалел, перейдя в УРАФ. От своей работы получаю удовольствие...

— А что нравится?

— Изучая архивные документы, познаешь историю нашего Отечества в полном объеме, узнаешь много интересного и нового, о чем не писалось и до сих пор не всегда еще пишется в учебниках...

– Недавно управление, которое вы возглавляете, отметило свое 85-летие. Когда и кем оно было создано?

– История нашего управления началась 1 сентября 1918 года, когда коллегия ВЧК приняла решение образовать регистрационно-справочный отдел. 14 сотрудников вели регистрацию граждан, арестованных органами ВЧК, и «ход следствия по делам», а также выдавали справки как для органов ВЧК, так и для «публики». Возглавил отдел следователь Ревтрибунала при ВЦИК и ВЧК Виктор Кингисепп. Тот самый, который проводил расследование обстоятельств левозеро-вского мятежа, дела Локкарта и покушения на Владимира Ленина.

Впоследствии подразделение преобразовалось в Управление регистрации и архивных фондов. Именно преобразовалось, потому что на протяжении 85 лет ему пришлось пережить множество реорганизаций и переименований. Его история сама по себе представляет безусловный интерес для исследователей... Хотел бы отметить одно обстоятельство: учетно-регистрационное подразделение, а также и сформированные позже архивы, были одними из наиболее стабильных в системе отечественных органов безопасности. Хотя его функции, структура и название неоднократно менялись, оно всегда осуществляло полноценную информационную поддержку оперативных процессов и надежную сохранность архивных материалов. К примеру, в годы Великой Отечественной войны была проведена эвакуация оперативно-учетных карточек и архивных документов в Куйбышев, а затем в Свердловск. За очень короткий срок там была налажена учетная работа. Когда линия фронта отодвинулась на запад, с той же оперативностью была проведена реэвакуация отдела обратно на Лубянку.

– Какие функции выполняет УРАФ в настоящее время?

– В рамках своей компетенции решаем вопросы въезда и выезда из России, проблемы получения российского гражданства. Конечно, в первую очередь мы выполняем свои внутриведомственные задачи, но всегда помним, что решение этих вопросов связано с личными интересами многих людей, и нужно сделать все, от нас зависящее, чтобы были обеспечены их права. Также активно участвуем в восстановлении прав пострадавших от политических репрессий...

– Расскажите, пожалуйста, о работе, связанной с прибытием иностранцев в Россию, с выездом граждан за границу. Что тут главное?

– Главное – воспрепятствовать проникновению в страну шпионов, диверсантов, террористов, экстремистов всех мастей и т.д. Но тонкость в том, что право граждан на свободу передвижения, в том числе и за границу, не должно быть ущемлено.

Нашими сотрудниками выявляются сведения, которые являются основанием для принятия ограничений в отношении конкретных людей. К числу таких сведений относится принадлежность лиц к иностранным спецслужбам, террористическим организациям, нахождение в международном, федеральном или местном розыске, наличие уголовного дела или судимости. Нередко граждане пытаются скрыть осведомленность в государственной тайне, сообщают ложные сведения о себе. Результаты оперативно-служебной деятельности в этом направлении, поверьте на слово, достаточны.

– Расскажите о современных сотрудниках управления. Известно, что с одним из предшественников случилась комичная история, когда молодой чекист внес в ряды «врагов революции» Энрико Карузо, о выступлении которого он прочел в белогвардейской газете.

– Приведенный вами пример относится к самым первым годам существования учетно-регистрационного отдела. Сегодня к сотрудникам предъявляются очень высокие профессиональные требования. В управлении проходят службу военнослужащие по контракту. Коллектив стабильный, многие работают десятки лет. Примерно половина сотрудников – женщины. Давно известно, что именно им в первую очередь можно доверять работу, требующую внимания и сосредоточенности. В последнее время появилось много новых сотрудников, молодых историков и архивистов. Это не только выпускники Академии ФСБ России, но и воспитанники других вузов. Сплав опыта и молодого энтузиазма – вот наша цель в формировании коллектива.

– В последние годы было обнародовано как никогда много материалов из архива ФСБ. Что из них поразило даже вас, главного хранителя секретов?

– Думаю, вы из хороших побуждений назвали меня главным хранителем секретов. Разумеется, начальник управления, в составе которого функционирует архив ФСБ, где сосредоточено немало секретных материалов, несет прямую ответственность за их сохранность и использование в интересах безопасности страны. Но документы большой важности хранятся и в других государственных и ведомственных архивах. В первую очередь речь идет о бывших партийных архивах. Так что я хранитель секретов, но вряд ли самый главный... Если говорить о моих впечатлениях от рассекреченных в последнее время материалов, то трудно выделить самые «сенсационные», у нас этого титула достойны все материалы. Тем не менее есть документы, которые существенно дополняют и даже изменяют взгляды и представления об истории Отечества. Пожалуй, именно так можно охарактеризовать подготовленные ОГПУ–НКВД в 1922–1934 гг. аналитические обзоры политико-экономического состояния страны. Эти материалы, полные самой неожиданной информации о жизни всех

социальных слов нашего тогдашнего общества, мы публикуем в десяти-томном сборнике документов «Совершенно секретно. Лубянка – Сталину о положении в стране». Вышло уже шесть томов в девяти книгах. Рекомендую познакомиться с ними...

– *Вы уже знаете, какие события сегодняшнего дня будут отображены в архивах, а какие – «пройдут мимо»?*

– Думаю, что знаю, есть такое ощущение. Но чаще я испытываю совсем другое чувство. Оно возникает, когда смотришь какую-то телевизионную передачу или читаешь какую-то статью. Задаешься вопросом: откуда взята информация, которая преподносится как сенсационная? Иногда она бывает даже со ссылками на архивный источник, что на самом деле далеко от истины.

– *А не возникает желания поправить ситуацию, обнародовать документы о том, как «все было в действительности».*

– Мы не можем влиять на журналистов, даже если они пишут материалы неизвестно из каких источников. Если мы начнем поправлять, скажут, что вмешиваются в их профессиональную деятельность.

– *Но речь идет не столько о журналистах, сколько об общественном мнении, которое создается в результате неквалифицированных публикаций. Вокруг них потом иногда нарастают политические бури. Скажем, неточная информация вполне может наэлектризовать народ, вывести его на улицы.*

– Конечно, мы не можем «добру и злу внимать равнодушно». Иногда ситуацию, как вы сказали, поправляем. Возьмем июньские события 1953 года в ГДР, когда происходили волнения, стачки, демонстрации. Так вот, недавно с удивлением прочитали в одной газете статью доктора исторических наук о том, что мы до сих пор не расследуем факты расстрела советских военнослужащих, которые якобы отказывались стрелять в немецких демонстрантов. Мы в этой же газете опубликовали статью нашего сотрудника архива Ивана Степанова о том, что у нас нет таких материалов. Нет никаких свидетельств, что отдавался приказ стрелять в безоружных демонстрантов, тем более нет никаких свидетельств, что кто-то из советских военнослужащих привлекался к ответственности. Такого не было в природе! Откуда это взялось? Мы знаем, что впервые информация появилась по вине некоторых недобросовестных немецких экспертов. Родился миф, который периодически реанимируется публикациями в разных изданиях.

– Но ведь за подобной публикацией может стоять не только ошибка.

– Я не думаю, что доктор исторических наук, бывший военнослужащий, проводит какую-то акцию или его кто-то использует. В данном случае это ошибка, но в других – возможно, и акции.

– Скажите, вот вы занимались в Афганистане какими-то специальными вопросами. Нет ли желания теперь пойти в архив, посмотреть, что там и как там было более подробно, более масштабно?

– В архиве так не бывает, чтобы человек пошел и взял с полки какое-то дело, сел, почитал и удовлетворил свое любопытство. Такого права нет ни у меня, ни у других сотрудников. Чтобы взять дело, нужна или подготовка какого-то проекта, или исполнение запроса, нужен повод для такого шага, причем не формальный повод, а основательный. Напомню, что любые архивы являются объектами повышенной секретности, а что уж тут говорить об архиве спецслужбы?

– Все ли документы ФСБ оказываются в архиве, как идет их отбор?

– Перечень материалов, подлежащих хранению в ведомственном архиве, определен Законом «Об органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации» (статья седьмая). В архив не могут помещаться все документы, они бывают временного или постоянного хранения. Мы комплектуем фонды наиболее важными материалами, отражающими основную деятельность ведомства: нормативные акты, документы по личному составу и др. Конечно, также важны материалы, в которых обобщен опыт оперативно-розыскной деятельности. Следственные и фильтрационно-проверочные дела (на лиц, побывавших в плену, окружении, угнанных в неволю и др.) хранятся вечно. Это нужно не только для истории, но и для конкретных людей, невинно пострадавших в годы политических репрессий...

– А как происходит рассекречивание документов?

– В соответствии с законом Российской Федерации...

– По жизни как это происходит?

– У нас есть группа сотрудников, которые занимаются рассекречиванием. Они приходят в архивохранилище, берут поочередно одну-две папки, раскрывают, читают их от первой до последней страницы и выносят заключение: дело можно полностью рассекретить. Это один вариант. Второй вариант: дело можно рассекретить частично, за исключением страниц, к примеру, пятой, пятнадцатой, двадцать пятой и сто семьдесят пятой.

– Извлекают документы?

– Нет, просто пишут, что вот такие страницы не рассекречивать. Существует и третий вариант: дело рассекречиванию не подлежит.

– И все? Вот так один сотрудник решил – и документы навсегда останутся в хранилище? Или все-таки по этим страницам проводится какая-то дискуссия?

– На откуп одному сотруднику не отдается. Экспертная оценка документов проводится специальной комиссией, возглавляет ее заместитель директора ФСБ России. Споры бывают. Но сказать, что неделями дискутируем по такому поводу, будет неверно. У всех нас единый подход к тому, что можно рассекретить. Мы руководствуемся, как и было уже сказано, нормами действующего законодательства, причем не только Законом «О государственной тайне», но и законом об органах Федеральной службы безопасности и др. Мы активно участвуем в публикации архивных документов в интересах науки. Помимо уже названного многотомника «Совершенно секретно...» могу сказать о выходе в свет очередных томов из серий: «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД», «Русская военная эмиграция». В этом году нами подготовлены тематические сборники: «Огненная дуга», «Верховный правитель России», ждем издательства книгу-альбом «Смерш», в Варшаве готов тираж сборника «Депортации польских граждан с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1940 гг.».

– Ваши сотрудники активно участвуют в издательской деятельности. Вышли сборники документов о военной эмиграции, о Колчаке, о Каплан. Но иногда после их чтения все равно нет полного представления о некоторых событиях, к примеру о покушении на Ленина. Материалы публикуются не все или в свое время они не все были помещены в архив?

– Книга «Дело Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина?» вышла вторым изданием, в переработанном и дополненном виде, и могу заверить, что мы опубликовали все, что имелось в архиве. Помимо дореволюционного каторжного дела на Каплан полностью, без единого пропуска опубликовано следственное дело ВЧК 1918 г. При подготовке предисловия, комментариев мы использовали и другие архивные данные (причем не только из нашего архива), рассказали обо всех известных нам версиях и трактовках дела Каплан. Но в некоторой степени вы правы, потому что публикация материалов следственных дел действительно сопряжена с определенными сложностями. Например, при подготовке к печати книги «Следственное дело Патриарха Тихона» из-за большого объема материалов (40 томов) в ее состав были включены не все документы, а только основные, наиболее

важные. Подчеркну, в подготовке публикаций такого рода принимают участие авторитетные ученые. Они всегда заинтересованы в том, чтобы архивные источники были опубликованы во всей полноте, их никак нельзя упрекнуть в стремлении скрыть факты или замолчать правду.

– В печати появлялись сообщения о том, что каждый новый лидер страны старается уничтожить в архивах какие-то опасные для него документы. Шла речь о Сталине, Берии, Хрущеве. Насколько верны такие утверждения? Что сделано сейчас для того, чтобы предотвратить подобные акты?

– Сохранение архивов государственных и общественных деятелей является мировой проблемой. Например, в США президенты имеют право оставлять документы своих аппаратов в личных архивах, а публикуют их исключительно по своему усмотрению. В советский период не было законов, определявших право частной собственности на служебные документы, но личные архивы все-таки были (личная переписка, фотографии, приветственные адреса, грамоты и т.д.). В партийных архивах складывались документы первых лиц, которые потом хранились как личные фонды. Известно, что по постановлению ЦК РКП(б) был собран архив Владимира Ленина, после смерти Феликса Дзержинского в ОГПУ сформировали его архив, большинство документов которого впоследствии передали в Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ). Бывает и по-другому. Например, некоторые личные документы Лаврентия Берии, в том числе о его работе в Закавказье, хранил начальник секретариата НКВД Степан Мамулов. Михаил Горбачев создал Архив президента, в котором, теперь уже на официальной основе, сконцентрированы документы аппарата президента. Там могут храниться и личные архивы первых лиц России.

Относительно уничтожения «опасных» документов мне ничего не известно. Уничтожить, вымарать все резолюции и подписи с официальных документов с самыми высокими грифами секретности нельзя, они остаются для истории. Недавно появился компакт-диск «Сталинские расстрельные списки», можете убедиться – все подписи и резолюции на месте.

– Мне пришлось встречаться с вашими коллегами из другого военного архива. Оказывается, в нем еще много «нетронутых документов». Есть ли и такие документы в архивах ФСБ? Можем ли мы ждать новых документов по таким известным делам, как убийство Кирова, военно-фашистский заговор в Красной армии (1937 г.), дело Валленберга, расстрел в Катыни? Или тут все до конца ясно?

– Совсем «нетронутых», как вы выразились, документов в архиве не может быть по определению. Иначе это не архив, а просто склад бумаг. Во всех архивах при поступлении новых материалов проводится их науч-

но-техническая обработка (описание, систематизация, присвоение архивных номеров, порой реставрация и т.д.). Все это закрепляется в учетных документах (журналы, описи, картотеки, обзоры фондов, перечни и др.). Такая же работа проводится при ликвидации органа или отдельного подразделения, при структурных изменениях внутри ведомства, при передислокации и т.д. Другое дело – степень разработанности научно-справочного аппарата, насколько подробно и тщательно описаны хранящиеся в архиве документы. Может быть, наши коллеги имели в виду другую проблему: востребованность материалов, насколько часто к ним обращаются архивисты и исследователи. По поводу названных исторических фактов и событий могу сказать, что в архивах ФСБ уже неоднократно проводились поиски, проверки и исследования самого разного уровня и назначения. К архивным поискам привлекались самые квалифицированные специалисты, и не только нашего ведомства. Сейчас трудно предположить, что найдется что-то новое по этим достаточно полно изученным вопросам. Но ни один настоящий архивист никогда не скажет однозначно «нет». Настоящий архивист всегда надеется, что еще найдет важную информацию. Может быть, именно в этом заключается загадочная притягательность профессии хранителя тайн.

– Могли бы вы позволить нашей газете обнародовать материал, срок секретности которого уже истек?

– Конечно. Какие документы вас интересуют?

– *Сенсационные!*

– Не люблю этого слова. Повторюсь, у нас все материалы достойны такого определения.

*Интервью подготовил
Владимир Галайко*

ДЕНЬ ПАМЯТИ И СКОРБИ

*Интервью газете «Время новостей»
22 июня 2010 г. № 106*

22 июня — день поминовения миллионов наших сограждан, погибших во время Великой Отечественной. 65 лет спустя после Победы открытыми остаются вопросы — сколько их, не вернувшихся с полей сражений, замученных в фашистской неволе, умерших в оккупации, как выявить их имена? Не менее болезненная тема — в какой мере наша страна была готова к войне и не является ли катастрофическое количество потерь показателем неготовности? Эти вопросы обращены к межведомственной комиссии по подсчету потерь СССР в Великой Отечественной войне.

— Насколько продуктивной была работа комиссии и насколько обнародованная ею цифра — 26,6 млн безвозвратных потерь СССР в Великой Отечественной войне — соответствует действительности? Прозвучало предложение считать ее окончательной.

— Это предложение, как вы знаете, не было принято. С моей точки зрения, прекращать серьезную работу по подсчету потерь нельзя... Моя деятельность как представителя ФСБ состояла в организации подсчета потерь нашего ведомства — органов и войск госбезопасности. Та цифра потерь, которая была подсчитана 20 лет назад, после завершения работы комиссии должна была измениться. Общие потери вооруженных сил, объявлявшиеся ранее, — 8 млн 668 тысяч 400 человек. Потери среди сотрудников органов госбезопасности на тот период считались 61 тысяча 400 человек.

В результате работы последних месяцев — после создания комиссии — выявили еще 482 погибших сотрудника органов госбезопасности. А уже после передачи данных в комиссию численность потерь увеличилась еще на 100 человек. Когда мы сдали отчет, в архивах обнаружили список 99 сотрудников госбезопасности, погибших на территории Белоруссии. Еще один, как мы выяснили, погиб в Польше. Все они числились пропавшими без вести — не значились ни в одной книге памяти, их не было в списках погибших. Наше ведомство не исключение, данные менялись и у других, именно это и показатель серьезной исследовательской работы. Потому

и сводный результат подсчетов комиссии должен был отличаться от известного ранее. На мой взгляд, по прошествии 65 лет после Победы нужно стремиться к тому, чтобы установить всех погибших поименно. Тогда и цифра будет более точной. Именно поэтому мы ведем подсчет не по учетно-статистическому или балансовому методу, а стараемся установить каждого погибшего. И работа должна быть планомерной, а не кампанейской. Важно, чтобы работа комиссии по подсчету жертв не оказалась формальной: отрапортовали и вроде бы успокоились.

– Интересно, что в книге «Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь», вышедшей в этом году и созданной группой авторов во главе с начальником управления Минобороны по увековечению памяти погибших при защите Отечества генерал-майором Алексеем Кирилыным, та же цифра, причем она повторяет опубликованную в конце 90-х годов. Удивительная настойчивость, не правда ли?

– У каждого из членов комиссии был свой участок работы – уточнить цифры по своему ведомству. Результаты должны были сопоставляться и суммироваться. Поэтому точное совпадение общего числа с обнародованным в предыдущие годы несколько смущает. Если постоянно и последовательно вести работу по подсчету потерь, выявлять новые документы, сопоставлять данные различных исследователей, то результаты неизбежно будут меняться. Поясню на примерах. Нередко один и тот же человек попадал в статистику несколько раз: попал в плен, пропал без вести, оказался в списках погибших – следовательно, и в сведениях разных подразделений РККА он будет числиться в разных графах.

При поименном подсчете, когда будут устранены совпадения, цифра изменится, и возможно, в сторону уменьшения. Я сторонник поименного подсчета, хотя он самый трудоемкий, зато самый точный в статистическом смысле и самый честный в моральном.

Еще конкретный и довольно распространенный пример из нашего опыта, который можно экстраполировать и на другие ведомства. Сотрудник омского управления НКВД был отправлен на Ленинградский фронт, в особый отдел и погиб. В Омске значит в убитых, в списках Ленинградского фронта тоже. Получается две единицы. Когда мы начинаем сопоставлять поименно, начинаются метаморфозы: один и тот же человек может считаться пропавшим без вести и убитым. А на самом деле он жив. Недавно по ТВ промелькнул сюжет об одном жителе Башкирии: боец Красной армии, в 1943 году пришло извещение, что он пропал без вести, в 1944-м – похоронка, а он вернулся! И до сих пор у него нет удостоверения ветерана войны, поскольку по документам он числится убитым и пропавшим без вести. Понимая абсурдность ситуации, сотрудники отдела соцзащиты выдали ему удостоверение ветерана трудового фронта.

Другой пример: в конце мая к нам в Центральный архив ФСБ России пришел запрос из Узбекистана. Пишет директор одного из архивов, много лет пытающийся установить судьбу красноармейца, в июне 1942 года призванного из Андижана в Красную армию и направленного на территорию Сталинградской области, где следы его теряются. Военкомат подтверждает факт призыва и отправки на фронт. А Центральный архив Минобороны отвечает: «по документам учета безвозвратных потерь» этот военнослужащий не значится. И в живых нет, и в потерях не значится. Ищем...

Только при поименном сопоставлении можно выявить ошибку. Статистический метод здесь не работает.

– В посольстве Австрии в начале июня состоялся прием, на котором директор Института по исследованию последствий войн Стефан Карнер передал начальнику управления Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества Александру Кирилину списки граждан СССР, умерших или погибших на территории Австрии во время второй мировой войны. Это новые данные, которыми Минобороны не располагало.

– Мне это очень хорошо известно, поскольку господин Карнер – один из наших партнеров по международному сотрудничеству. И тот список, который вы упомянули, плод нашей совместной работы. На территории Австрии выявлено около 80 тысяч советских граждан, умерших или погибших там. И это список неокончательный. Для того чтобы выяснить, вошли ли эти 80 тысяч в список потерь, нужно сопоставлять с уже имеющимися базами данных и документами. Это самый сложный и трудоемкий процесс – сопоставление данных. К сожалению, погрешности учета во время войны неизбежны, суммарные погрешности могут составлять тысячи человек. В этой работе, по моему мнению, важно поддерживать деятельность поисковых отрядов, которые в большинстве своем работают на голом энтузиазме. А ведь именно благодаря им, работающим в местах боевых действий времен Великой Отечественной в разных регионах страны, удается разыскать без вести пропавших, установить имена погибших.

– Какие методы наиболее часто используются при подсчете потерь?

– Используется учетно-статистический метод – в основном для подсчета потерь в вооруженных силах на основе учетных документов. Второй – балансовый, он используется для подсчетов общих людских потерь: берется численность населения на 22 июня 1941 года и на 31 декабря 1945 года. Разница, за вычетом среднестатистического количества умерших обычной смертью, – и есть потери. Ученые-демографы считают общие потери 26,6 млн человек и утверждают, что погрешность в этом случае до одной десятой. Но и здесь есть неточности. Так, например, после окончания Великой Отечественной войны на территории Германии в лагерях для перемещенных лиц находи-

лось около 10 млн человек из различных стран, в том числе и из СССР. Часть из них по разным причинам не захотела возвращаться на родину, а уехала жить в другие страны (Австралию, Англию, Новую Зеландию, США). Все они при статистическом методе подсчета включены в число потерь. Но эти люди после войны были живы и не могут считаться потерями. Списки лиц, выехавших из Германии в другие страны, – в архивах Международного Красного Креста. Однако эта информация не учитывалась при подсчете потерь в советское время, когда контакты с этой организацией были не самыми лучшими, не учитывается и до сих пор.

– Сейчас с относительным открытием архивов появилась возможность говорить о тех категориях потерь, о которых ранее умалчивали. Например, о тех, кого расстреляли военные трибуналы. В книге «Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения» вы пишете, что только за период с 22 июня по 10 октября 1941 года особые отделы и заградотряды задержали более 657 тыс. военнопленных. Из них по постановлениям особых отделов и военных трибуналов расстреляно более 10 тысяч человек. Эти десять тысяч учтены?

– Да. Пик деятельности заградотрядов пришелся на 1942 год, когда вышел знаменитый приказ «Ни шагу назад!». В дальнейшем деятельность заградотрядов была уже не столь актуальной. После победы в Сталинградской битве и коренного перелома в Великой Отечественной войне Красная армия овладела стратегической инициативой, и заградотряды постепенно утратили свое назначение. Когда мы перешли в наступление, заградотряды превратились большей частью в комендантские подразделения и в 1944 году были расформированы. И число задержанных, тем более расстрелянных после 1943 года, существенно меньше.

– Каковы контакты с бывшими республиками, часть из которых вообще не считает Великую Отечественную своей войной, как, например, Молдова, а до недавнего времени и Украина; другая часть предпочитает больше говорить о воевавших на стороне Германии, как это происходит в Прибалтике. Вы обращались к коллегам из ближнего зарубежья?

– В этом есть определенная сложность – контакты не всегда сохранились на должном уровне, да и работа далеко не везде ведется, как недостаточно систематически, надо признать, ведется она и у нас в стране. К сожалению, некоторые коллеги в странах СНГ нам ответили, что не располагают данными по потерям или посоветовали обратиться в другие структуры. Но в основном все-таки данные по Советскому Союзу сохранились в российских архивах: ведь информация, как о призыве, так и о потерях в боях концентрировалась в Москве. В Литву, Латвию и Эстонию мы запросов даже не направляли.

– На протяжении почти четырех десятилетий после окончания войны у нас «не было пленных, а были предатели», потому и судьбы сотен тысяч попавших в немецкие лагеря были белым пятном. Только в последние лет 10–15 ведется работа по их установлению. Не многим лучше обстояли дела и с биографиями тех, кто оказался на оккупированной территории, был угнан на принудительные работы, попал в гетто и лагеря и т.д. Ведь графа о нахождении в плену и на оккупированной территории сохранялась в анкетах до начала 90-х годов и люди порой просто вынуждены были скрывать такие факты из своей биографии или биографии погибших родственников. Как здесь быть с цифрами?

– Мы давно и вполне успешно работаем с немецким фондом «Саксонские мемориалы» по созданию электронного банка данных на военнослужащих Красной армии, оказавшихся в плену. Документальную основу проекта составляют хранящиеся в ЦА ФСБ России, ЦА Минобороны и других архивах трофейные учетные карточки бывших советских военнопленных. К настоящему времени информационный ресурс содержит сведения на более чем 750 тыс. человек и работа по его пополнению продолжается. Одновременно мы оказываем помощь немецким партнерам в выяснении судеб немецких военнопленных, находившихся на территории СССР. Аналогичную работу мы ведем с представителями австрийского Института по изучению последствий войн им. Людвиг Бальцмана. С финскими исследователями изучаем события, связанные с «зимней войной» и «войной-продолжением» (так финские исследователи называют войну, которую Финляндия вела с СССР в 1941–1944 годах). Совместно с национальным архивом Финляндии устанавливаем судьбы советских военнопленных, находившихся в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. В этих исследованиях финские коллеги очень щепетильны: они тщательно выделяют лагеря для военнопленных, где была финская администрация, а где немецкая. Хотя принципиальной разницы для советских военнопленных не было.

– Есть точка зрения, как в отечественной историографии постсоветского времени, так и в зарубежной, что колоссальное количество потерь в первый период Великой Отечественной связано с тем, что наша страна оказалась к войне неподготовленной.

– Уже довольно долго эти дискуссии ведутся среди представителей различных профессий: военных, политиков, политологов, историков... Есть параметры, учет которых помогает настаивать на своей точке зрения тем, кто считает, что СССР был готов к войне, но просто неблагоприятно сложились обстоятельства. Например, это количественный состав Красной армии – по численности она была почти такая же, как вермахт. По количеству техники тоже вроде бы все неплохо. Но эти цифры убеждают до тех пор, пока

не переходишь к анализу реальной ситуации начала войны. В течение нескольких недель мы потеряли огромные территории, включая Минск, Киев, Вильнюс, Ригу и Таллин, подпустили немцев вплотную к Ленинграду, кольцо вокруг которого замкнулось уже 8 сентября (о чем ленинградцы не знали – эту информацию поначалу было запрещено разглашать во избежание пораженческих настроений). Осенью немцы были под Москвой...

За несколько месяцев около двух с половиной миллионов военнослужащих Красной армии попали в плен, а общее число потерь в 1941 году, включая убитых и пропавших без вести, – более трех миллионов. Ни у кого не повернется язык сказать, что мы были готовы к войне. О вооружении: да, у нас были новые виды танков, некоторые новые модели самолетов, разработанные накануне войны. Но они не были запущены в массовое производство и освоены военными. СССР располагал образцами новой военной техники, но пользоваться ими не умели, не успели перед войной научиться. Все это осваивалось уже в боевых условиях, и военную промышленность пришлось срочно переориентировать уже в эвакуации. Если бы мы готовились к войне, этим всем надлежало бы заняться уже как минимум в 1940 году...

Мы не были готовы не только в военном отношении, но и в психологическом: ведь на протяжении многих лет советская пропаганда говорила, что будем бить врага на его территории, малыми силами отбросив от наших границ, что всех победим... Кстати, отрицательно сказался на состоянии Красной армии и сентябрьский поход 1939 года в Западную Украину и Западную Белоруссию, территории заняли почти без боев, что создало иллюзию возможности быстрой победоносной войны...

– Но главнокомандующий польской армией маршал Рыдз-Смильги отдал приказ Войску польскому не оказывать сопротивления Красной армии: у Польши не было сил сражаться на два фронта – ведь с 1 сентября она воевала с силами вермахта...

– Это так, сопротивления практически не было, только единичные вспышки, преимущественно в приграничных районах. Но и при этом за две недели Красная армия потеряла полторы тысячи человек. И возникло ощущение легкой победы... Во время «зимней войны» потери Красной армии (погибшие, пропавшие без вести, умершие от ран и болезней) составили более 126 тысяч человек. Безвозвратные потери Финляндии – около 48 тысяч человек. О потерях, тем более об их соотношении, разумеется, не говорили, как и о неподготовленности к этой войне, – об устаревшем оружии, негодном обмундировании, отсутствии у бойцов навыков ведения боя в условиях суровой зимы, больших лесных массивов и сплошного минирования. Пропаганда преподносила итоги этой войны как наш успех: границу отодвинули, линию Маннергейма прорвали.

– Но командование-то знало правду?!

– Население поверило в непобедимость нашей армии, а командование, которое знало печальную правду, не учло уроков советско-финской войны. Считали, что и в дальнейшем практика численного перевеса себя оправдает, опять же предполагая, что с противником придется сражаться на его территории. Красную армию не готовили к оборонительной войне, военная доктрина была наступательной. Потому к сокрушительному удару 22 июня 1941 года страна оказалась неподготовленной...

– *Военная доктрина была наступательной при том, что лозунг о «революционном расширении границ» с политической повестки дня к тому времени был снят, вроде бы следовало заняться как раз оборонной стратегией... Откуда возникло такое противоречие, как получилось, что командование РККА не смогло реально оценить обстановку?*

– В результате репрессий 30-х годов квалифицированный командный состав Красной армии разных уровней поредел. Количество командиров, имеющих практический опыт и необходимое образование, резко уменьшилось, оставшиеся испытывали чувство неуверенности, не были готовы к неожиданному резкому росту в должностях. Командирами дивизий зачастую назначали людей, которые до этого не командовали даже полком. Да и в военных учебных заведениях штаты были либо не укомплектованы, либо должности занимали преподаватели, не имевшие опыта и необходимых специальных знаний, преподавание, как отмечалось в документах, велось «не показом, а рассказом». Только в 1937–1938 годах было репрессировано более сорока тысяч военнослужащих. Но репрессии в армии на этом не закончились. Причем и после подписания пакта Молотова–Риббентропа военнослужащих продолжали репрессировать, инкриминируя им участие в «военно-фашистском заговоре». И это на фоне того, что еще вчерашний заклятый враг – гитлеровская Германия – в одночасье стал другом. И как армия должна была переориентироваться? Ситуация перед войной была очевидной для специалистов. Разведка, хоть и весьма пострадавшая от репрессий, но все же сохранившая опытную агентуру, многократно докладывала о скором начале войны, называлась даже точная дата, указывалось приблизительное количество частей вермахта, сосредотачивавшихся у наших западных границ... Но руководство государства в предвоенные дни не предпринимало практически никаких подготовительных мер, опасаясь, что они будут восприняты в Берлине как провокация. «Не спровоцировать» – это стало просто заклинанием, исходившим из уст руководства страны и спускавшимся ниже. Но заклинаниями, как показала практика, врага не остановить... Нерешительность в первые часы войны командиров разного уровня, в первую очередь командующих округами, промедление, следствием кото-

рого стало катастрофически упущенное время и огромные человеческие потери, на мой взгляд, были вызваны именно боязнью спровоцировать немцев. Документы свидетельствуют, что, например, в Прибалтийском округе в первые часы войны то давались приказы поднимать самолеты для отражения противника, то прямо противоположные команды. Таковы были распоряжения, идущие из Москвы. В результате большое количество наших самолетов было уничтожено немцами прямо на аэродромах. Первые приказы, когда вермахт уже был на нашей территории и наши войска откатывались на несколько километров на восток от советско-германской границы, предписывали отбить нападение, но на немецкую территорию не выходить.

Кстати, репрессии против военных продолжались и после начала войны, хотя некоторые военачальники, репрессированные в конце 30-х годов, были выпущены в 1941-м. Например, Константин Рокоссовский и Кирилл Мерецков. Накануне и в первые дни войны было арестовано, в частности, много военных летчиков, что вообще абсурд – пострадали квалифицированные кадры, имевшие опыт войны в Испании, который был жизненно необходим. Почти никто из генералов ВВС не вышел после ареста... Начальник ВВС Прибалтийского округа генерал Алексей Ионов был арестован 23 июня за «участие в военно-фашистском заговоре». Его расстреляли 13 февраля 1942 года. Расстрелянные органами НКВД военнослужащие тоже вошли в число безвозвратных потерь СССР. Освобождение военных в начале войны отнюдь не массовое явление, чего не скажешь о противоположном процессе. Известно, что и в 1941–1942 годах арестовывались и генералы, и полковники, не говоря уже о младших офицерах. Например, в конце 1941 года были арестованы «и на следствии признали, что являются участниками антисоветской группы, существовавшей в академии имени Фрунзе», несколько генералов – преподавателей этой академии. Арестовывали военнослужащих и за нахождение в тылу врага: несколько дней пребывания в окружении могли стоить нескольких лет наших лагерей.

– Есть точка зрения, что в первые несколько дней войны в стране не было скоординированного управления. 23 июня создана Ставка верховного главнокомандования, 30 июня – Государственный комитет обороны (ГКО), и то и другое во главе со Сталиным, которого до начала июля 1941 года не было в Москве...

– Председатель Совета народных комиссаров – Сталин, генеральный секретарь ЦК ВКП(б), Верховный главнокомандующий, председатель ГКО – он же. Трудно представить себе более централизованную систему руководства государством. Так что говорить о несоординированности управления не приходится – координация была в одних руках. Никто не мог без его ведома принимать решения. Сохранился журнал посещений Сталина и по нему видно, с какой интенсивностью шли посетители

– наркомы, представители высшего военного командования. С позиций сегодняшнего дня видно, что, возможно, не самые лучшие, не самые правильные решения принимались.... Но лучше принять решение, нежели его не принимать. Нельзя говорить о том, что руководство страны в первые часы и дни войны бездействовало, но невозможно отрицать и того, что оно пребывало в растерянности. И не только в первые дни. Некоторые историки, в том числе ветераны войны, считают, что, например, и приказ «Ни шагу назад!», когда появились штрафбаты и заградотряды, – тоже свидетельство растерянности высшего руководства страны, не знавшего, как остановить продолжающееся отступление.

– Продолжая тему принятия решений на первом этапе Великой Отечественной и тему наших потерь не могу не спросить о народном ополчении. Количество ополченцев не уточнено до сих пор, а ведь потери среди них еще большие, нежели в частях РККА, состоящих из призванных по мобилизации. Снаряжения у ополченцев не было практически никакого, обучения фактически не было. Да и оружия катастрофически не хватало. В Ленинграде, например, где два батальона ополченцев сформировали еще раньше, чем в Москве, был популярен такой лозунг: «Товарищ, вступай в ряды народного ополчения. Винтовку добудешь в бою».

– В ополчение шли тысячами – в искреннем порыве защитить отчий дом, свою семью, то, с чем у каждого человека ассоциируется Родина. Шли ведь те, кто не подлежал призыву по возрасту или по состоянию здоровья, что уже само по себе резко увеличивает риск. Это в подавляющем большинстве были люди старшего возраста, не годные для службы в армии, не обученные военному делу, и их натаскивали в лучшем случае пару недель (вместо обязательных двух-трех месяцев), а то и меньше. И бросали в бой... Быстро вооружить такое количество формирований было невозможно. Да что ополчение, когда в соответствии с постановлениями ГКО создавались кадровые дивизии, которые зачастую было крайне сложно вооружить.

В документах, которые направлялись в 1941 году в ГКО, начальник Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии Ефим Щаденко, информировал о проблемах снабжения формируемых стрелковых дивизий. Например, 13 октября он писал И. Сталину: «Формирование 85 стрелковых дивизий по постановлению ГКО от 11 августа происходит с большими трудностями и дивизии к сроку, установленному ГКО, не готовы. Основная причина – необеспеченность формируемых дивизий оружием. Из первоочередных 40 дивизий, подлежащих формированию до 15 октября, обеспечено в основном только 10 дивизий, в 21 дивизии имеется оружие только для обучения, а 9 дивизий оружия совсем не имеют. Из второочередных 45 дивизий со сроком формирования 15 ноября – 15 декабря только 4 дивизии имели оружие по учебной норме, 20 дивизий

имели лишь по несколько десятков винтовок, и в 21 дивизии совершенно оружия нет». Что ж говорить об ополчении...

– К вопросу об оправданности – неоправданности потерь: зачем брать в ополчение, если нет возможности его вооружить и хотя бы минимально обучить?

– Сколько известно случаев, когда в наспех сформированных маршевых ротах бросали на фронт практически безоружных или не умеющих толком пользоваться оружием людей. Эффективность их участия в боевых действиях была, увы, близкой к нулю, а смертность практически стопроцентной. И подсчеты потерь среди ополченцев, разумеется, до сих пор далеко не точны. Думаю, у руководства государства был порыв отчаяния – хоть как-то остановить натиск врага, дошедшего почти до Москвы. Так, командующий войсками Харьковского военного округа генерал-лейтенант Степан Калинин считал, что «Верховное командование Красной армии не заботилось о сохранении людских ресурсов, допуская в отдельных операциях большие потери. Ни одно государство не расходует так неэкономно людей». Такие «пораженческие настроения» привели к тому, что Степан Калинин 13 июня 1944 года был арестован и приговорен к 25 годам лишения свободы. Его освободили из заключения и реабилитировали в ноябре 1953 года. Это было понятно и рядовым, и генералам.

Люди – единственный доступный, практически без ограничений, ресурс. Им и пользовались, и отнюдь не только применительно к ополчению. Не считая.

*Интервью подготовила
Юлия Кантор*

22 ИЮНЯ 1941-ГО

*Интервью агентству РИА Новости
22 июня 2011 г.*

В годовщину 70-летия нападения на Советский Союз гитлеровской Германии архивисты ФСБ подготовили две книги «Великая Отечественная война. 1941 год» и «Тайны дипломатии Третьего рейха», где на основе в том числе и ранее засекреченных документов рассказывается о важнейших моментах подготовки Германии к агрессии и самом трудном для нашей страны первом годе войны.

– До сих пор много споров о том, насколько Советский Союз и его руководство были готовы к нападению 22 июня. Что говорят архивы?

– В канун второй мировой войны ее приближение ощущали, конечно, все крупнейшие страны. Опасность, исходившая от фашистской Германии, была очевидной, так что все страны, участвовавшие затем в войне, так или иначе, к ней готовились, Советский Союз не исключение. Но насколько СССР оказался готов, это наглядно показал начальный период войны, особенно период с 22 июня до середины июля, когда произошли самые катастрофические события для Красной армии. Что касается данных разведки, то, безусловно, по каналам внешней разведки, по каналам военной разведки информация о подготовке Германии к войне поступала, но она была разноречивой. Назывались разные даты нападения – и в мае, и в июне. Поэтому, вероятно, Сталин относился к этой информации разведки с недоверием. Если говорить документально, то достаточно сказать, что, например, достоверных сведений о плане «Барбаросса» до войны не смогла получить ни одна из крупнейших разведок – ни советская, ни английская, ни американская. Были известны лишь отдельные детали. В полном объеме план «Барбаросса» стал известен Советскому Союзу и его союзникам лишь после войны. Что касается доктрин, то у нас преобладала доктрина о наступательной войне. Никто не предполагал, что противнику удастся за такой короткий срок оккупировать столь обширную часть советской территории. Так что к обороне никто не готовился, о чем свидетель-

ствуют все документы. Нередко, например, возникает вопрос, готовились ли мы заранее к партизанской борьбе? Да ничего подобного. Более того, скажу, что все наши кадры, которые могли бы вести партизанскую борьбу, мы еще в тридцатые годы разогнали по различным подразделениям. Ни в НКВД, ни в Красной армии до войны не было ни одной структуры, которая бы занималась подготовкой партизанского движения, заранее закладывала бы базы, готовила оружие, продовольствие. Такая структура была воссоздана лишь 5 июля 1941 г., когда в НКВД была создана Особая группа при наркоме внутренних дел, и эту группу возглавил Павел Судоплатов. Только тогда началась целенаправленная работа по созданию партизанских отрядов, оперативных групп, разведывательно-диверсионных отрядов, которые направлялись в тыл. В июле первые такие отряды пошли под Смоленск, на территорию Белоруссии, но не было баз, не было оружия и продовольствия, поэтому в 41-м году всем этим отрядам пришлось на оккупированной территории очень тяжело. И еще одно. Первая ошибка Сталина заключалась в том, что он не верил в возможность нападения на Советский Союз в 41-м году. Вторая ошибка советского руководства заключалась в том, что было неверно определено направление главного удара противника. Все наши основные силы были сконцентрированы в Киевском особом военном округе, поскольку предполагалось, что Гитлер основные силы вермахта бросит через Украину, то есть, попытается в первую очередь захватить эту житницу. Оказалось, основным направлением удара противник выбрал Западный особый военный округ через территорию Белоруссии, через Минск на Москву.

– Если к войне не подготовились, то возникает вопрос, насколько же были адекватными те чрезвычайные меры, которые принимались руководством страны уже после 22 июня?

– Поскольку нападение оказалось «неожиданным», руководству страны пришлось сразу же прибегать к чрезвычайным мерам, чтобы остановить наступление противника и мобилизовать работу всего государственного аппарата, общественных организаций на обеспечение безопасности и поддержку фронта. 22 июня принимаются указы о мобилизации, о военном положении. Мобилизация началась 23 июня. Сравним. Если на начало войны Красная армия насчитывала 4 млн 275 тысяч, то к концу 41 года ее штатная численность превысила 9 миллионов человек. Но не следует забывать, что в первые месяцы войны Красная армия потеряла 4 млн 400 тысяч бойцов. То есть, выходит, что она за короткий период понесла потери, превышающие ее довоенный штатный состав. Вот такие ужасные цифры.

– Получается, есть некая правда, когда говорят, что Отечественную войну выиграла не кадровая армия, разгромленная в первые месяцы 1941-го, а, как говорится, люди гражданские: учителя, рабочие, колхозники?

– Ну, строго говоря, у нас кадровой армии не было и до войны, у нас была армия по призыву, то есть те же самые рабочие, колхозники, учителя. Так что, совершенно точно не ошибемся, если скажем, что войну выиграл советский народ. Но по существу верно: та Красная армия, что начинала воевать, была фактически уничтожена в первые месяцы 1941-года. Не случайно в первый же период войны было создано Главное управление формирования Красной армии, которое и занималось пополнением. Возглавлял управление Ефим Щаденко, а документы, в которых он информирует Сталина о формировании частей и соединений, сами по себе свидетельствуют о чрезвычайно тяжелой ситуации в начале войны. Щаденко, скажем, требует, чтобы не отправляли на фронт совершенно необученных, только что призванных в армию людей, некоторые из которых даже не умеют толком обращаться с оружием. А такое случалось, чтобы заткнуть « дыры » на фронте. Отсюда и большие потери среди новобранцев. Лишь после неоднократных обращений Щаденко к Сталину было, наконец, принято постановление Государственного комитета обороны, чтобы без подготовки маршевые пополнения на фронт не отправляли. Чтобы призывники хотя бы два-три месяца проходили обучение, научились стрелять и бросать гранату.

– И когда было принято такое решение?

– В августе 41 года.

– А как вел себя в первые дни войны Сталин? По одной из версий после 22 июня, Сталин находился в столь глубоком шоковом состоянии, что чуть ли не на неделю устранился от принятия каких-либо решений.

– То, что для Сталина нападение стало шоком, хорошо известно по воспоминаниям военачальников, в том числе и по воспоминаниям Жукова. Жуков пишет, например, о том, что когда он позвонил Сталину и сообщил о нападении Германии, Сталин несколько минут молчал, так что Георгию Константиновичу пришлось несколько раз переспрашивать, понял ли он его, слышит ли. Но если говорить о деятельности Сталина в первые дни войны, то здесь помогает такой документ, как журнал посещений его кабинета в Кремле. Охрана вела такой журнал: когда человек зашел к Сталину, когда вышел. Поэтому достаточно посмотреть журнал за 22 или 23 июня, чтобы понять: работа шла достаточно интенсивная. Другой вопрос, мы не всегда можем ответить на вопрос, что же в кабинете у Сталина обсуждало. Не все документы, к сожалению, сохранились, а нередко таких документов и вовсе не было: что-то решалось устно, поэтому об эффективности принятых решений говорить сложно. Но вот то, что количество посетителей, которых принял Сталин в эти дни, было большим, об этом документы свидетельствуют наглядно.

– *Каким было реальное настроение в обществе сразу после начала войны? Война же застала врасплох не только Сталина. Кому, как не вам прояснить ситуацию. НКВД являлся, конечно, весьма своеобразным ВЦИОМом, но другого органа, который бы изучал в те времена общественное мнение, просто не существовало.*

– Конечно, НКВД настроения в обществе отслеживал и действительно среди прочего являлся и социологической службой, хотя вы и правы, службой своеобразной. Эта служба не только отслеживала настроения, но и принимала в связи с этими настроениями решения, порой весьма жесткие. Фактически с первого дня войны на эту тему готовились сообщения и для высшего руководства страны, для ЦК КПСС. Сбором таких сведений занималось секретно-политическое подразделение. И в первые дни войны настроения в обществе были самыми разнообразными. Начиная от подъема патриотического движения, когда люди говорили: идем добровольцами, дайте нам в руки винтовку и гранату, мы пойдем бить Гитлера, и через неделю Берлин будет у наших ног. Были настроения очень настороженные, когда люди понимали, особенно интеллигенция, ученые, историки, что война будет тяжелой и не один год. Они отдавали себе отчет в том, с каким опасным и сильным противником придется бороться и каких жертв потребует борьба. Хотя при этом и верили в то, что, в конце концов, Советский Союз победит. Были и те, кто в победу не верил. Говорили, что Гитлер завоевал половину Европы и что через две-три недели СССР падет, и немцы будут в Москве.

– *А скептики при этом радовались или огорчались?*

– Были и те, и другие. Когда говорят, что у нас было такое единодушное общество и все хотели шагать под красным знаменем на фронт, это неверно. Были и те, кто радовался нападению Гитлера, надеясь, что он разобьет коммунизм. Эти люди утверждали, что Гитлер напал не на Россию, а на коммунистическую державу. И надеялись, что, освободившись с помощью Гитлера от коммунистов, они станут свободными и перейдут к демократии. Конечно, эти мысли были весьма наивными, но что было, то было. Как правило, эти лица в течение короткого времени оказывались под арестом. И привлекались к ответственности по печально известной статье 58-10 УК РСФСР, то есть, «контрреволюционная пропаганда и агитация».

– *В продолжение той же темы. А что реально происходило в самые тяжкие дни обороны Москвы в столице. Как вело себя население? Действительно ли паника, охватившая в эти дни москвичей, была массовой? И здесь есть очень разные версии.*

– К началу октября 41-го обстановка на фронте сложилась трагическая. Резервов у советского командования, чтобы не допустить вермахт к Москве, фактически не оставалось. Поэтому 15 октября ГКО принимает постановление об эвакуации из Москвы основных правительственных учреждений, об эвакуации дипломатического корпуса. Часть организаций была эвакуирована еще раньше. Беда заключалась в том, что населению никто ничего не объяснял, поэтому по городу поползли слухи, а 16-го октября в Москве действительно возникла паника. Ее сразу же зафиксировали органы НКВД, и в тот же день было подготовлено постановление ГКО, в котором ставилась задача остановить панику. Требовалось провести разъяснительную, организационную работу, ввести осадное положение. В результате чрезвычайных мер и разъяснительной работы паника была пресечена. Люди успокоились. Самое же главное состоит в том, что советское политическое руководство предусматривало возможность оставления Москвы, в связи с чем и проводилась эвакуация, а чуть ранее было принято постановление, которое предписывало НКВД подготовить Москву к тому, что город может быть занят противником. Более 400 объектов в Москве и Московской области были заминированы.

– *А Кремль тоже минировали?*

– Нет, Кремль не минировался. Во всяком случае, таких документальных материалов у нас нет. Есть данные о том, что минировался собор Василия Блаженного, гостиница «Москва», ряд объектов наркомата иностранных дел, другие крупные объекты. Причем все это минировалось не для того, чтобы уничтожить после ухода Красной армии, а для того, чтобы взорвать их, когда они будут заняты войсками противника, чтобы нанести ему урон в живой силе.

– *Это понятно. Не ясно для чего уничтожить Покровский собор, трудно представить, чтобы там обосновался какой-нибудь немецкий штаб.*

– Дело в том, что все эти мероприятия осуществлялись в спешке, и времени на составление какого-то детального плана не было. Могу привести такой пример по воспоминаниям тех, кто этими вопросами занимался в 41-м году. Был, например, составлен план минирования гостиницы «Москва» – заложить туда две тонны взрывчатки. Саперы приезжают, смотрят на глазок: нет, две тонны тут маловато. И закладывают три тонны. Когда же угроза захвата Москвы исчезла, был, разумеется, дан приказ разминировать все объекты. Снова приезжают и согласно первоначальному документу извлекают из гостиницы две тонны взрывчатки. А про третью тонну уже никто не знает и не помнит. Так вот, эту оставшуюся тонну случайно

обнаружили недавно, когда разбирали фундамент старого здания гостиницы. Вот такая была обстановка.

– *Так может быть, мы где-нибудь сидим еще на куче взрывчатки?*

– Не волнуйтесь, проведена самая тщательная проверка всех объектов, которые во время войны были в Москве заминированы.

– *Ну, слава богу, уже спокойнее. А какими силами предполагали защищать саму столицу в случае, если немцы все же прорвут оборону и войдут в город?*

– Давайте все-таки уточним. То, что предусматривался вариант оставления Москвы, не означает, что сдача города планировалась. Это разные вещи. Да, по линии НКВД готовились люди, которые должны были остаться в Москве и вести разведывательную и диверсионную работу. Было подготовлено около 70 подобных групп, около сотни агентов-одиночек. Но все-таки уличных боев не планировалось, планировали отставать Москву до конца. Как мы знаем, так и случилось.

– *Читал книгу «Испанцы Сталина», построенную на воспоминаниях тех испанцев, которые после поражения республиканцев, обосновались в СССР и во время войны воевали на нашей стороне. Если верить этим мемуарам, несколько испанцев входили в некие вооруженные отряды НКВД, которые в самые тяжёлые дни обороны Москвы занимали позиции в Историческом музее, в «Метрополе» и готовились защищать центр города в случае немецкого прорыва. Есть ли здесь доля правды?*

– Различных материалов, касающихся обороны Москвы много. Мы даже издали такой сборник «Лубянка в дни битвы за Москву». Там как раз опубликованы документы о подготовке диверсионных групп на случай захвата Москвы. Есть информация, где закладывались их базы, создавались запасы оружия, боеприпасов. Не случайно, например, существует в Москве станция метро «Партизанская». Там в Измайловском парке и была организована одна из баз. Но я нигде не встречал и не слышал ни от кого, кто занимался этой проблематикой, чтобы какие-то отряды НКВД готовились защищать Красную площадь. Такой информации нет.

– *В книге, посвященной 1941 году, есть раздел о Финляндии. Как мне кажется, у нас больше помнят о зимней советско-финской войне, чем о той роли, которую играла Финляндия, действуя совместно с гитлеровцами, в Отечественной войне. Мало кто задумывается, например, о том, какой вклад в столь трагичную для нас блокаду Ленинграда внесли как раз финны. Какие задачи в своем плане «Барбаросса» ставили перед финнами немцы?*

– Немцы отводили финнам именно ту роль, которую они и сыграли в войне: наступление с территории Финляндии, максимальное отвлечение сил на себя и участие в блокаде Ленинграда. Германские планы неоднократно обсуждались с финскими военными. Полную поддержку планам Гитлера высказало и финское политическое руководство. Финны одновременно и боялись Советского Союза, и жаждали реванша после территориальных потерь в результате поражения в войне 1939–40 гг. Война, которая началась в 1941, являлась для них продолжением «Зимней войны». Но, характерно, что когда финны вышли на старые рубежи, то есть, вернули себе утерянную территорию, они не остановились, а пошли дальше. Старая идея «великой Финляндии» никуда не делась, и они попытались ее реализовать, используя, как им казалось, удобное стечение обстоятельств. Не случайно Маннергейм повторил в 1941 г. ту свою клятву, что произнес еще в первую советско-финскую войну 1918–20 гг., о том, что он не вложит свой кинжал в ножны до тех пор, пока не будут освобождены все карелы.

*Интервью подготовил
Петр Романов*

«СМЕРШ»: МИФЫ И ДОКУМЕНТЫ

*Интервью на радио «Голос России»
в цикле «Теория заблуждений»
21 апреля 2011 г.*

– Я понимаю, что говорить о «Смерш», особенно с профессиональным историком, который много работал над этой темой, можно бесконечно долго, потому что если мы зайдём в любой книжный магазин, то увидим там целый стеллаж, наверное, книг, в той или иной степени относящихся к работе органов «Смерш» в годы Второй мировой войны. Но начать я предлагаю с темы, которая, на мой взгляд, главная во всей этой истории. Это история противодействия органов «Смерш» нацистской агентуре на территориях оккупированных или потом уже освобождённых территориях Советского Союза. Вот сейчас в XXI веке, если бросить ретроспективный взгляд на эту проблематику, насколько успешно удавалось «Смерш» противодействовать агентам Третьего рейха?

– Действительно, начнем с того, что на книжных полках магазинов появилось очень много книг с громким названием «Смерш», но даже беглый просмотр этих книг свидетельствует, что часть из них основана на сплошных небывлицах, часть – на мифах, но есть определенная литература, которая написана именно на подлинных документальных материалах, и вот эта литература заслуживает внимания. Если говорить о противодействии агентуре, в первую очередь, конечно, немецких разведывательных, контрразведывательных органов, диверсионных подразделений, то, наверное, нужно начинать не со «Смерш». Ведь что такое «Смерш»? Это подразделения военной контрразведки, которые были образованы в 1943 г. Но военная контрразведка существовала всегда, и до 1943 г., и гораздо раньше, и после 1943 г., поэтому, правомерно говорить об органах военной контрразведки, которые с начала войны именовались как особые отделы НКВД. Именно в первые дни войны особым отделам НКВД предстояло противостоять массовой заброске агентуры спецслужб противника на территорию Советского Союза. Поэтому именно военная контрразведка, особые отделы, впоследствии органы контрразведки «Смерш», как они стали называться,

занимались этим противодействием. Ни для кого не секрет, что германские спецслужбы считали, что чем больше агентов они забросят, тем более эффективно будет строиться их работа, то есть шла скоропалительная подготовка агентов из числа советских военнослужащих.

– Ну это в рамках блицкрига всё того же?

– В рамках блицкрига. Немцы не утруждали себя длительной профессиональной подготовкой своей агентуры: они считали, что все равно в течение двух–трех месяцев, во всяком случае, до зимы, война будет закончена, и тратить силы на длительную подготовку агентов ни к чему. Бытовало мнение, что даже если из десяти агентов один вернется, успешно выполнив задание, – этого будет вполне достаточно.

– Из десяти – один. А кто были эти люди? Это пленные красноармейцы или это русская эмиграция, или это сами этнические немцы? Из кого вербовалась агентура?

– Если говорить о начале войны, о 1941-м, то тут нужно разделить как бы на две составляющие: первая – это профессиональные немецкие разведчики и диверсанты, которые прошли длительную подготовку, были хорошо обучены, и в составе десантов забрасывались в первые дни войны. Но у них была цель разведывательно-диверсионная: захватить мосты, мешать отступлению наших войск, совершать диверсии на коммуникациях, то есть это были высокопрофессиональные разведчики. Именно поэтому в первые дни войны, если мы обратимся к документам, то увидим, выходят постановления, приказы, различные директивные указания а о том, чтобы усилить борьбу с десантами и диверсантами противника. В первые дни войны это было очень важно. Большинство разведчиков противника было экипировано в форму Красной армии и забрасывалось именно с диверсионными целями. Вторая часть, если говорить о противнике, – это были завербованные агенты из числа советских военнопленных. В первые дни войны, трагически сложившиеся для Красной армии, для всей страны, в плен попало огромное количество наших военнослужащих: более миллиона. И работе среди советских военнопленных была посвящена основная деятельность немецкой разведки. Они выискивали тех, кто согласится принять условия, согласится сотрудничать с германской разведкой и возвратится в тыл, в советский тыл для того, чтобы в первую очередь собирать разведывательную информацию. Конечно, их не учили диверсии, совершать террористические акты, их задача была узко специфическая – собрать информацию о местах дислокации советских войск, о коммуникациях и вернуться обратно. Вот как раз именно об этом контингенте и говорится, что хорошо, если один из десяти вернется и принесет данные. Забрасывались такие агенты огромными количествами, не десятками – сотнями. Сразу возникает вопрос: по-

чему такое много советских пленных соглашались сотрудничать с германской разведкой? Ответ в большинстве случаев простой: те условия, которые создавались для советских военнопленных в лагерях, были настолько невыносимы, что они соглашались сотрудничать с одной целью – вернуться обратно на родину, вернуться и сразу же сдать, прийти в НКВД и заявить о том, что дал согласие, но не совершил никаких противоправных актов. И тем самым спасти свою жизнь.

– То есть нельзя говорить так, как это модно сегодня у ряда исторических публицистов, что все эти пленные красноармейцы пьлали ненавистью к товарищу Сталину, при первой же возможности не только перешли на сторону врага, но еще и стали выполнять специальные разведывательные диверсионные операции.

– Я думаю, что большинство из этих людей попали в плен в силу сложившихся обстоятельств, в силу трагических обстоятельств. Когда стремительное продвижение германских войск, танковые колонны, танковые клинья они отсекали, и в окружение попадали не то что подразделения, попадали части, соединения, целые армии попадали в окружение, и не всем удавалось выйти из этого окружения. Поэтому говорить о том, что, они сдались в плен, питая ненависть к советскому строю, питая ненависть к Сталину персонально, наверное, это некоторое преувеличение. Безусловно, я не сомневаюсь, что среди тех, кто сдался в плен, были и такие, но это были единицы.

– А как органам контрразведки удавалось их вычислить? Ну вот, если взять бывшего красноармейца, ведь человек родился на территории Советского Союза, он блестяще знает язык, он знает все особенности жизни и уклада, да? Ведь бытовало как, что вот если с диверсионным заданием идет русский эмигрант, то его легко в общем вычислить, да, как это ряд историков утверждает. Положите перед ним там 2 карты, где должен быть командир? Ну, естественно, что каждый рожденный в Советском Союзе понимал: впереди на лихом коне, эмиграция этого не знала, поэтому это удавалось периодически вычислять. А вот с красноармейцами-то как обстояло дело?

– Если говорить об эмиграции, то количество завербованных агентов спецслужб среди русских эмигрантов было минимальным. Русская эмиграция, несмотря на то, что она, ну мягко говоря, не любила советскую власть, не любила тот режим, который существовал в Советском Союзе, все-таки они восприняли войну не так, как на то рассчитывал Гитлер и его приспешники. Они не поддержали Гитлера, они не захотели вставать рядом с Гитлером, чтобы бороться с Советским Союзом. Примеров тому достаточно, наиболее яркий пример – это Деникин. Да, действительно, те, кто

согласились сотрудничать, те были брошены, а русского эмигранта было выявить – то, что это русский эмигрант и шпион, – несколько проще. Действительно, если был завербован советский военнослужащий, всю жизнь проживший до самого начала войны в Союзе, хорошо знавший все, его трудно было уличить в том, что он шпион. Здесь было два варианта: первое, как я уже сказал, – часть из них, достаточно большая часть, они сами приходили и говорили, что я завербован и дал согласие на вербовку лишь только для того, чтобы спастись. Были и такие, кто хотел выполнить задание по разным причинам: кто-то из них был или сам репрессирован до начала войны, или его родственники были репрессированы, и, мягко говоря, они нелояльно относились к советской власти, к Сталину. Именно таких людей и можно было выявить среди брошенных в наш тыл красноармейцев. Разные способы для этого существовали, ну, начнем с того, что все выходящие из окружения, все лица, возвращающиеся из плена, проходили обязательную проверку, которую начали, с 1941 г. вели особые отделы НКВД, а после апреля 1943 г. – органы контрразведки «Смерш». То есть любой возвращающийся, неважно, он был один день в окружении или несколько месяцев, подлежал государственной проверке, как это называлось в официальных документах, или фильтрации. Что такое «проверка», что такое «фильтрация»? В течение короткого времени, 3–5 дней, военному контрразведчику предстояло определить, является ли этот человек подозрительным на шпионаж, как иногда писали, или ему можно доверять полностью. Вот в течение 3–5 дней все возвращающиеся из плена, из окружения находились на проверочных, фильтрационных пунктах, на них заводилось «фильтрационное дело» так называемое. Что оно из себя представляло? Анкета, которую заполнял или он сам, или со слов проверяемого заполнял следователь, протоколы допроса, протоколы допроса могли быть или его самого, или третьих лиц, кто знал обстоятельства нахождения, задержания в плену. Если человек не путался в показаниях, то таких людей возвращали на приемные пункты Красной армии, и они использовались для пополнения частей. Если у следователя в ходе проверки возникали какие-то сомнения, то его направляли в фильтрационный лагерь, где велась последующая, уже более тщательная, проверка. Но это не значит, что из фильтрационного лагеря все сразу автоматически перемещались в лагерь НКВД, в Сибирь и так далее.

– *Это очень популярный миф.*

– Большинство после прохождения проверки уже в фильтрационном лагере, также признавались ни в чем не виновными и, если по состоянию здоровья были готовы служить, так же возвращались в Красную армию. Если по состоянию здоровья его не могли направлять в действующую армию, то направляли в распоряжение военных комиссариатов по месту жительства. В отношении тех, кто обоснованно подозревался в сотрудни-

честве с германской разведкой, материалы передавались в военный трибунал, и принималось решение об осуждении. В ряде случаев были вынесены смертные приговоры. Но это число по сравнению с миллионами прошедших фильтрацию, незначительно. Не более 10% получили приговор и были наказаны лишением свободы.

– А как показывала практика, тех 2–3 дней первоначальной проверки хватало на то, чтобы определить, ну хоть примерно, виновен или не виновен человек? И какая была – самое главное – профессиональная подготовка у людей, которые осуществляли эту проверку, это ведь каторжная работа-то, с незнакомым-то человеком с «нуля» фактически?

– Безусловно, работа была непростая, и, что называется, цена ошибки здесь была очень велика: что значит признать человека виновным, если он не совершал никаких противоправных действий, или, наоборот, направить в действующую армию человека, который дал согласие работать с германской разведкой. Приемы работы были различные: во-первых, те работники, которые работали на этих фильтрационных пунктах, должны были быть хорошими психологами, должны были по каким-то признакам определить, что человек волнуется в ходе разговора, что-то пытается утаить. Это сейчас есть так называемые «детекторы лжи», «полиграфы», а тогда все это было искусством оперработника. Очень тщательно изучали документы; в первые годы войны немцы прокалывались на одном простом, казалось бы, таком признаке. Красноармейские книжки, которые изготавливались для агентов немецкой разведки, были выполнены безупречно, отличить их по внешнему виду было невозможно, качество было идеальным, выдавал один признак: в нашей красноармейской книжке скрепка была из обычной проволоки, а в красноармейской книжке, изготовленной германской разведкой, она была из нержавеющей стали. И, раскрывая книжку, было видно: если нержавейка – все, будьте добры в отдельную группу: вы немецкий шпион. В тех красноармейских книжках очень часто применялись какие-то условные знаки, скажем, ставилась дополнительная цифра, в печати использовались символы, которые периодически перерегистрировались, и немецкая разведка не успевала отслеживать, даже изучая документы тех, кто попал к ним в плен. И вот дополнительные штрихи, символы эти они не успевали вносить, и тогда можно было определить, что книжка изготовлена на более ранней стадии, когда немецкой разведке не было известно о тех изменениях, которые вносились вот в эту книжку. Ну и на каких-то мелочах очень часто попадались люди. Если у него легенда была отработана не очень качественно, могли на простых вопросах засыпаться, допустим, если это был офицер, спрашивали, как звали официантку в офицерской столовой 7-й армии, условно говоря. Он сразу начинает думать, как ее звали, а там не было никакой официантки! Ну вот на каких-то мелочах... Но тем не менее, это нужно

было – я еще раз говорю – быть хорошим психологом и знать хорошо обстановку в частях Красной армии, чтоб можно было, задавая такие вопросы, понимать, действительно был ли военныйслужащий в этой части, или у него это фиктивные документы, и он знает об этой части только понаслышке.

– Из приключенческой главный образом литературы, откуда социум и собственно берет знания по поводу «Смерш», известно, что все немецкие диверсанты, они были достаточно хорошо оснащены: там какое-то современное оружие, рации. Вот процесс вот этой самой фильтрации, да, а куда же это все девалось: оружие, боеприпасы, рации, запасные документы? Это, что, закапывалось, а потом раскапывалось, или люди шли просто с чистыми руками, как при Ватерлоо, лоб в лоб?

– Все зависело от того, какую задачу получал агент немецкой разведки. Если он шел для сбора сведений, то, конечно, ему никакого спецоборудования, никаких приспособлений, уникальных каких-то взрывчатых веществ не выдавалось. У него задача была предельно простая: методом визуального наблюдения собирать информацию, если ему ставилась задача выходить на связь, то у него могла быть рация, если он шел на несколько дней, чтобы собрать информацию и вернуться таким же пешим путем обратно, то у него не было и рации. В этом случае, конечно, было очень сложно выявить, а самое главное – доказать его принадлежность к немецкой разведке. Если же забрасывалась группа, то, как правило, это было с использованием самолетов, десантирование с парашютами, у них была рация. И такие группы, имеющие рацию, эффективно использовались советской военной контрразведкой для ведения радиоигр.. Нужно было перевербовать командира, а лучше всего радиста: без командира можно было обойтись, а без радиста невозможно.

– Узнавали почерк?

– Почерк, совершенно верно. По почерку радиста можно было определить всегда, почти на 100%.

– Когда удалось полностью ликвидировать всю нацистскую агентуру на территории Советского Союза? Сколько лет на это потребовалось?

– Я думаю, на этот вопрос ответить сложно, потому что никогда нельзя сказать с уверенностью на 100 %, что вся нацистская агентура была ликвидирована. Я думаю, что наверняка кто-то из агентов германской разведки сумел избежать наказания: просто залег на дно, ничего не делал, не выходил на связь...

– ... законсервированный такой агент.

– Законсервированный навечно. Вполне возможно, что кому-то удалось избежать наказания, кто-то не был разоблачен, но если такие и оказались, то это были буквально единицы. А так поиск агентов немецкой разведки велся, конечно, достаточно длительное время, даже не столько после войны велся поиск агентов, сколько военная контрразведка и вообще советская контрразведка вела розыск нацистских преступников.

– *Это знаменитые списки «Разыскиваются органами государственной безопасности Советского Союза»?*

– Да, но разыскивались и органами государственной безопасности Советского Союза, и многими спецслужбами мира. То есть ни для кого не секрет, что до сих пор идет поиск нацистских преступников. Проводятся и судебные процессы, изредка мы слышим по средствам массовой информации, по телевидению, что проходит судебный процесс. Ну, из известных в настоящее время судебных процессов, который ведется в Германии, – это «Иван Грозный» – Иван Демянюк. Материалы в отношении Ивана Деменюка, подлинные документы из Центрального архива ФСБ – это уникальный случай – направлялись в Германию для предъявления судьям на судебном процессе. Обычно мы этого не делаем, мы направляем копии, но в данной ситуации суд убедительно попросил, чтобы были предоставлены подлинники, мы пошли на такой беспрецедентный шаг. Но чтобы обеспечить сохранность этих документов, мы поставили условие, что с материалами будут знакомиться на территории нашего консульства.

– *То есть это не вечное пользование, эти документы вам вернут назад?*

– Они уже к нам вернулись обратно. На территорию консульства приезжали представители суда, ознакомились с подлинниками документов, поблагодарили нас, и документы вернулись. Ну не то чтобы не доверяли германской судебной машине, но все-таки это документы, во-первых, они находятся в таком достаточно, ну, скажем, ветхом состоянии...

– *...сколько лет прошло...*

– Да, и предоставив в суд, я думаю, что много было бы желающих их полистать – судья, помощники судей, адвокаты, прокуроры, поэтому мы приняли такое решение и ознакомили на территории нашего консульства. Документы уже возвращены к месту постоянного хранения.

– *Давайте мы скажем хоть несколько слов собственно об образовании органов контрразведки «Смерш». Если, как мы в начале беседы говорили 1941, 1942 год, начало 1943 г., это была военная контрразведка и именовалась как особый отдел НКВД СССР, то 19 апреля 1943 года Сталин*

подписал постановление Совета народных комиссаров об образовании органов контрразведки «Смерш».

– По легенде, говорят, первоначально предлагалось «Смерть иностранным шпионам» или «Смерть немецким шпионам». Но Сталин сам выбрал более короткое, лаконичное название «Смерш», хотя по этому поводу документов никаких у нас нет. Есть такая красивая легенда. И вот в апреле 43 года были образованы органы контрразведки «Смерш», причем были образованы три независимых структуры, носящие это наименование. Первое – это Главное управление контрразведки «Смерш» наркомата обороны.

– Которое возглавлял Абакумов.

– Да, совершенно верно. Возглавил его Виктор Абакумов. И подчинялась эта структура наркому обороны. А наркомом обороны в годы войны, как мы знаем, был Сталин. Вторая структура была создана управлением контрразведки «Смерш» наркомата Военно-морского флота. То есть, управление контрразведки «Смерш», подчиненное наркому Военно-морского флота адмиралу Кузнецову. И третья структура – это отдел контрразведки «Смерш» наркомата внутренних дел, подчиненное Берии. То есть, все три структуры имели одинаковые наименования, но имели свое направление деятельности. Абакумов и подразделения контрразведки «Смерш» работали в армии. Подразделения контрразведки работали на флоте, отдел контрразведки «Смерш» НКВД занимался контрразведывательным обеспечением войск НКВД, войск охраны тыла, внутренних войск, пограничных и всех остальных военизированных структур, подотчетных НКВД.

– Так вот почему именно «Смерш» боролся с «Вервольфом»? В конце войны, когда Гитлер уже чувствовал приближение конца войны, но всячески пытался переломить ход войны, применяя разные способы для этого. Пытались создать новое оружие, ракеты «Фау 1», «Фау 2».

– Да. Пытались создать новые разведывательные диверсионные подразделения, которые получили наименование «Вервольф». Ну, если говорить о «Вервольфе», то, конечно, он не смог приобрести такую силу, мощь, какую имели разведывательно-диверсионные подразделения нацистской Германии в начале войны. Тот же абвер, те же подразделения диверсионные, которые в начале войны были созданы и действовали против Советского Союза.

– Это, в частности, полк «Бранденбург», особого назначения.

– Диверсионное подразделение, да. Вначале это был батальон, потом стал полком «Бранденбург», батальон «Горец», предназначенный для ведения диверсионной деятельности.

– Это «Бергман», по всей видимости.

– Да.

– Армянские, азербайджанские и грузинские легионы входили.

– Подбирались люди, которые могли бы активно действовать в горах. Ведь есть разница в ведении боя действий в лесной местности, пустыне или горах, и подготовка военнослужащих была разная. Поэтому для «Горца» подбирались, в первую очередь, те, кто родился, жил и был хорошо знаком с горами. «Вервольф» – это, можно сказать, агония Гитлера, агония нацистских спецслужб. Были спецслужбы, которые фактически готовили из них, используя современную терминологию, смертников, которые любой ценой должны были выполнить задания, уйти на нелегальное положение, когда Красная армия войдет в Германию, действовать с нелегальных позиций, совершать диверсии на коммуникациях, террористические акты в отношении, в первую очередь, командного состава, уничтожать технику и живую силу.

– На территории Советского Союза работать контрразведчиками «Смерш» было, наверное, относительно легко. Я подчеркиваю слово относительно. Все-таки они понимали специфику местности, специфику жизни и прочее-прочее. А вот на территории Германии-то как это происходило? Это все-таки совсем другой мир был. Советский Союз, как ни крути, но был, в общем, достаточно закрытой страной. И об уровне и особенностях жизни за границей даже контрразведчики, наверное, не очень-то много знали. Наверное, знала разведка, но она пострадала в годы репрессий. И едва ли, наверное, «Смерш» консультировался со службой внешней разведки по таким-то вопросам.

– Нет, конечно. Да и не было и времени для таких консультаций. Безусловно, вступление частей Красной армии на территорию стран Европы внесло свои изменения в деятельность контрразведки. Да, в общем-то, и военнослужащим Красной армии было непросто. Другой мир, другая обстановка, другая страна. И не случайно перед вступлением на территорию той или иной страны издавались соответствующие директивные указания по линии ГКО, наркомата обороны, НКВД и «Смерш», для того, чтобы ознакомиться с обстановкой в этих странах. Во всех этих директивных указаниях подчеркивалось, что должно быть уважительное отношение к местному населению, потому что все прекрасно понимали, в том числе, и в Германии, что местное население неповинно в тех деяниях, которые творил Гитлер и вся нацистская вот эта команда на территории Советского Союза.

– Знаменитые слова Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается».

– Да. Вступая на территорию стран Восточной Европы, перед контрразведкой «Смерш» стояла задача, в первую очередь, продвигаясь вместе с наступающими частями Красной армии, попытаться захватывать как можно больше документации (архивы, картотеки, документы) – все то, что может оказать помощь в розыске нацистских преступников, в розыске сотрудников и агентов спецслужб. Поэтому буквально в передовых отрядах наступающих частей всегда была оперативная группа «Смерш». Им давалась подробная схема населенного пункта, указывалось вероятное место дислокации разведывательных и контрразведывательных органов противника. И во многих случаях это действовало вполне реально, иногда и сотрудников успевали захватить. При этом контрразведка «Смерш» точно работала с военнопленными. Нужно было выделить тех людей, которые смогли бы быть проводниками и провести. Что такое незнакомый город? Даже если есть схема в руках и обозначена, ну ты первый раз в этом городе, куда идти, где какая улица?

– Здесь все же на немецком, по всей видимости.

– На немецком, на польском, на румынском. Во всех странах примерно схема была одинаковая. Если ты не знаешь языка, если ты не знаешь города, то как тебе сориентироваться? Вот для этого и нужно было заблаговременно подготовить хороших проводников и иметь переводчиков.

– Они где готовили? Уже из плена фильтровали каким-то образом или непосредственно: Красная армия освобождает какой-то город, строит пленных, и органы «Смерш» пытаются методом исключения определить, кто может помочь?

– Нет, в первую очередь, готовили заблаговременно из числа пленных. Накануне наступательной операции выявляли, в первую очередь, коммунистов, выявляли тех, которые сочувствовали Советскому Союзу, тех, кто негативно относились к Гитлеру, в целом к гитлеровской Германии. Таких было достаточно много, и среди них выбирали, выявляли людей, которых использовали в качестве агентов-проводников, агентов-опознавателей. И если удавалось подготовить опознавателей, проводников, то тогда действия оперативной группы контрразведки «Смерш» были более эффективными. Удавалось в короткое время кратчайшим путем придти туда, и немцы еще не успевали вывезти, иногда, бросив все, убежали. Иногда кто-то еще даже и там присутствовал, спешно пакуя вот эти документы. Это было очень важно. Потому что одно дело, когда мы говорим о выявлении агентуры с использованием методов психологии, путем анализа документов, но другое дело, когда мы имеем картотеку, архивы. Тогда у нас неопровержимые доказательства в отношении лиц, сотрудничавших с разведками Германии. Это было очень важно.

– А вот те вервольфовцы, которые в той или иной степени не попадали в картотеку, или, допустим, картотеку не удалось захватить вовремя, как удавалось их обезвредить?

– Ну, во-первых, в 1944–1945 гг. в распоряжении Красной армии уже поступало достаточно большое количество военнопленных. И работа советской контрразведки среди военнопленных, это было большое искусство. Потому что никто из представителей германских спецслужб, разведки, контрразведки, диверсионных органов, «Вервольфа» никогда не признавались в этой принадлежности. Они все говорили: я простой солдат. Как правило, успевали переодеться, и офицер носил солдатскую форму. Я простой солдат, мобилизованный Гитлером, я вообще не хотел воевать и не хотел войны. Но был мобилизован. В советских солдат не стрелял. Вот там был кашеваром, коневодом и такое прочее. Но тщательная работа советской контрразведки среди военнопленных, даже без документов, архивов, карточек, позволяла выявить, кто действительно, преступник, кто представитель разведки, контрразведки, «Вервольфа», других диверсионных подразделений, а кто действительно простой солдат. И в ходе такой фильтрационной работы были выявлены генералы немецкой разведки, достаточно большое количество сотрудников немецкой разведки, румынских спецслужб. И это удавалось.

– Сколько времени занимало в среднем такое выявление? Если на первом этапе в Советском Союзе вы говорили два–три дня, в Германии какие? Такие же нормативы были? Я понимаю, что это слово чудовищно, в данном случае, звучит.

– Нет, то, что касается иностранных военнопленных, то никаких нормативов не было. Значит, они содержались в лагерях для военнопленных. Никаких нормативов, ни двух–трех дней, ни несколько месяцев не было, а работали столько, сколько было нужно. Возможно, кого-то и не удалось выявить, но, может быть, 100 % жизнь никогда не бывает, но, как правило, работая среди немецких военнопленных, через месяц, два, три все равно какие-то получались зацепки, какие-то ниточки. К качеству примера скажу, что известный всем разведчик Николай Кузнецов работал в лагере для военнопленных перед тем, как был заброшен в тыл.

– Это Пауль Зиберт.

– Да. Для того чтобы подтянуть знание языка, он был определен в лагерь под видом немецкого военнопленного. Он не только усовершенствовал свою практику, но смог дать важную информацию. Но, конечно, оставалась основная задача – окупиться в среду, чтобы почувствовать, как к нему относятся немцы, нет ли каких-то признаков, по которым могут расшифровать.

– Это так называемая шлифовка, на языке профессионалов.

– Да. То, что касается Кузнецова – это шлифовка. Но такие методы использовались: советская агентура внедрялась в среду военнопленных, и там путем бесед, прослушки разговоров выяснялись какие-то сведения, которые могли указать на то, что этот человек выдает себя не за того.

– Общеизвестно, что удавалось достаточно легко и быстро определить солдат и офицеров войск СС. Ведь у СС была традиция. Они делали себе татуировки с порядковыми эсэсовскими номерами. И даже, если там были какие-то следы сведения, то контрразведчик мог четко совершенно определить, кто перед ним, мобилизованный солдат вермахта или это просто какой-то сотрудник СС. В любом случае это тогда преступная организация. А вот у «Вервольфа» были какие-то такие похожие опознавательные знаки или они даже не успели что-то подобное придумать в силу того, что война просто шла уже к своему завершению?

– Я думаю, если бы война длилась дольше, то были бы у них и знаки, и символы. Но у них ничего этого не было по той простой причине, что слишком короткий период деятельности этой спецслужбы «Вервольф» был. И фактически они не успели широко развернуться, что называется.

– А насколько соответствует в действительности утверждение, популярное достаточно в нашей стране, что в «Вервольфе» в 1945 г. были, в основном, подростки и что там не было профессионалов? Поэтому советская контрразведка достаточно легко им противодействовала.

– Конечно, было много подростков. В конце войны так было не только в «Вервольфе», но и в целом в немецкой армии. Уже выгребали, что называется, всех и молодежь, и стариков. Ну, стариков в спецслужбы не направляли, а направляли на передовую.

– Фолькштурм уже так называемый.

– Да. А «Вервольф» комплектовался, ну, не то, что подростками, но достаточно молодые люди, еще не имевшие хорошей жизненной школы. Потому что хороший агент, хороший диверсант, хороший разведчик должен не только иметь узкопрофессиональную подготовку, как правильно установить мину, собрать разведывательную информацию. Он должен иметь хорошую жизненную школу.

– Дальнейшая судьба участников «Вервольфа» после разоблачения их органами советской контрразведки, она какова? Бытует мнение, что некоторых просто отпустили вообще на все четыре стороны. Война закончилась, подростки, идите учиться, работайте.

– Вы понимаете, если он не успел ничего совершить, ни преступления, ни диверсионного или террористического акта, то такого, конечно, отпускали, но как? Отпустили вместе с другими военнопленными и передали германской стороне. Те же лица из «Вервольфа» или из любой другой спецслужбы, которые совершили преступления, понесли наказание.

– *На территории Советского Союза или на территории Европы? Это просто важный момент. Потому что у нас стало в последнее время почему-то очень популярно утверждение, что советская разведка, советская контрразведка просто сгребла всех махом в одну кучу, отвезла на территорию Советского Союза, где половину расстреляла, вторую половину сгноила в Гулаге.*

– Разведка и контрразведка, она сама никого не сгребала, во-первых. Все военнопленные находились в распоряжении НКВД. Разведка и контрразведка уже в тот период в структуру НКВД не входила. Да, контрразведка работала в лагерях военнопленных, в том числе в лагерях военнопленных, которые находились в структурах НКВД. Сама разведка и контрразведка не занималась приемом, отправкой военнопленных. Этим занимался НКВД. Ну и даже, не защищая НКВД, скажу, что не было смысла всех брать, везти и куда-то расстреливать. Была задача разобраться с каждым персонально, кто виноват и кто не виноват. Даже на Нюрнбергском процессе были оправдательные приговоры, когда не удалось собрать достаточно доказательств виновности. У нас на территории Советского Союза тоже проходили судебные процессы, в том числе и показательные.

– *Знаменитый Краснодарский...*

– Краснодарский, Смоленский, Рижский процессы. Всего было проведено восемь таких процессов. И подготовку материалов к ним вела как раз контрразведка «Смерш».

– *Что значит «подготовка каких материалов»?*

– Сбор доказательств. Совершение тем или иным военнослужащим, разведчиком, диверсантом противоправных действий. Если противоправные действия не были доказаны, то и не было никакого процесса. Это был, на этого человека распространялись все положения о военнопленном, и он не привлекался к ответственности. А на процессах, конечно, присутствовал и пропагандистский элемент. К суду в Риге, Смоленске, Краснодаре привлекались и генералы, и офицеры, и младшие офицеры, сержанты и солдаты. То есть, цель была показать, что не важно, кто ты – рядовой, солдат или генерал. Если ты совершил противоправные действия, если на твоих руках есть кровь и ты повинен в смерти, в злодеяниях над советскими людьми,

то тогда понесешь наказание, независимо от занимаемой должности, от генерала до рядового.

– В самом начале нашей беседы вы сами сказали, что огромное количество литературы о «Смерш» содержит откровенные мифы и фантазии, предания и былины, как это называется, а дела, которые вела тогда контрразведка, в годы Второй мировой войны, они сегодня доступны исследователям? Насколько историки оперируют именно этим массивом документов?

– Если говорить о книгах, то я приведу два примера. В 2003 г. мы выпустили основанную на документальных материалах книгу «Смерш». Здесь есть глава и о военно-морской контрразведке и о контрразведке «Смерш» в НКВД. А в прошлом году, к 65-летию Победы, издана книга, посвященная военно-морской контрразведке – «Вместе с флотом». Военные контрразведчики и на флоте, и в Красной армии были неотделимы от воинских подразделений, часто вместе и гибли, вместе переносили все тяготы и лишения. В первые годы войны потери среди них были точно такими же, как потери в армии. Даже был введен специальный учет военных контрразведчиков, чтобы никто из них не пропал, не выпал из поля зрения, потому что вопрос комплектования был очень трудным. Несмотря на то, что после войны прошло уже много лет, не все материалы пока рассекречены. Это те из них, которые касаются сложных разработок, в которых могут раскрываться формы и методы деятельности контрразведки. Вместе с тем достаточно большой массив документов доступен и активно используется теми исследователями, которые обращаются в с запросами в Центральный архив ФСБ России. Мы знакомим со многими материалами.

– То есть сто процентов материалов о «Смерш» государственной тайной не являются. Потому что доводилось слышать и такое, что это, так же как и архив внешней разведки, на много лет будет засекречен, поскольку срока давности для таких дел просто нет.

– Часть материалов действительно еще не рассекречена. Речь идет об агентуре «Смерш», которая работала в глубоком тылу. Рассекречивать пока такие документы рано. Но большая часть материалов рассекречена: то, что касается фильтрации, работы среди военнопленных иностранных государств. Некоторые материалы о зафронтной работе рассекречены частично. Но достаточно большое количество материалов все еще находится на секретном хранении.

*Интервью провел
Армен Гаспарян*

«УВЕЛИЧИТЕЛЬНЫЕ СТЕКЛА» ИСТОРИИ

*Интервью газете «Время новостей»
6 ноября 2008, № 205*

65 лет назад советские войска освободили Киев. Эта трудная победа стала одним из важнейших этапов наступательных действий СССР в борьбе с фашизмом. Однако это историческое событие, как и множество других, связанных с войной и послевоенным временем, ныне оценивается в бывших советских республиках крайне противоречиво и даже негативно. Как и сама Победа. О Великой Отечественной, ее героях и антигероях, о вмешательстве политической конъюнктуры в трактовку фактов и о роли документов в общественном диалоге на эту тему.

– Какие документы вашего архива способны прояснить историческую ретроспективу освобождения Киева?

– В отечественной историографии 1943 год считается годом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны; перелома, который начался под Сталинградом и завершился в ходе Курской битвы и сражения за Днепр. В результате были освобождены Левобережная Украина, Донбасс, захвачены плацдармы в Крыму, а в сентябре 1943 года форсирован Днепр. В ходе Киевской наступательной операции 6 ноября был освобожден Киев и 12 ноября – Житомир. Как известно, основное место хранения документов по истории Великой Отечественной войны – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Практически весь массив документов, а это несколько миллионов единиц хранения, рассекречен. Что касается документов Центрального архива ФСБ России, раскрывающих особенности событий в ходе битвы за Днепр и освобождения Киева, как, впрочем, и любого иного периода Великой Отечественной войны, то в них содержится лишь информация о деятельности отечественной разведки и контрразведки. Архивные фонды о Великой Отечественной стали активно пополняться с конца 1943 года, когда был издан приказ Наркомата госбезопасности о накоплении материалов в отношении сотрудников органов безопасности, погибших при исполнении служебных обязанностей, о героических поступках, о специальных заданиях в тылу противника. Оперативные

отряды и группы органов безопасности, действовавшие в тылу противника на оккупированной территории Украины, в том числе и непосредственно в Киеве, добывали информацию о планах вермахта, дислокации и передвижении немецко-фашистских войск. Эти данные регулярно направлялись в Государственный комитет обороны, Ставку Верховного главнокомандования, военному командованию фронтов. В начале сентября 1943 года советскими органами безопасности были получены данные о том, что на правобережье Днепра немцы спешно возводят укрепления, на строительство которых мобилизованы жители Киева и Киевской области, начиная с 14-летнего возраста. Киев опоясывался окопами и блиндажами, устанавливались зенитные орудия. С Восточного фронта на запад через Киев непрерывно шли эшелоны с ранеными немецкими солдатами. Все раненые эвакуировались из Киева. Находящихся в городе советских военнопленных немцы отправляли в Германию. Готовились к отправке в Германию ценности и оборудование, составлялись списки «фольксдойче» для их эвакуации. Кроме того, немецкие спецслужбы приступили к массовому оставлению своей агентуры в тылу Красной армии при отходе немецких войск, организовывали лжепартизанские отряды. Подразделения контрразведки Смерш выявляли шпионов, диверсантов, изменников Родины и дезертиров в частях и соединениях Красной армии и войск НКВД, проводили мероприятия по предотвращению утечки сведений о планах советского военного командования. Контрразведка Смерш вела активную работу по внедрению в разведывательные школы и специальные службы противника своих зафронтовых разведчиков. Радиоигры советской контрразведки с противником превратились в единую «Большую игру в эфире». В 1943 году отечественные органы безопасности организовали активную разработку практически всех разведывательных школ и наиболее крупных разведывательных органов противника. В частности, были получены данные о том, как украинские националисты в 1943 году вели подготовку к развертыванию вооруженной борьбы против советской власти после освобождения Украины. Нашей разведкой была получена информация о контактах руководителей зарубежных организаций украинских националистов с правительственными кругами Англии, Америки и Канады. Согласно имевшейся договоренности Великобритания и США в случае удачного вооруженного выступления «Украинской повстанческой армии» на Украине против СССР обещали оказать ей поддержку. В Канаде украинские националисты на средства канадских украинцев и средства Англии и Америки организовали школы летного и командного состава. Документы свидетельствуют, что организация украинских националистов под лозунгом борьбы с немцами сумела втянуть в ряды УПА часть местного населения. Однако эта борьба сводилась преимущественно к антинемецкой агитации и мелким стычкам с отдельными гарнизонами и отрядами оккупантов и обороне от них мест расположения отрядов УПА. А с 1944 года, после того как Красная армия освободила большую часть

Украины и подошла к ее западным областям, главари ОУН (Организация украинских националистов) установили вначале конспиративные контакты с немецким командованием и постепенно стали открыто сотрудничать с немцами, а затем и действовать под их руководством. 6 ноября 1943 года из НКГБ СССР в ГКО был направлен отчет о результатах деятельности оперативных групп в тылу противника. В записке сообщалось, что в октябре 1943 года в тылу противника действовали 124 оперативные группы органов безопасности общей численностью 5 тыс. 800 человек. 43 оперативные группы были сформированы непосредственно в НКГБ СССР, остальные – прифронтовыми органами госбезопасности (Белоруссии, Украины). В октябре 1943 года по мере приближения линии фронта к базам, где находились оперативные группы органов безопасности, командирам групп было дано указание двигаться на запад, перенося свои базы глубже в тыл противника.

– Сотрудничаете ли вы в сфере исследования нашего общего прошлого, в том числе военного, с вашими зарубежными коллегами в бывшем СССР?

– Если говорить о странах СНГ, я бы в первую очередь назвал Украину и Белоруссию. Спецслужбы этих государств публикуют документы из своих архивов. Правда, в последнее время наши украинские коллеги заняли несколько странную позицию.

– То есть?

– Приведу один пример. Они предложили нам совместно исследовать жизнь и судьбу Романа Шухевича, считающегося ныне на Украине национальным героем. Поясню, что Шухевич – участник и один из руководителей антисоветской Организации украинских националистов (ОУН). В 1941 году он сформировал «Украинский легион», преобразованный впоследствии в полицейские части, направленные в Белоруссию для борьбы с партизанами. С 1943 года – главнокомандующий Украинской повстанческой армией, в том же году возглавил националистическое подполье на Украине. Шухевич был убит во время оперативно-войсковой операции в марте 1950 года на территории Львовской области. Когда мы встречались с украинскими коллегами, я предложил, изучая судьбу Романа Шухевича, исследовать и довоенную его биографию. Известно, что в 1934 году польские власти арестовали его как соучастника террористической группы ОУН, совершившей под руководством Степана Бандеры убийство министра внутренних дел Польши Перацкого. Польский суд приговорил Шухевича к пожизненному заключению. В 1938 году он бежал из тюрьмы, а когда началась война, Шухевич добровольно вступил в диверсионный батальон «Нахтигаль», сформированный фашистами и «прославившийся» жестокими карательными операциями против мирного населения. Его деятельность на этом поприще тоже можно было проследить документально. Но, увы, наших коллег из Киева это не интересовало. Интересовало только местонахождение его могилы.

– Но вы же опубликовали на сайте российского МИДа документы из Центрального архива ФСБ о деятельности Шухевича, обладателя двух гитлеровских «Железных крестов». Честно говоря, не думаю, что они оказались для украинских специалистов абсолютной новостью. Реакция из Киева была?

– Знаю, что появление этой информации обсуждалось. Но какой-либо реакции до нас не дошло.

– В этом году 1 сентября уроки в украинских школах начались с занятия, посвященного Бандере, считающемуся сейчас там борцом за независимость от Советов. Поэтому присвоение президентом Ющенко Шухевичу звания героя Украины выглядит вполне логично. Ведь в 1943 году Шухевич был одним из руководителей Украинской повстанческой армии (УПА)?

– Факты неопровержимы: единственный серьезный бой с регулярными частями Красной армии УПА приняла только под Бродами. И в знаменитом Бродовском котле эту армию Шухевича наши войска разбили, практически не заметив. Украинские приспешники фашистов, как и прибалтийские, были удобны гитлеровцам тем, что ориентировались на местности и в настроениях людей, могли выдать гитлеровцам партизан, жечь деревни, мародерствовать, могли выполнить «грязную работу» – расстреливать женщин, стариков и детей, чем и занимались. Но ни одной существенной победы в открытом бою они не одержали. Поэтому говорить о том, что они воевали за независимую Украину или Прибалтику, совершали какие-то подвиги, нельзя. То есть говорить-то говорят, а вот доказать такое на основе фактов невозможно.

– Борьба против одних оккупантов (даже если принять во внимание, мягко говоря, небесспорные утверждения о насильственной советизации Украины) под знаменами других – вещь как минимум скользкая.

– Борьба за независимость не имеет ничего общего с пособничеством нацистам. Не было никакой третьей силы – были фашисты и антифашисты. Шла мировая война, и можно было воевать либо на стороне фашистского режима, либо на стороне СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции.

– Продолжая тему контактов с коллегами из стран СНГ, спрошу: часть архивов КГБ после 1991 года осталась там. Известны ли случаи их открытой публикации, скажем, в странах Балтии или на той же Украине – о войне и послевоенном времени? Государства, претендующие на демократический путь развития и получившие идеологическую свободу, вроде бы должны активно заняться документальным изучением своего советского прошлого?

– Документы о войне на территории Прибалтики, сохранившиеся в архивах тамошних спецслужб советского времени, могут раскрыть весьма нелицеприятную правду и снизить пафос разговоров о «борьбе за национальную независимость», например, так называемых добровольческих дивизий СС, сформировавшихся из граждан этих республик и зверствовавших на своей же территории против своих же сограждан. Кстати, в нашем архиве тоже достаточное количество документов по этой теме. Часть из них мы опубликовали в сборниках архивных документов «Эстония. Кровавый след нацизма. 1941--1944», «Латвия под игом нацизма» и «Трагедия Литвы». В предисловии к одному из сборников говорится, что стремление партийных идеологов советского времени лишний раз не затрагивать темы масштабного соучастия приспешников нацизма в преступлениях против мирных жителей на территории Балтии, Белоруссии, России и Польши привело к тому, что с начала 1990-х годов всплеск национального самосознания включал в себя отчетливые нотки русофобии и антисемитизма. В архивах ФСБ России имеются документальные свидетельства преступлений националистических вооруженных бандформирований на территории прибалтийских стран и Украины в послевоенный период. Так называемые «борцы за свободу» убивали и грабили мирных жителей, не спрашивая, а хотят ли люди такой «свободы».

– А как обстоит дело с архивами органов безопасности Восточной Европы? Есть ли практика публикаций документов спецслужб в Западной?

– Прецеденты – серьезные публикации – есть. Например, мы продуктивно сотрудничаем с министерством внутренних дел и администрации Республики Польша. Плодом этого сотрудничества уже стали три объемных сборника: «Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939--1941 гг.», «Депортация польских граждан с территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году» и «Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб». Но это единичные, я бы сказал, исключительные случаи, и связаны они с какой-то одной темой, интересующей наших коллег. Планомерной же работой в этом направлении, насколько я знаю, никто из зарубежных коллег не занимается.

– О Варшавском восстании: повстанцы, как явствуют документы названного вами сборника «Варшавское восстание 1944 в документах из архивов спецслужб», как раз боролись против фашистских оккупантов. Но отнюдь не на стороне советских войск – напротив, они хотели, самостоятельно освободившись от гитлеровцев, создать свободную, несоветскую Польшу. Значит, «третья сила», о которой вы упомянули, касаясь украинских и прибалтийских «борцов за независимость», во время второй мировой войны все-таки была?

– А чем закончилось Варшавское восстание? Не могло быть третьей силы, она была бы обречена. Что в Польше и произошло. Но варшавских повстанцев нельзя сравнивать с украинскими и прибалтийскими пособниками фашистов: они под знамена оккупантов не вставали. Документы, помещенные в упомянутый сборник, беспристрастно освещают трагедию восставших, оказавшихся заложниками, в том числе и правительства Польши в изгнании.

– *Вы активно работаете с Институтом всеобщей истории РАН, Институтом российской истории РАН, с региональными научно-исследовательскими центрами нашей страны. А с зарубежными историками?*

– По теме второй мировой войны мы сотрудничаем с немецкими «Саксонскими мемориалами» и «Бранденбургскими мемориалами» по ряду проблем – установление судеб немецких граждан и военнопленных, задержанных органами советской контрразведки на территории Германии после окончания Великой Отечественной войны, и создание электронного банка данных о судьбах советских военнослужащих, оказавшихся в годы второй мировой войны в немецком плену. Также мы сотрудничаем с австрийским Институтом по исследованию последствий войн им. Больцмана. Вышел двухтомник «Красная армия в Австрии. Советская оккупация 1945–1955», состоящий из документов и научных статей. Совместно с финскими коллегами из Ренвал-института Хельсинкского университета готовится к изданию сборник документов о вооруженном конфликте между СССР и Финляндией в 1939–1940 годах «Зимняя война». В книгу войдут уникальные документы об этой, в общем-то малоизвестной войне.

– *В советское время вплоть до 1991 года существовала единая структура госбезопасности. Значит ли это, что, когда ведомство разделилось на ФСБ и СВР, часть вашего архива «ушла в разведку»?*

– Нет, у Службы внешней разведки всегда был свой архив. Как и у Пограничной службы, относительно недавно вновь вошедшей в структуру ФСБ, но самостоятельный архив сохранившей. Поэтому мы потерь не понесли, более того, мы активно работаем с нашими коллегами из Архива СВР, обмениваясь ретроспективной и справочной информацией.

– *Даже по собственному исследовательскому опыту знаю, что в ЦА ФСБ России находятся интереснейшие материалы о деятельности нацистской разведки на территории СССР, балтийских государств и Польши в предвоенные годы и уникальные документы, касающиеся воззрений гитлеровской военно-политической элиты на перспективы «пути на восток». Нет ли планов издать такие документы?*

– Такие планы есть. Сейчас готовится сборник документов о судьбах генералов и офицеров вермахта, оказавшихся в годы второй мировой войны в советском плену. В него войдут документы из архивных следственных дел органов безопасности в отношении представителей военной элиты Германии этого периода. Достаточно назвать такие имена, как фельдмаршалы Клейст и Шернер.

– Мы уже касались темы археографической деятельности возглавляемого вами управления и не всегда однозначной реакции на нее. За это время вышел в свет еще один сборник документов, подготовленный УРАФ – «Архив ВЧК», охватывающий 1917–1922 годы. В нем впервые опубликованы материалы первых конференций ВЧК, протоколы заседаний коллегии и президиума ВЧК, рассказывающие о партийно-чекистском взгляде на ситуацию в Советской России и о «раскрытых и ликвидированных на территории РСФСР заговорах против советской власти». Он наверняка вызовет раздражение, как говорится, и слева, и справа.

– Основное значение любой документальной публикации заключается в ее беспристрастности. Если рассматривать архивный документ как источник нашего знания о прошлом, то его можно сравнить с увеличительным стеклом, позволяющим более четко и ясно судить об истории того или иного временного периода. В случае с документами, включенными в сборник «Архив ВЧК», на наш взгляд, не очень корректно говорить о каком-то особенном «партийно-чекистском» взгляде на ситуацию в стране. Органы безопасности являлись неотъемлемой частью государственного аппарата Советской России. Они работали в рамках отведенных им полномочий и компетенции именно как часть госаппарата. Что касается возможного раздражения, то любой профессиональный историк, да и просто здравомыслящий человек понимает, что введение в научный оборот новых архивных документов только способствует более четкому и исторически объективному пониманию нашей истории.

– Есть правда документа, есть документальная правда. Эти понятия не всегда совпадают. Документ, например, с пятнами крови на листах с признательными показаниями (я видела такие в вашем архиве), говорит правду, но не об искренности этих показаний, а о методах следствия. Вот и возникает дискуссия: чему верить в документах?

– Это вопрос интерпретации документа. Серьезный историк обязан провести источниковедческий анализ. Нужно не просто читать документ, а изучать, в каких условиях, при каких обстоятельствах он создан. И в случае научной публикации эти обстоятельства непременно должны быть отражены в комментариях – иначе публикация может лишь исказить восприятие.

Иногда освещение информации о неприглядном ходе следствия и болезненных подробностях поведения людей в этих условиях вызывает протест, звучат призывы отказаться от публикации. Так случилось, например, когда публиковали материалы знаменитого «Академического дела». Реакция была настолько сильной, а нежелание видеть в неприглядном свете известных ученых таким категоричным, что дальнейшая публикация была приостановлена. Непреложно одно – хранить документы нужно вечно. Делать их доступными, насколько это возможно, для профессиональных исследователей – тоже, а вот публиковать ли для широкого круга – вопрос небесспорный.

– Нередко можно услышать аргумент: дескать, осужденные сами признавались в своих злодеяниях, соответственно говорить об их невиновности и незаконности осуждения нелепо. Собственно, этим руководствовались и сталинское «правосудие», считавшее признание вины «царицей доказательств».

– Работая с таким сложным архивным материалом, как следственные дела 1930--1950-х годов, тем более делая выводы о виновности или невиновности проходивших по ним лиц, сотрудники архивных подразделений, прокурорские работники прекрасно понимают, что очень многие показания были получены от обвиняемых под принуждением. Доказательственная база, состоящая только из признательных показаний и не содержащая иных признаков противоправной деятельности, как раз и является индикатором для выявления возможных нарушений закона следственными органами. Активная работа по пересмотру уголовных дел началась после XX съезда КПСС, этот процесс не закончился ни в 1960-е, ни в 1970-е годы.

– Сейчас закончился?

– Все архивные дела пересмотрены, но это не значит, что все осужденные по ним реабилитированы. И не значит, что пересмотренное дело на нереабилитированное лицо не может, например, по повторному запросу быть рассмотрено в прокуратуре еще раз. При этом нельзя исключать, что по нему будет принято иное решение, нежели ранее. Такие случаи известны. В законе о реабилитации жертв политических репрессий, принятом 18 октября 1991 года, четко определен круг лиц, подлежащих восстановлению в гражданских правах.

– И все же этот вопрос вызывает нарекания – доходит до того, что жертвами репрессий предлагают считать только расстрелянных, так сказать, во избежание слишком больших чисел.

– В законе о реабилитации определено понятие «политические репрессии». Закон относит к ним не только высшую меру наказания, но и другие меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам.

В период массовых репрессий наибольшее число граждан, признававшихся «социально опасными», оказалось в лагерях, на принудительном лечении в психиатрических лечебных учреждениях, были выдворены из страны и лишены гражданства, выселены из мест проживания, направлены в ссылку и т.д. Прискорбно то, что вместе со взрослыми страдали и дети. Они либо оставались сиротами, либо разделили участь родителей – ссыльных и спецпереселенцев. Поэтому вполне справедливо, что закон относит и их к кругу лиц, признающихся подвергшимися политическим репрессиям, и вряд ли можно найти хоть малейшее правовое основание для внесения изменений в закон в части сужения круга лиц, подлежащих реабилитации.

– Вы член Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при президенте РФ. Можно ли вообще говорить об «относительно окончательных» цифрах жертв сталинских репрессий?

– Я бы пока не стал – здесь важна абсолютная корректность и точность, «допущения» и округления неприемлемы: они приводят к спекуляциям и дают козырь тем, кто старается «заретушировать», сгладить ситуацию. Мы работаем совместно с обществом «Мемориал», в частности, по поиску сводных данных по регионам России.

– Только что на канале «Культура» вы вполне успешно выступили как автор и ведущий двух выпусков программы «Документальная история», основанной на материалах вашего архива. Это хобби или задание? И не поступало ли предложений о продолжении «телекарьер»?

– Приняв предложение телеканала «Культура» об участии в цикле «Документальная история», свою основную задачу мы видели в том, чтобы показать массовому зрителю значение и место Центрального архива ФСБ России среди других крупнейших архивохранилищ страны. Архив ФСБ хранит материалы, без которых, по моему убеждению, невозможно изучать историю России XX века. В этих документах отразились все стороны жизни государства, судьбы миллионов людей, представителей всех слоев советского общества – от простого крестьянина до элиты. Я надеюсь, что скоро в эфир выйдут еще две передачи, одна из которых будет посвящена историку и публицисту С.П. Мельгунову, другая расскажет о так называемой Локотской республике – одной из самых драматичных страниц в истории нашей страны.

*Интервью подготовила
Юлия Кантор*

ПРАХ ГИТЛЕРА УНЕСЛИ ВОДЫ РЕКИ БИДЕРИЦ

*Интервью агентству
«Интерфакс»
Декабрь 2011 г.*

Нет оснований сомневаться в том, что хранящиеся в архиве ФСБ России части черепа Гитлера принадлежат именно ему. Останки тела Гитлера в 1970 году сожжены на костре, вместе с углем истолчены в пепел и выброшены в реку недалеко от Магдебурга. В последнее время в СМИ появились сообщения о том, что ученые из университета Коннектикута (США) — археолог и специалист по костям Ник Беллантони и генетик Линда Стросбах, выразили сомнения в подлинности хранящихся в российских архивах частях черепа Гитлера со ссылкой на анализ ДНК.

– Обращались ли к Вам американские ученые с просьбой взять пробы для анализа ДНК из частей черепа Гитлера, хранящегося в архиве ФСБ?

– В Центральный архив ФСБ России с подобными просьбами американские исследователи не обращались. Но если даже взять ДНК из хранящихся у нас фрагментов, то не понятно с чем эти данные можно сравнивать?

– Могут ли быть фрагменты черепа Гитлера в распоряжении других стран, кроме России?

– Такой информации у нас нет. В архиве ФСБ хранятся именно фрагмент челюсти Гитлера, а в Госархиве – фрагменты черепа Гитлера. Кроме фрагментов изъятых 5 мая в 1945 году, других частей тела Гитлера нет. По крайней мере, информации об этом нет. Все, что осталось от Гитлера, было сожжено в 1970 году. Но в 2002 году нам стало известно, что американцы располагали рентгеновскими снимками, которые хранились у профессора Блашке. Именно в 2002 году американский эксперт ознакомил нас с прижизненными рентгеновскими снимками челюсти Гитлера. Сверка с имеющимися у нас фрагментами и рисунками еще раз подтвердила подлинность частей челюсти Гитлера.

– На чем основывается уверенность в подлинности хранящихся в архивах ФСБ останков Гитлера?

– В феврале 1962 года из Особого архива Главного архивного управления при Совете Министров СССР в Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР СССР) – современный Государственный архив Российской Федерации – были переданы на хранение трофейные документы Второй мировой войны, а также материалы ГУПВИ МВД СССР. Вместе с документами переданы были два приложения: фрагменты черепа и подлокотник дивана со следами крови. Данные предметы были найдены в ходе альтернативного расследования обстоятельств смерти Гитлера, проводившегося ГУПВИ НКВД СССР в 1946 году. Результаты и ход берлинского расследования были подробно изложены его руководителем, помощником начальника отдела Оперуправления ГУПВИ МВД СССР подполковником Клаусеном, в «Заключении по материалам расследования обстоятельств исчезновения бывшего рейхспрезидента Германии Адольфа Гитлера», датированном 24 июня 1946 года. Судебно-медицинский эксперт профессор Семеновский, изучив найденные «два частично обуглившихся куска черепа, на одном из которых отмечается выходное пулевое отверстие», пришел к выводу, что данные фрагменты являются частями теменных костей и чешуи затылочной кости взрослого человека. Обугливание костей, по мнению профессора, произошло от значительного воздействия пламени на голову трупа. Опираясь на описание головы трупа в акте судебно-медицинской экспертизы от 8 мая 1945 года, Семеновский сделал заключение, что обнаруженные куски черепа, «возможно, отпали от трупа, изъятого из ямы 5 мая 1945 года». Однако, несмотря на обнаруженные в бункере Гитлера следы крови на подлокотнике дивана и найденные на месте обнаружения трупов Гитлера и Евы Браун куски черепа, комиссия не сочла возможным сделать окончательные выводы по этому вопросу. Возможно поэтому в документах появилась формулировка «предполагаемые трупы Гитлера и Браун» и фрагменты черепа «предположительно Гитлера». Документальные материалы с результатами повторного расследования были объединены в дело с символическим названием «Миф». Материалы названного дела, как и материалы расследования обстоятельств смерти фюрера за 1945 год, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России, были рассекречены в 90-х годах прошлого века и стали доступны широкой общественности.

– И все же, проводилась ли когда-либо в Советском Союзе или в России генетическая или иная экспертиза находящихся в архивных фондах останков Гитлера?

– Обстоятельства таинственного исчезновения или смерти Адольфа Гитлера являлись одним из самых загадочных событий Второй мировой войны. Весь мир пребывал в неведении, довольствуясь лишь рассказами немногочисленных свидетелей, не подтвержденными вещественными

доказательствами, домыслами обывателей и журналистов, жаждущих сенсаций. В дни сражений за Берлин, одним из важнейших направлений работы советских военных контрразведчиков стал розыск и захват главных нацистских военных преступников. Вне сомнения, в первую очередь интерес для сотрудников советских спецслужб представлял Адольф Гитлер и его ближайшее окружение. По полученным чекистами разведанным Гитлер и его ближайшее окружение заблаговременно планировали любой ценой избежать наказания за свои злодеяния. Согласно архивным данным, начиная с 17 января 1945 года, Гитлер, прибыв в Берлин из Франкфурта-на-Майне, безвылазно находился со своей свитой в специальном бункере под зданием старой имперской канцелярии. Во время штурма Берлина советские военные контрразведчики, офицеры и бойцы, действовали в составе оперативных групп подразделений контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта. Они участвовали в боях за овладение административными зданиями и правительственными учреждениями, сумели задержать многих из числа приближенных к Гитлеру, Геббельсу, Борману и захватить важные документы. 30 апреля в Берлине в уличном бою был взят в плен ефрейтор морской службы Пауль Марзерс, входивший в состав сводного батальона СС, оборонявшего подступы к имперской канцелярии. От него были получены сведения о том, что до 28 апреля Гитлер и Геббельс все еще находились в бункере под канцелярией. А 3 мая в подвале лазарета рейхсканцелярии задержали переодетого в гражданское платье сотрудника охраны Эриха Хабермана, который сообщил о смерти Гитлера. Вместе с этим, задержанные из числа обслуживающего персонала говорили, что Борман и другие крупные чины СС ушли из бункера с намерением вырваться из окружения и бежать из Берлина на Запад, а Геббельс с семьей покончили с собой в бомбоубежище. 2 мая последнее убежище фюрера было занято советскими войсками и уже вечером офицерами «Смерш» в ходе поисков останков Гитлера при осмотре сада имперской канцелярии были обнаружены обгоревшие трупы мужчины и женщины. К опознанию найденных трупов были привлечены техник гаража Карл Шнейдер и повар рейхсканцелярии Вильгельм Ланге, которые по внешним признакам признали в них Геббельса и его жену. 3 мая были обнаружены трупы их детей с признаками отравления. В тот же день к официальному опознанию был привлечен сдавшийся в плен вице-адмирал Ганс-Эрих Фосс, который также без колебаний опознал в трупах семью Геббельсов. Мнение опознавателей подтвердил и ещё один задержанный немец – технический администратор здания имперской канцелярии Вильгельм Цим. После извлечения останков семьи Геббельсов были усилены оперативно-разыскные мероприятия по обследованию территории вокруг рейхсканцелярии и задержанию лиц, которые могли бы сообщить подробности о судьбе Гитлера. 5 мая неподалеку от места, где были найдены трупы Йозефа и Магды Геббельс, в воронке от бомбы были обнаружены сильно обгоревшие мужской и женский трупы. Спустя несколько

дней, по указанию руководства, в качестве опознавателя для осмотра места погребения пригласили солдата из охраны имперской канцелярии Харри Менгсхаузена, который рассказал все, что ему было известно о смерти и попытках уничтожения трупов Гитлера и его жены Евы Браун. Правдивость показаний немца-охранника об увиденном во время дежурства подтверждалась также тем, что 5 мая группа «смершевцев» обнаружила в воронке трупы двух отравленных собак фюрера. Это было еще одним косвенным свидетельством того, что найденные останки принадлежат именно Гитлеру и Браун. Останки семьи Геббельсов и четы Гитлеров, а также обеих собак перевезли для экспертизы в отдел контрразведки «Смерш» 79 стрелкового корпуса. Необходимо было надежными научными методами подтвердить или опровергнуть визуальные и логические выводы об идентичности трупов. Уже 3 мая по распоряжению члена Военного совета 1-го Белорусского фронта Телегина с этой целью была сформирована специальная группа военных медиков, которой руководили главный патологоанатом Красной армии Краевский и главный судебно-медицинский эксперт 1-го Белорусского фронта Шкаравский. Комиссия провела всю необходимую работу по идентификации трупов. Чекисты предприняли необходимые меры по поиску документов и новых свидетелей. В зубокабинете профессора Блашке при имперской канцелярии были обнаружены записи о лечении зубов и изготовлении зубных протезов для Гитлера, Геббельса, других видных руководителей рейха и членов их семей. Контрразведчики установили и привлекли для опознания немцев, которые работали в качестве зубных техников или ассистировали дантисту фюрера. Важные показания 10 мая дала помощница профессора Блашке – Кете Гойзерман, которая неоднократно ассистировала ему при осмотре, лечении и удалении зубов Гитлера. Полученные от нее сведения о об особенностях зубов и зубных протезов Гитлера и его жены являлись существенным доказательством смерти руководителя III Рейха. Сохранившиеся зубы были вполне пригодны для официальной экспертизы. 19 мая Гойзерман допросили начальник Управления контрразведки «Смерш» 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Вадис и начальник отдела контрразведки «Смерш» 3 ударной армии полковник Мирошниченко. Её спрашивали о непосредственном участии в оказании зубокабинетной помощи, об особенностях зубов и протезов Гитлера и Евы Браун. Получив подробные ответы, руководители контрразведки предъявили помощнице профессора Блашке сохранившиеся протезы и зубы. Она без колебаний, причем аргументировано, подтвердила их принадлежность Гитлеру и Браун. В дальнейшем полученные от нее данные, даже после проведения официальной экспертизы, перепроверялись на основе свидетельств других лиц и повторных исследований останков.

– Разведки других стран также занимались проблемой останков Гитлера?

– В конце 1945 года представители американской военной разведки также брали показания у профессора Блашке, который поделился «описаниями особенностей зубов» своих пациентов из числа высокопоставленных нацистов. 1 ноября 1945 года британская контрразведка опубликовала специальное сообщение, в котором, в частности, утверждалось, что «не существует никаких доказательств, подтверждающих какие-либо из циркулирующих теорий о том, что Гитлер ещё жив». Оперативные и другие контакты советских контрразведчиков с их западными коллегами осуществлялись через Союзную контрольную комиссию по Германии, при которой находились представители разведки и контрразведки стран-победительниц. Так, в интересах розысков нацистских преступников, по просьбе главы советского представительства полковника Дубровского в июне 1946 года начальник группы британской разведки бригадный генерал Дженнингс предоставил протокол показаний бывшего адъютанта Гитлера – фон Белофа о последних днях фюрера, проведенных в бункере, и обстоятельствах смерти главного нациста. Документы, подтверждающие смерть Гитлера, по линии «Смерш» и НКВД были направлены из Берлина для доклада руководству страны только в конце мая 1945 года. 16 июня Берия доложил Сталину и Молотову об актах опознания останков фюрера и результатах экспертиз, а также о показаниях свидетелей из числа задержанных немцев. Официальные заявления Советского правительства об итогах работы по поиску Гитлера и его окружения, документы дентологических и других исследований по опознанию трупов главных нацистов не обнародовались.

– Почему данные о расследовании никогда не обнародовались?

– Могу предположить, что для этого в то время было две причины. Первая могла состоять в том, что Сталин хотел убедиться на 100%, что Гитлер мертв. Кроме проведения различных экспертиз останков Гитлера, активно работала советская разведка по вопросам о возможном следе Гитлера. Ведь тогда не было полной уверенности, что Гитлеру не удалось скрыться. Второй причиной могло служить то, что Сталин и его окружение хотели проверить – нет ли по Гитлеру важной информации у союзников – США и Великобритании. Разведки этих стран также активно искали следы Гитлера.

– То есть сомнения в смерти Гитлера были?

– Сейчас сложно гадать. Наверное, были. Так в январе 1946 года начальник Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР генерал-лейтенант Кобулов подписал аналитическую справку о версии самоубийства Гитлера. В ней отмечены некоторые сомнения, основанные на отдельных противоречиях в показаниях свидетелей. В частности, были поставлены вопросы: почему ни один из источ-

ников не говорит, что стало с останками Гитлера в дальнейшем после их сожжения; почему нет данных о вызове врача для констатации смерти; почему имеются различия в показаниях о выносе тел в сад рейхсканцелярии и об участниках этой процедуры (кто выносил, а кто только сопровождал); почему различны мнения свидетелей о внешнем виде выносимых останков; до конца ли были сожжены трупы главных нацистов; почему останки были обнаружены солдатами взвода «Смерш» раньше, чем на это место показал немецкий охранник Менгесхаузен, и так далее. Интересно, что относительно свидетельства Менгесхаузена в справке отмечено: «Он единственный дал показания о закопке трупов, оказавшиеся правильными». На основании таких, по мнению автора документа, «серьезных противоречий» предлагалось объединить все имеющиеся материалы оперативного управления ГУПВИ НКВД, ГУКР «Смерш» НКО СССР и аппарата уполномоченного НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии Серова для «тщательной и жесткой перепроверки всей группы фактов». Возможно, Кобулова и его подчиненных, помимо отмеченных противоречий, смущал и тот факт, что после захвата имперской канцелярии 4 мая 1945 года был обнаружен труп двойника фюрера – Густава Велера. В результате инициативы ГУПВИ специально созданная комиссия в 1946 году провела дополнительные раскопки на месте обнаружения трупов Гитлера и Евы Браун. При этом был найден фрагмент черепа. В акте записали: «Левая теменная часть черепа с выходным пулевым отверстием». Следует заметить, что в акте экспертизы от 8 мая 1945 года при обследовании останков обгоревших трупов было отмечено, что «крышка черепа частично отсутствует». В ходе дополнительного расследования в бункере нашли следы крови на обшивке дивана, на котором, по описанию Линге, фюрер покончил жизнь самоубийством. В 1948 года «находки» из бункера в виде вещественных доказательств (обгоревшие предметы, протез Геббельса, а главное – фрагменты челюстей и зубов, по которым проводилась идентификация трупов Гитлера, Евы Браун, четы Геббельсов) из Германии были направлены в Москву, в следственный отдел 2-го Главного управления МГБ СССР, который суммировал все факты, связанные с обстоятельствами смерти главарей рейха. С 1954 года, по распоряжению председателя КГБ при СМ СССР Серова, все эти предметы и материалы хранятся в особом порядке в специальном помещении ведомственного архива. Таким образом, первая экспертиза была проведена сразу же после обнаружения обгоревших трупов лидеров III рейха, в мае 1945 года.

– Привлекались ли к экспертизам иностранные спецслужбы или специалисты?

– В конце 2002 года в Центральный архив ФСБ России обратились представители американской телекомпании «Hoggard Films» с просьбой предоставить для съемки документального фильма-исследования

хранящиеся в архиве материалы о расследовании обстоятельств смерти Гитлера и идентификации его трупа, а также вещественные доказательства смерти фюрера – фрагменты его челюсти. Американскому судебномедицинскому эксперту, доктору Марку Бэнэке были предоставлены для исследования все запрошенные материалы и предметы, а также оказаны необходимые консультации. Неожиданностью для нас стали полученные союзниками в 1945 году из лаборатории профессора Блашке рентгеновские снимки челюсти фюрера, которые исследователь привез с собой из Америки. Визуальный сравнительный анализ указанных снимков, фотографий, зарисовок ассистентки профессора Блашке Кете Гойзерман и фрагментов челюсти показал, что они полностью совпадают. По возвращению в Америку доктор Бэнэке изложил свои наблюдения коллегам, предоставив и им возможность изучить сделанные в Москве снимки. Среди исследователей находился и дантист из Цюриха – Мишель Перье, предложивший новый тип сравнительного анализа – покадровый. В анализе Перье использовал киносъемки Гитлера, сделанные известной немецкой актрисой и режиссером Лени Рифеншталь, дробя их на кадры и сравнивая с имеющимися фотографиями. Сопоставив все имеющиеся в распоряжении факты и доводы, доктор Бэнэке сделал вывод: фрагменты челюсти, хранящиеся в Москве, действительно принадлежат Адольфу Гитлеру. Таким образом, в 2002 году состоялась ещё одна экспертиза, в очередной раз подтвердившая подлинность хранящихся в Центральном архиве ФСБ России вещественных доказательств смерти лидера Третьего рейха – Адольфа Гитлера.

– Почему для публики показывали только часть черепа, который хранится в Госархиве, но никогда – нижнюю челюсть Гитлера, которая хранится в фондах ФСБ?

– Я уже говорил, что с 1954 года «находки» из бункера в виде вещественных доказательств, по которым проводилась идентификация трупов Гитлера, Евы Браун, четы Геббельсов, хранятся в Центральном архиве ФСБ России. С 1996 года названные предметы и материалы ЦА стали доступны широкой общественности. На протяжении последних десяти лет Центральный архив ФСБ России активно сотрудничает со СМИ, оказывая информационную поддержку и предоставляя для съемок документальных фильмов о Гитлере вещественные доказательства его смерти. Нами был рассмотрен ряд обращения представителей как отечественных, так и зарубежных кинокомпаний. В 2000 и 2003 годах фрагменты челюстей Гитлера, аптечка, портативная лаборатория для определения состава воздуха, фотографии мест обнаружения трупов, а также ряд других архивных материалов, относящихся к нему и его ближайшему окружению, были предоставлены для съемок телестудии германского журнала «Spiegel» и каналу немецкого телевидения ЦДФ; в 2002 году – американской телекомпания «Hoggard Films»

и японской телекомпании «NHK»; в 2006 году – американской телекомпании «National Geographic». Результатом совместной работы явились документальные фильмы, всесторонне освещающие последние часы жизни Гитлера, его приближенных, а также подробно раскрывающие обстоятельства смерти фюрера. В апреле-июне 2000 года вышеуказанные материалы и предметы экспонировались на выставке «Агония Третьего рейха. Возмездие», проходившей в Выставочном зале федеральных архивов России. В том же году вышла в свет книга «Агония и смерть Адольфа Гитлера» – на основе рассекреченных документов ФСБ России, многие материалы были опубликованы впервые. Кроме того, в книге представлены фотографии вещественных доказательств смерти Гитлера, наибольший интерес из которых, естественно, представляют фрагменты челюстей Гитлера, по которым в мае 1945 года проводилась идентификация его трупа.

– Действительно ли в 1970 году был сожжен по указанию Андропова предполагаемый труп Гитлера, который 5 мая 1945 года был найден рядом с бункером рейхсканцелярии в Магдебурге?

– В связи с передислокацией отдела контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии трупы Гитлера, Евы Браун, семьи Геббельсов, которые исследовались в мае 1945 года, были уже в начале июня перезахоронены в лесу в районе города Ратенов. Место захоронения было подробно описано и отмечено на карте. По указанию начальника УКР «Смерш» Группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенанта Зеленина, 21 февраля 1946 года останки были перезахоронены на территории военного городка в Магдебурге (ГДР), где располагался отдел контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии. Однако, в марте 1970 года указанный военный городок, «исходя из служебной целесообразности, отвечающей интересам наших войск» было решено передать немецким властям. Именно тогда, 13 марта 1970 года, и была написана записка председателя КГБ при СМ СССР Юрия Андропова в ЦК КПСС о целесообразности изъятия останков Гитлера, Браун и семьи Геббельсов и их уничтожения путем сжигания. Так появился план совершенно секретного мероприятия «Архив», осуществленного силами оперативной группы Особого отдела КГБ 3 армии ГСВГ. В нем были четко изложены цели: «Изъять и физически уничтожить останки захороненных в Магдебурге 21 февраля 1946 года в военном городке по ул. Вестендштрассе возле дома № 36 военных преступников». По результатам проведенных 4 апреля 1970 года работ были составлены два акта – о вскрытии захоронения останков военных преступников и об их физическом уничтожении. В последнем имеется запись: «Уничтожение останков произведено путем их сжигания на костре на пустыре в районе г. Шенебек в 11 км от Магдебурга. Останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел, собраны и выброшены в реку Бидериц».

– Почему Андропов считал необходимым уничтожить останки Гитлера?

– Полагаю, что это решение было продиктовано тем, что и Андропов и в ЦК КПСС, куда он докладывал, прекрасно понимали, что место захоронения Гитлера и спустя годы будет объектом поклонения сторонников его идей. До тех пор, пока место захоронения находилось на территории расположения советских воинских частей, это можно было держать в секрете и не допустить проникновения туда посторонних. Но после решения о передислокации советских воинских частей, было принято решение – не перезахоранивать останки Гитлера, а уничтожить путем сожжения. Наверное, такое решение было обоснованным, поскольку и сейчас, к сожалению, немало сторонников идей Гитлера, в том числе в России.

– Не с этим ли связано, то, что хранящиеся в архиве ФСБ части челюсти Гитлера практически не выставляются для широкого показа?

– Это связано именно с этим. Мы не хотим создавать предпосылок для культа поклонения. Кроме тех, кто интересуется историей Великой Отечественной войны, наверняка придут и те, кто исповедует фашистскую идеологию.

*Интервью подготовил
Михаил Шевцов*

НЕ НУЖНО РЕТУШИРОВАТЬ ИСТОРИЮ!

*Интервью журналу
«ФСБ: за и против»
2011 г. № 4 (15).*

Реабилитация жертв политических репрессий — тема, вокруг которой десятилетиями не прекращаются дискуссии. По резонансным делам возникают полярные мнения, к обсуждению которых привлекаются и должностные лица, и общественные деятели, и средства массовой информации. История «большого террора» продолжает волновать граждан страны, ведь репрессии коснулись громадного количества семей. В ФСБ России деятельность, связанная с восстановлением прав необоснованно репрессированных российских и иностранных граждан, является одним из важнейших направлений. Ведь эта работа не только способствует снятию социально-политического напряжения в обществе, достижению согласия и консолидации различных общественно-политических течений, но и в итоге является важным фактором обеспечения безопасности России.

— Какие этапы прошел процесс реабилитации в нашей стране? Чем они отличались друг от друга?

— Таких этапов было несколько. Первый начался в конце 1938 года. Были пересмотрены некоторые грубо сфальсифицированные дела. Второй этап реабилитации пошел после доклада Хрущева на XX съезде «О культе личности Сталина и его последствиях» (1956 год). В нем говорилось о партийных чистках 1930-х годов, судьбах делегатов XVII съезда партии (1934 год), расширении масштабов репрессий после убийства Кирова, фальсификации секретных дел, санкционировании Сталиным расстрельных списков партийно-советских, военных и хозяйственных работников, полученном НКВД от Сталина разрешении применять пытки. О сложности и противоречивости этого периода реабилитации говорит тот факт, что с именем Хрущева связано не только начало реабилитации миллионов жертв, но и сами репрессии. В бытность его секретарем московской партийной организации в 1936–1937 годах были репрессированы 55 741 человек, а когда Хрущев возглавлял Украинскую компартию,

в 1938 году были арестованы 106 тыс. 119 человек. При подготовке доклада Хрущев использовал справку, составленную в 1954 году генеральным прокурором Руденко, министром внутренних дел Кругловым и министром юстиции Горшениным. На пяти машинописных страницах этого документа назывались цифры: с 1921 по 1954 годы за «контрреволюционные преступления» было осуждено коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3 777 380 человек; из них к расстрелу приговорено 642 980; к содержанию в лагерях и тюрьмах – 2 369 220; к ссылке и высылке – 765 180. Указывалось, что из общего числа арестованных за «контрреволюцию» около 2,9 млн человек были осуждены коллегией ОГПУ, тройками НКВД и Особыми совещаниями (т.е. несудебными органами) и 877 тыс. – судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией. Позднее выяснилось, что названные цифры занижены: в статистику не попали умершие в лагерях, репрессированные крестьяне и депортированные народы. Потому к официальной (неточной) цифре 3,7 млн стали добавлять 3–4 млн человек, репрессированных при коллективизации в 1930–1932 годах, и 3,3 млн человек, пострадавших при депортациях. Это составило более 10 млн человек. Разоблачение Сталина и тех, кто противился курсу Хрущева, достигло апогея к XXII съезду партии (1961 год). Затем после отставки Хрущева (1964 год) началось падение интереса к проблеме, наблюдалась даже попытка частичной реабилитации Сталина. Появилась формула, на долгие годы ставшая обязательной для советских историков: «Нарушение ленинских норм партийной и государственной жизни нанесло вред делу строительства социализма, но не могло изменить природу социалистического общества, теоретических, политических и организационных основ деятельности коммунистической партии». При Брежневе несколько раз предпринимались попытки реабилитировать имя Сталина. Авторы юбилейных статей к 90-летию и 100-летию Сталина, опубликованных в «Правде» в 1969 и 1979 годах, стремились убедить сограждан, что «государь он был великий, но коммунист и человек плохой». Попытки официальных идеологов послесталинского периода разделить советскую историю на «хорошую», ленинскую, и «плохую», сталинскую, были бесперспективны. Советские пропагандисты стремились защитить режим прежними методами, подвергая критике отдельных лидеров, но не поступаясь главным: престижем власти в целом. Нетрудно заметить связь между предпринимавшимися в 1970-х годах попытками оправдать сталинские методы и резким сокращением публикаций о терроре, концлагерях и т. д. С конца 1980-х годов исследование советской репрессивной политики и ее итогов велось в различных направлениях. В годы перестройки реабилитация репрессированных граждан была возобновлена и приобрела массовый характер. Стали восстанавливать честные имена простых граждан и изменился характер реабилитации. Подавляющее большинство

осужденных по ст. 58 УК РСФСР граждан полностью реабилитировано за отсутствием в их действиях состава преступления.

– В чем заключается деятельность ФСБ России на сегодняшнем этапе реабилитации?

– Сразу отмечу, что деятельность органов Федеральной службы безопасности по реабилитации жертв политических репрессий, в частности, порядок ознакомления с архивными материалами, находится под постоянным контролем органов прокуратуры и Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. Реабилитацией в буквальном смысле мы не занимаемся. Наша задача – найти материалы и передать их на рассмотрение в органы прокуратуры или в суд. Но, разумеется, мы эти материалы внимательно изучаем и смотрим принятые по ним решения. Архивные следственные дела направляются в органы прокуратуры в плановом порядке. В целом по стране эта работа уже завершена. В 2009–2010 годах в органы прокуратуры направлено 790 дел в отношении 1252 человек. Подлежали пересмотру на начало 2011 года 426 дел. Только в Центральном архиве ФСБ России в 2006–2010 годах рассмотрено более 19 тыс. обращений граждан и организаций по проблемам реабилитации.

– А как Вы относитесь к мнению, что не надо ворошить прошлое, тем более возвращаться не к самым, скажем так, светлым страницам нашей истории?

– Когда я слышу выражение, что у нас была хорошая история или плохая, то говорю, что она не может быть ни хорошей, ни плохой. Она была такая, какая была. Мы уже не в силах ничего переделать. И тем более не надо заниматься ретушированием истории, ее лакировкой. Это мы уже проходили. Понимаете, зачастую архивно-следственные дела, которые у нас хранятся, являются единственным документальным свидетельством, сохранившимся до настоящего времени. Иногда о конкретном человеке, и по каком-то событии больше нигде нет достоверной информации, кроме как у нас. Может быть, это общая трагедия и всей нашей страны, и конкретных людей, но так сложилось. И если мы не будем изучать эти дела, то в нашей истории так и останется множество белых пятен. В документах на репрессированных по политическим мотивам очень много информации по истории страны поэтому мы всегда относимся с пониманием и идем навстречу исследователям. Тем не менее, в СМИ регулярно появляются обвинения, что архивисты, мол, препятствуют в доступе к материалам. К сожалению, пишущие сами не понимают, о чем идет речь. Когда мы не предоставляем какие-то документы, связанные с периодом репрессий, это происходит, в первую очередь, на основании Закона о реабилитации, который гласит, что с архивно-следственными делами могут

знакомиться сами реабилитированные, их родственники, а также другие лица, но – по доверенности. Если мы предоставляем эти дела в широкий доступ – это вступает в противоречие с Законом и нарушает интересы, в первую очередь, самих реабилитированных. Если соблюдены все требования Закона, мы никогда не отказываем.

– А как быть, если складывается ситуация, при которой не осталось родственников или просто не могло быть наследников, как в случае с представителями духовенства?

– Если мы видим, что родственников нет, (а по архивно-следственному делу это всегда видно), конечно, идем навстречу. Что же касается Церкви, то по известным причинам у многих священнослужителей не было семей, поэтому у них нет прямых потомков. Их дела мы даем для ознакомления членам Синодальной комиссии, Епархиальных комиссий в регионах. Представители церкви работают в архивах очень активно, поскольку вопросы канонизации пострадавших за Веру требуют непосредственного ознакомления с документами членов Синодальной и Епархиальных комиссий. В 2008–2010 годах рассмотрено более 200 запросов в отношении почти 700 священнослужителей и мирян. Уже почти 20 лет в Центральном архиве работают сотрудники Свято-Тихоновского православного гуманитарного университета, в результате их трудов создана база данных на репрессированных священнослужителей и мирян Русской православной церкви, размещенная в Интернете.

– Проявляют ли гражданские сообщества к вопросам реабилитации своих предшественников и коллег такой же интерес, как представители Церкви?

– Интерес есть постоянно, и исходит он от самых разных общественных институтов. У нас есть открытый читальный зал – Кузнецкий мост, 22. Придите туда – у нас каждый день бывает такое количество людей, что иногда не хватает столов. В читальном зале работают и частные лица, которые пришли ознакомиться с материалами о своих родственниках, и представители науки. Мы активно работаем с академическими учреждениями: Институтами российской истории, Всеобщей истории, Славяноведения и др. Если перечислять всех, то список займет не одну страницу вашего журнала. Расскажу лишь о некоторых. К примеру, по теме репрессированных геологов у нас работал доктор наук А. Блох, о биологах писал С. Шноль, о врачах – В. Тополянский. Совместно с Институтом философии Академии наук мы ведем работу по изучению дел репрессированных философов. Уже изданы два сборника документов под названием «Высылка вместо расстрела» и «Очистим Россию надолго...», в которых рассказывается о репрессиях в отношении интеллигенции в 1920-х годах. Многие общественные орга-

низации научные учреждения и профессиональные сообщества занимаются историей репрессий в отношении той или иной группы населения, учитывается и их профессиональную принадлежность. Церковь – это вовсе не исключение и не единичный случай.

– Может ли возникнуть ситуация, когда те, у кого остались последователи или родственники, будут реабилитированы, но останутся десятки тысяч дел, о которых просто некому побеспокоиться?

– Нет, такого быть не может. Если в начале работы по реабилитации все начиналось с обращения, т.е. если есть заявление, поднималось дело и пересматривалось, принималось решение – реабилитировать или не реабилитировать человека, то в начале 2000-х годов было принято решение пересмотреть все дела по политическим репрессиям начиная с 1917 года и до 1991 года. Таким образом, в органах прокуратуры были пересмотрены все дела, которые хранятся у нас в архивах. В некоторых случаях решение о реабилитации принималось в органах суда. Может быть, где-то в каком-то архиве осталось не пересмотренное дело, но это редчайшее исключение. Оно все равно будет выявлено и пересмотрено. Это не значит, что по всем материалам было принято решение о реабилитации. Этого и не могло быть, поскольку часть людей была привлечена к уголовной ответственности обоснованно, были собраны достаточные доказательства виновности, их вина была доказана в суде. И при пересмотре принимались решения о том, что граждане привлекались к уголовной ответственности обоснованно, не по политическим мотивам, а за совершение либо общеуголовных преступлений, либо преступлений, направленных на подрыв безопасности страны, в первую очередь за шпионаж. В случае, если шпион был настоящий, естественно, никакого решения о реабилитации не принималось. Круг граждан, не подлежащих реабилитации, определен Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года.

Не подлежат реабилитации те лица, которые были обоснованно осуждены судами, а также подвергнуты наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства в таких преступлениях, как:

– измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, перехода на сторону врага; шпионаж, террористический акт, диверсия;

– совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, а также пособничество изменникам Родины и фашистским оккупантам в совершении таких действий во время Великой Отечественной войны;

- организация, а также личное участие в бандформированиях, совершавших убийства, грабежи и другие насильственные действия;
- военные преступления, преступления против мира, человечности и правосудия.

Кроме того, не подлежат реабилитации военнопленные и гражданские лица, направленные на спецпоселение, служившие в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск и полиции, если имеются доказательства их участия в разведывательных, карательных и боевых действиях против Красной армии и партизан; армий стран антигитлеровской коалиции и мирного населения; за исключением тех, кто впоследствии принимал участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск в составе Красной армии, партизанских отрядов или в движении Сопротивления. Также не подлежат реабилитации лица, совершившие тяжкие уголовные преступления (военная измена, убийство, вооруженный разбой, и др.) и причастные к политическим репрессиям сотрудники правоохранительных органов. Решение об отказе в реабилитации принимается органами прокуратуры или судами. В 2009–2010 годах органами прокуратуры было отказано в реабилитации более 800 лицам. В качестве примера отказа в реабилитации можно назвать имена генералов Андрея Власова, Андрея Шкуро, атамана Григория Семенова и др.

– Если проводить аналогии с другими державами в XX веке, есть ли еще такая страна, которая так же серьезно пострадала от внутренних репрессий?

– К настоящему времени вышло в свет немало фундаментальных, основанных на большом комплексе источников, научных трудов, посвященных советской репрессивной политике. Процесс полноценного и серьезно изучения этой проблемы начался после августа 1991 года с открытием ранее секретных архивов. Большое значение для понимания трагедии народа имели книги вернувшихся из лагерей – Александра Солженицына, Евгении Гинзбург, Варлама Шаламова и многих других. Чтобы ответить на вопрос, поставленный так прямо, нужно специально исследовать статистику, сопоставить цифры. Точно я не могу ответить на этот вопрос. Но мне кажется, что по числу репрессированных, подчеркиваю, необоснованно репрессированных в период сталинских репрессий, наверное, Россия и Украина были наиболее пострадавшими.

– Как решаются вопросы реабилитации, на территории государств, образовавшихся после распада СССР?

– Если говорить о бывших советских республиках, то, к сожалению, не во всех ныне независимых государствах есть закон о реабилитации жертв политических репрессий. Россия объявила себя правопреемником

СССР и стала удобным объектом для обид. Ведь у каждого из народов бывшего Союза — свой XX век. Национальная память по-своему осмысляет общий опыт. Представление о собственном народе как жертве, прошлые взаимные обиды могут долго отравлять отношения между народами. Когда спор об истории принимает форму «конфликта памяти», есть только один путь — диалог, обмен мнениями. Это возможно при единственном и обязательном условии — ответственном и уважительном отношении друг к другу. Если вести речь более конкретно, т.е. о том, как гражданам бывших союзных республик искать документы, то, конечно, в первую очередь нужно искать их по месту предполагаемой репрессии. Для военнослужащих — по месту рождения. Потому что за период службы на территории Советского Союза место жительства военный мог менять много раз. То же самое относится к фильтрационным делам — и в период войны, и после войны, бывшие советские военнопленные проходили фильтрацию, и дела направляли по месту их рождения. Но возможны и варианты. В принципе, в Российской Федерации если обратиться в государственный региональный архив, то дело или находится на месте, или специалисты перенаправят запрос туда, где может находиться дело. И, как минимум, выдадут все рекомендации для продолжения поиска.

— То есть, если дело существовало, то его след можно найти?

— Практически, всегда. На архивных папках проставляется штамп «хранить постоянно» (журналистам больше нравится другой гриф — «хранить вечно», действительно, писали и так). Архивное дело в нашей стране имеет многовековые традиции и в соответствии с этими традициями хранятся документы. Правда, если не происходит никаких чрезвычайных происшествий. Так, часть архивов Грузии в начале 1990-х годов сгорела. Поэтому по этим архивам поиск затруднен и даже бесполезен.

— Политические репрессии в истории нашей страны оставили глубокий след. Но вот должным ли образом сохраняется память об их жертвах?

— В целом отношение к истории страны должно быть бережнее, ко всей истории нужно относиться внимательнее. И не нужно ее ретушировать! Не надо выхватывать какой-то отдельный период, который кому-то нравится, кому-то не нравится, и вокруг него выстраивать политические изыскания. История политических репрессий — одна из важнейших проблем нашей национальной памяти. Для осознания обществами сущности сталинизма, для воспитания подрастающего поколения трудно переоценить значение факта создания мемориальных комплексов в Москве и других городах по всей стране. Да, делается немало. Вместе с научными учреждениями, федеральными архивами и общественными организациями архивисты органов безопасности участвовали в публикации рассекреченных архивных

документов по истории политических репрессий. Крупнейшими из таких изданий стали «История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов» в семи томах, «Трагедия советской деревни» в пяти томах, «Бутовский полигон» в восьми томах, «Расстрельные списки. Бутово и Коммунарка», «Расстрельные списки. Донское кладбище», CD «Сталинские расстрельные списки», «Жертвы политического террора в СССР» и др. Территориальные органы безопасности участвуют в установлении мест массовых захоронений, подготовке при поддержке местных органов власти республиканских и областных книг памяти. Я не совсем уверенно могу назвать цифру, потому что ситуация меняется, но уже издано более 300 книг.

Огромную роль в увековечении памяти пострадавших от политических репрессий играют Русская Православная церковь и общественные организации. Не очень красиво, к примеру, выглядит история здания бывшей коллегии Верховного суда. Теперь там планируется то ли развлекательный комплекс сделать, то ли еще что-то. «Мемориал» давно бьется за это здание с просьбой сделать там Музей политических репрессий, но, насколько мне известно, пока ничего из этого не получается. Необходимо большее внимание со стороны федеральной власти к проблемам реабилитации и увековечения памяти жертв репрессий. В ряде сопредельных государств существуют целевые государственные или общественно-государственные программы по увековечению памяти жертв. У нас до сих пор нет общенациональной книги памяти и общероссийского музея, недостаточное внимание со стороны органов власти уделяется местам массовых захоронений. Нужны меры по совершенствованию законодательства о реабилитации, потому что имеются некоторые проблемы. Целесообразно возвращение социальных гарантий реабилитированным на общегосударственный уровень. Это я уже говорю как член президентской Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Учитывая решения, принятые Президентом Российской Федерации по предложению Совета по содействию институтам гражданского общества и правам человека, в органах Федеральной службы безопасности будет продолжена работа по установлению мест массовых захоронений жертв политических репрессий, подготовке материалов единой общероссийской базы данных, а также планомерному рассекречиванию архивных документов.

– На сколько лет вперед можно прогнозировать продолжение работы по реабилитации?

– Иногда можно слышать, что реабилитация у нас окончена. Некоторые, наоборот, говорят, что этот процесс растянется на много лет. Ситуация следующая. Если говорить о таком понятии, как пересмотр дел, то как уже было сказано – все дела пересмотрены и по ним принято то или иное решение. Сейчас, когда мы говорим о продолжении работы, речь в первую

очередь идет о том, что не все родственники тех, кому отказали в реабилитации, согласны с таким решением. Они подают заявления во второй, третий раз... Уже дети, внуки, правнуки просят еще раз пересмотреть дело. Если в начале массовой реабилитации, после смерти Сталина, в архив обращались родители, дети, жены, мужья, то теперь уже правнуки обращаются. По этим заявлениям, по переписке с архивом можно проследить не только историю конкретной семьи, но историю нескольких ее поколений. Есть еще одно важное обстоятельство. Со временем могут открыться какие-то неизвестные ранее источники, которые позволят увидеть дело в новом свете. Возьмем такой пример. В период Великой Отечественной войны было репрессировано достаточно большое количество офицеров, генералов, обвиненных в 1941 году в том, что они отступили без приказа, сдали позиции. Кто-то был расстрелян, кто-то осужден, кто-то приговорен к расстрелу, но отправлен на фронт. И когда речь идет о таких делах, как происходит их пересмотр? Институт военной истории изучает все документы, известные на сегодняшний день – и советские, и трофейные немецкие – об обстановке, которая складывалась на том или ином участке фронта. И делает вывод: а мог ли тот или иной командующий армией, командующий корпусом, командир дивизии действовать по-другому и не отступить, была ли его вина? И во многих случаях эксперты приходят к выводу, что нет, не мог он по-другому действовать. И именно эти исследования служат основой для заключения о реабилитации или отказа в реабилитации. Сейчас вводят в научный оборот новые источники – и по войне, и по сюжетам нашей политической истории. И на основании исследования новых документов принимаются решения – правильно ли действовал человек, который был репрессирован, существовала ли в реальности его вина. Второй аспект напрямую к вопросам реабилитации не относится – это научное изучение дел. Мне кажется, этот вопрос еще длительное время будет волновать и исследователей, и родственников репрессированных.

– То есть, можно сказать, что изучая историю реабилитации, можно проследить не только судьбу человека, но и историю страны с 1938 года до наших дней?

– И гораздо раньше, почему 38-м рамки ограничивать? Репрессии фактически начались с 1917 года. Борьба с саботажем и контрреволюцией – это была первая задача, которую решала ВЧК, и уже в 1917 году появились первые репрессированные по политическим мотивам. Масштабы репрессий, конечно, постоянно менялись, они были то больше, то меньше. Пик пришелся на 1937–1938 годы. Недаром они получили в историографии наименование «большой террор». Но и лагеря, и концлагеря были созданы в нашей стране гораздо раньше. Знание истории репрессий – это одна из важных составляющих в понимании истории нашей страны. Незнание

фактов, замалчивание и, что самое плохое, искажение истинной истории представляет реальную и серьезную угрозу будущему любой страны. Это лишает народ его уникального, подчас трагического, прошлого, вызывает трения и конфликты в отношениях с соседними народами, подрывает уважение за рубежом. Долгое время многие факты нашей истории были неизвестны, поэтому сейчас «обиженные» страны позволяют себе обвинять Россию во всех бедах, случившихся с ними в советский период, трактуя документы в удобном для них виде. Так, начиная с 1990-х гг. страны Балтии ведут подсчеты убытков от «советской оккупации», Украина популяризирует нацистских преступников, обвиняет Россию в геноциде и т.д. Известно, что в некоторых бывших советских республиках заново переписывают учебники истории, создают мифы и легенды, представляющие Россию в черном цвете. Конечно, сейчас фальсификаторы не несут должной ответственности за то, что делают. Да и мы сами еще не научились громко и серьезно отвечать на ложь, которую бросают нам в лицо. Долгое время мы считали союзные республики и социалистические государства братскими и поэтому не ожидали клеветы и обвинений в свой адрес от, так сказать, родных людей. Тем не менее, сейчас мы видим, что их представления о действиях России сильно отличаются от реальных фактов. Но в наших руках исторические документы – источник, с которым не поспоришь.

*Интервью подготовил
Роман Аршанский*

О СОТРУДНИЧЕСТВЕ С КНБ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ВОПРОСАМ РЕАБИЛИТАЦИИ

*Тезисы выступления на совещании делегаций
ФСБ России и КНБ Республики Казахстан
г. Усть-Каменогорск, 8 августа 2007 г.*

Управление регистрации и архивных фондов ФСБ России осуществляет взаимодействие с зарубежными партнерами, в том числе со спецслужбами и органами безопасности государств-участников СНГ, в рамках заключенных Федеральной службой безопасности соглашений и протоколов о сотрудничестве. В 2006 г. Управлением рассмотрено свыше 900, а за 1-е полугодие текущего года около 400 запросов коллег из стран Содружества. Значительную часть от всего объема составляют обращения казахстанских партнеров. Большинство из них связано с доступом к архивным материалам и касается информации, позволяющей установить судьбы пострадавших в годы массовых политических репрессий лиц, реализовать гарантированные законодательством права на получение социальных льгот и компенсационных выплат.

Проходящие в странах-республиках бывшего Союза ССР общественно-политические процессы поставили перед органами безопасности задачу по формированию новых подходов в защите прав граждан, пострадавших в годы массовых политических репрессий, в выявлении и предоставлении обществу правдивой информации, связанной с этой трагической страницей нашей истории. Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» принят в 1993 г. и в целом созвучен аналогичному Закону Российской Федерации от 18 октября 1991 г.

Работа на данном направлении, на наш взгляд, является важным показателем, отражающим степень доверия граждан к органам безопасности. Зачастую именно архивы спецслужб исполняют роль последней инстанции, на которую граждане возлагают особые надежды. И вполне естественно, что в зависимости от результатов работы архивистов у инициаторов обращений складывается положительное или отрицательное отношение к органам безопасности. Наша общая задача – оказать максимальную помощь, постараться не разуверить их в способности государства (в лице ФСБ России, КНБ Казахстана) оказывать внимание своим и иностранным гражданам.

В каждом конкретном случае необходимо принять точное и взвешенное решение: переадресовать обращение в то или иное архивное учреждение или дать гражданину необходимые рекомендации. Наилучших результатов, как показывает практика, можно достигнуть только в ходе кропотливой и компетентной работы.

Необходимым условием при рассмотрении обращений граждан является не только хорошее знание российского законодательства, приказов, инструкций ФСБ России, принципов организации архивного дела в стране, но и проявление достаточной выдержки, такта, культуры в ходе общения с гражданами, обратившимися к нам за помощью, большинство из которых имеет трудную, а подчас, трагическую судьбу.

В связи с тем, что Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» реабилитированным гражданам, их родственникам, а также другим лицам, с разрешения последних, предоставлено право на ознакомление с материалами прекращенных архивных уголовных дел, для нас со всей остротой стоит вопрос об охране тайны частной жизни осужденных.

Материалы реабилитационных дел активно используются историками и журналистами для подготовки научных исследований, статей биографического и иного характера. Для доступа к делу необходима нотариально заверенная доверенность от родственников осужденного, разрешающая исследователю или журналисту ознакомиться с ним. При наличии в деле каких-либо подробностей частной жизни, о которых широкому кругу людей знать не обязательно, мы предлагаем родственникам сначала самостоятельно изучить имеющиеся документы и лишь потом решить, давать или не давать разрешение исследователям на их изучение, а тем более обнародование.

Недавно в одной из популярных российских газет была опубликована статья о репрессиях 1937–1938 гг., в том числе шла речь о судьбе прадеда автора статьи, который лично, подчеркиваю, сам лично, от своего имени, не обращался с просьбой об ознакомлении с архивными материалами. В публикации содержится целый ряд и других неточностей, порой весьма обидных, поскольку нами обнародованы тысячи документов по этой теме. Но вспомнил я об этом по другой причине.

Автор публикации делает вывод о том, что действующая нормативная правовая база намеренно затрудняет доступ граждан к архивным уголовным делам. В частности, резко негативно оценивается «Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел», утвержденное совместным приказом Минкультуры, МВД и ФСБ России от 25 июля 2006 г. № 375/584/352.

Положение разработано в соответствии с законодательством Российской Федерации в области защиты конституционных прав и свобод граждан, в том числе в полной мере соответствует нормам и духу Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Межведомственный приказ, утвердивший Положение, прошел правовую экспертизу и зарегистрирован Минюстом РФ (рег. № 8296 от 15 сентября 2006 г). Все ограничения на доступ к материалам прекращенных уголовных дел, предусмотренные Положением, ограждают персональные данные реабилитированных лиц от несанкционированного использования.

Не секрет, что, к сожалению, есть нечистоплотные авторы, стремящиеся извлечь из уголовных дел не правду, а так называемое «грязное белье». Нетрудно себе представить, какой непоправимый моральный ущерб наносит такая, с позволения сказать, «исследовательская работа» родственникам пострадавшего и, в конце концов, делу восстановления истины. Наш долг – предотвращать такие случаи. Действующее российское законодательство не только дает нам такое право, но и обязывает к этому.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О снятии грифов секретности с законодательных и иных актов, служивших основаниями для массовых репрессий и посягательств на права человека», российскими органами безопасности рассекречены и переданы на государственное хранение более полутора миллионов уголовных дел, опубликованы сотни ведомственных приказов, директив, инструкций и других нормативных актов.

По обращениям граждан, государственных и общественных организаций архивистами органов безопасности проводится постоянная работа по поиску документов, позволяющих установить судьбы, места захоронений безвинно пострадавших лиц, восстановить их честное имя.

Этому способствуют организуемые и проводимые с привлечением средств массовой информации круглые столы, конференции, выступления и публикации в печати, на телевидении, подготовка и издание мартирологов, Книг Памяти.

Значительные ресурсы архивных подразделений органов безопасности направлены на установление судеб и реабилитацию пострадавших в годы массовых политических репрессий священнослужителей. Центральный архив ФСБ России активно взаимодействует по этому вопросу с Синодальной комиссией Русской Православной Церкви по канонизации, Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, Церковно-научным центром «Православная энциклопедия». Совместными усилиями создан банк данных «Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX в.», содержащий сведения о священнослужителях, монашествующих и мирянах, репрессированных в период с 1917 по 1991 гг.

Строго следуя договоренности об условиях работы в архиве с такими сложными историческими источниками, как следственные дела,

представители Русской Православной Церкви ни разу не допустили злоупотребления полученной информацией и являют в этом плане для многих убедительный пример добросовестного сотрудничества. Эта работа высоко оценена Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II.

Согласно российскому законодательству право доступа пострадавших от репрессий лиц к архивной информации, позволяющей защитить их законные права, относится ко всем гражданам бывшего Советского Союза. В тесном взаимодействии с представителями органов безопасности государств-участников СНГ, в том числе и с коллегами КНБ Республики Казахстан, сотрудниками УРАФ налажена система межгосударственного розыска архивных материалов.

В настоящее время поиск документальных материалов в архивных подразделениях органов федеральной службы безопасности осуществляется по алфавитным картотекам и электронным базам данных, созданным на их основе. То есть, без учета национальной принадлежности репрессированных лиц, мест их рождения или проживания. Это обстоятельство не дает возможности дать ответ на запросы наших партнеров из стран Содружества о предоставлении информации в отношении репрессированных граждан республик бывшего СССР без минимальных установочных данных. Все более активное внедрение в практику средств вычислительной техники, перевод имеющихся документальных материалов в цифровой формат и создание электронных баз данных позволит в будущем осуществлять поиск необходимой информации и по запрашиваемым коллегами параметрам.

Нашим Управлением наработан определенный опыт работы в предоставлении архивных сведений зарубежным коллегам.

Прежде всего, это подготовка с заинтересованными зарубежными государственными и общественными организациями сборников документов, отражающих этапы исторического развития как Советского Союза и входивших в его состав республик, так и ряда европейских государств. Совместное изучение и анализ документов спецслужб позволяют выявлять и вводить в научный оборот малоизвестные или вообще неизвестные широкой общественности и историкам факты, которые нередко снимают спорные вопросы во взаимоотношениях наших стран.

В качестве положительного примера такого сотрудничества могут называть подготовленные специалистами УРАФ совместно с Министерством внутренних дел и Администрации Республики Польша издания «Польское подполье на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. 1939-1941 гг.», «Депортации польских граждан из Западной Белоруссии и Западной Украины в 1940 году» и «Варшавское восстание 1944 года в материалах из архивов спецслужб».

Презентация последней из упомянутых книг состоялась в Варшаве на прошлой неделе и, по отзывам средств массовой информации, стала сви-

детельством взаимной заинтересованности спецслужб следовать велению времени и быть более открытыми для общества.

Формированию нового имиджа Федеральной службы безопасности служат открытые публикации документов органов безопасности, подготовленные совместно с Институтом российской истории Российской академии наук, Институтом военной истории Министерства обороны, Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, Научно-исследовательским просветительским центром «Мемориал», крупнейшими архивами Российской Федерации.

Результатом совместной работы стали вышедшие в свет сборники документов: «История сталинского ГУЛАГа» в 7 томах, «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание» в 5 томах, «Совершенно секретно» Лубянка – Сталину о положении в стране. 1922-1934 гг.» в 10 томах, «Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ» и др.

Спустя десятилетие после начала демократических реформ в отечественной исторической науке начался процесс подлинно научного подхода к изучению прошлого, без акцента на сенсационность. Именно за последние десять лет опубликован огромный пласт уникальной исторической информации, по крупицам собранный представителями отечественных архивов и ранее не доступный даже специалистам. Трудно переоценить значение фундаментального издания документов из государственных и ведомственных архивов «История сталинского ГУЛАГа». Путем объективного исследования архивов стало возможным разрушить стену умолчания и множество мифов. Миф возникает, как правило, там, где ощущается недостаток информации или когда она отсутствует вообще. При том условии, что подлинной информацией всегда единолично по собственному усмотрению обладает и распоряжается верховная власть. Такое положение автоматически создает обстановку некоей всеобщей сверхсекретности – благодатную почву для вымыслов. Среди прочих бытуют и мифы об НКВД как единственном создателе ГУЛАГа. Но настоящие историки знают: не спецслужбы создают государства, выбирают для них строй и определяют характер общественных отношений. Государство создает спецслужбы по своему структурному образу и подобию, административно расписывая каждый их шаг, ибо спецслужба – всего лишь звено в длинной цепи прочих обязательных государственных институтов. И, по меньшей мере, нелепо валить грехи всей системы на одно её жёстко подчиненное общим правилам исполнительское звено. Тем не менее, постоянно приходится сталкиваться с тем, что при пересмотре дел на членов пресловутых «троек» оказываются реабилитированными двое – секретарь обкома и прокурор, а начальник областного управления НКВД – нет.

В 2006 г. только из Центрального архива ФСБ России было направлено для пересмотра в органы прокуратуры около девяти тысяч архивных

дел, по шести тысячам тремстам восьмидесяти трем делам в реабилитации отказано. К сожалению, имеются примеры недостаточно продуманных решений отдельных прокуроров, когда заключения составляются без анализа имеющихся доказательств и не основываются на материалах дела. Так, есть немало примеров, когда реабилитируются лица, активно сотрудничавшие с противником в годы Великой Отечественной войны, забрасывавшиеся в советский тыл с разведывательными заданиями и т.д. В таких случаях мы считаем своим долгом обратиться в Главную военную прокуратуру и добиться отмены неправильного решения. В целом правоприменительная практика реабилитационного законодательства в странах Содружества нуждается в совместном заинтересованном обсуждении, обобщении и научном анализе. В частности, хочу обратить внимание на то, что ст. 18 Закона РФ «О реабилитации...» предусмотрено, что признанные в установленном порядке виновными в преступлениях против правосудия работники органов безопасности, прокуратуры, судьи, члены комиссий, «особых совещаний», «двоек», «троек», работники других органов, осуществлявших судебные полномочия, лица, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут уголовную ответственность на основании действующего уголовного законодательства. Сведения о лицах, признанных в установленном порядке виновными в фальсификации дел, применении незаконных методов расследования, преступлениях против правосудия, публикуются в печати.

Закон о реабилитации Республики Казахстан такого положения не содержит. В то же время в ст. 1 Закона Республики Казахстан в перечне органов, осуществлявших репрессии, нет общественных организаций или их органов, наделавшихся административными полномочиями.

Не менее важной с юридической точки зрения представляется проблема отнесения к числу лиц, пострадавших от политических репрессий, детей, оставшихся в несовершеннолетнем возрасте без попечения родителей или одного из них, необоснованно репрессированного по политическим мотивам. Закон Республики Казахстан эту категорию лиц к числу субъектов своего регулирования не относит.

Жизнь науки в современных условиях осложнена, научное сообщество лишилось возможности широкого обмена мнениями и критики в результате незначительности тиражей издаваемых научных сборников. И в сложившейся ситуации для нас тем более важно утвердить представление об исследовательской работе архивистов Федеральной службы безопасности как неотъемлемой части российского научного общества, продемонстрировать готовность к сотрудничеству и открытости. Особое внимание к деятельности органов безопасности ожидается в связи с 90-летием создания ВЧК. В качестве примера плодотворного сотрудничества, позволяющего удовлетворить запросы общества и внести

свой вклад в создание положительного имиджа спецслужб, может служить работа УРАФ и белорусских коллег по реализации совместного проекта – изданию сборника документов, посвященного 130-летию со дня рождения Ф.Э. Дзержинского и 90-летию образования ВЧК. Выражаем готовность и заинтересованность в подготовке аналогичных изданий и с казахстанскими партнерами. Хотел бы отметить, что материалы из фондов Центрального архива ФСБ только в 2006–2007 гг. были представлены на 11-ти конференциях и 29-ти музейных и вставочных экспозициях. Для широкого представления общественности исторических документов, имеющих в настоящее время особое политическое звучание, УРАФ использует возможности телевидения. За прошлый год и первую половину текущего года Управлением была оказана помощь ряду кино и телекомпаний в создании 44-х фильмов и информационных сюжетов. Мы благодарны нашим казахстанским партнерам за помощь в информационном противоборстве с недобросовестными представителями кинокомпаний и средств массовой информации, широко разрекламировавшими художественный фильм «Сволочи» о якобы существовавшем в годы Великой Отечественной войны на территории Казахстана лагере по подготовке детей-диверсантов.

Основываясь на имеющемся опыте успешного взаимодействия и выражая нашим коллегам-архивистам искреннюю признательность и благодарность, мы полагаем, что по всем названным направлениям деятельности имеются реальные возможности и перспективы дальнейшего сотрудничества. В наших планах – развитие контактов с архивистами Комитета национальной безопасности Республики Казахстан на постоянной основе, с использованием всех форм взаимодействия в реализации долговременных, представляющих взаимный интерес совместных проектов.

О ДЕЛЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

*Тезисы выступления на заседании
Мандельштамовского общества
г. Москва, 2006 г.*

Общественно-политические процессы, происходящие в России в последние годы, непосредственно коснулись деятельности Федеральной службы безопасности. Большая открытость, доступность, ориентация на закон отразились на работе ее архивных подразделений. По роду своей деятельности архивистам ФСБ приходится иметь дело с документальными материалами, в которых запечатлена полная драматизма история политических репрессий. Не зная этой истории, невозможно понять настоящее своей страны, не говоря уже о будущем. Мы считаем нашу деятельность по реабилитации тех, кто пострадал от политических репрессий, исполнением профессионального и гражданского долга. Думаю, ни у кого не вызовет возражений и тезис о том, что, только перевернув эту трагическую страницу нашей истории, мы сможем идти по пути возрождения. Определенную роль в этом процессе играет научно-исследовательское сотрудничество с учеными, представителями общественных организаций, журналистами. Активное взаимодействие с представителями средств массовой информации демонстрирует важность и незаменимость архивных документов для формирования объективного взгляда на отечественную историю, бережного отношения к историческому прошлому нашей Родины. С 1989 г. Центральный архив КГБ СССР совместно с Всесоюзной комиссией по литературному наследию репрессированных и погибших писателей проводил целенаправленную работу по выявлению документальных материалов, имеющих историческую и культурную значимость. Одним из первых изучалось следственное дело Осипа Эмильевича Мандельштама. В Центральном архиве ФСБ России хранятся два архивных следственных дела в отношении Мандельштама.

Впервые Мандельштам был арестован органами ОГПУ по обвинению «в составлении и распространении контрреволюционных литературных произведений» (ст.58-10 УК РСФСР) 16 мая 1934 г. В ходе предварительного следствия ему вменялось в вину написание стихот-

ворения «Мы живем, под собою не чуя страны...». По делу допрашивался дважды и на вопрос следователя: «Выражает ли Ваш контрреволюционный пасквиль ...только ваше, Мандельштама, восприятие и отношение или он выражает восприятие и отношение определенной какой-либо социальной группы?» Мандельштам ответил: «Написанный мной пасквиль «Мы живем...» - не личного восприятия и отношения, а документ восприятия и отношения определенной социальной группы, а именно части старой интеллигенции, считающей себя носительницей и передатчицей в наше время ценностей прежних культур». На вопрос: «Значит ли это, что Ваш пасквиль является оружием контрреволюционной борьбы только для характеризованной Вами группы, или он может быть использован для целей контрреволюционной борьбы иных социальных групп?» Мандельштам ответил: «В моем пасквили я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе, использовав способы упрощенного показа исторической ситуации, сведя ее к противопоставлению: "страна и властелин". Несомненно, что этим снижен уровень исторического понимания характеризованной выше группы, к которой принадлежу и я, но именно поэтому достигнута та плакатная выразительность пасквиля, которая делает его широко применимым орудием контрреволюционной борьбы, которое может быть использовано любой социальной группой».

Помимо признательных показаний Мандельштама о том, что именно он «являлся автором контрреволюционного пасквиля против вождя коммунистической партии и советской страны», других доказательств его противоправной деятельности в деле не имеется. Несмотря на это, постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 26 мая 1934 г. он был выслан из Москвы в г. Чердынь сроком на три года. Постановлением ОСО от 10 июня 1934 г. высылка заменена лишением права проживания в Московской, Ленинградской областях и в ряде крупных городов страны на оставшийся срок. 30 апреля 1938 г. Мандельштам вновь был арестован ГУГБ НКВД СССР. По делу он был без предъявления ему обвинения допрошен лишь один раз. Виновным себя в антисоветской деятельности он не признал. 2 августа 1938 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР О.Э. Мандельштам осужден за «контрреволюционную деятельность» и направлен на Колыму в ИТЛ сроком на 5 лет. В декабре 1938 г. умер в местах лишения свободы. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 31 июля 1956 г. уголовное дело в отношении Мандельштама О.Э. прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

В материалах архивных следственных дел имеются ордера на арест, анкеты арестованного, показания Мандельштама в отношении Гумилева Л.Н. и Ахматовой А.А., фотография Мандельштама О.Э., копии двух стихотворений и другие документы, касающиеся его ареста и осуждения, а также отражающие биографические данные и характеризующие

творчество поэта. Из архивных следственных дел видно, что при аресте в 1934 г. у Мандельштама была изъята личная переписка и рукописи на 48 листах, переданные в 4 отдел СПО ГУГБ НКВД СССР; при аресте в 1938 г. – пачка с рукописями и перепиской, которые в деле отсутствуют.

В 1967 г. в связи с запросом Центрального государственного архива литературы и искусства СССР, а также в процессе дополнительной проверки 1987–1988 гг. установить судьбу рукописей О.Э. Мандельштама не представилось возможным. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 октября 1987 г. дело в отношении О.Э. Мандельштама производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. В связи с проведением в 1987 г. дополнительной проверки обоснованности привлечения к уголовной ответственности Мандельштама был получен отзыв Вениамина Александровича Каверина, члена Союза писателей, близко знавшего его: «Я знал О.Э. Мандельштама с 1920 или (19)21 года. Он никогда не скрывал того, что он думал, и всегда откровенно сообщал свои мысли собеседнику. Прошло много лет с тех пор, как появились его произведения, и теперь каждый русский литератор считает, что не только его поэзия, но и проза, и теоретические статьи – бесспорное украшение русской литературы. Его благотворное влияние на многих молодых поэтов сказалось еще в 20-х годах и продолжает сказываться сегодня. Он принимал деятельное участие в литературной жизни первых двух десятилетий, прошедших после Октябрьской революции, и никогда я не слышал от него ни одного слова, которое бы указывало на то, что он не принимает революции и не уверен в ее исторической необходимости, сказавшейся, между прочим, и на его собственном творчестве, как и на нашей литературе в целом. Таков он был как поэт. В 30-х годах я его почти не встречал. О том, что он написал стихотворение, безжалостно характеризовавшее Сталина, я узнал, когда Сталин звонил Пастернаку и спрашивал его мнение о Мандельштаме. Со стороны Мандельштама это было поступком, совершенно невероятным по смелости, если вспомнить те времена... Никто не мог написать о Сталине с такой выразительностью и силой. Да и никто бы никогда не посмел».

В архивном следственном деле Мандельштама в качестве приложения к протоколу допроса имелся текст стихотворения поэта «Мы живем, под собою не чуя страны...», который он воспроизвел и подписал в кабинете следователя. По указанию руководства КГБ СССР этот текст 22 марта 1989 года был передан в Комиссию по литературному наследию О.Э. Мандельштама при Союзе писателей СССР секретарю правления Союза писателей СССР Р.И. Рождественскому. В 1995 г. Рождественский передал автограф стихотворения на государственное хранение в РГАЛИ (Ф. 1893. Сд. оп. 10 а, № 1)

Документальные материалы из архивных следственных дел неоднократно использовались в работе по обращениям творческих организаций и информационных изданий. В 1991 г. в связи с подготовкой

очерков о Мандельштаме с архивными следственными делами в отношении поэта был ознакомлен специальный корреспондент газеты «Известия» Э.Л. Поляновский. Очерки опубликованы в пяти номерах «Известий» и получили широкий резонанс не только в стране, но и далеко за ее пределами. В 1999 г. некоторые документы архивных дел были предоставлены творческой группе ООО «Мосфильм-услуги» для подготовки хроникально-документального фильма «Россия: XX век. История власти». В 2005 г. архивные материалы дела за 1934 г. были использованы в подготовке телепрограммы, посвященной О.Э. Мандельштаму, телекомпанией «Наш взгляд» в цикле программ «Исторические хроники с Николаем Сванидзе».

В 2002–2003 гг. для совместного интернет-проекта Мандельштамовского общества, Оксфордского и Принстонского университетов «Воссоединенный архив Осипа Мандельштама: рукописи поэта и материалы к его биографии» были переданы копии 24 документов и фотографий из следственных дел поэта, а также электронные копии этих документов.

НЕВЫДУМАННАЯ ЖИЗНЬ ЛЬВА ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА

*Статья в журнале «Театр»
2007 г. № 29*

При упоминании фамилии Гольденвейзер, чаще всего возникает ассоциация с народным артистом СССР композитором и музыкантом Александром Борисовичем Гольденвейзером¹. Имя его двоюродного брата – Льва Владимировича Гольденвейзера, работавшего во Второй студии Московского Художественного театра (МХТ), мало известно не только любителям театра, но и исследователям, изучающим историю театра. В издании, посвященном столетию МХТ, в специальном томе «Имена и документы»², где публикуется информация о почти 600 артистах, режиссерах и сотрудниках театра, вы не найдёте упоминания о Л.В. Гольденвейзере, несмотря на то, что он был членом Художественного и Режиссерского советов и Правления Второй студии МХТ.

В книге воспоминаний и записей о Художественном театре³, в которой опубликован документальный роман Л.В. Гольденвейзера⁴, в именном указателе, ему отведено всего три строчки. Отмечено, что Л. Гольденвейзер – сотрудник административно-хозяйственной части МХАТ⁵, заведующий сценой Второй студии (1917–1920), был осуждён по статье 58⁶, сидел с 1937 по 1943 гг. Несмотря на то, что Л. Гольденвейзер написал несколько сценариев к кинокартинам, которые были официально приняты в производство, и на вступительных титрах этих кинокартин была обозначена фамилия Л. Гольденвейзера как сценариста, но информации о нём нет и в изданиях, посвященных истории советского кино. Все кинокартины, сценарий к которым написал Л. Гольденвейзер, указаны без упоминания его фамилии⁷.

Тем не менее, упоминание о Леве Гольденвейзере можно найти в дневниках его двоюродного брата Александра Гольденвейзера, которые были опубликованы к 125-летию со дня его рождения в 1995 г.⁸ Такая таинственность с именем Л.В. Гольденвейзера объясняется тем, что он неоднократно был «врагом народа» и подвергался репрессиям, четырежды в 1919, 1921, 1937 и 1952 гг. арестовывался, провел многие годы в местах лишения свободы. Именно поэтому наиболее полными источниками информации

о Л.В. Гольденвейзере являются архивно-следственные дела, хранящиеся в государственных и ведомственных архивах⁹

В архивных следственных материалах, отложились и документы, написанные собственноручно Л. Гольденвейзером¹⁰. Они позволяют проследить его творческую биографию, полную драматургии, которую сложно было выдумать даже талантливому режиссеру.

Лев Владимирович Гольденвейзер родился в 1883 г. в городе Тирасполе¹¹ Херсонской губернии в семье инженера путей сообщения, служившего на Юго-Западной железной дороге. Его отец был дворянином. Л. Гольденвейзер получил среднее образование в 2-ой гимназии г. Кишинева, которую окончил в 1901 году. После окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. Осенью 1904 г. Л. Гольденвейзер, увлекшись революционной идеей, вступил в РСДРП. Он был членом боевой дружины во 2-м Замоскворецком районе Москвы, являлся хозяином явочной квартиры, находившейся на улице М. Бронная, осенью 1905 г. входил в состав боевой охраны на похоронах Баумана, затем работал пропагандистом в северной организации в г. Ярославле. В конце 1907 г. Гольденвейзер, поняв, что является законченным индивидуалистом, которого страшила партийная дисциплина, он отошел от партийной работы, сохранив весь жар мечтаний о социализме, всю готовность отдать ему все свои индивидуальные силы. Его путь в партию (чтение революционной литературы), существенно отличается от того, как туда пришли его товарищи–рабочие (нехватка средств для существования, бытовые нужды и т.п.). Увлечение Гольденвейзера революционной работой несколько отвлекло его от учебы в Московском университете, который он сумел окончить только в 1908 г. Оказавшись в Москве Гольденвейзер, по его собственному признанию, с 1901 г. по 1917 г. находится «около Художественного театра¹²». После окончания университета Гольденвейзер работал адвокатом в Московской адвокатуре(1908-1912), выступая в течение 4-х лет в качестве политического защитника жертв «ликвидации последствий 1905 года».

С 1912 г. по 1917 г. Гольденвейзер работал начальником мобильной части Московской Казанской железной дороге, однако гражданские дела его мало интересовали. Еще в университете Гольденвейзер начал заниматься литературной, в частности, переводческой работой. Эти годы его переводывали 5 книг. С 1917 года он всецело переключается на работу в области искусства, которая шла по трем направлениям: литература, кинематография и театральное искусство. В 1917 г. Гольденвейзер поступает на работу в Московский Художественный театр (МХТ) и проводит за кулисами театра три года, которые стали самыми счастливыми годами в его жизни¹³. В этот период он был учеником, помощником режиссера, режиссером Второй студии¹⁴ МХТ. В театральном сезоне 1917–1918 гг. Гольденвейзер работает помощник режиссера при постановке спектаклей:

«Зеленое кольцо» (режиссеры З.Н. Гиппиус¹⁵ и Н.Н. Литовцева¹⁶) «Дневник студии», «Некуда», «История лейтенанта Ергунова», «Белые ночи». Дебютном режиссерской работы Гольденвейзера был спектакль «Воры» по Чехову. Высшей оценкой дебютанту стали слова К.С. Станиславского¹⁷: «Тише! Режиссер родился!»¹⁸. В спектаклях, которые ставились во Второй студии МХТ принимали участие артисты: О.Н. Андровская¹⁹, Н.П. Баталов²⁰, А.П. Зуева²¹, Е. К. Елина²², Е.В. Калужский²³, Е.Ф. Краснопольская²⁴, В.Я. Станицын²⁵ и др. Занимаясь подготовкой к театральному сезону, летом 1918 г. Гольденвейзер руководит перестройкой сцены и зрительного зала Второй студии, проводит реорганизацию студии, преобразуя ее в рабочий кооператив. В 1918-1919 гг. Гольденвейзер работает в качестве помощника режиссера при постановке спектаклей во Второй студии: «Немая жена» – А. Франса, «Младость» – Л. Андреева (режиссеры Н.Н. Литовцева и К.С. Станиславский), «Сказка об Иване-дураке» по Льву Толстому, инсценировка М.А. Чехова²⁶ (режиссеры Е.Б. Вахтангов и М.А. Чехов). Он являлся дежурным режиссером всех спектаклей Второй студии. Гольденвейзер входит в Художественный и Режиссерский советы, в состав Правления Второй студии. Одновременно он ведет занятия с учениками школы Второй студии МХТ, по поручению театрально-музыкальной секции Московского Совета читает 50 лекции на литературные темы в районных клубах. В драматическом коллективе Всеобуча Гольденвейзер в качестве режиссера ставит спектакль «Гибель надежды» Гейерманса. Летом 1919 г им были проведены подготовительные работы по монтажу пьесы «Узор из роз» и «Сказка об Иване-дураке», был разработан план устройства клубных сцен, осуществлен перевод (1-я редакция) пьесы Мюссе «Любовью не шутят» и составлен плана ее постановки. Он готовит помещение театра Московского совета у Каменного моста для спектаклей Второй студии. Во время театрального сезона 1919 – 1920 гг. он, работая во Второй студии МХТ, готовит к постановке пьесу «Узор из роз», а также продолжает подготовку к постановке пьесы «Любовью не шутят». В это же время Гольденвейзер заведует театром у Каменного моста, участвует в работе Художественного совета, руководит драматическим пролетарским кружком Рогожско-Семеновского района.

Осенью 1919 г. Гольденвейзер занимался более прозаическими делами, он ведет заготовку дров для отопления театра у Каменного моста и Второй студии МХТ. Сложность ситуации заключалась в том, что в кассе ни одного из двух театров не было необходимой суммы денег для покупки дров. Гольденвейзер собирает деньги у артистов, а недостающую сумму – 900 000 рублей получает из кассы Главного управления спичечного производства. Однако бдительные борцы с коррупцией в лице военного следователя Главного военного железнодорожного трибунала усмотрели, что документы у Гольденвейзера, при помощи которых он приобрел дрова, оформлены неправильно. За попытку приобрести дрова в обход

существовавших декретов он был арестован. Следствие велось неторопливо, Л.В. Гольденвейзер провёл в Бутырской и Сокольниковской тюрьме 5 месяцев. Его обвиняли в совершении фиктивной сделки с дровами, а других участников этой сделки – в попытке продать дрова Художественному театру по завышенной цене²⁷.

9 сентября 1920 г. Главный военный железнодорожный трибунал признал Гольденвейзера виновным в том, что он, будучи помощником режиссера Второй студии Художественного театра, «склонял должностных лиц к выдаче неправильных официальных документов и в покушении на спекуляцию казенными дровами». Принимая во внимание, что преступление было совершено благодаря «несчастно сложившимся для него обстоятельствам», Гольденвейзер был приговорен к пяти годам общественных принудительных работ. Однако, учитывая, что «проступок, совершенный Гольденвейзером, имел место в ноябре 1919 г., трибунал счел возможным взамен положенного наказания применить условное осуждение на тот же пятилетний срок». Прошло мене трех месяцев, когда 5 декабря 1920 г. постановлением того же трибунала Л.В. Гольденвейзер был освобожден от наказания²⁸

В 1920–1921 гг. Гольденвейзер в театре «Искусство и труд» занимается переводом и постановкой пьесы Меримэ «Рай и ад». Эта пьеса (под названием «Благочестие») прошла в этом сезоне около 30 раз. Во время вынужденного отсутствия Гольденвейзера во Второй студии МХТ было принято решение признать его «выбывшим из Студии». Такое решение было полной неожиданностью для Гольденвейзера, и он готовит обращение к коллективу Второй студии Художественного театра, в котором дает негативную оценку принятого решения²⁹.

В течение 5 месяцев, которые Гольденвейзер провел в Бутырской и Сокольниковской тюрьмах, он руководил драматической секцией культпросвета Бутырской тюрьмы, а также организовал драматическую секцию в Сокольниковской тюрьме, построил там сцену и зрительный зал. Он так увлекся занятиями в тюремных студиях, что продолжал вести их и находясь на свободе, вплоть до декабря 1920 г. После освобождения из тюрьмы Гольденвейзер принял за намерстывать упущенные возможности, работая по совместительству сразу в нескольких государственных учреждениях одновременно. С октября 1920 г. по февраль 1921 г. он заведовал драматической секцией Дворца искусств. С октября 1920 г. по май 1921 г. он заведовал драматической студией Высших организационных курсов всевобуч, где кроме учебных занятий, поставил 5 публичных спектаклей.

С марта по август 1921 г. был заместителем директора Государственного института музыкальной драмы. На эту должность он был командирован Главным управлением профессионального образования (Главпрофобр) для того, чтобы устранить бесхозяйственность и наладить ремонт отопления к учебному сезону 1921–1922 гг. Задание было выполнено.

С февраля 1921 г. по июнь 1921 г. Л. Гольденвейзером были сформированы культурно-просветительные организации ВСНХ. По поручению Совета он разработал план организации и бюджет, подыскал помещение для клуба (Златоустинский пер., д. 1). Кроме того, он организовал драматически-музыкальную секцию, где преподавал сценические упражнения. В секции было до 60 учеников. Гольденвейзер проводил занятия с двумя группами, с каждой по 4 часа в неделю. С июня по август 1921 г., Л. Гольденвейзер работал заместителем директора Высших хореографических государственных мастерских, куда был назначен Главпрофобром. Вследствие перегрузки работой он был вынужден оставить работу в ВСНХ. В связи с отъездом директора мастерских Н.К. Рахманова, Гольденвейзер руководил организационными работами и подбором помещения. Он уже нашел помещение, но не успел получить на него ордер. В это время на самого Гольденвейзера был выписан иной ордер на его арест.

27 августа 1921 г. Л. Гольденвейзер был арестован ВЧК по обвинению в шпионаже в пользу иностранной державы. Одновременно с Л. Гольденвейзером арестовали и его гражданскую жену – А.Ф. Доброславскую³⁰, у которой он проживал в доме № 11 квартира № 1 по улице Петровка. Доброславская также обвинялась в шпионаже и содержалась под стражей во внутренней тюрьме ВЧК. На допросах в ВЧК Доброславская чистосердечно рассказала все, что она слышала во время разговоров Гольденвейзера и Кабака, однако каких либо сведений о сборе, хранении и передаче секретной информации она сообщить не смогла. Учитывая, что улики изобличавших Доброславскую в проведении противоправной деятельности не было, поэтому 10 сентября 1921 г., Президиума ВЧК принял постановление об освобождении ее из-под стражи. Ей вернули деньги и вещи, изъятые при обыске³¹. В ходе обыска, проводившегося во время ареста, у Гольденвейзера были изъяты: личные документы, переписка и фотографии, документов изобличавших его преступную деятельность выявить не удалось. В числе личных документов, как утверждает сам Гольденвейзер, был перевод двух двухактных пьес Меримэ. Эти рукописи впоследствии были утеряны. В протоколе обыска записано, что для доставки в ВЧК было взято следующее: одна пачка переписки и фотографии. Подробной описи всего конфискуемого или реквизируемого имущества не составлялось. Поэтому спустя 86 лет трудно судить, когда пропала рукопись, однако она еще нигде не обнаружена. 27 августа 1921 г. проводился обыск и на квартире жены Гольденвейзера – Поповой-Гольденвейзер, где также без описи изымалась переписка, фотографии, карточки, тетради.

Арест Гольденвейзера был проведен по обвинению в том, что с мая 1921 г. он, находясь в связи с военным шпионом – членом Латвийской миссии Нюренбергом, выполнял задания по сбору военной информации. В этих целях Гольденвейзер пригласил на работу слушателя Академии Генштаба Красной Армии Владимира Михайловича Кабака, дал ему

задание доставить секретные сведения о концентрации советских войск на румынской границе, о расформировании ЧК, секретные циркуляры РКИ, о совещании командармов, дислокации войск и оперсводки. Исполняя задание, Кабак передал Гольденвейзеру секретные оперативные сводки, которые были найдены на квартире Гольденвейзера через неделю после его ареста. Организатор преступной группы - официальный сотрудник Латвийской дипломатической миссии Нюренберг не мог быть привлечен в качестве обвиняемого по делу Гольденвейзера, так как ВЧК не получил на это особого разрешения НКВД³².

Расследование дело по обвинению Гольденвейзера Л.В. в таком сложном деле, как передача сведений военного характера иностранному разведчику, заняло всего три недели. 17 сентября 1921 г. оно было заслушано в судебном заседании Президиума ВЧК, Гольденвейзер был приговорён к высшей мере наказания с отсрочкой исполнения приговора до особого распоряжения. ВЧК предполагало, что латвийское правительство будет принимать меры по спасению своего поставщика информации, тогда можно было бы обменять Гольденвейзера на кого-либо из большевиков, содержащихся под арестом в Латвии. Однако латвийское правительство не интересовалось судьбой Гольденвейзера и мер к его освобождению или обмену не прунимало. Не зная, как поступить с Гольденвейзером, чекисты передали его уголовное дело в Верховный трибунал ВЦИК, для принятия решения, Никто не знал, как поступить с Гольденвейзером, поэтому его содержание под стражей затянулось³³. Прошло четыре месяца, следственные действия не проводились, Гольденвейзер томился в неизвестности, что с ним будет. В его защиту выступил народный комиссар просвещения РСФСР Луначарский³⁴. В своём ходатайстве от 16 января 1922 г., направленном Уншлихту³⁵, он пишет, что Гольденвейзер «человек очень талантливый, между прочим, хороший переводчик» и просит ускорить рассмотрение дела Гольденвейзера и если «можно оказать какое-либо содействие человеку, несомненно, талантливому, то это следует сделать»³⁶. Уншлихт поручает «дать справку, почему затягивалось дело, в каком оно состоянии и можно ли его закончить поскорее»³⁷.

Находясь в тюрьме, Гольденвейзер активно работает. Он осуществляет перевод революционной пьесы Меримэ «Заговорщики», которая по рекомендации наркомом по просвещению А.В. Луначарского была поставлено в 1922 г в Дмитровском театре, где прошла 30 раз. Перевод был отпечатан в Госиздате. В январе – марте 1922 г. Гольденвейзер заново осуществил перевод пьесы Мюссе, приспособил ее «к идеологии труда» и переработал план постановки. Луначарский высказал свое мнение по очередной работе Гольденвейзера, направив ему 26 мая 1922 г. письмо: «Ваш перевод хорош. Пьеса Мюссе по своему очаровательна и грациозна, но я думаю, что постановка Вами задуманная, изменения, которые Вы предлагаете, отяжелят пьесу... Скажите мне, куда направить вашу пьесу». Адрес на письме очень

короткий: «Бутырская тюрьма. Гольденвейзеру»³⁸. Весной 1922 г. Гольденвейзер приступил к разработке плана исследования о методах борьбы с преступностью в трудовом государстве. Практическому осуществлению работы препятствовало отсутствие нужных книг из-за «тюремного» режима и заболевание острой невралгией. Несмотря на то, что Гольденвейзер фактически еще до ареста ушёл из семьи и жил в гражданском браке с Доброславской в её квартире, его официальная жена и мать его двоих детей – Анастасия Николаевна Попова-Гольденвейзер просила об ускорении рассмотрения дела Гольденвейзера. 21 марта 1922 г. она направила заявление Уншлихту, а 30 мая того же года подала прошение на имя председателя ВЦИК Калинина³⁹. Письмо Поповой-Гольденвейзер до М.И. Калинина не дошло, 31 мая оно попало в руки Представителя ГПУ при Председателе ВЦИК и сразу же было передано на рассмотрение в ГПУ.

22 июня 1922 г. Гольденвейзер одновременно с большинством латвийцев и других иностранцев был переведен из общей камеры Бутырской тюрьмы. Он предположил, что его готовят к высылке за границу. Именно в это время в советской России летом 1922 г. набирала обороты кампания по высылке из страны инакомыслящих. 21 июня 1922 г. в обращении к руководству 13 отдела ГПУ Гольденвейзер высказывал озабоченность по поводу возможного применения к нему высылки из России. Он считал необходимым заявить ГПУ, что высылка была бы для него «тяжелейшим ударом, ... лишила бы возможности принять участие в строительстве той новой жизни, которое возможно только в России»⁴⁰.

Длительное нахождение Гольденвейзера в состоянии неопределенности и неизвестности оказало влияние на его психическое состояние. Летом 1922 г. он направил несколько письменных заявлений, в которых отметил, что не в силах дольше бороться с одолевающими его недугом и переносить страдания. В заявлении от 7 июля 1922 г. Гольденвейзер пишет: «Если до 18 июля я не получу документального определения моего дела, я буду вынужден покончить с собой и с этого числа прекращу прием пищи и питья. Ссылку на «продолжение следствия» сочту простой канцелярской отпиской, так как никакого следствия по моему делу не ведется с 15 сентября 1921 г.»⁴¹, о слабом состоянии своего здоровья, а также просил вызвать его на допрос с целью сообщить «некоторые факты, кажущиеся важными в государственном масштабе»⁴². Возможно, что благодаря активной позиции Гольденвейзера, его не желании быть высланным за границу, он не попал на «философский пароход», на котором осенью 1922 г. была выслана за пределы России большая группа российской интеллигенции⁴³.

В Контрразведывательном отделе ГПУ не хотели идти уступки Гольденвейзеру. 31 июля 1922 г. начальнику Бутырской тюрьмы было направлено указание «в будущем заявления от Гольденвейзера или кого-либо другого, написанные в подобном недопустимом тоне, не принимать. Гольденвейзера за его недопустимый тон подвергнуть административному

взысканию, лишить передач и свиданий сроком на один месяц. Гольденвейзеру пообещали, что взыскание с него может быть снято в случае обещания в будущем не употреблять в своих обращениях таких выражений, как угрозы покончить жизнь самоубийством⁴⁴. Борьбу за освобождение Гольденвейзера продолжила Татьяна Львовна Толстая⁴⁵, направившая 25 октября 1922 г. заявление Председателю ВЦИК с просьбой о помиловании приговоренного к расстрелу Гольденвейзера⁴⁶.

Пытаясь решить задачу в «любовном треугольнике», Гольденвейзер, находясь в Бутырской тюрьме, в октябре 1922 г. после свидания А.Ф. Доброславской подал заявление народному судье 2-го Яузского комиссариата – о расторжении брака с А.Н. Поповой-Гольденвейзер и вступлении в брак с Доброславской⁴⁷. Несмотря на длительное нахождение под стражей и стремление следователей получить признание от Гольденвейзера, он не признал виновным себя в шпионаже, так как, беседуя с Нюренбергом и Кабаком лишь изучал их психологию. Одновременно Гольденвейзер подчеркивал, что является «решительным сторонником современного политического строя»⁴⁸.

После одного года и почти трех месяцев нахождения Гольденвейзера в тюрьме, 15 ноября 1922 г. состоялось заседание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК⁴⁹. Гольденвейзер был признан виновным в том, что он «производил шпионскую работу и приступил к собиранию сведений, имеющих характер военного секрета: достал секретно оперативные сводки о передвижении и боеспособности Красной армии, чем совершил преступление, предусмотренное ст. ст. 66 и 58 ч. 1 Уголовного кодекса РСФСР, т.е. подлежит расстрелу. Принимая во внимание, что преступление было совершено в 1921 г., длительный период предварительного заключения, а также труды Гольденвейзера на культурном поприще, Военная коллегия Верховного трибунала ВЦИК постановила заменить расстрел 5-ю годами лишения свободы с конфискацией имущества с зачетом предварительного заключения. В то же время было решено амнистию 1922 г. к Гольденвейзеру не применять»⁵⁰.

После отбытия наказания Л.В. Гольденвейзер вернулся на жительство в Москву. В 1926–1933 гг. пишет серию рассказов о местах заключения, один из них автобиографический – «Кнут и Дыба». В этот период Гольденвейзер проявил себя как киносценарист. Он даже занял достаточно высокую должность, став в 1927 г. заведующим литературным отделом Госкино СССР, завучем Студии киноактера⁵¹. В 1928 г. Гольденвейзер входит в состав правления Московского общества драматических писателей и композиторов, в 1929 г. становится уполномоченным общества по Закавказью. С 1929 – 1932 гг. Гольденвейзер, работая сценаристом-консультантом «Киносибири», познакомился с писателем Е.Н. Пермитиным – главным редактором журнала «Охотник и пушник Сибири», и написал совместно с ним сценарий к кинофильму по роману Пермитина

«Капкан»⁵². В период 1927–1932 гг. Гольденвейзер пишет несколько сценариев к художественным кинофильмам. «Случай на мельнице», производство Межрабпомфильм (1927) в соавторстве с Борисом Леонидовым; «Крестовик» (1927), 3-я фабрика Госкино (по одноименному рассказу В.М. Волькенштейна); «Бог Войны» в соавторстве с режиссером картины Е. Дзиганом, по заказу Госкинопрома Грузии (1928); «Огненный рейс» (1929); «Ещё 12» в соавторстве с режиссером Местечкиным и консультантом Панкруш производство Сибирской кинофабрики (1932), совместно с писателем Пермитиным – сценарий к кинофильму по роману Пермитина «Капкан»⁵³.

В 1932–1937 гг. Гольденвейзер работает художественным руководителем клуба Митрохинской промкооперации в поселке «Ильинский погост» Орехово-Зуевского района Московской области. Там он ставит спектакли по пьесам «Чужой ребенок» Шкваркина, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Нахлебник» и «Безденежье» И.С. Тургенева, «Шестеро любимых» А. Арбузова, «Чудесный сплав» В. Киршона, «Сережа Стрельцов» Любимовой. В Московской областной и районной прессе появляются положительные отзывы о работе Гольденвейзера. Спектакль «Платон Кречет» был показан и на военном аэродроме в г. Егорьевске⁵⁴. Здесь же Гольденвейзер пишет киносценарии «Профиль Фемиды» и «Пятая заповедь»⁵⁵.

С 1933 г. Гольденвейзер начинает писать роман о современной жизни, который спустя много лет получит наименование «Выдуманная жизнь». Первый вариант романа назывался «День субботний». Его рукописи и другие документы Гольденвейзер хранит в Москве у своей дочери Ирины⁵⁶. В 1941 г. в дни наступления немецкой армии на Москву она уничтожила все хранившиеся у нее рукописи отца.

Маховик политических репрессий, набравший свои максимальные обороты в 1937 г., прерывает творческую деятельность Гольденвейзера на свободе. 28 октября 1937 г. Куровским районным отделом УНКВД по Московской области на него было заведено дело по обвинению в антисоветской агитации⁵⁷. Уже через два дня, 30 октября 1937 г., Л.В. Гольденвейзер был арестован и помещён в тюрьму Егорьевского района⁵⁸. 20 декабря 1937 г. дело по обвинению Гольденвейзера Л.В. было представлено на рассмотрение Тройки при УНКВД по Московской области, которая на своём заседании 21 декабря 1937 г. приговорила Л.В. Гольденвейзера к заключению в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) сроком на 10 лет. Для отбывания наказания Гольденвейзера отправляют в Коми АССР в Локчимлаг⁵⁹ и Устьвымлаг⁶⁰. Лагерь оказался для Л. Гольденвейзера творческой командировкой в советскую жизнь. В 1938–1943 гг., находясь в местах лишения свободы, по заказу лагерной администрации он пишет клоунады-агитки на лагерные темы: «Стах и Фил» (стах – стахановец и фил (филон) – лодырь), а также повесть «Однолюб» (о невинно осуждённом), «Повесть о Иоське Зильберштейне», пьесы «Гарри Пиль» (о лагерном картёжнике и талантливой

актрисе, загубленной блатным миром), «Пулемёт» (история двух мальчиков, русского и немецкого, и игрушечного пулемёта)⁶¹.

Дочь Гольденвейзера – Ирина, предпринимала попытки по пересмотру дела своего отца. 14 апреля 1939 г. она написала заявление на имя Берия, в котором отмечала, что ее отец занимался «литературной работой, имеет ряд поставленных сценариев и перед арестом окончил большую антифашистскую пьесу. Работа в клубе была им поставлена образцово, за 4 года он сколотил крепкий драматический кружок, постановки которого отмечались рядом работников, приезжавших из центра. Работая исключительно добросовестно, он всегда чрезвычайно требовательно относился и к себе и к другим, чем мог нажить себе личных врагов. Я полагаю, что высылка моего отца явилась следствием оговора и прошу пересмотреть его дело». Кроме того, она отмечала, что ее отцу 56 лет, он давно уже страдает пороком сердца и маниакально-депрессивным психозом, по поводу которого он находился на излечении в психиатрической больнице. Периодически повторяющиеся приступы психической болезни делают для него лишение свободы особенно тяжёлым⁶².

После рассмотрения заявление было принято решение в «ходатайстве дочери осуждённого Гольденвейзера Льва Владимировича – Гольденвейзер И.Л. о пересмотре решения по делу ее отца – отказать»⁶³.

20 сентября 1940 г. Л.В. Гольденвейзер подает развёрнутое заявление Наркому внутренних дел СССР. В своем заявлении Л.В. Гольденвейзер подробно описывает свою позицию по критическому осмыслению действительности. При этом он обосновывает разницу между критическим освоением действительности и антисоветской агитацией или деятельностью. Осваивая критически советскую действительность, он подчёркивает, что неизменно стоял на твёрдых советских позициях, при этом следил за тем, чтобы его «критичность» не могла бы кем бы то ни было использована с контрреволюционной целью. Не существует ни одного свидетельства, чтобы когда-либо, где-либо, в публичных ли выступлениях, на работе ли или в частной беседе, выступал в какой бы то ни было форме против советской власти. Гольденвейзер подчёркивал, что подтверждением невинности служат его литературные работы, 20 киносценариев, сданных в производство, 10 кинокартин, поставленных по его сценариям (они еще были в тот период на экранах: «Огненный рейс», «Бог войны» и «Еще 12»).

В этих творческих работах никогда и никем не было констатировано ни одной политической ошибки, а уж тем более признаков контрреволюционной агитации, скрытой или открытой, но даже и в громадном количестве записок, заметок и черновиков, не предназначавшихся к опубликованию и взятых у него при обыске, следствие не обнаружило ни одной компрометирующей строчки. К такому выводу Гольденвейзер пришёл в связи с тем, что все литературные черновики были возвращены после их изучения следователем его дочери Ирине.

Л.В. Гольденвейзер заявил, что постановление о лишении его свободы на 10 лет выражало не форму и содержание назначенного ему наказания, а носило характер предупредительной меры изоляции. Он стремился к творческой работе, но в условиях изоляции не мог завершить написание ранее задуманных пьес. «Они умрут вместе со мной, так как моё здоровье не даёт ни малейшей надежды на то, чтобы я мог прожить еще 7 лет в лагерной обстановке. Если условия момента сейчас таковы, что в связи с моей политической характеристикой, изоляция в отношении меня не обязательна, я прошу предоставить мне возможность закончить свою литературную работу, на что мне потребуется около 4-х лет»⁶⁴.

Однако и это обращение не изменило решение Тройки при УНКВД по Московской области от 21 декабря 1937 г.⁶⁵ Гольденвейзер оставался в ИТЛ ещё около трёх лет и был освобождён из-под стражи только в 1943 г., когда он уже был крайне истощён и помещён в больницу с диагнозом – дистрофия. После освобождения в 1943–1944 гг. он работает в клубе совхоза № 9/1 (Томской железной дороги Новосибирского района): ставит спектакли по пьесам «Отчий дом» и «В такое время». В этот период он пишет рассказы: «Опусти глаза» (о культе личности), «Соут-томат» (о преступности в лагере), «Костя-акробат», «Аметистовый слоник», «Доктор Бодэ женится» (о фашистском диверсанте, действовавшем в СССР в период «ежовщины»). Все рассказы внимательно читаются начальником Инского районного отделения НКВД Н.Н. Ялтанским и получают его одобрение. В результате Гольденвейзеру разрешили жить и работать в Новосибирске⁶⁶. В 1944–1945 гг. он работает в клубе Дворца культуры им. Л.М. Кагановича (ст. Инская, г. Новосибирск), где ставит спектакли «Отчий дом» В. Катаева и «Волки и овцы» А.Н. Островского, которые пользуются успехом у зрителей. Гольденвейзер возвращается к работе над романом «Выдуманная жизнь». Работа над этим романом о современной жизни началась еще в 1933 г. и продолжалась вплоть до 1952 г. с перерывами, вызванными нахождением автора в местах лишения свободы (1937–1943 гг.) и отвлечением режиссерской работой в драматических коллективах самодеятельности. В поисках темы Гольденвейзер последовательно меняет название романа: «Человек и его паспорт», «Непрошенные благодетели», «Человек не на своем месте», «Система Коперника»⁶⁷

В первом варианте «День субботний» эта тема была ограничена взаимоотношением работы и отдыха. Во втором варианте «Система Коперника» тема расширилась до образного анализа диалектического материализма. В третьем варианте «Человек не на своем месте» проблема базировалась на анализе различия между вынужденной работой и трудом по своим возможностям. В четвертом варианте «Человек и его биография» тема добавилась вопросом о том, что нельзя судить о возможностях и общественной ценности человека, ограничиваясь лишь внешними фактами его жизни. Наконец, в пятом и последнем из написанных вариантов под на-

званием «Выдуманная жизнь» предпринята попытка разрешить проблему счастья человечества, не выдумывая жизнь, а, изучая ее, чтобы исправить. Каждый вариант строился путем очистки предыдущего варианта от ненужного материала и обогащения его новым нужным материалом⁶⁸.

В 1945–1946 гг. Гольденвейзер работает художественным руководителем Дворца культуры железнодорожников в Новосибирске, режиссером в клубе Новосибирского авиационного завода. Он ставит спектакли: «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А.Н. Островского и «Отдых моряка». В газете «Красноармейская звезда»⁶⁹ о его постановках выходит большая статья. Продолжая литературную деятельность, Гольденвейзер пишет повесть «Наташа» (о социальной опасности безотцовщины), а также несколько статей для публикации в газетах. Например, «Будущие колхозники», в которой описывает забытый советской прессой спор Чехова (в «Мужичьих рассказах») с Л.Н. Толстым о философии и этике русского мужика.

Гольденвейзер пытается в публицистической форме показать, что толстовский непротивленец не мог стать ни колхозником, ни героем войны, а из чеховского мужика мог и действительно вырос и колхозник, и защитник Родины. «Юность театра» – воспоминания о начале пути театра «Красный Факел» и его основателе В.Н. Татищеве, о первом артистическом составе труппы. После постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Знамя» от 14 августа 1946 г. с выхода которого началась травля А. Ахматовой и М. Зощенко, Гольденвейзер пишет статью «Без Зощенко»⁷⁰. В июне 1947 г. Гольденвейзер переезжает на жительство в г. Вятские Поляны⁷¹. Здесь находилась в ссылке, после отбытия наказания, Т.А. Аксакова⁷², которая работала старшей медсестрой инфекционного отделения Вятско-Полянской районной больницы. У Л. Гольденвейзера и Т. Аксаковой складываются доверительные дружеские отношения, которые они сохранили до конца жизни Льва Владимировича. Как отмечал сам Л. Гольденвейзер, она была в полном объеме осведомлена о его творческих планах и замыслах⁷³. В 1947–1948 гг. Гольденвейзер работает в клубе завода № 5 в Вятских Полянах, готовя к постановке пьесы «Молодая Гвардия» А.А. Фадеева, «800-летие г. Москвы», «Отчий дом» В. Катаева, «Праздничный сон до обеда» А.Н. Островского. В районной и заводской газетах стали появляться положительные отзывы о коллективе. Несмотря на это, накануне премьеры «Праздничного сна» Гольденвейзеру было предложено уйти с работы ввиду его судимости. Гольденвейзер пока ещё продолжает работать в Доме культуры Вятских Полян и готовит к постановке пьесы «Старые друзья» Малюгина и «Свои люди» Островского. Однако вскоре и там ему предлагают завершить свою творческую деятельность.

Отстранённый от режиссерской работы, Гольденвейзер активно работает над романом «Выдуманная жизнь». Ему хочется вернуться в Москву, чтобы заняться режиссерской деятельностью, и он в конце 1947 г. направляет первое письмо И.В. Сталину. В начале 1948 г. приходит ответ

из Центрального паспортного бюро, в котором сообщалось, «для того чтобы прописаться в Москве, необходимо получить реабилитацию за совершённые ранее преступления». Гольденвейзер посылает второе письмо И.В. Сталину, в котором жалуется, что он отстранён от работы, говорит о несогласии с постановкой вопроса о реабилитации. По его мнению, реабилитироваться надо лицам и учреждениям, антиконституционно лишившим его права на труд. Вскоре из Москвы в Вятско-Полянский райком ВКП(б) поступает указание обеспечить Гольденвейзера работой. Секретарь райкома Давыдова предложила Гольденвейзеру «любую работу, кроме режиссерской». Он отказался и пробовал объяснить разницу между творческим трудом, право на который он требовал – и заработком. Объяснить не сумел⁷⁴.

В 1948–1949 гг. Гольденвейзер, работая над документальным романом «В доме Чехова», включает в него отрывки из романа «Выдуманная жизнь», касающиеся закулисной жизни Московского Художественного театра. Для того чтобы предотвратить утрату своего произведения, Гольденвейзер, по соглашению с директором музея МХАТ Н.Д. Телешовым⁷⁵, передаёт ему на хранение свои рукописи⁷⁶. В 1949 г. Гольденвейзер начинает работать над постановкой пьесы «Московский характер» А. Сафронова. На общественном просмотре спектакль всех захватил. Самодетельность показала, на что способна, если относиться к ней с заслуженным уважением со стороны режиссера и руководителей. Но после двух спектаклей, прошедших с громадным успехом, спектакль больше не назначали.

В этот период Гольденвейзер пишет статью «Пушкин на языке других искусств» – о Пушкине в музыке и в кино, и направляет её в Москву поэту Арго⁷⁷. Позднее рукопись статьи была изъята у Л. Гольденвейзера при обыске в 1952 г. Среди учеников Гольденвейзера по самодеятельности в клубе завода № 5 в Вятских Полянах особое место занимал Герман Агалаков, искренне стремившийся понять и усвоить метод режиссёрской работы. После отстранения Гольденвейзера от творческой работы, он попытался помочь Агалакову получить заочное образование и через Центральный дом народного творчества⁷⁸ (ЦДНТ) стать режиссером. Для этого нужно было в соответствии с программой подготовить работу: «О политических установках режиссерской разработки постановки пьесы». Гольденвейзер помог ему написать эту работу и она, фактически в редакции Гольденвейзера, была направлена в Москву. Спустя некоторое время пришёл ответ. Работа была оценена на «отлично» и получила специальное одобрение. Осенью 1951 г. «работа Агалакова» в качестве образцовой разработки была разослана во все областные дома культуры. В 1950 г. многие московские театры включили в свой репертуар, переведенную на русский язык пьесу Говарда Фаста «Тридцать серебряников». Гольденвейзер организовал группу самодеятельной и самостоятельной молодежи из 9-10 человек для постановки этой пьесы. Было решено учеников Л. Гольденвейзера – Б.К. Трофимова⁷⁹ и Е.П. Загоскину⁸⁰ – путём заочного обучения в ЦДНТ

подготовить в качестве режиссёров и поставить «Тридцать сребреников» Фаста. Самодеятельной группой было составлено заявление и отправлено в ЦДНТ, в котором подробно излагалась история работы драматической самодеятельности в Вятских Полянах в последние 3–4 года. В письме было отмечено, к режиссерской работе драматической самодеятельности в Вятских Полянах допускались режиссёры, не знакомые ни с современными требованиями изучения театрального искусства, ни особенностями режиссуры. Участники самодеятельности попытались замолвить доброе слово за Л. Гольденвейзера, отметив, что грамотного режиссёра систематически отстраняют от руководства драматической самодеятельностью.

В течение 1951 г. велась подготовка к постановке «Тридцати серебряников». В январе 1952 г. Гольденвейзер слёг в больницу, у него не выдержали сердце и нервы. На больничной койке в конце марта 1952 г. Л. Гольденвейзер узнаёт о том, что поступило извещение из ЦДНТ о регистрации самодеятельной драматической группы. В извещении отмечалось, что постановка пьесы Фаста «очень внутренне сложна», высказывалась похвала о «решительности молодёжи, избегающей путей наименьшего сопротивления». Группе разрешалось работать самостоятельно, под заочным руководством ЦДНТ. В письме сообщалось, что вопрос о работе самодеятельной группы был рассмотрен не только в ЦДНТ, но и в Комитете по делам культуры РСФСР⁸¹. Сразу же после выписки из больницы, 24 апреля 1952 г., Гольденвейзер был вновь арестован Управлением МГБ по Кировской области. В качестве меры пресечения было избрано содержание под стражей⁸².

При аресте у Л.В. Гольденвейзера был проведен обыск и изъяты рукопись его романа «Выдуманная жизнь», политическая литература, в которой на отдельных листах произведений классиков марксизма-ленинизма были обнаружены надписи антисоветского содержания, «учинённые Гольденвейзером». Эти надписи были разнообразными, а именно: «Никакой революции в феврале 1917 г. не было. Было крушение самодержавия. В момент падения царизма большевики были совершенно малоопытны. Они выросли не в своей борьбе с кем-то, а на почве партийной склоки и анархии, безвластия». «Царизм большевики не свергли, демократических порядков не установили, капитализм монополизировали, социализм установили фанерный». «Партия не боится критики, если у неё есть ЧК». В ходе следствия Л. Гольденвейзер подтвердил, что «все воспроизведенные антисоветские надписи на изъятых у него произведениях классиков марксизма-ленинизма были учинены мною»⁸³. 6 мая 1952 г. Гольденвейзеру было предъявлено обвинение по ст. 58-10 ч. 1 (контрреволюционная пропаганда и агитация) УК РСФСР в том, что он, «будучи дважды судим в 1921 и 1937 гг. за контрреволюционную деятельность, после освобождения из заключения продолжал заниматься антисоветской деятельностью. Проживая с 1947 г. в г. Вятские Поляны Кировской области, он написал несколько

томов антисоветской книги под названием "Выдуманная жизнь", в которой выражал ненависть к советскому строю и клеветнические измышления на ВКП(б), советское правительство и действительность в Советском Союзе. Гольденвейзер обвинялся в том, что свои антисоветские сочинения давал читать другим лицам и высказывал среди знакомых антисоветские взгляды. Кроме того, на полях нескольких книг классиков марксизма-ленинизма он сделал ряд враждебных ВКП(б) и советской власти надписей, извращающих историю большевистской партии и выражающих клевету в адрес ее руководителей»⁸⁴.

В ходе следствия тщательно исследовалась рукопись Л. Гольденвейзера «Выдуманная жизнь». В справке, которая приобщена к следственному делу, указано, что рукопись состоит из четырёх томов под номерами 1–4. Том первый озаглавлен «Человек, который солгал», имеет одиннадцать частей. Во всех частях 617 листов; том 2-й озаглавлен «Человек, который не лгал». Имеет пять частей 283 листов; Том 3-й озаглавлен «Человек, который и в горькой неволе не солгал», имеет девять частей 358 листов; Том 5-й озаглавлен «Ущелье счастья», имеет две части 152 листа. Согласно признанию автора, имеющемуся в тексте рукописи, «Выдуманная жизнь» является биографическим произведением, написанным Гольденвейзером в опровержение «Краткого курса истории ВКП(б)», в котором он выступает под литературным псевдонимом Пасленником. Об этом в рукописи сказано так: «Настоящая моя повесть – автобиография, напитанная воспоминаниями о подлинных радостях и печалях, о стыде и гордости, о несбывшихся надеждах и посланных капризной судьбой неожиданностях... Автор настоящих записок ... по литературному псевдониму – Михаил Иванович Пасленников, сокращенно – МИП. Скрываться незачем. Тождество автора и героя повествования – несомненно... Тем не менее, рассказ ведётся в третьем лице, потому что большинство лиц и действия – лица действительные и действия их тоже настоящие. И, несомненно, многие не желают столь откровенных о себе публикаций. Поэтому я многих настоящих подменил лицами, как бы придуманными, а иное и иных для связи, действительно приходится придумывать (т. 2 рукописи, ч. 4, гл. 3, стр. 69, 72)» (Т. 3, л. 129, 130 об). ...Пока есть сила терпеть, лежу и пописываю мемуары..., чтобы русский народ когда-нибудь прочёл об эпохе, описанной в Кратком курсе, опровержение современника этой эпохи и этого курса» (том 2 рукописи, ч. 1, стр. 82–83, том. 3, л. 42)⁸⁵.

В обвинительном заключении от 2 июня 1952 г. по следственному делу Л.В. Гольденвейзера указано, что «Гольденвейзер, возвратившись в 1943 г. из заключения, не изменил своих антисоветских убеждений и снова стал занимать вражеской работой. Проживая до 1947 г. в Новосибирской области, а затем в гор. Вятские Поляны Кировской области, Гольденвейзер написал четыре тома антисоветского произведения под названием "Выдуманная жизнь", в котором выразил злостную ненависть к ВКП(б)

и советскому строю, гнусные клеветнические измышления на руководителей партии, советское правительство и действительность в Советском Союзе. Отдельные главы из написанного антисоветского произведения Гольденвейзер читал или давал читать другим лицам: в 1944 г. своей сестре Утгоф, дочери Гольденвейзер Ирине, в послевоенный период Трофимову, Агалакову, Лопатину, Загоскиной, Меркушевой и другим. Кроме того, Гольденвейзер на полях нескольких книг классиков марксизма-ленинизма учинил ряд враждебных надписей, извращающих историю большевистской партии и выражающих клевету в адрес ее руководителей и советской власти⁸⁶. Допрошенный в качестве обвиняемого, Л. Гольденвейзер признал себя виновным. Завершив работу, УМГБ по Кировской области направило следственное дело прокурору Кировской области.

Судебная коллегия по уголовным делам Кировского областного суда 14 июня 1952 г. в городе Кирове провела слушание по уголовному делу на Л. Гольденвейзера. Суд был закрытым, тем не менее, все свидетели, которые значились в списке обвинительного заключения, были вызваны для участия в судебном заседании. Приговор, вынесенный судебной коллегией Л.В. Гольденвейзеру, был очень суров – 25 лет заключения в ИТЛ с поражением в правах на 5 лет.

23 июня 1952 г. Л.В. Гольденвейзер подал кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам которой, в своем решении от 29 июля 1952 г. оставила в силе приговор Кировского областного суда от 14 июня 1952 г., а кассационная жалоба осуждённого осталась без удовлетворения. 8 августа 1952 г. Гольденвейзер был направлен для отбывания наказания в Омутнинский ИТЛ⁸⁷.

После смерти Сталина начался пересмотр уголовных дел на лиц, осуждённых по статье 58-10 (контрреволюционная пропаганда и агитация) УК РСФСР. Пересматривалось и дело Л.В. Гольденвейзера, однако помощник прокурора Кировской области по спецделам 24 июня 1954 г. вынес заключение, что «Гольденвейзер осуждён правильно, мера наказания определена ему с учётом тяжести совершённого преступления и его личности»⁸⁸. Кировская областная комиссия по пересмотру дел на лиц, отбывавших наказания за контрреволюционные преступления, 26 июня 1954 г. постановила: «Протеста на приговор Кировского облсуда и определение судебной коллегии Верховного суда РСФСР в отношении Гольденвейзера Льва Владимировича не принести». В апреле 1955 г. Гольденвейзер по состоянию здоровья переводят из ИТЛ в колонию для преступников-инвалидов, находившуюся около города Плавска⁸⁹. В конце 1955 г. его досрочно освобождают, и он остаётся на жительство в Плавске. Оказавшись на свободе, Гольденвейзер пытается добиться пересмотра своего дела. В своём письме в 1956 г. он пишет, что ему уже 73 года, и просит ускорить пересмотр дела, так как реабилитация может прийти слишком поздно.

За восстановление справедливости в отношении Л.В. Гольденвейзера в июле 1957 г принимается А.Ф. Доброславская. Она направляет заявление Прокурору РСФСР с просьбой пересмотреть дело Льва Владимировича Гольденвейзера. К заявлению Добровольская приложила два письма-отзыва писателей: А.М. Арга и Е. Н. Пермитина, которые положительно характеризовали Л.В. Гольденвейзера. Добровольская подчёркивала, что Л.В. Гольденвейзеру уже 74 года, и его здоровье быстро ухудшается. Он живёт в очень тяжёлых условиях, поэтому ускорение реабилитации Гольденвейзера являлось буквально вопросом жизни⁹⁰. По постановлению Президиума Московского городского суда от 23 июня 1958 г. дело в отношении Гольденвейзера Л.В. (по обвинению 1937 г.) было прекращено за недоказанностью обвинения⁹¹. Однако это был только первый шаг на длинном пути реабилитации Л. Гольденвейзера, которому при жизни так и не удалось дождаться её завершения. 19 августа 1959 г. он скончался от инсульта в Плавске.

Второй этап реабилитации Л.В. Гольденвейзера был проведён почти через тридцать лет после его смерти. Постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР от 10 мая 1989 г. уголовное дело (1952 г.) в отношении контрреволюционной пропаганды и агитации, которую проводил Л.В. Гольденвейзер, было прекращено за отсутствием состава преступления. Прошло еще тринадцать лет, пока в деле по реабилитации Л.В. Гольденвейзера была поставлена точка. 15 апреля 2002 г. Главная военная прокуратура в соответствии с Законом Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» вынесла заключение о реабилитации Гольденвейзера по уголовному делу 1921 г.

Изучение творчества Льва Гольденвейзера стало возможным только после его реабилитации. Благодаря усилиям сотрудников Музея МХТ были разысканы следы его сохранившихся рукописей. В ноябре 2004 г. из Государственного архива социально-политической истории Кировской области в музей МХТ, по доверенности от правнучки Л.В. Гольденвейзера были переданы более 1800 листов его романа «Невыдуманная жизнь», изъятых при аресте в 1952 г. и хранившихся в виде рукописи в архивном следственном деле СУ-7425. В июне 2006 г. из Центрального архива ФСБ России музею МХТ были некоторые документы из архивно-следственного дела Л.В. Гольденвейзера и 24 фотографии, касающиеся деятельности Второй студии МХТ, изъятые при аресте в августе 1921 г.

¹ Гольденвейзер Александр Борисович (1875–1961), пианист, педагог, композитор, общественный деятель, музыкальный писатель. Народный артист СССР (1946), доктор искусствоведения (1940). В 1906–1961 гг. профессор Московской консерватории (в 1919 – проректор, в 1922–1924 – ректор, в 1932–1934 – заместитель директора, в 1939–1942 – директор, в 1936–1959 – зав. кафедрой).

- ² Московский Художественный театр. 100 лет. В 2-х томах. Том II. – М.: МХТ, 1998. – 296 с.
- ³ И вновь о Художественном : МХАТ в воспоминаниях и записях. 1901–1920. – М.: Аванти-тул, 2004. 304 с.
- ⁴ *Гольденвейзер Л.В.* Дом Чехова: Документальный роман / И вновь о Художественном. МХАТ в воспоминаниях и записях. 1901–1920. – М.: Авантитул, 2004. – С. 204–281.
- ⁵ МХАТ – Московский художественный академический театр.
- ⁶ Речь идет о привлечении Л. Гольденвейзера к ответственности по статье 58¹⁰ (контрреволюционная пропаганда и агитация) Уголовного кодекса РСФСР. Всего «Контрреволюционные преступления» содержали 17 составов преступлений ст. ст. 58¹–58¹⁴ УК РСФСР.
- ⁷ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 301–301 об
- ⁸ Дневники изданы Государственным центральным музеем музыкальной культуры им. М.И. Глинки в 1995 г. в двух томах и охватывают период с 1889 по 1929 гг.
- ⁹ См.: ГАРФ. Архивное следственное дело П-53720; Центральный архив (ЦА) ФСБ России. Р-49209; Архив УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425.
- ¹⁰ Перечень работ Л.В. Гольденвейзера, исполненных за время с декабря 1917 г. по октябрь 1922 г.; Моя работа в области кино; Мое режиссерское и литературное творчество (1917–1951) См.: ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 112–114. УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. л. 301–308.
- ¹¹ Тирасполь город (с 1795 г.) в Республике Молдова, пристань на реке Днестр. Основан в 1792 г. на месте древнего молдавского поселения Старая Сукля. В 1929–1940 гг. столица Молдавской АССР.
- ¹² *Гольденвейзер Л.В.* Дом Чехова: Документальный роман / И вновь о Художественном : МХАТ в воспоминаниях и записях. 1901–1920. – М.: Авантитул, 2004. – С. 205.
- ¹³ *Гольденвейзер Л.В.* Дом Чехова: Документальный роман / И вновь о Художественном. МХАТ в воспоминаниях и записях. 1901–1920. – М.: Авантитул, 2004. – С. 205.
- ¹⁴ Вторая студия МХТ была образована в 1916 г. на основе Театральной школы («Школа трех Николаев», 1913–1916) – Николая Григорьевича Александрова (1870–1930), Николая Осиповича Массалитинова (1880–1961) и Николая Афанасьевича Подгорного (1879–1947). В 1924 г. Вторая студия присоединилась к МХАТ.
- ¹⁵ Гилпиус Зинаида Николаевна (1869–1945), писатель, драматург, критик. В «Зеленом кольце» основной темой стала необходимость подать друг другу руку в трудный час, а приемы должны были своей простотой облегчить интимное, домашнее общение сцены и зала.
- ¹⁶ Литовцева Нина Николаевна (1871–1956), актриса, педагог. Режиссер Второй студии МХТ (1908–1919) спектакли «Зеленое кольцо» «Младость» и др. С 1919 по 1922 гг. на зарубежных гастролях МХТ.
- ¹⁷ Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938), актер, режиссер, теоретик сценического искусства, создатель (1898) и руководитель Художественного театра (совместно с Владимиром Ивановичем Немировичем-Данченко, (1858–1943).
- ¹⁸ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 302–308
- ¹⁹ Андровская Ольга Николаевна (1897–1975), актриса, народная артистка СССР (1948). Актриса Второй студии МХТ (1919–1924).
- ²⁰ Баталов Николай Петрович (1897–1937), актер, заслуженный артист РСФСР (1933). Актёр Второй студии МХТ (1916–1924).
- ²¹ Зуева Анастасия Платоновна (1896–1986), актриса, народная артистка СССР (1957). Актриса Второй студии МХТ (1916–1924).
- ²² Елина Елена Кузьминична (1897–1967), актриса, заслуженная артистка РСФСР (1948). Актриса Второй студии МХТ (1916–1924).
- ²³ Калужский Евгений Васильевич (1896–1966), актер, заведующий труппой и репертуарной конторой. Заслуженный деятель искусства РСФСР. Работал в МХАТ с 1916 по 1952 гг.
- ²⁴ Краснопольская Екатерина Филимоновна (1898–1980), актриса, начинала во Второй студии МХТ (1916–1919).
- ²⁵ Станицын Виктор Яковлевич, настоящая фамилия – Гезе (1897–1976), актер, режиссер, педагог. Народный артист СССР (1948). Воспитанник Второй студии (1916–1924).

- ²⁶ Чехов Михаил Александрович (1891-1955), актер, режиссер, педагог, теоретик театра. В МХТ с 1912 г. Эмигрировал в 1928 г.
- ²⁷ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 50.
- ²⁸ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 50–52.
- ²⁹ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 53.
- ³⁰ Доброславская Анастасия Федоровна (1899-?) инструктор ритмики при ВСНХ.
- ³¹ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 2, 58.
- ³² ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 86, 88.
- ³³ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 81.
- ³⁴ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), нарком просвещения (1917–1933).
- ³⁵ Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938), заместитель председателя ВЧК-ГПУ (1921–1923).
- ³⁶ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 75.
- ³⁷ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 76.
- ³⁸ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 102.
- ³⁹ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 63, 67.
- ⁴⁰ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 70.
- ⁴¹ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 69–69об.
- ⁴² ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 74–74об.
- ⁴³ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005. Христофоров В.С. «Философский пароход». Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г// Новая и новейшая история. 2002. № 5. – С. 126–170.
- ⁴⁴ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 73.
- ⁴⁵ Толстая Татьяна Львовна (1864–1950), писательница, мемуаристка, дочь Л.Н. Толстого. В 1917–1923 гг. хранитель музея – усадьбы в Ясной Поляне, в 1923–1925 гг. директор музея Л.Н. Толстого в Москве. В 1925 г. выехала за границу в Париж.
- ⁴⁶ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 71.
- ⁴⁷ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 84, 101, 104.
- ⁴⁸ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 87.
- ⁴⁹ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 99.
- ⁵⁰ ЦА ФСБ России. Р-49209. Л. 117–117об.
- ⁵¹ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 155.
- ⁵² ГА РФ. П-53720. Л. 68.
- ⁵³ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 301–301об.
- ⁵⁴ Егорьевск, город (с 1778 г.), районный центр в Московской области.
- ⁵⁵ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. л. 302–308.
- ⁵⁶ Гольденвейзер Ирина Львовна, дочь Л.В. Гольденвейзера.
- ⁵⁷ ГА РФ. П-53720. Л. 1.
- ⁵⁸ ГА РФ. П. -53720. Л. 49–51.
- ⁵⁹ Локчимлаг (Локчимский ИТЛ) – исправительно-трудовое учреждение в системе ГУЛАГ НКВД СССР. Функционировал с 16 августа 1937 г. по 17 августа 1940 г., затем все лагерные подразделения и производство были переданы Устьвымскому ИТЛ. Адрес Коми АССР, Сыктывкарский район пос. Пезмог.
- ⁶⁰ Устьвымлаг (Усть-Вымский ИТЛ) – исправительно-трудовое учреждение в системе ГУЛАГ НКВД СССР. Функционировал с 16 августа 1937 г. по 1 января 1960 г. Адрес Коми АССР, Усть-Вымский район пос. Вожаэль.
- ⁶¹ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 302–308. Гольденвейзер Л.В. Дом Чехова: Документальный роман / И вновь о Художественном : МХАТ в воспоминаниях и записях. 1901–1920. – М.: Авантитул, 2004. – С. 208–257.
- ⁶² ГА РФ. П-53720. Л. 58–58 об.
- ⁶³ ГА РФ. П-53720. Л. 59–60.
- ⁶⁴ ГА РФ. П-53720. Л. 63–65.
- ⁶⁵ ГА РФ. П-53720. Л. 64–65.
- ⁶⁶ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 302–308.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 41–42.

⁶⁹ «Красноармейская звезда» – газета Сибирского военного округа (1921–2004).

⁷⁰ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 302–308.

⁷¹ Вятские Поляны город (с 1942 г.) райцентр в Кировской области, пристань на реке Вятка.

⁷² Аксакова Татьяна Александровна (1892–1982), литератор. Арестована 11 февраля 1935 г. По решению Особого совещания НКВД сослана в Саратов на пять лет. Вновь арестована 2 октября 1937 г. и по решению того же органа от 24 октября 1937 г. заключена в ИТЛ на восемь лет. С августа 1938 по июль 1943 г. отбывала наказание в Пезмогском лагпункте Локчимлага. Досрочно освобождена по инвалидности и направлена в ссылку в Вятские Поляны.

⁷³ УФСБ России по Кировской области. Д. СУ-7425. Л. 45.

⁷⁴ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 302–308.

⁷⁵ Телешов Николай Дмитриевич (1867–1957), директор музея МХАТ (1926–1957).

⁷⁶ См.: *Гольденвейзер Л.В.* Дом Чехова: Документальный роман / И вновь о Художественном: МХАТ в воспоминаниях и записях. 1901–1920. – М.: Авантикул, 2004. – С. 204–281.

⁷⁷ Гольденберг Абрам Маркович (1897–1968), сатирик, поэт, драматург, член Союза писателей, литературный псевдоним «Арго».

⁷⁸ Центральный дом народного творчества (ЦДНТ) создан в 1936 г. на основе Центрального дома самодеятельного искусства в системе Министерства культуры РСФСР. ЦДНТ оказывал содействие развитию художественной самодеятельности трудящихся, разрабатывал планы и программы курсов и семинаров по подготовке руководителей художественной самодеятельности, организовывал подготовку руководителей художественной самодеятельности. В ЦДНТ был Заочный народный университет искусств.

⁷⁹ Трофимов Борис Кириллович – офицер, инвалид, член партии, сотрудник МРБ.

⁸⁰ Загоскина Евгения Порфирьевна, жена Б.К. Трофимова.

⁸¹ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. л. 308.

⁸² УФСБ России по Кировской области. Д. СУ-7425. Л. 6, 173.

⁸³ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 125–130.

⁸⁴ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 29.

⁸⁵ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425, Л. 131–132.

⁸⁶ УФСБ России по Кировской области. Д. СУ-7425. Л. 166–168.

⁸⁷ Омутнинский ИТЛ – исправительно-трудовое учреждение в системе Главного управления лагерей промышленного строительства. Известен как «Строительство 384 и ИТЛ» (Глазовлаг, Глазовский ИТЛ, ИТЛ Строительства 384). Функционировал с 1949 по 1953 гг. Адрес: Удмуртская АССР, г. Глазов, п/я 22. Заключенные Омутнинского ИТЛ занимались промышленным строительством в Глазове, строительством завода сухой штукатурки, цеха переработки руды и др.; а также лесозаготовками в Омутнинском районе Кировской области.

⁸⁸ УФСБ России по Кировской области. Д. № СУ-7425. Л. 288.

⁸⁹ Плавск (до 1949 г. с. Сергиевское) город, райцентр в Тульской области, на реке Плава.

⁹⁰ ГА РФ. П-53720. Л. 66.

⁹¹ Там же. Л. 75–76.

ПОЧЕМУ ЖЕНА РИХАРДА ЗОРГЕ ОКАЗАЛАСЬ В ССЫЛКЕ

*Интервью газете «Комсомольская правда»
18 октября 2011 г.*

В номере от 4 октября с.г. «Комсомолка» опубликовала материал о судьбе жены легендарного советского разведчика Рихарда Зорге Екатерины Максимовой, умершей в 1943 году в ссылке. Таинственность этой истории придал вице-спикер Красноярского заксобрания Анатолий Ромашов, который уверял: в ответе на его запрос за подписью Директора ФСБ Александра Бортникова говорилось, что с дела Екатерины Максимовой до сих пор не снят гриф секретности. Что же такого могла знать супруга Рихарда Зорге, спросили мы начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России. Ответ удивил журналистов. Неожиданно для нас главный хранитель тайн спецслужбы выкладывает на стол посеревшую от времени папку и протягивает увесистый том...

– Вот оно, то самое уголовное дело Екатерины Максимовой, жены Рихарда Зорге. Найдите, где тут стоит гриф секретности. Вот есть только один гриф – хранить вечно. Больше ничего. И никогда не было...

– А как же заявление красноярского депутата? – недоумеваем.

– В этом конкретном деле нечего рассекречивать, потому что и секретным оно никогда не было, – спокойно отвечает архивист. – Более того, если говорить о такого рода делах, то все они еще на основании указа президента подлежали рассекречиванию. Да, были засекреченные дела. Но, как правило, в них содержалась военная тайна. Например, дела в отношении командиров РККА.

– Так откуда же депутат взял про гриф секретности?

– Сложно сказать. Наверное, у него сложилось убеждение, что раз мы не даем ему дело, значит, что оно секретное. Честно говоря, его позиция удивила. Да, ему был дан ответ. Но за моей подписью, а никак не за подписью директора ФСБ, как он уверяет. Анатолию Ромашову неодно-

кратно давался ответ, в котором говорилось об установленных законом «О реабилитации жертв политических репрессий» правилах доступа к подобного рода информации...

– *А кто может полностью ознакомиться с делом Максимовой?*

– Ее прямые родственники, дети, внуки, братья, сестры, правнуки. Иные лица могут знакомиться с такими делами только на основании доверенности от родственников.

– *И много родственников Максимовой уже ознакомились с ее делом?*

– Ни одного. У нее были родной брат (он погиб на фронте) и две сестры, у которых могли быть дети и внуки. Так что родственники у супруги Зорге могут быть.

– *В чем конкретно она обвинялась?*

– Она была арестована на основании материалов, поступивших из Свердловска. Транспортное управление НКВД подозревало ее в шпионаже. 4 сентября 1942 года ее арестовали в Москве и этапировали в Свердловск. В постановлении о предъявлении обвинения записано: «Привлечь Максимову Екатерину Александровну в качестве обвиняемой по статье 58, пп. 1а и 11».

– *А можно расшифровать?*

– 58-я, пункт 1а – измена Родине, ей инкриминировалось, что она шпионила в пользу иностранного государства. 58-я, пункт 11 – участие в контрреволюционной организации. Этот пункт через пару месяцев с нее сняли, так как ничего подобного следователям обнаружить не удалось. Тем не менее продолжали обвинять в шпионаже. И в марте 1943-го она была приговорена к ссылке в Красноярский край на 5 лет «за связи, подозрительные по шпионажу».

Кстати, если мы возьмем дела тех самых «связей», то ни в одном из этих дел Максимова не проходит.

– *А про этих подозрительных личностей можно подробнее?*

– У нее было очень много друзей-иностранцев. С первым мужем она выехала в 1926 году в Италию для его лечения, у него был туберкулез. Однако вылечить его не удалось, через два года муж умер, и она вернулась в Москву. Уже здесь познакомилась с Зорге и вышла за него замуж. После его отбытия в Японию они продолжали писать друг другу достаточно теплые письма.

– *А можно посмотреть?*

– Вам – нет. Это как раз и есть та самая тайна личной жизни, с которой могут ознакомиться лишь родственники.

– *Когда он ей последний раз написал?*

– Еще до войны. Через людей, связанных с разведуправлением. Послания небольшие: полстранички, страничка.

– *Известно, что Максимова созналась в шпионаже. А в чем, если не секрет?*

– Да, она призналась. Хотя нигде доказательств этому найдено не было. Но в тот период основным доказательством являлось именно признание обвиняемого. На первых допросах она все отвергала, но, видимо, после работы следователей решила признаться. Не думаю, что нужно оглашать все то, что она надумала в этом признании. Повторять это – значит порождать новые мифы. В период реабилитации доказано: ничего этого не было, ни шпионажа, ни военной тайны.

– *Что же стало причиной ее смерти?*

– Есть справка из райбольницы, что она поступила к ним 29 июня 1943 года, а 3 июля умерла. Причина смерти – кровоизлияние в мозг и последующий паралич дыхательного центра.

– *Есть ли шансы найти ее могилу?*

– Шансы-то есть, однако она умерла в больнице, она не была заключенной, поэтому и хоронила ее больница, и только там знали, где она похоронена. НКВД здесь ни при чем... Не знаю, что там на самом деле случилось, но больше чем уверен: она не представляла никакого интереса для НКВД. Если бы представляла, ее бы куда-то выпустили, посадили бы.

– *Следователи знали, что она жена Рихарда Зорге?*

– Когда арестовывали, не знали. Ее связь с Зорге всплыла потом, когда на одном из допросов она рассказала об этом, отвечая на стандартный вопрос о родственниках. И ее арест с деятельностью Зорге никак не связан. А потом, конечно, спрашивали. Как познакомились, как связь поддерживали после выезда за границу. Но она и в самом деле не знала, где он находится, и отвечала: то ли в Китае, то ли в Японии... Рихард Зорге в тот период был интересен для НКВД тем, что связь с ним прекратилась и никто не знал, что с ним. И у следователей мог возникнуть вопрос: а не изменил ли он Родине? Как выяснилось спустя годы, Зорге до конца был предан СССР.

– *Что вас больше всего поразило при изучении дела?*

– Следователь, который писал справку в 1943 году. Он, видимо, разобрался с делом очень хорошо. И написал, что арест проведен явно необоснованно. Он увидел, что доказательств ее вины в шпионаже нет, поэтому и написал, что если не удастся и дальше их собрать, то все равно необходимо отправить ее в ссылку. Он выбрал самое мягкое на то время наказание, он давал ей шанс выжить. В 5-летней ссылке она должна была раз в месяц приходить в райотдел НКВД и отмечаться. Без разрешения НКВД не имела права покинуть район. Еще она должна была работать в больнице. Вот и все. Милосердие в некотором роде...

– *А отпустить он ее не мог, раз невиновна?*

– Для того периода – вряд ли...

*Интервью подготовил
Алексей Овчинников*

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О СУДЬБЕ ВАЛЛЕНБЕРГА?

*Ответы на вопросы агентства
«Ассошиэйтед Пресс»
г. Москва, 25 сентября 2011 г.*

– Независимые исследователи С. Бергер и В. Бириштейн говорят о том, что ваше ведомство ранее отрицало существование протоколов допросов В. Ределя, однако недавно включило их в сборник «Тайны дипломатии Третьего рейха». Как получилось, что вы сначала говорили, что этих документов нет, а потом они нашлись?

– Утверждения экспертов о том, что мы якобы отрицали существование протоколов допросов В. Ределя – это, мягко говоря, лукавство. Во-первых, мы никогда не отрицали того факта, что в архиве имеются протоколы допросов и собственноручные показания В. Ределя, но при этом всегда говорилось, что архивного уголовного дела на В. Ределя нет. Это два разных аспекта. Поэтому не стоит упрекать нас в том, что мы что-то скрывали, говоря, что нет дела Ределя. Здесь произошла подмена понятий. Мы неоднократно говорили, что протоколы допросов В. Ределя находятся в деле оперативной переписки по делам военнопленных. В этом достаточно объемном деле, помимо документов В. Ределя, подшиты разнообразные материалы, имеющие отношение к пяти другим лицам. В упомянутом вами сборнике при публикации собственноручных показаний В. Ределя указан конкретный архивный номер этого дела.

– Те же исследователи говорят, что нумерация страниц опубликованных материалов говорит о том, что есть еще 57 страниц, относящихся к В. Ределю, и что они могут содержать информацию, относящуюся к Р. Валленбергу. Так ли это?

– Мы не скрывали и не скрываем, что документов, связанных с В. Ределем, достаточно, и те 57 страниц, на которые указывают независимые эксперты, действительно есть в архиве. Почему в этот сборник мы взяли всего два документа? Когда начинается подготовка к публикации, каждый

раз возникает одна и та же проблема – проблема отбора документов. Документов всегда больше, чем мы можем опубликовать. Книга и так достаточно приличная по объему и до бесконечности расширять ее нельзя. Для публикации были отобраны только два документа В. Ределя, в которых отражены важные для данного сборника вопросы: о подготовке Германии к войне и о преследовании евреев на территории Румынии.

– И ни на одной из этих 57 страниц не содержится упоминаний о Рауле Валленберге?

– В протоколах допросов ни в вопросах следователя, ни в ответах В. Ределя нет ни одного упоминания о Валленберге. Нет их и в его собственноручных показаниях. Мы заявляли об этом неоднократно, и я это повторяю еще раз.

– Ставите ли вы перед собой задачу прояснить судьбу Р. Валленберга в процессе вашей работы с архивными документами?

– Те вопросы, которые интересуют исследователей биографии Валленберга, в том числе независимых экспертов, важны и для нас. Валленберг – неординарная личность, это выдающийся человек. Его мужество в борьбе за спасение тысяч евреев в оккупированном Будапеште заслуживает того, чтобы ему отдали долг памяти. В то же время тайны, связанные с его судьбой, заставляют любого архивиста (и меня лично, конечно, тоже), работая с документами этого периода, искать, нет ли упоминаний о Валленберге, нет ли каких-то материалов, которые могли бы пролить свет на его судьбу? Почему так драматично сложилась ситуация, каковы причины его задержания и смерти? Когда и как он умер? Поверьте, мы не меньше других заинтересованы в том, чтобы разгадать эти загадки. И поиск документов в отношении Валленберга в архиве не прекращается.

– Советская официальная версия смерти Валленберга, изложенная в так называемом меморандуме Громыко, давно подвергалась сомнению. Вызывала сомнения подлинность рапорта Смольцова. Каково ваше мнение об этом?

– Профессиональные архивисты и эксперты-криминалисты дали заключение о том, что рапорт Смольцова – документ подлинный: написан рукой Смольцова, примерно в тот период времени. Бумага, чернила соответствуют. Другой вопрос, объективна ли информация, которая изложена в рапорте Смольцова? Это вопрос другого порядка, и на этот вопрос однозначного ответа нет.

– Других документов, содержащих информацию о Валленберге, найдено не было?

– В ходе работы российско-шведской комиссии в архивах была проведена тщательная проверка, причем в ряде случаев исследовались такие материалы, которые обычно редко используются и не попадают в область поиска. Так, самым внимательным образом были изучены материалы тюрем МГБ, в которых содержался Валленберг. И таким образом были обнаружены записи в тюремных журналах, в которых фиксировались даты и время вызова на допрос заключенных. Оказалось, что фамилия Валленберга была замазана черной тушью, но наши эксперты, используя новые технические методы, выяснили (и это четко видно на фотографиях), что под тушью – фамилия Валленберга. Архивистами установлен факт его нахождения в тюрьмах, восстановлены все даты вызовов из камеры. Все это было найдено, восстановлено. Найдена учетная тюремная карточка.

– Но материалов допросов обнаружено не было?

– Нет. Я думаю, что мы их уже никогда не найдем. Несмотря на то, что Валленберг многократно вызывался на допрос (об этом имеются сведения в тех самых тюремных журналах), ни одного протокола не найдено. Я думаю, все протоколы бесследно исчезли, потому что были уничтожены в тот период, когда хотели скрыть факт его пребывания на Лубянке.

– Исходя из вашего чутья как историка, соответствует ли действительности информация, содержащаяся в рапорте Смольцова? Действительно ли он умер в тот день, или у вас есть сомнения на этот счет?

– Как историк, основываясь на собственном опыте работы с архивными материалами 1940-х гг., предполагаю, что дата смерти не соответствует указанной в рапорте Смольцова. При этом думаю, что Валленберг мог пережить эту дату всего на несколько дней.

– Согласно опубликованным некоторое время назад материалам «заключенный № 7» был допрошен на Лубянке 23 июля 1947 г. вместе с людьми из окружения Валленберга. Мог ли этот «заключенный № 7» быть Валленбергом?

– В тюрьмах МГБ существовала практика с целью сокрытия самого факта пребывания в тюрьме некоторых лиц присвоения вместо фамилий номеров. Есть основания считать, что Валленберг был так называемым «номерным заключенным» – «заключенным № 7». Это оценка относится к 1947 г., в частности, к периоду июня–июля 1947 г., потому что в 1946 г. «заключенным № 7» было другое лицо, и это подтверждается документально. Что касается Валленберга в 1947 г., то это предположение имеет большую долю вероятности. Подтвердить данный факт документально не удалось. Это научная версия, гипотеза, если хотите. Мы допускаем, что это было так.

– На чем основано ваше предположение, что «заключенным № 7» в этот момент был Валленберг?

– Это предположение основывается на некоторых аналогиях в отношении других лиц, и, если хотите, на интуиции. К сожалению, та зачистка архивных материалов в отношении Валленберга, которая проводилась в 1950-х гг., была достаточно эффективной, и следов осталось очень мало, а то, что осталось – это вымаранные страницы в журналах. Нет ни одного протокола, хотя я более чем уверен, что таковые были.

– А почему вы думаете, что Валленберг на несколько дней пережил официально объявленную дату своей смерти?

– Это также основано на опыте работы по другим делам. К сожалению, Валленберг был не единственным человеком, чья жизнь оборвалась в тюрьмах НКВД. Именно на аналогичных действиях в отношении других лиц примерно в этот же период и основано мое предположение о Валленберге. Но я более чем убежден, что если он пережил официальную дату смерти, это всего на несколько дней.

– То есть 23 июля – это возможная дата гибели Валленберга?

– 23-е, может быть, 24-е, может быть, 25-е. Но я убежден, что июль 1947 г. был последним месяцем в его жизни.

– То, что сказал А. Яковлев, ссылаясь на разговор с Крючковым, о том, что Валленберг был расстрелян, на ваш взгляд, соответствует действительности?

– Я думаю, что нет, он не был расстрелян. В этот период смертная казнь была отменена. Если бы не это, то Валленберг и все остальные были бы просто расстреляны, и тогда в архиве была бы четкая запись о вынесении приговора и расстреле. Практика работы по другим делам свидетельствует о том, что в этот период никого не расстреливали. Могли помочь умереть другим способом, но не расстрелять. Отмена смертной казни – одна из причин того, что в этом архивном поиске столько загадок.

– То есть, он был убит, можно сказать так?

– Я не могу этого сказать, хотя я этого не исключаю. Но то, что он не был расстрелян, я в этом уверен.

– На чем же основаны тогда слова Крюčkова, переданные Яковлевым?

– Может быть, А.Н. Яковлев немного не так это интерпретировал. Может быть, Крючков сказал «убит», а Яковлев понял это как «расстрелян».

– Но то, что он был убит, является, на ваш взгляд, наиболее вероятной версией?

– Я не говорю, что это наиболее вероятная версия, но я этого не исключаю.

– Вы сказали, что архивы чистили в 1950-х гг. На ваш взгляд, это происходило после «меморандума Громыко»?

– Может быть, параллельно, может быть, и раньше. Но в этот период.

– То есть, предложив официальную версию, власти тогда приняли меры, чтобы никаких следов не было?

– Вот именно – чтобы других версий не было. Поэтому меры принимались очень энергичные.

– А зачем, на ваш взгляд, советским властям вообще нужно было убивать Валленберга?

– У меня нет ответа на этот вопрос. Пока я не могу ответить на этот вопрос даже для себя.

– А с чем был связан арест Валленберга?

– На завершающем этапе войны у советской военной контрразведки любой иностранец, находившийся на оккупированной территории, вызывал подозрение, не является ли он сотрудником или агентом разведки.

Думаю, что первоначально причиной задержания Валленберга, ареста и доставки в Москву была задача разоблачить его как лицо, сотрудничавшее с разведкой Германии, Великобритании, может быть США. Дальше могли возникнуть разные варианты, что делать с Валленбергом – версии неоднократно упоминались – обмен, использование его как члена семьи Валленбергов.

– Как вы относитесь к свидетельствам людей, которые говорили, что видели Валленберга после 1947 г. и вплоть до 1980-х гг.?

– Я отношусь к этому, как к фантазии этих людей. Это исключено. В чем я уверен на сто процентов, так это в том, что Валленберг ни в какой другой тюрьме никогда не был – ни под своим именем, ни под вымышленным. Выйти живым он не мог. Причиной смерти могла быть, как та, что написана в рапорте Смольцова, так и другая – ему могли помочь умереть. Но то, что он не пережил июль 1947 г., что он отсюда не вышел, в этом я уверен. Хотя других документов, кроме рапорта Смольцова, у меня нет.

– Убивали тогда ядом?

– Это тема отдельного разговора. Давайте это обсудим в другой раз.

– *То есть, ему помогли умереть?*

– Я допускаю такую версию.

– *В качестве аргумента в пользу версии о том, что Валленберга не убили, а, возможно, держали в заключении долгие годы, высказывается мысль о том, что советским властям неудобно было убивать дипломата нейтральной страны.*

– Не было никакой возможности долгие годы жить под чужой фамилией, содержаться в тюрьмах, даже под псевдонимом, даже как «номерной заключенный». Понимаете, если его поместить в какую-то тюрьму, все равно долго это скрывать невозможно – все равно через какое-то время это станет известно.

– *А если держать его на Лубянке, не переводя в другую тюрьму?*

– Это не укладывается в логику действий ведомства того периода, в логику действий Абакумова. Что-то пошло не так, поэтому не состоялся ни обмен, ни выдача. Что-то пошло не по тому сценарию, который был запланирован Абакумовым.

– *А если ему помогли умереть, потребовалась ли бы для этого санкция Сталина?*

– Если такая санкция была, то она была устной.

– *Абакумов не стал бы брать на себя ответственность за такое решение?*

– Возможно, он обсуждал это со Сталиным.

– *Как Вы относитесь к утверждениям о том, что ФСБ по каким-то причинам намеренно скрывает архивные материалы, относящиеся к Валленбергу?*

Понимаете, если бы я как историк нашел эти документы, я первый был бы заинтересован в их публикации. А что скрывать, и какой смысл скрывать? О политических репрессиях 1930-1950-е гг., степени участия и роли органов госбезопасности в этих действиях – уже столько опубликовано! Говорить, что мы пытаемся что-то утаивать по теме репрессий и нарушений законности – просто наивно.

*Интервью подготовил
Владимир Исаченков*

МЫ ПЫТАЕМСЯ НАЙТИ ОТВЕТЫ...

*Интервью журналу «Лехаим»
2012 г. № 9 (245)*

– В нынешнем году исполняется 100 лет со дня рождения Рауля Валленберга, и год этот в Европе объявлен годом Валленберга. Вы входили в состав международной конференции, в которой участвовали исследователи из Швеции, Венгрии, Израиля и России. С какими мифами по делу Рауля Валленберга вам чаще всего приходилось сталкиваться?

– Не только в Европе отмечают эту дату, но и в Израиле, и в США. Не осталась в стороне и Россия. В России также была проведена конференция, связанная с годом Рауля Валленберга. Ее инициаторами выступили Институт всеобщей истории РАН и МИД РФ при участии посольств Израиля, Швеции и Венгрии. Активно участвовали в конференции как дипломаты из этих стран, так и ученые. Кроме того, в России проводилась выставка, посвященная Раулю Валленбергу. В Институте российской истории один из научных центров проводил специальные заседания. В общем, мероприятий и в России проводилось немало. Наиболее распространенным мифом о Валленберге, конечно, является миф о том, что Рауля Валленберга видели после объявления официальной даты смерти. Кто-то видел его, якобы видел, во Владимирской тюрьме, кто-то в лагерях Сибири, кто-то еще где-то. Вот это, пожалуй, и есть самый распространенный миф. И это действительно только миф. Проводились тщательные проверки всех сведений, любой информации, о том, что Рауля Валленберга видели в том или ином месте после лета 1947 года. Однако ни разу никаких, даже минимальных или косвенных подтверждений этому не было. Если же говорить о мифах, это не единственный случай, когда человека «видели» после смерти, могу привести и другие примеры. Командующий Северным флотом Константин Иванович Душенов был арестован в 1938 году, в годы Большого террора. В 1940 году Военная коллегия Верховного суда признала его виновным и приговорила к высшей мере наказания. 3 февраля, если я не ошибаюсь, он был расстрелян. Но после войны, уже в 1950-е годы возник миф, будто

его видели в одном из лагерей Сибири. Проводилась тщательная проверка этой информации, но никаких подтверждений обнаружено не было. Почему такие мифы возникают? Наверное, хочется верить, что человек все-таки остался жив, и мы его найдем. Когда плохо знаешь человека лично или знаешь его только по фотографиям, нетрудно спутать, к тому же следует учесть, что в исправительном трудовом лагере все одеты в одинаковую одежду и выглядят примерно одинаково. Чаще всего слагатели небылиц делают это без какого-то злого умысла, но в некоторых случаях бывает и откровенная ложь, провокация с целью привлечения внимания к себе, а не к Раулю Валленбергу или какому-то другому человеку. Я не буду называть ни фамилий, ни имен, чтобы не создавать этим людям рекламы.

– Очевиден повышенный интерес общества к фигуре Валленберга. Вот буквально недавно опять прошла волна публикаций, в которых звучал вопрос, когда же, наконец, мы узнаем правду об этом деле. Вы неоднократно утверждали, что все материалы по делу Валленберга из архивов ФСБ рассекречены. Следует ли это понимать так, что по прошествии более или менее длительного времени не появится никаких новых сведений, связанных с этим делом? То есть можно ли предполагать рассекречивание каких-то материалов, например, из «параллельных» дел?

– Я говорил и не перестаю повторять, что все известные нам на сегодняшний день документы о Рауле Валленберге рассекречены, и все в той или иной форме предоставлялись российским и зарубежным исследователям. Можно ли говорить, что по прошествии какого-то времени появятся новые документы? Архив такая организация, где утверждать что-либо на сто процентов нельзя. До сих пор в архивах находят неизвестные автографы Пушкина. Утверждать, что мы ничего больше не найдем в архиве, я не могу. На сегодняшний день все документы, которые известны, обнародованы. Иногда нас даже критикуют за то, что мы вводим в научный оборот документы, вызывающие дискуссию. Так было в прошлом году, когда у нас вышел сборник документов под названием «Тайны дипломатии Третьего рейха». В этом сборнике мы опубликовали протоколы допросов и показания целого ряда германских дипломатов времен Второй мировой войны, которые оказались на территории Советского Союза, были арестованы и обвинены в совершении военных преступлений. В этом же сборнике были опубликованы два документа из дела Вилли Рёделя, германского дипломата в Румынии, одновременно выполнявшего функции резидента разведки Риббентропа. В опубликованных документах говорилось о том, как Германия готовилась к началу Второй мировой войны, как готовилась к нападению на СССР и как преследовались евреи в Румынии. После публикации этих документов посыпались обвинения в адрес ФСБ: оказывается, есть дело Вилли Рёделя, хотя они утверждали, что этого дела у них нет! Или такого рода: почему опубликовали только два документа, хотя по нумерации

видно, что между ними еще может быть как минимум пятьдесят четыре страницы? А мы опубликовали два документа, потому что, с нашей точки зрения, они наиболее информативны и соответствуют концепции сборника. И все-таки, чтобы закрыть вопрос, связанный с Вилли Рёделем, мы в этом году издали еще одну книгу, которая называется «Оберфюрер СА Вилли Рёдель». В ней собраны все, связанные с Вилли Рёделем, документы, которые имеются в Центральном архиве ФСБ. Чем Вилли Рёдель интересен для исследователей Валленберга? А тем, что он два года находился в одной камере с Раулем Валленбергом. Именно это обстоятельство вызывает у исследователей интерес к его персоне: а вдруг в протоколах допросов Рёдель говорит что-то о Валленберге. К сожалению, должен их разочаровать: ни слова о Рауле Валленберге там нет. И было бы абсурдно, если бы они там оказались: с какой стати следователь, который прекрасно осведомлен, с кем именно сидит Рёдель, вдруг начинает этим интересоваться. «А вот расскажи-ка мне, дружище Вилли Рёдель, с кем это ты в одной камере сидишь?» Он ему: «Сижу я, гражданин следователь, с Раулем Валленбергом» — и начинает подробно рассказывать, кто это такой и как они сидят. Материалы о Вилли Рёделе интересны сами по себе, так как он представлял разведку Риббентропа. Поэтому мы и приняли решение их опубликовать. Книжечка вышла небольшая, но сколько было документов — все они здесь. В предисловии мы об этом говорим, чтобы нас не критиковали: некоторые документы в этой книге схожи по содержанию, но мы, опять же умышленно, не стали их исключать, чтобы не раздались голоса, мол, опять что-то спрятали, по нумерации видно, что документ выпал.

— Значит ли это, что «параллельные» дела все-таки могут пролить свет в деле Рауля Валленберга?

— Конечно. К примеру, «параллельное» дело — так называемое «параллельное» дело — того же Вилли Рёделя. Человек два года просидел в одной камере с Раулем Валленбергом. Хорошо, что мы изучили его и с уверенностью можем сказать: в нем нет ничего, связанного с судьбой Валленберга. А если бы не изучили, сколько бы вопросов возникало... Я бы все-таки изменил не совсем точную формулировку: речь идет не о «параллельных» делах, а скорее об аналогичных, в юриспруденции есть такие понятия, как аналогия права, аналогия уголовного процесса. Мы изучали «параллельные», или аналогичные, дела, чтобы понять логику действий сотрудников МГБ. Изучены многие дела, в том числе Абакумова, так как ему в вину ставилось — и, конечно, обоснованно — все, что связано с Валленбергом. Изучались дела многих руководителей и сотрудников, которые так или иначе касались дела Валленберга. Изучался огромный массив документов, в которых, как мы предполагали, могла бы быть какая-то информация. К сожалению, на сегодняшний день мы до конца не можем ответить на несколько вопросов. Почему

Валленберг содержался длительное время в тюрьмах МГБ – во Внутренней, в Лефортово? Какую цель преследовали органы МГБ, советское руководство, скрывая информацию? И какие вопросы ставили они перед Валленбергом? Ну и, конечно, что же случилось летом 1947 года.

– Правильно ли я понял, что протоколы допросов Рауля Валленберга не сохранились?

– Не сохранилось ни одного протокола допросов. По журналу вызовов на допрос мы видим, что он вызывался не раз, но ни одного протокола допроса не сохранилось. Поэтому-то мы и не знаем, о чем его спрашивали и что он отвечал. Ведь по характеру вопросов можно было бы понять, чего от него хотели.

– Если позволите, несколько наивный вопрос. В прессе сообщалось, что в 1989 году родственникам Валленберга были переданы его личные вещи (в том числе и дипломатический паспорт). Это обычная практика в отношении людей, находившихся под следствием МГБ, или сей факт можно считать неординарным поступком? И чем тогда он был вызван?

– Некоторые документы и личное дело Валленберга в буквальном смысле этого слова свалились на голову архивистам. В преддверии ремонта освобождалось одно из подсобных помещений (оно и сейчас используется как подсобное), разбирались стеллажи, картонные коробки, предназначенные для упаковки архивных дел, бумаги, бланки. И вот на голову нашему сотруднику падает какой-то пакет, раскрывается... Он начинает изучать содержимое, а там — дипломатический паспорт Валленберга, записная книжка, портсигар, деньги, еще какие-то удостоверения личности, изъятые при аресте. События эти происходили в августе 1989 года, а уже в октябре того же года вещи и документы были переданы семье Валленберга. Для тех лет это, разумеется, поступок неординарный. Как мы знаем, закон о реабилитации жертв политических репрессий был принят только в октябре 1991 года. Валленберг еще не был реабилитирован. Могу предположить, что уже к тому времени в КГБ отношении к Раулю Валленбергу стало иным, нежели отношение МГБ в 1945-1947 годах. Сотрудники архива и руководство КГБ, принимавшие решение по этому вопросу, понимали его роль в истории, по достоинству его оценивали, потому передали личные вещи его семье. Кроме того, там же, в этом пакете, была карточка (постановление об аресте) Рауля Валленберга, копия которой тоже была передана семье вместе с копией рапорта начальника санчасти Внутренней тюрьмы МГБ Смольцова. Интересно, что в карточке оказались не заполненными две графы: характер преступления и статья Уголовного кодекса. Следователь внутренней тюрьмы, заполняя карточку 6 февраля 1945 года, просто не знал,

что писать, не знал, каков характер преступления. А статус Валленберга был определен как «военнопленный», хотя это, конечно, тоже вызывает большие вопросы. Как Рауль Валленберг, имевший статус шведского дипломата, мог оказаться военнопленным?

– Одни разведчики становятся героями, о них пишут романы и снимают фильмы, о деятельности других мы ничего никогда не узнаем, причины этого более-менее понятны. Есть ощущение, что Валленберг принадлежит к какой-то третьей категории: широкая публика знает что-то о нем, но этого явно недостаточно, и образ его при этом остается загадочным. Для евреев Валленберг — герой, Праведник мира, спасший тысячи наших соплеменников, поэтому интерес наш к его личности естественен и закономерен. С вашей точки зрения, что это за фигура, кто он прежде всего для вас?

– Периодически мне приходится выступать перед студентами. Темы моих докладов, как и исторические сюжеты, бывают самые разные, но я всегда рассказываю им о Рауле Валленберге, потому что примерно треть из них ничего о нем не слышала, треть — слышала что-то, но не более того, и лишь очень немногие действительно что-то знают об этом человеке. Недавно один из студентов задал мне вопрос, который заставил меня задуматься. «А зачем он это делал?» — спросил он меня. Ему показалось в высшей степени странным, что Рауль Валленберг, представитель влиятельного, богатейшего семейства, спокойно проживающий в своей благополучной Швеции, вдруг решается покинуть ее, едет в Будапешт, который летом 1944 года был оккупирован фашистской Германией. Ведь с самого начала было ясно, что эта поездка — даже с учетом статуса Валленберга, дипломата нейтрального иностранного государства — была делом чрезвычайно рискованным. Не зря же в случае военных действий в той или иной стране мира посольства иностранных государств оптимизируются, сокращаясь до минимума: напрасно рисковать жизнью людей никто не хочет. Во время войны, кроме противоборствующих сторон, есть еще немало тех, кто ведет себя непредсказуемо, совершая разного рода преступления. Как было ответить на вопрос студента, зачем Валленберг это сделал? Но ведь он это сделал, он уехал, причем не простым секретарем, который большую часть времени проводит на территории посольства, а еще и с тайной миссией спасения венгерских евреев. Сегодня называют разное количество людей, которых спас Рауль Валленберг. Я не берусь оценивать эти цифры, скажу только, что если бы Валленберг спас жизнь даже одного человека, это уже заставило бы испытывать к нему уважение. И лично я занимаюсь поисками информации по делу Валленберга не только в силу должностных обязанностей, но еще и потому, что с большим уважением отношусь к этому человеку, и мне было бы крайне интересно ответить на те вопросы, на которые до сих пор ответа не существует.

– Я разговаривал с историками, которые занимались делом Рауля Валленберга. По их мнению, чтобы расставить точки над «i» в этом затянувшимся деле, необходимо сделать, по крайней мере, три вещи. Провести экспертизу чернил рапорта Смольцова (на предмет датировки документа), найти предполагаемое письмо Абакумова Молотову о судьбе Валленберга и получить доступ к делу графа Михаила Толстого-Кутузова. Возможно ли все это осуществить? И окажется ли это решающим в деле Валленберга?

– Должен разочаровать тех историков, которые уверены, что, если мы ответим на три этих вопроса, мы узнаем все о судьбе Валленберга. Начнем хотя бы с того, что рапорт Смольцова исследован и российскими, и шведскими экспертами, и они дают однозначное заключение: дата написания рапорта соответствует периоду времени, в которое он был подан, а именно лету 1947 года. Эксперты, конечно, не могут сказать с точностью до дней, как вы понимаете. На мой взгляд, встает другой вопрос: а насколько объективна информация в рапорте Смольцова? Вот на это как раз мы ответить не можем. Известны мемуары Павла Судоплатова, который пишет о том, что Валленберг умер не своей смертью, ему ввели инъекцию в печально известной лаборатории Майрановского. Но Судоплатов не занимался Валленбергом, он мог об этом знать только с чьих-то слов. Версия Судоплатова имеет право на существование, но мы пока что не можем ни подтвердить, ни опровергнуть ее. У нас нет никаких документов, свидетельствующих об этом. По другой версии, высказанной Александром Яковлевым, ссылавшимся на беседу с председателем КГБ Крючковым, Валленберг был расстрелян летом 1947 года. Я с сомнением отношусь к яковлевской версии, так как в 1947 году в СССР действовал мораторий на смертную казнь и Валленберг не мог быть расстрелян. Я знаю много случаев именно этого периода времени, когда МГБ хотело кого-то расстрелять, но изыскивало другие способы уничтожения человека. И это тоже к тому вопросу, объективна ли информация в рапорте Смольцова, который остается единственным свидетельством о смерти Валленберга. Что касается письма Абакумова Молотову. Конечно, найдись это письмо, ответы на многие вопросы мы бы получили. До сегодняшнего дня все наши попытки найти подобное письмо успехом не увенчались. У меня есть предположение, что оно было уничтожено. Что касается третьего вопроса. В деле Кутузова, я могу сказать это точно, как и в деле Вилли Рёделя, информации о судьбе Рауля Валленберга нет.

– Выходит, версия, будто Валленберга «разрабатывал» Толстой-Кутузов, тоже предположительная?

– Да, она тоже мемуарного характера. Но даже если и предположить, что Толстой-Кутузов «разрабатывал» Валленберга, то из материалов его

дела мы получим информацию ровно до января 1945 года. После января 1945 года, когда Валленберг был задержан, а тем более после 6 февраля, когда находился во внутренней и Лефортовской тюрьме МГБ, Кутузов даже теоретически не мог ничего знать о судьбе Валленберга.

– А может так случиться, что какая-то очень важная информация придет из зарубежных архивов?

– Конечно. В зарубежных архивах о Валленберге документов много. Ряд иностранных исследователей, интересующихся судьбой Валленберга, активно работали в архивах Швеции и США. Эти исследователи дают определенный ответ на вопрос о связи Валленберга с разведкой США, но это, опять-таки, информация до января 1945 года. Если к нам и придет какая-то информация, то она окажется косвенного характера: запросы, обсуждения, попытки выйти на контакт с советской стороной... В нынешнем году была полностью рассекречена шифрованная переписка МИД СССР с посольством СССР в Швеции за период с 1944-го по 1947-й годы. От первого до последнего документа. В этой переписке есть упоминания о Рауле Валленберге, но ничего такого, что пролило бы свет на его судьбу, мы там не найдем. Интересный факт, связанный с числовыми совпадениями, я обнаружил, когда читал эти документы. 15 июля 1947 года в советское посольство в Стокгольме пришла делегация от шведской стороны: четыре человека с очередным письмом, просьбой прояснить судьбу Валленберга. Они хотели встретиться с поверенным в делах. Сотрудник, который их принял, сказал, что поверенного в делах сейчас в миссии нет, и отказался принять письмо. На следующий день, 16 июля эта информация была опубликована практически во всех газетах Швеции. Какое странное совпадение – активность шведской стороны за день до гибели Валленберга... Кстати, со всеми этими документами, которые были недавно рассекречены, ознакомлены представители шведского посольства и шведские исследователи. И это тоже вклад российской стороны в год столетия Валленберга. Вообще, нами сделано немало открытий в его деле. Другой вопрос, что они пока не позволяют существенно продвинуться вперед, но, тем не менее, мы не стоим на месте, мы пытаемся найти ответы на вопросы.

*Интервью подготовил
Афанасий Мамедов*

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ХОЧЕТ РАЗОБРАТЬСЯ. А БОЛЬШИНСТВУ ВСЁ РАВНО...

*Интервью газете «Время новостей»
9 ноября 2009 г. № 220*

Начальник УРАФ ФСБ России выступает в роли «зрителя-рефери» фильмов «Адмирал» и «Исаев». Именно из документов архива его ведомства черпал информацию для эпопеи об Исаеве — Штирлице Юлиан Семенов. И, что не менее важно, опубликованные под его редакцией сборники документов о реальных исторических персонажах, воевавших по разные стороны баррикад, о событиях революции, Гражданской войны и первых годах советской власти (в их числе архивно-следственное дело Колчака), как и авторские публикации, дают возможность узнать ранее недоступную правду. И будоражат воображение.

— Если говорить о фильмах «Адмирал» и «Исаев», в них есть ощущение времени, атмосферы эпохи?

— На мой взгляд, в «Исаеве» ощущения времени гораздо больше, нежели в «Адмирале». «Адмирал» — костюмированная мелодрама, где заняты знаменитые актеры. Но действие крутится вокруг одной, любовной, линии, остальные сюжеты — только фон, причем иногда не слишком хорошо выписанный. А «Исаев» ближе к психологическому триллеру — разветвленный сюжет, сложная интрига и интеллектуальный поединок. И отличный актерский ансамбль, где даже небольшие роли прекрасно сыграны и значимы. В фильме о Колчаке очень мешает современный офисный сленг — чувствуется потребность в консультанте-филологе. Хотя историческая канва в обеих лентах сохраняется, искажений там нет. Но наличие консультантов — историков и военных отнюдь не помешало бы: иногда мелочи режут глаз и могут разрушить в целом созданный образ эпохи. Недостаточно нарядить персонажей в костюмы начала XX века, нужно научить их мыслить и говорить на языке героев того времени, иначе создается ощущение, что русские аристократы и светские дамы как будто сошли со страниц современных глянцевого журналов.

– Оба фильма посвящены одной исторической эпохе, там и там есть герои, носящие фамилии реальных исторических личностей, – Колчак, Блюхер, Семенов, Бокий и т.д. И яркие, вызывающие симпатию персонажи есть и у белых, и у красных. Как вам такой подход?

– Во многих современных фильмах «подача» красных и белых перевернулась с точностью до наоборот – по отношению к кино советского времени. Раньше белых показывали в примитивно негативном виде, теперь на экранах карикатурные злодеи красные. В «Исаеве» этого удалось избежать, может быть, за исключением самого начального эпизода, где колчаковцы попадают к большевикам и их едва не расстреливают. А в целом в этом сериале показано противоборство, в том числе психологическое, равных противников, лишённое упрощений. В обеих лентах красные победили – историческая правда сохранена, как бы к ней ни относились разные слои зрителей.

– Вы видите режиссерские симпатии в обоих этих фильмах или режиссеры дают вам возможность абстрагироваться от их пристрастий?

– В случае с «Адмиралом» это очевидно: Андрей Кравчук полностью и однозначно на стороне Колчака. А в «Исаеве» сложнее: по обе стороны баррикад интересные режиссеру, как мне кажется, люди, там и там есть те, кто режиссеру симпатичен и важен. Сергей Урсуляк сумел держать себя на расстоянии. Это и делает ленту интересной – там нет полярности, так сказать. Нет однозначного плюса и однозначного минуса. Общее же в этих лентах, пожалуй, одно: зритель убеждается, что их главными героями, взгляды которых прямо противоположны, движет чувство патриотизма.

– В фильме «Адмирал» и в фильме «Исаев» ясно, за что и против кого борются белые. А за что борется Исаев? Против чего и кого – ясно. А вот за что?

– Исаев – представитель спецслужбы, и если непонятно, за что он борется, это нормально: иначе его раскроют (*улыбается*). Если говорить серьезно, и белые (ведь белых движений, очень разных по составу и идеологии, было более полутора десятков), и красные, внутри которых тоже были разные течения, боролись за идею. И основная масса воевавших не понимала, за что. Понимала относительно небольшая группа людей, стоявших во главе этих сил. И они руководили – или, если хотите, манипулировали – большинством. Так получилось, что красные оказались или показались более убедительными. У них было больше конкретных обещаний. В «Исаеве» глава белой контрразведки Гиацинтов так и говорит: «Они фабрики рабочим, землю крестьянам обещают, а мы – только идею».

– Исаев искренне говорит Бокию, начальнику специального отдела ВЧК, что в пресс-службе Колчака, куда он был заслан, было много хороших людей. Вы допускаете у разведчика-чекиста того времени такую толерантность или это художественная гипербола?

– Я допускаю. Это профессиональное качество – видеть хороших людей в стане противника. Именно эти хорошие люди могут быть полезны разведчику.

– И в «Исаеве», и в «Адмирале» очень выпукло и внятно показаны те и другие спецслужбы, которые расправляются со своими, ставшими ненужными или негодными сотрудниками, те и другие руководители, которые ведут на закланье свой народ. Как, во имя чего можно работать, сражаться, если свои чужие?

– Достижением великой, как казалось, цели оправдывались средства. Шла борьба не на жизнь, а на смерть.

– В «Исаеве» много аллюзий с «Семнадцатью мгновениями весны». Одна из главных – дуэт-антитеза Исаев–Гиацинтов и Штирлиц–Мюллер. Штирлиц и вербально, и интеллектуально выигрывает у Мюллера, хотя поединок острейший. Вам не кажется, что Исаев зачастую проигрывает Гиацинтову?

– Нет ничего удивительного в том, что Гиацинтов сильнее Исаева. Кто пришел в отечественную разведку и контрразведку после 1917 года? Люди способные, интеллектуальные в большинстве, обязательно идеологически проверенные. Но не имевшие никакого профессионального опыта. Ведь ни одного человека из царских спецслужб в ВЧК не взяли – даже как преподавателей или консультантов. Вот и приходилось чекистам начинать с нуля, учиться в боевых условиях, а ведь профессия-то особенная, с ходу не постигнешь специфики. Потому опытный контрразведчик Гиацинтов вполне реалистичен, он сильнее молодого Исаева, и в том заслуга последнего, что он в конечном итоге не проиграл.

– Это заслуга Юлиана Семенова и Сергея Урсуляка.

– Да, они поняли, что проигрывать нельзя (улыбается).

– Кому проще – Штирлицу или Исаеву?

– Штирлицу. Он действует в условиях другой войны, где абсолютно ясно, кто прав. И, кроме того, у него уже есть опыт.

– Главный выигрыш и он же главный проигрыш «Исаева» в том, что зритель, садясь у экрана, заведомо симпатизировал главному герою,

поскольку был взращен на «Семнадцати мгновениях...». И сравнивал. Вам не мешала эта заданность?

– Я понимал, зачем она. Урсуляку пришлось вести отсчет обратного времени. Музыка, параллелизм сюжетов, всем знакомые фразы из «Семнадцати мгновений...», мимика, пластика – все это было необходимо. Иначе откуда же тот Штирлиц?

– Вы верите, что из этого Исаева получится тот Штирлиц?

– Не очень.

– В последние годы интерес к эпохе Гражданской войны и первых лет советской власти возрос – как у историков, погрузившихся в архивы, так и у литераторов и кинематографистов. Чем это объясняется?

– В период революций 1917 года и Гражданской войны часть народа, как мы уже говорили, приняла сторону красных, часть – белых, многие – ни тех ни других. И представители этих «многих» показаны в «Исаеве»: «Я обещаю, что не буду ни за вас, ни за них», – реплика одного из них. Во время Гражданской войны появилось много неординарных личностей, отношение к которым неоднозначно: Колчак, Деникин, Махно, Буденный, Чапаев. Длительное время большинство документов было недоступно. Архивы в значительной мере открылись, и можно сравнить то, что преподносилось официальной историей, с тем, что было на самом деле. И почувствовать разницу. Разумеется, и интеллигенция, художественная в том числе, хочет разобраться. И наверняка представить свой взгляд на исторические события, о которых рассказывало советское кино.

– Оба центральных государственных канала и два очень разных режиссера, так сказать, занялись Гражданской войной. И в уста своих киногероев вложили важнейшую истину: там и там россияне, сограждане. В «Адмирале» об этом говорит православный священник, отпевающий красных и белых, в «Исаеве» – Блюхер, приказывающий после боя хоронить всех убитых. Такая позиция созвучна, понятна сегодня обществу или это скорее попытка разъяснения художественными средствами?

– Я тоже обратил внимание на этот посыл. Но думаю, до конца никогда не примирятся сторонники разных идеологий, тем более поколения, воспитанные в разных системах. Посмотрите на бурлящие митинговые – и не только – страсти и 4 ноября, и 7-го, и вокруг этих дат. Нетрудно убедиться, что мысль о примирении овладела, мягко говоря, не всеми слоями нашего общества. Хотя «бурлящих» относительно немного. Большинство же «равноудалено» – ему все равно.

*Интервью подготовила
Юлия Кантор*

ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РАССЕКРЕЧЕНО БОЛЕЕ ДВУХ МИЛЛИОНОВ ДОКУМЕНТОВ

*Интервью журналу
«ФСБ: за и против»
2012 г. № 2*

Центральный архив ФСБ России — это богатейшее собрание документов, которое традиционно считается самым закрытым архивом страны. Организация деятельности ЦА ФСБ России, как и в любом другом государственном архиве, в соответствии с законодательством об архивном деле в Российской Федерации базируется на «трех китах»: комплектование, обеспечение сохранности и использование архивных документов. Сотрудники архива постоянно ведут работу с обращениями граждан, научную деятельность, рассекречивают десятки тысяч документов.

— Существует мнение, что ваши архивы — самые закрытые для граждан и в них хранятся дела, которые не станут достоянием общественности ни сейчас, ни в будущем. Действительно ли это так?

— Центральный архив ФСБ России хранит свыше 700 тысяч дел со времени образования ВЧК (декабрь 1917 года) и до сегодняшнего дня. Это нормативные документы (приказы, инструкции и др.) органов безопасности СССР и России, переписка с министерствами, ведомствами и организациями, касающаяся безопасности государства, а также документы и материалы, содержащие сведения о кадровом составе органов Федеральной службы безопасности. Во всех территориальных органах безопасности есть свои архивы с аналогичными фондами. Перечень материалов, подлежащих хранению в ведомственном архиве, определен Законом «О федеральной службе безопасности» (статья 7). В архиве имеются документы временного или постоянного хранения. Мы комплектуем фонды наиболее ценными материалами, отражающими деятельность ведомства. Значительную группу дел ЦА ФСБ России составляют материалы периода Великой Отечественной войны, в частности, о работе в тылу противника оперативных групп и разведывательно-диверсионных отрядов, которые в условиях фашистского оккупационного режима вели борьбу с разведывательными, контрразведывательными и карательными органами противника. Конечно, столь же важны материалы следственных и фильтрационно-проверочных дел

на лиц, побывавших в плену, окружении, угнанных в неволю и др. Это нужно не только для истории, но и для конкретных людей, невинно пострадавших в эти годы. Наши архивисты принимают непосредственное участие в восстановлении прав пострадавших от политических репрессий. Руководствуясь законодательством, органы Федеральной службы безопасности в плановом порядке проводят рассекречивание архивных документов. В первую очередь рассекречиваются материалы секретного делопроизводства и нормативно-распорядительные документы. Помимо планового, рассекречивание может проводиться по запросам юридических и физических лиц, а также с целью реализации научно-исследовательских, издательских проектов, других видов открытого использования. Иными словами, рассекречиваются документы, имеющие научно-историческое значение, дающие необходимый материал для изучения общественно-политических, социально-экономических и других аспектов истории России. Ежегодно Центральная экспертная комиссия ФСБ России предлагает к рассекречиванию в среднем от 60 до 130 тысяч документов. Примерно такое же количество архивных документов в совокупности рассекречивается экспертными комиссиями территориальных органов безопасности. Работа по рассекречиванию началась около 20 лет назад, и за это время рассекречено более двух миллионов документов, отражающих различные стороны работы органов безопасности. Однако все документы рассекречены не будут, поскольку некоторые из них, несмотря на давность создания, содержат сведения, которые в соответствии с российским законодательством составляют государственную тайну. Как и в архиве специальной службы любого другого государства, у нас хранится информация об использовавшихся при проведении негласных оперативно-разыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах; о лицах, внедрившихся в организованные преступные группы или оказывавших содействие органам безопасности на конфиденциальной основе. Все эти сведения составляют государственную тайну. Как и в других, эффективно действующих спецслужбах мира, такие материалы не подлежат рассекречиванию. Никогда.

– Кто и с какими вопросами чаще всего обращается в Управление регистрации и архивных фондов?

– В Управление регистрации и архивных фондов, в структуре которого находится Центральный архив ФСБ России, обращаются историки, журналисты, простые граждане. Мы помогаем в научных исследованиях и съемках документальных фильмов, устанавливаем судьбы репрессированных и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также содействуем в решении различных вопросов, имеющих социально-правовой характер. Рассмотрение обращений граждан занимает особое место в работе ЦА ФСБ России, так как от добросовестности сотрудников за-

висит получение гражданами социальных льгот и компенсаций, право на которые подтверждают выданные архивами оформленные в установленном порядке справки и выписки. Не менее важным также является право граждан знакомиться со сведениями, касающимися их родственников, необоснованно пострадавших в годы политических репрессий. Достаточно часто в Центральном архиве ФСБ России ищут сведения об участии в партизанском движении, об угнанных в Германию для принудительного труда или находившихся в лагерях военнопленных. Много обращений по документам о прохождении службы в органах безопасности для подтверждения трудового стажа или получения государственных наград. В УРАФ поступают запросы из образовательных учреждений и исследовательских институтов в связи с подготовкой научных трудов. Документы архива необходимы соискателям, которые работают над диссертационными исследованиями. ЦА ФСБ России предоставляет разнообразные архивные материалы для съемок документальных фильмов по истории России, в том числе об успешно проведенных разведывательных и контрразведывательных операциях органов безопасности, деятельности разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов и многом другом.

– Какие документы хранятся в Центральном архиве ФСБ России и из каких источников он пополняется?

– Фонды архива постоянно пополняются документами, образующимися в процессе деятельности подразделений органов безопасности, и на сегодняшний день в архиве отложился значительный комплекс материалов по истории России XX века. Основные виды документов можно условно разделить на несколько групп, исходя из их содержания и формы. Самая многочисленная группа – делопроизводственные документы. В их числе – распорядительные документы: законы, указы, постановления, приказы, указания, директивы, циркуляры, распоряжения ВЧК-ФСБ, в которых отражены основные направления деятельности органов безопасности, их структура, задачи и функции. К этой же группе относятся докладные записки, информационные сводки, обзоры, справки, отчеты и другие аналитические документы, подготовленные по заданным темам или в связи с какими-либо событиями и направлявшиеся в высшие инстанции партийной и государственной власти. К другой группе следует отнести массив архивных следственных дел, в котором содержатся документы, являющиеся источником по истории репрессивной политики периода гражданской войны, массового политического террора 1930-х годов и послевоенных лет. В фонде хранятся архивные уголовные дела, предварительное следствие по которым проводилось центральным аппаратом органов государственной безопасности, возбужденные по фактам, содержавшим признаки государственных преступлений, и прекращенные

за истечением срока давности или за отсутствием состава преступления и т.п. В архивных следственных материалах содержатся подробные анкетные данные, сведения о времени, сроках и месте осуждения обвиняемых и их реабилитации. При уголовных делах хранятся и другие материалы, в том числе документы личного происхождения: рукописи, письма, а также личное дело заключенного и сведения о конфискованном имуществе.

– Какие научные исследования и открытия в сфере восстановления исторической справедливости относительно прошлого нашей страны и спецслужб были сделаны сотрудниками Управления?

– Когда мы говорим о научной деятельности и восстановлении исторической справедливости, мы в первую очередь подразумеваем выявление и введение в научный оборот новых, ранее неизвестных или недоступных исследователям архивных документов. Архивный документ – это ценный источник правдивой, объективной информации о нашем прошлом. Введение в научный оборот архивных материалов путем публикации тематических сборников, использования их в монографиях, выступлениях на научных конференциях, экспонирования на историко-документальных выставках и т.д. дает возможность исследователям изучать историю XX века более объективно. Документы из архивов органов безопасности позволяют не только взглянуть по-новому на то или иное событие в истории, но подчас способны в корне перевернуть устоявшиеся представления о, казалось бы, очевидных фактах. В этом смысле архивисты органов безопасности уже проделали значительную работу по публикации материалов, связанных с различными событиями XX века – о внутренней политике СССР предвоенного периода, в том числе политических репрессиях 1930-х годов, Великой Отечественной войне, других войнах и военных конфликтах. За последние годы совместно с учреждениями Российской академии наук, федеральными архивами, образовательными учреждениями подготовлены и опубликованы рассекреченные архивные документы, которые создали значительную часть источниковой базы для полноценного исследования политической истории России XX века. Опубликованы обзоры и сводки о положении в стране, которые готовились отечественными органами безопасности для доклада руководству партии и правительства в период с 1922 по 1934 годы. К настоящему времени уже вышли в свет восемь томов сборника «Совершено секретно. Лубянка – Сталину о положении в стране». Одна из трагических страниц в истории России XX века – политические репрессии. По этой теме опубликовано большое количество документов. Помимо очевидного нравственного значения, эти издания, безусловно, заняли достойное место в отечественной историографии. Особое место в истории нашей страны занимает Великая Отечественная война. Следует отметить, что в советской историографии работа

отечественных органов безопасности в годы войны в связи с закрытостью архивов спецслужб долгое время оставалась недостаточно исследованной. В последнее десятилетие ситуация кардинально изменилась: появилось значительное количество публикаций, посвященных деятельности разведки и контрразведки. Достойное место среди них занимают работы ветеранов органов безопасности. Определенный интерес представляют справочные издания, раскрывающие структуру отечественных органов безопасности и содержащие биографические данные руководителей основных подразделений НКВД-НКГБ-МГБ-МВД СССР. Деятельность органов безопасности в годы войны всесторонне отражена в хранящихся в Центральном архиве ФСБ России документальных материалах. Многие из них в последнее время были рассекречены. В Управлении на плановой основе ведется работа по публикации таких документов. Так, в ближайшее время выйдет в свет уже вторая книга из серии «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.: Исследования, документы, комментарии», посвященная событиям 1942 года. Она подготовлена совместно с Институтом российской истории РАН и Главным архивным управлением города Москвы.

– Чем руководствуются сотрудники Управления при рассекречивании или отказе в рассекречивании архивных материалов?

– Научный и практический интерес к архивным документам органов государственной безопасности с каждым годом возрастает. Все документы, которые ранее имели гриф «секретно» или «совершенно секретно», должны пройти процедуру рассекречивания. Статья 29 Конституции Российской Федерации устанавливает как право граждан на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, так и возможность ограничения по мотиву отнесения информации к государственной тайне. При этом указывается, что перечень сведений, составляющих такую тайну, определяется законом. Но не все материалы можно рассекретить. К рассекречиванию следует подходить взвешенно, дабы не допустить распространения сведений, актуальность засекречивания которых сохраняется. Базовый документ, на котором строится система рассекречивания в государстве в целом, и в ФСБ России в частности, это Закон Российской Федерации «О государственной тайне». В нем определены основания и порядок рассекречивания сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей, а также определен 30-летний срок, по истечении которого сведения подлежат рассекречиванию. Немаловажно и то, что в данном Законе раскрывается понятие «рассекречивание», которое трактуется как снятие ранее введенных ограничений на распространение сведений, составляющих государственную тайну, и на доступ к их носителям. Важнейшим условием рассекречивания является рассмотрение документов экспертами и экспертными комиссиями. Решение о рассекречивании принимает Директор

ФСБ России на основании предложений, подготовленных Центральной экспертной комиссией. В статье 9 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» указано, что «отнесение сведений к государственной тайне осуществляется в соответствии с Перечнем сведений, составляющих государственную тайну, определяемым настоящим Законом, руководителями органов государственной власти в соответствии с Перечнем должностных лиц, наделенных полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне, утверждаемым Президентом Российской Федерации. Указанные лица несут персональную ответственность за принятые ими решения о целесообразности отнесения конкретных сведений к государственной тайне».

Со вступлением в силу указанного Закона институт государственной тайны в Российской Федерации получил необходимую законодательную основу, что способствовало формированию целой системы взаимодополняющих нормативных и правовых документов, в том числе и по вопросам рассекречивания. Одним из определяющих нормативных документов в сфере защиты государственной тайны и наиболее востребованным в ходе рассекречивания архивных документов является «Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне», утверждаемый Указом Президента Российской Федерации. Впервые такой Перечень был введен в действие в 1995 году. Он пересматривается каждые пять лет и разрабатывается в связи с требованиями статьи 9 Закона «О государственной тайне». В работе по рассекречиванию данный Перечень важен также при выделении архивных документов для вынесения на рассекречивание или отказа от рассекречивания. Он также позволяет определить полномочия того или иного ведомства при возникновении вопросов о том, руководитель какого федерального органа вправе принимать решение о рассекречивании определенного документа или массива документов. Публикация Перечня дала возможность практической реализации права граждан, организаций и органов государственной власти на исполнение запросов о рассекречивании сведений.

В архивах органов безопасности хранится значительное количество документов, относящихся к оперативно-розыскной деятельности. Экспертиза таких документов на предмет рассекречивания проводится с учетом требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В работе по рассекречиванию эксперты также руководствуются требованиями Указа Президента Российской Федерации «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека». Указом определено, что рассекречиваются все законодательные акты, решения правительственных, партийных органов и ведомственные акты, служившие основанием для применения массовых репрессий и посягательств на права человека, независимо от времени их издания. Также с этих актов сняты все ограничения на ознакомление и публикацию. К вышеперечисленным норматив-

ным документам можно добавить: Федеральные законы «О Федеральной службе безопасности», «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об архивном деле в Российской Федерации»; Законы Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», «О безопасности». В процессе организации работы по рассекречиванию мы стремимся к строгому соблюдению законности, повышению качества проводимой экспертизы с целью не допустить негативных последствий или нанесения ущерба личности, обществу и государству.

– Можно обозначить проблемы, актуальные сегодня в вопросе реабилитации граждан? Что может послужить причиной отказа в реабилитации?

– Реабилитацией в буквальном смысле мы не занимаемся. Наша задача – найти необходимые материалы и передать их на рассмотрение в органы прокуратуры или в суд. Кроме юридической реабилитации в круг затрагиваемых в обращениях граждан вопросов входит поиск сведений о репрессированных лицах, ознакомление с архивными материалами, предоставление копий документов, возвращение конфискованного имущества, подтверждение нахождения в заключении и ссылке и другие проблемы, касающиеся возможности реализации гражданами гарантированных российским законодательством прав. Пока все лица, подвергшиеся политическим репрессиям, не будут реабилитированы, их родственники не будут восстановлены в гражданских правах, а государственные органы не компенсируют материальный ущерб пострадавшим, работа по реабилитации будет продолжаться. Решение о реабилитации принимают органы прокуратуры или суды. Так, в 2009–2011 годах органами прокуратуры было вынесено более тысячи решений об отказе в реабилитации. Круг лиц, не подлежащих реабилитации, определен положениями Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, где указано, что не подлежат реабилитации лица, обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению несудебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства о совершении преступлений. Не подлежат реабилитации лица, осужденные за тяжкие уголовные преступления (убийства, вооруженные разбой и др.), а также сотрудники правоохранительных органов, причастные к проведению политических репрессий.

– Какими личными качествами, знаниями и навыками должен обладать сотрудник Управления?

– Сотрудником Управления может стать гражданин Российской Федерации, способный по своим личным и деловым качествам, возрасту, образованию и состоянию здоровья выполнять возложенные на него обязанности. К кандидатам на работу в Управление предъявляются достаточно

жесткие требования, что обусловлено наличием доступа к сведениям, составляющим государственную тайну. Поэтому в число сотрудников органов безопасности отбираются люди, которым можно доверять и быть уверенными в их безусловной преданности Отечеству и своей профессии. Кандидат на работу должен соответствовать требованиям по уровню образования, профессиональной подготовки, интеллектуального развития, психологической готовности к прохождению военной службы. Сотрудники архива должны хорошо знать и применять на практике нормы законодательства Российской Федерации в области архивного дела, защиты государственной тайны, реабилитации жертв политических репрессий, рассмотрения обращений граждан. Архивистам необходим высокий уровень знаний по истории России и отечественных органов безопасности, истории государственных учреждений, источниковедению и историографии. Без этих знаний невозможно проведение исследовательской и поисковой работы в архивах. Совокупность этих качеств позволяет архивистам органов безопасности успешно решать стоящие перед ними задачи как служебного, так и научного характера.

*Интервью подготовил
Роман Аршанский*

ТРАГЕДИЯ СТАЛИНИЗМА НЕ ОСОЗНАНА ДО СИХ ПОР

*Интервью газете «Московские новости»
24 января 2012 г., № 203*

– Центральный архив ФСБ России и архивные подразделения управлений ФСБ в регионах в течение многих лет совместно с обществом «Мемориал» участвуют в подготовке Книг памяти, других исследовательских проектах, связанных с публикацией документов по истории сталинизма и имен жертв политических репрессий. Какие новые проекты вы хотели бы инициировать в связи с созданием межведомственной рабочей группы?

– До сих пор нет единой базы данных о количестве репрессированных в сталинское время, звучат разные цифры – от трех до двадцати миллионов. Нет и единой карты массовых захоронений жертв репрессий, лагерей и мест спецпоселений. Потомки репрессированных не знают, где могилы их расстрелянных или умерших в лагерях родственников, на местах захоронений строятся жилые кварталы и развлекательные комплексы. Совершенно необходима общероссийская карта памяти, которой до сей поры нет. Помните, у Ахматовой: «Хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список, и негде узнать». Вот и надо вернуть так нужный людям список – это наш долг, долг потомков, долг памяти.

– По данным соцопросов, проводимых в последнее время, Сталин неизменно занимает второе место в рейтинге популярности политиков прошлого, следуя за Петром Первым. Чем вы объясняете такой феномен?

– Ну, во-первых, это результат существовавшей на протяжении многих лет государственной политики, направленной на замалчивание «неудобных» страниц истории, проще говоря, на незнание собственного прошлого. Несколько поколений выросло на учебниках, где история была в лучшем случае заретуширована, а в худшем – грубо искажена. Обществу трудно расставаться с яркими, увлекательными мифами, трудно признать, что значительная часть успехов советского государства была достигнута

ценой катастрофического количества жертв и неоправданных затрат. И потом, сталинский СССР был сильным государством, его боялись. В глазах людей, воспитанных советским временем, страх – синоним уважения. Опять же превозносимые в советское время успехи социалистического строительства Они были, но какой ценой достигнуты? Кто об этом говорил, кто задумывался? Вот так и родился стойкий миф, сделавший Сталина сверхпопулярным лидером великой державы. На прошлой неделе состоялось первое заседание рабочей группы по подготовке предложений, направленных на реализацию программы увековечения памяти жертв политических репрессий. Распоряжение о ее создании было подписано президентом 27 декабря 2011 года, в состав вошли представители различных министерств, региональных властей, архивных учреждений, общества «Мемориал».

– «Реабилитирующим» Сталина обстоятельством в глазах многих является то, что победа в Великой Отечественной войне была завоевана, когда он стоял во главе государства. Насколько такая точка зрения вам близка?

– В годы войны Сталин сосредоточил всю власть в своих руках: председатель Совета народных комиссаров, генеральный секретарь ЦК ВКП(б), Верховный главнокомандующий, председатель ГКО, нарком обороны – все эти должности занимал он. Решения принимались практически единолично Сталиным, никто не смел ему противоречить. Победа в войне действительно была завоевана, когда он стоял во главе государства. Но какова была цена этой победы? В течение первых нескольких недель войны мы потеряли огромные территории, включая Минск, Киев, Вильнюс, Ригу и Таллин; немцы вплотную подошли к Ленинграду. А осенью уже были под Москвой... За несколько месяцев около двух с половиной миллионов военнослужащих Красной армии попали в плен, а общее число потерь в 1941 году, включая убитых и пропавших без вести, – более трех миллионов. Мы оказались не готовы к войне. СССР располагал образцами новой военной техники, но пользоваться ими не умели.

В результате репрессий 30-х годов квалифицированный командный состав Красной армии разных уровней поредел. Количество командиров, имеющих практический опыт и необходимое образование, резко уменьшилось. Командирами дивизий зачастую назначали людей, которые до этого не командовали даже полком. Только в 1937–1938 годах было репрессировано более 40 тысяч военнослужащих. Репрессии против военных продолжались и перед войной, и после ее начала. Если бы не было 1937 года, то, возможно, не было бы и 1941 года. В первые часы и дни войны руководство страны пребывало в растерянности. Да и в последующем то же. Чрезвычайные меры, в том числе приказ «Ни шагу назад!», когда стали широко использоваться штрафбаты и заградотряды,

– свидетельство растерянности высшего руководства страны. Можно сказать, что в войне один тоталитарный режим победил другой тоталитарный режим. Победа нашего народа в Великой Отечественной, завоеванная такой дорогой ценой, неоспорима, но вот заслуги главы государства в ней никак не «перевешивают» его же катастрофических просчетов, стоивших жизни миллионам людей.

– Попытки десталинизации предпринимаются в нашей стране далеко не впервые, начиная с XX съезда, но каждый раз оказываются не вполне эффективными. Почему?

– О какой десталинизации можно говорить, если Сталин не признан преступником де-юре? Применительно к деяниям сталинского режима часто употребляют термин «преступление», но они юридически так и не квалифицированы. Когда мы говорим о денацификации, то опираемся на вердикт Нюрнбергского трибунала. В случае со сталинизмом у нас нет к этому правовых оснований. Попытки разобраться в сути сталинского режима, дать ему оценку, действительно предпринимались неоднократно, начиная с XX съезда, но, во-первых, они всегда носили характер кампаний, а во-вторых, имели, так сказать, избирательный характер: критиковался сам Сталин, но не подвергалась сомнению сама большевистская система. А в брежневское время и вовсе предпринимались попытки частичной реабилитации Сталина. Советские пропагандисты стремились защитить режим, подвергая критике отдельных лидеров, но не поступаясь главным – престижем власти в целом. В постсоветское время, конечно, ситуация изменилась: появилось огромное количество документальных публикаций, мемуарных свидетельств, художественной литературы. Но планомерной, грамотной работы по осознанию трагедии сталинизма не проделано до сих пор. Кстати, во многом потому, что и в постсоветское время не решались подвергнуть сомнению престиж власти как таковой. Эта боязнь не исчезла и теперь. Ведь и теперь часто слышим, что пора забыть, перевернуть эту страницу нашей истории, нужно больше говорить о героическом. Это категорически недопустимо – нельзя пролистывать страницы книги, не читая, вернее, не вчитываясь в суть. Не бывает хорошей или плохой истории.

– «Интеллигенция хочет разобраться, а большинству все равно», – сказали вы в одном из интервью. Что может сделать рабочая группа, чтобы большинству стало не все равно?

– Не нужно преувеличивать роль рабочей группы, которая создана при президенте Российской Федерации лишь для подготовки предложений, направленных на реализацию программы увековечения памяти жертв политических репрессий. Если мы будем полагаться только на «рабочие

группы», то дорога по увековечению памяти жертв политических репрессий будет очень длительной. При изучении истории XX века, будь то история Гражданской войны, новой экономической политики, коллективизации, «большого террора», Великой Отечественной войны, либо любого другого периода развития нашего общества, необходимо в первую очередь шире использовать архивные документы и на их основе объективно писать научные работы и учебники, ничего не приукрашивая и не выдумывая. Тогда мы сможем оценить «успехи» сталинского строительства.

Может быть, большинству станет не все равно, когда мы будем изучать историю семьи, а через нее и историю страны и помнить о безвинно пострадавших, чтобы не повторять ошибок прошлого.

*Интервью подготовила
Юлия Кантор*

Научное издание

Христофоров
Василий Степанович

ИСТОРИЯ СТРАНЫ
в документах архивов
ФСБ России

Сборник статей и материалов

Редакторы:

*Н.М. Перемышленникова,
Д.Ю. Хохлов*

Корректор:

И.Ю. Бережанская

Оформление, макет
и компьютерная верстка
Н.М. Агаркова

Ответственный за выпуск
Л.Г. Костарева

Подписано в печать 07.13. Формат 60х90/16.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Печ. л. 60.
Тираж 500. Заказ № 050-13.

Издательство
Главного архивного управления города Москвы
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 80

Отпечатано в ООО «АЛЬТАИР»
с оригинал-макета заказчика
(Орехово-Зуевская типография)

